

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

**ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ-XXVIII
(1)**

**INDO-EUROPEAN LINGUISTICS
AND CLASSICAL PHILOLOGY-XXVIII
(1)**

 Институт
Лингвистических
Исследований
Российской академии наук
Санкт-Петербург
2024

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXVIII (1)
/ Гл. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. — 1115 с.
(= Индоевропейское языкознание и классическая филология, 28 (1), 2024).

Indo-European linguistics and classical philology-XXVIII (1) / Edited by
Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS,
2024. — 1115 p.
(= Indo-European linguistics and classical philology, vol. 28 (1), 2024).

ISSN 2306-9015 Indoeuropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ
ISSN 2658-6452 (электронная версия)
DOI: 10.30842/ielcp23069015
DOI: 10.30842/ielcp2306901528

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
д. филол. н. А. А. Алексеев (СПбГУ),
Prof. Dr. V. Blažek (Brno), д. филол. н. Н. А. Бондарко (ИЛИ РАН),
д. истор. н. Н. В. Брагинская (РГГУ),
д. филол. н. А. Ю. Братухин (Пермь, ПГНИУ),
д. филол. н. А. Л. Верлинский (ИЛИ РАН),
к. филол. н. Г. М. Воробьев (Гент)
д. филол. н., член-корр. РАН Н. П. Гринцер (РАНХиГС),
Prof. Dr. H. Eichner (Wien), к. филол. н. П. А. Кочаров (Вюрцбург),
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (ИЛИ РАН, отв. секретарь),
Prof. Dr. D. Petit (Paris), д. истор. н. А. В. Подосинов (МГУ/ИВИ РАН),
д. филол. н. А. Н. Соболев (ИЛИ РАН), д. филол. н. А. И. Солопов (МГУ),
д. филол. н. А. И. Фалилеев (ИЛИ РАН), к. филол. н. А. В. Шацков (ИЛИ РАН)

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при ИЛИ РАН

ISSN 2306-9015 © Коллектив авторов, 2024
ISSN 2658-6452 (электронная версия) © ИЛИ РАН, 2024
DOI: 10.30842/ielcp23069015
DOI: 10.30842/ielcp2306901528

ОГЛАВЛЕНИЕ

АЛЕКСАНДРОВ Б. Е. Указ Мурсила II о статусе царя Каркемиша Пияссилы (СТН 57).....	9
АЛЕКСЕЕВА А. А. Герундий и герундивная конструкция в трактате Цельса «О медицине».....	50
АНАШКИН А. В. (Не)библейские мотивы в <i>Serm.</i> 82 папы Льва I Великого.....	58
АНТОНЕЦ Е. В. Петербургская рукопись Lat. F. XVIII. 12 (РНБ) в рукописной традиции речи Цицерона «В защиту поэта Архия».....	67
БАЛАХОВСКАЯ А. С. «Житие Антония Великого» Афанасия Александрийского как христианская биография.....	81
БЕЛИКОВ А. Е., Ленчиненко М. В., Любжин А. И. М. Н. Муравьев — читатель «Энеиды».....	92
БЕХТЕР А. П., ИЛЬИНА Ю. И. Граффити и дипинти из раскопок Е. И. Леви и А. Н. Карасева. 6. Архаический алфавит... 115	115
БИТНЕР К. А. О семантике одного кумранского варианта (Ис 53:8).....	127
БОГДАНОВ И. В. Сочетание терминов <i>ib</i> и <i>h3ti</i> «сердце» в одном письме эпохи Рамесидов.....	140
БОГДАНОВА О. А., ЗАБУДСКАЯ Я. Л. «Промышление» и пророческий дар Прометея.....	149
БРАГИНСКАЯ Н. В., ШМАИНА-ВЕЛИКАНОВА А. И. «Иосиф и Асенет» и книга Есфири.....	160
БРАТУХИН А. Ю. Оптика Климента Александрийского (свет и цвет глазами доникейского автора).....	190
БРАТУХИНА Л. В. E. Pound. <i>Santo XV</i> : неоплатонический подтекст античного мифа.....	199
ВАСИЛЬЕВ А. В. Сенат и его религиозные прерогативы в повествовании Тита Ливия.....	211
ВАСИЛЬЕВА И. Э., КИСИЛИЕР М. Л. «Их-наш Пушкин»: из истории греческой пушкинианы.....	222
ВЕДЕШКИН М. А. Сенаторы-вероотступники: обращение в язычество в Риме IV в. н. э.....	274
ВЕРЛИНСКИЙ А. Л. Посидоний и Лукреций о возникновении металлургии.....	295
ВЛАСОВА Е. А. Функциональные особенности рубрик в «Книге часов» XIV века <i>Holl. O. v. I 10</i> из Российской национальной библиотеки.....	328
ВОЛОШИНА А. В. Прием метатезы в сочинении Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде».....	334
ВОЛОШИНА О. А., Лин Ли. Влияние индийского письма на происхождение фаньце — древнейшего способа записи произношения китайских слов.....	349
ГАРСИА ЧИПАРРО Х., КИСИЛИЕР М. Л., НОВАКОВСКИ М. О новогреческой диалектной лексикографии и цаконском диалекте: история и перспективы.....	359
ГИМАДЕЕВ И. Р. Слова на <i>-ōs</i> и <i>-og</i> в поэзии Горация.....	383

ГЛАГОЛЕВА А. С. Семантическая эволюция лексемы <i>лишь</i> в истории русского языка.....	391
ГОЛИКОВА М. С. О значении латинской поговорки <i>fides graeca</i>	400
ГОЛОВНИНА Н. Г. Функции библейской цитаты в монашеских текстах Пахомиева круга (IV в.).....	411
ГРИНЦЕР Н. П. Корабль-государство: истоки образа.....	422
ДАВЫДОВ Т. Г. Возникновение придыхательных согласных в латинском языке II–I вв. до н. э. как форма записи глухих плавных и носовых.....	449
ДЖУНКОВА К. Лингвистическая мысль русских православных миссионеров в XIX в.....	473
ДЗИЦКОЙТЫ Ю. А., ФАЛИЛЕЕВ А. И. К истории изучения осет. <i>qʷaz, qæwaz ɣæwanz</i> ‘лань’.....	498
ДОМОСИЛЕЦКАЯ М. В. Виноград в албанской метафорической картине мира: словообразование, фразеология, паремии.....	518
ЕГОРОВА С. К. <i>Res quae in Academiae Thesauris insunt</i> : Латиноязычное описание древностей в I пол. XVIII в.....	537
ЕМЕЛЬЯНОВ В. В. Об анахроничных словах и смыслах в переводах клинописных литературных текстов.....	547
ЕРМОЛАЕВА Е. Л., САЙКИНА Н. В. «Послушай! Вспомни обо мне...» М. Ю. Лермонтова и греческий инскрипт в альбоме В. А. Шеншина 1835 г.....	563
ЖЕЛТОВА Е. В., ЖЕЛТОВ А. Ю. Древнегреческий язык и типология объектной инкорпорации.....	583
ЖУГРА А. В. Метафорическая антитеза в албанском эпосе.....	605
ЗАБУДСКАЯ Я. Л. «Троянский прыжок»: аттическая трагедия и греческая фразеология.....	622
ЗАИКА Н. М. От сочинения к подчинению и обратно: полипредикативные причинные конструкции в индоевропейских языках.....	630
ЗОЛЯН С. О так называемом «определенном артикле» в восточноармянском языке: грамматические ограничения и прагма-семантические функции.....	641
ИБРАГИМОВ И. И. Древнегреческие имплицативные конструкции в типологической перспективе.....	673
ИВАНОВ В. А. Подразумевается ли подменный ритуал в текстах традиции города Таурисы?.....	682
ИЛЮШЕЧКИНА Е. В. К вопросу о топониме Табис в <i>Collectanea Solina</i>	691
КАЗАНСКАЯ М. Н. / KAZANSKAYA M. N. Dorieus' epigram on the renowned Greek wrestler Milo of Croton.....	695
КАЗАНСКЕНЕ В. П. Откуда восходит солнце? К интерпретации <i>Tac. Germ.</i> 45, 1–2.....	717
КАЗАНСКИЙ Н. Н. Причины и следствия в диахронической лингвистике.....	725
КАРГАЛЬЦЕВ А. В. «Страсти святой Марцианы»: литературная и историческая специфика.....	736
КАРЛОВА К. Ф., САФРОНОВ А. В. Убийство Ксеркса в греческих и восточных источниках.....	745

КАСТРИЦИО Е. Д. / CASTRIZIO E. D. Rhegion's first monetary issues in literary sources.....	763
КАСЬЯН А. С. Западнославянские диалектизмы в паннонском славянском: предварительные результаты исследования.....	779
КИРИЛЛОВА М. Н. Decimanus, cardo и история римского межевания	785
КИСИЛИЕР М. Л. О местоименном синтаксисе в диалектах новогреческого языка.....	796
КОМЛЕВ А. Е., КУРИЛИНА Э. В. Как погибла Дидона?	845
КОРМИЛИНА А. А. Порядок слов во вставных предикациях: ablativus absolutus (на материале «Сатирикона» Петрония)	856
КОРСО А. / CORSO A. Le statue da Riace, il torso Valentini e l'Atleta di Stefano nel contesto della nostalgia della temperie dello stile severo per l'età eroica.....	879
КОТОВА А. В. Типология эпических сравнений в «Аргонавтике» Валерия Флакка и «Фиваиде» Стация.....	896
КОШЕВСКАЯ А. Ю. Редукция гласного в позиции <i>vocalis ante vocalem</i> в латинском языке классического периода.....	910
КРУГЛОВА К. В. Дары Елены (<i>Od.</i> 4.130–35) и текстильная терминология микенского времени	918
КУЛИКОВ Л. И. Праи.-е. *h ₃ er-, вед. ṛpóti, iyarti, ṛscháti, др.-гр. ὄρνυμι, ὄρτο, др.-рус. рать, ратьникъ и т. д.: заметки об исходной семантике.....	932
КУРИЛОВА А. Д. Российские риторики XVIII века на латинском языке о свадебных речах.....	949
КУРЫШЕВА М. А. Датировка «древнейшей части» рукописи <i>VnF, Supplément grec 607</i> с античными военными трактатами	955
ЛАРИОНОВ А. В., ЛАРИОНОВА Н. Б. Изобразимость бесплотных сил в трактате «о херувимах» свт. Никифора Константинопольского	964
ЛЕБЕДЕВ А. В. Метафора «книги природы» («алфавита природы») в греческой философии и происхождение философского понятия «элементов» (στοιχεῖα).....	975
ЛИНЬКО А. В. <i>Composita</i> и <i>iuxtaposita</i> в античной топонимии Киликийской равнины: к вопросу о топонимическом континуитете.....	1014
ЛОСКИНА М. А. Выражения эпистемической модальности в письмах Цицерона: неуверенность как стратегия вежливости	1026
ЛЮБЖИН А. И. Реминисценции античной литературы в повестях М. М. Хераскова «Кадм и Гармония» и «Полидор, сын Кадма и Гармонии».....	1042
ЛЮТИКОВА Е. А., СИДЕЛЬЦЕВ А. В. Маркированные и немаркированные неопределенные местоимения в хеттском языке: клитический статус, структурная позиция, интерпретация	1056
САЛАМАТОВА М. В. К вопросу о содержании центральной части пелены с Артемидой IV–VI вв. из Египта из коллекции фонда-музея Абегг-Штифтунг.....	1091
Список авторов первой части тома.....	1111

CONTENTS

ALEXANDROV B. E. The edict of Muršili II concerning the status of the ruler of Karkemiš Piaššili (CTH 57).....	9
ALEKSEEVA A. A. The gerund and the gerundive construction in Celsus' <i>De medicina</i>	50
ANASHKIN A. V. (Non-)biblical typology in the sermon 82 of the Roman Pope Leo the Great on the natal day of the Apostles Peter and Paul	58
ANTONETS E. V. The manuscript Lat. F. XVIII. 12 (NLR) in the manuscript tradition of Cicero's <i>Pro Archia</i>	67
BALAKHOVSKAYA A. S. The <i>Life of St. Anthony the Great</i> by Athanasius of Alexandria as a Christian biography.....	81
BELIKOV A. E., LENCHINENKO M. V., LYUBZHIN A. I. M. N. Muravyov reader of the <i>Aeneid</i>	92
BEKHTER A. P., IL'INA Yu. I. Graffiti and dipinti from the excavations of E. I. Levi and Karasev. 5. Archaic	115
BÜTNER C. von. A note on the Qumran version of Isa 53:8.....	127
BOGDANOV I. V. Combination of the terms <i>jb</i> and <i>h3tj</i> «heart» in a Ramesside letter.....	140
BOGDANOVA O. A., ZABUDSKAYA Y. L. «Foresight» and the prophetic gift of Prometheus.....	149
BRAGINSKAYA N. V., SHMAINA-VELIKANOVA A. I. <i>Joseph and Aseneth</i> and the <i>Book of Esther</i>	160
BRATUKHIN A. Yu. The optics of Clement of Alexandria (light and color through the eyes of an Ante-Nicene author).....	190
BRATUCHINA L. V. Ezra Pound. <i>Canto XV</i> : the neoplatonic subtext of the ancient myth.....	199
VASILYEV A. V. Religious prerogatives of the Roman Senate as described in Livy's story about the persecution of Bacchanalia.....	211
VASILEVA I. E., Kisilier M. L. "Their-our Pushkin": from the history of Greek Pushkin studies.....	222
VEDESHKIN M. A. Apostate senators: Conversion to paganism in fourth-century Rome.....	274
VERLINSKY Alexander. Posidonius and Lucretius on invention of metallurgy.....	295
VLASOVA E. A. . The functions of rubrics in the fourteenth-century book of hours Holl. O. v. I 10 of the National Library of Russia.....	328
VOLOSHINA A. V. Metathesis in Dionysius of Halicarnassus' <i>On Thucydides</i>	334
VOLOSHINA O. A., Ling Li. The influence of Indian writing on the origin of fanqie — the oldest way of recording the pronunciation of Chinese words.....	349
GARCÍA CHIPARRO J., KISILIER M., NOWAKOWSKI M. About Modern Greek dialectal lexicography and Tsakonian dialect: History and prospect.....	359
GIMADEEV E. R. Words in -ōs and -or in the poetry of Horace.....	383
GLAGOLEVA A. S. The semantic evolution of the lexeme <i>лишь</i> in the	

history of the Russian language.....	391
GOLIKOVA M. S. On the meaning of the Latin proverb <i>fides Graeca</i>	400
GOLOVNINA N. G. Biblical quotations in the <i>Pachomiana</i> (4 th cent.) and their functions	411
GRINTSER N. P. The “ship of state” image — the origins of the allegory	422
DAVYDOV T. G. The emergence of aspirates in Latin in 2 nd –1 st centuries BC as an orthographic representation of voiceless liquids and nasals.....	449
DŽUNKOVÁ Katarina. Linguistic thought of Russian Orthodox missionaries in the 19 th century.....	473
DZITSTSOITY Yu., FALILEYEV A. A sketch on the history of analysis of Ossetic <i>qwaz</i> , <i>qæwaz</i> <i>ɣæwanz</i> ‘doe’.....	498
DOMOSILETSKAYA M. V. Grapes in the Albanian metaphorical picture of the world: word formation, phraseology, paremias	518
EGOROVA S. K. <i>Res quae in Academiae Thesauris insunt</i> : Latin descriptions of <i>Kunstkamera</i> antiquities made in the first half of the 18 th century.....	537
EMELIANOV V. V. About different cultural meanings and anachronisms in translations of cuneiform literary texts.....	547
ERMOLAEVA E. L., SAYKINA N. V. M. Yu. Lermontov’s poem “Listen! Remember me...” and the inscription in ancient Greek in V. A. Shenshin’s album of 1835.....	563
ZHELTOVA E. V., A. ZHELTOV Yu. Ancient Greek and typology of object incorporation.....	583
ZHUGRA A. V. Metaphorical antithesis in Albanian epos.....	605
ZABUDSKAYA Y. L. “Troian leap”: Attic tragedy and Greek phraseology.....	622
ZAICA N. M. From coordination to subordination and back again: multiclausal causal constructions in Indo-European languages	630
ZOLYAN, S. On the so-called “definite article” in Eastern Armenian: grammatical constraints and pragma-semantic functions	641
IBRAGIMOV I. I. Ancient Greek circumstantial clauses in typological perspective	673
IVANOV Valerii A. Is the substitute ritual implied in the Tauriša tradition?.....	682
ILYUSHECHKINA E. V. On the problem of the toponym Tabis in Solinus’ <i>Collectanea</i>	691
KAZANSKAYA M. N. Dorieus’ epigram on the renowned Greek wrestler Milo of Croton.....	695
KAZANSKENE V. P. WHERE DOES THE SUN EMERGE FROM THE SEA? ON TACITUS (GERM. 45, 1–2).....	717
KAZANSKY N. N. Causes and consequences in diachronic linguistics	725
KARGALTSEV A. V. <i>The Passion of Saint Marciana</i> : literary and historical specifics.....	736
KARLOVA K. F., Safronov A.V. Assassination of Xerxes in Greek and Near Eastern sources.....	745
CASTRIZIO E. D. Rhegion’s first monetary issues in literary sources....	763
KASSIAN A. S. West Slavic dialectisms in Pannonian Slavic: preliminary results.....	779

KIRILLOVA M. N. Decimanus, cardo and the History of the Roman Land Surveying.....	785
KISILIER M. L. On pronominal syntax in Modern Greek dialects.....	796
KOMLEV A. E., Kurilina E. V. How did Dido perish?.....	845
KORMILINA A. A. Word order in embedded predications: ablativus absolutus (on the basis of “Satyricon” by Petronius).....	856
CORSO A. Le statue da Riace, il torso Valentini e l'Atleta di Stefano nel contesto della nostalgia della temperie dello stile severo per l'età eroica.....	879
KOTOVA A. V. Typology of Epic Similes in Valerius Flaccus' <i>Argonautica</i> and Statius' <i>Thebaid</i>	896
KOSHEVSKAIA Anna Y. Vowel reduction in <i>vocalis ante vocalem</i> position in classical Latin.....	910
KRUGLOVA K. V. The Gifts of Helen (<i>Od.</i> 4.130–35) and Mycenaean textile terminology.....	918
KULIKOV L. I. PIE *h ₃ er-, Ved. ṛnóti, iyarti, ṛcchāti, Gr. ὄρνυμι, ὄρω, Old Russ. рать, ратьникъ etc.: notes on the original meaning.....	932
KURILOVA A. D. Interpretation of irony in Latin handwritten rhetoric books composed in Russia in the 18 th century.....	949
KURYSHEVA M. A. Dating of the “Oldest Part” of the Ms <i>BnF, Supplément grec 607</i> with Ancient Military Treatises.....	955
LARIONOV A. V., LARIONOVA N. B. Portrayality of incorporeal forces in the treatise <i>On Cherubim</i> by st. Nicephorus of Constantinople.....	964
LEBEDEV A. V. The metaphor of ‘book of nature’ (or ‘alphabet of nature’) in the Greek philosophy and the origin of the philosophical concept of ‘elements’ (στοιχεῖα).....	975
LINKO A. V. Composita and juxtaposita in the ancient toponymy of the Cilician Plain: on the question of continuity of ancient Greek toponyms.....	1014
LOSKINA M. A. Expressions of epistemic modality in Cicero's letters: uncertainty as a politeness strategy.....	1026
LYUBZHIN A. I. Reminiscences of ancient literature in the novels of M. M. Kheraskov <i>Cadm and Harmonia</i> and <i>Polydor, son of Cadm and Harmonia</i>	1042
LYUTIKOVA, E. A., SIDELTSEV, A. V. Marked and non-marked indefinite pronouns in Hittite: clitization, structural position, interpretation	1056
SALAMATOVA M. V. On the contents of the central part of a Coptic hanging from Egypt with the image of Artemis (200s-700s AD, Abegg-Stiftung Museum).....	1091
LIST OF AUTHORS	1111

Б. Е. Александров
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. boris_alexandrov@icloud.com

УКАЗ МУРСИЛИ II О СТАТУСЕ ЦАРЯ КАРКЕМИША ПИЯССИЛИ (СТН 57)

Табличка VAT 7420 (КВо 1.28 / СТН 57) содержит текст указа хеттского царя Мурсили II (последняя треть XIV в. до н. э.) о статусе правителя Каркемиша Пияссили / Шарри-Кушуха. Согласно тексту указа, будущие правители Каркемиша наделялись третьим местом в общеимперской иерархии после великого царя Хатти и его престолонаследника. Ученые смогли прийти к такому пониманию указа после обнаружения параллелей в тексте договора со страной Тархунтасса XIII в. до н. э. Сопоставление КВо 1.28 с тархунтасским договором позволило уточнить чтение ключевого места указа, а именно стк. 17–19 на лицевой стороне таблички. Правильным следует признать реконструкцию этого отрывка, предложенную в 1991 году Ф. Пекьоли-Дадди. Также недавно была высказана гипотеза о том, что КВо 1.28 является ученическим упражнением, датируемым второй половиной XIII в. до н. э. Даже если дошедшая до нас табличка действительно является поздней ученической копией, она восходит к оригинальному тексту XIV в. до н. э. и заслуживает доверия как исторический источник. В статье предлагается перевод и развернутый комментарий к КВо 1.28.

Ключевые слова: Хеттское царство, Каркемиш, царские указы, Мурсили II, Пияссили / Шарри-Кушух.

В. Е. Alexandrov
Lomonosov Moscow State University. boris_alexandrov@icloud.com

The edict of Muršili II concerning the status of the ruler of Karkemiš Piyaššili (CTH 57)

The tablet VAT 7420 (KBo 1.28 / CTH 57) contains a text of an edict issued by the Hittite king Mursili II to define the status of Piyaššili / Šarri-Kušuh, the ruler of Karkemiš. According to the edict, the future rulers of Karkemiš were assigned a third rank in the imperial hierarchy after the great king of Hatti and the crown prince. This interpretation of the content of the edict was achieved after a discovery of parallels in the Bronze tablet treaty of the 13th century B.C. between Tudhaliya IV and Kurunta of Tarhuntašša. A comparison with the Tarhuntašša treaty allowed establishing new readings of the key passage of KBo 1.28, namely lines 17–19 of the obverse. The correct reconstruction was proposed by F. Pecchioli Daddi in 1991. Also, recently a hypothesis was advanced

according to which KBo 1.28 represented a school exercise dating back, on paleographic grounds, to the second half of the 13th century B.C. Even if the extant tablet, KBo 1.28, is a late school copy, it should go back to the original text of the 14th century B.C. and therefore can be trusted as a historical source. The article offers a Russian translation of KBo 1.28 and a detailed commentary on it.

Key words: Hittite kingdom, Karkemiš, royal edicts, Muršili II, Piyaššili / Šarri-Kušuh.

Царство Каркемиш со столицей в одноименном городе (совр. Джераблос на турецко-сирийской границе, 36° 49' 28.19" с. ш., 38° 00' 32.40" в. д.) сыграло важную роль в судьбе Ново-хеттской державы: находясь под властью династии, происходившей от хеттского царского дома, Каркемиш управлял в интересах Хаттусы всем сирийским регионом¹. Правовые основы политико-административной роли Каркемиша были заложены в нескольких соглашениях, заключенных с Хеттским царством. Из двух самых ранних таких документов, датируемых XIV в. до н. э., СТН 50 и 57, лучше сохранился второй (KBo 1.28 / СТН 57). Он сообщает о наделении царей Каркемиша особым статусом внутри Хеттского царства: они становились третьими в общеимперской иерархии после великого царя Хатти и его престолонаследника. Этот текст, ранее не становившийся предметом специального рассмотрения в отечественной историографии, заслуживает самого пристального внимания.

Исторический контекст

В ходе Шестилетней, или Второй Сирийской войны (1340-е — 1330-е по средней / 1320-е гг. до н. э. по короткой хронологии²) хеттские войска взяли город Каркемиш в большой излучине Евфрата³. После этого хеттский царь Суппилулиума I (ок. 1380–1336 / 1350–1322 гг. до н. э.) поставил царем этого города и

---

¹ Об истории изучения Джераблоса / Каркемиша и об исторических судьбах этого древнего города см. коллективную монографию Marchetti 2014.

² Далее подобные параллельные даты в двух хронологических системах приводятся через косую черту без дополнительных пояснений.

³ Город был взят за восемь дней, возможно, с использованием кораблей (del Monte 2008: 89, 93, 115).

прилегающего царства своего сына Пияссили, с которым заключил договор (KUB 19.27 / СТН 50)⁴. Несохранившийся оригинал этого договора был выгравирован на золотой табличке, о чем, возможно, сохранилось упоминание в глиняной копии, дошедшей до нас в составе богазкёйского архива (KUB 19.27 лев. кр. 6')⁵. К сожалению, текст копии договора сильно поврежден, можно лишь констатировать, что в нем устанавливались границы царства Каркемиш⁶. До хеттского завоевания Каркемиш находился под властью верхнемесопотамского царства Митанни и, по-видимому, не обладал политической автономией. Во всяком случае, у нас нет данных о царях этого города в митаннийский период. Таким образом, статус Каркемиша после вхождения в Хеттскую державу возрастал. В «Деяниях Суппилулиумы» сообщается, что этот государь сделал Пияссили «царем наособицу» (*n=an ḫanti LUGAL-un iyat*, KBo 14.12 стк. 20), т.е. самостоятельным, отдельным правителем (Ivanov 1977: 175; del Monte 2008: 119). Поскольку город испытал на себе значительное влияние хурритской культуры, и его населе-

---

⁴ Как предполагает Х. Кленгель, возведение Пияссили на трон Каркемиша состоялось в течение года после смерти египетского царя, чья вдова обратилась к Суппилулиуме с просьбой прислать ей в мужья его сына (Klengel 1992: 120–121). Этот известный эпизод дипломатической истории XIV в. до н. э. описан в «Деяниях Суппилулиумы» (del Monte 2008: 112–123). Личность умершего фараона продолжает оставаться предметом споров среди египтологов и хеттологов. В последнее время скорее преобладают голоса в пользу отождествления его с Эхнатом (или, реже, Семнехкара) (Miller 2007a; Devecchi, Miller 2011; Wilhelm 2012 с дальнейшей литературой; ср., однако, Nielsen 2022: 233, где сохраняется прежняя идентификация с Тутанхамом).

⁵ Ср. Singer 2001: 635. По предположению Я. Зигеловой, выбор материала для табличек, на которых записывались оригиналы важных документов и композиций, был подчинен у хеттов символично-иерархическим соображениям: чем важнее было содержание текста, чем выше был статус контрагента хеттского царя, если речь шла о договоре, тем ценнее был металл, из которого изготавливалась табличка (Siegelová 1984: 131). В случае верности этого предположения, перед нами было бы еще одно, косвенное указание на особое, высокое положение Пияссили / Шарри-Кушуха в хеттской общеимперской иерархии конца XIV в. до н. э. Ср., однако, возражения В. Вааль против идеи Я. Зигеловой (Waal 2015: 137).

⁶ См. издание в: Beckman 2019: 32–34.

ние, в особенности, элита, возможно, в большинстве своем принадлежало к хурритам, Пияссили принял тронное хурритское имя Шарри-Кушух (хурр. «Бог Кушух — царь») (Klengel 1965: 72; de Martino 2016: 64). Эта традиция закрепилась в Каркемише, и в дальнейшем все цари, потомки Пияссили, за одним исключением, носили хурритские имена вплоть до распада Хеттской державы (de Martino 2011: 21)⁷. После завоевания Каркемиша Пияссили участвовал в военном походе в Верхнюю Месопотамию с целью посадить на трон Митанни царевича Шаттивазу, сына царя Тушратты, которому противостоял другой представитель митаннийского царского дома, Шуттарна III (del Monte 2008: 131–146). По хетто-митаннийскому договору СТН 51, заключенному с Шаттивазой после победного окончания похода, царь Суппилулиума I передал под власть Каркемиша ряд бывших митаннийских территорий на левом берегу Евфрата (Cohen, Torrecilla 2020).

Суппилулиуму I на хеттском престоле сменил его сын Арнуванда II, правление которого, однако, оказалось недолгим (ок. 1336–1335/1322–1321 гг. до н. э.). После прихода к власти другого сына Суппилулиумы I, Мурсили II (ок. 1335–1307/1321–1295 гг. до н. э.), Пияссили продолжил активную военно-политическую и административную деятельность в Сирии. Во второй год правления нового хеттского царя для Каркемиша возникла угроза со стороны Ассирии: на помощь Пияссили были присланы войска под командованием Нуванцы, однако столкновения с ассирийцами не произошло (Götze 1933: 26–29). В третий год Мурсили II Каркемиш участвовал в военных походах Хеттского царства против стран Арцавы на западе Анатолии (ibid.: 48–49, 52–57). Новая гроза разразилась через четыре года, когда в соседнем с Каркемишем царстве Нухашше вспыхнул антихеттский мятеж. Пияссили, возможно, принял участие в обеих стадиях подавления этого мятежа: сначала путем политической интриги удалось сместить с престола зачинщика восстания царя Тетте⁸, а затем, когда он сумел

---

⁷ Это касается и не учтенного у де Мартино царя Мазы-Кархухи (хурр. «Бог Кархуха помог»), правление которого для конца XIII в. до н. э. сейчас постулируют Й. Коэн и Л. д'Альфонсо (Cohen, d'Alfonso 2021).

⁸ По мнению ряда исследователей, первый мятеж Тетте состоялся еще при жизни Суппилулиумы I (del Monte 1983; Freu 2006: 66).

вернуться к власти, Пияссили пришлось вооруженным путем противостоять мятежникам, на помощь которым пришел также Египет (Вгусе 2005: 199–201). Пияссили мог рассчитывать только на собственные силы, а также на поддержку других сирийских вассалов Хатти. Видимо, к этому моменту относится обращение Пияссили к угаритскому царю Никмадду с требованием выступить против Тетте (RS 17.334) (Lackebacher 2002: 77). Этот эпизод свидетельствует, что на царя Каркемиша были возложены важные функции по организации обороны хеттской Сирии и он пользовался значительной свободой при их реализации. Вклад Пияссили был оценен верховной властью, и чуть позже или, возможно, непосредственно в седьмой год своего царствования Мурсили II санкционировал передачу под власть Каркемиша царства Сиянну, ранее подчинявшегося Угариту (СТН 65) (Lackebacher 2002: 137; d'Alfonso 2011: 167–168)⁹.

Вместе с тем Мурсили II не допускал чрезмерного роста влияния каркемишских царей в Сирии, создавая им противовес в лице других династов. Об этом может свидетельствовать текст КВо 3.3+ (СТН 63). Согласно КВо 3.3+, правитель сирийской страны Амурру Туппи-Тешшуб предъявил претензии сразу нескольким правителям хеттской Сирии, среди них и царю Каркемиша, по поводу увода его населения. Мурсили II принял в споре сторону Амурру и в ультимативной форме запретил забирать у Амурру население, назначив некоего «жреца», вероятно, правителя Халаба Талми-Шарруму посредником в отношениях Амурру с соседями. Дж. Миллер характеризует эту меру Мурсили как стремление пресечь все возможные великодержавные амбиции царя Каркемиша (Miller 2007b: 143). С. де Мартино возражает и считает, что назначение Талми-Шаррумы не связано с сокращением полномочий Каркемиша в Сирии (de Martino 2022: 235). Разнятся и мнения относительно времени составления текста КВо 3.3+. Некоторые специалисты полагают, что данный эпизод относится ко времени после

---

⁹ Это событие произошло уже после смены правителей на угаритском престоле: после верного хеттам Никмадду II к власти в Угарите пришел Архальбу, который проявил нелояльность по отношению к Хатти в период мятежа сирийских вассалов и был вскоре смещен с престола. При следующем царе, Никмепе, были официально утверждены территориальные изменения в пользу Каркемиша.

смерти Пияссили, случившейся в девятый год правления его брата Мурсили II. Вряд ли бы молодой царь смог разговаривать на языке диктата со своим прославленным старшим братом. С учетом этой датировки предлагается и отождествление упоминаемого в тексте «жреца» как Талми-Шаррумы, сына и наследника Телипину. Телипину приходился братом Мурсили II и Пияссили и умер он примерно в одно время с последним. Есть и другая точка зрения, согласно которой судебное решение, зафиксированное в КВо 3.3+, стало прелюдией к смерти Пияссили.

О смерти Пияссили сообщается в «Пространных анналах» Мурсили II под девятым годом. После военных кампаний на севере Анатолийского полуострова хеттский царь прибыл на юго-восток, в страну Киццуватна, для совершения религиозных ритуалов в городе Куманни (Götze 1933: 108–109). Присоединиться к ним был приглашен старший брат Пияссили. Вероятно, у встречи была и политическая повестка, так как незадолго до этого умер другой брат Мурсили II, Телипину, возглавлявший еще одно важное сирийское государство Халаб, а обстановка в Сирии по-прежнему оставалась накаленной (Bruce 2005: 202)¹⁰. Необходимо было принять важные решения о будущем этого региона. Однако во время своего пребывания в Куманни Пияссили неожиданно заболел и умер. Д'Альфонсо выстраивает в одну цепь события, изложенные в КВо 3.3+ и «Анналах», и предполагает, что Мурсили II решил избавиться от своего могущественного брата, единственного потенциального политического противника внутри Хеттского царства. Таким образом, Пияссили не скончался скоропостижно от болезни в Куманни, а был убит там по приказу царя, своего брата (d'Alfonso 2011: 170). Ранее похожую догадку высказывала Ш. Бин-Нун (Bin-Nun 1973: 23, n. 100). В свете этой реконструкции самый набожный, если судить по дошедшим до нас текстам, хеттский царь предстает циничным и хладнокровным братоубийцей.

---

¹⁰ Однако из списка угроз, с которыми столкнулись хетты в Сирии на девятом году царствования Мурсили II, следует вопреки Т. Брайсу исключить Ассирию. Достоверных данных о том, что Ассирия захватила в этот год Каркемиш нет (Miller 2010).

Датировка, жанр, история изучения

Табличка КВо 1.28 (СТН 57), которой посвящена настоящая статья, была найдена в Хаттусе / Богазкёе в ходе раскопок 1907 года. Место ее обнаружения зафиксировано не было. Размеры таблички составляют 7 см x 14⁷ см (Waal 2015: 236). В начале 2010-х годов было проведено исследование большой группы текстов из богазкёйских архивов методом рентгено-флуоресцентного анализа. Цель исследования заключалась в установлении состава и происхождения глины, использованной для создания табличек. Изучение КВо 1.28 вскрыло уникальные особенности материала таблички, которые не позволяют объединить ее с другими группами документов, в частности, со сделанными из глины, однозначно происходящей с территории Хаттусы и ее окрестностей (Goren et al. 2011: 687).

Отсутствие точного провенанса таблички, нестандартное содержание документа, недостаточное знание его исторического контекста приводит к тому, что многие источниковедческие вопросы, связанные изучением КВо 1.28, остаются на данный момент без убедительного ответа. Так, неизвестно, в какой момент своего царствования Мурсили II издал этот указ, адресованный его брату Пияссили. Указ повышал статус правителя Каркемиша, провозглашал его преемников третьими по рангу лицами в государстве после великого царя и его престолонаследника. Естественным *terminus ante quem* для создания указа является девятый год правления Мурсили II, тот год, когда умер Пияссили. Датировка нулевым годом Мурсили, предложенная Э. Форрером, основана на разведении Пияссили и Шарри-Кушуха как самостоятельных персонажей (Forrer 1929: 101–102) и должна быть отведена, так как сейчас установлено, что Шарри-Кушух — это хурритское имя Пияссили (Güterbock 1956: 120–121)¹¹. Х. Кленгель ограничивается общим замечанием, что КВо 1.28 был составлен в первые годы правления Мурсили II (Klengel 1965: 55). Если считать, что КВо 1.28 представлял собой обновление прежнего соглашения между Хатти и Каркемишем, то разумно относить его к самому началу царствования Мурсили II (с первого по третий год).

---

¹¹ Поскольку в «Анналах» Мурсили говорилось только о Шарри-Кушухе, а имя Пияссили не упоминалось, Форрер решил, что карьера последнего в рамках правления Мурсили была очень краткой.

Жанр текста также по-разному оценивался в историографии. Текст записан на глиняной табличке в одну колонку, по формату табличка напоминает письмо (Otten 1956: 181; Bin-Nun 1975: 285). Как указ текст определен в Каталоге хеттских текстов и в ряде переводов (Beckman 1996: 154). Между тем первопроходец изучения КВо 1.28 Э. Форрер считал его договором. Точно так же КВо 1.28 рассматривается в последнем издании (Beckman 2019: 34–36). Стоит отметить, что в тексте (лиц. ст. 9) используется слово *išhiūl* ‘связь, договор’, которым хетты определяли этот тип документов.

Вместе с тем в КВо 1.28 отсутствует ряд элементов, типичных для хеттских вассальных договоров (Devecchi 2015: 31–32): нет исторического пролога, нет обращения к богам как свидетелям договора, отсутствуют и благопожелания тому, кто будет соблюдать условия договора. В связи с этим мы отдаем предпочтение характеристике КВо 1.28 как указа.

На основе анализа внешних особенностей таблички и дуктуса М. Уиден и В. Вааль предположили, что КВо 1.28 — это школьное упражнение, относящееся к более поздней эпохе. Аргументы исследователей сводятся к тому, что табличка сформована несколько небрежно, а текст записан крупными, четкими знаками. Некоторые из диагностических знаков (SAR, KI, DI) относятся к самому позднему варианту хеттской клинописи, IIIc (вторая половина — конец XIII в. до н. э.) (Weeden 2011: 50). В тексте также присутствуют ошибки (Weeden 2012: 246, n. 89; ср. Gordin 2015: 226). В рамках такой интерпретации подпись писца в колофоне рассматривается как подпись ученика, выполнившего экзаменационное задание (Waal 2015: 154, 236). Предположение Уидена и Вааль неизбежно приводит к постановке вопроса о достоверности текста как исторического источника. На наш взгляд, точность исторических деталей, устанавливаемая путем сопоставления с данными других источников, позволяет ответить на него положительно¹².

---

¹² На наш взгляд, если предположить, что перед нами позднее учебное упражнение второй половины XIII в. до н. э., написанное вне всякой связи с оригинальным историческим документом, то ряд особенностей текста станет труднообъяснимым. Например, в тексте приводится вариант царской титулатуры, характерный именно для правления Мурсили II. А в формулу проклятия включены имена богов-покровителей этого царя. Все эти элементы царской идеологии и

Даже если дошедшая до нас табличка является ученическим упражнением, ее текст скорее всего был скопирован с официальной версии (вероятно, не оригинала, а копии), хранившейся в государственных архивах Хаттусы. Наиболее убедительным свидетельством в пользу исторической достоверности КВо 1.28 является его содержательная переключка с договором на Бронзовой таблице, аутентичность которого неоспорима (см. ниже).

Исследователи неоднократно обращались к анализу КВо 1.28, однако у текста есть только два издания с кратким комментарием (Klengel 1965: 53–54; Beckman 2019: 34–36). В остальных публикациях, как правило, обсуждались отдельные отрывки текста или предлагался целый, но некомментированный его перевод¹³. На русский язык, насколько нам известно, КВо 1.28 никогда не переводился. Ниже предлагается транслитерация, перевод и развернутый комментарий к этому тексту.

Транслитерация

Лиц. ст.

- 1 [UM-MA] ^dUTU-ŠI [¹Mur-ši-li]
- 2 [LUGAL GAL] LUGAL KUR [Ha-at-ti]
- 3 [NA-RA-AM] ^dU N[IR.GÁL]
- 4 [DUMU ¹Šu-]up-pi-lu-l[i-u-ma]
- 5 [LUGAL GA]L LUGAL KUR Ha-^rat¹-ti [UR.SAG]

репрезентации были уже неактуальны в предполагаемое время записи ученического упражнения. Безусловно, нельзя исключать, что они были сознательно внесены в искусственно созданный школьный текст ради создания эффекта аутентичности, однако намного более вероятным представляется сценарий, при котором эти черты восходят к реальной исторической традиции времен Мурсили II.

¹³ Укажем основные работы, посвященные КВо 1.28: Forrer 1929: 101 (транслитерация и перевод лиц. ст. 1–20); Otten 1952: 234–235 (об. ст. 2–4); Otten 1956: 181 (лиц. ст. 1–10); Bin-Nun 1973: 20–21 (лиц. ст. 6–19); Bin-Nun 1975: 284 (лиц. ст. 11–19); Gurney 1983: 100–101 (лиц. ст. 6–19); Börker-Klähn 1992: 113–114 (лиц. ст. 6–19); Mora 1993: 69–70 (лиц. ст. 10–19); Yoshida 1996: 42–43 (об. ст. 5–12); Christiansen 2012: 292 (об. ст. 5–12); Lebrun 2014: 272 (лиц. ст. 10–19); Beckman 1999: 169 и d’Alfonso 2005: 61 (полный перевод).

- 6 A-^rNA¹ *Pi-ia-aš-ši-l[i]*
 7 ŠEŠ DU₁₀.GA-IA A¹-NA DUMU¹.M[EŠ-ŠU]
 8 DUMU.MEŠ DUMU.MEŠ¹-ŠU *zi-la-^rti¹-[ia]*
 9 *šal-la-an-ni ki¹-i iš-ḫi-ú-ul*
 10 *i-ia-nu-un {x} ŠA¹Pi-ia-ši-li*
 11 *ku-iš DUMU-ŠU DUMU.DUMU-ŠU*
 12 *na-aš-ma ku-iš ŠA¹Pi-ia-ši-li*
 13 NUMUN-aš I-NA KUR *Kar-ga-miš*
 14 *šal-li pé-e-da-an ti-ia-zi*
 15 *nu A-NA^dUTU-ŠI ku-iš*
 16 ^{lú}*tu¹-uḫ-kán-ti-iš*
 17 [*nu-kán A-N*]A LUGAL KUR *Kar-ga-miš*
 18 [^{lú}*tu-uḫ-kán-t*]i-iš-pát 1-aš
 19 [*šal-li-iš*] ^r*e¹-eš-du*
 20 [...] x

Нижн. кр.

- 21 [...] *da* x ^r*ku¹-iš UN-aš*
 22 [...] ^r*ḫa¹²-[i]š²*
 23 [...]

Об. ст.

- 1 [...] ^r*x¹*
 2 [... *na-an-k]án*
 3 [*A-NA^dUTU-ŠI* ^{giš}ŠÚ.A-az
 4 ^r*le-e¹ pá-r-ki-ia-nu-an-zi*
 5 A-^rWA¹-AT¹ *Ta-ba-ar-na*
 6 LUGAL GAL ŠA *LA-A NA-DÌ-IA-AM*
 7 ŠA *LA-A ŠE-BÉ-E-RI*
 8 *ku-iš-ma-an-kán wa-aḫ-nu-zi*
 9 *na-aš A-NA^dU NIR.GÁL EN-IA*
 10 ^dUTU ^{umu}PÚ-na ^r*GAŠAN¹-IA*
 11 *A-NA DINGIR.MEŠ-ia ḫu-u-ma-an-da-a-aš*
 12 ^{lú}*DI-ŠU e-eš-du*

- 13 ¹*Ta-at-ti-ia* ^{lú}DUB.SAR
 14 *IŠ-TUR*

Перевод

Лиц. ст. [Так говорит] Солнце, [Мурсили, великий царь,] царь страны [Хатти, любимец] Мо[гучего] Бога Грозы, [сын Су]ппилу[иумы, велик]ого [царя], царя страны Хатти, [героя]. / Я заключил этот договор, чтобы возвеличить Пияссили, моего дорогого брата, а в буду[щем — его] сынов[ей] и его внуков. Какой бы сын, внук или потомок Пияссили, ни встал на великое место в стране Каркемиш, только тот, кто будет тухкантисом у Солнца, да будет один [выше по рангу] царя Каркемиша. [...] / Ниж. кр. [...] который человек [...] Об. ст. [(Когда Пияссили / царь Каркемиша или его сыновья будут приходить в Хаттусу¹⁴),] его не должны заставлять вставать перед Солнцем со своего места. Слово Табарны, великого царя, нельзя отбросить, нельзя разбить. Пусть всякий, кто его изменит, станет противником в суде для Могучего Бога Грозы, моего господина, Солнечной богини города Аринна, моей госпожи и для всех богов. / Записал Таттия, писец.

*Комментарий**Лицевая сторона*

(1) О титуле новохеттских царей ^dUTU-ŠI «Мое Солнце» (аккад. ŠAMŠĪ, хетт. *Ištanuš=miš*) см. Fauth 1979; Beckman 2002; Steitler 2017: 431–444 с дальнейшей литературой. Данные о первом его употреблении восходят ко временам Циданты II (сер. XV в. до н. э.) (Beckman 2002: 15). Высказываются разнообразные предположения о происхождении солярных эпитетов ближневосточных правителей, послуживших основой для рассматриваемого хеттского титула: из Северной Месопотамии или Сирии (В. Сазонов), из Египта (через посредничество Сирии среднебронзового времени) (Б. Понгратц-Ляйстен), из Южной Месопотамии (Г. Бекман, К. Фишер) (см. обзор в: Steitler 2017: 432–434).

Традиционное восстановление имени хеттского царя в лакуне — Мурсили¹⁴. Оно основывается на присутствии ниже (лиц. ст. 4) имени Суппилулиумы I, отца Мурсили II, а также на упоминании в сохранившейся части титулатуры Могучего Бога

¹⁴ Э. Ларош относит имя *Muršili* к образованиям на *-ili* без ясной этимологии. Основа могла восходить к неизвестному или еще не отождествленному хаттскому слову (Laroche 1966: 252).

Грозы (лиц. ст. 3), отдельно также упоминаемого в об. ст. 9. Известно, что Могучий Бог Грозы почитался Мурсили II как личное божество-покровитель (Beckman 1999: 154; Christiansen 2012: 291). Именно в честь этого божества Мурсили II назвал своего сына и престолонаследника Муваталли (Singer 1996: 153, п. 338). Орфография имени Мурсили весьма разнообразна (Gonnet 1979: 48–52), выбранный вариант не является единственным, ср. ^m*Mur-ši-DINGIR-LIM* у Г. Бекмана (Beckman 2019: 34). Х. Кленгель указывает, что текст может датироваться только началом правления Мурсили, так как смерть его контрагента, старшего брата Пияссили последовала на девятом году его царствования (Klengel 1965: 55).

Атрибуция документа Арнуванде II, предложенная впервые Э. Форрером (Forrer 1929: 100–101)¹⁵, менее убедительна и на данный момент отвергнута большинством специалистов (Güterbock 1956: 120; ср., однако, CHD (S): 91; Goren et al. 2011: 657). Еще менее вероятной представляется датировка временем Муваталли II (см. ниже), а также атрибуция текста Суппилулиуме I, очевидно, не имеющая никаких эпиграфических и исторических оснований (Weidner 1923: 25, п. 2; Otten 1988: 50; Sørenhagen 1992: 345, п. 12).

(1–5) О вариантах титулатуры Мурсили II в других текстах см. Gonnet 1979: 48–52.

(2) Согласно М. Уидену, который опирается на более ранние наблюдения Х. Г. Гютербока, написания типа KUR ^{URU}*ḪA-AT-TI*, ^{URU}*ḪA-AT-TI* являются аккадографической передачей хеттского топонима *Ḫattušaš* «(город) Хаттуса» (Weeden 2011: 244–248). В рамках такой интерпретации Хеттское царство именовалось самими хеттами страной Хаттусы (*Ḫattušaš utnē*), по аналогии с другими государствами Ближнего Востока того времени (например, аккад. *māt Bābilim*, букв. «страна Вавилона», т. е. Вавилонское царство). В трудах И. С. Якубовича проводится последовательная попытка внедрить это древнее словоупотребление в современный научный язык, основным аргументом при этом служат указание на многонациональный

¹⁵ Вошла в первую версию Каталога хеттских текстов Э. Лароша, поддерживалась рядом исследователей (Goetze 1952: 9 п. 23; Freu, Mazoyer 2008: 19).

характер Хеттской державы и стремление максимально приблизиться к традиции хеттских источников (Yakubovich 2019: 6, п. 2). Отдавая должное научной аргументации перечисленных ученых, мы тем не менее сохраняем традиционный способ транслитерации хоронима KUR (^{URU})*Hatti*, а также его устоявшуюся в отечественном востоковедении передачу («страна Хатти», «Хеттское царство»). Стоит также обратить внимание на отсутствие детерминатива URU («город») в написании хоронима в нашем тексте (лиц. ст. 5).

(3) ^dU N[IR.GÁL], восстановление опирается на текст об. ст. 9. Гетерографический эпитет в составе имени божества, NIR.GÁL, имеет хеттское чтение *muwattalli* ‘могучий, могущественный’ (см., однако, CHD (L-N): 316–317, с переводом ‘внушающий ужас[?], ужасающий[?]’). Согласно М. Попко и П. Тарахе, Могучий Бог Грозы представляет собой ипостась хурритско-анатолийского бога грома Тешшуба, исконно почитавшегося в Халабе и Куманни (Popko 2001; Taracha 2005). Царь Мурсили II сделал его своим личным божеством-покровителем, учредив центр его почитания в городе Катапа (Popko 2001: 153). М. Хуттер, напротив, полагает, что под ^dU NIR.GÁL подразумевался лувийский бог-громовик Тархунт (Hutter 2003: 121).

Считается, что написание имени Бога Грозы с помощью шумерограммы U является заимствованием из сирийской религиозной и письменной традиции, осуществленным в ранне-новохеттский период (Schwemer 2001: 76; Taracha 2009: 84).

(4) Генеалогия включается в титулатуру хеттских царей начиная с потомков Суппилулиумы I. KBo 1.28 является одним из ранних примеров этой традиции (Giorgieri, Mora 1996: 85). Ф. Зоммер и А. Фалькенштейн указывали на значительный размер лакуны в начале строки и считали, что ее нужно было заполнять [DUMU.DUMU], т. е. «внук». Таким образом, автором текста оказывался внук Суппилулиумы I царь Муваталли II (ок. 1306–1382/1295–1272 гг. до н. э.) (Sommer, Falkenstein 1938: 27–28, п. 4). Это восстановление и основанная на нем атрибуция текста не принимаются в современной литературе.

(5) X. Оттен и X. Кленгель читают в лакуне в начале строки [LUGAL GA]L, однако на автографии, а также на фотографии,

размещенной на сайте Майнцского хеттологического портала, следов знака GAL не видно¹⁶. С учетом того, что Оттен и Кленгель коллационировали оригинал (Otten 1956: 181, n. 181; Klengel 1965: 90, n. 23), следует принять их вариант чтения. Кленгель транслитерирует отсутствующий на автографии и на фотографии детерминатив URU перед *Ha-at-ti*. Он же восстанавливается им в лакуне выше, в стк. 2 (Klengel 1965: 53). О титуле «великий царь» в Анатолии II тыс. до н. э. см. Steiner 1998, Houwink ten Cate 2007. По мнению Г. Штайнера, использование титула «великий царь» начинается с правления Хаттусили I (ок. 1650–1620 гг. до н. э.), основанием для чего послужили победы этого правителя над царством Халаба (Ямхад) в Сирии.

Восстановление лакуны в конце строки вслед за Л. д'Альфонсо (d'Alfonso 2005: 61). В основных изданиях наличие скола справа от *Ha-at-ti* не отмечено (Otten 1956: 181; Klengel 1965: 53; Beckman 2019: 34). UR.SAG рассматривается нами как элемент титулатуры Суппилулиумы I, а не Мурсили II. Согласно Х. Гонне, если в царской титулатуре присутствует элемент *NARĀM DN*, «любимый (таким-то богом)», он всегда занимает последнее место (Gonnet 1979: 23). Соответственно, титулатура Мурсили II завершается в стк. 3, а далее следуют титулы его отца. Титул UR.SAG, «герой» (возможные хеттские соответствия — *tarḫuili-* ‘сильный’ и *ḫaštali-* ‘герой’) имеет месопотамские корни, ведущие к старовавилонскому периоду. В Хеттском царстве он впервые засвидетельствован при Суппилулиуме I (ibid.: 25).

(6) Пияссили — сын Суппилулиумы I, старший брат Мурсили II. Известен также под хурритским именем Шарри-Кушух. Именно под этим последним именем он фигурирует в официальной генеалогии каркемишских царей XIII в. до н. э., см. КВо 12.41+ лиц. ст. 1–7 и RS 17.396 лиц. ст. 1–4. Выбор анатолийского имени вместо хурритского в КВо 1.28 мог определяться тем, что этот документ был посвящен общеимперским делам (de Martino 2011: 19, n. 90). Как и в случае с Мурсили, этимология и значение имени Пияссили остаются неясными

---

¹⁶ hethiter.net/: fotarch BoFN01277 (дата обращения: 28.03.2024).

(Laroche 1966: 252). Следует отметить разницу в написании имени по сравнению со стк. 10 и 12.

(7) Э. Форрер приписывал шумерограммам ŠEŠ DU₁₀.GA (досл. «дорогой брат») значение «сводный брат» или «зять», такое отношение связывало, по мнению исследователя, контрагентов КВо 1.28, Арнуванду II и Пияссили, по другим текстам известных как сыновья Суппилиуму I (Forrer 1929: 100). Комментируя это же место, Х.Г. Гютербок допускал, что выражение ŠEŠ DU₁₀.GA означает «единокровный брат» (Güterbock 1944: 400–401). Сейчас такие трактовки скорее не принимаются. Х. Оттен отмечал, что обращение «дорогой брат» было особенно характерно для писцового сообщества Хатти (Otten 1956). Элемент DU₁₀.GA, «дорогой», мог использоваться, чтобы показать отсутствие родственной связи между участниками переписки (Otten 1956: 189; Hagenbuchner 1989: 11; Hoffner 2009: 59). В то же время эпитет ŠEŠ DU₁₀.GA присутствует и в корреспонденции высокопоставленных чиновников.

Большинство специалистов считает, что обращение ŠEŠ DU₁₀.GA в КВо 1.28 является дружественным обращением (*freundliche Anrede*), основанным на действительном родстве двух контрагентов соглашения (Otten 1956: 181; Rost 1956: 348). С точки зрения Ю. Бёркер-Клен, употребляя слова ŠEŠ-IA DU₁₀.GA, вместо обычного ŠEŠ-IA, Мурсили II стремился подчеркнуть, насколько он ценит Пияссили (Börker-Klähn 1992: 114). Такого рода тональность текста, подразумевающая выбор более лестных для адресата эпитетов, могла быть связана с тем, что хеттский царь заключал договор с позиции относительной слабости (Beckman 1999: 169).

(9) *šallanni* — дат.-мест. п. ед. ч. от существительного ср. р. *šallātar*, для которого Чикагский словарь предлагает два значения, ‘величие’ и ‘царствование, правление’ (CHD (S): 91). Второе из них обосновывается только контекстом из КВо 1.28. Также в качестве параллели к *šallanni* приводятся примеры на употребление лувийской лексемы *sà-la-ha-za* в иероглифической надписи TELL AHMAR 1 (§12), отождествляемой с клинописными *šalḫitti-* / *šalḫiyanti-* / *šalḫanti-* и наделяемой значением ‘власть, величие, рост, наследование’ (Hawkins 1980: 148–156; Gurney 1983: 101; Hawkins 2000: 240–241). О. Гёрни, поддержи-

ваемый Д. Хокинзом, полагает, что *šallanni* в КВо 1.28 фактически означает «для наследования» (т.е. договор был заключен для регулирования передачи, наследования власти в Каркемише). На наш взгляд, такие трактовки (включая перевод Чикагского словаря: «Я заключил договор ... для будущего правления Пияссили») не совсем точны, так как смысл документа скорее заключается в возвышении Пияссили, повышении его статуса и статуса его преемников. Именно так переводят слово *šallātar*, например, Г. Бекман (*elevation*) и Л. д'Альфонсо (*innalzamento*). Развивая эту мысль, д'Альфонсо уточняет, что повышение могло заключаться в продвижении из ранга обычного вассального царя в ранг третьего лица в государстве (d'Alfonso 2007: 218; ср. развернутый анализ дальнейшего развития ситуации в d'Alfonso 2011).

(14) Словосочетание *šalli pēda-*, ‘великое место’ выступает как метафора трона, а также царской резиденции (Archi 1966: 79; Nowicki 1981: 267–270; Mora 1993: 69, n. 12), оно могло относиться не только к Хаттусе, но и к удельным царствам (*ibid.*).

В свою очередь выражение *šalli pēdan tiya-*, досл. «встать, ступить на великое место», было термином, обозначающим воцарение, вступление на престол, см. CHD (P): 338 с примерами. В словаре отмечается крайне необычное для глагола *tiya-* управление винительным падежом в рассматриваемом отрывке. Как правило, этот глагол сочетается с дативом-локативом. *Šalli pēdan tiya-* в КВо 1.28 — один из редких примеров, на основе которых для хеттского постулируется так называемый аккумулятив направления, архаичное явление, характерное также для других древних индоевропейских языков (Hoffner, Melchert 2008: 248).

Э. Форрер читал в конце строки *ḫar-zi* вместо *ti-ia-zi* с переводом «кто ... будет занимать (*innehat*) высокое место» (Forrer 1929: 101). Глагол *ḫark-* ‘держатъ’, безусловно, синтаксически лучше подходит для этого предложения, однако с палеографической точки зрения такое чтение просто ошибочно, на что указал Ф. Зоммер (Sommer 1932: 37, n. 2).

(15) В этой строке начинается сложноподчиненное предложение (до стк. 19 включительно), смысл которого является центральным для всего документа. В начале (стк. 15–16) идет отно-

сительное придаточное, которое следует понимать как определенное (*determinate*) (относительному местоимению предшествуют две составляющие, см. Hoffner, Melchert 2008: 425) и переводить: «тот, кто будет тухкантисом».

(16) ^{lu}*tuhkantiš* — ‘престолонаследник’ (краткий обзор предлагавшихся переводов см. в: Tischler 1994: 409). См. об этом слове Bin-Nun 1973, Gurney 1983, Orozco 2017. Э. Форрер, первым обратившийся к анализу термина ^{lu}*tuhkantiš*, предположил на основе «Письма о Тавагалаве», его тождество с аккадским словом *tardennu* ‘главнокомандующий’. В своем издании КВо 1.28 Форрер переводил ^{lu}*tuhkantiš* как *Feldmarschall*. Идея Форрера, что ^{lu}*tuhkantiš* — это хеттское чтение аккадограммы *TARTĒNU*, была оспорена Ф. Зоммером и А. Гётце. Вместе с тем предложить ясную альтернативу им не удалось. Напрашивался тезис, что тухкантис — это престолонаследник. Например, Ф. Зоммер был близок к такому заключению, когда утверждал, что статус тухкантиса всегда имел сын (правящего или предыдущего) царя (Sommer 1932: 37). Тем не менее долгое время анализ не выходил за рамки таких ограниченных наблюдений. Одним из препятствий к отождествлению тухкантиса как престолонаследника служило то, что царевич XIII в. до н. э. по имени Нериккаили появлялся в ранге тухкантиса в документах, которые относились к двум последовательным правлениям, Хаттусили III (ок. 1275–1245/1267–1237 гг. до н. э.) (КВо 4.10+ / СТН 106.П.2, договор с Улми-Тешшубом, царем Тархунтассы) и Тудхалии IV (ок. 1245–1220/1237–1228 гг. до н. э.) (КUB 26.43+ / СТН 225.А, земельное пожалование Сахурунуве): если Нериккаили был престолонаследником при Хаттусили III, то почему он не стал царем после его смерти? На этом фоне Ш. Бин-Нун предложила концепцию, по которой должность тухкантиса в Хеттском царстве была тождественна должности *GAL MEŠEDI* («главный над (царскими) телохранителями»), ее занимал брат царя, предполагавшийся к наследованию трона, если у царя не окажется сына-наследника; иными словами, тухкантис — это предполагаемый, возможный наследник (*heir presumptive*) (Bin-Nun 1973). В его обязанности входило принять на себя бразды правления после смерти царя и обеспечить передачу власти законному наследнику; если же такового не оказывалось, то тухкантис сам проходил коронацию и стано-

вился царем (Bin-Nun 1975: 285–286). Определенную точку в исследовании ранга тухкантиса поставило исследование О. Гёрни, в котором доказывалось, что тухкантис — это полноценный престолонаследник, сын царя, определенный тем в качестве своего преемника на троне (Gurney 1983). Недостающий фрагмент информации появился с обнаружением в 1986 году договора на Бронзовой таблице между Тудхалией IV и царем Тархунтассы Курунтой. В этом договоре, в частности, говорилось, что отец Тудхалии IV, Хаттусили III, назначил, а потом сместил с должности тухкантиса некоего старшего брата Тудхалии, очевидно, Нериккаили¹⁷. Наконец, в 2017 году

¹⁷ При совмещении этих сведений с уже известными фактами становилась возможной следующая реконструкция. Первоначально Хаттусили III готовил к занятию престола своего старшего сына Нериккаили. Последний выступил в роли тухкантиса в некоторых государственных актах своего отца (КВо 4.10+). Затем под давлением обстоятельств и окружения Хаттусили III решил передать трон младшему сыну, Тудхалии, от более позднего брака с царицей Пудухебой. Ранг престолонаследника перешел от Нериккаили к Тудхалии. При этом мы не имеем точных сведений, что Тудхалия стал именно тухкантисом при Хаттусили III. В качестве возможного указания на это могут рассматриваться слова самого Тудхалии IV в договоре на Бронзовой таблице: *maḥḥan=ma ABU=YA ŠEŠ=YA kuin¹⁶ tūḫukantahīti tiyan n=an arḫa tittanut # nu ammuK LUGAL-iznani tittanut* «Когда мой отец сместил моего брата, которого он поставил на должность тухкантиса, и назначил меня к царствованию» (Во 86/299 ii 44–43; Otten 1988: 18–19). Это сообщение вызвало разноречивые толкования в литературе. Как бы то ни было, вступив на престол, новый царь Тудхалия IV переназначил или переутвердил Нериккаили тухкантисом. Причина могла заключаться в том, что у самого правителя еще не было мужского наследника (ср. Hagenbuchner 1992: 120 о том, что на момент воцарения у Тудхалии могли быть только дочери, а сыновья родились поздно), а Нериккаили был опытным и проверенным сановником. Этот этап правления Тудхалии IV оказался запечатлен текстом земельного пожалования Сахурунуве, где, что весьма важно, Тудхалия действовал не в одиночку, а вместе со своей матерью. Это двойное авторство документа указывает на его раннюю датировку в рамках правления Тудхалии IV. По прошествии некоторого времени, когда у Тудхалии IV родились сыновья (будущие цари Арнуванда III и Суппилулиума II), он отстранил Нериккаили от престолонаследия и сделал тухкантисом одного из сыновей. Этот момент правления Тудхалии IV отразился в договоре на Бронзовой таблице: характерно, что в нем, как и в более раннем договоре с Тархунтассой, КВо 4.10+,

вышло исследование А. Плanelьеса Ороско, претендующее на пересмотр общепринятой трактовки тухкантиса как престолонаследника. Проанализировав все релевантные источники, автор пришел к заключению, что должность тухкантиса была экстраординарной: к ней прибегали лишь в особых случаях, когда требовалось укрепить положение династии и гарантировать надежную передачу власти преемнику. Регулярного же института престолонаследника в Хеттском царстве, по сути, не было. Автор обращает внимание на скудость данных о хеттских тухкантисах: фактически, известны лишь три персонажа, которые обладали этим статусом на протяжении всей хеттской истории. Тухкантис выполнял определенные функции соправителя при царе, однако соправителем в строгом смысле не являлся (Planelles Orozco 2017).

Долгое время, еще с публикаций Э. Форрера начала 1920-х годов, слово ^{lu}*tuhkantiš* считалось хаттским (Bin-Nun 1973: 12; Melchert 2003: 20). Аргументами в пользу хаттского происхождения лексемы служило ее использование в хаттских ритуальных текстах, а также вариативность орфографии и фонологической структуры (Rieken 2016: 267). Показав неубедительность всех этих аргументов, Э. Рикен, со своей стороны, предложила возводить ^{lu}*tuhkantiš* к индоевропейскому корню **th₂ew(k)*- ‘разбухать, нарастать, быть сильным’, а само слово считать лувийским заимствованием в хеттский. С морфологи-

---

Нериккаили всё еще числится среди свидетелей, однако уже не занимает в их списке первого места и называется не тухкантисом, а просто царевичем. Отстранение Нериккаили могло быть связано не только и не столько с появлением у Тудхалии IV мужских наследников. Причиной мог стать заговор против царя, участники которого во главе с царевичем Хесни, возможно, ориентировались на Нериккаили как будущего правителя, хотя последний и не был напрямую вовлечен в их планы и действия (Tanı 2001).

Обсуждая судьбу статуса тухкантиса в правление Тудхалии IV, следует также обращать внимание на договор Хаттусили III с правителем Амурру Бентешинной. По этому договору Бентешина брал в жены дочь Хаттусили Гассулиявию: пока в этом браке не родился наследник, Бентешине разрешалось назначить своим преемником (аккад. *šaqqū*, букв. «возвысить») любого своего родича и даже подданного (КВо 1.8 стк. 34–36; Weidner 1923: 130–131). Вероятно, назначая Нериккаили тухкантисом, Тудхалия IV опирался на сходную правовую норму, действовавшую внутри Хеттского царства.

ческой точки зрения *tuhkantiš* представляет собой причастие от указанного корня, претерпевшее такое семантическое развитие: ‘растущий’ > ‘(царский) сын’ > ‘престолонаследник’ (ibid.: 272–274). Предложенная Рикен этимология означает, что основные термины хеттского политического словаря, а именно слова со значением ‘царь’, ‘престолонаследник’, и, возможно, ‘царица’, имеют лувийское происхождение (ibid.: 275).

(17) Э. Форрер восстанавливал в начале строки указательное местоимение *apāš* ‘тот’ [*a-pa-a-aš*]¹⁸ и переводил всё большое предложение в стк. 10–19: «Кто займет великое место в стране Каркемиш в качестве сына, внука Пияссили, или потомка Пияссили, и кто будет главнокомандующим Моего Солнца, [тот самый] да будет в одном лице царем Каркемиша и главнокомандующим» (Forrer 1929: 101; аналогичное чтение стк. 15–19 в: Pecchioli Daddi 1982: 502). Форрер считал, что на момент заключения договора КВо 1.28 Пияссили был одновременно тухкантисом (Feldmarschall) и царем Каркемиша. Соответственно, смысл документа, с точки зрения Форрера, заключался в распространении этого же статуса и на потомство Пияссили.

Ф. Зоммер не соглашался с тем, что Пияссили имел ранг тухкантиса, таковым, с его точки зрения, согласно КВо 1.28, наделялись только будущие преемники этого династа (Sommer 1932: 37). Также Зоммер отверг восстановление Форрера в начале стк. 17, указав, что для *a-pa-a-aš* недостаточно места в лакуне (ibid.: п. 2). Между тем позднее Х. Кленгель допускал возможность чтения [*a-pa-a-aš-š*]a (Klengel 1965: 90, п. 22).

Следующим важным шагом в решении проблемы стк. 17–19, а значит, и в установлении правильного смысла всего документа стало чтение А. Гётце: (15) *nu A-NA dUTU^{ŠT} ku-iš* (16) ^{lu}*tu-uḫ-kán-ti-iš* (17) [*na-aš A-N*]A LUGAL KUR *Kar-ga-miš* (18) [^{lu}*tu-uḫ-kán-t*]i-iš-pít 1-aš (19) [*QA-TAM-MA-pít*?] *e-eš-du* с переводом «Тот, кто тухкантис у Солнца, только он один также да будет [равным образом] тухкантисом и для царя Каркемиша» (Goetze 1952: 54: 9, п. 23). А. Гётце солидаризировался с Ф. Зоммером, отвергавшим равенство между должностью тухкантиса и наследного принца (crown prince), и утверждал,

¹⁸ В позднейшей литературе этому восстановлению следовал Х. Новицкий (Nowicki 1981: 268).

что процитированное установление из КВо 1.28 имеет отношение к особому статусу царства Каркемиш в рамках Хеттской державы: во главе Каркемиша стояли представители младшей линии хеттского царского дома, которые были лишены права на самостоятельную внешнюю политику.

В своем полном издании КВо 1.28 Х. Кленгель присоединился к интерпретации Гётце, приняв его чтение стк. 17–19. Перевод Кленгеля стк. 15–19 выглядел следующим образом: «Кто в качестве сына, внука Пияссили или потомка Пияссили займет “великое место” в Каркемише и кто будет тухкантисом Моего Величества, тот равным образом должен быть единственным тухкантисом для царя страны Каркемиш» (Klengel 1965: 55). Разъясняя далее смысл документа, Кленгель писал, что в КВо 1.28 Мурсила II признавал Пияссили царем Каркемиша и наделял его будущих преемников статусом тухкантиса, суть которого исследователь затруднялся определить точнее: тухкантисом становились те потомки Пияссили, которые не занимали каркемишский престол (*ibid.*: 74)¹⁹. В этом важное отличие от интерпретации Форрера, предполагавшей совмещение статуса царя Каркемиша и тухкантиса. Таким образом, согласно пониманию Кленгеля и, возможно, Гётце, великий хеттский царь обязывался рекрутировать тухкантисов только из царского дома Каркемиша.

III. Бин-Нун заполняла лауну в начале стк. 17 иначе, чем ее предшественники: [DUMU-ŠU *na-aš-ma* NUMU]N LUGAL KUR *Kar-ga-miš* и т. д., «[его сын или потомок]к царя страны Каркемиш» (Bin-Nun 1973: 21; 1975: 284). Также она по-другому членила на предложения предшествующий текст, что позволило ей прийти к такому переводу: «(Тот), кто сын (или) внук Пияссили или кто потомок Пияссили, должен встать на высоком месте в стране Каркемиш; и (тот,) кто тухкантис у Моего Величества, только [сын или потомок]к царя Каркемиша должен быть единственным тухкантисом» (*ibid.*). Бин-Нун предлагает следующую трактовку документа. В начале своего правления Мурсила II был вынужден пойти на беспрецедент-

---

¹⁹ По сути, эту же точку зрения Х. Кленгель повторяет в «Истории Хеттского царства» 1999 года, где пишет, что КВо 1.28 был посвящен признанию Пияссили в качестве царя Каркемиша и тухкантиса (Klengel 1999: 168, п. 131).

ные уступки своему старшему брату с тем, что заручиться его согласием на то, что именно он, Мурсили, займет великоцарский престол Хатти. Суть же уступок младшего брата состояла в том, что в дальнейшем наследование престола в Хаттусе закреплялась за династической линией Пияссили в том случае, если у Мурсили не оказывалось законного сына. (Bin-Nun 1973: 21–22). Как мы отмечали выше, именно такое значение для термина «тухкантис» предполагает Бин-Нун: тухкантис — это предполагаемый наследник, готовый занять престол, если у великого царя не окажется законного преемника.

С такой интерпретацией не согласился О. Гёрни. Для него восстановления Бин-Нун представлялись слишком громоздкими, а итоговый смысл пассажа не совсем ясным. Достичь большей четкости смысла, с точки зрения Гёрни, позволяли другие восстановления лакун. Так, в начале стк. 17 он предлагал читать [*na-aš-za A-N*]A, «и он для», а в стк. 19 — [*še-ik-kán-za*], «признаваемый», причастие от глагола *šakk-/šekk-* ‘знать’²⁰. Его перевод: «Какой бы сын (или) внук Пияссили или какой бы потомок Пияссили ни взошел на великое место, и кто бы тогда ни был наследником Солнца, то этот самый человек [должен признаваться] в качестве наследника [дл]я царя Каркемиша» (аналогичное чтение в: Lebrun 2014: 272). Гёрни сопоставляет КВо 1.28 с декретом Суппилиуумы I о назначении своего сына Телипину правителем-жрецом в Киццуватне (СТН 44) и предлагает свое видение договора с Пияссили исходя из этого сопоставления. Подобно тому, как Суппилиуума I в свое время опасался возможного влияния Телипину на дела в хеттской столице, Мурсили II боялся, что Пияссили использует свой новый статус царя Каркемиша для вмешательства в дела

---

²⁰ Хеттские причастия на *-ant* от переходных глаголов могли иметь как активное, так и пассивное значение (Hoffner, Melchert 2008: 339; о теоретических аспектах этого явления см. Lyutikova, Sideltsev 2023: 203–242). Судя по сохранившимся контекстам, пассивное значение у причастия *šekkant-* — ‘известный’ (CHD (S): 27–28), т. е. оно восходит к базовому значению глагола *šakk-/šekk-* — ‘знать’. Но, видимо, по логике Гёрни, аналогичное пассивное причастие могло быть произведено от *šakk-/šekk-* и в другом его значении, а именно ‘признавать, принимать’ (CHD (S): 29). В этом значении *šakk-/šekk-* употребляется с возвратной частицей *-za*, отсюда необходимость ее восстановления в лакуне в начале стк. 17.

престолонаследия в Хаттусе. Поэтому Мурсили специально прописывает для своего брата обязательство признавать (глагол *šakk-/šekk-* в лакуне в стк. 19) в ранге тухкантиса-престолонаследника того, кого он, Мурсили, сам себе назначит в качестве такового. Все реальные, не символические привилегии Пияссили исчерпываются, по Гёрни, назначением на престол в Каркемише (Gurney 1983: 100–101). Позднее Гёрни повторял мысль о несовпадении должностей тухкантиса и царя Каркемиша, подчеркивая, что последний не мог стать тухкантисом (Gurney 2002: 138).

Развивая идею Гёрни, Ю. Бёркер-Клен предложила читать в начале стк. 17 союз *našma* ‘или’: [*na-aš-ma A-N*]A LUGAL KUR *Kar-ga-miš* (Börker-Klähn 1992: 113–114). Ее перевод отрывка в стк. 10–19 гласил: «Кто бы из сыновей, внуков Пияссили или из потомства Пияссили ни занял бы престол в стране Каркемиш: кто является престолонаследником для Моего Солнца или престолонаследником для царя страны Каркемиш, да будет он признан в качестве единственного!» По мнению исследовательницы, благодаря этой клаузуле на Каркемиш распространялись гарантии преемства политической власти. Верховная власть в Хаттусе отказывалась от вмешательства в дела престолонаследия удельного царства в Сирии, обязуясь уважать и поддерживать выбор, который совершали в этом вопросе каркемишские династы. Недостатком этой реконструкции является отсутствие частицы *-za*, которой требует глагол *šakk-/šekk-* в значении ‘признавать, принимать’.

Следующий, решающий шаг к правильной интерпретации ключевого пассажа в стк. 17–19 был сделан в начале 1990-х годов одновременно тремя исследователями, Ф. Пеккьоли-Дадди, Д. Зюренхагеном и К. Морой. Незадолго до выхода их статей состоялась публикация договора на Бронзовой таблице между Тудхалией IV и царем Тархунтассы Курунтой. Исследователи обратили внимание на отрывок в этом договоре, который, по-видимому, напрямую отсылал к тексту указа КВ0 1.28: *A-NA* ^{gis}*ŠÚ.A-ma-aš-ši RA-BU-UT-TI ŠA* LUGAL KUR ^{uru}*Kar-ga-miš iš-ḫi-ú-ul e-eš-du, A-NA* LUGAL KUR ^{uru} ^d*U-ta-aš-ša-kán 1-aš* ^{la}*tu-u-ḫu-kán-ti-iš šal-li-iš e-eš-du*, «В отношении великого трона да будет для него (Курунты. — Б.А.) договор (подобный) тому, что (заключен) с царем страны Каркемиш: один тухкантис должен быть выше (по рангу) царя Тархун-

тассы» (Во 86/299 ii 79–80; Otten 1988: 18–19). В этом отрывке говорится о статусе царя Тархунтассы Курунты, а под великим тронном подразумевается верховная власть великого царя Хатти, т. е. Тудхалии IV. Ранг Курунты должен быть точно таким же, как ранг царя Каркемиша, что означает, что только тухкантис должен превосходить его по почету и объему полномочий. Логично заключить, что как раз это условие и было прописано в поврежденных спорных стк. 17–19 КВо 1.28. Восстанавливая аналогичную по смыслу фразу в КВо 1.28, можно получить верный смысл всего текста.

Именно в этом русле и предложили свои восстановления Зюренхаген, Мора, а также Пеккьоли-Дадди²¹ Зюренхаген читал в стк. 15–19: (15) *nu ANA* ^DUTU^{ŠT} *kuiš* (16) ^{LJ} *tuhkantiš* (17) [*n=ašta AN*]A LUGAL KUR *Kargamiš* (18) [^{LJ} *tuhkant*]iš=*pat* 1-*aš* (19) [*šalliš*] *ešdu*, с переводом «И (тот,) кто для Его Величества является престолонаследником, да будет единственный именно он, как (упомянутый) престолонаследник, выше царя страны Каркемиш» (Sürenhagen 1992: 345, п. 12). Восстановление [*n=ašta*] (CONN=LOC) в начале стк. 17, с точки зрения исследователя, опирается на параллель в iii 24 того же текста: *n=ašta šer akdu*, «(Если какой-либо потомок Тудхалии встанет на царственность в стране Хатти и что-то станет для него тяжелым, то пусть потомок Курунты, который встанет на царственность в стране Тархунтассы,) умрет ради (этого дела)!» (Во 86/299 iii 21–24; Otten 1988: 22–23).

К. Мора предложила другое чтение начала стк. 17, а ее восстановление стк. 19 совпадало с идеей Зюренхагена: (15) *nu A-NA* ^dUTU-*ŠI* *ku-iš* (16) ^{LJ} *tu-uh-kán-ti-iš* (17) [*na-aš-kán A-N*]A LUGAL KUR *Kar-ga-miš* (18) [^{LJ} *tu-uh-kán-ti-iš-pát*] 1-*aš* (19) [*šal-li-iš*] *e-eš-du*, «(Какой бы сын или внук Пияссили или какой бы потомок Пияссили ни сел на высокое место,) тогда кто бы ни был тухкантисом для Моего Солнца, только он, тухкантис, да будет более велик, чем царь Каркемиша» (Mora 1993: 69–70). Оба перевода обеспечивали наконец правильное понимание всего текста: согласно указу царя Мурсили, правитель Каркеми-

²¹ Если работы Зюренхагена и Мора известны, и на их чтения есть ссылки в статьях других исследователей, то идея Пеккьоли-Дадди прошла практически незамеченной. Между тем, как будет видно далее, именно Пеккьоли-Дадди дала правильный вариант чтения стк. 17.

ша получал исключительный статус в имперской иерархии, а именно третью позицию вслед за великим царем и его наследником-тухкантисом. Безусловной заслугой К. Мора стал развернутый исторический комментарий, прояснявший новое прочтение КВо 1.28.

В своем последнем издании КВо 1.28 Г. Бекман принимает идею Зюренхагена и Мора (ссылаясь только на второго автора), но вносит свое уточнение в транслитерацию стк. 17: [*na-aš-za A-N*]A LUGAL KUR *Kar-ga-miš*, «[и он (**возвр. част.**) дл]я царя страны Каркемиш». Сразу бросается в глаза, что она является повторением чтения О. Гёрни. Бекман никак не объясняет свое решение, но, наш взгляд, оно было продиктовано соображениями экономии места. Как мы видели выше, еще со времен Зоммера, который отвергал реконструкцию Форрера [*a-ra-a-aš*], критиковались слишком длинные восстановления лакуны в начале стк. 17, и исследователи старались сделать их по возможности более краткими. Так, А. Гётце и Х. Кленгель восстанавливали три с половиной знака: [*na-aš A-N*]A. Ш. Бин-Нун почти вдвое увеличила количество знаков в лакуне (почти шесть) ([DUMU-ŠU *na-aš-ma* NUMU]N), за что удостоилась упрека со стороны О. Гёрни, предложившего со своей стороны более экономный вариант в четыре с половиной знака [*na-aš-za A-N*]A. Хотя Д. Зюренхаген не дает транслитерации, а лишь нормализованную транскрипцию, ясно, что его чтение сбитого в стк. 17 материала по количеству знаков совпадало с вариантом Гёрни: [*na-aš-ta A-N*]A. К. Мора специально обосновывает свое заполнение пропуска в начале стк. 17, которое по числу знаков такое же, как у Гёрни, но оказывается более длинным за счет широкого размера знака KÁN, вставшего на место узкого ZA: [*na-aš-kán A-N*]A. Она пишет, что чтение предлога *A-N*]A подтверждено коллацией Кленгеля, но при этом просто вернуться к варианту Кленгеля и Гётце ([*na-aš A-N*]A), с ее точки зрения, нельзя, так как оно слишком короткое. В то же время оставить чтение Гёрни ([*na-aš-za A-N*]A), точнее отвечающее требованиям пространства, также невозможно, так как возвратная частица *-za* связана с глагольной формой *šekkanza* «признаваемый» в лакуне в стк. 19, вместо которой Мора теперь читает прилагательное *šalliš* «большой». Решением оказывается замена частицы *-za* на *-kan*, употребление которой продиктовано аналогией с контекстом из договора на

Бронзовой таблице. Та фраза на базе, которой Зюренхаген и Мора, предложили свое решение проблемы стк. 17–19 КВо 1.28, содержит в договоре с Тархунтассой частицу *-kan*: *A-NA LUGAL KUR* ^{uru} ^d*U-ta-aš-ša-kán*, «для царя Тархунтассы» (Во 86/299 ii 80). В этом плане решение Мора нужно предпочесть решению Зюренхагена, который вместо частицы *-kan* восстанавливал частицу *-ašta*. Вместе с тем, на первый взгляд, абсолютно точное чтение Мора выглядит достаточно громоздким, и, видимо, чувствуя это, Бекман предложил «улучшить» его, заменив крупный знак *KÁN* на компактный *ZA*. Интересы семантической и синтаксической точности были принесены в жертву интуиции эпитафиста. Можно было бы возразить, что использование частицы *-za* возможно и при новом заполнении лакун стк. 17–19 с помощью выражения *šalliš eš-* ‘быть большим’, ведь глагол *eš-* ‘быть’ регулярно сочетается с возвратной частицей *-za*. Однако грамматические правила требуют частицы *-za* только в том случае, если глагол *eš-* стоит в 1 или 2 л. (Hoffner, Melchert 2008: 362–364), в то время как в стк. 19 этот глагол имеет форму 3 л. ед. ч. императива. Уже одно это бросает тень на чтение Бекмана.

Однако, на наш взгляд, есть и другая причина, по которой нужно отвести не только вариант Бекмана, но и вариант Мора как ошибочный: совершенно непонятно, что в восстановлениях *[na-aš-kán A-N]A* и *[na-aš-za A-N]A* делает субъектная клитика 3 л. ед. ч. *-aš* «он», ведь в предложении уже есть подлежащее, выраженное полной именной группой — ^{lu}*tuḫkantiš-pat 1-aš*, «только один тухкантис». Здесь возможны два объяснения: или чтения Мора и Бекмана некритически «унаследовали» эту субъектную клитику из старых реконструкций, в которых она была абсолютно оправдана, так как играла роль подлежащего, а именная группа ^{lu}*tuḫkantiš-pat 1-aš* «только один тухкантис» была не подлежащим, а именной частью сказуемого. Или же исследователи подразумевали наличие в обсуждаемом предложении синтаксической конструкции, известной как *clitic doubling*. Эта конструкция представляет собой редкое явление, и в специальной литературе пока не приведено ни одного примера, затрагивающего субъектные (а не объектные) клитики (Sideltsev 2010; 2011a, b; 2015). Кроме того, постулирование редкой конструкции в утраченной части текста, с нашей точки зрения, является методологически некорректным. Поэтому, на

наш взгляд, вместо всех рассмотренных выше вариантов чтения лакуны в начале стк. 17 следует предпочесть другой, а именно [nu-kán A-N]A, CONN=LOC 'для'. Впервые он был предложен в 1991 году Ф. Пеккьоли-Дадди в небольшом примечании в статье, посвященной другому сюжету, а потому не привлечшей внимания специалистов, занимавшихся КВо 1.28 (Pecchioli Daddi 1991: 34, п. 23). Последовательность *nu-kán* более протяженная, чем *na-aš*, которую К. Мора критиковала у Кленгеля и Гётце как слишком короткую. С семантико-синтаксической точки зрения, использование частицы *-kan* в реконструкции Пеккьоли-Дадди, как и в реконструкции Мора, обосновывается аналогией с предложением в Во 86/299 ii 80.

Закономерно возникает вопрос о смысле предложения, гласящего, что только престолонаследник-тухкантис должен превосходить («быть больше») царя Каркемиша²². Какие конкретные изменения происходили в статусе сирийского династа по КВо 1.28? Подразумевали ли они новые права и полномочия или носили только символический характер? В литературе можно встретить вторую точку зрения: указ КВо 1.28 обеспечивал

---

²² В некоторых описаниях КВо 1.28 иногда утверждается, что указ наделял рангом третьего лица в государстве не только преемников Пияссили, но и самого Пияссили (например, Klengel 2001: 261; de Martino 2022: 235; и ср. точную передачу содержания текста в: Beckman 1999: 167). Строго говоря, такого утверждения в тексте указа нет. Про Пияссили сказано лишь то, что данный договор (*išhiūl*) заключается ради его возвышения. Теоретически нельзя исключать, что уже сама эта фраза подразумевала наделение Пияссили рангом третьего лица и что в дальнейшем тексте (лиц. ст. 17) выражение «царь Каркемиша» описывало всех правителей этого города, будущих и настоящих, т. е. и самого Пияссили. Просто составитель решил опустить его личное имя, чтобы сделать изложение как можно более кратким. Однако отсутствие имени Пияссили в распоряжении о третьем ранге может быть объяснено и иначе: на Пияссили это распоряжение не распространялось. На закономерный вопрос, почему, можно с осторожностью предложить несколько ответов. Пияссили мог получить ранг третьего лица в государстве еще по договору со своим отцом Суппилулиумой I. Также, сугубо гипотетически, можно предположить, что в начале правления у молодого царя Мурсила еще не было престолонаследника-тухкантиса в лице родного сына или что этим тухкантисом временно был сам Пияссили. Последнее нам представляется менее вероятным.

повышение церемониальной роли каркемишских правителей при великоцарском дворе в Хаттусе (Pecchioli Daddi 1991: 34; *Imparati apud Klengel* 1999: 375). Основным аргументом в пользу этой точки зрения служат списки свидетелей в тархунтасских договорах КВо 4.10+ и Во 86/299. В обоих договорах царь Каркемиша является четвертым свидетелем после тухкантиса вместо того, чтобы непосредственно следовать за ним. Видимо, по мнению сторонников идеи о церемониальном характере распоряжений в КВо 1.28, если бы каркемишский династ действительно являлся третьим человеком в государстве, наделенным соответствующим объемом полномочий, то в договорах с Тархунтассой он должен был бы занимать второе место в списке свидетелей, не пропуская вперед никаких других представителей хеттского царского дома.

Не берясь оспаривать очевидные факты и в целом допуская идею, что стк. 15–19 говорят о символическом статусе царей Каркемиша, мы тем не менее хотели бы обратить внимание на активную военно-политическую деятельность Пияссили и его преемников в Сирии. Выше приводился пример об обращении Пияссили к царю Угарита с призывом оказать военную помощь в конфликте против страны Нухашше (RS 17.334). В этом и других внутрисирийских документах царь Каркемиша именовался просто царем, без уточнений, что указывало на его особый, более высокий статус среди всех династов Сирии. Царь Каркемиша также брал на себя решение таких вопросов, которые объективно принадлежали к юрисдикции верховной власти в Хаттусе (например, вопрос о беженцах и военной добыче). Каковы были формальные основания для такого рода действий? Вряд ли Пияссили и его преемники совершали их самочинно, без ведома великого хеттского царя. Значит, им были официально делегированы соответствующие полномочия. На наш взгляд, КВо 1.28 и может являться документом о делегировании таких полномочий. Помимо церемониальных привилегий (право не вставать в присутствии Солнца, возможно, третье место или очередь на торжественных приемах в Хаттусе), цари Каркемиша также получали повышение (*šallātar*) своего статуса по сравнению с другими рядовыми правителями Сирии (ср. предположение Л. д'Альфонсо, упомянутое выше, в комментарии к стк. 9). В практическом плане это

повышение могло означать право отдавать распоряжения последним²³.

Нижний край

(21) Транслитерация Майнцского портала: [...] $da^f-ma^{?1}-i\check{s}$ UN-aš, «другой человек», с вариантом [...] $-da^f-ni^{?1}$ [k]u-iš UN-aš «[...]ому который человек»²⁴. Г. Бекман предлагает чтение $da^f-ma^{?1}-i^{?1}-i\check{s}$ ku-iš UN-aš = *damaīš kuiš antuḥšaš*, «какой-либо другой человек», которое выглядит привлекательным (Beckman 2019: 35). Вместе с тем на автографии между знаками DA и KU виден лишь один знак. На фотографиях же Майнцского портала просматривается только последовательность: [...] $-i\check{s}$ ku-iš UN-aš. Можно также согласиться с утверждением Бекмана, что, согласно этим фотографиям, конец стк. 21 и 22 был записан вертикально на правом крае таблички (ibid.: 36). Это действительно так²⁵.

(22) Г. Бекман видит в конце этой строки [...] $-a^{?1}-x-[i]\check{s}$. Снова отметим, что на автографии видны только два знака (HA и IŠ), а на фотографии только второй из них.

---

²³ См. развернутый анализ дальнейшего развития властных отношений в Сирии в: d'Alfonso 2011. По мнению д'Альфонсо, политическая ситуация прошла в своем развитии три стадии. На первой из них, задокументированной КВо 1.28, Каркемиш приобрел главенствующую военную и политическую роль в Сирии. Однако и другие сирийские династии (Мукиш, Халаб) пытались тогда получить свою долю в управлении регионом. Вторая стадия, наступившая со смертью Пияссили, характеризовалась резким сокращением влияния Каркемиша. Центральная власть в Хаттусе отказалась от посреднической роли Каркемиша и перешла к прямым контактам с отдельными вассальными царствами. На третьей стадии (ок. 1275–1200 гг. до н. э.) Каркемиш возвратил себе былое влияние и активно участвовал в управлении Сирией.

²⁴ Ср. https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/TLHdig/tlh_xtx.php?d=KBo%201.28 (дата обращения 6/04/2024).

²⁵ <https://www.hethport.adwmainz.de/fotarch/mousepic.php?ori=&po=0&si=100&bildnr=BoFN01280&fundnr=VAT%207420&xy=ac66f9ec386640d0c589b469481314bf> (дата обращения 6/04/2024).

Оборотная сторона

(1) Ф. Штарке считает, что количество отсутствующих строк в начале оборотной стороны неизвестно (Starke 1996: 141, п. 5). Х. Кленгель полагает, что сохранилась часть верхнего края оборотной стороны, в связи с чем число строк на ней поддается точному установлению; в конце стк. 1 об. ст. виден фрагмент одного знака (Klengel 1965: 54). Оценку Кленгеля разделяет Г. Бекман (Beckman 2019: 35). Край таблички, действительно, виден на автографии, однако по фотографии судить об этом сложнее. Для справедливо предполагаемой исследователями (d'Alfonso 2005: 61) в этом месте текста фразы о визитах царя Каркемиша в Хаттусу должно было бы быть больше места. Может быть, эта фраза начиналась уже на нижнем крае?²⁶ В отличие от Г. Бекмана коллационировавший табличку Х. Кленгель считает, что на нижнем крае было три, а не две строки (Klengel 1965: 54).

(2) Восстановление строки вслед за Г. Бекманом (Beckman 2019: 35). Вполне возможен и вариант Ф. Штарке с небольшим изменением: [¹*Pi-ia-ši-li-in-ma-k*]án «Пияссили (вин. п.) же» (Starke 1996: 141, п. 5). См. также примеч. 26.

(3) ^{gis}ŠU.A с фонетическим чтением *kešhi-* ‘сидение, стул, трон’ (Archì 1966: 76; Tischler 1983: 590–591; Puhvel 1997: 165–167 с предшествующей литературой).

(4) *lē parkiyanuwanzī* — прохибитивная форма, состоящая из отрицательной частицы *lē* и презенса 3 л. мн. ч. каузативного глагола *parkiyanu-* ‘поднимать, заставлять встать, подняться’ (CHD (P): 160). Впервые правильное значение этого глагола была установлено Х. Оттеном (Otten 1952: 234).

Реконструкция пассажа об аудиенции каркемишских царей в Хаттусе базируется на отрывке из договора с правителем

²⁶ В таком случае сугубо гипотетически можно было бы подумать о следующем восстановлении: ниж. кр. (23)^{об. ст.} (1) [*ma-aḥ-ḥa-an* ¹*pi-ia-ši-li(-iš)*] об. ст. (1/2) [*I-NA KUR* ^(URU)*Ḥa-at-ti*]i (2/3) [*ú-ez-zi na-an-ma-k*]án, «Когда Пияссили придет в Хатти(/Хаттусу), то его (не должны заставлять вставать со стула перед Солнцем)», или ниж. кр. (23)^{об. ст.} (1) [*ma-aḥ-ḥa-an LUGAL KUR Kar-ga-miš DUMU(.MEŠ)-ŠU*] (1/2) [*I-NA KUR* ^(URU)*Ḥa-at-at-ti*]i (2/3) [*ú-ez-zi na-an-ma-k*]án, «Когда царь страны Каркемиш (или) его сын(овья) придет в Хатти(/Хаттусу), то его и т.д.»

страны Кищуватна Шунашшурой (КВо 1.5 i 41–43) (конец XV в. до н. э.), в котором, согласно одной из версий перевода, говорится о том, что во время визитов Шунашшурой в Хаттусу, к хеттскому царю, сановники последнего должны подниматься при появлении этого гостя²⁷. Судя по данному месту КВо 1.28, царю Каркемиша предоставлялась привилегия более высокого порядка: он не должен был приветствовать великого царя вставанием и мог продолжать сидеть в его присутствии. Первым на эту параллель с кищуватнийским договором указал Х. Оттен (Otten 1952: 234–235). Ф. Брайер полагает, что в обоих случаях, и в КВо 1.5 и в КВо 1.28, речь идет о заседаниях совета знати при особе царя (Breyer 2010: 462).

Между тем, согласно Б. Кристиансен, в стк. 2–4 говорится о привилегии царя Каркемиша не вставать со своего трона перед великим царем Хатти (Christiansen 2012: 292). Т. е., очевидно, исследовательница имеет в виду иную, противоположную описанной выше ситуацию, при которой великий хеттский царь оказался с визитом в Каркемише. На наш взгляд, допустить, чтобы правитель Каркемиша у себя на родине не приветствовал гостя такого ранга вставанием, не представляется возможным.

(5) На протяжении XIV в. до н. э. царский титул *Tabarna* выходит из употребления: начиная с правления Тудхалии III (начало XIV в. до н. э.) и вплоть до царствования Муваталли II (начало XIII в. до н. э.), он встречается в царских титулатурах всего лишь однажды, и этот единственный пример — КВо 1.28 (Giorgieri, Mora 1996: 83–84; ср. также Soysal 2005: 189, 208). В XIII в. до н. э. титул переживает новое возрождение. О его происхождении см. Tischler 1988, Puhvel 1989, Yakubovich 2002, Melchert 2003, Soysal 2005 с дальнейшей литературой. Основные гипотезы сводятся к: 1) ономастической, согласно которой *labarna* (вариант *tabarna*) — личное имя неясного происхождения, позднее превратившееся в титул (подобно лат. Caesar); 2) апеллативной, в рамках которой слово рассматривается: а) как имя нарицательное хаттского (Э. Форрер, Х.-З. Шустер, О. Сойсал), б) индоевропейского хеттского (А. Гётце, Я. Пухвел),

²⁷ *ki-me-e a-na ma-ḥar* ^dUTU-ši *il-la-ak*, LÚ.MEŠ GAL.GAL *ša* ^dUTU-ši *iš-tu* ^{gis}ŠÚ.A <*el-lu-ú*> UGU-šu *ma-am-ma, ú-ul uš-ša-ab*, «Когда он (Шунашшурой. — Б.А.) будет приходить к Солнцу, сановники Солнца должны вставать, ради него никто не должен сидеть» (КВо 1.5 i 41–43) (Weidner 1923: 92–95; Starke 1996: 141, n. 5).

в) индоевропейского лувийского (Э. Стёртевант, Ф. Штарке, К. Мелчерт) происхождения, г) как южноанатолийское, восточносредиземноморское *Wanderwort* (И. С. Якубович).

(5–7) Об аккадской заверительной формуле (*Bekräftigungsformel*) *AWĀT Tabarna LUGAL GAL ŠA LĀ NADĪAM ŠA LĀ ŠEBĒRIM*, «Слово Табарны, великого царя, нельзя отбросить, нельзя разбить», см. Rüster, Wilhelm 2012: 36–37. Эта формула начинает использоваться в правовых текстах, прежде всего земельных пожалованиях, в древнехеттский период²⁸. К новохеттскому периоду относятся по меньшей мере три примера ее употребления: в договоре с Халабом (СТН 75 / КВо 1.6 лиц. ст. 6–7), в указе Хаттусили III об освобождении от податей святыни *ḫekur* бога Пирвы (СТН 88 / КВо 6.28 об. ст. 28–27) и в КВо 1.28 (*ibid.*: 37). Обращает на себя внимание архаизирующая орфография этой формулы, с мимацией, в нашем тексте. Как отмечает Г. Вильхельм, убедительного объяснения формы инфинитива *LĀ NADĪAM* не существует (вин. вместо род. п.). По его мнению, возможно, перед нами гиперкоррекция, возникшая на основе перехода */ia/ > /ê/*, хорошо засвидетельствованного в аккадских текстах из Мари, а также из Хаттусы / Богазкёя (*ibid.*: 36). Дело в том, что в других вариантах обсуждаемой формулы использовалась форма *NA-DE-E(-EM)*, и хеттские писцы могли предположить, что конечный долгий *e* возник в ней в результате стяжения гласных *i* и *a*, что в действительности было не так. Затем, опираясь на это предположение, они восстановили «исконную» форму *NA-DĪ-IA-AM*, являвшуюся ошибочной с точки зрения грамматики.

(8) В этой строке начинается формула проклятия. См. ее нормализованную транскрипцию вместе с транскрипцией последующих четырех строк в: Tischler 2010: 193:

<i>kui-š=ma=an=kan</i>	<i>wahnu-zi</i>
кто-NOM.SG.C=CONTR=3SG.ACC.C=LOC	менять-PRS.3SG
«Всякий же, кто его изменит»	

Очевидно, что эта часть формулы является переводом аккадского оборота *ša ušpaḫḫu*, «тот, кто изменит», в котором ис-

²⁸ Как правило, содержит еще один элемент, *AWĀT Tabarna LUGAL GAL ŠA AN.BAR ŠA LĀ NADĪAM ŠA LĀ ŠEBĒRIM*, «Слово Табарны, великого царя, из железа, (его) нельзя отбросить, нельзя разбить».

пользована порода III/II глагола *puḫḫi* ‘менять, обмениваться’ (Weidner 1923: 81, n. 7; CAD (P): 482–483).

(8–12) Б. Кристиансен указывает на то, что в отличие от большинства других формул проклятия в хеттском корпусе, в формуле из КВо 1.28 нарушитель распоряжений царя выступает в роли подлежащего, а не прямого объекта. Также примечательно, что помимо всех богов (DINGIR.MEŠ=*ya ḫūmandāš*) специально названы Могучий Бог Грозы и Солнечная богиня города Аринна как личные божества царя (Christiansen 2012: 292).

(10) ^dUTU ^{uru}RU-na — Солнечная богиня города Аринна, одно из древнейших и важнейших божеств хеттского государственного пантеона (со времен Хаттусили I). Хаттское по происхождению божество (засвидетельствовано в разные эпохи также под именами Вуруншему, Аштан, Аринитти) сочетало в себе одновременно хтонические и астральные аспекты. В качестве верховной богини пантеона Солнечная богиня города Аринна являлась женой Бога Грозы страны Хатти. Впоследствии, в XIII в. до н. э., при царе Муваталли II также считалась супругой Бога Грозы Молнии (*Piḫaššašši*), а при Хаттусили III была отождествлена с хурритской Хебат, паредрой Тешшуба (Haas 1994: 423–426; а также Yoshida 1996; Steitler 2017).

(12) ^{lu}DI-ŠU *e-eš-du* — досл. «пусть будет его человеком суда», подразумевается противник в судебном процессе (М. Уиден, Г. Бекман: ‘legal adversary’; Л. д’Альфонсо: ‘avversario legale’). В близких формулах проклятия из СТН 81 («Апология Хаттусили III») и СТН 88 используется несколько другая гетерограмма — не ^{lu}DI=ŠU, а EN *DĪNĪ=ŠU*, соответствующая хеттскому словосочетанию *ḫannešnaš išḫaš* «истец, противник в суде (досл. «господин судебного дела)», см. HW² (IV/I): 105–106 (Christiansen 2012: 460). Г. Бекман отмечает, что если в классической аккадской формуле проклятия из древнехеттских земельных пожалований нарушителю грозила реальная земная кара (*ša ušraḫḫi qaqqassu inakkisū*, «Тому, кто изменит, отрубят голову»), то в данном случае возмездие ему передается в руки божественного правосудия.

(13) *Tattiya* — имя писца относится к категории Lallnamen и, вероятно, является гипокористикой от имени *Tatta* (Laroche

1966: 181, 239–241; Gordin 2015: 102). О возможном ученическом статусе Таттии см. выше.

* * *

Обращение к такому небольшому и, на первый взгляд, легкому для понимания тексту, как царский указ КВо 1.28 (СТН 57), оказывается весьма поучительным. История изучения КВо 1.28 насчитывает более ста лет, однако большую часть этого времени хеттологи исходили из неверных восстановлений лакун на табличке. Лишь обнаружение параллелей в открытом в 1986 году договоре между Хеттским царством и страной Тархунтасса XIII в. до н. э. позволило правильно прочесть поврежденные места КВо 1.28. Сразу три исследователя обратили внимание на эти параллели, но только одному из них, Ф. Пеккьоли-Дадди, удалось предложить до конца правильное чтение ключевых строк 17–19 на лицевой стороне таблички. Оно остается до сих пор наименее известным и цитируемым. Как выяснилось, помимо сразу, еще в 1920-е годы, понятого положения о возвышении царя Каркемиша Пияссили и его преемников, указ также провозглашал, что потомство Пияссили приобретало третий ранг в хеттской общеимперской иерархии, следующий за великим царем и его престолонаследником-тухкантисом. По прошествии многих десятилетий, во второй половине XIII в. до н. э., аналогичный статус был распространен на правителей удельного царства Тархунтасса. В литературе присутствует мнение, что данная мера носила символический характер. Вместе с тем очевидно, что Пияссили, а впоследствии его преемники, играли активную роль в сирийских делах, претворяя в жизнь политику центральных властей Хеттской державы. Каркемишские цари организовывали военную оборону региона, разрешали споры, возникавшие между отдельными княжествами. Указ КВо 1.28, вероятно, служил правовым основанием для подобных действий правителей Каркемиша. Наконец, высказанная недавно в историографии точка зрения о том, что КВо 1.28 является поздней ученической копией, ставит вопрос о доверии к этому тексту как к историческому источнику. Параллели с другими документами, чья подлинность не подлежит сомнению, точность содержащихся в КВо 1.28 исторических деталей позволяет ответить на этот вопрос положительно.

Сокращения

- ABAW — Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Abteilung
AnSt — Anatolian Studies
AoF — Altorientalische Forschungen
Beih. — Beiheft
Bo — инвентарный номер текстов из Хаттусы / Богазкёя
CAD — Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1956–2010.
CHD — Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1980–
CTH — Catalogue des textes hittites
DBH — Dresdner Beiträge zur Hethitologie
DN — Divine name
HdO — Handbuch der Orientalistik
HW² — Friedrich J., Kammenhuber A. Hethitisches Wörterbuch. Zweite, völlig neubearbeitete Auflage auf der Grundlage der edierten hethitischen Texte. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1975–
IBS — Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft
KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi
MIO — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung
NF — Neue Folge
RHA — Revue hittite et asianique
RS — инвентарный номер текстов из Угарита / Рас-Шамры
SBL WAW — Society of Biblical Literature, Writings from the Ancient World
SMEA — Studi micenei ed egeo-anatolici
StBoT — Studien zu den Boğazköy-Texten
THeth — Texte der Hethiter
VAT — инвентарный номер текстов из Переднеазиатского музея в Берлине

Литература

- Archi, A. 1966: Trono regale et trono divinizzato nell'Anatolia ittita. *SMEA* 1, 76–120.
Beckman, G. 1999: *Hittite Diplomatic Texts*. (SBL WAW, 7). Atlanta: Scholars Press.
Beckman, G. 2002: “My Sun-God”. Reflections of Mesopotamian Conceptions of Kingship among the Hittites. In: A. Panaiano, G. Pettinato (eds.), *Ideologies as Intercultural Phenomena*. (Melammu Symposia, 3). Milan: Università di Bologna; IsIao, 15–21.

- Beckman, G. 2019: Hatti's Treaties with Carchemish. In: N. Bolatti Guzzo, P. Taracha (eds.), "And I Knew Twelve Languages". A Tribute to Massimo Poetto on the Occasion of His 70th Birthday. Warsaw: Agade Bis, 32–42.
- Bin-Nun, Sh. 1973: The Status of GAL MEŠEDI and Tuḫkanti in the Hittite Kingdom. *RHA* 31, 5–25.
- Bin-Nun, Sh. 1975: *The Tawananna in the Hittite Kingdom*. (THeth, 5). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Börker-Klähn, J. 1992: Archäologie und «Apologie». *SMEA* 30, 89–120.
- Breyer, F. 2010. *Ägypten und Anatolien. Politische, kulturelle und sprachliche Kontakte zwischen dem Niltal und Kleinasien im 2. Jahrtausend v. Chr.* (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Denkschriften der Gesamtkademie, 43). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Bryce, T. 2005: *The Kingdom of the Hittites. New Edition*. Oxford: Oxford University Press.
- Christiansen, B. 2012: *Schicksalbestimmende Kommunikation. Sprachliche, gesellschaftliche und religiöse Aspekte hethitischer Fluch-, Segens- und Eidesformeln*. (StBoT, 53). Wiesbaden, Harrassowitz Verlag.
- Cohen, Y., d'Alfonso, L. 2021: Mazi-Karḫuḫa, King of Karkemiš and Hittite Syria at the End of the 13th Century. *Akkadica* 142, 63–77.
- Cohen, Y., Torrecilla, E. 2020: Forging the Empire: The Borders of the Land of Karkemiš According to the Treaty between Šuppiluliuma and Šattiwaza. *Tel Aviv* 47, 193–207.
- d'Alfonso, L. 2005: *Le procedure giudiziarie ittite in Siria (XIII sec. a.C.)*. (Studia Mediterranea, 17). Pavia: Italian University Press.
- d'Alfonso, L. 2007: The Treaty between Talmi-Teššub king of Karkemiš and Šuppiluliuma Great King of Ḫatti. In: D. Groddek, M. Zorman (Hrsg.), *Tabularia Hethaeorum. Hethitologische Beiträge. Silvin Košak zum 65. Geburtstag*. (DBH, 25). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 203–220.
- d'Alfonso, L. 2011: Seeking a Political Space: Thoughts on the Formative Stage of Hittite Administration in Syria. *AoF* 38, 163–176.
- de Martino, S. 2011: *Hurrian Personal Names in the Kingdom of Ḫatti*. (Eothen, 18). Firenze: LoGisma editore.
- de Martino, S. 2016: *Da Kussara a Karkemish, storia del regno ittita*. Firenze: LoGisma editore.
- de Martino, S. 2022: Hatti: From Regional Polity to Empire. In: S. de Martino (ed.), *Handbook Hittite Empire. Power Structures*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 205–270.
- del Monte, G. 1983: Niqmaddu di Ugarit e la rivolta di Tette di Nuḫašše (RS 17.334). *Oriens antiquus* 22, 221–231.
- del Monte, G. 2008: *Le gesta di Suppiluliuma. Translitterazione, traduzione e commento. L'opera storiografica di Mursili II re di Hattusa. Vol. 1*. Pisa: Pisa University Press.
- Devecchi, E. 2015: *Trattati internazionali ittiti*. Brescia: Paideia Editrice.

- Devecchi, E., Miller, J. L. 2011: Hittite-Egyptian Synchronisms and their Consequences for Ancient Near Chronology. In: J. Mynářová (ed.), *Egypt and the Ancient Near East — The Crossroads. Proceedings of an International Conference on the Relations of Egypt and the Near East in the Bronze Age, Prague, September 1–3, 2010*. Prague: Charles University in Prague, Faculty of Arts: 139–176
- Fauth, W. 1979: Sonnengottheit (^dUTU) und ‘Königliche Sonne’ (^dUTU^{Šr}) bei den Hethitern. *Ugarit-Forschungen* 11, 227–263.
- Forrer, E. 1929: *Forschungen*. 1. Bd. 2. Hft. Berlin: Selbstverlag.
- Freu, J. 2006: *Histoire politique du royaume d’Ugarit*. Paris: L’Harmattan.
- Freu, J., Mazoyer, M. 2008: *L’apogée du Nouvel empire hittite. Les Hittites et leur histoire*. Paris: L’Harmattan.
- Giorgieri, M., Mora C. 1996: *Aspetti della regalità ittita nel XIII secolo a.C.* (Biblioteca di Athenaeum, 32). Como: Edizioni New Press.
- Götze, A. 1933: *Die Annalen des Muršiliš*. (Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft, 38). Leipzig: J. C. Hinrich’sche Buchhandlung.
- Goetze, A. 1952: Hittite Courtiers and Their Titles. *RHA* 12, 1–14.
- Gonnet, H. 1979: La titulature royale hittite au IIe millénaire avant J.-C. *Hethitica* 3, 3–108.
- Gordin, Sh. 2015: *Hittite Scribal Circles. Scholarly Tradition and Writing Habits*. (StBoT, 59). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Goren, Y., Mommsen, H., Klinger, J., 2011: Non-destructive Provenance Study of Cuneiform Tablets Using Portable X-ray Fluorescence (pXRF). *Journal of Archaeological Science* 38, 684–696.
- Gurney, O. R. 1983: The Hittite Title *Tuhkanti*. *AnSt* 33, 97–101.
- Gurney, O. R. 2002: The Authorship of the Tawagalawas Letter. In: P. Taracha (ed.), *Silva Anatolica. Anatolian Studies Presented to Maciej Popko on the Occasion of His 65th Birthday*. Warsaw: Agade, 133–141.
- Güterbock, H.G. 1944: Ein hethitischer Brief aus Maṣat bei Zile. *Ankara Üniversitesi Dergisi* 2/3, 399–405.
- Güterbock, H.G. 1956: The Deeds of Suppiluliuma as Told by His Son, Mursili II. *Journal of Cuneiform Studies* 10, 107–130.
- Haas, V. 1994: *Geschichte der hethitischen Religion*. (HdO, I/15). Leiden; New York; Köln: Brill.
- Hagenbuchner, A. 1989: *Die Korrespondenz der Hethiter. I. Teil: Die Briefe unter ihren kulturellen, sprachlichen und thematischen Gesichtspunkten*. (THeth, 15). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Hagenbuchner, A. 1992: War der ^{LU}*tuhkanti* Neriqqaili ein Sohn Ḫattušilis III.? *SMEA* 29, 111–126.
- Hawkins, J. D. 1980: The “Autobiography of Ariyahinas’s Son”: An Edition of Hieroglyphic Luwian Stelae *TELL AHMAR 1* and *ALEPPO 2*. *AnSt* 30, 139–156.
- Hawkins, J.D. 2000: *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Vol. I, Pt. 1: Introduction, Karatepe, Karkamiš, Tell Ahmar, Maraş,*

- Commagene*. (Untersuchungen zur indogermanischen Sprach- und Kulturwissenschaft, 8.1). Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Hoffner, H. A. Jr. 2009: *Letters from the Hittite Kingdom*. (SBL WAW, 15). Atlanta: Society of Biblical Literature.
- Hoffner, H. A. Jr., Melchert, H.C. 2008: *A Grammar of the Hittite Language. Pt. 1: Reference Grammar*. (Languages of the Ancient Near East, 1). Winona Lake: Eisenbrauns.
- Houwink ten Cate, P. H. J. 2007: The Hittite Usage of the Concepts of 'Great Kingship', the Mutual Guarantee of Royal Succession, the Personal Unswerving Loyalty of the Vassal to his Lord in the 'Chain of Command' in Vassal Treaties from the 13th Century B.C.E. In: C. Wilcke (Hrsg.), *Das geistige Erfassen der Welt im Alten Orient. Beiträge zu Sprache, Religion, Kultur und Gesellschaft*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 191–207.
- Hutter, M. Aspects of Luwian Religion. In: H.C. Melchert (ed.), *The Luwians*. (HdO, I/68). Leiden; Boston: Brill, 211–279.
- Ivanov, V.V. 1977: *Luna, upavshaya s neba. Drevnyaya literatura Maloi Azii* [*The Moon That Fell from the Sky. Ancient Literature of Asia Minor*]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura.
Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии / Перевод с древнемалоазиатских языков В. В. Иванова. М.: Художественная литература.
- Klengel, H. 1965: *Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z. T. 1. Nordsyrien*. Berlin: Akademie Verlag.
- Klengel, H. 1992: *Syria 3000 to 300 B.C. A Handbook of Political History*. Berlin: Akademie Verlag.
- Klengel, H. 1999: *Geschichte des hethitischen Reiches. Unter Mitwirkung von F. Imparati, V. Haas und T.P.J. van den Hout*. (Handbuch der Orientalistik, I/34). Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Klengel, H. 2001: Einige Bemerkungen zur hethitischen Herrschaftsordnung in Syrien. In: G. Wilhelm (Hrsg.), *Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie, Würzburg, 4.–8. Oktober 1999*. (StBoT, 45). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 255–271.
- Lackenbacher, S. 2002: *Textes akkadiens d'Ugarit*. (Littératures anciennes du Proche-Orient, 20). Paris: Les éditions du Cerf.
- Laroche, E. 1966: *Les noms des Hittites*. Paris: Librairie C. Klincksieck.
- Lebrun, Ch. 2014: *Présence et pouvoir hittites à Ougarit. Le cas des DUMU.LUGAL*. (Publications de l'Institut orientaliste de Louvain, 66). Louvain-la-Neuve: L'Institut orientaliste de l'Université catholique de Louvain.
- Ljutikova, E. A., Sideltsev, A. V. 2023: *Khettskiy sintaksis v nauchnom osvshchenii* [*Hittite Syntax in Scientific Coverage*]. Moskva: Buki Vedi.
Лютикова, Е. А., Сидельцев, А. В. *Хеттский синтаксис в научном освещении*. М.: Буки Веди.
- Marchetti, N. 2014: N. Marchetti (ed.), *Karkemish, an Ancient Capital on the Euphrates*. Bologna: Ante Quem.

- Melchert, H.C. 2003: Prehistory. In: H.C. Melchert (ed.), *The Luwians*. (HdO, I/68). Leiden; Boston: Brill, 8–26.
- Miller, J. 2007a: Amarna Age Chronology and the Identity of Nibḫururiya in the Light of a Newly Reconstructed Hittite Text. *AoF* 34, 252–293.
- Miller, J. 2007b: Mursili II's Dictate to Tuppi-Teššub's Syrian Antagonista. *Kaskal* 4, 121–152.
- Miller, J. 2010: Revisiting the Conquest of Karkemiš of Mursili's 9th Year: Assyrian Aggression or Mursili in the Long Shadow of His Father? In: J.C. Fincke (hrsg.), *Festschrift für Gernot Wilhelm anlässlich seines 65. Geburtstages*. Dresden: ISLET, 235–239.
- Nielsen, N. 2022: The New Kingdom of Egypt under the Eighteenth Dynasty. In: K. Radner, D. Moeller, D.T. Potts (eds.), *The Oxford History of the Ancient Near East. Vol. III: From the Hyksos to the Late Second Millennium BC*. Oxford: Oxford University Press, 147–250.
- Nowicki, H. 1981: Bemerkung zur hier.-luw. Inschrift von Karahöyük-Elbistan. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 95, 251–273.
- Otten, H. 1952: Beiträge zum hethitischen Lexikon. *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie* 50, 230–236.
- Otten, H. 1956: Hethitische Schreiber in ihren Briefen. *MIO* 4, 179–189.
- Otten, H. 1988: *Die Bronzetafel aus Boğazköy. Ein Staatsvertrag Tuthalijas IV.* (StBoT, Beih., 1). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Pecchioli Daddi, F. 1982: *Mestieri, professioni e dignita' nell'Anatolia ittita.* (Incunabula graeca, 49). Roma: Edizioni dell'Ateneo.
- Pecchioli Daddi, F. 1991: *Le relazioni politiche fra Hatti e Tarhuntassa all'epoca di Hattusili III e Tuthaliya IV.* In: F. Imparati (ed.), *Quattro studi ittiti I.* (Eothen, 4). Firenze: Elite, 23–68.
- Planelles Orozco, A. 2017: The Hittite title *Tuhkanti* revisited: towards a precise characterization of the office. *AnSt* 67, 109–127.
- Popko, M. 2001: Muršili II, der mächtige Wettergott und Katapa. *AoF* 28, 147–153.
- Puhvel, J. 1989: Hittite Regal Titles: Hattic or Indo-European. *Journal of Indo-European Studies* 17, 351–361.
- Puhvel, J. 1997: *Hittite Etymological Dictionary. Vol. 4: Words Beginning with K.* Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Rieken, E. 2016: Zum luwischen Ursprung von heth. ^{LÚ}*ta/uḫ(uk)kanti*-‘Kronprinz’. In: H. Marquardt, S. Reichmuth, J.V. García Trabazo (Hrsg.), *Anatolica et indogermanica. Studia linguistica in honorem Johannis Tischler septuagenarii dedicate*. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck, 267–277.
- Rost, L. 1956: Die außerhalb von Boğazköy gefundenen hethitischen Briefe. *MIO* 4, 328–350.
- Rüster Chr., Wilhelm, G. 2012: *Landschenkungsurkunden hethitischer Könige.* (StBoT, Beih., 4). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Schwemer, D. 2001: *Die Wettergottgestalten Mesopotamiens und Nordsyriens im Zeitalter der Keilschriftkulturen. Materialien und*

- Studien nach den schriftlichen Quellen.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Sideltsev, A. V. 2010: Proleptic Pronouns in Middle Hittite. In: L. Kogan, N. Koslova, S. Loesov, S. Tishchenko (eds.), *Language in the Ancient Near East. Proceedings of the 53^e Rencontre Assyriologique Internationale. Vol. 1, Pt. 1.* Winona Lake: Eisenbrauns, 211–248.
- Sideltsev, A. V. 2011a: Clitic Doubling: A New Syntactic Category in Hittite. *AoF* 38, 81–91.
- Sideltsev, A. V. 2011b: Hittite Parallels for Balkan Sprachbund Clitic Doubling. *Zbornik Matice Srpske za filologiju i lingvistiku* 54/1, 9–26.
- Sideltsev, A.V. 2015: Hittite Clitic Doubling as an Innovative Category: Its Origin. In: A. Archi (ed.), *Tradition and Innovation in the Ancient Near East. Proceedings of the 57th Rencontre Assyriologique Internationale at Rome 4–8 July 2011.* Winona Lake: Eisenbrauns
- Siegelová, J. 1984: Gewinnung und Verarbeitung von Eisen im hethitischen Reich im 2. Jahrtausend v. u. Z. *Annals of the Náprstek Museum* 12, 71–168.
- Singer, I. 1996: *Muwatalli's Prayer to the Assembly of Gods Through the Storm-God of Lightning (CTH 381).* Atlanta: Scholars Press.
- Singer, I. 2001: The Treaties between Karkamiš and Hatti. In: G. Wilhelm (Hrsg.), *Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie, Würzburg, 4.–8. Oktober 1999.* (StBoT, 45). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 635–641.
- Sommer, F. 1932: *Die Ahhijavā-Urkunden.* (ABAW, NF, 6). München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaft.
- Sommer, F., Falkenstein, A. 1938: *Die hethitisch-akkadische Bilingue des Ḫattušili I. (Labarna II.)* (ABAW, NF, 16). München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.
- Soysal, O. 2005: On the Origin of the Royal Title *Tabarna / Labarna.* *Anatolica* 31, 189–209.
- Starke, F. 1996: Zur „Regierung“ des hethitischen Staates. *Zeitschrift für Altorientalische und Biblische Rechtsgeschichte* 2, 140–182.
- Steiner, G. 1998: “Grosskönige” in Anatolien von Labarna-Ḫattušili I bis zu Achaimeniden. In: S. de Martino, F. Imparati (eds.), *Studi e testi I.* (Eothen, 9). Firenze: LoGisma editore, 151–181.
- Steitler, Ch.W. 2017: *The Solar Deities of Bronze Age Anatolia. Studies in Texts of the Early Hittite Kingdom.* (StBoT, 62). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Sürenhagen, D. 1992: Untersuchungen zur Bronzetafel und weiteren Verträgen mit der Sekundogenitur in Tarḫuntašša. *Orientalistische Literaturzeitung* 87, 341–371.
- Tani, N. 2001: More about “Ḫešni Conspiracy”. *AoF* 28, 154–164.
- Taracha, P. 2005: Zur Entwicklung des offiziellen Pantheons im Staats- und dynastischen Kult der hethitischen Grossreichszeit. *Journal of Ancient Near Eastern Religions* 5, 89–106.

- Taracha, P. 2009: *Religions of Second Millennium Anatolia*. (DBH, 27). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Tischler, J. 1983: *Hethitisches etymologisches Glossar. T. I: A–K*. (IBS, 20). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Tischler, J. 1988: Labarna. In: E. Neu, Chr. Rüster (Hrsg.), *Documentum Asiae Minoris Antiquae. Festschrift für Heinrich Otten zum 75. Geburtstag*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 347–358.
- Tischler, J. 1994: *Hethitisches etymologisches Glossar. T. III: T, D/3*. (IBS, 20). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Tischler, J. 2010: *Hethitisches etymologisches Glossar. T. IV: U*. (IBS, 20). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Waal, W. 2015: *Hittite Diplomatics. Studies in Ancient Document Format and Record Management*. (StBoT, 57). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Weeden, M. 2011: *Hittite Logograms and Hittite Scholarship*. (StBoT, 54). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Weeden, M. 2012: Assyro-Mittanian or Middle Assyrian? In: E. Devecchi (ed.), *Palaeography and Scribal Practices in Syro-Palestine and Anatolia in the Late Bronze Age*. (Publications de l'Institut historique-archéologique néerlandais de Stamboul, 119). Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 229–251.
- Weidner, E. F. 1923: *Politische Dokumente aus Kleinasien. Die Staatsverträge in akkadischer Sprache aus dem Archiv von Boghazköi*. (Boghazköi-Studien, 8–9). Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung.
- Wilhelm, G. 2012: Šuppiluliuma und die Chronologie der Amarna-Zeit. In: Hachmann, R. *Kāmid el-Lōz 20. Die Keilschriftbriefe und der Horizont von el-Amarna*. (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde, 87). Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 225–257.
- Yakubovich, I. 2002: Labyrinth for Tyrants. *Studia Linguarum* 3, 93–116.
- Yakubovich, I. 2019: *Luviyskiy yazyk v prostranstve i vremeni [Luwian Language in Space and Time]*. Moskva: Izdatel'skiy dom YaSK. Якубович И. С. *Лувийский язык в пространстве и времени*. М.: Издательский дом ЯСК.
- Yoshida, D. 1996: *Untersuchungen zu den Sonnengöttheiten bei den Hethitern. Schwurgötterliste, helfende Gottheit, Feste*. (THeth, 22). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

А. А. Алексеева

МГУ им. Ломоносова / МГЛУ. Москва, Россия. a.alexiana@yandex.ru

ГЕРУНДИЙ И ГЕРУНДИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ТРАКТАТЕ ЦЕЛЬСА «О МЕДИЦИНЕ»

В настоящей статье рассматриваются особенности употребления герундия и герундивной конструкции и их семантика в трактате Цельса «О медицине». В сочинении Цельса герундий и герундивная конструкция используются сравнительно редко: мы насчитали 139 случаев употребления этих форм. Герундий употребляется только в родительном падеже, винительном падеже и аблативе. Для герундивной конструкции возможны все падежные формы. После анализа всего текста трактата выяснилось, что герундий и герундив в родительном падеже с предлогом *causa*, дательном и винительном падежах, как правило, выражают цель. Аблатив герундия и герундива может выполнять не только инструментальную функцию, но и выражать причину и действие, сопровождающее действие, выраженное сказуемым в предложении.

Ключевые слова: Цельс, «О медицине», герундий, герундив, герундивная конструкция

A. A. Alekseeva

Lomonosov Moscow State University / Moscow State Linguistic University

a.alexiana@yandex.ru

The gerund and the gerundive construction in Celsus' *De medicina*

The paper examines semantics and features in usage of the gerund and the gerundive construction in Celsus' treatise *De medicina*. Gerund and gerundive are used relatively rarely: the author of the article has identified 139 occurrences of these forms. The gerund is used only in the genitive, accusative and ablative; for the gerundive construction, all case forms are possible. After analyzing the entire text, it turned out that the purpose can be expressed by the gerund and the gerundive in the genitive with the preposition *causa*, as well as the dative and the accusative. The ablative form is not only used in the instrumental meaning, but in some cases it also denotes the cause and an action accompanying the action expressed by the predicate of the sentence.

Keywords: Celsus, *De medicina*, gerund, gerundive, gerundive construction.

Как известно, сочинение Цельса «О медицине» — это огромный труд, состоящий из восьми книг, в которых описываются различные аспекты диететики, гигиены, патологии, терапии и хирургии. Во всем трактате Цельса герундий и герундивная конструкция используются сравнительно редко: мы насчитали 139 случаев употребления этих форм. Герундий в сочинении «De medicina» возможен в трех падежных формах: в родительном падеже, в винительном падеже и аблативе. Герундивная конструкция встречается во всех возможных падежах, включая даже довольно редкий дательный падеж.

Рассмотрим подробнее особенности употребления различных падежных форм герундия и герундивной конструкции у Цельса.

Родительный падеж

В сочинении Цельса родительный падеж герундия используется 39 раз. В большинстве случаев в форме родительного падежа герундия используются глаголы, указывающее на лечение в целом (как например, *curare* и *mederi* ‘лечить’), на конкретное действие, выполняемое врачом в процессе лечения, или на оказываемый тем или иным лекарственным средством эффект. Например:

Estque quidam **premedi modus**, ut et foretur et circumagatur... (VIII 3, 2)

Здесь в роли несогласованного определения при существительном *modus* ‘способ’ используется герундий от глагола *premere*, который в данном контексте указывает на давление, оказываемое врачом на инструмент во время резекции кости.

Стоит обратить внимание на то, что чаще всего генитив герундия используется при существительном *ratio* — 9 раз:

Haecenus communiter de omni specie praecipitur: si uehementius malum est, diducenda **ratio curandi** est. (III 21, 9)

В данном случае при существительном *ratio* употреблен генитив герундия от глагола *curare* ‘лечить’, и получившееся словосочетание *ratio curandi* можно перевести как ‘способ лечения, метод лечения’. Интересно, что в тексте трактата встречается также синонимичное выражение *ratio curationis*, в котором в качестве несогласованного определения к *ratio* выступает отглагольное существительное *curatio*: Haec ratio curationis longa sed sine dolore est (VII 4, 4B).

В тексте Цельса родительный падеж герундия может использоваться и в функции *genetiuius obiectiuius*: **glutinandi spes** (V 26, 27B) ‘надежда на заживление’, **cupiditas tussendi** (II 7, 35) ‘желание кашлять’.

Родительный падеж герундивной конструкции без предлога встречается только один раз в качестве несогласованного опреде-

ления при существительном *consuetudo*, когда речь идет о лечении слабости кишечника: ...**consuetudinem ferendi oneris**... (IV 23, 2).

Довольно редко герундий и герундивная конструкция употребляются с предлогом *causa* (4 раза — герундий, 2 раза — герундивная конструкция), случаев употребления этих форм с предлогом *gratia* в трактате Цельса нет.

Quorum uitandorum causa facienda eadem sunt, quae in ossibus omnibus laesis aliquid ubi incidit, protinus is locus proposita sunt... (VIII 11, 2)

Здесь герундивная конструкция **quorum uitandorum** с предлогом **causa** выражает цель выполнения указанных медицинских процедур — ‘для того, чтобы это избежать’: в данном контексте сообщается, что для избавления от лихорадки, гангрены, судорог и озноба, возникших как следствие вывиха, необходимо следовать тем же предписаниям, что были предложены ранее при всяких повреждениях костей.

His cognitis, primum malagmata subiciam, quae fere non sunt refrigerandi sed calfaciendi causa reperta. (V 18, 1)

В данном случае с помощью генитивов герундия *refrigerandi* и *calfaciendi* с предлогом *causa* дается характеристика припарок с точки зрения оказываемого ими эффекта на организм пациента.

Дательный падеж

Как мы уже отметили ранее, в форме дательного падежа в сочинении «*De medicina*» используется герундивная конструкция, герундий в этой падежной форме не встречается. Случаев употребления датива герундивной конструкции в трактате очень мало — 12.

В основных грамматиках латинского языка сообщается, что дательный падеж герундивной конструкции — это довольно редкая форма в латинском языке. В «Грамматике латинского языка» С. И. Соболевский (Sobolevsky 2009: 339–340) указывает лишь на то, что датив герундия и герундива употребляется для выражения цели, а также отмечает два основных способа использования этих форм: в конкретных устойчивых выражениях (при глаголе *studere*, выражении *operam dare* и в выражении *soluendo non esse*) и при названиях должностных лиц. В работе «*Syntaxe Latine*» Эрну и Тома (Ernout, Thomas 1964: 265–266) упоминается также употребление датива герундива в сочетании с некоторыми прилагательными (*accommodatus, aptus, idoneus*). В «*A New Latin Syntax*» Вудкока (Woodcock 1959: 160) относительно использования дательного падежа герундия и герундивной конструкции говорится, что эта грамматическая форма употребляется при глаголах и выражениях, требующих при себе дополнения в дательном падеже, и в некоторых идиоматических выражениях,

включая устойчивое выражение *esse oneri ferendo*. Риш в работе «*Gerundivum und gerundium*» (Risch 1984: 32) отмечает редкое употребление герундивной конструкции в дательном падеже в классической латыни и сообщает о том, что эта падежная форма обычно использовалась для обозначения должностных лиц, а также при словах *lex* и *comitia*, с которыми герундивная конструкция выражала содержание закона либо цель собрания.

В тексте сочинения Цельса дательный падеж герундивной конструкции в большинстве случаев используется в придаточных предложениях определительных с относительным местоимением *qui, quae, quod*, с помощью которых Цельс и описывает некоторые типы лекарств, и дает им название. Например:

Neque utilia sunt quae urinae mouendae sunt... (IV 9, 2)

Здесь с помощью выражения дательного придаточного предложения *quae urinae mouendae sunt* обозначаются мочегонные лекарства. Датив герундивной конструкции *urinae mouendae* характеризует данную группу лекарственных средств с точки зрения цели, достигаемой при применении этих лекарств. Кроме того, эта разновидность лекарственных средств может выражаться и иным образом: *participium praesentis actiui* в форме среднего рода множественного числа и зависящее от него прямое дополнение в accusative – *urinam mouentia* (V 27, 3E).

Si forte id incidit, eorum aliquid inponendum est, quae puri mouendo sunt. (VII 7, 1B)

В этом примере выражение *quae puri mouendo sunt* указывает на лекарства, способствующие вытягиванию гноя. Герундивная конструкция *puri mouendo*, как и в предыдущем примере, дает характеристику группе лекарств и одновременно указывает на цель их применения.

Один раз употребляемая в придаточном определительном предложении герундивная конструкция используется не только для обозначения разновидности лекарств, но и для выражения медицинского предписания:

Aliud eodem nomine, quod puri quoque mouendo est: sebi utulini, Hammoniaci thymiamatis... (V 19, 13)

Цельс сообщает о пластыре, применяемом для вытягивания гноя. С помощью употребленной в данном случае герундивной конструкции в форме дательного падежа *puri mouendo* маркируется сфера употребления описываемого лекарства.

Кроме того, датив герундивной конструкции в сочинении Цельса используется в двух случаях с прилагательными *artus* и *idoneus*, при которых косвенное дополнение может ставиться в форму дательного падежа, так что употребление данной формы герундивной конструкции может быть обосновано не только выражением цели, но и управлением этих прилагательных.

... cibi potionesque **corpori faciundo aptae**... (VII 3, 4)

Idoneaque etiam strumae aperiendae sunt. (V 18, 25)

Один раз дательный падеж герундивной конструкции используется при *participium perfecti passivi*:

...diutius in lectulo perseuerandum est, ne is talus, qui totum corpus sustinet, parum **confirmatis** neruis **ferendo oneri**, cedat rursusque prorumpat. (VIII 22, 2)

Здесь говорится о необходимости соблюдения больным постельного режима после вправления лодыжки. Герундивная конструкция *ferendo oneri* зависит от причастия *confirmatis*, употребленного в обороте *ablatiuus absolutus neruis confirmatis*; и в интересующем нас контексте речь идет о сухожилиях, не окрепших в достаточной степени, чтобы удерживать вес тела. В этом примере дательный падеж герундивной конструкции выражает цель, ради которой сухожилия пациента должны окрепнуть.

Винительный падеж

В тексте трактата Цельса винительный падеж герундия и герундивной конструкции возможен только с предлогом *ad*. Чаще в этой падежной форме употребляется герундивная конструкция — 35 случаев; аккумулятив герундия встречается только пять раз. В большинстве случаев герундий и герундивная конструкция в винительном падеже употребляются в фармакологическом контексте, в тех главах, где Цельс приводит рецепты различных лекарств, при этом с помощью данных грамматических форм дается и характеристика какого-либо лекарства, и цель его применения, как в рассмотренных нами ранее случаях использования датива герундивной конструкции.

Conposita uero **ad inflammationem doloremque leniendum** haec fere sunt... (VI 7, 1D)

В этом примере дается рецепт лекарства, применяемого при болезнях ушей. Герундивная конструкция **ad inflammationem doloremque leniendum** выражает цель применения лекарственного средства, точнее — тот целебный эффект, который оказывает это лекарство.

Нередко с помощью винительного падежа герундия и герундива уточняется характеристика лечебного средства, конкретизируется, в каких именно случаях лекарство наиболее эффективно; и в таких случаях герундий и герундив зависят от прилагательных *aptus* 'подходящий', *praecipuus* 'весьма полезный', *uehemens* 'сильный, эффективный', *nobilis* 'замечательный, отличный':

Sunt etiam quaedam emplastra **nobilia ad extrahendum**. (V 19, 12) *Есть еще некоторые замечательные пластыри для вытягивания гноя.*

Sunt enim **ad recentia uulnera glutinanda sanandaque apti...** (V 20, 1A) *Есть лепешки, пригодные для склеивания и лечения свежих ран.*

Кроме того, аккумулятив герундивной конструкции встречается при глаголе *posse*, который в сочетании с косвенными дополнением с предлогом *ad* имеет значение 'быть эффективным, иметь силу'. В интересующих нас случаях в роли косвенного дополнения выступает герундивная конструкция, которая указывает и на сферу применения лекарства, и на оказываемое им лечебное действие. Так, в следующем примере герундивная конструкция *ad colorandas cicatrices* 'для придания цвета рубцам' обозначает то, для чего применяется описываемая смесь:

Ad omnia ista uero atque etiam **ad colorandas cicatrices potest** ea compositio, quae ad Tryphonem patrem auctorem refertur. (VI 5, 3).

Точно так же, как и глагол *posse*, с винительным падежом герундивной конструкции употребительны глаголы *prodesse* и *proficere* 'помогать, быть полезным':

Prodest ad id atque etiam **ad mentem ipsam componendam** scrocinum unguentum cum irino in caput additum. (III 18, 12) *Для этого, а также для успокоения ума, полезно прикладывать к голове шафрановую мазь, смешанную с ирисовой.*

Ad implendum autem **uulnus proficiunt** quidem etiam *medicamenta* aliqua... (V 26, 30A) *Для наполнения же раны также полезны некоторые лекарства...*

Стоит отметить, что в редких случаях в фармакологических контекстах аккумулятив герундивной конструкции используется как самостоятельный способ выражения медицинских рекомендаций:

Ad lateris dolores finiendos piperis, aristolochiae, nardi, murrae pares portiones. (V 25, 7)

В данном примере герундивная конструкция *ad dolores finiendos* не только указывает на цель применения описываемой пилюли — для прекращения болей в боку, но и маркирует данный рецепт.

Аблатив

Аблатив герундия и герундивной конструкции используется в тексте трактата «De medicina» в разных контекстах: при описании методик лечения древних врачей, в медицинских предписаниях самого Цельса, в описаниях симптомов недугов. Чаще всего встречаются формы аблатива герундия без предлога (34 раза). Малоупотребителен аблатив герундивной конструкции с предлогами — мы насчитали всего 7 таких случаев: 5 случаев — с предлогом *in*, 1 — с предлогом *a*, 1 — с предлогом *cum*.

В грамматиках латинского языка сообщается, что герундий и герундивная конструкция без предлога используются, как правило,

в функции *ablatiuus instrumenti*. Это мы можем увидеть в тексте Цельса:

Cum de iis dictum sit, quae **detrahendo iuuant**, ad ea ueniendum est, quae alunt, id est, cibum et potionem. (II 18, 1) *После того было сказано о средствах, которые помогают удалением вредного вещества, нужно перейти к тому, что питает организм, т.е. к пище и напиткам.*

Здесь аблатив герундия *detrahendo*, употребленный при глаголе *iuuare*, конкретизирует то, чем оказались полезны лекарственные средства, описанные в тексте трактата ранее.

Quae ita fiet, si uenis **uinciendo** medicus **prospexerit**... (VII 19, 5).

В этом примере используется *ablatiuus instrumenti* герундия *uinciendo*, указывая на медицинскую процедуру, с помощью которой врач позаботится о венах пациента.

В некоторых случаях аблатив герундия используется скорее в причинной функции, нежели в инструментальной:

Proprie quaedam ad eum pertinent, qui **ambulando fatigatur**. (I 3, 9).

По нашему мнению, в данном случае герундив *ambulando* при глаголе *fatigare* ‘утомлять’ выражает в большей степени причину усталости описываемого пациента.

Кроме того, есть случаи, когда аблатив герундия выражает не «инструмент», а сопутствующее действие, как в следующем примере:

Cui malo solet etiam illud accedere, ut palpebrae cum albo oculi cohaerescant, scilicet cum in utroque fuit ulcus neclegenter curatum: **sanescendo** enim, quod diduci potuit et debuit, **glutinavit**... (VII 7, 6A)

Здесь сообщается о болезнях глаз, при которых либо веки срстаются между собой, либо, помимо этого, веко срстается также с белком глаза; такое бывает, по словам Цельса, если из-за небрежного лечения веки склеились. Употребленная в данном случае форма герундия *sanescendo* (букв. ‘выздоровлением, заживлением’) не указывает на «инструмент» действия при глаголе *glutinare* ‘склеивать’. Действия, выраженные герундием и сказуемым, судя по контексту, происходили одновременно, и обе эти глагольные формы выражают не однократное действие, а процесс. Форма *sanescendo* используется здесь в значении, близком к *ablatiuus temporis*, таким образом, фразу *sanescendo...*, *quod diduci potuit et debuit*, *glutinavit* можно понять как ‘во время заживления то, что могло и должно было [веки] разъединить, их склеило’.

Герундивная конструкция с предлогом *in* также выражает сопутствующее действие, и сам предлог *in* при этом понимается в значении ‘во время, при’: *Neque id genus morbi remedium aliud desiderat, quam quod in curanda febre praescriptum est.* (III 18, 2) *Этот вид болезни не требует иного лекарства, кроме того, которое предписывается при лечении лихорадки.*

Заключение

Проанализировав весь текст трактата Цельса «De medicina» и рассмотрев случаи употребления герундия и герундивной конструкции, мы можем сделать следующие выводы. Родительный падеж герундия и герундива в сочинении Цельса чаще всего используется в качестве несогласованного определения при существительном, реже эта форма употребляется в функции *genetivus obiectivus*. Герундий и герундивная конструкция с предлогом *causa* выражают цель, при этом, если эти формы используются при описании какого-либо лекарственного средства, они характеризуют эти средства с точки зрения цели его применения. Дательный падеж герундивной конструкции редко встречается в тексте трактата. Как правило, эта конструкция используется для наименования и характеристики разных типов лекарств в соответствии с целями их применения. Кроме того, датив герундивной конструкции может использоваться в качестве косвенного дополнения при прилагательных *idoneus* и *aptus*. Винительный падеж герундия и герундива указывает на цель применения лекарственного средства, как и герундий и герундив в генитиве с предлогом и дативе. При этом аккумулятив герундия и герундива нередко выполняет и характеризующую функцию в описаниях средств по лечению и профилактике заболеваний. Аблатив герундия выполняет не только инструментальную функцию, но и обозначает причину и сопутствующее действие. Дательный падеж герундивной конструкции и винительный падеж герундия и герундивной конструкции могут использоваться не только при описании лекарств, но и как средства выражения медицинских предписаний.

Литература

- Brolén, C. A. 1872: *De elocutione A. Cornelii Celsi*. Uppsala.
- Daremberg, C. 1859: *De medicina libri octo*. Lipsiae.
- Ernout, A., Thomas, F. 1964: *Syntaxe latine*. Paris.
- Hofmann, J. B., Szantyr, A. 1972: *Lateinische Syntax und Stilistik*. München: Beck.
- Marx, F. 1915: *Cornelii Celsi quae supersunt*. Leipzig.
- Sobolevsky, S. I. 2009: *Grammatika latinskogo yazyka. Teoreticheskaya chast'*: *Morfologiya i sintaksis* [Grammar of the Latin language. Theoretical part: Morphology and syntax]. St. Petersburg.
- Соболевский, С. И. 2009: *Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: Морфология и синтаксис*. СПб.
- Risch, E. 1984: *Gerundivum und Gerundium*. Berlin; NY.
- Woodcock, E. C. 1959: *A New Latin Syntax*. London.

А. В. Анашкин

ПСТГУ / МГЛУ, Москва, Россия. miles-an@rambler.ru

(НЕ)БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В *SERM.* 82 ПАПЫ ЛЬВА I ВЕЛИКОГО

Статья посвящена анализу античной и библейской типологии в проповеди папы Римского Льва I Великого, произнесенной в честь праздника святых апостолов Петра и Павла. В исследовательской традиции рассматриваемая гомилия известна как одно из произведений папы Льва, направленных на возвеличивание римской кафедры. В статье показано, как св. Лев использует библейскую и римскую мифологическую образность для утверждения духовного и политического авторитета римского престола в Церкви, прибегая, в частности, к противопоставлению апостолов Петра и Павла паре основателей Рима Ромулу и Рему и размышляя о предвечном замысле Бога и истории Рима, расширении границ империи и «евангелизации» мира. Св. Лев выделяет роль апостола Петра в формировании авторитета римской кафедры и артикулирует символическое значение Рима как центра христианского мира и инструмента Божественного Провидения. Цель работы — внести вклад в понимание богословской и риторической стратегии папы Льва I на примере одной из его гомилий.

Ключевые слова: папа римский Лев I Великий, апостол Петр, Ромул и Рем, типология, Рим, римский престол.

A. V. Anashkin

St.Tikhon's Orthodox University for the Humanities / Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia. miles-an@rambler.ru

(NON-)BIBLICAL TYPOLOGY IN THE SERMON 82 OF THE ROMAN POPE LEO THE GREAT ON THE NATAL DAY OF THE APOSTLES PETER AND PAUL

The article is devoted to the analysis of ancient and biblical typology in the sermon of Pope of Rome Leo the Great on the feast of the Holy Apostles Peter and Paul. In the research tradition, the sermon is known as one of the works of Pope Leo aimed at exalting the Roman see. The article shows how St. Leo uses biblical and Roman mythological imagery to assert the spiritual and political authority of the Roman see in the Church. Leo resorts to contrasting the apostles Peter and Paul with the founders of Rome, Romulus and Remus, as well as reflects on the eternal plan of God and the history of Rome, the expansion of the borders of the Empire and “evangelization” of the world. St. Leo highlights the role of the Apostle

Peter in the formation of the authority of the Roman see and articulates the symbolic significance of Rome as the center of the Christian world and an instrument of the Divine Providence. The purpose of the work is to contribute to the understanding of the theological and rhetorical strategy of Pope Leo in the *Serm.* 82.

Keywords: Pope of Rome Leo the Great, Apostle Peter, Romulus and Remus, typology, Rome, Roman see.

Восемьдесят второе в нумерации братьев Дж. и П. Баллерини¹ *Слово* (гомилия) папы Льва I Великого посвящено празднику св. апостолов Петра и Павла и произнесено 29 июня 441 г., то есть в первые годы понтификата св. Льва. Сохранилось оно в трех редакциях². Аутентичность гомилии в исследовательской традиции не вызывала сомнений. Обыкновенно ее рассматривают в числе главных *Слов*, направленных на возвеличение кафедры римского епископа³. Оба апостола, как известно, приняли в Риме мученическую кончину⁴, и одного из них (а именно Петра) предание считает первым римским епископом. Дни памяти апостолов были одними из самых почитаемых праздников в Риме, в связи с чем в столицу империи стекалось много христиан (Pevnitskiy 1871: 124). Очевидно, пользуясь такой возможностью, св. Лев в своей проповеди старался подчеркнуть авторитет и значение римской кафедры, предстоятелем которой являлся. Также

---

¹ Вплоть до настоящего времени стандартным остается издание, выполненное еще в XVIII в. Дж. и П. Баллерини: *Sancti Leonis Magni opera* / ed. by P. Ballerini, N. Ballerini. T. I–III. Venetiae, 1753–1757. Позднее с некоторыми дополнениями это издание было перепечатано в латинской патрологии Ж.-П. Миня: *PL. 14: S. Leonis Magni Tomus I. P.*, 1846. В настоящей работе нами используется издание А. Шавасса в *CCSL* (Chavasse 1973: 508–518). Анализ имеющихся рукописей и изданий писем см. в: Jalland 1941: 495–514; Hoskin 2015: 5–61.

² Первая и вторая редакции гомилии *De natale apostolorum* отличаются друг от друга некоторыми дополнениями и уточнениями. Третья редакция в целом является разновидностью второй и обладает незначительными от нее отличиями. Подробнее см.: Chavasse 1973: 506–507.

³ В их числе пять слов, сказанных в годовую день посвящения св. Льва, и два слова, сказанных на праздник апостолов Петра и Павла.

⁴ Заметим, что несмотря на мученическую кончину апостола Павла в Риме вместе с апостолом Петром и упоминание об особом значении его проповеди в Риме в *Decretum Gelasianum* / *Decretum Damasi*, в котором провозглашается примат Римской церкви как установление Самого Христа, Римский престол рассматривается именно и только как престол Петра, а не Петра и Павла (Zakharov 2022: 39; Wojtowysch 1981: 169–170; Pietri 1976: 880–884).

отметим, что рассматриваемое нами *Слово* не единственное сочинение, в котором прослеживается подобное стремление папы Льва⁵.

В рассматриваемом *Слове* Петр и Павел прославляются как фигуры, преобразованные Христом и направленные наитием Святого Духа основать Римскую церковь. В *Слове* можно выделить следующие типичные мотивы⁶:

- противопоставление пары апостолов Петра и Павла паре основателей Рима Ромула и Рема (Serm. 82. 1 (11–23));
- Рим и крест Христов (Serm. 82. 5 (123–124));
- предвечный замысел Бога и история Римской империи (Serm. 82. 2 (40–55));
- расширение римской державы военным путем и посредством «евангелизации» мира (Serm. 82. 1 (28–30));
- попытки уничтожить Церковь мученичеством и гонениями и евангельская проповедь⁷.

В рамках этой работы мы главным образом сфокусируем внимание на двух типичных мотивах: на образе Петра и на образе Рима как главных героях этой гомилии.

Итак, можно говорить о том, что в слове выделяются два начала, на которых утверждается слава Римской Церкви и преимущества кафедры Рима: первое — историко-политическое значение Рима; второе — авторитет апостола Петра и его особое место в ряду апостолов. Так, папа Лев в своем слове обращается к дохристианским временам Рима и представляет своим слушателям судьбы Божественного Промысла, который возвысил римское царство и сделал его всемирной империей. В своей проповеди папа Лев подчеркивает провиденциальность Римской империи, соединившей в себе все царства и своими пределами достигавшей пределов мира, как орудия христианского единства и миссии (Meuendorff 2012: 202):

Ut autem huius inenarrabilis gratiae per totum mundum diffunderetur effectus, Romanum regnum diuina prouidentia praeparauit; cuius ad eos limites incrementa perducta sunt, quibus cunctarum undique

⁵ Так, можно вспомнить гомилию на страсти Господни (Serm. 62), где Лев говорит о Церкви и значении апостола Петра при изложении веры в воплощение по апостольскому символу и при указании исповедания апостола Петра Иисуса Сыном Божиим.

⁶ Необходимо отметить, что понятие «типичного мотива» несколько шире, чем «типология» в понимании (Daniélou 1951: 199–205), т. е. учитывает библейскую образность и образные ряды, обнаруженные нами в рассматриваемой гомилии папы Льва.

⁷ Serm. 82. 6 (149–150): Non minuitur persecutionibus Ecclesia, sed augetur (Церковь не уменьшается от гонений, но увеличивается).

gentium uicina et contigua esset uniuersitas. Disposito namque diuinitus operi maxime congruebat, ut multa regna uno confoederarentur imperio, et cito peruios haberet populos praedicatio generalis, quos unius teneret regimen civitatis (*Serm.* 82. 2 (40–55)).

Для того чтобы действие этой неизреченной милости⁸ могло распространиться по всему миру, Божественное Провидение установило Римскую империю; расширение ее достигло столь обширных пределов, что все племена повсюду стали ее ближними соседями. Ведь для Божественного замысла было особенно целесообразно, чтобы многие царства были связаны единым управлением и проповедь всему миру могла быстро достигать все народы, власть над которыми удерживало бы единое государство⁹.

Если внимательно проанализировать высказывания Льва об основании Римской церкви апостолом Петром, то и тут нетрудно заметить, что идея провиденциальности империи не забыта. В цитируемом фрагменте Лев постулирует божественное происхождение Римской империи¹⁰. По его представлению, когда апостолы после Пятидесятницы пошли проповедовать Евангелие в разные страны, «блаженнейший Петр, предводитель апостольского чина, был направлен к твердыне Римской империи, чтобы свет истины, который был явлен во спасение всех народов, более действенно разливался от самой главы по всему телу мира» (*beatissimus Petrus princeps apostolici ordinis, ad arcem Romani destinatur imperii: ut lux ueritatis quae in omnium gentium reuelabatur salutem, efficacius se ab ipso capite per totum mundi corpus effunderet* — *Serm.* 82. 3 (69–72)). Использование понятия *princeps* применительно к апостолу Петру для характеристики его положения в Церкви, на наш взгляд, не является случайным. С помощью этого императорского титула Лев как бы фиксирует верховенство апостола в Церкви¹¹. Понятие же «главы мира» (*caput mundi* или *caput orbis*) в применении к Риму, как указывает протопр. Иоанн Мейендорф, является обычным римским выражением, которое часто использовал св. Лев (*Meuendorff* 2012: 202–203). Таким образом, речь идет не только о том, что присутствие Петра усиливает престиж

⁸ Речь идет о воплощении Христа.

⁹ Перевод с небольшими изменениями по: *Meuendorff* 2012: 202. В других случаях перевод мой, если не оговорено иное.

¹⁰ На это также обращал внимание Т. Джелланд (*Jalland* 1941: 436–437).

¹¹ На это обстоятельство обращает внимание также М. В. Грацианский (*Gratsianskiy* 2019: 33). В прим. 37 он оговаривает, что термин *princeps* Лев использовал также применительно к церковным предстоятелям вообще (*Serm.* 4. 3 (84): *omnes Ecclesiae principes*).

Рима, но и о том, что духовное измерение, обозначаемое «принцепсом апостолов» Петром, явлено в Риме, чтобы столица империи, «поставленная через святой престол блаженного Петра во главе всего мира, первенствовала еще шире благодаря божественной религии, нежели посредством земной власти»¹². Как видим, в представлении Льва главенство Рима в мире (*caput totius orbis*) основано именно на престоле Петра, а для расширения империи гораздо важнее оказалось не «военное дело» (*bellicus labor*), а «христианский мир» (*pax Christiana*)¹³.

По мнению В. Ф. Певницкого, в этом слове получила отражение общая народная воля к владычеству, сказавшаяся еще в древнем Риме и еще не умершая в потомках властителей мира (Pevnitskiy 1871: 125). Вполне вероятно, что именно дух и предание города, бывшего столицей мира, побудили Льва обратиться к фигурам первооснователей Рима через их сравнение с апостолами Петром и Павлом (Serm. 82. 1 (11–23)):

Isti sunt sancti patres tui uerique pastores, qui te regnis caelestibus inserendam multo melius multoque felicius condiderunt, quam illi quorum studio prima moenium tuorum fundamenta locata sunt: ex quibus is qui tibi nomen dedit fraterna te caede foedavit.

Те суть твои святые отцы и истинные пастыри, кто гораздо лучше и счастливее подготовили тебя к поселению в небесных чертогах, чем те, чьим раздором были заложены первые основания твоих стен: из них тот, кто дал тебе имя, осквернил тебя братоубийством.

Заметим, что сравнение пар «Петр и Павел» и «Ромул и Рем» необычно и уникально для христианской литературной и риторической традиции. Блж. Августин ожидаемо сопоставлял пару «Ромул и Рем» с парой «Каин и Авель» в *De Civitate Dei* (15. 5), где первый основатель земного града Каин сличается с основателем Рима Ромулом по нечестию братоубийства. Блж. Августин объясняет противостояние братьев как борьбу, в одном случае, злого и злого и, в другом случае, злого и доброго. Через это Августин показывает

¹² Serm. 82. 1 (25–26): *ciuitas sacerdotalis et regia per sacram beati Petri sedem caput totius orbis effecta latius praesideres religione diuina quam dominatione terrena.*

¹³ См. Serm. 82. 1 (28–30): *Quamuis enim multis aucta victoriis ius imperii tui terra marique protuleris, minus tamen est quod tibi bellicus labor subdidit quam quod pax Christiana subiecit.* М. В. Грацианский считает, что тем самым папа Лев утверждает, что *princeps* Петр оказывается для Рима более значимой фигурой, чем *princeps*-император (Gratsianskiy 2019: 33, прим. 38).

разделение в себе земного града и вражду между градами Божиим и человеческим. Похоже, что свое противопоставление пар «Петр и Павел» и «Ромул и Рем» св. Лев проводит с оглядкой на блж. Августина, который отсылает читателя к соответствующему месту из Фарсалии Лукана¹⁴. Но в нарративе Льва сопоставление двух пар скорее призвано показать единство римской истории и то, как пролитие крови в первом случае оскверняет Рим, а во втором — напротив, его освящает. Тем самым Лев как бы выявляет движение от порабощения греху к освобождению от него. Это движение представлено с точки зрения Божественного провидения, обновления и преображения.

В проповеди Лев несколько раз обращается к пастве в единственном числе — *Roma* — и обращается к одному из своих излюбленных текстов — 1 Петра 2. 9. Это же место Лев цитирует и в двух словах на Рождество (*Serm.* 24. 6 (25 декабря 443 г.) и *Serm.* 26.3 (25 декабря 450 г.)), а также в двух словах на годовщину своего рукоположения в епископы (*Serm.* 3. 1 (29 сентября 443 г.) и *Serm.* 4.1 (29 сентября 444 г.) (Green 2008: 91). Обращаясь к аудитории, Лев говорит о том, что они стали святым народом, избранным родом, и употребляет термин *ciuitas*, чтобы сказать, что они стали священническим и царственным городом (*Serm.* 82. 1: *ciuitas sacerdotalis et regia*). В самом начале проповеди он делает громкое заявление о том, что участником всех священных торжеств, во время которых воспоминаются события спасения, является весь мир (*Omniun quidem sanctorum solemnitatum, dilectissimi, totus mundus est particeps*) — указание на всеобщую спасительную волю Божию. А орудие этого всеобщего спасения есть сам Рим (*Serm.* 82. 1). Рим — владыка мира (*Serm.* 82. 4 (95): *mundi dominam*), который, будучи сначала учителем заблуждения, затем становится учеником истины (*Serm.* 82.1 (10–11): *quae eras mater / magistra erroris, facta es filia / discipula ueritatis*). Лев указывает, что хотя Рим и правил почти всеми народами, заблуждениям всех народов он и подчинялся (*Serm.* 82. 2 (59–60): *cum pene omnibus dominaretur gentibus, omnium gentium seruebat erroribus*). Но крест, принесенный в Рим Петром (*Serm.* 82. 5 (124): *tropeum crucis Christi Romanis arcibus inferebas*), избавляет его от Нерона, при котором претерпевали страдания всякая невинность, всякое целомудрие и всякое свободолюбие (*Serm.* 82. 6 (129–130): *omnis innocentia, omnis pudor, omnisque libertas sub Neronis laborabat imperio*), а многочисленные христианские мученики послужили истинным украшением Рима: *beatorum milia martyrum ... urbem*

---

¹⁴ *Luc.* 1. 95: *Fraterno primi maduerunt sanguine muri* (в переводе Л. Е. Остроумова: «Братскою кровью ... забрызганы первые стены»).

nostram ... quasi ex multarum honore gemmarum conserto uno diademate coronarunt¹⁵.

Обратимся к фрагменту гомилии, где Рим называется *civitas sacerdotalis* (град священнический, или епископский град), а его население — *gens sancta* (святым народом). В этих словах, с одной стороны, можно видеть прямую отсылку к Первому посланию апостола Петра¹⁶ (1 Петра 2:9), в котором говорится о роде избранном, царственном священстве, народе святом, народе избранном. Для наглядности сопоставим эти фрагменты:

Serm. 82. 1 (25–26): *Isti sunt qui te ad hanc gloriam prouexerunt, ut gens sancta, populus electus, civitas sacerdotalis et regia.*

1 Pet. 2. 9: *Vos autem genus electum, regale sacerdotium, gens sancta, populus acquisitionis.*

Однако, с другой стороны, как и упомянутый фрагмент из 1 Петра 2. 9, цитируемое место из слова папы Льва перекликается с Исходом 19. 6. Причем, эта перекличка с точки зрения лексических совпадений видится не менее явной.

Exod. 19. 6: *et vos eritis mihi in regnum sacerdotale, et gens sancta.*

Заметим также, что по наиболее распространённой версии (например, Д. Гатри) Первое послание Петра написано в Риме, который апостол иносказательно называет Вавилоном (1 Петра 5. 13), то есть городом, имеющим устойчивую ассоциацию с обителью пороков. Ясно понимая это, папа Лев прибегает к антитезе *mater/magistra erroris* и *filia/discipula ueritatis*, чтобы обозначить метаморфозу, преобразование Рима из учителя заблуждения (порока) в ученика истины. Само выражение *discipula ueritatis*, вероятно, принадлежит самому папе Льву: более ранних свидетельств его употребления нам найти не удалось. На наш взгляд, нельзя исключать, что представление об обновленном Риме как об «ученике истины» может содержать аллюзию на книгу пророка Захария, одну из самых цитируемых авторами Нового Завета, — на то место, где приведено пророчество о том, что Господь, несмотря на грехи предыдущих поколений израильтян, восстановит Иерусалим:

Zach. 8. 3: *Haec dicit Dominus exercituum: Reversus sum ad Sion, et habitabo in medio Jerusalem: et vocabitur Jerusalem civitas veritatis, et mons Domini exercituum mons sanctificatus.*

Как видим, здесь есть указание на то, что Иерусалим будет называться «городом истины». Благодаря этому образному ряду, на наш взгляд, можно говорить о том, что св. Лев хотел показать

¹⁵ Serm. 82. 6 (156–160).

¹⁶ Следует отметить, что св. Лев, не владевший греческим языком, вероятно читал Священное Писание в латинском переводе блж. Иеронима Стридонского (Zakharov 2015: 232; Wessel 2008: 36).

духовную эволюцию образа Рима: от Рима-Вавилона к Риму-Иерусалиму, от города заблуждения к городу истины, от града земного к граду Божию.

Таким образом, анализ позволяет говорить о том, что гомилия папы Льва, направленная на возвеличивание римской кафедры и укрепление авторитета Рима как центра христианского мира, представляет сложный текст с многоуровневой структурой, в котором переплетаются библейские и античные мотивы, образы, исторические и политические аллюзии. Использование библейской и римской мифологической образности (заметим, что визуальными образами античной мифологии раннехристианское искусство активно оперировало) в риторическом нарративе папы Льва оказывается попыткой, с одной стороны, интерполировать события истории Древнего Рима в историческое полотно Рима христианского, и, с другой стороны, соединить античную и христианскую историю римского государства через образ его преобразования (Ромул и апостол Петр, Рим-Вавилон и Рим-Иерусалим).

Литература

- Chavasse, A. 1973: *Sancti Leonis Magni Romani pontificis Tractatus septem et nonaginta. Corpus Christianorum. Series Latina* 138A. Turnholti: Brepols.
- Daniélou, J. 1951: Qu'est-ce que la typologie? In: *L'Ancien Testament et les chrétiens*. Paris, 199–205.
- Green, B. 2008: *The Soteriology of Leo the Great*. Oxford: Oxford University Press.
- Jalland, T. 1941: *The Life and Times of St. Leo the Great*. London: Society for Promoting Christian Knowledge, New York: The Macmillan Company.
- Gratsianskiy, M. V. 2019: [Haeres Petri sive vicarius Petri. Arguments of pope Leo the Great for the exceptional prerogatives of power for the bishop of Rome]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* 89, 27–48.
- Грацианский, М. В. 2019: Haeres Petri sive vicarius Petri: обоснование исключительных властных прерогатив римского епископа папой Львом Великим. *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви* 89, 27–48. DOI: 10.15382/sturII201989. 27–48.
- Hoskin, M. 2015: *Prolegomena to a Critical Edition of the Letters of Pope Leo the Great. A Study of the Manuscripts. PhD Thesis*. Edinburgh: The University of Edinburgh.

- Meyendorff, J. 2012: *Imperial unity and Christian divisions: The Church 450–680 A.D.* Moscow. Мейендорф И., протопр. 2012: *Единство империи и разделения христиан: Церковь в 450–680 гг. М.*
- Pevnitskiy, V. F. 1871: [*St. Leo the Great and his sermons*]. Kiev. Певницкий, В. Ф. 1871: Св. Лев Великий и его проповеди. К.
- Pietri, Ch. 1976: *Roma Christiana. Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440)*. Rome.
- Wessel, S. 2008: *Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome*. Leiden, Boston.
- Wojtowycsch, M. 1981: *Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo (440–461)*. Stuttgart: Anton Hiersemann.
- Zakharov, G. E. 2015: [Leo I the Great. Life. Sources]. In: *Orthodox Encyclopedia* 40, 227–232.
- Захаров, Г. Е. Лев I Великий. Жизнь. Источники. *Православная энциклопедия* 40, 227–232.
- Zakharov, G. E. 2022: [Three Sees of Peter in the Roman ecclesiological tradition of the end of the 4th — the first half of the 5th centuries]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie* 103, 37–49.
- Захаров, Г. Е. 2022: Три Петровых престола в римской эцклезииологической традиции конца IV — первой половины V в. *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение* 103, 37–49. DOI: 10.15382/sturI2022103.37–49.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ РУКОПИСЬ LAT. F. XVIII. 12 (РНБ) В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ РЕЧИ ЦИЦЕРОНА «В ЗАЩИТУ ПОЭТА АРХИЯ»

В настоящей статье представлен текстологический анализ речи Цицерона в защиту поэта Архия, содержащейся в рукописи Lat. F. XVIII. 12 (1452 г.) из собрания Российской национальной библиотеки. Рукопись была известна науке как источник текста Сикко Полентона (*S* в издании Б. Ульмана), но считалась утраченной. Применительно к истории рукописной передачи речей Цицерона данная рукопись (*Petr.*) не изучалась. Статья содержит попытку определить ее место в стемме рукописей речи *Pro Archia*, учитывая последние текстологические исследования.

Ключевые слова: Цицерон, речь в защиту Архия, Lat. F. XVIII. 12 (РНБ), рукописная традиция, стемма рукописей, текстология.

The manuscript Lat. F. XVIII. 12 (NLR) in the manuscript tradition of Cicero's *Pro Archia*

The article presents a textual analysis of Cicero's speech *Pro Archia* contained in the manuscript Lat. F. XVIII. 12 (a. 1452) of the National Library of Russia. This manuscript was known only as a witness of Siccus Polentoni's *Scriptorum illustrium Latinae linguae libri* (*S* in Ullman's edition) but was considered lost and has not been studied in relation to the manuscript transmission of Cicero's speeches. The paper contains an attempt to determine the place of the St. Petersburg manuscript (*Petr.*) in the *stemma codicum* of Cicero's *Pro Archia* in the light of recent textual studies.

Key words: Cicero, *Pro Archia*, Lat. F. XVIII. 12 (NLR), manuscript tradition, *stemma codicum*, textual criticism.

Речь Цицерона «В защиту поэта Архия» является одним из наглядных примеров того, насколько хрупко дошедшее до нас рукописное предание римской литературы, и сколь многим мы обязаны отдельным выдающимся личностям прошлого, в частности, деятелям эпохи Возрождения.

Речь в защиту Архия сохранилась всего в двух рукописях XII века (*G* и *E*),¹ к которым присоединяются список XV в. (*V*) — точная копия одной из этих двух (*E*) — и антология XII в., содержащая три отрывка из этой речи (*X*). Все остальные двести с лишним рукописей, содержащие эту речь, были созданы в эпоху Возрождения. При этом все гуманистические рукописи восходят к списку, выполненному Петраркой с рукописи, обнаруженной им в Льеже и впоследствии утраченной (*Leod.*).

В 1333 г. Франческо Петрарка (1304–1374) во время своей поездки по Европе обнаружил в Льеже манускрипт с речью в защиту Архия, которая не была известна ранее. Отчасти собственноручно, отчасти с помощью друга, Петрарка сделал копию найденной рукописи (*Petrarca. senil. XVI 1*). Спустя почти 20 лет Петрарка, будучи во Флоренции, увидел в библиотеке своего друга Лапо да Кастильонкио (*Lapo da Castiglionchio*) рукопись с недавно найденными речами *Pro imperio Cn. Pompei*, *Pro Milone*, *Pro Plancio* и *Pro Sulla*. Петрарка упросил Лапо дать ему на время драгоценный кодекс, продержал его у себя четыре года и, не найдя подходящего переписчика, переписал сам (*Petrarca. fam. XVIII 2*). Кодекс с 4 речами он вернул Лапо и в ответ отправил ему копию Льежской рукописи с речью в защиту Архия (подробнее см.: *Antonets, Solopov 2024: 51–54*).

Как и сам оригинал (*Leod.*), список Петрарки тоже был утрачен, а основной вопрос изучения истории текста *Pro Archia* заключается в реконструкции дальнейшей судьбы списка Петрарки и списка, который был сделан для Лапо, и в установлении их ближайших потомков.

Стемма рукописей, содержащих эту речь, составляет проблему, еще не решенную окончательно, а издатели занимают разную позицию в отношении критического аппарата. Так, издание Э. Тома полностью воспроизводит текст древнейшей рукописи *G*, которая считается *codex optimus* (Thomas 1883). Только на эту рукопись и на чтения кодекса *E* опирается в своем издании Ф. Гаффио. Чтения гуманистических рукописей, привлекаемые в аппарате, он обозначает общим наименованием

---

¹ Здесь и далее рукописи обозначаются посредством сиглов, принятых в изданиях Цицерона. Перечень рукописей с указанием их сиглов приведен ниже в списке литературы.

rec. scr., не конкретизируя, из какой именно рукописи они происходят (Gaffiot 1938).

Классические критические издания А. Кларка в серии *Bibliotheca Oxoniensis* (Clark 1911) и Г. Кастена в *Bibliotheca scriptorum Graecorum et Latinorum Teubneriana* (Kasten 1993) привлекают около десяти рукописей. Кларк изложил свое понимание истории рукописной передачи речи в защиту Архия, но не представил стеммы рукописей в виде привычной схемы. Кастен, в целом опираясь на выводы Кларка, предложил стемму рукописей, включающую две ветви традиции. Первая ветвь, по его мнению, представлена кодексами *E* и *V*, вторая — кодексом *G* и родственным ему списком Петрарки, которые оба восходят к утраченной Льежской рукописи (*Leod.*). Среди происходящих от списка Петрарки рукописей Кастен, вслед за Кларком, выделяет две группы, первую из которых представляет кодекс *a*, вторую — все остальные списки (ϕ). Рукопись *a*, хранящаяся во Флоренции, была создана около 1375–1400 гг. и принадлежала Колюччо Салютати (1331–1406). Этот кодекс традиционно выделяют в ряду других гуманистических рукописей. Консенсус *a* и ϕ , позволяющий реконструировать список Петрарки, обозначается ω (Antonets, Solopov 2024: 54–57).

Последнюю на сегодняшний день стемму рукописей предложили И. Де Кейзер и Т. Денейре (De Keyser, Deneire 2013; De Keyser 2013). Главный их тезис заключается, во-первых, в отказе от принятого ранее мнения, что кодекс *G* представляет традицию, отличную от *E* и *V*; и во-вторых, в опровержении положения об особом статусе кодекса *a* как рукописи, наиболее близкой к списку Петрарки. Таким образом, новая стемма, как и стемма Кастена, имеет двухчастную структуру, но в ней первая ветвь традиции представлена списками *G E V*, а вторая — только списком Петрарки (π), давшим начало гуманистической традиции. Кроме того, Де Кейзер выполнил новую (и первую детальную) классификацию гуманистических рукописей. Он предложил разделять гуманистические списки на четыре ветви (α , β , γ , δ), а не на две, как было принято ранее. Тщательное изучение большого числа гуманистических списков позволило расширить наши представления об истории передачи речи в XIV–XV вв., а также выделить среди вариантов текста, представленных в традиции, чтения архетипа, с одной

стороны, и инновации (будь то порча текста, неудачное исправление или конъектура), с другой стороны.

Значительным вкладом Де Кейзера в изучение рукописной традиции речи за Архия является составленный им каталог всех известных рукописей этой речи, которые ему удалось обнаружить в библиотеках мира. Каталог включает 271 рукопись.

Впрочем, в каталоге Де Кейзера осталась неучтенной рукопись, хранящаяся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) под шифром Lat. F. XVIII. 12 и содержащая речь в защиту Архия (Antonets 2005: 186–187; Bleskina 2011: 295). Настоящее сообщение посвящено этой рукописи и содержит попытку обозначить ее место в рукописном предании речи. В этом отношении Петербургская рукопись вводится в научный оборот впервые. Палеографическое описание этой рукописи и изложение ее истории (в том виде, в каком удалось ее установить в данный момент) мы опубликовали в другом месте (Antonets 2023). Здесь ограничимся кратким обзором.

Кодекс состоит из двух частей, выполненных двумя разными писцами. Первая часть (лл. 1лиц.–140об.), написанная одним писцом, содержит «Синонимы» Псевдоцицерона и сочинения Сикко Полентона (1375–1447) — канцлера Падуи и известного гуманиста первой половины XV в. Писец, переписавший первую часть рукописи, оставил два колофона (на л. 9об. и на л. 139об.), благодаря которым рукопись легко идентифицируется и датируется (1452 г.): *Deo gratias refero. Amen. Explicit liber Sicconis Polentoni scriptorum illustrium ad Polidorum filium scriptus per me Bonifatium Evagniliste (sic) de Murrovallium sub annis domini millesimo CCCCLII tempore Nicolai papae V-ti die X-a Ianuarii in Murro antedicto* (л. 139об.).

Вторая часть нашей рукописи (лл. 141лиц.–166об.) выполнена другой рукой и содержит пять речей Цицерона в следующем порядке: *De imperio Cn. Pompei, Pro Archia, Pro Ligario, Cum senatui gratias egit, Pridie quam in exsilium iret*.

В научной литературе наша рукопись фигурирует исключительно в связи с именем Сикко Полентона. Главный труд Полентона *Scriptorum Illustrium Latinae Linguae Libri* («Жизнеописание знаменитых латинских писателей») полностью издавался всего один раз — Б. Ульманом в 1928 г. (Ullman 1928). Перечисляя известные ему рукописи этого труда Полентона, Ульман

называет некую рукопись, принадлежавшую барону Г.-Д. фон Шёнбергу (1701–1783). Эту рукопись Ульман обозначает сиглом *S* и считает утраченной (Ullman 1928: XXIV–XXV). По колофону писца и по описанию мы отождествили эту, считавшуюся утраченной рукопись *S* из собрания фон Шёнберга, с рукописью Lat. F. XVIII. 12 из собрания РНБ (Antonets 2023).

Нам удалось также установить, что до поступления в собрание Шёнберга рукопись принадлежала иезуитскому коллегииуму в Мачерате, городе центральной Италии. Об этом свидетельствует надпись на л. 13лиц.: «Collegii Societatis Iesu Maceratae». Коллегиум существовал в период 1561–1773 гг.

Для текстологического исследования, начало которого представляет настоящая статья, важно отметить, что Петербургская рукопись была создана на севере Италии. Мы изучили текст рукописи и ниже рассмотрим подробнее разночтения, которые содержатся в речи *Pro Archia*, на фоне гуманистической традиции этой речи.

Согласно каталогу Де Кейзера, гуманистических списков речи *Pro Archia* сохранилось 267 (за вычетом кодексов *G E V X*). Если прибавить неизвестную ему Петербургскую рукопись, то получится 268. Из них только 8 кодексов датируются временем до 1400 г., к ним присоединяются 5 рукописей, написанных около 1400 г. Все остальные 255 списков (включая Петербургский) были созданы позднее 1400 года.

Если раньше из списков, созданных до 1400 г., внимание издателей было сосредоточено только на рукописях *a* и *P* (= *p* Clark, Kasten), то Де Кейзер изучил и привлек к текстологическому исследованию еще четыре ранние рукописи (*C F B Q*). Кроме того, вместо шести списков, созданных после 1400 г., которые традиционно привлекались в изданиях (Σ *χ b c k g* Clark), он исследовал чтения 11 рукописей первой половины XV в.: *A S M N D T O R* и *c b d*.² Все перечисленные рукописи были впервые введены им в научный оборот. Большой охват рукописного материала позволил составить более детальную стемму гуманистической традиции речи *Pro Archia*.

---

² Сиглами *b* и *c* Де Кейзер обозначает не те же самые рукописи, для которых используют эти сиглы Кларк и Кастен (см. перечень рукописей ниже).

Первую ветвь гуманистических рукописей Де Кейзер обозначает сиглом β . К ней он относит около 50 списков, имеющих общие ошибки в следующих трех местах: 14.19 *scriptores] scriptiones* β ; 23.11 *minus] om.* β ; 32.29 *probata esse] esse probata* β .³ Эти ошибки отсутствуют в рукописи *a* и в остальных гуманистических списках, что, по мнению исследователя, опровергает господствующее ранее убеждение в разделении гуманистического предания на две ветви (*a* и ϕ). Петербургская рукопись не содержит указанных ошибок и, следовательно, не входит в группу β .

Наиболее объемную ветвь гуманистических списков (более 150) Де Кейзер обозначает сиглом γ . К этой ветви относятся, в частности, рукописи, чтения которых ранее было принято привлекать в изданиях в качестве главных представителей группы ϕ (*$\Sigma \chi b c k g$ Clark*). Среди них — две старейшие гуманистические рукописи *P* (1394 г.) и *Q* (1375–1400 гг.), которые содержат пять речей в последовательности *Cic. Pomp., Mil., Planc., Sull., Arch.*, т.е. в том порядке, в каком они были в кодексе Лапо.

Все неконтаминированные рукописи ветви γ содержат следующие общие отличительные ошибки:

5.22 *domum] in domum* γ *Petr.*

5.24 *fuerit] fuit* γ *Petr.*

6.25 *Q. Metello* *Petr.*] *Q. om.* γ

13.6 *addo* *Petr.*] *ideo* γ

20.17 *item] om.* γ *Petr.*

22.1 *rebus] om.* γ *Petr.*

23.14 *est* *Petr.*] *om.* γ

24.17 *Номерум прaeconem* *Petr.*] *праeconem Номерум* γ

25.28 *videmus] vidimus* γ *Petr.*

30.12 *est] sunt* γ *Petr.*

31.24 *laudis] laudum* γ *Petr.*

Петербургская рукопись содержит почти все эти ошибки, что дает основание причислять ее к группе рукописей γ .

---

³ Место в тексте речи *Pro Archia* здесь и далее обозначается посредством указания номера параграфа речи и строки в издании Кастена 1993 г. Такой принцип использует Де Кейзер в своих работах, и мы в настоящей статье сочли целесообразным следовать ему во избежание путаницы.

Важный результат был получен в результате тщательного сличения текста рукописи *a* с остальными гуманистическими списками. Ранее рукопись *a* считалась уникальной рукописью, не имеющей потомков и родственных списков. Де Кейзер опроверг эту идею об изолированности *a*, обнаружив рукописи первой половины XV века *b c d*, которые имеют значительное число ошибок, общих с *a*, что может говорить об их происхождении от *a*. Кроме того, существуют рукописи *N O*, чтения которых позволяют возводить их к общему с *a* протографу ($\alpha 1$). Наконец, Де Кейзер впервые обратил внимание на рукопись *A*, которая хранится в Авиньоне. Эта рукопись дает правильные чтения в тех местах, где традиция $\alpha 1$ содержит ошибки, но при этом имеет общие ошибки с $\alpha 1$, что позволило возвести их к общему оригиналу *a*. Ветвь α включает немногим более 10 рукописей. Петербургская рукопись не содержит большинства характерных ошибок этой ветви.

Кодекс *A* является лучшим представителем ветви α . Значимость этой рукописи заключается также в том, что это, по-видимому, единственная рукопись вне группы γ , которая содержит маргинальные пометы, восходящие к правке Петрарки. Например, на полях кодексов *A Q P* содержится следующее одинаковое примечание: 18.27 *Ars ceteros studiosos, natura poetam facit A Q] Ars ceteros studiosos, natura poetam facit P*. Кроме того, кодекс *A* дает в некоторых местах два альтернативных разночтения, одно из которых находится в основном тексте, а второе писец приписал на полях. Например:

21.22 *naturae regione A G E] aliter natura A in marg.; natura $\beta \gamma$*

25.28 *videmus A G E] vel vidimus A inter lin.; vidimus $\beta \gamma$*

25.30 *iubere A G E] aliter iussit A] iussit $\beta \gamma$*

15.30 *ratio A codd.] oratio O N B] oratio vel ratio Q in marg.] oratio aliter ratio A P T.*

Наличие двух вариантов текста в рукописи *A* (ветвь α) при том, что один из этих вариантов находится в других ветвях гуманистической традиции ($\beta \gamma \delta$), позволяет предполагать наличие двойного чтения в протографе всех четырех ветвей ($\alpha \beta \gamma \delta$), то есть в списке Петрарки (π) или в его ближайшей копии. Этот вывод имеет важное значение для установления и понимания стеммы кодексов.

Наконец, четвертую ветвь традиции, обозначенную сиглом δ , представляет рукопись *D*. Этот кодекс содержит ряд

собственных ошибок, не встречающихся в остальных трех ветвях гуманистической традиции. В нем нет ошибок ни одной из групп, входящих в ветвь γ , и также нет типичных ошибок ветвей α и β . Поэтому, по мнению Де Кейзера, кодекс *D* сам по себе образует отдельную ветвь и восходит непосредственно к списку Петрарки. Однако, так как *D* был переписан в 1439 г., то есть почти через 60 лет после смерти Петрарки, то Де Кейзер предполагает, что *D* отделен от списка Петрарки промежуточным манускриптом (δ).

Из четырех ветвей только ветвь γ имеет следы первоначального собрания речей, каким оно должно было быть представлено в кодексе Лапо — последовательность *Pro imperio Cn. Pompei, Pro Milone, Pro Plancio* и *Pro Sulla* имеют рукописи *P* и *Q*. Так как в ветвях α и β речь в защиту Архия не вписывается в какую-то определенную последовательность так, чтобы какая-то определенная речь ей предшествовала или следовала бы за ней, то приходится предполагать (как считает Де Кейзер), что в этих ветвях речь с самого начала циркулировала сама по себе и только позднее была включена в собрание речей.

Текст речи, представленный ветвями α β δ , вероятно, восходит к той копии, которую Петрарка сделал с Льежской рукописи и которая содержала лишь небольшое число его маргиналий и исправлений. Копию этого текста Петрарка при жизни отправил Лапо.

Свои филологические заметки, наблюдения и исправления Петрарка вносил в дубликат, сделанный с того списка, который он выполнил с Льежской рукописи. Если Лапо получил список, практически лишенный маргиналий Петрарки, то в свою рабочую копию Петрарка внес обширные пометы. Именно эта, содержащая примечания Петрарки, копия стала протографом рукописей ветви γ .

Перечень внесенных Петраркой помет может быть реконструирован на основании маргиналий, сохранившихся в кодексе *Q*, который содержит наибольшее их число, а также маргиналий рукописи *T* (где эти маргиналии проникли в основной текст) и в меньшей степени на основе маргиналий рукописи *P*. Как было доказано, маргиналии рукописей *Q P T* происходят из списка Петрарки. Кроме того, рукопись *P*, переписанная в 1394 г. в Падуе, содержит субскрипцию: *Marcii Tullii Ciceronis quinque orationes preclarissime expliciunt* (f. 129v), которая со

всей очевидностью свидетельствует о том, что в протографе этой рукописи пять речей сохраняли последовательность кодекса, который Петрарка взял у Лапо (похожая субскрипция есть и в рукописи *T*) (De Keyser 2013: 296–297).

Только после смерти Петрарки число копий с его списка (γ) стало существенно увеличиваться, чего он не допустил бы при жизни. Часть библиотеки Петрарки оставалась после его смерти в Падуе, и именно в Падуе был написан кодекс *P* в 1394 году.

Критические заметки Петрарки оказались рассеянными по рукописям, составляющим наиболее объемную ветвь γ . Она разделяется на три основные группы (*C*, $\gamma 1$ (в которую входит подгруппа рукописей $\gamma 3$), $\gamma 2$), часто переплетающиеся друг с другом.

К подгруппе $\gamma 3$ принадлежат, в частности, рукописи *Q* и *T*. Большая часть рукописей $\gamma 3$ содержит следующие общие ошибки: 2.14 aut *Petr.*] ac $\gamma 3$

11.17 delatus est *Petr.*] est delatus $\gamma 3$

23.7 gloriae fructum *Petr.*] fructum gloriae $\gamma 3$

25.29 versibus longiusculis] longiusculis versibus $\gamma 3$ *Petr.*

Из этих характерных для $\gamma 3$ ошибок в Петербургском кодексе присутствует только последняя (25.29), но она не может считаться показательной, так как для *Petr.* в целом характерна перестановка двух соседних слов.

Общий источник подгруппы $\gamma 3$ и кодекса *P* Де Кейзер обозначает $\gamma 1$. В группу $\gamma 1$ входит большое число рукописей. Одной из ошибок, свойственных рукописям $\gamma 1$ и отличающих их от рукописей группы $\gamma 2$ и от кодекса *C*, является следующая:

20.12 quisquam est *Petr.* *C* $\gamma 2$] est quisquam $\gamma 1$.

Отметим, что *Petr.* в данном месте дает правильное чтение, вместе с кодексом *C* и рукописями группы $\gamma 2$.

Наконец, в группу $\gamma 2$ входят около 45 рукописей. Рукописи $\gamma 2$, помимо общих ошибок группы γ , содержат следующее отличительное разночтение:

20.13 facile praesonium *Petr.*] praesonium facile $\gamma 2$.

Это разночтение Де Кейзер принимает в качестве основной отличительной ошибки группы $\gamma 2$.

Большая часть этих рукописей также содержит ошибки:

3.22 a forensi *Petr.*] a *om.* $\gamma 2$

5.19 eos *Petr.*] eius $\gamma 2$.

Петербургская рукопись дает в данных местах правильное чтение вопреки ошибкам $\gamma 2$.

Как мы видим, *Petr.* не содержит отличительных ошибок ни одной из выделенных Де Кейзером групп $\gamma 1$ (и входящей в нее подгруппы $\gamma 3$) и $\gamma 2$, но имеет ошибки, общие для всей ветви γ . Кроме того, *Petr.* не содержит большинства отличительных ошибок ветвей $\alpha \beta \delta$.

Это может послужить основанием для того, чтобы возводить *Petr.* непосредственно к протографу γ . Тот факт, что *Petr.*, не разделяя ошибок группы $\gamma 2$, примыкает к ней и к кодексу *C* в случае 20.12 *quisquam est Petr.* *C* $\gamma 2$, возможно, служит аргументом в пользу этого предположения.

Ниже мы приводим список разночтений, которые присутствуют в Петербургской рукописи. Мы выбрали те варианты текста, которые либо не нашли отражения в аппаратах критических изданий и текстологических исследованиях, либо показались нам примечательными для дальнейших исследований истории текста речи в защиту Архия. Большая часть этих разночтений является ошибками, но они могут послужить опорой определения места *Petr.* в стемме рукописей:

- 1.6 longissime potest] longissime benigne potest *Petr.*
- 1.9 ad ingrediendam] ad aggrediendam *Petr.*
- 1.9 exstitisse] stitisse *Petr.*
- 1.10 conformata] confirmata *Petr.*
- 3.20 lectissimum virum] litteratissimum virum *Petr.*
- 3.28 in iudicii periculisque] in iudicii publicisque *Petr.*
- 4.3 non modo non] non modo *Petr.*
- 4.4 asciscendum] arcessendum *Petr.*
- 4.11 ut famam ingeni exspectatio hominis] ut famam ipsius adventus
exspectatio hominis *Petr.*
- 5.12 Graecarum artium] Graecarum *om. Petr.*
- 5.13 studiaque haec et in Latio] studiaque hoc in Latio *Petr.*
- 5.16 ceterisque praemiis] cunctisque praemiis *Petr.*
- 8.15 tabulas] tabellas *Petr. cett.*
- 9.23 civitatem datam *GEVa*] civitate data *cett.*] civitate donata *Petr.*
- 9.24 immo vero iis tabulis professus] *om. Petr.*
- 9.27 Gabini *GEV Schol. Bob.*] Gabii *cett.*] Gabius *Petr.*
- 9.29 omnium] hominum omnium *Petr.*
- 9.31 tabulis] tabellis *Petr.*
- 10.7 tabulis] tabellis *Petr.*
- 11.11 primis] in primis *Petr.*

- 11.14 gessisse] egisse *Petr.*
 12.30 avocarit] advocarit *Petr.*
 13.31 suscenseat] succenseat *X Petr.*
 13.6 hoc adeo *G E V X a*] hoc ideo *cett.*] hoc addo *Petr.*
 14.15 omnes sunt *G X cett.*] sunt omnes *E V χ*] sunt pleni omnes *Petr.*
 15.27 gravis exstitisse] graves stetitisse *Petr.*
 15.29 idem ego hoc contendo] ego idem concedo *Petr.*
 17.12 mirari] admirari *Petr.*
 17.13 quis nostrum] quis vestrum *Petr.*
 18.24 perveniret] pertinere *Petr.*
 18.29 qua re suo iure noster] *om. Petr.*
 19.32 voci respondent] vocitent *Petr.*
 19.5 dedicaverunt] dedicarunt *Petr.*
 19.5 permulti] multi *Petr.*
 19.9 contulerit] contulerat *Petr.*
 21.19 in multa varietate] in multa virtute *Petr.*
 21.19 expressum] comprehensum *Petr.*
 21.24 Armeniorum] armorum *Petr.*
 21.28 classis et] classe et incredibili constant *Petr.*
 22.32 et marmoratis *codd.*] et marmoratis lapidibus *Petr.*
 22.3 rudem tum (tu *E V*) *G E V a b Petr.*] rudem tamen $\Sigma p c k$
 24.18 inveneris *b (Clark) c (Clark) χ*] inveneras *G E V a p Petr.*
 25.25 legibus] *om. Petr.*
 25.28 libellum] bellum *Petr.*
 25.32 duxerit] duxerunt *Petr.*
 26.8 illis libellis] illis libris *Petr.*
 28.23 adhortatus sum *E*] hortatus fui *c k Petr.*
 29.29 neque tot curis] nec tantis curis *Petr.*
 30.7 animorum] virorum *Petr.*
 30.11 disseminare] seminare *Petr.*
 31.25 omnis] vos *Petr.* omnes *Petr. in marg.*
 32.30 communiter] comiter *Petr.*
 32.31 locutus] locus *Petr.*

Самыми частыми ошибками писца Петербургской рукописи являются пропуски слов в тексте, а также перестановка местами двух соседних слов. Кроме того, многие ошибки переписчика *Petr.* обусловлены неверным прочтением сокращения, которое было в протографе (например: 21.19 in multa varietate] in multa virtute *Petr.*; 30.7 animorum] virorum *Petr.*; 32.30 communiter] comiter *Petr.*; 32.31 locutus] locus *Petr.* и др.).

Некоторые разночтения *Petr.*, как представляется, можно считать результатом филологической работы. Так, целенаправленное стремление к единообразию можно усмотреть в последовательном выборе формы плюсквамперфекта в двух местах: 19.9 contulerit]

contulerat *Petr.* и 24.18 inveneris] inveneras *Petr.*, а также в употреблении формы confirmata и confirmatio в двух случаях: 1.10 conformata] confirmata *Petr.* и 15.30 conformatio] confirmatio *Petr. cett.* Сюда же можно отнести систематическое употребление формы tabellae в трех местах: 8.15 tabulas] tabellas *Petr. cett.*; 9.31 tabulis] tabellis *Petr.*; 10.7 tabulis] tabellis *Petr.*, а также, возможно: 1.9 exstitisse] stitisse *Petr.* и 15.27 gravis exstitisse] graves stitisse *Petr.*

К позднейшим исправлениям, которые, возможно, являются конъектурами, можно причислить следующие чтения: 28.23 adhortatus sum *E]* hortatus fui *c k Petr.*; 21.28 classis et *codd.]* classe et incredibili constant *Petr.* и 19.32 voci respondent] vocitent *Petr.*

Таким образом, предварительное изучение текста речи *Pro Archia*, представленного в Петербургской рукописи Lat. F. XVIII. 12 (РНБ) (*Petr.*), показало, что рукопись содержит стандартный набор разночтений, характерный для всех гуманистических списков, восходящих к экземпляру Петрарки (π). Из четырех ветвей гуманистической традиции, выделенных Де Кейзером, *Petr.* примыкает к ветви γ . Однако рукопись не содержит общих ошибок, которые бы позволили отнести его к какой-либо группе внутри этой ветви — γ_1 (и входящей в нее подгруппе γ_3), *C* или γ_2 . Дальнейшее изучение гуманистических рукописей, возможно, позволит выявить связи между рукописями, не вошедшими в выделенные Де Кейзером группы, и построить более детальную стемму рукописей ветви γ .

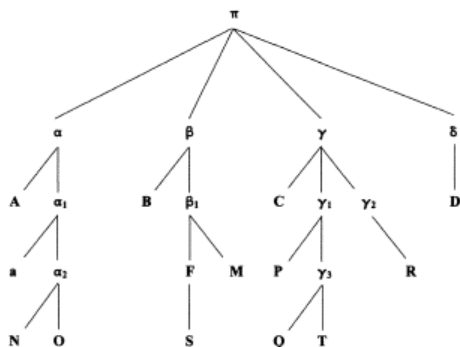

Рис. 1. Стемма гуманистических рукописей речи Цицерона в защиту Архия (De Keyser 2013).

Литература

Рукописи:

древнейшие (XII в.):

G — Brussels, Koninklijke Bibliotheek van België, 5348–5352 (1100–1200 гг.)

E — Berlin, Staatsbibliothek, Lat. fol. 252 (ок. 1158 г.)

V — BAV, Vat. Pal. Lat. 1525 (1467 г.)

X — (excerpta) Paris, BnF, Lat. 18104 (1175–1200 гг.)

рукописи до 1400 г.:

P — BAV, Vat. Pal. Lat. 1820 (1394 г.) (= *p* Clark, Kasten)

a — Firenze, Biblioteca Medicea Laurenziana, Plut. 23 sin. 3 (1375–1400 гг.)

C — Firenze, Biblioteca Medicea Laurenziana, Plut. 53.12 (1396–1415 гг.)

F — Firenze, Biblioteca Medicea Laurenziana, Plut. 76.32 (1370–1390 гг.)

B — Milano, Biblioteca Ambrosiana, D 69 inf. (1391–1410 гг.)

Q — BAV, Vat. lat. 9305 (1375–1400 гг.)

рукописи после 1400 г.:

A — Avignon, Bibliothèque Municipale, 1215 (1400–1450 гг.)

S — Berlin, Staatsbibliothek, Diez. B Sant. 149 (1415–1427 гг.)

M — Firenze, Biblioteca Medicea Laurenziana, Plut. 48.11 (ок. 1415 г.)

N — Firenze, Biblioteca Medicea Laurenziana, Plut. 48.25 (1417–1430 гг.)

D — San Daniele del Friuli, Biblioteca Comunale Guarneriana, 59 (1439 г.)

T — Trento, Biblioteca Comunale, W 241 (1400–1450 гг.)

O — BAV, Vat. Ottob. lat. 1463 (1415–1450 гг.)

R — BAV, Vat. Pal. lat. 1485 (1400–1425 гг.)

c (De Keyser) — BAV, Vat. Ottob. lat. 1184 (1458–1468 гг.)

b (De Keyser) — BAV, Vat. lat. 1837 (1424–1429 гг.)

d — Venezia, Biblioteca Nazionale Marciana, lat. Z 428 (1810) (1450–1455 гг.)

Σ — Paris, BnF, Lat. 14749 (ок. 1400 г.)

b — (Clark, Kasten) — Firenze, Biblioteca Nazionale Centrale, Conv. Soppr. I. IV.4 (ff. 55v–60r) (1450–1460 гг.)

c — (Clark, Kasten) — Oxford, Bodleian Library, Can. Clas. Lat. 226 (1400–1450 гг.)

k — Paris, BnF, Lat. 7779 (1459 г.)

χ — Firenze, Biblioteca Nazionale Centrale, Conv. Soppr. I. IV.5 (ff. 194v–198r) (1450–1475 гг.)

Petr. — Санкт-Петербург, РНБ, Lat. F. XVIII. 12 (1452 г.)

Antonets, E. V. 2005: [The manuscripts of the Roman classical authors in the National Library of Russia]. *Vestnik drevnej istorii*. 3, 168–221.

Антонец, Е. В. 2005: Рукописи римских классических авторов в Российской национальной библиотеке. *Вестник древней истории*. 3, 168–221.

Antonets, E. V. 2023: [The manuscript Lat. F. XVIII. 12 from the collection of the National Library of Russia (Sicco Polenton);

- Cicero): the script and the history of the manuscript]. In: *Istoria pis'ma evropejskoj tsivilizatsii i pis'mennaja kul'tura narodov Rossii* [The history of writing of European civilisation and written culture of the peoples of Russia]. Kazan': IJALI, 206–211.
- Антонец, Е. В. 2023: Гуманистический сборник речей Цицерона и сочинений Сикко Полентона Lat. F. XVIII. 12 (РНБ): особенности письма и история рукописи. В сб. *История письма европейской цивилизации и письменная культура народов России*. Казань: ИЯЛИ, 206–211.
- Antonets, E. V., Solopov, A. I. 2024: *Mark Tullij Tsitseron. Rech' v zashchitu poeta Arkhija. Izdanie teksta i kommentarij E. V. Antonets i A. I. Solopova* [M. Tullius Cicero. Pro Archia poeta oratio. Edited with the commentary by E. V. Antonets and A. I. Solopov]. Moscow: RValent.
- Антонец Е. В., Солопов А. И. 2024: Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту поэта Архия. Издание текста и комментарий Е. В. Антонец и А. И. Солопова. М.: РВалент.
- Bleskina, O. N. (ed.) 2011: *Rossijskaja natsional'naja biblioteka. Katalog sobranija latinskikh rukopisej: pravo, filosofija, nauka, literatura i iskusstvo* [The National Library of Russia. The catalogue of the collection of Latin manuscripts: law, philosophy, literature and art]. Sankt-Peterburg: RNB.
- Блескина, О. Н. (сост.) 2011: Российская национальная библиотека. Каталог собрания латинских рукописей: право, философия, наука, литература и искусство. СПб.: Российская национальная библиотека.
- Clark, A. C. 1911: *M. Tulli Ciceronis orationes. Vol. VI. Pro Tullio, Pro Fonteio, Pro Sulla, Pro Archia, Pro Plancio, Pro Scauro*. Oxonii: E typographeo Clarendoniano (1964⁷).
- De Keyser, J. 2013: The Descendants of Petrarch's 'Pro Archia'. *The Classical Quarterly*. 63, 1, 292–328.
- De Keyser, J., Deneire, T. 2013: A New Stemma for Cicero's Pro Archia. *Eikasmós. Quaderni Bolognesi de Filologia Classica*. 24, 193–208.
- Gaffiot, F. 1938: *Cicéron. Pour le poète Archias*. Paris: Les Belles-Lettres (1989⁵).
- Kasten, H. 1993: *M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Fasc. 19. Oratio pro P. Sulla. Oratio pro Archia poeta*. Stutgardiae et Lipsiae: Teubner (Nachdruck).
- Thomas, É. 1883: *M. Tulli Ciceronis oratio pro Archia. Discours de Cicéron pour le poète Archias*. Paris, Hachette.
- Ullman, B. L. 1928: *Sicconis Polentoni Scriptorum illustrium Latinae linguae libri XVIII*. Rome: American Academy in Rome.

А. С. Балаховская
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия,
a.balakhovskaya@gmail.com

«ЖИТИЕ АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО» АФАНАСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО КАК ХРИСТИАНСКАЯ БИОГРАФИЯ

В статье в контексте истории развития античной биографии рассматривается «Житие Антония Великого» Афанасия Александрийского. В этом произведении нашли отражение жанровые черты античной биографии, такие как отсутствие хронологических меток, идеальный характер героя, использование анекдотов, максим, речей и исторических источников, однако «Житие Антония Великого» имеет свои особенности, поскольку здесь, в отличие от биографий языческих авторов, имеет место динамика образа героя. Это связано со спецификой христианского дискурса, которому изначально присуща идея движения.

Ключевые слова: античная биография, житие, жанр, язычество, христианство, святой, христианский дискурс.

Alexandra S. Balakhovskaya
A. M. Gorky Institute of World Literature, RAS, Moscow, Russia.
a.balakhovskaya@gmail.com

The Life of St. Anthony the Great by Athanasius of Alexandria as a Christian biography

The paper studies the *Life of St. Anthony the Great* by Athanasius of Alexandria in the context of the history of ancient biography. The first biographical works were written in the 5th century BC, but biography was recognized as a special literary genre in the Hellenistic period. In the 3rd-4th centuries AD the biography got a religious dimension; its main character was either a pagan or a Christian saint. Biography, unlike encomium, does not have a clear formal structure, but its main characteristic features are the absence of chronological marks, the ideal character of the hero, the use of anecdotes, maxims, orations and historical sources. We can find these genre features in the *Life of St. Anthony the Great*. This work is divided into a prologue, an epilogue and two parts, the first of which tells the story of the spiritual improvement of the hero, and the second depicts the activities of Anthony and his relationships with the outside world. The image of the ideal hero in this work has a special feature, namely, we can see the dynamics of the development of his image. This feature can be

explained, on the one hand, by the fact that the idea of movement, which is based on the biblical view of the world, is inherent to Christian discourse as a whole, and on the other hand, by the fact that the biblical worldview and the hagiographic discourse based on it are characterized by the idea of revealing what was already given initially. Thus, the ideal represented in the image of the hero in the *Life* of St. Anthony the Great is antinomic. To portray him, the author uses anecdotes, maxims and orations. The anecdotes, maxims and speeches included in the *Life* of St. Anthony the Great make the narrative visual and plastic, and thereby bring it closer to the reader. So, even though pagan and Christian biographies, due to their common characteristics, constitute one single genre, there is however a clear line dividing them, which is explained by the peculiarities of religious views.

Keywords: ancient biography, lives of saints, genre, paganism, Christianity, saint, Christian discourse.

«Житие Антония Великого» Афанасия Александрийского в контексте истории античной биографии рассматривали многие ученые. Наиболее известный труд на эту тему принадлежит Р. Рейценштейну (Reitzenstein 1914), который увидел параллели между этим житием и жизнеописаниями Пифагора Порфирия и Ямвлиха. В качестве образца христианской биографии это произведение изучают и современные исследователи С. Рубенсон (Rubenson 2006: 191–208) и П. Кокс (Cox 1983). Задача нашей работы состоит в том, чтобы рассмотреть литературные особенности этого памятника на фоне развития античной биографии в целом.

Античная биография прошла длительный путь развития. Первые сочинения биографического характера относятся к V в. до н.э. (Momigliano 1971: 12), однако в качестве особого жанра биография осознается лишь в эллинистический период (Momigliano 1971: 12; Cox 1983: 6). В ранний имперский период Плутарх уже делал четкое разграничение между историографией и биографией, отмечая, что историография исследует деяния (πράξεις) героя, а биография его нрав (ἦθος) (Cox 1983: 12).

В III–IV вв., в период соперничества между уходящим в прошлое язычеством и набирающим все большую мощь христианством, биография становится инструментом в литературном споре между ними. В этот период она получила религиозное измерение, и, как следствие этого, изменился характер ее героя. Если раньше биографии были посвящены императорам, знаме-

нитым полководцам, тиранам, представителям различных философских школ, риторам, поэтам, музыкантам (Averincev 1973: 165–170), то теперь их героем становится религиозный лидер, «божественный мудрец» (Сох 1983:17).

Этот тип героя характерен как для языческих, так и для христианских биографий, с одной стороны, таких, как «Жизнеописание Аполлония» Филострата, «Жизнеописание Пифагора» и «Жизнеописание Плотина» Порфирия, «О Пифагоровой жизни» Ямвлиха, а, с другой, «Жизнеописание Оригена» и «Жизнеописание Константина» Евсевия Памфила, «Жизнеописание Антония Великого» Афанасия Александрийского.

Образ «божественного мудреца» — это образ святого, как языческого, так и христианского. В языческой традиции святой — это философ и духовный учитель (Fowden 1982: 34–35), а в христианской — ученик и последователь Христа. Исследовательница позднеантичной биографии П. Кокс выделила черты, характерные для этого типа героя. В их числе — мудрость, превосходство над человеческой природой, аскетический образ жизни, проповедь своего учения, создание сообщества последователей. В свою очередь, она отмечает, что существуют две разновидности «божественного мудреца» — сын Божий и богоподобная личность. Первый из них представляет собой богоподобную личность, изъятую из исторического контекста и имеющую чудесное происхождение, а второй — наделенного божественными дарами человека (Сох 1983: 21–30).

Биография — жанр античной литературы, нормы которого, в отличие от энкомия, не были прописаны в руководствах по риторике и который не имеет формальной структуры и четкого жанрового шаблона (Сох 1983: 54–55). В свое время Ф. Лео выделил два типа биографических повествований — один, построенный по хронологическому принципу (плутарховский тип), а другой — по тематическому (светониев тип) (Leo 1901: 131–144; 147–148; 149–187; Сох 1983: 51).

Однако эта схема не является универсальной, поскольку, как заметил С. С. Аверинцев, Плутарх в ряде биографий строит повествование не по хронологическому принципу, а по тематическому (Averincev 1973:130). В полной мере она также не приложима и к биографиям «божественных мудрецов», поскольку в них имеют место различные вставки и дополнения, которые

не укладываются ни в плутарховскую, ни в светониеву модели (Сох 1983: 51–52).

Поскольку не существует единого структурного шаблона биографии в целом и биографии святых, в частности, следует определить другие признаки, благодаря которым биографию можно было бы выделить в отдельный жанр. Этими признаками являются отсутствие четких хронологических вех и идеальный характер героя, который не развивается во времени, а существует в длительном настоящем.

Однако такой идеальный характер требует реального воплощения, а рассказ о нем — придания ему видимости исторического повествования. Это достигается путем использования биографом различных литературных форм, таких как анекдоты, максимы, речи. Таким образом, биография, представляет собой пестрое собрание этих литературных форм, объединенных в единое целое (Сох, 1983: 57–58).

Анекдот в данном случае — это исторический рассказ, содержащий в себе какой-либо яркий эпизод из жизни героя. Анекдоты являются связующим звеном между идеальным образом героя и его конкретным воплощением в тексте, обеспечивая взаимодействие между идеалом и повседневностью (Сох 1983: 58).

Другой способ придания вида исторической достоверности рассказу — это ссылка на высказывания героя, на его речи и максимы — краткие афоризмы, имеющие морализаторское значение (Сох 1983:62). Эффект достоверности повествования в биографиях святых достигается также путем использования исторических источников (Сох 1983:65). Обратимся теперь к «Житию Антония Великого» Афанасия Александрийского и рассмотрим, какое преломление данные жанровые признаки нашли в этом произведении.

Образ Антония Великого — это образ «божественного мудреца», в котором, как мы помним, различаются два типа: сын Божий и богоподобная личность. Антоний принадлежит ко второму типу. По структуре «Жизнеописание Антония» приближается, как и большинство языческих биографий святых, к светониевой модели, то есть имеет двухчастную структуру: первая часть представляет собой короткий исторический рассказ, вторая же построена по тематическому принципу. Возможно, такая композиция сочинения объясняется тем

влиянием, которое оказали на Афанасия Александрийского его литературные предшественники (Сох 1983: 53).

Структура «Жития Антония Великого» подробно проанализирована в статье С. Рубенсона «Переоценка наследия классической биографии в “Житии Антония” Афанасия» (Rubenson 2006: 194–197). Автор отмечает, что «Житие» включает в себя пролог и эпилог и традиционно разделено на две части, первая из которых посвящена рассказу о духовном совершенствовании героя, о его аскетической борьбе и его учении о духовной брани, а вторая представляет собой повествование о деятельности Антония и его взаимоотношениях с внешним миром. В качестве границы между первой и второй частью С. Рубенсон определяет 44 главу «Жития», завершающую продолжительную беседу Антония с народом об аскетической жизни.

Как мы помним, одной из жанровых черт биографии святых является отсутствие четких хронологических указаний. Расплывчатость хронологии характерна и для «Жития Антония Великого». Несмотря на то, что здесь встречается нескольких точных временных меток, как правило, для обозначения временных вех здесь используются такие слова, как «когда» (ἐτεῖδῃ), «после» (μετά), «некогда» (ποτέ), «затем» (εἶτα), «однажды» (μία ἡμέρα) (Migne 1857–1866: col.841 A; col.841 B; col. 865 C) и др. Порой рассказы о различных случаях из жизни Антония вообще лишены временных связей, они просто перечисляются один за другим и являются тематической подборкой рассказов о чудесах и добродетелях святого.

Приведем примеры. «Некий царедворец Фронтон, страдающий тяжелой болезнью...» (Εἷς γοῦν Φρόντων καλούμενος, ἀπὸ Παλατίου τυγχάνων, καὶ πάθος ἔχων δεινόν) (Migne 1857–1866: vol. 26. col. 925 B). Так начинается рассказ об исцелении Антонием царедворца Фронтоня. Следом за ним без всякого перехода идет повествование об исцелении некой девицы: «Некая девица из Трипольского Бусириса страдала тяжелой и постыдной болезнью...» («Παρθένος δέ τις ἀπὸ Βουσίρεως τῆς Τριπόλεως πάθος εἶχε δεινὸν καὶ λίαν αἰσχρόν») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 925 C), а затем сразу сообщается о прозорливости Антония, призвавшем монахов поспешить на помощь братьям, у которых в пустыне кончилась вода: «Когда два брата находились в пути, и у них недостало воды» («ἐσέρχομένων δὲ δύο ἀδελφῶν τινῶν,

καὶ λείψαντος ἐν τῇ ὁδῷ τοῦ ὕδατος...») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 928 B).

Выше мы говорили о том, что отсутствие четкой хронологии в биографиях святых связано с тем, что здесь изображается не характер в его историческом развитии, а неизменяемый идеал. В этом отношении «Житие Антония Великого» имеет, по сравнению с языческими биографиями, некоторую специфику, ибо здесь можно проследить изменения в образе героя (Priessnig 1971: 3–4).

В сочинении Афанасия Александрийского четко просматриваются этапы духовного становления Антония — благочестие в детстве и отрочестве, упражнения в подвижничестве возле дома, затвор в гробницах, отшельничество в пустыне. Для описания этого процесса Афанасий Александрийский употребляет соответствующие выражения: Антоний трудится над собой «все больше и больше» («μᾶλλον καὶ μᾶλλον»), ставя перед собой задачу «приучить себя» («ἐαυτὸν ἐθίζειν») к более суровому образу жизни и, как итог, «душевная ревность, сохранявшаяся долгое время, привила ему добрый навык» («προθυμία τῆς ψυχῆς, πολὺν χρόνον ἐμμείνασα, ἕξις ἀγαθὴν ἐνεργάζετο ἐν αὐτῷ») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 852 B).

П. Кокс объясняет феномен динамики характера Антония, спецификой христианской аудитории, к которой обращен этот памятник. Если авторы языческих биографий апеллировали к узкому кругу своих последователей, и в силу этого им было необходимо изначально дать образец незыблемого идеала для небольшого числа подготовленных людей, то сочинение Афанасия Александрийского было адресовано всем христианам, для которых пример Антония являл образец доступного каждому христианского подвига (Сох 1983: 54).

Однако такое объяснение не является исчерпывающим. Идея движения присуща христианскому дискурсу в целом. В основе этой идеи лежит библейский взгляд на мир. Если для языческого сознания характерно видение бытия как «космоса», как пространства, как чего-то незыблемого, постоянно возвращающегося в исходную точку, то для библейского мирозерцания бытие — это, прежде всего, существование во времени, в потоке истории (Averincev 1975: 269).

Образы движения, бега, совершенствования неоднократно встречаются в Священном Писании, например, в послании к

Филиппийцам: *я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед* (Фил., 3:13–14), или в первом послании к Коринфянам: *Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить* (1 Кор., 9:24–27).

Мысль о совершенствовании и возрастании в подвиге повторяет и Афанасий Александрийский, приводя слова Антония из его беседы с монахами: «Да будет, прежде всего, у всех общая ревность, чтобы начав, не ослабевать и не унывать в трудах и не говорить: “Мы не возрастаем в подвиге”, но лучше, словно каждый день начиная, умножать ревность» («Ἔστω δὲ προηγουμένως κοινὴ πᾶσιν αὐτῆ σπουδὴ, ἀρξάμενους μὴ ὑπενδοῦναι, μηδὲ ἐκκακεῖν ἐν τοῖς πόνοις, μηδὲ λέγειν: Ἐχρονίσαμεν ἐν τῇ ἀσκήσει, ἀλλὰ μᾶλλον ὡς ἀρχόμενοι καθ’ ἡμέραν, τὴν προθυμίαν ἐπλαυξήσωμεν») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 868 A).

С другой стороны, для библейского мирозерцания и основанного на нем агиографического дискурса характерна идея раскрытия того, что уже дано изначально. Примером может послужить евангельская притча о горчичном зерне (Мф., 13:31–32). Дерево, которое выросло из горчичного зерна уже заключено в нем. Произрастание дерева из зерна является образом раскрытия того, что уже заключено в зерне, и царство Божие, которое уже даровано миру, раскрывается во времени.

Поэтому, когда мы читаем в «Житии Антония Великого» о том, что юноша услышал в церкви евангельские слова: *Если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за мной* (Мф., 19:21), то это и есть формулировка того идеала, который воплощает образ Антония. Идеал этот существует изначально, но по мере совершенствования в монашеской жизни Антоний все больше и больше приближался к нему.

Таким образом, идеал, воплощением которого является образ героя в «Житии Антония Великого», антиномичен. С одной стороны, он неизменен, и в этом отношении произведение Афанасия Александрийского лежит в русле традиции позднеантичной биографии «божественного мудреца», а с другой, подвержен динамике, что объясняется особенностями христианского агиографического дискурса.

Итак, Антоний изображен в биографии как идеал для подражания, но, как и в других биографиях, чтобы этот идеал нашел

воплощение в тексте, автор прибегает к традиционному приему использования анекдотов, максим и речей. Имеющие место в «Житии Антония Великого» анекдоты конкретизируют повествование, делают его наглядным, пластичным и тем самым приближают к читателю.

Например, в одном из анекдотов рассказывается о том, как герой с легкостью избежал зубов хищных рептилий. «Когда у него возникла необходимость перейти канал в Арсеное (а необходимостью было посещение братий), канал оказался полным крокодилов. И лишь помолвившись, вступили туда он и бывшие с ним и перешли без всякого вреда» («Χρείας δὲ γενομένης διελθεῖν αὐτὸν τὴν τοῦ Ἀρσενοῖτου διώρυγα (χρεία δὲ ἦν ἡ τῶν ἀδελφῶν ἐπίσκεψις), πλήρης ἦν ἡ διώρυξ κροκοδείλων. Καὶ μόνον εὐξάμενος, ἐνέβη αὐτός τε καὶ πάντες οἱ σὺν αὐτῷ, καὶ διῆλθον ἀβλαβεῖς (Migne 1857–1866 : vol. 26, col. 865 B-C)»).

В другом случае рассказывается, что Антоний изгнал демона из бесноватого юноши, когда тот укрылся на корабле, и святой почувствовал зловоние от беса. «И демон, смущенный именем Господа нашего Иисуса Христа, вышел, и человек стал здоров. И все поняли, что зловоние происходило от демона» («Ἐπιτιμηθεὶς δὲ ὁ δαίμων ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἐξῆλθε· καὶ ὁ μὲν ἄνθρωπος γέγονεν ὑγιής· πάντες δὲ ἔγνωσαν, ὅτι τοῦ δαίμονος ἦν ἡ δυσωδία») (Migne 1857–1866: vol.26, col. 933 A).

Эти и другие анекдоты призваны не только наполнить конкретикой рассказы о подвигах и добродетелях героя, но, приблизив тем самым повествование к читателю, сделать его узнаваемым и назидательным.

В «Жизнеописании Антония», подобно другим биографиям, используются и максимы, которые, как мы помним, также являются средством придания достоверности повествованию. Таково, например, высказывание Антония, обращенное к языческим философам, смеявшимся над ним за то, что он не учился грамоте: «Итак, тот, кто здрав умом, тому не нужны письмена» («Ὡ τοίνυν ὁ νοῦς ὑγιαίνει, τοῦτω οὐκ ἀναγκαῖα τὰ γράμματα») (Migne 1857–1866: vol.26, col. 945 A).

Другим примером является ответ Антония, обращенный к собравшимся монахам после получения письма от сыновей Константина Великого Констанция и Константа: «Не удивляйтесь, если пишет вам царь, ибо он человек, но лучше удивляй-

теть, что Бог написал людям закон и изрек нам его через Своего Сына» («Μὴ θαυμάζετε, εἰ γράφει βασιλεὺς πρὸς ἡμᾶς, ἄνθρωπος γάρ ἐστιν· ἀλλὰ μᾶλλον θαυμάζετε, ὅτι ὁ Θεὸς τὸν νόμον ἄνθρώποις ἔγραψε, καὶ διὰ τοῦ ἰδίου Υἱοῦ λελάληκεν ἡμῖν») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 956 B).

Речи Антония включены, главным образом, во вторую часть «Жития» и представляют собой наставления монахам, обличение ересей, обращения к язычникам, пророчества о судьбах Церкви. В конце «Жития» приводится прощальное обращение святого к ученикам накануне кончины.

В одной из речей Антоний увещевает монахов ставить попечение о душе выше попечения о теле, в другой он обращается к народу с обличением ереси арианства. Возможно, в этой речи Афанасий Александрийский, многие из творений которого посвящены антиарианской полемике, вложил в уста Антония свои собственные мысли. «Сын Божий не тварь, и не из не сущих, Он есть Слово и Мудрость, совечные сущности Отца. Поэтому нечестиво говорить: “было, когда не было”, ибо вечно было Слово, существующее вместе с Отцом» («μὴ εἶναι κτίσμα τὸν Υἱὸν τοῦ Θεοῦ, μηδὲ ἐξ οὐκ ὄντων γεγενῆσθαι· ἀλλ’ ὅτι ἀίδιός ἐστι τῆς τοῦ Πατρὸς οὐσίας Λόγος καὶ Σοφία. Δι’ ὃ καὶ ἀσεβές ἐστι λέγειν· Ἦν ὅτε οὐκ ἦν· ἦν γὰρ αἰεὶ ὁ Λόγος συνυπάρχων τῷ Πατρί») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 941 A-B).

В «Житии» приводится несколько речей Антония с изобличением языческих философов. Одна из них демонстрирует мудрость и проницательность Антония и его нравственное и интеллектуальное превосходство перед философами, которые пришли для того, чтобы его испытать (Migne 1857–1866: col. 944 B-C).

Другая речь гораздо более пространная. В ней Антоний высмеивает языческое представление о богах, опровергает учение о переселении душ, говорит о преимуществе веры над разумом и христианства над язычеством, восхваляет силу креста Христова (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 945 B — 953 B).

В своей прощальной беседе с учениками Антоний обращается к ним с последними наставлениями: «а он, радуясь, словно из чужого возвращаясь в свой град, беседовал и наставлял их, чтобы они не были нерадивыми в скорбях и не унывали в подвиге...» («ὁ δὲ, ὡς ἀπὸ ἀλλοτρίας εἰς ἰδίαν ἀπαίρων πόλιν, χαίρων διελέγετο· καὶ παρήγγελλεν αὐτοῖς μὴ ὀλιγωρεῖν ἐν τοῖς

πόνοις, μηδὲ ἐκκακεῖν ἐν τῇ ἀσκήσει...») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 963 A-B).

Анекдоты, максимы и речи, включенные в «Житие», конкретизируют идеал, воплощенный в образе Антония, делают его живым и близким читателю. Он предстает не только идеальным героем, превосходящим других подвижников в деле подвига, не подчиняющимся законам природы, имеющим власть над демонами, но и человеком, обладающим острым умом и метким словом.

Еще один способ придания повествованию достоверности — использование источников. Но, если, к примеру, Ямвлих в своем жизнеописании Пифагора ссылался на различные источники, в том числе мифологические, то у Афанасия Александрийского не было в этом необходимости, поскольку он писал о событиях произошедших только что, говоря, что его единственным источником был его личный опыт общения с подвижником. «... Поэтому то, что я сам знаю (ибо я часто его видел) и то, что я смог узнать у него самого, сопровождая его не малое время и возливая воду на его руки, я потщился запечатлеть для вашего благоговения» («διὰ τοῦτο ἄτερ αὐτός τε γινώσκω (πολλάκις γὰρ αὐτὸν ἑώρακα), καὶ ἃ μαθεῖν ἠδυνήθη παρ' αὐτοῦ ἀκολουθήσας αὐτῷ χρόνον οὐκ ὀλίγον καὶ ἐπιχέων ὕδωρ κατὰ χεῖρας αὐτοῦ, γράψαι τῇ εὐλαβείᾳ ὑμῶν ἐσπούδασα») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 840 A).

Итак, на примере «Жизнеописания Антония Великого» мы рассмотрели христианскую биографию в общем контексте биографического жанра. Очевидно, что и языческие, и христианские биографии по общности признаков — жанровых маркеров — представляют собой единый жанр. Однако между ним проходит четкая грань, которая объясняется особенностями религиозных воззрений, нашедших отражение в агиографическом дискурсе.

Литература

- Averincev, S. S. 1973: *Plutarh i antichnaja biografija. K voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra [Plutarch and Ancient Biography. On the Question of the Place of the Classic of the Genre in the History of the Genre]*. Moscow: Nauka.
- Аверинцев, С. С. 1973: *Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра*. М.: Наука.

- Averincev, S. S. 1975: [The Order of Universe and the Order of History in the Worldview of the Early Middle Ages]. In: *Antiquity and Byzantium*. Moscow: Nauka, 266–285.
- Аверинцев, С. С. 1975: Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего Средневековья. В сб.: *Античность и Византия*. М: Наука, 266–285.
- Cox, P. 1983. *Biography in Late Antiquity: A Quest for the Holy Man. (Transformation of the Classical Heritage, number 5)*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Fowden, G. 1982. The Pagan Holy Man in Late Antique Society. *The Journal of Hellenic Studies*. 102, 33–59.
- Leo, F. 1901. *Die Griechisch-Roman Biographie nach ihrer literarischen Form*. Leipzig: Druck und Verlag von B. G. Teubner.
- Migne, J.-P. 1857–1866. *Patrologiae Graecae Cursus Completus*. Vol. 1-161. Paris: Fratres Garnier editores.
- Momigliano, A. 1971. *The Development of Greek Biography*. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press.
- Priessnig, A. 1971. Die Biographische Form der Plotinvita des Porphyrios und das Antoniosleben des Athanasios. *Byzantinische Zeitschrift*, 64, 1–5.
- Reitzenstein, R. 1914. Des Athanasius Werk über das Leben des Antonius. In: *Ein philologischer Beitrag zur Geschichte des Mönchtums*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsbuchhandlung.
- Rubenson, S. 2006. Antony and Pythagoras: A Reappraisal of the Appropriation of Classical Biography in Athanasius' *Vita Antonii*. In: *Beyond Reception: Mutual Influences between Antique Religion, Judaism, and Early Christianity*, 191–208.

DOI: 10.30842/ielcp2306901528006

А. Е. Беликов

МГУ им. М. В. Ломоносова / НИУ МФТИ, Москва, Россия.
belikov.smu@gmail.com

М. В. Ленчиненко

Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
lenchmar@rambler.ru

А. И. Любжин

Университет Дм. Пожарского / НИУ МФТИ, Москва, Россия. vultur@mail.ru

М. Н. МУРАВЬЕВ — ЧИТАТЕЛЬ «ЭНЕИДЫ»

В статье содержится полная информация о маргиналиях, оставленных выдающимся поэтом и просветителем М. Н. Муравьевым на полях «Энеиды» в великолепном базельском издании Вергилия с обширными комментариями, включающая как его собственные реплики на полях, так и отчеркнутый им текст. Прежде всего, Муравьева интересуют переключки Вергилия с Тассо, с Расином, с Буало и с Вольтером, его внимание сосредоточено на эпических «общих местах». Но он не ограничивается эпическим жанром.

Ключевые слова: М. Н. Муравьев, Вергилий, Тассо, Расин, Буало, Вольтер, «Энеида», маргиналии.

Aleksei E. Belikov

M. V. Lomonosov Moscow State University/ Moscow Institute of Physics and
Technology belikov.smu@gmail.com

Marina V. Lenchinenko

Scientific Library of M. V. Lomonosov Moscow State University
lenchmar@rambler.ru

Alexey I. Lyubzhin

Dmitry Pozharsky University/ Moscow Institute of Physics and Technology.
vultur@mail.ru

M. N. Muravyov reader of the *Aeneid*

This article provides a comprehensive account of the marginalia to Vergil's *Aeneid* that were left by the eminent poet and educator M. N. Muravyov in his copy of a sixteenth-century Basel edition accompanied by extensive commentaries. Both his marginal annotations and the printed text he marked are taken into consideration. Above all, Muravyov is interested in the intertextual connections between Vergil and Tasso, Racine, Boileau, and Voltaire. His focus is on the epic "commonplaces". Still, he does not limit himself to the epic genre.

Keywords: M. N. Muravyov, Vergil, Tasso, Racine, Boileau, Voltaire, *Aeneid*, marginalia.

Настоящая статья продолжает публикацию маргиналий М. Н. Муравьева в базельском издании Вергилия 1574 года, начатую в нашей статье (Belikov, Lenchenko, Lyubzhin 2023)¹. Она содержит пометы на полях I–IV книг «Энеиды».

Книга I.

Стлб. 371–372. Запись по нижнему полю:

«Je chante les combats, et cet homme pieux,
Qui des bords Phrygiens, conduit dans l'Ausonie,
Le premier aborda les champs de Lavinie.

Boil: Art. Poet. C. III. [278–280]²

Arma virum, nonne hoc spumosum et cortice pingui,
Vt ramale vetus praegrandi subere coctum?

Persius. Sat. I. [96–97]³

Dic mihi, Musa, virum, capta [sic!] post tempora Troiae

Qui mores hominum multorum, vidit et urbes.

Odysseae Init. Interprete Horatio.»⁴

Стлб. 373–374. К строке 3 «Littora: multum ille et terris iactatus & alto»⁵ сноски корректорским значком # к цитате из «Иерусалима» Тассо на внешнем поле:

«# Molto egli oprò col senno e con la manno [sic!],

Molto soffrì nel glorioso acquisto»⁶.

Tasso. L.I.». [I, 1, 3–4].

¹ P. Vergilii Maronis Opera, quae quidem extant, omnia: cum veris in Bucolica, Georgica & Aeneida commentarijs Tib. Donati & Seruij Honorati, summa cura ac fide a Georgio Fabricio Chemnicense emendatis... Basileae: ex officina Henricpetrina [Heinrich Petri], [1575]. Сведения об экземпляре см. с. 48.

² 278–280. Перевод начала «Энеиды»: «Я воспеваю брань и того благочестивого мужа, который от фригийских берегов, препровожденный в Авзонию, первый пристал к Лавиниевым полям».

³ 96–97. «Я воспеваю героя и оружие [т. е. “Энеида”] — разве эта вещь не пенистая и не с толстой корой, как старый хворост, засохший с мощной пробкой».

⁴ Ars 141–142. «“Скажи мне, Муза, о муже, после времени взятия Трои который видел нравы и города многих людей”. Начало “Одиссеи” в переводе Горация».

⁵ «[прибыл] к берегам: много его побросало по землям и морю».

⁶ «Много он совершил разумом и рукой, много претерпел в славном завоевании».

По нижнему полю запись чернилами, выполненная позднее, чем основные наблюдения над текстом: «Теперь можно при-совокупить начала нашей безсмертной, как Енеида, Россіады. 1779.

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну
 Попранну власть татаръ и гордость побѣжденну;
 Движенье древнихъ войскъ, труды, кроваву брань,
 Россіи торжество, разрушенну Казань,
 Отъ круга сихъ времянь, спокойствія начало
 Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло».

Стлб. 375–376. К строке 11 «*tantaene animis caelestibus irae?*») сноска корректорским значком Ꙗ к цитатам по нижнему полю:

«Ꙗ *Tant de fiel entre-t-il dans l'âme des dévots!*

*Boil. Lutrin. Ch. 1. [12]*⁷

*Tantum Relligio [sic!] potuit suadere malorum. Lucr. Lib: I. 101 v.*⁸

*Iamque adeo magni repetam primordia motus. Sil: Ital. Lib. I. V. 20*⁹.

So heftig dringt der Neid, auf große Seelen ein,

*So muß mit Hoheit Fall, fast stets verbunden seyn. Schleg[el]. Hein[rich]. der L[öwe]*¹⁰.

На развороте стлб. 379–382. К строке 16 «*Samo; hic illius arma*»¹¹ сноска корректорским значком Ꙗ к записи по нижнему полю:

«*Pulcherrime imitavit narrationem hanc clarissim Maikow, in ludicro suo Poemate, Vachus irritatus*¹²:

Противъ Семеновскихъ слободъ послѣдней роты

Стояль въздвигнуть домъ съ широкими вороты

До коего съ тычка, не дальная ѣзда;

Ꙗ То былъ питейной домъ, названіемъ Звѣзда,

Въ которомъ Вакховъ ковшь хранился съ колесницей,

Сей домъ былъ Вакховой назначень быть столицей».

⁷ «Столько желчи вступает в набожные души!» Буало, Налой, Песнь I.

⁸ «Столько религия смогла дать пагубных советов!»

⁹ «И напомним причины столь великого движения».

¹⁰ «С такой яростью зависть напирает на великие души; так почти всегда с высотой должно быть связано падение». [Иоганн Элиас] Шлегель, «Генрих Лев».

¹¹ «[предпочитала] Самосу: здесь ее вооружение [хранилось]».

¹² «Прекрасное подражание этому рассказу создал знаменитый Майков в своей шуточной поэме “Вакх раздраженный”».

Стлб. 399–400. К строке 77 «mihi iussa capessere fas est»¹³ сноска корректорским значком F к записи по нижнему полю:

«F Tuo sia l'imporre, et [sic!] l'ubidir sia nostro»¹⁴.

Marino. Strag. degli Innoc: Libr. I. Str : XXIX.

Стлб. 401–404. Запись фрагмента из поэмы М.В. Ломоносова «Петр Великий» продолжается на следующих трех страницах по нижнему полю:

«hic ad comparationem sisto inclyti nostri Lomonosovii tempestatis

Descriptionem, vt judicant quaenam in dissimilibus cernitur admirabilis similitudo, et alter melius et alter videatur esse»¹⁵.

Туть вѣтры сильныя, имѣя флотъ во власти,

Со вѣхъ сторонъ сложась къ погибельной напасти,

На западъ и на югъ, на сѣверъ и востокъ,

Стремятся и вертять, мглу, влагу и песокъ.

Перуны мракъ густой, сверкая, раздѣляютъ,

И громы съ шумомъ водъ, свой трескъ соединяють,

Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣль;

Дождю навстрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣль;

Въ сердцахъ великой страхъ сугубяетъ скрыпомъ снасти,

Герой нашъ посредѣ великiя напасти,

И взоромъ и рѣчьми смутившихся крѣпитъ,

Сквозъ грозный стонъ стихiй, къ блѣднѣющимъ гласить».

Стлб. 405–406. Addo etiam quoddam simile ex Henriade cel[ebris (eberrimi?)]: de Voltaire.

L'astre brillant du jour à l'instant s'obscurcit,

L'air siffle, le ciel gronde, et l'onde au loin mugit,

Les vents sont déchaînés sur les vagues emues,

La foudre etincelante eclate dans les nues;

Et le feu des eclairs et l'abime des flots,

Montroient partout la mort aux pales matelots.»¹⁶.

¹³ «Мне должно уловлять приказы».

¹⁴ «Твоим [делом] да будет повелевать, а нашим — повиноваться».

¹⁵ «Здесь для сравнения привожу описание бури нашего славного Ломоносова, чтобы вынесли суждение, как в несходных различимо сходство удивительное, так что и тот, и тот кажется лучше».

¹⁶ «Добавлю и нечто сходное из Генриады» знаменитого де Вольтера: Блистательное светило дня мгновенно померкло, / Воздух свистит, небо грохочет, а волна ревет издалека, / Ветры сбрасывают оковы над беспокойными валами, / Сверкающая молния вспыхивает в облаках, /

Стлб. 407–408. В тексте комментария подчеркнуто: «Genitius enim pluralis, quotiens in ium exit, accusatiuum pluralem in eis mittit, ut puppium puppeis: quotiens in um exit, in es mittit, ut patru[m] patres»¹⁷.

Рядом на внешнем поле образцы склонений:

«Ignis, Ignium, Acc: plur: Igneis;

Nepos, Nepotes, Nepotum, Acc: pl: Nepotes, Non vero nepoteis.»¹⁸.

Стлб. 411–412. К строке 133 «Iam caelum, terramque, meo sine numine, venti»¹⁹ сноска корректорским значком # к записи по нижнему полю из переводов Вергилия М. В. Ломосоновым:

«# Вы небо безъ меня и землю возмутили,

И на морѣ бугры поднять дерзнули вѣтры;

То я васъ! ... только дай мнѣ волны успокоить».

Стлб. 447–448. К строке 282 «Romanos, rerum dominos, gentemque togatam»²⁰ сноска корректорским значком f к записи по нижнему полю:

«f Versus hic, nescio quem translatoem habuit Gallum, qui illum ita reddidit:

Touts gens en robe, et souverains des Rois»²¹.

Стлб. 485–486. В тексте комментария подчеркнуты строки:

«Troili amore Achillem ductu[m], palumbes ei quibus ille delectabatur obiecisce: quas cum uellet tenere, captus ab Achille in

И огонь вспышек, и пучина волн / Повсюду являли смерть бледным морякам». I, 167 sqq.

¹⁷ «Всякий раз, когда родительный множественного заканчивается на -ium, то дает винительный множественного на -eis, как puppium puppeis; когда заканчивается на -um, то дает на -es, как patru[m] patres».

¹⁸ «Ignis, Ignium, вин. множ.: Igneis; Nepos, Nepotes, Nepotum, вин. множ. Nepotes, а не nepoteis».

¹⁹ «Уже небо и землю ветра [возмутили] без моего согласия».

²⁰ «Римлян, господ надо всем, облаченный в тогу род».

²¹ «У этого стиха был какой-то французский переводчик, который воспроизвел его так (лат.): Все люди в платье, и суверены над царями (фр.)». Вольтер, процитировав Aen. I, 286, пишет: «стих, достойный Вергилия, комично воспроизведенный одним из наших старых переводчиков»... Dictionnaire philosophique par Voltaire avec les notes de tous les commentateurs. T. IV. Paris: J. N. Barba. 1828. P. 518. Усмешку Вольтера вызвало, вероятно, то, что для такого перевода нужно было увидеть в тексте regum, а не rerum.

eius amplexibus periit: Sed hoc quasi indignum heroico carmine mutavit poeta»²².

Рядом на внешнем поле запись:

«Huc respexit clariss: Vida, ubi tradit in Poeticis parcendum esse pudori»²³. В конце предложения корректорский значок **Ƒ**, который отсылает к продолжению записи цитатой из Виды:

« Ƒ Neue aliis, impar nimium, ne Troilus armis,
Ah! puer infelix! facito concurrat Achilli,
Quam quibus in Lybico conspexit littore pictum,
Illum Anchisiades heros, dum victus anhelis
Fertur equis, curruque haeret resupinus inani:
Nec pueri veros congressus dicere cures²⁴.
Vida. Poetic: Lib. II. v. 535».

Книга II.

Стлб. 559–562. К строке 96 «Promisi ultorem et verbis odia aspera movi»²⁵ сноска корректорским значком **Ƒ** к записи по нижнему полю, переводу этого фрагмента М. В. Ломоносовым:

« Ƒ Я мщеніемъ грозилъ и огорчилъ словами,
Отсюда вся бѣда; онъ сталъ искать мнѣ смерти.
Сомнительны слова въ народѣ разглашалъ,
И злиться не престалъ, пока ему Кальхантъ...
Но что ужъ сказывать, случай вамъ непріятной?
Что медлить, естли вамъ всѣ Греки ненавистны;
Довольно слышали, пора меня казнить.
Атриды и Уликсъ весма того хотятъ».

Мы жадно спрашивать причинъ нещастья стали,

²² «Ахилл, движимый любовью к Троилу, предложил ему голубок, которые были тому любезны; когда же он захотел их взять, то был схвачен Ахиллом и погиб в его объятиях. Но этот сюжет поэт изменил как недостойный эпической песни» (комментарий Сервия).

²³ «К этому месту отнесся славнейший Вида, когда учит в «Поэтическом искусстве», что необходимо пощадить стыд».

²⁴ «И не делай так, чтобы Троил, несчастный юноша, столкнулся — отнюдь не равный — с Ахиллом в ином облачении, чем в том, в каком его увидел изображенным на картине на берегах Ливии героический потомок Анхиза: запутанного его несут горячие кони, и он навзначь влачится за пустой колесницей. Не старайся рассказать о подлинной схватке юноши».

²⁵ «Пообещал стать мстителем и словами вызвал жестокую ненависть».

Не зная хитрости и Греческихъ обмановъ.
 Онъ снова свой притворъ съ боязнью началъ такъ:
 “Отъ Трои отступить хотѣли часто Греки,
 “И трудную войну, не окончавъ оставить.
 Ломон. Ритор: стр. 303».

Стлб. 575–576. В тексте подчеркнуто выражение «ас retro sublapsa referri»²⁶, на внешнем поле запись, фиксирующая ее полную аналогию в «Георгиках» и в трактате «Поэтическое искусство» Марка Виды: «Georg: Lib. I. v. 200 et Vida in Arte Poetica Lib. I».

Стлб. 589–590. К строке 274 «*Nei mihi qualis erat, quantum mutatus ab illo*»²⁷ сноска корректорским значком ꙑ к записи по нижнему полю, цитате из «Иерусалима» Тассо (IV, 49, 3–4):

« ꙑ Quanto diversa, oimè, da quel che pria
 Visto altrove il suo volto avea ritratto!²⁸
 Tasso. C 4. XLIX».

Стлб. 597–598. К строке 324 «*Venit summa dies et ineluctabile tempus*»²⁹ сноска корректорским значком ꙑ к записи по нижнему полю, цитате из «Иерусалима» Тассо (XIX, 40, 6–8):

« ꙑ Vissi e regnai, non vivo or piu, nè regno;
 Ben si può dir: Noi fummo: a tutti è giunto,
 L'ultimo dì, l'inevitabil punto.
 Tasso. Cant: XIX Str: XL»³⁰.

Стлб. 603–604. К строке 367 «*quondam etiam victis redit in praecordia virtus*»³¹ сноска корректорским значком ꙑ к записи по нижнему полю, цитате из «Иерусалима» Тассо (XIX, 44, 1–4):

« ꙑ Finalmente ritorna anco ne'vinti
 La virtù, che'l timore avea fugata:
 E i Franchi vincitori o son rispinti
 O pur caggiono uccisi in su l'entrata.
 Tasso. G. Liber. 19. XLIV»³².

²⁶ «[Надежда стала] вспать уходить, пошатнувшись».

²⁷ «Увы мне, каким он был и как изменился по сравнению с тем...».

²⁸ «Насколько она отличалась от того, в каком облике я прежде видела ее лицо!»

²⁹ «Пришел последний день и неминуемый срок».

³⁰ «Я прожил и отцарствовал, и сейчас больше не живу и не царствую; / вполне можно сказать — мы были, и всех настиг / последний день, неизбежная точка».

³¹ «Подчас даже и побежденным возвращается в сердца доблесть».

Стлб. 663–664. К строке 792 «ter conatus ibi collo dare braccia circum»³³ сноски корректорским значком ƒ к записи по нижнему полю, цитате из «Иерусалима» Тассо (XIV, 6, 6–8):

« ƒ Tre fiato le braccia al collo intorno,
Et (sic!) tre fiato in van cinta l'immago,
Fuggio, qual leve sonno (sic !), od aer vago.
Tasso. Cant. XIV. Str: VI.»³⁴.

Такая же сноска, но по верхнему полю с цитатой из «Генриады» Вольтера (VI, 352–354):

« ƒ Trois fois il tend les bras à cette ombre sacrée;
Trois fois son père échappe à ses embrassements,
Tel qu'un léger nuage écarté par les vents»³⁵.
Henriade. Ch. VI.».

Книга III.

Стлб. 687–688. К строке 98 «et nati natorum et qui nascentur ab illis»³⁶ сноски корректорским значком ƒ к записи по нижнему полю, цитате из «Иерусалима» Тассо (X, 76, 1–2):

« ƒ De' figli i figli, e chi verra da quelli,
Quinci avran chiari, e memorandi esempi»³⁷.
Tasso. C. X. Str: LXXVI.».

Стлб. 711–712. В строке 236 подчеркнуто «Haud secus ad iussi faciunt, tectosque per herbam»³⁸, зачеркнута опечатка в предложении ad, на внешнем поле исправлено на ac и дан перевод подчеркнутому: «неиначе какъ приказаль».

В строке 251 «quae Phoebus pater omnipotens, mihi Phoebus Apoll.»³⁹ подчеркнуто имя Аполлона и дана отсылка крестиком

---

³² «Наконец и к побежденным возвращается / доблесть, которую прежде прогнал страх; / и победители-франки или подаются назад, / или падают убитыми на входе».

³³ «Трижды тогда пытался руками обнять шею».

³⁴ «Три раза окружаю руками шею: / и три раза образ, вотще опоясанный, убежал, как легкий сон или блуждающий воздух».

³⁵ «Трижды он тянет руки к этой священной тени; / трижды отец ускользает из его объятий, / как легкое облачко, отброшенное ветрами».

³⁶ «И сыны сыновей, и кто родится от них».

³⁷ «Сыновья сыновей, и кто пойдет от них, / здесь будут иметь славные и памятные примеры».

³⁸ «Они делают не иначе, как было приказано, и скрывают в траве».

³⁹ «То, что [открыл] Фебу всемогущий отец, а мне Феб-Аполлон».

к обширной записи по нижним полям разворота с цитатой из 4-й книги «Георгик» (525–527) (в тексте выделено курсивом):

«+ Vt maior sit energia, ad iram Harpiae terribilem exprimendam, uno nomine non contentus, quo designaret, duas ejus, quas celeberrimas congerit appellationes. Mos est maioribus, vt in imprecationibus, hymnisque deorum, quae vel maxima cum solemnitate fieri solebant, non tantum nomina nuda deorum; sed etiam et cognomina et Epitheta, quibus invocati propitiores esse censebantur addebant. Moris ratio, e natura videtur mihi deducta: quoniam et nomina sola, personarum quas [d]iligimus, iam amabiles, iam delectabiles sunt: *Eurydicen vox ipsa et frigida lingua, Ah! miseram Eurydicen anima fugiente vocabat: Eurydicen toto referebant flumine ripae.* Quorum vero favorem nobis conciliare desideramus, nemo inficiat [= infitiatur?], vt eis honores, quas [sic!] possumus maximas [sic!] offerre non studeamus. Hinc et ingeniosa illa foecunditas inventorum nominum: hinc derivantur omnia haec vocabula: divum pater atq. hominum rex, pater patriae, princeps, Augustus etc. Hoc et sanctissimae scripturae, si fas est, auctoritate probandum non refugerim: qua nempe, et verus deus, a populo, quem eligerat sibi, tamen humano more appellari non abhorruit»⁴⁰.

⁴⁰ «Для большей яркости, чтобы выразить ужасный гнев Гарпии, не удовольствовавшись для ее обозначения одним именем нагромождает два ее известнейших наименования. Есть у древних обычай в молитвах и божественных гимнах, каковые обычно исполнялись на величайших праздниках, добавлять не только чистые имена богов, но и прозвища и эпитеты, так как считалось, что их использование в воззваниях сделает богов более благосклонными. Мне кажется, что основа этого обычая естественная: ведь и просто имена тех, кого мы любим, уже сами вызывают любовь и наслаждение: «Эвридику сам голос и холодный язык, о, несчастную Эвридику он звал дыханием утасоющим, Эвридики имя повторяли эхом берега всей реки». Если же мы чьей благосклонности к нам хотим добиться, никто не станет возражать против того, чтобы мы постарались выказать им насколько возможно больше почести. Отсюда и то талантливое разнообразие в нахождении имен, отсюда происходят все эти слова: «родитель богов и людей повелитель», отец Отечества, принцепс, Август и т. п. Это же, если дозволено, я бы не преминул подкрепить авторитетом Священного Писания, в котором, очевидно, даже и подлинный Бог не противится, чтобы его называл все же по человеческому обычаю народ, который он для себя выбрал».

Ниже подчеркнута строка 257 «Ambesas subigat malis absumere mensas»⁴¹, на внешнем поле комментарий к ней: «nescio, an hoc figmentum Virgilianum dignum sit carmine Epico?»⁴².

Стлб. 729–730. По нижнему полю запись предложения, которое находится в начале следующей страницы: «Al: Quem tibi iam Troяа reperit fumante Creusa»⁴³.

Стлб. 741–742. Подчеркнуты строки 426–429 с описанием Сциллы «Prima hominis facies et pulchro pectore virgo / Pube tenuis, postrema immani corpore pistrix, / Delphinum caudas utero commissa luporum»⁴⁴. Напротив выделенных строк на внешнем поле комментарий: «Illam esse ... Candidam succinctam latrantibus inguina monstris. Vide Cyrin. v. 59. Idemque Ecloga VI.»⁴⁵

Стлб. 761–762. Подчеркнуто в строке 571 «sed horrificis iuxta tonat Aetna ruinis»⁴⁶, от нее сноски корректорским значком ƒ к записи по нижнему полю: «ƒ Totus versus, pura imitatio. Principio enim quid nisi aestuatio in visceribus montis, per o et r duplicatum expressa: horrificis jux. etc. Notanda quidem haec: cis jux. Nunc quid? Explosio. Nempe ta tonat Aetna, quis ita Boetus, vt haec inficiat? Post demum, fragoris istius Echo: ruinis»⁴⁷.

⁴¹ «Заставит пожирать челюстями объединенные столы» (= лепешки).

⁴² «Не знаю, достойна ли эта выдумка Вергилия эпической песни?».

⁴³ «Ах, коего тебе в Трое уже дымящейся родила Креуса». Второе полустишие считается интерполяцией.

⁴⁴ «Сверху человеческое лицо и дева с прекрасной грудью вплоть до пояса, а внизу морское чудовище с громадным телом, переходящим через волчьи животы в хвосты дельфинов».

⁴⁵ «Это та, у которой белое чрево опоясали лающие чудовища. См. Кирис, стих 59. Также Эклога VI (стих 75 — прим. пер.).».

⁴⁶ «Но рядом грохочет Этна, грозящая страшным обвалом».

⁴⁷ «Весь стих — сплошное [звуко]подражание. Сначала ведь что? Нагнетание в глубинах скалы, выраженное через повтор “o” и “r”, “horrificis jux...” и т. д. Отметить стоит это: “cis jux”. Затем что? Извержение. Очевидно “ta tonat Aetna”, кто настолько Боэт, чтобы это отрицать? Наконец, эхо этого грохота: “ruinis”. Боэт — философ-стоик, отрицавший ряд положений стоицизма и в частности всеобщий пожар (что звучит иронично в контексте извержения Этны).

Книга IV.

Стлб. 787–788. В строке 8 подчеркнуто «Cum sic unanimem adloquitur male sana sororem»⁴⁸, от подчеркнутого слова сноска корректорским значком F к записи по внешнему полю:

L'amour est de toutes les passion[s] celle, qui a le plus des confidens. C'est un feu, qui veut toujours de la nourriture. Les esprits sont agités, l'imagination enflammée. C'est une amorce continuelle de s'entretenir de son erreur. Nous sentons, pour ainsi dire, un torrent de sang se repandre et s'écouler sans cesse de dessus le cœur⁴⁹.

C'est naturel, que de ne point oser même prononcer le nom, le simple nom de ce qu'on aime⁵⁰.

Стлб. 789–790. В строке 23 «...adgnosco veteris vestigia flammae»⁵¹ сноска в виде крестика к записи по нижнему полю:

«+ De mes feux mal éteints je reconnus la trace. Rac: Andr. Sc. 1. A. 1.»⁵².

К строке 24 «Sed mihi vel tellus optem prius ima dehiscat»⁵³ сноска корректорским значком # к записи по нижнему полю:

«# Ahi, che fiamma dal cielo anzi in me scenda,
Santa onestà, ch'io le tue leggi offenda»⁵⁴. Tasso Ger: Lib. Can: IV. Str. LVII.»

К строке 28 «Ille meos, primus qui me sibi iunxit, amores»⁵⁵ сноска корректорским значком F к записи по нижнему полю:

«F Ma flamme, pour Hector fut jadis allumée,
Avec lui, sous la tombe elle s'est enfermée»⁵⁶. Rac: Andr.

⁴⁸ «Когда так обратилась не в себе к дражайшей сестре».

⁴⁹ «Изо всех страстей любовь — та, у которой больше всего доверенных лиц. Это огонь, вечно жаждущий пищи. Умы волнуются, воображение распалается. Это постоянная наживка, побуждающая поддерживать свое заблуждение. Мы, так сказать, чувствуем, как поток крови непрестанно распространяется и вытекает от сердца» (фр.).

⁵⁰ «Это естественно — не осмеливаться даже произнести имя, простое имя того, что любишь» (фр.).

⁵¹ «...узнаю следы бывшего пламени».

⁵² Узнаю след моего непотухшего огня.

⁵³ «Но желаю, чтобы прежде меня хоть бы и земля совсем поглотила».

⁵⁴ «Ай, пусть небесное пламя раньше сойдет на меня, / святая честь, чем я бы нарушила твои законы».

⁵⁵ «[Пусть] тот, кто первым меня себе взял, мою любовь...».

«+ (Rinaldo) ... che da la bocca intento pende,
Di Guelfo, e i chiari antichi essempli apprende⁶³.

Tasso. Ger. Lib: C. I. St: X».

Стлб. 801–802. К строке 94 «Tuque puerque tuus; magnum et memorabile numen»⁶⁴ сноски корректорским значком Ꙑ к записи по нижнему полю:

« Ꙑ Il semble que Racine ait eu en vue ces vers, quand il fait dire a Phedre, Act: II. Sc: V.

Les dieux m'en sont temoins, ces dieux, qui dans mon flanc,
Ont allumé le feu fatal à tout mon sang.

Ces dieux, qui se sont fait, une gloire cruelle,
De seduire le coeur, d'une foible mortelle»⁶⁵.

Стлб. 815–816. К строке 188 «Tam ficti pravique tenax quam nuntia veri»⁶⁶ сноски корректорским значком Ꙑ к записи по нижнему полю:

« Ꙑ Dit partout ce qu'il sait, et ce qu'il ne sait pas. Boil. Lutr: Ch. II⁶⁷.

Du vrai, come du faux, la prompte messagere,
Qui s'accroit dans sa course, et d'une aile legere,
Plus prompte que le temps vole au delà des mers,
Passe d'un Pole à l'autre, et remplit l'univers:
Ce monstre composé d'yeux, de bouches, d'oreilles,
Qui celebre des Rois, la honte ou les merveilles.
Voltaire. Henr: Ch: VIII»⁶⁸.

⁶³ «[Замечает, что Ринальдо] очень внимательно слушает / Гвельфа и выучивает славные древние примеры» (Тассо воспроизвел латинский оборот «виснет с уст»).

⁶⁴ «Ты и твой мальчишка; великая и достопамятная сила».

⁶⁵ «Кажется, что Расин имел в виду эти стихи, когда вложил в уста Федры, действ. II, сцена V: «Боги мне свидетели, боги, которые в моем боку / разожгли огонь, роковой для всей моей крови, — / Эти боги, которые добились жестокой славы тем, / что соблазнили сердце слабой смертной».

⁶⁶ «Столь же цепкая в выдумках и клевете, как и вестница правды».

⁶⁷ «Говорит повсюду то, что знает, и то, чего не знает».

⁶⁸ «Истины, как и лжи, всегда готовая вестница, / растущая по мере своего бега и с легким крылом, / проворнее времени летит за моря, / проходит от одного полюса до другого, и наполняет вселенную: / это чудовище, состоящее из глаз, уст и ушей, разглашающее стыд или чуда царей».

В строке 193 «Nunc hiemem inter se luxu, quam longa, fovege»⁶⁹ подчеркнута и помечено знаком сноски в виде крестика к записи на внешнем поле:

«+ pro tota. Exempla non desunt: ipse [sic!] idemque Virgilio. C. VIII. v. 84.

Tybris ea fluvium, quam longa est, nocte tumentem Leniit. Porro Ovidius: Et vacuus somno noctem, quam longa, peregi. Amor: I. El: 2. v. 3. Vide Fund: Styli. 80.p:»⁷⁰.

Стлб. 817–824. Записи по нижним полям имеют отношение к предыдущим строкам 173–177, 181–183, поскольку представляют собой переводы этих строк М.В. Ломоносова, а также развитие образа молвы и славы у Овидия, Марини, Вольтера, Буало, Ж.-Б. Руссо:

«Ужь слава по градамъ, быстро течеть Ливійскимъ,
Во всей подсолнечной сего зла зляе нѣтъ,
Проворна и бодра, растеть въ пути своемъ.
Хоть спѣрва и мала, и ходить боязливо,
Но вскорѣ до небесъ главу свою возносить.

* * *

Подъ каждыиъ та перомъ имѣеть быстры очи,
И уши, и уста гласящи безпрестанно.
Ломон: Ритор: ст. 160.

Ma, precorsa è la fama, apportatrice
De' veraci romori, e de' bugiardi⁷¹.

Tasso. C. I. Str. LXXXI.

Videsis Ovidium, ubi domicilium Famae sistit. Metam: lib. XII. v. 39. [Ссылка дается на начало описания местопребывания Молвы, это как раз 39 стих; а цитируются стихи 54–55]

Mixtaque cum veris, passim commenta vagantur,
Millia rumorum.

⁶⁹ «Теперь они роскошью разбавляют зиму, какой бы долгой [она ни была], друг с другом».

⁷⁰ «[в значении] всю [зиму], примеров много, сам Вергилий то же: песнь 8, стих 84: *Тибр смягчил потом в ту ночь, сколь бы долгой [она ни] была.* Затем Овидий: *И лишенный сна я провел ночь, сколь бы долгой [она ни была].* Любовные элегии, кн.1 эл.2 стих3. См. Fund. Styli стр. 80». Io. Gottl. Heineccii Fundamenta Styli cultioris Omnibus Io. Matthiae Gesneri animadversionibus, emendationibus, additamentis, et praefatione locupletata... Lipsiae: Sumptibus Caspari Fritsch. 1766. Эта книга имеется в библиотеке Муравьевых: шифр: Мур. 9 Cf 9.

⁷¹ «Но опередила молва, носительница истинных слухов и лживых».

Hoc etiam aemulatus est celebr: Rousseau in Oda, quam Princ:
Eugenio inscripsit⁷²:

Quelle est cette Deesse enorme,
Ou plutot ce monstre difforme,
Tout couvert d'oreilles et d'yeux?
Dont la voix ressemble au tonnerre,
Et qui, des pieds touchant la terre,
Cache sa tete dans les cieux?

C'est l'inconstante renommée,
Qui sans cesse les yeux ouverts,
Fait sa revue accoutumée
Dans tous les coins de l'univers.
Toujours vaine, toujours errante,
Et messagere indifferente
Des verites et de l'erreur:
Sa voix en merveilles feconde,
Va chez tous les peuples du monde,
Semer le bruit et la terreur⁷³.

*Стлб. 823–824. Non absimili ratione, sonat istud clar: Marini,
...la fama,*

Che del falso, e del ver divulga il grido⁷⁴.

Strag. Degli Innoc: Lib: II. Str. XXXI.

Et idem qui ante, Ovidius:

... fama loquax ...

... quae veris addere falsa,

Gaudet, ete [sic!] minimo, sua per mendacia crescit.⁷⁵

⁷² «Посмотри, если угодно, Овидия, где он располагает обиталище Молвы — «Метаморфозы», кн. 12, со стиха 39.: *И смешанные с правдой повсюду блуждают вымыслы, тысячи слухов.* Этому же месту подражал знаменитейший Руссо в «Оде Принцу Евгению».

⁷³ «Что это за громадная богиня, / или, скорее, отвратительное чудовище, / все покрытое ушами и глазами? / Та, чей голос напоминает гром, и которая, ногами касаясь земли, / прячет голову в небесах? / Это непостоянная слава, / которая, не смыкая глаз, привычно обзирает / все уголки вселенной. / Всегда пустая, всегда бродячая / и равнодушная вестница / истин и заблуждения: / ее голос, плодовитый чудесами, отправляется у всех народов земли рассеивать шум и страх».

⁷⁴ «Похожим образом звучит это [место] славного Марино: Молва, / которая и лжи, и истины распространяет крик».

Metam: Lib: IX. v. 139.

Стлб. 835–836. На внешнем поле, напротив строк 301–330 запись: «Did: Trag. M. Mur.

Act III. Sc. IV».

В том же году М. Н. Муравьев завершил трагедию «Дидона» (в 3-х действиях; дата окончания работы обозначена в рукописи: «1774 года 9 майя»). Произведение не удовлетворило автора: впоследствии он не раз критически отзывался о «сей дикой трагедии», то в критической авторецензии, то в автоэпиграмме. Только монолог Дидоны из явл. 5 (в записи Муравьева это сцена 4) д. III в переработанном виде с загл. «Жалобы Дидоны» и подзаголовком «драматический отрывок» (при жизни не опубликован) был включен в начале 1800-х в рукописное «Собрание стихотворений»⁷⁶.

В строке 334 «Enumerare vales, numquam, regina, negabo»⁷⁷ сноски корректорским значком ƒ к записи по нижнему полю:

«ƒ Нис alludit celeb: Boileau, ubi in pluteo suo, textorem capillamentorum ita loquentem, profert.

Ma feme, lui dit-il d'une voix douce et fiere,

Je ne veux point nier, les solides bienfaits

Dont ton amour prodigue a comblé mes souhaits.

Et le Rhin de ses flots ira grossir la Loire,

Avant que tes faveurs, sortent de ma mémoire⁷⁸.

Lutrin. Ch. II.».

Стлб. 839–840. В строке 340 «Me si fata meis paterentur ducere vitam»⁷⁹ сноски корректорским значком # к записи по нижнему полю:

---

⁷⁵ «И все тот же, что и прежде, Овидий: ... Молва болтливая... которая рада добавлять к правде обман и из малого растет благодаря своей лжи».

⁷⁶ Опубликовано (Muravyov 1967: 90–91).

⁷⁷ «Я никогда не буду отрицать, царица, что ты можешь перечислить».

⁷⁸ «Это обыгрывает знаменитый Буало, когда в своем “Налое” изображает постижера, говорящего так: Жена моя, — говорит он ей голосом нежным и благородным, — / я нимало не желаю отрицать прочные благодеяния, / которыми твоя щедрая любовь ответила моим пожеланиям. / И Рейн своими волнами наполнит Луару / прежде, чем твои благодеяния выпадут из моей памяти». II, 38–42.

⁷⁹ «Если бы судьба позволила мне управлять жизнью по моему [почину]».

«Facete vertit hoc Boileau in ridiculum, ubi artificem capillamentorum, ita inducit, ad uxorem suam loquentem⁸⁰:

Si le ciel en mes mains, eut mis ma destinée,
 Nous aurions fui tous deux, le joug de l'hyménée;
 Et sans nous opposer, ces devoirs pretendus,
 Nous gouterions encor, des plaisirs defendus.
 Lutrin. Ch. II»⁸¹.

Стлб. 843–844. В строке 340 «Nec tibi diva parens, generis nec Dardanus auctor»⁸² сноска корректорским значком # к записям по нижнему и внешнему полях:

«# Нѣтъ ты не отъ людей на свѣтъ произведена,
 Ты лютой львицею въ глухихъ лѣсахъ рожденна
 Или воспитана ты тигровымъ млекомя.
 Сум: Хор: IV. 7. (Сумароков. Хорев).

hoc sic imitatus est clarissimus Tasso in opere suo de Jerosolyma liberata, ex persona Armidae; Lib. XVII [на самом деле XVI]. Stroph: LVII⁸³

Ne' te Sophia produsse, e non sei nato,
 De l'Attio sangue tu: te l'onda insana,
 Del mar produsse e'l Caucaso gelato;
 E le mame allattàr di Tigre Ircana.
 Che dissimulo io più? l'uomo spietato
 Pur un segno non die di mente umana»⁸⁴.

В строке 368 «Nam quid dissimulo aut quae me ad maiora reservo?»⁸⁵ сноска в виде крестика к записи по внешнему полю:

«+ Que sert de se flatter?»⁸⁶ Rac: Iph. <Iphigénie> Act. I. Sc. II.

⁸⁰ «Изящно Буало обращает это в смешное, когда изображает постижера, говорящего своей жене следующее»:

⁸¹ «Если бы небо вручило мою судьбу в мои руки, / мы оба избежали бы ига Гименея; / и, не ставя перед собой препятствий в виде мнимого долга, / мы бы до сих пор наслаждались запретными удовольствиями». «Налой», песнь II [45–48].

⁸² «Не богиня тебе родительница и не Дардан родоначальник».

⁸³ «Так этому подражал славнейший Тассо в своем «Освобожденном Иерусалиме», от [лица] Армиды; песнь 16, строфа 57»

⁸⁴ «Тебя произвела на свет не София, и ты родился не от крови Эсте: тебя безумная волна / моря произвела на свет и ледяной Кавказ; / и ты пил молоко из вымени гирканской тигрицы. Что я таюсь долее? немилосердный муж / не дал ни единого знака человеческого разума».

⁸⁵ «Зачем мне притворяться или беречь себя для какой-то большей [обида]?».

Car enfin qui m'arrete? Et quelle autre assurance,
 Demanderais-je encor, de son indifference?
 L'ingrat est-il touché de mes empressements?
 L'amour même entre-t-il dans ses raisonnements ?⁸⁷

Rac: Bajaz: < Bajazet > Act: II. Sc. I.

Слб. 845–846. Под строкой 419 «Hunc ego si potui tantum sperare dolorem»⁸⁸ в виде сноски цитата из «Андромахи» Расина:

«+ Grace aux Dieux! mon malheur passe mon espérance»⁸⁹.

Racine. Andr:» [Acte V, Sc. 5].

В строке 381 «I, sequere Italiam ventis, pete regna per undas»⁹⁰ сноска корректорским значком F к записям по нижнему и внешнему полях:

« F Vattene pur, crudel, con quella pace,
 Che lasci a me: vattene iniquo omai.
 Me tosto ignudo spirto, ombra seguace
 Indivisibilmente a tergo avrai,
 Nova furia, co' serpi, e con la face,
 Tanto t'agiterò quanto t'amai.
 E s'è destin, ch'esca del mar, che schivi
 Gli scogli, e l'onde e che a la pugna arrivi:

Là tra'l sangue e le morti egro giacente
 Mi pagherai le pene, empio guerriero.
 Per nome Armida chiamerai sovente
 Ne gli ultimi singulti: udir cio spero".
 Or qui mancò lo spirto à la dolente,
 Né questo ultimo suono espresse intero;
 E cadde tramortita e si diffuse
 Di gelato sudore, e i lumi chiuse»⁹¹.

⁸⁶ «Что пользы льститься [надеждой]?».

⁸⁷ «Ведь, в конце концов, кто меня остановит? и какого еще уверения / должна я требовать в его равнодушии? / Разве неблагодарного тронуло мое усердие? Сама любовь разве входит в его рассуждения?»

⁸⁸ «Если бы я могла ожидать этого — такого — страдания».

⁸⁹ «Благодарность богам! мое несчастье превосходит мою надежду».

⁹⁰ «Иди, следуй в Италию по ветру, ищи царства за волнами».

⁹¹ «Уходи, жестокий, с таким миром, / какой ты оставляешь мне: уходи, наконец, злодей. Я вскоре буду для тебя нагим духом, тенью, следующей / неотступно за спиною; / Новая фурия, со змеями и с

Tasso. Ger. Lib. Cant: XVI. Str. LIX et LX.

In sequentibus desperatio Aeneae videtur mihi frigidior expressa ac Renaldi⁹².

Forse cambiò color? forse al mio duolo

Bagnò almen gli occhi, o sparse un sospir solo?⁹³

Simile quoddam sonat et hoc nostri ceber: Sumarokoff, in Tragedia sua, falsus Demetrius inscripta, Act: II. Sc. I⁹⁴.

Изъ Тартара тебя Мегера возметала,

Кавказъ тебя родиль, Ирканія питала.

Jam non audeo post tanta exempla, profferre hic quantumcumque de meo; est enim in tentata a me Tragedia Didone, imitatio huius Virgiliani. Act: III. Sc. VI⁹⁵ :

Продолжение этой записи на нижнем поле стлб. 847–848:

Не сынъ богининъ ты, не Дарданъ прародитель,

Невѣрной! ты Кавазъ [sic!] изъ камней породиль,

Въ Ирканскихъ ты степяхъ, млеко злыхъ Тигровъ пиль.

Затѣмъ, что будетъ мнѣ, въ притворствѣ бесполезномъ?

Когда онъ возрыдалъ, меня зря въ токѣ слезномъ. Etc.».

Ниже цитата из «Федры» Расина, которая продолжена на нижнем поле следующей странице, стлб. 849–850:

«C'est ce ça, que Racine a suivi dans sa Phedre, Acte III. Sc: I.

Va trouver de ma part, ce jeune ambitieux

факелом, / так же сильно я буду мучить тебя, как тебя любила. / И если судьбе угодно, чтобы ты вышел из моря, / чтобы избежал скал и волн, и прибыл к битве — / Там, среди крови и мертвецов / ты лежа, скорбный, воздашь мне по заслугам, нечестивый воин. / По имени Армиду не раз будешь звать / в последних столах: я надеюсь услышать это. / Здесь страдалице не хватало уже духа, / и этот последний звук не выразил всего; / И упала без чувств, и покрылась / ледяным потом, и очи смежила».

⁹² «В следующих стихах, как мне кажется, отчаяние Энея выражено сдержанней по сравнению с [отчаянием] Ринальдо».

⁹³ «Может быть, у него изменился цвет лица? Может, на мою боль / он хотя бы омочил глаза или проронил хоть один вздох?» (Строфа 57).

⁹⁴ «Несколько похоже звучит и вот это из нашего знаменитейшего Сумарокова, в его трагедии «Димитрий Самозванец» действие 2, явление 1:»

⁹⁵ «Уж я не дерзаю после таких примеров дать здесь что-то из моего; ведь есть в предпринятой мною трагедии «Дидона» подражание этому [месту] Вергилия, действие 3, явление 6»:

Pour le fléchir enfin tente tous les moyens,
 Tes discours trouveront plus d'accès que les miens ;
 Presse, pleure, gémis, plains-lui Phedre mourante.
 Ne rougis point de prendre une voix suppliante,
 Je t'avourai de tout; je n'espere qu'en toi.
 Va, j'attens ton retour, pour disposer de moi.»⁹⁶.

Смлб. 851–852. В строке 451 «Mortem orat; taedet caeli convexa tueri»⁹⁷ подчеркнуто и отмечена сноска корректорским значком F к записи на внешнем поле:

«F La mort est le seul Dieu, quel j'osais implorer»⁹⁸. Phedre». [Acte IV. Sc. 6].

Смлб. 863–864. В строке 595 «Quid loquor? aut ubi sum? quae mentem insania mutat?»⁹⁹ сноска корректорским значком F к записи по внешнему полю:

«F Ma dove son? che parlo?
 Misera Armida, allor dovevi, e degno
 ben era, in quel crudele incrudelire,
 che tu prigion l'avesti»¹⁰⁰.
 Tasso. Ibid. [XVI. Str. 64–65].

В строке 597 «Tum decuit, cum sceptras dabas. en dextra fidesque»¹⁰¹ сноска корректорским значком # к записи по внешнему полю:

«# Tu pleures, malheureuse! Ah! tu devais pleurer,
 Lorsque, d'un vain desir, à ta perte poussée,
 Tu conçus de le voir, la première pensée»¹⁰².

⁹⁶ «Иди, найди от моего имени этого юного честолюбца... Испытай наконец все средства, чтобы склонить его; / твоим речам подступ будет легче, чем моим; / Дави на него, плачь, стелай, жалуйся на то, что Федра при смерти; / нимало не стыдись прибегнуть к молящему голосу, / я одобрю тебя во всем; я надеюсь только на тебя. / Иди, я ожидаю твоего возвращения, чтобы располагать собой».

⁹⁷ «Смерть умоляет; невыносимо смотреть на свод небес».

⁹⁸ «Смерть — единственный бог, которого я осмеливалась умолять».

⁹⁹ «Что я говорю? И где я? Что за безумие мутит разум?».

¹⁰⁰ «Но где я? и что говорю? / Бедная Армида, тогда ты должна была, / и было это весьма достойно, / жестоко поступить с этим жестоким человеком, / которого ты держала в плену».

¹⁰¹ «Тогда подобало, когда отдавала ты власть. Се десница и верность».

Рас: Bajaz: A: IV» [Sc. 5].

Стлб. 871–876. К строкам 690–692:

«Ter sese attollens cubitoque adnixa levavit
ter revoluta toro est oculisque errantibus alto
quaesivit caelo lucem ingemuitque reperta»¹⁰³ сноско коррек-
торским значком ꝑ к записям по нижним полям трех страниц:

« ꝑ Ici, vous croyez voir la reine de Carthage,
Son front est entouré d'un funèbre nuage
Luttant contre la mort qu'elle porte en son sein
Trois fois elle s'élève et retombe soudain.
Ses regards moribonds où l'amour brille encore,
Paraissent rappeler le guerrier qu'elle adore.
Elle pleure, soupire et dans son desespoir,
Elle cherche le jour, et gémit de le voir¹⁰⁴.

Dorat».

[Dorat, Claude-Joseph. La déclamation théâtrale. Poème didactique en trois chants. 291–298.]

Далее комментарий к этой записи: « ꝑ Нис pertinet imitata descriptio mortis Didoni [sic!], in Poemate celeberrimi Torquati Tassi¹⁰⁵:

Cade; e gli occhi, ch'a pen aprir si ponno;
Dura quiete preme, e ferreo sonno.
Gli apprí tre volte, e i dolci rai del cielo,
Cerco fruire e sovra un braccio s'alzarsi,
E tre volte ricadde, e fosco velo,
Gli occhi adombrò, che stanchi al fin serrarsi;

¹⁰² «Ты плачешь, несчастная! Ах! ты должна была плакать, / когда, от тщетного желания, движимая на собственную погибель, / ты возымела первую мысль увидеть его».

¹⁰³ «Трижды, опираясь на локоть, приподнимала себя, вставая, трижды скатывалась на ложе, и блуждающими глазами искала на высоком небе света, и найдя стонала».

¹⁰⁴ «Здесь, как вы думаете, вы видите царицу Карфагена, / ее чело окружено скорбным облаком. / Она борется со смертью, которую несет в своем лоне, / Трижды она поднимается и тотчас падает. / Ее умирающие взоры, в которых все еще сияет любовь, / кажется, напоминают о воине, которого она обожает. / Она плачет, вздыхает и в отчаянии / ищет день и стонет, видя его».

¹⁰⁵ «Сюда относится подражание описанию смерти Дидоны в поэме знаменитейшего Торквато Тассо:».

Si dissolvono i membri; e'l mortal gelo,
Inrigiditi e di sudor gli ha sparsi¹⁰⁶.

Canto III. Str. XLVI».

«Hoc ipsum ita sonat ruthenice redditum in Poemate de Obsidione Narvae¹⁰⁷»¹⁰⁸:

Три краты онъ встая, на локоть опирался,
Три краты ниць упаль, и свѣтъ узрѣть старался,
Узрѣль и возстональ. И пр:

In translatione Italiana vero Cl: Annibalis Caro, sequenti modo¹⁰⁹:

Tre volte sopra il cubito risorse
Tre volte cadde e la terza giaque
E gli occhi volti al ciel quasi cercando
Veder la lume; poi che vista l'ebbe
Ne sospirò»¹¹⁰.

Стлб. 877–878. В строке 701 «Mille trahens varios adverso sole colores»¹¹¹ сноска корректорским значком ꝥ к записи нижнем поле, представляющей собой перевод М. Н. Муравьева:

¹⁰⁶ «Он падает; и очи, которые едва удастся открыть, / сдавливают жесткий покой и железный сон. / Он открыл их трижды, и трижды сладостными небесными лучами / пытался насладиться и приподняться на руке, / и трижды падал вновь, и черное покрывало / осенило глаза, которые, наконец, утомились и смежились; / распалась связь членов, и смертельный холод / сделал их твердыми и окропил потом».

¹⁰⁷ «Само это [место] так звучит в передаче на русский язык в поэме «Осада Нарвы»».

¹⁰⁸ В 1775 г. М. Н. Муравьев работал над поэмами «Раздраженный Ахиллес» и «Осада Нарвы». Из письма к отцу от 15 августа 1777 (письмо 9): «Обедал я вчерась у Михаила Матвеевича Хераскова ... Случай быть у него часто льстит мне особливо, и он же обхождением своим столь обязывает, что я заслужить не в состоянии. Отзывается обо мне более, нежели я могу желать. Просил принести к себе начало Нарвской поэмы, о которой я еще в Москве ему сказывал». Нарвская поэма — «Нарвиада» или «Осада Нарвы», — большая поэма, задуманная Муравьевым, от которой сохранились лишь отрывки. См.: Pis'ma 1980: 273, 368.

¹⁰⁹ «А в итальянском переводе славнейшего Аннибала Каро следующим образом»:

¹¹⁰ «Трижды она поднималась на локте / трижды падала, и на третий легла / и глаза обратив к небу, как бы в желании / видеть свет, увидев его, / оттого вздохнула».

¹¹¹ «Неся тысячу разных цветов в свете встречного солнца».

«Ғ Предь солнцомъ, тысячу влеча цвѣтовъ различныхъ».

Итак, мы видим, что самый цитируемый автор — Торквато Тассо (свыше десяти случаев, преобладает «Иерусалим», один раз «Аминта»). Второе место занимает не эпический поэт — Расин (9 цитат). Вольтер, Ломоносов (чаще как переводчик, чем как эпик), Буало цитируются по четыре раза (Вольтер — один раз в виде скрытой цитаты). Трижды — Овидий. Дважды — Вида, Марино, Сумароков, однократно — Лукреций, Гораций, Персий, Аннибал Каро, Дора, Ж.-Б. Руссо, И.-Э. Шлегель (эта цитата единственная дает возможность утверждать, что немецкая литература тоже находится в поле зрения Муравьева). Присутствуют неоднократные отсылки к другим произведениям Вергилия и к собственному творчеству. Концентрация параллельных мест больше всего вокруг топосов — зачина, жестокой природы возлюбленного, рожденного не от женщины. При этом топика наблюдается не только в рамках эпоса.

Литература

- Belikov A. E., Lenchinenko M. V., Lyubzhin A. I. 2023: M. N. Muravyov — chitatel' Georgik [Belikov A. E., Lenchinenko M. V., Lyubzhin A. I. M. N. Muravyov reader of Georgics. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 27 (1), 47–71].
- Беликов А. Е., Ленчиненко М. В., Любжин А. И. 2023: М. Н. Муравьев — читатель «Георгик». *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 27 (1), 47–71.
- Muravyov M. N. *Stikhotvoreniya* [Muravyov M. N. *Poems*. Introductory article, text preparation and notes by L. I. Kulakova. L.: 1967].
- Муравьев М. Н. *Стихотворения*. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л. И. Кулаковой. Л.: Советский писатель, 1967. (Библиотека поэта. Большая серия).
- Pis'ma russkikh pisatelej XVIII veka* [*Letters of Russian writers of the 18th century*. Leningrad.: 1980].
- Письма русских писателей XVIII века*. Л.: Наука, 1980.

А. П. Бехтер
СПб ИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. anabekhter@gmail.com

Ю. И. Ильина
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия.
iouliailiyana@gmail.com

ГРАФФИТИ И ДИПИНТИ ИЗ РАСКОПОК Е. И. ЛЕВИ И А. Н. КАРАСЕВА. 5. АРХАИЧЕСКИЙ АБЕЦЕДАРИЙ

В статье публикуется найденный при регулярных раскопках на территории Ольвии фрагмент ножки аттического чернолакового килика 550–530 гг. до н. э. На внешней стороне подставки вырезан алфавитный ряд АВΓΔΕΖΗΘΙΚΛΜΝΞΟΠΡΣΤΥΧ<Φ>ΨΩη, на стволе ножки видны остатки рандомного набора букв ηΕ[---]Χ/ΞΖ?[---], вырезанных той же рукой, что показывает, что надпись была нанесена на сосуд в период его активного использования, т. е. не позднее последней трети VI в. до н. э. По набору букв граффито представляет собой восточно-ионийский алфавитный ряд, включая «мертвые буквы», использовавшиеся в качестве цифровых обозначений так называемого «милетского» цифрового ряда. В то же время форма *μ*ο, точно воспроизводящая финикийский прототип, фиксируется лишь в очень ограниченном кругу алфавитов западной ветви (Южная Эгеида, Эвбея и ее западные колонии); характерны для западной группы также формы *дельты* и *пси*. То же относится и к неправильному с точки зрения ионийского алфавита порядку не-финикийских литер ΧΦΨ. На оборотной стороне подставки другой рукой и в более позднее время вырезано еще одно граффито: ΑΘΜ | ΕΤ. Надпись может быть понята как частновладельческая, но скорее она имеет магический характер.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Ольвия, античная эпиграфика, граффити, абecedарий, восточно-ионийский алфавит.

А. Р. Bekhter
Saint Petersburg Institute of History. anabekhter@gmail.com
Yu. I. Il'ina
State Hermitage. iouliailiyana@gmail.com

Graffiti and dipinti from the excavations of E. I. Levi and A. N. Karasev. 5. Archaic abecedarium

In the article, we are publishing a fragment of the lower part of an Attic black-glazed kylix, dated 550–530 BCE, found during regular excavations on the territory of Olbia. On the outer side of the foot, an alphabetical set is cut: АВΓΔΕΖΗΘΙΚΛΜΝΞΟΠΡΣΤΥΧ<Φ>ΨΩη). On the stem, remains

of random letters $\eta E[---]X/\Xi\Sigma?[-]$ are visible. They are cut by the same hand, which means that the inscription was carved on the vessel during the period of its active use, i.e. not later than the last third of the VI century BCE. According to the set of letters, the graffiti represents the Eastern Ionian alphabet, including the “dead letters” *waw*, *koppa* and *sampi*. At the same time, the *mu* form which accurately reproduces the Phoenician prototype is fixed only in a very limited range of alphabets of the western branch (Southern Aegeid, Euboea and its western colonies); the *delta* and *psi* forms are also characteristic of the western group. The same applies to the order of the non-Phoenician letters $X\Phi\Psi$, which is non-alphabetic from the point of view of the Ionian alphabet. On the back of the foot, another hand, of a later time, carved another graffiti: $A\Theta M | E T$. This inscription can be understood as a mark of private ownership, but it is more likely to be of magical character.

Keywords: the Northern Black Sea Region, Olbia, ancient epigraphy, graffiti, abecedary, East Ionian alphabet.

Мы продолжаем знакомить научную общественность с материалами из раскопок Е. И. Леви и А. Н. Карасева, в свое время переданными для работы Ю. Г. Виноградову, которые, однако, так и не были полноценным образом опубликованы¹.

Наш предмет был найден в 1974 г. при регулярных раскопках Ольвийского городища на участке Е 4, кв. 818, в яме № 15, пол. № Ол-74.1785. На участке Е4 было выявлено три ямы, относящихся к периоду поздней архаики: 13, 15 (кв. 818), 18 (кв. 819). Все они датируются концом VI — началом V в. до н. э., во всех встречаются обломки чернолаковых киликов конца VI в. до н. э.²

Перед нами фрагментированная ножка аттического чернолакового килика, т. е. дорогая импортная посуда: уцелели подставка и начало перехода к стволу. Судя по диаметру ножки — 9,5 см, сосуд довольно крупный, восстанавливаемый диаметр чаши — 23 см. По профилю этот фрагмент без сомнения принадлежит килику типа *lip-cup* или *band-cup* с глубокой чашей на высокой ножке и горизонтальными ручками, различавшихся оформлением края чаши: у типа *lip-cup* он оставался в цвете глины, а у типа *band-cup* был покрыт лаком. Эти килики су-

¹ Историю и обзор входящих в коллекцию предметов см.: Bekhter, Il'ina 2020: 907–909.

² Леви Е. И., Карасев А. Н. Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1974 г. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 158. С. 32–34.

ществовали синхронно в период 565/560–530/520 гг. до н. э.³, появление последнего типа обычно относят на несколько лет позже, большинство киликов типа *band-cup* датируются 550–520 гг. до н. э.⁴ Поскольку верхняя часть сосуда утрачена, определить принадлежность к тому или иному типу затруднительно. Однако, исходя из того, что килики типа *band-cup* в Ольвии были найдены в гораздо большем количестве, чем типа *lip-cup* (лучшие их образцы представлены посвятельными дарами Аполлону Дельфинию в ботросах на теменосе, исследовавшихся в 1973–1974 гг.⁵, можно предположить, что и этот фрагмент следует отнести к типу *band-cup*. По большей части килики этого типа были украшены росписью⁶, хотя известное и небольшое число киликов типа *band-cup* без росписи⁷. Видимо, наш объект следует датировать в широком диапазоне 550–530 гг. до н. э. из-за отсутствия частей с росписью, которая позволила бы уточнить его датировку.

На внешней стороне подставки по кругу вырезан полный алфавитарий (рис. 1, 1а); на стволе ножки хорошо просматриваются остатки букв, также нанесенные по кругу, однако, они, как кажется, не составляют правильного алфавитного ряда: хорошо видна полностью сохранившаяся *сампи*, но находящаяся перед ней фрагментированная буква может быть только нижней частью *эпсилона*. На противоположной стороне ножки также фиксируются остатки букв, первая из которых может быть нижней частью крестообразной *хи* или *кси*, а вторая — фрагментом *сигмы* (прямая, а не наклонная нижняя горизонталь может объясняться трудностью написания на покатой поверхности). Таким образом, перед нами не второй алфавитный ряд, а случайный набор букв.

ΑΒΓΔΕΖΗΘΙΚΛΜΝΞΟΠΡΣΤΥΧ<Φ>ΨΩη

ηΕ[---]Χ/ΞΣ?[- - -]

Для Ольвии рассматриваемое граффито представляет собой единственный полный алфавитный ряд; известны также три

³ Cook 1992: P. 82; Boardman 1974: 61.

⁴ Cook 1992: 82; Boardman 1974: 61.

⁵ Levi 1985: 67–68, fig. 49, 1–3; fig. 50, 1–2.

⁶ Beazley 1932: 167–204.

⁷ Sparkes, Talcott 1970: 90, Pl. 18, Fig. 4; 262, kat. 389–391.

надписи, содержащие начальный сегмент алфавита⁸. Все они также нанесены на донца чернолаковых сосудов VI–V вв. н. э.

С точки зрения жанровой принадлежности все надписи, содержащие алфавитные ряды, распадаются на две группы: магического характера и ученические упражнения, причем отличить одно от другого бывает непросто. Из перечисленных выше ольвийских памятников к жанру *magica*, видимо, принадлежит первый, где за АВГДΘΙΚН следует случайный набор букв, включая *сампи*, которую издательница описывает как «перевернутый *эпсилон*», а на оборотной стороне подставки ножки также хаотично вырезаны буквы. Две следующие надписи Яйленко трактует как ученические записи: ретроградно вырезанное АВГДΘ и присутствующий на обеих сторонах обломка хаотичный набор букв, в котором с уверенностью можно разобрать только АВГД; надо отметить, что первоиздатель И. И. Толстой определял граффито как магическое⁹. В целом можно отметить смену тенденций: если в первой половине XX в. граффити, содержащие сегменты алфавитного ряда, особенно нанесенные на чернолаковую посуду, трактовались как надписи магического характера¹⁰, то в последнее время они рассматриваются как ученические упражнения¹¹.

В нашем случае, поскольку благодаря наличию второй надписи, поднимающейся вверх по стволу ножки, совершенно очевидно, что текст был нанесен на еще целый килик, вариант с ученической записью должен быть отброшен.

Нанесение алфавитных рядов на различные сосуды было достаточно распространенной практикой. Известны как варианты, подобные нашему, когда абecedарий процарапывался на донце или стенках сосуда, так и выполненные в технике дипинто. Алфавитные ряды могли наноситься на сосуды, выполнявшие функцию вотивных приношений, используемые в домашних святилищах или в магических ритуалах; не стоит, видимо, сбрасывать со счетов и фактор «чистого удовольствия от овладения новым навыком» (Lang 1976: 6.).

⁸ Rusyaeva 2010: 128–19, № 98 (Tab. 44, 5; 46, 1); Yailenko 1980: 94, № 102 (SEG XXX 951); Yailenko 1980: 95, № 103 (SEG XXX 954).

⁹ Tolstoy 1953: 40–41, № 59.

¹⁰ Tolstoy 1953: 40–41, № 59; 136–137, № 240.

¹¹ Yailenko 1980: 94–95, № 102–105; Zavoykina 2017: 145–151.

Что касается датировки, то, как уже было сказано выше, наличие второй надписи показывает, что надпись была нанесена на целый сосуд, в период его активного использования, т. е. не позднее последней трети VI в. до н. э.

Граффито представляет собой полный восточно-греческий ионийский алфавит, содержащий дополнительно «мертвые буквы»: *вау*, *коппу* и *сампи*, использовавшиеся в качестве цифровых обозначений так называемого «милетского» числового ряда. В севернопричерноморском регионе, зоне милетской колонизации, для периода VI–V вв. до н. э. зафиксированы случаи употребления *коппы* и *сампи* в качестве вполне «живых» букв¹². Надпись вырезана довольно аккуратно, но в самом конце автор все же не избежал ошибок: в *phi* не прочерчена вторая дужка, из-за чего буква сделалась похожей на *rho*, в *psi*, наоборот, добавлена лишняя горизонталь. Набор букв абсолютно идентичен найденному на Самосе абecedарию, датирующемуся са. 660 г. до н. э.¹³, т. е. уже к середине VII в. до н. э. восточно-ионийский алфавитный ряд был полностью сформирован, включая такие знаки как Ω и Υ ¹⁴.

Однако внешний вид и последовательность отдельных литер демонстрируют серьезные отклонения от восточной группы алфавитов. Если говорить о палеографии, то прежде всего обращает на себя внимание форма *mu*, полностью воспроизводящая финикийский прототип. Такое начертание

¹² *Konna* в ольвийских надписях, как кажется, не засвидетельствована, но известна на Боспоре (Пантикапей, кон. VI–V в. до н.э.): $\text{Q}\acute{\omicron}\lambda\chi\omicron$ (Marchenko 1968: 41, рис. 1). *Сампи* в Ольвии представлена в упомянутой выше магической надписи (Rusyaeva 2010: 128–129, № 98, также она фиксируется в качестве вполне «живой» буквы в свинцовом письме середины VI в. до н.э., найденном на Березани (Dana 2021: 106–110, № 23, fig. 64): $\acute{\alpha}\zeta\alpha$. На Боспоре присутствует в граффито рубежа V–IV вв. до н.э., происходящего из Зенонова Херсонеса (Blavatskaya, Rosov 1985: 121, рис. 2): $\tau\rho\acute{\epsilon}\sigma\tau\epsilon\lambda\omicron\varsigma, \acute{\epsilon}\kappa\tau\eta\nu\tau\epsilon\lambda\omicron\varsigma$.

¹³ Guarducci 1967, 265, fig. 119.

¹⁴ О фонетическом значении и происхождении *сампи* см.: Brixhe 1996, 59–60; Wachter 1998: 5–6; Willi 2008: 419–422. За пределами ряда ионийских полисов и их колоний для *сампи* в нечисловом значении зафиксированы только сомнительный случай с афинским кубком Нессоса, са. 615 (Threatte 1980: 24, 1.014) и ME Υ A на монетных легендах мегарской колонии Месембрии, имевших хождение в 450–350 г. до н. э. (Jeffery 1961: 368).

фиксируется только в локальных алфавитах Южной Эгеиды (Кипр, Мелос, Сикинос) и на Эвбее (а также в италийских эвбейских колониях)¹⁵; во всех других центрах мы видим различные вариации четырехчастной формы этой буквы. Форма *дельты* также нехарактерна для Додекаполиса, неизвестна в причерноморских колониях, но фиксируется в локальных алфавитах преимущественно западной ветви (Эвбея, Беотия и т. д.)¹⁶, особенно популярна она была в италийских колониях, став в итоге прототипом D в латинском алфавите (Guarducci 1967: 90). Также и *пси* с укороченными боковыми наклонными и удлинённой срединной вертикалью характерна для «красных алфавитов» (Guarducci 1967: 101). Что касается остальных литер, то их внешний вид вполне типичен для восточно-греческого алфавита, можно отметить только комбинацию весьма архаичных и прогрессивных форм. *Ипсилон* в форме V характерен именно для второй половины VI в. до н. э., нередко встречается в ольвийских граффити этого периода, исчезая в V в. до н. э.¹⁷ *Хи* крестообразной формы также указывает на относительную древность: такая форма буквы активно используется на протяжении VI–V веков, вплоть до начала IV в. до н. э. (нельзя не отметить, что в ольвийской палеографии этот тип не зафиксирован: даже в документах VI в. *хи* имеет форму косоугольного креста). Боковые наклонные *сигмы* раскрыты под очень широким углом, что также является индикатором древности. *Лямбда* с прямой левой гостой и слегка укороченной правой наклонной указывают на конец VI — начало V в. до н. э.¹⁸ При этом в надписи присутствуют *тета* с точкой, а не с крестом по центру, и *эпсилон* с прямыми, а не наклонными горизонталями, хотя для второй половины VI в. ожидалось бы два последних варианта¹⁹.

¹⁵ Jeffery 1961: 31, 79, 308–309

¹⁶ Jeffery 1961: 79, 89, а также table of letters.

¹⁷ Rusyaeva 2010: 220–221, Табл. 4, 1, Табл. 5, 1; Dana 2021: 125–138, № 26, fig. 76 (конец VI в. до н. э.); 138–142, № 27, fig. 81 (начало V в. до н. э.).

¹⁸ Rusyaeva 2010: 26, Табл. 4, 2 (кон. VI — начало V в. до н. э.); 33–34 (вторая-третья четверть V в. до н. э.); Bekhter, Il'ina 2020: 920, № 10, fig. 10 (ca. 500).

¹⁹ Rusyaeva 2010: 218–219, Табл. 2, 2 (3-я четверть VI в. до н. э.), Табл. 3, 2 (кон. VI в. до н. э.); Табл. 16, 5 (посл. четверть VI в. до н. э.); Табл.

Второй обращающий на себя внимание момент: неправильная с точки зрения восточно-ионийского диалекта последовательность ХФΨ, при том что все прочие буквы занимают привычные места. Самым простым решением было бы видеть здесь простую описку, тем более что, как было показано выше, именно в этом сегменте надписи концентрируются ошибки. Однако присутствие в граффито нехарактерных для данного региона букв заставляет рассмотреть и другие варианты.

Последовательность и фонетическое значение не-финикийских букв легли в основу предложенной Кирхгофом классификации древнегреческих алфавитов: восточные, содержащие последовательность ФХΨ с фонетическими значениями соответственно ϕh, kh, ps, и западные с последовательностью Х (=ks), Φ (=ϕh), Ψ (=kh) (Kirchhoff 1887). Как отметила М. Гвардуччи, классификация Кирхгофа до сих пор сохраняет актуальность, но «было бы ошибкой рассматривать ее как систему жестких барьеров, которая не допускает взаимное проникновение и обмен между различными секторами» (Guarducci 1967: 82). Наш абecedарий, фиксирующий смешение элементов западной и восточной ветвей древнегреческого алфавита, демонстрирует как раз такое взаимопроникновение.

Известные и другие «гибриды» подобного рода. На беотийском кубке неизвестного происхождения (420 гг. до н. э.) в технике дипинто дважды нанесен беотийский алфавитный ряд с соответствующим набором и формой букв, однако, завершающийся последовательностью ХФΨΩ²⁰. С Афинской агоры происходит абecedарий, и типологически, и хронологически наиболее близкий к публикуемому: как и в нашем случае алфавит нанесен на внешнюю сторону подставки ножки чернолакового килика начала V в. до н. э. по кругу, так что его конец перекрывает начало; объект пострадал гораздо сильнее ольвийского: уцелело менее половины ножки (Lang 1976: 7, A3). Финальная часть алфавитного ряда выглядит как ХФΩ (последовательность, по словам самой М. Лэнг, «не имеет параллелей»), а *vaυ* имеет не привычный нам вид Ϝ, а форму квадратной *сигмы*, не известную в Аттике, но характерную для

27, 1–3 (2-я пол. VI в. до н. э.); Dana 2021: 142–150, № 28, fig. 84 (ca. 500–450).

²⁰ Jeffery 1961: Pl. 10, 20.

алфавитов западной ветви: Эвбеи и ее западных колоний, Беотии, Фессалии (Jeffery 1961: 79, 89, 96).

Во всех этих случаях мы наблюдаем сходную картину: присутствие в достаточно грамотно выписанном алфавитном ряду нехарактерных для него элементов из другой группы локальных алфавитов. В нашем случае автором граффити, судя по уникальной форме *мио* в сочетании с в целом ионийским обликом абecedария, должен быть выходец с Эвбеи или из какой-либо из ее западных колоний, тем более что последовательность ХФΨ фиксируется в трех абecedариях эвбейского происхождения, найденных в Этрурии²¹, два из которых предположительно датируются 650–600, а один — 550–500 гг. до н. э., а в начале V в. до н. э. носитель эвбейского варианта алфавита, судя по всему, посетил Фанагорию²². Является ли присутствие нетипичных для неионийских алфавитов букв результатом длительного пребывания переселенца в ионийской языковой среде или трансформация алфавитного ряда произошла еще на родине автора граффито, сказать трудно; в любом случае наш абecedарий демонстрирует возрастающее влияние «синих» алфавитов на прочие, что в итоге создало возможности для формирования койне.

Нельзя не отметить, что инверсия ХФ неоднократно фиксируется в алфавитных рядах, происходящих из причерноморских центров: 1) [ΑΒΓΔ]ΗΕΘΙΚ[ΛΜΝΞ]ΟΠΡΣΤΥΧ[ΦΨΩ] (Тира, V–IV в. до н. э.)²³; 2) ΑΒΓΔ| ΕΔΗΘ|ΥΚΛΜ|ΝΞΟΠ|ΡΤΣΥ|ΧΦΨ (Тира, V–IV в. до н. э.)²⁴; 3) ΑΒΓΕΔΗΘΥΚΛΜΝΞΟΠΡΣΤΥΧ-[ΦΨΩ] (Тира, V–IV в. до н. э.)²⁵; 4) ΑΒΓΕΔΗΘΥΚΛΜΝΞΟΠΡ-ΡΣΤΥΧ[ΦΨΩ] (Тира, классический/эллинистический период)²⁶; 5) ΑΓΒΕΔΖΗΘΙΚΛΜΝΞΟΠΡΣΤΥΧΦΨΩ (Феодосия, V–IV в. до

²¹ Jeffery 1961: Pl. 49, 19, 20, 22.

²² Lang 1976: 23; Yailenko 1980: 95, № 103 (SEG XXX 954), ср. IGDOP: 82–82, № 41; Vinogradov 2001: 103–104.

²³ Античн. Тугас, совр. Белгород-Днестровский. Dana 2009: 79, № 5; ср.: Yailenko 1987: 56, № 2.

²⁴ Dana 2009: 79, № 6; ср.: Yailenko 1987: 56–57, № 3.

²⁵ Yailenko 1987: 55–56, № 1.

²⁶ Dana 2009: 80, № 8; надпись известна только по прорисовке (fig. 13), где представлены буквы очень архаичных форм: *сигма* с широко раскрытыми боковыми наклонными и крестообразная *хи* — в сочетании с более прогрессивными. Возможно, датировка требует коррекции.

н. э.)²⁷. Большая часть (если не все) приведенных текстов трактуются как ученические упражнения, причем многие из них содержат другие ошибки как фонетические (*ипсилон* вместо *йоты*, *дельта* вместо *дзеты*), так и механические: пропуск или инверсия букв. Если нарушение последовательности ХФ считать простой опiskой, то неизбежно возникает вопрос: почему именно эта ошибка является наиболее частотной? Возможно, мы недооцениваем влияние носителей «красных» алфавитов, присутствовавших среди переселенцев в Причерноморье?

Еще один вопрос, не имеющий на настоящий момент ответа: как неоднократно засвидетельствованная вариативность в последовательности последних литер алфавитного ряда соотносилась с цифровым значением букв «милетского» числового ряда, где Ф = 500, а Х = 600?

На внутренней стороне основания ножки килика также присутствует граффито, выполненное другой рукой (рис. 2, 2а).

ΑΘΜ

ΕΤ

Надпись вырезана достаточно небрежно, палеография не демонстрирует каких-либо архаических элементов, напротив, *тета* овальной формы с черточкой по центру указывает уже на эллинистический период, хотя несколько раз такая форма фиксируется в позднеархаический период²⁸. Надпись можно было бы рассматривать как частновладельческую, содержащую аббревиатуры имени и патронимика, однако, этому препятствует небольшой размер букв и их размещение, нехарактерные для меток собственности. Кроме того, имена, начинающиеся на Αθμ- (в принципе крайне редкие, LGPN для всех регионов античного мира дает только три примера) и Έτ-, в Северном Причерноморье неизвестны. Скорее, надпись носила магический характер: видны попытки дополнительной разметки, а читающееся в верхней строке ΑΘΜ перекликается с ΑΘ, несколько раз процарапанном на внутренней стороне упомянутого выше ольвийского чернолакового килика, внешняя сторона

²⁷ Shtern 1897: 185–186, № 63 (Штерн определяет последнюю в ряду букву как *эту*, но, скорее всего, это все же крайне небрежно прочерченная *омега*); ср.: Yailenko 1987: 57, № 9.

²⁸ Guarducci 1967: 380.

которого содержит сегментированный алфавитный ряд²⁹. Второе граффито, как видим, существенно моложе абecedария и, если принять интерпретацию его как магического, могло быть нанесено и на уже разбитый сосуд: такого рода объекты, имеющие круглую форму, нередко с просверленным по центру отверстием, с буквенными и рисуночными изображениями, были весьма распространены среди ольвиополитов.

Литература

- Bekhter, A. P., Il'ina, Yu. I. 2020: [Graffiti and dipinti from the excavations of E. I. Levi and A. N. Karasev. 1. Public ownership graffiti]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 80(4), 907–924.
- Бехтер А. П., Ильина Ю. И. Граффити и дипинти из раскопок Е. И. Леви и А. Н. Карасева: 1. Общественно-владельческие граффити. *ВДИ* 80(4), 907–924.
- Blavatskaya, T. V., Rosov V. N. 1985: Graffiti of the zenonits *Epigraphic materials of ancient Asia Minor and the Ancient Northern and Western Black Sea Region as a historical and linguistic source*. М., 115–135.
- Блаватская, Т. В., Розов, В. Н. 1985: Граффити зенонитов *Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник*. М., 115–135.
- Beazley, J. D. 1932: Little-master cup. *JHS* 52 (2), 167–204.
- Boardman, J. 1974: *Athenian black figure vases*. Oxford
- Brixhe, C. 1996: *Phonétique et phonologie du grec ancien*. Vol. I. Paris.
- Cook, R. M. 1992: *Greek painted pottery*. London.
- Dana, M. 2009: Alphabets et exercices scolaires dans deux cites du Pont oust: Istros et Tyras. *ZPE* 171, 71–82.
- Guarducci, M. 1967: *Epigrafia graeca*. Vol. I. Roma.
- Jeffery, L. 1961: *The Local Scripts of Archaic Greece*. Oxford.
- IGDOP = Dubois L. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Geneve, 1996.
- Kirchhoff, A. 1887⁴: *Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets*. Gütersloh.
- Lang, M. 1976: *Graffiti and Dipinti*. (Athenian Agora, XXI). Princeton.
- Levi, E.I. 1985: *Ol'viya. Gorod epokhi ellinizma [Olbia. The City of the Hellenistic Period]*. Leningrad.
- Леви, Е. И.: *Ольвия. Город эпохи эллинизма*. Л.
- Marchenko, I. D. 1968: Excavations in Panticapaeum in 1959–1964 *Proceedings of the State Museum of Fine Arts [Soobscheniy Gosudarstvennogo Muzeya istorii izobrazitel'nych iskusstv]* IV, 27–53.

²⁹ Rusaeva 2010: 128–19, № 98 (Tab. 44, 5; 46, 1).

- Марченко, И. Д.: Раскопки Пантикапея в 1959–1964 гг. *Сообщения ГМИИ* IV, 27–53.
- Rusyaeva, A. S. 2010: *Graffiti Ol'vii Pontiyskoy* [*Graffiti of Olbia Pontica*]. Simferopol.
- Русяева, А. С.: *Граффити Ольвии Понтийской*. Симферополь.
- Shtern, E. R. 1897: Graffiti on antique South Russian vessels *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obschestva istorii i drevnostey* [*Proceedings of the Odessa Imperial Society of History and Antiquities*] 20, 163–190.
- Штерн, Э. Р.: Граффити на античных южнорусских сосудах. *ЗООИД* 20, 163–190.
- Sparkes, B. A., Talcott, L. 1970: *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C.* (The Athenian Agora, XII). Princeton; New Jersey.
- Vinogradov, Yu. G., 2001: An Euboean visiting Phanagoria *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 103–104.
- Виноградов, Ю. Г.: Визит эвбейца в Фанагорию. *ВДИ* 1, 103–104.
- Wachter, R. 1998: Eine Weihung an Athena von Assesos *Epigraphica anatolica*, 30, 1–8.
- Willi, A. 2008: Cows, Houses, Hooks: The Graeco-Semitic Letter Names as a Chapter in the History of Alphabet *The Classical Quarterly* 58 (2), 401–423.
- Yailenko, V. P. 1980: [Graffiti from Leuka, Berezan and Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 75–116.
- Яйленко, В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии (окончание). *ВДИ* 3, 75–116.
- Yailenko, V. P. 1987: Primary school education in the ancient Greek cities of the Northern Black Sea region. *Cultural monuments. New discoveries. Writing. Archaeology. Art. M.*, 54–60.
- Яйленко, В. П.: Начальное школьное образование в античных греческих городах Северного Причерноморья. *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Археология. Искусство*. М., 54–60.
- Zavoykina, N. V. 2017: Two abecedaria of late archaic period from Phanagoria *Problemy istorii, philologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 145–151.
- Завойкина, Н. В.: Два абecedария позднеархаического времени из Фанагории. *Проблемы истории, филологии, культуры* 4, 145–151.

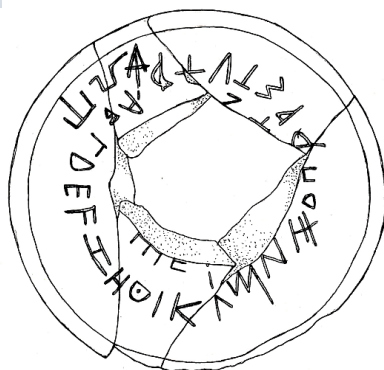

Рис. 1. Абecedарий. Фотография Ю. И. Ильиной.

Рис. 1а. Абecedарий. Прорисовка Ю. К. Роговой.

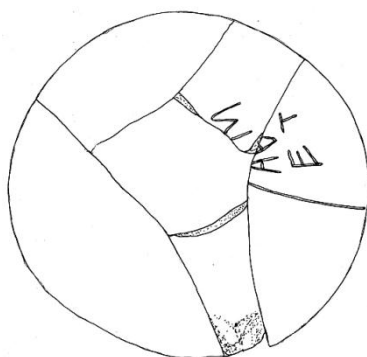

Рис. 2. Граффито на внутренней стороне подставки.
Фотография Ю. И. Ильиной.

Рис. 2а. Граффито на внутренней стороне подставки.
Прорисовка Ю. К. Роговой.

К. А. Битнер
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
kirvonbuettner@gmail.com

О СЕМАНТИКЕ ОДНОГО КУМРАНСКОГО ВАРИАНТА (ИС 53:8)

Статья посвящена интерпретации *nwg^с* в Ис 53:8. — текстуального варианта, который встречается в Большом свитке Исайи (1QIsa^а) второй половины II в. до н. э. В работе производится критическое рассмотрение имеющихся гипотез, объясняющих появление и значение чтения *nwg^с*, приводятся аргументы в пользу того, что *nwg^с* является формой перфекта глагола породы *Pu^сal*

Ключевые слова: Библия, Кумран, библейская текстология, книга Исайи, Кумран, кумранская орфография.

Cyrril von Büttner
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
kirvonbuettner@gmail.com

A note on the Qumran version of Isa 53:8

The paper discusses the meaning of the word *nwg^с*, which occurs in the Great Isaiah Scroll (1QIsa^а) in Isa 53:8. This manuscript is the oldest Hebrew copy of the biblical book of Isaiah, dating from the second half of the second century BCE. The passage Isa 53:8 is part of the so-called Fourth Song of the Servant of Yahweh (Isa 52:13–53:12), which deals with the suffering and death (Isa 53:2–9) of a certain unnamed character called the “Servant” of Yahweh / LORD, as well as his posthumous triumph (Isa 53:10–12).

The article critically examines the available hypotheses explaining the meaning of the word *nwg^с*: mainly the assumptions that it is a form of the perfect of the *Pual* stem (‘was smitten’), and that it is a form of a segolate noun formed according to the *qutl* model, with the same semantics as *nāḡa^с* ‘stroke’ in the Masoretic text.

The article shows that the first explanation is preferable for several reasons. First of all, the Qumran texts attest several different *Pual* forms of the verb *ng^с* (Dp stem), while there is no clear evidence of the existence of the segolate noun of the *qutl* model. Furthermore, the context of Isa 53:8 favors that the reading *nwg^с* could be a form of the *Pual* perfect (‘was smitten’) rather than the noun form (‘a stroke’). In particular, a characteristic feature of the Fourth Song of the Servant of the LORD is the frequent use of the forms of the passive stems as well as passive *Qal* (G stem) forms. Thus there are five *Pual* and passive *Qal* forms, which are

rendered in the scroll in the “full” orthography, i.e., with the letter *vav* to denote the vowel *u*.

The last four words in Isa 53:8 in the 1QIsa^a manuscript are suggested to be translated as follows: “because of the offense of his people he was smitten for their sakes.”

Keywords: Bible, Qumran, Biblical Textual Criticism, Book of Isaiah, Qumran, Qumran Orthography.

1. Введение

Так называемый Большой свиток Исаяи (1QIsa^a), обнаруженный в Первой кумранской пещере в 1947 г. (по другим данным, в конце 1946 г.), является старейшим сохранившимся древнееврейским списком книги пророка Исаяи. На основании почерка его обычно датируют 150–100 гг. до н. э. Текст свитка несколько раз издавался (Burrows, Trever, Brownlee 1950; Parry, Qimron 1999; Ulrich, Flint 2010). В настоящее время свиток хранится в Иерусалиме в Музее Израиля. Его цифровая фотография (фотограф Ардон Бар-Хама) вместе с фотографиями некоторых других хорошо сохранившихся кумранских рукописей размещена на специальном сайте The Digital Dead Sea Scrolls (<http://dss.collections.imj.org.il/>).

Текст 1QIsa^a в значительной степени отличается как от масоретского текста Библии (далее МТ), так и от текста других кумранских свитков Исаяи, содержит множество уникальных чтений, включая *nwg*^с в Ис 53:8b, которому и будет посвящена эта статья. До сих пор исследователи не пришли к единому мнению относительно значения этого слова.

Отметим, что отрывок Ис 53:8b является частью т. н. Четвертой песни Раба Яхве (Ис 52:13–53:12), в которой идет речь о страданиях и смерти (Ис 53:2–9) некоего безымянного персонажа, называемого «Рабом» (древнеевр. ^с*‘ābād*) Яхве / Господа, а также о его посмертном триумфе (Ис 53:10–12). Предполагают, что текст был написан в VI в. или в V в. до н. э. По всей видимости, первоначальный смысл текстов «Песен Раба Господня» был утрачен еще в раннюю эпоху. Уже на рубеже нашей эры появилось несколько традиций их интерпретации, в частности, мессианская (Раб Яхве – Мессия), коллективная (Раб — аллегория Израиля) и историческая (Раб — определенное историческое лицо). Эти традиции были зафиксированы, в

частности, в версиях библейского текста, а также в Новом Завете (Blenkinsopp 2006; Haag 1985; Joachimsen 2011).

2. Древнееврейский текст Ис 53:8b

Древнееврейский текст пассажа Ис 53b дошел до нас в нескольких вариантах: а) МТ, известный нам по средневековым рукописям, снабженным вокализацией (начиная с X—XI вв. н. э.), б) текст кумранской рукописи 1QIsa^a (2-я пол. II в. до н. э.), в) текст кумранской рукописи 1QIsa^b (2-я пол. I в. до н. э.), г) текст кумранской рукописи 4QIsa^d (сер. I в. н. э.).

2.1. Масоретский текст

Консонантный текст отрывка, легший в основу МТ, выглядит так: *ky ngzr m'rš hyym mṣš' 'my ng' lmw*.¹

Текст МТ с вокализацией тивериадского типа: *ki niḡzar me'ārāš ḥayyim mippāšā' 'ammi nāḡā' lāmo* (Goshen-Gottstein 1995: 243; Winton Thomas 1997: 759).

На современные европейские языки его переводят обычно подобным образом: «От земли живых он был отторгнут, пала на него кара за грехи моего народа» (пер. РБО).² При этом перевод основывается на интерпретации слова *lāmo* как формы предлога *lā* «к, у, для» с местоименным суффиксом 3 л. ед. ч., т. е. «на нем (на Рабе)» (Koole 1998: 311—312). Однако данная интерпретация представляется хотя и возможной, но не вполне убедительной, поскольку *lāmo* в подавляющем большинстве случаев представляет собой форму предлога *lā* с местоименным суффиксом 3 л. мн. ч., выступая в роли поэтического синонима древнеевр. *lāhām* «к / у / для них» (Joüon, Muraoka 1996: 341 (§103f); HALOT: 532). Мы предлагаем следующий перевод отрывка (МТ): «Ибо от земли живых он был отторгнут за преступление народа моего, на котором кара»³. Антецедентом суффиксного местоимения 3 л. мн. ч. (*-mo*), на наш взгляд, является существительное *'ammi* «мой народ», поскольку оно является собирательным, и очень часто его заменяют

¹ Здесь и далее древнееврейские и арамейские тексты приводятся в транслитерации, при необходимости также в транскрипции.

² См. также Синодальный перевод: «...ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь».

³ Ср. с переводом Jewish Publication Society: «For he was cut off out of the land of the living, for the transgression of my people to whom the stroke was due».

местоимения мн.ч. Отсутствие в тексте относительного местоимения *ʔāšār* «который» обусловлено особенностями стиля: в древнееврейских поэтических текстах эллипсис относительного местоимения наблюдается регулярно (Joüon, Muraoka 1996: 593 (§158a–b)).

Суффиксное местоимение 1 л. ед. ч., присоединенное к слову *ʿam* «народ», может указывать на то, что отрывок воспроизводит речь Бога. Однако выше (Ис 53:6) и ниже (Ис 53:10) о Нем говорится в третьем лице, никаких других признаков того, что Ис 53:8b является пророчеством, нет. Поэтому предпочтительнее объяснение, согласно которому «я» относится к рассказчику (см. Ис 22:4; 26:20; 32:13,18, ср. с Суд 14:3,16; 1 Цар 5:10–11) (Goldingay, Payne 2006: 314).

2.2. Текст 1QIsa^a

Текст отрывка (столбец XLIV, строки 14–15) в 1QIsa^a выглядит следующим образом: *kyʔ ngzr mʔrsʿ ḥuym mpšʿʿ mw nwgʿʿ lmw* (Ulrich, Flint 2010: I: 88–89).

В строке 15 последние четыре слова (*mpšʿʿ mw nwgʿʿ lmw*) отличаются графически от предшествующего и последующего текста: толщина букв в них меньше, чем у других слов в этом столбце. После слова *lmw* строка оставлена пустой, и начало следующей (XLIV:16) строки оказывается также незаполненными. Вероятно, четыре слова были вписаны в текст свитка позже⁴, а отступ в начале следующей строки может свидетельствовать о том, что писец оставил пустое место специально, чтобы позднее вставить туда недостающий текст. Согласно наиболее убедительному объяснению, подобные пропуски в тексте свитка⁵ были обусловлены тем, что нижняя часть

⁴ Некоторые исследователи полагали, что они были написаны тем же писцом (Ulrich, Flint 2010: II: 115), другие предполагали, что они были написаны более поздним справщиком (писец В) (Martin 1958: 562–563; Freedman, van Ee 2008: 793–794).

⁵ Писец, переписывавший вторую половину свитка 1QIsa^a (главы 34–66), неоднократно оставлял в тексте пробелы, как правило, занимавшие одну или две строки. «Пропущенные» писцом отрывки были позднее вписаны в эти пробелы другой рукой или тем же самым писцом. См., например, соответствующие строки в столбцах XXVIII: 18–20 (Ис 34:17–35:2), XXX: 10–12 (Ис 37:4–7), XXXII: 11–14 (Ис 38:19–22), XXXIII: 14–16 (Ис 40:14–16). Впрочем, в некоторых случаях пробелы не заполнялись, некоторые пассажи оказывались

антиграфа, с которого писец копировал текст Ис 34–66, была испорчена, и текст был добавлен позже из другой рукописи или же из оторвавшейся части антиграфа (Brownlee 1952; Longacre 2013).

Текст свитка содержит несколько отличий от консонантного текста масоретской традиции: а) союз *ky* (МТ: *ki*) написан с буквой алеф (*ky^ʔ*), б) вместо чтения *ʿmy* (МТ: *ʿammi*) «мой народ» появляется *ʿmw* (вероятно, *ʿammo*) «его народ», в) слово *ng^ʿ* (МТ: *nāḡa^ʿ*) написано с буквой *vav*: как *nwg^ʿ*.

Первое отличие, видимо, отражает специфику орфографии текста свитка, в котором широко используются диграфы *-y^ʔ* и *-w^ʔ* для обозначения гласных *i* и *o* в конце слова (Qimron 2018: 84–85).

Второе отличие появилось, возможно, вследствие того, что в антиграфе свитка буквы *vav* и *yod* имели схожую графическую форму. Кроме того, интерпретация пассажа, представленная в 1QIsa^a, отличается от той, которую мы находим в МТ: местоимение относится не к божеству и не к рассказчику, а к самому Рабу Яхве. Вероятно, писец считал, что местоимение 3 л. более соответствует контексту, чем местоимение 1 л.

Наконец, третье чтение, *nwg^ʿ*, является уникальным. Возможные варианты его интерпретации мы обсудим ниже.

2.3. Свитки 1QIsa^b и 4QIsa^d

Текст пассажа в свитках 1QIsa^b и 4QIsa^d сохранился с лакунами.

1QIsa^b: [... *ḥuym*] *mpš^ʿ ʿmw nwg^ʿ lmw* (Ulrich, Flint 2010: I: 140–141)⁶.

4QIsa^d: [...*mpš^ʿ ʿmy ng^ʿ lmw*] (Skehan, Ulrich 1997: 83)⁷.

Текст сохранившихся фрагментов почти полностью идентичен МТ. Единственным отличием может являться чтение *ʿmw* «его народ» (=1QIsa^a) *versus* *ʿmy* «мой народ» (МТ), однако

пропущенными и в конечном варианте текста. См., например, в столбце XXXIV строки 15–16 (Ис 41:11–12).

⁶ Издатели отмечают, что последняя буква в слове *ʿmw* может быть *yodom* или *vavom*. Из двух вариантов они выбрали *vav*, основываясь на том, что «...the first person does not fit the context» (Ulrich, Flint 2010: II: 227).

⁷ В тексте фрагмента буквы *vav* и *yod* с трудом отличимы друг от друга. Издатели склоняются, однако, к тому, что последняя буква в *ʿmy* является *yodom* (=МТ).

в обоих свитках буквы *vav* и *yod* почти не различимы друг от друга, так что нельзя исключать, что в них, на самом деле, содержится то же чтение *ʿtu*, что и в МТ.

3. Ис 53:8b в древних переводах

3.1. LXX

В древнегреческом переводе (LXX) пассаж выглядит следующим образом: *ὅτι αἴρεται ἀπὸ τῆς γῆς ἡ ζωὴ αὐτοῦ ἀπὸ τῶν ἀνομιῶν τοῦ λαοῦ μου ἥχθη εἰς θάνατον* (Ziegler 1983: 322) «Ибо берется от земли жизнь его, за беззакония народа моего он был отведен на смерть».

Чтение *ἡ ζωὴ αὐτοῦ* «жизнь его» восходит, возможно, к древнеевр. *hyuw versus hyum* «живые / жизнь» (МТ, 1QIsa^a), либо явилось результатом парафразирования отрывка.

Греч. *ἥχθη* «был отведен» (форма 3 л. ед. ч. пассивного аориста глагола *ἄγω*) соответствует евр. *ng^ς*. Можно предположить, что текст *Vorlage* LXX в этом случае не отличался от того текста, который лег в основу МТ. Масореты интерпретировали *ng^ς* как форму существительного *nāḡa^ς* «кара, наказание», а греческий переводчик — как пассивную форму глагола. Отметим, однако, что он мог ориентироваться скорее на значение глагольной формы породы *Hoph^{al}* «быть приведенным» (пассивный залог породы *Hiph^{il}*)⁸, чем на значение форм пород *Niph^{al}* или *Pu^{al}* («быть поражаемым»). Также нельзя исключать гармонизацию с Ис 53:7, где евр. *kšh lṭbh ywbl* «как овца на заклание он был отведен» передано как *ὡς πρόβατον ἐπὶ σφαγῆν ἥχθη* (Ekblad 1999: 235–236)⁹.

Еврейскому *lmw* в переводе LXX соответствует греч. *εἰς θάνατον* «для смерти, на смерть». Разночтение может быть объяснено двумя разными способами: а) переводчики LXX основывались на евр. *Vorlage*, в которой вместо *lmw* было написано *lmwt* (предлог *lā* + существительное *māwāt* «смерть») / форма инфинитива глагола породы *Qal muṭ* от корня *m-w-t*

⁸ В библейских текстах формы породы *Hoph^{al}* глагола *ng^ς* не засвидетельствованы, формы породы *Hiph^{il}* могут обладать значениями «...to cause to touch, to bring near» (HALOT: 669).

⁹ Ю. Экблад также допускает, что переводчик ошибочно принял форму глагола *ng^ς* за форму глагола *nhg* «быть отведенным» (Ekblad 1999: 235–236).

«умирать»)¹⁰; б) вариант, засвидетельствованный в LXX, мог появиться вследствие гармонизации с Ис 53:9, где евр. *bmtu* соответствует греч. *ἀντὶ τοῦ θανάτου αὐτοῦ* «за его смерть» (Ekblad 1999: 236).

3.2. Другие переводы

Остальные (кроме LXX) древние переводы, видимо, основывались на том же древнееврейском тексте, что и МТ.

В греческих переводах Аквилы и Феодотиона слово *ng^с* было интерпретировано как глагольная форма и переведено формой 3 л. ед. ч. медиального аориста (*ἤψατο* «он коснулся, поразил»), в переводе Симмаха — как форма существительного (= МТ) и переведено при помощи эквивалента *πληγή* «удар, бедствие» (Ziegler 1983: 322)¹¹.

Представляет интерес интерпретация последней части отрывка (Ис 53:8bβ) в сирийском переводе Пешитты: ... *wmn ʿwl^р d^сmy qrbw lh* (Brook 1993: 97) «...и за грешников Моего народа поразили они его». В сирийском языке (а также изредка в древнееврейском) предлог *lə* + имя использовался в пассивных конструкциях для обозначения лица, посредством которого совершается действие (Muraoka 2005: 67). Можно предположить, что переводчик посчитал, что в тексте отрывка была использована данная конструкция, но при ее передаче он прибег к парафразе (ср. также перевод отрывков Исх 12:16 и Иер 8:3 в Пешитте с МТ). При этом также нельзя исключать влияние на переводчика христианского богословия.

В арамейском переводе (Таргум Ионафана) представлена мессианская реинтерпретация Четвертой песни Раба, согласно которой Раб-Мессия не претерпевает страдания, а побеждает язычников и освобождает Израиль. В частности, отрывок Ис 53:8b передан в нем следующим образом: *ʿry y^сdy šwltn ʿmmy^р m^рr^с dyšr^л hwbyn dhbw ʿmy ʿd lwthwn ymty* (Sperber 1962: 108) «Ибо он удалит власть язычников из земли Израила. Грехи, которыми грешил народ Мой, он обратит на них». Евр. *ng^с* в арамейском переводе соответствует форма 3 л. м. р. ед. ч. имперфекта глагола *mty* (*ymty* «он даст встретить, обратит») (Hegermann 1954: 85—86).

¹⁰ Некоторые исследователи полагают, что подобный вариант текста являлся первоначальным (Blenkinsopp 2002: 345, 348; Gesenius 2013: 781).

¹¹ См. монографию Х. Хегерманна (Hegermann 1954: 41–42, 49, 61–62).

В латинском переводе Вульгаты вторая половина отрывка передана так: *...propter scelus populi mei percussit eos*¹² (Monachi abbatae Sancti Hieronymi 1969: 197) «...из-за злодеяния моего народа Он поразил их». Слово *ng^f* интерпретировано как глагольная форма и переведено формой 3 л. ед. ч. перфекта (*percussit* «Он поразил»).

4. Форма *nwg^f* в тексте 1QIsa^a

По всей видимости, текст отрывка Ис 53:8б в антиграфе, который использовал писец, был почти неотличим от того, который использовался позднее в МТ, и содержал чтение *ng^f*. Данное чтение может быть интерпретировано как: а) форма 3 л. ед. ч. м. р. перфекта породы *Qal* («он поразил», см. переводы Аквилы, Феодотиона, Вульгаты, ср. с текстом Таргума), б) форма ед. ч. м. р. действительного причастия породы *Qal* («поражающий»), в) форма существительного («поражение», см. МТ и перевод Симмаха), г) форма 3 л. ед. ч. м. р. перфекта породы *Pu^{al}* («был поражен», ср. с LXX, пер. Пешитты), д) форма 3 л. ед. ч. м. р. перфекта или ед. ч. м. р. причастия породы *Niph^{al}* («был поражен» / «пораженный», ср. с LXX, пер. Пешитты).

Буква *vav* в слове *nwg^f* в тексте свитка была, скорее всего, добавлена писцом с целью вокализации текста и использовалась для обозначения гласных *i* или *o*. Хотя использование *mater lectionis* и уменьшило количество возможных интерпретаций, текст может быть прочитан и понят несколькими способами. В частности, ученые предлагали интерпретировать форму *nwg^f* как: а) форму ед. ч. м. р. действительного причастия породы *Qal* (Kutscher 1974: 477¹³), б) форму 3 л. ед. ч. м. р. перфекта породы *Pu^{al}* (HALOT: 668; DCH: 5: 609; Gesenius 2013: 780—781), в) форму сеголатного существительного типа *qutl* (вероятно, **nogo^{o?}*) с той же семантикой, что и *nāḡa^f* «поражение, кара» в МТ (Kutscher 1974: 477; Qimron 2018: 320). Большинство исследователей поддерживает вторую точку зрения.

¹² В более поздних рукописях вместо *eos* «их» представлено чтение *eum* «его».

¹³ Автор предложил две возможные интерпретации (как форму сеголатного имени типа *qutl* и как форму причастия), но не был полностью уверен ни в одной из них.

Хотя все три точки зрения были выдвинуты давно, дискуссия об интерпретации формы *ngw^с* практически отсутствует.

Предположение о том, что *ngw^с* — форма действительного причастия, вряд ли может привести к ясному пониманию текста, так как ее значение, как кажется, не будет согласовываться с контекстом. Однако интерпретация *ngw^с* как формы существительного представляется, тем не менее, вполне вероятной в силу того, что в этом случае текст будет обладать тем же значением, что и МТ. В пользу данной гипотезы, как кажется, говорит и тот факт, что в кумранских текстах засвидетельствована форма *ngw^сym* (DCH: 5: 611—612), которая, согласно точке зрения Э. Кимрона (Qimron 2018: 320), является формой мн. ч. имени *ngw^с*. Таким образом, она достойна рассмотрения наряду с гипотезой о *ngw^с* как форме перфекта породы *Pu^сal*.

В текстах кумранских рукописей существительное *ng^с* встречается довольно часто (в форме ед. ч. 11 раз в библейских и около 40 раз в небиблейских). Каждый раз оно записывается графически как *ng^с*. Зафиксировано и написание с суффиксом 2 л. ед. ч. м. р. — *ng^сkh* (4Q418 87,8). Написание формы ед. ч. имени *ng^с* с буквой *вав* между буквами *нун* и *гимель* не засвидетельствовано. В словаре DCH (DCH: 5: 611—612) сообщается, что мн. ч. этого имени в кумранских текстах может иметь следующие графические формы: *ngw^сym* и *ngy^сym*. Отметим, что также встречается форма *ng^сym* (4Q368 10i8). Формы *st. cs.*: *ngy^сy*, *ngw^сy*, формы с местоименными суффиксами: *ngy^сykh*, *ngy^сwh*, *ngw^сyhm*, *ngy^сyhm*¹⁴. Если допустить, что *ngw^сym* действительно является формой мн. ч. сеголатного существительного типа *qutl*, то ее образование происходило нерегулярным образом¹⁵. В МТ формы мн. ч. подобных существительных могут образовываться по той же модели, что у слова *godāš* «святыня»: *qadāšim* или *qāqāšim* или *q^сdāšim* (DCH: 7: 196). В кумранских текстах зафиксировано несколько форм мн.

¹⁴ Добавим, что во многих рукописях буквы *йод* и *вав* почти не отличаются друг от друга, так что в разных изданиях формы могут быть интерпретированы различным образом.

¹⁵ Э. Кимрон (Qimron 2018: 320) приводит аналогию с формами *no^сar* / *nə^сurim* и *zoqān* / *zəqunim*, но совсем не очевидно, что последние являются формами мн. ч. первых.

ч. существительных типа *qutl*: они аналогичны либо *qdšym* (= МТ), либо *qwdšym* (Qimron 2018: 298–299). Последний вариант указывает, вероятно, на то, что слово произносилось как **qodšim* или **qodašim*. Таким образом, можно было бы ожидать того, что форма мн. ч. существительного **nogo^с* будет записана как **nwg^сym*, а не *ngw^сym*.

Форма породы *Pu^сal* глагола *ng^с* в МТ засвидетельствована лишь один раз — в тексте Пс 72(73):5 (*yənnuggā^сu* — 3 л. мн. ч. имперфект)¹⁶. Однако в текстах небиблейских рукописей, обнаруженных в Кумране, эти формы встречаются значительно чаще. Например, несколько раз используются формы причастия *mnwg^с* (ед. ч. м. р.)¹⁷ и *mnwg^сym* (мн. ч. м. р.)¹⁸, форма имперфекта *unwg^с* (3 л. м. р. ед. ч.)¹⁹. Хотя формы перфекта породы *Pu^сal* данного глагола не зафиксированы в других кумранских текстах, появление подобной формы, записанной как *nwg^с* (*nugga^с*), будет вполне предсказуемым, если в ее использовании возникнет необходимость. В любом случае, можно сделать вывод о том, что формы породы *Pu^сal* лучше засвидетельствованы в кумранских текстах, чем формы сеголатного имени **nogo^с* (само существование такого имени пока что не доказано).

Можно отметить, что характерной чертой Четвертой песни Раба Господня является частое использование форм пассивных глагольных пород, а также пассивных форм породы *Qal*. В частности, в тексте 1QIsa^а зафиксированы следующие формы (не считая *nwg^с* в Ис 53:8): *wnš^с* «и будет вознесен» (Ис 52:13); *swpr* «было рассказано» (Ис 52:15), *nglth* «была явлена» (Ис 53:1), *nbzh* «презренный» (Ис 53:3), *ngw^с* «пораженный», *mwkh* «наказанный», *m^сwnh* «униженный» (Ис 53:4), *m^сhwll* «пронзенный», *mdwk^с* «пораженный», *npr^с* «был исцеленным» (Ис 53:5), *ngš* «был притесняем», *n^сnh* «мучимый», *uwbl* «был поведен», *n^сlmh* «молчащая» (Ис 53:7); *lwqh* «был взят», *ngzr* «был отторгнут» (Ис 53:8), *nmmh* «был причислен» (Ис 53:12).

¹⁶ Также трижды встречаются глагольные формы породы *Pi^сel* (Быт 12:17; 4 Цар 15:5; 2 Пар 26:20).

¹⁷ 1QSa II, 3,4,5,6,10; 1QM VII, 4; 4Q249g 3–7,3; 4Q491 1–3,6; 11Q19 XLV,18

¹⁸ 11Q19 XLVIII, 14

¹⁹ Встречается в списках «Дамасского документа»: 4Q266 10i8 = CD XIV, 15; 4Q270 2ii12.

Анализируя примеры, можно отметить следующее: 1) в большинстве случаев (кроме форм *swpr*, *nglth*, *nrp²*, *n²lmh*) субъектом является Раб Яхве, 2) формы *swpr*, *m^cwnh*, *m^hwll*, *mdwk²* и *lwqh* являются формами породы *Pu^cal* (или пассива *Qal²⁰*), 3) эти формы передаются в «полной» орфографии, то есть с буквой *vav* для обозначения гласного *u*, 4) *swpr* и *lwqh* являются формами перфекта, 5) форма *lwqh* зафиксирована в том же стихе, что и *nwg^c*, то есть в Ис 53:8, 6) форма страдательного причастия *ngw^c* (Ис 53:4) образована от того же корня *ng^c*, что и *nwg^c*, 7) большинство пассивных форм можно найти в пассаже Ис 53:3–8, в котором рассказывается о страданиях Раба, их использование обусловлено стремлением показать его покорность.

На этом основании можно сделать вывод о том, что контекст Ис 53:8 благоприятствует тому, чтобы чтение *nwg^c* интерпретировать как форму перфекта породы *Pu^cal*, а не сеголатного существительного. Вероятно, писец, который вписал последние четыре слова Ис 53:8 в текст свитка, ориентировался на уже записанный ранее текст Песни Раба, в котором встречается пять форм породы *Pu^cal*, каждая из которых содержит букву *vav*, и добавил эту букву также и в слово *ng^c*, которое интерпретировал как глагольную форму.

Стоит отметить, что в большинстве древних переводов Писания эквивалентами слова *ng^c* выступают глагольные, а не именные формы (LXX, Аквила, Феодотион, Пешитта, Таргум Ионафана, Вульгата). Лишь в переводе Симмаха *ng^c* переводится именем существительным. При этом в наиболее древнем переводе, то есть в LXX (ср. с пер. Пешитты), эквивалентом *ng^c* является пассивная глагольная форма.

5. Выводы

Таким образом, наиболее правдоподобной интерпретацией формы *nwg^c* является гипотеза о том, что она представляет собой форму 3 л. м. р. ед. ч. перфекта породы *Pu^cal* «был поражен».

Весь отрывок Ис 53:8b, содержащийся в рукописи 1QIsa^a, мы предлагаем перевести следующим образом: «Ибо от земли

²⁰ Формы перфекта пассива породы *Qal* совпадают с аналогичными формами породы *Pu^cal*.

живых он был отторгнут, из-за преступления его народа он был поражен ради них (ради него)».

Литература

- Blenkinsopp, J. 2002: *Isaiah 40–55: a new translation with introduction and commentary*. New York: Doubleday.
- Blenkinsopp, J. 2006: *Opening the Sealed Book: Interpretations of the Book of Isaiah in Late Antiquity*. Grand Rapids: Eerdmans.
- Brock, S. P. 1993: *The Old Testament in Syriac according to the Peshitta Version, Part iii, Fascicle 1: Isaiah*. Leiden: Brill, 1993.
- Brownlee, W. H. 1952: The Manuscripts of Isaiah from Which DSIa was Copied. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 127, 16–21.
- Burrows, M., Trever, J. C., Brownlee, W. H. 1950: *The Dead Sea Scrolls of St. Mark's Monastery, Vol. I: The Isaiah Manuscript and the Habakkuk Commentary*. New Haven: ASOR.
- DCH – Clines, D. J. A. *The Dictionary of Classical Hebrew*. 8 vols. Sheffield: Sheffield Academic Press (vols. I–IV), Sheffield Phoenix Press (vols. V–VIII). 1993–2011.
- Ekblad, E. R. 1999: *Isaiah's Servant Poems according to the Septuagint: An Exegetical and Theological Study*. Leuven: Peeters.
- Freedman, D. N., van Ee, J. 2008: Scribal interventions in 1QIsaiah^a. In: Chaim Cohen, Victor Avigdor Hurowitz, Avi M. Hurvitz et al. (eds.), *Birkat Shalom: studies in the Bible, ancient Near Eastern literature, and postbiblical Judaism presented to Shalom M. Paul on the occasion of his seventieth birthday, vol. 2*. Winona Lake: Eisenbrauns, 787–799.
- Gesenius, W. 2013: *Hebräisches und Aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament*. 18. Auflage. Hrsg. von R. Meyer, U. Rütterswörden, H. Donner. Heidelberg; Berlin; New York: Springer.
- Goldingay, J., Payne, D. 2006: *Isaiah 40-55, vol. 2*. London, New York: T & T Clark.
- Goshen-Gottstein, M. H. 1995: *The Book of Isaiah*. Jerusalem: Magnes, 1995.
- Haag, H. 1985: *Der Gottesknecht bei Deuterocesaja*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- HALOT — Koehler, L., Baumgartner, W., Stamm, J. J. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Study Edition*. 2 vols. Transl. and ed. by M. E. J. Richardson. Leiden; Boston; Köln: Brill. 2001.
- Hegermann, H. 1954: *Jesaja 53 in Hexapla, Targum und Peschitta*. Gütersloh: Bertelsmann.
- Joachimsen, K. 2011: *Identities in transition: the pursuit of Isa. 52:13–53:12*. Leiden; Boston: Brill.

- Joüon, P., Muraoka T. 1996: *A Grammar of Biblical Hebrew*. Roma: Editrice Pontificio Istituto Biblico.
- Koole, J. L. 1998: *Isaiah, part 3, vol. 2: Isaiah 49—55*. Leuven: Peeters.
- Kutscher, E. Y. 1974: *The Language and Linguistic Background of the Isaiah Scroll (IQIsa^a)*. Leiden: Brill.
- Longacre, D. 2013: Developmental Stage, Scribal Lapse, or Physical Defect? 1QIsa^a's Damaged Exemplar for Isaiah Chapters 34–66. *Dead Sea Discoveries* 20, 17–50.
- Martin, M. 1958: *The Scribal Character of the Dead Sea Scrolls*. Leuven: Institut Orientaliste.
- Monachi abbatiae Sancti Hieronymi 1969: *Biblia Sacra iuxta Latinam vulgatam versionem ad codicum fidem, vol. XIII: Liber Isaiae*. Romae: Typis Pollyglottis Vaticanis.
- Parry, D. W., Qimron, E. 1999: *The Great Isaiah Scroll (IQIsa^a): a New Edition*. Leiden: Brill.
- Qimron, E. 2018: *A Grammar of the Hebrew of the Dead Sea Scrolls*. Jerusalem: Yad Yizhaq Ben-Zvi.
- Skehan, P. W., Ulrich, E. 1997: Isaiah. In: Eugene Ulrich, Frank Moore Cross, Russell E. Fuller et al. (eds.), *Qumran Cave 4. X: The Prophets*. Oxford: Clarendon Press, 7–144.
- Sperber, A. 1962: *The Bible in Aramaic: based on old manuscripts and printed texts, vol. III: The Latter Prophets According to Targum Jonathan*. Leiden: Brill.
- Ulrich, E., Flint, P. W. 2010: *Qumran Cave 1.II: The Isaiah Scrolls: Part 1: Plates and Transcriptions, Part 2: Introductions, Commentary, and Textual Variants*. Oxford: Clarendon.
- Winton Thomas, D. 1997: Librum Jesaiae. In: K. Elliger, W. Rudolph (eds.), *Biblia Hebraica Stuttgartensia, 5., verbesserte Auflage*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 675–779.
- Ziegler, J. 1983: *Septuaginta: Vetus Testamentum Graecum, vol. 14: Isaias, 3. Auflage*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

И. В. Богданов
Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия
jwan.bgd@yandex.ru

СОЧЕТАНИЕ ТЕРМИНОВ *jb* и *ḥ3tj* «СЕРДЦЕ» В ОДНОМ ПИСЬМЕ ЭПОХИ РАМЕССИДОВ

В папирусе BM EA 10375 времени правления Рамсеса XI встречается уникальное сочетание *jb ḥ3tj=n*, которое, согласно единодушному мнению всех специалистов, означает «сердце нашего сердца». Исходя из мнения Я. Черно́го, *jb* может быть «сосудом», «дном» грудины-*ḥ3tj* «глубина грудины» = «дно сердца». Обычно его переводят как идиому — «от сердца нашего сердца» или «от наших сердца и разума/души» и т. п. = «от всей души». По моему мнению, в данном случае употребляется двусогласный глагол *jb* «желать, думать, быть внимательным, заботиться». Таким образом, выражение *m jb ḥ3tj=n* в форме *m sdm=f* означает «как желает наше сердце».

Ключевые слова: новоегипетский язык, фразеология египетского языка, синонимия в египетском языке.

Ivan V. Bogdanov
Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
jwan.bgd@yandex.ru

Combination of the terms *jb* and *ḥ3tj* 'heart' in a Ramesside letter

In Papyrus BM EA 10375 from the reign of Ramses XI there is a unique combination *jb ḥ3tj=n*, which, according to the unanimous opinion of all Egyptologists, means 'the heart of our heart' and is used as an adverbial phrase. Based on the opinion of J. Černý, *jb* can be a 'vessel', the 'bottom' of the sternum-*ḥ3tj* 'depth of the sternum' = 'bottom of the heart'. It is usually translated as an idiom — 'with all our heart', 'out of our heart's desire', 'with our heart(s) and mind(s)'. In my opinion, the verb used in this case is 2-rad. verb *jb* 'to desire, to think, to be attentive, to care'. Thus, the expression *m jb ḥ3tj=n* in the form *m sdm=f* means 'as our heart desires'.

Keywords: Late Egyptian language, phraseology of the Egyptian language, synonymy in the Egyptian language.

Проблема филологического анализа лексемы *jb* состоит из трех компонентов: фонетико-морфологического, лексико-семантического и синтаксического.

1. Фонетико-морфологическая составляющая связана с интерпретацией письменных свидетельств возможных расхождений в звучании фонемы *jb* как по-отдельности, так и в составе разных слов. Говоря о звучании фонемы, мы имеем в виду чтение собственно знака «сердца» *jb*, а отсюда и соответствующей ему лексической единицы «сердце».

Предпринималась попытка семантического анализа через игру слов *jb* «сердце» — *jb3* «танец»¹. Однако это сопоставление не учитывает древней морфологии *jb=jnb*, выявляемой прежде всего на основании орфографии слова   ,   «топор»². Фиксация *n* в фонограмме *jb* в составе слова *mnbt* «топор» показательна как реликт древней диалектной фонетики, которая требовала сохранения и архаической орфографии слова *mjnbjt/mrnbt* в течение тысячелетий со смешением знаков *mj*/арх. *mr*, *mn*/арх. *mjn* и *jb*/арх. *jnb*. Даже в Среднем царстве и позже это стремление отразилось в том, что знак *mr/mj*-«канал» заменял знак арх. *mr/mj*-«сосуд с молоком». Эд. Мельцер рассматривал написание *mjnbjt* с иероглифом сердца как результат метатезы *mjnb* > *mnjb*, являющееся реликтом ранней системы письменности³, однако примеры записи слова *mjnbjt* с фонограммой сердца в текстах Среднего царства свидетельствуют против такого толкования. Более того, особенности орфографии некоторых других лексем с элементом *jb/jnb* также свидетельствуют о фонетическом переходе *j/n* в слове *jb*⁴, что могло дать звучание слова «сердце» как **lb*⁵.

2. Лексико-семантическая проблема изучения лексемы *jb* заключается в поисках соответствий и различий между двумя словами, обозначавшими «сердце» — *jb* и *h3tj*.

Исследователь анатомических терминов Дж. Уокер подчеркивал, что различия между *jb* и *h3tj* вне анатомии заключаются в том, что *h3tj* не используется для обозначения ни общих чело-

¹ Несостоятельная теория игры между терминами *jb* «сердце» — *jb3* «танец» в раннединастической письменности изложена в работах Morenz 1999: 100–101; Morenz 2004: 174–178.

² Edel 1955: 39; Edel 1986: 31–34; Kühnert-Eggebrecht 1969: 3–4.

³ Meltzer 1977: 149–151; Gundacker 2011: 61–65.

⁴ Cp. Wojowald 2021: 118–119.

⁵ Takács 2008: 87–88; Gundacker 2011: 64–69.

веческих качеств, ни при образовании фразеологизмов⁶. На самом деле и метафоры, и устойчивые выражения с чередованием *jb* «воля» — *ḥ3tj* «сердце» тоже встречаются, например, *km ḥ3tj/jb* «чье сердце целно» = «смекалистый», *ḥd ḥ3tj/jb* «разбивать сердце», *ft ḥ3tj/jb* «сердце, испытывающее отвращение», *ḥ3tj/jb mr* «сердце болит» = «сочувствовать», хотя преимущество в идиоматике остается за *jb* как понятием психофизического свойства — «разум, воля, организм».

Бинарные сочетания *jb* «воля, разум, дух» — *ḥ3tj* «сердце» с эпитетами, именами или действиями, употреблявшиеся как клише, иногда меняли эти объекты местами, например:

Anastasi I, 28.4–5:

dns{mn} ḥ3tj=k jb=k smn «(чтобы) был твой дух тверд, а твоя **воля** — постоянна»⁷;

Amenemope, 20.3:

dns tw m jb=k smn ḥ3tj=k «сдерживай **волю** свою, останавливай свое **сердце**»⁸.

Таким образом, термины для «сердца» *jb* и *ḥ3tj* могут обозначать и духовную сущность, и анатомическое сердце, причем как в медицинских, так и в религиозных и литературных контекстах, где оба слова поясняют, дополняют и заменяют друг друга в параллельных примерах или разных редакциях одного сочинения⁹. Вместе с тем, сфера употребления *jb* значительно шире, чем у *ḥ3tj*, причем не только в характеристиках человеческих качеств, но и в медицинских текстах. Различия между этими двумя лексемами заключались в том, что слово *jb* употреблялось с тенденцией *расширения* содержания описываемого физического состояния или создания представления о духовной сущности, а *ḥ3tj* *ограничивало* представления о состоянии здоровья или души с целью конкретизации описываемого

⁶ Walker 1996: 182–183.

⁷ Fischer-Elfert 1992: 156.

⁸ Laisney 2007: 178, 351; Cp. Fischer-Elfert 1986: 238 (682), 241, n. 1); Toro Rueda 2003: 207; Vernus 2010: 411.

⁹ Piankoff 1930: 22–53; Grundriss der Medizin der alten Ägypter VII.1: 40–42; Walker 1996: 101–104, 179–186; Toro Rueda 2003: 27–34, 309–322; Westendorf 1999, Bd. 1: 108–119; Bardinnet 1995: 68–120; Nyord 2009: 108–113, и др.

явления¹⁰. Характеризуя *jb* и *h3tj* как философские категории, можно сказать, что *jb* являлось *понятием*, охватывающим все возможные проявления и сферы действия сердца, как физического органа, так и духовной сущности, а *h3tj* — *термином*, концентрирующим содержание явления или действия, исходя из дефиниции «сердце как анатомический орган».

3. Сочетание терминов *jb* и *h3tj* в одном письме Нового царства.

Помимо примеров из медицинских и магико-медицинских текстов со сложным содержанием (например, Smith 19.3, Ram III В 13, несколько фраз в Ebers 855), отмечен один случай употребления двух терминов для сердца, который может показаться их слиянием или же генитивным сочетанием *jb h3tj*, т. е. в нем одно может быть частью другого. Это фраза из письма писаря некрополя *bw-th-jmn* генералу *p3j-ʿnh*¹¹:

jn=n bn j.jrj.n b3k n=k m jb h3tj=n jw=n (r) h3b r djt ʿm p3j=n nb

Данное предложение рассматривается либо как вопросительное, либо как условное.

Чаще всего начальное *jn/jnn* считается вопросительной частицей «разве (не)»¹². Например, в одном месте грамматики новоегипетского языка Я. Черного-С. Израэлит Грол дается такой перевод этих фраз: «Is it not with our whole heart (lit. from the bottom of our heart), that we serve you? We will write to inform

¹⁰ О «сердце»-*jb* как медицинском понятии, распространявшемся и на сердце, и на желудок, и на общее состояние здоровья больного, и на физическую реакцию организма на симптомы болезни, в контексте с «сердцем»-*h3tj*: Grundriss der Medizin der alten Ägypter VII.1: 39–42; Walker 1996: 102, 174; Bardinet 1995: 118, Westendorf 1999, Bd. 1: 113–114, 118–119; и др. См. параллель в Eb 855w (Grundriss der Medizin der alten Ägypter IV.1: 3; Grundriss der Medizin der alten Ägypter V: 5) между симптомом больного *dp=f h3tj=f* букв. «он ест свое сердце» и состоянием рассеянности *ʿm jb=f* букв. «его сердце проглочено».

¹¹ Р. ВМ ЕА 10375, vs. 1: Černý 1939: 46.16–47.1. Датировка: Рамсес XI, 10-й год эры Возрождения.

¹² К дискуссии: Cassonnet 2000: 101, n. 339.

our lord»¹³. («Разве мы не работаем на тебя от сердца *jb* нашего сердца *h3tj*? Мы сообщим нашему господину»).

С другой стороны, ранее и Я. Черный, и Эд. Венте¹⁴, и В. Л. Дэвис считали *jn/jnn* (*bn*) условной частицей. В частности, в другом месте грамматики новоегипетского языка приводится альтернативный перевод¹⁵: «Don't we work for you with all our heart (lit. 'the middle of our heart')». Так же у В. Л. Дэвис (Davis 1973: 74, 124): «If it is not with our whole being that we work for you, we will write to let our lord know» («Если бы мы не работали на тебя всем своим существом, мы бы написали, чтобы сообщить нашему господину»).

Патрисия Кассонне уточняет определение *jn/jnn* как условной частицы «если (бы)» перед формами второго времени (Cassonnet, 2000, 101): «Si ce n'est pas de tout notre coeur (lit. «selon le désir de notre coeur») que nous sommes en train de travailler pour toi, nous écrivons pour le faire savoir à notre maître».

Дебора Суини не проходит мимо такой трактовки Кассонне («If it is not with all our heart that we are working for you, we will write to inform our master»), считая ее, впрочем, маловероятной¹⁶.

Однако ту же идею развивает и Марк Колье, подчеркивая, что именно качество работы «от души» является условием для отправки донесения господину¹⁷: «Если бы мы работали на тебя не сердцем и душой, то мы бы известили нашего господина».

¹³ Černý, Israelit Groll 1993: 255: Ex. 691. Этой трактовке следуют и Кр. Эйр (Eyre 1980: 361, n.325): «... Do not we work for you from the bottom of our hearts?». См. также Wente 1990: 195: «Is it not out of our heart's desire that we work for you? We are writing to let our lord know». Ранее Эд. Венте (Wente 1967: 62–63, n. aa): понимал *jb* нашего сердца *h3tj* как два существительных «our heart(s) and mind(s)». Д. Суини (Sweeney 2001: 146) также придерживается трактовки предложения как вопросительного: «Don't we work for you out of our heart's desire?», см. также Gohy 2012: 138, Ex.212: «N'est-ce pas avec (notre) coeur et notre esprit que nous travaillons pour toi? Nous avons écrit pour faire en sorte d'informer notre maître».

¹⁴ Černý 1941: 109; Wente 1967: 61.

¹⁵ Černý, Israelit Groll 1993: 553, ex. 1579 = Bakir 1984: 11: «do not we work for you with all our heart?».

¹⁶ Sweeney 2001: 146, n. 272.

¹⁷ Collier 2009: 23; Collier 2009: 176; см. также Collier 2015: 19: «If we were not working for you heart and soul, then we would write to let our lord know».

В трактовке В. Л. Дэвис действия описываются как реальные («если мы не... (настоящее время), то мы... (будущее время)»)¹⁸, в версии же П. Кассонне-М. Колье обе части предложения оказываются условными (ирреальными — «если бы мы не ..., то мы бы ...»), причем эпистолярная формула в форме Futurum III *jbw=n (r) h3b r djt ʿm* «мы сообщим нашему господину»¹⁹ оказывается придаточным предложением в конъюнктиве: «(то) мы бы сообщили нашему господину».

Впрочем, на значение фразы *jb h3tj=n* уточнение синтаксической структуры предложения мало влияет. В сущности, акцент фразы в любом случае можно легко перенести на качественное определение работы, исходя из мнения М. Колье. В вопросительном предложении этот акцент проявился бы в форме: «Разве мы работаем на тебя не сердцем и душой? Мы сообщим нашему господину», а в условном — в форме: «Если бы мы работали для тебя не нашими сердцем и душой, то мы бы известили нашего господина». На мой взгляд, оба варианта маловероятны.

Столь пристальное внимание, которое уделяется здесь данному фрагменту, связано с тем, что здесь встречается уникальное сочетание *jb h3tj=n*, которое, согласно единодушному мнению всех специалистов, означает «сердце нашего сердца». Исходя из мнения Я. Черного, казалось бы, *jb* может быть «сосудом», «дном» грудины-*h3tj* «глубина грудины» = «дно сердца». В результате все исследователи, касавшиеся этого места, считали *jb h3tj=n* сочетанием двух существительных — либо генитивным, либо в конъюнкции, и в целом переводили его как идиому — «от сердца нашего сердца» или «от наших сердца и разума/души» и т. п. = «от всей души».

Между тем, вопрос с наложением двух лексем для сердца решается, если представить, что в данном предложении упо-

---

¹⁸ Ср. Sweeney 2001: n. 272: «If it is not with all our heart that we are working for you, we will write to inform our master». Этот вариант с протазисом как условным предложением дается как альтернатива трактовке *jn/jnn* как вопросительной частицы («разве не»), которой придерживается сама Д. Суини.

¹⁹ Об этой эпистолярной формуле (букв. «мы пошлем, чтобы дать знать нашему господину») см. Bakir 1970: 67.

требляется двусогласный глагол *jb* «желать, думать, быть внимательным, заботиться»²⁰:

а). Вопросительный вариант фразы *jn=n bn j.jr.j.n b3k n=k m jb h3tj=n jw=n (r) h3b r djt ʿm p3j=n nb*: «Разве мы работаем на тебя не так, как желает наше сердце? Мы сообщим нашему господину».

или

б). Условный вариант той же фразы: «Если бы мы работали для тебя не так, как желает наше сердце, то мы бы известили нашего господина».

Здесь выражение *m jb h3tj=n* «так, как желает наше сердце» выполняет функцию определения в форме *m sdm=f*, сходной с наречными конструкциями типа *m mrj=sn* «так, как они хотели», *m dd jb=f* «согласно его желанию» и др.²¹

К сожалению, приходится оставить за пределами нашего повествования показательные примеры с подобными модальными конструкциями в новоегипетском, а также обширный лексический материал по сочетанию *jb-jb* для обозначения царской парной статуи времен XVIII династии и глагола с редупликацией слога *jb* — *jbjb* «любимец»²². Остается заключить, что таинственный пример из письма времен Рамсеса XI, который рассматривался как сочетание двух обозначений сердца, следует понимать как сочетание *sdm=f* и, следовательно, он не пригоден для изучения вопроса о принципиальных различиях терминов *jb* и *h3tj*, обозначавших сердце.

Литература

- Bakir, A. M. 1970: *Egyptian epistolography from the Eighteenth to the Twenty-first Dynasty*. Bibliothèque d'étude 48. Le Caire.
- Bakir, A. M. 1984: *Notes on Middle Egyptian grammar*, 2nd revised ed. An introduction to the study of the Egyptian language 1. Warminster.
- Bardinet, Th. 1995: *Les papyrus médicaux de l'Égypte pharaonique: traduction intégrale et commentaire*. Penser la médecine. Paris.
- Bojowald, St. 2021: The Egyptian phonetic change between «n» and «i». *Athens Journal of Philology* 8 (2), 117–127.

²⁰ Wb. I: 60.12–13; 61.15; Polis 2009: 172–181; Polis, Stauder 2014: 201–231).

²¹ Jansen-Winkel 1996: 168 § 267 C; Polis 2009: 179–181.

²² Cp. Wb I: 63.1–2.

- Cassonnet, P. 2000: *Études de néo-égyptien: les temps seconds i-sdm.f et i-iri.f sdm entre syntaxe et sémantique*. Études et mémoires d'égyptologie 1. Paris.
- Černý, J. 1939: *Late Ramesside letters*. Bibliotheca Aegyptiaca 9. Bruxelles.
- Černý, J. 1941: *inn* in Late Egyptian. *Journal of Egyptian Archaeology* 27, 106–112.
- Černý, J., Israelit Groll, S. 1993: *A Late Egyptian grammar*, 4th ed. Studia Pohl: series maior 4. Rome.
- Collier, M. 2009: Pragmatics and meaning construction in late Egyptian: of implicatures, pragmatic scales, and scope. *Lingua Aegyptia* 17, 9–26.
- Collier, M. 2013: Late Egyptian counterfactual conditionals and counterfactual reasoning. In: E. Frood, A. McDonald (eds.). *Decorum and experience: essays in ancient culture for John Baines*. Oxford, 14–20.
- Collier, M. 2015: Conditionals in Late Egyptian. In: E. Grossman, M. Haspelmath, T. S. Richter (eds.). *Egyptian-Coptic linguistics in typological perspective*. Empirical Approaches to Language Typology 55. Berlin; Munich; Boston, 157–185.
- Davis, V.L. 1973: *Syntax of the negative particles bw and bn in late Egyptian*. Münchner Ägyptologische Studien 29. München; Berlin.
- Edel, E. 1955: *Altägyptische Grammatik I*. Analecta orientalia 34. Roma.
- Edel, E. 1986: *mjnbyt*, die ausführlichste Schreibung des Wortes für «Beil». *Studien zur Altägyptischen Kultur* 13, 29–34.
- Eyre, Chr. 1980: *Employment and Labour Relations in the Theban Necropolis in the Ramesside Period*. D. Phil. The Queen's College.
- Fischer-Elfert, H.-W. 1986: *Die satirische Streitschrift des Papyrus Anastasi I: Übersetzung und Kommentar*. Ägyptologische Abhandlungen 44. Wiesbaden.
- Fischer-Elfert, H.-W. 1992: *Die satirische Streitschrift des Papyrus Anastasi I*, 2nd revised ed. Kleine ägyptische Texte 7. Wiesbaden.
- Gohy, S. 2012: *Corpus et catégorisation. Perspective linguistique sur les genres en néo-égyptien*. Thèse de doctorat. Liège.
- Grundriss der Medizin der alten Ägypter IV.1 — von Deines, H., Grapow, H., Westendorf, W. 1958: *Übersetzung der medizinischen Texte*. Berlin.
- Grundriss der Medizin der alten Ägypter V — Grapow, H. 1958: *Die medizinischen Texte in hieroglyphischer Umschreibung autographiert*. Berlin.
- Grundriss der Medizin der alten Ägypter VII.1 — von Deines, H., Westendorf, W. 1961: *Wörterbuch der medizinischen Texte: Erste Hälfte (3-r)*. Berlin.
- Gundacker, R. 2011: On the etymology of the Egyptian crown name *mṛsw.t*: an «irregular» subgroup of m-prefix formations. *Lingua Aegyptia* 19, 37–86.
- Jansen-Winkeln, K. 1996: *Spätmittelägyptische Grammatik der Texte der 3. Zwischenzeit*. Ägypten und Altes Testament 34. Wiesbaden.

- Kühnert-Eggebrecht, E. 1969: *Die Axt als Waffe und Werkzeug im alten Ägypten*. Münchner Ägyptologische Studien 15. Berlin.
- Laisney, V. P.-M. 2007: *L'Enseignement d'Aménémopé*. Studia Pohl: series maior 19. Roma.
- Meltzer, E. S. 1977: «Heart», *ib* or *inb in Egyptian? *Journal of Near Eastern Studies* 36 (2), 149–151.
- Morenz, L. D. 1999: Der (akrobatische) *ib3*-Tanz: ein Bild-/Schriftspiel auf einer fröhdynastischen Prunkkeule. *Lingua Aegyptia* 6, 99–103.
- Morenz, L. D. 2004: *Bild-Buchstaben und symbolische Zeichen: die Herausbildung der Schrift in der hohen Kultur Altägyptens*. Orbis Biblicus et Orientalis 205. Fribourg; Göttingen.
- Nyord, R. 2009: *Breathing flesh: conceptions of the body in the ancient Egyptian Coffin Texts*. CNI Publications 37. Copenhagen.
- Piankoff, A. 1930: *Le «cœur» dans les textes égyptiens depuis l'Ancien jusqu'à la fin du Nouvel Empire*. Paris.
- Polis, St. 2009: *Étude de la modalité en néo-égyptien. Vol. I*. Thèse de doctorat. Liège.
- Polis, St., Stauder, A. 2014: The verb *ib* and the construction *ib=f r sdm*. In: E. Grossman, S. Polis, Andréas Stauder, J. Winand (eds.). *On forms and functions: studies in ancient Egyptian grammar*. *Lingua Aegyptia, Studia Monographica* 15. Hamburg, 201–231.
- Sweeney, D. 2001: *Correspondence and dialogue: pragmatic factors in late Ramesside letter writing*. Ägypten und Altes Testament 49. Wiesbaden.
- Takács, G. 2008: *Etymological dictionary of Egyptian. Vol. 1: A phonological introduction*. Handbuch der Orientalistik, erste Abteilung: Der Nahe und Mittlere Osten / Handbook of Oriental Studies, section 1: The Near and Middle East 48. Leiden: Brill.
- Toro Rueda M. I. 2003: *Das Herz in der ägyptischen Literatur des zweiten Jahrtausends v. Chr. Untersuchungen zu Idiomatik und Metaphorik von Ausdrücken mit *jb* und *h3tj**. Göttingen.
- Vernus, P. 2010: *Sagesses de l'Égypte pharaonique*. Deuxième édition révisée et augmentée. Arles.
- Walker, J. H. 1996. *Studies in ancient Egyptian anatomical terminology*. Australian Centre for Egyptology: studies 4. Warminster.
- Wb. — *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. I–V. Hrsg. von A. Erman und H. Grapow. Vierte Ausgabe. Berlin, 1982.
- Wente, Ed. F. 1967: *Late Ramesside letters*. Studies in Ancient Oriental Civilization 33. Chicago.
- Wente, Ed. F. 1990: *Letters from ancient Egypt*. Writings from the Ancient World 1. Atlanta.
- Westendorf, W. 1999: *Handbuch der altägyptischen Medizin. Bd. 1–2*. Handbuch der Orientalistik, erste Abteilung 36 (1–2). Leiden.

О. А. Богданова

НИУ ВШЭ, Москва, Россия. otheodoridi@yandex.ru

Я. Л. Забудская

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия / Совместный Университет
МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китайская Народная республика. yanazabud@mail.ru

«ПРОМЫШЛЕНИЕ» И ПРОРОЧЕСКИЙ ДАР ПРОМЕТЕЯ

Мифологема Прометея представляет собой комплекс противоречивых представлений, что можно объяснить различием целей, которым служит миф в зависимости от жанра (эпос — драма — философская проза), эпохи (архаика, классика или эллинизм), а также спецификой этимологии имени. У Гесиода Прометей скорее хитрый, чем мудрый. Мотив пророческого дара появляется в «Прикованном Прометее» и раскрывается непоследовательно, так как находится в стадии формирования и подчиняется логике развития сюжета драмы. В схолиях попытки аллегорического толкования образа сочетаются со стремлением связать имена Прометея и Эпиметея с «ментальным» значением, возможно, представляющим собой пример позднейшего осмысления догреческого мифа.

Ключевые слова: мифологема, эпос, драма, схолии, Прометей/Эпиметей, этимология, ментальная лексика.

O. A. Bogdanova

IOCS HSE University, Moscow, Russia. otheodoridi@yandex.ru

Y. L. Zabudskaya

Moscow State University / Shenzhen MSU-BIT University, the People's Republic
of China. yanazabud@mail.ru

«FORESIGHT» AND THE PROPHETIC GIFT OF PROMETHEUS

The mythologeme of Prometheus is a contradictory set of ideas that combine several plot elements, various functions of the hero's figure and a diverse moral and ethical assessment of this figure by the authors who turned to the plot. This can be explained by the difference in the goals that myth serves depending on the genre (epic — drama — philosophical prose), era (archaic, classical or Hellenistic), as well as the specificity of the etymology of the name. The “cognitive” element of Prometheus' mythologeme turns out to be relevant and actively developing precisely because of its novelty in Greek culture. In Hesiod, Prometheus is more cunning than wise, and his “foresight” comes through only against the background of the “non-wisdom” of Epimetheus. The motif of the prophetic gift appears in Prometheus Bound and is revealed inconsistently

both in relation to the prophecies of Prometheus himself and in relation to the skills he bestows on people. This proves that ideas about the hero's prophetic gift are in the process of formation and obey the logic of the development of the plot of the drama, and possibly the whole trilogy. The motive of the prophetic gift is necessary to the tragedian in order to justify the future reconciliation of Prometheus and Zeus. In Plato, one can find an understanding of both (epic and tragic) literary versions of the myth. In the scholia, the lexical opposition of the brothers as "knowing in advance" and "realizing after" is formed, perhaps an example of a later understanding of the pre-Greek myth. We also see an attempt at an allegorical interpretation, where the images of Prometheus and Epimetheus are interpreted as symbols of the duality of mind. An analysis of the scholia suggests that behind a common plot we can see a complex of religious and mythological traditions, reflected in literature only partially.

Key words: mythologeme, epic, drama, scholia, Prometheus/Epimetheus, etymology, lexics of mental activity

Как и большинство других образов греческой мифологии, образ Прометея представляет собой сложный комплекс представлений, объединяющих несколько сюжетных элементов, различные функции фигуры героя и разнообразную морально-этическую оценку этой фигуры авторами, обратившимися к сюжету. Подобный комплекс иногда называют мифологемой¹, и эта совокупность сюжетов и интерпретаций чаще всего оказывается противоречивой в отношении отдельных своих элементов. Объяснить это нетрудно: миф служит разным целям в зависимости от жанра (эпос — драма — философская проза), эпохи (архаика или эллинизм) и личности автора. Мифологема Прометея² — одна из самых противоречивых, хотя традицион-

---

¹ Термин «мифологема» введен в работе К. Г. Юнга и К. Кереньи «Введение в сущность мифологии» (1941) (Yung, Kerényi 1997: 13) Заметим, что мифологема — термин неоднозначный: она рассматривается и как синоним архетипа (применительно к мифологическому материалу), и как конкретное литературное воплощение универсального архетипа; мифологема может быть универсальной, т. е. охватывать все версии и толкования мифа, и авторской — т. е. отражать только те элементы, которые соответствуют картине мира автора.

² Аспекты мифа о Прометее рассматриваются в работах Кереньи (Kerényi 2021) и Догерти (Dougherty 2006), а также в соответствующей главе книги А. Ф. Лосева (Losev 1995: 190–262); проблемы драматической интерпретации сюжета о Прометее, к которым неоднократно обращались многие ученые (Herington 1970; Griffith 1977; West 1979;

ный набор ее элементов достаточно очевиден: противостояние с Зевсом, похищение огня, скала и орел. Внутри этих элементов достаточно противоречий самого разного свойства: уже у Гесиода — не скала, а колонна³, а географическое расположение предполагаемого места наказания Прометея остается предметом дискуссий; похищение огня описывается по-разному; орла, несмотря на наличие вазовых изображений, довольно рано начинают толковать аллегорически⁴. Да и список «деяний» Прометея при внимательном рассмотрении оказывается значительно шире: он и создатель ремесел⁵, и устроитель жертвоприношений⁶, и, наконец, прародитель рода человеческого⁷.

Отдельным пунктом можно отметить «провидение», «промышление» Прометея, обусловленное традиционной трактовкой этимологии этого теонима и однокоренных с ним слов: Прометей — «знающий наперед», *προ-* и *μηθ-/μαθ-* или *μηδ-* (из *mādh (Chantraine: 664), *mendh (Pokorny: 1969), или *meə₂-dh (Chantraine: 942)). Этимологию с *μηδ-* дают уже схолии: в кодексе Медичи, сохранившем, как считается, самые древние схолии к Эсхилу (Herington 1972: 34, 36–42), говорится: «*Προμηθεὺς γὰρ ἔστιν ὁ προορῶν τὰ μῆδεια*», и указывается на изменение *δ* на *θ* (Herington 1972: 85).

Часто эта особенность Прометея рассматривается в сопоставлении и противопоставлении с именем Эпиметея, который, в отличие от брата, «узнает после» (напр.: Kerényi 2021: 59).

1990) обобщены и проанализированы в работе В. Т. Мусбаховой (Musbahova 2013).

³ «*δεσμοῖς ἀργαλέοισι μέσον διὰ κίον'*» («Теогония», ст. 521–534).

⁴ Диодор Сицилийский (I 19 1–3) толкует Прометея как обожествленную личность египетского царя, Орла — как разлив Нила, а действия Геракла — как принуждение Нила возвратиться в свои берега. Впрочем, А. Ф. Лосев считает это толкование «бездарным» и не соответствующим символизму образа Прометея (Losev 1995: 199).

⁵ Эсхил, «Прометей Прикованный» (457–470; 476–505)

⁶ Plin. *H.N.*, VII, 209: *Prometheus borem primus occidit.*

⁷ В баснях Эзопа (102, 228, 229) и «Метаморфозах» Овидия (I 82–88). Этот аспект мифа оспаривают схолии (к ст. 158 «Трудов и дней» ср. Petrusi 1955): от первой женщины, Пандоры, и Эпиметея родились Девкалион и Пирра. Неверно говорят, что людей создал Прометей. *ἔστω δὲ ἡ ἀρχὴ τῆς ἠρωϊκῆς γενεαλογίας αὐτῆ· ἐπλάσθη τοῖνον πρώτη, κατὰ ἕτερον πραγματικὸν μῦθον, ἡ Πανδώρα, ἣν ἔγχευεν Ἐπιμηθεύς, ἐξ ὧν Δευκαλίων καὶ Πύρρα. ἀλόγως δὲ λέγουσιν ὅτι Προμηθεὺς ἀνθρώπους ἔπλασεν ...*

Провести эту линию можно от Гесиода (у Гомера Прометей не упоминается), назвавшего в «Теогонии» (510–511) Прометея *ποικίλον αἰολόμητιν* «изворотливый хитроумец», а Эпиметея *ἄμαρτίνοον* «ошибающийся умом», т. е. «неверно мыслящий». Однако, если эти характеристики и мыслятся как антитеза, в них явно отсутствует попытка осмысления пространственно-временной коннотации *προ-* и *ἐπι-*. Отчетливой она проступает в схолиях (Di Gregorio 1975: 510b, ad. loc.): Эпиметей *ἄμαρτίνοον*, так как *ἄπρονοήτων* «непредусмотрительный»), а вся его история — иллюстрация к гомеровской сентенции (P 32, Y 198) *ῥεχθὲν δέ τε νῆπιος ἔγνω* «случившееся поймет и глупец». Этой же цитатой из Гомера сопровождается противопоставление Прометея и Эпиметея в схолии к «Трудам и дням» (Hes. *Op.* 89, ср. Petrusi 1955), а в схолиях к Гомеру в комментарии на соответствующую строку в качестве иллюстрации приводится пример Прометея и Эпиметея (не единственный, но показательный случай «перекрестной ссылки» в коллекциях схолиев). При этом в поэме «Труды и дни» неразумие Эпиметея заключается скорее в забывчивости, чем в непредусмотрительности: он забыл, что брат Прометей советовал ему не принимать от Зевса никакого дара, и взял в качестве дара Пандору, а понял, что сделал, только когда плохое уже случилось: «οὐδ' Ἐπιμηθεὺς ἐφράσαθ'... ὅτε δὴ κακὸν εἶχ', ἐνόησεν» (ст. 86–87, 89)⁸. Чуть раньше, в сх. к ст. 84 «Трудов и дней» комментатор говорит о том, что и Эпиметей — это божество, отвечающее за размыш-

⁸ Любопытно, что позднее Евстафий Фессалоникийский, комментируя *Il.* V, 669, где говорится о том, как Одиссей размышляет, что лучше — настичь ли раненого Сарпедона или напасть и поразить множество ликийян, приводит Прометея и Эпиметея как пример двух способов размышления, и рассматривает глаголы двояким образом: можно говорить о том, что «ἐπιφράζω» означает принять решение, потратив время на понимание, а «νοέω» означает понимание, которое не связано с процессом размышления и тратой времени на понимание; а можно различать эти глаголы иначе (с точки зрения других критериев, как Прометея и Эпиметея): прогнозирование — это νοῆσαι, а видение в ретроспективе — ἐπιφράσασθαι: Ἐπιφράσασθαι μὲν γάρ τὸ βουλευσασθαι καὶ χρόνον τινὰ τρίψαι τῇ καταλήψει, νοῆσαι δὲ τὸ δίχα βουλῆς ἀχρόνως οἷον τὸ δέον καταλαβεῖν, οἷον «νόησε δὲ δῖος Ὀδυσσεύς», ὃ μετ' ὀλίγα «ὄξυ νόησε» φησὶν ἐπὶ Ἴκτορος. Ἡ καὶ ἄλλως διαφέρει τὸ νοῆσαι τοῦ ἐπιφράσασθαι ὃ λόγῳ καὶ Προμηθεὺς καὶ Ἐπιμηθεὺς, ὡς προηγεῖσθαι μὲν τὸ νοῆσαι, δευτερεῦειν δὲ τὸ ἐπιφράσασθαι, εἰ καὶ ὁ ποιητὴς ἄλλως κατὰ ὑστερολογίαν ἐσχημάτισεν. (v. 656 s. (Valk 1976)).

ление на основе случившегося и обращения к прошлому⁹, а не за предусмотрительность в отношении грядущего, как Прометей («θεός τις ἐστὶ καὶ οὗτος λογισμοῦ μὲν αἴτιος, ἀλλ' οὐ τοῦ προνοητικοῦ τῶν ἐκβησομένων, ὡς ὁ Προμηθεύς, ἀλλ' ἐκείνου τοῦ μόλις ἐκ τῶν ἀποβάντων πρὸς ἑαυτὸν ἐπιστρέφοντος»).

Интересно, что Прометей Гесиода не демонстрирует никакого специфического «провидения», кроме предупреждения Эпиметею не брать себе Пандору. Иными словами, пророческого дара у Прометея в тексте Гесиода нет. Есть скорее способность прогнозировать, к чему может привести то или иное событие¹⁰.

«Прозорливость» Прометея обретает конкретизацию у Эсхила. Круг благодеяний Прометея значительно расширен — это не только огонь, но и интеллектуальное развитие в целом: астрономия, математика, письменность, ремесло, прорицания, медицина; изобретение упряжи, повозок и кораблей. Мотив пророческого дара Прометея в трагедии Эсхила звучит неоднократно, являя собой пример техники лейтмотивов, свойственной поэтике Эсхила (Yarho 1989: 491). В самом начале драмы Сила говорит, как о чем-то само собой разумеющемся, о

⁹ Специфическое значение имени Эпиметея осмысливается и у Пиндара (Pind. *Pu.* 5): победитель вернулся домой, и Пиндар образно пишет, что он принес домой не оправдание (почему не победил), а победу, и это оправдание, которое могло бы быть принесено, названо дочерью позднего умом Эпиметея («ὄς οὐ τὰν Ἐπιμηθέος ἄγων / ὀψινίου θυγατέρα Πρόφασιν Βαττιδᾶν/ἀφίκετο δόμους θεμισκρεόντων»). В схолии к Pind. *Pu.* 5, 27 (Drachmann 1903–1927) комментатор, поясняя поэтический образ, пишет, что Эпиметей неразумен и учится от уже случившихся несчастий и страданий, о которых сожалеет, а его брат Прометей и мудр, и предусмотрителен, поэтому и имя его происходит от глагола «знать наперед» («ὅτι Ἐπιμηθέως θυγατέρα τὴν πρόφασιν εἶρηκε. παρεῖσηται δὲ ὁ Ἐπιμηθεὺς ἀνόητος καὶ ἀπὸ τῶν ἀποβαινόντων συμπτώματων καὶ παθῶν διδασκόμενος τὰ ἀσύμφορα καὶ μεταμελόμενος, ὁ δὲ τοῦτου ἀδελφὸς Προμηθεὺς καὶ σοφὸς καὶ προορώμενος· διὸ καὶ τοῦνομα ἀπὸ τοῦ προμαθεῖν ἔσχε»).

¹⁰ Возможно, предупреждение Эпиметею, в свете богоборчества Прометея и противостояния с Зевсом, является ничем иным, как одной из иллюстраций к теме о том, что дар соперника не принесет владельцу ничего хорошего.

«промышлении» Прометея, выраженном в его имени¹¹, но ошибочно:

85 ψευδωνύμως σε δαίμονες Προμηθέα
καλοῦσιν: αὐτὸν γάρ σε δεῖ προμηθέως

Будто в ответ Прометей в начале своего монолога утверждает, что знает все будущее наперед и ничего от него не скрыто: 102 πάντα προῤεπίσταμαι¹² / σκεθρῶς τὰ μέλλοντ', οὐδέ μοι ποταίνιον/ πῆμ' οὐδὲν ἤξει. Чуть дальше, правда, оказывается, что, зная о предстоящем наказании (267 ἐγὼ δὲ ταῦθ' ἅπαντ' ἠπιστάμην)¹³, Прометей все же не предвидел, каким именно оно будет (270 οὐ μὴν τι ποινᾶς γ' ὥόμην τοίασί με/ κατισχανεῖσθαι).

Далее, уже в диалоге с корифеем, когда речь заходит о благодеяниях, оказанных Прометеем человечеству, звучит не совсем понятная фраза: 250 θνητούς γ' ἔλαυσα μὴ προδέρκεσθαι μόρον. Обычно ее толкуют как «избавил смертных от предвиденья» (перевод А. Пиотровского; в переводе С. А. Апта «Еще у смертных отнял дар предвиденья»; это толкование поддерживается и переводами на других языках¹⁴). Опорой для переводчиков является «Горгий» Платона (523 d-e): 'παυστέον ἐστὶν

¹¹ На это схолий объясняет, что имя Прометея означает «предвидящий будущее (προνοητής ὢν τῶν μελλόντων; а схолий в кодексе Медичи, как уже было сказано, дает этимологию προορῶν τὰ μηδεῖα).

¹² Сам глагол представляет собой гапакс и встречается только у Эхила и в схолиях к нему, а родственный ему «προεπίσταμαι» по одному разу используют Исократ, Ксенофонт, Платон и 4 раза Аристотель.

¹³ Заметим, что и предвидение наказания за нарушение воли верховного божества — скорее просто способность видеть причинно-следственные связи, чем особый пророческий дар.

¹⁴ Например: Yes, I caused mortals to cease foreseeing their doom (Smyth 1926); True, mortals I made cease foreseeing fate (Thoreau 2015); J'ai mis fin aux terreurs que l'attente du trépas inspirait aux mortels. (Pierron 1868) В «каноническом» для английской культуры переводе Маррея (Murray 1931) дается разъясняющая сжатый греческий текст формулировка: «Я избавил человечество от мыслей о приближающейся смерти. From thoughts of coming death I saved mankind». Такая версия лучше вписывается в узкий контекст и совершенно выпадает из контекста широкого — так как игнорирует «пророческую» коннотацию προδέρκομαι и исключает эту фразу из числа контекстов, раскрывающих мотив пророческого дара. Схожая формулировка «I stopped men thinking of their future deaths» встречается и в сравнительно недавнем переводе (Jonston 2012).

προειδότας αὐτοὺς τὸν θάνατον: νῦν γὰρ προΐσασι. τοῦτο μὲν οὖν καὶ δὴ εἴρηται τῷ Προμηθεΐ [523ε] ὅπως ἂν παύσῃ αὐτῶν «Люди не должны больше знать дня своей смерти наперед, как теперь. Это надо прекратить, и Прометею уже сказано, чтобы он лишил их дара предвидения (Пер. С. Маркиша).

Тут удивительно и то, что люди, жившие, по заявлению самого же эсхилового Прометея (447–453), в полном невежестве, тем не менее знали свою судьбу, и то, что Прометей гордится тем, что их от этого избавил, а потом сообщает, что одарил их искусством прорицаний, причем в перечне даров Прометея людям (457–470; 476–505) описание различных видов мантики — по снам, птицам, жертвенным внутренностям и дыму — занимает приблизительно половину (484–499). Опора для такого понимания παύω — видимо, весьма специфическое сочетание этого глагола с инфинитивом с μή, отмеченное в словаре (LJS) еще в трех контекстах помимо нашего. В одном из них, у Платона, (R. 416 с ἥτις μήτε τοῦ φύλακας ὡς ἀρίστους εἶναι παύσει) μήτε является скорее отрицанием при παύω, а вот два других (у Аристофана с винительным с инфинитивом (Ach. 634 παύσας ὑμᾶς ξενικοῖσι λόγοις μὴ λίαν ἐξαπατᾶσθαι) и у Фукидида с субстантивацией инфинитива (7. 53 παύσαντες τὴν τε φλόγα καὶ τὸ μὴ προσελθεῖν ἐγγὺς τὴν ὀλκάδα)) могут быть истолкованы схожим с эсхилевским контекстом образом: ‘помешать что-либо сделать’. Однако μή в таких случаях обуславливается субстантивацией (The Cambridge Grammar of Classical Greek 51.36), а при παύω в большинстве контекстов ставится «чистый» инфинитив без μή (ibidem, note 1).

Таким образом, фраза и с точки зрения синтаксиса, и с точки зрения контекста предстает загадочной. Не менее странно и разъяснение, как именно было обеспечено μὴ προδέρκεσθαι (что бы оно ни значило), в следующей реплике Прометея: τυφλὰς ἐν αὐτοῖς ἐλπίδας κατῴκησα «Я поселил в них слепые надежды». Как мы помним, тема надежды — один из элементов мифологема Прометея у Гесиода: подаренная Эпиметею Пандора, как рассказывается в ст. 94–99 поэмы «Труды и дни», сняла крышку с пифоса, в котором содержались различные несчастья и беды, и только надежда не успела вылететь наружу, потому что, по воле Зевса, Пандора захлопнула крышку и оставила надежду внутри сосуда («οὐδὲ θύραζε/ἐξέπτῃ πρόσθεν γὰρ ἐπέλλαβε πῶμα πίθοιο/[αἰγίοχου βουλῆσι Διὸς νεφεληγερέταο.]). Возможно, эту фразу эсхилового Прометея следует считать аллюзией на версию мифа у Гесиода, имплицитно подчерки-

вающей противостояние Зевса и Прометея (один забрал надежду, другой дал).

Драматическое добавление, принадлежащее Эсхилу — сцена с Ио — дает возможность вставить в повествование пророчество об освобождении Прометея от страданий с помощью потомка Ио. Но и здесь есть некое противоречие: это пророчество — не результат дара предвидения героя, а предсказание, полученное им от матери (873–4 τοιόνδε χρησμόν ἢ παλαιγενῆς μήτηρ ἐμοῖ διήλθε Τιτανὶς Θέμις). При этом собственное пророчество Прометея, о грядущем сокрушителе Зевса (907–927), оказывается нереализованным.

Итак, у Гесиода Прометей скорее хитрый, чем мудрый, и его «прозорливость» проступает только на фоне «не-мудрости» Эпиметея. В свете этого гипотеза Кереньи (Kerényi 2021: 66) об изначальном единстве Прометея и Эпиметея не кажется такой уж парадоксальной. Возможно, Гесиод опирался на пласт мифологических представлений, в котором существовали парные божества, отвечающие за процесс мышления, ориентированный на перспективу и на ретроспективу, и в образах Прометея и Эпиметея сохранились рефлексы этого мифологического представления. С другой стороны, эти представления могли возникнуть и развиться в греческой мифологии как толкование имени героя, никак не связанного со его исходной ролью похитителя огня. Это возвращает нас к довольно давней версии, связывающей имя Прометея не с «ментальной» лексикой, а с санскритским *pramantha* (प्रमन्थ) «палочка для добывания огня»¹⁵. Учитывая, что изобретателем такой палочки Прометея называет Диодор Сицилийский (5. 67), версия выглядит вполне правдоподобной. Другая версия — еще один предпологаемый для этимологии имени Прометея индоевропейский корень *math-*, со значением «красть», утраченный в греческом, был «подменен» корнем с ментальным значением, что и привело к толкованиям Гесиода и его последователей (Jackson 2002: 85; Narten 1969). *Так мы приходим к лингвистическому обоснованию развития мифологемы от кражи огня к «промышлению» Прометея и «не-промышлению» Эпиметея у Гесиода и к пророческому дару героя у Эсхила.* «Ментальный» элемент мифологемы Прометея оказывается актуальным и

¹⁵ Эту версию, восходящую к трудам индолога Макса Мюллера, дает словарь Брокгауза и Евфрона и Роберт Грейвс (Graves 1992: 105).

активно развивающимся именно в силу своей новизны в греческой культуре.

Мотив пророческого дара появляется в «Прикованном Прометее» и раскрывается непоследовательно и даже противоречиво как в отношении пророчеств самого Прометея, так и в отношении навыков, которыми он одаривает людей. Дар предвидения Прометея — это развитие предполагаемой этимологии его имени, но в ином ключе, чем у Гесиода и Пиндара. Эта противоречивость показывает, что представления о пророческом даре героя находятся в стадии формирования и подчиняются логике развития сюжета драмы, а возможно, и целой трилогии. Одновременно мотив пророческого дара нужен трагику, чтобы обосновать будущее примирение Прометея и Зевса (а сам факт связного трилогического строения является, хоть и косвенным, но подтверждением авторства Эсхила в отношении «Прометея прикованного»¹⁶). Эпиметей оказывается Эсхилу не нужен.

У Платона можно обнаружить осмысление обеих литературных версий мифа — и эпической, и трагической. Приведенный выше фрагмент из «Горгия» демонстрирует попытку рационалистического объяснения реплики трагического Прометея об избавлении людей от «предвидения». В «Протагоре» (320–322) мы видим и гесиодовское противопоставление Прометея и Эпиметея (Эпиметей, вызвавшись наделять живых существ различными способностями, забыл о людях, будучи не очень мудрым οὐ πάνυ τι σοφὸς ὢν ὁ Ἐπιμηθεὺς ἔλαθεν 321 b), и это вынудило радеющего о людях Прометея украсть огонь), и противостояние Прометея и Зевса, обретающее черты дуализма: Прометей заботится о людях «по-эсхиловски», а Зевс — «по-гесиодовски» (дает им «стыд» (*αἰδῶ*) и «правду» (*δίκην*) (322c)).

Эллинистическая и позднеантичная традиция ученого осмысления мифологических сюжетов и литературных произведений, воплощенная в схолиях, дает и рационалистически-логические, и аллегорические версии толкования. Именно в схолиях

---

¹⁶ Это приводит нас к вопросу об авторстве Эсхила, начало которому положено в работе Вильгельма Шмида 1929 года, где приводится огромное количество филологических аргументов против эсхилевского авторства дошедшего до нас «Скованного Прометея» (это — отдельный и, видимо, вечный вопрос классической филологии, бесконечный источник филологических изысканий на самых разных уровнях — от фонетики и лексики до уровня идейно-образного). См. (Musbahova 2013).

оформляется лексическое противопоставление братьев как «знающего наперед» и «осознающего после» (возможно, представляющее собой пример позднейшего осмысления догреческого мифа) и появляется метафорическое толкование их образов: огонь — это знание, а Прометей — это ум человека (схолии к «Прометею прикованному» 120 а (Herington 1972: 92). Схожую идею можно увидеть в восходящих к неоплатонической школе схолиях к «Теогонии» (Flach 1876: 122): образы Прометея и Эпиметея трактуются как символы двойственности ума, сочетающего в себе заботу о будущих делах и осознание прежних ошибок. Анализ схолиев позволяет предположить, что за расхожим сюжетом мы можем увидеть сложную религиозно-мифологическую традицию, отраженную в литературе лишь частично.

Литература

- Chantraine, P. 1968–1980: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris.
- Di Gregorio (ed.). 1975: *Scholia vetera in Hesiodi Theogoniam*. Di Gregorio. Milano.
- Dougherty, C. 2006: *Prometheus*, New York: Routledge.
- Drachmann, A. B. 1903–1927: *Scholia vetera in Pindari carmina*, 3 vols., Leipzig: Teubner.
- Emde Boas, E van., Rijksbaron, A., Huitink, L., Bakker, M. de. 2019: *The Cambridge Grammar of Classical Greek*. CUP.
- Flach, J. L. M., Flach, H. 1876: *Glossen und Scholien zur hesiodischen Theogonie: mit Prolegomena*. Leipzig
- Graves, R. 1992: *Mify Drevnej Grecii [The Greek myths]*. Moscow. Progress.
- Грейвс, Р. 1992: *Мифы Древней Греции*. М.: Прогресс.
- Griffith, M. 1977: *The Authenticity of Prometheus Bound*. CUP.
- Herington, C. J. (ed.). 1972: *The Older Scholia on the Prometheus Bound*. Series: Mnemosyne, Supplements, Vol. 19.
- Herington, C. J. 1970: *The Author of the Prometheus Bound*. University of Texas Press.
- Jackson, P. 2002: Light from Distant Asterisks. Towards a Description of the Indo-European Religious Heritage. *Numen*. 49 (1), 61–102.
- Jonston, I. 2012: *Aeschylus. Prometheus Bound*. Translated by Ian Johnston. Vancouver Island University, Canada.
- Kerényi C. 2021: *Prometej: arhetipicheskij obraz chelovecheskogo sushchestvovaniya [Prometheus: Archetypal Image of Human Existence]*. Moscow.
- Kastaliya. Кереньи К. 2021: *Прометей: архетипический образ человеческого существования*. М: Касталия.

- LSJ — Liddell, H. G., Jones H. S., Scott R., McKenzie R. *A Greek-English Lexicon*. Clarendon Press, 1996.
- Losev, A. F. 1995: *Problema simvola i realističeskoe iskusstvo [The problem of the symbol and realistic art]*. Moscow.
Лосев, А. Ф. 1995: *Проблема символа и реалистическое искусство*. М.: Искусство.
- Murrey, G. 1931: *Prometheus bound*: Translated into English rhyming verse with introduction and notes by Gilbert Murray. George Allen & Unwin Limited.
- Musbahova, V. T. 2013: *Prometej prikovannyj: problema avtorstva i datirovke tragedii [The Prometheus Chained: the problem of authorship and the dating of the tragedy]*. SPb, Nestor-istoriya.
Мусбахова В.Т. 2013: *Прометей прикованный: проблема авторства и датировке трагедии*. СПб, Нестор-история.
- Narten, O. 1960: *Das vedische verbum math. Indo-iranian journal*, No 4, 121–135.
- Petrusi, A. (ed.). 1955: *Scholia Vetera in Hesiodi Opera et Dies*. Milan: Società Editrice «Vita e Pensiero».
- Pierron, A. 1868: *Théâtre d'Eschyle*. Paris, Charpentier.
- Pokorny, J. 1969: *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. French & European Publications.
- Smyth, H. W. 1926: *Aeschylus*. With an English translation by Herbert Weir Smyth, Ph. D. in two volumes. 1. *Prometheus Bound*. Harvard University Press.
- Thoreau, H. D. 2015: *Prometheus Trilogy: Prometheus Bound Translated by Henry David Thoreau with Fragments and Descriptions of Prometheus Unbound and Prometheus the Fire Bearer*. (first ed. 1843) Wecklein N., Siegel Ch. (eds). Omo Press
- Valk, M. van der (ed.). 1976: *Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes*, vols. 2, Leyden: Brill.
- West M. L. 1979: The Prometheus Trilogy. *The Journal of Hellenic Studies*, Vol. 99, 130–148.
- West, M. L. 1990: The Authorship of the Prometheus Trilogy. *Studies in Aeschylus*. Stuttgart, Teubner, 51–72.
- Yarho V. N. 1989: [At the turn of two eras] In: *Eskhil. Tragedii*. [Aeschylus. Tragedies] Moscow. Nauka.
Ярхо, В. Н. 1989: На рубеже двух эпох. В кн.: Эсхил. Трагедии. М., Наука.
- Yung, K. G., Kerényi, K. 1997: [On the mythologeme. Introduction to the essence of mythology]. In: K. G. Yung. *Dusha i mif: shest' arhitipov*. [Soul and myth: the six archetypes]. Moscow.
Юнг, К. Г., Кереньи К. 1997: О мифологеме. Введение в сущность мифологии. В кн.: Юнг, К. Г. *Душа и миф: шесть архитипов*. М.

Н. В. Брагинская

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия. 1satissuperque@gmail.com

А. И. Шмаина-Великанова

РГГУ, Москва, Россия. anna.shmaina@gmail.com

«ИОСИФ И АСЕНЕТ» И КНИГА ЕСФИРИ

Задача исторической, идейной и литературной контекстуализации библейского апокрифа «Иосиф и Асенет» (далее И&А), может решаться, в частности, сопоставлением с другими книгами Септуагинты. Хотя И&А небольшое сочинение, в нем содержатся отсылки к 28 из 39 книг Еврейской Библии, так что плотность «цитаций» и разнообразие использованных книг Септуагинты в И&А исключительны. Но если по набору библейских книг, которые в И&А чаще всего используются, этот апокриф подобен другим псевдоэпиграфам, то интерес к греческой Книге Есфири (далее Есф.) в И&А явно особый: из 24 отсылок к Есф. во всем корпусе псевдоэпиграфов 16 приходится на небольшую И&А. Статья представляет собой попытку рассмотреть параллели между Есф. и И&А (а из них большая часть приходится на пространное дополнение в 4:17, молитвы Мардохея и Есфири) как подтверждения тому, что Есф. повлияла на И&А в литературном и идейном отношении. На основании сопоставительного анализа параллелей в И&А и Есф., а также рассмотрения литературной стратегии автора И&А в целом, мы приходим к выводу, что автор И&А не просто пользовался языком Библии, но самой Библией как литературным источником, отсылая к тем книгам и контекстам Библии, которые важны для автора повести в литературном и идейном отношении. Автор И&А обыгрывает и даже цитирует греческий вариант Есф., однако его сочинение целиком противопоставлено Есф., но не полемически, как Книга Иудифи, а как предложение другой возможности: обе книги ориентируются литературно и богословски на новеллу об Иосифе из Бытия и решают ту же задачу — учат «образу жизни в диаспоре», по выражению Смит-Кристофера. Однако здесь кроется и коренное отличие между ними, разница мироощущений. Автор И&А предлагает еврею на чужбине не приспособиться к жизни местных людей и возвыситься среди них, дабы спасти свой народ, но открыть местным красоту и правду библейской веры и тем самым обратить и спасти всех людей, евреев и неевреев.

Ключевые слова: «Иосиф и Асенет», греческая Книга Есфири, литературный контекст, исторический контекст.

Nina V. Braginskaya.

National Research University The Higher School of Economics. Moscow, Russia
1satissuperque@gmail.com

Anna I. Shmaina-Velikanova.

Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia
anna.shmaina@gmail.com

Joseph and Aseneth and the Book of Esther

A historical, ideological and literary contextualisation of the biblical Apocrypha *Joseph and Aseneth* (hereafter J&A) can be solved, in particular, by comparison with other books of the Septuagint. Although J&A is a small work, it contains references to 28 of the 39 Hebrew Bible books, so the density of “quotations” and the variety of Septuagint books used in J&A are exceptional. However, if this Apocrypha is similar to other pseudepigrapha regarding the set of biblical books most frequently used in J&A, the interest in the Greek Book of Esther (hereafter Esth.) in J&A is special. Of the 24 references to Esth. in the entire corpus of pseudepigrapha, 16 are in the small J&A. The article attempts to examine the parallels between Esth. and J&A (and of these, the majority fall on the lengthy addition in 4:17, the prayers of Mordechai and Esther) as evidence that Esth. influenced J&A in literary and ideological terms. Based on a comparative analysis of the parallels in J&A and Esth., as well as a consideration of the literary strategy of the author of J&A as a whole, we conclude that he did not just use the language of the Bible but the Bible itself as a literary source, referring to those books and contexts of the Bible that are important for him in literary and ideological terms. The author of J&A plays with and even quotes the Greek version of Esth. However, his work is entirely opposed to Esth., not polemically, like to the Book of Judith, but as another possibility: both books are oriented literarily and theologically on the Josephus story from Genesis and fulfil the same task—to teach “the way of life in the Diaspora”. However, there is a fundamental difference between them: the difference in worldview. The author of J&A proposes that a Jew in a foreign land should not adapt to the life of the local people and rise among them in order to save his people but that he should reveal to the locals the beauty and truth of the biblical faith and thereby convert and save all people, Jews and non-Jews.

Keywords: *Joseph and Aseneth*, the Greek Book of Esther, literary context, historical context.

Предлагаемая вниманию читателей статья примыкает к ряду работ семинара, проходившего в РГГУ в нулевых годах

текущего столетия, посвященных изучению апокрифа «Иосиф и Асенет» (далее И&А)¹.

В этот раз мы, тоже не впервые в наших исследованиях, задаемся вопросом о *Sitz im Leben* памятника и пытаемся ответить на него чисто филологическими методами. Задача исторической, идейной и литературной контекстуализации И&А может решаться различными способами. Один из них — сопоставление с другими книгами Септуагинты. Иногда внутрилитературный способ контекстуализации плохо датированных произведений дает результаты, которых невозможно добиться обычными способами поиска датирующих признаков в псевдоисторических книгах, хотя они там, конечно, могут найтись, но чисто случайно. Так, на основании именно литературных связей мы предложили чрезвычайно точную датировку для Книги Иудифи (Mikhailova 2009; Shmaina-Velikanova, Braginskaya 2010).

Задача рассмотрения на литературном фоне Септуагинты особенно напрашивается и потому, что другие способы едва ли не исчерпаны, а основные параметры — время, место, религиозная принадлежность, литературный жанр И&А — по-прежнему определяются очень по-разному, зачастую взаимоисключающим образом (Braginskaya 2011: 36–38). Между тем на фоне других иудео-эллинистических сочинений, также пронизанных ветхозаветными аллюзиями, И&А выделяется богатством и разнообразием библейских реминисценций. Это можно отнести как на счет владения библейским текстом автора И&А, так и на счет эрудиции комментатора корпуса. Мы произвели обобщающие подсчеты по указателю цитат к изданию псевдоэпиграфов Чарльзворта (Delamarter 2002), и получили картину, которая позволяет видеть книги Еврейской Библии наиболее и

---

¹ Участники семинара опубликовали несколько десятков статей, выступили с десятками докладов, защитили диссертации и дипломные работы. Помимо авторов данной статьи, к авторам этой серии работ относятся А. Ю. Виноградов, М. С. Касьян, Т. А. Михайлова, В. В. Писляков, В. В. Степанов. Так, ориентация апокрифа И&А на язык Септуагинты и библейские книги, включая Бытие и Есф., рассматривалась в дипломной работе В. В. Степанова, написанной под руководством Н. В. Брагинской и защищенной в 2011. И&А цитируется в переводе семинара (Брагинская, Касьян, Писляков, Шмайна-Великанова 2010).

наименее *цитируемые* этими псевдоэпиграфами, и наиболее и наименее *цитирующие* тексты других псевдоэпиграфов, а также сравнить ориентации разных псевдоэпиграфов на те или иные книги Танаха².

Сознавая известную искусственность наших подсчетов, мы воспользуемся той картиной, которую можно получить по названному индексу (см. Таблицу).

Количество отсылок к библейским книгам по всем книгам «Корпуса Чарльзворта»		Количество отсылок к библейским книгам в «Иосиф и Асенет»	
Бытие	883	Бытие	120
Псалмы	479	Псалмы	68
Исайя	410	Исайя	27
Исход	271	Исход	26
Даниил	231	Даниил	20
Иов	220	1 Царств	17
Притчи	188	Есфирь	16
Второзаконие	184	Судьи	14
Иезекииль	164	4 Царств	11
Иеремия	129	3 Царств	9
3 Царств	113	Иов	9
4 Царств	106	2 Царств	8
Левит	78	2 Паралипоменон	7
2 Паралипоменон	71	Притчи	7
Числа	52	Иеремия	7
1 Царств	45	Второзаконие	6

² Хотя элемент артефакта при этом не устраним, так как установление цитат является результатом усмотрения комментаторов, мы, тем не менее, будем ориентироваться на эти данные, подлежащие к тому же корректировке, когда будет проделана работа по выявлению параллелей по единой методике и по всем книгам Греческой Библии, а не только Септуагинты в строгом смысле слова. Ведь индекс не учитывает ни в качестве цитируемых, ни в качестве цитирующих книги, еврейский оригинал коих утрачен или никогда не существовал. Пока этого нет, мы условно считаем тщательность и объективность всех комментаторов «Чарльзвортовского корпуса» одинаковой. Все авторы корпуса — это специалисты, посвятившие изучаемому памятнику многие годы, и относящиеся к близким научным школам. Что же касается И&А, то в издании псевдоэпиграфов Чарльзворта И&А комментировал такой выдающийся ученый как К. Бурхард, который указывал параллели и цитаты и к Библии, и к другим апокрифам, и к классической литературе.

Екклезиаст	44	Иисус Навин	6
Судьи	42	Песнь песней	6
Иисус Навин	33	Ездра	5
2 Царств	32	Неемия	5
Ездра	29	Числа	3
Осия	29	1 Паралипоменон	3
Неемия	27	Осия	3
Малахия	26	Захария	3
Есфирь	24	Руфь	2
1 Паралипоменон	24	Иезекииль	2
Иоиль	22	Михей	2
Амос	19	Левит	1
Михей	18	Екклезиаст	1
Песнь песней	15	Малахия	1
Софония	15		
Иона	13		
Аввакум	11		
Плач Иеремии	7		
Аггей	7		
Руфь	6		
Захария	6		
Авдий	2		

В И&А содержатся отсылки к 28 из 39 книг Еврейской Библии. Автор пользуется практически всем наследием Танаха. Это вовсе не правило для псевдоэпиграфов. Все книги, в которых другие комментаторы усматривают сравнимое разнообразие в использовании Библии, значительно больше И&А по объему. Например, все Сивиллины Книги в целом. Так что *плотность «цитаций» и разнообразие использованных книг Септуагинты* в И&А можно назвать исключительными.

Сопоставление И&А с греческой версией Книги Есфири (далее — Есф.) должно объяснить нам, почему цитированию именно Есф. оказано такое предпочтение.

Мы видим из таблицы, что по фаворитам цитирования И&А очень хорошо вписывается в общую картину использования библейских книг в псевдоэпиграфах, к которым «корпус Чарльзворта» относит и саму И&А. Чемпионом по отсылкам с большим отрывом у всех псевдоэпиграфов и у И&А тоже оказывается Книга Бытия. И следующие четыре книги по рейтингу — Псалмы, Исайя, Исход, Даниил — у И&А такие же,

как у всего корпуса в целом. Но Есф., которая занимает 25 место в списке предпочтений всего корпуса, в И&А занимает 7 место. И если во всем корпусе Есф. малопопулярна — 24 случая, то в И&А содержатся 2/3 отсылок — 16 из 24 во всем корпусе. Разумеется, речь идет о греческой Есф., а не о еврейской. Греческая Книга Есфири настолько заметно отличается от еврейской, что некоторые считают, что она представляет собою отдельное произведение³. Таким образом, отсутствие цитат из нее в других, более ранних книгах обсуждаемого корпуса естественно, а присутствие в И&А — интересно. Именно в обширном греческом добавлении в Есф. 4:17, содержащем 26 стихов, сосредоточено больше всего самых важных переключек. Знакомство автора И&А с Есф. особенно интересно еще и потому, что Есф. была включена в еврейский канон едва ли не позже всех других книг⁴.

Прежде чем обратиться к детальным сопоставлениям, скажем несколько слов об идейных «взаимоотношениях» между этими книгами. Обе принадлежат к «странным книгам» греческой Библии, как их назвал Бикерман (Bickerman 1967). В обеих главные героини — женщины, в обеих главное благотворное событие — замужество героини. В той и другой книге речь идет о спасении — в Есф. для евреев, в И&А — для всех народов. Условием спасения человечества оказывается брак Иосифа с обратившейся к Богу языческой жрицей. В спасении язычников главную роль играет именно обратившаяся Асенет — образец обращения.

---

³ Вопрос об отличиях еврейской и греческой Есф. не является нашей темой. Отметим только, что в еврейской версии имя Божие не упоминается вовсе, а в греческой — не сходит с уст персонажей. В еврейской версии пост и молитва только упоминаются, а в греческой тексты молитв занимают иногда по полглавы. Именно на молитвы в Есф. приходится больше всего переключек в И&А, где также присутствуют большие псалмы-молитвы. Подробнее см. (Bush 1996: 279–294; Moore 1965).

⁴ История греческого текста Есфири чрезвычайно сложна, как и история ее включения в канон. Его относят к достаточно позднему времени. Так Цетлин датирует включение временем около 120 г. н. э., Орлинский около 200 г. н. э., хотя некоторые раввины даже в III и IV вв. н. э. не считали ее канонической (Moore 1992: 636).

Обе книги литературно и богословски ориентируются на новеллу об Иосифе из Бытия и решают ту же задачу: они учат, по мысли Смит-Кристофера, образу жизни в диаспоре (Smith-Christopher 1994). Однако как раз здесь, в образе жизни в диаспоре, кроется и коренное отличие между ними. Есф. предлагает еврею диаспоры идти путем Иосифа до самого верха власти, жертвуя заповедями, честью, рискуя жизнью (т. е. идя дальше Иосифа). Ее главный герой — Есфирь — унижена гораздо больше Иосифа, и все царские одежды и украшения она сбрасывает, чтобы творить покаянную молитву (см. 4:17 [11]). Горькая ирония выражена также игрой двумя языками: еврейское имя Есфири — Хадаса (2:7) — означает миртовый венок, венец чистой невесты, а не золотой венец персидской царицы-наложницы. Однако спасение обреченного народа не только искупает все унижения и страхи Есфири, как считает К. Буттинг, она распространяет царское достоинство на весь еврейский народ и превращает праздники языческого царя в еврейские народные праздники; таким образом, ее царство предвосхищает грядущее царство Израиля (Butting 1999), в котором найдется место и для других народов, захотевших стать евреями. Но если в Есф. персы могут стать евреями, потерпев поражение, из страха и конформизма, то И&А называет другой мотив обращения — любовь. Асенет, дочь египетского жреца, влюбляется в Иосифа и, пережив покаяние как символическую смерть, обращается к Богу Иосифа из любви к «единородному Сыну Божьему» Иосифу. Чтобы достичь этого не существует никакого способа просто потому, что нет способа заставить полюбить, как сказано в Песни песней (Песн. 8:7). Автор И&А предлагает еврею на чужбине не приспособиться к жизни местных людей и возвыситься среди них, дабы спасти свой народ, но открыть местным красоту и правду библейской веры и тем самым обратить и спасти всех людей, евреев и неевреев.

Итак, взамен тактики, компромисса, мудрости, верности и героизма, которым учит Есф., составляющим вместе идеологию и теологию диаспоры («евреям диаспоры нужно не спасение *от* чужбины, а спасение *на* чужбине» (Zenger 2008: 407)) И&А предлагает только мистику любви, которая превратит чужбину во всеобщую родину или отменит чужбину как таковую.

Методологические предварения

Конечно, библеисты создали большую традицию обнаружения внутриветхийских параллелей, им следовали Деламартер и Чарльзворт в издании цитат из Септуагинты в апокрифах и псевдоэпиграфах (Delamarter 2002). Мы хотели бы назвать здесь те принципы выделения параллелей, которым будем следовать, сопоставляя Есф. и И&А.

Мы выделили наиболее частотные лексико-стилистические параллели — это ветхийские *фразеологизмы и формулы*. Отнесение к ним строится на частотности/стандартности, например: φόβος πλὸς καὶ τρόμος или εὐλογητὸς κύριος ὁ θεός. Повторяя их, автор И&А обозначает свой лексико-стилистический ориентир. Нет ничего удивительного поэтому, что переключки с Псалмами содержатся в основном в псалмах/молитвах и вообще стихотворных отрывках И&А (6:2–8; 8:5–7, 9; 11:3–14, 16–18; 12:1–13:15; 15:2–7; 16:16; 21:11–21; 27:10⁵). Мы не будем их рассматривать в связи с Есф.

Наряду с этим классом мы выделили топосы — *т. е. связанные с ветхийскими реалиями клише, допускающие варьирование лексики*. Топосы для нас также не «диагностичны».

Самое сложное и интересное — это аллюзии, где важны как раз не стандартные обороты или клише, но уникальность: иными словами, аллюзии — это отсылки к другому сочинению с целью обогатить авторский текст смыслами текста и языка-источника. Иногда аллюзии включают в себя прямые цитаты и сопоставительные противопоставления, то есть параллели с обратным знаком. Пример: сын фараона предлагает братьям Иосифа вступить с ним в злодейский заговор — убить детей Иосифа и Асенет на глазах Иосифа, убить собственного отца — фараона, и завладеть Асенет. И при этом сын фараона говорит им фразу, которую Моисей произносит перед народом: «Смотрите — пред вами благословение или смерть» (24:7) (ср. Втор. 30, особенно 30:19)⁶. Обманщик и преступник, потен-

---

⁵ Нумерация глав и стихов соответствует критическому изданию К. Бурхарда (Burchard 2003).

⁶ Втор. 30:19: Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое.

циальный отцеубийца узурпирует громоподобные слова, которыми Моисей предлагает народу самый главный его выбор. Эта аллюзия подчеркивает отношение к сыну фараона как к ложному претенденту.

Разумеется, первый класс самый обширный, а аллюзии и цитаты — самый проблемный; индивидуальный авторский выбор гораздо прихотливее и разнообразнее, чем повторение готовых блоков или характерных фразеологизмов и топосов. Есть много сложных случаев, когда частотная лексико-стилистическая параллель в конкретном случае может оказаться аллюзией, потому что к стандартной формуле надо добавить ее уникальный контекст, для которого формула — только метка.

Возьмем для примера выражение $\dot{\iota}\delta\omicron\upsilon \acute{\epsilon}\gamma\acute{\omega}$, которое встречается в LXX больше 200 раз. В Книге Бытия оно часто встречается в контексте отклика человека на окликание Богом: Бог окликает Авраама, тот откликается (см. например Быт. 17:4), и Бог требует жертвоприношения Исаака (Быт. 22:1), кроме того, Иаков так же откликается на обращение к нему ангела (Быт. 31:11) и Бога (Быт. 46:2). В таком же контексте в ответ на окликание человека, призванного божеством к великой миссии, звучит это выражение и в И&А 14:7: $\dot{\iota}\delta\omicron\upsilon \acute{\epsilon}\gamma\acute{\omega}, \kappa\acute{\upsilon}\rho\iota\epsilon, \acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\gamma\gamma\epsilon\iota\lambda\acute{\omicron}\nu \mu\omicron\iota \tau\acute{\iota}\varsigma \acute{\epsilon}\dot{\iota} \sigma\acute{\upsilon}$? — Вот я, господин! Кто ты, скажи (поведай, объяви) мне?

Поэтому в данном случае на лексико-стилистическую параллель накладывается контекст употребления. Она может рассматриваться как библейский топос или как литературная аллюзия, обусловленная тематически — историей одного из персонажей, Авраама или Иакова.

Аллюзия ставит соответствующий фрагмент нашего апокрифа в содержательную связь с текстом Библии: текст апокрифа получает более глубокое измерение и дополнительное толкование за счет соотнесения со священным текстом. Таким образом, аллюзия выступает своего рода комментарием к тексту апокрифа.

Здесь и далее библейские цитаты на русском языке приводятся на основе Синодального перевода, в который иногда вносятся необходимые изменения.

Перейдем теперь к рассмотрению текстуальных соответствий. Открывает список почти дословно повторенное словосочетание ἡν ἄρχων πάντων τῶν σατραπῶν.

‘Сатрапы’ в Египте

Пентефрей — это ἄρχων πάντων τῶν σατραπῶν (И&А 1:3). В Септуагинте такое обозначение властителей встречается *только* в Есф., причем трижды, к тому же первый раз также в самом начале: в третьем стихе первой главы.

Есф. 1:3 ἐν τῷ τρίτῳ ἔτει βασιλεύοντος αὐτοῦ δοχῆν ἐποίησεν τοῖς φίλοις καὶ τοῖς λοιποῖς ἔθνεσιν καὶ τοῖς Περσῶν καὶ Μήδων ἐνδόξοις καὶ τοῖς ἄρχουσιν τῶν σατραπῶν.	В третий год своего царствования он сделал пир для всех князей своих и для служащих при нем, для главных начальников войска Персидского и Мидийского и для <i>правителей областей</i> своих.
Есф. 8:9 καὶ ἐγράφη τοῖς Ἰουδαίοις ὅσα ἐνετείλατο τοῖς οἰκονόμοις καὶ τοῖς ἄρχουσιν τῶν σατραπῶν ἀπὸ τῆς Ἰνδικῆς ἕως τῆς Αἰθιοπίας ἑκατὸν εἴκοσι ἑπτὰ σατραπείαις κατὰ χώραν καὶ χώραν κατὰ τὴν ἑαυτῶν λέξιν.	... и написано было все так, <...>, к Иудеям, и распорядителям и <i>архонтам сатрапов</i> , от Индии до Ефиопии, ста двадцати семи сатрапий, в каждую область письменами ее и к каждому народу на языке его.
Есф. 9:3 οἱ γὰρ ἄρχοντες τῶν σατραπῶν καὶ οἱ τύραννοι καὶ οἱ βασιλικοὶ γραμματεῖς ἐτίμων τοὺς Ἰουδαίους ὁ γὰρ φόβος Μαρδοχαίου ἐνέκειτο αὐτοῖς.	И все <i>архонты сатрапов</i> , и князья, и царские чиновники поддерживали Иудеев, потому что напал на них страх пред Мардохеем.

Кроме того, по версии Феодотиона царь делает Даниила *архонтом сатрапов* над всеми мудрецами Вавилона.

Дан. (Феод.) 2:48 καὶ ἐμεγάλυνεν ὁ βασιλεὺς τὸν Δανιηλ καὶ δόματα μεγάλα καὶ πολλὰ ἔδωκεν αὐτῷ καὶ κατέστησεν αὐτὸν ἐπὶ πάσης χώρας Βαβυλωνῆος καὶ ἄρχοντα σατραπῶν ἐπὶ πάντα ἱουτοὺς σοφοὺς Βαβυλωνῆος.	Тогда возвысил царь Даниила и дал ему много больших домов, и поставил его над всею областью Вавилонскою и <i>архонтом сатрапов</i> над всеми мудрецами Вавилонскими.
--	--

В других версиях LXX «сатрапа» нет, речь идет об архонте и предводителе всех мудрецов.

В Есф., коль скоро дело происходит в Персии, в этом контексте упоминание сатрапа совершенно естественно. Однако в И&А, в египетском антураже это слово либо исполь-

зуется анахронистически, либо, поставленное в начале, служит так называемой «интертекстуальной индукции», то есть указывает на «текст-источник» и свидетельствует о том, что автор сознательно использует такое выражение для указания на важного для него литературного предшественника. Для интертекстуальной индукции в случае с Иудифью автор И&А также нашел уникальное пересечение с Книгой Иудифи — дочь евреев (1:5) — такое выражение встречается в Септуагинте только в Книге Иудифи (10:12) и больше нигде (Mikhailova 2009: 228).

Гордая невеста versus гаремная царица

Описания отношения Асенет и Есфири к мужчинам противопоставлены по сути. Асенет — недоступная дева в башне, дочь жреца, сама жрица, впрочем, не столько мифологическая «опасная невеста» (она не убивает женихов), а скорее сказочная гордая красавица, которая согласна выйти замуж только за сына фараона.

И&А 2:1 Καὶ ἦν Ἀσενὲθ ἔξουθενοῦσα καὶ καταπτύουσα πάντα ἄνδρα καὶ ἦν ἀλαζόν καὶ ὑπερήφανος πρὸς πάντα ἄνθρωπον. καὶ οὐδεὶς ἀνὴρ ἐώρακεν αὐτὴν πώποτε καθότι ἦν πύργος τῷ Πεντεφρῆ παρακείμενος τῇ οἰκίᾳ αὐτοῦ μέγας καὶ ὑψηλὸς σφόδρα.

А Асенет любого мужа ни во что не ставила и презирала и со всеми заносчива была и высокомерна. И ни единый муж никогда не видел ее, ибо возле дома Пентефреева стояла башня, большая и очень высокая.

И&А 8:7 ὁμοίως καὶ γυναῖκί θεοσεβεῖ οὐκ ἔστι προσῆκον φιλεῖσαι ἄνδρα ἀλλότριον, διότι βδέλυγμά. ἐστι τοῦτο ἐνώπιον τοῦ θεοῦ.

Так и жене благочестивой не подобает целовать мужа чужеземного, ибо это мерзость пред Господом Богом.

Есф. 4:17 [21] πάντων γινῶσιν ἔχεις καὶ οἶδας ὅτι ἐμίσησα δόξαν ἀνόμων καὶ βδελύσσομαι κοίτην ἀπεριτμητῶν καὶ παντὸς ἀλλοτρίου [23] σὺ οἶδας τὴν ἀνάγκην μου ὅτι βδελύσσομαι τὸ σημεῖον τῆς ὑπερηφανίας μου ὃ ἐστὶν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς μου ἐν ἡμέραις ὀπτασίας μου βδελύσσομαι αὐτὸ ὡς ῥάκος καταμηνίων καὶ οὐ φορῶ αὐτὸ ἐν ἡμέραις ἡσυχίας μου.

Ты имеешь ведение всего и знаешь, что я ненавижу славу незаконных и гнушаюсь ложа необрезанных и всякого иноплеменика; Ты знаешь необходимость мою, что я гнушаюсь знака гордости моей, который бывает на голове моей во дни появления моего, гнушаюсь его, как одежды, оскверненной кровью, и не ношу его в дни уединения моего.

Есфирь, сирота, становится женой персидского царя, то есть имеет высокий статус, такой, на который претендует Асенет. Но для иудейки это положение ненавистно, ведь она является супругой язычника, пусть он и великий царь, а это грех.

То, как она описывает свое отношение к браку с иноземцем, перекликается со словами Иосифа, который отказывается приветствовать язычницу Асенет поцелуем. Это βδέλυγμα — мерзость для него⁷.

Мог ли автор И&А деву и невесту Асенет сознательно противопоставлять Есфири как супруге Артаксеркса, то есть, считал ли Асенет в начале книги своего рода анти-Есфирью, чтобы показать в конце, что она выполняет для обратившихся язычников ту же спасительную роль, какую Есфирь выполняет для евреев Персиды? Не исключено.

Покои Асенет и Есфири

<p>И&А 2:2 Καὶ ἦν ὁ πρῶτος θάλαμος μέγας καὶ εὐπρεπὴς καὶ λίθοις πορφυροῖς κατεστρωμένος καὶ οἱ τοῖχοι αὐτοῦ λίθοις ποικίλοις καὶ τιμίοις πεπλακωμένοι. Καὶ ἦν ἡ ὄροφὴ τοῦ θαλάμου ἐκείνου χρυσοῦ.</p> <p>И был первый покой красив и просторен: <пол> был выложен камнями пурпурными, а стены выложены многоцветными камнями драгоценными, а потолок в покое том был из золота.</p> <p>И&А 2:8 Καὶ κλίνη χρυσοῦ ἐστῶσα ἐν τῷ θαλάμῳ ἀποβλέπουσα πρὸς <πρὸς τὴν θυρίδα> κατὰ ἀνατολάς καὶ ἦν ἡ κλίνη ἐστρωμένη πορφύραν χρυσοῦφῃ ἐξ ὑακίνθου καὶ βύσσου καθυφασμένη.</p> <p>И ложе золотое ... застлано пурпурным покрывалом, златотканым и расшитым нитями яхонтовыми, пурпурными и виссонными.</p>	<p>Есф. 1:6 κεκοσμημένη βυσσίνοις καὶ καρπασίνοις τεταμένους ἐπὶ σχοινοῖς βυσσίνοις καὶ πορφυροῖς ἐπὶ κύβοις χρυσοῖς καὶ ἀργυροῖς ἐπὶ στύλοις παρίνοις καὶ λιθίνοις κλῖναι χρυσαῖ καὶ ἀργυραῖ ἐπὶ λιθοστρώτου σμαραγδῖτου λίθου καὶ πιννίνου καὶ παρίνου λίθου καὶ στρωμναὶ διαφανεῖς ποικίλως διηθησμέναι κύκλῳ ῥόδα πεπασμένα.</p> <p>И был двор украшен виссонными и льняными тканями, прикрепленными виссонными и пурпуровыми веревками к серебряным и золотым кольцам на мраморных столбах. Золотые и серебряные лежа были на помосте, выложенном смарагдом, перламутром и мрамором, а пестро расцвеченные кушетки были украшены кругом (повсюду) разбросанными розами.</p>
--	--

⁷ Так и благочестивая жена, по его словам, не будет целовать чужака, ибо это мерзость (βδέλυγμα) для нее; βδέλυγμα — неологизм Септуагинты, в классическом греческом засвидетельствован глагол βδελύσσομαι, но нет связанного с ним существительного.

В Есф. и И&А содержится подробное описание двора Есфири и чертогов Асенет. Обращает на себя внимание сама подробность описания женских покоев, не подчиненная богослужебным целям, подобно, например, описанию того, какой должна быть скиния или одеяние священника и его эфод в Исх. 25–30, 36–39. Стоит отметить, что ткани описываемых интерьеров Асенет и Есфири пурпурные и виссонные (а в разночтениях к Есф. еще и яхонтовые), так что гамма общая. Ложа золотые, и особо отмечена мозаика из драгоценных и цветных камней: в одном случае речь идет о стенах, в другом о помосте, или инкрустированном поле, *литостроте*, «выложенном камнями» (2:2). Эти цвета и эти камни встречаются в Торе при описании сакральных предметов, одеяний священника и скинии, как уже давно показал Гидеон Бохак для И&А (Bohak 1994: 166–167; Bohak 1996: 11–12). В литературе Второго Храма эти цвета и камни оказываются топикой для описания либо святыни, либо роскоши иноземного владыки, например в Книгах Товит и Иудифь. Казалось бы, это ничего не говорит о зависимости И&А от Есф., у всех этих книг общий фон — образ роскоши.

В нашем случае в И&А описывается роскошь иноплеменницы, но символически — будущего храма, а в Есф. — роскошь иноплеменного владыки, но дарованная иудейке. Сама Есфирь через образ мирта в ее имени символически связана с храмовым богослужением, поскольку миртом украшали Храм в праздники.

В наших книгах топика описаний сакральных предметов и богослужения переосмыслена и перенесена в обстановку покоев героинь. Тем самым в И&А и Есф. в покоях центральных героинь сквозь египетскую и персидскую роскошь проступает облик святыни.

Семеро дев и столпы дома Премудрости

Семь служанок живут вместе с Есфирью; Асенет прислуживают также семеро дев-служанок.

И&А 2:6 καὶ τοὺς λοιποὺς ἑπτὰ θαλάμους εἶχον ἑπτὰ παρθένοι μία ἐκάστη ἓνα θάλαμον κεκτημένη | καὶ αὗται ἦσαν διακονοῦσαι τῇ Ἀσενέθ καὶ ἦσαν πᾶσαι ὁμήλικαι ἐν μιᾷ νυκτὶ τεχθεῖσαι σὺν τῇ Ἀσενέθ καὶ ἡγάπα αὐτὰς πάνυ. καὶ ἦσαν καλαὶ σφόδρα ὡς τὰ ἄστρα τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἀνήρ οὐχ ὠμίλει αὐταῖς οὐδὲ παιδίον ἄρρεν.

А остальные семь покоев были отведены *семи девам* — по одному у каждой. И служили девы Асенет, и все были ей ровесницы, рожденные в одну ночь с Асенет, и она любила их всей душой. И прекрасны они были, как звезды небесные, и ни муж ни один, ни отрок никогда не говорил с ними.

Есф. 2:9 καὶ ἤρεσεν αὐτῷ τὸ κοράσιον καὶ εὗρεν χάριν ἐνώπιον αὐτοῦ καὶ ἔσπευσεν αὐτῇ δοῦναι τὸ σμῆγμα καὶ τὴν μερίδα καὶ τὰ ἑπτὰ κοράσια τὰ ἀποδεδειγμένα αὐτῇ ἐκ βασιλικοῦ καὶ ἐχρήσατο αὐτῇ καλῶς καὶ ταῖς ἄβραις αὐτῆς ἐν τῷ γυναικῶν.

И понравилась эта девица глазам его и приобрела у него благоволение, и он поспешил выдать ей притирания и все, назначенное на часть ее, и приставить к ней *семь девиц*, достойных быть при ней, из дома царского, и переместил ее и девиц ее в лучшее отделение женского дома.

Этот контекст представляется нам одним из важнейших. В Библии семь служанок больше нигде не встречаются. Они ничем не обусловлены реалистически или обрядово. В Есф. оно присутствует, быть может, потому что число это в еврейской традиции значимое. Если надо назвать какое-то число, не заданное исторической реальностью, то это будет 3, 7, 9, 12, 18, 40 и др. В И&А седмица приобретает символический смысл, так как семь прислужниц в башне намекают на опоры, столпы дома Премудрости (Прит. 9:1), и указание на это прямо дано в тексте И&А: девы-служанки — это столпы Града убежища (И&А 17:6). Можно сделать осторожное предположение, что автор И&А объединил в служанках и столпах Дома Премудрости две аллюзии: к Притчам и к Есфири.

Одеяния Иосифа и Мардохея

Описание роскошных одежд Иосифа в И&А похоже на описание одежд Мардохея, оба они получают свою одежду от иноземного владыки как знак отличия.

<p>И&А 5:5 Καὶ ἦν Ἰωσήφ ἐνδεδυμένος χιτῶνα λευκὸν καὶ ἕξαιλλον καὶ ἡ στολὴ τῆς περιβολῆς αὐτοῦ ἦν πορφύρᾳ ἐκ βύσσου χρυσοῦφής καὶ στέφανος χρυσοῦς ἐπὶ τῆς κεφαλῆς.</p>	<p>Есф. 8:15 ὁ δὲ Μαρδοχαῖος ἐξῆλθεν ἐστολισμένος τὴν βασιλικὴν στολὴν καὶ στέφανον ἔχων χρυσοῦν καὶ διάδημα βύσσινον πορφυροῦν ἰδόντες δὲ οἱ ἐν Σούσοις ἐχάρησαν.</p>
<p>А Иосиф был облачен в особый белый хитон, риза у него была <i>пурпурная, златотканого виссона</i>, на голове его был золотой венец.</p>	<p>И Мардохей вышел от царя в царском одеянии яхонтового и белого цвета и в большом золотом венце, и в мантии <i>виссонной и пурпуровой</i>.</p>

Об Иосифе это известно из Бытия, но и в И&А есть соответствующая отсылка (упоминание второй колесницы фараона явным образом отсылает к Быт. 41:42): «И снял фараон перстень свой с руки своей и надел его на руку Иосифа; одел его в виссонные одежды, возложил золотую цепь на шею ему». За этим стоит определенная реальность. Персы, как мы знаем хотя бы из Ксенофонта (Суг II, 4.6; VIII, 3.2; VIII, 3.13), жаловали своих приближенных и отличившихся военачальников алыми, пурпурными и багряными плащами и одеждами, золотым цепями-ожерельями и кольцами. Эта практика была перенята Александром, но македонцы предпочли золотой венчик, более им привычный. В результате Селевкиды жаловали своих Друзей и Родичей золотым венком и пурпурным гиматием, порфирой, как мы знаем из Маккавейских книг⁸. В Есф., которая написана в позднеперсидское или раннемакедонское время (Bush 1996: 295–297), Мардохей облачен в персидский наряд; а в И&А — скорее селевкидская, а не египетская версия иноплеменного облачения: сочетаются виссонные, златотканые ткани и пурпурный плащ, т. е. персидская «мода». В Бытии (41:42) очевидно также персидская версия одеяний, хотя ничего не сказано о том, чтобы одежды из виссона (то есть из тонкого льна) были как-то окрашены. В И&А одежды виссонные, златотканые, а плащ пурпурный, таким образом, сохраняется и образ из Бытия, и образ персидо-селевкидского облачения «визиря». Мы усматриваем в этом описании сложную аллюзию сразу к двум книгам — и к Бытию, и к Есфири, а возможно и к представлениям египетских евреев о Селевкидской и Хасмонейской монархиях.

⁸ Александр Бала жалует Ионатану порфиру, золотой венчик и диадему, см. 1 Макк. 10:62, а также (Bickerman 1985: 41–44).

Несоблюдение и соблюдение пищевых запретов

Асенет до обращения вкушала пищу с язычниками, ее уста осквернены трапезой с идоложертвенного стола. Есфирь, напротив, никогда не вкушала нечистой трапезы. В момент покаяния Асенет выбрасывает царские яства на съедение собакам.

<p>И&А 11:9 και ἔφαγον ἐκ θυσίας αὐτῶν καὶ τὸ στόμα μου μεμίαιται ἐκ τῆς τραπέζης αὐτῶν. И я ела от жертв, им приносимых, и уста мои осквернены их трапезой.</p> <p>И&А 8.5 οὐκ ἔστι προσῆκον ἀνδρὶ θεοσεβεῖ, ... φιλεῖσαι γυναῖκα ἀλλοτρίαν, ἥτις ... ἐσθίει ἐκ τῆς τραπέζης αὐτῶν ἄρτον ἀγρόνης καὶ πίνει ἐκ τῆς σπονδῆς αὐτῶν ποτήριον ἐνέδρας καὶ χρίεται χρίσματι ἀπωλείας. Не подобает мужу благочестивому ... целовать жену чужеземную, которая ... ест со стола их хлеб удушения, и пьет от возлияния их чашу коварства, и умащается умощением погибели.</p>	<p>Есф. 4:17 [24] καὶ οὐκ ἔφαγεν ἡ δούλη σου τράπεζαν Αμαν καὶ οὐκ ἐδόξασα συμπόσιον βασιλέως οὐδὲ ἔπιον οἶνον σπονδῶν. И не вкушала раба твоя от трапезы Амана, и не дорожила пиром царским, и не пила вина идоложертвенного.</p>
--	--

Мы предполагаем, что это очень важный и показательный для отношения И&А к Есф. случай сопоставительного противопоставления, параллели со знаком минус. Правильное и даже необходимое для благочестивого иудея поведение — это поведение Есфири. Асенет же в начале повествования — язычница, и при первом обращении Иосифа к Асенет, он ее отвергает как вкушающую нечистую пищу.

Обращение к Богу как Творцу сущего вместе с мыслью о покорности ему твари

<p>И&А 12:1–2 Κύριε ὁ θεὸς τῶν αἰώνων, ὁ κτίσας τὰ πάντα καὶ ζωοποιήσας, ὁ δοὺς πνοὴν ζωῆς πάσῃ τῇ κτίσει σου, ὁ ἐξεπέγκας τὰ ἀόρατα εἰς τὸ φῶς, 2 ὁ ποιήσας τὰ ὄντα καὶ τὰ φαινόμενα ἐκ τῶν ἀφανῶν καὶ μὴ ὄντων, ὁ ὑμῶσας</p>	<p>Есф. 4:17 [2–3] κύριε κύριε βασιλεῦ πάντων κρατῶν ὅτι ἐν ἐξουσίᾳ σου τὸ πᾶν ἐστιν καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ἀντιδοξῶν σοι ἐν τῷ θέλειν σε σῶσαι τὸν Ἰσραὴλ [3] ὅτι σὺ ἐποίησας τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ πᾶν θαυμαζόμενον ἐν τῇ</p>
--	--

τὸν οὐρανὸν καὶ θεμελιώσας αὐτὸν ἐν στερεώματι ἐπὶ τὸν νῶτον τῶν ἀνέμων, ὁ θεμελιώσας τὴν γῆν ἐπὶ τῶν ὑδάτων, ὁ θεὸς λίθους μεγάλους ἐπὶ τῆς ἀβύσσου τοῦ ὕδατος, καὶ οἱ λίθοι οὐ βυθισθήσονται ἀλλ' εἰσὶν ὡς φύλλα δρυὸς ἐπάνω τῶν ὑδάτων, καὶ <εἰσι> λίθοι ζῶντες, καὶ τῆς φωνῆς σου ἀκούουσι κύριε, καὶ φυλάσσουσι τὰς ἐντολάς σου ἅς ἐνετείλω αὐτοῖς, καὶ τὰ προστάγματα σου οὐ μὴ παραβαίνουσιν ἀλλ' εἰσὶν ἕως τέλους ποιοῦντες τὸ θέλημά σου.

1 Господи, Бог веков, Ты создал все и оживотворил, Ты даровал дыхание жизни всякому созданию Твоему, Ты незримое вынес на свет, 2 Ты сотворил сущее и видимое из невидимого и не сущего, Ты высоко поднял небо, основав его как твердь на спинах ветров, Ты основал землю на водах, Ты камни огромные водрузил на водную бездну, и камни эти не потонут <...> и камни эти – живые, и внимают голосу Твоему, Господи, и блюдут заповеди Твои, что Ты им заповедал, и законов Твоих никогда не преступают, но до конца исполняют волю Твою.

ὕπ' οὐρανὸν καὶ κύριος εἶ πάντων καὶ οὐκ ἔστιν ὃς ἀντιτάξεται σοι τῷ κυρίῳ.

Господи, Господи, Царю, Вседержителю! Все в Твоей власти, и нет противящегося Тебе, когда Ты захочешь спасти Израиля; Ты сотворил небо и землю и все дивное в поднебесной; Ты — Господь всех. И нет такого, кто воспротивился бы Тебе, Господу.

В обращении к Богу Асенет, как и Есфирь, говорит о нем как о творце мира: все мироздание блюдет заповеди его. Такое обращение к Богу — топика литературы Второго Храма (ср. Дан. 3:24–90; 9:4–19; Езд. 9:5–15; 1 Вар. 1:15–3:8). Однако из приведенных примеров только в Есф. и И&А сближены две темы — обе топические для молитв, но обычно существующие отдельно друг от друга: обращение к Богу как Творцу сущего в соединении с мыслью о покорности Богу всего им сотворенного, причем в И&А покорность присуща не только людям, но и камням, и всем неодушевленным частям мироздания.

Ποкаяние и молитва

И&Α 10:10 Καὶ ἔσπευσεν Ἀσενὲθ καὶ ἀπέθετο τὴν στολὴν αὐτῆς τὴν βασιλικὴν τὴν <βυσσίνην> καὶ χρυσοῦφην καὶ ἐνεδύσατο τὸν χιτῶνα <μελανόν> πένθους καὶ ἔλυσε τὴν ζώνην αὐτῆς τὴν χρυσοῦν καὶ περιεζώσατο σχοινίον καὶ ἀπέθετο τὴν κίδαριν ἐκ τῆς κεφαλῆς αὐτῆς καὶ τὸ διάδημα καὶ τὰ ψέλια ἀπὸ τῶν χειρῶν καὶ τῶν ποδῶν αὐτῆς καὶ ἔθηκε πάντα εἰς τὸ ἔδαφος. 11. καὶ ἔλαβε τὴν στολὴν αὐτῆς τὴν ἐκλεκτὴν καὶ τὴν ζώνην τὴν χρυσοῦν καὶ τὴν κίδαριν καὶ τὸ διάδημα καὶ ἔριψε <πάντα> διὰ τῆς θυρίδος τῆς βλεπούσης πρὸς βορρᾶν τοῖς πένησιν. <...> 14. καὶ ἔλυσε τὸ ἐμπλόκιον τοῦ τριχώματος τῆς κεφαλῆς αὐτῆς καὶ κατέλασε τέφραν ἐπάνω τῆς κεφαλῆς αὐτῆς <...> 11:12. τίς οἶδεν εἰ ὄψεται τὴν ταπεινώσιν μου καὶ ἐλεήσει με; <...> 17 καὶ τῷ ῥύφῳ τῆς ταπεινώσεώς μου, πῶς ἐγὼ ἀνοιξῶ τὸ στόμα μου πρὸς τὸν ὑψιστον; <...> 19. καὶ ἀνέβλεψε τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῆς εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ <ἤνοιξε> τὸ στόμα αὐτῆς πρὸς τὸν θεὸν καὶ εἶπεν...

И&Α 10:10. И тотчас сбросила Аснет свою ризу царскую из виссона золотканого и надела черный хитон плача, и распустила пояс свой золотой, и препоясалась веревкой, и сняла с головы высокий убор свой, и венец, и браслеты с рук и ног своих и на пол все положила. 11. И взяла она свою ризу прекрасную, и пояс золотой, и убор высокий, и венец, все бросила из окна, выходящего на север, — для бедных. <...> 14. И убранные волосы на голове своей она распустила и золою посыпала голову свою. <...> 11:12 Кто знает, быть может, призрит

Есф. 4:17 [11] καὶ Εσθηρ ἡ βασίλισσα κατέφυγεν ἐπὶ τὸν κύριον ἐν ἀγῶνι θανάτου κατελιμμένη καὶ ἀφελομένη τὰ ἰμάτια τῆς δόξης αὐτῆς ἐνεδύσατο ἰμάτια στενοχωρίας καὶ πένθους καὶ ἀντὶ τῶν ὑπερηφάνων ἡδυσμάτων σποδοῦ καὶ κοπριῶν ἔπλησεν τὴν κεφαλὴν αὐτῆς καὶ τὸ σῶμα αὐτῆς ἐταπεινώσεν σφόδρα καὶ πάντα τόπον κόσμου ἀγαλλιάματος αὐτῆς ἔπλησε στρεπτῶν τριχῶν αὐτῆς καὶ εἶδετο κυρίου θεοῦ Ἰσραηλ καὶ εἶπεν...

И царица Есфирь прибегла ко Господу, объятая смертной горестью, и, сняв одежды славы своей, облеклась в одежды скорби и сетования, и, вместо драгоценных мастей, пеплом и прахом посыпала голову свою, и весьма изнурила тело свое, и всякое место, украшаемое в веселии ее, покрыла распущенными волосами своими, и молилась Господу Богу Израилеву, говоря....

Он на покаяние моё? <...> 17. В грязи покаяния моего, как отворить мне уста ко Всевышнему? <...> 19. И возвела очи свои к небу, и отворила уста свои к Господу и сказала...	
---	--

Обе книги описывают ритуал покаяния, который сопутствует отчаянной мольбе, потому что героини осмыслиют свое несчастье как собственную вину. Хотя сами действия — распускание волос в знак скорби и покаяния и облачение во власяницу, посыпание головы золой и грязью, умерщвление плоти — все относятся к топике покаяния и/или траура, особая подробность и детальность отличает только эти два памятника. И две детали связывают прежде всего именно эти тексты: сначала рассказывается о великолепном одеянии и уборе, а затем о том, как все это совлекается, чтобы облачиться в одежду покаяния. Сначала было в подробностях рассказано, как они великолепно одеты. И вот контраст. Скажем, в Книге Иудифи 9:1 сказано только: «А Иудифь пала на лице, посыпала голову свою пеплом и сбросила с себя вретисце, в которое была одета». Она и прежде носила вдовьи одежды, создается впечатление, что она остается нагой. А потом она наряжается для соблазнения Олоферна. Распускание волос — топика покаяния, но в Есфири сказано, что она вся была покрыта своими волосами, и о волосах Асенет также говорится подробно, поэтому мы усматриваем здесь не только сходство описания обряда, но и литературную зависимость. И в Есф. и в И&А в ответ на покаяние героини совершается чудо.

Язычники признают единого Бога евреев

<p>И&А 11:10 Асенет: ἀλλ' ἀκήκοα πολλῶν λεγόντων ὅτι ὁ θεὸς τῶν Ἑβραίων θεὸς ἀληθινὸς καὶ θεὸς ζῶν.</p> <p>Но слыхала я, как многие говорили, что Бог евреев есть Бог истинный, и Бог живой.</p> <p>И&А 8:11 Иосиф: καὶ συγκαταρίθμησον αὐτήν τῷ λαῷ</p>	<p>Есф. 6:13 καὶ διηγήσατο Ἀμαν τὰ συμβεβηκότα αὐτῷ Ζωσαρα τῇ γυναικὶ αὐτοῦ καὶ τοῖς φίλοις καὶ εἶπαν πρὸς αὐτὸν οἱ φίλοι καὶ ἡ γυνὴ εἰ ἐκ γένους Ἰουδαίων Μαρδοχαῖος ἦρξαι ταπεινοῦσθαι ἐνώπιον αὐτοῦ πεσὼν πεσῆ οὐ μὴ δύνη αὐτὸν ἀμύνασθαι ὅτι θεὸς ζῶν μετ' αὐτοῦ.</p> <p>Аман рассказал своей жене Зерешь и всем друзьям, что с ним приключилось. И ответили ему мудрецы и жена его Зерешь: если</p>
--	--

<p>σου ὃν ἐξελεξω πρὶν γενέσθαι τὰ πάντα. и причисли ее к народу Твоему, прежде сотворения мира избранному Тобой.</p> <p>И&А 12:15 τὰ δὲ δώματα τῆς κληρονομίας σου, κύριε, ἄφθαρτά εἰσι καὶ αἰώνια. А дары Твоего наследства, Господи, нетленны и вечны.</p>	<p>этот Мардохей, из-за которого началось твое падение, родом из евреев, то не одолеешь ты его, падешь ты перед ним, ибо с ним <i>Бог живой!</i></p> <p>Есф. 4:17 [13] ἐγὼ ἤκουον ἐκ γενετῆς μου ἐν φυλῇ πατριᾶς μου ὅτι σύ κύριε ἔλαβες τὸν Ἰσραὴλ ἐκ πάντων τῶν ἔθνῶν καὶ τοὺς πατέρας ἡμῶν ἐκ πάντων τῶν προγόνων αὐτῶν εἰς κληρονομίαν αἰώνιον καὶ ἐποίησας αὐτοῖς ὅσα ἐλάλησας.</p> <p>Я слышала, Господи, от отца моего в колене моем, что ты, Господи, избрал Себе Израиля из всех народов и отцов наших из всех предков их в наследие вечное, и сделал для них то, о чем говорил им.</p>
---	--

И Асенет, и персидские мудрецы вместе с женой Амана, наделяют Бога евреев эпитетом «живой». Этот эпитет противостоит представлению евреев о мертвых идолах язычников. Когда «Бог живой» говорят язычники, сакральная топика становится хвалой Богу из уст иноверца — а это уже более редкая вещь. Так, египетский царь называет языческие храмы мерзостью (3 Макк. 2:18). Соблюдая перспективу правильного именованья с иудейской позиции, язычник как бы против своей воли хвалит Бога.

<p>И. Нав. 3:10 ἐν τούτῳ γνώσεσθε ὅτι θεὸς ζῶν ἐν ὑμῖν καὶ ὀλεθρεύων ὀλεθρεύσει ἀπὸ προσώπου ἡμῶν τὸν Χανααῖον καὶ τὸν Χетταῖον καὶ τὸν Φερεζαῖον καὶ τὸν Εὐαῖον καὶ τὸν Αμορραῖον καὶ τὸν Γεργεσαῖον καὶ τὸν Ἰεβουσαῖον.</p>	<p>И. Нав. 3:10 И сказал Иисус: из сего узнаете, что среди вас есть Бог живой, Который прогонит от вас Хананеев и Хеттеев, и Евеев, и Ферезеев, и Гергесеев, и Аморреев, и Иевусеев.</p>
<p>Иудифь 2:12 ὅτι ζῶν ἐγὼ καὶ τὸ κράτος τῆς βασιλείας μου λελάληκα καὶ ποιήσω ταῦτα ἐν χειρὶ μου.</p>	<p>Иудифь 2:12 Ибо жив я, — и крепко царство мое: что сказал, то сделаю моею рукою.</p>
<p>2 Макк. 15:4 τῶν δ' ἀποφνημαμένων ἔστιν ὁ κύριος ζῶν αὐτὸς ἐν οὐρανῷ δυνάστης ὁ κελεύσας ἀσκεῖν τὴν ἑβδομάδα).</p>	<p>2 Макк. 15:4 Они ответили: «Да, это сам Господь Живой, Властелин на небе, Он приказал отмечать седьмой день».</p>

Сир. 18:1 ὁ ζῶν εἰς τὸν αἰῶνα ἔκτισεν τὰ πάντα κοινῇ.	Сир. 18:1 Все вообще создал Бог Живущий во веки.
Дан. (Феод.) 14:6 καὶ εἶπεν αὐτῷ ὁ βασιλεὺς οὐ δοκεῖ σοι Βηλ εἶναι ζῶν θεός ἢ οὐχ ὀρᾶς ὅσα ἐσθίει καὶ πίνει καθ' ἐκάστην ἡμέραν.	Дан. (Феод.) 14:6 И спросил у него царь: не думает он, что Бэл бог живой и не замечает он, сколько он ест и пьет каждый день.
Дан. (Феод.) 14:24 καὶ εἶπεν ὁ βασιλεὺς τῷ Δανιηλ οὐ δύνασαι εἰπεῖν ὅτι οὐκ ἔστιν οὗτος θεὸς ζῶν καὶ προσκύνησον αὐτῷ.	Дан. (Феод.) 14:24 И спросил царь у Даниила может ли он сказать, что не этот бог живой и поклониться ему.
Дан. (Феод.) 14:25 καὶ εἶπεν Δανιηλ κυρίῳ τῷ θεῷ μου προσκυνήσω ὅτι οὗτός ἐστιν θεὸς ζῶν σὺ δὲ βασιλεῦ δός μοι ἐξουσίαν καὶ ἀποκτενῶ τὸν δράκοντα ἄνευ μαχαίρας καὶ ῥάβδου.	Дан. (Феод.) 14:25 И сказал Даниил Господу Богу моему: я поклонюсь, потому что он Бог живой и ты, царь, позволь мне и я убью дракона без меча и дубины (голыми руками).
Дан. 6:27 πάντες οἱ ἄνθρωποι οἱ ὄντες ἐν τῇ βασιλείᾳ μου ἔστρωσαν προσκυνοῦντες καὶ λατρεύοντες τῷ θεῷ τοῦ Δανιηλ αὐτὸς γάρ ἐστι θεὸς μένων καὶ ζῶν εἰς γενεὰς γενεῶν ἕως τοῦ αἰῶνος.	Дан. 6:26 Мною дается повеление, чтобы во всякой области царства моего трепетали и благоговели пред Богом Данииловым, потому что Он есть Бог живой и присносуший, и царство Его несокруσιμο, и владычество Его бесконечно.

Асенет, как и Есфирь, слышала о Боге Израиля

(см. выше: И&А 11:10 и Есф. 4:17 [13])

Если Есфирь ссылается на родное предание, то откуда слышала о Боге Израиля Асенет, запертая в своей башне? У трагика Иезекииля в «Исходе» говорится о том, откуда воспитанный в Египте Моисей узнал отеческое предание — от кормилицы, под видом которой его воспитывала родная мать (ст. 32–35). Можно думать, что перед нами мотив литературы диаспоры, чувствительной к сохранению отеческой традиции, коль скоро в рассеянии она находится под угрозой. Нам представляется, что здесь также присутствует мотив передачи традиции. О ней говорит и Есфирь, и в 4 Макк. мать рассказывает, как учил Писанию ее детей их покойный отец, но в И&А мотив традиции парадоксально применяется к прозелиту. Традиция не передается ей от матери или отца, Асенет получает все свое знание благодаря вспыхнувшей в ней любви к Иосифу. Однако событие это, как и мироустроющий брак Иосифа и Асенет, запланировано в божественной «иконо-

мии», о чем впоследствии говорится прямым текстом. Так что здесь присутствует богословие спасения мира через обращение египетской жрицы, а в Есф. такого богословского и космического масштаба нет.

Кажется, что и Есфирь и Асенет говорят об одном и том же, о вечном наследии. Но если в одном случае ясно, что речь идет об уделе Бога — народе Израиля, то во втором нельзя с уверенностью сказать, о чем идет речь. Асенет еще не стала частью народа Израиля, она не может говорить о земле Израиля как о вечном наделе. Нетленные дары, которые противопоставляются дарам или «домам» Пентефрея — непреходящие плоды обращения в истинную веру. В контексте прочих противопоставлений мы считаем возможным усмотреть здесь сознательное сопоставительное противопоставление, возможно, обращенное ко всей библейской концепции наследия.

Противник как лев

<p>И&А 12:9 Ἴδου γὰρ ὁ λέων ὁ ἄγριος ὁ παλαιὸς καταδιώκει με καὶ τὰ τέκνα αὐτοῦ εἰσιν οἱ θεοὶ τῶν Αἰγυπτίων.</p> <p>Ибо се <i>лев</i> лютый, древний преследует меня; это он отец богов египетских.</p>	<p>Есф. 4:17 [19] δὸς λόγον εὐρυθμον εἰς τὸ στόμα μου ἐνώπιον τοῦ λέοντος καὶ μετάθες τὴν καρδίαν αὐτοῦ εἰς μῖσος τοῦ πολεμοῦντος ἡμᾶς εἰς συντέλειαν αὐτοῦ καὶ τῶν ὁμοούωντων αὐτῷ.</p> <p>Даруй устам моим слово благоприятное перед этим <i>львом</i>, исполни сердце его ненавистью к преследующему нас на погибель ему и единомышленникам его.</p>
<p>Пс. 7:3 μήποτε ἀρπάσῃ ὡς λέων τὴν ψυχὴν μου μὴ ὄντος λυτρομένου μηδὲ σώζοντος.</p>	<p>Пс. 7:3 да не исторгнет он, подобно льву, души моей, терзая, когда нет избавляющего.</p>
<p>Пс. 9:30 ἐνεδρεῦει ἐν ἀποκρύφῳ ὡς λέων ἐν τῇ μάνδρᾳ αὐτοῦ ἐνεδρεῦει τοῦ ἀρπάσαι πτωχὸν ἀρπάσαι πτωχὸν ἐν τῷ ἐλκύσαι αὐτόν.</p>	<p>Пс. 9:30 подстерегает в потаенном месте, как лев в логовище; подстерегает в засаде, чтобы схватить бедного; хватает бедного, увлекая в сети свои.</p>
<p>Пс. 16:12 ὑπέλαβόν με ὡσεὶ λέων ἔτοιμος εἰς θήραν καὶ ὡσεὶ σκύμνος οἰκῶν ἐν ἀποκρύφῳ.</p>	<p>Пс. 16:12 они подобны льву, жаждущему добычи, подобны скимну, сидящему в местах скрытных.</p>
<p>Пс. 21:14 ἦνοιξαν ἐπ' ἐμέ τὸ στόμα αὐτῶν ὡς λέων ὁ ἀρπάζων καὶ ὠρόμενος.</p>	<p>Пс. 21:14 раскрыли на меня пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий.</p>

В покаянном псалме Аснет персонифицирует зло в образе преследующего ее льва. Лев — традиционный образ врага в псалмах. Лев присутствует в молитве Есфири, но она именуется львом своего грозного супруга, Артаксеркса. Это снова противительное сопоставление, использование тропа, которое дает специфический эффект особенно если сопоставить сцену, где Есфирь не решается подойти к супругу, ибо это может стоить ей жизни, но он милостиво разрешает ей подойти, и сцену, когда Иосиф говорит Аснет: «что стоишь поодаль, дева чистая, подойди сюда», и они обнимаются и целуются (19:8–11).

Весело глядя в лицо опасности

И&А 23:10 Καί εἶπε Λευὶς τῷ υἱῷ Φαραὼ μετὰ παρησίας ἰλαρῶ προσώπῳ...	Есф. 5:1 [2] καὶ αὐτὴ ἐρυθριῶσα ἀκμῇ κάλλους αὐτῆς καὶ τὸ πρόσωπον αὐτῆς ἰλαρόν ὡς προσφιλές ἢ δὲ καρδία αὐτῆς ἀπεστενωμένη ἀπὸ τοῦ φόβου.
И сказал Левий сыну Фараону открыто, <i>весело глядя</i> на него.	Она была прекрасна во цвете красоты своей, и <i>лицо ее радостно</i> , как бы исполненное любви, но сердце ее было стеснено от страха.

Оборот ἰλαρῶ προσώπῳ (И&А 23:10) имеет всего три соответствия в Ветхом Завете: одно в Книге Есфири (τὸ πρόσωπον αὐτῆς ἰλαρόν, Есф. 5:1 [2]) и два других — в Премудрости Иисуса сына Сирахова (πρόσωπον ἰλαρόν, Сир. 13:26 и 26:4). Однако связь с Есфирью гораздо более тесная, потому что в обоих случаях речь идет о том, что сильнейшую внутреннюю эмоцию герой скрывает за безмятежным обликом. Мы считаем, что здесь можно предполагать непосредственную аллюзию к Есфири.

Сир. 13:26 ἶχνος καρδίας ἐν ἀγαθοῖς πρόσωπον ἰλαρόν καὶ εὐρεσις παραβολῶν διαλογισμοὶ μετὰ κόπων.	Сир. 13:32 Признак сердца в счастье — <i>лицо веселое</i> , а изобретение притчей соединено с напряженным размышлением.
Сир. 26:4 πλουσίου δὲ καὶ πτωχοῦ καρδία ἀγαθὴ ἐν παντὶ καιρῷ πρόσωπον ἰλαρόν.	Сир. 26:4 с нею у богатого и бедного — сердце довольное и <i>лице</i> во всякое время <i>веселое</i> .

Заключение

Значительная часть наших параллелей группируется вокруг главных персонажей «Есфири» и «Иосиф и Асенет»: соответственно вокруг Есфири и Мардохея и Асенет и Иосифа. Из 24-х параллелей 20 приходится на пространное добавление к ст. 4:17, где помещаются молитвы Мардохея и Есфири, а в молитвах И&А сосредоточено наибольшее число молитвенных топосов, характерных для литературы Второго Храма.

Оба памятника используют общий набор образов и символов Второго Храма, однако описание облачений Иосифа и Мардохея, как и изображение чертогов Асенет и Есфири, не только сходны, но при этом и достаточно исключительны.

Несколько параллелей очень выразительны. Это уникальное словосочетание «архонт сатрапов», маркирующее начала как Книги Есфири, так и И&А, и редкое выражение «с ясным лицом», которое помещено в начале второй части И&А. Эти параллели мы считаем сознательными литературными аллюзиями. Многие топосы используются не бездумно, а либо с каким-то неожиданным поворотом, либо даже как бы с обратным знаком. Особенный интерес представляют слова о вечном наследии, которое в И&А, возможно, получает несколько иное измерение, связанное с землей Иосифа. Ониаты мыслят себя пришедшими в подлинно обетованную землю и место для духовного обращения к истинному Богу всего человечества; там предполагается царствование Бога, царство Божие в метрополии, в которую превратится в будущем Асенет (Piotrkowski 2019: 300–301; Braginskaya 2005: 36–37).

Есть серьезное «противительное» различие в общей перспективе этих двух книг: и Асенет, и Есфирь просят Бога о милости; Есфирь, рискуя, как и Иудифь, собой, и даже оскверняя себя, спасает евреев, Асенет просит о спасении себя от скверны, а спасает всех прозелитов.

Нам остается сказать, что рассмотрение литературной стратегии автора И&А приводит к мысли о мастерстве и изощренности автора И&А, глубоком знатоке всего Священного Писания. Он не пользуется бессознательно языком Септуагинты, но оттачивает его как язык литературный, гибкий и выразительный, лишенный грамматических варваризмов, но синтаксически бесспорно указывающий на свой образец —

Библию. Повесть И&А не для профанов. Предполагается, что потенциальный читатель знает Книгу Бытия наизусть и понимает аллюзии, отсылающие к ней, и то, как автор играет с топикой, преобразая ее в своих целях. Здесь зарождается переосмысление традиционного священного текста, мидрашистские принципы, но они находятся в рамках создания поэтического и символического повествования, чего почти не будет позже в собственно мидрашах.

Мы полагаем также, что, помимо языковых и стилистических заимствований из Септуагинты, иудео-эллинистическая литература опиралась на Греческую Библию как источник образов, соотнесение с которым, намек на который, использование каких-то его фрагментов идет создаваемой книге на благо. Подобная опора на свехреферентный источник, авторитетный не только и, может быть, не столько в литературном отношении, но влияющий на всю ткань новосозданной книги, может иметь разные степени от почти центона до отдельных меток-отсылок.

Нам представляется, что автор И&А не просто писал языком, которым «вообще писали» в его (не совсем ясно в какое именно) время. Он сочинял текст, достойный дополнить и продолжить Библию, как и разноязыкие книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, 1 Маккавейская, Иудифь, Даниил и др. Он пользовался не языком Библии, *но самой Библией* как литературным источником, отсылая к тем книгам и контекстам Библии, которые важны для автора повести в литературном и идейном отношении.

P. S. Колофон о колофоне

В дополнение к литературной контекстуализации апокрифа И&А мы выскажем здесь гипотезу, которая касается его исторического контекста и требует тщательной дальнейшей проверки тем более, что она вступает в противоречие с Э. Бикерманом, а именно с его датировкой колофона к греческой Есфири. Мы выскажем здесь свои предварительные соображения, потому что они, как кажется, проливают свет и на исключительный интерес автора И&А к Есф.

В колофоне сказано, что «послание о Пуриме» было переведено на греческий язык жителем Иерусалима Лисимахом,

сыном Птолемея, а этот Птолемей вместе со своим отцом священником Досифеем привез его, очевидно, в Египет, в Александрию, так как событие датируется четвертым годом *царствования Птолемея и Клеопатры*.

Бикерман считал документ историческим и датировал его исходя из того, что Птолемей XII Авлет на четвертом году своего царствования был женат на Клеопатре V Трифене, соответственно доставка греческой Есф. в Египет произошла в 78/77 гг. до н. э. (Bickerman 1944). Мы тоже считаем колофон историческим документом, не видя в нем никаких примет документа сомнительного или подложного. Колофон Есф. краткий и неуклюжий, он опирается на фоновое знание адресатов, в частности и о том, какие именно Птолемей и Клеопатра правят в тот момент в Александрии. Это ничем не напоминает вымышленный документ: вымышленные стремятся быть понятными однозначно. Содержательно колофон только повторяет главу 9, в которой речь идет об установлении празднования Пурима и о том, как царица Есфирь и Мардохей написали иудеям, чтобы те исполняли «это новое письмо о Пуриме» (9:29). Настала пора исполнять его и в египетской диаспоре.

Если обсуждать этот колофон как исторический документ, то на четвертом году своего царствования и другой Птолемей был женат на другой Клеопатре и даже на двух Клеопатрах. И этот другой Птолемей, в отличие от Птолемея XII Авлета, жил в эпоху воцарения династии Хасмонеев, создания храма Онии и других важных событий еврейской истории. Птолемей VIII, младший брат Птолемея VI, считал себя царем Египта со своего совершеннолетия в 170 г., но на самом деле царем Египта (а не Киренаики и/или Кипра) он стал только в 145 г. после внезапной смерти благоволившего евреям старшего брата. Женившись на вдове Птолемея VI, собственной сестре Клеопатре II, Птолемей VIII занял египетский престол. Четвертый год его царствования в браке с Клеопатрой II приходится на 142/141 г. В том же году он женился на дочери Клеопатры II и Птолемея VI Клеопатре III (обе оставались соправительницами как Клеопатра Сестра и Клеопатра Супруга).

Среди эллинистических евреев Досифеев также было немало, важной фигурой при дворе Птолемея VI и Клеопатры II был соратник Онии IV по имени Досифей. Царский дом доверил этому Досифею ведение дел, а когда в 145 г. царь

погиб, он, как и Ония (а позднее сыновья Онии), помогал Клеопатре II в ее периодических столкновениях с братом, деверем, мужем и, наконец, зятем в одном лице (Иосиф Флавий, Против Апиона II, 49). Мы предполагаем, что именно этот Досифей, в эту пору уже старик (дед взрослого Лисимаха), вместе с сыном привез в Александрию выполненный внуком греческий перевод Есфири, и даже, что именно в его окружении, Гелиопольском или Александрийском, нашелся человек, которого история Есфири вдохновила и взволновала. Иными словами, автор И&А мог быть читателем греческой Есфири, которую привез в Египет один из руководителей еврейского поселения Онии — Досифей.

Отправка книги в Египет по времени совпадает со временем признания Селевкидами независимости Иудеи. Тогда же иерусалимские евреи отправили в Египет Послание с предложением праздновать Хануку. Это Послание состоит из Письма евреям Египта с цитатами из давнего письма Иуды Маккавея времен первой Хануки с предложением праздновать этот праздник вместе с Иудеей, переведенного на греческий, и написанными по-гречески рассказом об освящении алтаря Второго Храма и приложенной к этим документам Второй Маккавейской книгой. По нашему мнению, Д. Шварц полностью доказал, что комплект был создан в 143/142 (Schwarz 2008: 520–529; Braginskaya 2013). Послание о Пуриме тоже составное: нарратив книги Есфирь и колофон для египетских евреев отправлены с аналогичной целью по тому же «адресу».

Соответственно, в отличие от Э. Бикермана, мы датируем предложение евреям диаспоры праздновать Пурим примерно тем же временем, что и предложение евреям диаспоры праздновать Хануку.

Греческая Есфирь становится, таким образом, в ряд с другой попыткой иудеев Иерусалима наладить в переломный момент истории Иудеи общение между Иерусалимом и египетской диаспорой в Александрии и, вероятно, в поселении Онии, где находился тогда еще один храм единому Богу Израиля, законный первосвященник и происходило богослужение. Так, пристальный интерес автора «Иосиф и Асенет» к греческой Книге Есфири получает более определенный исторический контекст. Досифей привез книгу в общину Онии, и в ответ анонимный поборник небесного Града — убежища для всего

человечества, где царствовать будет сам Господь⁹, — предложил свой вариант «образа жизни в диаспоре»: не победу над язычниками, но обращение их к Богу Израиля.

Н. В. Брагинская

Литература

- Bickerman, E. J. 1944: The Colophon of the Greek Book of Esther. *Journal of Biblical Literature*. Vol. 63. N 4, 339–362.
- Bickerman, E. 1985: *Gosudarstvo Selevkidov [Seleucid State]*. Moscow: Nauka.
- Бикерман, Э. 1985: *Государство Селевкидов* / отв. ред. И.С. Свенцицкая; пер. с фр. Л.М. Глускиной. М.: Наука.
- Bickerman, E. J. 1967: *Four Strange Books of the Bible*. New York: Schocken.
- Bohak, Gideon. 1994: Aseneth's Honeycomb and Onias' Temple: The Key to Joseph and Aseneth? In: *Proceedings of the Eleventh World Congress of Jewish Studies*. Jerusalem: Division A, 163–170.
- Bohak, Gideon. 1996: *Joseph and Aseneth and the Jewish Temple in Heliopolis* (Society of Biblical Literature: Early Judaism and Its Literature 10). Atlanta, Georgia: Scholars Press.
- Braginskaya, N. V. 2005: Polemika vokrug hrama Onii i ispravlenie prorochestva: Isaya 19:18 [Controversy around the temple of Onias and correction of the prophecy: Isaiah 19:18]. In: *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* IX. St. Petersburg: Nauka, 32–38.
- Брагинская, Н. В. 2005: Полемика вокруг храма Онии и исправление пророчества: Исая, 19:18. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, IX / отв. ред. Н. Н. Казанский. Санкт-Петербург: Наука, 32–38.
- Braginskaya, N. V. Kasyan M.S., Pisyakov V.V. Shmaina-Velikanova A.I. 2010: "Iosif i Asenet". Perevod s drevnegrecheskogo [Joseph and Aseneth'. 92-131. Translation from ancient Greek]. In: *Arbor mundi* 17. M: RGGU, 92-131.
- Брагинская Н.В., Касьян М.С., Писляков В.В., Шмаина-Великанова А.И. 2010: "Иосиф и Асенет". Перевод с древнегреческого. *Arbor mundi* 17. М: Изд. РГГУ, 92-131.
- Braginskaya, N. V. 2011: ["Joseph and Aseneth"]. *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 26. Moscow: "Orthodox Encyclopedia", 34–40.

---

⁹ 19:5: «А имя твое будет не Асенет, а Град убежища, и Господь Бог на вечное время воцарится над многими народами, ибо многие народы найдут в тебе убежище у Господа Бога Всевышнего».

- Брагинская, Н. В. 2011: «Иосиф и Асенефа». *Православная энциклопедия* / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Том 26. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 34–40.
- Braginskaya, N. V. 2013: [When was the Second Book of Maccabees written?]. In: *Institutionis Conditori: Ilya Sergeevich Smirnov* (Orientalia et Classica. Issue L). Moscow: RSUH, 43–61.
- Брагинская, Н. В. 2013: Когда написана Вторая Маккавейская Книга? В сб.: *Institutionis Conditori: Илье Сергеевичу Смирнову* (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности, Выпуск L). М.: РГГУ, 43–61.
- Burchard, Christoph. 2003: *Joseph and Aseneth: kritisch herausgegeben von Christoph Burchard mit Unterstützung von Carsten Burfeind und Uta Barbara Fink* (Pseudepigrapha Veteris Testamenti Graece 5). Leiden: Brill.
- Bush, Fredric W. 1996: *Ruth, Esther* (Word Biblical Commentary. Vol. 9). Dallas: Word, Incorporated.
- Butting, Klara. 1999: Esther: A New Interpretation of the Joseph Story in the Fight against Anti-semitism and Sexism”. In: Brenner, Athalya, ed., *Ruth and Esther. A Feminist Companion to the Bible* (Second Series 2). Sheffield: Sheffield Academic Press, 239–249.
- Delamarter, S. 2002: *A Scripture Index to Charlesworth's the Old Testament Pseudepigrapha. With a Contribution by James H. Charlesworth*. London; New York: Sheffield Academic Press.
- Mikhailova, T.A. 2009: [‘Joseph and Aseneth’ and ‘The Book of Judith’: the problem of dating]. In: *Ot Biblii do postmoderna. Stat'i po istorii evrejskoj kul'tury* [From the Bible to postmodernity. Articles on the history of Jewish culture]. Moscow, 221–233.
- Михайлова, Т. А. 2009: «Иосиф и Асенеф» и «Книга Иудифи»: проблема датировки. В сб.: *От Библии до постмодерна. Статьи по истории еврейской культуры*. М. 2009. С. 221–233.
- Mikhailova, T. A. 2011: *Sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz "Iosifa i Asenet" i "Knigi Iudifi": problema literaturnoj zavisimosti i idejnoj polemiki: dissertaciya kandidata filologicheskikh nauk* [Comparative analysis of “Joseph and Asenath” and “The Book of Judith”: the literary dependency problem]. Dissertation. Moscow.
- Михайлова, Т. А. 2011: *Сравнительно-сопоставительный анализ «Иосифа и Асенеф» и «Книги Иудифи»: проблема литературной зависимости и идейной полемики*: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.14. Москва.
- Moore, C. A. 1965: *The Greek Text of Esther*. Ann Arbor, MI: University Microfilms.
- Moore, Carey A. 1992: Esther, Book of. In: Freedman, David Noel, ed. *The Anchor Bible Dictionary*. Vol. 2. New York: Doubleday, 633–643.
- Piotrkowski, Meron M. 2019: *Priests in Exile. The History of the Temple of Onias and Its Community in the Hellenistic Period* (Studia Judaica. Band 106: Rethinking Diaspora. Vol 4). Berlin; Boston: de Gruyter.

- Schwarz, Daniel R. 2008: *2 Maccabees* (Commentaries on Early Jewish Literature). Berlin: de Gruyter.
- Shmaina-Velikanova, A. I., Braginskaya, N. V. 2010: [Joachim: historical person and character]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*]. No. 2, 450–466.
- Шмаина-Великанова, А. И., Брагинская, Н. В. 2010: Иоаким: историческое лицо и персонаж. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. №2, 450–466.
- Smith-Christopher, D. 1994: The Mixed Marriage Crisis in Ezra 9–10 and Nehemiah 13: A Study of the Sociology of the Post-Exilic Judean Community. In: *Second Temple Studies. Vol. 2: Temple Community in the Persian Period*. Sheffield: JSOT Press, 243–265.
- Zenger, Erich, ed. 2008: *Vvedenie v Vethij Zavet* [*Introduction to the Old Testament*]. Moscow: BBI.
- Ценгер, Эрих, ред. 2008: *Введение в Ветхий Завет*. М.: ББИ.

А. Ю. Братухин

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия. Bratucho@yandex.ru

ОПТИКА КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО (СВЕТ И ЦВЕТ ГЛАЗАМИ ДОНИКЕЙСКОГО АВТОРА)

В статье исследуется восприятие Климентом Александрийским некоторых цветов и использование им образов света и тьмы для раскрытия своего учения о гнозисе. По Клименту, мрак Синайской горы — это невежество толпы, связанное с неспособностью смертных зрачков воспринимать подлинный свет. При крещении чистые, смешавшись со Святым Духом, сами становятся зрачком и светом. Бог не может быть познан человеческой мудростью, однако знание, «несмешанный свет», может быть созерцаемым очищенным зрачком праведников.

Ключевые слова: Климент Александрийский, раннее христианство, цвет, свет, Филон Александрийский.

A. Yu. Bratukhin

Perm' State National Research University, Perm', Russia. Bratucho@yandex.ru

The optics of Clement of Alexandria (light and color through the eyes of an Ante-Nicene author)

The article examines Clement of Alexandria's perception of certain colors (white, red, black and others), as well as his use of images of light and darkness to reveal his doctrine of gnosis and the unknowability of God. For Philo, the darkness in which God dwelt is the invisible and unseen and incorporeal paradigmatic essence of existence (τῶν ὄντων παραδειγματικὴν οὐσίαν). Clement, practically quoting Philo, writes that the darkness (γνόφος) of Mount Sinai is the unbelief and ignorance (ἄγνοια) of the majority, associated with the inability of the pupils of a mortal eye to perceive true light. Thus, Clement establishes a connection between the quality of the pupil (the apple of the eye) and the ability to see the truth. According to Clement, the pupil can see the divine under the condition of being freed from sins: at baptism, the pure ones acquire a radiant eye and, mingling with the Holy Spirit, they themselves become the pupil and even the light itself (φῶς), because the ancients called man φῶς. Philo likened the Word of God to the pupil. So, according to Clement of Alexandria, on the one hand, God (the divine essence?) cannot be known by human wisdom (οὐποτε ἀνθρώπινῃ σοφίᾳ γνωσθήσεσθαι τὸν θεόν); on the other hand, knowledge, “unmixed light” (uncreated energy?) can be contem-

plated by the purified pupil of the righteous, whilst for most people, the “holy logoi” are dark. Divine truth can be characterized as both darkness and light, depending on the subject contemplating it. Color as an accident can be different for the same substance. Despite this, the colors in Clement’s view are symbolic, and “truth, like the sun, illuminating the colors both white and black, shows what each of them is.” In the story of the curtain in the Temple, Clement follows Philo, but changes the color of the air from black (μέλας) to dark (ζοφώδης), probably under the influence of Pindar, Pseudo-Aristotle and/or Galen.

Keywords: Clement of Alexandria, early Christianity, color, light, Philo of Alexandria.

В древнегреческой литературе цвета, которыми наделяются некоторые предметы и люди, иногда кажутся нам неподходящими, на первый взгляд, для тех атрибутами. Влюблённая Саффо становится «зеленой травой» (χλωροτέρα δὲ ποίαν) (Bergk, 31LP/2D), у нас девушки в подобных случаях вслед за Татьяной Лариной, чьи «<...> ланиты мгновенным пламенем покрыты», обычно краснеют. «<Бледно-зелёный ужас>» (χλωρὸν δέος) охватывает гомеровских героев (Н, 479; Θ, 77; Ρ, 67; λ, 43, 633; μ, 243; χ, 42; ω, 450, 533), в то время как пушкинский Гирей в «Бахчисарайском фонтане» «бледнеет, будто полный страха».

Очевидно, для древних греков при выборе цвета для описания лиц и вещей были важны иные их характеристики, чем для наших современников. В рецензии на книгу Элеоноры Ирвин «Colour Terms in Greek Poetry» (Toronto: Nakkert, 1974. 242 p.) Жак Шамп пишет: «Вода может быть как белой, так и чёрной: в одном случае она чистая и спокойная, в другом — глубокая, загадочная и волнующаяся. Короче говоря, у греков яркость предмета, по-видимому, имела большее значение, чем, например, сам цвет (l'éclat d'un objet semble avoir eu plus d'importance que, par exemple, la teinte proprement dite). Так, в древние времена у них не было термина для обозначения зеленого и синего, но они были более чувствительны к блеску и мерцанию вещей (au brillant et au miroitement des choses)» (Scham 1975: 994). У Алкмана чудовища спят в глубинах «багряного моря» (ἐν βένθεσσι πορφυρέας ἄλος (Fr. 89), а пушкинский старик пустил золотую рыбку «в синее море». Итальянская исследовательница Мария Микела Сасси утверждает, что «porphureos не только не соответствует какому-либо определенному оттенку, поскольку находится на границе между красным и синим (в ньютоновских терминах), но и часто применяется к объектам, которые не кажутся прямо “фиолетовыми”, как в случае с морем. <...> Когда море называется porphureos, то описывается смесь яркости и движения, меняющаяся в зависимости от условий освещения в разное время дня и при разной погоде <...>».

Porphureos передает это сочетание яркости и движения — хроматический термин, который невозможно понять без учета эффекта мерцания (*porphureos conveys this combination of brightness and movement — a chromatic term impossible to understand without considering the glimmer effect*)» (Sassi 2017). Ранее подобная точка зрения была высказана Эдмундом Феккенштедтом: «Таким образом, фиолетовый изначально является мерцанием цвета» (*Purpur ist also ursprünglich der Schimmer der Farbe <...>*) (Veckenstedt 1888: 90). Новозеландский филолог-классик Питер Гейнсфорд пишет: «Английский ‘blue’ охватывает огромную область палитры. Греческий делит его на несколько более мелких областей: *glaukos* — для более светлых, неярких оттенков (*non-vivid shades*); *kyaneos* для более темных, неярких оттенков, вплоть до черного; *porphureos* для ярких оттенков (*vivid shades*) от синего до фиолетового и рубинового, а также для менее ярких оттенков в середине этого диапазона (светло-пурпурный, розовый)¹; *lampros* для металлически серебристой лазури» (Gainsfrod 2020). В связи с этими особенностями в восприятии цветов представляется интересным рассмотреть, как первый александрийский христианский автор использовал в своих сочинениях некоторые из них, а также свет и тьму в богословском контексте.

Элементы учения о нетварном свете, в совершенстве разработанные в XIV в. свт. Григорием Паламой, присутствуют и в сочинениях Климента Александрийского. Корни этого учения мы обнаруживаем в Библии. В Псалме было сказано: «Во свете Твоем узрим свет» (*ἐν τῷ φωτί σου ὀψόμεθα φῶς*) (35:10). Христос называет Себя светом миру (*Ин.* 8:12). Некоторые христианские авторы, например, свт. Григорий Нисский (*Lampe* 1961: 317), говоря о «неприступном свете» (1 Тим. 6:16), используют вслед за книгой «Исход» термин мрак (*γνόφος*): «были звуки и молнии и облако тёмное (*νεφέλη γνοφώδης*, в оригинале — *וענן כבד*, *a cloud charged with rain* (Brown-Driver-Briggs 1999: 458)) на горе Синай» (*Исх.* 19:16), «Моисей вступил во мрак (*εἰς τὸν γνόφον*, в оригинале — *אלהערפל* *heavy cloud* (ibid.: 791)), где был Бог» (*Исх.* 20:21). Ср. «Облако (*νεφέλη*, *ענן*) и мрак (*γνόφος* *ערפל*) окрест Его» (*Пс.* 96/97:2). Любопытно, что еврейское слово *ערפל* со значением «тяжёлое облако» Септуагинта переводит словом *γνόφος* со значением ‘мрак’; следует отметить сходство слов *γνόφος* / *δνόφος*² и *νέφος* ‘облако’.

¹ Осборн так переводит фрагмент из «Стромат» *ὕακινθός τε ὁμοίωται ἀέρι ζοφώδης ὢν* «blue is like air, being dark» (Osborn 1957: 171).

² Общее сходство <слова *δνόφος*> с *ζόφος*, а также с *κνέφος* и *ψέφας* (ср. также *νέφος*) не может быть случайным и могло быть, по крайней

В. Н. Лосский, излагая учение Климента, отмечал: «сам образ синайского мрака у Климента выражает, как нам кажется, не столько факт непознаваемости трансцендентного Бога, сколько факт неведения по отношению к Богу, неведения, свойственного человеческому разуму, предоставленному своим собственным природным возможностям. Негативный путь Климента (соответствующий восхождению Моисея) не приводит к такому незнанию, которое по своему качеству было бы знанием Непознаваемого. <...> Именно через Сына мы освобождаемся от мрака человеческого неведения, чтобы принять свет гнозиса и “мыслить непознаваемое” (V, 12). Но здесь христианский гностик, освободившись от мрака субъективного незнания, как бы стоит перед новым незнанием, смысл которого уже не негативен. Климент называет его не мраком, а другим словом, которое он заимствовал у валентиниан: слово это — “бездна” (βάθος), которым он обозначает трансцендентность Отца» (Losskiy 1995: 10). Таким образом, слово γνόφος у Климента не было синонимом «неприступного света». Действительно, александрийский автор пишет: «Моисей, убежденный, что Бог не может быть познан (γνώσθησθεσθαι) человеческой мудростью, сказал: “Покажи мне Себя”; и во мрак (εἰς τὸν γνόφον), где был глас Бога (οὗ ἦν ἡ φωνὴ τοῦ θεοῦ), понуждается вступить, то есть в недоступные и невидимые мысли относительно сущего (εἰς τὰς ἀδύτους καὶ ἀεῖδεῖς περὶ τοῦ ὄντος ἐννοίας). Ибо Бог не во мраке или пространстве (οὐ γὰρ ἐν γνόφῳ ἢ τόλῳ [gnophōi ē topōi]), но над пространством и временем, и над характерными особенностями возникших вещей» (Strom. II, 2, 6, 1). В другом месте у него читаем: «Писание <словами> “Моисей вошел во мрак (εἰς τὸν γνόφον), где был Бог”, показывает способным понять то, что Бог невидим и невыразим словами (ἀόρατός ἐστι καὶ ἄρρητος); мраком (γνόφος) же воистину является неверие и невежество большинства (ἡ τῶν πολλῶν ἀπιστία τε καὶ ἄγνοια). И вновь Орфей, богослов, говорит, отсюда <из Писания> получая помощь: “Есть один совершенный Сам по Себе, всему остальному выпало быть производным от одного” (или “родиться”; ибо и так написано). Он продолжает: “Его никто из смертных не видит, но Он видит всех”. И добавляет яснее: “Его я не вижу, ибо вокруг облако утвердилось (περὶ γὰρ νέφος ἐστήρικται). Ведь у всех смертных смертные зрачки в очах, <зрачки> малые (θνητὰὶ κόραι εἰσὶν ἐν ὄσσοις μικραὶ), потому что плоть и кости укоренены <в смертном> (ἐμπεφύασιν)» (Strom. V, 12, 78, 3–5). Итак, «мрак» Синайской горы для Климента — это

мере, отчасти, обусловлено рифмованными образованиями и пересечениями сходных экспрессивных слов (Frisk 1960: 403).

незнание, связанное с неспособностью тленных зрачков воспринимать истинный свет.

Сравним пассаж из «Стромат» с отрывками из трактатов «О жизни Моисея» и «О потомстве Каина» Филона Александрийского: «Говорят, что он вошел во мрак (εἰς τὸν γνόφον), там был Бог (ἔνθα ἦν ὁ θεός), то есть в невидимую и незримую (ἀεὶδῆ καὶ ἀόρατον), и бестелесную парадигматическую сущность бытия (τῶν ὄντων παραδειγματικὴν οὐσίαν), постигая недоступное взору смертной природы» (*Philo. De vita Mosis I, 158*). «<Моисей> проникнет во тьму, где был Бог (ὅπου ἦν ὁ θεός), то есть в недоступные и невидимые мысли относительно сущего. Ибо Причина <всего> не во мраке и совершенно не в месте, но превыше и места и времени» (*Philo. De posteritate Caini, 14*). Мы видим практически полную зависимость Климента от Филона, однако христианский автор не соглашается со своим источником в оценке «мрака» как образца сущего.

В этой связи нам представляется важным отметить устанавливаемую в процитированном Климентом орфическом фрагменте связь между качеством зрачка и способностью видеть истину. У Филона зрачок появляется в ином контексте: «Слово <Божие> является не везде, но в лишённом страстей и порочности; оно тонко и для того, чтобы и понимать, и быть понятым, и чрезвычайно прозрачно и чисто, чтобы быть видимым, и подобно кориандру (ὡσεὶ κόριον). Земледельцы же говорят, что семя кориандра, разделённое и разрубленное на бесконечное число частей, по отдельности частичками и фрагментами посянное, даёт всходы так же, как могло бы и целое. Таково и Божие Слово, и целым полезное, и каждой частью и каким бы оно ни было. Вероятно, оно уподобляется зрачку глаза (τῇ κατὰ τὸν ὀφθαλμὸν κόρῃ). Ибо как тот, являясь наименьшей частью, видит все пояса сущего, и беспредельное море, и воздушный простор, и пространство всего неба, которое разграничивает солнце, восходя и заходя. Так и Слово Божие является абсолютно дальнзорким, чтобы быть в состоянии всё разглядеть, благодаря которому <люди> будут взирать на то, что достойно созерцания; из-за чего оно и является белым. Ибо что может быть более сияющим или более далеко видимым, чем Слово Божие, по причастию к Которому и остальное отгоняет тьму (ἀχλὺν) и темноту (ζόφον), стремясь причаститься к душевному свету» (*Philo. Legum allegoriarum. III, 170–171*).

Если у Филона, играющего словами κόριον и κόρη, со зрачком сравнивается Слово Божие, то в орфическом фрагменте — (не)способность человека видеть Бога. Согласие с идеей, изложенной в этом фрагменте, Климент демонстрирует неоднократно. Рассуждая о понимании скрытого в Писаниях смысла, он заключает: «Как свинец при трении начинает блестеть, <став> белым из

чёрного, <сделавшись> белилами (λευκὸν ἐκ μέλανος, τὸ ψιμύθιον), так и знание (ἢ γνῶσις), источая сияние и блеск вещей, является, пожалуй, подлинно божественной мудростью (ἢ τῷ ὄντι θεία σοφία εἴη ἄν), несмешанным светом (τὸ φῶς τὸ εἰλικρινές), освещающим чистых людей, <ставших> как зрачок глаза, надежный для созерцания и постижения истины (ὡς κόρην ὀφθαλμοῦ εἰς ὄψιν καὶ κατάληψιν τῆς ἀληθείας βεβαίαν)» (Ecl. proph. 32, 3). Если в орфическом фрагменте речь шла о смертных с малыми зрачками, то здесь со зрачком, способным лицезреть божественный свет познания, сравниваются праведники. В другом месте александрийский богослов пишет: «Итак, как стряхнувшие с себя сон сразу оказываются внутри (ἐνδοθεν) бодрствующими или, скорее, как старающиеся устранить катаракту на глазах не извне доставляют себе свет, которого не имеют³, а, устрания помеху с очей, делают свободным зрачок (ἐλευθέραν ἀπολείπουσι τὴν κόρην), так и мы при крещении, сняв с себя грехи, помрачающие, наподобие мглы (ἀχλύος δίκην), божественный дух, обретаем свободное, не встречающее препятствий, лучезарное духовное око (φωτεινὸν ὄμμα τοῦ πνεύματος), которым единственным мы созерцаем (ἐποπτεύομεν)⁴ божественное, когда с небес к нам нисходит Святой Дух. Это смесь вечного сияния, способного узреть вечный свет (κράμα τοῦτο αὐγῆς αἰδίου τὸ αἰδίον φῶς ἰδεῖν δυναμένης), так как подобное любезно подобному⁵; святое же любезно тому, от которого святое происходит, которое по праву названо светом. “Вы были некогда тьма (σκότος), а теперь — свет (φῶς) в Господе”⁶. Поэтому, думаю, человек древними был назван фῶς. Но <крещенный> еще не получил, — говорят, — совершенный дар (τὴν τελείαν). И я соглашусь; однако он пребывает в свете, и тьма (τὸ σκότος) его не охватывает:⁷ нет ничего между светом и тьмой. Совершенство (τὸ τέλος) же отложено до воскресения верующих. Сие есть не обретение чего-либо иного, но получение заранее данного обетования» (Paed. I, 6, 28, 1–3). Климент как бы корректирует Орфея: человеческий зрачок, будучи «смертным», тем не менее, способен узреть божественное при условии освобождения от грехов. Вспоминаются слова из заповедей блаженства: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Похожую оценку зрачка обнаруживаем и в «Извлечениях из Феодота»: «Избранное семя мы называем “искрой”, оживотворяемой Логосом, и “зрачком глаза”, и “зерном горчицы”»,

³ Ср.: Sen. *Epist.* 94, 5 et 18.

⁴ Ср.: Plat. *Phaedr.* 250c.

⁵ Ср.: Plat. *Gorg.* 510b; p. 218.

⁶ См.: *Еф.* 5:8.

⁷ Ср.: Ин. 1:5.

и “закваской”, объединяющей в веру (εἰς πίστιν) племена, кажущаяся разделёнными» (Ехсегрта. 1, 1, 3).

Святые логосы, по словам Климента, сокрыты от толпы, как <чёрные> угли, но видны гностикам, как <белый> град: «Давид пишет: “темна вода в облаках воздушных, от блистания (ἀπὸ τῆς τηλαυγύσεως) пред Ним облака прошли, град (χάλαζα) и великие огненные (ἄνθρακες πυρός)”⁸, уча, что святые логосы/слова сокрыты. Он намекает на то, что для гностиков они, ясные и издалека видные (διειδεῖς καὶ τηλαυγεῖς), как безвредный град, ниспосылаются от Бога; для большинства же они темны, как погасшие угли, <извлечённые> из огня, которые, если их никто не воспламенит и не зажжёт, не будут греть и не будут светиться» (*Strom.* VI, 15, 116, 1–2). Угли, помещённые в огонь, горящие и сияющие, очевидно, символизируют святые логосы, которые некто (вероятно, гностик) воспламенил доступной ему истиной. В этом фрагменте опять находит выражение идея о том, что божественная истина может характеризоваться и как мрак, и как свет в зависимости от субъекта, созерцающего её. Ср.: «Вода может быть как белой, так и чёрной: в одном случае она чистая и спокойная, в другом — глубокая, загадочная и волнующаяся» (Schamp 1975: 994).

Про истину, которая помогает различать чёрное и белое, Климент пишет в *Strom.* VI, 10, 83, 2. По его мнению, «истина, содержащаяся в греческой философии, частична и раскрывается настоящей истиной (ἢ τῷ ὄντι ἀλήθεια) так же, как при помощи солнца, освещающего цвета, выясняется, каков каждый из них (ἐπιλάμψας τὰ χρώματα καὶ τὸ λευκὸν καὶ τὸ μέλαν)» (Osborn 1957: 125).

Цвет как акциденция может быть разным у одной и той же субстанции: «Нами <...> было показано, что кровь у беременных переходит, изменяясь, в молоко, сохраняя свою природу (οὐ κατ’ οὐσίαν χωρεῖν), как, разумеется, и золотистые (αἱ τρίχες αἱ ξανθαί) волосы превращаются у стариков в седые» (*Paed.* I, 6, 44, 3). Несмотря на это, цвета в представлении Климента символичны. С одной стороны, он пишет: «Племена кельтов и скифов отращивают длинные волосы, но не прихорашиваются (κομῶσιν, ἀλλ’ οὐ κομιοῦνται): обилие волос у варвара содержит в себе нечто страшное, и его золотисто-рыжеватый цвет (τὸ ξανθὸν) грозит войной: этот цвет — нечто родственное с кровью (συγγενές τι τὸ χρῶμα τῷ αἵματι)» (*Paed.* III, 3, 24, 2). С другой стороны, он утверждает: «Людям мирным (εἰρηνικοῖς) и светлым (φωτεινοῖς) подходит белый цвет (τὸ λευκόν)» (*Paed.* III, 11, 54, 2, ср. *Paed.* II, 10bis, 108, 1–3). Ср. «В самом деле, ты не сможешь найти ничего более питательного, более сладкого и более белого, чем молоко.

⁸ Пс. 17:12–13.

Совершенно же подобна ему духовная пища, являющаяся сладкой из-за благодатности, питательной же — как жизнь, а белой — как день Христов (λευκή δὲ ὡς ἡμέρα Χριστοῦ); и кровь Логоса была явлена как молоко» (*Paed.* I, 6, 40, 2).

Рассмотрим упоминания Климентом других цветов. «И покров и завеса расцвечены гиацинтом, пурпуром, багрецом и льном. Это намекало, что природа стихий содержит в себе Божие откровение. Ибо пурпур (ἢ πορφύρα) от воды, лён (βύσσος) от земли; гиацинт (ὑάκινθος), будучи темным (ζοφώδης ὢν), подобен воздуху, а багрец (ὁ κόκκος) подобен огню» (*Strom.* V 6, 32, 3). «Здесь Климент приравнивает четыре дня, в течение которых душа путешествует, к четырем элементам, которые представляют собой четыре цветных материала, составляющих внутреннюю и внешнюю завесы в рассказе Климента о скинии» (Itter 2009: 157). У Филона, которому следует Климент, воздух объявляется чёрным: «И внешний притвор осеняется завесой; а сами завесы почти такие же, как покрывала, не только потому, что они покрывают крышу и стены, но и потому, что они вытканы теми же узорами (τῷ συνυφάνθαι γένεσι τοῖς αὐτοῖς): и гиацинтовым цветом (ὑάκινθῳ), и пурпуром, и червленицей (κοκκίνῳ), и виссоном. <...> Он утвердил вещества для этих тканей, выбрав из мириад наиболее подходящие, равные по числу стихиям, из которых образован мир, и имеющие к ним отношение: к земле, воде, воздуху и огню. Ибо тонкий лён (ἢ βύσσος) — из земли, из воды же — пурпур (ἢ πορφύρα), гиацинт (ἢ ὑάκινθος) уподобляется воздуху, ибо тот по природе чёрный (μέλας),⁹ а багровый цвет (τὸ κόκκινον) — огню, потому что каждое <из них> багряное (διότι φωσφόρον ἐκάτερον); ибо было необходимо, чтобы устраивавшие рукотворное святилище Отцу и Вождю мироздания (τοῦ παντός) взяли сущности, подобные тем, из которых Он сотворил универсум (τὸ ὅλον)» (*Philo. De vita Mosis* II, 87–88). Вероятно, Климент использует слово ζοφώδης (единственный случай появления этого слова в сохранившихся сочинениях Климента), заимствуя его у Пиндара, Псевдо-Аристотеля и(ли) Галена: первый пишет: «<облако или воздух> тёмный» (<νεφέλη vel ἀήρ> ζοφώδης) (*Pind. Fr.* 302); у второго говорится, что под огненной сущностью «разлит воздух, являющийся по своей природе тёмным (ζοφώδης) и холодным как лёд (παγετώδης)» (*Ps.-Aristot. De mundo.* 392b). Гален утверждает: «Ибо тёмный воздух делает чёрным снадобе (ὁ μὲν γὰρ ζοφώδης ἀήρ μελαίνει τὸ φάρμακον)» (*De compositione medicamentorum per genera.* Vol. 13. P. 397). Заметим, что стихи Пиндара Климент неоднократно использовал.

⁹ Вероятно, воздух объявляется чёрным, так как он бывает таковым ночью.

В другом месте Климент заменяет слово κόκκινον из Ис. 1:18 словами μελάντερον τοῦ σκότους: «Если будут грехи ваши, как багряное (φοινικοῦν), как снег убелю; если будут, как багровое (κόκκινον), как волну убелю» — «Если будут грехи ваши, как багряная шерсть (φοινικοῦν ἔριον), как снег убелю; если чернее тьмы (μελάντερον τοῦ σκότους), — как шерсть, вымыв, сделаю белой» (QDS 39, 4). Климент, очевидно, пытается избавиться от синонимии φοινικοῦν — κόκκινον и сделать библейский стих более контрастным и ярким. Это изменение — инициатива александрийского автора: у его предшественника Иустина Мученика видим κόκκινον (Iust. *Apol.* 44, 3; 61, 7).

Итак, по мнению Климента Александрийского, с одной стороны, Бог (божественная сущность?) не может быть познан человеческой мудростью (οὐλοτε ἀνθρωπίνῃ σοφίᾳ γνωσθήσεσθαι τὸν θεόν) и увиден «смертными зрачками»; с другой стороны, знание, божественная мудрость, «несмешанный свет» (нетварная энергия?) может быть созерцаемым очищенным зрачком праведников/гностиков, а подлинная истина даёт возможность постигать цвета.

Литература

- Brown, F. 1999: *The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon*. Peabody, Mass.
- Frisk, H. 1960: *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag. I.
- Gainsfrod, P. 2020: How to make sense of ancient Greek colours. *Kiwi Hellenist. Modern myths about ancient world*. URL: <https://kiwihellenist.blogspot.com/2020/05/ancient-greek-colours.html>
- Itter, A. C. 2009: Esoteric teaching in the *Stromateis* of Clement of Alexandria (= *Supplements to Vigiliae Christianae*. Leiden, Boston. Vol. 97).
- Lampe, G. W. H. 1961: *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford.
- Losskiy, V. N. 1995: *По образу и подобию* [In the Image and after the Likeness] Moscow. Лосский, В. Н. 1995: *По образу и подобию*. М.
- Osborn, E. F. 1957: *The Philosophy of Clement of Alexandria*. Cambridge.
- Sassi, M. M. 2017: The sea was never blue. URL: <https://aeon.co/essays/can-we-hope-to-understand-how-the-greeks-saw-their-world> (дата обращения: 15.03.2024).
- Schamp, J. 1975: (Rec.) Irwin E. Colour terms in Greek poetry. Toronto, Hakkert: 1974. *Revue belge de philologie et d'histoire*. 53 (3), 993–994.
- Veckenstedt, E. 1888: *Geschichte der griechischen Farbenlehre; das Farbenunterscheidungsvermögen, die Farbenbezeichnungen der griechischen Epiker von Homer bis Quintus Smyrnäus*. Paderborn, Schöningh.

Л. В. Братухина

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия. Loli28@yandex.ru

E. POUND. CANTO XV: НЕОПЛАТОНИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ АНТИЧНОГО МИФА

Статья посвящена анализу Canto XV (входящего в состав поэмы Э. Паунда «The Cantos»), в котором описывается своеобразный опыт спасения героя из глубин ада. Рассматриваются интертекстуальные связи Canto XV в отражении мотива сходения в царство мертвых и возвращения оттуда с образами целого ряда литературных и мифологических источников: «Одиссеи» Гомера, «Божественной Комедии» Данте, «Метаморфоз» Овидия. Особое внимание уделяется образу Медузы Горгоны, который помогает герою спастись из глубин ада, оказываясь связанным с неоплатонической философией Плотина. Опираясь на общий анализ Canto XV, представленный в монографии П. Либригтс «Эзра Паунд и неоплатонизм», автор статьи конкретизирует образы зеркала, гения-даймония, Солнца, выявляя неоплатоническое содержание, которое они приобретают у Паунда. В настоящей статье дается альтернативная, по сравнению с версией П. Либригтс, интерпретация финала Canto XV. Делается вывод о том, что в категориях, предложенных Плотинем в «Эннеадах», образы, сюжетные мотивы, заимствованные Паундом у Гомера, Овидия, Данте, обретают новое смысловое наполнение. Тем самым Паунд словно бы творит новый миф, выстраивая аллюзии на классические произведения согласно некоей, по замыслу автора, надвременной объективной логике, отражающей попытку модернистского сознания найти упорядоченность в культурном хаосе.

Ключевые слова: Э. Паунд, «Кантос», Плотин, «Эннеады», Данте, «Божественная Комедия», неоплатонизм, Медуза Горгона.

L. V. Bratuchina

Perm' State National Research University,
Perm', Russia. Loli28@yandex.ru

Ezra Pound. *Canto XV*: the neoplatonic subtext of the ancient myth

The article is devoted to the analysis of Canto XV (which is part of E. Pound's poem *The Cantos*), which describes the peculiar experience of rescuing the hero from the depths of hell. The motif of descent into the realm of the dead and return from there, as it is depicted in Canto XV, is

considered in the context of its intertextual connections with a number of literary and mythological sources: Homer's *Odyssey*, Dante's *Divine Comedy* and Ovid's *Metamorphoses*. Special attention is paid to the image of the Gorgon Medusa, who helps the hero escape from the depths of hell, becoming associated with the Neoplatonic philosophy of Plotinus. Based on the general analysis of Canto XV presented in P. Liebrigts' monograph *Ezra Pound and Neoplatonism*, the author of the article defines more precisely the images of the mirror, the daemon genius and the Sun, revealing the neoplatonic content that they acquire in Pound's poem. This article provides an alternative interpretation of the Canto XV finale compared to P. Liebrigts' version. It is concluded that the images and motifs borrowed by Pound from Homer, Ovid and Dante acquire new semantic contents in the framework of the categories proposed by Plotinus in the *Enneads*. Thus, Pound seems to be creating a new myth, building allusions to classical works according to some kind of supra-temporal objective logic that reflects the attempt of modernist consciousness to find order in the cultural chaos.

Keywords: E. Pound, *Kantos*, Plotinus, *The Enneads*, Dante, *The Divine Comedy*, Neoplatonism, Medusa Gorgon.

Поэма «The Cantos», создававшаяся с 1910-х гг. вплоть до 1970 (год публикации последнего прижизненного издания), вбирает в себя не только опыт самого Э. Паунда, но и, согласно замыслу автора, опыт всей культуры предшествующих эпох и народов¹. А. В. Бронников называет произведение американского поэта «ораторией всего человечества», в которой «слышны тысячи голосов», в которой образы, сюжеты, языки, персоналии и эпохи «навсегда покидают темные бездны времени, обретая новую жизнь и новую вечность» (Bronnikov 2018^a: I). Специфика творческого метода Паунда заключается в способе сочетания множественных и разнообразных по характеру источников: его можно назвать «вакханалией высказываний» (Chuhrukidze 1999: 133), когда «жизнеописания провансальских трубадуров сосед-

---

¹ Подобная интертекстуальность, свойственная авторам-модернистам, у Паунда обретает принципиально иной характер. Исследователи усматривают в поэме «попытку “создать” культуру из осколков старых культур, из тех великих, по мнению Паунда, культурных традиций, которые в современном мире существуют в виде дискретных фрагментов и утратили смысл в шлазах большинства людей» (Garin 2005: 14) (Ср. «...слияние сжатых фактов и идей из разных культур в универсальную пайдеуму» (Probshtein 2003: 46)); попытку «показать современность на фоне Поэзии» (Tolmachev 2013: 115).

ствуют с греческими мифами и летописью итальянских городов, перепиской американских сенаторов, банкиров и президентов» (Chuhrukidze 1999: 77), изображением событиями русской революции, Первой Мировой войны, фигурами китайских императоров, персонажей мифологии индейцев и носителей ближневосточных культур. Эти элементы повествования «не выстроены в логической последовательности, а спонтанно переходят друг в друга, создавая эффект единовременья», сплетаются в «длинные волны культуры, проходящие через Древний Китай, Античность, Средневековье, XX век» (Tolmachev 2013: 115), воссоздавая вечные сюжеты, актуализируемые автором от древности вплоть до современной ему эпохи: «гомеровская тема сошествия в Аид, овидиево превращение человека в животных, экскурсии в историю Ренессанса, китайских императоров, американской Революции — мыслятся как контрапункт в сочетании с песнями, изображающими современный мир, и все вместе должно создать музыкальную композицию и выразить мысль в неразрушимых связях между былым и сегодняшним» (Mattisen 1979: 468)

Настоящая статья посвящена анализу фрагмента Canto XV, в котором описывается своеобразный опыт восхождения/спасения героя из глубин ада. Подобный мотив, безусловно, отсылает к «Божественной Комедии» Данте², подражание образам которой явно ощущается в «песнях ада» (Liebregts 2004: 162) — Canto XIV и Canto XV: «The stench of wet coal, politicians / e... and n..., their wrists bound to / their ankles, / Standing bare bum, / Faces smeared on their rumps, / Wide eye on flat buttock, / Bush hanging for beard» (Pound 1975: 61); «and I said, How is it done" / and my guide/ This sort breeds by scission, / This is the four millionth tumour / In this bolge bores are gathered, / Infinite pus flakes, scabs of a lasting pox / skin-flakes, repetitions, erosions, / endless rain from the arse-hairs, / as the earth moves, the centre /

² Влияние Данте, отраженное в поэме Паунда, рассматривали в своих работах Э. Фусселл (новое понимание Данте «в смелой оригинальной манере, отделяя его от томизма, христианства и даже Вергилия» (Fussell 1970: 75), В. М. Толмачев называет Данте одним из европейских праголосов, которые Паунд «переводит на язык современности», подчеркивая значимость этого претекста пояснением названия поэмы «Кантос» — «отсылающего к принципу деления на части “Божественной комедии”» (Tolmachev 2013: 116–117).

passes over all parts in succession, / a continual bum-belch / distributing its productions» (Pound 1975: 65). Ад Паунда состоит из «политиков, спекулянтов, финансистов, владельцев газет и их наемников, агентов-провокаторов, Кальвина, святого Климента Александрийского, англичан, бывших крестоносцев, лжецов, глупцов, педантов, проповедников, тех, кто не верит в социальный кредит, епископов, леди-гольфисток, фабианцев, консерваторов и империалистов» (Dekker 1963: 9)³. В конечном итоге все они являются «олицетворением узуры⁴», мира «барышей и продажных слов» (Bronnikov 2018^b: 711)), поскольку «препятствие реализации идеала социального порядка» поддерживается и теми, кто «препятствует знанию», скрывая истину или заслоняя ее мертвыми догмами (Liebregts 2004: 162). Появляется в *Santo XV* некий «проводник» — гид, сопоставимый с фигурой Вергилия.

Отметим, что в произведении Паунда мотив схождения в царство мертвых и возвращения оттуда связан с образами целого ряда литературных и мифологических источников. Так, красной нитью с первой песни поэмы проходит история Одиссея, отправляющегося в преддверие Аида для того, чтобы встретиться с Тиресием (*Santo I, IV, XX, XXXIX, XLVII, LXXIV, LXXXV, XCVIII, XCIX*), а также его спутников, чье обращение в животных и возвращение к человеческому облику в доме Кирки (*Santo XXXIX*) также сопоставимо с опытом пребывания в царстве мертвых (Bratuchina, Bratuchin 2012). Помимо этого, в «*The Santos*» встречаются персонажи из «Метаморфоз» Овидия: Адонис (*Santo XXIII, XLVII*), Орфей, отправившийся в Аид за Эвридикой (*Santo XCIII*), похищенная Аидом Персефона (*Santo XXI*). В отдельных песнях появляется

---

³ По мнению этого исследователя *Santo XIV* и *Santo XV* представляют собой «критику Мильтоновского Ада» (Dekker 1963: 13)

⁴ А. В. Бронников так определяет это важнейшее в поэтике поэмы Паунда понятие: «Латинское слово *usura*, которое переводится как “ссуда, ссудный процент”, а также — “излишек, избыток”, служит у Паунда не просто синонимом алчности. *Узура* паундовской мифологии — это нарушение порядка и естественной гармонии, которое грозит коллапсом не только искусству и культуре, но и всему миру» (Bronnikov 2018^a: XXXII); «...узура, это олицетворение ростовщичества, объявлена в историософии Паунда абсолютным злом» (Bronnikov 2018^a: XXXIII).

описание мистической практики Элевсинских мистерий (Canto XVII), а также детали путешествия в Аид героя поэмы Вергилия Энея: Аверн, золотая ветвь (Canto I), пчелы в обители блаженных (Canto XVII).

В анализируемом Canto XV Паунд также искусно сочетает несколько источников, изображая спасение героя из ада. Помимо «Божественной Комедии» Данте, в тексте канто присутствуют детали, отсылающие к «Одиссее», неоплатонической философии, явно использован мифологический сюжет о победе Персея над Медузой Горгоной из «Метаморфоз» Овидия.

Canto XV, открывающееся по-дантовски экспрессивными картинами пребывания грешников на одном из кругов Ада (фрагмент из которых процитирован выше), завершается «подлинно дантовским видением, в котором поэт в сопровождении философа Плотина выбирается из адских подземелий — этой метафоры Лондона и всей современной жизни — на свет» (Bronnikov 2018: 711). На этом пути героя поджидают препятствия: он чуть не увязает в зловонной трясине, а помогает ему преодолеть зыбкую жижу щит и голова Горгоны. Упоминание Медузы Горгоны в Аиде приводит на память строки из «Одиссеи», когда главный герой так объясняет свое поспешное отплытие от преддверия мира мертвых: «Бледный объял меня ужас, что вышлет / Голову вдруг на меня чудовища, страшной Горгоны, / Славная Персефонея богиня из недр преисподней» (Od. XI, 633–635, пер. В. В. Вересаева). Подобную же «роль сторожа на границе двух миров» (Duvakin 2009: 100) голова умерщвленной Горгоны играет в «Божественной Комедии», в эпизоде, в котором Эринии, препятствуя проникновению героя и его спутника в город Дит, восклицают: «Медуза где? Чтоб он окаменел! <...> / Напрасно Тезеевых мы не отместили дел» (Dante 1967: 44). В этом же эпизоде у Данте встречается образ, близкий к тому, что видим у Паунда — преодоление адской трясины как по тверди. Ср.: «he hardened the track / Inch before us, by inch, / the matter resisting... Hammering the souse into hardness, / the narrow rast, / Half the width of a sword's edge / By this through the dern evil» (Pound 1975: 66) и ангел, «который Стиксом шел, как твердым лугом» (Dante 1967: 45). Именно этот посланец небес выручает Вергилия с его подопечным, ограждая их от демонов и открывая им ворота Дита. В тексте Паунда события развиваются иначе: лирический герой сам

вынужден прокладывать себе путь по засасывающей трясине, используя для этого щит, направляя его вниз. Можно предположить, что это знаменитый зеркальный медный щит, подаренный Афиной Персею (Lucan. *Bellum Civile*. IX, 669–670). У Паунда этот артефакт выполняет очень своеобразную роль отражателя, принимающего взгляд Медузы и направляющего его в трясину, превращая ее в каменную твердь, по которой и выбирается герой. Заметим, что у Данте присутствует мотив превращающего в камень взора Медузы. Так, Вергилий закрывает глаза повествователю «Божественной Комедии»: «Закрой глаза и отвернись; ужасно / Увидеть лик Горгоны; к свету дня / Тебя ничто вернуть не будет властно». / Так молвил мой учитель и меня / Поворотил, своими же руками, / Поверх моих, глаза мне заслоня» (Dante 1967: 44). Противопоставлено этому видение ангела, на которое Вергилий призывает героя посмотреть: «Открыв мне очи: «Улови, что зримо / Там, — он промолвил, — где всего черней / Над этой древней пеной горечь дыма»» (Dante 1967: 45). В *Canto XV* в словах провожатого-гида звучит призыв смотреть в зеркало, что более напоминает историю Персея (ср.: *Ov. Met.*, IV, 782–783; Lucan. *Bellum Civile*. IX, 670). У Паунда же взгляд, устремленный в зеркало, — это не просто предосторожность, он приобретает иное, символическое, значение. Здесь очень важно отметить, кто появляется в качестве гида, сопоставимого с фигурой Вергилия в путешествии по загробному миру у Данте, кто призывает не отрывать взора от зеркала, — это философ-неоплатоник Плотин. Согласно его учению, отраженному в «Эннеадах», картина, представленная в *Canto XV* — герой, выбирающийся из зловонной трясины — это метафора очищения души от материи и приобщения ее высшим субстанциям, первоначальная же зарисовка Ада, помимо социально-экономических воззрений автора, отражает «душевное состояние человека, утратившего благо Разума» (Liebregts 2004: 162).

П. Либригтс наиболее детально анализирует неоплатонический подтекст *Canto XV*, в то время как большинство исследователей, обращаясь к этой песне, интересуется в ней в первую очередь изображением картин Ада. В соответствующей главе его монографии *Ezra Pound and Neoplatonism* упоминается, как лирический герой, следуя советам Плотина, спасается из адской жижи, словно воплощая тезис философа о существовании чело-

века в двух мирах одновременно... — «материальном и умопостижимом» (Liebrechts 2004: 162). Отмечается общность образов трясины у Панда и грязи-материи у Плотина. Использование героем щита-зеркала поясняется как предостережение от увлечения материей посредством взаимодействия только с ее отражением, а также в целом как метафора «неоплатонического представления о чувственной реальности как образа умопостижимого мира» (Liebrechts 2004: 163). Финальные строки Canto XV интерпретируются как соединение неоплатонической идеи восхождения от материального ада чувственного мира и платоновского образа пещеры (Liebrechts 2004: 164).

Нам представляется, что в общей схеме этих рассуждений необходимо конкретизировать некоторые образы, выявив то неоплатоническое содержание, которое они приобретают у Паунда. Так, следует уточнить, что трофеем Персея, согласно античным источникам, достается Афине, которая помещает ее на груди (*Ов. Мет.* IV, 802–803; *Paus.*, *Graec. descr.* I, 24,7; *Hug.*, *Astr.* II, 12,2). Таким образом, можно предположить, что в Canto XV подразумевается Афина, ее доспех как источник разящего облика Горгоны, а не просто «щит <богини> разума», который отражает происходящее в Аду, как это указывает П. Либригтс.

В противовес погружению души в грязь чувственного мира Плотин предлагает программу ее восхождения под воздействием мудрости: «И мудрость — мышление, отвращающееся низшего и ведущее душу к высшему. Когда душа очистится, она становится эйдосом и логосом и всецело бестелесной и умной, всецело принадлежащей божественному, где и исток красоты, и всё, что ей родственно. Душа же, вознесенная к Уму, еще более красива. Ум и умопостижимые вещи есть красота, свойственная душе, красота ни откуда не заимствованная» (*Plotin. Enn.* I, 6, 6, здесь и далее пер. с древнегреческого Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова). Афина же, олицетворяющая мудрость, вполне может быть источником очистительного преображения души, соответствующего учению Плотина⁵. А последний, появляясь в

---

⁵ Дж. Деккер полагает, что у Паунда, которому «всегда важен этот мир» античные божества «всегда, будь то в силу покровительства или метаморфозы, более конкретно связаны с этим миром, чем христианский бог или неоплатонический» (Dekker 1963: 75). В целом же

тексте *Canto XV*, предстает своего рода гением, избираемым каждым человеком в ином мире при его воплощении. Этот гений обладает высшей по отношению к человеку природой, при его посредстве человек избирает путь восхождения к Единому или ниспадения в материю (Plotin. Enn. III, 4, 1–6).

Образ зеркала и идея отражения очень своеобразно преломляются в философии Плотина. Так, он использует сравнение с зеркалом, поясняя свойство мировой Души пребывать всецело «в самой себе» и отражать «свой образ во множестве тел», наделяя их жизнью, вводя их в сферу истинно-сущего. «...творение образа и изображения, какое имеет место в водах, зеркалах или в тенях», когда «образ имеет свое существование в собственном смысле слова от предшествующего [первообраза] и от него же возникает» (Plotin. Enn. VI, 4, 10) — это в целом метафора эманации, происхождения «низших сил от высших». Идея отражения как проявление соответствия поясняет платиновское понимание механизма воздействия мировой Души на материальный мир: деятельность Души есть некое пробуждение, осуществляющееся одним и тем же способом и в себе, и в ином. Душа, следовательно, делает живыми все те вещи, которые не имеют жизни от себя, и делает их иными такой жизнью, какой она живет в себе. Таким образом, живя в Логосе, Душа дает логос телам — эйдол того, что она имеет (ведь то, что она дает телам, есть только эйдол жизни) — и формы телу, логосы которого она имеет [в себе]: богов и всех остальных. Поэтому космос и имеет все» (Plotin. Enn. IV, 3, 10).

Вглядываясь в зеркало по совету Плотина, герой Паунда созерцает богиню мудрости и приобщается к сфере умопостигаемого, вырываясь из трясины материального. Механизм этого созерцания Плотин характеризует как самопознание, тот его тип, когда человек, чувствуя и созерцая присутствующий в нем ум, «знает себя согласно Уму, поскольку становится им; благодаря тому, что Ум мыслит самого себя, он [т. е. возвысившийся до Ума человек] мыслит себя уже не человеком, но ставшим всецело иным существом, и увлекает себя в Высшее, возводя туда только лучшую часть своей души, которая одна только и

исследователь усматривает в философских взглядах поэта сочетание неплатонизма, пифагореизма и гностицизма (Dekker 1963: 83).

способна окрылиться к мышлению, чтобы удержать в себе всё Там увиденное» (Plotin. Enn. V, 3, 4).

Результатом подобного действия у Паунда становится созерцание солнца: «blind with the sunlight» (Pound 1975: 67). Плотин уподобляет солнце высшему в своей иерархии Единому Благу: «...оно находится по ту сторону сущностей, оно предельно и энергиям, и уму, и мышлению.... Благо должно пребывать собой, к нему же должны стремиться все, оно должно быть подобно центру круга, от которого [расходятся] все радиусы. Примером является также и Солнце, которое подобно центру для исходящего от него и зависящего от него света, ибо свет, конечно же, повсюду пребывает вместе со своим источником и нигде не отсечен от него» (Plotin. Enn. I, 7, 1).

П. Либригтс, обращая внимание на различие описываемого у Паунда погружения в забвение и сон и опыта экстаза Плотина, заключает, что герой поэмы не сразу «достигает рая» в силу того, что его попытки «подняться над этим миром не были полностью осознанными». По мнению исследователя, здесь, скорее, отражена метафора платоновской пещеры, когда, выбираясь из нее, человек постепенно привыкает к подлинному видению реальных предметов. На наш взгляд, дважды фиксируемое у героя Паунда наступление бессознательного состояния, предшествующего лицезнению Солнца «Oblivion, /forget how long, / sleep, fainting nausea» (Pound 1975: 66) и последующего «darkness unconscious» (Pound 1975: 67) — можно интерпретировать как обозначение границы, «отрешения от существующего бытия», выход в область, что «выше всего сущего», где человек находится в такой стадии сочетания с «Единым», что не имеет «отличий в себе ни от себя, ни от других вещей», ибо нет в нем «никакого движения..., никаких сердечных порывов, никакого желания чего-либо иного». В состоянии экстаза нет «ни места, ни логоса, ни мышления, ни, вообще говоря, себя, если должно сказать и это. [Нет себя], но видящий уносится [Богом], неистовствует, вдохновляется Им в полном умиротворении и безмолвии, не склоняясь ни к чему в своей сущности и не оборачиваясь к себе, став сам как бы неким покоем и стоянием [в Боге]» (Plotin. Enn. VI, 9, 11). После же этого экстаза герой поэмы вновь теряет сознание, возвращаясь в привычную сферу бытия, ибо не может долго удержаться на этой высоте лицезнения Единого.

Голова умерщвленной Медузы, упоминаемая Паундом вслед за Гомером и Данте в загробном мире, — неслучайный образ, хотя и переосмысленный по сравнению с прославленными предшественниками. У них Горгона — грозный страж мира мертвых, существо враждебное протагонисту. Паунд же символически раскрывает потенциал амбивалентности этого мифологического персонажа. Так, в *Santo XV* подчеркивается спасительное для героя воздействие отражения головы Медузы на трясину, что может его поглотить: «Prayed we to the Medusa, / petrifying the sod by the shield, / Holding it downward / he hardened the track... The heads rose from the shield, / hissing, held downwards / Devouring maggots, / the face only half potent, / The serpents' tongues / grazing the swill top, / Hammering the souse into hardness» (Pound 1975: 65). Выражение «Devouring maggots the face only half potent» (в переводе Бронникова «Личинки пожирали / одной лишь половиною лица» (Паунд 2018: 66)) заставляет вспомнить о легенде, согласно которой, кровь Медузы имела разное воздействие на человека: Асклепий, получив ее от Афины, «использовал ту кровь, которая вытекала из левой части тела, людям на погибель, ту же кровь, которая вытекала из правой части, для спасения людей: этой же кровью он воскрешал мертвых» (Ps.-Apoll. Bibl. III, 10, 3, пер. В. Г. Боруховича). Медуза в мифах является амбивалентным существом: рожденная смертной, будучи изначально прекрасной, она становится бессмертным чудовищем; убитая Персеем, она продолжает после гибели быть не менее смертоносной; кровь ее использовалась как яд и как оживляющее мертвецов снадобье, кроме того, будучи порождением хтонических существ, сам породила крылатого коня Пегаса. В философской системе Плотина подобная амбивалентность отражает различие между материей чувственного мира и материей ноуменального. Первая, согласно Плотину, является злом, постоянно меняет формы, сопоставима с тьмой как отсутствием света, не причастна бытию и являет собой раскрашенный труп. Вторая же причастна добру и истинному бытию, неизменна, являет собой живое и мыслящее существо, просветленную сущность. Таким образом, голова Горгоны может быть спасительной своею причастностью умопостигаемому миру, а может быть губительной в силу того, что метаморфоза, которую она производит, вовле-

кает в череду изменений форм, отражающих несовершенство чувственного мира.

В Canto XV один из важнейших для всей поэмы сюжетов нисхождения в мир мертвых с целью получения сакрального знания и возвращения оттуда представлен в свойственной Паунду манере спонтанного сочетания-смешения разнообразных источников. Изображая восхождение героя из загробного мира, автор обращается к произведениям Гомера, Овидия, Данте, но ключевым источником для интерпретации данной песни становится неоплатоническая философия. В категориях, предложенных Плотинем в «Эннеадах», образы, сюжетные мотивы, заимствованные Паундом у знаменитых предшественников, обретают новое смысловое наполнение. Тем самым Паунд творит новый миф, выстраивая аллюзии на классические произведения согласно некоей, по замыслу автора, надвременной объективной логике, отражающей попытку модернистского сознания найти упорядоченность в культурном хаосе.

Литература

- Dante Alighieri, 1967: *Bozhestvennaya Komedia* [La Divina Kommedia]. М.: Nauka.
- Данте Алигьери, Д. 1967: *Божественная Комедия*. Пер. М. Лозинского. М.: Наука.
- Bratuchina, L. V., Bratuchin A. Yu. 2012: Ezra Pound. Canto XXXIX, 63–74: *a nave nigra usque ad ai de kudonai*. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 16, 108–116.
- Братухина Л. В., Братухин А. Ю. Эзра Паунд. Canto XXXIX, 63–74: *a nave nigra usque ad ai de kudonai*. В кн. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 16, 108–116.
- Bronnikov, A. V. 2018^a: Ezra Pound and his *Cantos*. In: Pound. *Kantos*. SPb: Nauka, pp. I–LX.
- Бронников А. В. Эзра Паунд и его «Кантос». В кн.: *Эзра Паунд. Кантос*. Пер., вступ. ст и комм. А. В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018, I–LX.
- Bronnikov, A. V. 2018^b: Comments on the text. In: *Pound. Kantos*. SPb: Nauka, 702–775.
- Бронников А. В. 2018: Комментарии к тексту. В кн.: *Эзра Паунд Кантос*. Пер., вступ. ст и комм. А. В. Бронникова. СПб.: Наука, 702–775.
- Chuhrukidze, K. K. 1999: Pound &£. *Modeli utopii XX veka* [Models of utopia of the 20th century]. М.: Logos.

- Чухрукидзе, К. К. 1999: Pound & £. Модели утопии XX века. М.: Логос.
- Dekker, G. 1963: *Sailing after knowledge: the cantos of Ezra Pound*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Duvakin, E. N. 2009: The Head of the Gorgon Medusa: the semantics of Apotropaea. In: *Vestnik RGGU. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies*. 9, 97–104.
- Дувакин, Е. Н. 2009: Голова Медузы Горгоны: семантика аполтропея. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 9, 97–104.
- Fussell, E. 1970: Dante and Pound's "Cantos". *Journal of Modern Literature*. Vol. 1, No. 1 (1970), 75–87.
- Garin, I. I. 2005: Return. In: Pound E., Eliot T. S. *The Pilgrimage of the Magi. The Selected Works*. Moscow: Logosaltera, pp. 5–25.
- Гарин И. И. Возвращение. В кн. Паунд Э., Элиот Т. С. *Паломничество волхвов. Избранное*. Пер. с англ. Предисл. Гарин И. И., ред. Чухрукидзе К. М.: Logosaltera, 5–25.
- Liebregts, P. Th. M. G. 2004: *Ezra Pound and Neoplatonism*. Madison: Fairleigh Dickinson University Press.
- Mattisen, F. O. 1979: Poetry. In: *Literary History of the United States America*. Vol. 3. Moscow: Progress, 463–491.
- Маттисен, Ф. О. 1979: Поэзия. В кн. *Литературная история Соединенных Штатов Америки*: Т. 3. М.: Прогресс, 463–491.
- Pound, E. 2018: *Kantos [The Cantos]*. SPb: Nauka.
- Паунд, Э. 2018: Кантос. Пер с англ. А. В. Бронникова. СПб.: Наука.
- Pound, E. 1975: *The Cantos of Ezra Pound*. London: Faber and Faber.
- Probshtein, Ya. 2003: The Eternal Rebel. In: E. Pound. *Poems and Selected Cantos*. SPb: Vladimir Dal, 17–57.
- Пробштейн Я. Вечный бунтарь. В кн.: Паунд Э. *Стихотворения и избранные Cantos*. СПб.: Владимир Даль, 2003, 17–57.
- Tolmachev, V. M. 2013: Ezra Pound. In: *Istoriya Literary SShA. Literatura mezhdu dvumya mirovymi voynami. [The History of Literature of USA. Literature between Two World Wars]* T. VI, 2. M.: IMLI RAN, 78–125.
- Толмачев, В. М. 2013: Эзра Паунд. В сб.: *История литературы США. Литература между двумя мировыми войнами*. Т. VI, кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 78–125.

СЕНАТ И ЕГО РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕРОГАТИВЫ В ПОВЕСТВОВАНИИ ТИТА ЛИВИЯ О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ВАКХАНАЛИЙ*

История преследования, которое римский сенат внезапно обрушил на почитателей культа Вакха в 186 г. до н. э., давно привлекает внимание исследователей. Наличие такого эпиграфического памятника, как надпись из Тириоли, содержащего текст сенатского постановления о вакханалиях, в сочетании с обстоятельным рассказом Тита Ливия дает уникальную возможность сопоставления документального и литературного памятников. Целью данного исследования является выявить политическую сторону дела о вакханалиях, а также уточнить некоторые аспекты, связанные с религиозными прерогативами сената. Автор приходит к выводу, что политические мотивы играли гораздо более важную роль в действиях римских властей, чем собственно религиозные. Преследуя религиозное объединение, которое, с его точки зрения, потенциально могло перерасти рамки частного сообщества, сенат использовал свои традиционные прерогативы, связанные с религиозным авторитетом этого органа, для решения политических задач.

Ключевые слова: религия, сенат, вакханалии, преследование, полномочия.

Andrey Vasilyev
Saint Petersburg State University / the University ITMO/610 Gymnasium
Petropolitanum. a.v.vasilyev@spbu.ru

Religious prerogatives of the Roman Senate as described in Livy's story about the persecution of the Bacchanalia

The story of the persecution that the Roman Senate suddenly brought down on the worshipers of Bacchus in 186 BC has long attracted the attention of researchers. The presence of such an epigraphic monument as the inscription from Tirioli, containing the text of the Senate resolution on the Bacchanalia, in combination with the detailed story of Livy, provides a unique opportunity to compare the documentary and the literary sources.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01360, <https://rscf.ru/project/23-28-01360/>.

The purpose of this study is to clarify the political side of the Bacchanalia case, as well as to clarify some aspects related to the religious prerogatives of the Senate in this case. The author comes to the conclusion that political motives played a much more important role in the actions of the Roman authorities than the strictly religious. Persecuting a religious organization that, in its view, could potentially outgrow the boundaries of a private association, the Senate used its traditional prerogatives associated with the religious authority of this body to solve political problems.

Keywords: religion, Senate, Bacchanalia, persecution, prerogatives.

История римских мистерий в честь Вакха и того грандиозного преследования, которое внезапно обрушило на них Римское государство в 80-е гг. II в. до н. э., всегда привлекала интерес исследователей. Основными причинами этого являются беспрецедентный характер данного преследования, который плохо соотносится с представлением об относительной религиозной терпимости римлян к чужеземным культам, а также наличие в данном случае в распоряжении исследователей двух видов исторических источников, рассказывающих об одном и том же событии. Во-первых, это эпиграфический памятник из Тириоли на юге Италии, обнаруженный в 1640 г. и содержащий изданное сенатом постановление о вакханалиях¹. Во-вторых, это подробный и обстоятельный, хотя и не лишенный некоторых странностей и противоречий, рассказ Тита Ливия о событиях 186 г. до н. э. (Liv. XXXIX, 8–19).

Один из главных вопросов, который встает перед всеми исследователями, занимавшимися этой темой, состоит в том, каковы были причины столь беспрецедентной реакции римских властей на один из многих чужеземных культов, которые находили своих почитателей в Риме после грандиозных побед римлян на Востоке и начала интенсивного проникновения в Рим греческой культуры? В связи с этим стоит и проблема политического и юридического аспектов преследования культа Вакха: какую роль играли политические мотивы при принятии решения о начале преследования, а также насколько правомерным было со стороны римского сената принятие им в этой связи постановлений, напрямую затронувших не только римских граждан, но и союзные города Италии?

При ответе на все эти вопросы следует обратиться к истокам культа Вакха в Риме. Почитание Диониса в Риме под именем

---

¹ Этому памятнику были посвящены следующие специальные исследования: Fraenkel 1932: 369–396; Krause 1936: 214–220; Dihle 1962: 376–379.

Либера было распространено задолго до появления мистерий². Овидий в *Фастах* упоминает священную рощу Стимулы в устье Тибра как место, издревле связанное с вакханками (Ovid. *Fast.* VI, 502–504).

В то же время с конца IV в. до н. э. в эллинистическом мире дионисийский культ получает распространение в частных религиозных объединениях (θιάσοι), которые появляются во многих греческих городах (Diod. IV, 3)³. На рубеже IV–III в. до н. э. мистерии Вакха появились в Великой Греции и далее перекинулись на Сицилию и в Этрурию, о чем говорит обширный археологический материал (монеты, росписи на вазах, гравировки на бронзовых зеркалах)⁴.

По поводу появления мистерий Вакха в Риме существуют различные точки зрения. Ливий в одном месте своего рассказа упоминает жреца и прорицателя грека из Этрурии, который был «руководителем тайных ночных обрядов» (Liv. XXXIX, 8, 3–4) и превратил вакханалии в своего рода преступное сообщество. Немногом далее в рассказе свидетельницы Гиспалы, которую допрашивает консул Спурий Постумий, всплывают совсем иные детали: будто некая жрица Пакулла Анния, уроженка Кампании, изменила заведенный порядок вакханалий, допустив к чисто женскому таинству мужчин, перенеся обряды на ночное время и начав справлять их вместо трех дней в году пять раз в месяц (Liv. XXXIX, 13, 8–9). Вероятно, в рассказе Ливия присутствуют ходившие вокруг вакханалий слухи, отразившиеся в разных источниках.

Многие исследователи полагают, что их распространение могло быть связано с последствиями Ганнибаловой войны и массовых миграций населения из Южной Италии в Центральную и охватывало в основном низы римского общества (рабы, пролетарии, жертвы Ганнибаловой войны, бежавшие из разоренной сельской местности)⁵.

О быстром распространении культа в Риме и связанных с ним негативных слухах, циркулировавших среди простого народа, ярко свидетельствуют некоторые отрывки из комедий Плавта. Так, в

² Если справедлива традиционная датировка, то храм Церере, Либере и Либере на Авентине был посвящен в 493 г. до н. э. О том, что этот культ принял форму именно мистерий говорит, во-первых, наличие некоторых общих правил (например, воздержание от половой жизни в течение 10 дней перед инициацией), сам ритуал инициации, а также обязанность мистов хранить тайну (Бодянский 1882: 17–18).

³ Bruhl 1953: 49–53.

⁴ Bruhl 1953: 61–81.

⁵ Frank 1927: 128–132; Toynbee 1965: 391–393; Dumézil 1970: 516–517.

«Вакхидах» Плавт обыгрывает имена главных героинь в ответе юного Пистоклера, которого они просят о помощи: «Quia, Bacchis, bacchas metuo et bacchanal tuom.» («Потому, Вакхида, что вакханок боюсь и вакханалии твоей» — Plaut. *Bacch.* 53). В пьесе «Клад» повар Конгрион сравнивает дом Эвклиона, где он и его помощники были избиты, с вакханалией (Plaut. *Aul.* 406–414). В «Амфитрионе» раб Сосия уподобляет жену своего господина «обезумленной вакханке» (Plaut. *Amph.* 703–704).

Очень интересно упоминание о вакханалиях в пьесе Плавта «Касина». Миррина в ответ на восклицания Лисидама, пытающегося оправдать свой вид ссылкой на вакханок, отвечает: «Вздор несет с умыслом. Ведь, клянусь Кастором, ныне вакханки вовсе не справляют игр.» (Nugatur sciens. Nam ecastor nunc Bacchae nullae ludunt — Plaut. *Cas.* 981–982). По-видимому, эта пьеса могла быть написана уже после того, как культ подвергся преследованию римских властей.

Перейдем теперь к вопросу о начале преследования культа и его непосредственных причинах. Тит Ливий рассказывает весьма романтическую историю о юноше Публии Эбутии, которого его мать и отчим сговорились погубить с целью завладеть доставшимся ему от отца наследством. Для этого они решили посвятить его в мистерии Вакха, благодаря чему он должен был полностью подпасть под их влияние, но его возлюбленная вольноотпущенница и куртизанка Гиспала Феценция отговорила его проходить посвящение, что вызвало череду событий, вследствие которых обо всем этом стало известно консулу Сп. Постумию Альбину (Liv. XXXIX, 9–13).

Этот рассказ справедливо подвергался сомнениям в историографии. Было отмечено, что он по своему сюжету и манере изложения напоминает театральную драму II в. до н. э., а потому не может восприниматься всерьез (Walsh 1996: 193–199). Вместе с тем, К. Кереньи в своей книге о культе Диониса указывает, что сутью данного рассказа является то, что женщинам для тайного дионисийского культа был необходим юноша, обязательно не старше 20 лет для совершения с ним некоторых обрядовых действий (Kerenyi 2007: 225).

Римские власти обвинили вакхантов в разнузданных ночных оргиях, связанных со смешением полов и развращением юношества (Liv. XXXIX, 13, 10), в различных преступлениях (лжесвидетельства, подделка завещаний, отравления и убийства — Liv. XXXIX, 8, 7–8), а также в незаконных собраниях (Liv. XXXIX, 15, 11–12).

В историографии довольно распространено убеждение, что значительная часть этих обвинений являлась продуктом римской пропаганды, появившимся уже по результатам совершившегося преследования, а истинные мотивы следует искать в иной плос-

кости⁶. Некоторые исследователи видели инициатором преследования М. Порция Катона и тех людей среди римского нобилитета, кто разделял его взгляды и оппонировал филэллинизму Сципионовой партии. Доказательствами этого обычно служили название одной из утраченных речей Катона (*de coniuratione*), а также то, что в надписи из Тириоли в качестве одного из составителей сенатусконсульта упоминается «Л. Валерий, сын Публия» (CIL. I².581), которого в данном случае соотносят с другом и коллегой Катона по цензуре 184 г. до н. э. Луцием Валерием Флакком⁷.

Впрочем, французский исследователь Ж.-М. Пайе, подробно исследовав эту проблему, пришел к выводу о зыбкости подобных оснований и стремлении историков на основании сложившегося в историографии образа «Великого инквизитора» приписать инициативу данного преследования Катону. На самом деле инициатором в рассказе Ливия явно выступает сам консул Спурий Постумий (Pailler 1986: 29–39).

В конечном счете, большинство современных исследователей сходится в том, что преследование участников вакханалий явилось следствием целого комплекса причин, главными из которых были следующие: превращение мистерий в альтернативную социальную организацию с иерархической структурой, угрожавшую с точки зрения римских властей государственному порядку, а также стремление римского сената продемонстрировать и утвердить собственную власть и авторитет не только в Риме, но и среди италийских союзников⁸.

Следует отметить, что для организации полномасштабного преследования римские власти использовали юридическую категорию *coniuratio* (заговор), которая позволила им пойти на чрезвычайные меры, вплоть до применения вооруженной силы, о чем упоминает Цицерон в трактате «О законах» (Cic. *De leg.* II, 37).

Р. Бауман полагает, что поскольку использовать войска в городе консул не мог, во время созданной им сходки было объявлено *evocatio*, то есть чрезвычайный призыв воинов, не принесших присягу (*milites tumultuarii*), которые и были использованы для расправы с участниками культа Вакха в городе. Именно поэтому консул сделал особый акцент в своей речи на то, что *rex deorum* вследствие их действий не будет нарушен (Bauman 1990: 344).

⁶ Ihne 1876: 218–222; Toynbee 1965: 391; Burkert 1987: 105; North 1979: 93–95; Gruen 1990: 65.

⁷ De Sanctis 1969: 583–584; Tarditi 1954: 277; Scullard 1973: 147, 259.

⁸ Bauman 1990: 347; Walsh 1996: 199; Takács 2000: 306–307.

Э. Грюн посвятил в своей монографии отдельную главу делу о вакханалиях и подробно проанализировал всю историю их преследования в Риме. Он утверждает, что у сената не было никаких оснований опасаться какого-то ущерба для традиционной римской религии или тем более государственного переворота со стороны вакхантов (Gruen 1990: 61).

В надписи из Тириоли не упоминается ни одного из тех преступлений, которые им приписывает Ливий (Liv. XXXIX, 8, 7–8), но зато запрещается без особого разрешения со стороны городского претора и сената вступление кого-либо из римских граждан, латинов или союзников в мистерии, предписывается уничтожение мест культовых собраний, запрещаются сходки свыше 5 человек (не более двух мужчин и трех женщин) для священнодействий, а также избрание жрецов и магистратов, принесение торжественных клятв и обещаний (CIL I². 581).

По мнению Грюна, встречаемые у Ливия обвинения в адрес вакхантов были продуманной пропагандистской кампанией, направленной на то, чтобы получить общественное одобрение репрессивных действий, которые были предприняты вопреки нормальной юридической процедуре. Парадоксальный вывод автора состоит в том, что заговор имел место, но это был не заговор вакхантов, а заговор тех, кто стремился расправиться с ними (Gruen 1990: 65).

Кампания против вакханалий явилась, по мнению автора, средством, которое сенат использовал, чтобы присвоить себе исключительные и беспрецедентные судебные полномочия. Поручение консулам расследовать дела о вакханалиях *extra ordinem* без санкции со стороны комиций влекло за собой узурпацию сенатом исключительной власти. Подобная узурпация шла рука об руку с распространением сферы действия этой власти на земли и общины всей Италии. Инструкции местным властям и должностным лицам, которые рассылались по всему полуострову и отголоском которых явился и столь ценный для нас эпиграфический памятник из Тириоли, также были беспрецедентными по тому размаху, с которым сенат вмешивался во внутренние дела латинских и союзнических общин. Таким образом, дело о вакханалиях предстает поводом для расширения и утверждения римским сенатом собственной судебной власти, как в Риме, так и на территории всей Италии⁹.

Похожая точка зрения была высказана в недавней статье итальянского исследователя А. Кошиа. Автор утверждает, что в случае с вакханалиями не было допущено даже применение права провокации в отношении тех из осужденных, которые были

---

⁹ Gruen 1990: 72–74.

римскими гражданами, которое было основополагающей гарантией от произвола властей. Само преследование автор сравнивает с «охотой на ведьм», полагая, что сенатом специально были созданы подобные условия с целью эффективного ограничения индивидуальных прав на собрания (Cosia 2012).

Попробуем разобраться так ли это и были ли действия сената и в самом деле узурпацией власти. Начнем с того, что уже в законах XII таблиц была прописана норма о запрете ночных сборищ (VIII, 26 = Lampo. *Decl. in Catil.*, 19). Не случайно консул Постумий в речи, обращенной к народу на сходке, особенно акцентирует внимание публики на том, что «предки не разрешали гражданам самовольных, неорганизованных сходок» (Liv. XXXIX. 15.11) за исключением народных собраний и сходок, созванных кем-либо из избранных магистратов, а всюду, где собиралась толпа, считалось необходимым присутствие законного ее руководителя (*legitimum rectorem*).

Что касается религиозной стороны вопроса, то римский сенат неоднократно вмешивался в вопросы культа, запрещая или ограничивая те или иные формы чужеземных обрядов. Как сообщает Ливий, в 428 г. до н. э., когда вследствие эпидемии, обрушившейся на город, народ оказался охвачен чужеземными суевериями, «эдилам было поручено проследить, чтобы никакими иными способами, кроме принятых в отечестве, и никаким иным богам, кроме римских, не поклонялись» (Liv. IV, 30, 10–11).

Похожая история произошла во время Второй Пунической войны в 213 г. до н. э., когда, как передает Ливий, «от римских обрядов отрекались не тайком, не в своих четырех стенах, а публично» и даже «на форуме и Капитолии толпа женщин молилась и приносила жертвы не по отеческому обычаю» (Liv. XXV, 1, 6–7). Характерно, что и в этом случае сенат сначала обращается к эдилам и уголовным триумвирам (Liv. XXV, 1, 10), а после их неудачи поручает городскому претору прочесть на сходке сенатусконсульт о запрете на жертвоприношения по чужеземному обряду и необходимости в определенный срок сдать претору хранящиеся дома книги предсказаний и молитв (Liv. XXV. 1. 11–12).

В недавней статье было отмечено, что оба постановления сената (213 и 186 гг.) Ливий предваряет аналогичными по структуре и смыслу емкими фразами, которые в целом заменяют собой содержание, собственно, самих постановлений (Sukharev 1973: 96). Первые шаги сената в обоих случаях практически идентичны, за исключением того магистрата, к которому сенат обращается с поручением предпринять те или иные действия. Складывается впечатление, что речь идет об обычной процедуре и в случае с делом о вакханалиях лишь размах предполагаемого заговора заставляет сенат сразу же обратиться к консулам.

Вопрос о чрезвычайных трибуналах (*quaestiones extraordinariae*) был подробно разработан еще П. Г. Виллемсом в его классическом труде о римском государственном праве. Назначение подобного трибунала в исключительных случаях по желанию сената или народа подразумевало безапелляционный приговор, поэтому в данном случае сенат действовал вполне в римском правовом поле (Willemms 1888–1890: 195–196).

Если мы взглянем на проблему взаимоотношений Рима и союзников, то и в этом случае сенат не узурпировал никаких новых полномочий, которые бы не использовались им ранее. В конце IV в. до н. э. сенат довольно часто прибегал к декретированию специальных следствий (*quaestiones*) для искоренения предпологаемых заговоров в рядах союзников.

Так, в 314 г. до н. э., когда среди Капуанской знати стали возникать тайные заговоры (*occultae principum coniurationes*), об этом было доложено сенату, и он постановил избрать диктатора для проведения расследования по этому делу (Liv. IX, 26, 5–6).

Десять годами позже *quaestio* проводится уже консулами и вновь по постановлению сената. На этот раз оно было проведено среди племени фрузитанов, подстрекавших герников к мятежу. Зачинщики этого заговора были высечены розгами и обезглавлены топором (Liv. X, 1, 3).

Тот факт, что для большей части III в. до н. э. состояние нашей источниковой базы не позволяет нам сколько-нибудь подробно судить о внутренней истории Рима, может подразумевать, что и в этот период сенат продолжал осуществлять подобные функции.

В данном контексте беспрецедентным кажется лишь размах и длительность преследований, но не формальные процедуры, использованные для их осуществления.

Чем же закончилось дело о вакханалиях. Ливий сообщает, что многие участники мистерий были извещены письмами своих друзей в Риме о сенатском решении, что вызвало панику и оцепенение. Утверждалось, что в заговор были вовлечены свыше 7000 мужчин и женщин. Были схвачены его руководители — Марк и Гай Атинии из римлян, Луций Опитерний из Фалерий, а также кампанец Миний Церрений. Большинство из тех, кто был арестован, были казнены, но некоторые — оставлены под стражей. Именно тогда был принят сенатусконсулт, зафиксированный в надписи из Тириоли, а консулы отправились по Италии, чтобы разыскивать и судить заговорщиков на местах (Liv. XXXIX, 17–18).

Впрочем, преследования вакхантов продолжались в течение нескольких лет после принятия сенатского постановления. Ливий сообщает о действиях претора Луция Постумия в Таренте в 184 г. до н. э. против скрывавшихся там заговорщиков (Liv. XXXIX, 41. б), а также о том, что в 181 г. до н. э. Луцию Дуронию было поручено завершить начатое Луцием Пупием в Апулии

расследование о вакаханалиях и «искоренить это зло, чтобы оно еще раз не расплодилось» (Liv. XL, 19. 9–10).

В заключение еще раз вернемся к вопросу о мотивах сената в организации столь масштабных преследований. Очевидно, что инородность культа Вакха или его оргиастический характер не могли быть причинами его преследования, поскольку еще в 205 г. до н. э. в Риме был официально после обращения к Сивиллиным книгам учрежден культ Кибелы после того, как в город перевезли ее священный камень из Пессинунта (Liv. XXIX, 10–11). Культ этот был не в меньшей степени скандальным и приходил в противоречие с традиционными римскими добродетелями. Тем не менее, он был учрежден с санкции сената и под его контролем. Напротив, в культе Вакха сама спонтанность его распространения и невозможность установить контроль над вакханалиями вызывала реакцию римских властей (Cosia 2012).

С другой стороны, как было отмечено Дж. Нортон, было бы неправильным в данном случае разделять политический и религиозный аспекты, поскольку возможность религиозного преследования практически неизбежно следует за изменением природы религиозной организации (North 1979: 95–97). Ритуалы инициации, общая касса, специализация индивидуальных ролей внутри группы и определенная иерархия, о которой говорит содержащийся в тексте сенатского постановления запрет кому-либо становиться жрецом (*sacerdos*), магистратом (*magistratus*) или промагистратом (*pro magistratu*), торжественные клятвы и обеты, даваемые в присутствии друг друга, — все это разительно отличало культ Вакха от других чужеземных культов, получивших распространение в Римской республике II в. до н. э.

В связи с этим можно вспомнить также слова В. Буркерта о том, что жестокость преследования вакханалий может объясняться страхом перед появлением внутри римской общины «другого народа», который со временем сможет вытеснить *populus Romanus* из его собственных пределов (Burkert 1987: 52). Возможно, именно поэтому преследование подобного размаха не имело прецедентов в истории Римской республики и его можно сравнить с преследованиями христиан уже в эпоху Империи. Ведь, этот страх реализовался именно тогда, когда христиане двумя столетиями позже в каком-то смысле провозгласили себя новой *civitas*, которая пришла на смену старой.

Литература

- Bauman, R. A. 1990: The Suppression of the Bacchanals: Five Questions, *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 39, 3, 334–348.
- Bodyanskii, P. N. 1882: *Rimskie vakhanalii i presledovanie ih v VI veke ot osnovania Rima* [Roman Bacchanalia and their persecution in the VI century from the founding of the Rome]. Kiev. Бодянский, П. Н. 1882: *Римские вакханалии и преследование их в VI веке от основания Рима*. Киев.
- Bruhl, A. 1953: *Liber Pater, Origine et expansion du culte dionysiaque à Rome et dans le monde romain*. Paris.
- Burkert, W. 1987: *Ancient Mystery Cults*. London.
- Cosia, A. 2012: Congiure e società segrete nel II secolo A.C., *Redazione Acam.it*. URL: <http://www.acam.it/i-baccanali-la-repressione-di-un-culto-religioso-nella-roma-antica/> (Date of issue: 20.10.2018).
- Dumezil, G. 1970: *Archaic Roman religion* 2. Chicago.
- De Sanctis, G. 1969: *Storia dei Romani* 4.1. Firenze.
- Dihle, A. 1962: Miscellen zum SC de Bacchanalibus, *Hermes* 90, 3, 376–379.
- Fraenkel, Ed. 1932: Senatus consultum de Bacchanalibus, *Hermes* 67, 4, 369–396.
- Frank T. 1927: The Bacchanalian Cult of 186 B.C., *Classical Quarterly* 21, 128–132.
- Gruen, E. S. 1990: *Studies in Greek culture and Roman policy*. Leiden.
- Ilhne W., 1876: *Römische Geschichte von der Gründung Roms bis zum Kaiserthum* 4. Leipzig.
- Kerenyi, K. 2007: *Dionis: Proobraz neissyakaemoi zhizni* [Dionysus: the prototype of inexhaustible life]. Moskva.
Кереньи К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни. Пер. с нем. А. В. Фролова, Л. Ф. Поповой. М.
- Krause, W. 1936: Zum Aufbau der Bacchanal-Inschrift, *Hermes* 71, 2, 214–220.
- Musiał, D. 2010: “Postumius” speech of Livy and Bacchanalian Affair, *Akme. Studia historica* 6, 3–23.
- North, J. A. 1979: Religious toleration in republican Rome, *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 25 (205), 85–103.
- Pailler, J.-M. 1986: Caton et les Bacchanales: seduction et ténacité d’un mirage historique, *Papers of the British school at Rome* 54, 29–39.
- Scullard, H. H. 1973: *Roman politics*. 2nd ed. Oxford.
- Sukharev, A. K. 2010: K voprosu o sootnesenii tak nazyvaemogo “senatus consultum o vakhanalijah” iz Tirioli i soobshenia Tita Livia o presledovanii vakhanalij v Rime [On the question of comparison between the so called senatus consultum de Bacchanalibus from Tirioli and the evidence of Titus Livy about the persecution of Bacchanalia in Rome], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seria: Istoria i politicheskie nauki* 4–5, 91–98.

- Сухарев, А. К.: К вопросу о соотнесении так называемого «сенатусконсульта о вакханалиях» из Тириоли и сообщения Тита Ливия о преследовании вакханалий в Риме, *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки* 4–5, 91–98.
- Takács, S. A. 2000: Politics and Religion in the Bacchanalian Affair of 186 B.C.E., *Harvard Studies in Classical Philology*. 100, 301–310.
- Tarditi, G. 1954: La questione dei Baccanali a Roma nel 186 A.C., *La Parola del Passato* 9, 163–196.
- Toynbee, A. J. 1965: *Hannibal's legacy: the Hannibalic war's effects on Roman life* 2. London.
- Walsh, P. G. 1996: Making Drama out of crisis: Livy on the Bacchanalia, *Greece & Rome* 43, 2, 193–199.
- Willems, P. G. 1888–1890: *Rimskoe gosudarstvennoe pravo* [Roman state law]. Kiev.
- Виллемс, П. Г. 1888–1890: Римское государственное право. Пер. с фр. под ред. П. Н. Бодянского. Киев.

И. Э. Васильева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
i.vasileva@spbu.ru

М. Л. Кисилиер

СПбГУ / Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru

«ИХ-НАШ ПУШКИН»: ИЗ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОЙ ПУШКИНИАНЫ

Статья посвящена специфике «пушкинского мифа» в грекоязычной культуре. В начале описываются результаты полевого исследования, посвященного представлениям современных греков о Пушкине. Затем рассматриваются наиболее яркие имена греков-переводчиков Пушкина и история основных этапов формирования греческого «пушкинского мифа», отразившаяся как в биографиях самих переводчиков, так и в присущих им переводческих стратегиях и в расстановке акцентов в изложении пушкинской биографии. На примере раннего этапа формирования «пушкинского мифа» в грекоязычной культуре подробно описывается история формирования греческой пушкинианы и основные труды. В итоге, ставится проблема специфики формируемого в греческих переводах «пушкинского текста» и предлагается концепция, согласно которой своеобразие «греческого Пушкина» обусловлено спецификой греко-русских отношений второй половины и особенно последней трети XIX в., определивших, с одной стороны, интерес к творчеству Пушкина со стороны греческой диаспоры юга России, с другой, — ее стремление так или иначе соединить «русского Пушкина» с греческой «великой идеей».

Ключевые слова: Пушкин, «пушкинский миф», грекоязычная пушкиниана, литературный перевод, греко-русские культурные связи.

I. E. Vasileva

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. i.vasileva@spbu.ru

M. L. Kisilier

St. Petersburg State University / Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru

“Their-our Pushkin”: from the history of Greek Pushkin studies

This contribution is about the peculiarities of the “myth about Pushkin” in Greek-speaking culture. In the first part, we describe the fieldwork research where we investigate what contemporary Greeks know about Pushkin. Then, we observe the most eminent translators and basic stages of the formation of the Greek “myth about Pushkin”, along with the analysis

of the translating strategies and the way of narrating of Pushkin's biography. We analyze the earliest stage of this process in the Greek-speaking culture as an illustration of Greek Pushkin studies. As a result, we think that the main problem here are the specific features of the "Pushkin's text" and propose a concept that the uniqueness of Greek Pushkin originates from the unique Greek-Russian relations of the 2nd half (especially the last third) of the 19th century. They raised interest of Greek diaspora in the south of Russia towards Pushkin's works, on the one hand, and the intention to combine "Russian Pushkin" and Greek "Great Idea", on the other.

Keywords: Pushkin, the "myth about Pushkin", Pushkin studies in Greek, translation of the literature, Greek-Russian cultural connections.

Практически в каждой национальной литературе есть автор, про которого говорят, что его невозможно адекватно перевести на другие языки и что невозможно понять его значимость, не прочтя его произведения на языке оригинала. Например, в Греции таким поэтом считают Ангелоса Сикелияноса, а для России это — Пушкин. Знаменитый греческий писатель Никос Казандзакис в своей «Истории русской литературы», в частности, отмечает: «Тем, кто не владеет русским языком и не может непосредственно соприкоснуться с творчеством Пушкина, этот энтузиазм (по поводу значимости Пушкина для русской и мировой культуры — *И. В., М. К.*) кажется преувеличенным. Они не могут ощутить ни магическую прелесть ритма пушкинского языка, ни не сравнимую ни с чем его мощь в изображении русской души»¹ (Kazantzakis 1930: 143)². Тем не менее, легко убедиться, что в греческих магазинах продается немало книг Пушкина. Приведем некоторые названия с сайта «βιβλιονet»³:

1. «Ο ψαράς και το χρυσόψαρο» («Сказка о рыбаке и рыбке», букв. «Рыбак и золотая рыба»);

---

¹ Здесь и далее перевод наш (*И. В., М. К.*), если это не указано особо.

² Справедливости ради отметим, что и сам Казандзакис, хотя и пытался учить русский язык, едва ли мог читать Пушкина в оригинале и, скорее всего, ознакомился с его творчеством с помощью русскоязычных друзей (ср. Vien 2012: 292, 303, 307, 314).

³ <https://biblionet.gr/προσωπο/?personid=5595> (дата обращения 20.04.2024). Приведенный ниже список далеко не полон, более того, даже на сайте одного магазина можно обнаружить несколько разных переводов одного и того же произведения.

2. «Ο ἀράλης του Μεγάλου Πέτρου και άλλα πεζά» («Арап Петра Великого и другие прозаические произведения») ⁴;
3. «Η ιστορία του Πουγκατσόφ» («История пугачевского бунта», букв. «История Пугачева»);
4. «Τσάρος Σαλτάν» («Сказка о царе Салтане», букв. «Царь Салтан»);
5. «Η Ντάμα Πίκα» («Пиковая дама»);
6. «Μότσαρτ και Σαλιέρι. Ο πέτρινος επισκέπτης» («Моцарт и Сальери. Каменный гость»);
7. «Μικρά ποιήματα» («Стихотворения») ⁵;
8. «Ευγένιος Ονέγκιν» («Евгений Онегин»);
9. «Η κόρη του λοχαγού» («Капитанская дочка»);
10. «Τα τρία παραμύθια» («Три сказки» — «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане»);
11. «Δон Ζουάν (Ο πέτρινος καλεσμένος). Σκηνές από τον καιρό των ιπποτών» («Дон Жуан (Каменный гость). Сцены из рыцарских времен»);
12. «Μπόρις Γκοντούνοφ» («Борис Годунов»);
13. «Τα διηγήματα της φωτιάς» ⁶ («Огненные повести» — «Выстрел», «Барышня-крестьянка», «Гробовщик», «Метель»);
14. «Ταξίδι στο Ерζερούμ» («Путешествие в Арзрум»);
15. «Μικρές τραγωδίες» («Маленькие трагедии»);
16. «Τσιγγάνοι» («Цыганы»);
17. «Ποιήματα» («Стихотворения»);
18. «Πολτάβα» («Полтава», издана вместе с «Баснями» И. А. Крылова).

Произведения Пушкина нередко включают в антологии вместе с произведениями западноевропейских романтиков, от которых, по крайней мере, для современных издателей, Пушкин мало чем отличается. С этой точки зрения весьма показательна ошибка,

⁴ Встречается также отдельное издание под названием «Ο νέγρος του Μεγάλου Πέτρου» (букв. «Негр Петра Великого»).

⁵ Согласно аннотации, в сборник включены стихотворения, связанные с греками и Грецией.

⁶ Такой нетипичный перевод названия «Повестей И. П. Белкина» с трудом поддается интерпретации. Возможно, переводчик подразумевал сложную ассоциативную метафору, в которой соединились бы обстоятельства создания повестей — «огонь эпидемии» (холерный карантин), предполагаемое условное время наррации (истории, которые рассказывают вечером, у камина) и напряженность («огонь») интриги. Однако вполне вероятно, что за странным переводом стоит обычная ошибка понимания.

допущенная в статье, посвященной Пушкину, на сайте Коммунистической партии Греции⁷, где вместо портрета Пушкина представлено изображение венгерского национального поэта Шандора Петёфи.

Современные греки о Пушкине: взгляд XXI в.

Чтобы понять, что знают современные греки о Пушкине, мы решили провести небольшое полевое исследование с помощью современных информационных технологий, создав короткий опросник на платформе «Google Формы». В опросе приняли участие 145 респондентов, относящихся к нескольким возрастным группам⁸, проживающих в различных регионах Греции⁹, на Кипре (8 чел.) и в других странах¹⁰, и имеющих разное образование¹¹. Участники исследования изначально не знали, что цель опроса — выявить, насколько им знакомо имя Пушкина, и ожидали, что речь пойдет о русской культуре в целом. В ходе опроса они должны были анонимно ответить на шесть вопросов.¹² Приведем эти вопросы вместе со статистикой ответов и нашим кратким комментарием.

1. Имена каких деятелей русской культуры и науки вам известны?

Отвечая на этот вопрос, участники исследования должны были сами указать известные им имена. Пятеро респондентов признались, что не знают никого, четверо написали, что знают «всех», «многих» или «некоторых». Подавляющее же большинство стали

---

7 <https://www.rizospastis.gr/story.do?id=3500354> (дата обращения 18.04.2024).

⁸ Участников опроса можно разделить на пять возрастных групп: 21–30 л. (23 чел.), 31–40 л. (35), 41–50 л. (34), 51–60 л. (32) и старше 60 л. (21).

⁹ Афины и окрестности (43 чел.), Салоники и окрестностях (15), Леонидио и окрестности (14), Триполи и окрестности (11), Астрос (8), Патры (7), Спарта и окрестности (6), Сκάла (3), Ййтион (2), Крит (2), Кораковуни (1), Акраты (1), Нафплион (1), Лерос (1), Хиос (1) и Корфу (1). 14 участников опроса указали, что они проживают в Греции, не конкретизируя населенный пункт.

¹⁰ Канада (2 чел.), США (1), ФРГ (1), Австрия (1) и Великобритания (1).

¹¹ 47 респондентов имеют или получают филологическое образование (8 из них изучали/изучают русскую филологию), 27 — гуманитарное нефилологическое, 26 — связаны с точными или естественными науками, 22 — изучали другие направления и 23 чел. не получили высшего образования.

¹² По-настоящему, вопросов было больше, однако не все дали результаты, заслуживающие упоминания в настоящей статье.

отвечать весьма подробно. Упомянутых деятелей русской культуры и науки можно условно разделить на несколько групп:

Политические деятели и известные люди: Бакунин (3)¹³, Гагарин (2), Герцен, Горбачев, Кропоткин (2), Ленин (5), Молотов, Сталин (3), Троцкий.

Деятели театра, кино и эстрады, музыканты: Барышников (3), Билан (2), Васильев (балет), Вахтангов, Кончаловский, Мейерхольд, Михалков (2), Налич, Нижинский, Нуриев (8), Образцова, Параджанов, Плесецкая, Пугачева, Ростропович, Сокуров, Смоктуновский, Станиславский (5), Тарковский (17), Уланова, (Михаил) Ульянов, Френкель, Шаляпин, Эйзенштейн (5).

Композиторы: Бородин, Глинка, Губайдулина, Мусоргский (2), Прокофьев (6), Рахманинов (29), Римский-Корсаков (6), Рубинштейн, Скрябин, Стравинский (9), Чайковский (63), Шнитке, Шостакович (5)¹⁴.

Ученые: Бахтин (2), Вавилов, Выготский (2), Колмогоров, Ломоносов (3), Менделеев (2), Павлов (2), Перельман, Пирогов, Прохоров (физик), Трубецкой, Якобсон (2).

Художники: Айвазовский (2)¹⁵, Бруни, Брюллов, Васнецов, Глазунов, Клюн, Кондинский (10), Левитан, Малевич (4), Маковский (2)¹⁶, Перов, Репин (2), Рублев (3), Рябушкин, Феофан Грек, Шагал (6), Шишкин.

Литераторы: Айтматов, Андреев, Ахматова (7), Блок, Булгаков (3), Бунин, Гоголь (10), Горький (12), Григорович, Гроссман, Достоевский (97), Евтушенко, Есенин (2), Жуковский, Лермонтов (6), Маяковский (19), Набоков (2), Некрасов, Пастернак (5), Пушкин (30), Солженицын (5), Толстой (86), Тургенев (7), Цветаева (2), Чехов (28), Шолохов¹⁷.

При всем разнообразии имен, видно, что литераторы известны лучше всех прочих. При этом наибольшее количество имен знают респонденты старше 40 лет независимо от уровня и направления образования. Как и ожидалось, Пушкин не оказался наиболее известным русским литератором. Тем не менее, он попал в

¹³ Здесь и далее в скобках приводится число респондентов, указавших данное имя.

¹⁴ Среди русских композиторов был также указан и Шопен.

¹⁵ Один из респондентов не смог вспомнить имя, но подробно описал картины.

¹⁶ Не исключено, что перепутан с Маяковским, но оба участника опроса, указавшие Маковского, несомненно, знакомы как с русскими поэтами, так и художниками.

¹⁷ Интересно, что в перечень русских писателей попал Кафка.

четверку самых известных имен, немного обойдя Чехова и значительно опередив Горького и Гоголя:

1. Достоевский — 97 чел.
2. Толстой — 86 чел.
3. Чайковский — 63 чел.
- 4. Пушкин — 30 чел.**
5. Рахманинов — 29 чел.
6. Чехов — 28 чел.
7. Маяковский — 19 чел.
8. Тарковский — 17 чел.
9. Горький — 12 чел.
10. Гоголь — 10 чел.

Более того, четыре респондента (двое из них не являются филологами) именно с Пушкина начинали перечисление имен деятелей русской культуры и науки.

Следующие вопросы исследования уже были непосредственно связаны с Пушкиным. При ответе на вопросы 2–4 участникам опроса предлагалось выбрать правильный, по их мнению, вариант из списка.

2. Кем был Пушкин?

Большинство респондентов (98) не сомневались в том, что Пушкин — литератор. 37 участников опроса затруднились ответить. Встретились также и довольно экстравагантные версии: политический деятель (3¹⁸), ученый (2), музыкант (2¹⁹), философ (2) и художник (1).

3. Когда жил Пушкин?

55 участников опроса признались, что «не знают». Правильно ответили 42 чел. 34 респондента отправили Пушкина в XVIII в. Можно предположить, что ответы типа XVII в. (7), XX в. (4), «жив до сих пор» (2) и XVI в. (1), скорее всего, просто представляют собой случайный выбор тех, кто просто не захотел написать, что «не знают».

4. Как выглядел Пушкин?

Участникам опроса были предложены портреты пятерых деятелей русской культуры, и нужно было определить, где

---

¹⁸ Все ответившие таким образом либо не получили высшего образования, либо не изучали ни гуманитарные, ни естественные, ни точные науки.

¹⁹ Интересно, что в первых двух случаях ответившие имели филологическое или гуманитарное образование.

изображен именно Пушкин. 72 респондента успешно справились с этой задачей. Несколько отвечавших перепутали Пушкина с Репиным (8), Тургеневым (4) и Рахманиновым (1). 60 чел. затруднились ответить.

Последние два вопроса (№№ 5 и 6) были связаны с произведениями Пушкина, названия которых участники опроса должны были написать сами.

5. Названия каких произведений Пушкина известны участникам опроса?

Около половины респондентов не знали (71) или не вспомнили (9) ни одного названия. Однако большая часть участников опроса (51%) дали положительные ответы. По степени известности для этой группы произведения Пушкина располагаются следующим образом:

1. «Евгений Онегин» — 29 чел.
2. «Капитанская дочка» — 15 чел.
3. «Руслан и Людмила» — 14 чел.²⁰
4. «Борис Годунов» — 8 чел.
5. «Кавказский пленник», «Пиковая дама» — 6 чел.
6. «Медный всадник», «Цыганы» — 5 чел.
7. «Станционный смотритель» — 4 чел.
8. «Моцарт и Сальери», ода «Вольность» — 3 чел.
9. «Метель», «Путешествие в Арзрум», «Сказка о царе Салтане» — 2 чел.

Кроме этого, некоторые участники опроса вспомнили такие произведения, как «Арап Петра Великого», «Воспоминания о Царском селе», «История пугачевского бунта», «Маленькие трагедии» (и отдельно «Каменный гость» и «Пир во время чумы»), «Монах», «Выстрел», «Полтава», «Пророк», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» и «Сказка о рыбаке и рыбке». Важно отметить, что многие названия упоминали респонденты, вообще не связанные с филологией или не имеющие высшего образования.

6. Какие произведения Пушкина читали участники опроса?

Примерно $\frac{2}{3}$ участников опроса признались, что никогда не читали Пушкина (98) или не помнят, что именно читали (4). Некоторые респонденты просто указали, что читали какие-то стихотворения. В нашем исследовании учитывались лишь те случаи, когда указывались названия конкретных произведений. Как и ожидалось, список прочитанных произведений намного короче, чем список известных названий, приведенный выше.

²⁰ Некоторые респонденты, вероятно, ориентируясь на какой-то перевод, именуют поэму «Людмила и Руслан».

Несмотря на это, они отчасти совпадают, в т. ч. и с точки зрения частотности упомянутых названий:

1. «Евгений Онегин» — 11 чел.
2. «Капитанская дочка» — 7 чел.
3. «Борис Годунов» — 4 чел.
4. «Пиковая дама», «Руслан и Людмила», «Цыганы» — 3 чел.
5. «Станционный смотритель» — 2 чел.²¹

Среди прочитанных произведений также были «Кавказский пленник», «Каменный гость», «Медный всадник», «На холмах Грузии...», «Полтава» и «Путешествие в Арзрум».

Вопреки ожиданиям основными читателями произведений Пушкина, согласно опросу, оказались не столько выпускники кафедры русской филологии, сколько представители старшего поколения независимо от направления и уровня их образования. Отметим, что среди греческих читателей Пушкина есть и молодежь.

Итак, полученная в результате опроса картина позволяет сформулировать несколько тезисов. Во-первых, Пушкин для греков не является самым известным представителем русской литературы, а значительная часть тех, кто знает его имя, никогда не брала в руки его книг (вероятно, даже часть тех, кто пытается утверждать обратное). Во-вторых, представления участников опроса о Пушкине довольно пестры. Это ожидаемо, учитывая различный культурный бэкграунд и широкий возрастной диапазон информантов. Вместе с тем не просматривается последовательной корреляции между точностью и глубиной знаний о Пушкине и/или его произведениях, с одной стороны, и социально-возрастными (прежде всего, уровень и тип образования) характеристиками информантов — с другой²². Это значит, что, в отличие от отечественной ситуации, представление современных греков о Пушкине не является институциональным продуктом, т. е. пассивно усвоенным стереотипом, например, привнесенным из системы образования. Напротив, греческие представления могут свидетельствовать (разумеется, со всеми понятными оговорками) о реальной читательской практике информанта, быть отражением его живого интереса к русской культуре. В то же время, наличие значительного числа респондентов, читавших Пушкина или вполне ясно ассоциирующих его с первыми именами русской литературы, рождает закономерные вопросы: как же воспри-

---

²¹ Один респондент также упомянул «Повести Белкина» целиком.

²² Весьма вероятно, что такая картина в целом типична для современной культуры, обусловлена ее повышенным динамизмом, полицентризмом, широтой и интенсивностью информационного потока.

нимают греки Пушкина? чем он им интересен? есть ли у них более или менее типичное представление о нем и о его творчестве? насколько это представление устойчиво в «большом» времени? Ответить на эти и подобные им вопросы в полной мере едва ли возможно, по крайней мере, в рамках данной статьи, но можно наметить некоторые векторы исследования в изучении рецептивного поля грекоязычного Пушкина. Очевидно, что одним из красноречивых свидетельств, на которые можно опереться в разработке данной темы, являются переводы Пушкина на новогреческий язык.

История греческой пушкинианы: основные этапы

Историю переводов Пушкина на новогреческий и текстов о Пушкине на новогреческом языке²³ можно разделить на несколько хронологических этапов, которые, по всей видимости, типичны не только для Греции. Границы их обозначены наиболее масштабными событиями социально-политической истории. Первый период — до первой мировой войны и революции 1917 г., второй связан с интересом к новой советской России, третий — после второй мировой войны, четвертый начинается в 1990-ые. Каждый из этих этапов имеет свою доминанту и специфику.

Первый период можно было бы определить как «подготовительный», информационный. С одной стороны, его центральные события, как и во всем мире, фокусируются вокруг двух пушкинских юбилеев — 50-летие со дня гибели (1887 г.) и 100-летие со дня рождения (1899 г.). Юбилеи вызвали волну интереса к Пушкину, и, как следствие, серию новых переводов его произведений и текстов о нем. Такая картина характерна как для отечественной, так и для зарубежной пушкинианы (Draganov 1899: 30). С другой стороны, грекоязычный мир имел свои особенности, существенно отличавшие его ситуацию от европейской. До последней трети XIX в. представления греков о русской литературе были весьма фрагментарны и скупы. Им были известны богословские сочинения, греки знали «Историю государства российского» Н. М. Карамзина²⁴. Какие-то сведения о русской литературе и русских писателях появлялись в греческой печати. В периодических изданиях Константинополя и Афин встречались небольшие сообщения даже о Пушкине, сопровождаемые переводами его стихотворений. Однако роль этих публикаций

---

²³ Далее, для краткости, говоря о переводах Пушкина на новогреческий или о грекоязычном Пушкине мы будем иметь в виду как переводы на новогреческий произведений Пушкина, так и тексты — биографические, критические — о Пушкине на новогреческом языке.

²⁴ Перевод «Истории...» на греческий был опубликован в Афинах в 1855–1856 гг. (Karamzin 1855–1856).

была мала, они имели «случайный и спорадический характер, не получали широкого распространения в греческом обществе и очень мало знакомили греков с великим русским поэтом» (Sokolov 1926: 188). Вместе с тем к концу века в европейском мире уже стремительно росла известность Тургенева, Достоевского, Толстого. Греция в этом смысле не была исключением. Но появление великих русских романистов — по установившемуся как в русской культуре, так и активно транслируемому за ее пределы представлению — без Пушкина было бы невозможно. Так задача обстоятельного знакомства грекоязычного мира с Пушкиным и его произведениями получала не только юбилейное, но оправданное исторической логикой литературного процесса обоснование. Для грекоязычного мира специфика ситуации заключалась еще и в том, что речь шла не о новой волне интереса, а о первом обстоятельном знакомстве с Пушкиным. Как писал в 1870 г. греческий дипломат, ученый и литератор Стефан Карафеодорис (Στέφανος Κ. Καραθεοδωρής)²⁵, «китайская стена все еще отделяет русский мир от греческого культурного общества» (Karatheodoris 1870–1871: 60–61). Так что очевидная первостепенная задача состояла в том, чтобы встречными усилиями — как русской литературы, так и грекоязычной — преодолеть эту «стену». Юбилейные даты послужили дополнительным стимулом. К ним приурочены главные издания этого периода. Таких немного и не составит труда их перечислить. Это сделанный в 1870 г. уже упомянутым выше Карафеодорисом доклад о русской литературе, опубликованный позднее в виде отдельной статьи. Затем в 1886 г. Феодор Веллианитис (Θεόδωρος Α. Βελλιανίτης) напечатал довольно большую биографию Пушкина в «Аттическом календаре» (Αττικὸν Ἡμερολόγιον), популярном во всем грекоязычном мире афинском издании (Vellianitis 1886). Уже в следующем, 1887 г., там же в Афинах вышел объемный том разных пушкинских произведений в переводе Адамантия Харамίса (Αδαμάντιος Χαραμής), помимо художественных текстов, в томе была и биография Пушкина (Pushkin 1887). Еще через год, в 1888 г., в Одессе были изданы пушкинские поэмы в переводе Харлампия Вулодимоса (Χαράλαμπος Βουλόδημος) (Pushkin 1888). В 1893 г. тоже в Одессе выходит перевод «Капитанской дочки», выполненный Николаосом Феодоридисом (Νικόλαος Τ. Θεοδωρίδης) (Pushkin 1893). А в 1899, в год 100-летнего пушкинского юбилея, в Афинах будет опубликован «Евгений Онегин» в переводе Вулодимоса (Pushkin 1899).

---

²⁵ Здесь и далее — при первом упоминании греческого автора и его произведения дается написание имени и названия текста на русском и на греческом, в дальнейшем уже упомянутое имя или название указывается только на русском.

Помимо текста романа, том включал биографию Пушкина и тексты о нем.

Таким образом, между двумя юбилеями, на новогреческом языке был создан корпус текстов, включающих основные биографические сведения о Пушкине и переводов его художественных произведений. Закономерно, что все первые переводчики пушкинских произведений оказались так или иначе связаны с Россией — или жили в ней длительное время (как Харамис, Веллианитис и Вулдимос), или хотя бы посещали ее (как Карафеодорис). На сегодняшний день сведений о них немного. Но очевидно, что особенности их биографий, мировоззрения, степень погруженности в русскую литературу и даже уровень знания русского языка — все это так или иначе отразилось на текстах их переводов. Другие пушкинские материалы и переводы, время от времени появлявшиеся в греческой периодической печати, по общему мнению немногочисленных исследователей ранней новогреческой пушкинианы, в еще большей степени были далеки от совершенства (Kirpichnikov 1887; Draganov 1899; Sokolov 1926). Нередко сведения о жизни поэта давались в неточном или даже весьма вольном пересказе, в переводе приводились только отрывки произведений, стихотворные тексты передавались прозой и т. д. Тем не менее главная задача — создание базового корпуса пушкинских новогреческих текстов — была выполнена. Отчасти поэтому в 1900–1910-х гг. активность по созданию «греческого Пушкина» явно снижается. Не способствовали новым переводам и внешние обстоятельства: в начале 1907 г. после продолжительной болезни умирает главный меценат культурных проектов российской греческой диаспоры Г. Г. Маразли, в России идет затяжной политический кризис, неуклонно нарастает напряжение в греко-турецких отношениях, в 1913 г. убивают греческого короля Георга I и его супруга, урожденная Ольга Константиновна Романова, поддерживавшая русофильские культурные проекты, возвращается в Россию. Первая мировая война, малоазийская катастрофа и череда русских революций отодвинули задачу переводов Пушкина на греческий далеко на периферию.

Второй хронологический период переводов Пушкина приходится на 1920–1930-ые гг. У него тоже есть свой юбилейный центр — 1937 г. В этот год в советской печати проходит серия отчетных публикаций, рассказывающих о праздновании пушкинского юбилея в других странах. Материалы под общей рубрикой «Пушкинские дни за рубежом» публикуют газеты «Известия» (1937, № 37, 11 февраля, с. 2), «Правда» (1937, № 41, 11 февраля, с. 6), «Комсомольская правда» (1937, № 34, 11 февраля, с. 1), «Коммунист Таджикистана» (Сталинабад, 1937, № 37, 15 февраля, с. 3), «За коммунистическое просвещение» (1937, № 21, 12 февраля, с. 4), а также «Интернациональная литература» (1937,

№ 3, с. 221–222). В числе прочих стран называется и Греция²⁶. Однако риторика советских передовиц не дает возможности представить конкретику отношения греков к Пушкину в эти годы.

В отличие от первого периода, главные события в развитии «новогреческого Пушкина» в 1920–30-е гг. с юбилеем не связаны. Они означены двумя независимыми друг от друга именами — Никосом Казандзакисом (Ν. Καζαντζάκης) и Георгием Антоновичем Костоправом. В рамках масштабного проекта новой советской власти по созданию в мире положительного имиджа СССР страну посещают известные иностранные писатели. В их числе был и Казандзакис, в 1925–1929 гг. трижды побывавший в советской России и описавший свои впечатления как от советской жизни, так и в целом от русской культуры в книге очерков «Путевые заметки. Россия». Главным же итогом интереса к России стала написанная Казандзакисом «История русской литературы» (Ιστορία τῆς Ῥωσικῆς λογοτεχνίας). Есть в ней и глава, посвященная Пушкину (Kazantzakis 1930: 144–157). «История литературы» была впервые опубликована в 1930 г., а затем дважды переиздавалась в 1965 и в 1980 гг. Казандзакис интересовался Россией, немного учил русский язык, но знания его были невелики. Русскую литературу он читал в переводе. Но в его окружении было немало людей, хорошо знавших русский язык, и, работая над «Историей», он постоянно к ним обращался. Тем не менее трудно ожидать от его работы описания малоизвестных фактов, новой и точной концепции творчества того или иного русского писателя или русской литературы в целом. Достоинство этой книги в другом. Поясним это на пушкинском примере. О Пушкине Казандзакис пишет подробно и с увлечением: рассказывает его происхождение, биографию, репутацию у современников, сравнивает по значению с Данте, Гете и Шекспиром. Возможно, благодаря своему опыту знакомства с Россией и усилиям по ее изучению, Казандзакису внятна завороченность России пушкинским гением и стремление разгадать его загадку. Он неоднократно говорит о важности фигуры Пушкина для современной ему культуры — культуры XX в. Видно, как по мере рассказа он сам увлекается Пушкиным. Тем самым Казандзакис превращает фигуру поэта из объекта историко-филологического описания, из факта прошлого — в субъект современной культуры, точно совпадая в этой своей интенции с главным вектором русского культурного (а не официального) мифа о Пушкине. В предисловии к изданию 1980 г. Элени Казандзакис, жена писателя, подчеркивает: «“История русской литературы” — это очень интересная книга, можно

---

²⁶ Сведения основаны на данных П. Н. Беркова и В. М. Лаврова (Berkov, Lavrov 1949: 897–898).

сказать, уникальная в своем роде, которая глубоко исследует русскую грамматику, не теряя при этом обычного блеска и очарования языка Казандзакиса» (Kazantzakis 1980: 6). Иными словами, успех книги Казандзакиса у греческого читателя обусловлен тем, что она написана талантливым писателем и потому делает привлекательным и убедительным то, о чем повествует. Так, не являясь — буквально — переводчиком Пушкина, Казандзакис оказывается важной фигурой в грекоязычной пушкиниане, создавая, как и многие деятели русской культуры, *своего* Пушкина, наделяя его важными в *собственном, личном* измерении качествами.

Другая линия этого же хронологического периода связана с переводческой деятельностью советского поэта Г. А. Костоправа (1903–1938), пытавшегося создать литературный язык для приазовских греков на основе их родного диалекта (т. н. румейского языка). Стремясь выйти за рамки традиционного фольклора и нуждаясь в новых образах и изобразительных средствах, Костоправ обратился к литературному переводу (см. Vasileva, Kisilier 2018: 286; Kisilier 2019: 121–124).

Переводы Костоправа и его школы — это прежде всего языковой эксперимент. В рамках национальной политики СССР начала 1930-х гг., провозглашавшей поддержку и развитие культуры малых языков и народностей, возникает проект по созданию письменности на румейском диалекте греческого языка. Костоправ вместе с единомышленниками и учениками (В. Гала, А. Димитриу, А. Карвонид, К. Карвонидис, К. Пастур, А. Рионис, П. Саравас, Д. Теленчи) не только пишут собственные оригинальные произведения на греческом румейском, но и переводят на диалект произведения классиков XIX в., в том числе — Пушкина. В 1937 г. в Мариуполе выходит сборник пушкинских переводов на румейский. В него вошли «Каменный гость», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Цыганы», «Станционный смотритель», «Гробовщик» и 14 стихотворений (Pushkin 1937). Задача румейского переводческого проекта напоминает ту, что стояла перед греческими переводчиками в конце XIX в., но в отличие от той эпохи, потенциальный адресат перевода — это не представитель греческой диаспоры из Таганрога, Одессы, Константинополя, Афин или иного крупного города с греческим городским населением, купец-коммерсант или образованный грек с другим родом занятий, а приазовский греческий крестьянин, по Пушкину и другим классикам осваивающий азы книжной культуры. За краткий период официальной поддержки диалектных грекоязычных диаспор вновь возвращается уже известный по дореволюционному периоду вариант «школьного» Пушкина, где и перед переводчиком, и перед читателем стоит не столько творческая, сколько практическая задача —

«освоить» Пушкина, хотя уровень этих задач и разный. Однако румейский переводческий проект просуществовал недолго. В 1936 г. вектор национальной политики советской власти изменился. В отношении греков начались массовые репрессии, Костоправ в 1937 г. был арестован, а в начале 1938 г. — расстрелян.

В послевоенный период на территории СССР не только переводы Пушкина на греческий, но и вся культура грекоязычной диаспоры на официальном уровне была заморожена. Конец эпохи сталинских репрессий улучшает положение людей, но существенно не меняет ситуацию в отношении культуры диаспоры. Она по-прежнему находится в зоне отмены, существует только как устная традиция, своего рода «пережитки прошлого».

Совсем иная ситуация в Греции. С послевоенных лет там, напротив, неуклонно растет число переводчиков пушкинских текстов. Так, в разных переводах выходит «Евгений Онегин»²⁷. Большой популярностью у переводчиков пользуются «Пиковая дама», сказки Пушкина, прежде всего — «Сказка о рыбаке и рыбке». Издаются в разных версиях «Маленькие трагедии», «Борис Годунов» и др. Самый продуктивный и наиболее яркий греческий переводчик этого периода — Андреас Сарандопулос (Ανδρέας Σ. Σαραντόπουλος)²⁸, человек необычной для переводчика биографии. В отличие от ученых греков и писателей предыдущих периодов Сарандопулос — профессиональный военный, участник сопротивления и гражданской войны. Будучи «левых» взглядов, после победы хунты почти 10 лет провел в тюрьмах (1945–1953), где и выучил русский язык. После освобождения написал грамматику русского языка (1957 г.) и перевел на греческий почти все произведения русских классиков, причем не только Пушкина, но и советских писателей. Его переводы до сих пор пользуются популярностью и регулярно переиздаются. Фактически, только на этом этапе, через 100 лет после статьи Карафеодориса, «китайская стена» между грекоязычным миром и русской литературой оказалась разрушенной. Далее вопрос уже состоял не во включении пушкинских текстов в грекоязычный литературный космос, но полностью переключился в творческую и финансовую сферы.

Последний, современный период снова характеризуется наличием двух векторов, довольно резко отличающихся друг от друга. Это связано с отличиями в прагматике двух переводческих групп.

---

²⁷ Переводчики Никос Папаконстантину (Νίκος Παπακωνσταντίνου, 1962 г.) и Корилия Макри (Κοραλία Μακρή, 1977 г.).

²⁸ К сожалению, нам, на данный момент, не удалось найти точные данные о годах жизни А. Сапандопулоса. Известно только, что он родился в 1915 г., умер не ранее 2000 г.

Одну из них (и довольно многочисленную) составляют репатрианты с территорий бывшего Советского Союза. В силу известных социо-политических причин значительное число понтийских и приазовских греков, рассеянных за годы советской власти по всей территории СССР, в 1990–2000-х гг. переехали в Грецию. Одним из следствий этой волны миграции стало распространение особого типа современных греческих переводов — «домашнего» или «бабушкиного». Понятное желание приобщить внуков к культурным текстам, наличие свободного времени создают условия и мотивацию для переводческой деятельности. Как правило, объектом перевода становятся небольшие произведения. Наибольшей популярностью у «домашних» переводчиц пользуются произведения Пушкина, а среди них — «Пиковая дама», сказки, южные поэмы и «Повести Белкина».

Принципиально иную группу представляют собой переводчицы, нацеленные на решение сложной эстетической задачи. Примером такого подхода могут служить работы Катерины Ангелаки-Рук (Κατερίνα Αγγελάκη-Ρουκ, 1939–2020). Она была духовной дочерью Казандзакиса, начинала свою литературную деятельность как поэтесса, училась во Франции и Швейцарии, где получила диплом переводчика. Переводила она преимущественно с французского и английского. Из русских авторов ею были переведены стихи Маяковского и Бродского, «Герой нашего времени» Лермонтова, рассказы Л. Андреева, «Дракон» Шварца, «Сикстинская мадонна» Гроссмана, проза Шаламова и «Желтая стрела» Пелевина. В 2000 г. она сделала стихотворный перевод «Евгения Онегина».

Таким образом, общие черты истории «новогреческого Пушкина» выглядят вполне типично, хотя и имеют свои специфические особенности. На основании таких данных сложно понять, как греки воспринимают Пушкина и что же такое «греческий Пушкин», хотя преемственность интереса к Пушкину очевидна. Думается, что истоки как интереса к Пушкину, так и специфики «греческого Пушкина» стоит искать в начальном периоде новогреческой пушкинианы.

Греческая пушкиниана XIX в.: история изучения

Изучение связанных с Пушкиным новогреческих текстов дореволюционного времени имеет свою, хотя и весьма скромную, научную традицию. Практические все известные нам исследования были выполнены в контексте более общей, приоритетной для этого этапа развития пушкинистики задачи — создания максимально полной библиографии всех работ, так или иначе связанных с Пушкиным, включая работы о нем на иностранных языках и переводы его произведений на иностранные языки. В иноязычной пушкиниане переводы произведений Пушкина на

новогреческий занимают далеко не первое место. Г. Н. Геннадиди (Gennadi 1859) и В. И. Межов (Mezhov 1886), авторы первых обстоятельных библиографий переводов Пушкина, вообще о таких не упоминают, хотя работа Межова была построена на тщательном изучении материалов Императорской Публичной библиотеки. Причина этого в том, что основные переводы Пушкина на греческий появились позднее, между двумя юбилейными датами — между 1887 и 1899 гг. Кроме того, новогреческие тексты были распространены прежде всего на юге России — там, где преимущественно проживало греческое население, поэтому сведений о них в Одессе и Таганроге было больше, чем в Петербурге и Москве. Показательно, что впервые существование новогреческих переводов отмечает А. И. Кирпичников²⁹ в речи, произнесенной в Императорском Новороссийском университете по случаю 50-летия со дня смерти поэта. Под текстом стоит дата — 29 января 1887 г. Подчеркивая исключительное значение труда В. И. Межова, он вместе с тем отмечает, что собранная им библиография «вообще не претендующая на безусловную полноту, в этом отделе (переводов — *И. В.*, *М. К.*) имеет особенно большие пробелы» (Kirpichnikov 1887: 34). Как доказательство Кирпичников впервые называет грекоязычные работы о Пушкине: обстоятельную статью Карафеодориса «О русской литературе» и изданный в Одессе еще в 1847 г. сборник рассказов на греческом языке, где есть сюжет о дуэли и смерти Пушкина. В отличие от Карафеодориса, которому Кирпичников дает высокую оценку, характеризуя его как «талантливого и высокообразованного грека», автор этого сборника Кирпичникову неизвестен. Он называет его «некий Дельянис (Δελγιάνης)» (Kirpichnikov 1887: 34). Актуальных сведений об этом сборнике на данный момент найти не удалось, так что нельзя исключить, что он утрачен. Несмотря на краткость указанных в примечании Кирпичникова сведений, благодаря этому упоминанию, новогреческие тексты вводятся в иноязычную пушкиниану. В то же время очевидно, что ученый ни в 1887 г., ни в более поздних своих работах, куда им были включены материалы первой юбилейной речи (Kirpichnikov 1903a, 1903b), не ставил своей задачей дать полный обзор переводов Пушкина на новогреческий. Его цель была более масштабной — Кирпичников стремился показать европейский масштаб творчества Пушкина и его общеевропейское значение. В итоге, в 1887 г. вопрос о корпусе

---

²⁹ В 1885 г. А. И. Кирпичников возглавил кафедру всеобщей истории в Императорском Новороссийском университете в Одессе. Библиофил, в годы пребывания в Одессе вел активную и разностороннюю исследовательскую и научную деятельность. См. о нем и о его работах (Yazykov 1903).

новогреческой пушкинианы оказался поставленным, но отнюдь не проясненным.

Задача возможно полного описания всех иноязычных переводов, в том числе и на новогреческий, была заявлена в работе **П. Д. Драганова «Пятидесяязычный Пушкин» (1899)**. В то же время он подчеркивает, что исчерпывающее описание источников дать невозможно, особенно за юбилейные годы, так как, во-первых, публикаций очень много и в самых разнообразных изданиях (Draganov 1899: XIII), во-вторых, и для Драганова, и для позднейших библиографов сам поиск информации о грекоязычных материалах — одна из наиболее трудоемких и нерешаемых полностью задач. Драганов, как и Межов, строит свой труд на тщательном изучении материалов Императорской публичной библиотеки, но также использует и сведения, собранные им ранее. В предисловии Драганов неоднократно подчеркивает, что он работал над своей пушкинианой 14 лет (Draganov 1899: VII, XII). Значит, сбор источников был начат им не позднее 1885 г. В это период жизни Драганов живет и работает на юге, в Севастополе и Кишиневе, часто посещает Одессу (Mikheeva 2020–2024). Возможно, именно собранные в эти годы материалы позволили ему пополнить данные Кирпичникова. В обзоре новогреческих источников Драганов повторяет сведения о работе Карафеодориса и о сборнике Дельяниса, ссылаясь на Кирпичникова и благодарит его за информацию об этих материалах. Кроме этих двух текстов, он называет еще первый по времени, как он считает, перевод полного текста пушкинского произведения на греческий. Это была «Пиковая дама» («Н δάμα τῆς λίκας»), опубликованная в 1887 г. в греческом иллюстрированном журнале «Естлерос»³⁰. Перевод был выполнен с французского, сам журнал выходил в Лейпциге (Draganov 1899: 30). Качество и особенности этого перевода Драганов никак не комментирует, как не указывает ни его автора, ни более точных выходных данных, ни источника своих сведений. Он также отмечает, что связанные с Пушкиным материалы публиковались после 1887 г. в издаваемой в Афинах газете «Акрополь» (Ἀκρόπολις), объясняя это тем, что общеевропейская волна интереса к Пушкину, вызванная 50-летием его гибели, захватила и греков. Однако никаких более детальных сведений о публикациях в газете, ни указаний о числе (хотя бы примерном) таких публикаций Драганов также не дает. Остается неясным, знакомился с этими переводами и материалами Драганов *de visu* или использовал как источник информации какие-то обзоры.

В дополнение к сведениям Кирпичникова Драганов впервые называет два важных для истории ранней новогреческой

---

³⁰ Его название Драганов переводит как «Запад».

пушкинианы имени — Вулудимоса и Феодридиса, а также отмечает, со ссылкой на газету «Народ» (1898, 8 августа), переводческую деятельность архимандрита Герасима (Дмитрия Папазафиropуло), настоятеля греческого Иверского монастыря в Москве (Draganov 1899: 32).

Таким образом, благодаря работе Драганова новогреческая пушкиниана пополнилась целым рядом имен и текстов, так что стала насчитывать 12 (по подсчетам исследователя) грекоязычных материалов, связанных с Пушкиным. Не вполне понятно, что значит это число, так как непосредственно названо было только 5 работ (статья Карафеодориса, сборник Дельяниса, перевод «Пиковой дамы», переводы Вулудимоса и перевод Феодоридиса). Никаких количественных данных о деятельности арх. Герасима или публикациях в «Акрополе» Драганов не приводит. Возможно, он учитывал отдельно каждую из шести переведенных Вулудимосом поэм. Тогда суммарно получается 10 текстов, если к ним прибавить еще как одну позицию публикации в газете «Акрополь» и как еще одну — деятельность арх. Герасима, то в сумме получится 12. Однако логика так реконструированной статистики, очевидно, не беспорна. Как бы то ни было, в составленном Драгановым количественном рейтинге иноязычных пушкинских изданий переводы на новогреческий занимают 15 место среди 50 учтенных в его работе языков³¹.

Несмотря на бурное развитие пушкинской библиографии, после работы Драганова фонд сведений о греческих переводах Пушкина четверть века практически не пополнился. Как отмечал еще Межов, помимо трудоемкости библиографической работы («на такой труд не хватило бы нескольких человеческих жизней»), это прежде всего было обусловлено тем, что «не существует нигде такого центрального места, где хранились бы периодические издания целого света» (Mezhov 1886: II). Юбилеи прошли, и общая историческая ситуация и в России, и в Греции, как уже было сказано, не способствовали появлению новых переводов в первые два десятилетия XX в., а задачи по описанию только отечественных материалов были настолько объемны, что тема новогреческих переводов не поднималась. Следующая попытка комплексного описания греческой пушкинианы была предпринята

---

³¹ В первой тройке с большим отрывом идут французский (246), затем — немецкий (224), далее чешский (203), а уже потом все прочие: сербский (61), польский (57), английский (54), болгарский (53), латышский (52), итальянский (38), хорутанский (36), словенский (24), хорватский (16), шведский (16), датский (14) и, наконец, новогреческий (12), следом за которым идет с тем же количественным показателем еврейский (Draganov 1899: 4).

только в 1926 г. в работе **Ивана Ивановича Соколова (1865–1939)** «Пушкин в новогреческих переводах» (Sokolov 1926). И. И. Соколов — теолог, византист, в годы советской власти вынужденно сосредоточивший свои исследования на новогреческом языке и литературе (подробнее см. Karpuk 2005; Lebedeva, Verezhkin 2016). Как и Кирпичников с Драгановым, Соколов первой значимой работой на греческом языке о Пушкине и о русской литературе называет статью Карафеодориса. В отличие от предшественников, он говорит о ней более подробно. Возможно, это связано с тем, что Соколову по его прежним изысканиям в области истории константинопольской церкви XIX в. был интересен автор из хорошо знакомой ему фанариотской среды³². Как и Драганов, он отмечает переводы Вулудимоса и Феодоридиса, дополняя сведения о них не вошедшим в обзор Драганова переводом «Евгения Онегина», тоже выполненным Вулудимосом и опубликованным в 1899 г. Поддерживая высокую оценку работы этих авторов, Соколов иллюстрирует описание их переводов довольно пространными цитатами, попутно приводя и лингвистический комментарий.

В дополнение к ранее известным сведениям Соколов называет еще два имени, стоявшие у истоков греческой пушкинианы, — Феодора Веллианитиса и Адамантия Харамиса Леросского. Это были очень ценные данные, так как работы Веллианитиса и Харамиса были опубликованы в Афинах и, как следствие, оказались мало известны в России.

В результате, к 1926 г. новогреческая пушкиниана насчитывала в сумме уже 11 источников, включающих 5 вариантов биографии поэта и не менее 14 (с изданной в лейпцигском журнале «Пиковой дамой» — 15) произведений, а так же ряд лирических стихотворений.

Еще один блок дополнений к сведениям о ранних грекоязычных текстах о Пушкине был сделан не позднее 1949 г. в работе **П. Н. Беркова и В. М. Лаврова**, постаравшихся учесть весь корпус юбилейной периодики 1886–1899 гг., прежде всего — по газетным источникам. Регистрировалась вся так или иначе относящаяся к Пушкину информация. (Berkov, Lavrov 1949: 9). Библиография имеет отдельный раздел «Иноязычный Пушкин», куда входит описание грекоязычных материалов (Berkov, Lavrov

---

³² До революции 1917 г. научные интересы И. И. Соколова были связаны с историей православной церкви. Этому вопросу посвящены обе его диссертации. Опубликованный в 1904 г. труд «Константинопольская церковь в XIX веке: Опыт исторического исследования» (Sokolov 1904) до сих пор остается одним из самых ценных исследований этой темы, не утратившим свою научную актуальность.

1949: 897–898). По установленным в XX в. принципам пушкинской библиографии, учитываются только издания, вышедшие на территории России. Поэтому данные Беркова и Лаврова и более ранние сведения взаимно дополняют друг друга. Наиболее ценен в этой библиографии учет всей информации из книжных обозрений, включая рецензии на уже известные издания или заметки о них. Так, в библиографии приведен целый ряд откликов на переводы Вулдимоса, которые были опубликованы в газетах «Русские ведомости» и «Одесские новости» в 1899 г. (Berkov, Lavrov 1949: 897–898).

Однако есть в этой работе и новые данные о грекоязычных переводах, не представленные в более ранних описаниях. С учетом этих данных нижняя граница новогреческой пушкинианы смещается к 1845 г. Со ссылкой на «Книжный вестник» 1887 г. (1 августа, № 14 и 15, стлб. 787., в разделе «Хроника») Берков и Лавров называют опубликованную в 1845 г. некую книгу на греческом «Русский писатель А. С. Пушкин». Однако уже они отмечают, что «сама книжка сегодня неизвестна» (Berkov, Lavrov 1949: 897). К новым данным относится также информация о более раннем, чем был сделан Феодоридисом, переводе «Капитанской дочки». Судя по заметке в газете «Новь», он был выполнен Веллианитисом и опубликован в Афинах 1889 г.³³ Знакомы ли были библиографы с этим переводом *de visu* или только основывались на данных книжной хроники, не ясно. Обнаружить это издание в отечественных книжных фондах на данный момент не удалось. Таким образом, и данные о посвященной Пушкину греческой книжке 1845 г., и данные о переводе «Капитанской дочки» Веллианитисом важны, но на момент написания этой статьи не имеют подтверждения.

Наконец, последняя известная нам работа, комплексно описывающая раннюю новогреческую пушкиниану, принадлежит С. Б. Ильинской (Pinskaia 1989)³⁴. Ильинская, хорошо знакомая с греческим библиотечным фондом, дополняет корпус сведений новыми данными. Во-первых, она сообщает, что в 1850 г. в издательстве «Пандора» вышел греческий перевод повести Пушкина «Метель» («Н χιονώδης θύελλα» с подзаголовком «διήγημα ῥωσικόν») без указания имени автора, с инициалами переводчика — Ν. Δ. (Pinskaia 1989: 171). Тогда можно предположить, что указанная книжка неизвестного греческого автора «Русский писатель А. С. Пушкин» 1845 г., о которой упомянуто в

³³ Книжная хроника. — Новь, 1889, 1 июня, т. XXVIII, № 15, Мозаика, X, стр. 59. — в библиографии Беркова и Лаврова под № 3962, с. 897.

³⁴ Поскольку работа Ильинской малодоступна, позволим себе процитировать приводимые ею фактические сведения.

«Книжном вестнике» 1887 г. (Berkov, Lavrov 1949: 897), сборник рассказов «некоего Дельяниса» 1847 г., о котором сообщил Кирпичников (Kirpichnikov 1887: 34), и переводчик «Метели» с инициалами N. Δ. — одно лицо. Разумеется, это только гипотеза. В пользу ее можно привести два аргумента — близость дат публикации всех трех текстов и совпадение инициала и имени. Доказательность этих аргументов невелика. Однако предположение, что на рубеже 1840–1850-х гг. было несколько греков, писавших о Пушкине и переводивших его тексты, выглядит еще менее вероятным.

В 1852 г. в издательстве «Пандора» («Πανδώρα»), благодаря которому появился и греческий перевод Карамзина) вышла «Краткая заметка о выдающихся русских поэтах и прозаиках» (Σύντομος σημείωσις τῶν ἐξοχότερων τῆς Ῥωσίας ποιητῶν τε καὶ πεζογράφων). Ее автор — И. Де Кигаллас (I. Δε Κιγάλλας или Δεκτιγάλλας), врач с острова Фера (Санторини). Он дает обзор русской литературы начиная с XVII в. и доходит до середины XIX в., особо выделяет Пушкина, Лермонтова и Гоголя, называя их «триумvirат <...> русской поэзии» («...τὴν τριανδρίαν <...> τῆς Ῥωσικῆς ποιήσεως»), а также Островского, Тургенева и Гончарова (цит. по Pinskaia 1989: 169).

Далее, на рубеже 1870–1880-х гг. Ильинская отмечает появление целого ряда текстов, развивающих тему филэллинства Пушкина. Называет знаковый, еще более ранний, чем выполненный Веллианитисом, перевод в 1883 г. «Капитанской дочки» Н. Г. Политисом (N. Γ. Πολίτης), опубликованный в издательстве «Эстия» («Ἐστία»)³⁵, и неизвестный ранее перевод 1886 г. повести «Дубровский» («Δουβρόβσκις»), выполненный П. Аксиотисом (Π. Ἀξιώτης) (Pinskaia 1989: 180). Кроме того, Ильинская также упоминает известные уже по предыдущим описаниям имена Харамиса, Вулудимоса и Феодоридиса.

Итак, по известным на сегодняшний день данным дореволюционная новогреческая пушкиниана включает в себя в сумме 20 источников, разнородных по типу и составу. Это как отдельные издания пушкинских текстов, так и сборники, или просто издания, где публиковались материалы, связанные с Пушкиным, или только

³⁵ Снова на уровне гипотезы можно предположить, так как инициалы и имя полностью совпадают, что автор этого перевода — тот самый Н. Г. Политис (1852–1921), известный ученый, основоположник греческой фольклористики.

имя автора-переводчика. Из всех источников подтверждены и доступны для изучения менее половины³⁶.

- 1845:** Б/п. «Русский писатель А. С. Пушкин» — Книжный вестник. 1887. 1 августа, №№ 14 и 15, стлб. 787. Раздел «Хроника» (Berkov, Lavrov 1949: 897 [№ 3961]). Не позднее 1949 г. Информации о наличии экземпляров издания нет.
- 1847:** Дельянис. <Рассказ о дуэли и смерти Пушкина>. Сб. «Рассказы» («Διηγήματα»). Одесса — (Kirichnikov 1887). На сегодня информации о наличии экземпляров издания нет.
- 1850:** Н. Д. (пер.). «Метель». Афины (без указания автора оригинального текста) — (Pinskaya 1989).
- 1852:** И. Де Кигаллас. «Краткая заметка о выдающихся русских поэтах и прозаиках». Афины — (Pinskaya 1989).
- до 1870:** Периодическая печать Константинополя и Афин. Небольшие сообщения и заметки о русской литературе, в том числе — о Пушкине, иногда сопровождаемые переводами его стихотворений — (Sokolov 1926; Pinskaya 1989). Более детальной информации нет.
- 1870:** Стефан Карафеодорис. «О русской литературе». Константинопольский греческий филологический журнал. Константинополь — (Kirichnikov 1887; Draganov 1899; Sokolov 1926).
- 1879:** К. А. Палеологос, из Одессы (пер.). «Изучение русского поэта Пушкина как филэллина». Афины — (Pinskaya 1989).
- 1883:** Н. Г. Политис (пер.). «Капитанская дочка». Афины — (Pinskaya 1989).
- 1886:** Феодор Веллианитис. «Александр Пушкин». Аттический календарь. Афина — (Sokolov 1926).
П. Аксиотис (пер.). «Дубровский» — (Pinskaya 1989).
- 1887:** Б/п (?). «Пиковая дама». Запад (Ἐσπερός). Лейпциг — (Draganov 1899). На данный момент иных подтверждений о наличии этого издания обнаружить не удалось.
- <1887–1899>:** Материалы в газете «Акрополь» (Ἀκρόπολις) — (Draganov 1899). Без детализации. На данный момент иных подтверждений о наличии таких публикаций не установлено.

---

³⁶ С. Б. Ильинская вела семинар со студентами Университета Иоаннины и материалы, безусловно, обсуждались в аудитории, что позволяет думать, что она знакомилась со всеми источниками de visu.

- 1887:** Заметка «Каподистрия и Пушкин». Газета «Евдомада» («Εβδομάδα» ‘неделя’) — «Русская старина». Афины и Санкт-Петербург — (Ilinskaya 1989).
Адамантий Харамίς Леросский (пер.). Пушкин. Избранное. Биография Пушкина. 6 произведений (Цыганы, Братья-разбойники, Скупой рыцарь, Каменный гость, Борис Годунов, Русалка, драма) + лирика. Афины — (Sokolov 1926; Ilinskaya 1989).
- 1888:** Харлампы Вулодимос (пер.). Поэмы. 6 произведений (Руслан и Людмила, Кавказский пленник, Цыганы, Бахчисарайский фонтан, Полтава, Медный всадник). Одесса — (Draganov 1899; Sokolov 1926).
- 1889:** Феодор Веллианитис (пер.). «Капитанская дочка». Афины — (Berkov, Lavrov 1949).
- 1893:** Николаос Феодоридис (пер.). «Капитанская дочка». Одесса — (Draganov 1899; Sokolov 1926).
- <**1898**>: архимандрит о. Герасим (Дмитрий) Папазафиropуло, настоятель греческого Иверского монастыря в Москве. Переводческая деятельность — Источник данных: Народ, газ. 1898. 8 августа (Draganov 1899).
- 1899:** Харлампы Вулодимос (пер.). «Евгений Онегин». Афины — (Sokolov 1926).
- Рецензии на переводы Х. Вулодимоса: Харалампьев И. Письмо в редакцию // Русские ведомости. 1899. 5 мая, № 122, с. 4. О двух переводах Пушкина на новогреческий язык, сделанных в Одессе Х. И. Вулодимо. Перевод поэм Пушкина, изданных в Одессе в 1888 г., и второй перевод «Онегина», изданный в Афинах в текущем году. Поправка: Метакса В. Письмо в редакцию // Русские ведомости. 1899, 28 мая, № 145, с. 5; Метакса В. Пушкин на греческом языке // Одесские новости. 1899, 7 апреля, № 4591, с. 3. Рецензия на перевод А. Харамίса: П~ти М. Первый греческий переводчик Пушкина // Приазовский край. 1899, 13 сентября, № 240, с. 3. (Маленький фельетон) — (Berkov, Lavrov 1949).

Персоналии и линии развития

Даже предварительный обзор сохранившихся или известных только по комментариям и пересказам новогреческих текстов дает интересную картину. На первый взгляд, она очень пестрая и разнородная. Но в целом в ней прослеживается закономерное движение от косвенных и опосредованных данных о Пушкине к адекватному представлению сведений о его жизни и творчестве, к корректному переводу его текстов. Однако, помимо этой очевид-

ной линии, корпус ранней новогреческой пушкинианы позволяет сделать и другие наблюдения.

Во-первых, наиболее обстоятельные суждения об особенностях раннего новогреческого корпуса пушкинских текстов и о его значении принадлежат Соколову. Это вполне закономерно. Поскольку его работа создавалась в 1926 г., он уже, в отличие от Кирпичникова и Драганова, был знаком практически со всеми новогреческими переводами и текстами о Пушкине. Кроме того, также в отличие от предшественников, его работа по своей задаче была непосредственно связана с аналитическим обзором новогреческих материалов. Фактически, только она содержит помимо библиографической информации элементы лингвистического анализа новогреческой пушкинианы и некоторые комментарии художественных особенностей разных переводов. Тем самым задача филологического (в разных аспектах) изучения этих текстов в работе Соколова была поставлена. Однако практически за столетие, прошедшее со времени ее публикации, не было предпринято никаких шагов для ее решения.

Во-вторых, при всей пестроте в раннем корпусе новогреческого Пушкина можно выделить два вектора, обусловленные прагматикой перевода, его предполагаемой («целевой») аудиторией. Тексты, тяготеющие к одному из них, стремятся создать «интересного» Пушкина — так рассказать о его биографии и предложить переводы таких произведений, которые максимально бы привлекли внимание читателей. Тексты, тяготеющие к другому вектору, объединяются задачами академического плана — лингвистическими, герменевтическими, в их основе лежит поиск языковых, эстетических эквивалентов между пушкинским миром и миром греческой культуры. Конечная цель подобных устремлений выходит далеко за пределы конкретных стилистических решений и связана с пониманием и обустройством культурного космоса, в котором взаимодействие на уровне слова всегда мифогенно и призвано устанавливать диалог в бахтинском смысле слова. Количественно эта группа текстов значительно уступает первой, что предсказуемо и понятно, однако в филологическом плане она вызывает наибольший интерес. Вместе с тем, как представляется, для характеристики общей картины рецептивного поля наиболее интересно сочетание этих двух групп, рассмотрение каждой из их в проекции на другую, а также контекстной ситуации — условий, сопутствующих появлению конкретных текстов. На данном этапе о контекстной ситуации можно судить, опираясь прежде всего на биографические сведения об авторе того или иного перевода.

Основные черты греческого «академического» Пушкина мало отличаются от иных «академических» версий и прочерчиваются уже в работе Карафеодориса. Ее автор — константинопольский ученый, дипломат, литератор, принадлежал к известной фанариот-

ской семье³⁷. Статья была опубликована в серьезном научном константинопольском издании — «Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος: σύγγραμμα περιοδικόν». Центральная часть статьи посвящена Пушкину (Karatheodoris 1870–1871: 69–73). Как было отмечено ранее, еще Кирпичников давал работе Карафеодориса высокую оценку (Kirpichnikov 1887: 34). Драганов повторяет, практически, дословно, и данную Кирпичниковым оценку самого Карафеодориса, и его труда (Draganov 1899: 29). Соколов тоже хвалит работу, подчеркивая, что она отличается «обстоятельностью своего содержания» (Sokolov 1926: 188), выполнена «с большим мастерством» (Sokolov 1926: 189). Вместе с тем вполне вероятно, что несмотря на схожесть, оценки всех трех исследователей строятся на независимом друг от друга мнении. Нельзя исключить, что даже Драганов, хотя и указывал, что обязан Кирпичникову знакомством с работой Карафеодориса, знал о ней не только из «вторых рук»³⁸. На это указывает ряд

³⁷ Стефан Карафеодорис (Στέφανος Καραθεοδωρής, 1834/36–1907) — юрист, дипломат, ученый, литератор. Его сын Константин Карафеодорис (Κωνσταντῖνος Καραθεοδωρής) стал знаменитым математиком. Другие наиболее известные члены семьи Карафеодорис — Стефан Карафеодорис (1789–1867), ученый, философ и богослов, литератор, личный врач турецких султанов Махмуда II и Абдул Меджита; Александр Карафеодорис — политический деятель, дипломат, глава управления иностранными делами Османской империи, представлял ее интересы на Константинопольской конференции (декабрь 1876 – январь 1877), при заключении Сан-Стефанского мира, на Берлинском конгрессе (1878 г.), был одним из делегатов Порты и подписал заключительные акты договора 13 июня 1878 г.

³⁸ Сведений о том, что это издание было Императорской публичной библиотеке, материалами которой Драганов пользовался для составления своей библиографии, обнаружить не удалось. Однако нельзя исключить, что он мог быть знаком с этим изданием в годы своей учебы в гимназии (Кишинев — в 1875–1877 гг., Харьков — в 1877–1880 гг.) или в Харьковском университете (1880–1882), работы в Салониках (1885–1887); о биографии Драганова см. (Mikheeva 2020–2024). Возможно, константинопольский журнал был в Одесской городской публичной библиотеке, которую Драганов не раз посещал за годы работы в Севастополе и в Кишиневе (1887–1895) (Draganov 1899: IX). Возможно также, что он имел о ней дополнительные сведения от самого Кирпичникова, учитывая, что в те же годы, когда Драганов служит на юге, Кирпичников занимает кафедру всеобщей литературы в Новороссийском университете (1885–1893), так что встречи и беседы двух страстных библиофилов весьма вероятны.

мелких замечаний, а также сведения, отсутствующие у Кирпичникова, но приводимые Драгановым. К ним относится упоминание о наличии подзаголовка у пушкинской части статьи.³⁹ Затем Драганов уточняет, что текст статьи представляет собой доклад, прочитанный на ССLXXXIV заседании «Константинопольского Литературного Общества» в 1870 г. Приводит и перечень пушкинских произведений, о которых идет речь в работе Карафеодориса, и цитаты из которых в фрагментарном переводе приведены в статье. Так же Драганов указывает греческие варианты названий упоминаемых в статье пушкинских произведений.

Еще Кирпичников отмечал, что в работе Карафеодориса есть неточности и построена она на вторичных источниках — «на внимательном чтении переводов»⁴⁰ (Kirpichnikov 1887: 34).

Знакомство Драганова с работами Карафеодориса подтверждает и тот факт, что в своей работе «Пятидесятиязычный Пушкин» он, указывая на пробелы в посвященной Л. Н. Толстому библиографии Ф. Булгакова «Граф Л. Н. Толстой и критика его произведений русская и иностранная», пишет: «эта книга ничего не дает нам о подобных же переводах и изучениях произведений графа Л. Н. Толстова в маленьких провинциальных заграничных литературах, где именно — *pota bene*, — *впервые* (разрядка Драганова — *И. В., М. К.*) и началось изучение произведений автора грандиозной эпопеи “Война и мир”. См. об этом 1-е примечание на 29 стр. настоящей брошюры». Вот это примечание: «Это тот самый грек Карафеодори, который в ряду 40 языков — народов, переведивших и ценивших графа Л. Н. Толстого, опередил их всех, поставив на первое место по времени греков (в 1870 г.)» (Draganov 1899: 29). Оценкам Драганова свойственна субъективность и эмоциональность, о чем говорит текст предисловия к «Пятидесятиязычному Пушкину», тем не менее, в данном случае, нам важен сам факт знакомства Драганова с работами Карафеодориса. Еще одно косвенно свидетельство знакомства Драганов с семьей Карафеодорис — его служба в Салониках, где Драганов занимал должность учителя церк.-слав. и ст.-болг. яз. и всеобщей истории в Солунской Кирилло-Мефодиевской мужской гимназии (Салоники, Македония) по приглашению Учебного попечительства Константинопольского экзархата.

³⁹ «...половина этой статьи посвящена Пушкину и носит частное заглавие «Αλέξανδρος Πούσκη» (Draganov 1899: 29).

⁴⁰ Переводы, которые использовал Карафеодорис, ни одним из исследователей не названы, хотя их с довольно высокой долей вероятности можно установить. Использование французских переводов очевидно, так как Карафеодорис в доказательство своих суждений о Пушкине приводит развернутые франкоязычные цитаты из пушкинских произведений.

Несмотря на опосредованное знакомство автора с произведениями Пушкина, все исследователи отмечают в целом адекватное изложение событий жизни Пушкина и характеристику его произведений: суждения Карафеодориса «как о деятельности Пушкина в целом, так и об отдельных его произведениях <...> если не всегда верны, то всегда интересны; он рассматривает Пушкина главным образом как национально-русского социального поэта» (Kirichnikov 1887: 34), Карафеодорис «в общем правильно оценивает значение Пушкина и содержит довольно точный перевод на новогреческий литературный язык отрывков из различных его произведений» (Sokolov 1926: 189).

В работе Карафеодориса Пушкин характеризуется как первый поэт России: «наиболее знаменитый из русских поэтов (ἐνδοξώτερος τῶν ῥώσων ποιητῶν)», автор «бессмертных» (ἀθάνατα)» произведений, создавших «золотой век» в русской литературе (Karatheodoris 1870–1871: 69). По сути, статья Карафеодориса знакомит грекоязычного читателя с наиболее распространенной в русскоязычной культуре официальной версией образа Пушкина, которая еще лишена каких-либо специфичных для греческой рецепции акцентов. Это своего рода рекомендательное представление, предваряющее собственно диалог. Его задача — обратить внимание, заинтересовать. Примечательно, что статья Карафеодориса вызвала большой отклик в греческом обществе (Sokolov 1926: 188), а это значит, что свою главную задачу она выполнила. Хотя Соколов и не приводит конкретные примеры откликов на статью Карафеодориса, существенным аргументом в пользу неформального значения фразы о «большом интересе» служит сама личность исследователя. В работе иного автора такая фраза могла бы оказаться просто формальным отзывом. Однако в случае Соколова есть все основания полагать, что за ней стоит представление автора о реальной ситуации. Занимаясь историей греческой церкви, Соколов хорошо знал дореволюционную культурную жизнь Константинополя и Афин, не раз подолгу жил и работал в библиотеках этих городов, так что его слова вполне могут служить достоверным свидетельством о реальном отношении греческой ученой и культурной элиты к работе Карафеодориса, поскольку с этой элитой Соколов был знаком непосредственно.

Продолжением академической линии в переводах Пушкина можно считать работу **Адамантия Харамиса (1830–1885)**. Перевод Харамиса стал результатом многолетнего подвижнического труда. Он вышел в 1887 г., через 15 лет после публикации работы Карафеодориса. Это довольно большой срок, достаточный для смены поколений, что, отчасти, обусловили трудности восприятия предлагаемых текстов — Харамису во многом предстояло заново объяснять читателям, чем интересны и примечательны

произведения Пушкина. Но дело не только во временной паузе. Перевод был опубликован в Афинах, сведений о тираже у нас нет⁴¹. Но, в любом случае, адресная аудитория этого перевода шире фанариотского сообщества Константинополя и ученой среды Афин. Круг потенциальных читателей, на которых рассчитан труд Харамиса, не ограничивается учеными и литераторами — хотя бы потому, что это сборник переводов художественных произведений, а не статья в научном журнале. В то же время «академический» компонент играет в переводах Харамиса значительную роль.

В отличие от Карафеодориса, переводы Харамиса построены на непосредственном чтении оригинальных произведений Пушкина. Харамис многие годы прожил в России, хорошо знал русский язык⁴². Эти обстоятельства создавали предпосылки для выражения в его переводах авторской версии пушкинского творчества. На наш взгляд, это действительно так. Однако характеристика такой авторской версии неизбежно будет содержать оговорки, поскольку Харамис не успел полностью воплотить задуманное. Он умер в 1885 г., до публикации своих переводов. Со слов его друга К. Несторидиса, готовившего тексты к изданию, известно, что Харамис собирался перевести все произведения Пушкина. Насколько ему удалось реализовать свой замысел — неизвестно, так как сведений о судьбе его рукописей нет (Sokolov 1926: 192). Отсутствие зафиксированных свидетельств авторской воли рождает ряд закономерных вопросов о том, в какой степени существующее издание отражает авторскую концепцию. Так, например, в томе переводов представлены следующие пушкинские тексты: «Цыганы», «Скупой рыцарь», «Желание славы», «Ех ungue leonem (На Каченовского)», «К ней», «Утопленник», «Я помню чудное мгновенье...», «Родриг», «Русалка» (баллада), «Деревня», «Русалка» (драма), «Приметы (А. А. Олениной)», «Красавица (В альбом Н. Н. Гончаровой)», «Борис Годунов», «Братья-разбойники», «Каменный гость». Учитывая нестандартный набор произведений, включенных в состав опубликованного тома, не ясно, является ли эта выборка результатом осознанной работы Харамиса или в состав тома вошли те переводы, которые по тем или иным соображениям решил включить в него Несторидис, по его собст-

---

⁴¹ На сегодняшний день том пушкинских произведений в переводе А. Харамиса представляет собой библиографическую редкость. Так, напр., экземпляр этого издания был в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), но он утрачен не позднее 1987 г.

⁴² Краткие сведения о биографии А. Харамиса и об обстоятельствах подготовки издания изложены в предисловии, написанном Константином Несторидисом, другом переводчика (Pushkin 1887: I–XII).

венному признанию, русского языка не знавший. Нет сведений и о том, какими изданиями пушкинских текстов Харамис пользовался. Хотя на основании присутствия в томе эпиграммы на Каченовского с указанием ее адресата, очевидно, что Харамис был знаком с собранием сочинений П. А. Ефремова, поскольку именно в подготовленных им изданиях 1880–1881 и 1882 гг. имя адресата дано после латинского названия (Pushkin 1880: 25; 1882: 18). Ни в прижизненной публикации, ни в собраниях сочинений Пушкина, подготовленных В. А. Жуковским (Pushkin 1838: 233), П. В. Анненковым (Pushkin 1855: 407), Г. Н. Геннади (Pushkin 1859: 348, 1870: 330) указания на Каченовского не было, текст эпиграммы имел только латинское название — «*Ex ungue leonem*».

Также невозможно сказать, выступал ли Несторидис только составителем тома или вносил в переводы редакторскую правку. Тем не менее, несмотря на все вопросы и неясности, опубликованный том переводов Харамиса все же позволяет, как представляется, выделить принципиальные черты его авторского замысла.

Переводы Харамиса — первый для новогреческого опыт переложения на новогреческий пушкинских произведений не прозой, а стихами⁴³. Несмотря на непроясненность установок, лежащих в основании перевода, нет сомнений, что Харамис тщательно подыскивал форму и стилистические аналоги в новогреческом для передачи пушкинских текстов. Это видно даже из примеров параллельных фрагментов, приведенных в статье Соколова. Будучи убежденным последователем Адамантия Кораиса⁴⁴, Харамис отнесся к работе с филологической пристрасностью. Перевод не сводился для него к пересказу содержания пушкинских произведений, но был вопросом лингвистическим и эстетическим. Для новогреческого текста Харамис использует т. н. смешанный язык (*μικτή διάλεκτος*), представляющий сочетание кафаревусы и димотики. Соколов выдвинул гипотезу, что выбор того или иного языкового варианта ориентирован на специфику конкретного пушкинского произведения (Sokolov 1926: 191). На

---

⁴³ Соколов даже считает, что работа Харамиса «выдвигает на очередь вопрос о новогреческом стихосложении в связи с влиянием Пушкина, так как переводчик стремился усвоить и технику стиха русского поэта» (Sokolov 1926: 194).

⁴⁴ Адамантий Кораис (1748–1833) — известный просветитель, выступавший за «очищение» греческого языка от любых крайностей — ярко выраженных древнегреческих архаизмов, с одной стороны, и диалектизмов, турцизмов и просторечия, с другой. Предложенный им языковой вариант стал известен как «средний путь» (*μέση ὁδός*) или кафаревуса (*καθαρεύουσα*, букв. 'очищенная'). Подробнее о Кораисе см. (Mackridge 2009: 102–125).

первый взгляд, это так. Однако для аргументированного подтверждения данного тезиса требуется детальное исследование. В частности, важно выяснить, есть ли корреляция между языковыми регистрами и жанровыми характеристиками текстов. Можно предложить для изучения стилистической стратегии Харамίса и другую параллель: как известно, варьированное использование литературного языка и народной речи характерно для творчества Н. С. Лескова, публикация наиболее ярких произведений которого приходится как раз на годы работы Харамίса над своими переводами. На данный момент никаких свидетельств, что Харамίс был знаком с творчеством этого русского писателя, нет. Однако факт интереса Харамίса к современной ему русской литературе и хорошее ее знание вряд ли можно поставить под сомнение.

Филологический подход Харамίса к слову проявляется на всех уровнях. Продемонстрируем это на нескольких примерах в табл. 1. Так, показательно, что он предлагает иные, чем у Карафеодориса, варианты перевода названий пушкинских произведений или иной графический вариант передачи русского имени.

Табл. 1. Греческие переводы названий произведений Пушкина
Table 1. The titles of Pushkin's oeuvres in Greek

Оригинал	Карафеодорис	Харамίс
Цыганы	Ἀθίγγανοι	Οἱ τσίγγανοι
Братья-разбойники	Ἀδελφοὶ κλέπται	Ἀδελφοὶ λησται
Борис Годунов	Βορίς Γοδουνῶβ	Βορίης Γοδουνῶβ

Даже из примеров, приведенных в табл. 1, видно, что Харамίс стремится использовать вариант новогреческого, наиболее приближенный к разговорному, вероятно, желая отчасти передать то, как язык Пушкина воспринимается русскими читателями.

Итак, если своеобразие работы Карафеодориса проявляется в тяготении к академическому энциклопедизму, в доверии авторитетным источникам, то перевод Харамίса отличает своего рода «академический филологизм». Вполне вероятно, что именно акцентированная филологичность сказалась на его качестве. Так, Соколов, отдавая должное таланту и усердию Харамίса, в то же время отмечает допущенные в греческом переводе «несовершенства», деликатно сетует, что преждевременная смерть не позволила сделать греческий текст «более гладким, простым и понятным» (Sokolov 1926: 191). Более жесткий и точный вариант критики перевода Харамίса был опубликован в 1899 г. без указания полного имени автора. Рецензия имела подзаголовок «Маленький фельетон» и высмеивала излишнюю, по мнению

автора, сложность и запутанность перевода⁴⁵. Независимо от модуся оценки, важно подчеркнуть, что рецензия вышла в России спустя 12 лет после публикации в Афинах перевода Харамиса. А это говорит о том, что данный перевод, несмотря на критику, был известен и востребован.

Склонность Харамиса к «академическому филологизму» находит обоснование в его биографии. Он родился и получил образование на Леросе. Окончил Афинский университет. Был приглашен в Россию, в Таганрог, домашним учителем в богатую греческую купеческую семью, заведовал общественной греческой школой⁴⁶. Однако для выявления своеобразия фигуры Харамиса этих кратких сведений, указанных в предисловии, недостаточно. Проведенные нами разыскания позволили установить, что Харамис принадлежал к одной из знаменитых фамилий Лероса. Неслучайно он прибавлял к своему имени указание «Леросский» (именно такой вариант написания имени — Ἀδαμάντιος Χαράμις Λερῖος — стоит и на титуле издания 1887 г.). Приведем несколько фактов из истории этой семьи. Фамилия Харамис появилась на Леросе в 1821 г. Жители острова поддержали греческую революцию, и с 1821 по 1831 г. Лерос находился под патронажем греческого правительства. Как удалось установить на основании труда Дионисия Икономопулоса (Διονύσιος Οἰκονομόπουλος) «О Леросе» («Λεριακά», 1888), посвященного истории острова, Харамис⁴⁷ был направлен на Лерос правительством Иоанна Каподистрии для управления экономическими вопросами. Когда в 1832 г. по Лондонскому договору остров снова отошел Османской империи, Харамис не вернулся в Грецию вместе с другими представителями греческого правительства, а полулегально остался на острове, так как женился на единственной дочери из местного семейства Николарос (Νικολάρος) (Οἰκονομοπούλου 1888: 63–64). Пока не удалось выяснить, насколько близок был старший Харамис Каподистрии, но не исключено, что эта страница его

---

⁴⁵ П-ти М. Первый греческий переводчик Пушкина // Приазовский край. 1899, 13 сентября, № 240, с. 3; приводится по (Berkov, Lavrov 1949: 898).

⁴⁶ Факт заведования Харамисом греческой школой, о которой говорит Несторидис, требует подтверждения. В обширной чеховской мемуаристике, связанной с греческой школой Таганрога, где начинали свое обучение А. П. Чехов и его братья, никаких сведений об А. Харамисе не встречается. Нет подтверждения этому факту и в ряде известных работ по истории города (Filevsky 1898; Gavryushkin 2000).

⁴⁷ Судя по всему, имеется в виду отец Адамантия, так как никаких сведений о других Харамисах старшего поколения, которые могли бы состоять в родстве с Адамантием, в источниках не встречается.

биографии оказала влияние на судьбу его сыновей. Так, известно, что грек И. А. Скараманга⁴⁸, у которого в Таганроге Адамантий Харамис стал домашним учителем, был родом с Сироса (Gavryushkin 2000: 123–124). В ходе попытки Екатерины II реализовать «греческий проект» этот остров в 1771–1774 гг. во время Первой Архипелагской экспедиции перешел в юрисдикцию России⁴⁹ и служил провиантским магазином для русского флота. Известно, что после окончания войны с Турцией Екатерина II щедро одаривала землями в Приазовье греков, поддержавших в ходе войны Россию, а теперь искавших ее покровительства (Filevsky 1898: 86–110). Позднее, в годы революции 1821–1829 Сирос принимал беженцев из островной Греции, остававшейся под властью Османской империи, в 1830 г. вошел в состав независимого греческого государства. Учитывая историю Сироса, можно предположить, что семья Скараманга оказалась в Таганроге не случайно и что с Россией прямо или косвенно (через родственников и знакомых) у нее были давние отношения. Тогда не исключено, что и в появлении Харамиса в семье Скараманга в

---

⁴⁸ По всей вероятности, Харамис был домашним учителем детей Ивана Амвросиевича Скараманга (Σκαράμανγκας Ιωάννης Αμβροσίου, 1820–1902 — одного из самых богатых людей Таганрога во второй половине XIX в., греческого купца, судовладельца, владельца таганрогского кирпичного завода, кожевенного завода и одного из учредителей Азовско-Донского банка, главы торгового дома Скараманга и К^о, почетного гражданина Таганрога (1890 г.) и бельгийского консула (1874 г.) в Таганроге. У него было три сына — Амвросий (1861–?), Михаил (1862–1916) и Пантелеймон (1870–?), и три дочери — Елизавета (1865–?), Мария (1866–?), Виргиния (1879–?) (Nazarenko 2008; Gavryushkin 2000: 123–124). Семья была известна не только своим богатством, но и благотворительностью. Легендарный историк Таганрога второй пол. XIX – первой пол. XX вв. П. П. Филевский подчеркивает как отличительную черту этой семьи ее открытость к русским культурным традициям: «Семья Скараманга принадлежит к тем старинным греческим фамилиям, которые сжились с Россией и не знают сепаратизма, который, к сожалению, у других греков существует настолько, что они его даже в церковный обиход вносят, забывая, что Россия для них родина и политически, и нравственно, и русский царь и только русский царь для них источник закона и благополучия» (Filevsky 1916). Разумеется, приписывать влиянию Харамиса лояльное отношение Скараманга к культуре метрополии нет оснований, но подвижнический труд домашнего учителя по переводу произведений Пушкина вполне коррелирует с характеристикой Филевского.

⁴⁹ В 1775 г. Сирос был возвращен Османской империи, после того как «греческий проект» потерпел неудачу.

качестве учителя тоже в той или иной степени мог присутствовать «русский след». Иначе трудно объяснить, почему получивший очень хорошее образование молодой человек из вполне обеспеченной семьи отправляется домашним учителем в Таганрог. Наконец, есть еще одно косвенное свидетельство в пользу гипотезы о русофильских настроениях Харамисов. Беря на себя расходы по изданию переводов брата, Николаос Харамис пишет на титуле, что издание осуществляется им из патриотических соображений «в пользу филантропических заведений на Леросе» и посвящает его греческой царице Ольге (урожденной Ольге Константиновне Романовой). Это посвящение учитывает сразу два амплуа Ольги Константиновны. За годы пребывания в Греции у нее сложилась устойчивая репутация покровительницы моряков, ее как дочь Вел. кн. Константина Николаевича, прошедшего в 1860-е годы реформу флота, даже называли «матушкой российского флота», а Харамис был судовладельцем. Но второе амплуа более существенно. С фигурой Ольги Константиновны была связана очередная волна упований на сближение России и Греции, и, хотя в отличие от благотворительной деятельности с политикой царица не была связана, русская партия в Греция считала ее одним из своих главных представителей. Ее даже называли «королевой эллинов», подчеркивая тем самым, что в фигуре Ольги как бы уже произошло то соединение русского и греческого миров, на которое надеялись сторонники такого сближения (Garshin 1937). Одна из приоритетных задач русской партии Греции была связана с переходом под ее власть территорий, все еще находящихся у турок. Лерос как раз был таким островом. Возвращенный, несмотря на протесты жителей, в 1832 г. под патронаж Османской империи, он смог вернуться в состав греческого государства только в 1947 г.

Еще один известный факт из биографии Николаоса Харамиса тоже весьма красноречиво свидетельствует об умонастроениях этой семьи. В 1882 г. в разгар восстания в Египте, когда патриарх Александрийский Софроний IV⁵⁰ вынужден был покинуть свою резиденцию, Николаос Харамис пригласил его посетить свой дом на Леросе. Софроний так был доволен гостеприимством, что решил построить на острове летнюю патриаршую резиденцию. Руководить строительством он поручил Н. Харамису. К 1884 г. работы были завершены, с этого времени и до конца жизни

---

⁵⁰ Софроний IV Александрийский избран на патриарший пост Александрии с 1870 по 1889 гг., его кандидатура получила одобрение всех патриархатов (Константинопольского, Иерусалимского и Александрийского), а также российского посла в Константинополе (подробнее см. Petrunina et. al. 2020: 103–106).

именно в этой резиденции Софроний проводил каждое лето. В честь этого события на Леросе была установлена памятная доска⁵¹.

В свете истории семьи Харамисов отъезд Адамантия в Россию на должность домашнего учителя в дом известной фамилии с острова Сирос, увлечение творчеством Пушкина и подвижнический труд по переводу его произведений получают яркие дополнительные акценты.

Наконец, удалось найти документальное подтверждение обширным знаниям А. Харамиса в области древней литературы и новых европейских литератур. Об этом свидетельствует каталог его библиотеки. Он приведен в вышеупомянутой книге Икономопулоса. Нет сомнений, что речь идет именно о том самом А. Харамисе, переводчике Пушкина, так как в этом каталоге указано несколько русскоязычных изданий⁵². Каталог насчитывает 309 позиций только печатных книг и рукописей (Oikonomopoulos 1888: 200–210), авторские материалы в него не включены. Перечислены только книги на основных европейских и на древних языках. Не исключено, что и следы рукописей Харамиса, и его неопубликованные переводы стоит искать на Леросе. К сожалению, каталог не содержит точного библиографического описания изданий: нет указания ни выходных данных, ни дат публикации. Так что только на основании каталога установить, какое издание пушкинских текстов было в библиотеке Харамиса, не представляется возможным, что не отменяет факта знакомства с изданием П. А. Ефремова, которое с начала 1880-х гг. широко использовалось. Изучение библиотеки помогло бы лучше понять генезис и основания принципа «академического филологизма», реализованного Харамисом в переводах пушкинских текстов, а также, не исключено, позволило бы установить конкретные издания, которыми переводчик пользовался. Детальный анализ переводов и дальнейшее выяснение подробностей семейной истории Харамисов и Скараманга позволит, как представляется, дать аргументированный ответ на вопрос о выборе произведений для перевода.

---

⁵¹ <https://atheatileros.com/patriarkhs-alexandriais> (дата обращения 23.04.2024).

⁵² Под № 251 в каталоге указано русскоязычное издание Пушкина (Oikonomopoulos 1888: 205), есть также русскоязычные сборники Лермонтова (№ 176), Некрасова (№ 196) и «История государства российского» Н. М. Карамзина в переводе на греческий (№ 77) (Oikonomopoulos 1888: 206, 207, 202). Из предисловия Несторидиса мы знаем, что в конце жизни Адамантий вернулся на Лерос, где и умер в 1885 г. Он подарил (или завещал?) свое книжное собрание родному городу. Собрание Харамиса положило начало муниципальной библиотеке (Oikonomopoulos 1888: 188).

Но уже сейчас ясно, что перевод Харамиса во всех смыслах не был случайным. За ним стоит переплетение важных для греческого мира традиций — научной (филологической), мировоззренческой, политической, наконец, семейной истории. Перевод Харамиса, при всех его странностях и неудачах, — это поиск *своего* Пушкина, в котором, как в судьбе самого Харамиса, отражалась бы встреча двух культур.

Закономерно, что «академическая» линия Карафеодориса и Харамиса имела свой противоположный полюс в массовой культуре. Крайним ее выражением был травестийный образ Пушкин, представленный рядом текстов. В качестве примера назовем уже упоминавшийся ранее неизвестный сегодня сборник Дельяниса. В него включен рассказ о дуэли и смерти Пушкина, где автор очень вольно излагает события, не скупясь на прибавление эффектных подробностей. Дантес (названный Антисом), оказывается, по выражению Кирпичникова, читавшего этот текст, «жертвою истинно восточной страсти, которую он тщетно старался потушить браком со свояченицей поэта», Пушкин изображен «ревнивцем тоже восточного пошиба». В повествование включены два выдуманных письма Антиса к жене Пушкина, приведены якобы «подлинные» речи самого поэта, составленные при этом «по всем правилам греческой риторики» (Kirpichnikov 1887: 34). Близки по духу этому тексту известные в конце века итальянские драмы о жизни Пушкина П. Косса и В. Каррера, где и состав персонажей, и перипетии событий достойны мексиканского сериала конца XX в.⁵³, или записанный В. Бильбасовым, якобы со слов кн. А. В. Трубецкого, «Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу», где Пушкин мазал губы сажей, чтобы уличить неверную жену⁵⁴. В этих и других подобных им историях Пушкин — просто условное имя персонажа. Так, в рассказе Дельяниса Пушкин назван историком (Kirpichnikov 1887: 34). В опубликованном в 1859 г. рассказе К. А. Тимофеева о посещении Михайловского приведена запись беседы с местным мальчиком, который назвал Пушкина генералом⁵⁵. Литераторство Пушкина не имеет в этом

⁵³ См.: Каррера, В. Александр Пушкин. Драма в 3-х действиях, с прологом. Косса, П. Пушкин. Драма в 4-х действиях Перев. с итальянского К. и Э. Д. С.-Пб., 1900. См. о них (Grin 1961: 466–469).

⁵⁴ Русская Старина, 1901, кн. II, с. 257–262.

⁵⁵ «Через монастырские ворота вышли мы на почтовую дорогу (автор и его друг идут из Святогорского монастыря, от могилы Пушкина в Михайловское, взяли крестьянского мальчика в провожатые — И. В., М. К.) и, проходя мимо ограды, из-за которой виднелся памятник, мы вздумали испытать, до какой степени свежа в околотке память о Михайловском помещике: «Павлуша, кто тут похоронен за оградой,

ракурсе принципиального значения. Собственно, он может быть, кем угодно. Как и для любого фольклорного героя, главное — его функция: способность порождать сюжет. Наметившаяся в грекоязычный пушкиниане еще на самом раннем этапе фольклоризация образа Пушкина получит свое развитие уже в XX в., когда мелодраматическая трактовка дуэльного сюжета отойдет на второй план, а первое место займут разнообразные варианты образа Пушкина-филэллина⁵⁶. Другое направление фольклоризации затронет уже не биографию, а собственно сами пушкинские тексты. Но это уже проявление, как представляется, более общих тенденций XX в. в отношении к своему культурному прошлому.

знаешь ли?» — «Знаю. Пушкин». «А кто ж он такой был?» Мальчик замылся, наконец проговорил: «Генерал» (Timofeev 1899: 269). В этом контексте показательно, что даже в юбилейные годы конца XIX в., несмотря на все предпринимаемые усилия, географические локации, связанные с именем Пушкина, функционируют как «места памяти» (П. Нора) только для ограниченного круга лиц. Вот характерный рассказ А. И. Маркевича о посещении места дуэли: «Полтора месяца назад я с одним знакомым отправился в Петербург искать место роковой дуэли Пушкина. Не зная этого места, мы расспрашивали о нем и полицию, и местных сторожей, и вообще всякого встречного, по крайней мере, человек 20, и могли убедиться, что ни для одного из них слово «Пушкин» не звучало чем-то знакомым, близким. И лишь культурный прохожий вывел нас из затруднения, указав нам дорогу к болоту, где стоит маленький столбик с плохим гипсовым бюстиком Пушкина, смотрящего на скачки и тотализатор» (Markevich 1902: 29).

⁵⁶ Филэллинская тема в изложении пушкинской жизни и творчества ощутимо проявится уже в греческих текстах конца 1870-х гг. Безусловно, стимулом к ее актуализации послужит очередное обострение русско-турецких и греко-турецких отношений. В этом контексте филэллинство Пушкина будет трактоваться вполне серьезно. Так, в 1879 г. в журнале «Парнас» («*Παρνασσός*») выходит очерк К. А. Палеологоса (К. Α. Παλαιολόγος, из Одессы) «Изучение русского поэта Пушкина как филэллина» («*Ὁ Ῥώσος ποιητῆς Πούσκιν ὡς φιλέλλην ἐξέταξις*»), где приводятся известные отрывки из кишиневского дневника Пушкина, рассказывается о контактах Пушкина с греками в Кишиневе и упоминаются «греческие» стихотворения Пушкина, тексты некоторых (напр., «Гречанке») приводятся в прозаическом переводе (Pinskaia 1989: 170–173). Кроме того, появляются небольшие заметки о филэллинстве Пушкина в греческой периодике (Pinskaia 1989: 174). В 1887 г. в газете «Евдомада» («*Εβδομάδα*» ‘неделя’) выходит заметка «Каподистрия и Пушкин» («*Καποδίστριας καὶ Πούσκιν*»), которая была перепечатана в журнале «Русская старина» (Pinskaia 1989: 178).

В конце XIX в. количественно преобладал более нейтральный вариант пушкинского образа. Как было отмечено в первой обзорной части нашей статьи, заметки и сообщения о Пушкине, нередко сопровождаемые переводами фрагментов его произведений, регулярно публиковались в греческой печати (Sokolov 1926, Pinskaya 1989). Написанная для «Аттического календаря» **Феодором Веллианитисом** (1853–1933) биография Пушкина может служить исчерпывающим примером такого рода публикаций⁵⁷. Веллианитис был автором популярных изданий, профессиональным беллетристом, зарабатывавшим литературой. По писательскому типу он ближе к раннему Чехову, чем к Пушкину. Его подход к пушкинскому материалу определяется характерными для массовой культуры принципами: важны прежде всего увлекательность рассказа, легкость изложения, так как от них зависит интерес читателя. Веллианитис знал русский язык, учился в России, какое-то время жил в Одессе⁵⁸. Очевидно, что он хорошо представлял себе, кто такой Пушкин, читал его произведения в оригинале, что позволило ему подробно рассказать биографию поэта и верно передать фабулы его произведений. Но вместе с тем Веллианитис очевидно не стремится ни к фактической точности⁵⁹, ни к поиску эквивалентного образа — языкового, эстетического, мировоззренческого. Его цель — сделать из Пушкина для читателей «новость», эмоционально наполненную историю, с этой задачей он успешно справляется. Так, в изложении Веллианитиса Пушкин рос в Михайловском, вдали от нравов крепостнической

---

⁵⁷ «Аттический календарь» — одно из самых популярных изданий Греции того времени, широко известное во всем грекоязычном мире. Перед публикацией Веллианитиса о Пушкине была помещена статья «О византийской церкви в Абиссинии», а за ней — «История дьявола с древнейших времен до наших дней». Среди других материалов этого же номера — статьи о гипнозе, полезные советы «Как побеждать женщин», а также обзорные статьи о Дарвине, Спенсере и о Викторе Гюго.

⁵⁸ В 1886–1887 гг. в газете «Акрополь» Веллианитис опубликовал «Русские воспоминания», а в 1892 г. в газете «Эфимерис» («Εφμερίς») вышли его «Крымские впечатления». Издал книгу «Россия» (Vellianitis 1902). Активно переводил русскую литературу: Пушкина, Тургенева, Островского, Достоевского. Был лично знаком с Надсоном (Pinskaya 2007). В Афинах читал лекции о современной русской литературе, перевел на греческий «Историю русской литературы» (неясно, какую именно). Дружил с Яковом Полиласом, переводчиком Илиады и Одиссеи на новогреческий.

⁵⁹ Он неверно указывает даже даты жизни Пушкина — 1789–1839 вместо 1799–1837 (Vellianitis 1886: 423, 439).

Москвы, на лоне природы, где бегал вдоль ручейков и слушал «страстное соловьиное пение» (τὸ περιπαθὲς τῆς ἀηδόνης κελάδημα), а зимой он клал голову на колени кормилицы (κλίνων τὴν κεφαλὴν τοῦ ἐπὶ τῶν γονάτων τῆς τροφοῦ του) и слушал народные сказки (Vellianitis 1886: 424, 425) и т. д.

В дальнейшем развитии линии «занимательного» Пушкина станут многочисленными переводы его наиболее остросюжетных, с точки зрения массового читателя, произведений — «Капитанской дочки» и «Пиковой дамы». Показательно, что это прозаические тексты, которые проще адаптируются под перевод, чем текст поэтический; как минимум, для них не релевантны потери при переложении стиха прозой. В XX в. эту пару дополняют «Каменный гость», «Скупой рыцарь» и сказки. Вместе с тем, благодаря публикациям в массовой печати, — таким, как статья Веллианитиса, — Пушкин к концу XIX в. становится известным, привычным именем. Будучи освоенным массовой культурой, он может перейти уже в зону рефлексии для широкого читателя, стать одним из ее «домашних» смыслов.

Освоенность широкой читательской аудиторией имени «Пушкин» открывала дорогу многотиражным полным переводам. Примерами таких работ могут служить переводы **Харлампия Вулудимоса** и **Николаоса Т. Феодоридиса**. Оба переводчика хорошо знали русский язык и переводили пушкинские произведения с оригинала, что уже для того времени выделяло их работы на фоне «вторичных» вариантов, гарантируя, как минимум, точность понимания. Остановимся более подробно на работе одного из них. Вулудимос был представителем школьно-университетской культуры: он многие годы был директором греческого коммерческого училища в Одессе, затем занял кафедру в Афинском университете. Но, в отличие от Карафеодориса и Харамиса, его усилия были направлены не в сторону академизма, а напротив, в сторону демократизации предлагаемого вниманию потенциального читателя объекта. Видимо, Вулудимос был талантливым популяризатором. Его обширный труд «О частной жизни древних греков» (1875) («Περὶ τοῦ ἰδιωτικοῦ βίου τῶν ἀρχαίων Ἑλλήνων») переиздается до сих пор. Он хотел перевести не только все произведения Пушкина⁶⁰, но и вообще все самые известные произведения русской литературы Нового времени. В отличие от Харамиса, состав опубликованных Вулудимосом переводов не вызывает вопросов. В 1888 г. в Одессе выходит сборник

---

⁶⁰ В Греции, в Турции и в России, а также в других греческих диаспорах была объявлена подписка на издание перевода полного собрания сочинений Пушкина. Но проект не был реализован, как полагает Соколов, из-за материальных трудностей (Sokolov 1926: 198).

пушкинских поэм (Pushkin 1888). Второй том пушкинианы Вулудимоса — это перевод «Евгения Онегина» и основных критико-биографических текстов о Пушкине (Pushkin 1899).

Показательно, что Вулудимос стремится как можно точнее передать звуковой образ русских имен. Так, имя Людмила он пишет по-гречески как «Λιουδμῖλλα», стараясь воспроизвести характерное для русского сочетание мягкого [л] и [у] — Λιου. В то же время, все переводы Вулудимоса выполнены прозой, что было характерно для его эпохи. В отличие от Харамиса, он не ставит перед собой сверхсложную задачу создания новогреческого стихового эквивалента для оригинального русского текста. Для него гораздо важнее добиться благосклонного отношения публики к переводимому автору. Так, чтобы заинтересовать читателей и в то же время сделать возможно легким восприятие пушкинского текста, в том с переводом «Евгения Онегина» он включает как отдельный раздел краткое содержание романа. Желая подчеркнуть значение Пушкина и самих книг, которые читатель держит в руках, Вулудимос пишет разные предисловия, включает в том с «Евгением Онегиным» тексты о жизни и творчестве поэта: письма В. А. Жуковского о последних часах жизни Пушкина, речи Достоевского, описание пушкинского праздника в Москве 1880 г. и открытия памятника Пушкину в Одессе, статей одесской критики о пушкинском юбилее. Этим же целям служат внешние характеристики книг: красивые издания, на хорошей бумаге, с четким шрифтом. Вместе с тем нет сомнения, что переводчик искренне ценил творчество Пушкина, разделял общее для того времени преклонение перед его гением. Поэтому он и пытается в новогреческом найти слова, эквивалентные общему для юбилейных лет восхищенному слову о Пушкине, а не собственно пушкинскому слову. Тогда закономерно, что для переводов использована кафаревуса, и, как отмечал еще Соколов, текст Вулудимоса может служить «хорошим пособием для изучения современного *литературного* греческого языка (курсив автора — *И. В., М. К.*)» (Sokolov 1926: 195).

Еще одной важной чертой уже не собственно перевода, а самого Вулудимоса является его активная культуртрегерская деятельность. Более-менее подробное описание его биографии — дело будущего, но уже по известным сейчас фактам видно, что сама его жизнь может служить яркой иллюстрацией стремления реализовать идею сближения, прежде всего, в культурном и политическом смыслах России и Греции (см., например его тезис о необходимости лучше знать друг друга двум великим православным народам (Pushkin 1888: ιγ'). Если в грекоязычный мир Вулудимос посредством своих переводов транслирует самое важное достижение современной русской культуры — ее литературу, то русскому миру, в лице его официальных представи-

телей, он не устает напоминать о важности «греческого проекта». Примером этому служит его многолетнее сотрудничество с Г. Г. Маразли, известным меценатом и грекофилом, долгое время занимавшим пост городского головы в Одессе. При финансовой и репутационной поддержке Маразли должны были издаваться две книжных серии — «Библиотека Маразли» («Βιβλιοθήκη Μαρασλή») и «Библиотека лучших произведений русской литературы» («Βιβλιοθήκη Ἑλληνικῶν μεταφράσεων ἐκλεκτῶν ποιημάτων τῶν δοκιμωτέρων Ῥώσων ποιητῶν καὶ συγγραφέων») ⁶¹. Покровительством Маразли Вулудимос не ограничивается. Самостоятельно или при посредничестве последнего, он апеллирует о поддержке грекоязычных переводов русской классики к членам императорской фамилии. Том переводов пушкинских поэм Вулудимос посвящает вдовствующей императрице Марии Федоровне. Перевод «Евгения Онегина» был в личной библиотеке Вел. кн. Константина Константиновича (К.Р.) ⁶². Таким образом, занимаясь активным

---

⁶¹ Очевидно, у серий был как просветительский, так и коммерческий замысел. Касались они не только Пушкина. Издания начали выходить в Одессе, затем в Афинах — вплоть до смерти Г. Г. Маразли в 1907 г. О предварительном составе этой серии можно судить, например, по перечню русских литераторов, который Вулудимос приводит в предисловии к тому пушкинских поэм. Этот список нетривиален для XIX в. и превосходит классический набор имен из школьной программы. Наибольшее влияние (sic!) на русскую литературу, по мнению Вулудимоса, оказали Державин, Фонвизин, Крылов, Карамзин, Жуковский, Грибоедов, Гнедич, Озеров, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Языков, Баратынский, Тургенев, Островский, Козлов, Кольцов, Майков, Некрасов (Pushkin 1888: ιβ'–ιγ').

⁶² В библиотеке Вел. кн. Константина Константиновича (К.Р.), хранящейся в ИРЛИ (Пушкинском Доме) РАН, есть издание «Евгения Онегина» в переводе Х. Вулудимоса (1899): «В кожаном переплете с золотым обрезом и ляссе (выполнено триколором — белый, синий, красный)» (Belyaev 2022: 200 [№ 806]). Дарственная надпись отсутствует. Когда именно появилась эта книга в библиотеке великого князя пока установить не удалось. Возможно, это издание было привезено Ольгой Константиновной в один из ее визитов в Петербург или по возвращении на родину после гибели мужа, греческого короля Георга I (т. е. не позднее 1913 г.). Возможно, оно было направлено в дар Великому князю самим Вулудимосом сразу после публикации или позднее, при возникновении у издания материальных трудностей — с надеждой на возможную протекцию задуманного проекта. Особое значение греческой и пушкинской тем для этой ветви семьи Романовых было хорошо известно. Эта традиция будет поддержана и сыном Вел. кн. Константина Константиновича, Олегом Константиновичем

продвижением Пушкина в Греции и греческих переводов в России, Вулудимос превращает имя поэта в знак встречного движения русофильских и филэллинских настроений, способствуя, не столько на фабульно-тематическом, сколько на семиотическом уровне, становлению мифа о Пушкине как главном филэллине русской литературы. Поскольку литература в эту эпоху преимущественно говорит от имени культуры в целом, то Пушкин оказывается и главным филэллином русской культуры. Влияние этого мифа хорошо заметно в греческой пушкиниане и в целом в представлениях греков о России на протяжении XX в., особенно — в период советской истории. По понятным причинам тема филэллинства Пушкина активно будет эксплуатироваться и в советском литературоведении.

Культурная жизнь Новороссии: от «их» Пушкина к «нашему»

В данной статье мы не касаемся еще одного интересного и важного вопроса о влиянии раннего «греческого» Пушкина на культурную жизнь Новороссии (юга России). Чтобы показать важность изучения этой проблемы, контурно очертим ее через несколько примеров. Ожидаемо, что греческая пушкиниана и фиксировалась, и создавалась преимущественно на юге России. Греческая диаспора имела там два главных центра — Таганрог и Одессу. Закономерно, что именно в них мы и встречаем двух наиболее масштабных переводчиков Пушкина на греческий. До конца XIX в. Таганрог и Одесса представляют собой поликультурные города, где русское население не доминирует, а греческое составляет до 40% от общего числа жителей. Это определяет специфику культурной жизни и, шире, самой жизненной атмосферы Таганрога и Одессы. В отличие от столичных центров, югу в большей степени свойственна самоирония, стимулирующая не только поиск ответов на уже поставленные вопросы, но и стремление формулировать новые вопросы. Как пример приведем слова А. И. Маркевича (о нем см. Linnichenko 1904) из юбилейной

(1892–1914). Он видел свою будущность связанной с литературой и был горячим поклонником творчества А. С. Пушкина. По его инициативе к 100-летию юбилею Лицея были изданы хранящиеся в лицейском музее и у частных лиц автографы Пушкина (Pushkin 1911). Так или иначе, появление выполненного Вулудимосом перевода Пушкина на новогреческий в библиотеке Мраморного дворца довольно показательны. Косвенно на поиски Вулудимосом покровительства К. Р. в проекте греческих переводов указывает и тот факт, что в 1895 г. в его переводе на греческий вышел сборник стихотворений К. Р. (Romanov 1895).

речи, произнесенной на собрании университета и ученых обществ Одессы 27 мая 1899 г.:

«...жизнь и произведения Пушкина настолько известны нашему образованному обществу и столь часто были оцениваемы в сочинениях выдающихся критиков и публицистов, что в торжественный день, посвященный его памяти, просто невозможным представляется избрать для речи, произносимой перед таким обществом, какое я имею честь теперь видеть перед собою, тему, которая отличалась бы новизною или оригинальностью. Я внимательно следил за литературой о Пушкине во дни, предшествовавшие настоящему празднеству, и с грустной иронией должен сказать, подражая Лессингу, что, хотя о Пушкине в последнее время было напечатано много нового и много интересного, но — то, что интересно, уже не ново, а что ново, то совершенно неинтересно» (Markevich 1902: 3).

В стремлении найти то, что было бы по-настоящему ново и интересно, Маркевич пытается нешаблонно взглянуть на тему «Пушкин и Новороссийский край». Тема ожидаемо имеет две стороны: во-первых, значение юга для жизни и творчества Пушкина и, во-вторых, значение Пушкина для жизни юга. Казалось бы, и то, и другое в целом ясно. Богатство новых впечатлений роскошь южной природы, особый дух свободы — все это к концу XIX в. стало общим местом в текстах о Пушкине южного периода. Однако Маркевич, как ранее и Кирпичников в юбилейной речи 1887 г., стремится не просто констатировать особую пестроту жизни, свойственную русскому югу, но выделить те специфические качества этой пестроты, которые могли сущностно, а не только эмоционально повлиять на поэта. К таким специфичным для одесской жизни качествам относится отсутствие иерархии внутри культурного поля и неопределенность, своего рода размытость социальных статусов. Пестрота этнического и социального состава жителей юга, большое количество иностранных поданных и переселенцев, т. н. «новых» людей, придавало южной жизни несвойственный центральной России динамизм. Общество в меньшей степени следовало сложившимся моделям, было более открыто к различным новшествам. Однако более существенно, по Маркевичу, формирование — во многом благодаря людям коммерческого сословия — в Одессе, и шире, на юге России, особой культурно-образовательной среды. По роду своей прямой деятельности далекие от культурной сферы, одесские коммерсанты, преимущественно — греки⁶³, в силу разных причин

---

⁶³ Значительная часть населения, особенно в наиболее крупных городах юга — Таганроге и Одессе, составляли греки. Об этом говорят

(иностранные происхождение, иностранная торговля) оказывались одними из основных потребителей образования и культуры, составляли своего рода коммерческую культурную аристократию. В пушкинское время на улицах Одессы итальянский, греческий или французский слышался чаще русского (Markevich 1902: 15). Для одесских коммерсантов было характерно хорошее знание европейских языков, дети многих из них получали образование в европейских университетах, немногим позднее, в послепушкинское время, Ришельевский Лицей, Коммерческое училище и учрежденный одним из первых в России Новороссийский императорский университет (1865 г.) по уровню образования успешно конкурировали с лучшими учебными заведениями Петербурга и Москвы. В городе было много магазинов, где продавали иностранные книги, тогда как «русские приходилось приобретать в посудных лавках» (Markevich 1902: 15). Именно в Одессе Пушкин начинает собирать свою знаменитую библиотеку, которую потом на 12 подводках повезут из Михайловского⁶⁴

практически все источники по истории Приазовья, Крыма и Одессы. Кирпичников, описывая специфику культурной ситуации в Одессе, пишет: «сюда наехала масса греческих семей из Турции: среди них было немало людей состоятельных и образованных. С самого основания Одессы греки здесь считались сотнями»; с 1803 г. в составе южной армии существовал особый одесский греческий полк; в 1812 г. греческая диаспора подписала «на нужду государства почти вчетверо более, чем местное дворянство»; в 1814 г. Одессе Николаосом Скуфасом была основана «Филики Этерия» (Φιλκή Ἐταιρεία), была открыта подписка на организацию Греческого коммерческого училища, в 1817 г. оно уже было «богато учениками», а в 1819 г. — «начинает довольно длинный ряд своих изданий»; греки часто занимали важнейшие должности в городе (Kirpichnikov 1903a: 460). На преобладание греков среди коммерческого сословия указывает Маркевич (Markevich 1902: 14). Кирпичников отмечает значительное число изданий на новогреческом в фондах Городской публичной библиотеки. К этой части (о книгоздании) сделано примечание: «Помимо этого, считаем нужным указать на массу новогреческих книг, изданных в это время в Одессе в новогреческой типографии (см. заглавия многих из них в каталоге городской публичной библиотеки)...» (Kirpichnikov 1903a: 469). О школьном образовании в Одессе можно найти материалы в монументальном труде А. И. Любжина (Liubzhin 2018).

⁶⁴ Этот факт из рассказа михайловского кучера Петра, записанного К. А. Тимофеевым и впервые опубликованного в «Журнале народного просвещения» в 1859 г., не раз вспоминает А. И. Кирпичников, начиная с юбилейной речи 1887 г. (Kirpichnikov 1887: 26; 1903a: 462).

(Kirpichnikov 1903b: 64; Timofeev 1899: 274). Вкупе с деятельной атмосферой это создает особый характер одесской жизни. Примечательно, в интерпретации Кирпичникова, что именно в южный период раскрывается благодаря богатству впечатлений не только талант Пушкина, но и его «исключительное трудолюбие, способность к учебе», он — «первый *ученый* литератор» (курсив Кирпичникова). Иными словами, проявляются черты, которые до Пушкина никогда не связывались с образом гения (Kirpichnikov 1903b: 64). В итоге, Одесса оказывается для Пушкина той Европой, куда он всегда стремился, но где так и не побывал. Этот тезис прозвучит в речи А. И. Кирпичникова еще в дни юбилея 1887 г., которую так и будет названа — «Пушкин как европейский поэт» (Kirpichnikov 1887). О значении «европейской» Одессы для Пушкина говорит и Маркевич, большая часть жизни и профессиональная деятельность которого связана с этим городом (см. Rudakov 1896: 648; Linnichenko 1904). В доказательство, не чувствуя иронии автора, он приводит цитату из письма Пушкина брату, написанному сразу после переезда в Одессу: «...я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и, ей-Богу, обновили мне душу <...> Теперь я опять в Одессе и все еще не могу привыкнуть к европейскому образу жизни» (Pushkin 1979). Не обсуждая здесь убедительность данного тезиса, отметим его важность для представителей российского культурного юга. Европеизм и русскость выводятся в юбилейных речах одесситов за грани географического и национального, становятся качеством культуры как таковой, воплощенной в равной степени как в Пушкине, так и в одесской, шире — южной-русской, жизни. Свойственные им обоим динамизм и своеобразие не предполагают сосуществования в рамках каких-либо оппозиций, но сосредоточены на реализации своей уникальности, на способности постоянно оказываться за границами устойчивых моделей. Так, Одесса — молодой город, центр Новороссии, недавно вошедшей в состав российских земель, но вместе с тем юг России — земли с самым давним, еще античным, культурным прошлым; значительная часть жителей Одессы — иностранные подданные, но живут в России и ее считают своим домом и т. д. В плане идентификации выход за пределы бинарных определений делает ключевым понятием самоуважение. Именно оно обуславливает как подлинную причастность национальной культуре, так и европейской.

«Как в жизни обыденной уважение может возбудить только человек, который сам себя уважает, так и среди народов только тот народ обращает на себя почтительное внимание других, который не отказывается от своей самостоятельности. Русские интеллигентные люди, стыдившиеся своей национальности или

не имевшие о ней понятия, не могли делаться европейцами, хотя и переставали быть русскими. Настоящий европеец (а не *международная обимыга* (курсив автора — *И. В., М. К.*), по резкому, но меткому выражению Достоевского) — только тот, кто сознает *свою* роль, как представителя известной национальности (курсив автора — *И. В., М. К.*) в общем деле европейской, т. е. общечеловеческой цивилизации»

(Kirpichnikov 1903b: 66–67).

Таким образом, благодаря Пушкину и пушкинским юбилеям, культурная жизнь юга России получила мощный стимул отрефлексировать собственную самобытность и воспользовалась этим стимулом в полной мере, создав *своего* Пушкина, в котором, как в греческой пушкиниане, разные линии русской культуры тесно переплелись со своими чаяниями и интересами.

Литература

- Belyaev, N. S. (comp.) 2022: *Izdanīia iz sobraniīa velikogo kniazīa Konstantīna Konstantinovicha v Biblioteke Pushkinskogo Doma* [Editions from the collection of the Grand Duke Konstantin Konstantinovich in the library of Puskinskij dom]. St. Petersburg: Library of the Russian Academy of Sciences.
- Беляев, Н. С. (сост.). 2022: *Издания из собрания великого князя Константина Константиновича в Библиотеке Пушкинского Дома*. СПб.: БАН.
- Berkov, P. N., Lavrov, V. M. 1949: *Bibliografīia proizvedenīi Pushkina i literatury o nem* [Bibliography of the Pushkin's oevres and the literature about him]. 1886–1899. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union.
- Берков, П. Н., Лавров, В. М. 1949: *Библиография произведений Пушкина и литературы о нем. 1886–1899*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Bien, P. (ed.) 2012: *The selected letters of Nikos Kazantzakis*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Draganov, P. D. 1899: *Piatidesiatīiazыchnyī Pushkin, t. e. perevody A. S. Pushkin ana 50 iazykov i narechiī mira. Bibliograficheskiī venok na pamiatnik A. S. Pushkinu, spletnnyī k stoletīiu ego rozhdenīia, 26 мая 1799 г. – 26 мая 1899 г.* [Fifty-lingual Pushkin, i.e., Pushkin's translations into 50 languages and idioms of the world. Bibliographic wreath for the Pushkin's monument prepared for his 100th anniversary, 26 May 1799 – 26 May 1899]. [St. Petersburg]: Typography of A. S. Suvorin.
- Драганов, П. Д. 1899: *Пятидесятиязычный Пушкин, т. е. переводы А. С. Пушкина на 50 языков и наречий мира. Библиографический венок на памятник А. С. Пушкину, сплетенный к столетию его рождения, 26 мая 1799 г. – 26 мая 1899 г.* [Санкт-Петербург]: Тип. А. С. Суворина.

- Filevsky, P. P. 1916: [In memoriam of M. I. Skaramanga]. *Taganrog bulletin* 226 (28.08.1916).
 Филевский, П. П. 1916: Памяти М. И. Скараманга. *Таганрогский вестник* 226 (28.08.1916).
- Filevsky, P. P. 1898: *Istoriia goroda Taganroga* [The history of the city of Taganrog]. Moscow: Typo-lithography of K. F. Alexandrov.
 Филевский, П. П. 1898: *История города Таганрога*. М.: Типо-литография К. Ф. Александрова.
- Garshin, M. Yu. 1937: *Koroleva ellinov Ol'ga Konstantinovna* [Queen of Hellenes Olga Konstantinovna]. Prague: Izdanie kaŭt-kompanii v Prage.
 Гаршин, М. Ю. 1937: *Королева эллинов Ольга Константиновна*. Прага: Издание кают-компании в Праге.
- Gavryushkin, O. P. 2000: *Vdol' po Piterskoĭ (Khronika obyvatel'skoĭ zhizni)* [Along Piterskaia (Chronicles of the everyday live)]. Taganrog: BANNERplus.
 Гаврюшкин, О. П. 2000: *Вдоль по Питерской (Хроника обывательской жизни)*. Таганрог: БАННЭРплюс.
- Gennadi, G. N. 1859: *Perevody sochinenii Pushkina* [Translations of the Pushkin oevres]. Bibliographic index. Moscow: Typography of S. Selivanovsky.
 Геннади, Г. Н. 1859: *Переводы сочинений Пушкина*. Библиографический указатель. М.: Тип. С. Селивановского.
- Grin, A. A. 1961: [The image of Pushkin in dramaturgy and on the stage]. In: *Pushkin na iuge* [Pushkin on the South]. *Proceedings of the Pushkin's conference in Odessa and Kishinev*. In 2 vols. Vol. II. Kishinev: "Shtintsa Publ.", Moldavian branch of the Academy of Sciences of the Soviet Union, 465–501.
 Грин, А. А. 1961: Образ А. С. Пушкина в драматургии и на сцене. В сб.: *Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева*. В 2 т. Т. II. Кишинев: Изд-во «Штинцианца» Молдавского филиала АН СССР, 465–501.
- Ilinskaya, S. 1989: [Russian literature in Greece. Steps of the evolution (19 century)]. *Dodoni. "Philology". Scholarly yearbook of the department of philology of the faculty of philosophy of the University of Ioannina* 18, 165–180.
 Ιλίνσκαγια, Σ. 1989: Η Ρωσική λογοτεχνία στην Ελλάδα. Στιγμιότυπα μιας πορείας (19^{ος} αιώνας). *Δωδώνη. «Φιλολογία». Επιστημονική επετηρίδα του Τμήματος φιλολογίας της Φιλοσοφικής σχολής Πανεπιστημίου Ιωαννίνων* ΙΗ', 165–180.
- Ilinskaya, S. 2007: [Greek heralds of Russian literature]. In: Dimadis, K. A. (ed.). *O ellēnikos kosmos anamesa stēn epokhē tou diafōtismou kai ston eikosto aīōna* [Greek world between the age of Enlightenment and the 20th century]. *Proceedings of the 3rd European conference of the Modern Greek studies, Bucharest 2–4 June 2006*. Vol. 3. Athens: Ellinika Grammata, 483–492.
 Ιλίνσκαγια, Σ. 2007: Έλληνες μαντατοφόροι της ρωσικής λογοτεχνίας. Στο: Δημάδης, Κ. Α. (επιμ.). *Ο ελληνικός κόσμος ανάμεσα στην εποχή του διαφωτισμού και στον εικοστό αιώνα. Πρακτικά του Γ' Ευρωπαϊκού συνεδρίου Νεοελληνικών Σπουδών*,

- Βουκουρέστι 2–4 Ιουνίου 2006*. Τ. Γ'. Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα, 483–492.
- Karamzin, N. 1855–1856: *Istoria tēs Rōssikēs autokratotias* [*History of the Russian state*]. Transl. into Greek by D. Bernadakis. Vols. 1 & 2. Athens.
- Καραμζίνος, Ν. 1855–1856: *Ιστορία τῆς Ρωσικῆς αὐτοκρατορίας*. Ἑλληνιστὶ μεθερμηνευθεῖσα ὑπὸ Δ. Βερναρδάκη. Τ. Α' καὶ Β'. Ἀθήνησιν.
- Karatheodoris, S. K. 1870–1871: [About Russian literature]. *O en Kōnstantinoupolei Ellēnikos filologikos syllogos* [*Greek philological society in Constantinople*]. *Literary periodical* 5, 60–86.
- Καραθεοδῶρης, Σ. Κ. 1870–1871: Περὶ ῥωσικῆς φιλολογίας. Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος. Σὺγγραμμα περιοδικὸν Ε', 60–86.
- Karpuk, D. A. 2005: [Church historical heritage of the Professor the Saint Petersburg Theological Academy Ivan I. Sokolov (1865–1939)]. *Christian Reading* 25, 184–202.
- Карпук, Д. А. 2005: Церковно-историческое наследие профессора Санкт-Петербургской духовной академии Ивана Ивановича Соколова (1865–1939). *Христианское чтение* 25, 184–202.
- Kazantzakis, N. 1930: *Istoria tēs Rōssikēs logotekhnias* [*History of the Russian literature*]. Vol. 1. Athens: Eleftherodakis.
- Καζαντζάκης, Ν. 1930: *Ιστορία τῆς Ρωσικῆς λογοτεχνίας*. Τ. Α'. Ἐν Ἀθήναις: Ἐκδοτικὸς οἶκος «Ἐλευθερουδάκης».
- Kazantzakis, N. 1980: *Istoria tēs rōssikēs logotekhnias* [*History of the Russian literature*]. Athens: Eleni N. Kazantzaki Publishing.
- Καζαντζάκης, Ν. 1980: *Ιστορία τῆς ρωσικῆς λογοτεχνίας*. Αθήνα: Ἐκδόσεις Ελένης Ν. Καζαντζάκη.
- Kirpichnikov, A. I. 1887: *Pushkin kak evropeiskii poet* [*Pushkin as the European poet*]. *The speech held at the public meeting of the Royal University of Novorossiysk, 1 February 1887*. Odessa: Typography of the “Odesskii vestnik”.
- Кирпичников, А. И. 1887: *Пушкин как европейский поэт. Речь, читанная в публичном собрании Императорского Новороссийского университета 1 февраля 1887 года*. Одесса: Типография «Одесского вестника».
- Kirpichnikov, A. I. 1903a: [From the history of the intellectual life of Odessa (to the 100th anniversary of the city)]. In: Kirpichnikov, A. I. *Ocherki po istorii novoï russkoï literatury (Pushkinskii period)* [*Essays on the history of new Russian literature (Pushkin's period)*]. Vol. 1. 2nd expanded edn. Moscow: Bookshop “Kniznoe delo”.
- Кирпичников, А. И. 1903а: Из истории умственной жизни Одессы (по поводу столетнего юбилея города). В кн.: Кирпичников, А. И. *Очерки по истории новой русской литературы*. Т. I. Изд. 2-е, дополненное. М.: Издание магазина «Книжное дело», 440–477.
- Kirpichnikov, A. I. 1903b: *Ocherki po istorii novoï russkoï literatury (Pushkinskii period)* [*Essays on the history of new Russian literature (Pushkin's period)*]. Vol. 2. 2nd expanded edn. Moscow: Bookshop “Kniznoe delo”.

- Кирпичников, А. И. 1903: *Очерки по истории новой русской литературы (Пушкинский период)*. Т. II. Изд. 2-е доп. М.: Издание магазина «Книжное дело».
- Kisilier, M. L. 2019: [Sociocultural and linguistic peculiarities of Azov Greek poetry]. In: Gushchian, L. S., Tantlevsky, I. R., Fedchenko, V. V. (eds.). *Formirovanie kultury v diaspore [Formation of Culture in Diaspora]*. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Academy for the Humanities, 99–134
- Кисилиер, М. Л. 2019: Социально-культурные и лингвистические особенности поэзии греков Приазовья. Кн.: Гушян, Л. С., Тантлевский, И. Р., Федченко, В. В. (ред.). *Формирование культуры в диаспоре*. Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 99–134.
- Lebedeva, G. E., Berezkin, A. V. 2016: [Professor Ivan I. Sokolov: a historian at the turn of two epochs]. *Paleorosia. Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas* 5, 476–488.
- Лебедева, Г. Е., Березкин, А. В. 2016: Профессор Иван Иванович Соколов: историк на рубеже двух эпох. *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях* 5, 476–488.
- Linnichenko, I. A. 1904: *A. I. Markevich. Biograficheskie vospominaniia i spisok trudov [A. I. Markevich. Biographic memoirs and the list of works]*. Odessa: “Economic” Typography.
- Линниченко, И. А. 1904: *А. И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов*. Одесса: «Экономическая» типография.
- Liubzhin, A. I. 2018: *History of the Russian education* Vol. 2,3. Moscow: Nicea Publisher.
- Любжин А. И. 2018: *История русской школы императорской эпохи*. Т. II. Русская школа XIX столетия. Книга III. С 1881 г. до конца века. М.: «Никея».
- Mackridge, P. H. 2009: *Language and national identity in Greece, 1766–1976*. Oxford: Oxford University Press.
- Markevich, A. I. 1902: *Pushkin i Novorossiiskii kraï [Pushkin and the region of Novorossiysk]. The speech held at the official meeting of the University and Scientific societies, 27 May 1899*. Odessa: “Economic” Typography.
- Маркевич, А. И. 1902: *Пушкин и Новороссийский край. Речь, произнесенная в торжественном собрании университета и ученых обществ 27 мая 1899 года*. Одесса: «Экономическая» типография, 1902.
- Mezhov, V. I. 1886: [Translations of the Pushkin works in foreign languages. Biographic, critical and bibliographic articles about Pushkin and his works]. In: Mezhov, V. I. *Pushkiniana. Bibliograficheskiï ukazatel' stateï o zhizni A. S. Pushkina, ego sochineniï i vyzvannykh imi proizvedeniï literatury i iskusstva [Bibliographic index of the articles about Pushkin's life, his works, and literary oeuvres and artworks inspired by them]*. St. Petersburg: Royal Alexandrovsky Lyceum, 201–237 (No 3175–3566).
- Межов, В. И. 1886: Переводы сочинений А. С. Пушкина на иностранные языки. Биографические, критические и библио-

- графические статьи о Пушкине и его сочинениях. В кн.: Межов, В. И. *Pushkiniana. Библиографический указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства*. СПб.: Изд-е Император. Александр. лицея, 201–237 (№№ 3175–3566).
- Mikheeva, G. N. 2020–2024: [Draganov Petr Danilovich]. In: *Sotrudniki RNB — deiateli nauki i kul'tury. Biograficheskii slovar'* [Personnel of the National Library of Russia — scholars and artists. Biographic dictionary] Vol. 1–4. (online version). <https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1382>, accessed 05.04.2024.
- Михеева, Г. Н. 2020–2024: Драганов Петр Данилович. В кн.: *Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь*. Т. 1–4 (электронная версия). <https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1382>, дата обращения 05.04.2024.
- Nazarenko, I. V. 2008: [Skaramanga Ivan Amvrosievich]. In: *Taganrog. Encyclopedia*. Taganrog: Anton, 639.
- Назаренко, И. В. 2008: Скараманга Иван Амвросиевич. В кн. *Таганрог. Энциклопедия*. Таганрог: Антон, 639.
- Oikonomopoulos, D. I. 1888: *Leriaka ētoi khōrografia tēs nēsou Lerou* [On Leros, namely description of the island Leros]. Athens: Typography of the Royal Court of Nikolaos G. Igglesis.
- Οικονομόπουλος, Δ. Ι. 1888: *Λεριακὰ ἤτοι χωρογραφία τῆς νήσου Λέρου*. Ἐν Ἀθήναις: Ἐκ τῆς τυπογραφίας Βασιλικῆς Ἀδελφῆς Νικόλαου Γ. Ἰγγλέση.
- Petrulina, O. E., Gerd, L. A., Vakh, K. A. 2020: *Aleksandriiskii patriarkhat i Rossiia v XIX veke. Issledovaniia i dokumenty* [The patriarchate of Alexandria and Russia in the 19th century. Studies and documents]. Moscow: Indrik.
- Петрунина, О. Е., Герд, Л. А., Вах, К. А. 2020: *Александрийский патриархат и Россия в XIX веке. Исследования и документы*. М.: Индрик.
- Pushkin, A. S. 1838: *Sochineniia* [Oeuvres]. [Ed. by V. A. Zhukovsky]. In 11 vols. Vol. 3. St. Petersburg: Typography of the preparation of the State documentation.
- Пушкин, А. С. 1838: *Сочинения*. [Под ред. В. А. Жуковского]. В 11 т. Т. 3. СПб.: В тип. экспедиции заготовления государственных бумаг.
- Pushkin, A. S. 1855: *Sochineniia* [Oeuvres]. [Ed. by P. V. Annenkov]. In 17 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Typography of the Headquarters of the Military Schools.
- Пушкин, А. С. 1855: *Сочинения*. Под. ред. П. В. Анненкова. В 7 т. Т. 2. СПб.: В тип. штаба военно-учебных заведений.
- Pushkin, A. S. 1859: *Sochineniia* [Oeuvres]. [Ed. by G. N. Gennadi]. Vol. 1. St. Petersburg: Ya. A. Isakov Publishers.
- Пушкин, А. С. 1859: *Сочинения*. [Под ред. Г. Н. Геннади]. Т. 1. СПб.: Изд. Я. А. Исакова.

- Pushkin, A. S. 1870: *Polnoe sobranie sochineniĭ* [The complete works]. 2nd edn., ed. by G. N. Gennady. Vol. “Lyric poems”. St. Petersburg: Typography of Gogenfelden & Co.
Пушкин, А. С. 1870: *Полное собрание сочинений*. Изд. 2-е, под ред. Г. Н. Геннади. Т. «Лирические стихотворения». СПб.: В типографии Гогенфельдена и Ко.
- Pushkin, A. S. 1880: *Sochineniĭa* [Oeuvres]. 3rd edn. revised and expanded, ed. by P. A. Efremov. Vol. 2. St. Petersburg: Ya. A. Isakov Publishers.
Пушкин, А. С. 1880: *Сочинения*. Изд. 3-е, исправ. и доп. под ред. П. А. Ефремова. Т. 2. СПб.: Изд. Я. А. Исакова.
- Pushkin, A. S. 1882: *Sochineniĭa* [Oeuvres]. 8th edn. revised and expanded, ed. by P. A. Efremov. Vol. 2. Moscow: F. I. Ansky Publishers.
Пушкин, А. С. 1882: *Сочинения*. Изд. 8-е, исправ. и доп. под ред. П. А. Ефремова. Т. 2. М.: Изд. Ф. И. Анского.
- Pushkin, A. 1887: *Erga anekdota. Nyn to proton. Ekdidomena dapanē tou filogenous autou adelfou Nikolaou Kharamē. Periekhōn metafraseis ek tōn poiēmatōn tou rōssou poiētou* [Unpublished works. Now for the first time. Published with the financial support of his patriotic brother Nikolaos Charamis. Includes translations of the poems of the Russian poet]. Ed. by K. Nestoridis. Transl. by A. Charamis. Athens.
Πούσκιν, Α. 1887: *Έργα ανέκδοτα. Νῦν τὸ πρῶτον. Έκδιδόμενα δαπάνη τοῦ φιλογενοῦς αὐτοῦ ἀδελφοῦ Νικολάου Χαράμη. Περιέχων μεταφράσεις ἐκ τῶν ποιημάτων τοῦ ρῶσσου ποιητοῦ*. Ἐπιμ. Κ. Νεστορίδου. Μετάφρ. τοῦ Α. Χαράμη Λερίου. Ἐν Αθήναις.
- Pushkin, A. S. 1888: *Eklektōn poiēmatōn metafrasis* [Translation of selected poems]. Vol. 1. Transl. by Ch. Voulodimos. Odessa: Typography of N. Chrysogelos.
Πούσκη, Α. Σ. 1888: *Έκλεκτῶν ποιημάτων μετάφρασις*. Τ. Α'. Μετάφρ. Χ. Βουλοδήμου. Ἐν Ὁδησσῷ: Τύποις Ν. Χρυσογέλου
- Pushkin, A. S. 1893: *Ē korē tou frouarkhou (fylatte tēn timēn ek neotētos)* [The Captain's daughter (Preserve your honour in your youth)]. Transl. by N. T. Theodoridis. Odessa: Typography of N. Chrysogelos.
Пушкин, А. С. 1893: *Η κόρη τοῦ φρουράρχου (Φύλαττε τὴν τιμὴν ἐκ νεότητος)*. Μετάφρ. τοῦ Ν. Τ. Θεοδορίδου. Ἐν Ὁδησσῷ: Τύποις Ν. Χρυσογέλου.
- Pushkin, A. S. 1899: *Eugenios Onegin* [Eugene Onegin]. Epic translated from the Russian original written in verse into Greek as a prosaic version with the biographic note about the poet by Ch. I. Voulodimos. Athens.
Πούσκη, Α. Σ. 1899: *Εὐγένιος Ὀνέγην*. Ἔπος μεταφρασθὲν ἐκ τοῦ ἐμμέτρου ρωσικοῦ: πρωτοτύπου εἰς τὴν ἑλληνικὴν ἐν πεζῷ λόγῳ μετὰ βιογραφικῶν καὶ χαρακτηριστικῶν τοῦ ποιητοῦ εἰδήσεων ὑπὸ Χ. Ἰ. Βουλοδήμου. Ἐν Αθήναις.
- Pushkin, A. S. 1911: *Rukopisi Pushkina* [Pushkin's manuscripts]. Vol. 1. St. Petersburg: Publishing house of Duke Oleg Konstantinovich. (Autographs of the Pushkin Museum of the Royal Alexandrovsky Lyceum. Vol. 1).

- Пушкин, А. С. 1911: *Рукописи Пушкина*. Т. 1. СПб.: Изд. кн. Олега Константиновича. (Автографы Пушкинского музея Императорского Александровского лицея. Вып. 1).
- Pushkin, A. S. 1937: *Silogi ergon [Selected works]*. Ed. by G. Kostoprav. Mariupol: Greek publishers of Donbas.
- Πύσκιw, Α. Σ. 1937: *Σιλογί έργων*. Επμ. Γ. Κoστοπράβ. Μαρύπολι: Ελνικó εκδοτικό τυ Δoνμπάς.
- Pushkin, A. S. 1979: [The letter to Lev Puskin, 25 August 1823. From Odessa to St. Petersburg]. In: Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochineniï [The complete works]*. In 10 vols. Vol. 10. Leningrad: Nauka, 53–54.
- Пушкин, А. С. 1979: Письмо Пушкину Л. С., 25 августа 1823 г. Из Одессы в Петербург. В кн.: Пушкин, А. С. *Полное собрание сочинений*. В 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 53–54.
- Romanov, K. 1895: *Eklogē poiēmatōn K. R. [Selected poems by K. R.]*. Transl. by Ch. I. Voulodimos. Odessa.
- Ρομάνoυ, Κ. 1895: *Έκλογή ποιημάτων Κ. Ρ.* Μετάφρ. υπό Χ. Ι. Βουλoδήμου. Έν Όδησσό.
- Rudakov, V. E. 1896: [Markevich, Alexey Ivanovich]. In: *Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary in 86 vols.* Vol. XVIIIa. St. Petersburg: Brockhaus and Efron, 648.
- Рудаков, В. Е. 1896: Маркевич, Алексей Иванович. В кн.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т.* Т. XVIIIa. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 648.
- Sokolov, I. I. 1904: *Konstantinopol'skaia tserkov' v XIX veke. Opyt istoricheskogo issledovaniia [The church of Constantinople. An attempt of a historical study]*. In 2 vols. St. Petersburg: Typography of M. Akinfiev and I. Leontiev.
- Соколов, И. И. 1904: *Константинопольская церковь в XIX веке. Опыт исторического исследования*. В 2 т. СПб.: Тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева.
- Sokolov, I. I. 1926: [Pushkin in Modern Greek translation]. In: *Pushkin v mirovoi literature [Pushkin in the world literature]*. Selected articles. Leningrad: Gos. izdatel'stvo, 188–198.
- Соколов, И. И. 1926: Пушкин в новогреческом переводе. В сб.: *Пушкин в мировой литературе*. Сб. статей. Л.: Гос. изд-во, 188–198.
- Timofeev, K. A. 1899: [Pushkin's tomb and the village Mikhailovskoe. A letter to the editor of the Journal of the Ministry of Education A. V. Nikitenko]. *Russkaia starina* 30. 5, 267–276.
- Тимофеев, К. А. 1899: Могила Пушкина и село Михайловское. Письмо к редактору Журнала Министерства народного просвещения А. В. Никитенко. *Русская старина* 30. 5, 267–276.
- Vasileva, I. E., Kisilier, M. L. 2018: [“Greek myth” of Azov Greeks]. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* XXII. 1, 274–291.
- Васильева, И. Э., Кисилиер, М. Л. 2018: «Греческий миф» у греков Приазовья. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXII. 1, 274–291.

- Vellianitis, Th. A. 1886: [Alexander Pushkin]. *Attikon ēmerologion* [*Attic calendar*] 20, 422–439.
Βελλιανίτης, Θ. Α. 1886: Ἀλέξανδρος Ποῦσκιν. *Ἀττικὸν ἡμερολόγιον* 20, 422–439.
- Vellianitis, Th. A. 1902: *Ē Rōssia* [*Russia*]. Athens: Association for distribution of beneficial books. (Association for distribution of beneficial books under the protection of Her Royal Majesty Princess Olga. Year 3).
Βελλιανίτης, Θ. Α.: *Ἡ Ρωσσία*. Ἐν Ἀθήναις: Σύλλογος πρὸς διάδοσιν ὠφέλιμων βιβλίων. (Σύλλογος πρὸς διάδοσιν ὠφέλιμων βιβλίων ὑπὸ τὴν προστασίαν τῆς Ἀ.Β.Υ. τῆς Πριγκίπισσας Ὀλγας. Ἔτος Γ).
- Yazykov, D. D. 1903: [A. I. Kirpichnikov]. *Istoricheskiĭ vestnik* [*Historical bulletin*] July, 1014–1021.
Языков, Д. Д. 1903: А. И. Кирпичников. *Исторический вестник* июнь, 1014–1021.

М. А. Ведешкин
ИВИ РАН / ИОН РАНХиГС, Москва, Россия. Balatar@mail.ru

СЕНАТОРЫ-ВЕРООТСТУПНИКИ: ОБРАЩЕНИЕ В ЯЗЫЧЕСТВО В РИМЕ IV В. Н. Э.¹

Статья посвящена проблеме отступничества от христианской веры среди сенаторской знати города Рима в IV в. н. э. На основании анализа патристической традиции, полемической антиязыческой поэзии, а также памятников позднеримского права делается вывод о том, что обращение христиан-сенаторов к языческим культам не было редкостью. Основными мотивами возвращения к язычеству являлось их разочарование в христианском учении и деятельности Церкви, стремление занять один из почетных и прибыльных постов в жреческих коллегиях Рима или же получить поддержку могущественного патрона-язычника. Вслед за представителями знати, в язычество обращались и римские плебеи.

Ключевые слова: Поздняя античность, поздняя Римская империя, христианизация, Рим, сенаторская аристократия, вероотступничество.

М. А. Vedeshkin
Institute of World History, Russian Academy of Sciences / RANEPА. Moscow, Russia.
Balatar@mail.ru

Apostate senators: Conversion to paganism in fourth-century Rome

The article is devoted to the study of apostasy, in other words, the conversions of Christians to paganism among the senatorial nobility of the city of Rome in the 4th century AD. The work is based on the analysis of patristic tradition (works of Ambrosius of Mediolanum and the so-called *Ambrosiaster*), polemical anti-Pagan poetry (*Carmen contra paganos* and *Carmen ad senatorem ex Christiana religione ad idolorum servitutum conversum*), as well as late Roman law codes (*Codex Theodosianus*). The conclusion is made that the conversion of Christian senators to pagan cults was not rare. The main motives for returning to paganism were their disappointment in Christian teaching and the actions of the Church organization, the desire to occupy one of the honorable and lucrative positions in the priestly colleges of Rome or the eagerness to acquire the support of a powerful pagan patron. Following the nobility's steps, the Roman plebeians, accustomed to perceive the aristocrats as a cultural ideal,

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ 24-28-01146 «Обращение и вероотступничество в позднеантичной религиозной традиции».

often converted to paganism. The government of the Christian Empire tried to prevent apostasy and, beginning from 381 (384), restricted the property rights of apostates (especially the right to make wills). Since 391, those who had converted to paganism began to be subjected to deprivation of civil rights after which the representatives of the senatorial nobility who had previously accepted Christianity no longer dared to return to their ancestral cults.

Keywords: Late Antiquity, Later Roman Empire, Christianisation, Rome, senatorial aristocracy, apostasy.

С начала IV в. христианство начало триумфальное шествие по римской державе и землям прилегающих государств и племен. Уже к концу столетия новая вера явно доминировала в империи, а языческие культы, права которых все более ограничивались христианскими властями, потеряли значительную часть приверженцев. История IV–VI вв. знает множество примеров обращения вчерашних христиан в язычество. В краткое правление Юлиана Отступника его подданных влекло к алтарям либо желание сохранить свою должность, получить награду, выслужиться перед новым правителем, или же ранее скрываемая под личиной христианского благочестия тайная привязанность к языческой вере². Кроме того, на протяжении IV–V вв. некоторые интеллектуалы нередко обращались в язычество в процессе приобщения к классической культурной традиции³. Свидетельством того, что древние культы были привлекательной альтернативой новой вере, является и постоянное обращение церковного⁴ и светского⁵ законодательства к проблеме апостасии. В этой статье будет рассмотрен феномен обращения в

² См. Vedeshkin 2021.

³ См. Athanassiadi 1993: 12; Watts 2000: 73–74; Vedeshkin 2019.

⁴ Посвященные апостасии статьи были включены в правила Эльвирского, Анкирского, Никейского и Карфагенского соборов (Syn. Elv. Can. 1; Syn. Anc. Can. 1–9; Syn. Nic. Can. 10–12; Syn. Cart. Can. 45 (54–55), каноны Василия Кесарийского и Григория Нисского (Bas. Caes. Can. 7; 73; 81; Greg. Nyss. Can. 2–3). См. подробнее Hornung 2016.

⁵ Семь конституций, затрагивающих проблему апостасии вошли в Кодекс Феодосия (CTh. XVI.7.1–7 [381–426 гг.]) и одна статья, предписывающая карать отступников смертью, в кодекс Юстиниана (CJ. I.11.10). См. в основном описательные работы: Giandomenici 1979; Vaccari 1981; Vincenti 1995; Impallomeni 1987; Saggiaro 2007; Cococcia 2008; Di Pinto 2018; Riedlberger 2020: 685–765; Manni 2020.

язычество жителей города Рима, ранее не становившийся объектом специального исследования.

***

В 383 г., убеждая Валентиниана II отказаться от планов по восстановлению государственной поддержки языческих культов Рима, епископ Амвросий Медиоланский заявлял: «привилегий они хотят таких, которыми они уловляли христиан: кого-то по неразумию, а другие сами хотели избежать тяжести общественных повинностей, а так как не все оказывались достаточно стойкими, то даже под властью христианских принцепсов очень многие пали»⁶ (Amb. Ep. X.72.4/Maur. 17, пер. ПСТГУ). Иными словами, вплоть до отмены особых преференций языческих культов столицы императором Грацианом в 382 г.⁷,

---

⁶ *privilegia illa, quibus saepe decepti sunt etiam christiani: nonnullos enim illis privilegiis partim per imprudentiam, partim propter publicarum necessitatum molestias declinandas irretire voluerunt; et quia non omnes fortes inveniuntur, etiam sub principibus christianis plerique sunt lapsi.* Cf. Amb. Ep. X.73.13–14/Maur. 18. По мнению Ал. Кэмерона речь здесь идет не о жреческих коллегиях столицы, а о привилегиях провинциальных фламинов и *sacerdotes*, деятельность которых уже в IV в. фактически не имела никакой связи с языческими культами (Cameron 2011: 795–796.). Представляется, что в данном случае исследователь ошибался. Преференции и иммунитеты провинциальных фламинов и *sacerdotes* сохранялись и в V в. (cf. e.g. СTh. VII.13.22; Lepelley 1979: 362–379.). В то же время Амвросий явно заявлял, что упомянутые им привилегии уже были отменены. Следовательно, он почти наверняка имел в виду преференции языческих культов города Рима, ликвидированные Грацианом в 382 г. Об интерпретации этого отрывка, см. также Wytzes 1977: 294–296; Salzman 1993: 366–367; Kahlos 2007: 44–45; Liebeschuetz 2010: 64, nn. 4–5. Следует отметить, что Р. Лиззи Теста выдвигала предположение, что правительство Грациана ликвидировало лишь привилегии весталок и не покушалось на иммунитеты остальных жреческих коллегий Рима. См. Lizzi Testa 2008; Lizzi Testa 2009: 263–264; Lizzi Testa 2022: 149–151. Критику этой гипотезы, см. в Cameron 2011: 41–42.

⁷ В 382 г. Грациан отказался от титула *Pontifex Maximus*, формально провозгласившего императора главой языческого культа (Zos. IV.36.5; альтернативную точку зрения на это сообщение, см. в Cameron 1968; Cameron 2011: 51–56.). Вслед за этим последовал ряд мер, направленных на отделение столичных культов от государства. Находившаяся в собственности жреческих коллегий недвижимость была секуляризирована. К тому же налагался запрет на получение новых земель (но не

привлекательность членства в одной из жреческих коллегий Вечного города нередко приводила христиан к отступничеству.

Вступление в одну из жреческих коллегий Города являлось традиционной формой участия сенаторской знати в религиозной жизни столицы. В Риме продолжали действовать так называемые «великие коллегии»⁸ понтификов Весты (также именовавшиеся «старшими понтификами»)⁹, авгуров¹⁰, квиндецемвиров¹¹, а также септемвиров эпuloнов¹² и понтификов Солнца¹³. Исполнение жреческих обязанностей было облечено не меньшим почетом, чем отправление самых престижных гражданских магистратур¹⁴. По сути, граница между ними была условной. По мнению представителей староримской знати, жизнь государства и традиционные культы были тесно связаны — официальный культ отправлялся во благо империи, а,

---

прочих ценностей) по завещанию (Symm. Rel. III.13–14; Amb. Ep. X.73.16 / Maur. 18). Жречество было лишено государственных привилегий и иммунитетов (Symm. Rel., III, 11–12; Amb. Ep. X.72. 4–5 / Maur. 17; X.73.14 / Maur. 18). Средства, выделенные на проведение языческих обрядов и жертвоприношений, конфисковывалась в пользу фиска и казны префекта претория (Amb. Ep. X.72.3; 14 / Maur. 17). Прекращалось выделение средств на содержание весталок и прочих римских жрецов (Symm. Rel. III, 8; Amb. Ep. X.72.14 / Maur. 17; 73.11–14 / Maur. 18). Наконец, из зала заседаний сената был удален алтарь Победы (Symm. Rel. III.4–6; Amb. Ep. X.73.31 / Maur. 18).

⁸ Свидетельств о деятельности «младших коллегий» салиев и арвалов в IV в. очень мало. См. Cameron 2011: 134–135.

⁹ E.g.: CIL. VI.509; ILS. 756; 1237; 1240; 1249; 1253; 1257–61; 2947; 4149; 4151; 4938. О заседаниях коллегии неоднократно упоминается в переписке Квинта Аврелия Симмаха. См. Symm. Ep. II.59; IX.108; 109.

¹⁰ E.g.: ILS. 1223; 1259; 4143; 4151.

¹¹ E.g.: ILS. 1229; 1240; 1257; CIL. VI.1779.

¹² E.g.: CIL. VI.1675; ILS. 4143.

¹³ Коллегия была учреждена императором Аврелианом (SHA. XXVI (Aurelianus).35.3), среди прочих мероприятий, направленных на утверждение общегосударственного культа Непобедимого Солнца. В Риме Аврелиан освятил храм Солнца Непобедимого (Ibid. 1.3; 25.6; 35.3; 39.2; Aur. Vict. De Caes. XXXV.7; Eutrop. IX.15.1; Zos. I.61) и учредил праздновавшиеся раз в четыре года игры в честь Солнца (agon Solis). См. Watson 1999: 192; Halsberghe 1972: 144ff.

¹⁴ К примеру, заполучив чрезвычайно почетную должность консула язычник Тертулл объявил, что для полного счастья ему нужно сделать еще и понтификом (Oros. VII.42.8).

следовательно, служение богам являлось формой служения государству¹⁵.

Вступление в одну из жреческих коллегий приносило не только почет, но и доход. Члены коллегий пользовались фискальными и литургическими иммунитетами¹⁶. Ходатайствуя за попавшего в трудное финансовое положение сенатора Туентия, Симмах рекомендовал выхлопотать своему протекже жреческую должность, которая, по словам оратора, могла избавить его от обременительных литургий: «Добавь, если угодно, к его безопасности привилегии священства и укрепи защиту одного человека» (*adice, si placet, securitati eius sacerdotii privilegium et unius hominis munimenta multiplica* — *Symm. Ep. IV.61.1*, пер. М.В.)¹⁷. Кроме того, отправление жреческих обязанностей обеспечивало контроль над сформированными за столетия земельными фондами коллегий¹⁸, а также над казенными средствами, которые выделялись на проведение религиозных церемоний и празднеств¹⁹. Амвросий Медиоланский намекал на то, что доходы от эксплуатации храмовых земель и получаемые жрецами государственные дотации далеко не всегда расходовались по назначению и могли служить личному обогащению членов коллегий, которые «использовали не на религию, то, что защищалось правом религии» (*non religiose utebatur his quae religionis iure defenderent* — *Amb. Ep. X.73.16 / Maur. 18*, пер. М.В.). Таким образом, вплоть до отмены привилегий традиционных культов в 382 г., представители senatorской знати древней столицы могли обращаться в язычество с целью вхождения в одну из жреческих коллегий и получения соответствующих преференций.

Известны и случаи обращения в язычество под влиянием *superbi daemonicolae*²⁰ — представителей староримской аристократии, господствовавших в политико-экономической жизни столицы и близлежащих провинций. В анонимной поэме «*Carmen contra paganos*» (далее — ССР) рассказывается о жизни

¹⁵ См. *Symm. Rel. III. 3; Amb. Ep. X.73.13/Maur. 18; Cp. Zos. IV. 59.*

¹⁶ Напр. о льготах и преференциях весталок, см. *Amb. De Virg. I.15.*

¹⁷ *McGeachy 1942: 65–67.*

¹⁸ О храмовом землевладении в IV в., см. *CTh. XVI.10.20; CJ. I.11.5; Symm. Ep. I.68; Delmaire 1989: 641–645.*

¹⁹ *McGeachy 1942: 151.*

²⁰ См. *Aug. Conf. VIII.2.4.*

и смерти некоего сенатора, консула и префекта, который в том числе использовал свое влияние для переманивания христиан в язычество:

«Безумец многих христиан желал сгубить:
 Давал награды тем, кто пожелал скончаться вне Закона,
 Себя забывших сманивал уловкою бесовской;
 Умы одних желал сломить дарами,
 Других в нечестие вовлечь наградой малой,
 И вслед за собою на закляние в Тартар отправить несчастных»²¹
 (ССР. 78–83, пер. М. В.).

Проблеме идентификации этого искусителя и времени действия ССР посвящена обширная литература. Исследователи примеряли эту роль на Луция Аврелия Авиания Симмаха (ум. в 376 г.)²², Габиния Барбара Помпейана (ум. в 409 г.)²³ и особенно часто на Вирия Никомаха Флавиана Старшего (ум. в 394 г.)²⁴. Однако, открытие новых источников²⁵ позволяет отождествить

²¹ *Christicolas multos voluit sic perdere demens // qui vellent sine lege mori donaret honores // oblitosque sui caperet quos daemonis arte // muneribus cupiens quorundam frangere mentes // aut alios facere parva mercede profanes // mittereque inferias miseros sub Tartara secum.*

²² См. Jones, Martindale, Morris 1971: 863–865. Идентификация префекта ССР с Авианием Симмахом: Mazzarino 1974; Di Berardino 1986: 335.

²³ См. Martindale 1980: 897–898. Идентификация префекта ССР с Помпейаном Manganaro 1960; Manganaro 1961; Heinzberger 1976: 162–196. Некоторое время за Помпейана стоял и П. Браун (Brown 1961: 3, n. 19), однако, позднее исследователь перешел в стан сторонников Флавиана. См. Brown 2007: 166 n. 2.

²⁴ См.: Jones, Martindale, Morris 1971: 347–349; O'Donnell 1978; Errington 1992; Hedrick 2000. Идентификация префекта ССР с Никомахом Флавианом: Morel 1868; Morel 1869; de Rossi 1868; de Rossi 1868; Mommsen 1870; Baehrens 1877; Barkowski 1912; Bloch 1945; Matthews 1970; O'Donnell 1979; Musso 1979; Adamik 1995; Coşkun 2004; Resch 2013; Ratti 2012: 120–127. Отождествление героя поэмы с Флавианом долгое время считалось едва ли не общепризнанным фактом, а сама поэма нередко именовалась «*Carmen adversus Flavianum*». См. напр.: Seefelder 1901; Barkowski 1912; Bloch 1945, 230; McGeachy 1949: 226; Brown 1961, 3; Jones, Martindale, Morris 1971: 348; Watts 1998: 35.

²⁵ Прежде всего, публикация Ф. Долбо каталога библиотеки бенедиктинского аббатства бельгийского города Лобб, упоминавшего ранее неизвестное произведение *Damasi episcopi versus de Praetextato praefecto urbis*, которое, как полагал исследователь, тождественно ССР. В доказательство своей гипотезы Долбо привел результаты сличения

анонимного героя с Веттием Агорием Претекстатом²⁶ и определить время действия поэмы — 384 г.

В поэме приводятся имена чиновников, которых Претекстату удалось привлечь к язычеству в обмен на продвижение по службе:

«Левкадия (он) во главе африканских угодий поставил,
Маркиана своим проконсулом сделал, чтобы его погубить»
(ССР. 85–86, пер. М. В.)²⁷.

Левкадий, вероятно получивший пост *rationalis rei privatae per Africam* или *rationalis rei privatae fundorum domus divinae per Africam* (Not. Dign. Occ. XII), не упоминается более ни в одном источнике²⁸.

Маркиан — личность несравнимо более известная. Он был одним из корреспондентов Квинта Аврелия Симмаха (Symm. Ep. VIII.9; 23; 54; 58; 73) и достаточно видным государственным деятелем. Весной 384 г. он занимал пост викария одного из западных диоцезов (СTh. IX.38.7), а затем, как это следует из ССР, был назначен проконсулом (скорее всего Африки)²⁹.

ССР с поэтическим житием Св. Урсмара за авторством Херигера — настоятеля лоббского аббатства с 990 по 1007 гг. Анализ данного сочинения показал его несомненную текстуальную зависимость от ССР. См. Dolbeau 1981.

²⁶ См.: Jones, Martindale, и Morris 1971: 722–724; Kahlos 2002. Идентификация префекта ССР с Веттием Агорием Претекстатом: Ellis 1868; Morrigan 1926; Cracco Ruggini 1979; Cracco Ruggini 1998; Shanzer 1986; McLynn 1994; Kahlos 2002; Cameron 2011; Vedeshkin 2016. Общий обзор полемики о личности префекта, см. в Maza 2000: 237–162; Vedeshkin 2016.

²⁷ *Leucadium fecit fundos curaret Afrorum // perdere Marcianum sibi proconsul ut esset* (ССР. 85–86).

²⁸ По мнению Т. Моммзена этот Левкадий идентичен упомянутому у Сульпиция Севера президу одной из галльских провинций при императоре Грациане (см. Sulp. Sev. Dial. III.11; Mommsen 1870: 359). Однако, перевод презида на должность *rationalis rei privatae* являлся бы понижением в чине и не мог рассматриваться как благодеяние. Следовательно гипотеза Моммзена должна быть отвергнута.

²⁹ Помимо просуществовавшего 7 лет (с 375 по 382 г.) поста проконсула Кампании, было три проконсульских наместничества: Азии, Ахайи и Африки (см. Not. Dign. Or. I; Not. Dign. Occ. I). Однако в конце IV в. лишь африканское проконсульство непосредственно подчинялось префекту Италии. Гипотеза А. Кошкуна, предположившего, что Маркиан занимал должность проконсула Кампании, распространения не получила

Важным свидетельством о дальнейшей карьере сенатора является письмо Симмаха к Амвросию Медиоланскому. В нем оратор просил епископа заступиться за Маркиана, от которого требовали возвратить жалование, полученное в период занятия им некой должности в правительстве неназванного узурпатора (Symm. Ep. III.33). На период активной политической деятельности Симмаха пришлось всего две узурпации: Магна Максима (383–388 гг.) и Евгения (392–394 гг.). Едва ли Симмах имел возможность ходатайствовать при дворе за своих товарищей после подавления узурпации Магна Максима, как предполагал Т. Барнс³⁰. После того как в 387 г. Магн Максим занял Италию, Симмах выступил с публичной речью в честь нового правителя. После падения режима узурпатора Симмах впал в немилость при дворе Феодосия I и на время утратил влияние³¹. В узурпации Евгения уже наученный прошлым опытом Симмах активного участия не принимал, что позволило ему сохранить влияние, которое оратор впоследствии использовал для защиты своих друзей и родственников, запятнавших себя в глазах императоров Феодосия и Гонория поддержкой незаконного августа³². Очевидно, Маркиан был в их числе и занимал какой-то пост при Евгении.

Как известно, недолгое правление этого узурпатора ознаменовалось явным усилением позиций западноримских язычников. Во главе его правительства встал ревностный почитатель традиционных культов Вирий Никомах Флавиан. В Риме возобновились жертвоприношения (Ruf. HE. II(XI).33), в здании

(Coşkun 2004: 173–174). Неубедительной представляется и идея С. Мазарино, согласно которой Маркиан был проконсулом Африки еще в 376 г. (Mazzarino 1974: 421–422). Как уже отмечалось выше, в начале 384 г. Маркиан занимал пост викария. Несмотря на то, что полномочия викария были шире проконсульских, пост проконсула считался более почетным (Klingshirn 2012: 37). Таким образом, перевод Маркиана с проконсульства на должность викария являлся бы понижением и, следовательно, не мог быть «платой» за вероотступничество.

³⁰ Barnes 1992, 10.

³¹ См. Soc. V.14; McGeachy 1942: 68–69; Matthews 1990: 229; Sogno 2006: 68–69.

³² К примеру, Симмах безуспешно ходатайствовал за своего зятя Вирия Никомаха Младшего, занимавшего при Евгении пост префекта Рима (Sogno 2006: 80).

курии был вновь установлен алтарь победы (Paul. Med. V. Amb. 26), возвращена традиционная символика военных частей (Theod. HE. V.24), при дворе проводились гадания (Soz. VII.22; Oros. VII.35.12). Фактически, на подконтрольных Евгению территориях восстанавливалась государственная поддержка язычества (Amb. Ep. ex coll. 10 / Maur. 57; Paul. Med. 26)³³. Известия о получении Маркианом некоего поста при Евгении позволяет предположить, что за десятилетие, прошедшее с момента его обращения, бывший христианин успел зарекомендовать себя истовым почитателем древних культов.

Наконец, в 409 г. Маркиан был назначен префектом города Рима узурпатором Приском Атталом (Zos. VI.7.2)³⁴ — вчерашним язычником, крестившимся в угоду своим готским покровителям, от которого также ожидали восстановления положения традиционных культов (Philost. XII.3; Soz. IX.9). Все основные административные посты в его правительстве вновь оказались заняты сенаторами-язычниками: консулом на 410 г. был объявлен Тертулл (Oros. VII.42.8; Zos. VI.7.4)³⁵, а должность префекта Италии получил Постумий Лампадий (Zos. VI.7.2)³⁶.

Иными словами, некогда отринувший христианство из желания получить поддержку Претекстата и занять проконсульский пост Маркиан связал свою жизнь с языческой «партией» в римском сенате. На протяжении четверти века он неизменно принимал участие во всех попытках столичной знати добиться восстановления официального статуса древних культов.

---

³³ Т. н. «языческому возрождению» 393–394 гг. посвящена обширнейшая литература. Позволим себе перечислить лишь основные труды последних лет: Hedrick 2000: 37–88; Cameron 2011: 74–131; Ratti 2012: 111–120; Vedeshkin 2018: 137–148.

³⁴ По мнению Ал. Кэмерона, служивший Атталу префект Маркиан не может быть идентичен упоминаемому в ССР вероотступнику по причине двадцатипятилетнего перерыва между их деятельностью (Cameron 2011: 194). Этот тезис не выглядит убедительным. Длительные промежутки между занятием государственных должностей были вполне типичны для традиционного *cursus honorum* сенаторской аристократии Рима. См. Heather 2008: 191–195.

³⁵ Ал. Кэмерон утверждал, что Тертулл был христианином, однако не приводил никаких доказательств (Cameron 2011: 194; 165.)

³⁶ Лампадий традиционно идентифицируется с языческим корреспондентом Августина (Aug. Ep. 246; Chastagnol 1962: 260.).

Впрочем, было бы неверно считать, что представители римской аристократии отходили от христианства и принимали язычество исключительно из желания заполучить жреческую должность или административный пост. В анонимной³⁷ поэме «Carmen ad senatorem ex Christiana religione ad idolorum servitutum conversum» (далее — CAS) рассказывается о сенаторе, бывшем консуле, любителе поэзии и философии, который раскаялся в своем крещении и возвратился к почитанию Великой Матери (CAS. 6–20) и Изиды (ibid. 21–34). Автор этого произведения — христианин, считавший адресата своим другом, который был поражен, узнав, что тот вновь стал язычником:

Дошла и до наших ушей молва, которая у всех на слуху — ты сказал:

«Богиня, я заплутал; ныне вернулся, прости».

Мне ответь, если сможешь.

Если ты часто просил и молил о прощении за подобные проступки,

То что она ответила тебе?

Раз идешь за безумцами вслед, значит правда лишился рассудка!

Снова за старое взялся, не понимая, что преступление вершишь
(CAS. 35–41, пер. М. В.)³⁸.

Исследователи неоднократно пытались идентифицировать героя и определить время действия поэмы. По мнению К. Розена, этот сенатор обратился в язычество в период недолгого царствования Юлиана Отступника³⁹, а Л. Кракко Руджини считала, что автор описывал события 384 г.⁴⁰ Л. Херрманн называл

³⁷ Ранее поэма приписывалась Киприану. На данный момент единственным исследователем, продолжающим считать африканского апологета (или одного из его учеников) автором CAS, является М. Сорди (Sordi 2008.)

³⁸ Aedibus illa tuis semper monumenta manebunt // Rumor et ad nostras pervenit publicus aures // te dixisse: «Dea, erravi; ignosce, redivi». // Dic mihi si valeas cum talia saepe rogares // et veniam peteres, quae tecum verba locuta est? // Vere mente cares, sequeris qui mente carentes. // Haec iterum repetis nec te delinquere sentis.

³⁹ Rosen 1993.

⁴⁰ Cracco Ruggini 1974: 439, n. 90. Р. Б. Бигли расширял хронологические рамки написания поэмы до 383–390 гг. (Begley 1985: 213.).

анонимным сенатором Клавдия Антонина (cos. 382 г.)⁴¹; А. Барталлучи полагал, что в поэме речь идет о Флавии Афрании Сиagriи (cos. 382 г.)⁴², С. Маззарино необоснованно отождествлял героя с Флавием Манлием Феодором (cos. 399 г.)⁴³, несколько возможных кандидатов были предложены Р. Б. Бигли⁴⁴ и Р.У. Мафизеном⁴⁵, наконец, согласно очевидно ошибочной концепции Ал. Кэмерона, им был Домиций Модест (cos. 372 г.)⁴⁶. Так или иначе, все эти гипотезы носят спекулятивный характер. Состояние источников не позволяет однозначно идентифицировать героя поэмы и сколь либо точно датировать описываемые в поэме события. Иными словами, апостасия «некоего сенатора» могла свершиться в любое время после 313 и до 394 г.⁴⁷.

Причины, побудившие героя отступить от христианства в поэме не освещаются. Едва ли можно предположить, что бывший консул, то есть человек, уже достигший высшей почести, которая только могла существовать в римском государстве, мог что-либо выиграть от перехода в язычество. Вероятно, совершенный им акт вероотступничества являлся следствием искреннего разочарования в христианском учении и Церкви. Думает-

⁴¹ Herrmann 1950; Herrmann 1953. При этом Ж.-М. Поисо выдвигал предположение, что Антонин мог быть не адресатом, а автором CAS. См. Poinssotte 1982.

⁴² Bartalucci 1994.

⁴³ Mazzarino 1974: vol. 1, 393–396. В поэме описывается участие героя в языческих празднествах на улицах Города. Поскольку в Риме языческие церемонии последний раз публично отправлялись в 394 г., ставший консулом лишь пять лет спустя Манлий Феодор никак не мог быть героем CAS.

⁴⁴ Begley 1985: 216.

⁴⁵ Mathisen 1986: 127.

⁴⁶ Cameron 2011: 326–327. В период царствования Юлиана Модест действительно обратился в язычество. См. Vedeshkin 2020: 894–895. Однако, вся обстановка CAS указывает на то, что местом действия поэмы был Рим, а не Антиохия или Константинополь, с которыми связана карьера Модеста. См. Begley 1985: 214; McLynn 2015: 233–234. Кроме того, вскоре после 363 г. Домиций Модест вторично обратился в христианство. См. Vedeshkin 2020: 907. Едва ли можно представить, что после отправления своего консульства чиновник в третий раз сменил веру, следовательно, он никак не может быть героем CAS.

⁴⁷ Voxus and Poucet 2010.

ся, что немало римлян разочаровывалось в христианстве, наблюдая условия жизни клира и отношения христиан друг к другу. Согласно меткому замечанию историка-язычника Аммиана Марцеллина «дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан в своих разномыслиях» (*nullas infestas hominibus bestias, ut sunt sibi ferales plerique Christianorum expertus* — Amm. XXII.5.4, пер. Ю. А. Кулаковского). Августин писал, что нумидийские крестьяне становились апостатами из отвращения к взаимной жестокости кафоликов и донатистов и злоупотреблений священнослужителей (Aug. Ep. 20*.20 [CSEL 88. P. 105]). Не исключено, что *modus vivendi* римского клира был способен оттолкнуть жителей столицы от новой веры, подобно тому, как нравы африканских священников отпугивали наблюдавших за ними селян.

И языческие, и христианские источники IV в. сообщают о том, что столичные священники и епископы погрязли в роскоши и мздоимстве. К примеру, все тот же Аммиан Марцеллин нещадно критиковал жизнь высшего клира столицы, которая, по его мнению, разительно отличалась от идеалов евангельской простоты. «Наблюдая роскошные условия жизни Рима, — писал историк, — я готов признать, что стремящиеся к этому сану люди должны добиваться своей цели со всем возможным напряжением своих легких. По достижении этого сана им предстоит благополучие обогащаться добровольными приношениями матрон, развезжать в великолепных одеждах в экипажах, задавать пиры столь роскошные, что их блюда превосходят царский стол»⁴⁸ (Amm. XXVII.3.14, пер. Ю. А. Кулаковского). В частности, Рим открыто потешался над стяжательством получившего «царскую власть» (*auctoritate regali* — Coll. Avell. II.83) папы Дамаса (Hieron. C. Iohan. 8). Во второй половине IV столетия римских священнослужителей неоднократно обвиняли в «охоте» за наследством благородных дам (в частности, папу Дамаса жители столицы именовали «дамским ухвертом» [*matronarum auriscalpius* — Coll. Avell. I.9]). Недовольство

---

⁴⁸ Neque ego abnuo, ostentationem rerum considerans urbanarum, huius rei cupidos ob impetrandum, quod appetunt, omni contentione laterum iurgari debere, cum id adepti, futuri sint ita securi ut ditentur oblationibus matronarum, procedantque vehiculis insidentes circumspecte vestiti, epulas curantes profusas adeo ut eorum convivia regales superent mensas.

деятельностью столичных клириков привело к тому, что в 370 г. правительство императора Валентиниана I выпустило эдикт, запрещающий священникам посещать вдов без соизволения их родичей, а также получать от них дары или имущество по завещанию (CTh. XVI.2.20)⁴⁹. Иероним Стридонский с горечью отмечал, что римский клир был наказан справедливо: «Не жалуясь на закон, но печалюсь, что мы заслужили этот закон. Прижигание служит на пользу» (*Nec de lege conqueror; sed doleo cur meruerimus hanc legem. Cauterium bonum est.* — Hieron. Ep. 52.6). Такие события, как совершившееся в 366 г. кровавое избиение сторонников антипапы Урсина, также едва ли добавляли Церкви уважения в глазах последователей новой веры⁵⁰. Иными словами, убедительнейшим аргументами в пользу возвращения к традиционным культам могли служить действия самих христиан.

Было бы несправедливо считать, что в язычество обращались лишь высокородные сенаторы. Обращение к проблеме апостасии в декретах пап Сириция (Sir. Ep. 1.3) и Иннокентия (Inn. Ep. 17)⁵¹ позволяет предположить, что язычество было соблазнительно и для простонародья. Однако едва ли можно представить, что представители столичной знати не оказывали никакого влияния на религиозный выбор римского плебса. В написанном ок. 380 г. трактате некоего анонимного римского экзегета («Амброзиаста») «*Quaestiones Veteris et Novi Testamenti*»⁵² приводится долгое рассуждение о сути римского язычества. Автор полагал, что древние культы — ни что иное, как дьявольская уловка, с помощью которой нечистый собирает свою жатву. Он сделал участие в языческих церемониях почетным (*quaedam praestigia*), из-за чего представители знати охотно и не испытывая никакого стыда обращаются к «нечестию». Вслед за аристократами ту же ошибку совершают и рядовые граждане, которые меняют веру, будучи увлечены примером наследников благородных фамилий (*facile enim imitatores invenit*

⁴⁹ Ср. Amb. Ep. X.73 / Maur. 18.14–15.

⁵⁰ О конфликте между Дамасом и Урсиним см.: Amm. XXVII.3.12–13; Soc. IV.29; Soz. VI.23; Coll. Avell. I–XIII; Lippold 1965; Curran 2000: 137–142; McLynn 2011: 307ff.

⁵¹ Анализ этих декретов, см. в Hornung 2016: 243–246.

⁵² О времени и месте написания трактата, см. Bussièrès 2007: 40–42.

dehonestata nobilitas — Ambros. Quaest. vet. et. nov. test. 114.13)⁵³. Иными словами, выходцы из простонародья могли совершать вероотступничество в стремлении подражать аристократам. Кроме того, нельзя исключать того, что определенную роль в этом «подражательстве» играли социально-экономические факторы. Вероятно, многочисленные клиенты того или иного сенатора следовали за своим патроном и в его религиозных пристрастиях.

Красноречивым свидетельством распространенности практики вероотступничества в Риме и его окрестностях в конце IV в. является позднеримское законодательство — из семи конституций об апостатах, сохранившихся в Кодексе Феодосия, три были изданы на имя префекта претория Италии в период с 383 по 391 г. Первая из них вышла из канцелярии императора Грациана 21 мая 383 г. и адресована префекту Ипатию. Согласно этому постановлению, те из христиан, кто преступно «обратился к алтарям и храмам» (*ad aras et templa migrantium*), «осквернил» себя иудаизмом или манихейством, лишались права составлять завещания (CTh. XVI.7.3). Примечательно, что среди трех категорий отступников перешедшие в язычество значатся на первом месте. Из этого можно сделать вывод, что обращение христиан в отеческую веру привлекало большее внимание правительства и, соответственно, было распространено шире, чем переход в иудаизм или манихейство⁵⁴.

Исследователи не раз задавались вопросом о причинах странного наказания для отступников — запрета на составления завещаний⁵⁵. Отдельно подчеркивалось, что родственники апостата могли рассчитывать на получение законной доли

---

⁵³ Cracco Ruggini 1979: 35; Kahlos 2007: 45. Альтернативное толкование этого отрывка см. в Cameron 2011: 796.

⁵⁴ На момент публикации падуанского эдикта правитель восточной половины империи Феодосий I уже издал два закона против отступников, также накладывавших на них ограничения в праве составления завещаний и наследования. В них под термином «*apostata*» подразумевались исключительно новообращенные последователи традиционных культов: «те, кто из христиан сделали язычниками» (*qui ex christianis pagani facti sunt* — CTh. XVI.7.1) и «христиане или верные, что перешли к языческим ритуалам и культам» (*Christianis ac fidelibus, qui ad paganos ritus cultusque migrarunt* — Ibid. XVI.7.2).

⁵⁵ См. напр. Riedlberger 2020: 286–287; Sirks 2021: 553–555.

имущества отступника после его смерти. Иными словами, речь шла о том, что «преступникам» запрещалось составлять завещания на лиц, не являвшихся членом их семейств. Думается, что постановление Грациана было напрямую связано с предпринятыми им годом ранее мерами по секуляризации земельных владений языческих храмов и отмене государственных дотаций языческим коллегиям Рима⁵⁶. После того, как языческие культы столицы лишились источников дохода, дорогостоящие церемонии и обряды стали проводиться за счет самих последователей древних богов. Амвросий Медиоланский заявлял, что языческие «обряды не могут существовать без денежных вспомоществований» (*saerimomias... sine quaestu manere posse non*) (Amb. Ep. X.73.11 / Maur. 18). Судя по всему, баснословно богатые представители языческой знати Рима охотно жертвовали на нужды отеческих культов⁵⁷. Как известно, львиная доля юридических актов, вошедших в своды позднеимперского права, представляла собой респонсы (*responsa*) — иными словами ответы консistorии на запросы провинциальных чиновников (CJ. I.14.2)⁵⁸. Можно с осторожностью предположить, что и конституция Грациана от 383 г. являлась реакцией правительства на известие о том, что по завещанию некоего апостата значительная часть его имущества переходила в собственность одного из языческих культов. Вероятно, наследство было очень значительным — в противном случае правительство едва ли заинтересовалось этим казусом. Иными словами, новообращенный был исключительно богат, то есть являлся выходцем из высшей знати.

11 мая 391 г. находясь в Конкордии август Феодосий, к тому времени уже утвердивший свою власть над всей территорией империи, подписал еще два эдикта против отступников (CTh. XVI.7.4 = XI.39.11; XVI.7.5). Первый из них в целом повторял положения предшествующего законодательства. Второй добавлял новые ограничения: «Если же случится, что некто, кому был дарован блистательный [титул], или же кто получил достоинство по праву рождения, отступивший от веры и ослеп-

⁵⁶ См. выше.

⁵⁷ В частности, согласно данным ССР в 384 г., то есть уже после конфискации храмовых владений, Веттий Агорий Претекстат провел в столице ряд пышных языческих церемоний и празднеств (ССР. 57–66; 98–115).

⁵⁸ Matthews 2000: 97; Sirks 2007: 11; 24; 26.

ленный умом, отказавшись от священного культа и почитания святой веры преданся жертвоприношениям, пусть он погибнет, чтобы будучи исторгнутым из своего положения и поста, и вечно палимый позором считался бы ниже даже самых подлых простолюдинов...» (CTh. XVI.7.5, пер. М.В.)⁵⁹. Таким образом, отныне отступники подвергались лишению всех прав состояния. По справедливому замечанию М. Зальцман и А. Саджиоро, это дополнение, скорее всего, свидетельствует о том, что значительную часть неопитов-язычников составляли представители высших слоев общества⁶⁰. Поскольку майские конституции были изданы на имя префекта Италии, резонно предположить, что встревожившие правительство случаи апостасии имели место в среде местной знати, скорее всего, в ее наиболее влиятельной и родовитой части — сенаторской аристократии Рима, представители которой, как было показано выше, особенно часто отпадали от христианства.

Судя по всему, угроза гражданской казни заметно снизила количество возвращавшихся к отеческому богопочитанию сенаторов. Никаких известий об обращении представителей староримской знати в язычество источники V в. не сохранили. Вместе с тем само явление апостасии, по-видимому, не исчезло. В 426 г. правительство внука Феодосия Валентиниана III было вынуждено опубликовать очередной эдикт против тех, «кто, будучи облечен именем христианина, или совершал жертвоприношения, или приказывал и их совершать» (*qui nomen christianitatis induti sacrificia vel fecerint vel facienda mandaverint* — CTh. XVI.7.7, пер. М.В.)⁶¹.

Подводя итоги, следует признать, что случаи перехода сенаторов-христиан в веру отцов не были редкостью в Риме второй половины IV в. Некоторые из них искренне разочаровывались в

⁵⁹ *Si quis splendor collatus est in eos vel ingenitus dignitatis, qui fide devii et mente caecati sacrosanctae religionis cultu et reverentia descivissent ac se sacrificiis mancipassent, pereat, ut de loco suo statuque deieci perpetua urantur infamia ac ne in extrema quidem vulgi ignobilis parte numerentur.*

⁶⁰ Salzman 1993: 373; Saggiaro 2007: 167–168. Ср. Riedlberger 2020: 749.

⁶¹ Ал. Кэмерон заявлял, что все эти законы были направлены не против бывших христиан, которые открыто отказались от своей религии и обратились к традиционным культам, а против приверженцев «двоеверия», см. Cameron 2011: 794–795. Никаких аргументов в пользу своей догадки он, впрочем, не приводит. В опровержение этой гипотезы можно привести мнение Августина Гиппонского, который однозначно разводил понятия «отступник» и «двоеверец». См. Aug. Sermon. 9.3.

новом учении, другие меняли религию с расчетом занять прибыльную и почетную должность в одной из жреческих коллегий Вечного города, а третьи — в стремлении заполучить поддержку могущественного патрона-язычника. Нетверды в своих религиозных убеждениях были и выходцы из простонародья: подчас римские плебеи меняли веру, следуя примеру высокородных хозяев Вечного города. Иными словами, позднеантичное язычество продолжало привлекать новых сторонников и таким образом являлось «живой» верой, а не пустой, лишенной религиозного содержания, оболочкой, как это часто считается.

Литература

- Adamik, B. 1995: Das sog. «Carmen contra Paganos». *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 36, 185–233.
- Athanassiadi, P. 1993: Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius. *The Journal of Hellenic Studies* 113, 1–29.
- Baccari, M. P. 1981: Gli apostati nel Codice Teodosiano. *Apollinaris* 54, 538–581.
- Baehrens, E. 1877: Zur lateinischen Anthologie. *Rheinisches Museum für Philologie* 32. Neue Folge, 211–226.
- Barkowski, O. 1912: De carmine adversus Flavianum anonymo. Königsberg.
- Barnes, T. D. 1992: Augustine, Symmachus and Ambrose. In: McWilliam, J., Barnes, T., Fahey, M., Slater, P. (eds.). *Augustine: From Rhetor to Theologian*, Waterloo, 7–13.
- Bartalucci, A. 1994: L'antica esegesi virgiliana e una citazione dall'eneide in un carne anonimo cristiano: qualche ipotesi sulla problematica del carne. *Studi Classici e Orientali* 42, 127–145.
- Begley, R. B. 1985: The Carmen ad quendam senatorem: Date, Milieu, and Tradition. Ann Arbor, MI.
- Bloch, H. 1945: A New Document of the Last Pagan Revival in the West, 393–394 A.D. *The Harvard Theological Review* 38, 199–244.
- Boxus, A.-M., and Poucet, J. 2010: Carmen ad quendam senatorem: présentation générale. *Folia Electronica Classica (Louvain-La-Neuve)* 20. <<http://bcs.fltr.ucl.ac.be/fe/20/senatorem/Intro.htm#auteur>>. . Accessed 7 September 2023.
- Brown, P. 2007: *Religion and Society in the Age of St. Augustine*. Eugene, Or.
- Brown, P. R. L. 1961: Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy. *The Journal of Roman Studies* 51, 1–11.
- Bussièrès, M.-P. 2007: *Ambrosiaster. Contre les païens et Sur le destin: Question sur l'Ancien et le Nouveau Testament 114; Question sur l'Ancien et le Nouveau Testament 115*. Paris.
- Cameron, Al. 1968: Gratian's Repudiation of the Pontifical Robe. *The Journal of Roman Studies* 58, 96–102.

- Cameron, Al. 2011: *The Last Pagans of Rome*. Oxford; New York.
- Chastagnol, A. 1962: *Les fastes de la préfecture de Rome au Bas-Empire*. Paris.
- Cococcia, A. 2008: La législation sur l'apostasie dans le Code Théodosien. In J.-N. Guinot, F. Richard (eds.). *Empire chrétien et église aux IV et V siècles. Intégration ou 'Concordat'?* Paris, 457–466.
- Coşkun, A. 2004: Virius Nicomachus Flavianus, Der Praefectus und Consul des "Carmen contra paganos". *Vigiliae Christianae* 58, 152–178.
- Cracco Ruggini, L. 1974: Ambrogio e le opposizioni anticattoliche fra il 383 e il 390. *Augustinianum* 14, 409–449.
- Cracco Ruggini, L. 1979: *Il paganesimo romano tra religione e politica (384–394 d.C.): per una reinterpretazione del 'Carmen contra paganos'*. Roma.
- Cracco Ruggini, L. 1998: En marge d'une «mésalliance»: Prétextat, Damase et le «Carmen contra paganos». *Comptes Rendus de l'Académie Des Inscriptions et Belles Lettres* 142, 493–516.
- Curran, J. 2000: *Pagan City and Christian Capital: Rome in the Fourth Century*. Oxford; New York.
- de Rossi, G. B. 1868: Il culto idolatrico in Roma nel 394. Notizie raccolte da un inedito carme scoperto in Parigi. *Bulletino di Archeologia Cristiana* 6, 49–58.
- Delmaire, R. 1989: *Largesses sacrées et Res Privata. L'aerarium impérial et son administration du IVe au VIe Siècle*. Rome.
- Di Berardino, A. 1986: Christian Poetry. In: A. Di Berardino (ed.). *Patrology. Vol. IV: The Golden Age of Latin Patristic Literature from the Council of Nicea to the Council of Chalcedon*. Allen, Texas, 255–341.
- Di Pinto, L. 2018: Intolleranza e diritti delle persone. Note in tema di apostati nella compilazione di Teodosio II. *Teoria e storia del diritto privato*, 14.
- Dolbeau, F. 1981: Damase, le «Carmen contra paganos» et Hériger de Lobbes. *Revue Des Études Augustiniennes* 27, 38–43.
- Ellis, R. 1868: On a Recently Discovered Latin Poem of the Fourth Century. *Journal of Philology* I, P. 66-75.
- Errington, R. M. 1992: The Praetorian Prefectures of Virius Nicomachus Flavianus. *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte* 41, 439–461.
- Giandomenici, A. 1979: Considerazioni sulle costituzioni contenute nella rubrica "De apostatis" nei codici giustiniano e teodosiano. *Apollinaris* 52, 600–617.
- Halsberghe, G. H. 1972: *The Cult of Sol Invictus*, Leiden.
- Heather, P. 2008: Senators and senates. In: Av. Cameron and P. Garnsey (eds.). *The Cambridge Ancient History: The Late Empire, A.D. 337-425*, Cambridge, 184–210.
- Hedrick, C. 2000: *History and Silence: Purge and Rehabilitation of Memory in Late Antiquity*. Austin.

- Heinzberger, F. 1976: *Heidnische und Christliche Reaktion auf die Krisen des weströmischen Reiches in den Jahren 395-410 n.Chr.* Bonn.
- Herrmann, L. 1950: Claudius Antonius et la crise religieuse de 394 ap. JC. *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'histoire Orientales et Slaves* 10, 329–342.
- Herrmann, L. 1953: Claudius Antonius et le Pervigilium Veneris. *Latomus* 12, 53–69.
- Hornung, C. 2016: *Apostasie im Antiken Christentum: Studien zum Glaubensabfall in altkirchlicher Theologie, Disziplin und Pastoral (4.-7. Jahrhundert n. Chr.)*. Leiden; Boston.
- Impallomeni, G. 1987: Le Costituzioni Imperiali emanate in Concordia sul finire del IV secolo: il reato di apostasia. *Antichità Altoadriatiche* XXXI, 61–74.
- Jones, A. H. M., Martindale, J. R., and Morris, J. 1971: *The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260–395*. Cambridge.
- Kahlos, M. 2002: *Vettius Agorius Praetextatus: A Senatorial Life in Between*. Rome.
- Kahlos, M. 2007: *Debate and Dialogue: Christian and Pagan Cultures c. 360–430*. Aldershot.
- Lepelley, C. 1979: *Les cités de l'Afrique romaine au Bas-Empire. Tome I: La permanence d'une civilisation municipale*. Paris.
- Liebeschuetz, J. H. W. G. 2010: *Ambrose of Milan: Political Letters and Speeches*. Liverpool.
- Lippold, A. 1965: Ursinus und Damasus. *Historia*. 14, 105–128.
- Lizzi Testa, R. 2008: Christian Emperor, Vestal Virgins and Priestly Colleges: Reconsidering the End of Roman Paganism. *Antiquité Tardive* 15, 251–262.
- Lizzi Testa, R. 2009: Augures et pontifices: Public Sacral Law in Late Antique Rome (4th-5th Centuries AD). In: A. Cain and N. Lenski (eds.). *The Power of Religion in Late Antiquity*, Farnham, 251–278.
- Lizzi Testa, R. 2022: *Christian Emperors and Roman Elites in Late Antiquity*. Abingdon; New York.
- Manganaro, G. 1960: La reazione pagana a Roma nel 408–409 D.C. e il poemetto anonimo «contra paganos». *Giornale Italiano Di Filologia* 13, P. 210–224.
- Manganaro, G. 1961: Il poemetto anonimo «contra paganos», Testo, traduzione e commento. *Nuovo Didaskaleion* 11, 23–45.
- Manni, A. 2020: Sulla persecuzione post mortem dell'apostasia nel Codex Theodosianus. *Index: quaderni camerti di studi romanistici. International survey of Roman law*, 203–229.
- Martindale, J. R. 1980: *The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume II. A.D. 395–527*. Cambridge.
- Mathisen, R. W. 1986: Ten Office-Holders: A Few “Addenda” and “Corrigenda” to P.L.R.E. *Historia*. 35, 125–127.
- Matthews, J. 1990: *Western Aristocracies and Imperial Court, AD 364–425*. New York.

- Matthews, J. F. 1970: The Historical Setting of the “Carmen contra Paganos” (Cod. Par. Lat. 8084). *Historia* 19, 464–479.
- Matthews, J. F. 2000: *Laying Down the Law: A Study of the Theodosian Code*. New Haven.
- Maza, C. M. 2000: *Carmen contra paganos. Edición, traducción y comentario histórico*. Huelva.
- Mazzarino, S. 1974: *Il Basso Impero. Antico, Tardoantico Ed Èra Costantiniana*. Vol. 1, Bari.
- McGeachy, J. A. 1942: *Quintus Aurelius Symmachus and the Senatorial Aristocracy of the West*. Chicago.
- McGeachy, J. A. 1949: The Editing of the Letters of Symmachus. *Classical Philology* 44, 222–229.
- McLynn, N. 2015: Poetry and Pagans in Late Antique Rome: The Case of the Senator “Converted from the Christian Religion to Servitude to the Idols”. In: M. R. Salzman, M. Sághy, R. L. Testa (eds.). *Pagans and Christians in Late Antique Rome*. Cambridge, 232–250.
- McLynn, N. B. 1994: *Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital*. Berkeley; Los Angeles; New York.
- McLynn, N. B. 2011: Damasus of Rome: a Fourth-Century Pope in Context. In: T. Fuhrer (ed.). *Rom und Mailand in der Spätantike*. Berlin, Boston.
- Mommsen, T. 1870: Carmen codicis Parisini 8084. *Hermes* 4, 351–363.
- Morel, C. 1868: Recherches sur un poème latin du IVe siècle retrouvé par M. L. Delisle. *Revue Archéologique* 17; 18, 451–459; 44–55.
- Morel, C. 1869: Le poème latin du ms. 8084 de la Bibliothèque impériale. *Revue Critique d'histoire et de Littérature* 20, 300–304.
- Morrica, U. 1926: Il carme del codice Paris. 8084. *Didaskaleion* 4, 94–107.
- Musso, L. 1979: Il praefectus del “Carmen contra paganos”: tra vecchie e nuove interpretazioni. *Archeologia Classica* 31, 185–240.
- O’Donnell, J. J. 1978: The Career of Virius Nicomachus Flavianus. *Phoenix* 32, 129–143.
- O’Donnell, J. J. 1979: The Demise of Paganism. *Traditio* 35, 45–88.
- Poinsotte, J.-M. 1982: Le consul de 382 Fl. Claudius Antonius fut-il un auteur antipaïen? *Revue Des Études Latines* 60, 298–312.
- Ratti, S. 2012: *Polémiques entre païens et chrétiens*. Paris.
- Resch, A. 2013: *Nicomachus Flavianus und das sogenannte Carmen adversus Paganos*. München.
- Riedlberger, P. 2020: *Prolegomena zu den spätantiken Konstitutionen: nebst einer Analyse der Erbrechtlichen und verwandten Sanktionen gegen Heterodoxe*. Stuttgart-Bad Cannstatt.
- Saggiaro, A. 2007: Dall’essere uguali al diventare diversi: il caso dell’apostasia nel Codice Teodosiano. *Dall’essere uguali al diventare diversi*, 1000–1031.
- Salzman, M. R. 1993: The Evidence for the Conversion of the Roman Empire to Christianity in Book 16 of the “Theodosian Code”. *Historia*. 42, 362–378.

- Seefelder, D. 1901: Abhandlung über das Carmen adversus Flavianum. *Program des Kgl. Realgymnasiums in Gmünd*, Gmünd.
- Shanzer, D. 1986: The Anonymous «Carmen contra paganos» and the Date and Identity of the Centonist Proba. *Revue des Études Augustiniennes* 32, 232–248.
- Sirks, A. J. B. 2007: *The Theodosian Code: A Study*. Friedrichsdorf.
- Sirks, B. 2021: The imperial policy against heretics of restricting succession in the fourth century AD, with an appendix on the Theodosian Code. *Tijdschrift Voor Rechtsgeschiedenis / Revue d'histoire Du Droit / The Legal History Review* 89, 536–577.
- Sogno, C. 2006: *Q. Aurelius Symmachus: A Political Biography*. Ann Arbor.
- Sordi, M. 2008: È di Cipriano il Carmen ad quendam senatorem? *Aevum* 82, 149–154.
- Vedeshkin, M. A. 2016: [On the problem of identification of the hero of the «Carmen contra Paganos»]. *Aristeas* 13, 63–89.
- Ведешкин, М. А. 2016: «К вопросу идентификации героя «Carmen contra paganos». *Апустей* 13, 63–89.
- Vedeshkin, M. A. 2018: [*Pagan Opposition to the Christianization of the Roman Empire (4th-6th Centuries)*]. Saint-Petersburg.
- Ведешкин, М. А. 2018: *Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв.*, СПб.
- Vedeshkin, M. A. 2019: [«Soul-Destroying» Teachers: Education and Apostasy in the Later Roman Empire]. *Dialog so vremenem* 66, 348–366.
- Ведешкин, М. А. 2019: «Учителя-душегубы»: образование и апостасия в поздней Римской империи. *Диалог со Временем* 66, 348–363.
- Vedeshkin, M. A. 2021: Julian and the Apostasy of the Roman Empire. *Vestnik drevney istorii* 81/4, 890–913.
- Ведешкин, М. А. 2021: Юлиан Отступник и апостасия Римской империи. *Вестник древней Истории* 81/4, 890–913.
- Vincenti, U. 1995: La legislazione contro gli apostati data a Concordia nell'anno 391 (CTh. 16.7.4–5). *Studia et documenta historiae et iuris*, 399–412.
- Watson, A. 1999: *Aurelian and the Third Century*. London; New York.
- Watts, D. 1998: *Religion in Late Roman Britain: Forces of Change*. London; New York.
- Watts, E. J. 2000: The Late Antique Student's Perspective on Education Life. *New England Classical Journal* 27, 73–78.
- Wytzes, J. 1977: *Der letzte Kampf des Heidentums in Rom*. Leiden.

Alexander Verlinsky

Institute for Linguistic Studies, RAS. St. Petersburg, Russia. verlinsky@mail.ru

POSIDONIUS AND LUCRETIUS ON THE INVENTION OF METALLURGY

For Martin Ferguson Smith

The article examines two passages from the discussions of Posidonius (Sen. *Ep.* 90. 11–13 = Posid. F 284 Edelstein-Kidd) and Lucretius (5. 1241–1268) about the origin of civilization, dedicated to the discovery of smelting metals. The remarkable similarity between them — in both, the discovery is associated with a forest fire, as a result of which melted ore came to the surface of the earth — has long caused scientific debate whether Posidonius served as the source of Lucretius, or whether both used some common source, regarded as either Democritus or Epicurus. The author of the article argues in favor of the latter option, developing the hypothesis that Epicurus' theory about the emergence of civilization, set out in his work *On Nature*, which Lucretius closely follows, was also used, but in a critical vein, by Posidonius, who polemicized with Epicurean teaching.

Key words: Posidonius, Lucretius, Epicurus, origin of metallurgy, origin of civilization.

А. Л. Верлинский

Институт лингвистических исследований РАН. verlinsky@mail.ru

Посидоний и Лукреций о возникновении металлургии

В статье рассматриваются два отрывка из рассуждений Посидония (Sen. *Ep.* 90, 11–13 = Posid. F 284 Edelstein-Kidd) и Лукреция (V, 1241–1268) о возникновении цивилизации, посвященные открытию плавки металлов. Примечательное сходство между ними — в обоих открытии связывается с лесным пожаром, в результате которого на поверхность земли выступила расплавленная руда — давно вызывает научные дискуссии — считать ли, что Посидоний послужил источником Лукреция, или же оба использовали какой-то общий источник — в качестве такового предполагали либо Демокрита либо Эпикура. Автор статьи приводит аргументы в пользу последнего предположения, развивая гипотезу, что теория Эпикура о возникновении цивилизации, изложенная в его сочинении «О природе», которой близко следует Лукреций, была использована, но уже в критическом ключе, также Посидонием, полемизировавшим с эпикурейским учением.

Ключевые слова: Посидоний, Лукреций, Эпикур, возникновение металлургии, возникновение цивилизации.

There are some similar points in accounts of the development of civilization by Posidonius (known mainly from Seneca, *Epistle* 90)¹ and that by Lucretius, in his *On the Nature of Things*, book V. The similarity concerns the details of discoveries, first of all technical ones. In contrast, the tendencies of the two theories are very different. Posidonius ascribed all the achievements of civilization — technical, social, and political — to proto-philosophers, wise persons who existed from the very beginning of humankind; today’s philosophy is only a stage in this development. Lucretius, however, depicts the progress of civilization as the result of the efforts of humankind that initially have the character of half-conscious impulses and accidental observations (a “natural” phase) and only later, together with the mental development of humankind, acquire a rational character.

Posidonius’ account exists for us only in some scraps preserved by Seneca, who cites only the most striking examples of Posidonius’ intellectualism with which Seneca disagrees, holding the view that philosophers are the authors only of moral achievements; technical discoveries have nothing to do with philosophy, being rather the affair of those who currently deal with such things, more mediocre people, and having their source in more trivial experience. This occasional and selective treatment of Posidonius’ theory by Seneca suggests that Posidonius’ theory might have been more comprehensive and contained achievements of the sages apart from those cited by Seneca, e.g. their role in the creation of religion and language, the topics that play the important role in Lucretius².

We don’t know precisely which treatise (or treatises) by Posidonius Seneca used to present his views on the development of culture, but it was probably his *Protrepticus*, viz., the paraenetic discourse on the value of philosophy, which broadly corresponds to

---

¹ All evidence for Posidonius is cited according to the edition of Edelstein and Kidd 1989 (E.-K. in what follows), which is notoriously strict in selecting evidence; the editions of Jacoby 1926 and Theiler 1982, which are more generous in their attributions, are referred to where necessary as *FGrH* and Theiler respectively.

² The most recent reconstruction of Posidonius’ theory of the evolution of culture, mainly on the basis of Sen. *Ep.* 90, is Zago 2012. For my own attempt to treat Posidonius’ views on the origin and development of language, and also of his relation to the earlier thinkers like Plato and Epicurus, see Verlinsky 2019.

the character of Seneca's 90th Letter. The reasoning on the ascent of culture and the saviour role of philosophy in it could be an effective introduction to this *laus philosophiae*³.

The most striking example of the similarity between the two accounts was noticed long ago: both Posidonius and Lucretius adduce the same explanation of the invention of mining: once in a remote region, a great fire in the mountain forests burned the soil so that the ores in metal veins melted; this suggested to Posidonius that that metal ores can be melted by fire artificially (Seneca, *Ep.* 90. 11–13 = F 284 E –K.; *Lucr.* 5. 1241–1268).

Taken that this explanation is unusual, scholars suspected that its two instances came from the same source, and it was a natural guess that Lucretius is dependent on Posidonius⁴. The opposite relation can be definitely ruled out, both on chronological grounds (Lucretius' poem was composed when Posidonius was old and was published even later)⁵ and because it is implausible that a first-tier

---

³ This was a practically unanimous opinion of 19th-century scholars and was endorsed by Zago (Zago: 2012, 213–217). For testimonies for the *Protrepticus* (attested under the titles Προτρεπτικοὶ λόγοι and Περί τοῦ προτρέπεσθαι [in three books!], see F1–3 E.-K. with Kidd 1988: 99–102). Zago convincingly refutes the alternative views: that of K. Reinhardt, who argued that Seneca used a special treatise on *Kulturentstehungslehre* (there is no evidence for such a treatise), but also that of I. Kidd (Kidd 1988: 964 f.), who ascribes the Posidonian material in the 90th letter to various sources, most of all, to Posidonius' *History*, in particular because of the passage that will be discussed in detail in this paper, which has parallels in the historical work of Posidonius (see also Zago 2012: 159 note 34).

⁴ The resemblance was noticed first by Knaack 1881: 593 n. 2, who proposed that Lucretius is dependent on Posidonius; this was accepted by some other scholars after him (see below on the further discussion of this subject).

⁵ For the chronology of Posidonius, see Malitz 1983: 5–33; Kidd 1988: 8 on T 4. It can be maintained only very approximately. According to [Lucian.] *Longaevi* 20.223, he lived for 84 years. If this is credible, then, since he was still alive in 60 BC (T 34), and died before or ca. 43, probably already before 45, he was born between 143 and 129 and died between 59 and 45 BC; he was a pupil of Panaetius, who died in ca. 110; it is thus impossible that he was born later than 130, and it is likely that he was born some years earlier than this date. His span of life is thus between about 143–130 and about 59–46 BC. Posidonius' account of the discovery of Spanish (and possibly also Gallic) mines belongs in all probability to his *History*. This work started at 146/45 BC (the end date of Polybius' *History*)

Greek philosophical author could be dependent on the Latin poetic source for the teaching of an alien and inimical school. It is understandable that most scholars believed that here, as also in the other cases of similarity, Lucretius borrowed the etiology of invention from Posidonius, whose work might have been well known to him. This proposal did not remain undisputed. Already Guissani, in his outstanding commentary on Lucretius, while admitting that this dependence was possible, advanced another proposal, namely that both Posidonius and Lucretius followed Epicurus; he also noticed the similarity between Lucretius and Posidonius in their accounts of the origin of monarchy and suggested that here Lucretius even more certainly followed Epicurus rather than Posidonius, since Epicurus wrote “certo non manco di toccare questa questione”⁶. But this proposal was not accepted; the view of Posidonius’ priority certainly prevailed⁷, and it gained indirect support in further suggestions about Lucretius’ borrowings from Posidonius.

1) P. Rusch argued that the explanations of meteorological phenomena in Lucretius Book VI go back to Posidonius⁸;

2) H. Diels supposed that Lucretius’ account of the use of animals in war (5. 1996–1307) draws on Posidonius⁹.

Both cases of Lucretius’ alleged dependence on Posidonius were dismantled, however.

and extended to 86 BC or maybe somewhat later (see the discussion in Kidd 1988: 277–280), and probably remained unfinished (Malitz 1983: 32). It is thus quite probable that it was a later work than the *Protrepticus*, which will be of some relevance for the relation of ideas I discuss in this paper. The only certain date for Lucretius is February 54 BC, when the brothers Cicero read his still-unpublished poem (Cic. *Ep. Quint.* 2.9), in all probability after his death in 55 BC (Smith 1992: XI).

⁶ Guissani 1901: 149.

⁷ See, for instance, Gerhäuser 1912: 27 f., and other scholars cited by Cole 1967/1990: 17 n. 4.

⁸ Rusch 1882; this proposal was endorsed by some other scholars, including Hermann Diels (Diels 1921/1969: 363)

⁹ Diels 1921/1969: 363–365; Diels relied on the passage from a short treatise on military art by Asclepiodotus who may be identical to the Asclepiodotus whom Seneca calls a pupil of Posidonius and who might have summarized Posidonius’ lost treatise on tactics. However, both the identity of this Asclepiodotus and his dependence on Posidonius are uncertain.

In the case of meteorology, Lucretius' dependence on Posidonius was rejected by E. Reitzenstein, who argued against Rusch that the similarities between Posidonius and Lucretius VI are explained by the fact that both Posidonius and Lucretius' direct source, Epicurus, used Theophrastus' account of meteorological phenomena and their causes, which has been preserved in the Arabic version and which, according to Reitzenstein, was a part of Theophrastus' doxographic work, *Physikai doxai*¹⁰. Later the doxographic character of this text has been disputed, and it has been identified with Theophrastus' treatise on meteorology (Μεταρσιολογικά), which, however, contained not only his own views but also doxography¹¹. But quite recently F. Bakker¹² argued that Theophrastus was not the author of the treatise on meteorology that has been preserved in Syriac and Arabic translations; he suggests instead "that the treatise has a mixed origin, being mostly Epicurean but with an admixture of Peripatetic views" (p. 265), although he does not rule out entirely that the treatise goes back to Theophrastus' *Metarsiology* (p. 147). In spite of this, the authorship of Theophrastus is still defended by other scholars¹³.

---

¹⁰ Reitzenstein, 1924. The treatise is known today in two versions, the fragmentary Syriac and the fuller Arabic; an abridged version of the Arabic text in a bad manuscript was edited by G. Bergsträsser in 1918; later, a copy of the lost Syriac original of the Arabic translation was found and edited partially in English translation by H. J. Drossaart Lulofs in 1955; then the complete translation of the Syriac version was edited with a commentary by Wagner, Steinmetz 1964, and last, the fuller Arabic version and the fragments of the Syriac version, accompanied by an English translation, were edited by Daiber 1992.

¹¹ Strohm 1937: 249–268; 403–428 has shown that, in many cases, the Arabic text features not doxography, but Theophrastus' meteorological teaching; and the finding of the Syriac version, which is closer to the Greek original than the Arabic version is, confirmed Strohm's view against Reitzenstein (see Wagner, Steinmetz 1964: 5, 9). The Μεταρσιολογικά in two books is attested by the list of Theophrastus' works (D. L. 5. 44 = F 137. 15 a FHS&G; for testimonies, see FHS&G I. 357 ff.); according to Daiber 1992, the Syriac translation reproduces the whole of Theophrastus' treatise, but Mansfeld 1992: 315–317, relying on the texts that he argued used Theophrastus' material, including *Ep. Pyth.* and *Lucr. VI*, made probable that some parts of the original treatise were omitted in the Syriac.

¹² Bakker 2016.

¹³ Daiber 2021: 417–418, in the re-edition of his paper, argues against Bakker in favor of a Theophrasteian authorship of the Syrian Meteorology;

Thus there is no certainty today that we possess the original source of Epicurus' meteorology. Nevertheless, there is little doubt that Lucretius' account of meteorological causes in Book VI goes back entirely or largely to Epicurus' treatment of them in *On Nature*, Book XIII, of which there is almost no evidence preserved, but the contents of which can be restored from the *Letter to Pythocles*, chapters 88–110, which is a summarized version of this book¹⁴. It is also quite probable, inter alia in view of similarity of the arrangement of material in Aetius' version of *Placita*, Epicurus, *Ep. Pyth.*, and *Lucr. VI*¹⁵, that Epicurus' treatment of meteorological phenomena was indebted to Theophrastus, the ultimate source of the later doxographic tradition, both in terms of the causes he adduced for these phenomena and probably also in his methodology of adducing *multiple* causes for these phenomena¹⁶. Lucretius' debt to Epicurus in the meteorology of Book VI evokes either no doubt, even if the scope of his borrowings has been disputed: Jaap Mansfeld and David Runia suppose, on the one hand, that Epicurus could use not only *Physikai doxai*, but also Theophrastus' *Physics*, and, on the other hand, that Lucretius could use doxographic sources independently from Epicurus, including later ones that were not accessible in Epicurus' time, because inter alia Lucretius' treatment of meteorological causes often shows more proximity to the *Placita* tradition than Epicurus' *Letter to Pythocles*¹⁷. David Sedley,

---

see also against Bakker: Mansfeld, Runia 2020: 30, 1136 f. Verde 2022 a: 29–34 opts for a mixed origin, mainly Epicurean and less Peripatetic, of the Syrian Meteorology.

¹⁴ See Sedley 1998 for a detailed reconstruction of the contents of Epicurus's *On Nature* from the direct evidence on papyri, the *Letters to Herodotus* and *Pythocles* (two epitomes of this treatise), and indirect evidence. Sedley argues that Epicurus' opus magnum was Lucretius' sole doctrinal source in his poem (Lucretian "fundamentalism"). On Theophrastus' impact on Epicurus (and Lucretius via Epicurus), see Sedley 1998: 122 f., 157–160, 179–185.

¹⁵ The disposition of material in the *Letter to Pythocles*, Lucretius Book VI, Aetius III, and the Syrian Meteorology is practically identical, with minor individual peculiarities (Bakker 2016: 137–142).

¹⁶ On Epicurus' use of Theophrastus, see Mansfeld 1992: 315 n. 5 (who supposes that since Epicurus treats in *Ep. Pyth.* not only meteorological, but also celestial phenomena, he may have used also Theophrastus' *De Caelo*) and Mansfeld: 1994/2011, 237–254.

¹⁷ See Runia 2018: 398 f.; 410; 424; Mansfeld, Runia 2020: 1072.

however, argues that the relation has the strict sequence Theophrastus (*Physikai doxai*) — Epicurus — Lucretius¹⁸. Granted that neither Theophrastus' *Physikai doxai* nor the full version of Epicurus' meteorology in his *On Nature* has been preserved, Lucretius' dependence entirely on Epicurus remains quite plausible. The hypothesis of Lucretius's dependence on Posidonius in meteorology, on the contrary, vanished and now appears to be completely forgotten, although Posidonius's relation to Theophrastus and doxography remains to be investigated¹⁹.

Lucretius' dependence on Posidonius in the passage on using animals in war did not remain undisputed, either. It was criticized again by E. Reitzenstein, who argued against Diels that Asclepiodotus' account is systematic, not evolutionist as in Lucretius, and he pointed out that closer to Lucretius than Asclepiodotus is a heurematographic passage on developments in the military field in Pliny, *NH* 7.202 cited by Diels with its Peripatetic, in particular Theophrastean tradition²⁰. The question of Lucretius' sources in this part and in the whole section on technological discoveries needs further investigation²¹, but Reitzenstein is surely right that Asclepio-

---

¹⁸ Sedley 1998: 179–182, supposes that, in his treatment of meteorological causes in Book VI, Lucretius derives (through Epicurus's *On Nature*) not from Theophrastus' meteorological treatise, but from the treatment of the same material in the latter's *Physical Opinions*; and this appears to be a prevailing view today, see most recently Verde 2022 b: 84–85 with note 218; see Tsouna 2023: 226, who however shows that in the method of *multiple explanations*, Epicurus had many predecessors and that his own version of it owes more to Democritus than to Theophrastus.

¹⁹ Kidd 1992 maintains that Posidonius' meteorology owes much more to Aristotle than to Theophrastus. Hall 2024: 16 f., who following Bakker doubts the Theophrastean authorship of Syriac meteorology, also denies that it can be Posidonius' source.

²⁰ Reitzenstein 1924: 65–69.

²¹ Epicurus surely could use a heurematographic account of the kind Pliny uses and rework it substituting the inventors of tradition by anonymous representatives of early humankind. It is risky but not entirely impossible to suppose that Epicurus, not Lucretius, supplied these inventions with an impressive innovation of his time in European armies, the use of elephants (not mentioned by Pliny in his account of military developments, probably drawing on a pre-Hellenistic source). But Lucretius' attribution of this invention to the Carthaginians at 5. 1302–1304 (the sole reference to a historical era in his account of the progress of culture) is rather his own addition, and it is a mystery why he attributed it to them.

dotus' systematic account of using animals is too brief and lacks any specific details to make us believe that Posidonius' evolutionary account underlies it.

Reitzenstein also briefly supported Giussani that the similarity between Posidonius' and Lucretius' views on the discovery of metallurgy does not imply the dependence of the former on the latter, but rather that this explanation was present already in Epicurus²². He pointed to the principal differences between the two doctrines and also to the fact that Lucretius understood his task as the poetic adaptation of Epicurus' teaching, which makes his drawing on collections of writings implausible²³. This of course cannot be regarded as a conclusive argument against Lucretius' dependence on some other sources along with Epicurus; moreover in the case of metallurgy, one might have suspected that Lucretius did not accidentally borrow from some collection of *heuremata*, but considerably reworked Epicurus' theory with the help of Posidonius' theory. Later, without knowing Reitzenstein's work, C. Bailey disputed in his commentary L. Robin's opinion that Lucretius borrowed the explanation of the invention of metalwork from Posidonius²⁴. Nevertheless, the relation of two remarkably similar accounts of the invention of metallurgy has never been thoroughly

---

²² Reitzenstein 1924: 64 f.

²³ Later Reitzenstein (1933: 542–549) rejected the attempt of Lück 1932 to revive the hypothesis of Lucretius' use in Books 5 and 6 of the "late Epicurean sources" and also of Posidonius through these sources. The main object of Lück's work was to prove the Lucretius' ultimate use of Posidonius in his treatment of cosmogony in Book V and of meteorological phenomena in Book VI, against Reitzenstein's and also J. Woltjer's earlier view that Lucretius depended mainly directly on Epicurus (Lück, p. 6 f.). Reitzenstein argued that both Lucretius and Posidonius were dependent on Epicurus (p. 542 f.).

²⁴ Bailey 1947: III, 1499 f. rejects L. Robin's view (Ernout, Robin 1928: III, 150–151) that Lucretius "made a concession" to Posidonius' teaching on philosophers as inventors 5. 1105–1135, based on Posidonius' rule of sages in primitive time; he also supposes (III, 1521) that Lucretius' and Posidonius' explanation of how metalwork was discovered goes back to Epicurus; his general view (III, 1472 f.) was that Lucretius closely follows Epicurus in his account of the origin of civilization.

discussed, and the proposal that here Lucretius drew on Posidonius still finds its proponents²⁵.

A new hypothesis has been brought forward by T. Cole in his attempt to reconstruct Democritus' theory of the origins of culture. He argued that the parallel accounts of prehistory in Lucretius and Posidonius, including on the invention of metallurgy, should be explained by the influence of Democritus both on Lucretius (via Epicurus or directly) and on Posidonius²⁶. The Epicurean theory, according to Cole, remained more faithful to Democritus' stress on human inborn capacities, the role of accidental events, observations of them by men, and clever transformation into technical devices and skills. (The Epicureans, however, were more inclined to emphasize the deterministic role of the environment and of human nature). In contrast, Posidonius contaminated Democritus' teaching with intellectualist and teleological elements typical of Plato and Aristotle (the role of sages; the view of *techne* as complementary to nature). Be that as it may, Cole's book retains its importance and his ideas should be carefully discussed²⁷; but in the case of the invention of metallurgy there is no evidence that Democritus treated this subject. Moreover, apart from the *argumentum ex silentio*, which can never be conclusive in the treatment of fragmentary evidence, the considerations of chronology also contradict the proposal that the parallel accounts on metallurgy go back to a thinker as early as Democritus (see below).

Meanwhile, the evaluation of the scope of Lucretius's direct dependence on Epicurus has changed considerably, most of all due to the study of Herculaneum papyri. David Sedley argued, on the basis of the detailed reconstruction of Epicurus' *On Nature*, in favor of Lucretius' "fundamentalism", namely that his main source (including Book V) was this, Epicurus' opus magnum, and that Lucretius was practically unaware of later trends in philosophy, including the development in the Epicurean school itself²⁸. Unfortunately, there are only a few indirect remnants of Book XII of

---

²⁵ Apart from L. Robin (see the previous note), see De Lacy 1948: 12 f.; Spierri 1959: 134 with notes 13 and 218 (addenda) (he, however, is cautious and cites the proponents of the opposite view).

²⁶ Cole 1967/1990: 17–19; 37–40.

²⁷ See below on Cole's contrasting of Epicurus and Posidonius in the particular case of the invention of metallurgy.

²⁸ Sedley 1998.

On Nature that deal with human culture²⁹; the relevant parts of the *Letter to Herodotus*, which, as Sedley proved convincingly, was the summarized version of *On Nature*, retain only two subjects of human culture: religion and language. For this reason, scholars supposed in the past and still suppose that, in his account of the origins of culture, Lucretius used along with Epicurus' also doctrinal material of other schools, Stoic (Posidonius) and Peripatetic (Dicaearchus) ones³⁰. Nevertheless, the relevant parts of *On Nature* were probably much more detailed and could have included an account of technology, as well. The account of the development of human culture in the inscription of Diogenes of Oinoanda, which is very brief and reached us only in fragmentary form, however mentions the evolution of human clothing, which parallels but is not identical to Lucretius's account in Book V: both Epicurean authors can here draw on Epicurus's *On Nature*, Book XII³¹.

The provenience of Posidonius's and Lucretius's accounts of the invention of metallurgy remains debatable. Zago recently found it plausible that Epicurus' *On Nature*, Book XII was the source of both, but then returned to Cole's hypothesis that the ultimate

---

²⁹ For the contents of Book XII (there are no papyrus remains of it), see Sedley, 1998: 121–123; I argued that the criticism of theories of the invention of religion and language in Lucretius, Diogenes of Oenoanda, and Sextus Empiricus go back to the same book (Verlinsky 1998).

³⁰ Thus Dicaearchus featured in scholarship as a possible source of an (overstated) idealization of the primitive state of humankind in Lucretius (see, for instance, Schrijvers 1999: 81–101), without sufficient grounds, in my view.

³¹ Lucr. 5. 1350–1353 mentions the stage of plaited clothes (*nexile tegmen*) and the more advanced stage of woven ones, viz., produced with the help of the loom (*textile [te]gmen*); Diogenes fr. 12 col. I–II Smith knows the stage of leaves, grass, and animal skins (compare Lucr. 5. 972 and 1011 resp.), the next of *κασῶται ἐσθῆτες*, and then of *στρεπτοί*; he also mentions the invention of the loom at the next stage. Martin Smith (Smith 1992: 453) points out that *στρεπτοί* corresponds to *nexile* in Lucretius, and *κασῶται* (*hapax*) refers to the stage of felted cloth not mentioned by Lucretius (*κασῶτος* is related to *κασῆς* (*κάσης*), which means felted cloth, not “skin”, as LSJ, see Agatharch. 20 = Phot. *Bibl. Cod.* 250, 445 b 3, *κάσαι*, explained as *στολαὶ πλιηταί*). But Lucretius mentions working wool, too, although not felted clothes, dwelling on the fact that it was initially men's, not women's work (5. 1354–1360). This suggests the original account could be more detailed than relying solely on Lucretius might lead one to think.

common source of Lucretius and Posidonius was rather Democritus; he justifies this idea mainly with Posidonius' hostility to Epicureanism³². This consideration, however, retains its force only if we count only a positive impact of one thinker on another, in the manner of: thinker Y uses thinker X because Y approves of X. In fact, we should take a negative impact into account, as well, when Y uses X's material because the former argues against the latter. According to my hypothesis, Posidonius' theory of the development of culture emerged as a critical reaction to Epicurus' corresponding theory; it discussed in large part the same departments of culture and even the same partial discoveries, but in a vein opposite to Epicurus's.

The indirect evidence for this innovative character of Posidonius's theory of human culture in Stoicism is not only the lack of evidence for the Stoic teaching on this subject before Posidonius, but, even more, two pieces of criticism of Posidonius that seem to reflect the Stoic mainstream position in this field. Posidonius explained ethnic differences, including differences between languages and different capacities to develop various crafts and sciences, by geographic position and corresponding climatic differences, the latter being the manifestations of divine providence (Strab. 2.3.7 = F 49. 317–326 E.-K.). Strabo (*ibid.*) rejected this explanation, seeing in these differences rather the effect of "accident and chance", i.e., of causes that cannot be scientifically accounted for. Seneca (*Ep.* 90.35) objected to Posidonius' claim that philosophical reason played a pivotal role in the discoveries of culture and asserted instead that these discoveries were results of *usus*, viz., practice and trivial experience. These pieces of criticism are different, of course, but there is a common element in both: it is unlikely that the orthodox Stoics who shared Posidonius' opponents view, with their lack of interest in the causes of development, would develop a theory of the development of culture, at least one that, like Posidonius' theory, concentrated on the causes of individual inventions³³.

There are thus some reasons to return to the discovery of metallurgy in Posidonius and Lucretius. First, there is one indisputable case of similarity in both accounts of the development of culture, and the meaning of this similarity remains ambiguous;

---

³² Zago 2012: 157–166.

³³ For more detail, see Verlinsky 2019: 20–23.

second, the issue sheds light on some aspects of Posidonius' teaching and, as I hope to show, also on the polemical origin of it.

At first glance, Lucretius' dependence on Posidonius in just this case is more plausible than the dependence of both on Epicurus. Posidonius treated the similar subject, the fire in the mountains and the melting of metal ores by it, in his accounts of Spain and Gallia, explaining thus the beginning of mining in these areas and the extraordinary wealth of those who exploited these quarries.³⁴ This story belongs to Posidonius' *History*, rather than to his natural-philosophical or ethical treatises³⁵:

Strabo 3.2.9

οὐ γὰρ ἀπιστεῖν τῷ μύθῳ φησὶν [Ποσειδώνιος] ὅτι τῶν δρυμῶν ποτε ἐμπρησθέντων ἡ γῆ τακεῖσα, ἅτε ἀργυρίτις καὶ χρυσίτις, εἰς τὴν ἐπιφάνειαν ἐξέζεσε διὰ τὸ πᾶν ὄρος καὶ πάντα βουνὸν ὕλην εἶναι νομίσματος ὑπὸ τινος ἀφθόνου τύχης σεσωρευμένην. καθόλου δ' ἂν εἶπε (φησὶν) ἰδῶν τις τοὺς τόπους θησαυροὺς εἶναι φύσεως ἀενάους ἢ ταμειῖον ἡγεμονίας ἀνέκλειπτον· οὐ γὰρ πλουσία μόνον ἀλλὰ καὶ ὑπόπλοτος ἦν (φησὶν) ἡ χώρα, καὶ παρ' ἐκείνοις ὡς ἀληθῶς τὸν ὑποχθόνιον τόπον οὐχ ὁ Ἄιδης ἀλλ' ὁ Πλούτων κατοικεῖ.

Diod. 5.35.3

πολλῶν δ' ὄντων ἐν αὐτοῖς δρυμῶν καὶ πυκνῶν τοῖς δένδρεσι, φασὶν ἐν τοῖς παλαιοῖς χρόνοις ὑπὸ τινων νομέων ἀφέντων πῦρ κατακαῆναι παντελῶς ἄπασαν τὴν ὄρεινὴν χώραν· διὸ καὶ συχρᾶς ἡμέρας συνεχῶς πυρὸς ἐπιφλέγοντος καῆναι τὴν ἐπιφάνειαν τῆς γῆς, καὶ τὰ μὲν ὄρη διὰ τὸ συμβεβηκὸς κληθῆναι Πυρρηναῖα, τὴν δ' ἐπιφάνειαν τῆς κατακεκαυμένης χώρας ἀργύρῳ ῥυῆναι πολλῶ,

³⁴ Strabo (Strab. 3.2.9 C 147 = F 239 E.-K.=*FGrH* II A 87 F 47) and Athenaeus (Athen. 6. 233 d-e = F 240 E.-K. = *FGrH* II A 87 F 48) cite Posidonius as their source; Diodorus (Diod. 5.35.3 = *FGrH* II A 87 F 117 [Anhang], not in E.-K.) does not cite Posidonius, but is usually assigned to him, because of the similarity of its content and significant details to those in the first two texts. There is a difficulty, since Strabo and Diodorus assign the accidental fire and the discovery of mining to Spain (Strabo precisely points to Turdetania), while Athenaeus assigns them to the Alps in Gallia. It seems possible that Athenaeus, who is close in details to two other texts, contaminated two different accounts of Posidonius, as supposed by Schühlein: 1886: 78 f. (or alternatively but less likely, as Kidd 1988: 840 supposes, Posidonius used this etiology of discovery twice in his work).

³⁵ See the discussion of various attributions of these texts: Hahm 1989: 1344.

καὶ χωνευθείσης τῆς φύσεως, ἐξ ἧς ὁ ἄργυρος κατασκευάζεται,
 ῥύακας γενέσθαι πολλοὺς ἀργύρου καθαροῦ.

Athen. 6. 233 d-e

καὶ τὰ τε πάλαι μὲν Ῥιπαῖα καλούμενα ὄρη, εἴθ' ὕστερον Ὀλβια
 προσαγορευθέντα, νῦν δὲ Ἄλπια (ἔστι δὲ τῆς Γαλατίας)
 αὐτομάτως ὕλης ἐμπρησθείσης ἀργύρῳ διερρῦη.

Let us compare the similar etiology of the invention, but now in the context of the origin of culture, one in Posidonius as cited by Seneca and another by Lucretius:

Sen. *Ep.* 90. 11:

In hoc quoque dissentio, sapientes fuisse qui ferri metalla et aeris
 invenerint, cum incendio silvarum adusta tellus in summo venas
 iacentis liquefacta fudisset.

Lucret. 5.1252–1257

quicquid id est, qua cumque e causa flammeus ardor
 horribili sonitu silvas exederat altis
 a radicibus et terram percoxerat igni,
 manabat venis ferventibus in loca terrae
 concava conveniens argenti rivus et auri,
 aeris item et plumbi.

Beyond these texts, the story of the origin of mining in historical time due to accidental fire is known from one more text—a paradoxographic compilation of Pseudo-Aristotle's *De mirabilibus auscultationibus*, 87, 837 a 24–26:

Ἐν τῇ Ἰβηρίᾳ λέγουσι τῶν δρυμῶν ἐμπρησθέντων ὑπὸ τινῶν
 ποιμένων, καὶ τῆς γῆς διαθερμανθείσης ὑπὸ τῆς ὕλης, φανερῶς
 ἀργύρῳ ῥεῦσαι τὴν χώραν, καὶ μετὰ χρόνον σεισμῶν
 ἐπιγενομένων καὶ τῶν τόπων ῥαγέντων πάμπληθες συναχθῆναι
 ἀργύριον, ὃ δὴ καὶ τοῖς Μασσαλιώταις πρόσοδον ἐποίησεν οὐ τὴν
 τυχοῦσαν.

They say that in Iberia, when bushes were burned by some
 shepherds, and the earth has been thoroughly heated by the wood,
 the ground manifestly

flows with silver, and that after a time, when earthquakes occurred and the area was torn open, a great deal of silver was gathered in, which has produced no insignificant revenue for the Massalians³⁶.

It is a priori more probable that the story of the marvelous melting of metals due to fire originated within historical tradition or semi-scientific paradoxography in relation to Spain with its fabulous treasures of precious metals and then penetrated into philosophical theories of the origin of culture than, vice versa, that a philosophical account of the prehistoric invention of useful metals (and primarily of metallurgy, not mining itself, as we shall see) was transformed into the story of the discovery of gold and silver in Spain. It has been supposed that the story in *De mirab. ausc.* reflects this earliest version and that the source of this information in *De mirabilibus* was the famous historian of the Greek West, Timaeus of Tauromenium (350–264 BC?)³⁷. If this were the case, Democritus could not be the ultimate source of its adaptation into the theory of the origin of culture in Posidonius and Lucretius, as T. Cole suggested. But even if Timaeus drew on some earlier account, it is also on general grounds hardly probable that, in the second half of the 5th century BC, Democritus possessed information about mining in Spain³⁸. Granted that this prehistoric etiology is not attested for Democritus, it is unlikely that Democritus could be the common source for Posidonius and Lucretius (or Epicurus).

---

³⁶ Wilson 2024: 160.

³⁷ Geffcken 1892: 95, pointed to Poseidonius' words in Strabo οὐ γὰρ ἀπιστεῖν τῷ μύθῳ (see above) and plausibly supposed that Posidonius was referring to some earlier source.

³⁸ The earliest literary evidence of Greeks in Spain is Hdt. 4. 152 on a Samian Kolaios who visited Tartessos about 630 BC; see Dominguez 2006: 433; Herodotus (1. 163.1) mentioned also Phocaeen contacts with Spain in the 6th century BC (Dominguez 2006: 434–442); one contact of interest could be silver mines in Huelva (Southern Spain), *ibid.* p. 439. Nevertheless, it appears that mining in Spain did not attract attention in Greek literature, although there is evidence of contacts, see Dominguez 2006 on the appearance of the Spanish script based on the Ionian, possibly in the second quarter of the 5th century BC (p. 462); the Greek lead letter of the end of the 6th century BC; there were Phocaeen and Massaliote settlements in northern Spain (see Dominguez 2004: 161 ff.), but not in the south where mining was done at this time.

Unfortunately, both the date of *De mirabilibus auscultationibus* and the source of the story about the mountain fire are debatable. H. Flashar, too, proposed that Posidonius rather than Timaeus of Tauromenium was the source of ch. 87 of *De mir. ausc.*³⁹. The date of a patchwork such as *De mirabilibus auscultationibus* is less important for my subject than the provenience of the passage in question. There is little doubt that this part of the treatise draws on old Peripatetic sources and historic authors of the 4th century BC, Timaeus and Theopompus. Just for this reason, Flashar dated the treatise to about mid-3rd century BC⁴⁰. There is no compelling reason to treat our chapter as an exception and to ascribe it to such a late author as Posidonius.

The description of the discovery of mining in *De mirab. ausc.* 87 differs from Posidonius' in two respects: it mentions earthquakes, due to which melted ores were found some time after the fire, while Posidonius says the melted ores immediately flowed on the surface, making Massalians the first users of mines, not the Phoenicians, as Posidonius has it. As for the first difference, it is unlikely that the author or the source of *De mirab. ausc.* substituted Posidonius' Phoenicians with Massalians; on the contrary, it is quite possible that Posidonius corrected either *De mirab. ausc.* or its source in this respect, relying on his own or someone else's erudition in matters

---

³⁹ Flashar 1990: 45; 110 ascribed chs. 87, 89–94 to Posidonius because of the parallel passages in Strabo, which in his view certainly go back to Posidonius (Flashar, like Geffcken before him, supposed that in some cases Timaeus was Posidonius's source); see also Malitz 1983: 114 in favor of Posidonius as the source of ch. 87 and Wilson 2024, 160: who attributes ch. 87 to Posidonius after Flashar. But Pajón Leyra 2024: 20–23 doubts both Timaeus' and Posidonius' provenience for chs. 85–98, although she admits a certain coherence of this set of stories. See further Schorn 2024: 50–54 against the attribution to Posidonius of *De mirab. ausc.* 93 and Schorn, Mayhew 2024: 7 against the use of Posidonius in the *De mirab. ausc.* on the whole. Flashar's hypothesis on Posidonius as one of the sources for this treatise was earlier rejected by Vanotti 2007: 43–44, and 172 (on ch.87).

⁴⁰ Flashar 1990: 207 (as for Peripatetic sources, the *De mirab. ausc.* shows the influence of Theophrastus, Strato, and the pseudo-Aristotelian *Problemata*). One part of the treatise goes back to Ps.-Plutarch's *De fluviis* and was thus not written earlier than the 2nd century AD, but it was usually thought to be a later addition to the work, which was itself compiled much earlier.

such as the exploiting of Iberian mines⁴¹. The second difference may imply that the version of *De mirab. ausc.* did not contain an important detail that is typical for both the historical and prehistoric versions of Posidonius and for Lucretius's version, too. In all of them, it is crucial that the metals flowed on the surface of the earth, while the author of *De mirab. ausc.*, although also mentioning the earth "flowing with silver", does not consider this important detail; the metals only grew closer to the people due to the fire, but were not known until later, due to earthquakes. I will return to this significant difference in due course.

Considering the scarcity of details in this version, which could hardly be the result of its curtailing by a paradoxographer, I would suppose that it precedes all variants of the story in Posidonius and is more likely borrowed and expanded by him or his predecessors than vice versa⁴². As for this source, it is uncertain, but in spite of the latest critical work, it may be Timaeus of Tauromenium, to whom chs. 78–114 of the *De mirab. ausc.* were usually assigned⁴³; alternatively, it may be Theophrastus⁴⁴ or some other earlier source.

---

⁴¹ Flashar 1990: 111, claims that the reference to Massalians is understandable only in the context of Diodorus' account (5.35. 3), which is related to Posidonius, in which the Phoenicians' trade in silver with Iberians is mentioned, because "Massilia ist eine phoenizische Pflanzstadt". But in fact Massilia was the colony of Phocaea and has nothing to do with Phoenician trade.

⁴² It is quite possible that Posidonius "corrected" the earlier version of the discovery of mining in Spain, which made its first beneficiaries the Massalians, now substituting the Phoenicians for them, viz., he assigned the discovery to an earlier date than the source of *De mirab. ausc.*: the date of the founding of Massalia was 600 BC according to Timaeus (F 71), while according to Diod. 5. 35. 5, who used Posidonius, the incomes from Iberian metals allowed the Phoenicians to found colonies in various lands, including in all probability Carthage (διόπερ ἐπὶ πολλοὺς χρόνους οἱ Φοίνικες διὰ τῆς τοιαύτης ἐμπορίας ἐπὶ πολὺ λαβόντες αὐξησιν ἀποικίας πολλὰς ἀπέστειλαν, τὰς μὲν εἰς Σικελίαν καὶ τὰς σύνεγγυς ταύτης νήσους, τὰς δ' εἰς τὴν Λιβύην καὶ Σαρδόνα καὶ τὴν Ἰβηρίαν). Carthage was usually considered to have been founded much earlier than Massalia (814/13 BC, according to Timaeus F 60).

⁴³ For a thorough discussion of Timaeus's material in *De mirab. ausc.*, see Schorn 2024, who demonstrates the fragility of many ascriptions to this historian. There is one more lemma on Massalia in *De mirab. ausc.* 89, on marvelous fish, which is ascribed to Posidonius as its source because Posidonius had a detailed account and discussion of another wonder in the

Thus in spite of many uncertainties, it is still possible that the version of the invention of mining in Spain existed much earlier than the time of Posidonius and was the ultimate source for both kinds of his story: in both a historical and a prehistoric context. But it is also chronologically possible that this short version of the story involving Spain was adapted to prehistory by someone earlier than Posidonius, and while Democritus can be disclaimed both on grounds of chronology and lack of any evidence, Epicurus remains a quite plausible candidate on both grounds, granted that his theory of the origin of culture has been preserved for the most part via Lucretius⁴⁵. However, we still don't have decisive proof that this specific version appeared due to Epicurus rather than to Posidonius.

It may thus appear that Posidonius—who used, possibly more than once, this marvelous invention of mining in his historical work and who obviously drew much attention to this story—transferred this event to the prehistoric epoch and that Lucretius later drew on him in his account of the origin of civilization. Since there is no evidence that Epicurus treated the same subject, Lucretius' dependence on Posidonius may seem to be psychologically plausible and attractive. Nevertheless, there are some objections against Posidonius as Lucretius' source in this case, too, along with the fact that the other cases of alleged dependence have been refuted. Let us now juxtapose and compare two accounts:

Posidonius (Seneca, *Ep.* 90. 11–13 = F 284 E.-K.):

(11) In illo quoque dissentio a Posidonio, quod ferramenta fabrilia excogitata a sapientibus viris iudicat; isto enim modo dicat licet sapientes fuisse per quos

tunc laqueis captare feras et fallere visco

inventum et magnos canibus circumdare saltus.

Omnia enim ista sagacitas hominum, non sapientia invenit. (12) In hoc quoque dissentio, sapientes fuisse qui ferri metalla et aeris

---

same place (Strab. 4.1.7 = F 229 E.-K. = *FGrH* II A 87 F 90). Flashar 1990: 112 claims Posidonius as its source, while Geffcken 1892: 95 earlier believed that it goes back to Timaeus, whom Posidonius used. But in fact we cannot be certain that Posidonius dwelled on this marvelous thing, too.

⁴⁴ Flashar 1990: 39–44; Wilson 2024: 140 f., who supposes that one of the sources could be a treatise on mines (*περὶ μετάλλων*) by Theophrastus.

⁴⁵ Timaeus worked in Athens in 316–289 BC (Baron 2013: 18) at the same time as when Epicurus wrote his *On Nature*, and thus can be used chronologically in this treatise.

invenerint, cum incendio silvarum adusta tellus in summo venas iacentes liquefactas fudisset. ista tales inveniunt quales colunt.

(13) Ne illa quidem tam subtilis mihi quaestio videtur quam Posidonio, utrum malleus in usu esse prius an forcipes coeperint. Utraque invenit aliquis excitati ingenii, acuti, non magni nec elati, et quidquid aliud corpore incurvato et animo humum spectante quaerendum est. Sapiens facilis victu fuit.

Lucr. 5. 1241–1268:

Quod super est, ae<s at>que aurum ferrumque repertumst
 et simul argenti pondus plumbique potestas,
 ignis ubi ingentis silvas ardore cremarat
 montibus in magnis, seu caelo fulmine misso,
 sive quod inter se bellum silvestre gerentes
 hostibus intulerant ignem formidinis ergo,
 sive quod inducti terrae bonitate volebant
 pandere agros pinguis et pascua reddere rura⁴⁶,
 sive feras interficere et ditescere praeda;
 nam fovea atque igni prius est venarier ortum
 quam saepire plagis saltum canibusque ciere.
 quicquid id est, qua cumque e causa flammeus ardor
 horribili sonitu silvas exederat altis
 a radicibus et terram percoxerat igni,
 manabat venis ferventibus in loca terrae
 concava conveniens argenti rivus et auri,
 aeris item et plumbi. quae cum concreta videbant
 posterius claro in terra splendere colore,
 tollebant nitido capti levique lepore,
 et simili formata videbant esse figura

⁴⁶ Usually the sentence is understood as referring to two different actions, acquiring land for agriculture (*pandere agros pinguis*) and acquiring estates suitable for pasture (*pascua reddere rura*). The passage thus implies that agriculture already existed when metallurgy was invented: Manuwald 1980: 43; Zago 2012: 158 note 33. However, since Lucretius associates ploughing with metals (5. 933 f.; 1289), as Zago rightly notices, it is tempting to take the whole sentence as referring to husbandry only, viz., they wanted to clean fertile land of trees (*agros pinguis* is internal accusative) and thus obtain estates for pasture (hendiadys). Although according to Serv. *In Georg.* 2, 412 *agros incultos “rura” dicebant, id est silvas et pascua, “agrum” vero, qui colebatur*, there are enough examples of *ager* as synonym of *campus*, see ThLL, I, col. 1282, 38 ff. At 5. 973; 1104, Lucretius uses the term “ager” in the meaning of camps, “countryside”, for the time when agriculture certainly did not exist yet.

atque lacunarum fuerant vestigia cuique.
 tum penetrabat eos posse haec liquefacta calore
 quamlibet in formam et faciem decurrere rerum,
 et prorsum quamvis in acuta ac tenvia posse
 mucronum duci fastigia procudendo,
 ut sibi tela parent silvasque ut caedere possint
 materiemque dolare et levia radere tigna
 et terebrare etiam ac pertundere perque forare.

First, Posidonius' account cited by Seneca differs seriously from the evidence just adduced from his *History*: all three passages above are about the beginning of gold and silver mining in historical time, as the contrast between the Phoenicians and the uncivilized inhabitants of Spain shows. But in Seneca's letter Posidonius describes the prehistoric era, and has in view not the invention of mining but of metallurgy⁴⁷, and more precisely of working copper and iron, not silver and gold, i.e., of useful metals (the philosophical inventors would not put gold and silver into use, foreseeing the danger they pose for humankind). This technological aspect of the story is much closer to Lucretius than to Posidonius' own treatment of a forest fire and the accidental melting of ores in his historical work⁴⁸. Of course, this by itself cannot exclude Posidonius' priority:

---

⁴⁷ The opposite has been claimed by Gerhäuser 1912: 17, who takes *ferri metalla et aeris* in Sen. *Ep.* 90.12 as a reference to the invention of mining, because the discovery of metals that trickled up to the surface of the earth would be possible for any unwise person. In fact, although *metalla* can refer both to quarries (mines) and to metal ore (see *OLD*, s.v.), in Seneca it obviously has the latter meaning: it can be seen from the following *venas*, which can imply only *metallorum*: the sages thus discovered metals themselves, but of course in the sense that they simultaneously discovered how they can be worked, just as in a similar story of Lucretius': that Seneca has in view primarily metalworking, not mining, can be seen both from what precedes our passage (90. 11 *in illo quoque dissentio a Posidonio, quod ferramenta fabrilia* [implements of smith] *excogitata a sapientibus viris iudicat*) and what follows it (90.13, the question of priority of smith's hammer and tongs, on which see below); also Seneca's polemical question addressed to Posidonius (90.14) — *quomodo... convenit, ut et Diogenem mireris et Daedalum? qui serram commentus est ...* — shows that metalworking is in focus, not mining.

⁴⁸ The difference between Posidonius' treatment of the subject in his *Histories* according to Strabo, Diodorus and Athenaeus, on the one hand, and in the treatise cited by Seneca, on the other, has been rightly pointed

he was able to adapt the etiology of the invention of mining in Spain, which as we have seen he could find in some earlier historical or quasi-scientific account, to his theory of the origin of culture and to influence Lucretius with this version. Nevertheless, even in this case, it would not be a simple transfer of the same etiology from a historical to a prehistoric context, but its substantial adaptation; and if the history of the forest fire and metals melting was not Posidonius' invention, then its adaptation to prehistory was not original with him, either.

The most important argument in favor of the Epicurean, rather than the Posidonian origin of the explanation of the prehistoric origin of metallurgy from the accidental mountain fire is, first, the much more detailed character of the story in Lucretius. To begin with, he adduces four hypothetical alternative causes of the fire itself, which is in accord with the practice of Epicurus and his school of pointing to multiple probable explanations without giving preference to one of them⁴⁹. He depicts in more detail than any other text the effects of the fire on metal ores: it was an extraordinary fire that made the earth boil (*percoxerat*) and flow together with liquid metals. He maintains that the use of all five basic metals, copper, gold, iron, silver, and lead, were all invented due to such an accident (5. 1241–1244), but his depiction of the invention itself includes only four of them (1256 f.). Iron is excluded, since its invention took place only later, because, as Lucretius maintains, copper is worked more easily than iron, which is correct, and because copper *facilis magis est natura et copia maior* (1286–1288)⁵⁰. Posidonius speaks

---

out by Cole 1967/1990: 17 with n. 5, although, like other scholars, he does not properly distinguish the invention of metallurgy and the invention of mining. Kidd 1988: 964 f. also failed to notice this difference. In the result, he unduly suspects Seneca of citing Posidonius from various sources and of borrowing this particular passage from his *History*, rather than from his account of the origin of culture; see also Kidd: 1999, 362 n. 393, where he refers to frs. 239 and 240 on the origin of mining in Spain and Gaul, and wrongly infers that the invention of metalwork Seneca reports “had nothing to do with a ‘Golden Age’ theory”. See contra, rightly, Zago 2012: 159 note 34.

⁴⁹ The multiple explanations in the Epicurean theory have been the subject of some important studies in recent years; see Tsouna 2023, who cites the earlier literature.

⁵⁰ On the latter point (*copia maior*), which at first glance is mistaken (copper is on the whole rarer than iron), see Bailey 1947: 1526 ad loc., who

only about the invention of copper and iron mining, thus ruling out any attempts to use the inappropriate metals, and he provides few details beyond the fire itself.

Of course it would be hazardous to draw inferences on the presence or lack of details in Posidonius' narrative, since we have only Seneca's critical notes on it, and we also cannot rule out that Lucretius supplied new details to Posidonius' account. Nevertheless, there are peculiar features in Lucretius' version that make it inherently appropriate to the Epicurean approach and don't look like a simple adaptation of a Stoic version to the tenets of the inimical school. Lucretius adduces the explanation how exactly primitive men appreciated the usefulness of melted metals; they first were attracted by the bright color of congealed pieces and thus are almost automatically struck by impressions, as is appropriate to a "natural" stage of development before reason started playing a role in inventions; they observed that the forms of these pieces corresponded to the holes they occupied and recognized that they themselves could make molds and melt ore to make tools. He further depicts the following trial-and-error process of finding appropriate metals for making tools: copper⁵¹ proved its usefulness, while gold and silver were tried and rejected as unusable. Iron was more difficult to find, and for this reason its working was a later discovery than that of copper.

The algorithm of the discovery is first the immediate observation of something in nature that is useful and second attempting by trial and error to imitate the natural processes by their

---

adduces the correct understanding by Merrill: "copper is often found pure, iron in the form of ore and therefore less accessible". Just how ironworking was invented is not explained, but left to Memmius as being easy to recognize by himself (1281–1282), which is however by no means obvious. For an attempt to solve this difficulty, see Solmsen 1970, who however leaves us with different variants of explanations of this difficulty (that Lucretius misunderstood his original, presumably Epicurus, or that the relevant chapters were missing in this original). I would tentatively suggest that in Lucretius's view (which is not correct from the modern point of view, of course) ironworking was invented in the same manner as the working of other metals (see 5. 1241), i.e., due to accidental fire and the melting of iron ore, but later because it occurs more rarely in pure form.

⁵¹ Obviously in combination with tin, i.e., as bronze; without tin, copper is as useless as silver and gold, see Smith 1992 ad loc.

own devises and using primitive tools. This is a Lucretius' standard way of explaining inventions: he tries to reduce to a minimum the role of inventiveness and of capacity to foreknow the skills and tools you are searching for—the first step is either a spontaneous, half-conscious reaction to some stimulus (like the first sounds of language, 5.1028, or primitive ways of fighting, 4.843–852) or very elementary observation (like that the warmth of the sun mellows earth's products in wild nature, suggesting the cooking of food, 5.1101–1104). The next, more complicated stages are already improvements on these elementary findings. This in turn corresponds entirely to Epicurus' teaching, which is known to us only in a succinct formulation and in his treatment of language as prime example: at the first stage of cultural progress, the main force of discoveries is human nature itself; reason plays a role only in the later stage and by improving original “natural discoveries” (*Ep. Hdt.* 75–76)⁵².

The tendency of Posidonius was just the opposite: he stressed in contrast the intellectual abilities of inventors, most of all their capacity to take notice of natural processes that were far from obvious and then to discover immediately the artificial tools to imitate these processes. Posidonius's algorithm of invention is known to us from the invention of producing bread: there was no observable analogy of grinding grains, kneading dough, and baking; the sages invented this having recognized how the teeth and stomach treat food in the organism (*Sen. Ep.* 90, 22)⁵³. Only on the surface

---

⁵² For the decisive impact of Epicurus' division of cultural development into two epochs, the “natural” and the “rational” epochs, on both the teaching and arrangement of *Lucretius*, 5. 1011–1457, see the seminal study Manuwald 1980. I tried to show (Verlinsky 1998) that diminishing human intellectual capacities in the first stage of development and stressing instead the role of accidents and elementary observations in inventions, which is typical of the Epicurean theory of origin of culture, can be traced back to Epicurus himself. I suppose that this emphasis on the triviality of inventions may have been rooted not only in his desire to remove the role of the gods as bringers of culture to humankind, but also in his resistance to the idea of extraordinarily wise *human* inventors.

⁵³ In my view, Cole 1967/1990: 19 with note 9 goes too far when contrasting the invention of a millstone and the cooking of grain as learning from experience, on the one hand (the heritage of Democritus, in his view, which is closer to Lucretius), and as the Aristotelian teleological idea of craft as complementation of nature, on the other. Both inventions are of

does this remind us of inventions by imitation, such as Lucretius uses. Posidonius has in view observations of a far less obvious character than those that Lucretius refers to, and the inventions in Posidonius are far more remote analogies, which demand more inventiveness in making artificial analogies to natural objects. This looks like putting intellect in first place, attributing to it the initial and primary role in the creation of civilization, in opposition to Epicurus's assigning a later and secondary role to it.

Epicurean tradition (presumably Epicurus himself) treated the evolution of making clothes as a gradual process (leaves and grass — skins — felted wool — plaited clothes — weaving and the invention of loom)⁵⁴. The first natural “clothes” are depicted as found spontaneously by natural impulses; using the skins of animals is a natural development from this. The further stages involve much more inventiveness and were probably assigned to the “rational” stage, but there are no traces of the account of how they really happened, because for the Epicurean approach only the initial invention is important; the later ones are simply attributed to improvements made by reason. Posidonius, in contrast, depicted only the invention of the loom, the final stage for Epicureans, and stressed its design. In contrast to Epicureans, he emphasized the difficulty of the invention and the indispensability of philosophical wisdom (Sen. *Ep.* 90.20).

Posidonius' treatment of the invention of metallurgy is to some extent in tune with his general strategy: Posidonius has mentioned the invention of copper and iron only, in contrast to his stories of inventing gold and silver mines in his *History*. The reason for this is that his sages are able to foresee the consequences of their inventions: whatever accidents of melting could occur, they bring to humankind only useful and morally irreproachable inventions. This seems to imply his polemics with the Epicureans, who likewise stressed the usefulness of copper in contrast to gold, but depicted the latter's inventors as incapable of foreseeing the dangerousness of

---

course based on observations, but the second is more difficult and involves knowledge of anatomy and physiology.

⁵⁴ See note 31 above.

gold in the future: Lucretius mentions briefly that later gold ascended and acquired the first position (5.1273–1275)⁵⁵.

Against the backdrop of Posidonius' intellectualism, it may on the other hand seem startling that, in the context of the development of culture, he used the story of the accidental fire and the resulting invention of metallurgy by proto-philosophers. Although Seneca does not cite this, it is quite certain that the holes filled with metal suggested to his sages the idea of casting metals, as in Lucretius, for otherwise the mention of natural melting of ores would be unexplained in the context of metallurgy. Moreover, as we have seen, Posidonius' standard explanation of some inventions was that a sage observes carefully and imitates natural processes. This concession to an explanation of his opponents is understandable, however. He regarded the accidental fire instead of regular processes as an exception, probably because the usual way of explanation did not work in this case — it is difficult to find a prototype of metalworking in normal conditions — and he had to introduce a specific event, but one that he regarded as quite corresponding to the laws of nature, as his use of it in the *History* shows. This is not a decisive reason, but it is more plausible that Posidonius used here the Epicurean theory with its stress on accidental factors than that, vice versa, Lucretius used Posidonius and transformed the latter's story so radically that it corresponded entirely to the Epicurean way of explanation.

But here we should ask: did he first use the idea of metals melted due to fire and flowing on the surface in his *History*, following an earlier story like the one we know from *De mirab. ausc.*, not claiming that this was the origin to metallurgy, because this art had already existed, or did he first use it in his account of the origin of civilization — and here his or Epicurus' priority does not matter. At first sight, there are reasons to prefer the first option, granted that in all probability there was an earlier version, like that of *De mirab. ausc.* But, as noted earlier, there is one element in all Posidonius' versions and in Lucretius's version that is lacking in *De mirab. ausc.*—the melted metals flowed on the *surface* of the earth, while in *De mirab. ausc.* they remained deep under the earth and

---

⁵⁵ Bruno 2020: 378 supposes the Hesiodic origin of the idea of arms and tools from gold and silver, but Hesiod associates only the copper and iron ages with the use of corresponding metals.

were found due to an earthquake. It is tempting to think that the idea of metals that flowed on the surface of the earth appeared just because that was relevant for prehistory, for the invention of metallurgy due to holes filled with melted ore, i.e., for that etiology that we know only from Lucretius' version, but that should have been present in Posidonius, too, as I have argued. Only if the pieces of metal appeared on the earth and were found in holes could the molds and casting in them be invented. Granted that Posidonius' *History* was his late and probably incomplete work, it is quite possible that he first used the version with the surface and holes in his theory of the origin of civilization in the *Protrepticus* and later, when he had met the story of the beginning of Spanish mines in some earlier author and wrote the *History*, he "corrected" it and added the elements of the story that were relevant for the origin of metallurgy in the *Protrepticus*, but were less important for the Spanish context. This does not solve the issue of priority between Epicurus and Posidonius in the question of finding these specific elements, but it may show that Posidonius' use of the earlier historical source on Spanish mines is compatible with his use also of another, modified version of the story produced by Epicurus, who had earlier used the same historical source.

The remains of Posidonius' treatment of metallurgy are very scarce. Nevertheless, this treatment has some similarities with Lucretius', apart from the etiology of discovery itself. There is an evident resemblance of their respective contexts: as T. Cole rightly pointed out, both Lucretius and Posidonius depict the immediate result of this discovery — the creation of metal tools and their role in the development of farming and weaving⁵⁶.

It is also possible, although not certain, that there is a further similarity. It is crucial for Lucretius' explanation that the accidental fire took part in the wooden mountains: the fire would have to be very intense to make the veins in the depths of the earth flow with metal ore. He lists a number of accidents that might have caused such a fire, among them hunting with pits and fire (notice that pits are relevant, since melted metals congeal in hollows). It is possible that Seneca refers critically to hunting just before the invention of

---

⁵⁶ Compare *Lucr.* 5. 1262–1268 and *Sen. Ep.* 90. 11 (invention of tools); *Lucr.* 5. 1289 with 1365–1370 and *Sen. Ep.* 90. 21 (farming); *Lucr.* 5. 1350–1354 and *Sen. Ep.* 90. 20 (weaving); see Cole 1967/1990:17.

metallurgy for the same reason — because it figured in Posidonius as one of the possible sources of the resulting forest fire and the melting of metal ore⁵⁷. And there is one more significant detail: the developed art of working wood with metal tools that Seneca treats as one of the symptoms of moral decadence (90.9), although is not ascribed explicitly to Posidonius, has a very similar counterpart in Lucr. 5. 1266–1268.

There is one further relevant subject in Posidonius that is related to the invention of metallurgy. According to Seneca, he discussed which was historically prior, *malleus*, hammer, or *forcipes*, smith tongs:

---

⁵⁷ At first glance, Seneca's critical reference to hunting that precedes the discovery of mining (*Ep.* 90. 12) does not belong to Posidonius, since Seneca does not discuss his real, but his hypothetical statement and garbles it with Virgil's verses (*Georg.* 1. 139 f.): *isto enim modo dicat (P.) licet sapientes fuisse, per quos "tunc laqueis captare feras et fallere visco inventum et magnos canibus circumdare saltum.* However, it would be awkward to speak of hunting immediately after the discovery of the tools of the smith and before the discovery of mining, if there were no connection of hunting with both in Posidonius' narrative. It is possible that Seneca substituted Posidonius' exact words on hunting with his own statement in the form of Virgil's citation. This substitution can be explained, as well as in the other cases, apart from ornamental purposes, by Seneca's strategy of arguing against Posidonius; in a given case, he substitutes the tools discussed by Posidonius with those that are morally more suspicious, which he easily associates with decadence and thus proves that they could not be invented by sages. *Laquei* and *viscus*, as well as dogs, to be sure, have nothing to do with metals, but these hunting tools come from Virgil, not Posidonius. It is possible that Posidonius described the invention of hunting after the invention of the smith's instruments, for instance the invention of nets, since the tools fabricated by a smith are essential for making nets (nets were mentioned in the *Georgics*, too, but only as serving for fishing). The transition from hunting to the discovery of mining might thus be similar to Lucretius' idea. He mentioned both the primitive stage of hunting with fire and the advanced one (5. 1250 f.; in Lucretius, the advanced stage with nets and dogs presupposes the development of weaving and thus the discovery of metals and the domestication of animals). In all probability, Posidonius did not mention hunting with fire as a primitive method, but he could mention hunting with nets before the fire that led to the invention of melting in polemics with Epicurus: Posidonius possibly believed that cold metalworking and the invention of nets came first, and only after that came the accidental fire and the invention of melting and metal forms.

Ne illa quidem tam subtilis mihi quaestio videtur quam Posidonio, utrum malleus in usu esse prius an forcipes coeperint. Utraque invenit aliquis excitati ingenii, acuti, non magni nec elati, et quidquid aliud corpore incurvato et animo humum spectante quaerendum est.

This sentence immediately follows Seneca's citation of Posidonius' explanation how mining was invented. Taken together they show that Posidonius was not only interested in inventions in the field of metallurgy, but also tried to build a historical sequence of these inventions, and for this reason analyzed their inner logic. Lucretius also depicts this sequence and inner connection of discoveries, and this seems to be another peculiar feature common to both accounts in contrast to the remnants of literature on inventions that show no interest even in their sequence, a fortiori no interest in interconnections between them⁵⁸.

This similarity of approach suggests by itself that the two accounts did not appear independently of each other. But I suppose that there is an even closer relation between them. The question of the priority of the hammer or the smithing tongs discussed by Posidonius is surprising; both instruments together are the necessary part of a smith's equipment and are so depicted in literature beginning with Homer, where they are, in Greek, σφυρά and πυράγρα (*Il.* 18. 477; *Od.* 3. 434). The prevailing part of metalwork, namely working it in a heated and softened form, is necessarily accomplished by hammer and tongs (the latter hold the worked piece of metal and/or turn it)⁵⁹. The piece from the *Catalogue of the First Inventors* ascribes both inventions to a certain Cinyra from Cyprus, who invented also other implements of metalwork, together

---

⁵⁸ It would be rash, of course, to draw inferences from late, curtailed, and simplified catalogues, like that of Pliny, on account of the earlier literature of this kind; but notice that his part of the catalogue of inventions of metallic work (7. 197–198), which certainly goes back to good Peripatetic tradition (on sources, see Kremmer 1890: 97–106), attests that the primary interest was to maintain the countries that contributed to the inventions; it is unlikely that such literature could pay attention to the circumstances and psychology of individual inventions, as is typical for Lucretius and in this case for Posidonius.

⁵⁹ Blümner 1887: 289 f. points out that another function of tongs is to bend the heated piece of metal in order to give it a necessary form.

with roof tile⁶⁰. The problem that worried Posidonius and that he said needed a subtle discussion thus seems to be entirely far-fetched.

Nevertheless, it is possible to explain how this difficulty arose. There are three possible ways of metalworking: working metals in a cold state (soft ones, like gold, silver, and copper) with only a hammer; the middle way, working heated and softened metal; and melting metal and casting it in a mold. If you work cold metal you need a hammer, but not tongs⁶¹. Tongs are necessary when working heated metal or metal that has been cast in a mold and after that worked in a warm state with a hammer, as *Lucr.* 5. 1264 f. depicts. Thus the question Posidonius discussed could be the priority of cold or warm working. It is easy to suppose that cold working came first, i.e., that the hammer appeared earlier than tongs, and this probably corresponds to the real historical sequence of inventions, as the scholars think⁶². But it is difficult to see what another horn of this dilemma could mean — how it was possible to suggest that tongs were prior, granted that tongs cannot be used without the hammer?

This, however, would be understandable, if this second alternative was not the proposal Posidonius considered, but rather the inference he drew from someone's account of the stages of metallurgy. Now it is remarkable that Lucretius, who does not mention tongs in his account of the development of metalwork, depicts the historical sequence of inventions that involves the difficulty on which Posidonius could put his finger. Remember that according to Lucretius, before the invention of melting, the metals were not known at all; the melting that was discovered due to an

---

⁶⁰ *Plin. NH* 7. 195: *tegulas invenit Cinyra, Agriopae filius, et metalla aeris, utrumque in insula Cypro, item forcipem, martulum, vectem, incidem.*

⁶¹ The products of such working were called *σφυρήλατοι*, *ψυχρήλατοι*, etc., see Blümner 1887: 241 f.

⁶² Forbes 1964: 134: "Sometimes metals were used in their native state, but this practically limits their application to ornamental uses. In the overwhelming majority of cases the metal is worked by some process, the earliest group of processes being those of mechanical working and heat treatment. Heat treatment processes include simple heating (for instance before hammering), glowing, case-hardening (cementation or carburisation, so important in iron technology...), hardening, tempering or annealing (used especially in the case of copper and iron) and quenching (so important for the preparation of steel). Subjecting a metal to such an amount of heat that it melts, is the first step in the important process of casting."

accidental event was thus historically the earliest stage; then came working the heated metal with a hammer, probably again due to an accident and only because a hammer could be created by instruments with sharp and thin parts. Lucretius does not mention tongs among these instruments, but Posidonius could easily see the difficulties of such an account: these fine instruments could be produced from heated metal only with the help of tongs, but how it was possible, if in order to produce tongs themselves you need to already have tongs beforehand?

Lucretius' account might encounter also another difficulty, according to Posidonius: if melting is the earliest form of metalworking, how was it possible for the first inventor of the following stage, the working of heated metal, to extract the pig metal, still hot, from its form, without tongs, provided that the latter could not exist before working with a hammer was possible?

Thus, although Lucretius did not state (and probably no one else did, either) that tongs appeared earlier than the hammer, an account like his could provide fuel for polemics — if working heated metal was only an accidental discovery, the result of its natural melting, how was it possible to simultaneously find the complicated instrument, tongs, that are indispensable for this work? Although objections like these refer only to a probability, of course, it appears certain that in an account like Lucretius', that of Epicurus, his source, could presumably be the target of such polemics. On the contrary, it is quite incredible that, if he used Posidonius' account, Lucretius could ignore the difficulties Posidonius put his finger on.

What was Posidonius' own solution to this dilemma of the priority of *malleus* or *forcipes*? We don't know for certain, but it is quite possible that the invention of *ferramenta fabrilis* (90. 11) Seneca cites before the discovery of melting by fire was for Posidonius the earlier stage of working metals, unlike Lucretius' stance that working metal with a *malleus* is the next stage after casting melted metal. Posidonius thus gave priority to the *malleus*, that is to the cold working of metals.

To summarize, the relation of texts on spontaneous fire and the melting of metals thus appears quite complicated. First was probably a short but impressive version referring to fire in the Spanish mountains, which laid the foundations for mining gold and silver there in the 4th century BC (such a version could belong to the historical work of Timaeus of Tauromenium, or alternatively, to

some treatise by Theophrastus, perhaps *On Metals*). This version was used by Epicurus and adapted to the theory of the origins of culture, in his *On Nature*, Book XII; Epicurus transformed it in the etiology of the invention of metallurgy; Lucretius later used Epicurus' treatment of this invention in his Book V. On the other hand, Posidonius used, criticized, and adapted Epicurus' version in his account of the origin of culture, probably in his *Protrepticus*. He was also acquainted (I suppose, later) with the earlier version with fire and the invention of mines in Spain, the same story that Epicurus knew, used it in his *History*, and added to it one significant element of Epicurus' theory, the flowing of metals on the surface of earth, a component he previously used in his own theory of the origin of culture.*

Bibliography

- Bailey, C. 1947: *T. Lucreti Cari De Rerum Natura Libri Sex* (3 vols). Oxford: Clarendon Press.
- Bakker, F. 2016: *Epicurean Meteorology — Sources, Method, Scope and Organization*. Philosophia Antiqua 142. Leiden: Brill.
- Baron, C. A. 2013: *Timaeus of Tauromenium and Hellenistic Historiography*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blümner, H. 1887: *Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern*. Vol. 4. Leipzig: Teubner.
- Bruno N. 2020: *L'origine della violenza e della paura. Commento a Lucrezio, De rerum natura 5, 1105–1349*. Studia Classica et Mediaevalia 29. Nordhausen: Bautz.
- Cole, T. 1967/1990: *Democritus and the Sources of Greek Anthropology*. 2nd ed. [=1967, with a postscript]. Atlanta, Georgia: Scholars Press.
- Daiber, H. 1992: The Meteorology of Theophrastus in Syriac and Arabic Translation. In: Fortenbaugh W. W., Gutas D. (eds.) *Theophrastus: His Psychological, Doxographical and Scientific Writings*. Rutgers University Studies in Classical Humanities 5. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 166–193.

---

* This paper is a modest tribute to my friend per litteras over the course of more than thirty years, an outstanding scholar of Lucretius and Diogenes of Oinoanda, Martin Smith, a dweller of Foula (Shetland Islands). His Loeb Lucretius, one of the best volumes of this series, he sent me as a gift in 1993, is my desk book since then. All his pioneering editions of Diogenes' fragments were also eagerly used in my scholarly work. To his heart no less than to his scholarly acumen, I warmly dedicate this contribution. I'm grateful to Mitch Cohen (Berlin) for quick and effective linguistic corrections.

- Daiber, H. 2021: *From the Greeks to the Arabs and Beyond*. Volume 1: *Graeco-Syriaca and Arabica*. Berlin. De Gruyter.
- De Lacy P. H. 1948: Lucretius and the History of Epicureanism. *TAPA* 79, 12–23.
- Diels H. 1921/1964: Lukrez-Studien IV. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*. 1921, I. S.237–244, repr. in Diels H. *Kleine Schriften*. Hildesheim: Olms, 1964, 357–64 (cited according to the latter edition).
- Dominguez, A. J. 2004: Spain and France (Including Corsica), in Hansen M. H., Nielsen T. H. (eds.) *Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford: Oxford University Press, 157–171.
- Dominguez, A. J. 2006: Greeks in the Iberian Peninsula. In: Tsetskhladze G. R. (ed.) *Greek Colonisation 1*. Leiden - Boston: Brill, 429–506.
- Edelstein, L., Kidd, I. G. 1989: *Posidonius*. Vol. I. *The Fragments*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ernout, A., Robin, L. 1928: *Lucrèce. De rerum natura: commentaire exégétique et critique*, T. 3. Paris. Les Belles Lettres.
- Flashar H. 1990: [Aristoteles], *Mirabilia*. In: *Aristoteles, Werke*. Bd. 18: *Opuscula*, Tl. II–III. 3. Aufl. Berlin: Akademie Verlag.
- Forbes, R. J. 1964: *Studies in Ancient Technology*. Vol. 8. Leiden: Brill.
- Geffcken, J. 1892: *Timaios' Geographie des Westens*. Philologische Untersuchungen 13. Berlin: Weidmann.
- Gerhäuser W. 1912: *Der Protrepitkos des Poseidonios*. Diss. Munich.
- Giussani, C. 1901: *T. Lucreti Cari Libri sex, revisione del testo, commento e studi introduttivi*. Vol. 4. Torino: Loescher.
- Hahn, D. E. 1989: Posidonius' theory of historical causation. *ANRW* II.36. 3, 1325 – 1363.
- Hall, J. J. 2024: *The Meteorology of Posidonius*. London; New York: Routledge.
- Jacoby, F. 1926: *Fragmente der griechischen Historiker [FGrH]*. Tl. II A. Leiden: Brill, 1986=1926.
- Kidd, I. G. 1988: *Posidonius*. Vol. II. *The Commentary*. Pts. 1–2. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kidd, I. G. 1999: *Posidonius*. Vol. III. *The Translation of the Fragments*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kidd, I. G. 1992: Theophrastus' *Meteorology*, Aristotle and Posidonius. In: Fortenbaugh W. W., Gutas D. (eds.) *Theophrastus: his Psychological, Doxographical and Scientific Writings*. Rutgers University Studies in Classical Humanities 5. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 294–306.
- Knaack, G. 1881: Studien zu Hygin. *Hermes* 16, 585–601.
- Kremmer, M. 1890: *De catalogis heurematon*. Diss. Leipzig.
- Lück, W. 1932: *Die Quellenfrage im 5. und 6. Buch des Lukrez*. Diss. Breslau.
- Malitz, J. 1983: *Die Historien des Poseidonios*. *Zetemata* 79. Munich: Beck.

- Mansfeld, J. 1992: Theophrastean Excursus on God and Nature and its Aftermath in Hellenistic Thought. *Phronesis* 37, 314–335.
- Mansfeld, J. 1994/2011: Epicurus Peripateticus. In: A. Alberti (ed.) *Realtà e ragione. Studi di filosofia antica*. Florence: Olschki, 1994, 28–47, repr. in Mansfeld J., Runia D., *Aëtiana* III, *Philosophia Antiqua* 118. Leiden: Brill, 2011, 237–254 (cited according to the latter edition).
- Mansfeld, J., Runia, D. 2020: *Aëtiana V: An Edition of the Reconstructed Text of the Placita* (4 vols.). *Philosophia Antiqua* 153. Leiden: Brill.
- Manuwald, B. 1980: *Der Aufbau der lukrezischen Kulturentstehungslehre*, Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Abh. der geistes- und sozialwiss. Klasse, Jhrg. 1980, 3. Mainz; Wiesbaden: Akademie der Wissenschaften und der Literatur; Franz Steiner Verlag.
- Pajón Leyra, I. 2024: Islands and their marvels as structural principle in the so-called historiographical section of the *De mirabilibus auscultationibus*. In: Schorn S., Mayhew R. (eds.) *Historiography and Mythography in the Aristotelian Mirabilia*. Rutgers University Studies in Classical Humanities 22. London; New York: Routledge, 10–31.
- Reitzenstein, E. 1924: *Theophrast bei Epikur und Lukrez*. Orient und Antike 2. Heidelberg: Winter.
- Reitzenstein, E. 1933: Rez: W. Lück, Die Quellenfrage im 5. und 6. Buch des Lukrez. *Gnomon* 9, 542–549.
- Runia, D. 2018: Epicurus and the Placita. In: Mansfeld J., Runia D. (eds.), *Aëtiana IV: Papers of the Melbourne Colloquium on Ancient Doxography*. *Philosophia Antiqua* 148. Leiden: Brill, 377–432.
- Rusch, P. 1882: *De Posidonio Lucretii cari auctore in carmine De Rerum Natura* VI. Diss. Greifswald.
- Schorn, S. 2024: Timaeus in pseudo-Aristotle's *De mirabilibus auscultationibus*. In: Schorn S., Mayhew R. (eds.) *Historiography and Mythography in the Aristotelian Mirabilia*. Rutgers University Studies in Classical Humanities 22. London; New York: Routledge.
- Schorn, S., Mayhew, R. 2024: Introduction: Pseudo-Aristotle's *De mirabilibus auscultationibus* and historiography. In: Schorn S., Mayhew R. (eds.) *Historiography and Mythography in the Aristotelian Mirabilia*. Rutgers University Studies in Classical Humanities 22. London; New York: Routledge, 1–9.
- Schrijvers, P. 1999: *Lucrece et les sciences de la vie*. Leiden: Brill.
- Schühlein, F. 1886: *Studien zu Posidonios*. Program. Freising.
- Sedley, D. 1998: *Lucretius and Greek Wisdom*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Smith, M. F. 1992: *Lucretius, De Rerum Natura*, with an English Translation by W. H. D. Rouse. Revised with New Text, Introduction, Notes and Index by M. F. Smith. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press.

- Smith, M. F. 1993: *Diogenes of Oinoanda, The Epicurean Inscription*. Edited with Introduction, Translation, and Notes. Naples: Bibliopolis.
- Solmsen, F. 1970: A Peculiar Omission in Lucretius' Account of Human Civilization. *Philologus* 114, 256–261.
- Spoerri, W. 1959: *Späthellenistische Berichte über Welt, Kultur und Götter*. Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft 9. Basel: Reinhardt.
- Steinmetz, P., Wagner, E. 1964: *Der syrische Auszug der Meteorologie des Theophrast*; hrsg. E. Wagner, eingeleitet und erklärt P. Steinmetz. Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Abh. der geistes- und sozialwiss. Klasse, Jhrg. 1964, 1. Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur.
- Strohm, H. 1937: Zur Meteorologie des Theophrast. *Philologus* 92, 249–268; 403–428.
- Theiler, W. 1982: *Poseidonios, Die Fragmente*. Bd. 1–2. Berlin; New York: De Gruyter.
- Tsouna, V. 2023: The Method of Multiple Explanations Revisited, in Masi F., Morel P.-M., Verde F. (eds.) *Epicureanism and Scientific Debates: Antiquity and Late Reception* 1. Leuven: Leuven University Press, 221–256.
- Vanotti, G. 2007: *Aristotele. Racconti meravigliosi. Testo greco a fronte. Introduzione, traduzione, note e apparti*. Milano: Bompiani.
- Verde, F., 2022 a: *Peripatetic Philosophy in Context: Knowledge, Time, and Soul from Theophrastus to Cratippus*. Berlin: De Gruyter.
- Verde, F., 2022 b: *Epicuro, Epistola a Pitocle*. Diotima 7. Baden-Baden: Academia.
- Verlinsky, A. 1998: [Epicurean tradition against 'the first inventors' (Lucr. V, 1041–1055; Diog. Oen. fr. 12 Smith; Sext. Emp. Adv. math. IX, 30–33)]. Верлинский А. Л. Эпикурейская традиция против «первых изобретателей» (Lucr. V, 1041–1055; Diog. Oen. fr. 12 Smith; Sext. Emp. Adv. math. IX, 30–33). *Hyperboreus* 4, 302–39.
- Verlinsky, A. 2019: Posidonius' Linguistic Naturalism and Its Philosophical Pedigree. In: Pezzini G., Taylor B. (eds.) *Language and Nature in the Classical Roman World*. Cambridge: Cambridge University Press, 15–45.
- Wilson, M. 2024: The Lives of Metals in Theophrastus and *De mirabilibus auscultationibus*. In: Zucker A., Mayhew R., Hellmann O. (eds.) *The Aristotelian Mirabilia and Early Peripatetic Natural Science*. Rutgers Studies in Classical Humanities 23. London; New York: Routledge, 139–167.
- Zago, G. 2012: *Sapienza filosofica e cultura materiale: Posidonio e le altre fonti dell'Epistola 90 di Seneca*. Bologna: Il Mulino.

Е. А. Власова
Российская национальная библиотека / СПбИК,
Санкт-Петербург, Россия. kealis@gmail.com

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУБРИК В «КНИГЕ ЧАСОВ» XIV ВЕКА Holl. O. v. I 10 ИЗ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Средневековые практики чтения давно стали предметом особого внимания широкого круга медиевистов. Особый характер чтения религиозных средневековых текстов исследуется в статье на материале часовника средненидерландского происхождения, хранящегося в Российской национальной библиотеке под шифром Holl. O. v. I 10. В результате нашего анализа делается вывод об особом темпе и ритме, устанавливаемых в религиозном тексте с помощью рубрик. Практика медитативного чтения часовника подразумевала, с одной стороны, создание особого настроения читателя с помощью как внешней композиции часовника — расположения молитв по часам, так и внутренней организации молитвенных текстов, отмеченной рубриками. В результате анализа делается вывод о замедленном темпе чтения, создаваемом с помощью развёрнутых пояснений — рубрик к молитвенным текстам внутри часовника, а также о функционировании рубрик в качестве оглавления всего молитвенного сборника.

Ключевые слова: рукопись, книга часов, средненидерландский, рубрика.

Е. А. Vlasova
Russian National Library / SPbIC, St. Petersburg, Russia.
kealis@gmail.com

The functions of rubrics in the fourteenth-century book of hours Holl. O. v. I 10 of the National Library of Russia

Medieval reading practices have long been the subject of special scholarly attention. In the article, the peculiar manner of reading religious medieval texts is investigated based on the material of the Middle Dutch book of hours kept in the Russian National Library under the shelf mark Holl. O. v. I 10. A conclusion is drawn about the way special tempo and rhythm are organized in the religious text by means of rubrics. The practice of meditative reading of the book of hours implied creating a special mood of the reader. It was achieved, on the one hand, with the help of the composition of the manuscript as a whole, i.e. the arrangement of prayers according to the hours, and, on the other hand, by the internal organization

of prayer texts, subdivided by means of rubrics. Thus, the structuring occurs both at the micro level, i.e. at the level of the prayer text, and at the macro level, i.e. at the level of the entire prayer book, since expanded rubrics indicating prayers perform the function of a missing table of contents, and, while looking through the headings, the reader gets a right impression about the content of the entire prayers.

Keywords: manuscript, book of hours, Middle Dutch, rubrics.

Среди всего многообразия текстов и жанров, обслуживающих сферу средневековой религиозной набожности, прежде всего заслуживает внимание молитва (см.: Meier / Möhn 2004; Lentes 2006; Kohnen 2010; Бондарко 2011). Католические молитвы на новых национальных языках позднесредневековой Европы, создававшиеся для личного использования за пределами литургии в широких кругах не только лиц духовного звания, но и мирян, получили распространение в связи с общим ростом грамотности и расширением читательской аудитории в XIV и XV веках. Молитвенный жанр был представлен многими разновидностями (гимны, псалмы, литании, коллекты и др.). Молитвы могли быть обращены к Богу-Отцу, Святому Духу, Иисусу Христу, Деве Марии, а также различным святым. Они переписывались и объединялись в рукописные книги вместе с псалмами и выдержками из Евангелия.

Стилистико-риторический аспект авторских молитв (*Dichtergebet*), в частности, затрагивает в своей работе Э. К. Лутц (Lutz 1984). Анализируя жанр средневерхненемецкой молитвы — преимущественно, молитвы, предваряющей стихотворные романы Вольфрама и Рудольфа фон Эмса (*Eingangsgebet*), — Лутц дает небольшой экскурс в историю бытования молитвенного жанра. Учитывая комплексный характер влияния риторической, стиховедческой, литературной и теологической традиций, Лутц приходит к выводу о том, что риторика молитвы возникла на основе специфического средневекового восприятия античной риторики и позднеантичной христианской поэзии (Lutz 1984: 104). Ярчайшее воплощение риторики молитвы нашла в трактате «*Rhetorica divina*» (ок. 1240 г.) Вильгельма Овернского (*Guillaume d'Auvergne*) (Lutz 1984: 118).

В настоящей статье рассматривается особая практика медитативного чтения средненидерландского часовника, устанавливаемая рубриками. В качестве материала используется сравнительно небольшой часовник *Holl.O. v. I 10* (всего 137 листов) средненидерландского происхождения (Vlasova 2014; 2017), выполненный на пергамене. Согласно описанию из монографии Л. И.

Кисилевой «Книги часов», рукопись Holl.O. v. I 10 относится к XIV в. (Kisileva 2005: 207).¹

Как известно, самая читаемая книга на средненидерландском языке в средневековых Нидерландах появилась в 1383 г.: это был часовник, переведенный на национальный язык сподвижником *Devotio Moderna*² Геертом Гроте³. Состав молитвенников отличался от состава часовников тем, что в последние часто включались литургические календари. Часовники получили своё название по малой службе Девы Марии, молитвы к которой были расписаны по каноническим часам дня. Особенностью «книг часов» или *Liber Horarum*, к которым относится Holl.O. v. I 10, является наличие календаря с л. 1–12. Залогом популярности часовников в средневековой Европе было то, что содержание молитв, как указывает Л. И. Кисилева, не зависело от литургического цикла (Kisileva 2005: 205–207). «Книги часов» никогда не использовались в церковной службе, так как «книги часов» создавались для верующих мирян, и состав молитвенника регулировался самим заказчиком (Kisileva 2005: 205–207). Локализация часовников может осуществляться по составу местных святых, включаемых в календарь согласно пожеланиям заказчика. Так, в часовнике Holl.O. v. I 10 на страницах календаря упоминается фландрский святой Брабанта Лебуин, а также нидерландские святые *Wilboerde, Ludger, Odulf, Adelbert*.

Следует отметить, что для молитвенников не характерно наличие часов, в которые следует читать ту или иную молитву. В исследуемом часовнике присутствуют обычные для молитвенных книг рубрики, содержащие разъяснения о содержании молитвы и о том, как следует её читать. Представляется вполне очевидным мнение П. Сенгера, согласно которому рубрики были предназначены для облегчения процесса чтения рукописного текста (Saenger 1997: 123). Более того, как показал Т. Лентес, рубрики в составе молитвенного текста задавали определённый темп и ритм для чтения (Lentes 2006: 88). Таким образом, красные чернила, используемые для выделения рубрик, могли применяться для выделения того или иного фрагмента в составе молитвы.

---

¹ См. подробное описание рукописи с указанием молитв: Kisileva 2005: 205–207.

² Герт Гроте (Geert Groote 1340–1384) — основатель севернонидерландского аскетического движения «Нового благочестия» (ему принадлежит трактат «*De Moderne Devotie*») и связанных с ним «Виндсхеймской конгрегации» и «Братьев общей жизни» (*Broeders de gemenen Levens*).

³ Реформаторское аскетическое движение «Новое благочестие» («*Devotio moderna*») было создано в последнюю четверть XIV в.

Практика медитативного чтения часовника подразумевала, с одной стороны, создания особого настроения читателя как с помощью внешней композиции — расположения молитв по часам, — так и внутренней организации молитвенных текстов, отмеченной рубриками⁴.

Особое внимание рубрикам уделяет М. Г. Логутова в общем контексте средневековой религиозной книжности накануне Реформации (Logutova 2017). Логутова определяет рубрики как «выписанные красными чернилами пояснения, как следует читать ту или иную молитву» (Logutova 2017: 53) и делает вывод о том, что рубрики структурируют текст молитвы (Там же: 53; ср. Feulner 2022; Palmer 1984). Э. Хельгардт рассматривает рубрики в немецких молитвенных текстах с точки зрения их функционирования в качестве сопроводительных указаний (Gebetsanweisung) о чтении Псалтири в латинских и немецких рукописях и печатных изданиях, начиная с XII в. (Hellgardt 1991).

Рассматривая рубрики на конкретных примерах из часовника Holl. O. v. I 10, можно выделить следующие признаки:

1) цвет: разметка текста красными или синими чернилами. Выбор того или иного цвета, как показал анализ, не несёт никакой смысловой нагрузки — так, **Glorie** «слава» в конце молитвы может быть выделено как синим, так и красным цветом. При этом красный цвет преобладает над синим;

2) место рубрики в тексте. Так, выделяться могут заглавные буквы в начале или в конце молитвы или фразового единства:

а) начало: **Worten** he gier («слова, который он прокричал») (42r);

б) конец: **Gloria** die anderede («Слава», [далее] следующее») (42r);

в) начало и конец в одном предложении: **here** hoer myn ghebet en[de] myn goepen come tuth [ozems] **collect** («Господи, услышь мою молитву и мой зов, снизойди до нашей коллекты!») (41r). Коллектой называлась молитва, которую необходимо было дополнительно произнести после прочтения фрагмента;

3) язык: рубрики могут быть написаны, как на языке часовника (средненидерландском), так и на латинском — например, **Benedictus** deus (39r) («Благословен Господь!») или **Laudate** pueri («Хвалите, рабы [Господни]!») (59r).

4) длина фразы: рубрики делятся на краткие указания о прочтении той или иной молитвы-коллекты, **Salve regina** (71r) или краткое «стишка» («верзикля») (49r) — и на развёрнутые пояснения, предвещающие молитву.

С точки зрения организации структуры молитвы внутри часовника и практики медитативного чтения, наибольший интерес

⁴ О медитативном характере чтения молитвы в контексте средневекового благочестия см., например: Rau, Scheel 2015: 267–29.

представляют собой развёрнутые описания, встречающиеся ближе к концу рукописного сборника молитвенных и религиозных текстов — с л. 100. Иногда эти описания включают лишь название молитвы, которую предстоит прочесть: *die dertien groten van onser liever vrouwen aue mar[iae]* (122v) «тринадцать радостей нашей любимой девы Аве Марии». Реже описание включает оценочную характеристику: *een got ghebet* («одна хорошая молитва» (113r). Особый интерес представляет собой в рамках организации чтения молитв и молитвенника рубрики, отделяющие фрагменты молитвы к частям тела Христа с л. 103r по 109v. Так, каждая часть тела названа отдельно:

а) *nu[n] sprec to den rechteren voet: vader toe comme ons dyn gus* (108 r) («Теперь обратись к правой ноге: Отче, да, придет к нам царствие твое!»).

б) *nu[n] sprec to der luster hant: vader dynn wil ghesae* (106r) («Теперь обратись к левой руке: отец, да свершится воля твоя!»);

в) *nun sprec to der rechter hant: vader onse daghelice broet ghif ons hude* («Теперь обратись к правой руке: Отче, хлеб наш ежедневный дай нам сегодня» (108r).

Такая дискретность, нацеленность на определённую часть тела при перечислении замедляет ритм чтения и, как справедливо отмечает Т. Лентес, создаёт особый, замедленный темп молитвенного чтения (Lentes 2006: 88). Структурирование письменного и устного (т. е. подлежащего прочтению вслух) текста происходит как на уровне отдельной молитвы, так и на уровне всей молитвенной книги. Развёрнутые рубрики с указанием названий молитв выполняют функцию отсутствующего оглавления и предоставляют информацию о содержании всего сборника.

Литература

- Bondarko N. A. 2011: *Interaction of oral and written traditions in German meditative prayers of the XIII–XIV centuries*. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Colloquia classica et indo-germanica*, VI. Vol. VII. Part 1. St. Petersburg.
- Feulner, H. J. 2022: Zur Bedeutung von Rubriken in liturgischen Büchern. *Heiliger Dienst*. T. 76. №. 3, 231–233.
- Henkel, N., Palmer N. 1992: Latein und Volkssprache im deutschen Mittelalter. 1100–1500. Zum Rahmenthema des Regensburger Colloquiums: Ein Forschungsbericht. *Latein und Volkssprache im deutschen Mittelalter, 1100–1500: Regensburger Colloquium 1988*. — ed. N. Henkel, N. Palmer.
- Kisileva L. I. 2008: *Western European "books of clocks" in the libraries of St. Petersburg (description of manuscripts of the XIV–XVI centuries)*. St. Petersburg.
- Kohnen, Th. 2010: Religious discourse [Text] / Th. Kohnen. *Historical Pragmatics* / eds. Andreas H. Jucker, Irma Taavitsainen. Mouton de Gruyter. Berlin, 524–542.
- Lentes, Th. 2006: Prayer books [Text] / Th. Lentes. *Transforming the Medieval world: uses of pragmatic literacy in the Middle Ages*. Brepols publ. 239–258.

- Logutova, M. 2017: [Late Medieval German Prayer Books: Religious Consciousness of the Turn of the 14–15th Centuries] In: *Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego Novogo vremeni*, [Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture]. 2017. Vol. 3 (2), 51–74.
- Логутова, М. Г. 2017: Роль позднесредневековой молитвы в подготовке восприятия идей Реформации (по немецкоязычным рукописным молитвенникам Российской национальной библиотеки). *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени*, (3 (2)), 51–74.
- Meier, J., Möhn, D. 2000: Die Textsorten des Mittelniederdeutschen [Text] / J. Meier / D. Möhn // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2., vollständig neu bearb. und erweitert. Aufl. / hg. von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, St. Sonderegger. — Teilbd. 4. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1470–1477. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2).
- MHW — Mittelniederdeutsches Handwörterbuch / Begr. von A. Lasch u. C. Borchling, fortgef. v. G. Cordes u. A. Hübner. Hrsg. von D. Möhn. Bd. 1–2, 3 (1. Lieferung). Neumünster, 1956–2004.
- Palmer, N. 1984: Zum Nebeneinander von Volkssprache und Latein in spätmittelalterlichen Texten [Text] / N. Palmer. Literatur und Laienbildung im Spätmittelalter und in der Reformationszeit. Symposium. Wolfenbüttel 1981. — hrsg. von L. Grenzmann und K. Stackmann. Stuttgart, 579–600.
- Rau A., Scheel J. 2015: Meditation und Gebet: Affektsteuerung und Imagination durch Wort und Bild in der mittelalterlichen Devotionspraxis. *Theologisches Wissen und die Kunst*, 267–290.
- Saenger, P. 1997: Space between words: the origins of silent reading [Text] / P. Saenger. — Palo Alto, Stanford University Press: 1997. 480 p.
- Vlasova E. 2014: [Features of Middle Dutch and Middle Low German vocalism in prayer books of the XV—XVI centuries]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Colloquia classica et indo-germanica, VI*, [in memory of Leonard Georgievich Herzenberg] pamjati Leonarda Georgievicha Gercenberga 10 (1), 452–463.
- Власова Е. А. Особенности средненидерландского и средненижне-немецкого вокализма в молитвенных книгах XV–XVI вв. *Colloquia classica et indo-germanica, VI, памяти Леонарда Георгиевича Герценберга* / отв. ред. Н. А. Бондарко, Н. Н. Казанский, Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 452–463. (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН; Т. X, Ч. 1).
- Vlasova, E. A. 2017: [Lexical peculiarities of the Devotio Moderna language on the material of handwritten prayer books] In: Problemi jazyka [Language problems], 18–28.
- Власова, Е. А. 2017: Лексические особенности языка «Нового благочестия» на материале рукописных молитвенников из РНБ. *Проблемы языка*, 18–28.

А. В. Волошина

Московский государственный лингвистический университет. Москва, Россия.
Shine-Alla@yandex.ru

ПРИЕМ МЕТАТЕЗЫ В СОЧИНЕНИИ ДИОНИСИЯ ГАЛИКАРНАССКОГО «О ФУКИДИДЕ»

В статье рассматриваются метатезы из сочинения Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде» (D.H. Th. 25, 29, 30, 31). Задача работы — обратить внимание на особенности использования метатезы, а также показать, для чего она необходима античному филологу и критику. Проведенный анализ показывает связь этого приема с важной для Дионисия системой достоинств стиля (*ἀρετὰ λῆξεως*). Прибегая к различным процедурам изменения текста, критик стремится в первую очередь сделать тот или иной пассаж Фукидида более понятным и грамматически корректным. Также в данной работе отмечаются параллели между метатезами Дионисия и византийскими схолиями к Фукидиду. Сходства двух текстов могут объясняться общим источником, которым, возможно, был эллинистический комментарий к «Истории» Фукидида.

Ключевые слова: Дионисий Галикарнасский, метатеза, Фукидид, схолии, литературная критика, античная филология.

A. V. Voloshina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.
Shine-Alla@yandex.ru

Metathesis in Dionysius of Halicarnassus' *On Thucydides*

The article examines the metathesis in Dionysius of Halicarnassus' rhetorical work *On Thucydides* (D.H. Th. 25, 29, 30, 31). The objective is to draw attention to the ways metathesis was used and to show why it was necessary for the ancient philologist and critic. The analysis shows the connection of this technique with the system of virtues of style (*ἀρετὰ λῆξεως*), which was important for Dionysius. By resorting to various text-changing procedures, the critic strives, first of all, to make a given passage of Thucydides more understandable and grammatically correct. Besides, in this article, parallels are identified between the metathesis and the Byzantine scholia on Thucydides. The similarities between those two texts might be explained by a common source, which may have been a Hellenistic commentary on Thucydides' *History*.

Key words: Dionysius of Halicarnassus, metathesis, Thucydides, scholia, literary criticism, ancient philology.

Особое место в риторическом корпусе историка и ритора I в. до н. э. Дионисия Галикарнасского занимают сочинения, в которых рассматривается язык и стиль Фукидида («О Фукидиде», «Второе письмо к Аммею», «Письмо к Помпею»). Своей задачей Дионисий считает составить «некое извлечение стиля (Фукидида), охватывающее все, что оказывается у него общим с остальными и отличным от других»¹, при этом он стремится показать, что не все в «Истории» Фукидида достойно подражания². Дионисий отмечает такие ее недостатки как неудачное членение и построение повествования, плохо разработанные эпизоды, речи и диалоги. Большое внимание уделяется выбору и соединению слов: Фукидид пользуется редкими словами, сочетая их необычным образом. Дионисий критикует его стиль за трудное запутанное соединение слов, порой близкое к поэтическому, многочисленные горгианские фигуры, лишние вставки или, напротив, чрезмерную краткость — все качества приводящие к неясности мысли. Сочинения Дионисия предназначались для образованных читателей, прежде всего для тех, кто высоко ценил стиль Фукидида и желал ему следовать³.

Для анализа стиля историка Дионисий выбирает наглядный и доказательный способ, а именно, хорошо известный в антич-

---

¹ D. N. Th. 3... ἐκλογισμὸς δὲ τις τοῦ χαρακτῆρος τῶν λόγων, ἅπαντα περιελήφως, ὅσα συμβέβηκεν αὐτῷ κοινὰ τε πρὸς ἑτέρους καὶ διαφέροντα παρὰ τοὺς ἄλλους...

² Критика Дионисия тесно связана с дискуссией о необходимости и возможности подражания Фукидиду, которая существовала в Риме в I в. до н. э. (Jonge 2008: 214). Подробнее об этом: Canfora 2006; Jonge 2011.

³ Адресаты его сочинений историк Квинт Элий Туберон, а также значительно менее известные Аммей и Помпей. Отдельные ремарки и замечания Дионисия показывают его стремление смягчить свою критику в адрес Фукидида. Возможно, на это указывает использование описательных формулировок: вместо *σολοκίζειν* он говорит *σολοκίξειν ἂν ὕφ' ἡμῶν λέγοιντο* (D. N. Th. 11,18), вместо *σολοκισμὸς* вводит слово *σολοκοφανῆς* (D. N. Th. 29; D. N. Th. 53; D. N. Th. 55) (Jonge 2011: 469; 2008: 272). Другой пример — обращение к Туберону, в котором Дионисий намерен защитить себя от нападок «любителей обвинять», которые, как он предполагает, «будут упрекать... за то, что мы дерзнули заявлять, что Фукидид, сильнейший из историков, порой ошибается в замысле и совершенно ослабевает в отношении силы» (D. N. Th. 2).

ности прием метатезы (μετάθεσις, букв. — перестановка, переложение), суть которого состоит в переписывании, переиначивании исходного текста⁴. В сочинениях Дионисия этот прием используется очень часто⁵, он позволяет реализовать любимую идею критика – исследование с помощью сравнения (D. N. Romp. 1 ἐκ τῆς συγκρίσεως ἐξέτασις), ведь метатеза подразумевает сопоставление двух вариантов одного текста, которое должно ясно продемонстрировать все достоинства и недостатки исходного фрагмента.

Замечания Дионисия Галикарнасского свидетельствуют о знакомстве с традицией исследования и оценки труда Фукидида⁶. Считается, что в своей работе Дионисий пользовался эллинистическим изданием «Истории» (Canfora 2006: 727–735, 741), а, возможно, и александрийским комментарием к ней (Usener 1889: 74) (Luschnat 1954: 23). Мы не имеем убедительных доказательств существования такого комментария в античности (Matijašić 2018: 150), но некоторые считают, что его следы сохранились в византийских схолиях к Фукидиду (X–XIV вв.) (Pulice 2022: 86) (Grossi 2016: 110). Это предположение может объяснить давно замеченную связь между письмом Дионисия к Аммею и фукидидовскими схолиями (Usener 1889: 72–73).

В предлагаемой статье рассматривается материал, который, редко привлекает внимание исследователей, а именно, метатезы из сочинения Дионисия «О Фукидиде» (D. N. Th. 25, 29, 30, 31). В нашей работе будет проанализировано, как именно критик меняет текст Фукидида и какие качества стиля историка он при этом подчеркивает. Также предлагается сопоставить метатезы и

---

⁴ Метатеза — устоявшееся обозначение, принятое исследователями, сам Дионисий не называет свой прием метатезой, но пользуется глаголами μετατίθημι, ἀλλάττω, μετακινέω, μεταρρυθμίζω (Jonge 2008: 367). Прием метатезы может считаться вариантом такого риторического упражнения как парафраза (Jonge 2008: 383).

⁵ С. Деймон насчитывает в корпусе Дионисия 43 метатезы, при этом практически половина из них (22) находится в сочинении «О Фукидиде» и «Втором письме к Аммею» (Damon 1991: 51).

⁶ Он называет некоего Кратиппа, который собрал и записал пропущенное Фукидидом (D. N. Th. 16). Возможно, Дионисию было известно мнение Цицерона о стиле историка (Jonge 2008: 215). Кроме того, Дионисий упоминает необходимые для понимания текста Фукидида γραμματικά ἐξηγήσεις (D. N. Th. 51, 55).

византийские схолии к «Истории». Продуктивность этого подхода была продемонстрирована К. де Йонге, который показал, что схолии и «Второе письмо к Аммею» содержат сходные наблюдения за синтаксисом Фукидида и пользуются похожей терминологией (Jonge 2011).

В сочинении «О Фукидиде» (D. N. Th. 25) Дионисий приводит отрывок из самого начала «Истории» (I.1.2), который прерывается большой лакуной. Из дальнейшей метатезы ясно, что здесь скорее всего был процитирован отрывок из описания битвы при Пилосе (IV. 34.1). Известно, что цитаты Дионисия, особенно длинные, практически совпадают с тем текстом Фукидида, которым мы располагаем сейчас⁷, поэтому представляется возможным сопоставить его с современным изданием:

Фукидид (Th. 4.34.1)	Дионисий (D.N. Th. 25)
<p>τῶν δὲ Λακεδαιμονίων οὐκέτι ὀξέως ἐπεκθεῖν ἢ προσπίπτοιεν δυναμένων, γνόντες αὐτοὺς οἱ ψιλοὶ βραδυτέρους ἤδη ὄντας τῷ ἀμύνασθαι, καὶ αὐτοὶ τῇ τε ὄψει τοῦ θαρσεῖν τὸ πλεῖστον εἰληφότες πολλαπλάσιοι φαινόμενοι καὶ ξυνειθισμένοι μᾶλλον μηκέτι δεινοὺς αὐτοὺς ὁμοίως σφίσι φαίνεσθαι, ὅτι οὐκ εὐθύς ἄξια τῆς προσδοκίας ἐπεπόνθησαν, ὡσπερ ὅτε πρῶτον ἀπέβαινον τῇ γνώμῃ δεδουλωμένοι ὡς ἐπὶ Λακεδαιμονίους, καταφρονήσαντες καὶ ἐμβοήσαντες ἀθρόοι ὠρμησαν ἐπ' αὐτοὺς...⁸</p>	<p>τῶν δὲ Λακεδαιμονίων οὐκέτι ἐπεκθεῖν, ἢ προσπίπτοιεν, δυναμένων, γνόντες αὐτοὺς οἱ ψιλοὶ βραδυτέρους ἤδη, συστραφέντες καὶ ἐμβοήσαντες, ὠρμησαν ἐπ' αὐτοὺς ἀθρόοι: ἐκ τε τῆς ὄψεως τὸ θαρρεῖν προσεἰληφότες, ὅτι πολλαπλάσιοι ἦσαν, καὶ ἐκ τοῦ μηκέτι δεινοὺς αὐτοὺς ὁμοίως σφίσι φαίνεσθαι καταφρονήσαντες, ἐπειδὴ οὐκ εὐθύς ἄξια τῆς προσδοκίας ἐπεπόνθησαν, ἦν ἔσχον ὑπόληψιν, ὅτε πρῶτον ἀπέβαινον τῇ γνώμῃ δεδουλωμένοι ὡς ἐπὶ Λακεδαιμονίους¹⁰.</p>

⁷ У. Притчетт считает, что длинные цитаты из «Истории», которые приводит Дионисий, практически совпадают с современным текстом, так как в этом случае критик пользовался доступным ему изданием Фукидида (Pritchett 1975: XVII). Об этом издании (Canfora 2006:741). К. Маурер доказывает, что Дионисий пользовался текстом Фукидида, гораздо лучшим, чем любая из известных нам рукописей (Maurer 1995: 209–211).

⁸ Здесь текст приводится по изданию (Jones, Powell 1970).

¹⁰ Текст Дионисия приводится по изданию Ж. Ожак (Aujac 2002).

<p>«Но так как спартанцы больше не могли быстро отвечать там, где их атаковали, легковооруженные воины поняли, что они (спартанцы) уже медленнее защищаются; они (афиняне) от этого зрелища значительно набрались смелости, видя, что их (афинян) гораздо больше; и им, получившим опыт, спартанцы больше не казались такими страшными, как тогда, когда они (афиняне) высаживались, подавленные мыслью, что идут на спартанцев, так как они (афиняне) не сразу претерпели соответствующее ожиданию; испытав презрение, они (афиняне) всей массой с криком бросились на них...»⁹</p>	<p>«Но так как спартанцы больше не могли быстро отвечать там, где их атаковали, легковооруженные воины поняли, что они (спартанцы) уже (стали) более медленными, они (афиняне), собравшись и закричав, побежали на них всей массой: от этого зрелища они значительно осмелели, так как были более многочисленны, и, испытав презрение из-за того, что они (спартанцы) больше не казались им такими страшными, коль скоро они не сразу претерпели соответствующее ожиданию, которое они (афиняне) имели в качестве предубеждения, когда впервые высаживались, подавленные мыслью, что идут на спартанцев».</p>
---	---

Дионисий признает, что фраза Фукидида сжатая и сильная, однако считает, что она будет яснее и приятнее в варианте с метатезой (D. H. Th. 25 **ἀγκυλωτέρα** μὲν οὖν ἢ φράσις οὕτω σχηματισθεῖσα γέγονε καὶ **δεινότερα**, **σαφεστέρα** δὲ καὶ **ἡδίον** ἐκείνως ἂν κατασκευασθεῖσα). Главным недостатком этого фрагмента критик считает неверную последовательность мыслей, поэтому предлагает последнюю часть поставить сразу после первой, а то, что сказано в середине, после них (D. H. Th. 25 κοινότερον μᾶλλον καὶ ὠφελιμώτερον, τοῦ τελευταίου μορίου τῷ πρώτῳ προστεθέντος, τῶν δὲ διὰ μέσου τὴν μετὰ ταῦτα χώραν λαβόντων).

Дионисий вносит в текст Фукидида и другие изменения, некоторые из которых мы кратко прокомментируем. Можно видеть, что критик опускает все обстоятельства, которые представляются ему избыточными по смыслу (пропущены наречие ὀξέως, выражения ὄντας τῷ ἀμύνασθαι, ξυνειθισμένοι μᾶλλον и др.). Синтаксис выстроен иначе: Дионисий заменяет одну из конструкций с причастием на предложение причины

⁹ Здесь и далее переводы автора статьи.

(ср. *πολλαπλάσιοι φαινόμενοι* и *ὅτι πολλαπλάσιοι ἦσαν*), возможно, чтобы избежать повторения однокоренных форм *φαινόμενοι* и *φαίνεσθαι*. Изменяется и порядок слов: у Фукидида *ἐμβοήσαντες ἄθροοι ὄρμησαν ἐπ' αὐτούς*, т.е. *ἄθροοι* может быть отнесено и к *ἐμβοήσαντες* и к *ὄρμησαν*, тогда как у Дионисия *ἄθροοι* стоит так, что относится только к *ὄρμησαν* (Pritchett 1975:106). Устраняя амфиболон, критик избегает двусмысленности, которая присутствовала в исходном тексте. Интересно, что метатеза переносит причастие *καταφρονήσαντες* в другую часть предложения, а вместо него стоит слово, которого не было у Фукидида: ср. **καταφρονήσαντες** καὶ ἐμβοήσαντες и **συστραφέντες** καὶ ἐμβοήσαντες. Мы предполагаем, что Дионисий ставит здесь причастие *συστραφέντες* под влиянием похожих контекстов¹¹. Также заметим ряд лексических особенностей метатезы. Вместо *dat. causae* (*τῇ ὄψει*) используется конструкция с предлогом *ἐκ* (*ἐκ τῆς ὄψεως*), по-видимому, Дионисий предпочитает выражение с предлогом как уже более органичное для языка его времени, а, кроме того, более однозначное и точное. Описательное выражение *τὸ πλεῖστον εἰληφότες* заменяется однокоренным глаголом *προσειληφότες*, что упрощает конструкцию: ср. *τοῦ θαρσεῖν τὸ πλεῖστον εἰληφότες* и более лаконичное *τὸ θαρρεῖν προσειληφότες*. Союз *ὅτι* Дионисий заменяет на *ἐπειδὴ*, очевидно, чтобы избежать повторения двух одинаковых союзов, так как в варианте с метатезой уже есть одно придаточное с *ὅτι*.

Главное же внимание хотелось бы обратить на выражение *οὐκ εὐθὺς ἄξια τῆς προσδοκίας ἐλεπόνθεσαν*: оно сохраняется в метатезе без изменений, но к нему добавлено пояснение *ἦν ἔσχον ὑπόληψιν*. Существительное *ὑπόληψις* здесь значит «предубеждение», «подозрение», «допущение, предположение». Добавление *ἦν ἔσχον ὑπόληψιν*, на наш взгляд, не является

¹¹ У Фукидида встречается *οἱ συστραφέντες ἄθροοι ἦλθον* (Th. 4, 68, 6, 3), *ἂν συστραφέντες ἄθροοι...περιγένοιτο* (Th. 6, 91, 2, 2), у Диодора Сицилийского *ἄθροοι συστραφέντες...ἠκόντιζον* (D. S. 17, 21, 1, 2), у самого Дионисия в «Римских древностях» *сυστραφέντες ἄθροοι καὶ ἀναβοήσαντες... ὄρμησαν...* (D. N. Ant. Rom. 9, 39, 3, 7–11). Примеры, на наш взгляд, показывают, что Дионисий использует обычное для описания военных действий выражение, которое имело следующие элементы: аористное причастие от *συστρέφω*, прилагательное *ἄθροος* и глагол (как правило глагол движения) в личной форме.

необходимым по смыслу, ведь *ὑπόληψις* практически синоним *προσδοκία*, которое имеет значение «ожидание»¹². Кроме того, *ὑπόληψις* чаще всего фигурирует в философских текстах и ни разу у Фукидида, тогда как *προσδοκία* используется в текстах разных жанров, неоднократно встречается у Фукидида.

В этой связи примечательно, что именно слово *ὑπόληψις* используется в схолиях к этому пассажиру:

ὡς ἂν εἰ ἔλεγε ‘τεταπεινωμένοι φόβῳ ἐνεκεν τῆς ὑπολήψεως τῶν Λακεδαιμονίων, ἧς εἶχον περὶ αὐτῶν’, ὡς ὅτι σφόδρα εἰσὶ πεζομάχοι καὶ πολεμικοί. (Sch. Th. 4.34,1 d) «как если бы он сказал: “приниженные страхом из-за предубеждения о спартанцах, которое они имели о них”, а именно, что они очень искусные в войне пехотинцы».

Далее в своем сочинении Дионисий тщательно и подробно анализирует очень известный эпизод «Истории», где описывается ожесточенная борьба олигархической и демократической партий на острове Керкира (D.H. Th. 29-33). Одно из предложений этого пассажа Дионисий критикует за театральные фигуры, конкретно же, паромойосис, парисосис и эпитеты, которые, по мнению критика, нужны только для красоты (D.H. Th. 29 οἷς ἐπιτίθησι τὰ θεατρικὰ σχήματα ταυτί...παρομοιώσεις γὰρ ἀμφότερα ταῦτα καὶ παρισώσεις περιέχει, καὶ τὰ ἐπίθετα καλλωπισμοῦ χάριν κεῖται...). Для исправления этих недостатков предлагается следующая метатеза:

Фукидид (Th. 3. 82.3)	Дионисий (D.H. Th. 29)
<p>τόλμα μὲν γὰρ ἀλόγιστος ἀνδρία φιλέταιρος ἐνομίσθη, μέλλησις δὲ προμηθῆς δειλία εὐπρεπής¹³</p> <p>«ведь безрассудная отвага считалась полезным для товарищей мужеством, а предусмотрительное промедление — скрытой трусостью».</p>	<p>τὴν μὲν γὰρ τόλμαν ἀνδρίαν ἐκάλουν, τὴν δὲ μέλλησιν δειλίαν</p> <p>«ведь отвагу называли мужеством, а промедление — трусостью».</p>

¹² Например, в «Ономастиконе» Юлия Поллукса *ὑπόληψις* и *προσδοκία* перечисляются как синонимы (Poll. 5, 126, 3 οἷσις, *ὑπόληψις*, *προσδοκία*, *εἰκασία*, *ἐλπίς*, *ὑπόνοια*, *ὑποψία*).

¹³ Здесь и далее текст Фукидида приводится по изданию Дионисия Галикарнасского (Αυγας 2002).

Критик заменяет конструкцию *nom. duplex* на *acc. duplex*, вместо глагола *νομίζω* в форме пассивного аориста (*ἐνομίσθη*) предлагает глагол *καλέω* в форме активного имперфекта (*ἐκάλουν*). Дионисий удаляет прилагательные *ἀλόγιστος*, *φιλέταιρος*, *προμηθής*, *εὐπρεπής*, так как они, по его мнению, не являются необходимыми по смыслу, а кроме того, содержат *παρομοίωσις* и *παρίσωσις*¹⁴. В данном случае паромойосисом следует считать *ἀλόγιστος* и *ἀνδρία*, *ἀλόγιστος* и *φιλέταιρος*, *προμηθής* и *εὐπρεπής*, а парисосисом — *τόλμα ἀλόγιστος*, *ἀνδρία φιλέταιρος*, *μέλλησις προμηθής*, *δειλία εὐπρεπής*. Без прилагательных исходная конструкция сохраняется, но ее симметрия и созвучие не так сильно подчеркиваются.

Комментатор Фукидида А. Гомме полагает, что, Дионисий ошибочно считает эпитет *φιλέταιρος* не существенным для смысла, ведь *φιλέταιρος*, т. е. «в интересах партии», — ключевое для данного контекста слово (Gomme 1956: 374). Не оценивая корректность метатезы, обратим внимание на то, что сходную интерпретацию этого пассажа демонстрируют схолии к Фукидиду:

τὴν μὲν γὰρ ἀλόγιστον τόλμαν (ἥτις καὶ **θρασύτης** καλεῖται) ‘ἀνδρείαν’ **προσηγόρευσαν**. τὸ δὲ «**φιλέταιρος**» **παρελκόντως κεῖται**· κέχρηται δὲ αὐτῷ διὰ τὸ ἴπροσθεῖναι ‘τόλμαν ἀλόγιστον’, ἵνα **παρίσωσις** γένηται. (Sch. Th. 3.82,4 α) «ведь безрассудную отвагу (которая также называется дерзость) они назвали “мужеством”. а “любящий товарищей” является лишним, он воспользовался им для присоединения “безрассудная отвага”, чтобы получился парисосис».

Автор схолий, как и Дионисий, считает, что прилагательное *φιλέταιρος* ничего не добавляет к смыслу текста. В отличие от метатезы, здесь сохраняется выражение *τόλμα ἀλόγιστος*, но для него предлагается синоним без эпитета (*θρασύτης*). Кроме того, мы можем видеть, что в схолиях, как и у Дионисия, используется *acc. duplex* вместо *nom. duplex*, а пассивная форма от *νομίζω* заменяется на активную форму от другого глагола (*προσαγορεύω*).

¹⁴ У Дионисия *παρομοίωσις* описывает клаузы, где есть слова с одинаковым началом или окончанием, а *παρίσωσις* — симметричные клаузы (Anderson 2000: 90, 92).

Следующее предложение из этого же эпизода Дионисий критикует за неясность, и предлагает изменить его так, чтобы смысл стал чистым и видным издалека (D.H. Th. 30 **καθαρός** δὲ καὶ **τηλαυγής** ὁ νοῦς οὕτως ἂν ἦν...):

Фукидид (Th. 3.82,5).	Дионисий (D.H. Th.30)
<p>ἐπιβουλεύσας δὲ τις τυχὼν τε ξυνετός, καὶ ὑπονοήσας ἔτι δεινότερος: προβουλεύσας δὲ ὅπως μηδὲν αὐτῷ δεήσει, τῆς ἐταιρίας διαλυτῆς καὶ τοὺς ἐναντίους ἐκπεπληγμένους.</p> <p>«тот, кто замыслил (заговор) и добился (в этом) успеха, (считался) умным, и догадавшийся (о заговоре) — еще более ловким: а принявший меры, чтобы ни в чем (из этого) не нуждаться, (считался) разрушителем своей партии и пораженным (страхом) перед врагами».</p>	<p>οἱ τ' ἐπιβουλεύοντες ἑτέροις εἰ κατορθώσειαν, δεινοί: καὶ οἱ τὰς ἐπιβουλάς προὔπονοοῦντες ¹⁵ εἰ φυλάξαιντο, ἔτι δεινότεροι: ὁ δὲ προιδόμενος, ὅπως μηδὲν αὐτῷ δεήσει μήτ' ἐπιβουλῆς μήτε φυλακῆς, τὰς τε ἐταιρίας διαλύειν ἐδόκει καὶ τοὺς ἐναντίους ἐκπεπλήχθαι.</p> <p>«замышляющие заговор против других, если они успешно его совершили, (считались) ловкими: и заранее подозревающие заговоры, если они (от них) убереглись, — еще более ловкими: а подумавший заранее о том, чтобы не нуждаться ни в заговоре, ни в защите (от него), казалось, разрушает партии и поражен (страхом) перед врагами».</p>

Дионисий разворачивает причастие *τυχὼν* в условное предложение (*εἰ κατορθώσειαν*), вместо *ὑπονοήσας* вводится словосочетание *οἱ τὰς ἐπιβουλάς προὔπονοοῦντες*, к которому добавляется придаточное условия (*εἰ φυλάξαιντο*). К одиночному причастию *ἐπιβουλεύσας* добавляется уточнение *ἐπιβουλεύοντες ἑτέροις*, одиночное *ὑπονοήσας* заменяется на словосочетание с причастием от другого глагола (*τὰς ἐπιβουλάς προὔπονοοῦντες*). Также заметим, что обобщенно-личное значение у Фукидида выражают причастия в единственном числе (*ἐπιβουλεύσας, τυχὼν, ὑπονοήσας, προβουλεύσας, ἐκπεπληγμένος*), тогда как

¹⁵ В рукописях Дионисия стоит причастие *προελπινοοῦντες* (от *προελπινοέω*), но Ж. Ожак оставляет здесь конъектуру И. Рейске *προὔπονοοῦντες* (от *πρόυπονοέω*).

Дионисий использует для этого и множественное число (οἱ ἐπιβουλεύοντες, οἱ προὔπονοοῦντες), причем, в отличие от Фукидида, он ставит артикль при субстантивированных причастиях (ср. οἱ ἐπιβουλεύοντες и ἐπιβουλεύσας). Кроме того, некоторые аористные причастия (ἐπιβουλεύσας, ὑπονοήσας) Дионисий заменяет на причастия настоящего времени (ἐπιβουλεύοντες, προὔπονοοῦντες). К придаточному ὅπως μηδὲν αὐτῷ δεήσει Дионисий добавляет μήτ' ἐπιβουλῆς μήτε φυλακῆς. Это пояснение, по-видимому, представляется ему необходимым, чтобы уточнить мысль Фукидида. В конце предложения именное словосочетание τῆς ἐταιρίας διαλυτῆς расширяется до конструкции с *nom. cum inf.* (τάς τε ἐταιρίας διαλύειν ἐδόκει). В отношении лексики заметим, что вместо *ξυνετός* Дионисий повторяет прилагательное *δεινός* (*δεινοί, δεινότεροι*)¹⁶. Причастие от *προβουλεύω* Дионисий заменяет на причастие от *προεἶδον* (*προιδόμενος*). На наш взгляд, одна из причин замены – стремление избежать повторения однокоренных созвучных форм, ведь выше уже было *ἐπιβουλεύοντες, ἐπιβουλὰς*, затем будет *ἐπιβουλῆς*.

В схолиях этот пассаж Фукидида преобразован похожим образом: вместо *προβουλεύω* используется глагол *προσκοπέω*, добавляется уточнение *μήτε ἐπιβουλεύειν μήτε ἐπιβουλεύεσθαι* (ср. метатезу *μήτ' ἐπιβουλῆς μήτε φυλακῆς*), а именное словосочетание *τῆς ἐταιρίας διαλυτῆς* также, как и у Дионисия, разворачивается в *nom. cum inf.* (*διαλύειν τὴν ἐταιρίαν ὑπωπτεύετο*):

ὁ δὲ προσκοπῶν, ὅπως μήτε ἐπιβουλεύειν μήτε ἐπιβουλεύεσθαι ἀνάγκη τις αὐτῷ γένηται, διαλύειν τὴν ἐταιρίαν ὑπωπτεύετο (Sch. Th. 3.82,5 b) «а предусматривающий, чтобы у него не случилось никакой необходимости ни замышлять заговор, ни стать тем, против кого замышляют, подозревался в разрушении своей партии».

В последнем пассаже из Фукидида, который мы предлагаем рассмотреть, Дионисий отмечает гипербат и перифразу

¹⁶ Используя прилагательные *ξυνετός* и *δεινός*, Фукидид подчеркивает, что ловкость ценилась даже больше чем ум. В отличие от *ξυνετός*, прилагательное *δεινός* не всегда комплиментарный термин (Gomme 1956: 377). Таким образом, в варианте с перестановкой теряется важная часть смысла.

(D. H. Th. 31 ἐν τούτοις ὑπερβατόν τε καὶ περίφρασις...). Здесь критик предлагает несколько вариантов метатезы, последний из которых, по его мнению, демонстрирует более правильную, в сравнении с оригиналом, последовательность мыслей (D.H. Th.31 τὸ δὲ **κατάλληλον** τῆς διανοίας ἦν ἂν τοιοῦτο...):

Фукидид (Th. 3.82,7)	Дионисий (D.H. Th. 31)
καὶ ὄρκοι εἶ που ἄρα ἐγίνοντο συναλλαγῆς, ἐν τῷ αὐτίκα πρὸς τὸ ἄπορον <ἐκατέρῳ> διδόμενοι ἴσχυον, οὐκ ἐχόντων ἄλλοθεν δύναμιν	1. ἐν τῷ παραντίκα ἴσχυον (клятвы) оставались в силе (только) в тот момент 2. οἱ δὲ περὶ τῆς φιλίας ὄρκοι εἶ που ἄρα γένοιτο, ἀπορία πίστεως ἄλλης ἐκατέρῳ διδόμενοι ἐν τῷ παραχρῆμα ἴσχυον. (D.H. Th. 31)
«и клятвы примирения, если они, возможно, случались, даваемые ввиду безвыходности (положения обеих сторон), оставались в силе (только) в данный момент, пока они (противники) не имели поддержки извне»	«а клятвы о дружбе, если они, возможно, случались, даваемые из-за отсутствия другого доказательства (дружбы), оставались в силе (только) в этот момент»

Как гипербат Дионисий понимает разрыв между ἴσχυον и αὐτίκα (D.H. Th. 31 τὸ δὲ “ἴσχυον” δι’ ὑπερβατοῦ κείμενον τῷ “αὐτίκα”). В метатезе обстоятельство времени появляется непосредственно перед сказуемым: ἐν τῷ παραντίκα ἴσχυον или ἐν τῷ παραχρῆμα¹⁷ ἴσχυον. В первом случае простое наречие αὐτίκα заменяется на производное от него παραντίκα. В этом случае Дионисий, как нам представляется, опирается на разницу в узусе: αὐτίκα – более употребительное слово, но с предлогом ἐν обычно сочетается παραντίκα. У самого Фукидида встречаются оба варианта¹⁸, но у других авторов как правило ἐν τῷ παραντίκα¹⁹.

На наш взгляд, Дионисий считает гипербатом выражение **ὄρκοι** εἶ που ἄρα ἐγίνοντο **συναλλαγῆς**, поэтому переносит несогласованно определение ближе к существительному, к которому оно относится: **οἱ δὲ περὶ τῆς φιλίας ὄρκοι**. При этом к

¹⁷ В словаре Гезихия наречие παραχρῆμα объясняется через παραντίκα (Hsch. π 3,736 Hansen).

¹⁸ У Фукидида: ἐν τῷ αὐτίκα см. (Th. 3.112,7) (Th. 4.108, 6) (Th. 7. 42, 2) (Th. 8.27,5); ἐν τῷ παραντίκα см. (Th. 2.11,7), (Th. 7. 71,7).

¹⁹ Например, Ксенофонт (X. Cyn. 2. 2,24), Платон (Pl. Phaedr. 240b1), Алкидаманти (Alcid. Fr.1, 172), Дионисий (D.H. Ant. Rom. 6. 47,1).

подлежащему добавляется артикль (ср. ὄρκοι и οἱ ὄρκοι), родительный падеж заменяется конструкцией с предлогом (ср. ὄρκοι συναλλαγῆς и περὶ τῆς φιλίας ὄρκοι), вместо существительного συναλλαγή используется более общее слово φιλία.

Две отдельные мысли Фукидида πρὸς τὸ ἄπορον и οὐκ ἐχόντων ἄλλοθεν δύναμιν Дионисий объединяет в одну ἀπορία πίστεως ἄλλης. Также заметим, что при метатезе субстантивированное прилагательное среднего рода τὸ ἄπορον заменяется на абстрактное существительное женского рода ἀπορία, вместо словосочетания с предлогом πρὸς со значением причины используется dativus causae, также добавляется слово πίστις, которого не было в исходном варианте.

Комментатор Дионисия У. Притчетт считает, что критик неверно понимает οὐκ ἐχόντων ἄλλοθεν δύναμιν. Фукидид говорит о том, что враждующим сторонам могли помочь только другие государства, поэтому, когда такой помощи не было, они были готовы примириться, но собирались нарушить свои клятвы при первой возможности. В метатезе Дионисия сформулирована другая мысль: у них не было никаких средств заверить в своей дружбе, кроме клятв (Pritchett 1975: 116).

На наш взгляд, похожая идея сформулирована в схолиях к этому месту:

καὶ ὅποτε, φησὶν, ὄρκους παράσχοιεν ἀλλήλοις περὶ διαλλαγῆς, παραυτίκα μόνον ἴσχυον οἱ ὄρκοι, καὶ μέχρι τούτου ἐπίστευον αὐτοῖς ἕως ἐν ἀπορία τοῦ ἄλλῳ τινὶ πιστεῦσαι καθεστήκεσαν. (Sch. Th. 3.82,7 с) «и он говорит, что всякий раз, когда они давали друг другу клятвы о примирении, лишь недолгое время клятвы оставались в силе, и до того момента они доверяли им, пока не могли поверить чему-либо другому».

Вместо выражения πρὸς τὸ ἄπορον здесь выбрано словосочетание с существительным ἀπορία в дательном падеже, также использован глагол πιστεῦω, отсутствующий в тексте Фукидида (ср. ἀπορία πίστεως ἄλλης у Дионисия и ἐπίστευον...ἕως ἐν ἀπορία τοῦ ἄλλῳ τινὶ πιστεῦσαι в схолиях). Можно отметить и другие параллели между текстом с метатезой и схолиями: обстоятельство времени ἐν τῷ αὐτίκα заменяется на παραυτίκα и переносится ближе к сказуемому, к подлежащему ὄρκοι добавляется артикль, вместо несогласованного определения используется конструкция с περὶ, при этом συναλλαγῆς также заменяется синонимичным διαλλαγῆς.

Итак, рассмотрев метатезы Дионисия Галикарнасского и схолии к Фукидиду, мы можем сделать следующие выводы:

- Дионисий как правило объясняет, в чем состоит главный недостаток того или иного фрагмента Фукидида, однако мы видим, что его перестановки часто не ограничиваются исправлением какого-то конкретного несовершенства, но охватывают весь текст в

целом, во всех его важнейших аспектах. Стремясь к грамматической правильности и чистоте языка, Дионисий заменяет редкие необычные слова и выражения Фукидида на более понятные, соответствующие общему узусу, добавляет пропущенные артикли, вместо функций падежей использует предлоги с соответствующим значением. В тех случаях, когда Дионисий считает фрагмент недостаточно ясным, он предлагает изменить порядок слов, описательные и абстрактные выражения заменить на более конкретные и точные, развернуть краткие выражения в полноценные предложения или, напротив, убрать все не существенные для смысла обстоятельства. Особое внимание он уделяет синтаксису фразы, стараясь по возможности его упростить.

- На наш взгляд, рассмотренные случаи метатезы показывают, как именно Дионисий представляет реализацию системы достоинств стиля (*ἀρεταὶ λέξεως*) на практике²⁰. Главными критериям оценки и исправления стиля Фукидида для него являются правильность и чистота языка (*ἑλληνισμός, καθαρότης*), а также ясность и краткость (*σαφήνεια, συντομία*), причем ясность, очевидно, имеет преимущество перед краткостью²¹. Метатезы Дионисия нацелены на «нормализацию» языка Фукидида, т. е. на приведение его к некоему «естественному» общепотребительному стандарту, а также на то, чтобы передать мысль историка с помощью минимально необходимого текста, избегая при этом неясности или двусмысленности. Все это, по-видимому, согласуется с важной установкой Дионисия, согласно которой историческое сочинение должно быть понятно не только специалистам, но и широкому кругу читателей, которые могут извлечь из прочитанного пользу²².

- Внимание к содержанию рассматриваемого текста, стремление объяснить мысль Фукидида более простым языком объединяет

²⁰ О системе достоинств речи *ἀρεταὶ λέξεως* в сочинениях Дионисия см.: Bonner 1939: 18–24.

²¹ Здесь видят влияние на Дионисия Аристотеля, который придавал большое значение ясности (*σαφήνεια*) (Jonge 2008: 253).

²² D.H. Th. 51 πρὸς μὲν οὖν τοὺς οἰομένους μόνων εἶναι τῶν εὐπαιδευτῶν ἀναγνῶναι τε καὶ συνεῖναι τὴν Θεουκιδίδου διάλεκτον ταῦτα λέγειν ἔχω, ὅτι τὸ τοῦ πράγματος ἀναγκαῖόν τε καὶ χρήσιμον ἅπασιν “οὐδὲν γὰρ ἂν ἀναγκαϊότερον γένοιτο οὐδὲ πολυωφελέστερον” ἀναπροῦσιν ἐκ τοῦ κοινοῦ βίου, ὀλίγων παντάλασιν ἀνθρώπων οὕτω ποιοῦντες, ὥσπερ ἐν ταῖς ὀλιγαρχουμέναις ἢ τυραννουμέναις πόλεσιν: εὐαρίθμητοι γὰρ τινές εἰσιν οἳοι πάντα τὰ Θεουκιδίδου συμβαλεῖν, καὶ οὐδ’ οὔτοι χωρὶς ἐξηγήσεως γραμματικῆς ἔνια...

Дионисия и авторов схолий. Мы видим, что все они часто обращают внимание на одни и те же трудности текста и сходным образом их интерпретируют. Возможным источником этих параллелей является то, что Дионисий в своей работе пользовался тем же эллинистическим комментарием к Фукидиду, который впоследствии лег в основу схолий. С другой стороны, нельзя исключать и то, что схолиастам были известны замечания Дионисия об историке, ведь к его авторитету как ритора и критика обращаются на протяжении всей античности и в византийское время²³. Этот вопрос несомненно требует дальнейшего исследования, в этой же работе нам хотелось привлечь внимание к тому, что связи между схолиями и критикой Дионисия более глубоки и значительны, чем это принято считать.

Литература

- Anderson Jr., R. 2000: *Glossary of Greek Rhetorical Terms Connected to Methods of Argumentation, Figures and Tropes from Anaximenes to Quintilian*. Leuven.
- Aujac, G. 2002: Denys D'Halicarnasse. *Opuscules Rhétoriques*, Tome IV, V, Paris.
- Avezzù, G. 1982: Alcidamante. *Orazioni e frammenti*. *Bollettino dell'Istituto di Filologia greca di Padova*. Supplementi, 6. Rome.
- Bethe, E. 1900: *Pollucis Onomasticon: e codicibus ab ipso collatis denuo edidit et adnotavit*. Fasciculus Prior. Lib. I–V continens. Lipsiae.
- Bonner, S. F. 1939: *The Literary Treatises of Dionysius of Halicarnassus. A Study in the Development of Critical Method*. Cambridge.
- Burnet, J. 1967 (repr.): *Platonis opera*, vol. 2, Oxford.
- Canfora, L. 2006: Thucydides in Rome and Late Antiquity. *Brill's Companion to Thucydides/ A. Rengakos, A. Tsakmakis*. Leiden and Boston. pp. 721–53.
- Cary, E. 1968 (repr.): *Dionysius of Halicarnassus, Antiquitates Romanae: The Roman Antiquities of Dionysius of Halicarnassus*, ed., Vol. I–VII. London; Cambridge, Massachusetts.
- Damon, C. 1991: Aesthetic response and technical analysis in the rhetorical writings of Dionysius of Halicarnassus. *Museum Helveticum* 48 (1). Basel. pp. 33–58.
- Grossi, V. 2016: Thucydides and Poetry. Ancient Remarks on the Vocabulary and Structure of Thucydides' History. *The Art of History. Literary Perspectives on Greek and Roman Historiography*.

---

²³ Считается, что сочинения Дионисия были известны Квинтилиану, автору комментария к Фукидиду в Р.Оху. 853, автору *Vita Thucydidis*, Элию Теону, Элию Аристиду, Гермогену Тарсскому, Сириану, Михаилу Пселлу, Максиму Плануду.

- Trends in Classics — Supplementary Volumes*, 41. V. Liotsakis, S. T. Farrington. Berlin; Boston, 99–119.
- Gomme, A. W. 1956: *A Historical Commentary on Thucydides*. Volume 2: The Ten Years' War. Books II–III. Oxford.
- Hansen, P. A. 2018: *Hesychii Alexandrini lexicon: volumen III Π-Σ editionem post Kurt Latte continuans recensuit et emendavit. Sammlung griechischer und lateinischer Grammatiker*, 11/3. Berlin; Boston.
- Jonge, C. C. de 2008: Between Grammar and Rhetoric: Dionysius of Halicarnassus on language, linguistics and literary/ Mnemosyne Supplements. V. 301. Leiden; Boston.
- Jonge, C. C. de 2011: Dionysius of Halicarnassus and the Scholia on Thucydides Syntax// Ancient scholarship and grammar. Archetypes, Concepts and Contexts. *Trends in Classics — Supplementary Volumes*. Volume 8. / S. Matthaios, F. Montanari, A. Rengakos. Berlin. pp. 451–478.
- Jones, H. S., Powell, J. E. 1970 (repr.): *Thucydidis historiae*, 2 vols. Oxford.
- Kleinlogel A., Alpers K. 2019: *Scholia Graeca in Thucydidem: Scholia vetustiora et Lexicon Thucydidium Patmense. Sammlung griechischer und lateinischer Grammatiker*, 15. Berlin; Boston.
- Luschnat, O. 1954: Die Thukydidesscholien: Zu ihrer handschriftlichen Grundlage, Herkunft und Geschichte. *Philologus* 98. Berlin, 14–58
- Marchant, E. C. 1970 (repr.): *Xenophontis opera omnia*, vol. 4. Oxford.
- Matijašić, I. 2018: *Shaping the Canons of Ancient Greek Historiography. Beiträge zur Altertumskunde*, 359. Berlin and Boston.
- Maurer, K. 1995: *Interpolation in Thucydides. Mnemosyne, bibliotheca classica Batava. Supplementum*, 150. Leiden.
- Pritchett, W. 1975: *Dionysius of Halicarnassus: On Thucydides, English translation, based on the Greek text of Usener-Radermacher, with commentary*. Berkeley; Los Angeles; London.
- Pulice, A. 2022: From ἐξήγησις to μίμησις: Thucydides' Readership in the ὑπομνήματα from the Roman Period. *Reading History in the Roman Empire* / M. Baumann, V. Liotsakis. Berlin; Boston, 79–114.
- Usener, H. 1889: *Dionysii Halicarnassensis librorum de imitatione reliquae epistulaeque criticae duae*. Bonn.
- Welles, C. B. 1963: *Diodorus of Sicily in twelve volumes*. Vol.8: Books XVI, 66–XVII. Harvard.

О. А. Волошина
МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия / Университет МГУ-ПШИ, Шэньчжэнь,
Китай. oханав2005@mail.ru

Лин Ли
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. lily-lit@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ИНДИЙСКОГО ПИСЬМА НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАНЬЦЕ — ДРЕВНЕЙШЕГО СПОСОБА ЗАПИСИ ПРОИЗНОШЕНИЯ КИТАЙСКИХ СЛОВ

В статье рассматривается гипотеза о происхождении фаньце — способа фиксации произношения иероглифа в древнекитайском языке, согласно которой фаньце сформировался под влиянием индийского письма деванагари. Знакомство китайцев в I в. н. э. с индийскими буддийскими рукописями, записанными деванагари, способствовало формированию механизма фиксации звуковой формы слова, при котором китайская слогоморфема впервые стала члениться на инициаль и финаль, записываемые соответствующими двумя иероглифами (инициаль одного иероглифа и финаль другого). Различные комбинации двух иероглифов позволяли передавать на письме звучания всех слов китайского языка. Идея фонетической сегментации китайского слова-слога, воспринимаемого прежде как нечленимое целое, способствовала развитию древнекитайского языкознания.

Ключевые слова: индийское письмо деванагари, фаньце, иероглиф, слово, слог, инициаль, финаль.

О. А. Voloshina
Moscow State University, Moscow, Russia / MSU-BIT University, Shenzhen, China.
оханав2005@mail.ru

Ling Li
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. lily-lit@mail.ru

The influence of Indian writing on the origin of fanqie — the oldest way of recording the pronunciation of Chinese words

The article discusses the hypothesis of the origin of fanqie, a method of fixing the pronunciation of a hieroglyph in ancient Chinese, according to which fanqie was formed as a result of the influence of Devanagari writing on Chinese lexicography. The acquaintance of the Chinese in the I century with Indian Buddhist manuscripts written in Devanagari contributed to the formation of a mechanism for reflecting the pronunciation of the word, in which the Chinese word-syllable for the first time began to be divided into phonetic parts — the initial and final, written in two hieroglyphs. Various combinations of the two hieroglyphs made it possible to convey the sounds of all the words of the Chinese language in writing. The idea of phonetic

segmentation of a Chinese word-syllable, previously perceived as an indistinguishable whole, contributed to the development of ancient Chinese linguistics.

Keywords: Indian Devanagari script, fanqie, hieroglyph, word, syllable, initial, final.

С древнейших времен китайские филологи, анализирующие и комментирующие записанные иероглифами древнекитайские тексты, предлагали варианты передачи на письме звучания слов, иными словами, создавали механизм записи для прочтения «немых» иероглифов.

Как известно, каждый китайский иероглиф передает семантику слова, ведь исходной формой китайского графического знака является пиктограмма, т. е. знак-рисунок, который изображает внешний облик предмета. С течением времени иероглиф усложняется, образуется сложный знак, который состоит из двух, трех или более простых знаков, соответственно, значение такого знака также усложняется, часто оно выводится из суммы значений простых знаков. Например, 木 *mù* — *дерево*, 林 *lín* — *лес*, 森 *sēn* — *большой лес*, 福 *fú* (исходная форма) — *счастье* (иероглиф состоит из 3-х простых знаков: воздетых в молитве рук, кувшина в качестве подношения и святого, к которому обращаются в молитве). Сочетание графических компонентов описывает следующую ситуацию: человек держит сосуд в поднятых руках и молится перед святым о благополучии и процветании (Чэнь 2020: 271; Ли 2022: 774). Первоначально иероглиф вообще не отражал произношение слова, разработка способов записи и прочтения иероглифов составляла отдельную проблему для китайских филологов.

Древнейшие способы передачи звучания китайских слов на письме не предполагали указания на членение звукового облика слова на части и следовательно членения иероглифа на графические компоненты, поэтому первоначально прочтение иероглифа передавалось китайскими учеными при помощи омофона — другого иероглифа, обозначающего общеупотребительное слово со сходным произношением. Однако этот способ имел ряд недостатков, в частности, произношение далеко не всех слов могло быть представлено близкими по звучанию словами.

Революцией в развитии систем записи звучания китайских слов оказался активно применяемый с конца династии Хань (со II века н. э.) метод фаньце. Первые учёные, которые начали последовательно применять фаньце — это Ин Шао (ок. 153–196 гг.) и Фу Цянь (конец 2-го века) (朱 2020: 160), которые занимались комментированием книги «Ханьшу» (историческая хроника династии Хань с 260 г. до н. э. по 20 г. н. э.), предлагая не только толкование значений, но и указывая произношение иероглифов.

Фаньце — это запись прочтения иероглифа при помощи двух других иероглифов, передающих на письме два слова, разделенные на части — инициаль и финаль, при этом инициаль первого слова соединялась с финалью и с тоном второго слова, передавая звучание третьего слова, записанного фаньце (Yakhontov 1980: 99). Например, произношение иероглифа 紅 *hóng* *красный* записывается при помощи двух других иероглифов: 胡 *hú* и 籠 *lóng*, от первого иероглифа берут инициаль *h*, от второго — финаль с тоном *óng*, в результате сложения этих частей получается звучание слова *hóng*.

Метод фаньце позволил точно передавать звучание всех китайских слов, поэтому он использовался в китайском языкознании на протяжении более полутора тысячелетий до введения системы записи китайских слов при помощи пиньинь. В частности, знаменитый словарь рифм «Гуаньюнь» (XI век) группировал слова с одинаковым произношением, причем звучание первого слова в списке передавалось записью фаньце. Например, в словаре перечисляются четыре омофона с одинаковым прочтением *zhōng*: 中, 衷, 忠, 革, при этом методом фаньце записывается только произношение первого слова: 陟 (*zhì*) 弓 (*gōng*) 切, то есть 中 *zhōng* = 陟 *zh* + 弓 *ōng*. Запись произношения китайского слова посредством подбора двух общеупотребительных слов с одинаковыми частями — инициалью и финалью с тоном позволила точно передавать на письме звучание любого слова.

Китайские ученые выдвигают разные гипотезы происхождения фаньце — известно мнение об исконно китайском изобретении фаньце и о заимствовании методики под влиянием индийского письма, в частности, деванагари.

С одной стороны, еще в XVII веке китайский философ-конфуцианец и филолог Гу Янью (1613–1682) в древнейших

памятниках письменности (до 206 г. до н. э.) находил примеры записи прочтения иероглифов при помощи двух других иероглифов, например, 知乎为诸 *zhī hū wéi zhū*, 者焉为旃 *zhě yān wéi zhān*, 不可为匡 *bù kě wéi pō*, 如是为尔 *rú shì wéi ěr* (Пэн 1985: 139) и т. д. Каждая запись состоит из четырех иероглифов, причем первый и второй иероглиф передают произношение четвертого иероглифа, а третий иероглиф 为 *wéi* *есть*, указывает на операцию передачи звучания — сочетание начала (инициали) первого слова, переданного первым иероглифом, и конца (финали) второго слова, записанного вторым иероглифом.

Эта система передачи звучания слова в древних текстах, основанная на сочетании инициали и финали двух других слов, очевидно, очень похожа на фаньце, однако таких записей было мало, далеко не все прочтения иероглифов оказались правильно зафиксированы, в целом, подобный способ не получил широкого распространения, хотя сама попытка фиксации произношения иероглифов на письме имела важное значение для развития китайского языкознания.

С другой стороны, многие китайские ученые придерживаются мнения об изобретении фаньце под влиянием индийского письма. Как известно, китайская наука о языке долгое время развивалась вне влияния западной лингвистики, благодаря чему китайское языкознание разработало уникальные методы анализа и описания языка. Однако еще в древности китайцы снаряжали экспедиции в страны западного мира для поиска в первую очередь военных и политических союзников, но в результате таких путешествий получали разнообразные сведения о культуре, языках, религии и литературе древних народов. Эти данные изучались и использовались в трудах древнекитайских ученых.

В частности, знаменитое путешествие Чжан Цяня (ок. 164 г. до н. э. — 114 г. до н. э.) — китайского посла в западные страны (张骞凿空西域 *zhāngqiān záokōng xīyù* — *путешествие в западный край*, где西域 *xīyù* — принятое в китайских исторических хрониках наименование регионов Центральной Азии, расположенных западнее заставы Юймэньгуань), предпринятое в 138 г. до н. э. с целью заключения военного союза с племенами юэчжей против общего врага — сильных в то время северных кочевников хунну. Еще в начале путешествия посольство попало в плен

к хунну, в течение 10 лет Чжан Цянь жил в плену, изучая обычаи местных племен. Предприняв побег, он продолжил путь на запад, к озеру Иссык-Куль, в Ферганскую долину, в Бактрийское царство и наконец добрался до цели путешествия — племени юэчжей. Спустя 13 лет после выхода из китайской столицы Чанъань (ныне Сиань) Чжан Цянь вернулся в Китай. Цель его путешествия не была достигнута, но проложенный им маршрут стал активно использоваться для военных и торговых походов и впоследствии получил название «Великий шелковый путь».

Рис. 1. Маршрут путешествия Чжан Цяня

Примерно через сто лет племена юэчжей организовали посольство в Китай по маршруту путешествия Чжан Цяня, путешественники привезли с собой в Чанъань буддийские рукописи, а в 67 г. н. э. более 300 доставленных из Индии буддийских рукописей были переведены на китайский язык. В историческом сочинении Сыма Гуана «*Цзы чжи тун цзянь*» (1084 г.), описывающим события с 403 г. до н. э. до 959 г., сообщается о путешествии китайцев в Индию с целью привлечения проповедников и сбора буддийских рукописей.

Многие китайские императоры, особенно во времена династии Тан (618–907 гг.), способствовали распространению буддизма, поддерживали монахов-путешественников, ученых и проповедников. В 627 году известный китайский буддийский монах, ученый и переводчик Сюаньцзань (602–664) отправился из Чанъаня (Сиань) первоначально по маршруту Чжан Цяня в Центральную Азию, а потом на юг — в Индию, чтобы изучать буддизм по древним рукописям и переводить их на китайский язык. К 630 году Сюаньцзань достиг Индии — цели своего путешествия, где изучал буддийские рукописи 15 лет, после чего вернулся на родину и занялся переводом привезенных

буддийских текстов и сортировкой собственных путевых заметок, которые он вел на протяжении всего путешествия.

Рис. 2. Маршрут путешествия Сюаньцзяня

Путешествие Сюаньцзяня на запад (玄奘西行 *xiánzàng xīxíng*), его лингвистическая работа по переводу и комментированию рукописей стала важным этапом в развитии китайской филологии¹, ознаменованным влиянием идей буддизма и индийского языкознания на формирование новых религиозных и научных течений в Китае.

Считается, что знакомство китайцев с древнеиндийскими рукописями способствовало рефлексии над звуковым составом слогов китайского языка, над вариантами членения звукового состава слова и методах отражения звуков на письме. Неко-

¹ Путешествие Сюаньцзяня легло в основу сюжета китайского классического романа «Путешествие на Запад» (кит. 西游记 *xī yóu jì*) китайского писателя династии Мин У Чэньэня (1500–1582 гг.). По мнению некоторых ученых, прототипом одного из героев романа — царя обезьян Сунь Укун является Хануман (обезьяноподобное божество в индуизме). Однако задолго до выхода романа влияние буддизма, индуизма и индийской культуры в целом на китайскую архитектуру, литературу, фольклор и науку о языке подтверждается многочисленными фактами. Так, на фресках великолепных буддийских скальных храмах Дуньхуан на великом шелковом пути сочетаются буддийские и китайские сюжеты.

торые китайские ученые связывают появление фаньце с анализом индийского письма, в частности, деванагари. Так, лигатуры в письме деванагари, обозначающие сочетания согласных санскрита, оказываются составными знаками, совмещающими графические элементы разных силлабем (Li Ling 2023: 759). Именно рефлексия над отражением на письме звукового состава слова могли способствовать образованию фаньце.

Такую точку зрения поддерживают и русские ученые: «Мысль о возможности разложения слова на отдельные звуки, вероятно, возникла у китайцев под влиянием знакомства с индийской системой письма» (Yakhontov 1980: 100). Анализ буквенно-звукового письма инициировал внимательное исследование звучащего слова. «Знакомство с алфавитной письменностью способствовало пробуждению у китайских филологов интереса к более глубокому анализу звуков собственного языка, что привело к возникновению новой отрасли китайской филологии — фонетики» (Kryukov, Malyavin, Sofronov 1979: 232).

Изобретение и применение способа фаньце способствовали развитию разных отраслей китайского языкознания. В частности, раздел науки о языке 声训 *shēng xùn* (толкование по звуку) занимался попыткой выявления значений слов через подбор одинаково или сходно звучащих слов — омонимов или паронимов. Такая своеобразная «этимология» основывалась на существовавшей, по мнению китайских ученых, тесной связи фонетики и семантики слова. Например, 山顶曰冢, 冢, 肿也, 言肿起也 — *вершиной горы называется 冢 zhǒng, 冢 zhǒng — это 冢 zhǒng (опухание, шишка), т. е. вершина горы понимается как шишка земли* (Юн, 2010: 137). По такому принципу даже был составлен объемный словарь «释名 Ши Мин» Лю Си (230 г.). Однако не все иероглифы могли быть истолкованы по такому принципу, потому что не всегда удавалось найти даже причудливые ассоциации, чтобы сопоставить одинаково звучащие слова.

Авторы древнекитайских текстов часто использовали взаимозаменяемые иероглифы, т. е. вместо правильного иероглифа в тексте часто употреблялся другой близкий по произношению иероглиф (Van 2002: 56). В этом случае было сложно понять смысл текста, но использование фаньце помогало прочесть иероглиф и установить значение замененного иероглифа. На-

пример, в древнем тексте «寡助之至，亲戚畔之 *guǎ zhù zhī zhì, qī qī pàn zhī*, у правителя, не проявляющего благожелательность, мало сторонников, даже родственники его **предадут**» прочтение 畔 (*pàn* = 薄 *pǔ*2 + 半 *bàn*) совпадает с произношением 叛 (*pàn* = 薄 *pǔ* + 半 *bàn*). Значение фразы оказывается непонятным, так как иероглиф 畔 *pàn* значит *межа; возле*, однако этот иероглиф употреблен вместо иероглифа 叛 *pàn*, исходное значение которого — *предать*, запись фаньце показывает одинаковое произношение двух этих слов, что объясняет взаимозаменяемость иероглифов 畔 *pàn* и 叛 *pàn* в этом контексте (Pan 1985: 144).

Можно утверждать, что использование фаньце способствовало развитию 声训 *shēng xùn*, обеспечило точность толкования древних иероглифов и комментирования текстов.

Представляется, что китайские ученые под влиянием алфавитного индийского письма изобрели метод фиксации звучания китайского слова на основе иероглифики — фаньце, поэтому можно утверждать, что знакомство с индийским письмом привело к приспособлению идеи буквенно-звукового письма для создания способа записи произношения слогоморфемных знаков китайской письменности, то есть иероглифов (Kryukov, Malyavin, Sofronov 1979: 236).

Теоретически метод фаньце давал возможность создания своего рода алфавита с постоянными знаками для обозначения начальных согласных и вокалических частей слога китайского языка, однако развитие системы фаньце пошло по другому пути — вместо унификации системы фаньце авторы стремились к наиболее точной передаче оттенков звучания слова. Это приводило к существенному увеличению числа знаков, которые могли использоваться для указания на произношение в соответствии с принципами фаньце (Kryukov, Malyavin, Sofronov 1979: 235).

Роль фаньце в развитии китайской науки и культуры велика, ведь этот уникальный способ фиксации произношения китайского слова способствовал развитию навыков в толковании и комментировании древних иероглифов и текстов.

Литература

- Kryukov, M. V., Malyavin, V. V., Sofronov, M. V. 1979: *Kitaiskii ehnos na poroge srednikh vekov [The Chinese ethnic group on the threshold of the Middle Ages]*. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka» Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury.
- Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. 1979: *Китайский этнос на пороге средних веков*. М.: Издательство «НАУКА», Главная редакция восточной литературы.
- Li Ling. 2023: [Chinese Rhyme Dictionary and Russian Orthoepic Dictionary: matching possibilities]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]*. SPb. tom 2, 757–768.
- Ли Л. 2023: Китайский словарь рифм и русский орфоэпический словарь: возможности сопоставления. В сб.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. СПб. том 2. с. 757–768.
- Li Ling. 2022: [The doctrine of the origin of words in the European and Chinese linguistic tradition]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]*. SPb. tom 2, 770–777.
- Ли Л. 2022: Учение о происхождении слов в европейской и китайской лингвистической традиции. В сб.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. СПб. том 2, 770–777.
- Yakhontov S. E., 1980: [History of Linguistics in China (I thousand BC — I thousand AD)]. In: *Historia linguae doctrinam. Antiquis*. Leningrad: "Scientia" Leningrad ramus, 92–109.
- Яхонтов С.Е., 1980: История языкознания в Китае (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). В сб.: *История лингвистических учений. Древний мир*. Ленинград: «Наука» ЛО, 92–109.
- Wang Ning. 2022: *Antiquis Seres [Ancient Chinese]*. Beijing: Beijing Publishing House.
- 王宁, 2022: *古代汉语*. 北京. 532 页. [Ван Нин 2002: Древний китайский язык. Пекин].
- Chen Xiujuan, Li Tingyu. 2020: *Dictionary Seres [Chinese Dictionary]*. Chengdu: Sichuan Dictionary Publishing House. 1330.
- 陈秀娟, 李婷玉. 2020: *中华大词典*. 成都. 1330 页. [Чэнь Сюэцзюань, Ли Тинъюй. 2020: *Китайский большой словарь*. Чэнду. 1330 с.].
- Peng Huiqiu. 1985: [On the Emergence and Application of Inverse Cutting]. In: *Journal of Xiangtan University (Social Science Edition)*. No. 1, 139–147.
- 彭辉球. 1985: 试论反切的产生及其应用 // *湘潭大学学报 (社会科学版)*. 第一期, 139–147 页. [Пэн Хуэйцю. 1985: Исследование о происхождении фаньце и его применения. В сб.: *Вестник Сянтаньского университета (серия по общественным наукам)*. №1. с. 139–147].

- Zhu Huaqing. 2020: [The Change and development of ancient Chinese Character Pronunciation and phonetic transcription]. In: *Cingulum Et Via Culturae Et Artis [The Belt and Road Culture and Art]*. 158–160.
- 朱怀清. 2020: 古代汉字音读与注音的变化发展 // 一带一路文化艺术. 158–160 页; [Чжу Хуайцин. 2020: Развитие и изменение в чтении древнекитайских иероглифов. В сб.: *Один пояс, один путь, культура и искусство*. с. 158–160].
- Xu Shi yi. 2016: *Historia Sinensium lexicographiae [History of Chinese lexicography]*. Shanghai: Dictionary Publishing House. 487.
- 徐时仪. 2016: 汉语语文辞书发展史. 上海. 487 页. [Сюй Ши. 2016: *История развития словарей китайского языка*. Шанхай.].
- Yong Heming, Luo Zhenyue, Zhang Xiangming. 2010: *Dictionary sinensium 3000 annorum: ab 1046 A. C. n. ad 1999 AD [Chinese Dictionary 3000 years: from 1046 BC to 1999 AD]*. Shanghai: Foreign Language Education Press.
- 雍和明, 罗振跃, 张相明. 2010: *中国辞典 3000 年: 从公元前 1046 年到公元 1999 年*. 上海. 523 页. [Юн Хэмин, Ло Чжэньюэ, Чжан Сянмин. 2010: 3000 лет китайских словарей: с 1046 г. до н. э. по 1999 г. н. э. Шанхай].

Х. Гарсиа Чапарро
Университет Альфонсо Х эль Сабио, Испания.
jgchaparro@outlook.com

М. Л. Кисилиер
СПбГУ/ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия.
maxim@iling.spb.ru

М. Новаковски
Ягеллонский университет, Краков, Польша.
marcel.nowakowski@student.uj.edu.pl

О НОВОГРЕЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ЦАКОНСКОМ ДИАЛЕКТЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Диалектная лексикография является неотъемлемой частью диалектологии. Словари для диалектов новогреческого языка начали создаваться в XIX в. Вначале их задачей было показать связь того или иного диалекта с древнегреческим. Однако постепенно, по ходу развития новогреческой диалектологии, начали меняться и диалектные словари, все более ориентируясь на актуальные диалектные данные. В настоящей статье освещаются три аспекта, связанные с новогреческой диалектной лексикографией. Во-первых, прослеживается связь между развитием лингвистических теорий и, соответственно, новогреческой диалектологией и теми изменениями, которые постепенно претерпевали новогреческие диалектные словари. Во-вторых, предлагается обзор словарей цаконского диалекта с точки зрения общей парадигмы развития новогреческой диалектной лексикографии. И, наконец, подробно обсуждаются особенности недавно созданного авторами статьи онлайн-словаря цаконского диалекта и перспективы его развития.

Ключевые слова: новогреческая диалектология, диалектная лексикография, компьютерная лексикография, цаконский диалект, цаконские словари, языковое документирование, ревитализация.

J. García Chaparro

Universidad Alfonso X el Sabio, Madrid, Spain.

jgchaparro@outlook.com

M. Kisilier,

SPb University/ILS RAS, St. Petersburg, Russia.

m.kisilier@spbu.ru

M. Nowakowski

Uniwersytet Jagielloński. Krakow, Poland.

marcel.nowakowski@student.uj.edu.pl

About Modern Greek dialectal lexicography and Tsakonian dialect: History and prospect

Today, the majority of Modern Greek dialects have a dictionary, sometimes even more than one. This lexicographic boom started in the 19th century. First dictionaries were very unprofessional as most authors had no idea of linguistics and lexicography, and the lexicography of that period was in its initial stage. The goal of the most dictionaries was to highlight archaic features and words in Modern Greek dialects. So, the etymological commentary was often the central part of the entry. Structuralism and the later linguistic theories motivated the changes in Modern Greek dialectal lexicography. At last, the focus has moved from the history to the current state of the dialect. Despite these positive improvements, dialectal dictionaries are hardly ever used by the speakers of the dialects. Most of them do not have the dictionary close at hand when needed, and without the habit of using a dictionary, sometimes it is not easy to find the required word or not to get lost in the information of the entry. Moreover, pretty often the translation is needed not “from” the dialect but “to” the dialect, and such kind of dictionaries are extremely rare. As a result, the existing dictionaries of Modern Greek dialects can hardly be used as a tool of revitalization. In our contribution, we present the online-dictionary of Tsakonian we have recently created. It is built using Python and the Django module. The webpage allows to search both from Tsakonian to Greek and, as a novelty, from Greek to Tsakonian, a characteristic not supported by any other materials so far. The entries provide a brief description of the grammatical inflection for a significant proportion of terms. We believe that this dictionary may become the key component of a broader process of preservation and revitalization of Tsakonian as a basis for Tsakonian linguistic corpus and online platform for teaching Tsakonian. Once created, the online Tsakonian dictionary will become a model for other projects aimed at the creation of dialectal dictionaries.

Keywords: studies of Modern Greek dialects, dialectal lexicography, computer lexicography, Tsakonian, Tsakonian dictionaries, language documentation, revitalization.

1. Общие сведения о словарях новогреческих диалектов

Диалектная лексикография является одним из важнейших аспектов диалектологии. Во время проведения полевых исследований всегда собирают диалектные лексемы, и участники экспедиций, хотя бы для себя, составляют их списки и словари. Словари остаются неотъемлемой частью языкового документирования (ср. Naviland 2006), не менее важной, чем создание корпуса текстов. Еще в середине XIX в. возникла идея о том, что словари могут способствовать сохранению диалектов¹, и до сих пор создание словарей продолжают рассматривать как одну из составляющих языковой ревитализации (Penfield 2021: 63).

Новогреческая диалектология здесь ни в коей мере не оказывается исключением. Для некоторых диалектов словари появились еще в XIX в. Их авторы в основном плохо представляли себе, что, помимо слов и их значений, должно быть отражено в словарной статье, поэтому их подход, в большинстве случаев, был крайне непоследователен. Примером такого словаря может служить «Хиотский глоссарий...» Александра Паспатиса (Paspatis 1888). В нем лемма вводится как отдельным словом, так и словосочетанием (см. рис. 1).

Βουλήματα εἶναι, προφέρεται ἀνευ τοῦ ἀρχικοῦ βί. «Ὁὐ-
λήματα εἶναι», ἤτοι βασιλευμα ἡλίου. Οἱ Χῖοι μεταχειρίζον-
ται τὸ ρῆμα βουλῶ ἀντὶ βυθίζομαι. Λέγουσιν ἐβούλησεν ὁ ἥλιος,
ἀντὶ τοῦ ἔδυσεν ὁ ἥλιος. Διὰ τῆς φράσεως «Ὀυλήματα ἵναι»
ἐνοοῦσιν ὅτι ὁ ἥλιος πλησιάζει νὰ δύσῃ. Ἦσυχ. «Βουλητὸν
τὴν δειλέην ὥραν, ἐν ἣ τὸ ἄροτρον λύεται τῶν βοῶν». Ἑλλ.
Βουλυτὸς (ὀ) καιρὸς καθ' ὃν λύονται οἱ βέες ἀπὸ τὸ ἄροτρον, ἢ
ἔσπερα. Ὁ Κοραῆς ἀναφέρει τὸ ρῆμα, Βουλῶ, βουλιᾶζω εἰς
τὴν θάλασσαν (Ἄτ. Τομ. Δ', σελ. 58). Περιέργος εἶναι ἡ συγ-
γένεια τῆς Χιακῆς ταύτης λέξεως μετὰ τῆς ἐρμηνείας τοῦ
Ἦσυίου.

Рис. 1. Словарная статья *Βουλήματα εἶναι* (Paspatis 1888: 112)

Fig. 1. Entry *Βουλήματα εἶναι* (Paspatis 1888: 112)

¹ Так, в 1859 г. Ф. А. Хартахай подготовил первый словарь диалекта приазовских греков, который даже получил название «Язык умирающего греческого наречия». Словарь был опубликован лишь век спустя (Chernysheva 1959). Отметим, что, несмотря на пессимизм Ф. А. Хартахая и все трудности, с которыми пришлось столкнуться его носителям в XX (ср. Kisilier 2022a) и XXI вв., диалект приазовских греков продолжает существовать и сегодня.

В комментарии могут оказаться очень разные данные: этнографические сведения, названия населенных пунктов, где данная лексема употребляется, или даже отрывок диалектного текста (см. рис. 2). При этом практически никогда не указываются грамматические сведения.

Βουνός, χωρίον μαστιχοφόρον.

'Αγάπην ἔχω στο Βουνό, τσ' ἀγάπη εἰς τὰ Φλάτσα,
'Αγάπη τσ' εἰς τὰ Νένητα, ποῦ βασιλεύουν τ' ἄστρα.

Рис. 2. Словарная статья *Βουνός* (Paspatis 1888: 112)

Fig. 2. Entry *Βουνός* (Paspatis 1888: 112)

Важно отметить, что для хиотского диалекта, на котором многие говорят на Хиосе до сих пор, так и не появилось другого словаря. Впрочем, некоторым новогреческим диалектам повезло значительно больше — уже в XX в., когда их лексикографией занялись профессиональные филологи и лингвисты. В качестве примера можно привести двухтомный «Исторический словарь понтийского диалекта» Анфимиоса Пападопулоса (Papadopoulos 1958; 1961), которым до сих пор пользуются не только специалисты, но и носители диалекта. В нем довольно подробно описывается этимология слов, даются примеры употребления, регулярно указывается субдиалектная принадлежность лексемы или ее варианта и иногда приводятся грамматические формы, особенно для глаголов (см. рис. 3).

λαλῶ κοιν. 'Αόρ. ἐλάλησα. Προστ. λάλ(ει),
λάλησον, λάλεσον, β' πληθ. λαλήσητε, λαλέστε.
'Απαρ. λαλέσ(ει)ναι. Παθ. λαλῶσομαι. Με-
τοχ. λαλῆμένος Χαλδ. 'Η προστ. λάλ(ει)=προώ-
θει λέγεται μόνον διὰ ζῶα. 'Ιδ. σημ. 3 καὶ 4.

Τὸ ἀρχ. λαλῶ=ὀμιλῶ πολὺ, φλυαρῶ.

1) 'Ομιλῶ, φλυαρῶ. β) 'Εκβάλλω φωνήν, λέγω τι: Φρ. Χῶμαν φὰ καὶ μὴ λαλῆς (ἡ μεταφ. ἀπὸ τὸν θαπτόμενον νεκρόν). Κάτ' λαλεῖ 'ς τὸ κεφάλι μ' (κάτι δυσάρεστον προαισθάνομαι). 'Ελάλ'εν ἄτον (εἶχε προαἰσθησιν ὅτι θὰ πάθῃ). 2) Προσκαλῶ συνήθως εἰς γάμον, βαφτίσια κττ. Μετοχ. λαλῆμένος, προσκεκλημένος. 3) Προωθῶ ζῶα διὰ νὰ προχωρήσουν. 4) 'Οδηγῶ ζῶα εἰς βοσκήν. 5) 'Οργῶνω μὲ ἀροτῆρας βοῦς.

Рис. 3. Словарная статья *λαλῶ* (Papadopoulos 1958: 512)

Fig. 3. Entry *λαλῶ* (Papadopoulos 1958: 512)

Пожалуй, главный недостаток «Исторического словаря...» Пападопулоса лежит на поверхности — это кафаревуса, на которой написаны все комментарии, и этим он мало чем отличается от «Хиотского глоссария...» Паспатиса. Естественно, что в те годы, когда оба словаря были созданы, кафаревуса была языком школьного образования, и таким образом словари были доступны всем, кто учился в Греции. Однако после официального упразднения кафаревусы в 1976 г. ситуация коренным образом изменилась: если кафаревусная лексика в той или иной степени остается понятной (подробнее см. Kisilier 2022b), то грамматика может создавать сложности, приводящие к полному непониманию текста (ср. Petrounias 1993: 173)².

Другой, тоже вполне очевидный, минус — это проблемы передачи особенностей понтийской фонетики, в частности звуков [æ], [ʃ] и [tʃ], средствами греческой орфографии при отсутствии фонетической транскрипции. Это делает словарь в полной мере доступным лишь тем читателям, кто хорошо представляет себе понтийскую фонетику и принятые орфографические правила³.

---

² Другая проблема оказалась связана с тем, что новогреческий знают лишь понтийцы, проживающие в Греции. В итоге, для понтийцев из Турции появился свой словарь (Tursun 2019), крайне интересный для изучения понтийских субдиалектов, но избоблюющий лингвистическими ошибками (неверное определение частей речи и т. п.). Отдельного упоминания заслуживает «Русско-понтийский словарь обиходной лексики» Д. И. Зимова (Zimov 2020), созданный на базе «Исторического словаря...» Пападопулоса, но в значительной степени переработанный с учетом особенностей понтийского диалекта на территории Российской Федерации. В отличие от многих других словарей, например, новогреческо-понтийского словаря Димитриса Никополитидиса (Nikopolitidis 2017), словарь Д. И. Зимова предлагает основные формы для большинства прилагательных и существительных. Несколько лет назад была предпринята попытка запустить «Понтийский проект», в рамках которого планировалось создать онлайн-словарь и связанный с ним корпус понтийского диалекта с многоязычным интерфейсом и соответственно с переводом на новогреческий, русский, турецкий и английский (подробнее см. Kisilier 2022c). К сожалению, у его авторов и разработчиков хватило финансов только на демоверсию: <http://web-corpora.net/PonticDictionary/> (дата обращения 15.03.2024).

³ Показательно, что упомянутый в сн. 2 понтийско-турецкий словарь (Tursun 2019) использует латиницу, поскольку понтийцы Турции в основной массе не знают греческого алфавита.

«Исторический словарь...» Пападопулоса, как и большинство диалектных словарей, не ориентирован на современный диалект. Он стремится воссоздать прошлое «идеальное» языковое состояние, сохраняя субдиалектное членение, существовавшее еще в Малой Азии до 1920-х гг., но изменившееся, как свидетельствуют некоторые примеры из языка понтийских греков СССР (ср. Елоева 2004: 102–106), уже в середине XX в. По этой причине он не включает в себя ряд крайне употребительных лексических заимствований из русского языка (в частности, *stól* и *súxari*), вошедшие в понтийский еще в конце XIX в., когда на Понте появилась русская армия⁴.

Принципиально иная «идеология» прослеживается в «Словаре диалектов Айвалыка, Кидонии и северо-восточного Лесбоса» (Ralli 2017), составитель которого Ангелики Ралли в первую очередь ориентировалась на собранные ей диалектные материалы. Подробный анализ этого словаря был уже сделан до нас (Худорoulos 2019), поэтому мы отметим лишь тот факт, что словарь учитывает большинство достижений диалектной лексикографии; словарная статья дает информацию не только о значении лексемы, ее употреблении и происхождении, но и о ее произношении (см. рис. 4).

αγγουρότζιφλου (Ο, ουδ) /aguródziflu/: φλούδα αγγουριού. «Μάζιμι τ-αγγουρότζιφλα να τα φάγ' η κατσίκα». [νελ. αγγουρότσεφλο (μαρτυρείται στην Κωνσταντινούπολη) <μσν. αγγούρ(ιv) (<ελνστ. *αγγούριον (πρβ. ελνστ. άγριαγγούριον) (με [-ιον>-ιv])) + -ο- + μσν. τζέφλ(ιv) (<αραβ. defl + -iv) + -ο].

Рис. 4. Словарная статья *αγγουρότζιφλου* (Ralli 2017: 26)

Fig. 4. Entry *αγγουρότζιφλου* (Ralli 2017: 26)

Учитывая, что корпус, на базе которого был создан словарь, представляет собой в основном аудиоматериалы, словарь не потребует существенной переработки в случае создания его онлайн-версии. Обсуждение онлайн-версии «Словаря диалектов Айвалыка, Кидонии и северо-восточного Лесбоса» сейчас ведется, и хочется надеяться, что она в итоге появится.

К сожалению, компьютерная лексикография только начинает внедряться в новогреческую диалектологию: существует несколько проектов — от сугубо инициативных (об одном из

⁴ Авторы выражают благодарность Архондулле Константииду, указавшей на эти примеры.

таких пойдет речь в разделе 3 настоящей статьи), до институциональных, получивших серьезную грантовую поддержку (подробнее см. Manolessou et al. 2022),— однако все они еще далеки от той стадии, на которой можно было бы судить об их успехе.

2. Словари цаконского диалекта

Новогреческая диалектология во многом началась с изучения цаконского диалекта, поскольку в XIX в. он привлек к себе внимание многих исследователей благодаря своим архаическим чертам, по-видимому, восходящим к древнегреческому дорийскому диалекту. Более того, первые упоминания отдельных особенностей цаконского начались еще до того этапа новогреческой диалектологии, который знаменитый греческий диалектолог Христос Дзидзилис считает начальным и именуует «исторической диалектологией» (Tzitzilis 2000: 17–19). Так, первая грамматика появилась еще в 1846 г. (Oikonomos 1846; подробнее об истории изучения цаконского см. Liosis 2016; Kisilier 2019), а 35 цаконских лексем еще в XVII в. зафиксировал турецкий путешественник Эвлия Челеби (Costakis 1980–1981: 275–276; Dankoff 1991: 113), а столетием позже список из порядка 160 слов привел Жан-Батист-Гаспар д’Ансе де Виллуазон (см. Famerie 2006: 229–233) и в 1788 г. опубликовал их в предисловии к изданию «Илиады» (Famerie 2007: 238–240). И у Челеби, и у Виллуазона, отражение цаконских лексем отличается крайней неточностью (ср. Costakis 1956b: 34), поэтому уместно считать, что первый цаконский глоссарий появился только в грамматике священника Феодора Икономоса (Oikonomos 1846: 26–32)⁵. Чаще всего, словарная статья в глоссарии Икономоса состоит только из цаконского слова и перевода, однако иногда (правда, крайне нерегулярно) приводятся отдельные грамматические формы для глаголов и комментарии, связывающие цаконскую лексему с древнегреческой (см. рис. 5).

---

⁵ В расширенном виде глоссарий переиздан в (Oikonomos 1870: 57–97). Отметим, что глоссарии в обоих изданиях различаются объемом, но не принципами построения словарной статьи.

ἀπαυράχου, Ἄδρ. ἀπαυρᾶ, ἀφαιρῶ
 τί μὲ βίαν, ἀπὸ τοῦ ἀπαυράω ἐω
 τὸ καταβροχθίζω, καταπίνω, λαί-
 μαργα. Ὅμ. Ἰλ. Ρ. 236, «νήπι-
 οί! ἦτε πόλεσιν ἐπ' αὐτῷ θυμὸν
 ἀπηῦρα.»

Рис. 5. Словарная статья ἀπαυράχου (Oikonomos 1846: 26)

Fig. 5. Entry ἀπαυράχου (Oikonomos 1846: 26)

Демонстрация непосредственных связей между цаконским и древнегреческим, пожалуй, с самого начала⁶ стала одной из ключевых задач большинства научных работ⁷, посвященных цаконскому. Для цаконского сообщества эта связь уже несколько столетий лежит в основе национальной идентичности (ср. Leake 1968: 505). Для многих лингвистов именно исключительная древность цаконского, сохранившего ряд дорийских и, в первую очередь, лаконских особенностей, и стала причиной их интереса к данному диалекту. Густав Девиль, написавший в середине XIX в. диссертацию про цаконский (Deville 1866), ищет в этом диалекте архаические черты, а включенный в диссертацию глоссарий (сс. 32–73) по сути представляет собой этимологический словарь цаконского диалекта (см. рис. 6).

109. Θύου — σφάζω, tuer.

Grec ancien, θύω. De même θυῦμα, σφάζιμο, action de tuer.

Рис. 6. Словарная статья θύου (Deville 1866: 46)

Fig. 6. Entry θύου (Deville 1866: 46)

К чести Девилья надо отметить, что он ищет истоки не только в древнегреческом, но и в византийском греческом (см. рис. 7). Этим он отчасти предвосхищает идею, позже сформулированную Яннисом Психарисом, который считал, что при изучении новогреческого и его диалектов надо пытаться ориентироваться не на древнегреческое, а на средневековое состояние (ср. Pernot 1892: 50–51).

⁶ Подобного намерения, естественно, не было у Челеби, но его можно наблюдать уже у Виллуазона.

⁷ Здесь термин 'научная работа' понимается широко и подразумевает не только исследования, проведенные профессиональными лингвистами, но и описания, выполненные местными энтузиастами типа Икономоса.

110. Θρούνια — ρουθούνια, narines.

Métathèse du ρ, et élision de la première diphthongue. Cf. ρθούνια, Phtochoprodromos, I, v. 331.

Рис. 7. Словарная статья *θρούνια* (Deville 1866: 46)

Fig. 7. Entry *θρούνια* (Deville 1866: 46)

Первый цаконский словарь в современном понимании этого термина был издан в 1923 г. немецким филологом-классиком и известным исследователем цаконского диалекта Михаилом Деффнером, разделявшим воззрения младограмматиков и являвшимся апологетом сравнительно исторического метода. Деффнер приехал в Цаконию,⁸ как и большинство лингвистов, в поисках сохранившихся дорийских черт, однако в отличие от своих предшественников, заинтересовался не только самим фактом существования архаизмов, но и тем, как они функционируют. Такой подход нашел отражение в лексикографической работе Деффнера. За год до публикации своего словаря, он издает «Глоссарий цаконских фитонимов» (Deffner 1922), где на первый план выходят значение фитонима, параллели в других диалектах, соответствующий латинский термин, а порой и форма множественного числа. Изредка в «Глоссарии» может присутствовать указание на античного автора, в тексте которого упоминается данное растение, и даже приводится древнегреческая лексема, от которой обсуждаемый фитоним может происходить (см. рис. 8).

κ'άντζικα, ἄ, πλ. *οἱ κ'άντζιτζε*, νεοελλ. τὸ μυρῶνι, τὸ ἀγριμυρῶνι, scandix pecten. Ἡ λατινικὴ ὀνομασία scandix ἐλήφθη ἐκ τῆς ἀρχ. ἐλλ. λέξεως *σκάνδιξ*, ἡ ὁποία ἀπαντᾷ εἰς τὸν Ἀριστοφάνην (Ἀχαρνεῖς), Θεόφραστον κλ. Ὁ Ἀριστοφάνης τὸν Εὐριπίδην ἀπεκάλεσε *σκανδικοπώλην*.

Рис. 8. Словарная статья *κ'άντζικα* (Deffner 1922: 19)

Fig. 8. Entry *κ'άντζικα* (Deffner 1922: 19)

В исключительных случаях в «Глоссарии» приводятся варианты фитонимов из села Кастаница (Deffner 1922: 12 [ἀφρία]), где распространен т. н. «северный» субдиалект цаконского (ср. Contossopoulos 2001: 3), демонстрирующий ряд очевидных фо-

⁸ Так принято называть область на Пелопоннесе (Греция), где проживают носители цаконского диалекта.

нетических особенностей⁹. Впрочем, словарные статьи с подобной «дополнительной» информацией, скорее, представляют собой исключение, поскольку очевидно, что основная задача у «Глоссария» — адекватный перевод цаконских фитонимов.

По-видимому, такую же задачу Деффнер ставил перед собой и в своем словаре (Deffner 1923), хотя в нем словарная статья имеет более сложную структуру, чем в «Глоссарии» (см. рис. 9).

καμπζί, τό, γεν. τοῦ καμπζίου, πληθ. τὰ καμπζία = τὸ παιδί, ἰδίως τὸ ἀρρενικὸν τέκνον — Kind, Knabe — enfant, petit garçon. Χαρακτηριστικὴ λέξις τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου. Ὁ κ. P. Jernstedt εἰς τὰ Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher, Bd III, Heft 1 (-2), ἔγραψε διατριβὴν Mittelgriechisches und Zakonisches, ἐκεῖ δὲ (σελ. 85-87) παράγει τὸ καμπζι (ἐσφαλμένως γράφει καμπζί) ἀπὸ τὸ λακωνικὸν πάμπαις, παμπαιδίων. Κρίμα εἰς τὰς ὠδύνας τῆς κεφαλῆς του, διὰ τὴν βγάλη ἕνα τέτοιον καμπζί! Ὁ κ. Jernstedt ἔχει τὴν τσακωνικὴν μου γραμματικὴν (Berlin 1880) καὶ συνεπῶς ἐγνώριζε τὴν ἰδικὴν μου ἐκ τῆς λέξεως καρπός, καρπίον, καρπίδιον παραγωγὴν (Γ. 113), τὴν ὅποیان ἐστήριξα ἐπὶ τῆς τάσεως τῆς τσακωνικῆς, τὸ ρ πρὸ τῶν τ, κ, π νὰ τρέπη εἰς τὸ σχετικὸν ἔρρινον σύμφωνον, ἀνέφερα δὲ ὡς παραδείγματα ἄρτος — ἄντε, ἄρκα — ἄγκα καὶ σκορπίος — κόμπιο. Περαιτέρω δὲ, πρὸς πρόληψιν ἄλλων παμπαιδων, στήριζω ἤδη τὴν παραγωγὴν μου ἐπὶ τοῦ γλωσσήματος τοῦ Ἑουσίου: « καρπός. τὸ ἄρθρον τῆς χειρός. καὶ σίτος, καὶ τέκνα, καὶ τὰ ἔρια » καὶ προσθέτω ἔστι γὰρ τὸ τέκνον καρπός τῆς κοιλίας (Leibesfrucht, fruit du ventre), ἣ δὲ γυνὴ κατὰ τὴν ψυχολογίαν τοῦ λαοῦ εἶνε ἀγρὸς ἔχων ἀνάγκην καλλιέργειας διὰ τὴν ἀποφέρῃ καρπούς. Μόνη φθογγολογικὴ δυσκολία ἀπομένει ἡ ἐξήγησις τῆς καταλήξεως -ζι ἐκ τοῦ ὑποκοριστικοῦ καμπι ἢ καμπίδι. Ὅπως τὸ βαννίδια ἔγεινε βαννίζα καὶ τὸ κακίδια — κακίζα, ἔπρεπε καμπίδια νὰ γείνη καμπίζα. Δὲν πταίω ἐγὼ διὰ τὴν μετάθεσιν τοῦ καμπίζα εἰς καμπζία καὶ τὸν σχηματισμὸν τοῦ ἐνικοῦ καμπζί. Τὰ παράπονά του ἄς ἀπευθύνῃ ἡ διαφωνὴ πρὸς τὸν τότε δήμαρχον τοῦ Πραστοῦ. Εὐχὴ: Νὰ χαίρισου τὰ καμπζία ντι! νὰ χαιρέσαι τὰ παιδιὰ σου! Αὐτοκατάραι: Νὰ χακούτσου τὰ καμπζία μι! νὰ θάψω τὰ παιδιὰ μου! Τὰ καμπζία μι νὰ σι βάλου σ' ἕνα τάφο! τὰ παιδιὰ μου νὰ τὰ βάλω σ' ἕνα τάφο! Γ. 113.

Рис. 9. Словарная статья *καμπζι* (Deffner 1923: 162)

Fig. 9. Entry *καμπζι* (Deffner 1923: 162)

Помимо перевода на новогреческий, немецкий и французский, в большинстве словарных статей приводятся примеры употребления лексемы и разного объема этимологический коммента-

⁹ Впрочем, на Пелопоннесе в цаконском легко выделяются и другие субдиалекты (подробнее см. Kisilier 2021: 230–233), что в своем словаре отразил Фанасис Костакис (см. ниже).

рий¹⁰, а иногда, хотя и крайне нерегулярно (как на рис. 9),— основные грамматические формы (почти исключительно для глаголов).

Для своего времени словарь Михаила Деффнера был выполнен на очень высоком уровне и произвел сильнейшее впечатление на современников, некоторые из которых сравнивали словарь Деффнера с готовившимся тогда к изданию «Историческим словарем новогреческого языка и его диалектов»¹¹ (см., напр., Deinakis 1923: 192). Более того, принципиальный оппонент Деффнера, ученик Психариса Юбер Перно, предлагавший альтернативные подходы и решения для большинства вопросов, связанных с цаконским (Kisilier 2019: 499–501), не только признает, что словарь Деффнера является одним из основных источников по диалекту (Pernot 1934: 15), но даже не пытается провести собственное лексикографическое исследование.

По мнению многих выходцев из Прастоса, державших в руках работы Деффнера, включая словарь и «Глоссарий цаконских фитонимов», немецкий исследователь ориентировался на субдиалект Прастоса¹², древней столицы Цаконии, вероятно, считая его наиболее аутентичным. Известно, что Деффнер значительную часть исследований проводил в новой столице Цаконии Леонидионе¹³, куда еще в начале XIX в. в силу разных обстоятельств переехали жители Прастоса, покинув свой город.

---

¹⁰ Например, в статье *καμπζί* (рис. 9) этот комментарий напоминает маленькую научную статью, в которой Деффнер критически рассматривает гипотезы разных лингвистов, в частности, российского эллиниста и коптолога П. В. Ернштедта (Jernstedt 1922: 85–89).

¹¹ Полное официальное название словаря — Ἱστορικὸν Λεξικὸν τῆς Νέας Ἑλληνικῆς, τῆς τε κοινῆς ὁμιλουμένης καὶ τῶν ἰδιωμάτων (IANE). Первый том «Исторического словаря...» вышел в 1933 г. В 2016 г. был выпущен шестой том, авторы которого смогли достичь только до лексемы *διάλεκτος*. Подробнее об «Историческом словаре» см. на сайте Афинской академии: http://www.academyofathens.gr/el/research/centers/greekdialects/work/historical_vocabulary (дата обр. 05.04.2024).

¹² Примерно через 30 лет знаменитый ученик Перно Фанасис Костакис, уроженец цаконского села Мелана, издаст свои исправления к «Глоссарию...» Деффнера (Costakis 1956a), в которых, как нам кажется, он по большей части заменил формы из субдиалекта Прастоса на варианты из родной ему Меланы.

¹³ В благодарность за вклад в изучение местного диалекта и культуры Деффнера сделали почетным жителем Леонидиона.

Впрочем, есть основания утверждать, что они-то как раз, будучи богатыми и хорошо образованными, не знали цаконского (Kisilier 2014: 290–291), так что и в Леонидионе диалектом в основном владели выходцы из соседних деревень (Kisilier 2021: 233–234). В Прастосе же на цаконском стали говорить т. н. «новые» поселенцы, занявшие опустевшие дома после ухода прежних жителей. Но неизвестно, проводил ли Деффнер исследования в Прастосе, работая над словарем. Так или иначе, в словаре Деффнера не ставилась задача отразить разные локальные варианты цаконского.

Эту задачу поставил перед собой знаменитый цаконист, уже упоминавшийся выше Фанасис Костакис. По итогам многолетней работы он, почти через 70 лет после Деффнера, издал трехтомный «Словарь цаконского диалекта» (Costakis 1986a; 1986b; 1987). Помимо того, что он значительно превосходит своего предшественника по размеру, его можно назвать одним из первых словарей комплексного типа (рис. 10).

Ζεματίζω ΒΧ, *ζεμακίχον, εζεμακία, ζεμακιστέ* ΜΠΤ. Μέσ. *ζεμακισκούμενε, εζεμακίσμα* ΜΠΤ, *ζεματίσμα* ΒΧ.

Το μέσν. *ζεματίζω* Ανδρ.

1. Περιχύνω και μέσ. περιχύνομαι με καυτό νερό, λάδι κλπ. κοιν. *Εζεμακία τον ποιά μι με το λεχουτέ ύο, Μ, ζεμάτισα το πόδι μου με το καυτό νερό. Ζεματιστέ νερό Χ, ζεματισμένο, καυτό νερό. Ετσίχίτε αί από το τέρανε τῆι μ' εζεμακίε Μ, χῆθρηε λάδι από το τηγάνι και με ζεμάτισε.* **2.** Βοθίζω, βουτώ σε καυτό υγρό κοιν. *Ζεματίζω 'μα το κόζονε Β, ζεματίζω τα κουικά. Ἰ' εζεμακία και το νέμα Μ, το ζεμάτισα καλά το νήμα. Συνών. λεχουΐου.* **3.** Υποφέρω από αναρμεξιά ΜΤ. *Α γίδα εζεμακίστε από το γά, ἔ' αφήκατε ανάρητε Μ, η γίδα ζεματίστηκε από το γάλα, την αφήσατε ανάρμεχτη. Σ' αφήκαμε ανάρητα τῆνι ημέρε τα προάτα τῶ' εζεμακίσται Τ, τ' αφήσαμε ανάρμεχτα τα πρόβατα τρεις μέρες και ζεματίστηκαν. Συνών. δαίσου, λεχουΐου.* **4.** Προκαλώ εγκαύματα κοιν. *Εζεμακία τα γροΐσσα μι με τον καφέ ντι, έκι λεχουπτε Τ, ζεμάτισα τη γλώσσα μου με τον καφέ σου, ήταν καυτός.* **5.** Χτυπώ, δέρνω ΜΤ. *Ἰ' εζεμακία δι' τῆει με τα δάμιτα Μ, τον ζεμάτισα, τού 'δωσα δυό τρία χτυπήματα με τη βέργα. Συνών. σαίχου. Βλ. οιβδίζω.*

Рис. 10. Словарная статья *ζεματίζω* (Costakis 1986a: 311)

Fig. 10. Entry *ζεματίζω* (Costakis 1986a: 311)

Достоинства этого словаря очевидны — огромный объем, указание грамматических форм для многих лексем и их определение, многочисленные примеры словоупотребления, указание локальных вариантов, выверенный этимологический комментарий, и проч. После его появления словарь Деффнера во многом утратил свое лексикографическое значение. Сам Костакис, объясняя необходимость появления нового словаря, апеллирует к тому, что Деффнер не знал и не учел многих данных (Costakis 1986a: ζ')¹⁴. «Словарь цаконского...», несомненно, крайне важен с точки зрения языкового документирования, существенной частью которого является лексикографическая работа (ср. Naviland 2006). Но при более тщательном рассмотрении словаря выясняется, что автор не ставил перед собой задачу отразить в нем современное состояние цаконского. Целый ряд лексем или их значений, обнаруженный в ходе полевой работы, которая проводится одним из авторов настоящей статьи начиная с 2010 г., никак в словаре не отражены. При этом речь очевидным образом не идет ни о неологизмах, ни о новых заимствованиях из стандартного новогреческого. Приведем два примера: *baráka* — 'дом с открытыми настежь окнами и дверями' и *ajázi* — в значении 'сквозняк'. Отметим, что эти лексемы известны значительному числу носителей диалекта.

Если смотреть на «Словарь цаконского...» Костакиса глазами местного сообщества, у него есть несколько существенных недостатков:

1. небольшой тираж (словарь недоступен большинству носителей)¹⁵;
2. три тома (надо потратить достаточно много времени, чтобы найти нужное слово)¹⁶;
3. большое количество информации в словарной статье, интересной для лингвиста, но запутывающей рядового пользователя;

---

¹⁴ В частности, Костакис впервые использовал материалы пропонтийского цаконского из Малой Азии (о нем см., напр., Costakis 1979; Melissaropoulou 2019).

¹⁵ Правда, этот упрек справедлив и для словаря Деффнера.

¹⁶ При этом словарная статья может вводиться лексемой из чужого субдиалекта, например, из никому в Цаконии неизвестного пропонтийского цаконского, как на рис. 10.

4. сложная орфография, придуманная Костакисом и требующая специального изучения (о смежных проблемах см. Kritikos 2016).

Очевидно, что «Словарь цаконского...» не может использоваться в современном цаконском сообществе для ревитализации диалекта в том виде, в котором этот словарь существует. И это утверждение справедливо для всех лексикографических материалов, рассмотренных в настоящем разделе.

3. Онлайн-словарь цаконского диалекта

По нашему мнению, важным шагом в решении многих проблем могло бы стать создание онлайн-словаря, тем более что современная лексикография активно движется в этом направлении. Уже существует немало лексикографических ресурсов, связанных с новогреческим, например:

1. на платформах WordReference

(<https://www.wordreference.com>, дата обращения 04.04.2024),

Glosbe (<https://el.glosbe.com/el/ru>, дата обращения 04.04.2024),

Lexigram (<https://www.lexigram.gr>, дата обращения 04.04.2024),

Βικιλεξικό (https://el.wiktionary.org/wiki/Βικιλεξικό:Κύρια_Σελίδα, дата обращения 04.04.2024);

2. на портале, посвященном новогреческому языку «Н Πύλη για την Ελληνική γλώσσα», где оцифровано два толковых словаря новогреческого языка, а также знаменитый словарь средневекового греческого Э. Криараса (<https://www.greek-language.gr/greekLang/index.html>, дата обращения 04.04.2024);

3. «Большой греческо-русский / русско-греческий словарь» (<https://www.greek-language.gr/greekLang/index.html>, дата обращения 04.04.2024), представляющий собой оцифрованный словарь И. П. Хорикова и М. Г. Малева (Khorikov, Malev 1980).

Несмотря на значительное количество онлайн-словарей новогреческого языка, приходится признать, что возможности, предлагаемые компьютерной лексикографией, в них используются крайне ограниченно. В основном, они сводятся к созданию поискового запроса и наличию гиперссылок. Далеко не все онлайн-словари имеют мобильную версию¹⁷, и только

---

¹⁷ Эта, на первый взгляд, исключительно техническая опция в настоящее время существенно влияет на спектр задач, которые онлайн-словарь может решать. Появление мобильной версии в разы расширяет круг потенциальных пользователей словаря и, прежде всего, за счет

Βικλεξικό предлагает полные парадигмы слов. Ни в одном из указанных словарей пользователь не может посмотреть историю поиска или выбрать, какие элементы словарной статьи ему будут показываться при поисковом запросе.¹⁸ О более сложных параметрах говорить даже не приходится.

Как отмечалось в конце раздела 1, с онлайн-словарями новогреческих диалектов ситуация обстоит намного хуже, в том смысле, что все проекты далеки от реализации. Впрочем, в 2004–2006 гг. под руководством директора начальной школы г. Леонидиона Панайотиса Цангуриса при технической поддержке Янниса Христодулу был создан онлайн-словарь цаконского диалекта (<http://apps-dim-leonid.ark.sch.gr>, дата обращения 04.04.2024; см. также Худияс 2016). В основе этого словаря лежит словарь Деффнера (Deffner 1923), поскольку Цангурис — уроженец Прастоса и считает, что именно этот словарь лучше всего отражает его родной прастосский субдиалект. В работе над словарем принимали участие школьники, которые ходили по своим бабушкам и дедушкам, проверяли, известны ли им определенные лексемы, и записывали их звучание.¹⁹ Перед участниками проекта не стояла задача составить полноценный словарь — и они успели обработать лишь часть лексем из словаря Деффнера. Цель была иной — мотивировать учеников начальной школы к более тесному общению со старшим поколением. Тем не менее, получившийся результат можно считать весьма успешным, поскольку, в итоге, цаконским школьником удалось собрать живой диалектный материал от носителей диалекта, проживающих в Леонидионе и в Мелане (см. рис. 11).

молодежи, давая возможность получить необходимые сведения непосредственно в момент коммуникации или чтения текста. Благодаря этому, онлайн-словарь может стать одним важнейших инструментов ревитализации языка или диалекта.

¹⁸ Небольшое исследование, проведенное среди греков, не имеющих специального филологического или гуманитарного образования, свидетельствуют о том, что им крайне трудно пользоваться словарями, где в словарной статье, помимо слова и перевода, присутствуют другие типы информации (этимология, примеры употребления, грамматические формы и т. п.). Эти «дополнительные» сведения отвлекают, пользователи путаются и не знают, куда смотреть.

¹⁹ Этот аудиоматериал был добавлен в словарь в 2015–2016 гг.

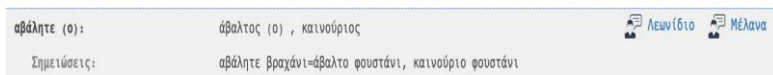

Рис. 11. Словарная статья *αβάλητε* из словаря начальной школы г. Леонидиона
 Fig. 11. Entry *αβάλητε* from the dictionary of the Primary school of Leonidio

Несмотря на отдельные ошибки,²⁰ этот словарь в случае его дальнейшей разработки с участием профессиональных лингвистов имеет все шансы превратиться в полноценный лексикографический источник по цаконскому диалекту. Сейчас его использование в значительной степени затруднено по причине отсутствия хотя бы самой элементарной системы поиска: обнаружить необходимую лексему можно лишь переходя вручную от страницы к странице.

Исследователи из Санкт-Петербурга с 2010 г. проводили активную полевую работу в цаконоязычных селах²¹ и, помимо всего прочего, собрали значительный корпус диалектных текстов и лексики. В 2018 г. в сотрудничестве с коллегами из Москвы было сформулировано предложение создать на базе собранных полевых материалов корпус цаконского диалекта (Arkhangelskiy et al. 2018), частью которого должен был стать и словарь. К сожалению, несмотря на широкий интерес к этой идее как со стороны цаконского сообщества, так и ряда научных институций Греции — например, «Института обработки речи» («*Ινστιτούτο Επεξεργασίας του Λόγου*») — найти финансирование на тот момент не удалось. Однако полностью проект не был забыт, и авторы настоящей статьи вернулись к его лексикографической части в 2023 г.

Сегодня первая версия этого словаря доступна онлайн (https://tsakoniandictionary.azurewebsites.net/dictionary/?fbclid=IwAR3RzjsO_MOSQegd9LWr7EPd3MkL4XBAm7vE8IUq_svsqONS51R-LVk5pwNk, дата обращения 04.04.2024). При его создании использовались язык программирования Python и веб-фреймворк Django, также основанный на Python. У нового онлайн-словаря в его современном виде есть несколько уникальных особенностей (см. рис. 12):

²⁰ В частности, лексема *νάμου* ‘наш’ переведена как ‘мой’.

²¹ Под руководством М. Л. Кисилиера с 2010 по 2023 г. было проведено 28 экспедиций в места компактного проживания носителей цаконского диалекта на Пелопоннесе. Результаты исследований частично представлены в (Kisilier 2021).

1. словарь дает возможность перевода не только с цаконского на новогреческий, но и с новогреческого на цаконский;
2. в интерфейс интегрированы клавиши со специальными символами из орфографии, предложенной Фанасисом Костакисом;
3. для каждой изменяемой лексемы предлагаются основные формы, которые отчасти уже определяются автоматически.

Рис. 12. Словарная статья *αού* из нового цаконского словаря
Fig. 12. Entry *αού* from the new Tsakonian dictionary

Это лишь начальный этап развития нового цаконского словаря, и, завершая настоящую статью, мы хотим остановиться на его перспективах. В первую очередь будет вестись работа по расширению лексического состава. Для этого, прежде всего, будет использоваться лексика, собранная в ходе экспедиций 2010–2023 гг. как по лексическим анкетам (например, Domosiletskaya et al. 1997; Domosiletskaya 2019), так из диалектных текстов, путем их обработки с помощью ELAN и FLEx. Использование FLEx позволит не только расширить словарь, но и разработать полноценный грамматический анализатор, благодаря которому появится возможность проводить поиск по любой форме слова. В дальнейшем расширение лексического состава за счет уже существующих словарей, речь о которых уже шла в настоящей статье. Другим первоочередным направлением станет разработка шрифтовых конвертеров, позволяющих пользователю успешно провести поиск, не владея основами цаконской фонетики и не зная орфографии Костакиса.

На следующем этапе важно расширить типы данных, представленных в словаре. В него должны войти фонетическая транскрипция и возможность добавления аудиофайла, суб-

диалектные варианты²², этимологический комментарий, синонимы и антонимы, дериваты, примеры употребления, стилистические пометы, указание лексико-семантического класса. При этом будут добавлены два важных технических нововведения. Во-первых, пользователь сможет выбрать степень подробности информации, предоставляемой в словарной статье. Во-вторых, появится возможность не только поиска, но и сортировки лексем по самым разным параметрам (частиречной или субдиалектной принадлежности, лексико-семантическому классу и проч.) и получения количественных и статистических данных. Скорее всего, на этом будет запущена и мобильная версия словаря.

Завершение работы над словарем²³ предполагает создание личного кабинета пользователя, в котором можно будет:

- (а) сохранять историю поиска;
- (б) настраивать и сохранять личные пользовательские параметры;
- (в) выгружать себе данные (тексты статей или количественные выкладки) в удобном формате.

По нашему мнению, в окончательном виде словарь станет удобным источником информации как и для профессиональных лингвистов, так и для изучающих диалект и даже для представителей цаконского сообщества. Более того, разработанная для настоящего словаря модель, окажется качественной основой для создания лексикографических онлайн-ресурсов для других диалектов — например, для диалектов греков России.

Мы не уверены, что словарь сам по себе может способствовать увеличению интереса к диалекту или его ревитализации, однако, несомненно, он станет важным шагом на пути создания таких важных инструментов как онлайн-корпус²⁴ и онлайн-платформы по обучению цаконскому диалекту. Впрочем, это уже тема отдельного исследования.

---

²² Наличие субдиалектных вариантов позволит довольно легко создать на базе словаря электронный атлас цаконского диалекта.

²³ Термин ‘завершение’ не исключает возможности дальнейшего пополнения словаря и добавления новых опций.

²⁴ Корпус сможет использовать не только сам словарь в качестве лексикона, но и разработанный для него грамматический анализатор.

Λιτεράтуρα

- Arkhangelskiy, T., Kisilier, M., Plungian, V. [Electronic corpus of the Tsakonian dialect: what it is and how it can be used]. *Tsakonian Chronicles* 23. 1/2, 89–93.
- Arkhangelskiy, T., Kisilier, M., Plungian, V. 2018: Ηλεκτρονικό σώμα κειμένων της Τσακωνικής διαλέκτου: Τι είναι και γιατί χρειάζεται. *Χρονικά των Τσακώνων ΚΓ'*. 1/2, 89–93.
- Chernysheva, T. N. 1959: [Greek glossary by Theoctist Khartakhay]. *Visnyk Kiïvs'kogo universytetu. Seriiia filologii ta zhurnalistyky. Monoznavstvo [Bulletin of Kyiv University. Series of Philology and Journalism. Linguistics]* 2. 2, 113–124.
- Чернышева, Т. Н. 1959: Греческий глоссарий Ф. А. Хартаха. *Вісник Київського університету. Серія філології та журналістики. Мовознавство* 2. 2, 113–124.
- Contossopoulos, N. G. 2001: *Dialektoi kai idiōmata tēs neas ellēnikēs [Dialects and idioms of Modern Greek]*. Athens: Grigoris Publishers.
- Κοντοσόπουλος, Ν. Γ. 2001: *Διάλεκτοι και ιδιώματα της νέας ελληνικής*. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη.
- Costakis, Th. P. 1956a: [Corrections and additions to Michail Deffner's "Flora of Tsakonia"]. In: *Mélanges offerts à Octave et Melpo Merlier: à l'occasion du 25e anniversaire de leur arrivée en Grèce*. Vol. I. Athens: Institut Français d'Athènes, 133–156.
- Κωστάκης, Θ. Π. 1956a: Προσθήκες και διορθώσεις στη «Χλωρίδα της Τσακωνιάς» του Μιχαήλ Δέφνερ. In: *Mélanges offerts à Octave et Melpo Merlier: à l'occasion du 25e anniversaire de leur arrivée en Grèce*. T. I. Athènes: Institut Français d'Athènes, 133–156.
- Costakis, Th. P. 1956b: [On the history of our language]. *Tsakonian Chronicles* 1. 33–35. Reprinted 2006.
- Κωστάκης, Θ. Π. 1956b: Από την ιστορία της γλώσσας μᾶς. *Χρονικά των Τσακώνων Α'*, 33–35. Ανάτυπο 2006.
- Costakis, Th. P. 1979: *Vatika kai Chavoutsi: Ta tsakōnochōria tēs Propontidas [Vatika and Havoutzi: the Tsakonian settlements of Propontis]*. Athens: Centre for Asia Minor Studies.
- Κωστάκης, Θ. Π. 1979: *Βάτικα και Χαβουτσί: Τα τσακωνοχώρια της Προποντίδας*. Αθήνα: Κέντρο Μικρασιατικών Σπουδών.
- Costakis, Th. P. 1980–1981: [Evliyâ Çelebi in Peloponnese]. *Tsakonian Chronicles* 7. 64–69.
- Κωστάκης, Θ. Π. 1980–1981: Ὁ Evliyâ Çelebi στην Πελοπόννησο. *Πελοποννησιακά ΙΔ'*, 238–306.
- Costakis, Th. P. 1986a: *Leksiko tēs Tsakōnikēs dialektou [Dictionary of the Tsakonian dialect]*. Vol. I (A–I). Athens: Academy of Athens.
- Κωστάκης, Θ. Π. 1986a: *Λεξικό της Τσακωνικής διαλέκτου*. T. I (A–I). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών.
- Costakis, Th. P. 1986b: *Leksiko tēs Tsakōnikēs dialektou [Dictionary of the Tsakonian dialect]*. Vol. II (K–O). Athens: Academy of Athens.

- Κωστάκης, Θ. Π. 1986b: *Λεξικό της Τσακωνικής διαλέκτου*. Τ. II (Κ–Ο). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών.
- Costakis, Th. P. 1987: *Leksiko tēs Tsakōnikēs dialektou* [Dictionary of the Tsakonian dialect]. Vol. III (Π–Ω). Athens: Academy of Athens.
- Κωστάκης, Θ. Π. 1987: *Λεξικό της Τσακωνικής διαλέκτου*. Τ. III (Π–Ω). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών.
- Dankoff, R. 1991: *An Evliya Çelebi glossary. Unusual, dialectal and foreign words in the Seyahat-name*. Cambridge, MA: The Department of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University. (Tekin, Ş., Tekin, G. A. (eds.). Sources of oriental languages and literatures. Vol. 14 (Turkish sources. Vol. XII)).
- Deffner, M. 1922: *Chlōris tēs Tsakōnias* [Flora of Tsakonia]. Athens: Typography of Stavros Christos & Sia. (Agricultural library. Vol. 2).
- Δέφνερ, Μ. 1922: *Χλωρίς τῆς Τσακωνιάς*. Αθήνα: Τυπογραφική εταιρία Σταύρου Χρίστου & Σία. (Γεωπονική βιβλιοθήκη. Τ. 2).
- Deffner, M. 1923: *Leksikon tēs tsakōnikēs dialektou* [Dictionary of the Tsakonian dialect]. Athens: Typography “Hestia”; K. Meißner & N. Kargadouri.
- Δέφνερ, Μ. 1923: *Λεξικὸν τῆς τσακωνικῆς διαλέκτου*. Ἐν Ἀθήναις: Τυπογραφεῖον «Ἑστία»; Κ. Μάϊσνερ καὶ Ν. Καργαδούρη.
- Deinakis, S. 1923: [Notes about the Dictionary of the Tsakonian dialect published by M. Deffner]. *Athēna* [Athens] 39, 192–205.
- Δεινάκις, Σ. 1923: Παρατηρήσεις εἰς τὸ Λεξικὸν τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου τὸ ὑπὸ Μ. Δέφνερ ἐκδοθέν. *Ἄθῆνα* 39, 192–205.
- Deville, G. 1866: *Étude du dialecte Tzaconien. Thèse pour le doctorat présentée à la Faculté des lettres de Paris*. Paris: Imprimerie de A. Lainé et J. Havard.
- Domosiletskaya, M. V. 2019: *Fitonimicheskij oprosnik dlja polevoj raboty po teme: “Albanskaja i grecheskaja fitonimija na Ionicheskom poberezh’e Albanii”* [Phytonimic questionnaire for the field research with the subject: “Albanian and Greek phytonimic vocabulary on the Ionian coast of Albania”]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies. Manuscript.
- Домосилецкая, М. В. 2019: *Фитонимический опросник для полевой работы по теме «Албанская и греческая фитонимия на Ионическом побережье Албании»*. СПб.: ИЛИ РАН. На правах рукописи.
- Domosiletskaya, M. V., Zhugra, A. V., Klepikova, G. P. 1997: *Malyj dialektologicheskij atlas balkanskikh jazykov. Leksicheskaja programma* [Minor dialectological atlas of the Balkan languages. A lexical program]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies.
- Домосилецкая, М. В., Жугра, А. В., Клепикова, Г. П. 1997: *Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа*. СПб.: ИЛИ РАН.

- Eloeva, F. A. 2004: *Pontijskij dialekt v sinkhronii i diakhronii* [Pontic dialect in synchrony and diachrony]. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University.
- Елоева, Ф. А. 2004: *Понтийский диалект в синхронии и диахронии*. СПб.: С.-Петербургский государственный университет.
- Famerie, É. 2006: *Jean-Baptiste-Gaspard d'Ansse de Villoison. De l'Hellade à la Grèce. Voyage en Grèce et au Levant (1784–1786)*. Hildesheim; New York: G. Olms. (Altertumswissenschaftliche Texte und Studien. Bd. 40).
- Famerie, É. 2007: Villoison et la redécouverte du dialecte tsakonien. *Anabase* 6, 235–242.
- Haviland, J. B. 2006: Documenting lexical knowledge (Ch. 6). In: Gippert, J., Himmelman, N. P., Mosel, U. (eds.). *Essentials of language documentation*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 129–162. (Bisang, W., Hock, H. H., Winter, W. (eds.). *Trends in linguistics. Studies and monographs*. Vol. 178).
- Jernstedt, P. 1922: Mittelgriechisches und Zakonisches. In: Bees (Βέης), N. A. (Hrsg.). *Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. Internationales wissenschaftliches Organ. Unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen*. Bd. III. Berlin; Wilmersdorf: Verlag der «Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher», 81–89.
- Khorikov, I. P., Malev, M. G. 1980: *Novogrechesko-russkij slovar'* [Modern Greek-Russian dictionary]. Moscow: "Russki Yazik".
- Хориков, И. П., Малев, М. Г. 1980: *Новогреческо-русский словарь*. М.: Издательство «Русский язык».
- Kisilier, M. L. 2014: [Tsakonia and Tsakonians: Historical and philological approach]. *Acta Linguistica Petropolitana* X. 1, 283–306.
- Кисилиер, М. Л. 2014: О Цаконии и цаконцах: на стыке истории и филологии. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* X. 1, 283–306.
- Kisilier, M. L. 2019: [About one scholarly polemic or from the history of Tsakonian studies]. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologija* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] XXIII. 1, 493–511.
- Кисилиер, М. Л. 2019: Об одной научной полемике, или из истории изучения цаконского диалекта. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXIII. 1, 493–511.
- Kisilier, M. L. 2021: Reconstructing past coexistence: Problems and mysteries in the multilingual history of Tsakonia, Greece. In: Sobolev, A. N. (ed.). *Between separation and symbiosis. South Eastern European languages and cultures in contact*. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 215–263. (Matras, Y. (ed.). *Language contact and bilingualism* [LCB]. Vol. 20).
- Kisilier, M. 2022a: Contact phenomena in Azov Greek. *Languages* 7. 3. <<https://www.mdpi.com/2226-471X/7/3/174>>, <https://doi.org/10.3390/languages7030174>,

- Kisilier, M. L. 2022b: [Once again about Ancient Greek and Modern Greek, or do Greeks Remember Ancient Greek themselves]? In: Kisilier, M. L. (ed.). *Verus convictor, verus academicus. K 70-letiju Nikolaja Nikolaevicha Kazanskogo* [*Verus Convictor, Verus Academicus. In Honour of the 70th anniversary of Nikolay N. Kazansky*]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies. 351–370.
Κισιλιερ, Μ. Λ. 2022b: Έще раз о древнегреческом и новогреческом или помнят ли древнегреческий сами греки? В сб.: Κισιλιερ, Μ. Λ. (отв. ред.). *Verus convictor, verus academicus. K 70-летию Николая Николаевича Казанского*. СПб.: ИЛИ РАН, 351–370.
- Kisilier, M. 2022c: Pontic project: theoretical problems and modern technologies. In: Kisilier, M. (ed.). *MGDLT9. Proceedings of the 9th international conference on Modern Greek dialects and linguistic theory. Leonidio, 4–6 June 2021*. Leonidio: Tsakonian Archives, 73–84. (Ralli, A., Joseph, B. D., Janse, M. (eds.). *Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT)*).
- Kritikos, E. 2016: Challenges in the codification of endangered languages: a case study of Tsakonian Greek. *Journal of Applied Linguistics* 31, 34–48.
- Leake, W. M. 1968: *Travels in the Morea with a map and plans in three volumes*. Vol. 2. Amsterdam: Adolf M. Hakkert.
- Liosis, N. 2016: Tsakonian studies: The state-of-the-art. *Studies in Greek linguistics* 36, 205–218.
- Manolessou, I., Karasimos, A., Katsouda, G. 2022: Retro-digitization in Greek dialectology and lexicography: challenges of morpho-phonetic representation of the Cappadocian dialect. In: Kisilier, M. (ed.). *Proceedings of the 9th International conference on Modern Greek dialects and linguistic theory. Leonidio, 4–6 June 2021*. Leonidio: Tsakonian Archives, 322–336. (Ralli, A., Joseph, B. D., Janse, M. (eds.). *Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT)*).
- Melissaropoulou, D. 2019: Morphological innovations in Propontis Tsakonian (Ch. 9). In: Ralli, A. (ed.). *The morphology of Asia Minor Greek. Selected topics*. Leiden; Boston: Brill, 284–314. (Joseph, B. D. (ed.). *Empirical approaches to linguistic theory*. Vol. 13).
- Nikopolitidis, D. S. 2017: *Leksiko tēs pontiakēs dialektou* [*Dictionary of Pontic dialect*]. 2nd ed. Thessaloniki: Kyriakidis Editions.
Νικοπολιτίδης, Δ. Σ. 2017: *Λεξικό της понτιακής διαλέκτου*. 2 έκδ. Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Κυριακίδη.
- Oikonomos, Th. M. 1846: *Pragmateia tēs Lakōnikēs (Tsakōnikēs) glōssēs* [*Treatise of the Laconian (Tsakonian) Language*]. Athens: P. B. Melachouris & Ph. Karampinis.
Οικονόμος, Θ. Μ. 1846: *Πραγματεία τῆς Λακωνικῆς (Τσακωνικῆς) γλώσσης*. Αθήνησιν: Τύποις Π. Β. Μελαχούρη καὶ Φ. Καραμπίνη.

- Oikonomos, Th. M. 1870: *Grammatikē tēs Tsakōnikēs dialektou en ē prosetethēsan asmata tina, moirologia, dialogoi, paroimiai, kai leksikon autēs plēres* [Grammar of the Tsakonian dialect with some songs, laments, proverbs and their complete glossaries]. Athens: L. Psylliakou & Sas.
 Οικονόμος, Θ. Μ. 1870: *Γραμματική τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου ἐν ἣ προσετέθησαν ἄσματα τινά, μοιρολόγια, διάλογοι, παροιμίαι, καὶ λεξικὸν αὐτῆς πλήρες*. Ἐν Ἀθήναις: Ἐκ τοῦ τυπογραφείου Λ. Ψυλλιάκου καὶ Σ^α.
- Papadopoulos, A. A. 1958: *Istorikon leksikon tēs pontikēs dialektou* [Historical dictionary of Pontic dialect]. Vol. 1. Athens: Typography Myyrtidi.
 Παπαδόπουλος, Ἄ. Α. 1958: *Ἱστορικὸν λεξικὸν τῆς ποντικῆς διαλέκτου*. Τ. 1: Α–Λ. Ἐν Ἀθήναις: Τυπογραφεῖον Μυρτίδης.
- Papadopoulos, A. A. 1961: *Istorikon leksikon tēs pontikēs dialektou* [Historical dictionary of Pontic dialect]. Vol. 2. Athens: Typography Myyrtidi.
 Παπαδόπουλος, Ἄ. Α. 1961: *Ἱστορικὸν λεξικὸν τῆς ποντικῆς διαλέκτου*. Τ. 2: Μ–Ω. Ἐν Ἀθήναις: Τυπογραφεῖον Μυρτίδης.
- Paspatis, A. G. 1888: *To khiakon glōssarion ētoi ē en Khiō laloumenē glōssa meta tinōn epigrafōn arkhaiōn te kai neōn kai tou khartou tēs nēsou* [The Chiot glossary or the language spoken on Chios with some ancient and modern inscriptions and the map of the island]. Athens: Typography of Brothers Perry.
 Πασπατής, Α. Γ. 1888: *Τὸ χιακὸν γλωσσάριον ἦτοι ἢ ἐν Χίῳ λαλουμένη γλῶσσα μετὰ τινῶν ἐπιγραφῶν ἀρχαίων τε καὶ νέων καὶ τοῦ χάρτου τῆς νήσου*. Ἐν Ἀθήναις: Ἐκ τοῦ τυπογραφείου τῶν ἀδελφῶν Περρῆ.
- Penfield, S. D. 2021: Planning a language revitalization project (Ch. 4). In: Olko, J., Sallabank, J. (eds.). *Revitalizing endangered languages. A practical guide*. Cambridge: Cambridge University Press, 62–69.
- Pernot, H. O. 1892: Études sur les subsistances dialectales en Néo-grec. Les inscriptions de Paros. In: Psichari, J. (éd.). *Études de philologie Néo-grecque. Recherches sur le développement historique du Grec*. T. 92. Paris: Émile Bouillon, Libraire éditeur, 45–82. (Bibliothèque de l'école des Hautes Études publiée sous les auspices du Ministère de l'instruction publique. Sciences philologiques et historiques.).
- Pernot, H. O. 1934: *Introduction à l'étude du dialecte tsakonien*. Paris: Société d'édition "Les Belles Lettres". (Collection de l'Institut Néo-Hellénique de l'Université de Paris. T. II).
- Petrounias, E. 1993: *Neoellēnikē grammatikē kai sygratikē analysē* [Modern Greek grammar and comparative analysis]. Vol. 1. Theory. Thessaloniki: University Studio Press.
 Πετρούνιας, Ε. 1993: *Νεοελληνική γραμματική και συγκριτική ἀνάλυση*. Τ. Α'. Θεωρία. Θεσσαλονίκη: University Studio Press.
- Ralli, A. 2017: *Leksiko dialektikēs poikilias Kydōniōn, Moskhonēsīōn kai Boreioanatolikēs Lesbou* [Dictionary of dialectal varieties of

- Kydones, Moschonisia, and Northeastern Lesbos*]. Athens: Hellenic History Foundation.
- Ράλλη, Α. 2017: *Λεξικό διαλεκτικής ποικιλίας Κυδωνίων, Μοσχονησίων και Βορειοανατολικής Λέσβου*. Αθήνα: Ελληνικό Ίδρυμα Ιστορικών Μελετών (ΙΔ.ΙΣ.ΜΕ.).
- Tursun, V. 2019: *Romeika-Türkçe sözlük. Trabzon Rumcası*. İstanbul: Heyamola yayınladı.
- Tzitzilis, Ch. 2000: [Modern Greek dialects and Modern Greek dialectology]. In: Christidis, A. F., Arapopoulou, M., Giannoulou-poulou, G. (eds.). *Ē ellēnikē glōssa kai oi dialektoi tēs [The Greek language and its dialects]*. Athens: Greek Ministry of Education; Center for the Greek Language, 15–21.
- Τζιτζιλής, Χ. 2000: Νεοελληνικές διάλεκτοι και νεοελληνική διαλεκτολογία. Στο: Χριστίδης, Α.-Φ., Αραποπούλου, Μ., Γιαννουλοπούλου, Γ. (επιμ.). *Η ελληνική γλώσσα και οι διάλεκτοι της*. Αθήνα: ΥΠΕΠΘ; Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας, 15–22.
- Xydias, A. 2016: How a headmaster is trying to save an ancient language. *Christian Science Monitor*. <<http://www.csmonitor.com/World/Making-a-difference/2016/0818/How-a-headmaster-is-trying-to-save-an-ancient-language>>, published 18.08.2016, accessed 30.03.2024.
- Xydropoulos, G. J. 2019: [Dictionary of dialectal varieties of *Kydones, Moschonisia, and Northeastern Lesbos* by A. Ralli. A lexicographic analysis]. In: Karla, G. I., Manolessou, I., Pantelidis, N. (eds.). *Lekseis. Timētikos tomos ja tē Khristina Mpasea Mpezantakou [Words. Honorary volume dedicated Christina Mpasea-Mpezantakou]*. Athens: Kardamitsa Publications, 359–375.
- Ευδόπουλος, Γ. Ι. 2019: Το διαλεκτικό λεξικό Κυδωνίων, Μοσχονησίων και Βορειοανατολικής Λέσβου της Α. Ράλλη. Μια μεταλεξικογραφική θεώρηση. Στο: Κάρλα, Γ. Α., Μανωλέσσου, Ι., Παντελίδης, Ν. (επιμ.). *Λέξεις. Τιμητικός τόμος για τη Χριστίνα Μπασέα-Μπεζαντάκου*. Αθήνα: Εκδόσεις Καρδαμίτσα, 359–375.
- Zimov, D. I. 2020: *Russko-pontijskij slovar' obihodnoj leksiki [Russian-Pontic dictionary of everyday speech]*. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University.
- Зимов, Д. И. 2020: *Русско-понтийский словарь обиходной лексики*. Пятигорск: Пятигорский государственный университет.

И. Р. Гимадеев
МГУ имени М. В. Ломоносова / МАСКИ, МФТИ, Физтех. Москва, Россия.
eliasgimad@mail.ru

СЛОВА НА *-ōs* И *-or* В ПОЭЗИИ ГОРАЦИЯ

В статье рассматриваются пары слов третьего склонения на *-ōs* и *-or* (*honōs* / *honor*, *arbōs* / *arbor*, *lepōs* / *lepor*), которые встречаются в поэзии Горация, чтобы понять, есть ли какие-либо различия между этими формами кроме метрических. Автор, приводя все встречающиеся контексты в корпусе Горация, старается ответить на вопрос, какое окончание предпочтительнее для поэта. Форма *honōs* употребляется во всех текстах 4 раза, при этом метрически в 2 местах возможно только *honōs*, а в одном месте мы читаем имя божества *Honōs*, которое, по-видимому, должно иметь более древнее окончание, и только в одном месте (s. I 6, 83) вопреки традиции возможно чтение *honor*. Форма *honor* приводится 5 раз, из которых 2 раза — в конце стиха, из 3-х остальных случаев метрически в 2 местах возможно только чтение *honor*, а в epist. I 16, 39 можно читать и *honōs*, но нет никаких веских причин менять сложившуюся традицию. Также единожды употреблено *Leros* как имя собственное и *arbos*, единственно возможное метрически. Из этого делается вывод, что в текстах Горация свободно варьируется окончательно установившееся краткое окончание *-or* и архаизирующее долгое *-ōs*.

Ключевые слова: Гораций, метрика, слова на *-ōs* и *-or*, *honōs*, *honor*.

Elias R. Gimadeev
Lomonosov Moscow State University/ Moscow Institute of Physics and Technology,
Moscow, Russia, eliasgimad@mail.ru

Words in *-ōs* and *-or* in the poetry of Horace

The article examines pairs of third-declension words in *-ōs* and *-or* in the poetry of Horace. Such pairs include *honōs* / *honor*, *arbōs* / *arbor*, *lepōs* / *lepor*. The author examines why the poet chooses one form or the other, as well as which ending editors prefer in places where both options are metrically possible. Before moving on to the main topic, an explanation is given of the process of rhotacism and the reduction of final vowels before *-r*, *-l* in nouns to explain the possibility of the existence of similar pairs of words with *-ōs* and *-or*. Exceptions to the rule about shortening vowels before *-r*, *-l* are also given. The author emphasizes that by the era of Augustus this contraction had long been established, and definitively, therefore Horace clearly distinguishes between the long ending *-ōs* and the short ending *-or*. The work examines 11 contexts from the entire corpus of

texts where such pairs occur. The author, citing them, tries to answer the question of which ending is preferable for the poet. So, according to Klingner's edition, the form *honōs* is used 4 times, while metrically in two places only *honōs* is possible, and in one place we read the name of the deity *Honōs*, which, apparently, should have an older ending *-ōs*, and only in one place (s. I 6, 83), contrary to tradition, it is possible to read *honor*. The form *honor* is given 5 times, of which 2 times Horace uses it at the end of the verse, whereas of the other 3 cases, only *honor* can be read metrically in 2 places, and in epist. I 16, 39 *honōs* can also be read, but there is no compelling reason to change the established tradition. Among other words starting with *-or* / *-ōs*, *Lepos* is used once as a proper name, and *arbos* also occurs once, the only form possible metrically. Hence it can be concluded that in Horace's texts the finally established short ending *-or* and the archaizing long ending *-ōs* vary freely. In this case, proper names (of the deity *Honos* and of the mimic actor *Lepos*) are more likely to have the ending *-ōs*. The Oxford Dictionary, edited by Glare (s.v. *Honor*²), as stated in the article, gives the form *Honor*² (*-ōs*), but this is not supported by any examples in the nominative case.

Keywords: Horace, metrics, words ending in *-ōs* and *-or*, *honōs*, *honor*.

В поэзии Горация встречаются слова третьего склонения, которые могут оканчиваться на *-ōs* или *-or* в nom.sg. К таким парам у поэта можно отнести *honōs* / *honor*, *arbōs* / *arbor*, *lepōs* / *lepor*. Рассмотрим, почему он выбирает ту или иную форму, а также, какое окончание предпочитают издатели в тех местах, где метрически возможны оба варианта.

Как широко известно, в и.-е. глухое *s* часто встречалось в корне и окончании, в большинстве позиций сохраняясь и в латинском языке, но достаточно рано переходило в *z* перед звонкими согласными и в интервокальной позиции. Перед звонкими согласными *z* затем исчезало с заместительным удлинением (*izdem — *īdem*), а в IV в. в латинском и умбрском языках *z* перешло в *g* в процессе ротаизма (Leumann 1977: 175–176).

Однако конечное *s* могло сохраняться в парах типа *honōs* / *honor*. На месте же окончания *-ōs* постепенно возникало *-ōg*, а затем уже *-ōr* из-за сокращения долгих гласных в закрытых конечных слогах перед *-t*, *-r*, *-l*. У существительных подобное сокращение происходит перед *-r*, *-l*, к примеру, у существительных, оканчивающихся на *-ōr*, *-āl*, *-āg* (в корнях на *-ōg-* *-āl(i)-* *-āg(i)-*) и на *-ēr-* в терминах родства (*patēr*, *mātēr* наряду с греческими формами *πατήρ*, *μητήρ*, которые содержат долгий гласный). Эти существительные представлены словами на *-ōr* с gen. на *-ōris*, *nomina agentis* на *-tōr*, *-sōr* (*victōr*, *messōr*, ж.р. *uxōr*, *sorōr*), словами на *-ōr* из *ōs* основ на *s/r* (*honos*, *maior*), словами ср. р. на *-āl* и *-āg* из *-āle* *-āre* с plur. на *-ālia* *-āria* (*uestīgāl*, *calcar*). В односложных существи-

тельных сокращения не встречаются (fūr, cūr, Nār, vēr, sōl; у глагола fāgī не засвидетельствовано *fōg) (Leumann 1977: 179–180). Данное сокращение происходит в эпоху Плавта, примерно с 200 г., но у архаических поэтов еще господствуют долгие гласные, часто постепенно сокращаясь в ямбических словах. У некоторых имен сохраняется архаическое или архаизирующее -ōs наряду с -or вплоть до исторического времени: honōs Diehl 542, 544, Mon. Ancyr., Ter. Cic. Caes. Liv. Verg. вместе с honor Diehl 546 и Plt.; colōs odōs labōs lepōs Plt., labōs Catull. Verg. Sall., кроме того arbōs Cic. Verg.

В подобных словах, где -or происходит из -ōs, у Плавта мы находим еще долгие гласные: stultīōr Vacch. 123, amōr Merc. 590, у Энния — краткие: sūdōr ann. 406. Для patēr matēr (-ēr Catull.) окончание -ēr предполагают из патḗr и оск. patīr (-īr из -ēr). У Плавта же количество -er метрически засвидетельствован только для Iuppiter, где встречаем -ēr (Leumann 1977: 111).

К эпохе Августа это сокращение, разумеется, установилось уже давно и окончательно, поэтому в изданиях Горация Клингера и Боржака находим один и тот же текст: amōr colōr favōr honōr labōr; at: honōs: epi. I 18, 102; a.p. 69; cf. decl. III. Здесь отсутствуют формы на -ōr, но есть, возможно, архаизирующие формы на -ōs.

В качестве основного примера возьмем пару honōs / honor как наиболее часто встречающуюся у Горация, при этом сразу надо оговориться, что OLD отдельно выделяет имя божества Honor (OLD s.v.: honor¹ (-ōs) -ōris, m ... / Honor² (-ōs) -ōris, m. Forms: -orus (gen.) CIL I 698.2.11 The honor due to military prowess or sim. Virtues, personified as a god), но приводит nom. sg. только у Hor. saec. 57. Ниже первым приводим именно этот контекст.

1. saec. 57: iam Fides et Pax et Honoꝛ Pudoꝛque / priscus et neglecta redire Virtus / audet adparetque beata pleno / Copia cornu.

«Уже Верность, Мир и Честь со старинным Стыдом, и оставленная в пренебрежении Доблесть дерзают возвращаться и является блаженное Изобилье с полным рогом».

Здесь и далее условно выделим в схеме нужный нам слог полужирным и подчеркнем.

— — — — —

В сапфической строфе метрически возможно употребление honor. В издании Орелли сообщается: Scribendum est Honos, etsi minore codicum auctoritate commendatur. Cf. Preller-Iordan, Mythol. Rom. II 249. Таким образом, Орелли предпочитает Honōs, хотя оно и плохо засвидетельствовано в рукописях. Но почему же именно Honos redire audet? Здесь описывается воз-

вращение божеств, правивших среди людей в золотой век (cf. *jam redit et virgo, redeunt Saturnia regna Verg. ecl. 4, 6*). Август, по словам Диона, перенес всенародное празднество в честь божеств *Τιμή* и *Ἀρετή* в наши дни (*τὴν τε τῆς Τιμῆς καὶ τῆς Ἀρετῆς πανήγυριν ἐς τὰς νῦν ἡμέρας μετέστησε Dio 54, 18*), возродив *Ludi saeculares* в 17 г. К этому празднеству отсылает нас и запись в *Fasti Philoc. CIL I² 264* к 29-ому мая: *Honos et Virtus*. Много рукописей дают *honor*, но здесь действительно лучше предпочесть более архаичную форму для имени божества.

2. *epist. I 16, 39: idem si clamet furem, neget esse pudicum, / contendat laqueo collum pressisse paternum, / mordear opprobriis falsis mutemque colores? / falsus honor iuvat et mendax infamia terret / quem nisi mendosum et medicandum?*

«Также если бы он закричал, что я вор, сказал бы, что у меня стыда нет, настаивал бы (*contendet*), что шею отца сдавил петлей, меня бы загрызла лживая брань и я изменился бы лицом (поменял бы цвет)? Кого радуют ложные почести и пугает лживая дурная молва (40) кроме человека порочного и нуждающегося в лечении?»

— ∪ ∪ — — — — ∪ ∪ —

Можно употребить и *honōs*. Разночтений в тексте не указывают.

3. *epist. I 18, 102: quid pure tranquillet, honos an dulce lucellum / an secretum iter et fallentis semita vitae.*

«Что может принести полноценный покой, почет или сладкий барыш или обособленный путь и обманчивая тропинка жизни».

— — — — ∪ ∪ — — ∪ ∪ —

Здесь метрически возможна только форма *honōs*.

4. *a.p. 69: mortalia facta peribunt, / nedum sermonum stet honos et gratia vivax.*

«деяния смертные погибнут, не говоря уже о том, чтобы устояли уважение к литературным произведениям и их неувядаемая прелесть».

— — — — ∪ ∪ — — — — ∪ ∪ —

Также метрически в данном контексте возможна только форма *honōs*.

5. *s. II 2, 28: num vesceris ista, / quam laudas, pluma? cocto num adest honor idem?*

ex certamine histrionum. indulserat ei ludicro Augustus, dum Maecenati obtemperat effuso in amorem Bathylli; neque ipse abhorrebat talibus studiis, et civile rebatur misceri voluptatibus vulgi. «Первые устроенные тогда августалами публичные зрелища были омрачены беспорядками, вызванными соревнованием мимов. Август снисходил к этой забаве из уважения к Мекенату, страстно любившему Бафилла, да и сам он не чуждался развлечений подобного рода, считая гражданской заслугой разделять с толпой ее удовольствия». (Пер. А. С. Бобовича, ред. Я. М. Боровский и М. Е. Сергеенко). Кстати, и в s. I 5 пародируется такое соревнование в описании перебранки между шутами Мессием и Сарментом. Без сомнения мы читаем здесь имя собственное, поэтому нужно вслед за традицией принять форму *Lepos*.

В следующих двух контекстах форма *honor* встречается в конце строки, а последний слог, как известно, является *anacrusis*, то есть может быть как долгим, так и катким. Издатели выбирают форму на *-or*.

8. с. II 11, 9 *non semper idem floribus est honor*

Ода написана алкеевой строфой. Келлер и Холдер приводят в аппарате различие *honor* ω (=editionum ante Cruquium aut singulae aut nonnullae), что едва ли является надежным свидетельством.

9. eпод. 17, 18 *relapsus atque notus in voltus honor*.

Никаких различий не имеется.

10. с. II 13, 3 *produxit, arbor*, in nepotum

— — — — —

Ода написана алкеевой строфой, где возможен только долгий слог, таким образом, *arbor* употребить нельзя.

11. s. I 6, 83 *puicum, / qui primus virtutis honor*, servavit ab omni / non solum facto, verum opprobrio quoque turpi

Гораций вспоминает свои школьные годы, как его разбогатевший отец вольноотпущенник повез его в Рим в хорошую школу и лично следил за обучением будущего поэта. «(Отец), (сохранив во мне) стыд, первое украшение добродетели, уберечь не только от постыдного поступка, но даже от упрека».

— — — — —

Метрически здесь возможно употребление *honog*. Нужно отметить, что двуморные слоги часто бывают образованы краткими гласными, но они ритмически эквивалентны долгим слогам. По этой причине двуморный слог с кратким гласным получил название *θέσει μακρὰ συλλαβή*, *syllaba positione longa*. Римские грамматики не говорили об удлинении кратких гласных в слогах долгих по положению. Это ошибочное мнение происходит из неправильного понимания терминов *longa* и *brevis*, которые в древности относились почти исключительно к слогам, а длинные и краткие гласные назывались *littera producta* и *littera conrepta* (γράμμα ἐκτεταμένον и γράμμα συνεσταλμένον), то есть — растянутая буква и сжатая буква (Kuznecov 2006: 57–58).

Здесь *honos* близко по значению к *turis honores* (с. I 15, 17) — украшение, краса. Клингнер, Боржак и издание Келлера и Холдера разночтений не дают. Орелли приводит *Plaut. Trin. 697: Is est honos homini pudico, meminisse officium suum*. Однако форма *honos* у Плавта, естественно, не может однозначно свидетельствовать в пользу такого употребления у Горация. На самом деле необходимости в употреблении *honōs* здесь нет. В старом издании Генриха Дюнцера, к примеру, дается *honog* с пояснением (Düntzer 1868: 55): «*virtutis honor*, описательно для *virtus* (*Tugendehre*). *Honog* вместо гораздо лучше засвидетельствованного, но плохо звучащего здесь *honos*, которое Гораций использует только там, где размер исключает *honog* (cf. ep. I 16, 39; с. II 11, 9, ep. 17, 18, *Saec.* 57). Сомнительно, что *honos* не на конце стиха предпочтительнее для Горация как более сильная форма (с. III 4, 27)». Эти рассуждения представляются не вполне доказательными, но и никаких доводов в пользу чтения *honōs* кроме традиции нет.

Итак, по Клингнеру, от которого не отходят в интересующих нас местах другие основные критические издания, форма *honōs* употребляется 4 раза, при этом метрически в 2-ух местах возможно только *honōs*, а в одном месте мы читаем имя божества *Honōs* и только в с. I 6, 83 возможно чтение *honog*. Форма *honog* приводится 5 раз, из которых 2 раза Гораций употребляет эту форму в конце стиха, из 3-х остальных случаев метрически в 2 местах возможно только чтение *honog*, а в *epist. I 16, 39* можно читать и *honōs*, но нет никаких веских причин менять сложившуюся традицию. Из прочих слов на *-or* / *-ōs* единожды употреблено *Leros* как имя собственное и *arbos*, единственно возможное метрически. Из чего можно сделать вывод, что в текстах Горация свободно варьируется окончательно устано-

вившееся краткое окончание -ог и архаизирующее долгое -ōs. При этом имена собственные (имя божества Нонос и мимического актера Лепос) скорее будут иметь окончание -ōs. OLD (s.v. Нонор²), как указано выше, приводит форму Нонор² (-ōs), однако она не подкрепляется никакими примерами в именительном падеже.

Литература

- Borzsák, S. 1984: *Horatius Flaccus Q. Opera*. Leipzig: Teubner.
- Düntzer, H. 1868: Des Q. Horatius Flaccus Werke, Paderborn: Verlag von Ferdinand Schoening.
- Keller, O. 1967: *Pseudoacronis Scholia in Horatium vetustiora*. rec. ed. stereotypa ed. primae (1902–1904), 2 voll. Stutgardiae: B. G. Teubner.
- Keller, O. Holder, A. 1894: *Scholia antiqua in Q. Horatium Flaccum, Porphyriionis commentum*. ad Aeni Pontem: Wagner.
- Keller, O. Holder, A. 1899, 1925: *Q. Horati Flacci opera*. ed. 2, vol. I. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, vol. II. Jenae: Fromann.
- Kiessling, A. Heinze, R. 1921: *Horatius Flaccus, Q. 2. Teil: Satiren*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
- Klingner, F. 1959: *Horatius Flaccus Q. Opera*. 3. Aufl. Leipzig: Teubner.
- Kuznecov, A. E. 2006: *Latinskaya metrika [Latin metric]*. Tula. Кузнецов, А. Е. 2006: *Латинская метрика*. Тула.
- Leumann, M. 1977: *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München: C. H. Beck.
- Orellius, Io. G. 1886–1892: *Horatius Flaccus, Q.* ed. IV, 2 voll. Berolini: S. Calvary.

А. С. Глаголева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
glagoleva.anastasiia@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСЕМЫ *ЛИШЬ* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье на материале контекстов из Национального корпуса русского языка рассматриваются этапы семантического развития лексемы *лишь* и ее перехода от компаративной формы к частице. Установлено, что в процессе трансформации структуры рассматриваемого слова его функция изменилась в направлении от сопоставления в ряду других таких же объектов к усилению и выделению одного объекта вне сравнения и сопоставления с чем-либо.

Ключевые слова: *лишь*, частица, прилагательное, предлог, союз, этимология, полнзначная лексика, транспозиция.

Anastasiya S. Glagoleva
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
glagoleva.anastasiia@mail.ru

The semantic evolution of the lexeme *лишь* in the history of the Russian language

The article examines the stages of semantic development of the lexeme *лишь* and its transition from the comparative form to the particle, based on the material of contexts from the National Corpus of the Russian language. Etymological data indicate that the particle *лишь* is the result of the development of the adjective *лихьи* in its frozen short form *лихъ*. Further, this word acquired an adverbial meaning, then it began to be used in the function of a preposition, and finally as a particle, as well as a conjunction. This process began in the 11th century, and the most active phase of the semantic change took place in the 15th century. It is argued that, in the process of transformation of the structure of the word in question, its function has changed in the direction from comparison in a number of similar objects to strengthening and highlighting one object beyond comparison with anything.

Keywords: particle, adjective, preposition, conjunction, etymology, full-meaning vocabulary, transposition.

Этимологические данные свидетельствуют о том, что частица *лишь* является результатом развития адъектива *лихьи* в его

застывшей краткой форме *лихъ*. Г. П. Цыганенко указывает на то, что «современная форма отмечается с 1-й половины XVIII в. Она возникла на базе др.-рус. *лише* после отпадения безударного *-е*. Древнерусское *лише* было формой сравнительной степени среднего рода прилагательного *лихъ* и выражало значение ‘больше, излишне’, а также ‘кроме, только’» (Tsyganenko 1989: 215–216). Те же сведения приведены в (Vasmer 1986: 507; Shansky 1971: 243; Korešný 1980: 414–415).

В «Этимологическом словаре славянских языков» отмечены соответствия в сербохорватском (предлог *lišie* со значением ‘кроме; вне, снаружи’ и наречие ‘очень много’) и украинском (наречие *lišé* ‘только, лишь, но’) языках (Trubachev 1988: 155). В диалектной системе русского языка представлены формы *лиша*, *лишо*, *лише* с разноместным ударением, употребляющиеся как наречие ‘только что’, ‘вдобавок’, частица ‘неужели’, ‘даже’, ‘лишь’, союз ‘как только’, ‘тоже’, а также форма *лиш* со значением ‘нечетное число’, ‘избыток’ (СРНГ 1981: 90). М. А. Бобрик указывает на контаминацию противоположных значений в прилагательном *лихьи* / *лихой*, которая отражается также и в диалектных названиях существ: «Семантика <...> объединяет в себе, по сути, два ряда значений: один строится на идее недостатка (лишения), а другой — на идее избытка (излишка)» (Bobrik 2014: 268). Перечисленные функции и значения отражают исторические этапы семантического развития лексемы *лишь*, о которых пойдет речь далее.

Согласно лексикографическим источникам, обособление краткой формы прилагательного отмечается уже в древнерусском языке: *лише* фиксируется в (Dic. XI–XIV, 1991: 415–416) со значениями 1. ‘сверх, свыше, более чего-л.’; 2. ‘в большей степени, сильнее, более того’; 3. ‘кроме, помимо’; 4. ‘хуже, злее’, при том, что семантическая структура производящей основы *лихьи* выстраивается в противоположном направлении (от пейоративно маркированного значения к обозначению чрезмерности): 1. ‘дурной, злой’; 2. ‘плохой, испорченный, с изъяном’; 3. ‘излишний, чрезмерный’, 4. ‘лишенный чего-л.’ (Dic. XI–XIV, 1991: 409–410).

Данные в (Dic. XI–XVII, 1981) сообщают о частеречной принадлежности заголовочного слова в условиях разных контекстов и значений: «I. Нареч. Больше, сверх нормы. II. Предлог с родительным падежом. 1. Сверх, свыше чего-л. 2. Кроме.

III. Частица и союз. 1. Выделительно-ограничительная частица. Только, лишь. || В значении союза. Употребляется при соединении предложений, из которых одно противопоставляется другому по линии ограничения какого-л. утверждения, частичного его отрицания. || В значении союза. Употребляется для присоединения предложения, выражающего пожелание. 2. Условный союз. Употребляется в начале условного придаточного предложения в знач. 'если'. 3. Временной союз. Употребляется для присоединения придаточных временных предложений и обозначает, что действие, о котором говорится в главном предложении, наступает сразу после действия, о котором говорится в придаточном предложении, в знач. 'едва, только, как только'» (Dic. XI–XVII, 1981: 259).

В дальнейшей исторической перспективе набор значений и функций рассматриваемого слова сохраняется в рамках служебных частей речи — частицы и союза:

«ЛИШЬ (-ше, обл. -шо), частица и союз. I. частица. 1. выделит.-ограничит. Только, единственно, исключительно. || Лишь бы. Употр. в предложениях, выражающих пожелание. II. союз. 2. Употр. для присоединения предложений, ограничивающих или выделяющих сказанное, в знач.: только. 3. временной. Как только, едва. 4. цели. Только для того, чтобы. 5. условный. Если бы только» (Dic. XVIII, 2000: 209).

Следовательно, начальной точкой семантической эволюции *лишь* стало адъективное значение, развившееся в современную семантику ограничительности. Корпусные данные подтверждают процесс развития значений, изложенный в (Dic. XI–XVII).

На начальном этапе (XI–XV вв.) форма *лише* имеет выраженное наречное значение:

(1) *Аще бо любите любящая вы, кую мзду имаате, не и мытарие ли такожде творять и аще цѣлуете другы вашия тѣкъмо, чьто лише творите, не и мытарие ли такожде творять* (1057) (Dic. XI–XVII, 1981: 259).

(2) *Не буди праведень велми, ни мудръ лише, да не како изумѣещися* (1499) (Dic. XI–XVII, 1981: 259).

В приведенных примерах *лише* иллюстрирует типичную для формы сравнительной степени семантику интенсификации признака и действия, и, так как образование такой формы характерно и для прилагательного, и для наречия, в отношении этого этапа развития рассматриваемой лексемы возможно предполо-

жить функциональную контаминацию наречия и прилагательного, реализовавшуюся в лексеме *лише*. Н. В. Чурмаева утверждает, что «наречия с суффиксами сравнительной степени употребляются в древнерусских памятниках при сопоставлении одного и того же признака по силе его проявления. Эта функциональная особенность наречий на *-е -ѣе* в ранний период является, по-видимому, основной, но не единственной и не изначальной. Более общее и более древнее значение формантов — усиление признака, выражаемого общеименной или адвербиальной основой. <...> Исторические более стабильными были отношения наречных пар с качественным значением, т. е. таких, как <...> *лихо* — *лише*, поддерживаемые такими же отношениями сравнительности у соотносительных прилагательных» (Чурмаева 1989: 127, 129). Эти наблюдения над семантикой интенсивности и условиями соотносимости находят отражение и в представленных выше примерах.

В XII–XV вв. происходит переход *лише* в предлог со значением ‘кроме’. Этот предлог выделяет один объект из множества при перечислении или сопоставлении:

(3) *Ѡ изосимѣ поклана(ниѣ) ... ..л[ъ] века ж в[а]с[ъ] а нѣна не [и](м)[амь вѣ]лости лише вѣс[ъ] а ѡ за вѣ бѣа молю съдила и гравриа и мариа и олсава и домьника мѣнога же в[ы] лѣта [RUSCORPORA: Берестяная грамота 503 (1140–1160)].*

(4) *И еще за все имѣнїе имѣю книги сїа, ими же утѣшаетъ ми ся душа и сердце веселитъ; лише же сихъ трехъ хлѣбовъ не имамъ ничѣто же, но токмо Тебѣ помощника и заступника и кормителя [RUSCORPORA: Степенная книга («Книга Степенная царского родословия»). 5-я степень [Юрий Владимирович Долгорукий] (1560–1563)].*

(5) *Тѣмже и тако сего ради многашьды хожаше по келнїамъ оученикъ своихъ. и аще чѣто обрацааше оу кого. ли брашьно сънѣдно. ли одежею лише оуставьныа одежа. или Ѡ имѣнїа чѣто. сна вѣзъмъ вѣ печь вѣмѣташе [RUSCORPORA: Нестор Печерский. Житие Феодосия (1080-е)].*

Идея обособленности проявляется также в семе ‘сверх’ (чаще в сочетании *лише мѣры*):

(6) *аще и корабль лише мѣры вложшии. то погразнетъ и имѣнье погуби(т)* [RUSCORPORA: Поучения св. Евсевия (до середины XII в.)]

(7) *важъ разбон вымѣнить гѣ. Клеветници же не исправляемъ. истинни являютъся: яко кгда сървачеши ближняаго своего. почьсти и лише мѣры. въбими и и цѣлоуи съ многожъ чьстью. и похвали и коже не имать. и кгда разидешиа отъ него. рьци о немъ вса добраа.* [RUSCORPORA: Изборник 1076 г. (перевод X в. (Болгария)].

Е. Т. Черкасова отмечает, что «в этот период (XII–XIV вв. — прим. авт.) краткие формы прилагательных еще не были закреплены в предикативной функции; естественно поэтому, что и те краткие прилагательные, к которым восходят предлоги, сложившиеся в XII–XIV вв., были известны и в непредикативном употреблении — в качестве субстантивированного слова и реже — в качестве согласованного определяющего слова или наречия» (Cherkasova 1967: 190). Следовательно, образование предлога *лише* в этот период было детерминировано в том числе и синтаксическими условиями и реализовалось в направлении: краткая форма прилагательного в непредикативной функции — наречие — предлог.

Одновременно с этим, в XIII–XV вв., происходит преобразование семантики сравнительной степени прилагательного *лише* ‘больше’ в ‘излишек’, реализующееся в существительных:

(8) (...) ... (п)[оло цет][ве]ре[т]и гривни тиме ти есем- ----- 8' смена 8' масника за цето еси ·в̄· гривни 8'зале мое лише возми захарне 8' попа ·се [ли не] 8'дасте да со изростгы водасте [RUSCORPORA: Берестяная грамота 483 (1260–1280)];

(9) [а] ли[ш](е бы отда)ли зати а мѣк штъцьъ бы по(слоухъ) [RUSCORPORA: Берестяная грамота 339/341 (1380–1400)].

Из примеров (8) и (9) следует, что референтивная функция *лише* начинает трансформироваться от функции обозначения объекта из однородного ряда к обозначению этого объекта как самостоятельного — нивелируется значимость противопоставления и сопоставления, актуальная для *лише*-предлога; при этом соотношение с «общей массой», к которой относится ‘нечто лишнее’, еще сохраняется (так, в примере (8) речь идет о

деньгах, но их упоминание в фразе необязательно для понимания). Примечательно, что такое словоупотребление встречается только в берестяных грамотах.

Интересно отметить, что субстантивная семантика в контекстах после XV века соотносится с существительным *лишек*, а с XVIII в. чаще употребляется его дериват *излишек*:

(10) *Да в котором будет поле пашины лишек, и ты б тот лишек прикладывал к меньшему полю, и наверстал гораздо, чтоб тебе однолично во всех трех полях пашня в книги ровно написати* [RUSCORPORA: Грамота Ивана IV Белозерскому губному старосте Я. М. Гневашеву о разделе Белозерской вотчины И. П. Федорова (1568.11.20)].

(11) *И тот лишок у Данилка не отписан потому, что велено ему кормити мать свою да брата своего* [RUSCORPORA: Докладная разъезжая, с доклада ц. Ивану Васильевичу, кн. Ивана Васильева сына Мещерского земле Чудова монастыря с. Липятино с поместной землей Данилы Истомина сына Толстого с. Семеновское в Каневской вол. Коломенского у (1556.05.15)].

(12) *Да послал, г(о)с(у)д(а)рь, из Чубароваи с Михаилом Антиповым 13 рун шерсти, а въсу у них 19 гривенок, да 15 поярков, въсу в них 4 гривенки с лишкам* [RUSCORPORA: Грамотка приказчика И. Никитина и старосты И. Павлова из с. Чубарово (1673.11.23)].

Начиная с XV в., меняется интегральная сема — от ‘одно из перечисленного’ к ‘одно вообще, вне перечисления’; такое значение сохраняется и в современном языке. Указанную семантику частицы *лишь* описал С. Л. Сахно: «доминирует идея сведения данного класса или множества Y к когнитивно и коммуникативно “маргинальному” элементу или подмножеству X. При этом не исключаются другие элементы или другие подмножества (‘X и не больше’, ‘X, но можно было бы предполагать и нечто иное или предполагать нечто более значительное’)» (Sahno 2019: 49).

Ввиду развития дискурсивного значения, выражающего особое ограничительно-выделительное отношение говорящего к некоторому предмету, действию или состоянию, этот этап можно считать началом формирования частицы *лише*:

(13) *Подоба же скратити слово и не лише умудряти, не умѣа, или ухищряти к суцим любомудрием исполнь, к суцим*

разума и паче нас умошь вышшимъ и вящимъ [RUSCORPORA: Из Великих Миней Четых митрополита Макария. 26 апреля. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием (1530–1554)].

(14) *А какъ осолятъ негнетуть, лишь одно верхнее дно накинеть на верхъ* [RUSCORPORA: Торговые книги начала XVII века (1600–1610)].

(15) *И Федот говорил: «Милостию божию, государьским жалованьям и великого государя царя и великаго князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца, и Левонтья, царя дидьянскаго, не кручинна; одна леша на нас забота, что не дал долго царь Левонтей очей своих видеть* [RUSCORPORA: Статейный список Федота Елчина (Грузия) (1639–1640)].

Примеры (14) и (15) иллюстрируют вариативность орфографического оформления частицы в текстах XVI–XVII веков: встречаются также варианты *лишише, лишишу, лишьъ, лиша*. Устойчивая тенденция к употреблению формы *лишь* наблюдается с XVIII века.

На завершение процесса формирования частицы *лишь* указывают контексты XVII и последующих веков, содержащие контактно расположенные частицы *бы, же, только*:

(15) *Лише же молю, да сие творите, да вскоре миръ дастъ нам от злобы их кровию завѣта вѣчнаго Господа нашего Исуса Христа!* [RUSCORPORA: Хворостинин Иван Андреевич. «Словеса дней, и царей, и святителей московских» (первая четверть XVII в.)].

(16) *А за сто стерледеи рубль, а за судоки и за леци за десяток по десяти алт(ын), — или де как он изволит, мы де ради, чем ни пожалу[ет], лиша б де изволил приказат(ь) к нам зараня, и мы де приготвим, а ныне де рыба дешева* [RUSCORPORA: Грамотка приказчика А. Никитина в с. Спасское (1682.10.25)].

(17) *Теперь лишь только вступил онъ на сороковой годъ: а роскошное его житіе тѣло его привело въ дряхлость* [RUSCORPORA: О неудовольствіи (перевод с нем.) // Праздное время въ пользу употребленное. 1759 Годъ съ Іюля мѣсяца, 1759].

Дополнительные выделительные маркеры подчеркивают начавшуюся десемантизацию частицы. Этот фактор способст-

вовал возможности употребления *лишь* в функции союза с семантикой ограничения, присоединения или времени:

(18) *Пускай его пишетъ что хочетъ, лишь бы намъ возвратиться домой.* [RUSCORPORA: А. С. Шишков. Письма жене (1813–1814)].

(19) *И как есаул шел наперед, а сестра Ивана-богатыря шла позади, и лишь только вступил он в ту комнату, как названная сестра Ивана-богатыря ударила есаула саблею из всех сил и отрубила ему голову.* [RUSCORPORA: Сказка восьмая о Иване-богатыре, мужицком сыне (1787)].

Таким образом, семантическое развитие *лишь* шло в направлении от частного ('то, что больше чего-либо однородного') к общему ('нечто отдельное вне сравнения с чем-то другим') и сопровождалось переходом лексемы между классами самостоятельных и служебных частей речи.

Литература

- Bobrik, M. A. 2014. [Pop Upyr' Lichyj: the syntactical function and the meaning of the epitheton lichyj]. Lih li pop Upyr'? (Znachenie epiteta lihyi v zapisi pisca Tolkovyh prorokov). In: Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. № 1 (27). 265–272.
- Бобрик, М. А. 2014: Лих ли поп Упырь? (Значение эпитета лихьи в записи писца Толковых пророков). Русский язык в научном освещении. № 1 (27). 265–272.
- Cherkasova, E. T. 1967: *Perehod polnoznachnyh slov v predlogi*. [The transition of full-meaning words into prepositions]. Moscow.
- Черкасова, Е. Т. 1967: *Переход полнозначных слов в предлоги*. М.
- Churmaeva, N. V. 1989: [The history of adverbs in the Russian language]. *Istoriya narechij v russkom yazyke*. Moscow.
- Чурмаева, Н. В. 1989: *История наречий в русском языке*. М.: Наука.
- Dic. XI–XIV 1991 — Avanesov, R. I. (ch. ed.). [Dictionary of the ancient Russian language of the XI–XIV centuries. Volume IV]. *Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. Tom IV (izzhivati — molenie)*. Moscow.
- Сл. XI–XIV 1991 — Аванесов, Р. И. (гл. ред.). 1991: *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Том IV (изживати — моление)*. М.
- Dic. XI–XVII 1981 — Filin F. P. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries. Issue 8]. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vypusk 8. Krada — Lyashchina*. М.
- Сл. XI–XVII 1981 — Филин Ф. П. *Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 8. Крада — лящина*. М.

- Dic. XVIII 2000 — Sorokin Yu. S. [Dictionary of the Russian language of the XVIII century. Issue 11]. Slovar' russkogo yazyka XVIII v. Vypusk 11. Krepost' — L'nyanoj. Saint Petersburg.
- Сл. XVIII 2000 — Сорокин Ю. С. Словарь русского языка XVIII в. Выпуск 11. Крепость — Льяной. СПб.: Наука, 2000.
- Korečný F. 1980: Etymologický slovník slovanských jazyků — Slova gramatická a zájmena. Sv. 2, Spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbia. Praha.
- Ruscorpora (НКРЯ) — National Corpus of Russian Language: <https://ruscorpora.ru/>.
Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: <https://ruscorpora.ru/>.
- Sahno, S. L. 2019: [Modality of restriction: cognitive and semantic-communicative aspects of Russian particles with the meaning of restriction (tol'ko versus lish')]. In: *Yazyk i myshlenie: psichologicheskie i lingvisticheskie aspekty: Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Koduhova, Moskva, 15–17 maya 2019 goda*. Moscow, 49–51.
- Сахно, С. Л. 2019: Модальность ограничения: когнитивные и семантико-коммуникативные аспекты русских частиц со значением ограничения (только versus лишь). В сб.: *Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIX международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В. И. Кодухова, Москва, 15–17 мая 2019 года*. М.: МПГУ, 49–51.
- Shansky, N. M., Ivanov, V. V., Shanskaya, T. V. 1971: *Kratkiy etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. [A short etymological dictionary of the Russian language]. М.: Prosveshcheniye.
- Шанский, Н. М., Иванов, В. В., Шанская, Т. В. 1971: *Краткий этимологический словарь русского языка*. М.: Просвещение.
- Tsyganenko G. P. 1989: [Etymological dictionary of the Russian language]. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. Kiev.
- Цыганенко Г. П. *Этимологический словарь русского языка*. Киев.
- Vasmer, M. 1986: *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. [Etymological dictionary of the Russian language. Volume II]. Tom II (E–Muzh). Moscow.
- Фасмер, М. 1986: *Этимологический словарь русского языка*. Том II (Е–Муж). М.

М. С. Голикова
Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия. golikoff@list.ru

О ЗНАЧЕНИИ ЛАТИНСКОЙ ПОГОВОРКИ *FIDES GRAECA*

Статья посвящена исследованию латинской поговорки *fides Graeca* (греческая верность, греческое вероломство), которая часто рассматривается как синоним выражения *fides Punica* (пунийская верность, пунийское вероломство). В работе выделены основные исследовательские подходы к определению *fides Graeca*, встречающиеся в научной литературе, определены истоки традиции смыслового объединения этой поговорки с *fides Punica*, а также проанализированы случаи употребления выражения *fides Graeca* в древнеримской литературе и комментарии к этим местам. Автор приходит к выводу, что поговорка *fides Graeca* имеет уникальное семантическое значение договора, основанного не на авторитете слова, а на реальных материальных гарантиях, таких как наличные деньги или предмет на обмен. В статье разделены два вида *fides Graeca*: как обобщающее выражение для обозначения греческой ненадежности и хитрости и как поговорка, которая в отличие от выражения, в авторском использовании древнеримских писателей не имеет негативных коннотаций.

Ключевые слова: греческая верность, греческое вероломство, пунийская верность, пунийское вероломство, карфагенское вероломство, верность, доверие, предательство, вероломство, нарушение слова, нарушение договора, *fides*, *fides Graeca*, *fides Punica*.

Maria S. Golikova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, golikoff@list.ru

On the meaning of the Latin proverb *fides Graeca*

The article is devoted to the study of the Latin idiomatic expression *fides Graeca* (Greek fidelity or Greek perfidy, treachery). This saying is often regarded as a synonym to the better known saying *fides Punica*. In the shadow of its widely known analogue, *fides Graeca* has never been the subject of a separate study, only touched upon in passing in brief notes or in connection with the Carthaginian theme. The paper considers the existing approaches to the definition of the expression *fides Graeca* in the scholarly literature, traces the connection of this saying with *fides Punica*, and analyses the occurrences of the saying *fides Graeca* in ancient Roman literature, as well as commentaries on these places. The author concludes that the idea of the synonymy of *fides Graeca* and *fides Punica* goes back

to the scholarly tradition of considering the saying *fides Graeca* as a general name for Greek guile, cunning and unreliability, while directly the saying *fides Graeca* in the use of ancient Roman Latin authors has a unique meaning of a contract based not on the authority of the word, but on real material guarantees, such as cash or an object for exchange.

Key words: Greek loyalty, Greek perfidy, Punic loyalty, Punic perfidy, Carthaginian perfidy, loyalty, trust, treachery, perfidy, breach of word, breach of contract, *fides*, *fides Graeca*, *fides Punica*.

Fides — это одно из фундаментальных древнеримских понятий и добродетелей, многозначное (верность, доверие, преданность, гарантия социальных договоров) и охватывающие все сферы римской жизни (*fides Romana*, *fides publica*, *fides Quiritium*, *fides senatus*, *fides exercituum*). В основе значения и функционирования *fides* — ‘доверие’, которое включает в себя два значения: доверие, которое я даю, и доверие, которое дают мне, то есть доверие и благонадежность. В силу своей важности *fides* уже много исследовалась и в настоящее время продолжает анализироваться в разных аспектах: историческом, юридическом, философском, религиозном (Augoustakis, Buckley, Stocks 2019; Freyburger 1986; Morgan 2015).

В рамках этого исследовательского направления существует один широко изучаемый аспект — *fides Punica* (пунийская или пуническая верность, коварство, карфагенское вероломство). Это идиоматическое выражение, поговорка, которую римские писатели использовали для обозначения карфагенского вероломства: их недобросовестности, нарушений договоров и применения военных хитростей.

В связи с *fides Punica* встречается выражение *fides Graeca*, которое часто указывается как ее синоним. Это поговорка, в тени своего широко известного аналога никогда не становилась предметом отдельного исследования, лишь вскользь затрагивалась в кратких заметках или в связи с карфагенской темой. В большинстве словарей и научных работ даются одинаковые значения или проводится полная параллель между «греческой» и «пунийской верностью». «*Fides Graeca* — греческая верность, нарушение слова, вероломство; *fides Punica* — пуническая (карфагенская) верность, вероломство» (Jacobi 1874: 280). «*Graeca fides*, греческая верность, поговорка о нарушении обещания, так как греки считались лжесвидетелями. То же значение имеет *fides Punica*, пунийская, т.е. карфагенская верность» (Meyer 1888: 247). Объясняется это следующим образом: «*fides Graeca (Punica)*, греческая (пуническая) верность, иронически используется для обозначения

лжесвидетельства, поскольку лжесвидетельство было распространено среди греков и пунийцев» (Meyer 1888: 247).

В таких формулировках единственное, что в какой-то мере можно выделить как специфическую характеристику *fides Graeca* — это, предположительно, иронический смысл и второстепенное значение по отношению к более частотной и известной *fides Punica*. Такой распространенный подход оставляет многочисленные вопросы: откуда происходят представления о синонимичности этих поговорок; есть ли смысловая разница между греческой и пунийской верностью; почему выражение буквально означает «греческая верность», а не точно напрямую «греческая неверность» или «коварство»?

Цель данного исследования проанализировать выражение *fides Graeca*: выделить существующие исследовательские позиции в работах, посвященных родственным смежным темам, выделить примеры использования поговорки *fides Graeca* у античных авторов, определить особые характеристики *fides Graeca*, если они есть.

***Fides Graeca* в исследовательской литературе**

Случаи, когда выражение *fides Graeca* попадало в поле исследовательского интереса, крайне малочисленны. Одно из первых описаний *fides Graeca* отличное от *fides Punica* было дано Эразмом Роттердамским в 1500 году в собрании греческих и латинских пословиц и крылатых выражений «Adagia». Он определяет *fides Graeca* (Ἑλληνικῆ πίστις¹) (№727) как *proverbium* и отделяет от близких по смыслу — *fides Punica* (№728) и *fides Attica* (№726), уточняя, что, возможно, это и есть *fides Punica*, если только не видеть в *fides Graeca* особый иронический подтекст.

В XVIII веке *fides Graeca* рассматривалась английским исследователем Джоном Поттером в его труде «Греческая археология или греческие древности». Отталкиваясь от поговорки *fides Graeca*, Дж. Поттер делает вывод, что нечестность в обязательствах настолько практиковалась греками, что «они никогда не могли избежать обвинения в предательстве и вероломстве до такой

---

¹Греческий вариант Ἑλληνικῆ πίστις дается Эразмом Роттердамским и, возможно, сформулирован им самостоятельно, а не заимствован из античных источников. В комментарии электронного собрания пословиц уточняется, что греческая версия этой идиомы не проверялась (Erasmus 2024). Согласно TLG, эта поговорка у древних авторов не является частотной.

степени, что *fides Graeca* как поговорку стали применять к людям, колеблющимся, непоследовательным и непригодным для того, чтобы им доверяли или полагались на них» (Potter 1751: 259). Далее обсуждение переходит к примерам вероломства греков, зафиксированным в латинских и древнегреческих источниках. Среди них есть как однозначно негативные примеры неверности локрийцев, спартанцев, фессалийцев, критян, так и положительная *Attica fides* (аттическая верность)².

В XIX веке *fides Graeca* обсуждается в английском классическом научном журнале *The Classical Journal* под названием «О неверности древних». Небольшая заметка подписана только инициалами А. М. с указанием аффилиации — Кембриджский колледж святого Иоанна (St. John's College) и адресована: «редактору классического журнала». Цель ее по заверениям автора в привлечении внимания к интересной теме: «Я прошу разрешения представить на ваше рассмотрение следующие отрывки, из которых ваши читатели смогут понять, что в древности было принято обвинять друг друга в вероломстве, а также увидеть, какие народы более всего отличались этим отвратительным отступничеством» (А. М 1815: 6–7). Автор не выделяет *fides Graeca* как поговорку, но использует как общее выражение для наименования верности греков. Он приводит две цитаты, имеющие положительное значение (из письма Авсония, использующего поговорку *fides Graeca*, и Ювенала, вспоминающего времена «когда греки еще не решались клясться чужой головой» (Juv. Sat. VI. 15). Диссонанс между этими цитатами, имеющими положительную коннотацию, и многочисленными текстами, указывающими на неверность греков, автор связывает с изменением значения поговорки *fides Graeca*. В древности греческая верность «была превосходна», но уже во времена Цицерона (Cic. ad Q. fratrem I. 1) стала объектом порицания.

---

² Приведены три возможных толкования выражения *Attica fides*. По одному мнению, поговорка происходит от имени богини Фидес, у которой был храм в Афинах, упомянутый Платоном. Другая точка зрения связывает ее с нравами людей и характером их почвы, из-за которой они производят столько, сколько необходимо, и не более и поэтому *Attica fides* применяется к любому человеку, который возвращает все, что ему было доверено. Третье толкование, согласно свидетельству Веллия Патеркула, связывает выражение с верностью и непоколебимой преданностью римлянам (Potter 1751: 259).

В XX веке в поле научного внимания *fides Graeca* попала в силу возросшего интереса к понятию «карфагенская верность». Историк античности Арнальдо Момильяно понимал выражение *fides Graeca* как обобщающий термин для наименования греческого коварства. *Punica fides* — это «скорее *Graeca fides*, и эллинская ценность», именно она является скрытой целью порицания и тем, что изобличают древнеримские писатели (Momigliano 1975: 5).

Сходные суждения высказываются и другими исследователями (Francois 2006: 320; Wheeler 1988: 101). Профессор Джованни Брицци пишет, что «Ганнибал, — ученик грека-спартанца Сосила, именно в этом, возможно, следует искать предпосылки и суть его искусства, его коварного озорства», так как «он получил не пунический, а греческий характер» (Brizzi 1994: 76). Он предполагает, что пунийцы были учениками греков в понимании военной хитрости и необходимого обмана, которые выражаются в греческих понятиях *μῆτις* и *στρατήγεια* (Brizzi 1994: 67). В то же время римлянам было несвойственно использование уловок и хитростей в военном плане. Такие слова, как *fraus*, *perfidia*, *dolus*, *calliditas*, имеют негативный смысловой оттенок, которого нет у греческого *στρατήγεια*. Уловки и хитрости, подразумеваемые при осуществлении *μῆτις*, несовместимы с *fides*, римской добродетелью, необходимой для любого вида отношений, будь то частные или общественные, чужды и совершенно непереносимы для римлян. По мнению Дж. Брицци *fides Graeca* и *fides Punica* можно считать родственными понятиями ввиду преемственности, то, что римляне называли и порицали как *fides Punica*, на самом деле берет начало именно в греческой культуре и является *fides Graeca*.

Все вышеперечисленные исследователи, в той или иной мере затрагивающие *fides Graeca*, рассматривали это выражение как обобщенное указание на ненадежность греков, а также в связи с идеей пунийского коварства. Однако такой подход вызывает вопросы, поскольку не учитывает специфику *fides Graeca*. Такой же подход изначально был принят и в исследовании *Punica fides*, но впоследствии претерпел значительные изменения. В ранних исследованиях *fides Punica* рассматривалась, прежде всего, как выражение, отражающее историческую реальность: как врожденный этнический недостаток, которым обладали карфагеняне и который наделял их склонностью к изворотливости: «Коварство пунийцев стало пословицей, потому что этот народ особенно гордится лжесвидетельством» (Erasmus 2024). Однако в современных работах отмечается, что, возможно, карфагеняне не

были настолько вероломны. Американский исследователь Э. Груен приводит примеры из Геродота, указывая на то, что финикийцы, напротив, часто проявляли в своем мифологическом прошлом качества и поступки, сходные с древнеримской *fides*. Это выражение стало распространенным не во времена пунических войн, а позже, в трудах писателей I–II века, прежде всего Вергилия и Тита Ливия, и отражало формирование самосознания римлян. «Злодеяния антагониста помогали определить качества и ценности, которых придерживались римляне в восприятии самих себя» (Gruen 2010: 115; Wheeler 1988: 101). Карфагенское вероломство служило контрастом добродетели, которой римляне дорожили (или, по крайней мере, декларировали как ценность). Здесь не идет речь об этнической принадлежности коварства, а о том, что формулирование понятия «пунийская верность» стало для римлян формой самоопределения.

Аналогичный подход можно применить к *fides Graeca*, отойдя от прямого толкования, как «греческое коварство», поскольку существуют примеры и опровергающие неверность и легкомыслие греков (Gruen 1982: 50–68; Potter 1751: 259). Рассмотрим *fides Graeca* не только как проявление верности или неверности греков, но с точки зрения того, что это определение давало римлянам, выявляя семантические аспекты. Подобно *Punica fides*, *fides Graeca* должна иметь значение, прежде всего, именно для римлян, являясь частью их самоидентификации через латинскую форму лировку. Учитывая редкость выражения ἡ Ἑλληνικὴ πίστις или Ἑλληνικῆ πίστις в древнегреческих текстах, можно предположить, что именно римляне выделили особенные проявления греческого восприятия понятия *fides* при определенных условиях, что послужило основой для формирования поговорки. Если «верность» не связана с национальностью, а представляет концепцию, то какова специфика «греческой верности»? Выделим и проанализируем примеры употребления данного выражения у античных авторов, фокусируясь на контексте и комментариях.

***Fides Graeca* в текстах древнеримских авторов**

Если проанализировать все случаи использования словосочетания существительного *fides* с прилагательным *graecus*, *a*, *um*, можно выделить только три главных текста, в которых *fides Graeca* используется как поговорка.

1. Один из самых ранних примеров употребления фразы *fides Graeca* встречается в комедии Плавта «Ослы». Это отрывок из речи

Клеареты, сомневающейся в платежеспособности Аргериппа и предпочитающей реальную оплату обещаниям на словах.

*Diem aquam solem lunam noctem, haec argento non emo.
Caeterum quae volumus uti Graeca mercamur fide* (Pl. Asin. 250).

«День, воду, солнце, луну, ночь — это я серебром не покупаю;
Прочее, что мы хотим использовать, приобретаем греческой
верой»³.

Комментарии к этому отрывку Эразма Роттердамского: «Плавт употребляет это выражение, когда нет ни авторитета слова, ни договора, соглашения, но только наличные деньги. *Graeca fide mercari* означает покупать за готовые деньги, как будто без этого с греком нельзя было связываться. ... В древности, из-за легкомыслия греков никто им не доверял, если они что-либо обещали, если при этом они не представили наличные. Поэтому говорят, что дело совершается греческой верой, когда торговая сделка осуществляется, не полагаясь на авторитет слова» (Erasmus 2024). Адриан Юний: «Греческая верность рассматривается как сомнительная и тщетная (бесполезная), а не как надежная, поскольку она не существовала бы совершенно, если бы кредитор не был удовлетворен имеющимися деньгами» (Junius 1558: 776). Август Отто: «В греческий кредит, т. е. под наличный расчет. Эта поговорка свидетельствует о низком уровне доверия к грекам, даже в торговле» (Otto 1856: 156). Все комментаторы отмечают, что здесь речь идет об описании конкретного способа сделки «за наличный расчет», «за деньги». Особенностью является то, что инициатива по установлению торговых отношений через «греческую веру» исходит от продавца, который выбирает эту модель взаимодействия для проведения сделки. В то же время негативные оценки исходят именно от комментаторов, которые начинают

³ В поэтическом переводе на русский язык А. Артюшкова выгода от сделки «за наличный расчет» и недоверие к гарантии словом передано особенно ярко:

«День да ночь, луну да солнце, воду — мне не покупать;
Прочее, чего ни взять, за все плати наличными.
200 Хлеба ли у пекаря, вина ли в погребке купить —
Деньги дал — бери. Порядок и у нас такой идет.
Зрячие ведь наши руки: верят, лишь увидевши.
Знаем эти разговоры: “Что с нас взять...”. Не надо слов...»
(Плавт 198–203). (Тит Макций Плавт 1997: 31).

сравнивать данную модель с древнеримской *fides* (хотя она не упоминается в самом тексте).

2. Два других ярких примера использования поговорки *fides Graeca* встречаются в письмах древнеримского поэта и ритора IV века н. э. Децима Магна Авсония своему другу Павлу⁴: в письме VI поэт приглашает его в свое поместье разделить с ним радость и спокойствие загородной жизни.

Nobiscum invenies κατ' ἐνόπλια, si libet uti
Non Poena, sed **Graeca fide** (Auson. Ep. VI, 41–42)⁵.

«Со мной ты найдешь возможность договориться взаимовыгодно, если решишь воспользоваться не пунийской, а греческой верностью»⁶.

В интерпретации П. Гульда выражение κατ' ἐνόπλια аналогично конкретному расчету *quid pro quo*, предполагает прямой расчет вместо необязательных обещаний. Смысл такой: я отплачу тебе не туманными, пустыми (пунийскими) обещаниями, а стихотворением за стихотворение. Для Авсония *fides Graeca* — это греческий кредит, то есть взаимовыгодный обмен. Стихи Авсония будут доступны только на условиях обмена: друг должен приехать в гости и привезти с собой свои стихи («приходи скорее со всеми товарами...: дактилями, элегиями, хорейми, лирикой, комедиями и трагедиями») и за это получить стихи от друга; любая альтернатива этому была бы вероломством (*Poena fides*). Таким образом, автор четко отличает пунийскую верность от греческой (Green 1991: 612). Помимо этих двух *fides*, в начале письма Авсоний пишет еще об одной разновидности доверия: Si qua fides falsis umquam est adhibenda poetis nec plasma semper adlinunt, Paule... intemerata tibi maneant promissa, memento (Auson. Ep. VI, 1–5). «Если хоть какого-то доверия заслуживают лицемерные поэты и, если они не всегда выдумывают, Павел, ... помни, что ты должен нерушимо хранить свои обещания». Таким образом, в процессе повествования упоминаются и разделяются три разных вида *fides*. Фальшивые слова приписываются отнюдь не грекам, а поэтам.

⁴ Во многих источниках даются путаные ссылки на эти места у Авсония. Здесь нумерация дана по изданию Ausonius. 1985.

⁵ Прочтение «Роепа» не является бесспорным: другие варианты — роета, ренпа, пройка. Подробнее см.: Green 1991: 197.

⁶ Другими словами: со мной ты найдешь взаимовыгодное сотрудничество (*quid pro quo*), если будешь торговать на греческих, а не на пунических условиях.

3. Третий случай употребления поговорки *fides Graeca* встречается также в письме Авсония, когда он просит друга помочь судном для перевозки товаров, собранных в разных имениях, и рассказывает о своем управляющем Филоне, который должен осуществить эту миссию. Предприимчивый Филон не успешен в земледелии и начал торговать:

Mercatur quo <libet> foro venalium,
Mutatur ad **Graecam fidem** (Auson. Epist. 26. 24).

«Торгует на любом рынке,
Меняется на ‘греческий кредит’».

В этом фрагменте, подобно предыдущим примерам, присутствуют те же характерные черты *fides Graeca*: описание конкретного действия; отсутствие иронии или сарказма в отношении процесса сделки в заявленном формате; совершение сделки на основе обмена денежными средствами или материальными ценностями; как и в письме VI торговля идет не только на деньги, но и иными товарами. Et nunc paravit triticum casco sale novusque pollet emporus (Auson. Epist. 26. 27–28). «И вот теперь, обеспечив себя зерном по цене старой соли, он расцветает как новый торговец». П. Гульд указывает что здесь речь идет о торговле-обмене соли на зерно (Ausonius 1985: 97).

Выявленный характер легкомысленного отношения греков к слову прослеживается и во многих других источниках. Например, в замечаниях Цицерона о нецелесообразности привлечения греков к судебным процессам в качестве свидетелей из-за отсутствия у них верности данному слову при заключении договоров (Cic. Pro Flacco 9. 3–4; 10. 4–5; 36.10). Специфика договора, основанного на материальном, а не на устном подтверждении, также находит отражение в реальных юридических аспектах. В IV веке до н. э. в вопросах договорных обязательств существовали признаки разделения и противопоставления, между договором, основанным на доверии, и греческим договором, который считался «реальным» (Véllissaropoulos-Karakostas 1996: 196). Поговорку *fides Graeca* можно рассматривать как отражение другого способа совершения сделки. Это различие скорее проявляется в противопоставлении древнеримской *fides* и древнегреческой πίστις⁷, а не в плоскости *fides Graeca* и *fides Punica*.

⁷ Различные аспекты связей между понятиями *fides* и πίστις анализируются в работах Э. Груена и Т. Морган (Gruen 1982: 50–68; Morgan 2015).

Мы можем заключить, что исследование поговорки *fides Graeca* на конкретных примерах авторского использования позволяет раскрыть ее специфику. Она не несет отрицательной оценки, а указывает на особый характер сделки, основанной не на авторитете слова (как в случае с *fides*), а на реальных основаниях. Рассмотренные примеры показывают, что инициатива торговли исходит от продавца, что также смягчает возможную иронию или негативную окраску выражения.

Важно отметить, что эта поговорка имела распространение именно в латинском языке. Таким образом, подчеркивалась еще одна грань многогранной римской *fides*: важность соблюдения договоренностей, основанных на доверии к данному слову. *Fides Graeca*, в отличие от *fides Romana*, опирается не на римский принцип достаточности словесного поручительства, а на материальное физическое основание. Соответственно, у древнеримских авторов *fides Graeca* прежде всего имеет не значение «предательство» или «неверность», а отражает некую иную систему отношений, противоположную той, что вкладывается в древнеримское понятие *fides*. Можно предположить, что по причине римского осознания особенности греческой интерпретации «доверия», инаковости греческого подхода к этому понятию, в латинском поговорке оно все-таки формулируется при помощи слова *fides*, а не через однозначно негативное *perfidia*.

Идея о синонимичности *fides Graeca* и *fides Punica* восходит к научно-исследовательской традиции, не выделяющей данную поговорку из ряда примеров греческого коварства, но понимающей ее как общее обозначение греческой хитрости, неверности и ненадежности. Однако анализ выражения позволяет заключить, что *fides Punica* и *fides Graeca* могут считаться синонимами только в широком смысле, но как поговорки они имеют свою специфику, требующую проводить дифференциацию значений.

Литература

- A. M. 1815: On the Perfidy of the Ancients, *Classical journal*, Vol. 11, 6–7.
- Augoustakis, A., Buckley, E., Stocks, C. 2019: *Fides in Flavian Literature*. Toronto: University of Toronto Press.
- Ausonius. 1985: *Ausonius with an English translation by Hugh G. Evelyn White*. Ed. Goold G. P. Vol. II. London: William Heinemann.
- Brizzi, G. 2002: *Il guerriero, l'oplita, il legionario — gli eserciti nel mondo classico*. Bologna: Il Mulino.
- Erasmus, D. 2024: *Adagiorum Collectanea*. Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen. URL:

- <https://adagia.resources.huylgens.knaw.nl> (accessed: 10.03.2024).
- François, P. 2006: Externo more: Scipion l'Africain et l'hellénisation. *Pallas*, 70, 313–328.
- Freyburger, G. 1986: *Fides: étude sémantique et religieuse depuis les origines jusqu'à l'époque augustéenne*. Paris: Les Belles Lettres.
- Green, R. P. H. 1991: *The Works of Ausonius. Edited with Introduction and Commentary*. Oxford: Clarendon press.
- Gruen, E. S. 1982: Greek Πίστις and Roman Fides. *Athenaeum*, 60, 50–68.
- Gruen, E. S. 2010: *Rethinking the Other in Antiquity*. Princeton: Princeton University Press.
- Jacobi, H. 1874: *Universal-Lexicon: ein Nachschlagebuch für Jedermann*. Wien: Waldheim.
- Junius, H. 1558: *Adagiorum centuriae VIII cum dimidia*. Basileae: Froben.
- Meyer, H. J. 1888: *Meyers Konversations-Lexikon*. Vol. 6. Leipzig; Wien Bibliographischen Instituts.
- Momigliano, A. 1975: *Alien Wisdom: the Limits of Hellenization*. Cambridge: CUP.
- Morgan, T. 2015: *Roman Faith and Christian Faith: Pistis and Fides in the Early Roman Empire and Early Churches*. Oxford: OUP.
- Otto, A. 1856: *Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Römer, gesammelt und erklärt*. Leipzig: Teubner.
- Plautus Titus Maccius. 1997: [Comedies.] T. 1 Per. A. Artyushkov. Moscow: Terra.
- Плавт Тит Макций. 1997: [Комедии]. Т. 1. Пер. А. Артюшкова. М.: Терра.
- Potter, J. 1751: *Archaeologia Graeca or the antiquities of Greece*. Vol.1. London: G. Strahan.
- Vélissaropoulos-Karakostas, J. 1996: Pacta conventa servabo et Aristote. *Revue Historique de Droit Français et Étranger*, 74 (2), 185–197.
- Wheeler, E. L. 1988: *Stratagem and the Vocabulary of Military Trickery*. Leiden; New York: Brill.

ФУНКЦИИ БИБЛЕЙСКОЙ ЦИТАТЫ В МОНАШЕСКИХ ТЕКСТАХ ПАХОМИЕВА КРУГА (IV в.)

На основании анализа библейских цитат в агиографических и легислативных текстах общежительных монастырей Пахомия Великого (IV в.), с одной стороны, прослеживается функционирование библейского текста в устной речи насельников, а, с другой, демонстрируется изменение направленности монашеских правил — при появлении в них ветхо- и новозаветных цитат — с дисциплинарных установок на обоснование и осмысление монашеского образа жизни и описание внутреннего состояния исполняющего внешние предписания. Анализ контекста, в которых встречаются библейские цитаты, сюжеты и герои позволяет говорить о становлении экзегезы Священного Писания, актуальной именно для монашеской среды. Тот же факт, что часть контекстов не дает толкование приводимых библейских слов, но предполагает его знание у слушающего или читающего, позволяет предположить, что традиция эта уже во времена Пахомия была, прежде всего, устной и гораздо богаче, чем та, которую мы можем реконструировать по дошедшим до нас в источниках.

Ключевые слова: монашеская литература, библейская экзегеза, Жития Пахомия Великого (на греческом, коптском, латинском), Правила Пахомия Великого (на латинском и коптском), Правила Орсиция (на коптском), Феодор Освященный, Иероним Стридонский.

Natalia Golovnina

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia
n_golovnina@list.ru

Biblical quotations in the *Pachomiana* (4th cent.) and their functions

Based on the analysis of biblical quotations in hagiographic and legislative texts of the cenobitic monasteries of Pachomius the Great (IV cent.), on the one hand, the functioning of the biblical text in the oral speech of the monks is traced, and, on the other, a change in the orientation of monastic rules is demonstrated. Namely, with the appearance of Old and New Testament quotations, the rules evolved from disciplinary regulations to justification and comprehension of the monastic way of life, as well as description of the inner state of the person fulfilling the external prescriptions. The analysis of the context in which biblical quotations, motifs and characters occur allows us to talk about the formation of the

exegesis of Holy Scripture relevant specifically for the monastic environment. The fact that some of the contexts do not provide an interpretation of the quoted biblical words but presuppose that the listener or reader knows them, suggests that this tradition, in the time of Pachomius, was mainly oral and much richer than the one that we can reconstruct from extant sources.

Keywords: monastic literature, Biblical exegesis, *Vitae Pachomii* (in Greek, Coptic and Latin), *Præcepta Pachomii* (in Latin and Coptic), *Præcepta Horsiesii* (in Coptic), St. Theodore, St. Jerome.

Об экзегезе авторов-аскетов, по аналогии с остальными церковными писателями, говорят только в том случае, если от них дошли сочинения в соответствующих жанрах: комментарий (или последовательный на библейскую книгу, или на ветхо- или новозаветный сюжет — часто в виде проповеди), вопросы-ответы на отдельные стихи Писания, часто подобранные тематически, и, наконец, схолии. Как представляется, такой подход заметно обедняет как христианскую герменевтику, лишая ее еще одного достаточно самобытного элемента, так и аскетическую литературу, будто бы лишенную экзегетического потенциала и ограниченную разработанным до нее пониманием библейских книг. В связи с этим кажется особенно интересным продемонстрировать специфику монашеского прочтения Священного Писания и отношения к нему на сочинениях, ни жанр, ни цель написания которых никак напрямую не связаны с проблемами толкования.

Речь идет о монашеских источниках, связанных с именем основателя общежительного монашества Пахомия (ок. 292–ок. 346), а также его учеников и преемников по управлению созданными им обителями Орсисия (ок. 300–после 387) и Феодора Освященного (ок. 308–368). Все трое были коптами и писали на коптском, но резонанс, который получило их начинание, был так велик, что среди насельников было много греков¹, а полный корпус «Правил» дошел в латинском переводе, сделанном Иеронимом Стридонским (ок. 347–30.09.419/20) в 404 г.² Для анализа в качестве основных из обширного Пахомиева корпуса

---

¹ Например, до сих пор можно считать неразрешенным вопрос, какая редакция «Жития Пахомия» — коптская или греческая — является оригинальной, а какая переводом.

² Иероним делал свой перевод с греческого текста, но как свидетельствует сравнение правил на латинском с сохранившимися правилами на коптском, его перевод верно передает оригинал.

будут привлечены три текста. Во-первых, «Житие Пахомия», которое сохранилось на греческом, двух диалектах коптского языка (саидском и бохайрском), латинском и арабском языках³. Агиографический материал позволяет реконструировать не только темы разговоров у насельников монастырей, но и саму манеру говорить. Здесь нас, в первую очередь, будут интересовать беседы, связанные с экзегезой, а также употребление библейских цитат в диалогах насельников и интонация их произнесения, если ее позволяет понять контекст.

Во-вторых, будут привлечены «Правила» Пахомия и, в-третьих, для сравнения с ними «Правила» Орсиция. Полный свод установлений для пахомиевых монастырей состоит из четырех частей: «Правила» (*Praecepta*), «Правила и установления» (*Praecepta et instituta*), «Правила и суды» (*Praecepta atque iudicia*), «Правила и законы» (*Praecepta ac leges*)⁴. Выбор первой из них обоснован тем, что это самая большая подборка предписаний; ее неоднородный состав и повторения свидетельствуют, что она отражает становление устава, поскольку она постоянно пополнялась, исходя из нужд монастырского управления и возникающих конфликтных ситуаций; кроме того, она в значительной части пересекается с «Правилами и судами», где собраны наказания за нарушения. Необходимо отметить, что пахомиевы правила отличаются простотой формы, их иногда сравнивают с военным уставом, который только предписывает и требует четкого выполнения без дополнительных объяснений и обоснований. Как кажется, это отразилось и в том, что в выбранной для анализа части нет ни одного слова из Священного Писания⁵. Выбор же «Правил» Орсиция обусловлен пересечениями с первой частью монастырского устава⁶,

³ О проблемах редакций и переводов см.: Khosroev 2004: 12–21.

⁴ Подробно о составе каждой части, а также о дошедших коптских и греческих фрагментах устава см.: Khosroev 2004: 25–27; дискуссию о хронологии и очередности появления частей см.: van Molle 1968^a: 108–127; van Molle 1968^b: 394–424; Ruppert 1971: 240–241; Rousseau 1985: 48–52.

⁵ Единственной частью всего корпуса, где библейские цитаты входят в текст, это «Правила и установления», где собраны «должностные обязанности» главы дома (лат. *praepositus domus*, греч. οἰκιακός): в 15 правилах из 53 встречается 28 отсылок к Священному Писанию, что позволяет признать ее позднее происхождение (Golovkina 2017: 31).

⁶ Взгляд на «Правила» Орсиция как на объяснение «Правил» Пахомия см.: Ladeuze 1898: 306–309.

которые позволяют провести сравнительный анализ⁷, а также новой стилистикой правил⁸ и, что особенно важно, появлением в них библейских цитат.

Прекрасное знание насельниками монастырей библейского текста не подлежит сомнению. Одним из условий поступления в монастырь было обязательное заучивание наизусть 20 псалмов, или двух посланий апостола Павла, или какой-то другой части Писания (*Pachom. Praes.* 139)⁹. В монастыре вообще не могло быть насельника, который не учится читать или не знает наизусть библейских текстов, «по крайней мере что касается Нового Завета и Псалтири» (*Pachom. Praes.* 140).

Кроме умения читать особое внимание уделялось пониманию и постоянному размышлению или, по крайней мере, постоянному повторению библейского текста. Одним из главных монашеских деланий было так называемое поучение в Священном Писании (греч. μελέτη; лат. *meditatio*). Под поучением могло подразумеваться два разных занятия (Timbie 2016: 919–927). Во-первых, это постоянное повторение монахом фрагмента, чаще всего из Священного Писания, который надо было повторять и по дороге на церковную службу (*Pachom. Praes.* 3), и при возвращении с нее (*Pachom. Praes.* 28), а также находясь в своем доме¹⁰ (*Pachom. Praes.* 122), и при исполнении определенных послушаний, например, при подаче сигнала к трапезе (*Pachom. Praes.* 36), раздаче десерта после трапезы братьям (*Pachom. Praes.* 37) и при работе вне монастыря (*Pachom. Praes.* 60). Во-вторых, это практика обязательных бесед-поучений в монастырях, вероятно, именно поэтому никаких советов, как размышлять над Писанием или поучаться в нем, в правилах не дано. Для монахов главы домов проводили регулярные беседы

---

⁷ О параллельных местах между «Правилами» Орсисия и «Правилами» Пахомия см.: Joest 2009: 491.

⁸ Об особенностях цитирования Орсисием «Правил» Пахомия см.: Joest 2010: 430–451.

⁹ В этом же правиле говорится о необходимости научиться читать, если поступающий в монастырь неграмотный. Такой должен три раза в день ходить на занятия к назначенному для его обучения брату и «учиться весьма ревностно и с благодарностью».

¹⁰ Греч. οἶκος, лат. *domus*. Деление монахов примерно по 40 человек на «домы» могло происходить или по роду их занятий в монастыре, или по профессии, или по языку (подробнее см.: Khosroev 2004: 94–96).

или два (*Pachom. Inst.* 15)¹¹, или три (*Pachom. Praes.* 20)¹² раза в неделю; кроме того каждый вечер после работы и еды глава монастыря (*VPg.* 125) руководил объяснением трудных мест Писания, причем братия сама могла задавать тему или вопросы (*VPg.* 125). Отдельное время предназначалось для обсуждения услышанного во время поучения (*Pachom. Praes.* 19, 138).

Сохранился рассказ о том, как однажды в монастырь Пахомия пришел философ, чтобы проэкзаменовать монахов на знание библейской истории. Он загадал такую загадку: «Кто, не родившись, умер? И кто, родившись, не умер? И кто, умерев, не провонял?»¹³. Разгадал ее Федор: Первый это Адам как сотворенный Богом (Быт. 1. 26–28); второй — Енох как взятый Богом на небо (Быт. 5. 24); и, наконец, жена Лота, превратившаяся в соляной столп (Быт. 19. 26), и таким образом избегшая тления (*VPg.* 82). Невероятно, чтобы с такими вопросами действительно пришли языческие философы, или даже просто какие-то образованные христиане, как предполагает А. Л. Хосроев (*Khosroev* 2004: 243, footnote. 191), но с некоторой долей вероятности можно предположить, что подобные вопросы-загадки были одним из видов монашеских развлечений или способом проверять насколько хорошо вновь поступившие в монастырь усвоили ветхозаветную историю.

Неожиданным примером свободного владения библейским текстом может служить описание одного из конфликтов, происшедших в монастыре. Один брат был очень сердит на Пахомия, поскольку думал, что именно он препятствует его назначению на должность, которую он хотел занять. И однажды, увидев своего, как он считал, обидчика, этот брат начал его упрекать и обличать, а Пахомий ничего не отвечал ему, поскольку просто не понимал, в чем дело. Брат же увидел в этом подтверждение своей правоты и, как печать своей победы, продекламировал слова псалма: «Ну что заградились твои уста?» (Пс. 62. 12). Примечательно, что даже смутьяны в монастыре во

---

¹¹ В «Житии Пахомия» уточняется, что это были два постных дня, то есть среда и пятница (*VPg.* 28).

¹² Данные Жития позволяют предположить, что в этом правиле должны стоять не главы домов, а главы монастырей (*VPg.* 28), которые действительно проводили три наставления: одно в субботу и два в воскресенье (*VPg.* 28).

¹³ Точные цитаты из «Жития Пахомия» и «Правил» даются в переводе А. Л. Хосроева.

время ссор для выразительности и убедительности прибегают к библейским цитатам (VPg₁. 42).

О хорошем владении насельниками библейским материалом и традицией его толкования могут также свидетельствовать правила, в которых просто приводятся или отдельные выражения Писания, или события и имена, в первую очередь ветхозаветных персонажей, без каких бы то ни было объяснений. При этом нужно учесть, что правило должно быть максимально внятным и простым для восприятия читающего, а не выглядеть загадкой. Например, в адрес главы дома, если он не справляется со своими обязанностями, произнесено 15 проклятий, и только два из них не соотнесены ни с каким библейским текстом (*Pachom. Inst.* 53). Для того, чтобы понять фактологическую составляющую этих проклятий, необходимо в отдельных фразах опознать евангельские предостережения грешникам (Мф. 7. 2; 16. 27) и обличения фарисеев (Мф. 23. 23); пророческие угрозы Израилю (Иер. 3. 9, 22. 19; Ис. 14. 15, 59. 10); проклятие Давида на Доика должно привести на память 51 псалом и свидетельствовать, что кроме самих псалмов усвоены также их надписания; разбитый кувшин обращает к литературе премудрости (Еккл. 12. 6); необходимо быть знакомым с историей Каина (Быт. 4. 15), с причиной гибели хананеев (Исх. 34. 11), с неблагоприятным поведением сыновей Илия (1 Цар. 4. 11, 18), а в грешниках, поглощенных землей, опознавать Корея, Дафана и Авирона (Числ. 16. 32). В правилах дается как нечто хорошо известное не только содержание библейских книг, но и его толкование, при этом оно может быть актуально именно для монашеской традиции. Например, Авраам как отец богоизбранного народа, но не просто христиан, как это было принято в новозаветной экзегезе, а самих монахов (*Hor. Reg.* 34). Уверенность, что при чтении легислативного текста будут не только четко опознаваться библейские сюжеты, но и выбираться необходимое для этого контекста их толкование, подчеркивает, насколько сильна была устная традиция в Пахомиевых монастырях.

Получить представление, какие темы обсуждались на беседах и с какими методами толкования был знаком Пахомий позволяет его «Житие»: например, события воплощения и распятия Господа он рассматривает типологически, то есть исходя из того, что новозаветную историю предвозвестили события и пророки Ветхого Завета (VPg₁. 56); воскресение бывает телесным и духовным, последнее предполагает жизнь по вере и

обращение к соблюдению заповедей (VPg₁. 57). Примечательно, что Феодору Освященному в одном из разговоров с монахами понравилось толкование, что внешнее святилище и святая святых или внутренняя скиния (Евр. 9) прообразуют состояние иудейского народа и призвание Богом языческого соответственно. Когда же он узнал, что оно принадлежит Пахомию, то захотел стать его учеником (VPg₁. 34). Таким образом, именно вопросы экзегезы помогли ему выбрать конкретный монастырь.

Если говорить о способах понимания любого текста, то насельники, как свидетельствует один из житийных эпизодов и в быту не всегда были готовы понимать слова Пахомия буквально. Однажды пришел к Пахомию один подвижник и они сели беседовать. Пахомий попросил Феодора приготовить что-нибудь для брата. Федор же воспринял его слова так: «Оставь нас, чтобы я мог поговорить с братом». Поскольку Федор ничего не приготовил, Пахомий обратился с этой же просьбой к другому брату, который шел мимо. И тот брат тоже иносказательно понял слова Пахомия, так что в результате Пахомию самому пришлось приготовить угощение для гостя (VPg₁.72).

Кроме того, буквальное следование евангельским словам не всегда оказывается полезным и спасительным. Пахомий заметил, что усердие в молитве и воздержании одного брата приводит его к гордости, и посоветовал ему ходить в трапезу вместе со всеми остальными и выполнять меньшее число молитв. Через некоторое время брат не выдержал запрета и нарушил данное предписание, и это плохо для него кончилось. Примечательно, что этот брат, решив пренебречь советом Пахомия, не приводит конкретные евангельские стихи, говорящие о необходимости молитвы, а просто возмущается, что не знает мест в Священном Писании, которые запрещали бы пост и молитву (VPg₁. 69). В таком решении автора Жития, как кажется, отразилась необходимость следовать учению отцов и в некоторых случаях отказываться даже от похвальных, на первый взгляд, аскетических упражнений и не доверять себе, приводя в свое оправдание библейские цитаты.

Главной задачей при сравнении правил Пахомия и Орсисия будет проследить, что привнесли библейские цитаты в монастырские предписания по внешнему поведению и внешней дисциплине. Но чтобы не сложилось впечатление, что Орсисий только расширял и объяснял правила Пахомия, вначале будут приведены примеры его сугубо практических распоряжений. Так, например, он учит, как избежать дыма при растопке печи,

сколько поленьев класть в нее, как сохранять жар углей, как куда и зачем ставить горшки, чтобы, чечевица стала по-настоящему мягкой (*Hor. Reg.* 23). В некоторых случаях правила, посвященные одной проблеме, у Орсисия даже короче и могли бы остаться непонятными, если бы не было правил Пахомия. Например, у Орсисия краткое предписание сидеть благопристойно в собрании¹⁴ (греч. *σύναξις*, лат. *collecta*; *Hor. Reg.* 20), у Пахомия сопровождается конкретными указаниями: милоть (греч. *μηλωτή*, лат. *melotes*)¹⁵, должна служить подстилкой на сиденье, а левитон (греч. *λεβίτων, λεβιτωνάριον*, лат. *lebitonarium*)¹⁶ должен обязательно закрывать колени (*Pach. Praes.* 2); сухое запрещение Орсисия ходить по замоченному тростнику (*Hor. Reg.* 20) получает объяснение у Пахомия: тростник замачивали для плетения веревок, а ходить по нему нельзя, чтобы не нанести даже минимального ущерба монастырю (*Pach. Praes.* 4).

Сравним несколько пересекающихся правил, приведя их полностью.

<p>И когда тот, кто стоит впереди на ступеньке, цитируя что-то по памяти из Писания, ударяет рукой в знак того, что молитва должна быть окончена, никто не должен вставать позже, но все должны подняться одновременно (<i>Pach. Praes.</i> 6).</p>	<p>Когда дадут сигнал к молитве, давайте тотчас встанем, а когда дадут сигнал преклонить колени, давайте тотчас падем [на колени], чтобы поклониться Господу, но прежде чем преклонить колени, осеним себя [знаком креста]. И когда мы падем на лицо, давайте оплакивать в сердце свои грехи, как написано: «Придите, поклонимся и заплачем перед Господом, создавшим нас» (Пс. 94. 6). И пусть никто из нас не поднимет своей главы стоя на коленях, поскольку в этом [проявляется] великое отсутствие страха перед Господом и незнание (<i>Hor. Reg.</i> 8).</p>
---	--

Очевидно, что специфической чертой правил Орсисия служат не только цитаты, но и их содержание, которое регламентирует не только внешнее поведение, но и обосновывает внутреннее состояние монаха. Главная цель правила Пахомия — сохранить благочиние во время общих молитв — у Орсисия отходит на задний план, главное содержание касается того, с каким внутренним настроением делается земной поклон, а запрет поднимать голову получает обоснование.

¹⁴ Т.е. во время общих молитв и поучений.

¹⁵ Часть монашеской одежды из козьей шкуры.

¹⁶ Льняная одежда без рукавов.

<p>Никто не должен смотреть на другого, когда тот плетет веревку или молится, но его глаза должны быть направлены на собственную работу (<i>Pach. Praec. 7</i>).</p>	<p>Пусть в собрании никто не смотрит без необходимости в лицо другого. Тот, кто без необходимости глядит в лицо своего соседа, вызывает обычно на его лице смех или улыбку, это не приносит пользы, или даже вызывает гнев. Поэтому давайте остерегаться всего, что вредит нашим душам. «Давайте вознесем наши сердца и наши руки к нашему Господу, который на небе» (Плач. 3. 41) (<i>Hor. Reg. 11</i>).</p>
--	---

В данном случае учитывается реакция того человека, на которого смотрят, и следовательно, правило требует выполнения, чтобы не принести вреда и ближнему.

<p>Когда в муку наливают воду и замешивают тесто, то никто не должен говорить с другим. Также и утром, когда подносят на подносе хлеба к печи или [специальной] жаровне [для хлеба], должны хранить молчание и только произносить про себя что-либо из Псалмов и Писания, пока не завершат работу. Если же возникает в чем-нибудь необходимость, то не должно говорить, но дать знак тем, кто может поднести необходимое (<i>Pach. Praec. 116</i>).</p>	<p>... в том месте, где замешивают тесто, <...> пусть каждый делает свое дело без лишних слов и криков. И пусть никто даже не осмеливается смеяться, чтобы не пал на нас укор Писаний: «Они готовят хлеб на смех» (Еккл. 10. 19). А если у кого-то возникнет необходимость спросить что-то у соседа, то должен он спрашивать его тихо и без крика (<i>Hor. Reg. 40</i>).</p>
---	--

В этом случае мы видим, как воспринимали текст с неясным значением. Нужно признать, что приведенный в правиле стих труден для понимания. Здесь достаточно привести примеры, насколько по-разному его передают разные переводы: 1) Синадальный перевод: Пиры устраиваются для удовольствия; 2) современный перевод РБО: Пиры — для радости; 3) перевод Юнгерова: Со смехом едят хлеб; 4) Елизаветинская Библия: Во смѣхъ творятъ хлѣбъ. Вряд ли у Орсисия было четкое понимание этого стиха, но он постарался приспособить его к решению дисциплинарного вопроса в пекарне.

<p>После того как собрание распущено, те, кто идет в свои кельи или в трапезную, должны цитировать по памяти что-то из Писания... (<i>Pach. Praec.</i> 28).</p>	<p>...Давайте цитировать Писание, идя в собрание или возвращаясь из него. Болтовню <...> или громкий разговор давайте считать недопустимым для нас <...> Но давайте примем слово Божье себе как пищу жизни, как сказано в Писании: «Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих» (Втор. 8. 3: Мф. 4. 4) (<i>Hor. Reg.</i> 14–15).</p>
---	--

Еще один пример обоснования монастырских установлений с помощью библейской цитаты, понимаемой буквально: Священное Писание — это слово Божье, а, значит его текстом, то есть повторением этого текста должен жить монах. Нужно признать, что подобное буквальное понимание требует филологического приема метонимии (трудно сказать на сознательном или интуитивном уровне толкователя).

Таким образом появление цитат делало правила не только предписаниями для внешнего поведения, но дало библейские обоснования поведения, а также наставления о внутреннем расположении монаха. Вероятно, в этом отразилось соединение монастырских правил с жанром поучений, напрямую связанных с беседами, которые Пахомий, и Орсисий, и Феодор регулярно проводили по установленному ими порядку.

Сокращения

- Pachom. Inst.* — «Правила и установления» Пахомия, *Praecepta et Instituta Pachomii* (Boon 1932: 53–62; Bacht 1983: 226–234; Khosroev 2004: 419–428).
- Pach. Praec.* — «Правила Пахомия», *Praecepta Pachomii* (Boon 1932: 13–52; Bacht 1983: 82–225; Khosroev 2004: 394–419).
- Hor. Reg.* — «Правила Орсисия», *Regulae Orsisi* (Lefort 82–99; Khosroev 2004: 443–452).
- VP₁ — древнейшая версия греческого «Жития Пахомия», *Vita Pachomii* (Halkin 1932: 1–96; Halkin 1982: 11–72; Khosroev 2004: 187–288).

Литература

- Bacht, H. 1983: *Das Vermächtnis der Ursprungs. Studien zum frühen Mochtum II. Pachomius — der Mann und sein Werk*. Würzburg.
- Boon, A. 1932: *Pachomiana Latina. Regles et epîtres de S. Pacome, epître de S. Theodore et “Liber” de S Orsiesius. Texte latin de S. Jerome*. Louvain.
- Golovnina, N. G. 2017: [Monastic rules of Shenute († 465)]. *Vestnik PSTGU [St. Tikhon’s University Review. Series III: Philology]* 53, 24–34.
- Головнина, Н. Г. 2017: Монашеские правила Шенуте († 465). *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология* 53, 24–34.
- Joest, C. 2009: Die sog. “Règlements” als Werk des Pachomianers Horsiese († nach 386). *Vigiliae Christianae* 63. 5. 480–492.
- Joest, C. 2010: Die “Praecepta” Pachoms: Untersuchung zu dem grössten Abschnitt der Pachom-Regeln. *Zeitschrift für Antikes Christentum* 13. 3. 430–451.
- Khosroev, A. L. 2004: *Pachomii Velikii (iz rannei istorii obshchezhitel’nogo monashestva v Egipte)* [Pachomius the Great. (From the History of Early Monasticism in Egypt)]. St. Petersburg.
- Хосроев, А. Л. 2004: Пахомий Великий (Из ранней истории общежительного монашества в Египте). СПб.
- Ladeuze, P. 1898: *Etude sur le cénobitisme pachomien: Pendant le IVe siècle et la première moitié du Ve*. Louvain.
- Lefort, L. Th. 1956: *Ouvres de S. Pachome et de ses disciples*, Louvain.
- Rousseau, Ph. 1985: *Pachomius. The Making of a Community in Fourth-Century Egypt*, Berkeley.
- Ruppert, F. 1971: *Das pachomianische Monchtum und die Anfänge klosterlichen Gehorsams*, Munsterschwarzach.
- Timbie, J. 2016: *Meleta and Monastic Formation*. In: P. Buzi, A. Camplani and F Contardi (eds). *Coptic Society, Literature and Religion from Late Antiquity to Modern Times*. Leuven; Paris; Bristol: Peeters. Vol. II, 919–927.
- Van Molle, M. M. 1968^a: Essai des classement chronologique der premieres Regles de vie commune connue en chretienite. *Supplement de la vie spirituelle* 21, 108–127.
- Van Molle, M. M. 1968^b: Confrontation entre les Regles et la literature pachomienne posterieure. *Supplement de la vie spirituelle* 21, 394–424.

Н. П. Гринцер
РАНХиГС / ИМЛИ РАН, Москва, Россия, grintser@mail.ru

КОРАБЛЬ-ГОСУДАРСТВО: ИСТОКИ ОБРАЗА¹

В статье предложен обзор наиболее ранних употреблений образа «корабля-государства» в древнегреческой словесности (от архаической поэзии до политической философии и риторики IV в. до н. э.). Автор предлагает видеть истоки возникновения этой аллегии в мифологических представлениях о «золотом веке», когда человечество не знало как государственных институтов, так и мореплавания. Соответственно, в наиболее ранних литературных примерах использования этого образа доминируют отрицательные коннотации: «корабль-государство» практически всегда попадает в бурю и рискует пойти ко дну. Лишь в V в. до н. э. у Пиндара возникает и положительный образ властителя как мудрого кормчего, управляющего государственным кораблем. Отчасти эти позитивные коннотации можно обнаружить и в трагедии (где этот образ особенно популярен), но в ней они возникают скорее «от противного»: в качестве правильного «корабля» воспринимаются Афины в противовес выводимым на сцене несовершенным городам, вроде Фив. Высказывается предположение, что именно трагедия стала источником этой аллегии для политической риторики (которая в V в. до н. э. ею практически не пользуется), однако и в дальнейшем (вплоть до современности) образ «корабля-государства», в соответствии с его мифологическими истоками, продолжает подразумевать скорее идею кризиса и его преодоления, чем просто мирного плавания.

Ключевые слова: мифология, «золотой век», архаическая лирика, политическая риторика, афинская драма, аллегория, «корабль-государство».

N. P. Grintser
RANEPA /Institute of World Literature, RAS. grintser@mail.ru

The “ship of state” image — the origins of the allegory

The article contains a thorough survey of the earliest examples of the “ship of state” image being used by ancient writers from the archaic poetry up to political philosophy and rhetoric. The author perceives the origins of the allegory in the mythological pattern of the Golden Age when humankind had existed happily without political institutions or traveling

---

¹ Работа выполнена в рамках НИР по государственному заданию РАНХиГС.

overseas. Hence, the early literary usage of the allegory is imbued with negative connotations: the ship of state almost always sails in troubled waters and is on the verge of sinking. Only in the 5th century BC, by Pindar, we come across the positive image of a ruler governing the city like an experienced helmsman. Same positive connotations may be perceived in Attic tragedy, although there they emerge somewhat *a contrario*: the audience could see Athens as the right image of the “ship of state” as opposed to the imperfect cities brought up on stage (Thebes being the most vivid example). It is argued that it was through tragedy that this allegory found its way into political rhetoric (in which we can hardly find an instance of its usage in the 5th century). However, further on and up to modern times, the “ship of state” image remains true to its mythological origins, and constantly implies the idea of crisis and its potential overcoming, rather than that of peaceful seafaring.

Keywords: mythology, Golden Age, archaic Greek lyric, Attic drama, political rhetoric, allegory, ship of state.

Образ «корабля-государства» — пожалуй, наиболее расхожий пример политической аллегории в литературных (и не только) текстах. Уже Квинтилиан в «Воспитании оратора» VIII 6.44, со ссылкой на знаменитую оду Горация I 14, приводит именно его в качестве образца аллегории: «Аллегория, что объясняется как “перестановка (инверсия)”, — показывает словами одно, а по смыслу другое, или даже иногда противоположное. Более выразительным получается этот род тропа чаще всего с помощью непрерывающихся переносов, как:

О корабль, отнесут в море опять тебя
Волны. Что ты? Постой! Якорь брось в гавани!

В известном месте у Горация корабль везде означает республику, волны и буря — гражданские войны, гавань — мир и согласие» (*allegoria, quam inversionem interpretantur, aut aliud verbis aliud sensu ostendit aut etiam interim contrarium. prius fit genus plerumque continuatis translationibus, ut “O navis, referent id mare te novi fluctus; o quid agis? fortiter occupa portum”, totusque ille Horatii locus, quo navem pro re publica, fluctus et tempestates pro bellis civilibus, portum pro pace atque concordia dicit, пер. М. С. Касьян*). Впоследствии этот пример стал расхожим в огромном количестве руководств по ораторскому искусству, включая, скажем, «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова (правда, здесь в качестве образца берется уже не поэтический, а именно риторический текст — речь

Цицерона «Против Кальпурния Пизона»): «Аллегория есть перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих. Пример из Цицеронова слова против Калпурния Пизона:

Таков я боязлив не был, чтобы, управив в превеликих бурях и волнениях корабль общества и невредим в пристанище поставив, устрашился от малого туману твоего бесстыдия и от скверного дыхания твоего сообщника.

Из сего примера видеть можно, что от начала до конца аллегории полагаются речения, между собою сродные, как: бури, волнения, корабль, пристанище, туман, дыхание» (Lomonosov 2017: 103). Естественным образом этот образ стал общим местом и в актуальной политической риторике — от Цицерона вплоть до современных парламентариев и государственных лидеров, столь часто, например, призывающих своих оппонентов «не раскачивать лодку». Надо сразу сказать (и для наших дальнейших рассуждений это окажется важным), что, пожалуй, чаще всего эта аллегория возникает в риторике политического кризиса: быть может, одним из самых ярких примеров может служить телеграмма от 8 декабря 1941 г. президента США Ф. Д. Рузвельта премьер-министру Великобритании У. Черчиллю после голосования в Конгрессе о вступлении США во Вторую мировую войну: «Сегодня мы все в одной лодке с Вами и народами Империи, и этот корабль не может пойти ко дну и не затонет» (Kimball 1984: 283)². Значимость

---

² Надо сказать, что Рузвельт вообще часто прибегал к данному образу, в том числе реализуя и положительный потенциал метафоры. Так, например, в одной из своих речей 1935 г. он уподоблял постройке корабля процесс законотворчества: «Задача создания программы национального благосостояния в некотором смысле подобна постройке корабля... Когда он еще строится, когда к днищу только подведен стальной каркас, тому, кто не сведущ в кораблестроении, трудно понять, как он будет выглядеть, когда наконец выйдет в открытое море». Таких примеров в его речах немало: например, «мой якорь — демократия, и еще раз демократия», и биографы видят в этом в том числе и следы его личного опыта (работа помощником министра флота). Но в действительности, этот образ — один из самых ходовых в американской политической риторике (см. Thompson 2001: 167–174), в частности, как один из знаков преемственности по отношению

этого символического образа (который он возводил прежде всего к платоновскому «Государству») для современной политической теории демократии и соответствующей риторики убедительно продемонстрировал Ф. Анкерсмит³ — и его ярким воплощением может служить, например, следующая иллюстрация из американской *Chicago Herald Examiner* (тоже, кстати, времен президентства Рузвельта) со знаменитыми стихами Г. У. Лонгфелло (рис.1):

Пльви, корабль! Счастливым путь!
Пльви, «Союз», великим будь!
С тобой отныне человек
Свою судьбу связал навек,
С тобою легче дышит грудь (пер. Е. Полонского)⁴.

Лонгфелло в своем стихотворении наверняка ориентировался на уже упомянутую выше оду Горация; источником ее образности, в свою очередь, традиционно считают два фрагмента Алкея (6 и 208a Voigt), и именно эолийского лирика принято называть «изобретателем» политической аллегии «корабль-государство».

В своей статье я хотел бы еще раз вернуться к наиболее ранним примерам образа корабля (прежде всего, корабля в бурном море) в древнегреческой литературе и задаться вопросом: когда в принципе и почему могла возникнуть эта аллегория? Вопрос этот можно дополнить: в какой момент и почему этот образ окончательно «политизировался» и положил начало бесконечной череде его использования в публичной риторике от античности до наших дней?

к античной, прежде всего афинской демократии. Не менее популярен он и в Великобритании, в том числе в самых актуальных политических дебатах касательно Брексита (см. Charteris-Black 2019: 145–148).

³ Ankersmit 2014: 301–331. В этом смысле характерно, что эту метафору (опять же с коннотациями внешней угрозы) использовал еще лидер Великой французской революции: «Конституционный корабль выстроен не для того, чтобы всегда оставаться в верфи; но разве следовало спустить его в море в разгар бури и на произвол встречных ветров?» (Robespierre 1965: 92).

⁴ Опять-таки показательно, что именно эту цитату Рузвельт использовал в личном письме Черчиллю в 1941 г., а тот, в свою очередь, привел ее в своей речи памяти Рузвельта в британском парламенте.

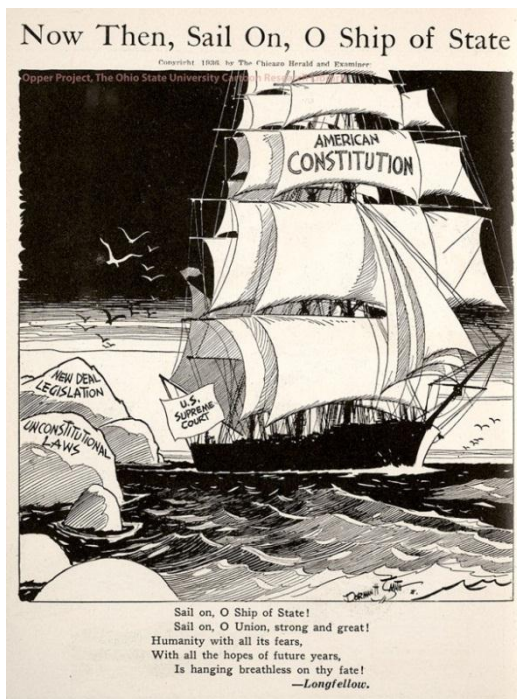

Рис. 1. Иллюстрация из газеты Chicago Herald Examiner.

Однако прежде чем перейти к разбору функционирования возможной аллегории собственно в литературных текстах, я хотел бы начать с предполагаемых мифологических истоков соответствующей образности. Тема корабля в открытом (бурном) море, на мой взгляд, тесно связана с одним из ключевых мифологических сюжетов, присутствующих в самых разных традициях. Это миф о «золотом веке», изначальном периоде благоденствия человечества (которое, впрочем, человечеством в полном смысле еще не стало — достаточно вспомнить, что в гесиодовских «Трудах и днях» люди в этом веке живут «как боги», ὥστε θεοὶ δ' ἔζων ἀκηδέα θυμὸν ἔχοντες, Ор. 112). Примеров описания «золотого века» в одной только античной традиции немало; в качестве одного из наиболее полных сошлемся на «Метаморфозы» Овидия I 89–96:

Aurea prima sata est aetas, quae vindice nullo,
sponte sua, sine lege fidem rectumque colebat.
Poena metusque aberant, nec verba minantia fixo
aere legebantur, nec supplex turba timebat

iudicis ora sui, sed erant sine vindice tuti.
 Nondum caesa suis, peregrinum ut viseret orbem,
 montibus in liquidas pinus descenderat undas,
 nullaque mortales praeter sua litora norant.

«Первым был золотой век, когда без всякого принуждения, по собственной воле люди следовали верному и правильному, не руководствуясь никаким законом. Страх наказания не было, и не были выбиты на меди угрожающие слова, а умоляющая толпа не страшилась лика своего судьбы, но все были в безопасности без всякого надзора. Еще не спускалась на текущие воды со своих гор срубленная там сосна, чтобы узреть чужестранный мир, и смертные не знали иных берегов, кроме собственных».

В данном пассаже присутствуют два мотива, постоянных для описания «золотого века»: отсутствие государства (т. е. законов, суда и прочих соответствующих институтов) и отсутствие путешествий/плавания по морю, и соответственно, неумение строить корабли («срубленные сосны»). Дальше у того же Овидия этот набор расширяется за счет иных традиционных мотивов: отсутствие земледелия (земля сама дает людям свои плоды), войн и убийств, — но именно эти два кажутся важными и взаимосвязанными в свете наших дальнейших рассуждений. В идеальной картине изначального человеческого бытия нет ни государства (определяемого прежде всего законами как способом принуждения к правильному поведению), ни мореплавания. Таким образом, корабль и государство оказываются связанными мифологемой «золотого века», и при этом связь эта оказывается негативно окрашенной: обе части будущей метафоры или аллегории знаменуют собой деградацию, ухудшение исходного идеала.

Отрицательные коннотации морского путешествия возникают во многих трактовках темы «золотого века» как в греческой, так и в латинской литературе. Враждебность моря человеку утверждается уже в «Одиссее» VIII 138–139:

οὐ γὰρ ἐγὼ γέ τί φημι κακώτερον ἄλλο θαλάσσης
 ἄνδρα γε συγχεῖναι, εἰ καὶ μάλα καρτερὸς εἶη.

«Я не знаю ничего хуже моря для того, чтобы сломать человека, как бы силен он ни был». Причем характерно, что вложены эти слова в уста одного из феакийцев, чей остров наделен в поэме многими чертами идеального царства «золотого века».

Так же в контексте «золотого века» излишним и ненужным для человечества предстает плавание по морю и в «Трудах и днях» Гесиода (236), и в «Феноменах» Арата (110). В дальнейшем этот мотив постоянно присутствует в самых различных сочинениях, от философских трактатов до драмы. В этом отношении показателен, например, пример Сенеки, который в своих «Естественных вопросах» V 18. 4 рассматривает мореплавание в принципе как проявление пороков человеческой природы: *Diversis enim irritamentis ad temptandum mare impellimur, utique alicui vitio navigator* «Даже если мы по разным причинам решаемся соревноваться с морем, то какой бы каждая причина ни была, мы отправляемся в море, следуя некоему пороку», а в «Медее» 362 называет главную героиню «злом худшим, чем само море» (*maiusque mare Medea malum*). Главными пороками, ассоциируемыми с морем, была жажда войны и наживы, проявлявшаяся как в заморских военных походах, так и просто в торговле (см., например, Тибулл 1.3, 37, Проперций 3.7, 37). Своеобразным «синтезом» этих двух мотивов становилась и мифологическая история об аргонавтах, чье судно, Арго, воспринимался в легендарной перспективе как «первый корабль», а цель похода, золотое руно, — как символ этого «морского стяжательства». Именно поэтому эта тема пронизывает уже упомянутую выше «Медее» Сенеки; ну а самым, наверное, знаменитым воплощением идеи пагубности мореплавания стала ода Горация 1.3, посвященная отплытию Вергилия в Афины:

illi robur et aes triplex
 circa pectus erat, qui fragilem truci
 commisit pelago ratem
 primus...
 nequiquam deus abscidit
 prudens oceano dissociabili
 terras, si tamen inopiae
 non tangenda rates transiliunt vada.
 audax omnia perpeti
 gens humana ruit per vetitum nefas,
 «Знать, из дуба иль меди грудь
 Тот имел, кто дерзнул первым свой хрупкий челн
 Вверить грозным волнам:
 Пользы нет, что премудрый бог
 Свет на части рассек, их разобшил водой,

Раз безбожных людей ладьи
Смеют все ж проплывать вод заповедных ширь.
Дерзко рвется изведать все
Род людской и грешит, став на запретный путь»
(I 3, 9–26, пер. Н.С. Гинцбурга).

Итак, в мифологической перспективе море ассоциируется со стихией, «противной природе человека» (Плутарх. Застольные беседы 729b), а потому идеальный мир «золотого века» не знал мореплавания, как не знал законов и государства. Именно, отталкиваясь от этой исходной мифологической картины, стоит теперь обратиться к литературному обыгрыванию метафоры корабля-государства.

Как уже было сказано вначале, традиционно изобретение этого аллегорического образа приписывается Алкею. Впрочем, в опубликованной несколько лет назад статье в «Вестнике древней истории» С. А. Степанцов высказал вполне аргументированные сомнения в необходимости видеть в его известном фрагменте Алкея (6 V.) этот аллегорический смысл⁵. В данной работе мы хотели бы отчасти развить и его аргументацию применительно к данному фрагменту — в том числе и за счет сравнения его с иными пассажами в ранней лирике (в которых тоже усматривали возможность аналогичной аллегорической трактовки) — но, главное, задаться вопросом: когда в принципе могла возникнуть эта аллегория?

Сосредоточившись исключительно на лексике и фразеологии самого отрывка Алкея, Степанцов стремится показать, что «изнутри» он может быть вполне адекватно понят и истолкован без поисков какого бы то ни было скрытого смысла⁶ — впрочем, допуская, что «аллегория корабля была понятна в узком кругу первых слушателей Алкея сама собою, была элемен-

---

⁵ Stepantsov 2015.

⁶ Ср. развернутую критику аллегорического подхода применительно к интерпретации всех «морских фрагментов» Алкея в недавней работе Uhlig 2018. Адресуя эту критику прежде всего классическим работам В. Реслера (Rösler 1980: 115–158) и Б. Джентили (Gentili 1988: 197–215), А. Улиг стремится показать, что «возрождение» аллегорической трактовки Алкея (о которой весьма скептически высказывался еще Виламовиц, Wilamowitz-Moellendorff 1914: 234) во многом стало следствием «перформативного поворота» в интерпретации античной лирики, столь характерного для антиковедения конца прошлого — начала нынешнего века.

том общепонятного в этом кругу поэтического языка»⁷, т. е. сравнение корабля с государством могло входить в метафорический арсенал архаической греческой лирики. В свое время Д. Пейдж усматривал прообраз алкеевой метафоры в нескольких гомеровских пассажах, уподоблявших бурному морю движение вражеского войска (Page 1955: 181) — например, в 15-й песни «Илиады» 381–384:

Словно как вал огромный широкоразливного моря
 Выше боков корабля подымается, двинутый страшной
 Силою бури, которая волны на волны вздымает, —
 Так устремились трояне с неистовым воплем за стену

И далее в ст. 624–629:

Мощная, бурей из туч возвращенная; весь потрясенный,
 Пеной корабль покрывается; шумное бури дыхание
 В парус гремит, и трепещут сердца корабельщиков бледных
 Страхом объятых; они из-под смерти едва уплывают, —
 Так сердца трепетали в груди благородных данаев

(пер. Н. Гнедича).

Однако здесь вряд ли можно говорить о значительном параллелизме: как таковой идеи государства здесь нет, скорее можно говорить о реализации все той же мифологической идеи «враждебности» моря человеку, его связанности, в том числе, и с войной.

Поэтому, параллели к алкеевому фрагменту (и рассматриваемому в паре с ним другому стихотворению, где также присутствует образ корабля в бурном море — 208a V.) искали и обнаруживали в других произведениях архаической лирики — правда, опять-таки оказывается, что возможность аллегорической интерпретации всякий раз оказывается трудно доказуемой. Одним из наиболее ранних примеров использования этого образа считали фрагмент Архилоха 105 West:

Γλαῦχ', ὄρα· βαθὺς γὰρ ἤδη κύμασιν ταρασσεται
 πόντος, ἀμφὶ δ' ἄκρα Γυρέων ὀρθὸν ἴσταται νέφος,
 σῆμα χειμῶνος, κίχάνει δ' ἐξ ἀελπίτης φόβος.

Главк, ты видишь: глубь морская всколыхнулась от волны
 И нависли грозно тучи над Гирейскою скалой.

То — знак бури! Страх на сердце: мы застигнуты врасплох

(пер. Г. Церетели).

⁷ Stepantsov 2015: 101.

Правда, нахождение здесь иносказания целиком опирается на свидетельство автора «Гомеровских вопросов» Гераклита, который приводит этот отрывок в качестве примера аллегории: «Архилох, застигнутый фракийскими опасностями, сравнивает войну с морскими волнами» (Гом. вопросы 5.2). Надо сказать, что точно так же дело обстоит и с Алкеем: именно Гераклит является главным источником обнаружения в нем аллегорического смысла, вот таким образом комментируя фрагмент 208a Voigt:

ἀσυννέτημι τῶν ἀνέμων στάσις,
τὸ μὲν γὰρ ἔνθεν κύμα κυλίνδεται,
τὸ δ' ἔνθεν, ἄμμες δ' ὄν τὸ μέσσον
ναῖ φορήμεθα σὺν μελαίνοι
χείμωνι μόχθεντες μεγάλοι μάλα⁸.

Среди значительных [поэтов] иносказания мы найдем и у лирика из Митилены; смута, связанная с захватом власти тиранном, также уподобляется бурному состоянию моря... Кто бы не подумал тотчас, что данная картина моря [говорит] о страхе мореплавателей перед стихией? Однако это не так. Ведь она указывает на Мирсила и устроенный им для захвата власти бунт против митиленских граждан.

(Гом. вопросы 5.8, пер. Е. Марантиди).

По поводу соответствия такой интерпретации тексту Алкея отошлю к уже упомянутой статье С. Степанцова⁹; замечу, что практически все высказанные там сомнения релевантны и по

⁸ Вот перевод данного фрагмента Вс. Ивановым:

Пойми, кто может, буйную дурь ветров!

Валы катятся — этот отсюда, тот

Оттуда... В их мятежной свалке

Носимся мы с кораблем смоленным.

Не могу себе отказать в том, чтобы процитировать и неудачный пример, когда стремление С. И. Радцига переводить в рифму приводит к комическому эффекту:

Я не пойму ветров смятенье

Тут волны мечутся кругом,

А посреди всего волнения

Мы с черным носимся судном

⁹ А также к другой его статье Stepantsov 2014–2015, где в центре внимания — как раз логика представления «аллегорических» фрагментов в «Гомеровских вопросах» Гераклита. Ср. также его работу о политической метафоре у Алкея (Stepantsov 2017)

отношению к фрагменту Архилоха. Куда более очевиден ино-сказательный смысл в стихах, сохранившихся в корпусе Феогнида, хоть и скорее всего ему не принадлежащих¹⁰:

Феогнид 671–682 (Эвен Паросский fr. 8 West):

οὐνεκα νῦν φερόμεσθα καθ' ἰστία λευκὰ βαλόντες
 Μηλίου ἐκ πόντου νύκτα διὰ δνοφερήν·
 ἀντλεῖν δ' οὐκ ἐθέλουσιν· ὑπερβάλλει δὲ θάλασσα
 ἀμφοτέρων τοίχων. ἦ μάλα τις χαλεπῶς
 σώιζεται. οἱ δ' ἔρδουσι· κυβερνήτην μὲν ἔπαυσαν
 ἐσθλόν, ὅτις φυλακὴν εἶχεν ἐπισταμένως·
 χρήματα δ' ἀρπάζουσι βίηι, κόσμος δ' ἀπόλωλεν,
 δασμὸς δ' οὐκέτ' ἴσος γίνεται ἐς τὸ μέσον·
 φορτηγοὶ δ' ἄρχουσι, κακοὶ δ' ἀγαθῶν καθύπερθεν.
 δειμαίνω, μή πως ναῦν κατὰ κῦμα πίηι.
 ταῦτά μοι ἠνίχθω κεκρυμμένα τοῖς ἀγαθοῖσιν·
 γινώσκοι δ' ἄν τις καὶ κακόν, ἄν σοφὸς ᾖ.

Паруса белые спущены, и вот нас уносит с Мелийского моря сквозь непроглядную ночь; вычерпывать не желают, накидывается море чрез оба борта. Вряд ли кто и спасется, а те налегают, уж честно отставили кормчего, что умело стоял на страже. Деньги грабят силой, пропал порядок, и дележ стал неравный, грузчики правят, дурные выше добрых, волна, боюсь, поглотит корабль. Это у меня загадано притчей для добрых — кто мудр, тот и плохое предвидит.

(Феогнид 671–682, пер. А. К. Гаврилова).

Наличие в этом пассаже аллегории подчеркивает сам автор, называя свои слова «притчей» (а буквально «скрытно загаданным», ἠνίχθω κεκρυμμένα). В какой-то мере это можно считать косвенным аргументом против распространенности данной метафоры — если она была общепринятой, то указание на потаенный смысл было бы излишним. Показательно и то, что образ представляется куда более разработанным, чем в прежних примерах. Общее уподобление города-государства кораблю дополнено и детализировано: потерявший доверие граждан лидер сравнивается с кормчим, простые и неразумные жители называются «грузчиками» (φορτηγοί), а точнее простыми матросами. Эту

¹⁰ В качестве вероятного автора предлагался, например, Эвен Паросский, в частности, в связи с возможными аллюзиями на другого паросского поэта, Архилоха. См. Bowra 1934, West 1974: 40–64, а также Bowie 1997: 61; Selle 2008: 224–225.

«прорисовку» деталей мы увидим и в дальнейшем, и на фоне максимально общего характера образа у Алкея и Архилоха она может скорее говорить в пользу более поздней датировки фрагмента V–IV вв. до н. э. (Эвен Паросский, действительно может быть подходящим кандидатом на авторство¹¹).

В любом случае, если усматривать аллегория город = корабль во всех приведенных примерах, характерно, что все они используют этот образ в негативном ключе, описывая дурное состояние государства (будь то война или внутренний раздор) как злключения мореплавателей, угодивших в бурю. Как кажется, в этом можно усматривать преемственность с исходной трактовкой моря и морского путешествия в мифологических представлениях, о которых говорилось вначале. Ассоциация с морем и кораблем именно плохого, неправильного человеческого общества естественно вытекает из идеи морских странствий как греха, отступления от идеальной картины «золотого века».

Правда, иногда мы встречаемся и с использованием данного литературного образа с положительными коннотациями. В качестве примера можно сослаться на оракул, согласно Плутарху (Солон 14.4), данный в Дельфах Солону:

ἦσο μέσῃν κατὰ νῆα κυβερνητήριον ἔργον
εὐθύνων: πολλοί τοι Ἀθηναίων ἐπίκουροι.

«Смело средину заняв корабля, управляй им спокойно.

Верных помощников в том ты найдешь среди многих афинян» (пер. С. И. Соболевского).

Здесь опять-таки мы обнаруживаем детализацию, сходную с фрагментом из Феогидова корпуса: руководитель государства = кормчий, граждане = простые корабельщики¹². И вновь

¹¹ В пользу атрибуции этих стихов Эвену говорит и прослеживаемая рядом исследователей связь данного фрагмента с описанием «государства-корабля» в «Государстве» Платона 488a и далее (о котором речь пойдет ниже). Эвен, современник Сократа, несколько раз упоминается в сочинениях Платона (Апология 20a-b, Федр 267a, Федон 61b), и потому вполне мог служить истоком образности данного пассажа. Подробнее о параллелизме данных текстов см. в Hunter 2014: 68–72 и Correa 2016.

¹² Впрочем, и здесь можно уловить и некий отрицательный подтекст. Согласно Плутарху, оракул был призван побудить Солона установить

следует заметить, что источник здесь гораздо более поздний, а учитывая причудливую историю сложения корпуса оракульных стихов в античности, можно предположить, что это полуполюгендарная история (и соответственно, текст стихотворного прорицания) могли использовать соответствующий образ, сложившийся в позднейшее время. В случае Плутарха это тем более вероятно, что как увидим в дальнейшем, эта политическая метафора активно использовалась Платоном — одним из главных авторитетов для автора «Жизнеописаний».

Наконец, в рамках лирической традиции мы сталкиваемся с использованием данного образа — причем с преимущественно положительными коннотациями — в поэзии Пиндара. Здесь в первую очередь показательна 1-я Пифийская ода, где морская тема постоянно связывается с прославляемым в оде Гиероном (в частности, в связи с его морской победой при Кумах) и постепенно ведет к его представлению как умелого кормчего, способного правильно вести свой корабль-государство¹³:

νόμα δικάϊω πηδαλίω στρατόν...
ἐξίει δ' ὡσπερ κυβερνάτας ἀνήρ
ἰστίον ἀνεμόεν

Кормилом справедливости правь народ...
Как кормчий муж, разверни под ветром твой парус

(Пиф. 1, 86–92, пер. М. Л. Гаспарова).

Схожий образ присутствует и в 4-й Пифийской:

ῥάδιον μὲν γὰρ πόλιν σεῖσαι καὶ ἀφαιροτέροις·
ἀλλ' ἐπὶ χώρας αὐτίς ἔσσαι δυσπάλεις
δὴ γίνεται, ἐξαπίνας
εἰ μὴ θεὸς ἀγεμόνεσσι κυβερνατῆρ γένηται.

Легко сотрясти город и слабым людям, а вот снова вернуть его на твердую землю сложно, если только бог не станет кормчим для вождей (Пиф. 4, 272–274).

Метафора предводителя города (которым может быть и божество, ср. Пиф. 5, 122) как кормчего становится одной из

в Афинах собственную тиранию — систему правления, противоречащую его собственным принципам и потому им в итоге отвергнутую.

¹³ О значимости образа в структуре данной оды и его политических коннотациях см. Morgan 2015: 341–342.

популярных у Пиндара¹⁴, и хотя здесь чаще всего речь не о реальной, а о некоей потенциальной ситуации, это придает образу скорее положительные коннотации. Характерно, что этот смысловой сдвиг возникает внутри лирической метафоры достаточно поздно, в пятом веке, и, как видно из прочих приведенных выше примеров, отнюдь не является доминирующим. В этой связи, как кажется, трудно в принципе говорить о том, что «аллегория корабля ... была элементом общепонятного ... поэтического языка» не только в кругу Алкея, но и в рамках лирической традиции как таковой.

С разительно иной ситуацией мы сталкиваемся, обратившись к текстам афинской драмы, и прежде всего трагедии. Практически у каждого из трех великих трагиков этот образ встречается практически постоянно, подчас становясь одним из внутренних лексических и композиционных лейтмотивов пьесы. Так, у Эсхила им открываются «Семеро против Фив» 1–3:

Κάδμου πολῖται, χρῆ λέγειν τὰ καίρια
ὅστις φυλάσσει πρᾶγος ἐν πρύμνῃ πόλεως
οἴακα νομῶν, βλέφαρα μὴ κοιμῶν ὕπνῳ

«Сограждане Кадма, тот должен точно говорить, кто заботится о делах государства, правя рулем с кормы и не смыкая глаз»

И в дальнейшем он не раз вновь возникает в тексте трагедии¹⁵ (ср., например, 62–64, 208–210 и др.), становясь одним из ее ключевых лейтмотивов и главных тем, прежде всего применительно к образу Этеокла¹⁶.

¹⁴ Ср. также Пиф. 10, 72: ἐν δ' ἀγαθοῖσι κείται πατρώϊαι κεδναὶ πολίων κυβερνήσιες. «Ибо отчина лучших — кормчее правление городов» (пер. М. Л. Гаспарова — о наследственной династии фессалийский правителей)

¹⁵ О значимости морской метафоры в «Семерых» см. Dumortier 1975: 27–55; Petrounias 1976: 37–51

¹⁶ Thalmann 1978: 32; Lamari 2007: 14. В статье А. Ламари высказывается предположение о дополнительном «афинском подтексте» данной аллегории, поскольку в строках 208–210 она возникает сразу вслед за приказом Этеокла женщинам воздержаться от рыданий и паники. В нем автор статьи видит имплицитную отсылку к известному закону Солона о запрете на излишние проявления скорби и полагает, что и политический смысл морской метафоры может отсылать к Солону, в некоторых фрагментах (фр. 9 и 12 West) которого также пытаются отыскать образ корабля-государства (см. Noussia-Fantuzzi 2010: 319).

У Софокла та же метафора постоянно сопутствует главному герою в «Царе Эдипе». Так, в начале пьесы хор в своей мольбе, обращенной к царю, уподобляет состояние дел в городе кораблю, терзаемому бурей:

πόλις γάρ, ὥσπερ καὐτὸς εἰσορᾶς, ἄγαν
ἤδη σαλεύει κἀνακουφίσει κᾶρα
βυθῶν ἐτ' οὐχ οἷα τε φοινίῳ σάλου,

Ведь город, как ты видишь и сам, слишком
Уже качает, и он не может больше поднять голову
Из глубин кровавой качки.

(22–24, пер. Б. М. Никольского)¹⁷,

Именно это положение Эдип должен исправить как мудрый кормчий, прежде выправлявший «курс» подвластного ему города (ср. слова Креонта 103–104: σὲ τίηδ' ἄλευθύνειν πόλιν), но по мере развертывания действия все более нарастают опасения, что и сам властитель, на мудрость и защиту которого все надеялись, теряет способность разумно править своим судном:

ὡς νῦν ὀκνοῦμεν πάντες ἐκπεπληγμένον
κεῖνον βλέποντες ὡς κυβερνήτην νεῶς

Ибо тяжко нам всем видеть в смятении того,
Кто нам что рулевой для корабля (922–923).

Наконец в финале падение Эдипа характерным образом вновь осмысливается как кораблекрушение, гибель в морских волнах: «что за волна страшной напасти его накрыла» (εἰς ὅσον κλύδωνα δεινῆς συμφορᾶς ἐλήλυθεν, 1527).

Мне такая интерпретация кажется чрезвычайно натянутой и применительно к фрагментам Солона (в них нет образа корабля, а речь идет о буре и море, причем если во фр. 9 политическая аллегория очевидна, но она никак не связана с морем, то во фр. 12 эту аллегорю, если и видят, то лишь по аналогии), и к тексту трагедии Эсхила (в ней речь идет о страхе перед врагом, а в законе Солона запрещалось выражение избыточного и показного горя на похоронах).

¹⁷ В последнем комментарии к трагедии П. Финглас характерным образом просто отмечает метафору как «привычную», которую поэт, по его мнению, считает нужным дополнительно «расцветить» с помощью образа утопающего пловца (Finglass 2018: 175). Однако вполне очевидно, что морская метафорика играет важнейшую роль в композиционной структуре трагедии, см. об этом Campbell 1986, Dougherty 2014: 150–152.

Тот же образ корабля, борющегося с бурей, доминирует в одной из центральных речей «Антигоны», когда Креонт сперва описывает одержанную победу над врагами как избавление от ненастья:

ἄνδρες, τὰ μὲν δὴ πόλεος ἀσφαλῶς θεοὶ
πολλῶ σάλῳ σείσαντες ὄρθωσαν πάλιν

Граждане! Боги, потрясшие наш город страшной качкой, вновь твердо выправили курс (162–163),

а затем встраивает в тот же метафорический ряд и образ правильного государства, которое он обещает выстроить:

τοῦτο γινώσκων ὅτι
ἢδ' ἐστὶν ἡ σφύζουσα καὶ ταύτης ἔπι
πλέοντες ὀρθῆς τοὺς φίλους ποιοῦμεθα

Зная то, что родина — наша спасительница и только прямо плывя на ней, мы найдем друзей (188–190).

Последний пример тем более показателен, что на первый взгляд содержит положительную картину «корабля, идущего правильным курсом», напоминающую образы пиндаровских эпиникиев. Но понятно, что в контексте дальнейшего хода действия «Антигоны» эта картина оказывается ложной, а Креонт — далеко не соответствующим образу правильного и мудрого «кормчего». В этом смысле показательно, что та же тема возникает позже в речи Гемона, построенной как последовательное опровержение Креонта, при этом строго следующее его же аргументации, и логически, и образно¹⁸. Гемон предупреждает, что моряк, чрезмерно стремящийся выдержать «прямой курс», рискует потопить корабль:

αὐτῶς δὲ ναὸς ὅστις ἐγκρατῆ πόδα
τεῖνας ὑλεῖκει μηδὲν, ὑπτιοῖς κάτω
στρέψας τὸ λοιπὸν σέλμασιν ναυτίλλεται.

Тот, кто правит, слишком напрягая парус и никогда не ослабляя его, перевернется и далее плывет палубой вниз (715–717)¹⁹.

В принципе, в трагедии этот (как уже очевидно, весьма распространенный) аллегорический образ практически всегда подразумевает отрицательные коннотации, если не прямые (как

¹⁸ О соотношении аргументации Креонта и Гемона см., например, Barker 2008: 33–37.

¹⁹ См. Griffith 1999: 156, 159, 245. О морской образности в «Антигоне» см. подробно Goheen 1951: 44–52.

в случае Эдипа), то косвенные, или «от противного» (Этеокл в «Семерых» так же, как и Креонт в «Антигоне», не соответствует идеалу царя, стоящего у «кормила» государства, да и Фивы в конце обеих драм скорее соответствуют кораблю, угодившему в новую бурю). Поэтому не случайно, что этот образ нередко несет в себе скрытую или откровенную угрозу. Таковы, например, слова фиванского вестника, обращенные к Тезею в «Просительницах» Еврипида 473–475:

κᾶν μὲν πίθη μοι, κυμάτων ἄτερ πόλιν
σὴν ναυστολήσεις: εἰ δὲ μή, πολλὸς κλύδων
ἡμῖν τε καὶ σοὶ συμμάχοις τ' ἔσται δорός.

Если послушаешь меня, то будешь править своим городом, не боясь волн; а если нет, то буря битвы ждет нас и твоих союзников²⁰,

и уж совсем откровенно грозит своим подданным Эгисф (еще один отрицательный пример «тирана», пользующегося соответствующей метафорикой):

σὺ ταῦτα φωνεῖς νερτέρᾳ προσήμενος
κόπη, κρατούντων τῶν ἐπὶ ζυγῷ δорός

«У нижних весел сидя, мне грозить посмел?
Нет, судном правит тот, кто наверху сидит»

(Эсхил. Агамемнон 1617–1618, пер. С. Апта)²¹.

Действительно, вся морская образность в трагедии оказывается скорее окрашенной в негативные тона, и, как (в некотором замешательстве) отмечает Р. Брок в своей книге, посвященной политической образности в классической греческой литературе, «трудно объяснить отсутствие позитивных морских образов в

²⁰ Аналогичный образ мы находим и, например, в «Финикиянках» 859–860: ἐν γὰρ κλύδωνι κείμεθ', ὥσπερ οἴσθα σύ, δорὸς Δαναϊδῶν, καὶ μέγας Θήβαις ἄγων «Ты видишь, нас захлестывает волна данайского войска, и велик спор для Фив». В своем комментарии к соответствующим строкам Д. Мастронарде по каким-то причинам предполагает, что эта метафора «потеряла свою живость ко времени «Финикиянок» (Mastronarde 1994: 399), по сравнению с ее активным использованием у Эсхила, прежде всего в «Семерых». Поскольку никаких аргументов комментатор не приводит, по всей видимости, своими словами он лишний раз хочет подчеркнуть частотность, а значит «заезженность» метафоры. Ср. выше прим. 16.

²¹ Об использовании метафоры корабля-государства у Эсхила см. подробно в Nes 1963: 71–92.

драме»²². Не случайно, что практически все приведенные выше примеры уподобления государства кораблю, царя — кормчему, а граждан — простым гребцам внутри отдельных пьес характеризуют не Афины, а враждебные им (в реально-историческом контексте пятого века) греческие полисы — причем в большинстве случаев таким городом являются Фивы²³.

Таким образом, можно предположить, что именно в рамках афинской трагедии пятого века образ «корабля-государства» становится расхожим топосом и даже не просто частой метафорой или аллегорическим символом, но нередко и композиционным стержнем отдельной драмы. При этом он сохраняет свою преемственность по отношению к тем мифологическим истокам, о которых речь шла в начале статьи: плавание по морю по-прежнему преимущественно подразумевает опасность, угрозу, и потому наиболее частое непосредственное значение образа не «спокойное плавание», но «буря», подразумевающая гражданский раздор или военную опасность. Если он несет положительные коннотации, то они скорее потенциальны, отсылают или к прежнему прекрасному состоянию, или к желаемому (и трудно достижимому) будущему. Впрочем, этот положительный образ в рамках трагедии все же конструируется, пусть и от противоположного. Вполне возможно, что в политическом смысле он мог читаться как противопоставление несовершенных городов (и аллегорически воплощающих их «кораблей»), в которых происходит действие на сцене (Аргоса, Фив) и подразумеваемого идеального полиса — собственно Афин²⁴. В этом смысле морская метафора Афинам очень подходила: ведь хорошо известно, что мощь афинского полиса

---

²² Brock 2013: 60.

²³ Это можно рассматривать как еще один метафорический прием представления Фив в трагедии как «анти-Афин», следуя терминологии Ф. Цейтлин (Zeitlin 1990, ср. Hilton 2013).

²⁴ Так обстоит дело в «Семерых» и, как мы постарались показать (Grintser 2016: 31–33), в «Антигоне», где потенциальная благая развязка основного конфликта подразумевается в силу мифа об успешном вмешательстве Афин в дело о выдаче тел убитых аргосцев — истории, составлявшей часть афинского «политического мифа» (и которую Софокл характерным образом никак в трагедии не упоминает).

в пятом веке до н.э. прежде всего ассоциировалась с морем и флотом, как торговым, так и военным²⁵.

Казалось бы, если такая гипотеза верна, то положительный образ афинского корабля-государства следовало бы искать в реальной политической риторике того времени. От нее, конечно, мало что сохранилось — но все же показательно, что, скажем, в знаменитых речах Перикла, сохранных в «Истории» Фукидида мы не находим и следа подобной метафоррики. Пожалуй, единственный пример, на который иногда ссылаются исследователи, эта фраза, вложенная Геродотом в уста афинского стратега Мильтиада перед сражением с персами: ἦν μὲν νῦν μὴ συμβάλωμεν, ἔλλομαι τινὰ στάσιν μεγάλην διασειεῖν ἐμπεισοῦσαν τὰ Ἀθηναίων φρονήματα ὥστε μηδίσαι: ἦν δὲ συμβάλωμεν πρὶν τι καὶ σαθρὸν Ἀθηναίων μετεξετέροισι ἐγγενέσθαι ... «Если мы теперь же не решимся на битву, то я опасаюсь, что нахлынет великий раздор и так потрясет души афинян, что они подчинятся мидянам. Если же мы сразимся с врагом, прежде чем у кого-либо из афинян возникнет гнусный замысел ...» (История VI 109.5, пер. Г. А. Стратановского). Основанием для подобных ассоциаций служили отдельные лексические нюансы: в частности, в «нахлынувшем» и «потрясающем афинян раздоре» (στάσιν μεγάλην διασειεῖν ἐμπεισοῦσαν) усматривали лексические параллели с изображением бури, а в σαθρὸν, буквально обозначающем «гнилость», видели аллюзию на подгнившие доски корабля и возникающую в связи с этим течь²⁶. Однако эти параллели кажутся слегка натянутыми, и потому автор последнего комментария к соответствующей книге «Истории» справедливо считает такую интерпретацию достаточно спорной²⁷. Соглашаясь с этим, можно только заметить, что даже если видеть здесь подобную аллюзию, коннотации

²⁵ Безусловным символом этого в афинской идеологии являлась история греко-персидских войн, начиная со знаменитой истории об оракуле, повелевшем афинянам скрыться за «деревянными стенами», что было истолковано Фемистоклом как необходимость покинуть город и искать убежище на кораблях (Геродот VII 141 и далее), и кончая морской победой при Саламине. См. Dougherty 2014: 137–144, Pelling 2000: 16, Taylor 2010: 142–143, Thompson 2001: 167–72.

²⁶ Такая интерпретация предлагалась, например, в комментарии к Геродоту How, Wells 1912 *ad loc.*

²⁷ Scott 2005:384.

морской метафоры вновь оказываются скорее отрицательными²⁸. Но скорее следует признать, вслед за Р. Броком: «При том, что образ корабля-государства широко распространен в трагедии, он поразительным образом не встречается в других жанрах пятого века»²⁹.

Зато в прозаических жанрах следующего, четвертого века морская метафорика становится постоянной, иногда до навязчивости. Более того, именно здесь общая картина окончательно «прорисовывается» в мелких деталях, уже нам знакомых отчасти по архаической лирике, но прежде всего по аттической драме: корабль-государство подразумевает лидера-кормчего (одного или нескольких) и граждан-гребцов или матросов. В наиболее развернутом виде эта метафора присутствует у Платона, прежде всего в «Государстве» 488a-e: «По отношению к государству положение самых порядочных людей настолько тяжелое, что ничего не может быть хуже. Поэтому для уподобления приходится брать в их защиту и объединять между собой многие черточки наподобие того, как художники рисуют козлоподобных оленей и так далее, смешивая различные черты.

---

²⁸ То же относится и к еще одному, весьма спорному, примеру возможного использования этой метафоры в исторической прозе пятого века. М. Тэйлор (Taylor 2010, 140–144) пытается увидеть рефлекс данного образа в изложении Фукидидом речи Никия, пытавшегося отговорить афинян от сицилийской экспедиции. Среди прочего, в ней Никий называет Афины *μετέωρος πόλις* (6.10.5). Это выражение обычно понимают как «город, пребывающий в смятении, беспокойстве» («в непрочном положении», в переводе Г. Стратановского), но Тэйлор пытается доказать, что *μετέωρος* у Фукидида часто связывается с морем, и, соответственно, Никий подразумевает что-то вроде «наш город носит по волнам». Аргументация Тэйлор в целом представляется весьма натянутой и малоубедительной; однако даже если с ней согласиться, контекст вновь подчеркнута негативный.

²⁹ Brock 2004, 57. Это справедливо в том числе и для комедии: по сути, единственный известный нам пример ее использования — «Осы» Аристофана 29, где раб Ксанфий говорит, что приснившийся ему сон очень важен, так как имеет отношение к «кораблю города» (*περὶ τῆς πόλεως γὰρ ἐστὶ τοῦ σκάφους ὄλου*). Комментаторы к данному месту обычно ограничиваются обычным указанием на расхожесть метафоры (Macdowell 2003: 131), но если предположить ее распространенность в политическом речевом обиходе, наверное, в комедии она встречалась бы чаще.

Так вот, представь себе такого человека, оказавшегося кормчим (ναύκληρος³⁰) одного или нескольких кораблей. Кормчий и ростом, и силой превосходит на корабле всех, но он глуховат, а также близорук и мало смыслит в мореходстве, а среди моряков идет распря из-за управления кораблем (περὶ τῆς κυβερνήσεως): каждый считает, что именно он должен править, хотя никогда не учился этому искусству, не может указать своего учителя и в какое время он обучался. Вдобавок они заявляют, что учиться этому нечего, и готовы разорвать на части того, кто скажет, что надо. Они осаждают кормчего просьбами и всячески добиваются, чтобы он передал им кормило. Иные его совсем не слушают, кое-кто — отчасти, и тогда те начинают убивать этих и бросать их за борт. Одолев благородного кормчего с помощью мандрагоры, вина или какого-либо иного средства, они захватывают власть на корабле, начинают распоряжаться всем, что на нем есть, бражничают, пируют и, разумеется, направляют ход корабля именно так, как естественно для подобных людей. Вдобавок они восхваляют и называют знающим моряком, кормчим, сведущим в кораблевождении того, кто способен захватить власть силой или же уговорив кормчего, а кто не таков, того они бранят, считая его никчемным. Они понятия не имеют о подлинном кормчем, который должен учитывать времена года, небо, звезды, ветры — все, что причастно его искусству, если он действительно намерен осуществлять управление кораблем независимо от того, соответствует ли это чьим-либо желаниям или нет. Они думают, что невозможно приобрести такое умение, опытность и вместе с тем власть кормчего» (пер. А. Н. Егунова).

Столь подробно разработанный образ многие (и справедливо) считают источником многих позднейших вариаций на эту тему в политической риторике и философии последующих эпох³¹. В контексте же наших рассуждений заметим, что и здесь образ государства-корабля предстает в отрицательном свете.

³⁰ Этот термин скорее обозначает владельца корабля. Об особенности морской терминологии в данном пассаже и ее соотношении с политическим устройством Афин см. Кейт 2006: 190–193.

³¹ О значимости этого пассажа с точки зрения его роли в платоновской образности и политической аргументации см. из последних работ Long 2017: 163–170. О влиянии «Государства» на дальнейшее использование этого образа в литературе см. Thompson 2001: 167–174.

Вновь доминирующей темой становится гражданский раздор, правда, он аллегорически описывается не как налетающая на корабль буря, а как разлад в самой команде корабля, которым к тому же управляет недостаточно сведущий кормчий. Понятно, что объектом аллегорической инвективы здесь является именно афинская демократия³²; впрочем, как часто у Платона, тот же самый образ может быть использован и в противоположном, вполне позитивном ключе. Следуя все той же идее: управление кораблем — особое знание, или искусство (подразумевающее в рамках данной аллегории искусство политики, а в системе Платона — еще и философии). В «Политике» он, напротив, рисует предельно положительную картину «истинного» кормчего: «Подобно тому как кормчий (κυβερνήτης) постоянно блюдет пользу судна и моряков, подчиняясь не писаным установлениям, но искусству, которое для него закон, и так сохраняет жизнь товарищам по плаванию, точно таким же образом заботами умелых правителей соблюдается правильный государственный строй, потому что сила искусства ставится выше законов» (Политик 296e4-a2, пер. С. Я. Шейнман-Топштейн).

Идея политического искусства преобладает и в многочисленных примерах использования все того же образа в реальной политической риторике IV в. до н. э. Замечательно, что с равным успехом его используют прямо противоборствующие партии. Так, в знаменитом противостоянии Эсхина и Демосфена оба они упрекают каждый своего оппонента в некомпетентном ведении государственных дел, сравнимом с тем, как поступает несведущий кормчий или моряк. Вот два характерных пассажа.

Демосфен 19.250 (об Эсхине): «Ничего из этих данных он не принял во внимание, не позаботился о том, чтобы благополучно плыл государственный корабль, наоборот, он опрокинул его и потопил и, насколько мог, подстроил так, чтобы он попал во власть врагов».

---

³² Разбирая этот пассаж главным образом в его соотнесенности с предшествующей литературной традицией, Р. Хантер пытается выявить параллели у Платона не только с лирикой (прежде всего с Феогнидом), но и с политической сатирой Аристофана, прежде всего со «Всадниками» (Hunter 2014: 68–81). Ту же идею подробно развивает и М. Маррен (Marren 2021: 48–61), однако здесь речь идет скорее не о прямых параллелях в образности, сколько об общих принципах критики афинской демократии.

Эсхин 3.158: «Ведь и впрямь ни городу, ни частным лицам никогда не случалось добра от советов Демосфена. Не стыдно ли вам, афиняне? У вас есть закон о перевозчиках на Саламин: у кого-де при перевозе нечаянно перевернется лодка, того более не допускать к перевозу, чтобы неповадно было беспечничать жизнью эллинов; так вы ли позволите вновь заправлять общественными делами этому человеку, вконец перевернувшему вверх дном и ваш город, и всю Элладу?»

При всей полемичности этих выпадов, очевидным кажется, что сам образ здесь скорее несет уже положительный «заряд»: правильное управление государством подобно искусству кораблевождения, причем оно не только возможно, но и необходимо и естественно (характерно, что из аллегорической картины исчезает столь обычный для него ранее мотив бури как внешней или внутренней напасти). В этом смысле как нельзя более показательна фраза еще одного оратора этого времени Демада (фр. 29): «Наш город — величайшая ладья всей Эллады» (ἡ δ' ἡμέτερα πόλις τὸ μέγιστον τῆς Ἑλλάδος σκάφος). Если в трагедии, как мы предположили, Афины представляли скорее подразумеваемым идеальным «городом-кораблем», то здесь эта скрытая аллегория превращается в прямой и недвусмысленный символ³³. Исторический парадокс в том, что происходит это на фоне реальной утраты Афинами своего прежнего величия.

Подведем итог предпринятого нами обзора. Образ корабля-государства, по всей видимости, возникает в лирической поэзии, причем поначалу несет в себе прежде всего отрицательные коннотации (плавание в бурном море), заложенные в мифологическом восприятии моря как враждебной человеку стихии, а путешествия в нем — как нарушения исконного состояния людского рода в эпоху «золотого века». Данная поэтическая метафора дает толчок к активному использованию этой аллегии в аттической драме, где она также несет скорее негативный заряд; но «от противного» в трагедии складывается (по крайней

³³ При этом интересно, что в другом сохранившемся фрагменте Демада он следует традиционной литературной трактовке этого образа: македонская экспансия становится «бурей», угрожающей существованию Афин. «Неправильно было впустить в Аттику враждебные волны и македонский огонь, и неправильно молчать и терпеть, видя как тонет, будто корабль, наш город» (фр. 13).

мере, потенциально) и положительный вариант этого образа, который ассоциируется с Афинами. В силу своей социально-политической значимости, связанности с текущим политическим контекстом, трагедия становится своего рода передаточным звеном для включения образа в постоянный арсенал политической риторики, где он становится стандартным топосом, актуальным вплоть до наших дней. Мифологическая модель через литературное посредство становится средством политической аргументации. Но и в ней во многих случаях образ корабля или «раскачивающейся лодки» служит, прежде всего, для предупреждения о потенциальной или реальной угрозе, которую несут в себя разнообразные политические треволения: «государство-корабль» скорее способен утонуть в бурном море, чем величественно плыть по спокойным водам. Эту тревожность образа замечательно уловил и передал И. Бродский в своем «Подражании Горацию»:

Лети по воле волн, кораблик.
Твой парус похож на помятый рублик.
Из трюма доносится визг республик.
Скрипят борта...
Верь только подлинно постоянной
Демократии волн с еёной
На губах возникающей в спорах пеной
И чувством дна³⁴.

---

³⁴ См. тонкий и подробный разбор этого стихотворения в соотношении с его античными источниками в статье Kazansky 1997, автор которой стремится показать, что образ корабля у Бродского куда более «оптимистичен», чем у Горация. С. Н. Н. Казанским согласен и Лев Лосев, считавший это стихотворение «лихим и веселым». Мне, правда, в призывах Бродского к кораблю «Лети! Верь! Не бойся!» слышатся скорее ирония или «энергия обреченности», но, наверное, причиной тому обратная временная перспектива (стихотворение написано в 1992 г.).

Литература

- Ankersmit, F. 2014: [*Esteticheskaya politika: politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti (Aesthetic politics. Political philosophy beyond fact and value)*]. Moscow: Higher School of Economics Univ. Press.]
- Анкерсмит, Ф. 2014: *Эстетическая политика: политическая философия по ту сторону факта и ценности* / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Barker, D. 2008: *Tragedy and Citizenship: Conflict, Reconciliation, and Democracy from Haemon to Hegel*. New York: SUNY Press.
- Bowie, E. L. 1997: The Theognidea: A Step Towards a Collection of Fragments? In: *Collecting fragments = Fragmente sammeln*. Ed. G. Most. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 53–66.
- Bowra, C. M. 1934: Simonides in the Theognidea. *Classical Review* 48, 2–4.
- Brock, R. 2013: *Greek Political Imagery from Homer to Aristotle*. London, New York: Bloomsbury Academic.
- Campbell, D. A. 1986: Ship imagery in the Oedipus Tyrannus. In: *Greek Tragedy and its Legacy*. Eds. M. Cropp, E. Fantham, S. Scully. Calgary: Univ. of Calgary Press, 115–120.
- Charteris-Black, J. 2019: *Metaphors of Brexit: No Cherries on the Cake. Cham*: Palgrave Macmillan.
- Correa, P. da Cunha, 2016: The ‘Ship of Fools’ in Euenus 8b and Plato’s Republic 488a–489a. In: *Iambus and Elegy: New Approaches*. Eds. L. Swift, C. Carey. Oxford: Oxford Univ. Press, 291–309.
- Dougherty, C. 2014: Ships, walls, men: classical Athens and the poetics of infrastructure. In: *Space, Place, and Landscape in Ancient Greek Literature and Culture*. Eds. K. Gilhuly and N. Worman. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 130–170.
- Dumortier, J. 1975 : *Les images dans la poesie d'Eschyle*. Paris: les Belles Lettres.
- Finglass, P. (ed.) 2018: *Sophocles. Oedipus the King*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Gentili, B. 1988: *Poetry and Its Public in Ancient Greece: From Homer to the Fifth Century*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Goheen, R. 1951: *The Imagery of Sophocles’ Antigone*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Griffith, M. (ed.) 1999: *Sophocles. Antigone*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Grintser, N. P. (ed.) 2016: [Sofokl. *Antigona*. Translated by A. Parin, introduction and commentary by N. Grintser]. Moscow. Софокл. *Антигона*. Перевод А. Парина, предисловие и комментарий Н. Гринцера. М.: «Аграф».
- Hilton, I. 2015: Thebes as the anti-Athens? Some observations on the city’s tragic functions. *Eos* 102, 261–277.

- How, W., Wells, J. 1912: *A Commentary on Herodotus with Introduction and Appendixes*. V. I–II. Oxford: Clarendon Press.
- Hunter, R. 2014: *Plato and the Traditions of Ancient Literature: The Silent Stream*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Kazansky, N. N. 1997: Podrazhaniye otritsaniyem («Podrazhaniye Goratsiyu» Josifa Brodskogo i Hor. Carm. I, 14) Imitation by negation (“Imitation of Horace” by Joseph Brodsky and Hor. Carm. I, 14). In: *Ars Philologiae: To Professor A. B. Muratov on the occasion of his 60th anniversary*. SPb.
- Казанский, Н. Н. Подражание отрицанием («Подражание Горацию» Иосифа Бродского и Гор. Carm. I, 14). *Ars Philologiae: Профессору А. Б. Муратову ко дню 60-летия*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997, 350–369.
- Keyt, D. 2006: Plato and the ship of state. In: *The Blackwell Guide to Plato's Republic*. Ed. G. Santas. Oxford: Blackwell, 189–213.
- Kimball, W. (ed.) 1984: *Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence*. Vol. 1. Princeton Univ. Press.
- Lamari, A. 2007: Aeschylus' Seven Against Thebes vs. Euripides' Phoenissae: male vs. female power. *Wiener Studien* 120, 5–24.
- Lomonosov, M. V. 2017: [Ritorika M. V. Lomonosova. Saint-Petersburg: “Nestor-Istorija”].
- Риторика, М. В. Ломоносова / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Long, A. G. 2017: The ship of state and the subordination of Socrates. In: *Plato and the Power of Images*. Ed. R. G. Edmonds III, P. Destrée. Leiden: Brill, 158–178.
- Macdowell, D. (ed.) 2003: *Aristophanes. Wasps*. Oxford: Clarendon Press.
- Marren M., 2021: *Plato and Aristophanes: Comedy, Politics, and the Pursuit of a Just Life. Rereading ancient philosophy*. Evanston: Northwestern Univ. Press.
- Mastrorarde, D. (ed.) 1994: *Euripides. Phoenissae*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Morgan, K. 2015: *Pindar and the Construction of Syracusan Monarchy in the Fifth Century B.C.* Oxford: Oxford University Press.
- Nes, D. van 1963: *Die maritime Bildersprache des Aischylos*. Groningen: J. B. Wolter.
- Noussia-Fantuzzi, M. 2010: *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden: Brill.
- Page, D. 1955: *Sappho and Alcaeus: An Introduction to the Study of Ancient Lesbian Poetry*. Oxford: Clarendon Press.
- Pelling, C. 2000: *Literary Texts and the Greek Historian*. London; New York: Routledge.
- Petrounias, E. 1976: *Funktion und Thematik der Bilder bei Aischylos*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Robespierre, M. 1965 [Izbrannye Proizvedeniya (Selected Works). V. 3. Moscow: “Nauka”].

- Робеспьер, М. *Избранные произведения в 3 томах*. Т. III. Изд. А. З. Манфред, А. Е. Рогинская. Ф. Б. Шуваева. М.: «Наука».
- Rösler, W. 1980: *Dichter und Gruppe. Eine Untersuchung zu den Bedingungen und zur historischen Funktion früher griechischer Lyrik am Beispiel Alkaios*. München: Fink.
- Scott, L. 2005: *Historical Commentary on Herodotus Book 6*. Leiden: Brill.
- Selle, H. 2008. *Theognis und die Theognidea*. Berlin and New York: de Gruyter.
- Stepantsov S. A. 2014–2015: The choice of examples in Heraclitus' Quaestiones Homericæ 5 and its implications for the understanding of Alcaeus' poetics (fr. 6 and 208 V.) Αριάδνη / *Ariadne. The Journal of the School of Philosophy of the University of Crete*, 20–21, 33–44.
- Stepantsov, S. 2015: [Two notes on Alcaeus]. *Vestnik drevnej istorii* 2015, № 3, 91–102.
- Степанцов, С. Две заметки к Алкею // Вестник древней истории. 2015. № 3, 91–102.
- Stepantsov, S. A. 2017: [Political metaphor by Alcaeus]. *Shagi / Steps. Journal of the School for the Advanced Studies in the Humanities* 3/4 (2017), 11–20.
- Степанцов, С. А. 2017: Политическая метафора у Алкея // Шаги / Steps. Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований. 3/4, 11–20.
- Taylor, M. 2010: *Thucydides, Pericles, and the Idea of Athens in the Peloponnesian War*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Thalman, W. 1978: *Dramatic Art in Aeschylus' Seven against Thebes*. New Haven and London: Yale University Press.
- Thompson, N. 2001: *The Ship of State: Statecraft and Politics from Ancient Greece to Democratic America*. New Haven: Yale University Press.
- Uhlig, A. 2018: Sailing and Singing: Alcaeus at Sea. In: *Textual Events. Performance and the Lyric in Early Greece*. Eds. F. Budelmann, T. Phillips. Oxford: Oxford University Press, 63–92.
- West, M. L. 1974: *Studies in Greek Elegy and Iambus*. Berlin, New York: de Gruyter.
- Wilamowitz-Moellendorff, U. von 1914: Neue lesbische Lyrik. *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur und für Pädagogik* 33, 226–244.
- Zeitlin, F. 1990: Theater of self and society in Athenian drama. In: *Nothing to Do with Dionysos? Athenian Drama in its Social Context*. Eds. J. Winkler, F. Zeitlin. Princeton-Oxford: Princeton Univ. Press.

Т. Г. Давыдов
МГУ имени М. В. Ломоносова / МАСКИ, МФТИ, Физтех.
davydovtg@my.msu.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРИДЫХАТЕЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ II–I ВВ. ДО Н. Э. КАК ФОРМА ЗАПИСИ ГЛУХИХ ПЛАВНЫХ И НОСОВЫХ

В статье анализируются различные случаи употребления сочетаний *ch*, *ph*, и *th* в латинском языке, для чего привлекаются как представления римских грамматиков, так и лингвистические исследования XIX–XXI вв. Возникновение латинских «придыхательных» постулируется как последовательность событий, где в качестве первого этапа рассматривается следование орфографическим принципам, характерным для древнегреческого языка, в котором с помощью придыхательных обозначались не только истинные аспираты, но и соседние глухие плавные.

Ключевые слова: придыхание, римская грамматическая традиция, глухие сонанты, древнегреческое влияние на латинскую орфографию, Цицерон, надпись Муммия, эпитафия Невия.

Tycho Davydov
Lomonosov Moscow State University / Moscow Institute of Physics and Technology.
davydovtg@my.msu.ru

The emergence of aspirates in Latin in 2nd–1st centuries BC as an orthographic representation of voiceless liquids and nasals

The first link in the chain of numerous events that led to the emergence of Latin aspirates in the 2nd–1st centuries BC is viewed as (and postulated to be, in fact) the adherence to the principles of the Classical Greek orthography among educated Romans, who began to designate with the digraphs *ch*, *ph* and *th* the voiceless allophones of the liquids and the nasals that had existed in Latin for a long time, cf. such forms as *centhurio*, *exerchitator*, *lachrima*, *lurchio*, *Orchus*, *pulcher*, *sepulchrum*, *triumphus*. It was during this era that the literary norm of Classical Latin was being actively formed, and Roman society was becoming increasingly embedded in the Greek linguistic milieu, allowing the marginalizing tendency to take firm hold rather quickly. But then the written form of such lexemes began to influence pronunciation, after which, as Quintilian puts it, in a short time the immoderate use of aspirations ‘broke through’ [Quint. I 5], and very often it was not based on the etymology of that vocabulary. This was overlaid by the fashion of the bearers of ancient Roman *cognomina*, who

thus gave them a Greek flavour; as is often the case, the upper strata of society were followed by those from the lower ones, such as *homines noui*, whom Catullus 84 ridicules. The suggested understanding of the historical development of the aspirates and voiceless sonorants results in a renewed interpretation of L. Mummius' votive inscription and (Pseudo-)Naevius' epitaph.

Key words: aspiration, Roman grammarians, voiceless sonorants, Ancient Greek influence on Latin orthography, Cicero, Mummius' inscription, Naevius' epitaph.

Как известно, вопросы, связанные с придыханием¹ в древнегреческом и латинском языках, привлекают к себе внимание начиная с античности и становятся предметом исследования уже у основателей филологической науки — александрийских грамматиков. Римская грамматическая наука продолжила греческую традицию и принялась за придыхание с не меньшим рвением. Так, по свидетельству Фронтонa, Гай Юлий Цезарь писал о придыхании прямо на поле боя — при трубных звуках:

Quod te uix quicquam nisi raptim et furtim legere posse prae curis praesentibus scripsisti, fac memineris et cum animo tuo cogites C. Caesarem atrocissimo bello Gallico cum alia multa militaria tum etiam duos De analogia libros scrupulosissimos scripsisse, inter tela uolantia de nominibus declinandis, **de uerborum aspirationibus**² et rationibus inter classica et tubas [Front. ep. Parth. 9]

(van den Hout 1988: 224).

«Касательно того, что ты пишешь, как ты из-за текущих забот едва успеваешь что-нибудь почитать, разве что бегло и украдкой, — вспомни и представь себе, как Гай Цезарь во время жесточайшей Галльской войны писал не только много разного о войне, но и две подробнейших книги “Об аналогии”: среди летящих стрел — о склонении имён, **о придыханиях** и употреблении глаголов — среди зова труб».

¹ Термин ‘придыхание’ в данном контексте понимается широко, как перевод латинского *aspiratio* (ἀσπύτης, πρὸσπνευσις), которым могли описываться как придыхание в окружении гласных (в начале слова перед гласным или в середине слова между гласными), так и придыхательные согласные, связанные с греческим влиянием на латинский язык.

² Здесь и далее **полужирным** выделены слова, имеющие прямое отношение к вопросу о придыханиях.

К сожалению, нам недоступны упоминаемые Фронтоном рассуждения Цезаря о придыхании, однако уже приблизительно через восемь лет³ сам адресат книг «Об аналогии» — Цицерон — затрагивает придыхание в своём трактате «Оратор»:

consule ueritatem: reprehendet; refer ad auris: probabunt. quaere cur: ita se dicent iuuari⁴; uoluptati autem aurium morigerari debet oratio. quin ego ipse, cum scirem ita maiores locutos ut nusquam nisi in uocali aspiratione uterentur, loquebar sic ut **‘pulcros, Cetegos, triumph[h]os, Cartaginem’** dicerem; aliquando, idque sero, conuicio aurium cum extorta mihi ueritas esset, usum loquendi populo concessi, scientiam mihi reseruauī. **‘Orciuus’** tamen et **‘Matones, Otones, Caepiones, sepulcra, coronas, lacrimas’** dicimus, quia per aurium iudicium licet. **‘Burrum’** semper Ennius, nunquam **‘Pyrrhum’**; ‘ui patefecerunt **Bruges’**, non **‘Phryges’**. ipsius antiqui declarant libri. nec enim Graecam litteram adhibebant — nunc autem etiam duas — et cum **‘Phrygum’** et **‘Phrygibus’** dicendum esset, absurdum erat aut <e>t<i>am in barbaris casibus Graecam litteram adhibere aut recto casu solum Graece loqui; tamen et **‘Phryges’** et **‘Pyrrhum’** aurium causa dicimus [Cic. orat. 159–160] (Westman 1980: 53–54).

«Сверься с правилами — они осудят, обратись к слуху — он одобрит; спроси, почему так, — он скажет, что так приятнее. А речь должна именно услаждать слух. Я и сам, зная, что наши предки употребляли в своей речи придыхания только при гласных, говорил, например, **pulcer, Cetegus, triumphus, Cartago**; но потом, хоть и запоздало, требования слуха заставили меня отбросить правильность, и я уступил общему обыкновению в разговоре, оставив своё мнение при себе. А такие слова, как **Orciuus, Mato, Oto, Caepio, sepulcrum, corona, lacrima**⁵ у нас остались, ибо суждение слуха это позволяет. Энний всегда писал **Burrus**, никогда **Pyrrhus**; “**Vi patefecerunt Bruges**”, а не **Phryges**, как свидетельствуют его старые книги. У них тогда не

³ В последнем комментированном издании трактата «Об аналогии» Алессандро Гарчея датирует его 55/54 г. до н. э. (Garcea 2012: 24–25); «Оратор» Цицерона традиционно датируется 46 г. до н. э. (von Albrecht 2002: 581).

⁴ Отрывок из данного пассажа цитируется Авлом Геллием, где отличается подчёркнутый нами текст: *quaere cur ita sit: dicent iuuare* [Gell. II 17, 2] (Marshall 1968: 104).

⁵ Гаспаров в переводе сохраняет асс. pl. оригинала: «*orciuus, Matones, Otones, Caepiones, sepulcra, coronas, lacrimas*»; представляется целесообразным изменить форму данных лексем на *nom. sg.*, подобно началу фрагмента.

было греческих букв, а у нас их целых две; и хотя необходимость говорить **Phrygum** и **Phrygibus** ведет к нелепости — приходилось употреблять в варварском падеже греческую букву и только в прямом падеже сохранять негреческую форму, — мы всё же говорим **Phryges** и в угоду слуху»

(Пер. М. Л. Гаспарова, цит. по Gasparov 1972 и Kazansky 2022: 291).

Цицерон ссылается на свой личный опыт носителя языка, что представляет особенную ценность, так как это нечасто встречается в сочинениях грамматиков, зато присуще ораторам. Совершенно ясно, что главная тема данного пассажа — *conruptae uoces*, т. е. изменение ('порча') произношения, что является общим местом у грамматиков. Хотя в первой части (от *consule...* до *...licet*) Цицерон не пишет прямо о происхождении моды на придыхания при согласных из-за греческого влияния, говоря, что уступил «народному типу произношения»⁶) (*usum loquendi populo concessi*), дальнейшие слова об употреблении Эннием архаических адаптированных заимствований **Burrus** 'Пирр' и **Bruges** 'фригийцы' вместо точнее воспроизводящих греческую фонетику **Pyrrhus** и **Phryges** позволяют связать две части пассажа воедино, давая понять, что Цицерон протестовал не столько против точной передачи греческой фонетики в латинском языке, сколько против своеобразной гибридизации лексики: форма **pulcher** хуже формы **pulcer** ровно по той же причине, что и **Phryges** по сравнению с **Bruges**: придыхание в *pulcher* воспринимается точно таким же гибридизирующим элементом, как и корень *Phryg-* при латинских окончаниях *-um* и *-ibus*. Если *nom. pl.* = *acc. pl.* **Phryges** для Цицерона ещё допустим — как отражение греческого **Φρύγες** — то формы *gen. pl.* и *dat. pl.* = *abl. pl.* воспринимаются как *uoces hybridae* ***Φρύγιум** и ***Φρύγιбус** соответственно⁷. Более подробный анализ остальных упоминаемых Цицероном лексем см. ниже.

Действительно, «массовые заимствования из греческого языка в латинский, а также ситуация греко-латинского билингвизма, свойственная времени Золотого и Серебряного веков

⁶ Ср. пер. Я. М. Боровского: «Я предоставил народу установление словесной практики, сохранив теорию для себя» (Niedermann 1949: 83).

⁷ Подобные двуалфавитные макаронические гибриды стали приемлемыми только в поздней античности — у Авсония (Kazansky 2022: 186) и в Кодексе Юстиниана (Dauidianus 2024).

римской литературы, привели к тому, что [римляне] стали тщательно и безошибочно фиксировать придыхательные в заимствованных греческих словах» (Kazansky 2022: 290). Известно, что впервые, по-видимому, придыхательное написание при согласном появляется в CIL I² 626 (= CIL VI 331 = CSE *9: 141), посвятителной надписи Луция Муммия, консула 146 г. до н. э. — uotum L. Mummi (Kühner 1912: 44; Tronsky 1953: 201). Надпись традиционно датируется 145 г. до н. э., когда после победы над греками в Ахейской войне Луций Муммий получил триумф:

Votum Mummi (Fedorova 1982: 62; CIL VI: 62)

L(ucius) Mummi(us) L(uci) f(ilius) co(n)s(ul) duct(u) | auspicio imperioque | eius **Achaia** capt(a) **Corinto** | deleto Romam redieit | **triumphans** ob hasce | res bene gestas quod | in bello uouerat | hanc aedem et signu(m) | Herculis Victoris | imperator dedicat

«Луций Муммий, сын Луция, консул. После того как под его предводительством и командованием была захвачена Ахайя и разрушен Коринф, вернулся в Рим. Празднуя триумф в честь этих славных деяний, будучи императором, посвящает этот храм и статую Геркулеса Победителя, так как на войне дал обет» (Пер. Е. В. Фёдоровой: Fedorova 1982: 60).

В этой небольшой по содержанию надписи (33 слова) нас интересуют три слова, из которых два содержат придыхание, а одно его лишено (по сравнению с классической латинской орфографией):

Achāiā (nom. Achāia ‘Ахайя’) ← Ἀχᾶϊά

Corintō (abl.; кл. лат. *Corinthus* ~ī f ‘Коринф’ — в надписи, очевидно, *m*) ← греч. ὁ/ἡ Κόρινθος (кор. обыкновенно *Qórinθος*)

triumphāns (PPA от triumphō 1) ← triumph(h)us ‘триумф’ ← [iō] triumph(h)e ← этр. *θPIMΓE *thriampe ← греч. θρίαμβος ‘триамб, гимн в честь Диониса/его эпитет’ (WH^{II}: 707–708; ЕМА: 703–704)

Замечательно, что — несмотря на краткость и древность текста надписи — в ней уже содержатся разные орфографические стратегии, характерные для передачи придыхания при согласных. Если **Achaia** является весьма точным фонетическим эквивалентом греческого топонима Ἀχαιῶν, то в той же строчке в слове **Corinto** подобной точности не наблюдается, а написание обычно для латинского языка архаического периода (ср. **Antiocho** (кл. лат. асс. **Antiochum** ‘Антиоха’) в CIL VI 1290, эпитафии Сципиона 167 г. до н. э.). Что касается **triumphans**, то выявление непосредственного этимона лат. **triump(h)us** и его производных представляет, как можно заметить, существенную трудность. По всей видимости, посредником при передаче греч. θρίαμβος (греч. происхождение предлагалось Варроном, Светонием, Сервием и др. (Maltby 1991: 623)) послужило незасвидетельствованное этрусское *thriampe (вокатив? с обычной для этрусского языка адаптацией заимствования — оглушением /b/ ⟨β⟩ → /p/ ⟨Γ⟩), к которому возводится известное восклицание ‘io triumpel!’ (отметим нетипичный случай metathesis aspirationis⁸: θρίαμβος → triumphus).

Надпись Муммия нередко признают позднейшей копией (Kuznetsov 2006: 365). Не вдаваясь в детали дискуссии о подлинности надписи, отметим, что описанный орфографический разнобой служит аргументом в пользу архаичности и оригинальности если не самой надписи, то по крайней мере её текста: если бы она являлась только архаизирующей стилизацией, то логично предположить, что тогда мы бы имели полное отсутствие придыханий (Achaia — Corinto — triumphans), что было характерно для архаической латыни (Kholodnyak 1884: 59); ещё проще предположить, что в этом случае все три лексемы имели бы классическое написание с h⁹. Таким образом,

⁸ В античности использовался термин *transmutatio aspirationis* [Consent. barb. 15–16] (Keil 1923: 392).

⁹ Свидетельством невнимательного отношения к орфографии придыханий служит текст надписи Муммия в «Oxford Handbook of Roman

если считать CIL I² 626 копией, то текст [оригинальной] надписи в любом случае следует датировать 145 г. до н. э. С осторожностью можно даже предположить, что придыхание при согласных — это один из своеобразных «трофеев» ахейского триумфа Муммия, который, как свидетельствует Веллей Патеркул¹⁰, первым из *homines noui* получил агномен за военные заслуги — *Achaicus* (Ахаик, т. е. ‘ахейский’)¹¹. В это же время именами данного типа — *cognomina triumphalia* (Kuznetsov 2015: 166) — были награждены Квинт Цецилий Метелл (*Macedonicus* ‘Македонский’) и Публий Корнелий Сципион (*Africanus* ‘Африканский’), так что Муммий не должен был остаться в стороне. Как и прочие культурные нововведения, осуществлённые Муммием, передача греческих придыхательных согласных латинскими диграфами (пусть и не всегда последовательная) противоречит сложившемуся уже в античности образу Муммия как невежественного разрушителя Коринфа [Vell. I 13] (Hellegouarc’h 1982) и служит ещё одним подтверждением репутации человека, стремившегося привить греческую образованность на римской почве — наряду с прочими аргументами в пользу этой точки зрения (развитие Муммием театра в Риме, мода на греческие скульптуры и т. д.), которые были наиболее подробно изложены Юбером-Гастоном Коленом в монографии, посвящённой истории Рима и Греции 200–146 гг. до н. э. (Colin 1905: 628–638).

Epigraphy)» (Bruun 2014: 474–475), в котором приводится гиперкорректирующее написание *Corintho*.

¹⁰ *Eodem anno quo Carthago concidit, L. Mummius Corinthum post annos DCCCCLII quam ab Aleto, Hippotis filio, erat condita, funditus eruit. Vterque imperator deuictae a se gentis nomine honoratus, alter Africanus, alter appellatus est Achaicus; nec quisquam ex nouis hominibus prior Mummiō cognomen uirtute partum uindicauit* [Vell. I 13] (Hellegouarc’h 1982). «В том же году, когда погиб Карфаген, Л. Муммий разрушил до основания Коринф — через 952 года после того, как он был основан Алетом, сыном Гиппота. Оба полководца были почтены именами побеждённых народов: один был назван Африканским, другой — Ахейским. Муммий был первым из новых людей, кто добавил к своему имени когномен, добытый воинской доблестью» (Пер. А. И. Немировского: Nemirovsky 1983: 233).

¹¹ Впрочем, по утверждению Фридриха Мюнцера, этот агномен не был официально (*im amtlichen Sprachgebrauch*) утверждён в документах (RE: 1203).

Таким образом, с момента создания текста надписи Муммия до публикации «Оратора» прошло без малого сто лет (145–46 гг. до н. э.). Хорошо известно, что в этот период произношение /h/ совсем ослабло, что вызвало ответную реакцию в виде его (не всегда этимологически верного) восстановления в ряде слов (не во всех: ср. кл. лат. *anser* ← и.-е. *ǵʰh₂éns), которые И. М. Тронский называет «гиперурбанизмами» (Tronsky 1953: 202). Как именно происходило это восстановление, точно установить не представляется возможным, однако на этот счёт имеются некоторые предположения — в частности, вероятно, «появление аспират [= придыхательных согласных] на время оживило аспирацию начального гласного» (Tronsky 1953: 202). Из [Cic. orat. 159–160] видно, что в это время римляне хорошо осознавали важность различения случаев аспирации. Сам Цицерон, которому на момент написания трактата исполнилось 60 лет, классифицирует 13 упоминаемых лексем по тому, закрепилось ли придыхание в его собственной произносительной практике. Отдавая дань моде на придыхания, он принял новые произношения 4 слов:

pulcher (вм. *pulcer*) ‘красивый’ — от *poliō* 4 ‘полировать’ (Scatebranus Rutenus 2002: 251; ThLL X 2: 2560) ← и.-е. *pʰH-kro- (Trofimov 2022: 233). Неудовл. или отсутств. этим. в (WH^{II}: 384; ЕМА: 533–544; dV: 496). Первое написание **pulcher** (C·ΓVLCHEP) встречается на денариях, которые было принято датировать 103 г. до н. э. (Вильгельм Брамбах относит к этому году начало использования придыханий при согласных (Brambach 1868: 287) — что противоречит данным надписи Муммия), но уточнённая датировка относится к 110/109 гг. до н. э., когда монетарием (*triumvir monetalis*) был Гай Клавдий

Написание с -h- было также закреплено народной этимологией, согласно которой **pulcher** ← греч. *πολύχρως* (ЕМА: 544), однако отметим, что скорее процесс был обратным: именно возникновение формы с <chr> позволило «обнаружить» искомым римскими грамматиками этимон.

Cethēgus (вм. *Cetēgus*) ‘Цетег’ — имя этрусского происхождения (Leumann 1977: 162)

triumphus (вм. *triumpus*, этим. см. выше)

Пульхр, консул 92 г. до н. э. (DPRR: CLAU1753).

Голова Ромы в шлеме; Виктория на биге
(Frolova, Abramson 2001: 48, 163; CRRO).
Иллюстрация из Gatlin 2002–2024

Carthāgō (вм. *Cartago*) ‘Карфаген’ ← пун. **𐤒𐤓𐤕𐤁𐤍𐤕** *qrthdšt* /*qarthadašt*/ ‘Новый Город’ (WH¹: 174; ЕМА: 102)

В то же время Цицерон не принял новых придыхательных вариантов следующих 7 слов:

Orcūius (вм. *Orcūius*) ‘Орцивий’ ← *Orcus* ‘Орк’ (см. ниже)

Matō (вм. *Mathō*) ‘Матон’ — тёмное слово, возм., ← этр. *matuna* (Schulze 1933: 274–275). Когномен *Mat(h)ō* носили Невии и Помпонии (Smith 1870: 972), из которых последние — оскского (ср. *Poprēius* ← оск. *pupre*) или этрусского (ср. этр. *Pumpu/Pumpili*) происхождения.

Otō (вм. *Othō*) ‘Отон’ ← этр. *utie* (Schulze 1933: 201–202; Leumann 1977: 162)

Саеріō (вм. *Chaerіō*) ‘Цепион’ ← этр. *sepa?* (ThLL Onom. II: 31)
sepulcrum (вм. *sepulchrum*¹²) ‘могила’ ← *sepeliō* 4 ‘хоронить’

corōna (вм. *chorōna*) ‘венок’ ← *κορώνη* ‘ворона’ > ‘кольцо, венок или что-л. закруглённое, как вороний клюв’; *ch-* под влиянием *chorós* ‘хор(овод)’ (Grambach 1868: 289), ср. *χωρώνός* ‘венок’ у Симонида (WH¹: 277; ЕМА: 144; ThLL IV: 977)

lacrima (вм. *lachrima*) ‘слеза’ ← арх. лат. *dacruma* ← и.-е. *dákru (ср. греч. *δάκρυ*, *δάκρυμα*, *δάκρυον*)

¹² В надписях встречается также и вариант **sephulcrum** (Niedermann 1949: 82) — впрочем, гораздо реже формы с *-chrum*.

Хотя подобное разделение на две группы имеет огромную ценность (о чём было сказано выше), узус, которым руководствуется Цицерон — не единственный возможный критерий.

Не трудно заметить, что среди проанализированных лексем — много имён собственных, среди которых преобладают антропонимы: **Caepiō**, **Cethēgus**, **Orciuius**, **Matō**, **Otō**; **Pulcher** и даже **Corintus** также могут быть когноменами. Добавляя к ним формы **Gracchus** и **Thorius**, Макс Нидерман предположил, что именно в личных именах впервые появились придыхательные согласные: «С этого времени [CIL I² 682 = 94 г. до н. э.] некоторые римские семейства стали считать признаком хорошего тона придавать своим именам греческий отпечаток, произнося их с придыханием. <...> Далее, это эллинизирующее произношение распространилось и на нарицательные имена; [варианты без придыханий — см. ниже] в устах людей, которые стремились не быть отсталыми, уступили место формам [с придыханиями]» (Niedermann 1949: 82). Эту гипотезу поддержала Т. А. Карасёва (Karaseva 2003: 179).

Сложно сказать, верна ли такая хронология событий, и действительно ли придыхательные согласные распространились от имён собственных в нарицательные — прямых доказательств этому нет. Скорее всего, появление *ch*, *ph*, *th*¹³ в латинском языке произошло примерно в одно время с модой на произношение *h* (Tronsky 2001: 61). Не следует пренебрегать также и тем, что эпоха поздней республики характеризуется резким увеличением числа греческого населения в Риме (Ellis 2010: 366; Tronsky 1953: 202). Стёртевант метко описывает римлян, которых увлекла эта эллинизирующая мода, словом *cockneys* ‘пижоны’ (Sturtevant 1920: 71); Кристиан Фордайс называет этот же слой общества *the intelligentsia* (Fordyce 1978: 374). По свидетельству Квинтилиана, это работало и в обратном направлении — сельские жители могли даже не понять, когда слышали слово с придыхательным согласным, так что адвокату из Рима пришлось адаптироваться и произнести имя **Amphio** как **Ampio**, чтобы свидетель ответил на вопрос, знает ли он такого человека [Quint. XII 10] (Allen 1989: 119).

---

¹³ В настоящей статье сознательно избегается вопрос об истории *gh* в латинском языке — это требует отдельного исследования.

Подобная ситуация описана для многих языков, в том числе для русского (Panov 1990: 147–149), а в римской литературе самым ярким примером данного феномена стала эпиграмма Катуллы [Catull. LXXXIV] (Fordyce 1978: 74–75; Kiss 2013/2017), который высмеивает спонтанную аспирацию как согласных (*chommodus*), так и гласных (*hĩnsidia*):

Chommoda dicebat, si quando **commoda** uellet
dicere, et **insidias** Arrius **hĩnsidias**,
et tum mirifice sperabat se esse locutum,
cum quantum poterat dixerat **hĩnsidias**.
credo, sic mater, sic liber/semper¹⁴ auunculus eius,
sic maternus auus dixerat atque auia.
hoc misso in Syriam requierant omnibus aures;
audibant eadem haec leniter et leuiter,
nec sibi postilla metuebant talia uerba,
cum subito affertur nuntius horribilis,
Ionios fluctus, postquam illuc Arrius isset,
iam non **Ionios** esse sed **Hionios**.

Перевод А. А. Фета (Foeth 1899: 152): *Объ Аррии*.

Хомнаты все говорили вмѣсто **комнаты** Аррій и также
Гискры онъ говорилъ, **искры** желая сказать,
И притомъ онъ считатьъ, что выражался отлично,
Если, насколько онъ могъ, **гискры** сказать удалось.
Думаю, такъ его мать и дяди его говорили,
Или по матери дѣдъ, или и бабка его.
Въ Сирию посланъ онъ былъ, у всѣхъ успокоились уши:
Стали свободно, легко слышать все тѣ же слова
И перестали уже бояться подобныхъ реченій,
Какъ внезапно пришла эта ужасная вѣсть:
Юнійское море, какъ Аррій преплылъ его, стало
Не **Юнійскимъ** уже, а **Гіонійскимъ** теперь.

После I в. н. э. использование придыханий резко пошло на спад, и произношение придыхания стало маркером образованности, которая поддерживалась школьным образованием (Allen 1989: 44–45). Очень хорошо осознаёт искусственный характер подобных придыханий Сервий, который говорит, что у древних было только три слова с /ch/ — *sepulchrum*, *Orchus* и *pulcher*,

¹⁴ Подробнее о разночтениях и конъектурах, которых в этом месте насчитывается больше десяти, см. (Kiss 2013/2017).

отмечая, что в его время придыхание сохранилось только в последнем случае [Seru. georg. III 223] (Thilo 1887: 294). При этом Марий Викторин хвалит придыхательное произношение в словах *orcus* и *Vulcanus* за древность (Kazansky 2022: 291), предвосхищая средневековое отношение к придыханию как к способу повышения языкового престижа (в средние века к этому добавляется ещё и мистический колорит (Davydov 2022: 106)).

Aspirata cum liquida

Возможно, за феноменом распространения придыхательных согласных в латинском языке стоит другая, более глубокая причина, которую нельзя объяснить только «спонтанной аспирацией», как это делает Фердинанд Зоммер (Sommer 1902: 199; Leumann 1977: 163). Тем более сложно связать данный процесс со спецификой семантических классов (точка зрения Нидермана). Причину *фонетических* — или, как мы намерены в дальнейшем показать, *орфографических* — изменений следует искать в *фонетике* и *орфографии* древнегреческого и латинского языков анализируемого периода. Так, многими исследователями отмечалось соседство ⟨ch⟩, ⟨ph⟩ и ⟨th⟩ с плавными /r/ и /l/; на это обратил внимание Эмиль-Пауль Зеельман, который применил к изучению латинской фонетики физиологический подход. Составление списка известных на тот момент аспирированных лексем (Seelmann 1885: 259–260) и внимательное отношение к их этимологии (в т. ч. отделение заимствованной лексики от исконной) позволило Зеельману добиться весьма убедительных результатов. Он скрупулёзно собрал свидетельства античных грамматиков, суммируя их мнения о придыхательных в латинских словах как «нечто странное и чуждое» (*etwas sonderliches, fremdartiges*). Зеельман интерпретирует артикуляцию придыхательного /ch/ как временное экстремальное изменение артикуляции /c/ (*zeitweilig extrem auftretender Umschlag der Articulation*) и смещение с /g/, за которым в латинском языке классического периода последовало усиление артикуляции. Другая гипотеза Зеельмана постулирует аналогию *ch* с греческим χ — что привело к аффрикации и спирантизации (*es zeitweilig etwas affriciert und spirantisiert gesprochen ward*) (Seelmann 1885: 253–254). Оба эти предположения вряд ли соответствуют реальности, хоть и

отражают важный этап в изучении исторической фонетики латинского языка: дело в том, что «сближение» С и G в латинском языке произошло лишь на уровне графики и было исправлено введением в III в. до н. э. буквы G в алфавит. Спирантизация и тем более аффрикатизация /ch/ под влиянием греческого χ ещё менее вероятна, так как полномасштабный переход в ффрикативный /x/ произошёл позже (Allen 1968: 20–21). В то же время сравнение латинских придыхательных с произношением немецкими коммивояжёрами слова *Lexikon* как *leksikŃŋ* (т. е., видимо, [-Ńŋ])¹⁵ (Seelmann 1885: 254) вполне согласуется с теорией эллинизирующей моды на аспирацию.

Поначалу англоязычная наука отреагировала на наблюдения Зеельмана крайне резко. Стёртевант хотя и допускал возможность отличных от греческого влияния факторов, но влияние соседних плавных, отмеченное Зеельманом, описал как *most unlikely* (Sturtevant 1920: 71), так как в этом случае, по мнению Стёртеванта, не учитываются упоминаемые Цицероном когномены *Caerhiō* (sic), *Cethēgus*, *Mathō* и *Othō*. Вместо этого Стёртевант предложил теорию о греческом влиянии как о своеобразном «спусковом крючке», благодаря которому аспирация распространилась чрезвычайно быстро. В качестве «психологического процесса», стоящего за аспирацией латинских смычных, Стёртевант предложил «вторичное изменение формы» (*secondary change of form*), проведя аналогию с английским языком штата Миссури (Missouri), жители которого пользуются изменённым произношением конечного -a → -y /i/ (*America* → *Americy* и др.) и потому, стремясь говорить «правильно», поступают подобно катулловскому Аррию и произносят название родного штата как *Missoura* (Sturtevant 1917: 79). На самом деле гипотеза вторичного изменения формы в том виде, в каком её понимает Стёртевант, не противоречит базовым утверждениям Зеельмана. Мы полагаем, что «вторичное изменение формы» — это та же «спонтанная аспирация», возникающая под влиянием эллинизирующей моды, которая происходит из безусловного факта языкового престижа греческого произношения в глазах римлян того времени.

Однако соседство плавных с придыхательными в исконной латинской лексике — не случайность. Языковой престиж и

¹⁵ Ср. выше похожие примеры из русской фонетики у М. В. Панова.

греческое влияние может хорошо объяснить моду на аспирацию в когноменах среди высших слоёв римского общества, но как быть с именами нарицательными? Оказывается, что с привлечением данных эпиграфики¹⁶ когномены без сочетания придыхательного с плавным оказываются уже в меньшинстве, зато резко возрастает доля лексем с подобными сочетаниями (причём не только плавных, но и носовых), где ономастика и нарицательные понятия разделяются на примерно равные части (нарицательных даже несколько больше). Помимо уже перечисленных лексем, это¹⁷:

Alchimus ‘Алким’ ← греч. Ἀλκίμος

anchora ‘якорь’ ← греч. ἄγκυρα. Ср. у Сервия: «ANCHORA. ut supra diximus, in Graeco aspirationem non habet, nam ἄγκυρα dicitur: unde et apud maiores sine aspiratione proferebatur» [Seru. Aen. VI 4] (Thilo 1884: 3) («ANCHORA. Как мы сказали выше, в греческом языке у этого слова нет придыхания, а говорится оно “ἄγκυρα”: потому и у древних оно произносилось без придыхания»).

archa ‘ящик’, ‘касса’

Calphurnius ‘Кальпурний’

centhuriō ‘центурион’

Dorchas ‘Доркада’ ← *dorcās* ‘газель’ ← греч. δорκάς

Encolphius ‘Энколпий’ ← греч. Ἐγκόλπιος

exercitātor ‘тренер’, ‘инструктор’ — ex. er. chi. ta. tor в CIL VIII 12622, где имеется в виду должность *exercitator cursorum* — ‘ad tabularia negotia administranda’ (ThLL V 2: 1383)

fulchrum ‘подпорка’

Luchriō ‘Лукрион’ ← *lucriō* ‘one who enjoys financial gain’ (Glare 1968–1982: 1046)

lurchō I ‘объедаться’ / **lurchō** ~ōnis *m* ‘обжора’ Ср. у Сервия: «contra ‘thus’ et ‘orchus’ ueteres dicebant et ‘lurchō’, id est uorax, quibus sequens aetas detraxit aspirationem». [Seru. Aen. VI 4] (Thilo 1884: 3) («Помимо ‘thus’ и ‘orchus’ древние также говорили и слово ‘lurchō’, то есть ‘ненасытный’, у которого в последующую эпоху исчезло придыхание»).

¹⁶ Впервые это сделал Квинтилиан, который приводит формы **choronae**, **chenturiones** и **praechones** [Quint. I 5].

¹⁷ Примеры взяты из (Allen 1989: 26; Kazansky 2022: 290; Leumann 1977: 163; Niedermann 1949: 82).

Mārchus ‘Марк’

Olymphī ‘Олимп’ (gen.), **Olumphia** ← греч. Ὀλυμπος, Ὀλυμπία

Orchus ‘Орк’ ← арх. Vragus? (WH^{II}: 221; EMA: 467) Ср. у Сервия: «PALLIDVS ORCVS. Probus ‘Orchus’ legit, Cornutus uetat aspirationem addendam» [Seru. georg. I 277] (Thilo 1887: 195) («Проб читает ‘Orchus’, Корнут запрещает добавление придыхания»).

sulphur ‘сера’ → ретором. solpar (Tronsky 2001: 61)

Σολφίκιος ‘Сулпиций’ ← лат. ***Sulphicius**

trīchlīnium ‘триклиний’ («трёхложье») ← греч. τρικλίνιον

Vlphia ‘Ульпия’

Volchānus ‘Вулкан’ ← возможно, из дор. Φέλχανος (WH^{II}: 825–826); встречаются также написания Βελχα-, кипр. силлаб. wa-la-ka-ni-o-, Φεύχα-, Φ]ελκα-, Γελχά-, Ἐλχα- (LSJ; DGE)

Ману Лейман отмечает соседство /t/ и /l/ с придыхательными, однако ограничивается дескриптивным перечислением примеров (Leumann 1977: 163). Наиболее взвешенную позицию занял Уильям Аллен в *Vox Latina*: не отвергая моду на ложное применение греческих речевых особенностей (и этрусских — в случае с многими когноменами), он всё же считает крайне важным (*remarkable*) соседство /t/ или /l/ с придыхательными. Аллен следует методологии Зеельмана, но поступает гораздо осторожнее, выдвигая свой главный тезис: «the aspiration represents a special but natural environmental development in Latin itself». При этом не отрицается возможность социально-диалектного варьирования (Allen 1989: 26–27). Данный постулат Аллена поддерживает и Н. Н. Казанский, который видит в «automatic variant of the normal voiceless stops» (Allen 1989: 27) естественным образом развившиеся в латинской фонологической системе придыхательные согласные, приводя аргумент об особенностях передачи придыхательных в архаических греческих алфавитах: «Почти во всех случаях придыхательный согласный соседствует с плавными (l или g), что указывает на собственно латинские языковые особенности. В связи с этим высказывалось предположение, что придыхательные согласные могли реально присутствовать в латинской фонологической системе, но до массовых заимствований из греческого языка, когда был сформулирован принцип передачи с помощью диграфа C + h (где C обозначает любой смычный), придыха-

тельные не могли быть переданы на письме. Между тем в целом ряде греческих архаических алфавитов придыхательные смычные регулярно отмечались диграфом, но в латинском алфавите такие диграфы появляются только тогда, когда усилилось влияние со стороны греческих текстов, записанных ионийским алфавитом, в котором для передачи придыхательных использовались знаки ϕ , θ , χ » (Kazansky 2022: 291). Данное решение проблемы сочетаний придыхательных с плавными представляется наиболее удачным и внутренне непротиворечивым, однако всё ещё остаётся вопрос: можно ли описать фонетический процесс, благодаря которому возникли «естественные» придыхательные в латинском языке?

Здесь необходимо ещё раз подчеркнуть, что Аллен намеренно использует довольно обтекаемые формулировки. Он обязательно утверждает прямое наличие латинских придыхательных согласных, называя их «similar sounds in Latin» — т. е. «соответствующие» греческим придыхательным «звуки в латинском языке»¹⁸.

Представляется возможным развить предположение Н. Н. Казанского; для этого необходимо уточнить значение термина *придыхательные согласные*, так как в античности придыхательность понималась шире, чем в современной лингвистике. Дело в том, что придыхательными эти согласные могли быть только в орфографическом смысле: хорошо известно, что за представлением греческих и римских грамматиков о придыхательности плавных на самом деле стоит глухость: «За время существования Рима орфоэпическая норма менялась неоднократно, в частности для I в. до н. э. было обычным произнесение греческих слов с глухим /r/, на письме отражавшимся как ⟨rh, rrh⟩ (*Rhegium, Pyrrhus*)» (Kazansky 2022: 297). Не вдаваясь в детали исторического развития глухих плавных и носовых в древнегреческом, отметим, что акустические характеристики придыхания и глухости сонорных согласных крайне схожи. Возникшая в древнегреческом языке потребность обозначения на письме аллофонов /r̥/, /l̥/, /m̥/ и /n̥/, происходящих из начальных сочетаний /s/ и /w/ с обычными плавными, а

---

¹⁸ Впрочем, одно из частых значений прилагательного *similar* в научном стиле — ‘идентичный’, а не ‘схожий’, так что интерпретировать его в данном контексте можно по-разному.

также наличие ряда истинно придыхательных согласных φ , θ , χ привели к тому, что греческие грамматики стали описывать / φ / как придыхательный¹⁹. Поэтому вряд ли можно говорить о современно понимаемой придыхательности сонорных в древнегреческом и латинском языках — типологически это крайне редкое явление, и древнегреческий язык не является здесь исключением (ср. орфографию валлийского и германских языков — древнеанглийского, исландского и др.).

Несомненно, что орфография латинских придыхательных находится под влиянием принципов, которые были характерны для уже давно сложившегося к этому времени древнегреческого правописания. Так как глухое («придыхательное») ρ признавалось только в начале слова, а также в сочетании $-\rho\rho-$, греческий язык нашёл иной способ обозначения глухости («придыхания»), отражение которого хорошо видно в композитах с *metathesis aspirationis*: $\pi\rho-\acute{\omicron}\rho\acute{\alpha}$ = $\pi\rho\omicron\rho\acute{\alpha}$ = $\phi\rho\omicron\rho\acute{\alpha}$, $\tau\acute{\epsilon}\tau\rho-\acute{\iota}\pi\lambda\omicron\varsigma$ = $\tau\acute{\epsilon}\tau\rho\acute{\iota}\pi\lambda\omicron\varsigma$ = $\tau\acute{\epsilon}\theta\rho\acute{\iota}\pi\lambda\omicron\varsigma$ — наглядные примеры характерного для классической греческой орфографии ассимилятивного написания морфемных швов (Davudov 2021: 249–250). Противоположный, не закрепившийся впоследствии подход показывают окказиональные латинские транслитерации *Prhygia*, *Trhepto*, *Crhysippus*, где *prh*, *trh* и *crh* отражают $\varphi\rho$, $\theta\rho$ и $\chi\rho$ соответственно (Allen 1968: 40–41). Аллен в статье об истории индоевропейских звонких придыхательных в латинском языке отмечает, что сочетание с плавными даёт ассимиляционный эффект глухости соседних согласных (*liquids are to be associated with voicelessness of neighbouring consonants*) (Allen 1958: 111).

Глухость плавных, соседствующих с придыхательными/глухими смычными — типологически обычное явление (ср. рус. / φ /ту φ ть, Пёт φ / (Fedorov, Kirpicznikov 1954: 105)). В англоязычной науке, как ни странно, не проводилось сравнение латинских разновидностей плавных фонем с соответствующими английскими вариантами, хотя такое сравнение было бы особенно уместно в свете того, что / l / и в латинском, и в английском имеет два аллофона: веляризованный и глухой. Получается следующая система:

¹⁹ Практика обозначения на письме / l /, / m / и / n / получила распространение лишь в надписях и не попала во внимание грамматической традиции.

/l/ — лат. *tenuis* = англ. *clear* ≈ рус. *мягкое*

/l/ — лат. *pinguis* (Kazansky 2022: 297) = англ. *dark* = рус. *твёрдое*

/l̥/ — лат. *aspiratus* = англ. *voiceless* = рус. *глухое*

Примеры глухого /l̥/ после начальных придыхательных: *play* /p^hl̥eɪ/, *clean* /k^hl̥iːn/ (ср. *price* /p^hɹaɪs/). При этом менее заметное оглушение происходит и в других позициях: *aptly* /ápt̥li/, *butler* /bát̥lə/, *hopeless* /háʊp̥ləs/ (Gimson 1966: 195–200; CUBE), что очень напоминает лат. **pulcher**. При этом в латинском языке не играет роли порядок сочетания смычного и плавного/носового — ср. выше **Luchriō** и **lurchō**.

Таким образом, первым звеном в цепочке многочисленных событий, приведших к произношению придыхания в II–I вв. до н. э. в различных словах и позициях, стало следование принципам греческой орфографии в среде образованных римлян, которые стали обозначать существовавшие в латинском языке аллофоны — глухие плавные (и, вероятно, носовые) с помощью диграфов *ch*, *ph* и *th*. Именно в эту эпоху складывалась литературная норма латинского языка классического периода, а римское общество всё больше вливалось в греческую языковую среду, что позволило поначалу маргинальной тенденции прочно закрепиться. Однако затем письменная форма слов стала оказывать влияние на произношение, после чего, по выражению Квинтилиана, «за короткое время прорвалось наружу неумеренное использование» придыханий, причём крайне часто в тех словах, где глухих сонантов не было. На это наложились мода носителей старинных римских родовых имён, которые таким образом придавали своим когноменам греческий колорит; как это часто бывает, вслед за высшими слоями общества потянулись и выходцы из более низших страт, *homines noui* — именно таких людей высмеивает Катулл.

Детальное понимание фонетических процессов, связанных с придыхательными согласными в латинском языке, может улучшить понимание текстов античных авторов. В этом отношении выделяется эпитафия Невия, которую сохранил Авл Геллий [Naeu. 64 ap. Gell. I 24] (Marshall 1968: 80–81; Morel 1963: 28; Baehrens 1886: 296) вместе с эпитафиями Плавта и Пакувия:

Epigramma Naeui plenum superbiae Campanae, quod testimonium
 iustum esse potuisset, nisi ab ipso dictum esset:
 immortales mortales si foret fas flere,
 flerent diuae Camenae Naeuium poetam.
 itaque postquam est **Orchi**²⁰ traditus **thesauro**,
obliti sunt Romae loquier lingua Latina.

«Эпиграмма Невия, полная кампанского высокомерия, которое могло бы быть убедительным доказательством [её подлинности], если бы не было сказано им самим:

Если бы право имелось бессмертным оплакивать смертных,
 То зарыдали бы богини Камени о Невии-поэте,
 Ибо когда он был отдан **хранилищу Орка**,
В Риме забыли уже, как говорить по-латыни.

(Пер. А. Я. Тыжова: Tyzhov 2007: 95–96):

Морель приводит эпитафию в собрании фрагментов Невия, но обычно эпитафии трёх поэтов, цитируемые Геллием, не признаются аутентичными (Kuznetsov 2006: 370). Беренс приписывает её Марку Теренцию Варрону. Если это действительно так, можно интерпретировать 3 и 4 строки следующим образом: римляне забыли латинский язык, поэтому используют грецизирующие написания — как **thēsaurus** ← θησαυρός вместо *tēsaurus* или даже *tensārium* (Glare 1968–1982: 1921, 1937), а также **Orchus**, где ⟨ch⟩ обозначает глухость предшествующего /r̥/. Это хорошо согласуется со взглядами Варрона, которые описывает Теренций Скавр: «negat Varro etiam **Gracco** aspirandum <...>. et **pulcrum**, quamuis in consuetudine aspiretur, nihilo minus tamen ratio exiliter et enuntiantum et scribendum esse persuadet, ne una omnino dictio adversus Latini sermonis naturam media aspiretur» [Scaur. orth. 20] (Keil 1880: 20) — «Варрон отвергает придыхание даже в слове **Graccus**. И хотя обычно слово **pulcer** произносится с придыханием, однако тем не менее по здравом размышлении едва ли можно принять подобное произношение и написание — чтобы вообще ни одно простейшее слово не произносилось с придыханием, так как это противоречит природе латинской речи».

²⁰ Так у Мореля, в изданиях Беренса и Маршалла — *Orcho*.

Литература

- von Albrecht, M. 2002: *Istoriya rimskoi literatury*. Per. A. I. Lyubzhina. T. 1 [History of Roman Literature. Tr. by A. I. Lyubzhin. Vol. 1]. Moscow.
- фон Альбрехт, М. 2002: *История римской литературы*. Пер. А. И. Любжина. Т. 1. М.
- Allen, W. S. 1958: Some Problems in the Phonetic Development of the *IE* Voiced Aspirates in Latin. *Archivum Linguisticum* X, 100–116.
- Allen, W. S. 1968: *Vox Graeca. A Guide to the Pronunciation of Classical Greek*. Cambridge.
- Allen, W. S. 1989: *Vox Latina. A Guide to the Pronunciation of Classical Latin*. 2nd ed. Cambridge.
- Baehrens, A. 1886: *Fragmenta poetarum Romanorum collegit et emendavit A. Baehrens*. Lipsiae.
- Brambach, W. 1868: *Die Neugestaltung der lateinischen Orthographie in ihrem Verhältniss zur Schule*. Leipzig.
- Bruun, C. 2014: The City of Rome. In: *The Oxford Handbook of Roman Epigraphy*. Ed. by C. Bruun and J. Edmondson. Oxford: Oxford University Press, 471–494.
- CIL VI — Corpus inscriptionum Latinarum. Vol. VI p. I. Berolini. 1876.
- Colin, [H.-]G. 1905: *Rome et la Grèce de 200 à 146 ans Jésus-Christ*. Paris.
- CRRO — Crawford, M. H. 1974/2024: *Coinage of the Roman Republic Online*. London. [URL: <https://numismatics.org/crro/>]
- CSE — Kruschwitz, P. 2002: *Carmina Saturnia epigraphica. Einleitung, Text und Kommentar zu den Saturnischen Versinschriften*. Stuttgart.
- CUBE — Lindsey, G., Szigetvári, P. 2013–2024: *CURRENT BRITISH ENGLISH SEARCHABLE TRANSCRIPTIONS*. Budapest. [URL: <http://seas.elte.hu/cube/>; <http://www.cubedictionary.org/>]
- Davidianus, T. 2024: Quomodo sermo ex utraque lingua mixtus uocibus hybridis, quae in Codice Iustiniano usurpatae sint, ostendatur. In: *Ratio scripta*. Moscouiae. In publ.
- Davydov, T. G. 2021: [Greek Word End Rule and the Formation of the Standard Spelling of Proclitics ἐκ (ἐξ) and ἐν]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 25, 248–252.
- Давыдов, Т. Г. 2021: Правило конца греческого слова и становление правописания проклитик. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25, 248–252.
- Davydov, T. G. 2022: *Pravilo kontsa slova v grecheskom yazyke: diakronicheskiy aspekt. Diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.14 [Greek Word End Rule from a Diachronic Perspective. PhD in Philology Thesis]*. Moscow.
- Давыдов, Т. Г. 2022: *Правило конца слова в греческом языке: диахронический аспект. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.14*. М.

- DGE — Adrados Rodríguez, F., Rodríguez Somolinos, J. 1980–2019: *Diccionario Griego-Español en línea*. Madrid. [URL: <https://logeion.uchicago.edu/>]
- DPRR — Mouritsen, H., Robb, M. et al. 2024: *Digital Prosopography of the Roman Republic* [URL: <https://romanrepublic.ac.uk/>]
- Ellis, R. 2010: *A Commentary on Catullus*. Cambridge.
- EMA — Ernout, A., Meillet, A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. Retirage de la 4e éd. augmentée d'additions et de corrections par J. André. Paris: Klincksieck. 2001.
- Fedorov, A., Kirpicznikov, M. 1954: *Vademecum methodi systematis plantarum uascularum. Fasc. I. Abbreuiationes, designationes institutae, nomina geographica*. Mosqua, Leningrad.
- Fedorova, E. V. 1982: *Vvedenie v latinskuyu epigrafiku [Introduction to Latin Epigraphics]*. Moscow.
- Фёдорова, Е. В. 1982: *Введение в латинскую эпиграфику*. М.
- Foeth, A. A. 1899: *Stikhotvoreniya Katulla v perevodie i s ob'yasneniyami A. A. Feta*. 2-e izd. [*Catull's Poems. Tr. and comm. by A. A. Foeth*. 2nd ed.]. St. Petersburg.
- Феть, А. А. 1899: *Стихотворения Катутлла въ переводъ и съ объясненіями А. А. Фета*. 2-е изд. СПб.
- Fordyce, C. J. 1978: *Catullus. A Comm. by C. J. Fordyce*. Oxford.
- Frolova, N. A., Abramson, M. G. 2001: *Rimskie monety v sobranii gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Katalog. Ch. I. Respublika [Roman Coins in the State Historical Museum in Moscow. Catalogue. Part I. Republic]*. Moscow.
- Фролова, Н. А., Абрамзон, М. Г. 2001: *Римские монеты в собрании государственного исторического музея. Каталог. Ч. I. Республика*. М.
- Garcea, A. 2012: *Caesar's De Analogia*. Oxford.
- Gasparov, M. L. 1972: *Mark Tulliy Tsitseron. Tri traktata ob oratorskom iskusstve*. Pod red. M. L. Gasparova [*Marcus Tullius Cicero. Three Treatises on Rhetoric*. Ed. by M. L. Gasparov]. Moscow.
- Гаспаров, М. Л. 1972: *Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве*. Под ред. М. Л. Гаспарова. М.
- Gatlin, A. J. 2002–2024: *CoinArchives.com*. Gardnerville, Statesville.
- Gimson, A. C. 1966: *An Introduction to the Pronunciation of English*. London.
- Glare, P. G. W. 1968–1982: *Oxford Latin Dictionary*. Oxford.
- Hellegouarc'h, J. 1982: *Velleius Paterculus. Histoire romaine*. T. 1. Texte établi et tr. par J. Hellegouarc'h. Paris.
- van den Hout, M. P. J. 1988: *M. Cornelii Frontonis epistulae schedis tam editis quam ineditis Edmundi Hauleri usus iterum edidit M. P. J. van den Hout*. Lipsiae.
- Karaseva, T. A. 2003: *Istoricheskaya fonetika latinskogo yazyka. Grammaticheskii kommentariy k latinskim tekstam VIII–I vekov do*

- n. e. [*Latin Historical Phonetics. Grammatical Commentary to Latin Texts of 8th–1st Centuries BC*]. Moscow.
- Карасёва, Т. А. 2003: *Историческая фонетика латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VIII–I веков до н. э.* М.
- Kazansky, N. N. 2022: *Problemy leksikologii latinskogo yazyka [Problems of Lexicology of Latin Language]*. Saint Petersburg.
- Казанский, Н. Н. 2022: *Проблемы лексикологии латинского языка*. СПб.
- Kholodnyak, I. I. 1884: [*Elogia Scipionum as an Example of Old Latin. Final Part*]. *Zhurnal Ministerstva Narodnago Prosvieshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education]* CCXXXII Mart [March], 26–65.
- Холоднякъ, И. И. 1884: *Elogia Scipionum, какъ матеріаль для изученія архаической латыни. Окончаніе. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* CCXXXII Мартъ, 26–65.
- Keil, H. 1880: *Grammatici Latini ex recensione H. Keil. Vol. VII. Scriptores de orthographia*. Lipsiae.
- Keil, H. 1923: *Grammatici Latini ex recensione H. Keil. Vol. V. Artium scriptores minores*. Lipsiae.
- Kiss, D. 2013/2017: *Catullus Online. An Online Repertory of Conjectures for Catullus*. München. [URL: <http://www.catullusonline.org/>]
- Kühner, R. 1912: *Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. I. Band. Elementar-, Formen- und Wortlehre*. 2. Auflage. Hannover.
- Kuznetsov, A. E. 2006: *Latinskaya metrika [Latin Metrics]*. Tula.
- Кузнецов, А. Е. 2006: *Латинская метрика*. Тула.
- Kuznetsov, A. E. 2015: De Asiatico et Asiageno, et obseruationes de compositis Latinis. In: *Ars docendi — iskusstvo nauchit'.* K 90-letiyu latinista N. A. Fedorova [*Ars docendi — Art of Teaching. Festschrift in Honour of the 90th Birthday of Latinist Nikolai Fedorov*]. Moscow: St. Tycho's Orthodox University Press, 164–180.
- Кузнецов, А. Е. 2015: De Asiatico et Asiageno, et obseruationes de compositis Latinis. В сб.: *Ars docendi — Искусство научить. К 90-летию латиниста Н. А. Фёдорова*. М.: изд-во ПСТГУ, 164–180.
- Leumann, M. 1977: *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München.
- LSJ — Lidell, H. G., Scott, R., Jones, H. S. 1940: *A Greek-English Lexicon*. Oxford. [URL: <https://logeion.uchicago.edu/>]
- Maltby, R. 1991: *A Lexicon of Ancient Latin Etymologies*. Leeds.
- Marshall, P. K. 1968: *A. Gellii noctes Atticae*. Recognouit breuique adnotatione critica instruxit P. K. Marshall. T. I. Libri I–X. Oxonii.
- Morel, W. 1963: *Fragmenta poetarum Latinorum epicorum et lyricorum praeter Ennium et Lucilium iterum edidit W. Morel*. Stutgardiae.
- Nemirovsky, A. I. 1983: [*Velleius Paterculus. Historia Romana. Book I. Tr. and Comm. by A. I. Nemirovsky (Moscow)*]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4 (166), 227–234.

- Немировский, А. И. 1983: Веллей Патеркул. Римская история. Книга I. Пер. и комм. А. И. Немировского (Москва). *Вестник древней истории* 4 (166), 227–234.
- Niedermann, M. 1949: *Istoricheskaya fonetika latinskogo yazyka*. Per. Ya. M. Borovskogo [*Outlines of Latin Phonetics*. Tr. by I. Borovskij]. Moscow.
- Нидерман, М. 1949: *Историческая фонетика латинского языка*. Пер. Я. М. Боровского. М.
- Panov, M. V. 1990: *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [*History of Pronunciation of Literary Russian in 18th–20th Centuries*]. Moscow.
- Панов, М. В. 1900: *История русского литературного произношения XVIII–XX вв.* М.
- RE — *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen herausgegeben von W. Kroll. XVI. Band, 31. Halbband. Molatzes–Myssi. Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag. 1933.
- Scatebranus Rutenus (qui et Solopov), A. 2002: De uocabuli, quod est «pulcher», origine et significatione principali deque eius adiectiui gradibus et aetatibus ad Michaelem GASPAROV Leonis f. Virum Clarissimum. *Colloquia classica et indogermanica* III, 235–252.
- Schulze, W. 1933: *Zur Geschichte lateinischer Eigennamen*. Berlin.
- Seelmann, E. 1885: *Die Aussprache des Latein nach physiologisch-historischen Grundsätzen*. Heilbronn.
- Smith, W. 1870: *Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology*. Vol. II. Boston.
- Sommer, F. 1902: *Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre: eine Einführung in das sprachwissenschaftliche Studium des Lateins*. Heidelberg.
- Sturtevant, E. H. 1917: *Linguistic change. An Introduction to the Historical Study of Language*. Chicago.
- Sturtevant, E. H. 1920: *The Pronunciation of Greek and Latin. The Sounds and Accents*. Chicago.
- Thilo, G. 1884. *Seruii grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii*. Vol. II. Aen. libr. VI–XII. Lipsiae.
- Thilo, G. 1887. *Seruii grammatici qui feruntur in Vergilii bucolica et georgica commentarii*. Vol. III. Fasc. I. Lipsiae.
- ThLL — *Thesaurus Linguae Latinae*. München. 1900–2019. [URL: <https://publikationen.badw.de/en/thesaurus>]
- Trofimov, A. A. 2022: [Latin reflexes of PIE long syllabic liquid sonants of type *CoRC* / *CuRC*]. *Acta Linguistica Petropolitana* XVIII 3, 206–254.
- Трофимов, А. А. 2022: Латинские рефлексy праиндоевропейских долгих слоговых плавных вида *CoRC* / *CuRC*. *Acta Linguistica Petropolitana* XVIII 3, 206–254.

- Tronsky, I. M. 1953: *Ocherki iz istorii latinskogo yazyka* [Essays on the History of Latin]. Moscow, Leningrad.
Тронский, И. М. 1953: *Очерки из истории латинского языка*. М., Л.
- Tronsky, I. M. 2001: *Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka. Obshcheindoevropеiskoe yazykovoe sostoyanie (voprosy rekonstruktсии)*. 2-e dop. izd. Posleslovie N. N. Kazanskogo i. A. I. Solopova / Отв. ред. N. N. Kazansky [Historical Grammar of Latin. Problems of Reconstruction of Common Indo-European. 2nd ed., suppl. Afterword by N. N. Kazansky and A. I. Solopov / Ed.-in-chief N. N. Kazansky]. Moscow.
Тронский, И. М. 2001: *Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции)*. 2-е доп. изд. Послесловие Н. Н. Казанского и А. И. Солопова. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. М.
- Tyzhov, A. Ya. 2007: *Avl Gelliy. Atticheskie nochi. Knigi I–X*. Per. s latinskogo pod obshch. red. A. Ya. Tyzhova [Aulus Gellius. Noctes Atticae. Books I–X. Tr. from Latin under gen. ed. by A. Tyzhov]. St. Petersburg.
Тыжов, А. Я. 2007: *Авл Геллий. Аттические ночи. Книги I–X*. Пер. с латинского под общ. ред. А. Я. Тыжова. СПб.
- dV — de Vaan, M. 2008: *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden, Boston.
- Westman, R. 1980: *M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Fasc. 5. Orator*. Edidit R. Westman. Lipsiae.
- WH — Walde, A. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. 3., neuarb. Aufl. von J. B. Hofmann. I. Band. A–L. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung. 1938. / WH^{II} — II. Band. M–Z. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag. 1954. / WH^R — Registerband zusammengestellt von E. Berger. Ibid. 1956.

К. Джункова
Карлов университет, Прага, Чехия. katarina.dzunkova@seznam.cz

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИОНЕРОВ В XIX в.

Статья посвящена избранным аспектам лингвистической мысли русских православных миссионеров, занимавшихся языками неславянских коренных народов Российской империи главным образом в XIX в. Миссионерские грамматики, словари и буквари создавались ради практической цели проповеди христианства среди так называемых инородцев и перевода церковных текстов на их языки. Рассматриваются грамматики, предназначенные для русских пользователей, в которых отразились как оценки соответствующих языков миссионерами, так и современные им лингвистические теории. Освещается интерес миссионеров к вопросам родства и происхождения языков. Особое внимание уделяется святителю Иннокентию (Вениаминову) и Н. И. Ильминскому.

Ключевые слова: миссионерская лингвистика, малые языки России, Российская империя, православные миссионеры, языковое родство, кириллический шрифт, св. Иннокентий (Вениаминов), Николай Ильминский.

Katarína Džunková
Charles University, Prague, Czech republic. katarina.dzunkova@seznam.cz

Linguistic thought of Russian Orthodox missionaries in the 19th century

Russian Orthodox missionaries began systematically researching the languages of the indigenous non-Russian peoples, known as “*inorodtsy*”, in the territory of the Russian Empire from around the end of the 18th century. In the 19th century, various missionary grammars, dictionaries, and primers were published. At the same time, missionaries often created alphabets for indigenous languages based on the Cyrillic alphabet. The article deals mainly with missionary grammars of various languages researched in the collections of the Russian National Library in St. Petersburg.

It appears that missionary grammars were primarily created for Russians, often to prepare future missionaries to spread the Gospel and translate Christian sacred texts into indigenous languages. Missionaries were frequently acquainted with contemporary linguistic theories, particularly regarding the classification and relatedness of languages. Especially St. Innocent (Veniaminov) was involved in the question of the origin and

diversity of North American languages. Some missionaries, in their introductions to grammars, described indigenous languages as primitive.

Special attention is given to the missionary and orientalist N. I. Ilminsky. Ilminsky emphasized the structure of language, which he believed facilitated the translation of the Holy Scriptures into languages of the same family without requiring complete mastery of the language. Ilminsky also focused on the religious significance of various alphabet systems. For nations that converted to Orthodox Christianity, he advocated for the use of only the Cyrillic alphabet, supplemented with additional characters.

Some missionary works reflected the requirements of state policy towards non-Russian peoples.

Key-words: missionary linguistics, languages of Russia, Russian Empire, Orthodox missionaries, language family, Cyrillic script, Innokenty Veniaminov, Nikolai Ilminsky

Миссионеры западных христианских конфессий Нового времени в ходе своей деятельности прежде всего в Америке и Азии добились ряда успехов в области лингвистики, составляя новые грамматические или лексикографические труды (см. грамматики типа «*arte de la lengua*» коренных языков Америки XVI–XVIII вв.). При этом они иногда указывали на родство между отдельными языками: например, хорватско-австрийский монах ордена босых кармелитов Паолин святого Варфоломея (1748–1806) создал учебник санскрита, отметив в нем родство санскрита с европейскими языками.

Если не считать св. Стефана Пермского (1340–1396), русские православные миссионеры стали обращать внимание на языки неславянских коренных народов Российской империи только в последней четверти XVIII в. Это было связано с изменением государственной и в дальнейшем церковной и языковой политики по отношению к «инородцам»¹. При этом миссионерская лингвистическая деятельность подчинялась конкретным задачам подготовки языковых пособий для новых миссионеров, выработки языковых норм для перевода церковных текстов на языки инородцев и, позднее, особенно со второй половины XIX в., повышения уровня грамотности инородческого населения,

---

¹ Слово *инородец* далее будет использоваться без кавычек в соответствии с узусом XIX в. В 1822 г. был издан «Устав об управлении инородцев», закрепивший понятие *инородец* в отношении нерусского населения Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии.

поначалу на родном, а затем на русском языке. Самым распространенным жанром миссионеров были буквари, однако они создавали также грамматики и словари соответствующих языков. Пособия часто возникали из чисто практической потребности семинаристов² в регионах, населенных инородцами, иногда же и в более организованном порядке, как, например, издания Православного миссионерского общества, действовавшего в 1865–1917 гг. В XIX в. русские миссионеры уже в основном опирались на современные им достижения ученых (востоковедов, лингвистов, этнографов); при этом они внесли и свой собственный вклад в науку. Так, православные миссионеры способствовали развитию татарской лексикографии: преподаватель Казанской духовной академии (КазДА) священник А. А. Троянский, автор грамматики татарского языка, в 1833–1835 гг. составил также двухтомный словарь татарского языка³.

В ходе нашего исследования мы использовали миссионерские издания и рукописи, хранящиеся в фондах Российской национальной библиотеки (Отдел национальных литератур, Рукописный отдел, Русский книжный фонд). Эти издания были отпечатаны в Синодальной типографии, в типографии Императорской Академии наук, в местных епархиальных или университетских типографиях, как и в других региональных типографиях. Сообразно своей цели миссионеры главным образом стремились перевести Священное Писание, катехизис, священную историю и церковные тексты (включая литургические), но поскольку христианская проповедь среди инородцев предполагала хорошее знание их языков, они составляли и собственные языковые пособия. Следует отметить, что христианским просвещением инородцев занимались не только священнослужители, но также миряне, связанные с церковными учебными заведениями: в их числе были, например, известный миссионер, востоковед Н. И. Ильминский (1822–1891), археолог и историк, автор «Грамматики зырянского языка» П. И. Савваитов (1815–

---

² Такова, например, рукописная «Зырянская грамматика», составленная учащимся Вологодской духовной семинарии Филиппом Козловым в 1808 г. (РНБ, Отдел рукописей, Q.XII.22).

³ Троянский А. Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских, собранный трудами и тщанием учителя татарского языка в Казанской семинарии, священника Александра Троянского: Т. 1–2. Казань: Унив. тип., 1833–1835.

1895) или востоковед, автор «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровников (1822–1865).

Для развития начального образования инородцев на родном языке⁴ были изданы многочисленные буквари, отражавшие представления миссионеров о фонетике данных языков, зачастую с учетом потребности введения для них русской графики с минимальным применением дополнительных знаков.

Мы изучали грамматики, словари и буквари, увидевшие свет в качестве самостоятельных изданий, и работы, вышедшие в составе других сочинений, такие как «Замечания об алеутском языке» Иннокентия (Вениаминова), изданные вместе с переводом катехизиса на алеутский язык в 1834 г. Миссионерские переводы церковных текстов, не содержащие информации о языке, остались за рамками нашего исследования. В данной статье мы сосредоточимся на избранных проблемах, выявленных во введениях к миссионерским грамматическим трудам, и на вопросе применения новых алфавитов.

Суммарно мы обнаружили миссионерские лингвистические работы, охватывающие 25 языков: алеутский, алтайский, бурятский, калмыцкий, карельский, киргизский⁵, коми (зырянский), мансийский, маньчжурский, марийский, мордовский, нанайский, ненецкий, нивхский, осетинский, саамский, селькупский, татарский, удмуртский, хантыйский, чувашский, чукотский, шорский, эвенкийский, якутский. При цитировании этих работ ниже орфография и пунктуация оригиналов приводится в соответствии с современной, однако некоторые устаревшие грамматические формы и особенности словоупотребления авторов будут сохранены.

Причины создания миссионерских грамматик

Миссионерские грамматики предназначались преимущественно для русских, которым по разным причинам требовалось изучить инородческие языки. Они не были адресованы носи-

---

⁴ После усвоения начатков грамотности на родном языке (с использованием кириллицы) осуществлялся переход к обучению на русском языке.

⁵ Необходимо учитывать, что миссионеры подразделяли языки соответственно классификации своего времени: например, под «киргизским» языком подразумевались тюркские языки на территории Туркестана.

телям языка: для последних печатались буквари как на родном, так и на русском и церковнославянском языках. Введения к грамматикам часто содержат рассуждения миссионеров об инородцах и их языках. Разумеется, изучение инородческих языков и просвещение их носителей было подчинено интересам государства, ожидавшего, что с принятием христианства инородческое население постепенно перейдет от кочевого к оседлому образу жизни. Так, преподаватель КазДА востоковед А. В. Попов, автор «Грамматики калмыцкого языка», писал, что народ калмыков следует «вывести из состояния полудикости, сблизить с гражданственностью», но для того, «чтобы вполне дать ему почувствовать отеческую заботливость благотворного нашего правительства, надобно прежде приготовить людей, которые бы знали язык их и умели вникнуть в нравы, обычаи и самое их вероучение» (Porov 1847: VIII).

Протоиерей А. М. Орлов в «Грамматике маньчжурского языка» выражал надежду на то, что благодаря его трудам «проповедники православия на берегах Амура могли бы с удобством приступить к своему подвигу» (Orlov 1873: V). Свое сочинение он снабдил посвящением «Во славу и пользу Православной Церкви Божией на Амуре». Орлов был также автором «Грамматики монголо-бурятского разговорного языка», вышедшей пятью годами позже с посвящением «Во славу Православной Церкви Божьей и в пользу Иркутской и Забайкальской Духовных миссий». В ней Орлов утверждал, что только христианизация может способствовать «моральному обновлению бурят» и подчинению их государству, но для того чтобы проповедовать бурятам, важно владеть их языком: «Смирные, смышленные и глубоко преданные белому русскому царю буряты год от году обрусевают и переходят — то из шаманского, то из ламайского суеверия своего — в христианскую православную веру. Однако кто же не согласится, что всеми желаемое моральное обновление бурят, как самая крепкая связь с политическим телом русского государства, достигалось бы с большею быстротою, если бы влияющие на них из вашей среды личности вооружены были знанием живого бурятского языка» (Orlov 1878: V).

Автор «Мордовской грамматики» мирянин П. П. Орнатов (1808–1840), языковед, выпускник Тамбовской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, впоследст-

вии преподаватель церковной истории и греческого языка, заботясь о церковном просвещении мордовского населения, предлагал приучить воспитанников семинарии к разговорному мордовскому языку, так как «мордва едва понимает русский язык, а в таком состоянии не может пользоваться благотворительными наставлениями своих пастырей, особенно таких, которые, не быв рождены и воспитаны в их селах, совершенно не знали языка их» (Ornatov 1838: IX). В этих целях Орнатов и создал свою грамматику, поскольку без грамматики, утверждал он, невозможно надлежащим образом перевести церковные тексты. При этом он критиковал мордовский катехизис 1806 г., изданный «без наблюдения грамматической правильности» (Ornatov 1838: X).

Автором первой печатной грамматики коми языка был преподаватель Вологодской духовной семинарии А. Ф. Флёров⁶. Во введении он сожалел об утрате древнепермской письменности, созданной св. Стефаном Пермским. Характеризуя коми-зырян, Флёров писал, что они отличаются особенной «крепостью сложения телесного», имеют «отличные душевные способности при достопримечательной честности нравов, достойной древних предков их и наших скифов, и не позволяющей удивляться с русским путешественником честности давно уже образованных швейцарцев, нам чуждых. Собственные наблюдения мои показали мне в зырянах особенную способность к математике, что некоторым образом подтверждает <...> в долговременных и отдаленных путешествиях употребление компаса» (Flyogov 1813: VII). Указывая на все эти качества, Флёров констатирует, что «племя зырянское не заслуживает быть погруженным в тот мрак» (*ibid.*), а путь к свету он видит в изучении коми языка, переводе церковных текстов и просвеще-

---

⁶ О сохраняющейся потребности грамматического описания коми языка свидетельствуют также работы другого выпускника и преподавателя Вологодской духовной семинарии, историка и археолога, члена-корреспондента Императорской Академии наук П. И. Савваитова «Объяснение книг Св. Писания», «Грамматика зырянского языка» и «Зыряно-русский и русско-зырянский словарь» 1850 г., за которые он получил Демидовскую премию. Савваитов принимает во внимание грамматику Флёрова, ссылаясь также на современные ему работы А. М. Шёгрена, М. А. Кастрена, Ф. И. Видемана и Х. Г. фон дер Габеленца.

нии народа: «я не находил иного способа передать им наши познания, как, по примеру просветителя их св. Стефана изучившись наперед языку их, потом нужнейшими переводами сообщать им оные и посредством сих переводов вводить между ними основательное знание языка нашего; а для удобнейшего успеха в сем употреблять азбуку нашу, и сия мысль особенно побуждала меня к составлению их грамматики» (Floyorov 1813: X). При этом Флёров считает, что коми язык «прост и в сравнении с языками народов образованных весьма недостаточен, тем не менее, однако, удовлетворителен для простых, честных, нероскошных и трудолюбивых зырян» (Floyorov 1813: XI–XII).

Следующим сочинением, созданным в среде духовных семинарий, является «Краткая грамматика калмыцкого языка», которую составил для студентов КазДА «бывший противобуддийский миссионер» и настоятель Кавказского миссионерского монастыря иеромонах Мефодий (Львовский). Не учитывая упомянутую выше «Граматику калмыцкого языка» А. В. Попова, он в предисловии утверждал, что «нет ни одной калмыцкой грамматики русской же транскрипции». Свою грамматику Мефодий адресовал как калмыкам, так и русским: «Поэтому мы решились восполнить сей пробел ради общего блага в деле просвещения калмыков, с одной стороны, а с другой — чтобы любознательным русским людям дать возможность познакомиться с особенностями калмыцкого языка. Ибо конструкция калмыцкой речи настолько своеобразна, что калмыцкий язык существенным образом отличается от русского» (Mefodij 1904: 3).

Среди миссионеров особенно выделяется известный священнослужитель и ученый Иннокентий (Вениаминов), первый епископ Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки, с 1868 г. митрополит Московский и Коломенский. Он сумел глубоко проникнуть в строй изучаемых языков, а также провел ряд блестящих естествоведческих исследований на территории Русской Америки, к которым его побуждали Ф. П. Литке и К. Т. Хлебников. Главным в деятельности Вениаминова было миссионерство, поэтому его первые печатные свидетельства о языке алеутов вышли в форме прибавления к изданию священной истории и катехизиса («Замечания об алеутском

языке», 1834⁷). Во введении автор объявил, что Бог благословил его на создание основ их письменности: «язык ваш беден в словах для выражения мысли высокой, потому мы принуждены были ввести некоторые новые для вас слова, хотя и собственные же ваши» (Veniaminov 1834: VI). При этом Вениаминов высоко оценил достоинства алеутского языка и богатство базовой лексики, отметив также наличие дохристианской религиозной терминологии. В языке алеутов много специфических слов для выражения понятий из области анатомии, ботаники, зоологии и географии: «есть названия каждому мысу, мыску, бухточке, углублению, речке, ручейку, камню...» (Veniaminov 1834: 5). Автор обращает внимание и на развитие алеутского языка: разговаривая с людьми старшего поколения, он фиксирует изменения в лексике после принятия христианства. Констатирует он и стилистическую дифференцированность бесписьменного языка: «поелику заметно и известно, что один алеут против другого об одном и том же предмете объясняется и лучше, и яснее, и пространнее (...), то видно, что в сем языке есть свои красоты — и следовательно, красноречие» (Veniaminov 1834: 6).

Сочинения Вениаминова подвергались лингвистической правке; некоторые переводы дополнил разночтениями из диалекта острова Атха священник-креол Я. Г. Нецветов (1804–1864). В то время Вениаминов уже работал над рукописью алеутской грамматики, названной им «Грамматические правила алеутско-лисьевского языка», за которую автор получил Демидовскую премию в области лингвистики и лексикографии за 1835 г. (IAN: 38). Об этом своем труде он писал Ф. П. Литке: «Ах! С каким нетерпением я ожидаю вестей о моей грамматике! Как и что было с нею — мою бедною и глупую дочкою? Удостоилась ли она принятия Академии?» (Veniaminov 1897: 28), добавляя: «Пять месяцев сряду я исключительно занимался проверкою моих алеутских переводов (...) после того как я

---

⁷ Первый перевод катехизиса на алеутский язык автор отправил на рассмотрение иркутскому епископу Михаилу (Бурдукову) еще в 1826 г., но поскольку издание катехизиса Филарета (Дроздова) с избранными текстами на русском языке, служившее основой для этого перевода, было в то время в Санкт-Петербурге изъято из обращения, Вениаминову пришлось дожидаться нового, исправленного издания 1827 г. (Bernackij, Mamlina 2022: 166).

составил грамматику и словарь, мне открылся новый свет в алеутском языке» (Veniaminov 1897: 32).

В новом издании алеутской грамматики 1846 г. Вениаминов так обосновывает свой замысел: «Составить грамматику такого языка, каков алеутско-лисьевский, я считал почти совершенно бесполезным трудом, потому что она не нужна ни для алеутов, которые и без грамматики могут сообщать друг другу свои мысли и которые, наверное, не в долгом времени совсем оставят язык свой, ни для иностранцев, из коих никто и никогда не вздумает учиться такому языку. Но видя, с каким рвением, с какою неутомимостью многие ученые стараются собирать всякого рода сведения и как для них любопытна даже малейшая в таком роде находка, я решился составить, если не полную грамматику, то, по крайней мере, изложить несколько правил грамматики алеутского языка, в том предположении, что они, может быть, будут пригодны кому-нибудь для некоторого соображения о происхождении сего языка и для исторических догадок» (Veniaminov 1846a: I). Подробно описывая алеутское население, Вениаминов считает, что «число говорящих ныне алеутским языком будет не более 2 200. Без сомнения, число их в лучшие времена было гораздо более, но, кажется, не было выше 25 000» (Veniaminov 1846a: III). Заинтересовали его также происхождение и родственные связи алеутского языка: «Не может быть, чтоб алеутский язык или ныне или когда-нибудь не имел сродного себе языка, и такого, который бы не был с ним сходен в названиях <...>, но до сих пор еще не известно наверное, от какого древнего языка происходит сей язык, совершенно отличный от живущих подле народов» (Veniaminov 1846: III). Вениаминов сожалел, что не сохранились стихотворные произведения народного творчества на алеутском языке, в которых были бы зафиксированы более древние формы, утертеранные в устной речи повествования. Наблюдение, что алеутский язык «не беден глаголами, которые очень обстоятельно и даже, по нынешнему употреблению языка в сравнении с русским языком, с излишком изменяются по временам и наклонениям», подвело Вениаминова к размышлениям об истории и функциональности таких форм. Система глагольных инфиксов — «вставных частиц» — настолько богата, что «никто из нынешних алеут и даже стариков не умеет дать отчета, для чего он употреблял некоторые частицы», кон-

статировал он, задаваясь вопросом: «таковые, необыкновенные в русском языке вставные частицы в глаголах, как в самой важной части речи, и также излишние изменения в спряжениях не могут ли быть поводом к догадкам, что или язык сей, начинающий теряться, некогда был в лучшем употреблении, или происходил от одного из древнейших и обильных языков? Потому что не может быть, чтобы многие вставные частицы, употребляемые ныне иногда без всякого разбора и нужды, выдуманы были для одного только звука» (Veniaminov 1846a: VIII–XIX). По всей вероятности, он придерживался теории эволюции языков как о порче с развитием от более сложных форм к более простым.

Развивая свои мысли в «Замечаниях о колошенском и кадьякском языках и отчасти о прочих российско-американских...», Вениаминов удивлялся раздробленности и малому числу носителей североамериканских языков: «почти каждый из североамериканских народов, не только сам по себе, но даже и несколько их вместе, не стоят названия народа по чрезвычайной малочисленности своей» (Veniaminov 1846b: 4). Этому факту, считал он, можно будет дать объяснение только тогда, когда «североамериканские языки будут исследованы все и надлежащим образом» (Veniaminov 1846b: 5). Таким образом, Вениаминов исходил не только из миссионерских целей, но и осознавал необходимость документирования исчезающих североамериканских языков: «Если бы я не был убежден в том, что лучше написать посредственно о том, что знаешь и чего не знают другие, нежели, зная, не написать совсем ничего, то я никогда бы не принял за такое дело, как составление грамматики языка дикого и который скоро совсем исчезнет, тем более что и самые познания мои в нем не совершенно достаточны для того, чтобы составить грамматику» (Veniaminov 1846a: XV).

После аляскинского опыта Вениаминов, будучи уже в сане архиепископа, учредил в Якутске в 1853 г. Комитет по переводу священных и богослужебных книг на якутский язык. Его председателем стал протоиерей Дмитрий Хитров, который с 1856 г. занимал пост ректора Якутской духовной семинарии и в 1868 г. был (под именем Дионисий) хиротонисан в сан епископа Якутского. За десять лет до этого он напечатал «Краткую грамматику якутского языка», поскольку «большая открылась

нужда как для самых якутов, так и для духовных лиц, поступающих на епархиальную службу из других губерний, нужда в простом общепонятном изложении начал якутского языка, или в составлении якутской грамматики» (Nitrov 1858: III). Как и другие миссионеры, Хитров оценивал плоды своих усилий очень скромно: «Нет сомнения, что труд мой далеко не соответствует тем требованиям, с каковыми он возложен на меня, и далеко не может удовлетворить той цели, которую Начальство имело в виду» (Nitrov 1858: III).

Также авторы «Грамматики алтайского языка» 1869 г. в «предуведомлении» объявляют, что она предназначена для русских читателей, причем «предмет, цель и направление настоящего труда определяются положением, точкой зрения, нуждами и видами составителей его, как членов Алтайской Миссии» (ADM: I). Исходя из их «нужд и видов», грамматика содержит русско-алтайский и алтайско-русский словарь. «Итак, главная цель этой грамматики — практическая, миссионерская, собственно научной цели мы не имеем в виду», — заключают авторы (ADM: VII). Подобно многим другим, они тоже выражают надежду, что, несмотря на недостатки, их труд «все-таки может составить некоторое пособие к изучению алтайского языка для начинающих миссионерскую деятельность, потому что, как знаем по собственному опыту, самому собирать все по слову, с начала, требует и много труда, и много времени».

Вероятно, последней миссионерской грамматикой в Российской империи явилась «Грамматика киргизского языка» священника, кандидата богословия В. В. Катаринского, изданная в Оренбурге после смерти автора и предназначенная «преимущественно для русских, имеющих почему-либо надобность изучить киргизский язык» (Katarinskij 1906: предисловие). Помимо этого Катаринский, настаивая на миссионерском, переводном методе обучения инородцев, перевел на «киргизский» язык ряд церковных текстов.

Теоретические основы лингвистического мышления миссионеров и идея языкового родства в их грамматиках

Миссионеры XIX в. опирались на современную им лингводидактическую литературу и учитывали новейшие достижения языкознания, зачастую используя сравнительно-исторический

метод. В их грамматиках приводились примеры из различных генетически родственных языков; появлялись также пособия одновременно на нескольких языках⁸.

Компаративный метод применяли авторы «Грамматики алтайского языка» из числа алтайских миссионеров (в особенности В. Вербицкий). В этой грамматике, написанной в сотрудничестве с Н. И. Ильминским, отмечались особенности алтайского в сравнении с другими тюркскими и монгольскими языками, причем принимались во внимание также диалекты. «Желая опираться на подлинные факты, мы старались исключительно приводить в примеры оригинальные тексты алтайских народных произведений», — писали авторы. С этой целью миссионеры обращались к собственным собраниям «телеутских и алтайских, отчасти кодомских народных произведений» и к сочинению этнографа-тюрколога акад. В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен». При разъяснении «внутреннего значения форм» авторам служил пособием труд монголоведа А. А. Бобровникова «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» (ADM 1869: VI–VII).

В. В. Катаринский во введении к своей «Грамматике киргизского языка» упоминает, что составил ее с опорой на вышеупомянутую «Грамматику алтайского языка» и работу Н. И. Ильминского «Материалы к изучению киргизского языка» 1869 г.

Автор «Краткой грамматики якутского языка» 1858 г. епископ Якутский Дионисий (Хитров) ссылался на работу востоковеда акад. О. Н. Бётлингга «Über die Sprache der Jakuten» (1848–1851).

Протоиерей А. М. Орлов, преподаватель монгольского языка в Иркутской духовной семинарии, стал создателем вышеупомянутой «Грамматики маньчжурского языка», напечатанной в типографии Императорской Академии наук в 1873 г. Заметив схождения между монгольским и маньчжурским языками, он пытался объяснить грамматические правила маньчжурского языка, исходя из известных ему монгольских грамматических

---

⁸ Например, финноугровед Г. С. Лыткин, историк, этнограф и переводчик Евангелия от Матфея на коми язык, в 1887 г. издал «Зырянско-вотско-русский букварь и сведения из грамматики церковнославянского и русского языка».

явлений, что привело его к некоторым ошибочным выводам (Vigasin, Hohlov, Shastitko: 329).

В 1827 г. на Островах Прибылова географ Ф. П. Литке передал миссионеру Иннокентию (Вениаминову), исследователю североамериканских языков, современные научные труды, в том числе лингвистические. Высоко оценивая языковой талант Вениаминова, как и способности, проявленные им в деле обращения алеутов в христианство, Литке писал: «От его трудолюбия можем мы ожидать со временем основательных сведений об Алеутских островах и их жителей» (Litke 1835: 83). Вениаминов, в частности, заметил родство между алеутским и аляутским языками, почерпнув сведения о последнем и о родстве его с гренландским языком из материалов французского ученого Адельберта фон Шамиссо, принимавшего участие в кругосветном плавании на бриге «Рюрик» под командованием О. Е. Коцебу.

В ходе изучения языков своей паствы, рассеянной на обширной территории, Вениаминов описал языки двух семей, эскимосско-алеутской и на-дене, обращая внимание на сходства и различия между ними. При установлении языкового родства он руководствовался исследованиями лингвиста Р. Раска.

После хиротонизации в сан епископа Камчатского, Курильского и Алеутского Вениаминов переехал с острова Уналаaska на остров Баранова, в Ново-Архангельск (с 1867 г. Ситка), находившийся на территории с тлингитским населением. Там он создал грамматику тлингитского и аляутского языков, в которой также поднимал вопросы родства и происхождения североамериканских языков. В российских колониях Америки, кроме поселения Форт-Росс в Калифорнии, где он тоже бывал в качестве священника, Вениаминов выделил шесть языков: уналашкинский, кадьякский, кенайский, якутатский, ситхинский и кайганский⁹. На отмеченное Вениаминовым типологическое расхождение между языками эскимосско-алеутской семьи и языками на-дене, связанное с отсутствием двойственного числа в последних, обратил внимание В. Гумбольдт в работе «Über den *Dualis*» (1827). Вениаминов сравнивал языки также по признаку противопоставленности притяжательного и неопреде-

---

⁹ Соотнесение классификации Вениаминова с современной см. в работе (Ivanov 1997: 15).

ленного падежей у имен и употребительности окончаний или префиксов и инфиксов у глаголов (Ivanov 1997: 16). Помимо этого исследователь заметил различие в системе счета, не зависящее от генетического родства языков. «Счет колошенский основанием имеет не десятиричное число, но пятерное» (Veniaminov 1846b: 8), причем к таким языкам он отнес и аляутский язык, в остальном по особенностям грамматического строя принадлежащий к эскимосско-алеутской семье.

В связи с таким разнообразием малочисленных североамериканских языков Вениаминов задавался следующими вопросами: «1) Отчего в Америке особенно много языков? 2) Точно ли все языки, коими говорят туземцы северо-западной Америки и которые нам кажутся разными, суть языки совершенно различные между собою или только наречия двух или по крайней мере немногих языков? 3) Ежели они различны, то какого корня или происхождения и проч., а ежели только наречия двух или нескольких языков, то почему они так раздробились? 4) Каждый народ или, сказать правильнее, народец, говорящий своим языком, непонятным его соседям и прочим народам, составляет ли отдельный народ своего происхождения? Или все они суть один и тот же народ, но только обстоятельствами разбитый на части? 5) Ежели каждый из них составляет отдельный народ, то откуда они пришли, и почему, живя в таком соседстве между собою, не смешались до сих пор, по крайней мере малочисленнейшие из них? А если все они суть один и тот же народ или двух-трех происхождений, то отчего у них такое различие в языках или, по крайней мере, в наречиях?» (Veniaminov 1846b: 4).

К проблемам родства языков обращался также другой выдающийся православный миссионер, востоковед, переводчик, педагог, член-корреспондент Императорской Академии наук Н. И. Ильминский, на которого, в отличие от Вениаминова, уже не распространилось влияние идей эпохи романтизма. После обучения в Казанской духовной академии и работы в переводческом комитете Ильминский по распоряжению Святейшего Синода был направлен в двухгодичную научную командировку на Ближний Восток (1853–1854). Тонкий знаток восточных культур, он владел древнееврейским, персидским, арабским, тюркскими, классическими и современными европейскими языками. Несомненно, он был знаком с современной классификацией языковых семей. Так, он писал:

«В науке языки, подобно растениям или животным, распределяются на семейства или классы. В числе этих семейств находится так называемое урало-алтайское, в котором заключаются (как виды в естественно-исторических родах) группы: тюркская (турецко-татарская) и финская. Языки черемисский и вотяцкий (мордовский также) относятся к финской группе; чувашский язык составляет, по-видимому, что-то среднее между финскими языками и турецко-татарским, приближаясь более к последнему...» (P'minskij 1875: 19).

В ходе миссионерской работы Ильминский рекомендует тщательно изучить структуру одного из многочисленных урало-алтайских языков, что впоследствии поможет в изучении других языков этой же семьи: «во всех этих языках, при разнообразии этимологических (морфологических) форм и отдельных слов, внутренний смысл и сущность этих форм почти совершенно одна и та же, даже значение слов, в отношении группировки понятий, иногда поразительно сходно; синтаксическое построение речи, т. е. состав предложений и т. п., тоже весьма сходно, так что буквальный перевод с одного языка на другой, не только в одной группе, но и в разных группах того же семейства, в общем будет понятен и удовлетворителен, за исключением только некоторых частных. Поэтому достаточно узнать основательно внутреннее устройство одного из многочисленных языков урало-алтайского семейства, чтобы иметь понятие о внутреннем устройстве и прочих языков того же семейства». В качестве примера он приводит тунгусский язык, о котором, на основе знания структуры татарского или марийского языков, можно судить, «что в нем нет родов, предлоги ставятся не пред именами, а после имен, прилагательные, стоя пред существительными, не изменяются ни в числе, ни в падеже и т. д.» (P'minskij 1871: 20).

Очень важным считал Ильминский знакомство именно со структурой языка, а не только с лексикой. Он отмечал, что практическое знание без теоретических основ, которое приобретается в результате постоянного контакта с местными жителями, недостаточно для переводческой работы: «При переводе (...) с русского языка на какой бы то ни было инородческий язык первое дело состоит в знании и наблюдении законов внутреннего устройства этого языка. Когда перевод в

этом отношении исправен, он будет непременно ясен и определен» (П'minskij 1871: 20).

Свое убеждение Ильминский подкреплял практикой. Не владея финно-угорскими языками, он тем не менее брался переводить с помощью носителя тексты на удмуртский язык. «Итак, начинаю: я диктую своему вотяку по-русски, словами простыми и определенными, предложениями краткими. Говорю одно предложение, он перелагает его на свой родной язык — я пишу. Я говорю по-русски другое предложение, он говорит по-вотяцки — я пишу, и так далее. (...) Сначала я настаиваю на ясности, на понятности; потом добиваюсь того, чтобы наше изложение было складно: как сами инородцы складно рассказывают что-нибудь им известное, пусть будет так же складно, правильно по языку и наше писание» (П'minskij 1871: 9–10). Новую лексику в переводах церковных текстов составляли в основном заимствования из русского (или церковнославянского, греческого либо древнееврейского языков) и словообразовательные кальки (Dolgova 2022: 164–165).

С переводов Ильминского на кряшенский татарский некоторые миссионеры переводили церковные тексты на другие языки. В качестве примера здесь может быть названа священная история на алтайском языке, изданная в 1879 г. в Казани. С татарского переводились также тексты на чувашский язык. Возникший таким образом чувашский перевод Евангелия от Матвея позже корректировал И. Я. Яковлев (П'minskij 1890: 51).

Ильминский разделял типичное для его времени убеждение в превосходстве русского языка над инородческими. Он писал, что «обороты инородческой речи — краткие, непериодические» и определяются мышлением «весьма простым, незатейливым, чуждым сложной силлогизации и обширных логических построений» (П'minskij 1871: 5–9). Это мнение Ильминского опроверг знаток монгольской и калмыцкой словесности А. М. Позднеев, возразив, что структура урало-алтайских языков, разъясняемая самим Ильминским, делает речь носителей не краткой, а напротив, чрезвычайно периодичной¹⁰.

---

¹⁰ «О языке народном в этом последнем случае, будь то у русских или у инородцев, нельзя думать как о языке бедном, недостаточном, незатейном, чуждом искусственности, отвлеченностей. Язык каждой народности представляет собой такую силу, перед которой должно

Аналогично Вениаминов, отдавая должное достоинствам алеутского языка, тем не менее, отмечал: «Хотя на алеутском языке можно объясняться довольно хорошо, ясно, удовлетворительно и даже красиво и говорить о вещах довольно отвлеченных, при всем том он так, как и всякой другой подобный ему язык, имеет свои недостатки. Не говоря о недостатках в выражениях или оборотах, которые вообще просты, часто детски и по большей части так тяжелы и холодны, как и сами алеуты...» (Veniaminov 1846a: IX).

Как Ильминский, так и Иннокентий Вениаминов сопоставляли исследуемые языки с русским по признаку наличия или отсутствия тех или иных грамматических категорий. Например, Вениаминову в алеутском языке недоставало отглагольных имен, важных для перевода церковных текстов, таких как «чтение», «молитва» (Veniaminov 1846a: X). Ильминский также упоминал о том, что в урало-алтайских языках «отглагольные имена действия» выражаются формой глагола (Il'minskij 1871: 24).

Вопросы употребления шрифта в миссионерских трудах

Поскольку лингвистические исследования миссионеров подчинялись в первую очередь практической цели христианской проповеди посредством печатных изданий на языках неславянских коренных народов России, вопрос об использовании алфавита и шрифта оказывался крайне важным. Первыми печатными миссионерскими грамматиками стали грамматики чувашского, удмуртского и марийского языков, изданные в 1769–1775 гг. под руководством епископа, митрополита Казанского и Свияжского Вениамина (Василия Григорьевича Пуцека-Григоровича). Они были напечатаны гражданским шрифтом с минимальными изменениями русской азбуки. Напротив, западные (почти исключительно протестантские) миссионеры, действовавшие на территориях с нерусским населением, в своих опытах по переводу христианских текстов на

преклониться слово всякого отвлеченного мыслителя» (Kul'ganek 2000: 111–131). А. П. Долгова допускает, что Ильминский, будучи знатоком многих языков, на самом деле «подразумевал разницу между книжной и устно-бытовой речью: сложную структуру и затейливость синтаксического строя первой, простоту и кажущуюся неразвитость — другой» (Dolgova 2022: 166).

языки соответствующих народов сохраняли существовавшую у них ранее письменность. Это наблюдается, например, лингвистическом наследии миссионеров-гернгутеров, проповедовавших среди калмыков в Сарепте под Царицыном, или в работах востоковеда Я. И. Шмидта.

Некоторые миссионерские издания на инородческих языках были напечатаны церковнославянским шрифтом. К ним относится, в частности, «Сокращенный катехизис, переведенный в пользу чуваш на чувашский язык для удобнейшего им уразумения православного христианского закона с присовокуплением некоторых молитв, символа веры и десятословия. В Казанской Академии, 1803 года апреля месяца». Использованный переводчиком, священником Е. И. Рожанским, церковнославянский алфавит не отвечал фонетической системе чувашского языка (Semyonova, Solov'eva 2013: 123).

Церковнославянским шрифтом был напечатан в 1846 г. в московской Синодальной типографии также «Алеутский букварь». Его автор Иннокентий (Вениаминов), однако, приспособил этот шрифт к фонетической системе алеутского языка путем добавления некоторых букв и надстрочных знаков. В 1858 г. в той же типографии по инициативе Вениаминова был напечатан церковнославянским шрифтом «Тунгусский букварь». В «Кратком катехизисе на русском и якутском языке», напечатанном в Синодальной типографии в Санкт-Петербурге в 1844 г., оба текста набраны церковнославянским шрифтом. Можно предполагать, что церковнославянский шрифт здесь был использован функционально, так как в «Краткой грамматике якутского языка» епископа Дионисия (Хитрова), изданной в 1858 г., все якутские примеры были напечатаны гражданским шрифтом. Употребление церковнославянского шрифта в якутских религиозных изданиях сохранялось до конца XIX в. Например, в 1883 г. в Казани этим шрифтом был напечатан перевод на якутский язык Божественной литургии св. Иоанна Златоуста.

В остальном тексты на инородческих языках печатались гражданским шрифтом. Так, первой печатной книгой на том же якутском языке был «Сокращенный катехизис для обучения юношества православному закону христианскому, переведенный на якутской язык, с приложением спереди таблицы для складов и чтения гражданской печати», изданный в 1819 г. про-

тоиереем Г. Я. Поповым без добавления каких-либо специальных знаков для передачи звуков якутского языка.

На формирование алфавитов инородческих языков оказала влияние книга «Букварь, краткая священная история, сокращенный катехизис и молитвы», изданная в 1862 г. Н. И. Ильминским, который дополнил русскую гражданку графемами Ä ä, Ö ö, Н н, Ў ў. Этот букварь стал образцом для создания букварей других языков.

Употребление того или иного шрифта представлялось Ильминскому исключительно важным для восприятия духовной культуры и мировоззрения конкретной религии. По его мнению, православная и мусульманская письменности должны были отличаться друг от друга также графически. В православных текстах должна была использоваться только кириллица, а в мусульманских — арабское письмо. Ильминский не допускал применения других шрифтов даже для народов с собственной развитой письменностью, считая кириллицу неотъемлемым проявлением православной культуры (P'minskij 1875: 28). Он был убежден в том, что письменность подразумевает и религиозную связь народов — так, латинский алфавит ассоциируется с западным христианством, арабский с исламом, древнееврейский с иудаизмом, а греческий — с греческим православием, ведь даже ассимилированные тюркоязычные греки в Османской империи записывали свои тексты, используя греческий алфавит. Кириллица же объединит татар *«не с родиной Магомета»*, а с Церковью-матерью, которая для них есть Церковь русская» (P'minskij 1875: 37). Помимо графики важен был и словарный состав языка, который следовало очистить от специфически мусульманской татарской лексики, как и от персидских и арабских заимствований, которые ассоциировались с исламом.

Ильминский предлагал использовать разработанный им татарский алфавит также для киргизского (казахского) языка, однако здесь он встретил противодействие генерал-губернатора Туркестана К. П. фон Кауфмана, который в 1865–1866 гг., занимал пост виленского генерал-губернатора, когда после восстания 1863 г. в Литве было запрещено печатать книги иначе, чем гражданским (т. е. кириллическим) шрифтом. Вследствие этого опыта он имел «патриотический взгляд на азбуку» (P'minskij 1883: 26) и считал, что для простоты усвоения государствен-

ного русского языка следует также в печатных изданиях Туркестана употреблять только русский гражданский шрифт без всяких изменений и дополнительных знаков, «ибо русская азбука вполне достаточна для выражения фонетики всех известных нам восточных наречий» (P'minskij 1883: 7).

Ильминский, как следует из его письма графу Д. А. Толстому от 25 мая 1876 г., приводил в качестве контраргумента тот факт, что «русская азбука, составленная приснопамятным философом, преподобным Кириллом, из греческого алфавита, имеет дополнительные буквы для славянских звуков, чуждых греческому языку. Точно так же коптский алфавит к греческим буквам прибавил несколько особых букв». В отличие от этого, по мнению Ильминского, на католическом Западе вводился латинский алфавит без всяких добавлений. Исключение составляют только славянские народы: «например, чехи сделали, по крайней мере, некоторые приспособления латинских букв к своему языку. Так, над свистящими буквами *c, s, z* они поставили рогульку для придания им шипящего звука: *č = русскому ч; š = ш, ž = ж*». Это дало Ильминскому основания для далеко идущих обобщений: «Православная церковь допускает значительную свободу в отношении внешностей, лишь бы сохранялись дух и истина веры; напротив, в рабстве духовном держит своих исповедников деспотическое латинство. Но и в его области славянская натура не могла вполне согнуться под гнетом католического деспотизма, и придумала некоторые, по крайней мере, приспособления к своему языку в латинских буквах, вместо громоздких немецких сочетаний нескольких букв для выражения одного звука». Соответственно, если «мудрые и святые православные первоучители славян, движимые духом христианской любви и снисходительности, допустили значительные прибавки к греческому алфавиту согласных букв, носовых гласных и полугласных», русские также должны по их примеру допустить изменения в русской азбуке, применяемой к языкам, отличающимся от русского «не только внутренним построением, но и звуковой системой», как это сделал еще св. Стефан Пермский (P'minskij 1883: 27–28). Мир католичества и ислама он упрекает в отсутствии толерантности: «совпадение папизма с магометанством в неуступчивости по приспособлению алфавитов и снисходительность православной греческой церкви объясняются в основе духом человечности последней» (P'minskij 1883: 35). Самому Ильминскому, по его словам, подобная снисходительность давалась не без труда: «в своем

алфавите для крещеных татар я не мог освободиться от несколько одностороннего русского чувства, не мог возвыситься до полной свободы древних составителей алфавитов преподобного Кирилла и святого Стефана Великопермского». Любопытно, что Ильминский, по-видимому, допускал, что по мере секуляризации общества религиозное значение алфавита перестанет быть актуальным, но делал из этого неожиданный вывод: «Настанет время, когда и русские, и инородцы, в силу стремления всадить в тех и других культуру Западной Европы, все более и более забывающей Бога и Христа, охладят ко всякой религии и вместо религии поставят на первом плане интересы общественные, государственные, вообще человеческие; тогда, быть может, татары и другие иноверцы охотно примут русскую азбуку» (Ш'minskij 1883: 39).

Как мы видели, труды русских миссионеров в области лингвистики представляют собой весьма интересный, до сих пор лишь частично исследованный материал. Основываясь на их работах, можно составить представление как о лингвистических концепциях, которых они придерживались, так и об оценке ими отдельных языков и народов, а также проследить, какое влияние оказывала на нее политика государства. При рассмотрении языков миссионеры XIX в. опирались на сравнительно-исторический метод и понятие генетического родства языков. Вместе с тем в их грамматиках и словарях встречались примеры далеко не только из родственных языков.

Среди русских миссионеров того времени особенно выделяются святитель Иннокентий (Вениаминов) и Н. И. Ильминский. Первый интересовался вопросами происхождения языков, а второй придавал особое значение структуре языков, постижение которой позволяет изучать на базе одного многие другие, родственные ему языки. Ильминский также выработал собственную переводческую систему и поднимал вопрос о связи алфавита с религией.

Литература

- Altai Spiritual Mission (ADM) 1869: *Grammatika altajskogo yazyka* [Grammar of the Altai language]. Kazan.
Алтайская духовная миссия (АДМ) 1869: *Грамматика алтайского языка / сост. членами алтайской миссии*. Казань.
- Bernackij, M. P., Mamlina, N. A. 2022: [History of the edition and peculiarities of the text of the second redaction of st. Philaret Drozdov's "Longer Christian Catechism" (1827)] *Filaretovskij al'manah* [Philaret's almanac] 18, 157–175.
Бернацкий, М. М., Мамлина, Н. А. 2022: История издания и особенности текста второй редакции 1827 г. «Пространного христианского катехизиса» святителя Филарета (Дроздова). *Филаретовский альманах* 18, 157–175.
- Dolgova, A. P. 2022: [On the question of N.I. Ilminsky's treatment of grammatical aspects of translation into "inorodets" languages] Gudarov, Y. V., Dolgova A. P. (eds.) *N.I. Il'minskij i etnokul'turnoe razvitie narodov Povolzh'ya : Materialy Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii, Cheboksary, 16 sentyabrya 2022 goda* [N.I. Ilminsky and ethno-cultural development of the peoples of the Volga region: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, 16 September 2022]. Cheboksary.
Долгова, А. П. 2022: К вопросу о трактовке Н.И. Ильминским грамматических аспектов перевода на «инородческие» языки. / Гусаров, Ю. В., Долгова, А. П. *Н.И. Ильминский и этнокультурное развитие народов Поволжья: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 16 сентября 2022 года*. Чебоксары:
- Flyorov, A. F. 1813: *Zyryanskaya grammatika* [Zyrian grammar]. Saint Petersburg.
Флеров, А. Ф. 1813: *Зырянская грамматика, изданная от Главного правления училищ / сочинил А. Флеров, коллеж. асессор, Ова любителей словесности, наук и художеств. член, Медицин. совета М-ва нар. просвещения корреспондент*. СПб.
- Hitrov, D. V. 1858: *Kratkaya grammatika yakutskogo yazyka* [Brief Grammar of the Yakut language]. Moscow.
Хитров, Д. В. 1858: *Краткая грамматика якутского языка / составленная Протоиереем Д. Хитровым*. М.
- Il'minskij, N. I. 1871: *Praktičeskie zamečaniya o perevodah i sochineniyah na inorodčeskih yazykah* [On the translation of Orthodox Christian books into foreign languages]. Kazan.
Ильминский, Н. И. 1871: *Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках*. Казань.

- Ильминский, Н. И. 1875: *O perevode pravoslavnyh hristianskih knig na inorodcheskie yazyki* [On the translation of Orthodox Christian books into foreign languages]. Kazan.
- Ильминский, Н. И. 1875: *O perevode pravoslavnyh hristianskih knig na inorodcheskie yazyki: Praktich. zamечания Н. Ильминского*. Казань.
- Ильминский, Н. И. 1883: *Iz perepiski po voprosu o primenenii russkogo alfavita k inorodcheskim yazykam* [Selections from the correspondence on the application of the Russian alphabet to inorodets (non-Slavic) languages]. Kazan.
- Ильминский Н. И. 1883: *Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам*. Казань.
- Ильминский, Н. И. 1890: [Towards the history of translations into inorodets (non-Slavic) languages] *Perepiska o chuvashskih izdaniyah Perevodcheskoj komissii*. [Correspondence about the Chuvash editions of the Translation Commission.]. Kazan.
- Ильминский, Н. И. 1890: К истории инородческих переводов. / *Переписка о чувашских изданиях Переводческой комиссии*. Казань.
- Imperatorskaya akademiya nauk (IAN) 1866: Prisuзhdenie uchrezhdennyh P. N. Demidovym nagrad. Tridcat'chetvertoe, i poslednee. 25.06.1865. Saint Petersburg.*
- Императорская академия наук (ИАН) 1866. Присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. Тридцатьчетвертое, и последнее. 25 июня 1865 года. СПб.*
- Ivanov, V. V. 1997: *The Russian Orthodox Church of Alaska and the Aleutian Islands and Its Relation to Native American Traditions--: An Attempt at a Multicultural Society, 1794–1912*. Library of Congress, Washington.
- Katarinskij, V. V. 1906: *Grammatika kirgizskogo yazyka : Fonetika, etimologiya i sintaksis* [Grammar of the Kyrgyz (Kazakh) Language: Phonetics, Etymology (Morphology) and Syntax]. Orenburg.
- Катаринский, В. В. 1906: *Грамматика киргизского языка: Фонетика, этимология и синтаксис*. Оренбург.
- Kul'ganek, I. V. 2000: [Unknown work of A. M. Pozdneev on the translation of the Holy Scriptures (From the Orientalists archives of the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences)] *Istoricheskij vestnik* [Historical bulletin] 7, 111–131.
- Кульганек, И. В. 2000: Неизвестная работа А. М. Позднеева о переводе Священного Писания (Из архива востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук). *Исторический вестник* 7, 111–131.
- Litke, F. P. 1835: *Puteshestvie vokrug sveta, sovershennoe po poveleniyu imperatora Nikolaya I na voennom shlyupe Senyavine v 1826, 1827, 1828 i 1829 godah, flota kapitanom Fedorom Litke: otdelenie more-*

- khodnoe s atlasom* [Voyage around the world, accomplished at the command of Emperor Nicholas I on the sloop Senyavin in 1826, 1827, 1828 and 1829, by fleet captain Fyodor Litke: navigational section with atlas.]. Saint Petersburg.
- Литке, Ф. П. 1835: *Путешествие вокруг света, совершенное по повелению императора Николая I на военном шлюпе Сенявине в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах, флота капитаном Федором Литке: отделение мореходное с атласом*. СПб.
- Mefodij (N. V. L'vovskij) 1904: *Kratkaya grammatika kalmyckogo yazyka* [Brief grammar of the Kalmyk language]. Kazan.
- Мефодий (Н. В. Львовский) 1904: *Краткая грамматика калмыцкого языка / сост. студентом Казанской духов. акад., бывшим противобуддийским миссионером среди калмыков Большедербетовского улуса и настоятелем Кавк. миссионер. монастыря иером*. Казань.
- Orlov, A. M. 1873: *Grammatika man'chzhurskogo yazyka* [Grammar of Manchu language]. Saint Petersburg.
- Орлов, А. М. 1873: *Грамматика маньчжурского языка, изложенная протоиереем А. Орловым, учителем монгольского языка в Иркутской духовной семинарии*. СПб.
- Orlov, A. M. 1878: *Grammatika mongolo-buryatskogo razgovornogo yazyka* [Grammar of Mongolian-Buryat spoken language]. Kazan.
- Орлов, А. М. 1878: *Грамматика монголо-бурятского разговорного языка, составленная протоиереем А. Орловым, преподавателем монгольского языка в Иркутской духовной семинарии*. Казань.
- Ornatov, P. P. 1838: *Mordovskaya grammatika* [Mordovian grammar]. Moscow.
- Орнатов, П. П. 1838: *Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы-мошки Тамбовской семинарии профессором, магистром Павлом Орнатовым*. М.
- Popov, A. V. 1847: *Grammatika kalmyckogo yazyka* [Grammar of Kalmyk language]. Kazan.
- Попов, А. В. 1847: *Грамматика калмыцкого языка, сочиненная Александром Поповым, ординарного профессора монгольского языка при Казанском университете...* Казань.
- Semyonova, P. A., Solov'eva, G. P. 2013: [Educational literature for Chuvash schools of the 19th-20th centuries] *Problemy sovremenno obrazovaniya* [Problems of modern education] 4, 121–142.
- Семенова, П. А., Соловьева, Г. П. 2013: *Учебная литература для чувашских школ XIX–XX вв. Проблемы современного образования* 4, 121–142.
- Veniaminov, I. E. 1834: *Nachatki hristianskogo ucheniya, ili Kratkaya svyashchennaya istoriya i Kratkij katekhizis. Per. svyashch. Ioann Veniaminov s pomoshch'yu Toena Ioanna Pan'kova 1830 goda v Unalashke. Zamechaniya ob aleutskom yazyke*. [The Beginnings of

Christian Doctrine, or A Brief Sacred History and a Brief Catechism. Translated by priest John Veniaminov with the help of toen John Pankov 1830 in Unalashka. Remarks on the Aleut language.] Saint Petersburg.

Вениаминов, И. Е. 1834: *Начатки христианского учения, или Краткая священная история и Краткий катехизис / Пер. свящ. Иоанн Вениаминов с помощью Тоэна Иоанна Панькова 1830 года в Уналашке. Замечания об алеутском языке.* СПб.

Veniaminov, I. E. 1846a: *Опыт grammatiki aleutsko-lis'evskogo yazyka [Explanation of the Grammar of Fox Island Aleut language]*. Saint Petersburg.

Вениаминов, И. Е. 1846: *Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка / [Соч.] свящ. И. Вениаминова, в Уналашке.* СПб.

Veniaminov, I. E. 1846b: *Zamechaniya o koloshenskom i kad'yakskom yazykah i otchasti o prochieh rossijsko-amerikanskikh, s prisovokupleniem rossijsko-koloshenskogo slovarya, sodержashchego bolee 1000 slov, iz koih na nekotorye sdelany poymasneniya [Remarks About the Koloshensky and Kodiak Languages and Partly About Other Russian-American with the Addition of a Russian-Koloshensky Dictionary, containing more than 1,000 words, some of which are explained.]* Saint Petersburg.

Вениаминов, И. Е. 1846b: *Замечания о колошенском и кадьякском языках и отчасти о прочих российско-американских, с присовокуплением российско-колошенского словаря, содержащего более 1000 слов, из коих на некоторые сделаны пояснения / Сост. Иван Вениаминов, в Ситхе.* СПб.

Veniaminov, I. E. 1897: *Pis'ma Innokentiya, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo.* Vol. 1. Barsukov, I. (ed.) [*Letters of Innokenty, Metropolitan of Moscow and Kolomna*]. Saint Petersburg.

Вениаминов, И. Е. 1897 *Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / Собр. Иваном Барсуковым, действ. чл. О-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те...* Кн.1. СПб.

Vigasin, A. A.; Hohlov, P. M.; Shastitko, P. M. (eds.) 1997: *Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX veka do 1917 goda [History of Russian Oriental Studies from the mid-19th century to 1917]*. Moscow.

Вигасин, А. А.; Хохлов А. Н.; Шаститко П. М. (eds.) 1997: *История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года.* М.

Ю. А. Дзиццоиты
Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Южная Осетия /
Центр скифо-аланских исследований ВНИЦ РАН, dzicc@mail.ru

А. И. Фалилеев
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
a.falileyev@gmail.com

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ОСЕТ. *QWAZ*, *QÆWAZ* | *ГÆWANZ* ‘ЛАНЬ’

В статье рассматриваются различные этимологические подходы, использованные в иранистике для изучения осет. *qwaz*, *qæwaz* | *γæwanz* ‘лань’. Слово имеет очевидные параллели в других иранских языках, напр., согд. *γ'wzn* ‘олень’ или ср.-перс. *gw'zn* ‘олень, лань’, ср. также авест. гапакс *gavasna-*. На основании существующих данных более, чем за век, были предложены формально сходные (а иногда и идентичные) реконструкции общеиранского этимона, которые значительно отличаются в деталях. Исследование нацелено на критическое изучение известных решений этой этимологической проблемы.

Ключевые слова: осетинский язык, иранистика, этимология, лексикология, индоевропеистика, история науки.

Yu. A. Dzitsoity
South Ossetian State University, Tskhinval, South Ossetia. dzicc@mal.ru

Alexander Falileyev
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. a.falileyev@gmail.com

A sketch on the history of analysis of Ossetic *qwaz*, *qæwaz* | *γæwanz* ‘doe’

The article considers various etymological approaches applied in Iranian studies to the analysis of Ossetic *qwaz*, *qæwaz* | *γæwanz* ‘doe’. It has apparent parallels in other Iranian languages as in Sogdian *γ'wzn* ‘deer’ or Middle Persian *gw'zn* ‘deer, doe’, cf. also the hapax *gavasna-* in Avesta. More than a century of research has offered a number of formally compatible — and sometimes identical — reconstructions of the underlying Common Iranian etymon. They may be quite different in details, however. These etymologies are critically evaluated in the paper in view of the current progress in Indo-Iranian and Indo-European studies.

Keywords: Ossetic, Iranian linguistics, etymology, lexicology, Indo-European, history of linguistics.

В осетинском языке представлены, как минимум, два названия самок животных, восходящих к общеиранским обозначени-

ям соответствующего вида: *(j)efs* | *æfsæ* ‘кобыла’ и *qwaz* | *ɣæwanz* ‘самка оленя; лань’. Первое из них, несомненно, является рефлексом общеиранского **aśuā-* ‘лошадь, конь’. Конечное *-æ* в дигорской форме свидетельствует о том, что древнеиранский этимон осет. слова имел исход на **-ā*, и соответствовал форме женского рода указанной основы — **aśuā-* (Chung 2008: 275). Название мужской особи данного животного (*bæx*) имеет в осетинском, как и во многих других иранских языках (ЭСИЯ I: 246), вторичное происхождение. Приблизительно такую же картину можно было бы предположить и для осет. слова, означающего ‘самку оленя’, ‘лань’: иронск. *qwaz*, *qæwaz*, дигорск. *ɣæwanz*. Видимые различия между приведенными формами легко объясняются. Соотношение начальных согласных закономерно: иронскому увулярному смычному *q-* в дигорском обычно отвечает спирант *ɣ-*, вместе с которым восходит к древнеиранскому **g-*. Форма *qwaz* возникла из более полной формы *qæwaz* в результате синкопы (ср. ирон. *qwag* ‘недостающий’ при дигор. *ɣæwag* ‘id.’ из *qæwun* | *ɣæwun* ‘быть нужным’, ИЭСОЯ II: 319). Любопытно отметить, что В. Ф. Миллер (см. ниже) зафиксировал для иронского форму *qvazn* (= *qwazn*), что свидетельствует о наличии носового сегмента и в этом диалекте еще в конце XIX века. В дигорской форме *ɣæwanz* этот сегмент подвергся метатезе, как в слове *az* | *anz* ‘год’ из др.-иран. **aznam* (Chung 2008: 217–8). В иронском же произошло либо выпадение сегмента *-n-* (что маловероятно), либо его ассимиляция с последующим сонантом (**zn > *zz*) и опрощение **zz > z*, ср. по поводу *-nz* уже Miller 1903: 36–7. Иранское происхождение осетинского *qwaz* | *ɣæwanz* не вызывает сомнений, но остается ряд нерешенных вопросов, связанных с реконструкцией точного этимона, а также словообразования и исходного значения. Разбору этих вопросов и посвящено настоящее исследование.

Осет. *qwaz*, *qæwaz* | *ɣæwanz* ‘лань’

В научный обиход осетинское слово ввел, по-видимому, В. Ф. Миллер, который приводит его как *qvazn* и *ɣävanz*; он отмечает, что «к сожалению, эти слова этимологически темны» (Miller 1903: 36). Впервые, насколько нам известно, этимология обозначения лани в осетинском появляется в 1924 г. в работе

шведского исследователя Ярла Шарпантье (1884–1935). Она приводится — помимо прочего — при анализе согд. *y'wzn* ‘олень’, которое, согласно упсальскому ориенталисту, необходимо рассматривать вместе с осетинскими формами и совр. перс. *gavaz*, *gavazn* (и соотв. заимствованием в пушту), (Charpentier 1924: 30). С тех пор осет. *qwaz*, *qæwaz* | *ɣæwanz* оказалось в кругу слов, означающих оленя *vel sim.* в разных иранских языках, который постепенно в течение двадцатого века расширялся, ср. ср.-перс. *gw'zn* ‘олень, лань’, хорезм. *ɣwz(y)n* ‘олень’, *ɣwzn'n* ‘лань’, хот. *ggūysna-* ‘олень’ и т. д., см. ЭСИЯ III: 207–208; Sadovsky 2017: 574. Работа над этой группой слов позволила установить значение авест. *gavasna-* в десятом яште Авесты (Gershevitch 1959: 136, в форме ед.ч. род. п. *gavasnahe*). Ранее было ясно, что речь идет о каком-то звере, и Г. Бейли, сопоставив его с указанными совр. перс., хотанск., согдийск. и осетинск. формами, предположил¹, что речь идет об ‘олене’. Эта семантическая интерпретация широко принята в иранистике, см., напр., Sadovsky 2017: 574, но ср. ЭСИЯ III: 207.

Если аналогия с историей слова (*j)efs* | *æfsæ* верна, то для осет. *qwaz* / *ɣæwanz* следовало бы также реконструировать праформу с исходом **-ā* и со значением ‘самка оленя, олениха’. Однако её не предполагает ни одна из форм, засвидетельствованных в иранских языках. Хорезм. *ɣwzn'n* ж.р. ‘олениха’ (при *ɣwz(y)n* ‘олень’ (ЭСИЯ III: 208)) имеет другое словообразование², а заимствованное из персидского пушт. *gāvāz* ‘олень’ образует *gāvāza* ‘лань’ по известной модели на собственно афганской почве, ср. пушт. *shāgərd* ‘студент’ и *shāgərd-a* ‘студентка’; о дискуссии по поводу классификации заимствований в пуштунском см. кратко: Kalinina 1972: 119–121. Такому предположению мешает также отсутствие в дигорской форме конечного *-æ*. Представляет трудности и определение первоначального значения осетинского слова, которое Дж. Чёнг пытался объяснить так: «[с]транно, что *qwaz* употребляется исключительно в отношении самки оленя, тогда как для обозначения оленя-самца используется *sag*. Они могли изначально

¹ Bailey 1933: 69, так Gershevitch 1959: 280, однако см. уже Benveniste 1925: 21.

² Cf. «a few feminines are derived by the formant *-ān*, *gawazn-* (*ywzn*) ‘stag’ > *gawazn-ān* (*ywzn-'n*) ‘hind’» (Durkin-Meisterernst 2010: 345).

обозначать два разных вида оленей: прежде знакомого иран. **gaiazna-* и недавнего (кавказского?) *sag* ‘*Cervus elaphus*’ <...> Этот вид оленя имеет более величественную осанку и более крупные рога, что привело впоследствии к его осмыслению как самца по отношению к *qwaz* и, в конечном счете, стало использоваться для обозначения оленя как вида” (Chung 2008: 302, прим.). Исходя из этого осет. *qwaz* | *ɣæwanz* первоначально могло означать ‘олень’, на что указывает и В. И. Абаев (ИЭСОЯ II, 320).

Однако в языке осетинского фольклора, где собственно говоря, чаще всего и встречается это слово, мы ни разу не находим значения ‘олень’. Ср., помимо примеров, приведенных в (ИЭСОЯ II, 319–20), еще и следующие описания в Нартовском эпосе: *qwaz* | *ɣæwanz* — жвачное животное, которое доят (НК VI: 34) и молоко которого имеет целебные свойства (НК V: 370–71); являясь дочерью солнца, *qwaz* является герою в образе «самки оленя / лани», оборачиваясь в нужный момент писаной красавицей (НК II: 580–583, 645–646). В то же время герои эпоса охотятся на это животное (НК I: 57, 95–96; НК III: 468). Очень важны также толкования к этому зоониму, ставшему уже в конце XIX — начале XX вв. архаизмом. Обычно его объясняют как «сыл саг; сæгуыт» (НК VII: 459), т. е. ‘самка оленя; лань’, «хъуг (сыл) саг» (НК 1946: 386), т. е. ‘корова (самка) оленя’. У одного из фольклористов находим интерпретацию «дзуаргонд сыл саг» (НТХ: 241), т. е. ‘священная самка оленя’, где *дзуаргонд* ‘священный’ — неологизм толкователя. Таким образом, ни в текстах, ни в глоссах к интересующему нас слову нет даже намека на значение ‘олень’. Как же в таком случае объяснить сдвиг значения осетинского *qwaz* | *ɣæwanz*? Очевидно, дело не в семантических преобразованиях на собственно осетинской почве. Напомним, что для праиранского этимона реконструируют два значения: ‘олень’ и ‘лань’, так, в частности, (ЭСИЯ III: 207). Второе значение и могло быть унаследовано в древнеосетинском, дополненное впоследствии также и значением ‘самка оленя’.

Подходы к изучению общеиранского слова

Хотя имеются и попытки объяснить эту всю группу слов как заимствованную (South Central Asian substrate, ср. Witzel

2003: 1–10) исходя из субстратного суффикса *-na-*, так Witzel 2015: 153 и 183, где приводится **gavas-na > gauwasna*, большинство исследователей видит в нем иранское слово. Существует несколько подходов к изучению предыстории иранского **gauāzna-* vel sim. Так, Г. Бейли видел здесь продолжение иранск. **gau-*: *gu-* ‘желтый’ в увязке с хотано-сакским *gvā-* ‘желтый, зеленый’ (Bailey 1979: 87). Конечно, окрас животного мог быть использован в качестве семантического обоснования, о чем свидетельствует достаточно много факторов. Животное получает название по цвету шерсти, ср. осет. *bur* ‘желтый’ (из праиран. **baura-*, ЭСИЯ II: 152), которая этимологически соответствует курд. *bōr(a)* ‘лошадь или собака бурой масти’, и подобных параллелей можно привести немало, ср. Edelman 2009: 144–5 или Dzizzoity, Falileev 2023: 105 и 111. Это прослеживается и по собственно этимологическим построениям (см. и ЭССЯ II: 194), ср., к примеру, предысторию русск. *олень* и *лань*: слова родственны не только др.-лит. *elenis*, лит. *ėlnis*, *álnis* ‘олень, лось’ или греч. ἔλαφος ‘олень’, но и д.-в.-н. *ēlo* ‘бурый, желтый’. Примечательно, что недавно К. Витчак объяснил глоссу ἀραγίς · ἔλαφος в словаре Гесихия как скифскую в увязке с этой группой слов (Witzak 2023: 96–8). Однако предложенная Бейли этимология была существенно раскритикована, см. ЭСИЯ III: 208 и 246; более того, само х.-сакс. слово *gvā-*, как показал Р. Эммерик (Studies II: 38–9), не означает это понятие и имеет другую предысторию, см. далее Rossi 2007.

Самая же популярная, пожалуй, этимология видит в этой группе слов продолжение иранск. **gau-*: *gāu-*: *gu-* ‘бык, корова’ < и.-е. **g^hou-* (ЭСИЯ III: 205–7), давшее и осет. *qug* | *γog* ‘корова’ (ИЭСОЯ II: 312). Именно это иранское слово было в свое время принято в качестве отправной точки многими исследователями (ср. уже Bartholomae 1911: 255, Charpentier 1924: 30), и современные реконструкции общеиранского слова сопоставимы, ср. **gauazna-* в Bailey 1946: 768 и Witzak 2023: 97, **gav-āzna-*, **gava-zna-* (Schwartz 1985: 645), **gauazna* (Chung 2008: 302) или **gauadzna-* (Sadovsky 2017: 574), без дальнейших пояснений. К формально сходному иранск. **gau-āzna-* или **gau-asna-* возводятся эти слова и в ЭСИЯ III: 207, где, однако, даются и попытки толкования праформы; ср. Edelman 2009: 137, где также приводится реконструкция **gauāsna-*. При том, что название животного традиционно возводят к слову со зна-

чением ‘бык, корова’, а приводимые реконструкции вполне сопоставимы формально, стратегии же разъяснения праформы могут быть различными. Так, Ярл Шарпантье попытался увидеть здесь симплекс, восходящий к и.-е. **g^uou-ŋ-ĝ^h-no-*, собственно ‘kleiner Stier, kleine Kuh’ (Charpentier 1924: 30–4). В качестве параллели для объяснения *n*-основы исследователь приводит славянск. **gov-ę-do-* (ц.-сл. говадо ‘бык’ и т. д.); о сходном возможном ремоделировании в индо-иранском см. недавно Nikolaev 2021: 148–54. Эта этимология Шарпантье, по понятным причинам, не стала популярной; о суффиксе **-ęd-o-* в слав. **govędo-* см. ЭССЯ 7: 74–5. Добавим, что теоретически можно представить, что оно может восходить и к иранск. **⁹gau-: gū-* ‘звать, взывать, кричать’ звуко-символического происхождения, давшее в язгулямском языке название *осы*, а в др.-инд. — *совы*, см. ЭСИЯ III: 231.

Чаще же всего иранское слово рассматривалось как композит, и касательно интерпретации финальной его составляющей было предложено несколько объяснений. Так, во второй составляющей композита рассматривались рефлексы иранск. глагола **ah- : as- : az* ‘быть, существовать’ (ЭСИЯ I: 87–94) и **až-* ‘гнать’ (ЭСИЯ I: 288–91, ср. **gau-āža-* ‘палка, которой погоняют скот’, ЭСИЯ III: 209), см. (ЭСИЯ III: 207). Подобный анализ не представляется особенно убедительным. С другой стороны, Х. Бартоломе (Bartholomae 1911: 255) увидел в ней существительное, восходящее к иранск. **aža-* ‘коза, козел’ (о котором см. ЭСИЯ I: 292–3, ср. Sadovsky 2017: 574, где приводится реконструкция **adza-*), собственно ‘Rinderziege’ Это предложение получило признание части иранистов (ср. оценку некоторых сторон этой этимологии — прежде всего — семасиологической — в Charpentier 1924: 31), тем более, что подобные композиты издавна реконструируются для иранского, напр. **gau-maiša-* ‘буйвол’, собственно ‘бык’ & ‘баран’, давший, помимо прочего, ср.-перс. *gāwmēs* и кл. перс. *gāvmēš* ‘id.’ (ЭСИЯ III: 208)³, об иранск. **maiša-* ‘баран’ см. ЭСИЯ V: 149–50.

---

³ Опосредовано заимствовано в цыганский, где слово стало обозначать коня, см. Voretzky 2012: 225. ЭСИЯ III: 207–15 приводит значительное количество и других композитов с этим компонентом. По поводу **gau-maiža-* в авест. *gao-maeza-* ‘коровья моча’ см. комментарий в Dybo 2010: 293–4. Ср. также Edelman 2009: 46.

Действительно, некоторое сходства лани с козой позволяют многим культурам использовать одно и то же слово для их номинации, ср. серб.-хорв. стар. *kòшут* (м. р.) ‘олень’, *kòшута* (ж. р.) ‘лань’, (диал.) ‘корова, коза’ и др. примеры из славянских языков в ЭССЯ 11: 193, или рефлексы слав. **kozul'a* в значениях ‘самка дикой козы’, ‘маленькая корова’ и ‘лось’ ЭССЯ 12: 26. Ср. также ср.-перс. *xar-buz* ‘газель’, собств. ‘осел-коза’ (ЭСКЯ II: 451, или даже ‘большая коза’, см. Dzitstsoyty 2017: 224–6; вопрос предыстории первого компонента — ср. гипотезу о его заимствовании, высказанную в Witzel 2015: 163–4 — в данном случае не важен).

Собственно, именно исходя из реконструкции композита ‘корова’ & ‘коза’ В. И. Абаев (ИЭСОЯ II, 320) и подошел к анализу осет. *q̄waz*, *q̄awaz* | *ɣæwanz*. Впрочем, уже давно отмечалось (ср. Charpentier 1924: 31), что иранск. **aža-* не является единственным этимологом, давшим лексему ‘козел’ в иранских языках — с ним соперничает **būža-* ‘id.’, см. ЭСИЯ II: 191–2 и особенно — Asatrian, в печати, s.v. 𐬀𐬎 [buz/boz] n. ‘goat; she-goat’. Более того, именно эта праформа дала самое распространенное название животного в иранских языках, см. Sadovsky 2017: 574; ср. также Edelman 2009: 47 и 137. Понятно, однако, что ограниченное распространение рефлексов иранск. **aža-* не может быть рассмотрено как серьезное возражение для предложенной этимологии. Более же существенные возражения вызывают формальные аспекты. Так, В. И. Абаев (ИЭСОЯ II, 320) интерпретирует все эти иранские слова, включая осетинские, как восходящие к **gav-az-na-*, что вызвало нарекания исследователей. Как отмечено в (ЭСИЯ III: 207), «тогда неясен суф. **-na-*; кроме того, сочетание **žn-* должно было дать в большинстве иранских языков, начиная с авестийского, кроме осетинского, рефлекс **žn* или **šn*, чего не наблюдается». Конечно, можно вспомнить и о том, что имеется попытка объяснения *zn* в совр. перс. *gavazn* заимствованием из северо-западного или восточного иранского (Cathcart 2022: 8), однако этим предположением все вопросы, связанные с предложенной этимологией, не решаются. Более того, как отметила А. В. Дыбо (2010: 292) касательно этого фрагмента *Этимологического словаря иранских языков*, «так и остается неясным, считают ли авторы, что это действительно может быть производное на *-na* от сложения с **aža-* ‘коза’, как предполагал В. И. Абаев?». Также не вполне

понятно, что имеется ввиду в статье *¹*až-* ‘гнать, погонять; вести’, в конце которой мы читаем «о возможных этимологиях перс. *gavazn* ‘олень’ (связи его с данным корнем или названием камня) см. в статье **gau-*» (ЭСИЯ I: 291): упоминания камня вызывает здесь некоторые вопросы.

Иную интерпретацию этого композита предложил Г. С. Асатрян, который возвел вторую его часть к иранск. **žana-* (< **ǵónh₁-*) ‘race, kind, sort, nature; tribe’, с общим значением ‘sort of cow, cow-like, cattle-like, having bovine nature’. В таком случае составное слово отлично вписывается в целый ряд древнеиранских композитов (ср. авест. *sruuō-zana-*, др. перс. *vispa-zana-* (скт. *viśva-janā-*), *paru-zana-*, и т. д.), так Asatryan, в печати, s.v. وزن گ [gavazn] n. ‘deer, stag, doe, cervus’. Как представляется, этот подход является весьма перспективным. Поскольку мы ознакомились с содержанием этой словарной статьи — благодаря любезности автора словаря — в еще не окончательном виде, мы воздержимся от любых комментариев по поводу деталей предложенного подхода и вернемся к ставшей уже традиционной этимологии этого сложного слова⁴.

Опыт реабилитации подхода В. И. Абаева

Мы хотели бы обратить внимание на то, что олени, лани и другие копытные животные играли огромную роль в традиционной идеологии иранских народов. Они были сакральными и культовыми животными в иранской и собственно осетинской традиции (см. выше, а также: Raevsky 1985: 111–16, 120, 224 для скифской и иранской традиции, и ср. ЭССЯ 11: 194–5 со славянскими данными). Поэтому их названия вполне закономерно подвергались табу. Именно этим объясняется отсутствие в современном осетинском языке этого слова в значении ‘олень’ — на каком-то этапе развития скифо-сарматских наречий оно попало под табу и было заменено словом **sāka-*, букв. ‘сохатый’, совр. осет. *sag*. Ср. еще осетинское *sadžu qug* ‘оле-

---

⁴ Отметим лишь, что схожее толкование этимона (‘of the bovine kind, akin to the bovine’) было предложено М. Шварцем. Впрочем, исследователь в этом случае основывается исключительно на совр. персидских семантических параллелях и никак не интерпретирует вторую часть реконструкции, которую он приводит как **gav-āzna-* (или **gava-zna-*). См. Schwartz 1985: 645–6.

ниха', букв. 'оленья корова', где *qig* 'корова' восходит к указанному выше **gau-*. Но и слово *sag* впоследствии было табуировано в охотничьем языке, в котором оно «заменяется субститутом *sion*, что, между прочим, является полным синонимом табуированного слова, т. е. означает то же, что и арийск. *saka 'рогатый'; иными словами, на скифо-осетинской почве название оленя дважды подверглось табуированию, и оба раза субституция шла по одному и тому же пути» (Gusalov 1987: 79). Табу приводили не только к заменам на лексическом уровне⁵, но и к фонетическим деформациям (см. Edelman 2009: 248–9), а иногда и к «запаздыванию» фонетических процессов: ср. осет. *qæwaz* наряду с *qwaz*. Неудивительно поэтому, что в рефлексх иранского **gauzaźna-* vel *sim.* в различных иранских языках не сработали некоторые ожидаемые фонетические изменения.

Исходя из этих соображений можно отметить, что возможность возведения этих слов, включая осет. *qwaz*, *qæwaz* | *ɣæwanz*, к общеиранской праформе в этой модели — и без обращения к субстрату как к источнику непосредственного заимствования этой лексемы — все-таки имеется. Хотя имеются некоторые сложности в точном определении функции назального суффикса, сам факт наличия *-na* в (индо-)иранских деривациях не вызывает сомнений (ср. недавно Lubotsky 2022), и этот вопрос, в принципе, решаем, см. следующий раздел. Отмеченный же Д. И. Эдельман и В. С. Расторгуевой неожиданный рефлекс **źn-* можно объяснить фонетической деформацией, вызванной табуированием названия оленя. Кроме примеров подобных деформаций, рассмотренных в (Edelman 2009: 248–9), также в этой связи следует упомянуть, что при анализе продолжений общеиранск. культового термина с формально подобной структурой **iaź-na-* 'поклонение (божеству), жертвоприношение' в (ЭСИЯ IV: 121–2) отмечают не только различные отражения группы по разным группам иранских языков, но и возможные перебои «при заимствованиях и иноязычной передаче». Более того, если исходить из понимания праформы как композита с первым компонентом, продолжающим иранск. **gau-*: *gāu-*: *gu-* 'бык, корова', и вторым, содержащим некоторое производное иранского слова, означающего 'козу, козла' (**aźa-* vel *sim.*), то

⁵ Для названий собственно животных в осетинском языке см. в этой связи Gusalov 1987; Falileev 2021, Dzitstsoity, Falilejev, в печати.

последнее составляющее само по себе показывает некоторые нерегулярности в отражении ауслauta. Так, в ЭСИЯ I: 292–3 помимо ожидаемых форм приводятся ср.-перс. *az, azak* ‘коза, козел’, кл. перс. *azg* ‘id.’ и высказывается предположение, что «все эти юго-западные формы с *z* из **ž-*, по-видимому, заимствованы из северно-западных источников или источника»; ср. также ономатопоэтическое объяснение ауслauta ряда иранск. форм, восходящих к **būža-*, в Asatrian, в печати, s.v. ɤ [buz/boz] n. ‘goat; she-goat’. Нерегулярен его рефлекс и в осетинском, где эта праформа отразилась в виде *boz* ‘козел’ при ожидаемом **buz | *boz*. Самих же «ожидаемых» форм — за исключением производных — в *Этимологическом словаре иранских языков* мы находим удивительно мало — абдуи *aza* и авест. *aza-* ‘козел’ в *azō sčāēniš* ‘козленок’ (var. *sačāiniš, sačiniš*, см. анализ в Hoffmann 1967: 29f. и далее Gershevitch 1971: 267–69), что уже было отмечено, ср. Edelman 2009: 137. К этим примерам можно добавить скифо-сарматское **aza-* ‘коза’, реконструированное на ономастическом материале (Andronikashvili 1966: 131), но тут мы имеем дело с собственно реконструкцией, а не с реально зафиксированной лексемой. Попутно можно отметить, что часто приводимое во многих словарях и исследованиях (напр., ЭСИЯ I: 292 или Sadvovskiy 2017: 574) перс. *azg* является ghost-word, см. Asatrian, в печати, s.v. ɤ [buz/boz] n. ‘goat; she-goat’. Этимология же многих производных, особенно означающих шкуру или шерсть, может быть и иной; см. также ЭСИЯ I: 145–6 s.v. *²*aiž-*.

Впрочем, в наличии этого слова, означающего ‘козу, козла’ в иранском, не приходится сомневаться. Кроме хотя бы рудиментарной, но все-таки аттестации его в нескольких иранских языках, существование точного соответствия в вед. *ajá-* ‘козел’ и заимствования его общеиранской праформы в тохарский (см. Kümmel 2017: 278 сн. 5) свидетельствуют в пользу этого. На ее происхождение, однако, были высказаны различные взгляды. Традиционно — в том числе, и в увязке с лит. *ožys* ‘id.’ — в ней видят слово индоевропейского происхождения, см. ЭСИЯ I: 292 с библиографией, ср. также Chomičenkienė, Maksvytytė 2002: 57–8 и Pakalniškienė et al. 2008: 47–9, где прабалтийская лексема реконструируется как **āž-īs, *āžē?*. Также следует отметить, что многие исследователи, рассматривая эту индоиранскую праформу, предполагают и её позднее индоевропейское происхождение.

Так, М. Кюммель возводит индоиранск. *gǎw- ‘бык, корова’ к прото-и.-е. (PIE) *g^hou-, но индоиранск. *hajá- ‘козел’ — уже к индоевропейскому этимону, Kümmel 2017: 277–8. Заимствование этого слова в кавказские языки неоднократно обсуждалась (ср. Bailey 1979: 6, ЭСИЯ I: 293), однако обратный путь этого заимствования также регулярно предлагался, ср. Witzel 2003: 20–1, где указано, что «[a]pparently the word has been taken over several times, and in varying Macro-Caucasian dialect forms» (с. 21). Исходя из этого можно теоретически допустить, что в финальной части этого композита мог уже быть согласный (или группа согласных), отличный от *ǰ, ср. реконструкции *gajǰaźna-, *gajǰasna- и *gajǰaśna- в Edelman 2009: 137, см. также Asatrian, в печати, s.v. وزن گ [gavazn] n. ‘deer, stag, doe, cervus’, где рассматриваются флуктуации в финале композита.

В любом случае, сакральность животного и, соответственно, его табуированность на языковом уровне, могло привести и к фонетическим деформациям даже при ожидаемых рефлексам ауслота финальной составляющей этого композита, в чем, впрочем, можно допустить и сомнения.

Финальный -n.

Критические соображения В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман по поводу предложенного В. И. Абаевым анализа распространяются не только на историческую фонетику, но и на морфологию: «тогда неясен суф. *-na-» (ЭСИЯ III: 207). Примечательно, что исход на *-n- встречается и в собственно названиях животных в разных индоевропейских языках (ср. др.-русск. ягнѧ, лат. *agnus*, греч. ἄμνος, русск. *ягненок*), в том числе — и иранских. Достаточно вспомнить здесь об общеиранском *aźina- ‘ёж’, реконструируемом на основании осет. *узып / узип* ‘id.’. Ранее этот зооним возводили к названию змеи (ср. ЭСИЯ I: 296), однако сейчас связывают со словом, обозначающим шипы (колючки), см. Lühr 2014: 25–26 и Ackermann 2022: 39–42 с богатейшей библиографией. Об этой группе слов в рамках балто-индоиранских построений ср. также Chomičienė, Maksvytė 2002: 84–5, и см. великолепное обсуждение индоевропейской составляющей этимологии в (Lühr 2014, s. v. *igil*) и Ackermann 2022: 39–42 с различными возможными идентификациями -n-.

Также следует отметить, что осетинское название ежа само по себе является — как и в многих других языках — наименованием опосредованным (что немаловажно и для предлагаемых рассуждений), и, как отмечал В. И. Абаев, «[о]гласовка *uzun* (вместо *æzin) доставляет трудности; табуистические деформации?» (ИЭСОЯ IV: 129), что тоже релевантно в рамках этой работы. Впрочем, Дж. Чёнг (2008: 346) уже отметил, что в этих построениях не упоминаются иранские формы со значением ‘ёж’, представленные авест. *dužaka-*, перс. *žūža*, etc., о которых см. Asatryan, в печати, s.v. هژوژ [žūža] n. ‘hedgehog’ и ср. Witzel: 2015: 162 об их субстратном происхождении и ЭСИЯ IV: 149 («возможно, это индоиранское звуко-символическое слово, связанное с табуированием»).

Согласно Д. И. Эдельман (2009: 138) суффиксальное *-*na*, к примеру, представлено и в иранских названиях барашка, ягненка, что можно было бы сопоставить с реконструкцией иранского названия оленя В. И. Абаевым. Однако, см. справедливое соотнесение этих слов с *n*-основой в ЭСКЯ I: 119, а о различных реализациях и.-е. **urh₁-en-* ‘ягненок’ (ср. Kümmel 2017: 278) в индоиранском см. (недавно) Nikolaev 2021: 154–57. Конечно, о суффиксе *-na-*, *-ana-* идет речь при обсуждении древнеиранского словообразования (ср. Skjærvø 2007: 902), но при этом следует всецело учитывать комплексную проблему диахронической хронологии. Представляется правдоподобным в принципе, что предложенная Абаевым реконструкция этимона как **gav-az-na-* не рассматривает суффиксальное *-*na* (< и.-е. *-*no-* ?), и является, собственно, скорее дескриптивной и ахронической, нежели фактической и исторической: возможно, уместней была бы ее подача как **gav-az-n-a-*. Что касается суффиксов на *-n-* (различного и.-е. происхождения, см. недавно Lubotsky 2022, об индоевропейской составляющей ср. велико-лепный обзор в Olsen 2004), то они хорошо засвидетельствованы в индо-иранском и в других ветвях индоевропейского.

Попутно можно добавить, что спорадическое появление финального неэтимологического *-n* (как и *-m*) известно многим современным иранским языкам, ср. белуджск. *idān* ‘здесь’ наряду с ожидаемым *idā* (авест. *ida*), см. список примеров в Mahmoudzahi et al. 2019: 22-3. Оно известно и в более раннюю эпоху, напр. класс.-перс. *adīm* ‘дубленая кожа’ с «неясным происхождением *m*» (ЭСИЯ I: 292), ср. появление неэтимологичес-

кого *-n-* и других фонетических вкраплений в заимствованиях в согдийский, рассмотренные и проанализированные П. Б. Лурье (Lurje 2020). В этой связи следует обратить внимание на курдское обозначение козы *bizin*, восходящей к вышеупомянутому иранск. этимону **būza-*. Как отмечает Р. Л. Цаболов, наращение *-n* отличает это курдское слово от рефлексов того же этимона в других иранских языках. Он приводит параллель тому в цыганском *buzni* ‘id.’, и это, с его точки зрения, «позволяет предположить индоиранскую праформу с наращением *-n*» (ЭСКЯ 1, 194). Это предложение также позволяет, на первый взгляд, поставить вопрос, не могло бы подобное (неэтимологическое) наращение появиться уже на более раннем этапе в иранских формах, восходящих к **aža-*. Однако подобный подход, представляется маловероятным. Так, Г. С. Асатрян объясняет сразу несколько восходящих к этому этимону северо-западных иранских форм с наращением *-n* внутренним — и вполне этимологическим — развитием, см. Asatrian, в печати, s.v. 𐭆𐭀 [buz/boz] n. ‘goat; she-goat’. О цыганск. *buzni* см. Boretzky 2012: 219 и ср. цыганск. *guruvo* ‘бык’ и *gurunvi* ‘корова’. Немаловажно и то, что для объяснения упомянутых белуджских примеров с наращением неэтимологического *-n* приводятся разумные внутрисистемные соображения (Mahmoudzahi et al. 2019). Таким, образом, такой анализ представляется неоправданным.

В связи с этим идентификация суффиксального компонента на *-n-* в предложенной В. И. Абаевым этимологии вновь становится актуальной и необходимой. Отсутствие подобного образования в других продолжениях прото-индо-иранск. **hajá-* ‘козел’ (в нотации М. Кюммеля) или сопоставимых балтийских словах (ср., однако, лит. ороним *Ōžnugaris*, *Ožnugarÿs*, *Ōžnugaris*, Rakalniškienė et al. 2008: 48, который может быть и новообразованием), как и возможность заимствованного происхождения этимона⁶, не позволяют рассматривать его наряду с вышеупо-

⁶ Чисто теоретически можно было бы допустить, что были заимствованы как «простая» основа, так и расширенная с помощью *-n*, представленная исключительно во второй части этого иранского компонента. Это допущение принимает во внимание предположение о заимствовании «разнообразных макро-кавказских диалектных форм» («varying Macro-Caucasian dialect forms»), в том числе — и с

мянутым иранск. **iaž-na-* ‘поклонение (божеству), жертвоприношение’. Этому препятствует и очевидно деноминативный характер рассматриваемого образования. Следует отметить, впрочем, что высказывалось мнение (Kroonen 2011: 32), согласно которому суффикс *-na-* в авестийском уже не полностью ассоциировался с отглагольной деривацией, но это нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем изучении. В любом случае, сходные возражения также не позволяют непротиворечиво рассматривать в этой связи и многие другие модели использования суффикса на *-n-*, одно перечисление которых заняло бы слишком много места, но теоретически могло бы объяснить иранский этимон.

Впрочем, такие возможности все-таки имеются, и, в частности, можно предположить использование суффикса **-man-* при образовании этого иранского композита. О его функционировании в иранском словообразовании имеется значительная литература: он описывается в сравнительно-исторических грамматиках иранских языков, и ему посвящено, к примеру, отдельное исследование Ш. Маламуда, в котором рассматриваются различные аспекты, включая валентность, семантику, типы основ, к которым он может присоединяться и т. п. (Malamoud 1975). Весьма важна для предлагаемых построений его зафиксированная в иранском реализация как *-n*; индо-европейское обоснование развития **-man- > *-mn-> -n* см. в работе Nussbaum 2010. Так, показательным является случай авест. *raoyna-* ‘масло’ и пр., в котором В. Уитцел, как и в слове, рассматриваемом в настоящей работе, также усмотрел «субстратный суффикс» *-na-* (Witzel 2015: 167). В этом нет никакой необходимости — не имеющее др.-инд. параллелей общеиранское слово (см. ЭСИЯ VI: 411–3) имеет точные совпадения в германском, и в суффиксе видят отражение **-man-* (> *-n*), так уже Schwyzler 1907. В данном случае мы имеем дело с отглагольным образованием, и Г. Кроонен (Kroonen 2011: 187) реконструирует праформу **Hreu(H)g^h-men-* для германского и объясняет авестийское слово как восходящее к **Hreu(H)g^h-mno-*. Однако также известны и формально более близкие случаи — к примеру, авест. *paθman-* ‘путь’ (ср. *panti-*, *paθ-* ‘id.’) является производным с этим суф-

---

назальным сегментом (Witzel 2003: 21). По понятным причинам эта линия аргументации является трудно доказуемой.

фиксом (< **paθ-man-*), к иранск. **pantā-* : **paθā-*, см. Malamoud 1975: 405 и ЭСИЯ VI: 123–27; см. также Kroonen 2011: 135 и 208 (с библиографией) по поводу индо-иранской праформы. Также немаловажно, что тематизация слов, восходящих к *n*-основам, известна в индоевропейских языках, ср. Olsen 2004: 242–4, и (индо-)иранский, конечно, не является здесь исключением, см. недавно Nikolaev 2021: 148–56. Это относится и к формированиям на **-man-*, что при таком подходе позволяет объяснить форму генитива, присущего тематическим основам (ср. Skjærvø 2007: 922) в единственном засвидетельствованном случае использования рассматриваемого авестийского слова, *gavasnahe* (Gershevitch 1959: 136). Параллели тому в тексте Авесты известны, ср. форму родительного падежа *yātumanahē* (Y 8.4) другого производного с этим же суффиксом *yātuman-*, см. Malamoud 1975: 397 с обзором старой литературы.

Заключение

Рассмотренные подходы к анализу осет. *qʷaz*, *qæwaz* | *ɣæwanz* ‘лань’, согд. *ɣʷzn* ‘олень’ или ср.-перс. *gwʷzn* ‘олень, лань’, рассматривают общеиранскую праформу либо как простое слово, либо как составное. Отправной точкой большинства этимологических построений служит рефлекс иранск. **gau-*: *gāu-*: *gu-* ‘бык, корова’.

При рассмотрении этимона как сложного слова с первым компонентом ‘бык, корова’ возможно несколько интерпретаций его второго компонента. При этом попытки увидеть иранск. **ah-* : *as-* : *az* ‘быть, существовать’ или **až-* ‘гнать’ нуждаются в более надежных семантических параллелях. Возведение второй части сложного слова вслед за Г. С. Асатрянном к иранск. **žana-* (< **ǵónh₁-*) ‘sort of cow, cow-like, cattle-like, having bovine nature’ фонетически безупречно и семантически достаточно привлекательно.

Восходящая к Х. Бартоломе и более детально разработанная В. И. Абаевым гипотеза, основанная на рефлексе иранск. **aža-* ‘коза, козел (собственно ‘бык’ & ‘козел’), удачна семантически и согласуется с моделью номинации иранских названий животных, ср. **gaṷ-maiša-* ‘буйвол’, собственно ‘бык’ & ‘баран’. Однако такая этимология неудовлетворительна с фонетической и морфологической стороны, но сакральный характер слова

позволяет предполагать значительные возможности фонетической деформации в окончании второй части композита. Субстратное происхождение праформы — в связи с возможностью её иранской реконструкции — представляется менее вероятным.

Сокращения

- ИЭСОЯ = Abaev, V. I. 1958–1995: *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Vols I–V. Moscow; Leningrad.
Абаев, В. И. 1958–1995: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Л.
- НК = *Narty Kaddzhytæ. Iron adæmy epic*. Comp. T. A. Khamitsaeva, ed. Sh. F. Dzikaeva. T. I–VII. Dzæudzhikhæu, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012.
НК = *Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос*. Сост. Т. А. Хамицаева, под ред. Ш. Ф. Джикаева. Т. I–VII. Дзæуджыхъæу, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012.
- НТХ = *Narty taurægætæ ætæ habærttæ*. Comp. A. Kh. Vyazirov. Tskhinvali, 1973.
Нарты таурæгътæ æмæ хабæрттæ. Сост. А. Х. Бязыров. Цхинвал, 1973.
- ЭСИЯ = Rastorgueva V. S., Edelman D. I. 2000–2020: *Etymological Dictionary of Iranian Languages*. T. 1–6. Moscow.
Расторгуева, В. С., Эдельман, Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1–6. М., 2000–2020.
- ЭСКЯ = Tsabolov, R. L. 2001, 2010: *Etymological dictionary of the Kurdish language*. Vols 1–2. Moscow.
Цаболов, Р. Л. 2001; 2010: *Этимологический словарь курдского языка*. Том 1–2. М.
- ЭССЯ = Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund. T. 1–41 Moscow, 1974–2018.
ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Т. 1–41. М., 1974–2018.

Библиография

- Ackermann K. A note on another source of root-extension in IE. The “deep” morphology in OCS adv. *skvozě* ‘through’ and related cases. *Acta Linguistica Petropolitana*. V. 18/1. 23–47.
- Andronikashvili, M. K. 1966: *Ocherki po iransko-gruzinskim yazykovym vzaimootnosheniyam* [Essays on Iranian-Georgian language relations]. Tbilisi, (in Georgian).
Андроникашвили М. К. 1966: *Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям*. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).

- Asatrian, G. *Etymological Dictionary of Persian*, forthcoming.
- Bailey, H. W. 1979: *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge.
- Bailey, H. W. 1946: Gāndhārī. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. V. 11, 764–797.
- Bailey H. W. 1933: Iranian Studies II. *Bulletin of the School of Oriental Studies*. V. 7, 69–86.
- Bartholomae, C. 1911: Mitteliranische Studien I. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. V. 25, 245–262.
- Benveniste, E. 1925: On three names of beings in the Avesta. *The Journal of the K. R. Cama Oriental Institute*. V. 5, 20–21.
- Boretzky, N. 2012: *Studien zum Wortschatz des Romani*. I. *Erbwörter des Romani*. II. *Iranismen und Armenismen des Romani*. Велико Търново.
- Cathcart, C. A. 2022: Dialectal Layers in West Iranian: A Hierarchical Dirichlet Process Approach to Linguistic Relationships? *Transactions of the Philological Society*. V. 120/1, 1–31.
- Charpentier, J. 1924: Beiträge zur indoiranischen Wortkunde. *Le Monde Oriental*. T. 18, 1–45.
- Chomičėnkiėnė, A., Maksvytytė, V. 2002: Žvėrių ir gyvulių pavadinimai baltų ir indoiranėnų kalbose. *Acta orientalia Vilnensia*. T. 3, 48–65.
- Chung, J. 2009: *Očerki istoričeskogo razvitiya osetinskogo vokalizma* [Essays on the historical development of Ossetian vocalism]. Vladikavkaz.
- Чėнг Дж. 2009: *Очерки историчeskogo razvitiya osetinskogo vokalizma*. Владикавказ.
- Durkin-Meisterernst, D. 2010: Khwarezmian. *The Iranian Languages*. London; New York, 336–376.
- Dybo, A. V. 2007: [Rec. on:] V. S. Rastorgueva, D. I. Edelman. [Etymological dictionary of Iranian languages. T. III. M.]. In: *Etimologiya 2006–2008* [Etymology 2006–2008]. M., 2010, 288–298.
- Дыбо, А. В. 2010: [Рец. на:] В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. *Этимологический словарь иранских языков. Т. III. М., 2007 // Этимология 2006–2008. М., 288–298.*
- HEDOL / ИЭСОЯ = Abaev, V. I. 1958–1995: *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Vols I–V. Moscow; Leningrad.
- ИЭСОЯ = В. И. Абаев. *Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–V. М.; Л., 1958–1995.*
- Dzitstsoity Yu., Falilejev, A. Ossetic Boar, в печати.
- Dzitstsoity, Yu. A. 2017: Towards Ossetian-Persian lexical connections. In: *Skifo-alanskoye nasledije Kavkaza* [Scythian-Alanian heritage of the Caucasus]. Vladikavkaz, 211–232.
- Дзицойты, Ю. А. 2017: К осетино-персидским лексическим связям. *Скифо-аланское наследие Кавказа*. Владикавказ, 211–232.

- Dzizsoity, Yu. A., Falileev, A. I. 2023: [Magic bead of Ossetians: philological and linguistic analysis]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. Т. 5, 101–116.
Дзиццойты Ю. А., Фалилеев А. И. Волшебная бусина осетин: филологический и лингвистический анализ // *Вопросы языкознания*. 2023. Т. 5. С. 101–116.
- Edelman, D. I. 2009: *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Leksika*. [Comparative grammar of East Iranian languages]. Vocabulary. Moscow.
Эдельман, Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика*. М., 2009.
- EDIL / ЭСИЯ = Rastorgueva V. S., Edelman D. I. 2000–2020: *Etymological Dictionary of Iranian Languages*. Т. 1–6. Moscow.
ЭСИЯ = *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1–6. М., 2000–2020.
- EDKL / ЭСКЯ = Tsabolov, R. L. 2001, 2010: *Etymological dictionary of the Kurdish language*. Vols 1–2. Moscow.
ЭСКЯ = Цаболов, Р. Л. 2001; 2010: *Этимологический словарь курдского языка*. Том 1–2. М.
- EDSL / ЭССЯ = Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund. Т. 1–41 Moscow, 1974–2018.
ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Т. 1–41. М., 1974–2018.
- Falileev, A. I. 2021: [Comments on one Ossetian etymology]. In: *ALLON. To the 60th anniversary of the Honored Scientist of the Republic of South Ossetia, Professor Yu. A. Dzitssoity*. Moscow, 9–18.
Фалилеев А. И. Комментарии к одной осетинской этимологии. In: *ALLON. К 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю. А. Дзиццойты*. М., 9–18.
- Gershevitch, I. 1971: Iranian words containing *-ā/ān-*. *Iran and Islam. In Memory of the Late Vladimir Minorsky*. Edinburgh, 267–291.
- Gershevitch, I. 1959: *The Avestan Hymn to Mithra*. Cambridge.
- Gusalov, V. M. 1987: [Verbal taboo in Ossetian]. In: *Problemy osetinskogo yazykoznaniiya* [Problems of Ossetian linguistics]. Ordzhonikidze. Vol. 2. pp. 64–82.
Гусалов В. М. Вербальное табуирование в осетинском. *Проблемы осетинского языкознания*. Орджоникидзе, 1987. Вып. 2, 64–82.
- Kalinina, Z. M. 1972: *Ocherki leksikologii sovremennogo pushtu* [Essays on the lexicology of modern Pashto]. Moscow.
Калинина З. М. *Очерки лексикологии современного пушту*. Москва, 1972.
- Kroonen, G. 2011: *The Proto-Germanic n-stems. A study in diachronic morphophonology*. Amsterdam.
- Kümmel, M. J. 2017: Agricultural terms in Indo-Iranian. In: *Language dispersal beyond farming*. Amsterdam, Philadelphia, 275–290.

- Lubotsky, A. 2022: Young Avestan *pašne* and its etymology. *Acta Linguistica Petropolitana*. V. 18, 216–225.
- Lühr, R. et al. 2014: *Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen*, Band 5, *iba — luzzilo*. Vandenhoeck & Ruprecht,
- Lurje, P. 2020: Buddhist Indian Loanwords in Sogdian and the Development of Sogdian Buddhism. *Entangled Religions*. V. 11.6, 22–27.
- Mahmoudzahi, M., Korn, A., Jahani, C. 2019: Synchronically unexpected /n/ in the Balochi dialect of Iranshahr // *Orientalia Suecana*. V. 62–68, 20–30.
- Malamoud, C. 1975: Remarques sur les dérivés indo-iraniens en *-man*. *Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste*. Louvain., 397–406.
- Miller, W. 1903: *Die Sprache der Osseten*. Strassburg.
- Nikolaev, A. 2021: YAv. *Spitiura-* and the Compositional Form of PIE **urh₁-en-* ‘Lamb’ in Indo-Iranian. *Indo-Iranian Journal*. V. 64, 145–162.
- NK / HK = *Narty Kaddzhytæ. Iron adæmy epic*. Comp. T. A. Khamitsaeva, ed. Sh. F. Dzikaeva. T. I–VII. Dzæudzhikhæu, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012.
HK = *Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос*. Сост. Т. А. Хамицаева, под ред. Ш. Ф. Джикаева. Т. I–VII. Дзæуджыхъæу, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012.
- NTH / HTX = *Narty taurægætæ æmæ habærttæ*. Comp. A. Kh. Byazirov. Tskhinvali, 1973.
HTX = *Нарты таурæгътæ æмæ хабæрттæ*. Сост. А. Х. Бязыров. Цхинвал, 1973.
- Nussbaum, A. 2010: PIE *-Cmn-* and Greek τρᾶνῆς ‘clear’. In: *Ex Anatolia Lux: Anatolian and Indo-European Studies in Honor of H. Craig Melchert on the Occasion of His Sixty-fifth Birthday*. Ann Arbor, 269–77.
- Olsen, B. 2004: The complex of nasal stems in Indo-European. In: *Indo-European word formation*. Copenhagen, 215–248.
- Pakalniškienė, D., Kaukienė, A., Laučiūtė, J. 2008: Baltų kalbų žodynas (A). In: *Res humanitariae*. T. 4, 8–53.
- Raevsky, D. S. 1985: *Model' mira skifskoy kul'tury [Model of the world of Scythian culture]*. Moscow.
Раевский Д. С. *Модель мира скифской культуры*. М., 1985.
- Rossi, A. V. 2007: More Khotanese colours. In: *Iranian Languages and Texts from Iran and Turan*. Wiesbaden, 343–354.
- Sadovski, V. 2017: The Lexicon of Iranian. In: *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics*. Berlin, Boston, 566–599.
- Schwartz, M. 1985: The Religion of Achaemenian Iran. In: *The Cambridge History of Iran*, vol. 2. Cambridge., 664–697.
- Schwyzler, E. 2007: Nhd. *Rahm* : jgav. *raoyna*. In: *Indogermanische Forschungen*. B. 21, 180–182.

- Skjærvø, P. O. 2022: Avestan and Old Persian Morphology. In: *Morphologies of Asia and Africa*. Winona Lake, 853–940.
- Studies = Emmerick, R. E., Skjærvø, P. O. (et al.). *Studies in the Vocabulary of Khotanese*. I–III. Wien, 1982–1997.
- Witczak, K. 2023: Scytyjskie zoonimy w leksykonie Hesychiosa // *Prace Językoznawcze*. T. 25, 91–107.
- Witzel, M. 2003: *Linguistic Evidence for Cultural Exchange in Prehistoric Western Central Asia*. Philadelphia.
- Witzel, M. 2015: The Central Asian substrate in Old Iranian // *Mother tongue*. V. 20, 149–178.

М. В. Домосилецкая
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
marinaling@mail.ru

ВИНОГРАД В АЛБАНСКОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА: СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, ФРАЗЕОЛОГИЯ, ПАРЕМИИ¹

В статье вычлняются образно-ассоциативные комплексы, основанные на метафорах-производных словах от албанского *rrush* ‘виноград’, определяется их роль в характеристике окружающей действительности. Также рассматривается функционирование понятия «виноград» и других компонентов этого семантического поля в албанских поговорках. Ведется поиск связи между значением слова и смыслом фразеологизмов и пословиц.

Ключевые слова: албанский язык, поговорки, фразеология, метафоры, виноград.

М. V. Domosiletskaya
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
marinaling@mail.ru

Grapes in the Albanian metaphorical picture of the world: word formation, phraseology, paremias

In the first part of the article, we identify associative complexes and figurative imagery expressed in the metaphors underlying the word derivation from Albanian *rrush* ‘grapes’. All 22 studied derivatives of this root belong to the evaluative vocabulary, implying mainly rational evaluation (*rrushk* ‘any fruit with juicy pulp and seeds inside’, *rrushjore* ‘a cow with teats as small as grapes’, *rrushaq* ‘a small round pebble’, *rrush* ‘boy’s genitals’ > *rrushman* ‘male’, *i rrushemë* ‘jerked like grapes, raisins’ etc.), but also, less frequently, emotional assessment (*rrushatake* — about a nice girl, beautiful as grapes).

In the second part of the article, based on the material of paremias, sayings and phraseology, we consider the concept of “grapes” as a fragment of the Albanian language picture of the world. 65 Albanian proverbs and sayings and more than 20 phraseological units were collected and analysed. They are based on real characteristics of grapes, as well as on

---

¹ Приношу искреннюю и глубокую благодарность своей коллеге Альвине Венедиктовне Жугре за помощь, оказанную в переводе и расшифровке смысла ряда пословиц и поговорок.

real and formal (namely, rhyming) parallels with other plants. A special place is held by the sayings based on the fable “The Fox and the Grapes”, where, in the Albanian tradition, the fox can be replaced with the goat. This part of the article provides a classification of Albanian proverbs and idioms that include the following key words: *rrush* ‘grapes’, *larushkë* ‘wild grapes’, *vresht* ‘vineyard’, *hardhi*, *pjergull* ‘grapevine’ and *pjergullore* ‘pergola’. Besides, we identified 30 thematic groups using this semantic field and expressing the folk wisdom: smth. incredible; smth. insignificant in appearance, but valuable; being modest in one’s expectations; unreasonable waste of money, and many others.

Keywords: Albanian, proverbs, phraseology, metaphors, grapes.

Общий вопрос о связи непосредственного опыта человека и метафорического осмысления мира был в течение последних сорока лет подробно рассмотрен рядом исследователей (Lakoff, Johnson 1980; Arut’unova 1990; Teliya 1996; Zinken 2008; Serebrennikov 2010 и мн. др.). Несмотря на то, что некоторые аспекты этой проблемы остаются дискуссионными, все же становится ясным, что большая часть человеческого опыта и деятельности по природе своей метафорична и что часть новых знаний формируется на базе метафор. С этой точки зрения совершенно не вызывает вопросов закономерное возникновение «флористических метафор».

Известно, что человек переносит свои особенности поведения, свои качества на окружающие объекты действительности. Не менее важна и обратная связь — объекты окружающего мира и их особенности становятся мериллом нравственной, социальной и психологической жизни человека. Выбор этих объектов напрямую зависит от способов ведения хозяйства, устоявшихся элементов быта и окружающего природного ландшафта. Неудивительно, что в албанской национальной культуре виноград издавна выделяется коллективным сознанием.

Фрагмент албанской языковой картины мира со знаковым наполнением «Виноград» объемён и весьма незауряден. Задача статьи — прежде всего вычленив образно-ассоциативные комплексы, связанные с этим понятием, и определить их роль в характеристике окружающей действительности лексическими средствами албанского языка.

Материалы для анализа отражают современное состояние албанского стандартного языка и включают диалектные мате-

риалы, а также пословицы и поговорки, богатые регионализмами.

1. Словообразовательные метафоры

Образ винограда (*rrush*) неразрывно связан в сознании албаноязычных носителей со следующими его признаками: округлость, овальность, сочность, мелкоплодность, многоплодность, извилистость скрученного ствола (лозы *hardhi*) и проч. Эти объективные качества винограда нашли отражение в албанской общенародной и диалектной лексике, которая в своей внутренней форме выражает открытое сравнение называемых объектов с эталоном «виноград».

Ассоциативное поле опирается на лексему *rrush*, *-i m.* ‘виноград-плод’ исконного индоевропейского происхождения, ср. параллельное др.-греч. *ῥάξ, ῥαγός* ‘виноградина’, см. также латинские названия городов: в Сицилии *Ragusa* и в Далмации *Ragusium* — итал. *Ragusa*, ныне *Дубровник* (Topalli 2017: 128). Интересно, что другая, также исконная лексема *hardhi*, *-a f.* ‘виноград-растение, виноград-лоза’ (< **hardh-* ‘стелющийся, ползучий’ < и.-е. *sker — ср. др.-греч. *σκαίρω* ‘прыгать, подпрыгивать, скакать’, др.-в.-нем. *scerōn* ‘спешить’, см. алб. *hardhje, hardhucë* ‘ящерица’) (Topalli 2017: 619) ассоциативных связей у албаноязычных носителей не вызывает.

Все имена, о которых пойдет речь, явно *оценочны*, но оценка имеет разное качество. Представляется, что бóльшая часть существительных, прилагательных и наречий, образованных от *rrush*, включают в себя *рациональную* оценку.

1. Отражение представления об *овальности* ягод (ряда сортов) винограда: *rrushe s.f.* ‘коза с округлыми боками, с туловищем, напоминающим по форме продолговатые, овальные ягоды’, т. е. не тощая, упитанная (Fjalor 1984: 1067).

2. Отражение представления об *удлиненности, эллипсоидности* (ряда сортов) ягод с дальнейшим переходом: *rrush* букв. «виноградинка» ‘половой орган мальчика’ (метафорический перенос-уподобление по форме). Вторичная метафоризация: *rrush* + суф. *-man* — *rrushman* ‘мужская особь, самец’ (Topalli 2017: 1290).

3. Отражение представления о *сочности* ягод винограда: *rrushatake adj. (dardhë rrushatake)* — сорт груш, с круглыми сладкими очень сочными плодами, причем созревающими во время сбора винограда (Fjalor 2006: 864; Fjalor 1984: 1067), диал. *rrushje s.f.* ‘сорт сочных груш’ (Шпат, Эльбасан) (Topalli

2017: 1290); *rrushk* s.m. 1) плод некоторых растений, с сочной мякотью и с семечками внутри него, 2) *rrushqe* s.pl. растения с сочными ягодами, такие как виноград, земляника, малина, ежевика и др.; имеет собирательное значение (Fjalor 1984: 1067).

4. Отражение представления об относительной *мелкоплодности* винограда по сравнению с другими плодами — грушей, яблоком, айвой, цитрусовыми: *rrushore* adj. «виноградная» в выражении диал. *dardhë rrushore* «груша виноградная» — о мелкоплодной груше; диал. *rrushjore* s.f. «виноградная, виноградоподобная» — о корове с маленькими, как виноградины, сосками; диал. *rrushaq* s.m. «маленький округлый, как виноградинка, камушек» (Topalli 2017: 1290).

5. Отражение *многоплодности* винограда. В зависимости от степени ветвления гребня, длины плодоножек, количества и размера ягод кисти винограда могут быть разной плотности. Хотя высокий ягодный показатель не для всех сортов важен, тем не менее он предпочтителен. См. отсюда *rrushullak* adv. «по-виноградному», «рясно», т. е. плотно, как ягоды на кисти, набито битком (Topalli 2017: 1290).

6. Отражение *вида виноградной грозди*, причем *розового* оттенка. Идет речь об именовании плотных скоплений цветков очень декоративного во время цветения церсиса европейского (багряника, иудина дерева) *Cercis siliquastrum* — *rrushkuqe* s.pl., где корень *kuq-* «красный», см. *lëshon rrushkuqe* «выпускает *rrushkuqe*», *mbushet me rrushkuqe* «покрывается *rrushkuqe*». Отсюда переносное образное: *i ka fëmijet si rrushkuqe* «у нее дети как грозди винограда, как соцветия багряника» = у нее здоровые и румяные дети (Fjalor 1981: 1722).

7. Отражение способности *долго храниться*: *i rrushetë* «вяленький», букв. «виноградноватый», схожий с виноградом, — обычно о древесине (Fjalor 2006: 864; Topalli 2017: 1289). Скорее всего, подразумевается вяленое (*полусухое*) состояние ягод, т. е. изюм, который может долго не портиться. Формально — прилагательное со значением неполноты качества, «полу-», как и во всех прилаг. с суф. *-etë* типа *i bardhetë* «беловатый» < *i bardhë* «белый».

8. Отражение понятия о винограде как лозящей, обвивающей лозе, о ее длинных извивающихся, но крепких стеблях; приложение образа переплетенных старых лоз к иным растениям: *rrushatuer* букв. «виноградствующий», *lis rrushatuer* «виноградствующий дуб», т. е. дуб с частыми, свисающими, переплетенными ветками (Topalli 2017: 1290).

9. И только в одном случае встретилось использование лексемы *rrush*, имеющей уже не рациональную, а эмоциональную оценку, причем положительную. Оценочное значение основано на общих важных положительных для человека характеристиках винограда и направлено на отражение высокого качества обозначаемого объекта, на восприятие его как превосходящего, см. *rrushatake* s.f. о славной девушке, прекрасной, как виноград (Topalli 2017: 1289). (Не исключено, что важной составляющей метафоры может быть подразумеваемое сравнение гладкости кожи девушки и нежности кожицы виноградных ягод). Ср. фразеологизмы *ish si rrush* 'был(а) словно виноград' — о ком-то, чем-то прекрасном, *i kish sytë rrush* букв. «у него (нее) глаза были [как] виноград» — об очень красивом человеке (Gjevori: 253).

Итак, удалось выявить девять образно-ассоциативных комплексов, связанных с понятием «виноград» и основанных на корне *rrush*. Как видно, выбор качеств винограда при использовании его для обозначения иных реалий, в основном из растительного и животного мира, не вызывает вопросов и лежит на поверхности. Чувственное восприятие окружающего мира необходимо для его оценки и для последующего создания представлений о нем, поэтому неудивительно, что образно-ассоциативные именованья, опирающиеся на лексему *виноград*, также основаны на чувственном восприятии этого растения, и прежде всего — на зрительном ряде (внешний вид плодов и ствола) и на вкусовых ощущениях (сочность).

Своеобразие включенности винограда в миропонимание носителей албанского языка может состоять в том, что в метафорах не нашли отражения такие его качества, как *сладость* в зрелом состоянии, *терпкость* в незрелом, *опьяняющие* качества его производных субстанций, *уродство* старой одревесневшей лозы (в противопоставление нежности гроздей), довольно *позднее созревание* — к осени и др. потенциальные характеристики, наблюдаемые в метафорах других индоевропейских и тюркских языков.

Коннотации имен (существительных, прилагательных, наречий), образованных от *rrush*, несомненно, либо безоценочно-объективные (преимущественно), либо положительные.

К большому сожалению, свежий поиск в «Албанском Национальном Корпусе» (АНК) вышеперечисленных однокоренных слов ассоциативного ряда «виноград»: *rrushe*, *rrushatake*, *rrushje*, *rrushk*, *rrushqe* и др. — ничего не дал. Было

бы весьма интересно проследить их актуальное употребление и варианты лексической сочетаемости.

2. Пословицы, поговорки и фразеологизмы

Виноград, со всеми его разнообразными качествами (см. выше раздел 1) и как мерило ценности/бесценности субъекта или объекта, морального/неморального поведения, красоты/уродства, — становится «героем» многих албанских пословиц, поговорок и образных выражений. В микрополе «виноград» здесь были включены, помимо понятий «виноград» (*rrush*) и «лоза» (*hardhi*), также такие тесно связанные с ним понятия, как: «дикий виноград» (*larushkë* < лат. *labruscum* ‘плод дикого винограда’), «виноградник» (*vresht* < искон. *venë/verë* ‘вино’ + суф. *-eshhtë*), «пергола» (*pjergullore* < *pjergull* ‘лоза’ < итал. *pergola* ‘пергола, навес для винограда у входа в дом’).

Всего было собрано и проанализировано 65 албанских пословиц и более 20 фразеологизмов.

2.1. Почти все поговорки удалось сгруппировать по 16 **свойствам и характеристикам** винограда и близких ему компонентов понятийного поля («виноградник», «пергола», «лоза»).

2.1.1. **Реальные свойства винограда — без сопоставления с другими растениями.**

Связь частей растения (плоды — лоза, плоды — листва и под.). Например: *Rrush* *varet në degët vet* (Lushnjë) (FU 1983: 65) «виноград висит на собственных ветвях», что выражает достоинство человека, связанное с его семьей и родом; *Koush mbjell hardjëj, ka rroush në shpëj* (Dibër) (FU 1983: 126) «Кто сажает лозу, имеет виноград в доме» = как сам поступишь, таковы будут и последствия, ср. рус. «Что посеешь, то и пожнешь».

Виноград — вьющаяся лиана. Например: *Mos brith tutje-tu, si laraska hu më hu* (Vlorë) (FU 1983: 168) «не броди (не шатайся) туда-сюда, словно дикий виноград с жердочки на жердочку, с колышка на колышек».

Высокая длительность жизни виноградной лозы (до 100 лет), которая становится семейной ценностью. Например: *Selit vreshtë në pleqërijë, trashëgim për bir e bijë* (Южная Албания) (FU 1983: 145) «Выращивай виноградник в старости — наследство для сына и дочери».

Высокая продуктивность лозы, многоплодность одной кисти, отсюда невысокая ценность отдельных ягод при их обилии. Например: *I bëri (paratë) rrush e kumbulla* «их (деньги) сделал

виноградом и сливами, превратил их в виноград и сливы» (Thomai 1999: 871–872; Gjevori 1980: 154), т. е. растратил, спустил все деньги, ср. рус. «бросать деньги на ветер».

Хотя виноград предпочитает хорошие почвы, может произрастать и на весьма каменистой земле. Например: *Rrushhi bahet edhe midis kerrshi* букв. «виноград делается (растет) и на каменистых склонах» (Kosovë) (Kajtazi 1972: 256); *Ku ka rrjesk, prodhohet rrushhi mo i omël* (Ndroq-Tiranë) (FU 1983: 834) «там где мелкие камни, растет (получается) самый сладкий виноград», т. е. как бы плохи ни были условия, как бы враждебна ни была среда, все равно жизнь пробьет себе дорогу, а результат может даже превзойти ожидания.

Время созревания — конец лета и осень. Например: *Gushti me rrushin, vjeshta me mushtin* (Përmet) (FU 1983: 851) «август с виноградом, осень с мустом (неосветленный свежееотжатый виноградный сок)»; *(kërkon) rrush në shënëndre (në dimër)* (Thomai 1999: 871–872) букв. «ждет винограда на св. Андрея [30 ноября]», т. е. ждет несуществующего в природе, несбыточного, того, чему не бывать никогда, ср. рус. «Как от козла молока». Виноград — символ и кульминация осеннего урожая. Например: *U nxi rrushin, u mbyll moti; mjerë ay që s'qe i zoti* (FU 1983: 182) «Потемнел виноград, закончился год, горе тому, кто не был (хорошим) хозяином».

Связь «виноград — виноградник». Например: *Ku është vreshiti më i vogël, është rrushin më i math* (Skrapar) (FU 1983: 605) «там, где самый маленький виноградник, самый большой виноград (больше всего винограда)», ср. рус. «Малый топор рубит большое дерево».

Связь «виноград — емкости для его сбора», в качестве которых выступали преимущественно корзины разной формы и способа плетения — *kosh, kofin, shportë* и др. Например: *Rrushtë pa arrirë, bën gati kofinë* (Южная Албания) (FU 1983: 451) «виноград не дошел (не созрел), (а он уже) готовит корзину», ср. рус. «Ещё не запряг, а уже поехал»; *Sa të mbledhësh ti rrush, tjatri e ka ngrënë një kosh* (Darshë-Korçë) (FU 1983: 452) «пока ты собираешь виноград, другой уже съел его целую корзину», ср. рус. «Пока мямля разувается, расторопный выпарится». Есть вероятность и положительной коннотации — указание на заблаговременную готовность, предусмотрительность хозяина, ср. «Готовь сани летом, а телегу зимой».

Противопоставление «виноград культивируемый — виноград дикий». Например: *Kur s'ke rrush, ha edhe larushk* (Fjalor

1984: 1722) «когда нет винограда, ешь и дикий виноград», т. е. за неимением лучшего приходится довольствоваться малым, ср. рус. «На безрыбье и рак рыба», «В поле и жук мясо» (Modestov 2005: 33).

Виноград как сырье для виноделия. Например: *Shit vreshthin e bëj tirë* (Южная Албания) (FU 1983: 460) «продал виноградник и купил чан для вина», т. е. поспешил и совершил глупость, преждевременно продав (или обменяв) источник благосостояния, а в обмен получив тем самым ненужную вещь, ср. рус.: «Выменял глухой у слепого зеркало на гусли», «Сменить корову на ворону».

Виноградник/виноград требуют большого труда и заботы. Например: *Vreshita thotë: "Emë vëngë e të jap lëng"* (FU 1983: 182) «Виноградник говорит: 'Дай мне колышков для подвязки, и я дам тебе сока'»; *Ver pjergullarë, të hash rrush* (Южная Албания) (FU 1983: 147) «Ставь перголы, чтобы есть виноград». Ср. рус. «Кто пахать не ленится, у того хлеб родится», «Без труда не бывает добра».

2.1.2. Реальные свойства винограда — в сопоставлении с другими растениями.

Прежде всего, имеет место воплощение противопоставления «ценное (виноград) — неценное (что-либо иное)». Например: *Del për rrushë e bie shkarpa* (Южная Албания) (FU 1983: 408) «Пойти за виноградом, а принести хворост», ср. рус. «Неудача така — ходили по малину, принесли ежа»; «Ходили по ягоду принесли ябеду».

Сопоставление по сладости и размеру с иными фруктами или ягодами. Например, фенологическая рифмованная пословица: *Maji pa shi, rrushhtë si qershë* (Южная Албания) (FU 1983: 853) «(Если) май без дождя, виноград как черешня», т. е. крупный и сладкий.

2.1.3. Номинальное сопоставление с другими растениями

В таких случаях используется чисто формальное сравнение двух растений, где на первое место выступает рифма — как главное образующее звено «полноформатной» пословицы. Например: *Lanë dushkun, e zunë lërushkun* (Berat) (FU 1983: 86) «оставили дуб, схватили дикий виноград», т. е. хватаются то за одно, то за другое — в пословице критикуется непостоянство, неустойчивость, ср. рус. «Наша дуда и туда и сюда». Пословица с положительным посылом: *As më ke, as të kam; nemë nji rrush, të ap nji duhan* (Elbasan) (FU 1983: 253) «что ты имеешь — моё, что я имею — твоё, дай мне виноград, я тебе дам табак», т. е. о

щедности, коллективизме и дружбе, ср. рус. «За общим столом еда вкуснее», «Для доброго друга не жаль ни хлеба, ни досуга».

2.1.4. Фенологические пословицы.

Это главным образом пословицы осеннего цикла, связанные с созреванием винограда, что совпадает со сменой погоды: штормами на море, ветрами и началом дождливого сезона. Например: *Kur xihet rrushi, xihet deti* (Ulqin) (FU 1983: 853) «когда темнеет виноград, темнеет море»; *U nxi rrushi, u nxi reja* (Tiranë) (FU 1983: 861) «почернел (созрел) виноград, почернело облако».

2.1.5. «Лиса и виноград»

Речь идет о распространенном сюжете, восходящем к творчеству Эзопа — по индексу Бена Эдвина Перри №15 (Perry, Aesopica) — и проникшем в басни и паремии многих народов Европы. Басня о невозможности добиться успеха, так как у героя нет на это сил, но он винит в этом обстоятельства и одновременно — в оправдание себя — обесценивает желаемый результат. Время и путь вхождения этого сюжета и его образов в албанский фольклор пока не ясны. *Kur dhelpira ng'arrën te rrushi, thotë se ish aguridhe* (арбереша Италии) (FU 1983: 381) «когда лиса не добралась до винограда, говорит, что он незрелый», где на первый план у албанцев выходит тема лживости. Если у некоторых народов северной Европы виноград заменяется рябиной, то в албанском фольклоре в ряде пословиц вместо лисицы фигурирует коза. *Kur s'e arriu dhia larushkun, tha se u tha* (южная Албания) (FU 1983: 381) «когда коза не добралась до дикого винограда, сказала, что он стал кислым».

2.2. Смыслы пословиц, основанных на образе винограда.

Было обнаружено около 30 смысловых (идейно-тематических) групп, на которые можно разделить все собранные албанские паремии и фразеологические единицы с ключевыми словами: *rrush, larushkë, hardhi, vresht*.

1. Бедность — богатство. Все входящие сюда паремии носят критический характер и содержат посыл осуждения бездельников-богачей. Например: *Fukaraja e vjel rrushin e zengjini ia pin mushtin* (Kosovë) (FU 1983: 877) «бедняк собирает виноград, а богач пьет свежавыжатый сок (муст)», ср. рус. «Кому горе горевать, кому пир пировать»; *Ndë ngë ke jo shpi e jo vreshtë, ngë të run mangu një plesht* (Molise-Itali) (FU 1983: 902) «Если бы у тебя не было дома и виноградника, на тебя бы не взглянула даже блоха», ср. аналогичный образный ряд в рус. «У бедняка вошь в кармане и блоха на аркане»

2. Всему свое время. Смысл поговорки опирается на то, что виноград созревает в определенное время. Например: *Rrushì nuk lypet n'arbain* «инограда не ищут в эрбаин» (Kosovë) (FU 1983: 508; Gjevorì 1980: 253), где диал. *arbain, erbain, erbein* — обозначение самого холодного отрезка зимы < тур. *erbain* ‘сорок дней зимы с 21 декабря до 31 января’ (Dizdari 2005), т. е. не следует ждать чего-то в неподходящее, не соответствующее время; *Rrushtë më të zënë e fiqtë më të lënë, asnjëherë s'duhen ngrënë* (Himarë–Vlorë) (FU 1983 820) «виноград недоспелый (который только начал спеть) и фиги переспелые ни в коем случае нельзя есть», ср. рус. «Всякому овощу свое время». (Kërkon) *rrush në shënëndre (në dimër)* (Thomai 1999: 871–872) «ищет виноград на св. Андрея [30 ноября] (зимой)» (см. выше).

3. Делать что-либо плохо, спустя рукава. Смысл поговорки о небрежности в работе проистекает не из реальных свойств винограда, а опирается на формальную, вероятно случайную, рифму: *E bëri rrush e prush* (Thomai 1999: 871–872) букв. «(сделал) это виноград и головешки (уголья)», т. е. сделать что-то в спешке, кое-как, ср. рус. «Сделать через пень колоду, спустя рукава».

4. Довольствоваться малым, тем, что имеешь. *Ha rrush e mos shiko vreshthin* (Korçë) (FU 1983: 485) «ешь виноград и не смотри на виноградник», где, естественно, винограда больше, т. е. «ешь что дают». Сюда же может быть отнесена поговорка, рассмотренная выше: *Kur s'ke rrush, ha edhe larushk* (Fjalor 1984: 1722), призывающая **довольствоваться худшим за неимением лучшего** и основанная на противопоставлении культивируемого винограда с виноградника и «заборного» дико винограда, ср. рус. «В темноте и гнилушка светит».

5. Достоинство, гордость. См. выше: *Rrushì varet në degët vet* (Lushnjë) (FU 1983: 65) «виноград висит на собственных ветвях», что метафорически передает смысл — достоинство человека, связанное с его семьей и родом, ср. рус. «Всякая сосна в своем бору шумит», «Дерево на одном месте растет».

6. Дружба. Как ни странно, обнаружилась только одна поговорка, причем с отрицательной коннотацией — весьма пессимистичная, даже циничная, тем не менее отражающая, естественно, опыт народа: *Kur të ka shporta rrush e fiq gjithë botën i ke miq* (Folk. 1939: 30) «когда у тебя корзина полная винограда и фиг, весь мир — твои друзья», ср. рус. «За свой грош везде хорош», «Есть пирожки — есть и дружки, нет пирожков — нет и дружков».

7. Зависть и обида (на то, что с тобой не делятся). *T'i bjerë hiri vreshtit, që s'bën rrush për mua* (Южная Албания) (FU 1983: 284) «пусть потеряет милость твой виноградник, который мне не производит (букв. «не делает») винограда». Пословица близка формулам проклятия, но содержит не прямой, узкий смысл, а призыв к щедрости вообще.

8. Каждому свое. Смысл возникает из противопоставления винограда с другими плодовыми культурами. Например: *Rrushika të vetat, molla ka të sajat* (Южная Албания) (FU 1983: 710) «виноград имеет своё, яблоня имеет своё», ср. рус. «Всякий молодец на свой образец».

9. Легко сказать да трудно сделать. *Kollaj të thuash "vreshtë", duhet rrushi* (Dukat–Vlorë) (FU 1983: 605) «легко сказать «виноградник», но (для этого) нужен виноград», т. е. чтобы получился виноградник, нужно выращивать виноград, усердно за ним ухаживая (см. выше «виноградник/виноград требуют большого труда и заботы»), ср. рус. «Без труда не вытянешь рыбку из пруда», «Без труда нет плода».

10. Медлительность, неспорость в работе. Смысл расширен на любой род человеческой деятельности, однако ключевой образ изначально был связан со скоростью наполнения корзин при сборе винограда. Например: *Ti the "rrush", u hëngra një kosh* (Dukat–Vlorë) (FU 1983: 463) «пока ты говорил «виноград», я съел целую корзину (винограда)», ср. рус. «Кто смел — тот и съел; кто проворен, тот доволен».

11. Молодость — зрелость. Обычно в центре этого типа пословиц лежит идея созревания (винограда), готовности урожая = человеческой зрелости, а затем старости. *Iku vapa me gusht dhe vjeshta me rrushhtë* (Myzeqe) (FU 1983: 742) «прошла жара с августом [= молодость], а осень с виноградом [= зрелость]», ср. рус. приблизительный аналог с подтекстом «результат»: «Цыплят по осени считают».

12. Мужчина — женщина. Мужчина как опора для женщины, женщина, как лоза, льнёт к мужчине — этот смысл реализуется через образ подпорки для виноградной лозы, столбчатой конструкции, которую оплетает лоза. *Gruja pa burrë — si vneshti pa thurrë* (Elbasan) (FU 1983: 773) «женщина без мужчины как виноградник без плетенки (плетения)». Ср. рус. «Муж как ворона, а все жене оборона»; «За хорошим мужем и жена хороша».

13. Невероятное, чему никогда не бывать. Такого рода пословицы, всегда с ироничным оттенком, основаны на невоз-

возможности винограда превратиться в иное растение, пусть даже схожее. Например: *Kurr të bëjë larushku rrush* (Thomai 1999: 871) «никогда не сделаться дикому винограду виноградом», т. е. необычному не бывать, ср. рус. «Телятам по-медвежьи не реветь», «Отрежь собаке хвост — овцой не будет»

14. Понятие несоизмеримости или условности материальных ценностей, что на более практическом уровне может обозначать **невыгодный (несбалансированный) обмен/покупку**. При этом ценность приобретенной вещи, в общем-то нужной, полезной, может быть низка только из-за того, что этот процесс купли/обмена произошел преждевременно, до возникновения потребности во втором хозяйственном объекте. *Shit vreshiin e bëj tirë* (Южная Албания) (FU 1983: 460) «продал виноградник и купил чан для вина» (см. выше), т. е. поспешил и совершил глупость, преждевременно продав (или обменяв) источник благосостояния, а в обмен получив тем самым ненужную вещь, ср. рус.: «Выменял глухой у слепого зеркало на гусли», «Сменить корову на ворону». Сюда же можно отнести пословицу, смысл которой состоит в условности ценностей: что ценно одному, не имеет ценности для другого, например, рыба — для кошки и виноградник — для человека: *Macja për peshkun ka shitun vreshiin* (Vlorë) (FU 1983: 493) «кошка ради рыбы продала виноградник»; ср. рус. «На всякий товар свой покупатель», «Что не любишь, то и не купишь».

15. Недобросовестно пользоваться результатами чужого труда. В таких морализующих пословицах лоза, впитывающая в себя тяжелую работу виноградаря, выступает как труженик и противопоставляется дикорастущим бесполезным растениям. *Hardhia e bën rrushin, ferra merr uratën* (Fjalor 1984: 1722) «лоза дает виноград, колючка (колючий куст) принимает благословение (благодарность)», т. е. подразумевается ситуация, когда работу выполняет один, а пожинает плоды или принимает благодарность другой, ср. рус. «Чужими руками жар загребать», «Кляча воду везет, козел бороною трясет — оба работают».

16. Незначительный с виду, но ценный. *Ku është vreshiti më i vogël, është rrushi më i math* (Skrapar) (FU 1983: 605) (см. выше 2.1.1.) «Там, где самый маленький виноградник, самый большой виноград (больше всего винограда)», ср. рус. «Мал золотник да дорог»; «Малый топор срубит большое дерево». *Kërcunjtë janë, po në rrushtë njihen* (Южная Албания) (FU 1983: 422) «(сами они) пеньки (лозы), но по винограду узнаются» —

дополнительный смысл «скромность, неявная красота и польза», ср. рус. «Коли хорош, так не хвались: тебя и так заметят», «Красна ягода, да на вкус горька», «Красота лучше, а правда нужнее».

17. Неискренность, ложь. Поговорка *Fjala rrush, se rrush në malt nuk ka* (Pukë) (FU 1983: 375) «слово [твое] виноград, потому что виноград в горах не растет», т. е. слово твое лживое, которому верить нельзя, оно не соответствует правде жизни.

18. Не полагаться на обещания, быть осторожным с прогнозами, быть скромнее в ожиданиях. Ряд отрезвляющих и предостерегающих поговорок строится опять на базе парности образов «виноград — корзина для его сбора». Например: *Ke veshita e madhe merr kaçilën e vogël, ke veshita e vogël merr kaçilën e madhe* (Kavajë) (FU 1983: 604) «имеешь большой виноградник, бери маленькую корзину, имеешь маленький виноградник, бери большую корзину»; *Ku të thotë ka vreshtë të madhe, merr një shportë të vogël* (Korçë) (FU 1983: 607) «когда тебе говорят, что есть большой виноградник, бери маленькую корзину»; ср. рус. «Обещал бычка, а дает тычка»; «Посулили и забыли».

19. Нерешительность, колебания; непостоянство, осуждаемые народом, строятся на образе дикого винограда, неприхотливой вьющейся лозы, очень быстро обвивающей соседние колышки-опоры (см. выше в 2.1.1.), например: *Mos u hith si larëska hu mbë hu* (Южная Албания) (FU 1983: 530) «не мечись (не перескакивай), как дикий виноград, с одного столбика на другой», т. е. будь постоянным, стабильным, ср. рус. «Непоседа портит беседу», «Нашего непоседа ни дома, ни у соседа».

20. Ничтожность полученного результата по сравнению с высокими ожиданиями. Смысл такого рода поговорок опирается на противопоставление ценного винограда и гораздо менее ценных сухих веток, хвороста. Например: *Shkoi për rrush e pruri shkarpa* (Berat) (FU 1983: 460) «пошел за виноградом, а принес хворост», ср. рус. «Неудача така — ходили по малину, принесли ежа»; «Ходили по ягоду — принесли ябеду».

21. Перенимать один у другого. Метафоризация во всех пословицах и устойчивых выражениях с этим смыслом строится на процессе созревания винограда, на его постепенности и неодновременности. Например: *Rrushi sheh rrushin e nxihet* (Южная Албания) (FU 1983: 725) «виноград смотрит на виноград и темнеет», *Sheh rrushi rrushin e piqet* (Berat) (FU 1983: 726; Thomai 1999: 872) «смотрит виноград на виноград и

спеет», т. е. смотреть друг на друга и брать за образец поведение друг друга, подражать тому, что делают другие (обычно перенимать у старших), ср. рус. «С кем поведешься у того и наберешься»; «С кем поживешь, от того и переймешь»; «Молодой петух поет так, как от старого слышал».

22. Преждевременность действия и нетерпение. В такого рода пословицах осуждается нетерпеливость, мечтательность; субъект слишком рано начинает что-либо делать, не дождавшись завершения прежде начатого. См. *Vreshhtë nuk ka, bën dava me dhelptrat!* (Музеqe) (FU 1983: 967) «Виноградника (у него) нет, а он уже жалобы (поклёп) на лисицу возводит!». Вторичный смысл — **необоснованное обвинение кого-либо**, ср. рус. «Без вины виноват», «Была бы спина, а найдется и вина». См. выше — *Rrushhtë pa arrirë, bën gati kofinë* (Южная Албания) (FU 1983: 451) «виноград не дошел (не созрел), (а он уже) готовит корзину», ср. рус. «Ещё не запряг, а уже поехал»».

23. Пропать зря, потяеть жизнь ни за что. Смысл и причинно-следственные связи в пословицах: *Shkoi si qeni në rrush* (Gjevorì 1980: 254) «сходил как собака в виноградник», *Mos shkofsh si qeni në rrushë* (Shkodër) (FU 1983: 530) «не ходил бы ты как собака в виноградник» — заставляют нас соотноситься с давним традиционным албанским правом. По представлениям албанцев, собака — ценное в хозяйстве животное, и если случится, что ее убьют у где-то около хозяйского двора, то наказанием свершившему это и компенсацией пострадавшему хозяину собаки будет «половина крови». Но если же собаку убьют где-нибудь среди чужой собственности (двор, поле, виноградник), то хозяин ее об этом даже не имеет права заикаться обидчику — это полностью его вина, он должен был держать ее на привязи (Çetta 1981: 57–58). Таким образом, смерть собаки остается без возмещения убытка и становится не только трагичной, но и бессмысленной, ср. рус. «Пропать ни за понюшку табаку», «Пропать ни за грош», т. е. за сухую малость.

24. Расточительность, неразумные траты. Пословицу, осуждающую эти качества и соответствующие поступки, см. выше, где шла речь о таком признаке винограда, как многоплодность. *I bëri (paratë) rrush e kumbulla* «их (деньги) сделал виноградом и сливами, превратил их в виноград и сливы» (Thomai 1999: 871–872; Gjevorì 1980: 154), т. е. растратил, спустил все деньги, ср. рус. «бросать деньги на ветер», см. также близкое по метафоре рус. «Деньги — не щепки, с полу не

поднимешь» (где виноградины, сливы и щепки как воплощение большого количества чего-то, имеющегося в избытке и потому малоценного, во что и превратились деньги, т. е. в пустоту, исчезли).

25. Смежность. Фразеологизм с этим смыслом всегда носит оттенок неодобрения, типа рус. «Два сапога пара» — *Si rrushi e koshi* (Thomai 1999: 871–872; Fjalor 2006: 864) «как виноград и корзина», где подразумевается теснейшая смежность и неразделимость двух предметов в момент сбора урожая (далее — в любой жизненной ситуации), т. е. не разлей вода, один без другого не существует, ср. также рус. «Смола да вар — похожий товар».

26. Труд. 26.1. **Необходимость физического труда для получения результата.** Пословицы с таким смысловым посылом, думается, как и у всякого народа, весьма многочисленны. Например: *S'bëhet vreshi me urata, po me shata e me lopata* (Южная Албания) (FU 1983: 145) «виноградник не делается (обрабатывается) молитвой (благословением), а мотыгой и лопатой»; *Ver pjergullarë, të hash rrush* (Южная Албания) (FU 1983: 147) «ставь перголы, чтобы есть виноград», ср. рус. «Без труда не вынешь рыбку из пруда», «Без хорошего труда нет плода», «Кто пахать не ленится, у того хлеб родится».

26.2. **Положительный результат труда.** Например: *Kush punon vreshtën në gusht, mbush vozat plot me rrush* (Mallakastër) (FU 1983: 130) «кто обрабатывает виноградник в августе, наполняет полные бочки винограда»; *Mbill vreshtë e pi verë* (Южная Албания) (FU 1983: 133) «сажай виноградник и пей вино» = «когда посадишь виноградник, тогда и будешь пить вино», ср. рус. «Трудись до поту — поешь в охоту», «Не ленись за плужком — будешь с пирожком».

27. Упрямство, невозможность переубедить (неумного, незрелого человека). См. устойчивое выражение *rrush i pabërë (i papjekur)* «незрелый виноград» (Thomai 1999: 871–872); так говорится: 1) о незрелом, недостаточно сознательном и умном молодом человеке («недоумок»), 2) об упрямом человеке, которого невозможно убедить, с которым невозможно договориться. Ср. приблизительное по образности рус. «Зелен виноград несладок, а молодой человек некрепок».

28. Щедрость, умение делиться. См. выше пословицу: *As më ke, as të kam; nemë një rrush, të ap një duhan* (Elbasan) (FU 1983: 253) «что ты имеешь — моё, что я имею — твоё, дай мне виноград, я тебе дам табак», ср. рус. «За общим столом еда вкуснее», «Для доброго друга не жаль ни хлеба, ни досуга».

***

Албанский «взгляд на мир» сквозь призму образа винограда и виноградарства в пословицах, поговорках и устойчивых выражениях, как никакой другой слой языка, отражает характер народа и систему присущих ему ценностей. Параллельные русские пословицы, поговорки и сентенции свидетельствуют о полном несовпадении образности даже при совпадении общего смысла и вектора нравственной направленности.

Изучение «флористических» метафор не ново — см. некоторые работы последних лет (Isaev 2015; Pamies, Natale 2015; Pankova 2009; Ryzhkova 2003; Ryzhkova 2008)². Они строятся как на описании национальных метафор, так и на выявлении их специфики на основе сопоставления с параллельным иноязычным неродственным материалом.

В качестве перспективной задачи видится изучение «флористических» метафор в системе *языкового союза* неродственных и неблизкородственных языков. Чтобы вычленить универсальное и специфическое, в частности в связке: «понятие “виноград” — смысловая нагрузка паремий», следует рассмотреть фразеологизмы, пословицы и поговорки соседствующих с албанцами балканских народов, также активно занимающихся виноградарством: греков, сербов, македонцев, болгар и др. Изучение смыслового и метафорического параллелизма или, наоборот, лакунарности в использовании, в частности, образа винограда — и далее иных растений — в национальных балканских паремиях может показать, в какой степени балканская фразеология и паремия могут стать своего рода «союзобразующей» чертой БЯС (балканского языкового союза)³.

---

² К сожалению, почти с полной уверенностью приходится констатировать пока отсутствие публикаций на тему «Фитонимические метафоры в балканской фразеологии».

³ Пока в нашем распоряжении есть только весьма несовершенный и далеко не полный «албаноцентричный» фразеологический «балканский» словарь (Fjalor 1999). Изучение балканской фразеологии и паремииологии находится на старте (Alexander 2021); в центре внимания ученых обычно лишь отдельные понятийные микрополя, а выбор анализируемых балканских языков ограничивается 2–3 интересующими лично авторов (Çërava, Saraçi 2014; Knežević 2016; Genchova Nikolova 2018).

Источники

- Çetta, A. 1967: Disa frazeologji të Drenicës si rezultante të anekdotave popullore. In: *Kërkime folklorike*. Prishtinë: Rilindja, Redaksia e botimeve, 41–75.
- Dizdari, T. N. 2005: *Fjalor i orientalizmave në gjuhën shqipe*. Tiranë: Instituti shqiptar i mendimit dhe i qytetërimit islam.
- Fjalor 2006 — Thomai, J. et al. *Fjalor i gjuhës shqipe*. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë; Instituti i gjuhësisë dhe i letërsisë.
- Fjalor 1984 — *Fjalor i shqipes së sotme*. Kryered. A. Kostallari. Tiranë: Akademia e shkencave e RPS të Shqipërisë; Instituti i gjuhësisë dhe i letërsisë.
- Fjalor 1981 — Kostallari, A. et al. *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe*. I–II. Prishtinë: Rilindja.
- Fjalor 1999 — Thomai, J. et al. *Fjalor frazeologjik ballkanik*. Tiranë: Shtëpia Botuese Dituria.
- Folk. 1939 — *Folklorë*. V. I. *Mbledhje fjalësh, frazeologjije, gojdhana, besimesh të kota, zakonesh...* Tiranë: “Kristo Luarasi”.
- FU 1983 — *Fjalë të urta të popullit shqiptar*. Përgatitur nga J. Panajoti, A. Xhagolli. Tiranë.
- Gjevori, M. 1980: *Frazeologjizma të gjuhës shqipe*. Tiranë.
- Kajtazi, H. 1972: *Proza popullore e Drenicës*. II. Prishtinë, 249–268.
- Modestov, V. 2005: *Albandkiye poslovitsy i pogovorki i ikh russkiye sootvetstviya* [Albanian proverbs and sayings and their Russian correspondances]. Moscow: “Deva-VS”.
- Модестов, В. 2005: *Албанские пословицы и поговорки и их русские соответствия*. М.: «Дева-ВС».
- Thomai, J. 1999: *Fjalor frazeologjik i gjuhës shqipe*. Tiranë: Shkenca.
- Topalli, K. 2017: *Fjalor etimologjik i gjuhës shqipes*. Tiranë: Qendra e studimeve albanologjike; Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë.

Литература

- Alexander, R. 2021: Digital analysis of Balkan phraseology. In: *Strategii mezhbalkansoy kommunikatsii: Perevod. Pereskaz. Umolchaniye* [The strategies of inter-Balkan communication: Translation. Retelling. Paralipsis] / Ed.-in-chief I. A. Sedakova, eds. M. M. Makar-tsev, T. V. Civjan. (Series Balcanica. 16.) Moscow: Institute of Slavic Studies : Indrik, 43–46.
- Alexander, R. 2021: Digital analysis of Balkan phraseology. В сб.: *Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание* / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарец, Т. В. Цивьян. (Балканские чтения. 16.). М.: Институт славяноведения РАН: Индик, 43–46.

- Arut'unova, N. D. 1990: Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In: Teoria metafori [*The Theory of Metaphor*], eds. N. D. Arut'unova, M. A. Zhurinskaya. Moscow: Progress, 3–32.
- Арутюнова, Н. Д. 1990: Метафора и дискурс. Вступительная статья к сб.: *Теория метафоры*. Под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 3–32.
- Çërava, E., Saraçi, A. 2014: The phraseology of “head” in relation with Balkan mentality (contrastive analysis of the phraseology of Albanian, Bulgarian and Greek languages). *Diversité et Identité Culturelle en Europe (DICE)* — 2014, 125–132.
- Genchova Nikolova, R. 2018: Phraseological units with head words designating watercraft in Bulgarian and Greek. *Center for Open Access in Science — Belgrade — Serbia (COAS). 2nd International e-Conference on Studies in Humanities and Social Sciences*. 21 December 2018 (<https://doi.org/10.32591/coas.e-conf.02.03039n>)
- Isaev, Yu.N. 2015: *Fitonimicheskaya kartina mira v raznoskruturnykh yazykakh* [Phytonymic picture of the world in different structured languages]. Doctoral thesis. 10.02.20. Cheboksary.
- Исаев, Ю. Н. 2015: *Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках*: дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.20. Чебоксары.
- Knežević, K. 2016: [Balkan Parallels: Phraseological Units containing the Word ‘Head’]. Observations on material from Bulgarian, Serbian and Turkish]. *Filologičeski forum* [Philological Forum] 2 (4), 118–125.
- Кнежевич, К. 2016: Балкански близости: фразеологизми с компонент “глава”. *Филологически форум*. 2 (4), 118–125.
- Lakoff, G., Johnson, M. 1980: *Metaphors we live by*. Chicago — London: The University of Chicago Press.
- Pamies, A., Natale, D. 2015: Floral symbolism in creative metaphors and in phraseology. In: Grandl, Ch., McKenna, K., et al. (eds.): „*Bis dat, qui cito dat*“: *Gegengabe in Paremiology, Folklore, Language and Literature*. Frankfurt: Peter Lang, 305–318.
- Pankova, T. N. 2009: *Natsional'naya spetsifika metaforicheskoy nominatsii (na materiale russkikh i angliyskikh leksem, ob'yedinennykh semanticheskimi komponentami “rasteniye”* [The national specifics of the metaphorical nomination (based on the material of Russian and English lexemes united by the semantic component “plant”]. Doctoral thesis. 10.02.19. Voronezh.
- Панкова, Т. Н. 2009: *Национальная специфика метафорической номинации (на материале русских и английских лексем, объединенных семантическим компонентом “растение”)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19. Воронеж.
- Perry. Aesopica: <http://mythfolklore.net/aesopica/perry/index.htm>
- Ryzhkova, E. V. 2003: *Floristic metaphor and conceptual picture of the world of a native English speaker* [website] Electron Data — Access mode: edu.novgorod.ru/data/educat/lib/3/9/00139/ryzhkova01-31012003.doc

- Ryzhkova, E. V. 2008: [Floristic metaphor and conceptual picture of the world of a native English speaker]
- Рыжкова, Е. В. 2008: *Флористическая метафора и концептуальная картина мира носителя английского языка*. URL: edu/data/educat/lib/3/9/00139/ryzhkova01_.doc (дата обращения 15.01.2024)
- Serebrennikov, B. A, 2010: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i myshleniye* [The role of the human factor in language: Language and thinking]. 2nd Edition. Moscow: Librokom.
- Серебренников, Б. А. 2010 *Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление*. Изд. 2 . М.: Librokom.
- Teliya, V. N. 1996: *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kultury".
- Телия, В. Н. 1996: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Zinken, J. 2008: Linguistic pictures of the world or language in the world? Metaphors and methods in ethnolinguistic research. *Etnolingwistyka*, 20, 51–62.

С. К. Егорова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
s.egorova@spbu.ru

***RES QVAE IN ACADEMIAE THESAURIS INSUNT:*
ЛАТИНОЯЗЫЧНОЕ ОПИСАНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.**

В статье разбираются описания древних предметов, сделанные в 30–40 гг. XVIII в. при подготовке каталога «*Musei Imperialis Petropolitani*» и приведенные в альбоме акварелей «*Icones pictae rerum quae in Academiae Thesauris insunt*» (часть, хранящаяся в Кунсткамере, обработана и размещена в открытом доступе сотрудниками *СПбФ АРАН*): кроме высокого языкового уровня (в частности, отмечены редкие слова, подходящие для обозначения предметов и изображенных на них животных) в одном случае было замечено выражение *pharetra sagittis gravida*, восходящее к оде Горация (*Carm.* 1. 22. 3).

Ключевые слова: Гораций в России, Каталог “*Musei Imperialis Petropolitani*”, Кунсткамера, Петербургская Академия наук.

S. K. Egorova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
s.egorova@spbu.ru

***Res quae in Academiae Thesauris insunt: Latin descriptions
of Kunstkamera antiquities made in the first half of the 18th century***

The paper reviews the descriptions of ancient objects made in the 1730s and 1740s during the preparation of the catalogue *Musei Imperialis Petropolitani* and given in the album of watercolours *Icones pictae rerum quae in Academiae Thesauris insunt* (The part preserved in the Kunstkamera has been processed and made accessible to the public by the staff of the *Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg branch*).

Apart from the high language level — one may notice, in particular, some rare words (*marsuppium, urus, alces* etc.) aptly denoting objects and animals depicted on them — in one case a reminiscence from Horace was encountered: when describing a belt plaque depicting a scene unclear even to our contemporaries (Hermitage, № Си 1/162), the authors of the description used the expression *pharetra sagittis gravida*, which dates back to Horace’s odes (*Carm.* 1. 22. 3).

Keywords: Catalogue *Musei Imperialis Petropolitani*, Horace in Russia, Petersburg Academy of Science, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, the Kunstkamera.

В год 300-летия Петербургской Академии наук нам показалось уместным обратиться к первым опытам отечественной науки в сфере описания археологических находок и рассмотреть восходящий к тому времени источник по истории науки, которому не удалось уделить достаточно внимания во время подготовки издания «Петр Великий и античность» (Pozdnev et al. 2022). Речь идет об альбоме рисунков собрания Кунсткамеры, выполненных с 1732 по 1753 г. и начатых, как считается, по приказу Петра II о создании иллюстрированного каталога (Kistemaker et al. 2003: 6). Всего было выполнено около 4000 рисунков, до наших дней дошло немногим более половины.¹ В альбоме, озаглавленном «*Icones pictae rerum quae in Academiae Thesauris insunt*», содержатся некоторые текстуальные пометы, однако более информативны помещенные на рисунок каждого предмета пункты из печатного каталога «*Musei Imperialis Petropolitani volumina I–II*» (vol. I–II, 1741–1745, далее *MIP*).

На данный момент в свободном доступе размещена часть, хранящаяся в Архиве АН в СПб (Р. IX. Оп. 4): <https://ranar.spb.ru>, раздел «Тематические базы данных» (далее — Basargina, Iodko, Shchedrova 2023 с указанием на номер — #). Подписи ко всему альбому с незначительным иллюстративным сопровождением были опубликованы в 2003 г. в издании ««Нарисованный музей» Петербургской Академии наук» (далее — *Painted Museum 2003* с указанием на номер — №).

Помета² в *MIP* включала в себя краткое описание предмета на латинском языке: назначение, иногда предполагаемое³,

---

¹ К сожалению, собрание было разделено еще в XIX в. и, представляя собой как историческую, так и художественную ценность, хранится в трех разных местах: это СПбФ АРАН, Государственный Эрмитаж и Русский музей (некоторые разделы были утрачены или не локализованы — так, например, несомненно были зарисованы античные геммы, однако листы с их изображениями находятся, вероятно, в архивах Екатерины II).

² Сложнейший и исследуемый в настоящий момент специалистами вопрос об авторстве не будет разбираться в настоящем материале. О возможном авторстве описаний естественно-научной коллекции см., например, Koraneva, Chistov 2018 [с библиографией]. Отметив, что с 1724 г. каталогизация хранящихся предметов входила в обязанности И. Д. Шумахера (1690–1761) как «надсмотрителя всяких раритетов и натуралей» (*Kunstcamera (1714–1836)*: 183), далее мы будем использовать выражение «авторы помет».

материал, размер и вес, происхождение. Современные издания добавляют пояснение в современной терминологии, данное на основании сопоставления предмета с аналогами: e.g. помета “*Simulacra animalium novem e metallo fusa, e tumulo sepulcrali in Siberia eruta*” получила уточнение⁴, что предметы относятся к Тагарской (nn. 1, 6, 9) и Сросткинской (№ 2) культурам, Сибирскому звериному стилю (nn. 3, 5, 4, 8), а предмет п. 9, возможно, происходит из Ср. Азии (Basargina, Iodko, Shchedrova 2023: #261).

1. Общая характеристика латинской терминологии

В альбоме и каталоге представлены все группы предметов, экспонировавшихся в Кунсткамере петровского времени, включая образцы растений, минералов, животных, инструменты, обширный археологический и этнографический материал (прежде всего собрание модной в те времена *Chinoiserie*). Далее будут приведены латинские описания археологических древностей⁵, но для самых общих наблюдений за особенностями языка важны также различные предметы прикладного искусства. Среди прочего было отмечено следующее:

а) Авторы помет стремились сохранить латинскую лексику в рамках классической — это видно в случаях, когда речь идет о не имеющем аналогов в античности предмете: например, каждый раз при слове *tubulus* поясняется: *quo fumus tobaci hauritur* (иногда в скобках); тогда как для других предметов найдено слово, пусть и редкое: например, использованное в #171 *marsupium*, ‘сумочка’, ‘клатч’, встречается лишь у Плавта и Варрона.

б) В связи с самим характером изображенных предметов часто встречаются диминутивы: *icunculae* (#2, #61 etc.), *vasculum* (passim), *colliculum* (#5, ‘подставка в виде холма’) и др.

в) Особенностей орфографии по сравнению с современной почти не замечено, хотя встречаем вариативное использование *ch* (*simulachrum*, но *sepulcralis*).

---

³ E.g. “forte cultri” (*Painted Museum* 2003: № 698).

⁴ В публикации СПбФ АРАН атрибуция археологических памятников Сибири принадлежит доктору исторических наук Д. Г. Савинову.

⁵ Прежде всего более знакомые автору предметы, восходящие к Античному миру, хотя следует отметить древность и нескольких предметов из Китая (3 в. до н. э.).

д) Интересным представляется употребление прилагательного *conspiciuus*, которое подчеркивает декоративность изделия; стоит отметить удачный перевод этого слова в издании 2022 г. (переводчики: Е. Ю. Басаргина, М. В. Поникаровская, М. Л. Сергеев, А. С. Сергеева). Например, помета #65 [=MIP, vol. II, P. I, p. 134, N 75]: “*Laternae duae cornuae Chinenses diversis figuris chartaceis pictis, et laciniis conspicuae*” переведена как: «Два китайских рогообразных фонаря, украшенных различными нарисованными на бумаге фигурами и затейливыми подвесками», а #110 [=MIP, vol. II, P. I, p.107, N 66–67]: “*Duo pocula ex alabastro diversicolore Chinensi, floribus et fructibus excisis conspicua*” — как «Два бокала из разноцветного китайского алабастра, с затейливыми резными цветами и плодами».

е) Поскольку описания производились по внешнему виду, иногда заметно смешение сходных по форме предметов: существительное *armilla*, обозначающее ‘браслет’, использовалось также для гривны, которая в свою очередь обозначается не только обычным *monile/monilium*, но и *diadema*.

2. Предметы сакской и скифской культур

К периоду составления каталога уже была собрана внушительная коллекция предметов, впоследствии соотнесенных с кочевыми народами I тыс. до н. э. В нее входили как предметы так называемой Сибирской коллекции Петра⁶, так и собрание Д. Г. Мессершмидта. К последнему относится, в частности, наш первый экспонат — бронзовый жертвенник (#174 = MIP vol. II, P. I, p. 113, N 230):

“*Vas metallicum, disci forma, alto pede superpositum, in cuius medio duae vulpes erectae stant; et in margine octo leones, cum totidem uris certantes, conspicuuntur*”.

Современное описание относит этот предмет к культуре саков Семиречья (5–3 вв. до н. э.), в частности из-за типичного сюжета: «по борту сцены терзания животных» (*Painted Museum* 2003: № 679). Интерес в латинском описании вызывает сравнительно редкое слово *urus* — ‘зубр’, ‘дикий бык’ — оно явно относилось к специальной лексике, обозначая редкое животное

⁶ О ней см.: Rudenko 1962: 7–10; Zavituhina 1977.

северных регионов⁷ и прекрасно подходит для обозначения изображенных копытных животных.

В случае материала, который можно было уже тогда без преувеличения назвать массовым — браслетах, гривнах, поясных пластинах — важным представляется почти всегда указанное археологическое происхождение, пусть и в самых общих словах: *e terra effossa/eruta, ex tumulo sepulcrali eruta*, иногда с добавлением *in Siberia*. Точное место, например, Семипалатинск, встречается редко (#250, см. ниже).

3. «Скифские светильники»

Интересную серию представляют собой несколько предметов, обозначенные как *Lychnus Scythicus*.

К чести первого российского музея следует сказать, что его собрание на тот момент уже включало подлинные античные светильники, преимущественно римские. О них можно судить по целым листам альбома⁸, где глиняные светильники изображены по 5–7 шт. (*Painted Museum* 2003: №№ 777–780) и по бронзовому римскому светильнику 1 в. н. э. (#280)⁹, который, впрочем, именуется “*vas oblongum e supro calcei prope forma*”.

Однако с двумя произведениями, записанными в вышеуказанную категорию, произошла явная ошибка. Изделие #249 (=MIP vol. II, P. I, p. 113, N 226) было произведено в Европе (вероятно, в 13 в. в Хильдесхайме¹⁰): об этом говорят даже клейма, которые приведены на рисунке акваманила (рукомоя) в виде кентавра. При этом предмет явно считался ценным — на рисунке указан его автор Ф. Г. Маттарнови¹¹ и дата “*von 25 october 1732*”. (Вопросы несколько иного рода вызывает описание кентавра, пусть и действительно весьма приземистого, как человека-медведя: “*Lychnus Scythicus ex aere, centaurum referens, superne corpore humano, inferiore ursino*”).

⁷ Caes. *BG* 6. 28. 1; Sen. *Phaedr.* 65; Plin. *HN* 8. 38; Tac. *Ann.* 4. 72. Вергилий имеет в виду диких (*silvestres*) быков (*G.* 2. 374).

⁸ Например, выполненный Григорием Качаловым рисунок с 7 светильниками (#263; *Kunstcamera (1714–1836)*: 89).

⁹ Изображение: *Painted Museum* 2003: №687; Neverov 1977: 40; Egorova 2022: 375.

¹⁰ Basargina, Iodko, Shchedrova 2023: #249.

¹¹ Сын архитектора Г. Маттарнови.

Приблизительно тем же временем датируется современными специалистами светильник в виде коровы (#175). Однако он, возможно, и не считался древним (он назван просто “*lampas e metallo*”), хотя тот факт, что был указан автор рисунка (Иван Соколов), говорит о предполагаемой ценности.

Оба эти предмета, конечно же, не имеют указания об археологическом происхождении.

Два других предмета этой серии в современных изданиях не получили атрибуции как восходящие к Новому времени. Это особенно важно для рисунка #250 (= *MIP* vol. II, P. I, p. 113, N 227; *Н.М.* 2003: №676). На выполненном Фр. Бернсом рисунке светильника в форме всадника (“*Lampas instar Scythicae statuae equestris, e sepulcris eruta*”) указано, что он происходит из раскопок¹² в Семипалатинске, и имеется отсылка к гравюре в знаменитом словаре Бернара де Монфокона (*Suppl. Vol. 5, tab. LXXI*), который также указывает на сибирское происхождение предмета и называет дату обнаружения — 1721 год. Как на рисунке, так и на гравюре воспроизведен римский светильник с двумя рожками, украшенный статуэткой всадника в античном одеянии и венке¹³.

Почему же светильник с широко известным атрибутом римского полководца назван скифским? Недоумения добавляет и то, что в приведенном выше описании прилагательное *Scythicus* отнесено не к собственно светильнику (что могло бы указывать на его происхождение из курганных раскопок), а к форме статуи. Возможно, следующий¹⁴ предмет, фрагмент светильника в виде коня (“*Lychnus Scythicus figuram equi referens*”, #251, №677), вызвал обобщенное представление о скифском происхождении подобных светильников и, напомнив автору конные изображения скифов, привел к столь удивительной формулировке.

---

¹² Об их организации см. *Zavituhina* 1977: 68.

¹³ Хотя именно в этом случае материал не указан, современное описание называет светильник медным. См. похожее изделие: *Daremberg, Saglio* 1963: 1328.

¹⁴ Очередность и в альбоме, и в каталоге *MIP* шла по месту хранения («по шкапам»).

4. Фалар с изображением головы Геракла

Описание при рисунке #264, по-видимому, намеренно избегает имени персонажа, хотя перечислены его атрибуты:

“*Sigillum*¹⁵ in quo facies barbata, leonina pelle et annulo¹⁶ cincta, caelata est” (=MIP Vol. II, P. I, p. 105, N 25).

Этот предмет восходит к экспедиции Д. Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. и датируется 4–3 вв. до н.э. лишь по этому изображению — как и многие другие изображенные в альбоме предметы, он утрачен, возможно, при пожаре Кунсткамеры 1747 г.

5. «Сцена под деревом»

Пожалуй, самым интересным и по крайней мере самым сюжетным предметом из Сибирской коллекции Петра являются две симметричные поясные пластины, которые часто именуется «Сценой под деревом» (ГЭ Инв. № Си 1/162, экспонируются в Золотой кладовой).

При передаче в Кунсткамеру привезенные предметы сопровождалась лишь краткой и часто чисто технической справкой, в данном случае: «Две штуки. На них под деревом человек держит две лошади. В обоих весу два фунта двадцать четыре золотника»¹⁷. Гораздо более подробные описания нашего времени¹⁸ обращают особое внимание на других персонажей —

---

¹⁵ Neverov (1977: 51) переводит словом *щиток*, Basargina, Iodko, Shchedrova 2023: #264 называют предмет фаларом и в тексте описания переводят как *печать*. *OLD* дает для *sigillum* значение любого изображения, причем не обязательно скульптурного (2b).

¹⁶ Возможно, здесь в значении ‘цепь’ (Basargina, Iodko, Shchedrova 2023: #264); однако на довольно крупном воспроизведении (Neverov 1977: 41) вокруг лица видна цельная окружность.

¹⁷ Цит. по Rudenko 1962: прим. к Табл. VII; см. также Zavutuhina 1977: 66.

¹⁸ Для сравнения приведем описание С. И. Руденко (Rudenko 1962: табл. VII): «Литая ажурная пластина-застёжка (правая) с изображением расположившихся под деревом двух мужчин и женщины. Один из мужчин сидит, поджав ноги, и держит за чумбур двух осёдланных лошадей; другой мужчина лежит, положив голову на колени сидящей женщины в высоком головном уборе. Лошади с подстриженными гривами, заплетёнными хвостами, в уздах и с мягкими седлами, снабженными нагрудным и подхвостным ремнями. На дереве висит горит с луком и стрелами, а также, по-видимому, и меч. Стрелы оперённые. Для крепления к одежде на обратной стороне пластины отлиты

женщину и лежащего мужчину — и висящий на дереве колчан (горит).

О сюжете современными исследователями (подробнее см.: Alekseyev 2012: 34–35, с библи.) высказывались различные предположения — например, о переходе воина, привезенного своим товарищем, в иной мир (или даже о его воскрешении); также привлекалось сообщение Геродота о значении висящего горита, который, если его трактовать как часть свадебной обрядности,¹⁹ указывает на брак с героиней, возможно, богиней. Поскольку труд Геродота скорее всего был известен²⁰ авторам описания, интересным представляется, могли ли они вспомнить эту деталь глядя на загадочный сюжет.

Описание, данное при подготовке каталога *MIP* (Vol. II, P. I, p. 185, N 30) и соответствующий рисунок (*ГЭ*, инв. № ЭРР-7158), дает ответ на этот вопрос:

Similes²¹ [bractaeae] in quibus arbor, ex qua pharetra sagittis graviora pendet, et quiescentes equites exprimuntur.

Итак, мы видим, что авторы описания не помышляли о драматической ситуации или сакральном смысле: в их понимании всадники (возможно даже, что за них были приняты все три фигуры) просто отдыхают под деревом. Из многочисленных деталей, интригующих наших современников, они отметили только помещенный в центре композиции и возможно поэтому привлекающий внимание колчан — который получил неожиданное литературное оформление в виде дополнения *sagittis graviora*, несомненно восходящего к оде Горация 1. 22:

два ушка с небольшими отверстиями, возвышающимися над поверхностью пластины на 8 мм: одно — под третьей с края ногой лошади и другое — под верхним краем горита».

¹⁹ Her. I, 16: τῆς γὰρ ἐπιθυμῆσῃ γυναικὸς Μασσαγέτης ἀνὴρ, τὸν φαρετρεῶνα ἀλοκρεμάσας πρὸ τῆς ἀμάξης μίσγεται ἀδεῶς. Геродот цитирует Элиан (6, 60): Μασσαγέται μὲν, ὡς Ἡρόδοτος λέγει, τὸν φαρετρεῶνα πρὸ γε ἑαυτῶν κρεμάσαντες, εἶτα μέντοι ὁμιλεῖ τῇ θηλείᾳ. О типах брака, известных Геродоту, см. Asheri 2007: 284.

²⁰ Хотя русский перевод был сделан лишь в 1760-х гг., тексту Геродота посвящены *Notitia orbis antiqui* Христофора Келлера (Лейпциг, 1701–1706), и сочинение стольника Андрея Лызлова (1692).

²¹ Предметы описаны один за другим, в данном случае в составе поясных блях (пластин).

Integer vitae scelerisque purus
non eget Mauris iaculis neque arcu
nec venenatis grvida sagittis,
Fusce, pharetra.

Хотя при цитировании и опущено слово *venenatis* (важное у Горация — оно подчеркивает варварскую обстановку, даже среди которой чистый сердцем человек может не опасаться за свою жизнь²²), выражение показалось автору пометы подходящим для описания сцены из жизни незнакомого ему народа. Конечно, эта деталь имеет частный характер, однако то, что для описания археологического артефакта слова Горация показались более созвучными древнему сюжету, чем чисто исторические сведения, может помочь в определении авторства по крайней мере этой пометы.

Литература

- Asheri, D. 2007: *A Commentary on Herodotus. Books 1–4*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Daremberg, Ch., Saglio, Edm. 1963: *Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines*. Т. III. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt.
- Aleskeyev, A. Ju. 2012: *Zoloto skifskih tsarej v sobranii Ermitazha* [Gold of the Scythian Kings in the Hermitage Collection]. St. Petersburg: The State Hermitage.
- Алексеев, А. Ю. 2012: *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. СПб: ГЭ.
- Basargina, Iodko, Tshedrova, 2023: *Risunki predmetov hranivshisja v Kunstkamere XVIII v. (R. IX, Op. 4)* [Drawings of Objects Kept in the Kunstkamera of XVIII century. (Section IX. Inventory 4)] // СПбФ АРАН (ranar.spb.ru) [Available 17.03.2024].
- Басаргина, Иодко, Щедрова 2023: *Рисунки предметов, хранившихся в Кунсткамере XVIII в. (Р. IX. Оп. 4)* Эл. ресурс: [СПбФ АРАН \(ranar.spb.ru\)](http://СПбФ АРАН (ranar.spb.ru) [Дата обращения: 17.03.2024]
- Egorova, S. 2022: [Antique Artefacts in Imperial and Private Collections]. In: *Pyotr Velikiy I antichnocht'*. [Peter the Great and Antiquity]. St. Petersburg: Publishing and Printing Association of Higher Education Institutions, 335–382.
- Егорова, С. К. 2022: Античные артефакты в императорских и частных коллекциях. В колл. монограф.: *Петр Великий и античность*. СПб: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 335–382.

---

²² Nisbet, Hubbard 1970: ad loc.

- Kistemaker, R. E. et al., 2003: Vvedenie [Introduction]. In: *Painted Museum 3003* [= “Narisovannyj muzej” Peterburgskoj Akademii nauk 1725–1760. St. Petersburg: Evropeyskij dom] 5–15.
- Kopaneva, N. P., Chistov, Yu. K. 2018: [To the Publication of the Catalogue of Collections of the Kunstkamera Vol. I. Part. 1. Anatomical Collection]. *KUNSTKAMERA* 1, 190–199.
- Копанева, Н. П., Чистов Ю. К. 2018: К публикации каталога коллекций Кунсткамеры Т. I. Ч. I. Анатомическая коллекция. *KUNSTKAMERA* 1, 190–199.
- Kunstkamera (1714–1836) s. a: Kunstkamera (1714–1836). K 300-letiyu pervogo akademicheskogo muzeya* [*Kunstkamera (1714–1836). To the 300th Anniversary of the First Academic Museum*] / Кунсткамера (1714–1836): К 300-летию первого академического музея (www.gas.ru) [Available 17.03.2024].
- Кунсткамера (1714–1836) б/з: Кунсткамера (1714–1836). K 300-летию первого академического музея*. Эл. ресурс: Кунсткамера (1714–1836): К 300-летию первого академического музея (www.gas.ru) [Дата обращения 17.03.2024]
- Neverov, O. Ya. 1977: [The Antique Art Monuments in Russia of the Petrine Period]. In: *Kul'tura i iskusstvo petrovskogo vremeni*. L: Аврора, 37–35.
- Неверов, О. Я. 1977: Памятники античного искусства в России Петровского времени. В сб.: *Культура и искусство петровского времени*. Л: Аврора, 37–35.
- Nisbet, R. G. M., Hubbard, M. 1970: *A Commentary on Horace. Odes Book I*. Oxford: Clarendon.
- Painted Museum 2003: “Narisovannyj muzej” Peterburgskoj Akademii nauk 1725–1760* [“Painted Museum” of the St. Petersburg Academy of Sciences 1725–1760]. St. Petersburg: Evropeyskij dom. «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук 1725–1760. СПб: Европейский дом.
- Pozdnev et al., 2022: *Pyotr Velikiy i antichnocht'* [Peter the Great and Antiquity]. St. Petersburg: Publishing and Printing Association of Higher Education Institutions.
- Позднев и др., 2022: Позднев, М. М. (ред.), коллектив авторов: *Петр Великий и античность*. СПб: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений.
- Rudenko, S. I. 1962: *Sibirskaya kolleksiya Petra I* [*Peter the Great's Siberian Collection*]. М.; Л.: Izdatel'stvo AN SSSR. Руденко, С. И. 1962: *Сибирская коллекция Петра I*. М.; Л.: Изд. АН СССР.
- Zavituhina, M. P. 1977: [On the Question of the Time and Place of Formation of the Siberian Collection of Peter the Great]. In: *Kul'tura i iskusstvo petrovskogo vremeni*. L.: Аврора, 63–69.
- Завитухина, М. П. 1977: К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I. В сб.: *Культура и искусство Петровского времени*. Л.: Аврора, 63–69.

В. В. Емельянов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия. banshur69@gmail.com

ОБ АНАХРОНИЧНЫХ СЛОВАХ И СМЫСЛАХ В ПЕРЕВОДАХ КЛИНОПИСНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ

В статье рассмотрены случаи, когда при переводах клинописных текстов для передачи древних реалий и ситуаций используются анахроничные слова, а древнему подлиннику присваиваются смыслы более поздних религий и культур. В качестве примеров взяты переводы литературных текстов с аккадского и шумерского языков на русский и английский языки. Рассмотрены четыре случая: 1) слова из иудео-христианской культуры, 2) выражение из советской эпохи, 3) смысл из протестантской культуры, 4) слово, сопровождаемое эмоциональной окраской из иудео-христианской культуры. Показано, как перевод литературного текста с современного языка на язык Древнего Востока способствует усвоению разницы культурных смыслов.

Ключевые слова: шумеро-аккадская литература — переводы — анахронизмы — инокультурные смыслы.

V. V. Emelianov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. banshur69@gmail.com

About different cultural meanings and anachronisms in translations of cuneiform literary texts

The article examines cases when, during translating cuneiform texts, anachronistic words are used to convey ancient realities and situations, and the meanings of later religions and cultures are imposed on the ancient original. Translations of literary texts from Akkadian and Sumerian into Russian and English are taken as examples. Four cases are considered: 1) words from Judeo-Christian culture, 2) an expression from the Soviet era, 3) a meaning from Protestant culture, 4) a word accompanied by an emotional connotation from Judeo-Christian culture. It is shown how the translation of a literary text from a modern language into the language of the Ancient East contributes to the comprehension of the difference in cultural meanings.

Keywords: Sumerian-Akkadian literature — translations — anachronisms — different cultural meanings.

«...надо достигнуть того, чтобы от наших переводов читатель не шарахался в недоумении или не улыбался в неподходящих местах (а это иногда возможно и тематически, но тут мы уже не причем — виною несовместимости понятий разных культурно-исторических формаций)».

А. Н. Егунов (Egunov 2023: 46)

Отечественная филология богата статьями о методологии перевода с восточных языков. Среди них выделяются немногочисленные статьи ассириологов В. К. Шилейко, И. М. Дьяконова и В. К. Афанасьевой. В них подробно излагается реконструкция метрики аккадского стиха, даются рекомендации по передаче на русский язык основных особенностей шумерской и аккадской поэтики, к числу которых относятся повторы, разные виды параллелизмов, амебейная композиция, внутренняя рифма (Ассиро-вавилонский эпос 2007 (1919): 353–358; Diakonoff 1961: 134–143; Afanas'eva 1979: 38–56; 1981: 5–30). Однако до сих пор не было работ, в которых перевод с языков, записанных клинописью, изучался бы в культурологическом аспекте. Ведь современный ассириолог-переводчик не должен навязывать древнему тексту представления своей эпохи или собственной культуры, что так легко выходит у специалистов другого профиля при переводе христианских или современных европейских текстов. Погружаясь в клинописный текст, мы должны самым пристальным образом вчитываться в его смыслы, а не только в реалии. Это поможет нам избежать нескольких видов ошибок. Во-первых, это случаи, когда исследователь переводит шумерский или аккадский термин словом из другой эпохи. Во-вторых, это перевод древнего выражения идеологемой недавнего времени, что вызывает у читателя неизбежную смеховую реакцию. В-третьих, это избрание такого варианта перевода, который согласуется с системой ценностей, принятой в культуре переводчика, но совершенно невозможен для культуры подлинника. В-четвертых, это перевод древнего слова, имеющий окраску отношения людей совсем другой эпохи к объекту, обозначенному данным словом. Рассмотрим некоторые типичные случаи анахроничных слов и смыслов¹.

---

¹ Проблема анахронизмов в переводах античных авторов в настоящее время отражена в ряде научных статей. Например, В. М. Смирин, анализируя переводы с греческого и латыни в советских изданиях 1918–1933 гг., приводит две характерные переводческие позиции.

Случай 1. «Книгочеты» и «Распяты»

Основатель российской ассириологической школы В. К. Шилейко был выдающимся переводчиком клинописных литературных текстов на русский язык, замечательным историком Древнего Востока, и очень редко допускал подобные случаи. Но в корпусе его переводов можно найти два анахронизма. При переводе начальных строк первой таблицы аккадского эпоса о Гильгамеше Шилейко пишет, что Гильгамеш изведает «[глубину] премудрости всех [книгочетов]» (Ассиро-вавилонский эпос 2007 (1919): 355). Этот фрагмент является реконструкцией,

---

Первую из них высказал Адриан Пиотровский: «Софокл и Аристофан не могут иметь “исторической” ценности, они или совершенно мертвы, или живы, как современники наши, оспариваемые, почитаемые, поносимые» (Piotrovskij 1923, 10). Другую позицию занял Б. И. Ярхо. Смирин пишет: «О задачах переводчика автор предисловия к “Сатирикону” — Б. И. Ярхо — говорит очень много. Перевод должен заменить оригинал для непрерывно расширяющегося (с отменой классического образования) круга читателей (стр. 12). Отсюда и цель перевода — заставить читателя воспринимать текст хотя бы приблизительно так, как воспринимает его наш современник, хорошо знакомый с латинским языком и литературой» (стр. 13). Это не значит, что перевод рассматривается как нечто прикладное, служебное. Напротив. «При такой трактовке текст перевода должен производить впечатление чего-то иностранного; понятного, но нового и необычного, и, таким образом, выполнять единственное, по нашему мнению, художественное назначение всякого перевода: обогатить новыми формами литературу того языка, на который произведение переводится» (Smigin 1967). Если Пиотровский приближает оригинал к эпохе читателя, то Ярхо хочет приблизить современную литературу к древнему образцу, дабы обогатить ее с формальной стороны. Однако нечто совершенно иное начинает требоваться с 1960-х годов, когда появляется филология, отдаляющая текст от читателя ровно на ту дистанцию, которая исторически отделяет время перевода от времени написания оригинала. Это иное — смыслы культуры, связанные с религией и мировоззрением древности, которые нужно бережно сохранить при переводе. Это требование касается текстов Древнего Востока даже в большей степени, чем античных, потому что вавилонские или египетские тексты написаны задолго до «осевого времени» и авраамических религий. Дело именно в том, что древние авторы это не наши современники и мы ничего не собираемся у них заимствовать для собственных литературных сочинений. Для нас теперь привлекательно то, *что* и *как* они думали о мире.

полный состав знаков пролога не был известен в 1919 г. Поэтому мы не приводим подлинник. Но, разумеется, в культуре древней Месопотамии не могло быть слова «книгочеты», поскольку там не было папирусной или бумажной книги, а в языках древней Месопотамии отсутствует глагол «читать»². Табличку можно было или «видеть» (*amāru*), или «слышать» (*šemû*; *šušmû* «дать прослушать»), или «озвучивать» (*šitassû*), но в любом случае написанное на глине нельзя назвать книгой (Charpin 2009: 40, 55–56). Шумерские слова *dub-sar* «писец на глиняной табличке» и производное аккадское *tuṣṣarru* не встречаются в значении «книжник»³.

Еще один случай анахронизма, на сей раз более сложный. В переводе старовавилонской молитвы к ночным богам читаем (Schileico 1924: 144):

Великие боги ночные,
 Пламенный Гибиль, могучий Ирра,
 Лук и Ярмо, Распятье⁴, Дракон,
 Колесница, Коза, Овен и Змея, —
 Ныне восходят.

² Ни в шумерском, ни в аккадском эпосе Гильгамеш не связан с письмом, чтением и табличками. В Прологе сказано, что он оставляет рассказ о своих трудах (конечно, продиктованный писцу) на закладной стеле (I 8), а в VII части аккадского эпоса упомянута дева-писец Подземного мира Белет-цери (VII 203). Все ровно наоборот: это не Гильгамеш набрался мудрости из табличек, а писцы будущего наберутся мудрости, читая рассказ о его странствиях.

³ Словарь приводит силлабарные соответствия, среди которых шумерские слова, обозначающие врача (*a-zu*), учетчика (^{um}-bi-sag^šID), а также соответствия из двуязычных текстов, где есть аккадские варианты *tu-du-u₂* «знаток, эксперт» и *tuṣṣar Enūma Anu Ellil* «астролог» (CAD T: 152–153). М.А. Дандамаев пишет, что термин *se-pi-ru*, связанный с араб. и древнеевр. *sefer* «свиток, книга», встречается в клинописи только начиная с Нововавилонского периода и помечается как «писец на коже» (Dandamaev 1983: 11). Значит, «книжники» Месопотамии в точном смысле этого слова появляются только с Нововавилонского периода.

⁴ Есть также вариант перевода «Ужас», встреченный мною в машинописи «Ассиро-вавилонского эпоса» (Ассиро-вавилонский эпос 2007: 154). Переводчик явно не знал, что делать с названием созвездия, отсюда такие странные варианты.

У Шилейко здесь анахронизм «Распятье». В древней Месопотамии не было представлений о распятии бога на кресте, не было и самой казни распятием. Поэтому абсолютно невозможно созвездие с таким смыслом. Во вторичной публикации перевода «Распятье» И. М. Дьяконов своевольно заменил на «Крестовина» (Я открою: 221, 323), хотя можно было обратиться к первоисточнику и убедиться в том, что в тексте упомянуто созвездие Орион, не имевшее отношения к кресту. По-шумерски Орион назывался SIPA.ZI.AN.NA «Праведный Пастырь Неба»⁵. Но в подлиннике стоит аккадское название Ориона *ši-ta-ad-da-ru-um*. Что это значит — неизвестно (Lenzi 2011: 77, прим. 18). В аккадских астрономических и лексических текстах встречаются три варианта данного слова: *šitadarrum*, *šitadallum*, *šidallum*. В двух позднеавилонских текстах есть комментарий к его этимологии: *ŠITA₂.DAR = ša₂ ina kakki maḥṣu* «тот, кто поражен оружием» (CAD Š 3: 128). Однако вполне возможно, что это народная этимология, и прав Ф. Гёссман, считавший, что слово аккадского происхождения и происходит от *šadālum* ‘to be wide’, означая что-то вроде ‘the wide man, the giant’ (Gössmann 1950: no. 348; цит по Reiner, Pingree 1981: 14)⁶. Но в

⁵ ^dSIPA.ZI.AN.NA ^d*Pap-sukkal suk-kal-lum* ^d60 u An-tu₄ / *ša-lam šu-u₂ lu-bu-uš-tu₄ la-biṣ ziq-nu za-qin ku-ur-ku-ru ša₂-kin* / MUD u nam-za-qa ta-mi-iḥ «Праведный Пастырь Неба — Папсуккаль, сановник Анума и Антум. Образ этот облачен одеянием, носит бороду, наделен (сосудом) куркуру, замок и ключ держит» (MLC 1866: II 10–12; Kurtik 2007: 450). В другом тексте это созвездие названо «Ниншубур-Папсуккаль, высший сановник Анума и Иштар» (Astrolabe B: A I 38–39, 45–47; Kurtik 2007: 446). Ниншубур (аккад. Папсуккаль) сопровождает Инанну в Подземный мир и выручает ее из плена смерти через три дня после умерщвления богиней Эрешкигаль (ETCSL, Inana’s descent to the nether world: 28, 69).

⁶ Перевод «Распятье» может быть отчасти объяснен. Еврейская энциклопедия указывает на интерпретацию созвездия Орион как прикованного к небу великана Нимрода: «Орион (Ὠρίων) — согласно Септуагинте, соответствует библейскому לִימָב (Исайя 13, 10; Иов 38, 31; в Иов 9, 9 Септ., однако, переводит Ἐσπερος). Таргум и Пешитта толкуют это слово ‘гигант’, ‘великан’, а армянский перевод придает этому названию созвездия имя родоначальника армян Naik. Упоминаемые в Иов 38, 31, ‘узы кесила’ (תּוֹרְשׁוּם זֵימָב), по мнению некоторых ученых, намекают на распространенное в древности представление об О. как о великане, прикованном к небу; у евреев он мог получить

любом случае это не крест и тем более не распятие. Что же касается креста, то в шумерском языке его писали знаком VAR, изображавшим крест, а в аккадском языке эквивалентом был глагол *šalāpu* ‘to cross out, cancel, to distort, to pervert’ (CAD S: 71). От этого глагола происходит слово *šilbu* ‘crosswise arrangement of bandages or wood’ (там же: 187). От этого же корня пошли и позднейшие семитские обозначения креста, на котором был распят Иисус Христос: араб. *šalīb*, евр. *šēlāḇ*. Эти слова не имеют отношения к созвездию Орион.

Случай 2. «Всегда готов!»

Многие шумерские школьные диалоги начинаются одинаково: *dumu-e₂-dub-ba u₄-ul-la*. Буквально: «сын дома табличек древние дни». Раньше эту первую строчку переводили так: «Школьник прошлых лет». Но дальше следовал вопрос, например: «Куда ты идешь?» Было понятно, что это вопрос после предыдущего ответа. Тогда при буквальном переводе *u₄-ul-la* нет логической связи с первым и последним фрагментами строки. «Школьник прошлых лет, куда ты идешь?»⁷ — нонсенс. Можно представить, что слово «сын дома табличек» тоже обращение. Но что же такое *u₄-ul-la* ‘древние дни’? В чем заключен ответ школьника на обращение? Для этого нужно знать, что слово *ul* значит ‘удаленный во времени, древний,

---

название 𒌪𒌵, т. е. безбожный, бестолковый. “Развязывание уз”, о котором говорится в цитированном месте книги Иова, относится, по мнению этих исследователей, к предполагаемому мифом освобождению великана. <...> Византийские церковные писатели приводят мнение персов, что О. — прикованный к небу гигант Нимрод. С этим согласуется то, что сирийские арабы называют О. *gabbârūn* (= ܒܘܒܐ — ‘богатырь’, ср., Быт. 10, 8, 9, где это слово применяется к Нимроду)» (Еврейская энциклопедия 12: 134–135). Вполне возможно, что при переводе слова Шилейко руководствовался именно этой статьей (1913–1916 гг.). Однако в клинописных текстах такая интерпретация отсутствует.

⁷ Вариант В. К. Афанасьевой: «Школьник, куда ты сызмальства ходишь?» (Afanas’eva 1997: 341). Переводчик понимает *u₄-ul-la* как ‘давние дни’ и дословно толкует строку как «куда ты ходишь с давних дней, школьник»? Однако в тексте отсутствует показатель аблатива -*ta* (было бы *ul-li-a-ta*), что мешает принять данный вариант.

изначальный⁸, но его употребление в зависимости от падежей после него охватывает все возможное время: *ul-li-a-ta* ‘издревле’, *ul-li-a-še₃* ‘навек’. Значит, *u₄-ul-la* можно понять как ‘в отдаленные дни’, а если не дословно — ‘всегда’. Если подставить такой перевод в строку, то получим: «Школьник! — Всегда! — Куда ты идешь?». Вот уже что-то получается. Недавно Н. В. Козлова предложила перевод *u₄-ul-la* ‘всегда (готов)!’ (Koslova 2021: 39–51), а еще раньше английские и немецкие коллеги дали вариант, который на обоих языках значит ‘к вашим услугам!’⁹.

И вот тут время поговорить о подводных камнях при русском переводе. Переводя «Всегда готов!», мы неизбежно вызовем у читателя смеховую реакцию, поскольку это контекстная ассоциация с пионерским ответом на призыв «Будь готов!» Шумерские школьники не были юными ленинцами. Переводя «К вашим услугам!», мы погрузимся в разнообразные контексты русской литературы, связанные с дворянским этикетом¹⁰ или с услужливостью дореволюционных приказчиков и лакеев. А шумерский школьник никому услуг не оказывал. Он просто отзывался, когда его окликали.

Можно предложить более простой выход из положения, который почему-то никому не пришел в голову. В шумеро-аккадском силлабарии Nabnitu X 310 есть строчка *[u₄].ul.la = an-nu-um*¹¹. *annum* ‘consent, approval; positive divine answer to a

⁸ *ul, ul-li-, ul-li₂* «(to be) distant (in time); distant time» Akk. *šīātu* (ePSD).

⁹ Автор статьи верно определяет антонимы *u₄-da* ‘сегодня’ и *u₄-ul-la* ‘всегда’ (хотя буквально ‘в отдаленные дни’). Ее перевод первой строки школьных текстов *Eubba A, Eubba C, Dialogue 1*: «— Школьник! — Всегда (готов)! — ...» (Koslova 2021: 45) основан на более ранних «*Immer (zu Diensten)!*» и «*At your service!*», предложенных Х. Беренсом и переводчиком в ETCSL (Koslova 2021: 50, прим. 41).

¹⁰ «Вот нечаянная встреча! Я завтра весь к твоим услугам» (Пушкин. Каменный гость); «Вы можете мне помочь в моих агрономических работах: вы можете дать мне какой-нибудь полезный совет. — Я к вашим услугам, Николай Петрович» (Тургенев. Отцы и дети); «...дом моей матери к вашим услугам, с сыром и вином» (Герцен. Кто виноват?).

¹¹ <http://oracc.museum.upenn.edu/dcclt/nineveh/P365272> стрк. 5: *[u₄].ul.la = an-nu-um* ‘distant days = consent, approval’.

query' (CAD A2: 134) это просто отклик «да!»¹². В «Разговоре господина с рабом» раб отвечает на призыв господина соглашаться с ним: *arad mitanguranni / annu bēlī annu* «Раб, соглашайся со мной! — Да, господин мой, да!» (BWL: 144, стрк. 1-2)¹³. В этом «да!» есть и «слушаюсь», и «готов к услугам», но это лишь внутренние намерения. По факту же это просто согласие на коммуникацию с готовностью отозваться. Поэтому первую строчку шумерских школьных диалогов корректнее всего перевести:

«— Школьник! — Да! — Куда ты идешь?»

«Школьник! — Да! — Иди сюда!»

«Школьник! — Да! — Иди сюда, давай сразимся!»

При этом надо помнить, что буквально по-шумерски школьник отвечает «всегда!» Однако никто не захочет споткнуться о подводный камень И. Ильфа и Е. Петрова, в первом романе которых есть неповторимый диалог Бендера и Полесова: «— Ваше политическое кредо? — Всегда!»¹⁴.

Какой вывод можно сделать из этого любопытного казуса? Переводчик древних текстов занимается очень сложным делом. Потому что он переводит не только с языка на язык, но и с другой культуры на свою, стараясь избежать попадания в стилистически чуждые пласты своей культуры. Нельзя делать из шумерского школьника ни пионера-ленинца, ни русского человека дореволюционной эпохи, ни «слесаря-интеллигента» 1920-х годов.

¹² Автор статьи почему-то обошла вниманием CAD A2, 134, где есть [x.jul.la = *an-nu-um*, хотя заметила несколько небитых ссылок на ul.la a.ga.zu = *i-na an-ni-im tas-li-tu* «в согласии и молитве».

¹³ Перевод В. Дж. Лэмберта: «Slave, listen to me! — Here I am, sir, here I am!» (BWL: 145). В. А. Якобсону удалось максимально точно перевести стрк. 2 «Да, господин мой, да!» (Я открою: 204).

¹⁴ «— Ваше политическое кредо? — Всегда! — восторженно ответил Полесов. — Вы, надеюсь, кирилловец? — Так точно. — Полесов вытянулся в струну. — Россия вас не забудет! — рывкнул Остап».

Случай 3. «Какая же мудрость без расчета?»

В сказке А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» говорится:
« — Прощай, — сказал Лис. — Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь».

Среди шумерских пословиц я недавно встретил похожее высказывание:

ša₃ niĝ₂-kas₇ nu-zu /ša₃ igi\-ĝal₂-tuku (ETCSL 4.46.15)

Дословно: «Сердце расчета не знает, сердце зрением обладает». igi-ĝal₂ ‘наличие глаз’ в значении глагола имеет аккадский эквивалент *daĝālu* ‘всматриваться во что-то’. То есть, это можно перевести как ‘зоркость’. «Иметь зоркость» значит быть мудрецом¹⁵. Следовательно: «сердце расчета не знает — сердце мудро».

Совершенно иначе понимают это предложение переводчики базы данных ETCSL, которые, в свою очередь, опираются на перевод Б. Альстера: «A heart which does not know accounting — is that a wise heart?»¹⁶ В шумерском языке нет конструкций с «разве, ли», поэтому вопросительное предложение, не содержащее вопросительных слов, будет выглядеть как повествовательное. Б. Альстер думал, что автор пословицы сомневается, можно ли считать мудрым сердцем то, которое лишено расчета. Однако такой перевод, вероятно, характеризует принадлежность переводчика к определенной культуре, в которой трезвый расчет предпочитается сердечной мудрости. И скорее всего, это протестантская культура, к которой принадлежал автор перевода. Существительное igi-ĝal₂ ‘наличие глаз’ употребляется в отношении знаний, полученных из наблюдения, т. е. чисто зрительного знания, «узревания». Шумеры хотели сказать, что сердцу не нужно расчета, потому что оно видит все непосредственно. Подтверждением именно такого понимания пословицы

¹⁵У этого слова нет аккадского эквивалента, и на его значение указывают только контексты: /ĝeštug₂ daĝal\ igi-ĝal₂-tuku-ĝu₁₀-še₃ /X [an] /lugal\-e šu-ĝu₁₀-še₃ ba-an-šum₂ «По причине моего обширного разума (и) мудрости царь Ан [X] мне даровал» (ETCSL, Urnamma C, 60-61); nun^dLi-pi₂-it-eš₄-tar₂ dumu^dEn-lil₂-la₂ sipa igi-ĝal₂-tuku «владыка Липит-Иштар, сын Энлиля, мудрый пастырь» (ETCSL, Lipit-Eštar B, 10); usu igi-ĝal₂-tuku nu-mu-e-da-sa₂ «сила не сравняется с мудростью».

¹⁶ <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/proverbs/t.6.1.04.html>

является словосочетание $\check{s}a_3$ -zalag ‘сияющее сердце’, обозначающее то, что по-аккадски называется *hissat libbi* ‘сердечное понимание’. Словарь правильно раскрывает его как ‘intuitive understanding, acting upon a novel idea’ (CAD H: 202). Сердечное понимание позволяет вылепить статую по новому образцу, узнать знаки судьбы, таящиеся в желчных протоках печени ягненка¹⁷, по вдохновению воссоздать старый храм. Конечно, Сент-Экзюпери не читал шумерских табличек с поговорками. Но смысл высказывания его Лиса весьма близок к тому, что думали шумеры. Прав был Гераклит: «здравый смысл у всех общий».

Случай 4. «Блудилища»

При переводе шумерского текста об Инанне и Энки В. К. Афанасьева неожиданно вносит в древний политеистический текст элемент осуждения ассиро-вавилонских язычников иудеями. Перечисляя священные категории ME, увезенные богиней Инанной из дома своего отца Энки, переводчик пишет:

«Блудодейство священное, Беготня суетливая — где они?»
 «Громогласие, Злоязычие, Улещивание,
 Любовнослужение, Ночлежища культовые — где они?»
 «Блудилища прихрамовые, блудодейство жреческое небесное,
 Струн громкогласие, голосов благозвучие, старчество — где они?»
 (Afanas'eva 1997: 53)

И в другом месте:

«Ночлежища культовые ты привезла! Блудилища прихрамовые ты привезла!»

(Afanas'eva 1997: 59).

Слова для описания святилищ взяты из Синодального перевода Ветхого Завета, где читаем:

«и разрушил дома блудилищные, которые были при храме Господнем, где женщины ткали одежды для Астарты» (4Цар, 23:7); «И построила ты себе жилище блудническое и публично выставляла себя на всякой площади. И в начале всякой улицы построила блудилища твои, и растлила красоту твою, и раскла-

¹⁷ $\check{s}a_3$ zalag ni₂- $\hat{g}a_2$ -me-en igi- $\hat{g}u_{10}$ -ta i₃-du-un / lugal-me-en $\check{s}a_3$ udu 1-a-kam / a₂ a $\hat{g}_2$ - $\hat{g}a_2$ ni₃ ki- $\check{s}ar_2$ -ra-ka igi mu-na-ni-du₈ «Я обладаю превосходной интуицией (букв. «сияющим сердцем» — В. Е.), вижу (все непосредственно) своими глазами. По внутренностям (только) одной овцы я, царь, могу предсказать все и везде» (ETCSL, Shulgi B: 147–149).

дывала голени твои для всякого проходящего и умножила блудодеяние твое. И блудила ты с сыновьями Египта, соседями твоими, которые имеют большую плоть, и многократно блудила, чтобы прогневать Меня» (Иез. 16: 24).

Отношение иудейской традиции к языческим святилищам хорошо известно. Однако контекст шумерского литературного произведения совершенно иной. Речь идет о чрезвычайно ценных предметах и качествах. Не только нельзя подвергать их осуждению, но нельзя и усомниться в них как в абсолютных символах жизни. Вот что на самом деле сказано в шумерском подлиннике:

nam-kar-kid¹⁸ nam-hub₂-dar¹⁹ me-a /... / nam-eme-di nam-eme-sig
nam-še-er-ka-an X-a amalū eš₂-dam ku₃ me-a / ... /nu-gig an-na ġiš-
gu₃-di nam-nar nam-ab-ba me-a

«Городская проституция, шатание (?) — где они? Правдивый язык, лживый язык, украшение, храмовая проституция, священный дом свиданий²⁰ — где они? /.../ (Сан) Небесной Иеродулы²¹, гомогласные звуки, музыка, старчество — где они?» (ETCSL, Inanna and Enki, 29, 31, 33; те же слова повторяются в стрк. 39–52 с последующим ba-e-de₆ ‘(в Урук) ты привезла’).

В данном контексте речь идет о любовных отношениях как об атрибутах культа богини Инанны в Уруке. Городская и храмовая проституция, равно как и сопровождающие любовь сладостные песни, являются безусловными ценностями для городского общества в эпоху бронзы. И применять к ним взя-

¹⁸ Kar-kid; ^geme₂kar-kid₃; kar-kid₃; ^geme₂kar-kid₃ ^{kid}; ^geme₂kar-^{kid}kid₃; ^geme₂kar-kid; ^geme₂karkid_x(|SAL.UŠ|)^{kar-kid}₃; karkid_x(|SAL.UŠ|) ‘prostitute’ Akk. *harīmtu* ‘(городская) проститутка’ (ePSD). Синонимом этого слова является *šamḫatum* (CAD H: 101).

¹⁹ Перевод условен, поскольку известен только глагол *hub₂-sar* = *lasāmu* ‘бежать’.

²⁰ eš₂-dam; e₂-eš₂-dam; ^eešdam = *aštammu* словари стыдливо переводят как ‘tavern’ (ePSD), ‘tavern, hostel’ (CAD A2, 473), хотя есть силлабарный вариант e₂-ki-aġ₂-ġa₂ ‘дом любви’, который все объясняет (там же). Святость публичного дома — это именно тот исторический факт, который должен окончательно показать положительное отношение шумеро-аккадской культуры к проституции и снять все библейские анахронизмы в характеристике этого явления при переводе древних текстов.

²¹ amalū и nu-gig — синонимы храмовой проститутки высокого уровня, посвященной богине Инанне (CAD A2, 1–2)..

тые из церковнославянских христианских текстов слова «блуд», «блудилище», имеющие отрицательную коннотацию и носящие осудительную окраску, ни в коем случае нельзя. В словаре синонимов русского языка слово «блудилище» помечено как устаревшее и употребляется в двух значениях: 1) публичный дом, место разврата; 2) место или помещение для идолослужения (<https://ru.wiktionary.org/wiki>). Однако обе коннотации для шумерского текста анахроничны. В Шумере проституция была законным и уважаемым делом, поскольку рассматривалась как служение богине или богу (в случае мужской проституции). В Месопотамии не было монотеистов, во всех храмах стояли статуи божеств, и поэтому осуждающий взгляд при упоминании культовых мест невозможен. Слово 'ночлежище' для обозначения постоянного двора также не вполне уместно, поскольку вследствие своей фоники имеет зловещий характер.

И. М. Дьяконов считал, что избежать ошибок вложения инокультурного смысла в древний текст помогает перевод с русского языка на аккадский. Сам он переводил на аккадский отрывки из «Евгения Онегина», и его ученики также практиковали со студентами такие занятия. В качестве полезного примера приведу опыт занятий С. Г. Кошурникова с нашей студенческой группой, когда мы переводили первую строфу стихотворения Пушкина:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
(Пушкин, т. 2: 96)

«Если жизнь тебя обманет»... У Пушкина жизнь подобна живому существу и способна на коварство. Но в Вавилоне жизнь (*balātu*) понималась просто как телесное здоровье, время физического существования человека (CAD В: 46) и в мифологию не входила. Обмануть может только Судьба (*šimtu*), хорошо известная как мифологическое существо, связанное с болезнями (*nam-tar*). Индивидуальная Судьба возможна только при жизни. Значит — «Если при жизни Судьба тебя обманет — тогда...»

«Не печалься, не сердись»... Это только для нас легкие глаголы, а вавилонянин все понимает очень конкретно. Что

такое «не печалься»? Это значит «не жалуйся в тоске (*kūru*)²²». А что такое «сердиться»? У нас это состояние связано с деятельностью сердца, отсюда и этимология. А в Вавилоне основной орган гнева — печень. Нужно сказать «не яри свою печень».

«В день уныния смирись». Слова «уныние» и «смирение» — это категории христианской культуры. Вавилонянин не может понять, что значит смирение. Ему ведомо только склонение, буквальное падение ниц перед божеством или царем. И унывать он не может, а может огорчать печень, впадать в депрессию, страдать меланхолией (*kūru u nissatu*). Стало быть, «в день огорчения склонись».

«День веселья, верь, настанет». Кажется, ну, куда проще! День веселья так и будет «день веселья». Настанет — «приблизится». А вот как сказать «верь»? Никак. Потому что такое представление о вере, которое есть у монотеиста, напрочь отсутствует у политеиста-вавилонянина. В аккадском языке нет слова «вера»²³, есть только *tukultu* «trust, mainstay, object of trust; help, aegis; reliability, trustworthiness» (CAD T: 461), доверять можно только кому-то. Поэтому заменим это непере译имое «верь» на пожелание «пусть».

Из такого пристального анализа культурных категорий в результате родился коллективный перевод:

ina balātika šimatka tubaddika-ma
ina kūri la tanassus martaka aj ezzi
ina ūm namrāšim kitnaš
lū uqarrab ūm ḥidâtîm

(Если) при твоей жизни Судьба твоя обманет тебя - тогда
 В тоске не жалуйся, печень свою не яри,
 В день огорчения склонись,
 Пусть приблизится день веселья.

²² *Kūru* ‘daze, depression, stupor’ (CAD K: 570).

²³ О терминах «вера» и «религия» в клинописных языках древней Месопотамии теперь см.: Emelianov 2023.

Список сокращений

- Еврейская энциклопедия: Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб.: 1913–1916
- BWL: Lambert W.G. *Babylonian Wisdom Literature*. Winona Lake: Eisenbrauns, 1996
- CAD: *Chicago Assyrian Dictionary*. 1956–2010
- ePSD: *Pennsylvania Sumerian Dictionary* (electronic version)
- ETCSL: *The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature*
- MLC: *Morgan Library Collection*, siglum of the Yale Babylonian Collection, New Haven

Литература

- Assiro-avilonskij epos 2007: [Assyro-Babylonian epic. Translations from Sumerian and Akkadian by V. K. Shileiko]. SPb.: Nauka (Literaturnye pamjatniki).
- Ассиро-авилонский эпос 2007: *Ассиро-авилонский эпос. Переводы с шумерского и аккадского языков В. К. Шилейко*. СПб.: Наука (Литературные памятники).
- Afanas'eva, V. K. 1979: [On translations of Sumerian poetry]. In: *Peredneaziatskij sbornik* 3. 38–56.
- Афанасьева, В. К. 1979: О переводах шумерской поэзии. *Переднеазиатский сборник* 3. 38–56.
- Afanas'eva, V. K. 1981: [Preface]. In: *Ya otkroyu tebe sokrovennoe slovo... Literatura Vavilonii i Assirii*. М.: Hudozhestvennaya literatura. 5–30.
- Афанасьева, В. К. 1981: Предисловие. *Я открою тебе сокровенное слово... Литература Вавилонии и Ассирии*. М.: Художественная литература. 5–30.
- Afanas'eva, V. K. 1997: [From the very beginning. Anthology of Sumerian poetry translated by V. K. Afanasyeva]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Афанасьева, В. К. 1997: *От начала начал. Антология шумерской поэзии в переводах В. К. Афанасьевой*. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Charpin, D. 2009: [Reading and Wrihting in Babylonia]. М.: RGGU.
- Шарпен Д. 2009: *Чтение и письмо в Вавилонии*. М.: РГГУ.
- Dandamaev, M. A. 1983: [Babylonian Scribes]. М.: Nauka.
- Дандамаев, М. А. 1983: *Вавилонские писцы*. М.: Наука.
- Diakonoff, I. M. 1961: [The Epic of Gilgamesh]. М.: Nauka (Literaturnye pamjatniki).
- Дьяконов, И. М. 1961: *Эпос о Гильгамеше*. М.: Наука (Литературные памятники).
- Egunov 2023: *Andrej Nikolaevich Egunov: rukopisnoe nasledie (uchenyj i perevodchik v intellektual'noj istorii Rossii)* [*Andrej Nikolaevich Egunov: manuscript heritage (scholar and translator in the*

- intellectual history of Russia*)] / Pod red. R. V. Svetlova. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2023.
- Егунов, А. Н. 2023: *Андрей Николаевич Егунов: рукописное наследие (ученый и переводчик в интеллектуальной истории России)* / Под ред. Р. В. Светлова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023.
- Emelianov, V. V. 2023: [Sumerian instructive text «Counsels of Ur-Ninurta»]. In: *Peterburgskoe vostokovedenie. Al'manah. Festschrift v chest' M. E. Kravcovoj*. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie. 213–221.
- Емельянов, В. В. 2023: Шумерский поучительный текст «Советы Ур-Нинурты». *Петербургское востоковедение. Альманах. Festschrift в честь М. Е. Кравцовой*. СПб.: Петербургское востоковедение, 213–221.
- Kurtik, G. E. 2007: [Starry sky of Ancient Mesopotamia: Sumerian-Akkadian names of constellations and other luminaries]. SPb.: Aletejya, 2007.
- Куртик, Г. Е. 2007: *Звездное небо Древней Месопотамии: шумеро-аккадские названия созвездий и других светил*. СПб.: Алетейя, 2007.
- Koslova, N. V. 2021: [«Schoolboy, where have you been going since you were a child?» or «Ever at Your Service!». On the Initial Lines of Several Edubba'a-Compositions]. In: *Ermitazhnye chteniya pamyati V. G. Lukonina 2013–2017*. SPb.: Ermitazh. 39–51.
- Козлова, Н. В. 2021: «Школьник, куда ты сызмальства ходишь?» или «Всегда готов!» По поводу начальных строк некоторых текстов эдубы. *Эрмитажные чтения памяти В. Г. Лукониной 2013–2017*. СПб.: Эрмитаж. 39–51.
- Piotrovskij A. 1923: *Aristofan, Aharnyane, per., vst. ocherk i prim. Adr. Piotrovskogo, rezhisserskie ukazaniya S. Radlova*. Pg.: «Petropolis» («Teatr. Pamyatniki mirovogo repertuara», vyp. tretij).
- Пиотровский А. 1923: *Аристофан, Ахарняне, пер., вст. очерк и прим. Адр. Пиотровского, режиссерские указания С. Радлова*. Пг.: «Petropolis» («Театр. Памятники мирового репертуара», вып. третий).
- Pushkin, A. S. 1959: [Collected works in 10 volumes. Volume 2. Poems. 1823–1836]. M.: Goslitizdat.
- Пушкин, А. С. 1959: *Собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. Стихотворения 1823–1836 г.* М.: Гослитиздат.
- Smirin, V. M. 1967: [Translations of literary monuments of antiquity in Soviet publications 1918–1933]. In: *Vestnik drevnej istorii*. No. 4. 137–157.
- Смирин, В. М. 1967: Переводы литературных памятников античности в советских изданиях 1918–1933 гг. *Вестник древней истории*. No. 4. 137–157.

- Schileico, W. G. 1924: [Tablet with a prayer to the night gods in the Likhachev collection]. In: *Izvestiya Rossijskoj Akademii Istorii Material'noj Kul'tury*, t. III. 144–52.
- Шилейко, В. К. 1924: Таблетка с молитвой ночным богам в собрании Лихачёва. *Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры*, т. III. 144–152.
- Ya otkroyu... 1981: [I will reveal to you a secret word... Literature of Babylonia and Assyria]. М.: Hudozhestvennaya literatura.
- Я открою... 1981: *Я открою тебе сокровенное слово... Литература Вавилонии и Ассирии*. М.: Художественная литература.
- Gössmann, H. 1950: *Planetarium Babylonicum. ŠL IV/2*. Rome: Pontifical Biblical Institute.
- Lenzi, A. 2011: *Reading Akkadian Prayers and Hymns. An Introduction*. Atlanta.: Society of Biblical Literature.
- Reiner, E., Pingree D. 1981: *Babylonian Planetary Omens 2: Enūma Anu Enlil, Tablets 50–51*. Bibliotheca Mesopotamica 2.2. Malibu: Undena.

Е. Л. Ермолаева

Санкт-Петербургский государственный университет.
Санкт-Петербург, Россия. elena.ermolaeva304@gmail.com

Н. В. Сайкина

независимый исследователь, novemberg@yandex.ru

**«ПОСЛУШАЙ! ВСПОМНИ ОБО МНЕ...»
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА И ГРЕЧЕСКИЙ ИНСКРИПТ
В АЛЬБОМЕ В. А. ШЕНШИНА 1835 Г.**

Инскрипт на древнегреческом языке в альбоме В. А. Шеншина 1835 г. — пример того, что в западной литературе принято называть «переключением кода», когда среди записей на русском, французском, немецком, а изредка и латинском языках, появляется необычный текст, в данном случае отсылающий нас к древнегреческой апофтегме о дружбе. Публикация инскрипта сопровождается переводом и комментарием. Древнегреческая фраза оказывается сокращенной цитатой из паренезы Исократе «К Демонику» 26 (374–370 гг. до н.э.): «Вспоминай об отсутствующих друзьях при тех, которые рядом, чтобы они знали, что ты не перестаешь ценить их, даже когда они будут в отдалении». Под цитатой стоят дата 25 декабря 1835 г., место — город Юрьевск (Георгиевск) и подпись Νικόλαος Σαμαρζῆς (трудночитаемое слово, возможно, фамилия, псевдоним или катойконим), расшифровке которой, т. е. аутентификации автора надписи, и посвящена большая часть статьи. Исследуется просопография круга Вл. Шеншина. В качестве рабочей гипотезы автором греческого инскрипта предлагается считать Николая Ивановича Поливанова, близкого друга В. А. Шеншина и М. Ю. Лермонтова, адресата стихотворения Лермонтова «Послушай! Вспомни обо мне, Когда, законом осужденный, В чужой я буду стороне — Изгнанник мрачный и презренный...», 1831 г. Сокращенная цитата из Исократе, записанная в альбоме, звучит схожим образом: «Вспоминай об отсутствующих друзьях, чтобы не пренебречь и этим (другом), которого нет рядом». Поливанов в декабре 1835 г. так же, как и В. А. Шеншин, мог быть на Кавказе в Георгиевске, где в это время находился его полк. В статье рассматривается вопрос, могли ли Вл. Шеншин и Н. Поливанов, выпускники Благородного Пансиона при Московском университете, ученики А. Ф. Мерзлякова и Э. В. Гарве, изучать древнегреческий язык. Для того чтобы знать известную гному о дружбе, не обязательно было читать саму речь Исократе, поскольку фраза из неё переписывается из учебника в учебник в разделе синтаксиса как пример управления генетивом у глаголов со значением «помнить, забывать». Наконец, высказываются догадки,

почему в альбоме В. А. Шеншина появляется греческая запись, кого из друзей таким образом призывают не забывать: Лермонтова (напоминающая о его стихах Поливанову со сходным мотивом памяти об отсутствующем друге); кузена Вл. Шеншина — Николая Шеншина, безвременно ушедшего из жизни за месяц до того, как была сделана запись в альбоме, и оставившего автограф на предыдущем — самом первом листе альбома; наконец, самого автора инскрипта в виду предстоящего расставания.

Альтернативная версия об имени писавшего заключается в том, что автором записи, выполненной частично на новогреческом языке, был некий обрусевший грек по имени Николай Самарджас. Однако среди друзей Вл. Шеншина — а запись в альбоме, тем более в самом его начале, могла быть сделана только людьми, принадлежавшими к его близкому кругу, — такого человека пока обнаружить не удалось.

Ключевые слова: Исократ «К Демонику», греческий инскрипт в альбоме 1835 г., М. Ю. Лермонтов, В. А. Шеншин, Н. И. Поливанов, А. Ф. Мерзляков.

E. L. Ermolaeva

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург,
Россия. elena.ermolaeva304@gmail.com

N. V. Saykina

Independent researcher. St. Petersburg, Russia. novemberg@yandex.ru

M. Yu. Lermontov's poem "Listen! Remember me..." and the inscription in ancient Greek in V. A. Shenshin's album of 1835

The inscription in ancient Greek in V. A. Shenshin's album of 1835 is an example of what is commonly referred to as "code-switching", when among the records in Russian, French, German, and occasionally Latin, an unusual text appears, in this case the ancient Greek maxim about friendship. The phrase turns out to be an abridged quotation from Isocrates' parenthesis "To Demonicum" 26 (374–370 BC): "Recall absent friends to those around you, so that they will not think that you belittle them when they are not there" (Mirhady&Too 2000: 25) The publication of the inscription is accompanied by a translation and commentary. Beneath the quotation are the date — 25 December 1835, the place — the town of Yurievsk (Georgievsk), and the signature Νικόλαος Σαμαρτζᾶς (a difficult-to-read word, possibly the surname, pseudonym or katoikonym), the deciphering of which, i.e. the authentication of the author of the inscription, is the focus of much of the article. First of all, the prosopography of V. A. Shenshin's circle is investigated. As a working hypothesis, the author of the Greek inscription is proposed to be Nicolas I. Polivanov, a close friend of V. A. Shenshin and M. Yu. Lermontov, the addressee of Lermontov's poem "Listen! Remember me, when, condemned by the law, In a stranger's

side I will be Exile gloomy and contemptible...”, 1831. A quotation from Isocrates, recorded in the album, sounds similarly: “Remember absent friends, lest you also neglect this (friend) who is not around”. Polivanov in December 1835, as well as V. A. Shenshin, could have been in the Caucasus in Georgievsk, where his regiment was at that time. The article discusses the question whether V. A. Shenshin and N. I. Polivanov, graduates of the Noble Pension at Moscow University, pupils of A. F. Merzlyakov and E. V. Garve, could have studied ancient Greek. It was not necessary to read Isocrates' speech itself in order to know the famous gnome about friendship, because it was rewritten from one ancient Greek grammar book to another in the syntax section as an example of genitive depending from verbs with the meaning “to remember, to forget”. Finally, the intriguing questions are why the Greek record appears in V. A. Shenshin's album and who of his friends is thus urged not to forget: Lermontov (recalling his poems to Polivanov with a similar motif of memory about an absent friend); V. A. Shenshin's cousin, Nicolas Shenshin, who died a month before the record was done and left his autograph on the previous — the very first sheet of the album; lastly, the author of the inscription himself in view of his soon parting.

An alternative version is that the author of the record, made partly in modern Greek, partly in ancient, was a native Greek called Nicholas Samardjas. Naturally, the record in the album, especially at its very beginning, could only have been made by a person who belonged to Shenshin's close circle, but such a person among his friends has not been found.

Key words: Isocrates «Ad Demonicum», Greek inscription in the album of 1835, M. Yu. Lermontov, V. A. Shenshin, N. A. Polivanov, A. F. Merzlyakov.

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится альбом Владимира Александровича Шеншина (1814–1873), в красном кожаном переплете с золотым тиснением. Сам владелец называл его «Записной книгой»¹, он завел ее 23 июля 1831 г., как обозначено на титульном листе.

Открывается альбом листом (по нумерации он второй после титульного), в верхнем правом углу которого собственноручная

---

¹ РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Ед. хр. 70. Благодарим РГАЛИ за разрешение опубликовать инскрипт из альбома В. А. Шеншина, 1835 г. Наша благодарность Г. М. Воробьеву, В. Т. Мусбаховой, С. А. Тахтаджяну и Д. В. Кейеру за дружескую заинтересованность и обсуждение этого инскрипта; Н. Н. Казанскому за доброжелательную помощь с труднодоступными книгами.

подпись Николая Семёновича Шеншина (1813–1835), кузена В. А. Шеншина. На его сестре Анне Семёновне он был женат².

Запись на следующем листе (л. 3) сделана на греческом языке.

Τῶν ἀπόντων φίλων μέμνησο
ἵνα μηδὲ τοῦτου ἀπόντος ὀλι-
γωρεῖν.

1835 ἔτους
Δεκεμβρίου 25
Πόλις Γιουργιεβσκ

Νικόλαος Σαμαρζᾶς
(Σαμαρτζᾶς, Σαμαργᾶς,
Σαμαριᾶς, Σαμαρίας?)

Вспоминай об отсутствующих друзьях, чтобы не пренебрегать и этим (другом), которого нет рядом (когда или поскольку его нет рядом).

1835 года
Декабря 25
Город Юрьевск

*Николай Самарзас
(Самарджас,
Самаргас, Самариас,
Самарянин, Самарин?)*

Во второй строке инскрипта можно увидеть правку автора: он написал ἀπόντων, как в начале фразы, а затем исправил на ἀπόντος, согласовав с τοῦτου. В слове ἔτους по ошибке поставлено густое придыхание вместо легкого, так что получилось ἔτους. Название месяца дано на новогреческом языке или транслитерировано с латинского или современных языков. Название города Γιουργιεβσκ автор пишет на новогреческом языке — сочетание «γυ» звучит как [j], а звук [w] передается через греческую «виту», так что получается Юрьевск³.

Предполагаем, что речь идет о городе Георгиевске на Кавказе⁴.

Наконец, вызывает вопрос и недоумение написание последнего слова надписи, которое автор добавляет к имени Николай. Первая буква больше похожа на латинскую «S», после же греческой буквы «ро» можно предположить «дзету» (или ново-

² Vostrova 2000 (<https://riapo.ru/nikolsk/kultura/a.a.-fet-m.yu.-lermontov-i-v.a.-shenshin-ih-svyaz-s-nikolskim-rajonom?ysclid=luntzib6fe198305754>, дата обращения 06.04.2024).

³ Ср. бытование фонетического варианта Юрий для имени Георгий.

⁴ Поселение Георгиевск на Кавказе появилось в 1777 г., с 1786 г. Георгиевск приобрел статус города, с 1802 по 1822 г. он был центром Кавказской губернии и служил «воротами» Кавказских Минеральных Вод. В Георгиевске бывали Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой и др.

греческую «зиту»). Таким образом, здесь явно прочитывается слово $\Sigma\alpha\mu\alpha\rho\zeta\alpha\varsigma$ «Самарзас» (или могло подразумеваться $\Sigma\alpha\mu\alpha\rho\tau\zeta\alpha\varsigma$ «Самарджас»; с меньшей вероятностью прочитывается $\Sigma\alpha\mu\alpha\rho\gamma\alpha\varsigma$). Если на конце его над «альфой» стоит не просто росчерк, а циркумфлекс, то здесь написано слово $\Sigma\alpha\mu\alpha\rho\zeta\acute{\alpha}\varsigma$, похожее на новогреческую фамилию, с ударением, как, например, в Παλαμᾶς ⁵. Если же в слове не поставлено ударение, а после буквы «ро» читается «иота», хотя и непохожая на остальные «иоты» в инскрипте, его можно понять как катойконим (заметим, что в названии города $\text{Γιο\upsilon\rho\gamma\iota\epsilon\beta\sigma\kappa}$ ударение тоже отсутствует) $\Sigma\alpha\mu\alpha\rho\iota\alpha\varsigma$ ($\Sigma\alpha\mu\alpha\rho\iota\acute{\alpha}\varsigma$ *pro* $\Sigma\alpha\mu\alpha\rho\epsilon\iota\acute{\alpha}\varsigma$?) nom. sg. m. первого склонения *Самарянин* или gen. sg. f. *separationis* со значением «откуда?» *из Самарии* или *из Самары*. Подробнее о версиях толкования подписи инскрипта речь пойдет ниже.

Эта запись единственная в альбоме на греческом языке, в ней воспроизводятся слова из речи Исократов «К Демонику» 26⁶:

Τῶν ἀπόντων φίλων μέμνησο πρὸς τοὺς παρόντας, ἵνα δοκῆς μηδὲ τῶν ἀπόντων ὀλιγορεῖν.

Вспоминай об отсутствующих друзьях при тех, которые рядом, чтобы они знали, что ты не перестаешь ценить их, даже когда они будут в отдалении.

Автор инскрипта, очевидно, записывает древнегреческую фразу Исократов о дружбе по памяти. При этом он опускает часть слов, приведя лишь те, которые, видимо, были важны для него: «Вспоминай об отсутствующих друзьях, чтобы не забывать и того, кого нет рядом». То, что в придаточном предложении пропало сказуемое, так что синтаксис получился совершенно невозможным для древне- и новогреческого языков, не имело для писавшего значения. Заметим, что конструкция «чтобы + инфинитив» естественна скорее для носителя русского языка.

Сочинение Исократов «Ad Demonicum»⁷ в жанре паренезы (по определению самого автора § 3–5) представляет собой глав-

⁵ Политоническая система существовала в новогреческом языке до второй половины XX в., так что циркумфлекс в такой фамилии для 1835 г. уместен. Ср. современные фамилии на -ας: Καλαμβακάς , Μαριάς , Κριαράς , Γιαλαμάς и др.

⁶ Речь датируется 374–370 гг. Isocrates 2000: 10.

ным образом свод этических поучений, обращенных к некоему юноше Демонику, недавно потерявшему отца Гиппоника, которого автор речи знал и ценил (2; 9–11). Максимы, встречающиеся в этом тексте, восходят к поговоркам философии семи мудрецов⁸, а также к стихам гномических поэтов (в какой-то мере напоминая наставления Феогида к Кирну⁹).

Эта короткая речь написана несложным языком, композиционно она легко делится на отдельные законченные параграфы с апофтегмами о разных сторонах воспитания юношей, поэтому не удивительно, что её охотно читали в античной школе¹⁰. О популярности «К Демонику» в поздней античности свидетельствует значительное количество школьных папирусов с фрагментами из этой речи, найденных в самых разных областях Египта¹¹. Моральные добродетели античной паренезы оказались привлекательными и для христианской этики, поэтому речь была адаптирована христианской педагогической школой¹². Речь «К Демонику», в которой простота языка и образцовый атицизм сочетаются с наставительным характером, вошла в школьный канон преподавания древнегреческого языка в Византии, а затем и в Европе как своеобразный *speculum principis*.

⁷ Споры относительно авторства Исократов мы оставляем в стороне. См. Sandys 2000: XXXII–XXXVIII.

⁸ Фразу Исократов о дружбе можно соотнести с гномой, которую приписывают Фалесу Милетскому (I. Stobaeus. *Florilegium* 3.1.172): Φίλων παρόντων καὶ ἀπόντων μέμνησο «вспоминай о друзьях, будут ли они рядом с тобой или нет». См. статью «К вопросу о сборниках греко-византийских и славянских изречений» в ЖМНП (Mikhailov 1893: 56), фраза из Исократов обнаруживается в гномологоне Максима Пчелы в разделе «Περὶ φίλων καὶ φίλαδελφίας», № 41.

⁹ Isocrates 2000: 19.

¹⁰ «В одном папирусе с отрывком из «К Демонику» даже прослеживается разбивка текста на предложения для последующего чтения-скандирования» (Chepel 2019: 55).

¹¹ «Отрывки из этой речи («Ad Demonicum»), — E. E.) содержатся на 36 фрагментах, найденных в Египте, что превышает число фрагментов других произведений того же автора» (Chepel 2019: 52). «Папирусы с этой речью происходят из Гермополя, Фаюма, Оксиринха, с Элефантины, из Дахлы...» (Chepel 2019: 53, сн. 18). О находке речей Исократов, сохранившихся целиком, в том числе и «Ad Demonicum», в местечке Келлис в оазисе Дахла, см.: Rijksbaron, Worp 1997.

¹² Piccione 2015: 87–101.

На русский язык речь «К Демонику» была переведена в 1789 г. Иваном Дмитриевским и опубликована вместе с другими речами Исократы в двуязычном древнегреческо-русском издании с небольшими маргинальными комментариями переводчика¹³. В этом издании текст разделен на отдельные небольшие параграфы, каждому из которых предпосылается рубрика: 1. Богочитание. 2. Любовь к родителям. 3. Упражнение телесное. 4. Скромность. 5. Юношеское поведение. 6. Совесть. 7. Благоговение. 8. Забавы. 9. Слава. 10. Доброе знание. 11. Любовь к учению. 12. Приветливость и благородство. 13. Трудолюбие. 14. Воздержание духа. 15. О вверении тайностей и о хранении их. 16. Клятва и присяга. Наконец, 17-й подзаголовок говорит о дружбе: «О заведении дружества, о испытании и хранении оного» (стр. 34). Наша фраза переведена следующим образом: «В отсутствии твоих друзей вспоминай о них при присутствии других: через что докажешь, что ты и в отлучке их не презираешь».

Вернемся к греческому инскрипту в альбоме и скажем несколько слов о его владельце Владимире Шеншине, чтобы разобраться в просопографии круга его друзей и понять, кто такой Николай, автор греческой записи, и почему она могла появиться в альбоме Владимира Шеншина.

Владимир Шеншин — дальний родственник поэта А. А. Фета, который делал записи в другом, более позднем его альбоме¹⁴. Афанасий Фет вспоминал: «Проезжающий по Московско-Курской дороге, взглянув на пятой версте от Мценска к Орлу налево, увидит каменную церковь села Волкова и на минуту мелькнувший на просеке парка прекрасный каменный дом. Это и была усадьба уездного предводителя В. А. Ш-а. <...> Сколько лиц пиривало в этой большой зале за хлебосольным столом хозяина, любившего и умевшего угостить! Предводитель, подобно Тургеневу, был любитель шахматной игры, и поэтому мы не раз с Тургеневым встречались в этом доме, не забывая притом с приятного влияния Редерера. Мало заинтересованный закулисными пружинами общественной жизни, я положительно не знал и не знаю до сих пор причин, по которым <...> отслу-

¹³ Ἰσοκράτους λόγῳν ἡ συμφορὰ παρανετικὴ... 1789. В этом издании речь «К Демонику» идет первой.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Ед. хр. 70.

живший пять трехлетий, Влад. Ал. не продолжал своего служения, уступая место Ал. Арк. Тимирязеву <...> Не знаю, кто из нас чаще бывал у бывшего предводителя: я или Тургенев»¹⁵.

Но уездным предводителем дворянства Владимир Шеншин стал в зрелых годах, а в юности он соученик М. Ю. Лермонтова по Московскому университетскому пансиону, а затем и по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, адресат стихотворения «К другу В. Ш.» (1831).

В дружеском кругу Владимира Шеншина, кроме кузена Николая Семёновича Шеншина, который умер 22 ноября 1835 г.¹⁶, есть еще один «Николай» — Николай Иванович Поливанов (1814–1874). Он, а также А. Д. Закревский, А. А. Лопухин и оба Шеншина входят в «bande joeuse», «веселую шайку» лермонтовских друзей, как назвала их московская приятельница поэта С. А. Бахметева (этот оборот Лермонтов употребил позже в «Княгине Лиговской»: «Печорин с товарищи являлся также на всех гуляньях... В Москве, где прозванья еще в моде, прозвали их la bande joeuse»)¹⁷. Николаю Шеншину посвящена поэма «Последний сын вольности» (1831). А Николай Поливанов — герой совсем другого плана. Это «Лафа, улан лихой» из юнкерских поэм Лермонтова, сочиненных для рукописного журнала «Школьная заря».

В альбоме Владимира Шеншина есть запись Поливанова¹⁸ (цитата из Ламартина, от 22 янв. 1832) и его рисунок — удалой гусар на лошади. Таких рисунков у него было много. Альбомы Поливанова хранятся в Ульяновском областном художественном музее¹⁹, а также в Пушкинском Доме и уже бывали предметом обзора²⁰ (там же хранится и альбом Н. С. Шеншина, который он вел с 1832 г.).

Как многие знают, Поливанов не только учился вместе с Лермонтовым в Благородном Пансионе Московского универси-

---

¹⁵ Fet 1992 (репринт 1890 г.): 191.

¹⁶ Шеншин Николай Семенович, подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка и Военной академии, р. 2 октября 1813 — ум. 22 ноября 1835, в Петербурге ([Москва], Донской монастырь). Saitov, Modzalevsky 1908: 342.

¹⁷ Lermontov 1953. Т. 4: 129, 318.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 43.

¹⁹ Murseev 2014: 494.

²⁰ Vatsuro 1977: 47, 48; Vayura 2005: 8 и далее.

тета²¹, а затем перешел в Школу юнкеров, но и был его соседом в Москве: жил на Большой Молчановке (д. 8)²², неподалеку от д. 2 по Малой Молчановке, который снимала Е. А. Арсеньева. Он адресат стихов Лермонтова «Послушай! вспомни обо мне...». Стихи эти написаны рукой Лермонтова в альбоме Поливанова²³. Справа от стихов в верхнем углу страницы Поливанов сделал комментарий, с поправками рукой Лермонтова: «23-го марта 1831 г. Москва. Михайла Юрьевич Лермонтов написал эти строки в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью, когда вследствие какой-то университетской шалости он ожидал строгого наказания»²⁴. «Шалость» была связана с так называемой «маловской» историей: 16 марта 1931 г. студенты вынудили М. Я. Малова, нелюбимого ими профессора уголовного права, покинуть аудиторию и вправде были ждать возмездия от начальства²⁵. Смысл поэтических строк созвучен греческой фразе из Исократы: «Послушай! вспомни обо мне, Когда, законом осужденный, В чужой я буду стороне — Изгнанник мрачный и презренный...».

Другое свидетельство этой дружбы — письмо Владимира Шеншина к Поливанову от 7 июня 1831 г., вошедшее во все собрания сочинений Лермонтова: «Мне здесь очень душно, и только один Лермонтов, с которым я уже 5 дней не видался (он был в вашем соседстве у Ивановых), меня утешает своею беседою». И в этом же письме — приписка Лермонтова, ставшая известной позже: «Протяни руку и думай, что она встречает мою; я теперь сумасшедший совсем. Нас судьба разносит в разные стороны, как ветер листья осени. — Завтра свадьба твоей кузины Лужиной, на которой (?) меня не будет; впрочем, мне теперь не до подробностей. — Черт возьми все свадебные пиры. — Нет, друг мой! мы с тобой не для света созданы; — я не могу тебе много писать: болен, расстроен, глаза каждую минуту мокры...»²⁶. Переживания Лермонтова связаны с На-

²¹ Лермонтов был зачислен полупансионером в четвертый класс 1 сентября 1828 г. (Manuilov 1964: 25).

²² Ivanova 1981: 287.

²³ ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. Ед. хр. 41. 1832–1838. Л. 23.

²⁴ Lermontov 1953. Т. 1: 134, 370.

²⁵ Там же. О происшествии см., напр.: Alekseev 2014: 131–138.

²⁶ <http://lermontov-lit.ru/lermontov/pisma/pismo-37.htm> (дата обращения 06.04.2024).

тальяей Федоровной Ивановой (Н.Ф.И.), чье имение Никольское-Тимонино находится неподалеку от князьменского имения Поливановых Петрищево и к которой обращен целый цикл стихов²⁷, и с Варварой Дмитриевной Лужиной, в чей адрес был отпущен гусарский каламбур и которой посвящены стихи «К Л.»²⁸.

И если трактовать «Σαμαριας» (возвращаемся к нашей записи в альбоме) в контексте «добрый самарянин», то Поливанов, несомненно, был таковым для Лермонтова, когда тот нуждался в участии²⁹.

Предположим даже, что бравый наездник Поливанов, неизменно рисовавший всадников в своих альбомах, подписался прозвищем «Σαμαρτζι̇ς», что значит «седельщик» («седельник») или «тот, кто всегда в седле»³⁰.

Был ли Поливанов в Георгиевске в 1835 году? Более чем вероятно. Полк Поливанова входил в отдельный кавказский корпус, который участвовал в 1836-м в военных действиях против горцев³¹, да и сам Лермонтов бывал в Георгиевске, правда, позже³².

---

²⁷ Andronnikov 2014: 135–154; Alekseev 2014: 541–545.

²⁸ Alekseev 2014: 146–151; Rovensky 2006: 11 и др.

²⁹ Наконец, не без колебаний, приведем еще одну гипотезу: «Самарянин» — житель Самарского уезда. В 1835 г. этот уезд входил в состав Симбирской губернии, на поистине необъятных просторах которой у Поливановых было два имения: родительское Акшуат Карсунского уезда и Верхняя Маза Сызранского, здесь жили тетушка Софья Николаевна, урожденная Чиркова, и ее супруг поэт-партизан Денис Давыдов. Самара была удобным, относительно близким топонимом для «доброго самарянина», так в инскрипте могла возникнуть *ad hoc* стилизация под античное обозначение катойконима — Николай Самарский (Самарянин).

Если искать фамилию «Самарин» в кругу, близком Вл. Шеншину, то среди друзей Лермонтова был Юрий Федорович Самарин (1819–1876), его брату Николаю Самарину в 1835 г. было всего лишь шесть лет, в нем трудно заподозрить автора инскрипта. С 1824 г. учителем французского, латинского и древнегреческого у Ю. Ф. Самарина был Пако (Pascault).

³⁰ Идея В. Т. Мусбаховой.

³¹ Vayura 2005: 21.

³² По свидетельству Ю. Ф. Самарина, «12 мая 1841 г. Лермонтов встречается в Георгиевске ремонтера Борисоглебского уланского полка П. Магденко и решает с ним и А. А. Столыпиным отправиться в Пятигорск» (Manuilov 1964: 160).

Если наш таинственный Николай — это Поливанов, нужно доказать, что Поливанов знал греческий язык, ведь запись в альбоме сделана достаточно уверенным почерком, и, кроме цитаты, очевидно, записанной по памяти (пусть и с ошибкой), в правильном падеже (*genetivus temporis*) поставлены слова «год» и «месяц», транслитерируются название города и имя. Знал ли Вл. Шеншин греческий язык? Ведь писавший в его альбоме должен был рассчитывать на то, что запись будет понята.

Вл. Шеншин и Н. Поливанов могли изучать древнегреческий в Благородном Пансионе, в нормативных актах программы которого наряду с латинским значился и древнегреческий язык³³, однако на деле преподавание его, скорее всего, не велось³⁴.

В Пансионе среди их учителей, знавших древнегреческий, были Алексей Федорович Мерзляков (1778–1830)³⁵ и Эдуард Васильевич Гарве, Edward Harvey (1798–1874)³⁶.

Мерзляков — поэт, переводчик и литературный критик, был ординарным профессором кафедры русского красноречия и поэзии, а в 1821–1828 гг. деканом отделения русской словесности Московского университета. В Пансионе и университете он читал теорию красноречия и словесность и как переводчик античных поэтов мог, наверное, на лекциях цитировать их в оригинале, а излагая античную риторику, привести фразу из

---

³³ Lyubzhin 2015: 144; о Пансионе: 123–155.

³⁴ «Инспектирующие профессора его в 1824 г. не обнаружили. Несколько (годами двумя-тремя, если брать время учения) раньше Шевыреву пришлось овладевать языком самоучкой». За это экспертное мнение благодарим А. И. Любжина. В «Ведомости о поведении и успехах Университетского Благородного Пансиона воспитанника 4-го класса М. Лермантова» греческий язык не значится, об этом свидетельствует копия ведомости, приложенная Лермонтовым к письму к М. А. Шан-Гирей (около 21 декабря 1828 г. из Москвы в Апалиху) (Manuilov 1964: 26).

³⁵ Shevyrev 1855: 55–100; Stepanov 1981: 278–279; Zorin 1999: 27–30. Примечательный портрет Мерзлякова дает А. И. Любжин в главе «Мерзляков: система в сердце» в книге «Мертвый Белинский, живой Мерзляков. Заметки консерватора о литературе и ее врагах» (Lyubzhin 2022: 115–129).

³⁶ Гарве, Эдуард Васильевич. В кн. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... Ч. I. Москва, Университетская типография, 1855, 175–177.

Исократа по-гречески. Впрочем, в его книге «Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических» (М., 1809, 1817, 1821, 1828) цитаты из речи «К Демонику», как и других цитат из Исократа, не обнаружилось. Вряд ли греческий звучал или был записан на доске, если таковая имелась, в аудитории, которая греческого не знала, но, возможно, — во время частных уроков. В 1828–1830 гг. Мерзляков давал на дому уроки Лермонтову по приглашению Е. А. Арсеньевой. Филологи-классики усматривают влияние «Илиады» на школьный этюд «Le Champ de Borodino» 1829 г. и на ранний вариант «Поле Бородина» известной впоследствии поэмы³⁷. Мерзляков, обсуждавший с учениками, по воспоминаниям современников, новинки литературы, не мог обойти вниманием и перевод Гнедича 1829 г. Тем более, что незадолго до того в 1825–1826 гг. Мерзляков перепечатал в «Подражаниях и переводах из греческих и латинских стихотворцев» свой гексаметрический перевод «Единоборство Аякса и Гектора» (из 7-й песни «Илиады») 1808 г., отрывок «Улисс у Алкиноя» (из 8-й песни «Одиссеи») и переводы гомеровских гимнов. Знал ли греческий Лермонтов? По свидетельству А. П. Шан-Гирея, в 1825 г. среди учителей Лермонтова был «бежавший из Турции в Россию грек; но греческий язык оказался Мишелю не по вкусу, уроки его были отложены на неопределенное время...»³⁸.

Гарве, образованный англичанин, изучавший латынь и греческий в одном из лучших частных учебных заведений Лондона, с 1816 г. жил в Москве и преподавал английский язык частным образом, а затем и в гимназиях, с 1826 г. — в Пансионе, а с 1828 одновременно и в Университете. С ним Лермонтов, Вл. Шеншин, Поливанов читали Байрона, Вальтера Скотта и Томаса Мура³⁹. Не могли ли Поливанов и Вл. Шеншин брать у него и уроки греческого? К сожалению, этот вопрос остается без ответа.

---

³⁷ Gavrilov 2002: 5–10; Pozdnev 2023: 99–112.

³⁸ Shan-Girey 1890: 725–726 (Manuilov 1964: 22).

³⁹ Ведомость «из класса английского языка от лектора английской словесности Эдуарда Гарве с 10 сентября по 23 декабря 1831 г.» (Bez'yazychnyj, Gur'yanov 1954: 3); Shishkin 1981: 100

В 1820-е годы, во время греческой войны за независимость (1821–1829), интерес к греческому был живым⁴⁰, а у учеников Гарве он мог быть опосредован еще и увлечением Байроном. Если друзья из круга Вл. Шеншина действительно изучали греческий, то, для того чтобы познакомиться с известной гномой о дружбе, им не обязательно было читать саму речь Исократы целиком или в отрывках в хрестоматии для чтения. Провербиальная цитата из нравоучительного текста Исократы переписывалась из учебника в учебник древнегреческого языка в разделе синтаксиса как пример управления генетивом у глаголов со значением «помнить, забывать». Например, эта фраза встретилась в следующих грамматиках, относительно близких ко времени надписи: «*Unteilung zur griechischen Sprache*». Herausg. von F. A. Neuhauser. München, 1779, 241; «*Nelson's Greek Exercises. Syntax. A key to the Greek exercises*». Baltimore, 1809, 24; «Новая полная практическая грамматика, изложенная по методе славного Брёдера... изданная Никитинским». Ч. 3, Москва, 1819, 64⁴¹.

Можно было бы предположить, что цитату из Исократы ученики Пансиона прочитали у французских моралистов Лабрюйера, Ларошфуко, Монтеня, однако среди их максим о дружбе она не обнаружилась.

Наконец, о ком из друзей с помощью греческой апофтегмы предлагается вспоминать и не забывать? Возможно, это отсылка к стихотворению Лермонтова «Послушай! вспомни обо мне, Когда, законом осужденный, В чужой я буду стороне...», и, следовательно, вспоминают Лермонтова, которого в это время нет с друзьями. 20 декабря 1835 г. Лермонтов получает отпуск

---

⁴⁰ Пушкин мог заниматься древнегреческим по *Cours de Thèmes Grecs, précédé d'une Grammaire Grecque*. Par L. A. Vendel-Heyl, Professeur de Seconde au Collège Royal de Saint-Louis. Quatrième éd. Paris. Edité par Libraire Le Normant Père, Rue de Seine. 1824–1825 (Modzalevsky 1910: №1474).

⁴¹ Список греческих грамматик и книг для чтения см.: Prozogov 1898: 98–100. Однажды попав в учебник, эта фраза переписывалась из одного в другой; встречается она и в учебниках более позднего времени, в полном или сокращенном виде, со ссылкой на автора или без (напр., Smith 1920: 322), а еще чаще предложение Фалеса φίλον παρόντων καὶ ἀπόντων μέμνησο (напр., Salomo 1933). В хрестоматии греческих текстов Маттеи искомого текста не оказалось (Mattey 1807).

«по домашним обстоятельствам в Тульскую и Пензенскую губернии на шесть недель» и едет через Москву в Тарханы⁴².

Однако есть и другое предположение. Вспомним, что греческий инскрипт в альбоме Вл. Шеншина был сделан 25 декабря 1835 г. спустя чуть больше месяца после 22 ноября 1835 г., дня смерти Николая Шеншина, кузена Вл. Шеншина, друга Лермонтова и Поливанова.

Возможно, это его память призывает почтить греческая надпись в самом начале альбома? Сокращенная цитата из Исократы становится лапидарной и звучит как своего рода эпитафия (может, именно поэтому на греческом): «вспоминай..., чтобы не оставлять в забвении» с повтором выражения ἀπόντων φίλων... τοῦτου ἀπόντος.

Примечательным кажется и то обстоятельство, что на первом листе после титульного стоит автограф самого Николая Шеншина: после характерного росчерка (две параллельные горизонтальные линии с точкой над верхней и под нижней) написано «Николай Шеншин», рядом подпись и, возможно, дата неразборчиво <18>35. Этот лист остался незаполненным, за исключением автографа Н. Шеншина в самом его начале⁴³.

На следующем же листе помещен греческий инскрипт.

И хотя на л. 14 есть запись Николая Шеншина по-французски, строка из А. де Виньи, никакого противоречия нашей гипотезе здесь нет. Ведь архитектоника альбома, как правило, не была линейной. Это видно по порядку записей в других, известных нам, альбомах. Например, в альбоме Николая Поливанова: л. 10 запись 1834 г., л. 23 — 1831 г., л. 38 — 1835 г., л. 52 об. — 1832 и т.д. В альбоме Николая Шеншина⁴⁴: л. 9 об. — 1839, л. 14 — 1855, л. 15 — 1839 и т.д.

Наконец, если цитата из Исократы о дружбе нашла отклик среди друзей Лермонтова, Вл. Шеншина и Н. Поливанова, нельзя ли предположить, что эти крылатые слова о дружбе знал и Лермонтов. И могут ли его стихи к Н. Поливанову 1831 г. содержать аллюзию на них?

42 Manuilov1964: 65.

43 «Самый первый лист часто оставался незаполненным, поскольку существовало поверье, что с открывшим первую страницу альбома случится несчастье» (Lotman 1983: 243).

44 ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 49.

Сравним цитату из Исократы и перевод И. Дмитриевского со стихами Лермонтова:

Τῶν ἀπόντων φίλων μέμνησο πρὸς τοὺς παρόντας, ἵνα δοκῆς μηδὲ τούτων ἀπόντων ὀλιγορεῖν.

«**В отсутствии твоих друзей вспоминай** о них при присутствии других: через что докажешь, что ты и **в отлучке их не презираешь**»

«**Послушай! Вспомни (μέμνησο) обо мне**, Когда, законом осужденный, **В чужой я буду стороне (τῶν ἀπόντων φίλων, τούτου ἀπόντος)** — Изгнанник мрачный и презренный (ὀλιγορεῖν)...».

Возможно, у Лермонтова аллюзия неосознанная, он словно бы переносит мысль «вспоминай о друзья, когда их нет рядом, пусть они не будут в забвении» на себя, на свою ситуацию, в которой, по его мысли, ему грозит изгнание и презрение. Он обращается к другу: «Послушай! Вспомни обо мне», когда меня не будет рядом, и не презирай изгнанника, как остальные. В греческом же инскрипте Поливанова, если только действительно он и есть тот самый Николай, можно увидеть не только намек на греческую фразу об отсутствующих друзьях, но и напоминание Вл. Шеншину о стихах Лермонтова к нему, Поливанову, написанных четыре года назад. Весьма вероятно, что у Лермонтова и вовсе нет никакой аллюзии на греческую фразу, поскольку мотив разлуки и забвения характерен для его лирики. Важно то, что наш неизвестный пишущий может таким образом напомнить близкому другу Лермонтова о поэте и о его стихах.

Есть и другая вероятность: надпись сделана обрусевшим греком, носившим фамилию Самарзас или Самарджас (такая греческая фамилия засвидетельствована)⁴⁵. С одной стороны, конструкция «чтобы + инфинитив» в древнегреческой цитате звучит так, как если бы писавший думал по-русски, с другой, название месяца, города и имени записаны на новогреческом языке. К сожалению, нам пока не удалось найти человека с именем Николай и фамилией, близкой к той, что указана в альбоме, ни среди офицеров полка, в котором служил Вл. Шеншин, ни среди выпускников Пансиона при Московском университете, ни среди выпускников юнкерской школы в Петербурге (Darkov 2011). Предположение, что этот человек не

⁴⁵ Так же, как и её вариант «Самарджев».

был прежде знаком Шеншину, что это была случайная встреча, скажем, с кем-то, кто приехал в Георгиевск лечиться на воды, скорее стоит исключить, поскольку записи в альбоме Вл. Шеншина были сделаны лишь близкими людьми, принадлежащими его кругу, тем более что речь идет о самом начале альбома.

Кем бы ни был загадочный автор инскрипта, судя по исправлению ошибки в ἀλόντος и тому, что он сохранил генетив при ὀλυγορέῖν, представление о начальной греческой грамматике у него имелось. И даже если он не читал речь Исократов «К Демонику», он мог помнить фразу о дружбе из сборника греческих гном или просто из учебника по древнегреческому языку. Повтор τῶν ἀλόντων ... ἀλόντος в инскрипте, возможно, означает, что причиной записи стала настоятельная память о каком-то отсутствующем друге: о Лермонтове, о кузене владельца альбома Николае Шеншине, безвременно ушедшем из жизни месяц назад, или о самом пишущем в виду предстоящей разлуки.

Литература

- Alekseev, D. A. 2014: *Lermontov. Poiski i otkrytiya* [Searches and Discoveries]. М. Drevlekhranilische.
Алексеев, Д. А. 2014: *Лермонтов. Поиски и открытия*. М.: Дрeвлехранилище.
- Andronnikov, I. L. 2014: *Lermontov. Issledovaniya i nakhodki* [Lermontov. Studies and Findings]. М.: AST.
Андронников, И. Л. 2014: *Лермонтов. Исследования и находки*. М.: АСТ.
- Anonymous, 1855: Harvey, Edward Vasil'yevich. In: *Biographicheskoy slovr' professorov i prepodavateley Imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial Moscow University]. I. М.: University Publishing house. 175–177.
Аноним, 1855: Гарве, Эдуард Васильевич. *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета...* Ч. I. М.: Университетская типография. 175–177.
- Bayura, L. P. 2005: *Art collections of the Simbirsk region. Collectors. Masters. Chroniclers...* Abstract for a PhD in Art History. М.
Баюра, Л. П. 2005: *Художественные коллекции Симбирского края. Собиратели. Мастера. Хронисты...* Автореферат на соискание уч. ст. канд. искусствоведения. М.
- Bez'yasychnyj, Vl., Gur'yanov V. 1954: New about the student years of M.Y. Lermontov. *The newspaper «Moscow University»*, 16 окт.

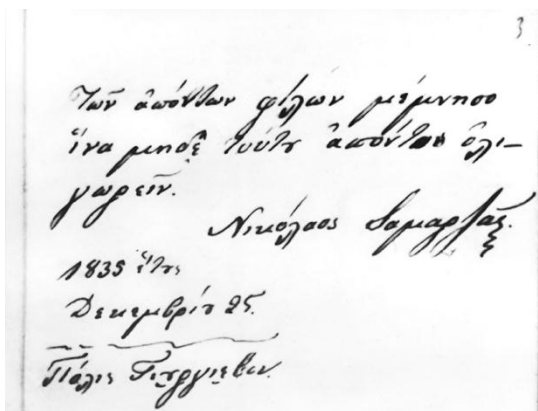
- 1954 г., 3 <https://feb-web.ru/feb/lermont/chronics/man/man-001-.htm?cmd=p> (date of address 6.04. 2024).
- Безъязычный Вл., Гурьянов В. 1954: Новое о студенческих годах М. Ю. Лермонтова. *Газета «Московский университет»*, 16 окт. 1954 г., 3 <https://feb-web.ru/feb/lermont/chronics/man/man-001-.htm?cmd=p> (дата обращения 6.04. 2024).
- Chepel, E. Yu. 2019: (Pseudo-) Isocrates' «Ad Demonicum» in late Antique tradition: P. Ross. Georg. I. 16 and other fragments from Egypt. *Egypt and neighboring countries*. I.
- Чепель, Е. Ю. 2019: «К Демонику» (Псевдо-)Исократа в позднеантичной традиции: P. Ross. Georg. I. 16 и другие фрагменты из Египта. *Egypt and neighboring countries*. Вып. 1.
- Darkov, S. K. 2011: *Cadet Biographical Handbook (in 6 volumes)*. V. 5 (S-TS). SPb., M.
- Дарков, С. К. 2011: *Кадетский биографический справочник (в 6-ти томах)*. Т. 5 (С-Ц). СПб., М.
- Fet, A. A. 1992: *Memories*. In 3 volumes. V. 2. Pushkino (reprint 1890 г.).
- Фет, А. А. 1992: *Воспоминания*. В 3 т. Т. 2. Пушкино (репринт 1890 г.).
- Gavrilov, A. K. Borodino and Troy: Poetry, History and Truth. *Abaris. Journal of the Petersburg Classical Gymnasium* 2002, 3, 5–10.
- Гаврилов А. К. Бородино и Троя: поэзия, история и правда. *Абарис. Журнал Петербургской классической гимназии* 2002, 3, 5–10.
- Gottwein, E. 1933: *Sprachkurs für Altgriechisch nach dem griechischen Übungsbuch von Dr. G. Salomon*. Leipzig., Berlin. <https://www.gottwein.de/grueb/gr094.php> (date of address 6.04.2024)
- Isocrates. 2000: *Works*. Vol. I / transl. by David Mirhady & Yun Lee Too. The oratory of classical Greece. V. 4. University of Texas Press.
- Isocrates, 1789: *Isocrates', Athenian orator and philosopher, political orations...* Ivan Dmitrevsky (transl. into Russian). SPb.: The Imperial Academy of Sciences.
- Ἰσοκράτους λόγων ἢ συμφορία παραίτητική. Исократа афинейскаго оратора и философа политическия речи...* На российский язык переведен Иваном Дмитревским. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1789.
- Ivanova, T. A. 1981: Moscow. In: V. A. Manuilov and al. (ed.) *Lermontov Encyclopaedia*. M.: Sovetskaya Enkyklopaedia Publ., 287.
- Иванова, Т. А. 1981: Москва. В кн. В. А. Мануйлов и др. (ред.) *Лермонтовская энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 287.
- Lermontov, M. Yu. 1953: *Collected Works*. In 4 Volumes. M.: Truth, V. 4.
- Лермонтов, М. Ю. 1953: *Собрание сочинений*. В 4 т. М.: Правда, Т. 4.
- Lotman, Yu. M. 1983: *A. S. Pushkin's novel «Evgeny Onegin». Commentary*. L.: Enlightenment.

- Лотман, Ю. М. 1983: *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»*. Комментарий. Л.: Просвещение.
- Lyubzhin, A. I. 2015: Noble Boarding School at Moscow University. *History of Russian School*. V. II. *Russian school of the XIX-th century*. Book I. M. Nikeya.
- Любжин, А. И. 2015: *Благородный Пансион при Московском Университете. История русской школы*. Т. II. *Русская школа XIX столетия*. Кн. I. М.: Никея.
- Lyubzhin, A. I. 2022: *Dead Belinsky, alive Merzlyakov. Notes of a Conservative on Literature and its Enemies*. М.
- Любжин, А. И. 2022: *Мертвый Белинский, живой Мерзляков. Заметки консерватора о литературе и ее врагах*. М.
- Manuilov, V. A. (comp.) 1964: *Chronicle of Lermontov's life and works*. В. P. Gorodetsky (ed.) The Academy of Sciences of USSR. ^{The Institute of} Russian Literature (The Pushkin House). ^{M.: L.} Science
- Мануйлов, В. А. (сост.) 1964: *Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова*. Отв. ред. Б. П. Городецкий. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). М.; Л.: Наука.
- Mattey, Ch. F. 1807: *The best places from various Greek authors*. ^{M.:} University Publishing House.
- Маттей, Х. Ф. 1807: *Лучшие места из разных греческих писателей*. М., Университетская типография.
- Mikhailov, A. V. 1893: On the question of Greco-Byzantine and Slavonic collections of sayings. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosvescheniya*. [*Journal of the Ministry of National Education*. January], 285. SPb.: The Balashev Publishing House, 53–97.
- Михайлов, А. В. 1893: К вопросу о греко-византийских и славянских сборниках изречений. *Журнал Министерства Народного Просвещения*. Январь, 285. СПб.: Типография Балашева, 53–97.
- Modzalevsky, B. L. 1910: *The Pushkin Library. (Bibliographic description)*. SPb.: Publishing House of the Imperial Academy of Sciences.
- Модзалевский, Б. Л. 1910: *Библиотека Пушкина. (Библиографическое описание)*. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук.
- Murseev, A. 2014: «*They both painted on the same sheet of paper*». *About the exhibition at the Ulyanovsk Museum*. <http://mosaica.ru/interview/2014/10/15/494> (date of address 6.04. 2024).
- Мурсеев, А. 2014: «*Они рисовали оба на одном листе*». *О выставке в Ульяновском музее*. <http://mosaica.ru/interview/2014/10/15/494> (дата обращения 6.04. 2024).
- Nelson's Greek Exercises. Syntax. A key to the Greek exercises*. 1809: Baltimore.
- Neuhausser, F. A. 1779: *Unteilung zur griechischen Sprache*. München.
- Nikitinsky, 1819: *A New Complete Practical Greek Grammar, expounded according to the method of the glorious Bröder, with an addition of Greek Poetry*. In 4 parts. P. 3, Moscow.

- Никитинский («что за Яузой»), 1819: *Новая полная практическая грамматика Греческая, изложенная по методе славного Брёдера, с прибавлением Поэзии Греческой*. В 4-х частях. Ч. 3, М.
- Piccione, R. M. 2015: L'Isocrate parenetico nella tradizione didattico-gnomica. *Corpus dei Papiri Filosofici Graeci e Latini*. Firenze, 2015, 87–101.
- Pozdnev, M. M. 2023: «But quiet was our bivouac open...»: A few words about the sources of Lermontov's inspiration. *Philologia Classica* 2023, 18 (1), 99–112.
- Позднев, М. М. 2023: «Но тих был наш бивак открытый...»: несколько слов об источниках лермонтовского вдохновения. *Philologia Classica* 2023. 18 (1), 99–112.
- Prozorov, P. I. 1898: *Systematic Index of Books and Articles in Greek Philology*. SPb.: The Imperial Academy of Sciences.
- Прозоров, П. И. 1898: *Систематический указатель книг и статей по греческой филологии*. СПб.: Императорская Академия Наук.
- Rijksbaron, A., Worp, K. A. 1997: *The Kellis Isocrates codex* (P. Kell. III Gr. 95). Oxford.
- Rovensky, G. V. 2006: *Lermontov at Polivanov's place in Petrishchev. 1831 год*. Naukograd Fryazino.
- Ровенский, Г. В. 2006: *Лермонтов у Поливанова в Петрищеве. 1831 год*. Наукоград Фрязино.
- Saitov, V. I., Modzalevsky, B. L. 1908: *The Moscow necropolis*. V. 3. SPB.: M. M. Stasyulevich's Publishing House.
- Сайтов, В. И., Модзалевский, Б. Л. 1908: Т. 3. СПб.: в тип. М. М. Стасюлевича.
- Shevyrev, S. P. 1855: Merzlyakov, Aleksey Fedorovich. In: *Biographicheskyy slovar' professorov i prepodavateley Imperatorskogo Moskovskogo universiteta [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial Moscow University ...]* P. I. M.: The University Publishing House, 55–100.
- Шевырев, С. П. 1855: Мерзляков, Алексей Федорович. В кн.: *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета...* Ч. I. Москва: Университетская типография, 55–100.
- Shishkin, A. B. 1981: E. V. Garve. In: V. A. Manuilov and al. (eds.) *Lermontov Encyclopaedia*. M.: Sovetskaya Encyclopaedia Publ., 100.
- Шишкин, А. Б. 1981: Э. В. Гарве, В кн. В. А. Мануйлов и др. (ред.) *Лермонтовская энциклопедия*. М.: Сов. энциклопедия, 100.
- Stepanov, V. P. 1981: Merzlyakov. In: V. A. Manuilov et al. (eds.) *Lermontov Encyclopaedia*. M.: Sovetskaya Encyclopaedia Publ., 278–279.
- Степанов, В. П. 1981: А. Ф. Мерзляков. В кн. В. А. Мануйлов и др. (ред.) *Лермонтовская энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 278–279.
-

- Vatsuro, V. E. 1977: Literary albums in the Pushkin House collection (1750–1840s). *Jezhegodnik rukopisnogo onдела Pushkinskogo Doma (1750–1840-e gody)* [Yearbook of the manuscript department of the Pushkin House for 1977]. 3–56.
- Вацуро, В. Э. 1977: Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы). *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год*. 3–56.
- Vendel-Heyl, L. A. 1824–1825: *Cours de Thèmes Grecs, précédé d'une Grammaire Grecque*. Quatrième éd. Paris. Edité par Libraire Le Normant Père, Rue de Seine.
- Vostrova, M. 2000: A. A. Fet, M. Yu. Lermontov and V. A. Shenshin: their connection with Nikolsky region <https://riapo.ru/nikolsk/kultura/a.a.-fet-m.yu.-lermontov-i-v.a.-shenshin-ih-svyaz-s-nikolskim-rajonom?ysclid=luntzib6fe198305754> (date of address 06.04.2024).
- Вострова, М. 2000: А. А. Фет, М. Ю. Лермонтов и В. А. Шеншин: их связь с Никольским районом <https://riapo.ru/nikolsk/kultura/a.a.-fet-m.yu.-lermontov-i-v.a.-shenshin-ih-svyaz-s-nikolskim-rajonom?ysclid=luntzib6fe198305754> (дата обращения 06.04.2024).
- Zorin, A. L. 1999: A. F. Merzlyakov. *Russkiye pisateli 1800–1917. Biographicheskij slovar'* [Russian writers 1800–1917. A Biographical Dictionary]. М.: The Big Soviet Encyclopaedia, 27–30.

Зорин, А. Л. 1999: А. Ф. Мерзляков. *Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь*. М.: Большая Советская энциклопедия, 27–30.

Инскрипт из альбома В. А. Шеншина (РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Ед. хр. 70).

Е. В. Желтова
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, e.zheltova@spbu.ru

А. Ю. Желтов
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, a.zhelto@spbu.ru

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК И ТИПОЛОГИЯ ОБЪЕКТНОЙ ИНКОРПОРАЦИИ

С точки зрения традиционной морфологической классификации языков древнегреческий не относится к инкорпорирующим языкам. Однако сложные глагольно-именные образования, удовлетворяющие признакам инкорпорирующих глаголов, представлены в нем довольно широко и представляют большой интерес не только с точки зрения греческого словообразования, но и с точки зрения лингвистической типологии. Опираясь на разделение инкорпорации на сильную и слабую, авторы выстраивают градуальную типологию инкорпорации, и пытаются определить в ней место древнегреческого языка. Данная типология основана не на строгом противопоставлении инкорпорирующих и не инкорпорирующих языков, а является своего рода шкалой, в которой место языка определяется большим или меньшим соответствием следующим критериям: 1) полная инкорпорация существительного в глагол или только тесное морфосинтаксическое единство существительного и глагола, 2) наличие параллельных синтаксических парафраз, 3) утрата или сохранение переходности инкорпорирующего глагола, 4) отчетливые следы и степень продуктивности инкорпорации в языке. Оказалось, что древнегреческий язык обладает столь большим разнообразием инкорпорирующих глаголов, что занимает сразу несколько мест в градуальной типологии. При этом древнегреческий язык демонстрирует как большую продуктивность инкорпорации, чем латынь, так и значительное разнообразие вариантов инкорпорирующих конструкций, что позволяет добавить к уже разработанной матрице два дополнительных параметра: 1) включение объекта в глагол с детранзитивизацией инкорпорированного комплекса и возможностью анафорической референции объекта и 2) включение объекта в глагол с сохранением его переходности и возможностью пассивизации. Таким образом, древнегреческий попадает не только во все ячейки матрицы, в которые попадает латинский язык, но и демонстрирует еще две разновидности инкорпорации, редко встречающиеся даже в “классических” инкорпорирующих языках.

Ключевые слова: древнегреческий язык, объектная инкорпорация, типология.

E. V. Zheltova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, elena.zheltova.mail.ru,

A. Yu. Zheltov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. ajujeltov@mail.ru

Ancient Greek and typology of object incorporation

From the viewpoint of traditional morphological classification, Ancient Greek does not belong to the incorporating languages. However, compound verbo-nominal structures satisfying the criteria of incorporating verbs are not infrequent in Ancient Greek and are of great interest not only from the point of view of Greek word-formation, but also in the perspective of linguistic typology. Based on the division of incorporation into “strong” and “weak”, the authors suggest a gradual typology of incorporation, and try to identify the place of Ancient Greek in this typology. It is not based on a strict opposition of incorporating and non-incorporating languages, but represents a kind of continuum in which the place of a language is determined by greater or lesser compliance with the following criteria: 1) full incorporation of the noun into the verb or only a close morphosyntactic unity of the noun and verb, 2) the presence or absence of parallel syntactic paraphrases, 3) loss or preservation of transitivity of the incorporating verb, 4) the degree of productivity of incorporation in the language, and some others. Ancient Greek turned out to have such a wide variety of incorporating verbs that it occupies several places at once in this gradual typology. At the same time, Ancient Greek shows both more productivity of incorporation than Latin, and a greater variety of incorporating constructions. Such diversity allows us to add two additional parameters to the already developed matrix: 1) incorporation of an object into a verb with detransitivization of the incorporated complex and the possibility of anaphoric object reference, and 2) incorporation of an object into a verb with transitivity being preserved and with passivization of the compound verb. Thus, Ancient Greek falls not only into all slots of the matrix in which Latin falls, but also demonstrates two more variants of incorporation, rarely found even in “classical” incorporating languages.

Keywords: ancient Greek, object incorporation, typology.

1. Макро- и микротипология инкорпорации

Еще в XIX веке В. фон Гумбольдт ввел в морфологическую типологию тип инкорпорирующих языков, допускающих включение лексического объекта в глагольную словоформу. К ним обычно относят некоторые америндские и палеоазиатские языки (в частности, чукотский и корякский). Инкорпорация в тех языках, где этот процесс является продуктивным, выполняет

важные синтактико-прагматические функции, а именно, меняет морфосинтаксический статус объекта: он перестает быть отдельным словом, становится неизменяемым, неспецифическим, нереферентным, теряет признаки числа и рода, а также способность квалифицироваться прилагательными, местоимениями и т. д. Как правило, при инкорпорации меняется аргументная структура глагола, то есть он теряет одну из валентностей, подвергаясь детранзитивизации¹. Вместе с этими изменениями весь инкорпорированный комплекс приобретает несколько более широкое, обобщенное значение². Процесс инкорпорации также регулирует информационный поток: инкорпорированный объект дефокусируется или, по крайней мере, перестает быть единственным носителем прагматической функции фокуса («узким фокусом»)³.

При дальнейшем изучении данного явления было замечено, что инкорпорация предполагает сосуществование в языке параллельных конструкций, одна из которых представляет собой морфологическое сращение существительного и глагола (собственно, инкорпорацию), а другая сохраняет самостоятельный морфосинтаксический статус объекта и глагола. Причем именно подобный параллелизм признан одним из ведущих специалистов по инкорпорации Марианн Митун наиболее важным аргументом для отнесения языка к инкорпорирующему типу. Она подчеркивает (Mithun 1984: 847–848), что «все языки, которые демонстрируют такие морфологические структуры, имеют также синтаксические парафразы, то есть параллельные неинкорпорированные конструкции. Если мы знаем, что на корякском языке можно сказать

---

¹ Этот параметр, впрочем, не является универсальным (Rosen 1989; Creissels 2008).

² Sadock 2006.

³ См. об этом подробнее (Mithun, Corbett 1999, 57): “the alternation between incorporated and independent nouns is used pervasively to regulate the flow of information through discourse. Separate nouns tend to be used to focus individual attention on a newsworthy piece of information, such as a significant new participant or a contrast. Information that is already an established part of the scene, predictable, or incidental, may be carried along by an incorporated noun”, а также (Zheltov, Zheltova 2024).

- (1a) *tiqoyanmatekn* ‘я-оленеубиваю’,
то мы можем определенно предсказать и существование предложения
(1b) *tinmekin qoywge* «я убиваю оленя».

Хотя термин «инкорпорация» буквально означает «включение, внедрение некоего объекта или его части в целое», это «включение» может оказаться менее важным, чем вышеупомянутый параллелизм и референтность/нереферентность объекта. Митун приводит несколько примеров так называемого «*poun stripping*», которые рассматриваются как своего рода инкорпорация, в то время как реальное включение объектной именной группы в глагол не наблюдается. Так, в тамильском языке подобные конструкции сохраняют все особенности инкорпорации (наличествуют параллельные конструкции, существительные-объекты не модифицируются прилагательными, числительными, показателями падежей), однако они не образуют единства с глаголом, так как между существительным и глаголом может находиться эмфатическая частица (Mithun 2000: 920–921).

В. А. Плунгян также упоминает наличие «сильной» инкорпорации (полное внедрение именной основы в глагольную словоформу) и «слабой» инкорпорации (тесное морфосинтаксическое единство имени и глагола), к которой относятся как раз конструкции с «*poun stripping*», или «*bare poun*», то есть с неоформленным именем (Plungian 2011: 228–229).

Привлечение к анализу более широкого круга языков, чем обычно относимые к инкорпорирующим, позволяет увидеть, что, по сути, объектная инкорпорация не является лишь отдельным типом в рамках морфологической типологии, а представляет собой самостоятельную типологическую классификацию, в которой все языки могут занимать определенное место в соответствии с набором признаков, имеющих отношение к явлению инкорпорации. Перефразируя слова Л. Н. Толстого о счастливых и несчастных семьях, можно сказать, что не только «инкорпорирующие» языки инкорпорируют по-разному, но и «ненкорпорирующие» языки не инкорпорируют по-разному.

В наших предшествующих работах (Zheltoy 2020; Zheltova, Zheltoy 2022; Zheltoy, Zheltova 2024) предлагается типологическая матрица явлений, значимых для описания объектной инкорпорации. При этом постулируется подход, учитывающий

как макро-типологию (доминирующий в языке тип отношений глагола и прямого дополнения), так и микро-типологию, включающую в рассмотрение также непродуктивные и маргинальные модели такого взаимодействия. Данная статья станет продолжением поисков подходов, которые позволяют рассматривать явления, имеющие отношение к инкорпорации, на материале индоевропейских языков, которые традиционно к инкорпорирующим не относятся. В некотором смысле, предлагается рассмотреть, почему «неинкорпорирующие» языки не инкорпорируют по-разному. В (Zheltova, Zheltov 2022; Zheltov, Zheltova 2024) такой подход был применен к латинскому языку: делалась попытка поставить его в типологический контекст других языков, как относимых к классическим инкорпорирующим, так и к неинкорпорирующим языкам индоевропейской и некоторых других семей.

В результате мы пришли к выводу, что место латыни в макро- и микро-типологии инкорпорации принципиально различно. Макро-типология инкорпорации относит латынь (вместе с русским) в класс языков, в которых продуктивной инкорпорации объекта в глагол не наблюдается, но существуют параллельные конструкции с различным прагматическим статусом (Zheltov, Zheltova 2024). Микро-типология инкорпорации, учитывающая не только регулярные и продуктивные формы, но и более частные явления, позволяет отнести латынь сразу к четырем категориям:

1) вместе с русским — в категорию неинкорпорирующих (с традиционной точки зрения) языков с параллельными конструкциями, но без инкорпорирования объекта в глагол и образования компактных форм (релевантно для большинства глаголов),

2) вместе с корякским — в классические инкорпорирующие языки, в которых инкорпорирующий глагол утрачивает переходность (таковы глаголы *belligerare*, *morigerari*, *curagere*),

3) вместе с суахили (в случае прономинальных объектов) и аналогично гбан — в класс инкорпорирующих языков без параллельных синтаксических парафраз (характерно для глаголов *gratulari*, *mandare*, *manumittere*),

4) вместе с мандинка — в инкорпорирующие языки с сохраняемой в инкорпорирующем глаголе переходностью (применимо к *animadvertere*, *ludificari* и некоторым другим глаголам на *-ficare/ficari*).

В таблице 1 представлена многомерная матрица явлений, которые определяют место языка в континууме инкорпорации. В этой матрице латынь занимает четыре позиции, что позволяет уточнить ряд значимых параметров.

Таблица 1⁴. Место латыни в градуальной типологии языков на основе трех критериев инкорпорации (компактность, наличие параллельных конструкций и утрата/сохранение переходности)

	Наличие параллельных конструкций	Отсутствие параллельных конструкций
Включение объекта в глагол с детранзитивизацией инкорпорированного комплекса	корякский латынь*	суахили (для прономинального объекта), латынь*
Включение объекта в глагол без детранзитивизации инкорпорированного комплекса	мандинка латынь*	
Морфосинтаксическая связанность объекта с глаголом	тамильский	гбан
Объектная индексация в глаголе	суахили (для именного объекта)	
Отсутствие связанности объекта с глаголом	русский, латынь	

2. Особенности объектной инкорпорации в древнегреческом

Объектная инкорпорация в древнегреческом языке уже затрагивалась исследователями⁵. Наиболее подробно, насколько нам известно, механизмы инкорпорации в древнегреческом описаны Надавом Асрафом (Asraf 2021; 2022). В своем глубоком и чрезвычайно информативном исследовании он

⁴ Светло-серым выделены языки, относящиеся к инкорпорированным, знаком * отмечена непродуктивность (нерегулярность) данного явления в языке.

⁵ См. краткий обзор в статье (Asraf 2021: 39). Как и некоторые другие работы об инкорпорации в классических языках (Pompei 2006; Marini 2015), он опирается на классификацию Марианн Митун (Mithun 1984; 2000).

показывает, что в древнегреческом существовало множество глаголов, которые отчетливо демонстрируют инкорпорацию существительного, например, στεφανη-πλοκέω, λογο-ποιέω, στρατ-ηγέω и νομο-θετέω. По большей части, это глаголы, оканчивающиеся на -έω, со структурой N+V, включающей зависимый именной компонент, за которым следует глагольная вершина. Фонетически такие глагольные компоненты имеют форму CoCé- (например, -ποιέω, -φορέω, -δοκέω, -κτονέω и -λογέω), но могут характеризоваться и другими гласными (е или а) и иметь форму CeCé- или CaCé- соответственно (например, -θετέω, -φαγέω, -βατέω и -μαχέω) (Asraf 2021: 40). В качестве примеров подобных образований автор приводит 49 сложных глаголов, получившихся на основе четырнадцати простых глаголов путем инкорпорации в них различных существительных (Asraf 2021: 41), и этими 49 глаголами перечень греческих инкорпорирующих глаголов далеко не исчерпывается. Правда, эти образования включают инкорпорацию существительных с разными семантическими ролями, такими как место, (ἀερο-βατέω ‘ступать по воздуху’), цель (βοη-δρομέω ‘бежать на крик’, отсюда ‘помогать’), инструмент (ἵπλο-μαχέω ‘сражаться с коня, сражаться верхом’), время (νυκτο-πορέω ‘путешествовать в ночное время’); однако чаще всего инкорпорированное существительное играет роль пациенса, то есть соответствуют синтаксической роли прямого дополнения (например, γαλακτο-ποτέω ‘пить молоко’, ξενο-δοκέω ‘развлекать гостей’, λιθο-φορέω ‘носить камни’), и мы далее сосредоточимся только на этой разновидности инкорпорации.

Эти и другие анализируемые ученым образования взяты из авторов, жанров, диалектов разных периодов, так что при желании можно проследить продуктивность данного деривационного механизма. Примечательно, что этот процесс привел к появлению огромного количества глаголов *ad hoc*, возникших ситуативно и используемых ради одного эффективного высказывания, а затем быстро забытых. Многие из них являются *hapax legomena*, и зачастую естественным источником таких недолговечных образований была греческая комедия (Asraf 2021: 52–53).

При таком положении дел возникает вопрос, является ли инкорпорация в древнегреческом языке продуктивным процессом. В рамках различных научных школ и с опорой на

разнообразные языковые данные ответ может различаться. Так, в (Caballero et al. 2008) говорится, что встречаются инкорпорирующие языки, в которых всего несколько глаголов могут инкорпорировать существительные. Например, в юто-ацтекском языке тюмписа шошоне (Tümpisa Shoshone) инкорпорирующих глагольных основ всего пять, но они позволяют любому существительному быть инкорпорированным. Таким образом, если в языке есть закрытый набор инкорпорирующих глаголов, но открытый набор инкорпорируемых существительных, можно считать инкорпорацию продуктивной (Caballero et al. 2008: 392).

Именно такой нам видится инкорпорация в древнегреческом языке, если рассматривать это явление на диахроническом срезе и с опорой на литературные источники, в которых мы сталкиваемся с большой свободой в создании окказиональных и недолговечных неологизмов. Принимая во внимание эту особенность, мы бы осторожно назвали инкорпорацию в древнегреческом если не продуктивной, то по крайней мере, частично продуктивным явлением.

Еще одна интересная особенность древнегреческой объектной инкорпорации, отмеченная Асрафом (2021: 49), состоит в том, что инкорпорированные существительные, даже если они не были введены в дискурс ранее, могут служить антецедентом анафорического местоимения, что отличает древнегреческий от латыни, но сближает его с классическим инкорпорирующим языком мохавк, ирокезским языком Северной Америки (Mithun, Corbett 1999: 57), например:

(2) μιλοῦνται δ' ὄν πάντες οὗτοι καὶ **πιθηκο**-φαγέουσι· οἱ δέ σφι ἄφθονοὶ ὄσοι ἐν τοῖσι ὄρεσι γίνονται. (Hdt. 4.194.1)

‘И все они красят себя киноварью и едят обезьян, а они (обезьяны) в изобилии водятся в горах’.

В этом примере анафорическое местоимение οἱ кореферентно не какому-либо отдельно стоящему антецеденту, а инкорпорированному существительному λίθηκος ‘обезьяна’.

До сих пор мы говорили о древнегреческом в контексте так называемой «сильной» инкорпорации. Однако, как было упомянуто, в языках мира имеются также различные стратегии «слабой» инкорпорации. Все они основаны на сосуществовании в языке параллельных конструкций, противопоставленных друг другу по тем же принципам, что и в классических инкорпори-

рующих языках, но без сращения имени и объекта в единую словоформу⁶. В механизмах слабой инкорпорации могут принимать участие артикли (немецкий, шведский)⁷, индексация в глаголе (суахили)⁸, аспектуальные оппозиции (хинди, русский)⁹, порядок слов (русский, латынь) и, возможно, другие языковые явления¹⁰.

В следующем разделе мы рассмотрим, имеется ли, помимо сильной, также и слабая инкорпорация в древнегреческом, и попробуем соотнести все наблюдаемые особенности греческой инкорпорации с типологической матрицей, предложенной в Таблице 1.

3. Древнегреческий язык и микро-типология инкорпорации

Итак, перечисленные в предыдущем разделе особенности греческой объектной инкорпорации демонстрируют гораздо большее присутствие и значимость этого явления в древнегреческом, чем в латинском. Если в макро-типологии инкорпорации латынь прочно занимает место среди языков, где сильная продуктивная инкорпорация отсутствует, то про древнегреческий мы этого сказать не можем. Что касается микро-типологии, древнегреческий материал дает еще больший, чем латынь, спектр возможностей. Рассмотрим их в соответствии с указанными выше параметрами, но начнем на этот раз с тех, которые имеют отношение к сильной инкорпорации¹¹.

3.1. Сильная инкорпорация с параллельными конструкциями и детранзитивизацией (корякский тип)

С кросс-лингвистической точки зрения, инкорпорация существительного, функционирующего в качестве семантичес-

---

⁶ Для слабой инкорпорации применяются также термины “quasi-incorporation”, “pseudo-incorporation”, а также “semantic incorporation” (Carlson 2006).

⁷ Dahl (2004: 217).

⁸ Zheltov (2020: 109–110).

⁹ Mueller-Reichau (2015: 266).

¹⁰ Zheltov, Zheltova 2024.

¹¹ В отборе материала мы опирались, прежде всего, на статью Н. Асрафа, а также пользовались базой данных Thesaurus Linguae Graecae. Все переводы с древнегреческого наши.

кого пациенса и синтаксического объекта переходного глагола, приводит к заполнению аргументной структуры и к детранзитивизации глагола. Таким образом, инкорпорация существительного представляет собой валентностно-редукционный механизм, удаляющий один из аргументов глагола. В латыни этот тип инкорпорации представлен глаголами *belligerare*, *morigerari* и *curagere*.

Рассмотрим в этой связи примеры (3а) и (3б), содержащие параллельные конструкции в пассажах из Пиндара и Аристофана. В примере (3а) глагол *πλεκέτω* управляет прямым дополнением *στέφανον*, которое модифицируется прилагательным *ἄβρον* и генитивным определением *μυρσίνας*, и все сказуемое относится к одному, четко определенному действию:

(3а) *ἀλίκων τῷ τις ἄβρον*
ἄμφι παγκρατίου Κλεάνδρῳ πλεκέτω
μυρσίνας στέφανον. (Pind. *Istm.* 8.65b–66b)
 ‘Поэтому пусть другой юноша сплетет для Клеандра
 нежную мировую гирлянду в честь Панкратия.’

В примере (3б), напротив, существительное составляет единое целое с глаголом, не имеет падежных окончаний и не модифицируется никакими классификаторами. Следовательно, вся глагольная структура относится не к единичному действию, а к непрерывному процессу, который представляет собой повседневную деятельность и рутинную работу бедной женщины:

(3б) *ἐμοὶ γὰρ ἀνὴρ πέθανεν μὲν ἐν Κύπρῳ*
παῖδάρια πέντε καταλιπὼν, ἀγὼ μόλις
στεφανηπλοκοῦσ' ἔβωσκον ἐν ταῖς μυρρίναις.
 (Aristoph. *Thesm.* 446–448)

‘Муж у меня умер на Кипре, оставив мне пятерых маленьких детей, о которых я с трудом заботилась, плетя гирлянды на мировом рынке.’

Если в (3а) глагол *πλεκέτω* ведет себя как переходный, то в (3б) *στεφανηπλοκέω* свою переходность теряет.

Аналогично ведут себя инкорпорирующий глагол *ξείνοκτονεῖν* ‘быть гостеубийцей’ и его синтаксическая парафраза *μηδένα ξείνων κτείνειν* ‘не убить никого из гостей’, засвидетельствованные у Геродота (Hdt. 2.115.4–6)¹².

¹² Примеры из (Asraf 2021: 38; 44).

3.2. Сильная инкорпорация с параллельными конструкциями и сохранением переходности (тип мандинка)

3.2.1. Базовый вариант

Наряду с описанным выше типом инкорпорации, при котором глагол перестает быть переходным, наблюдается сильная инкорпорация, которая не оказывает влияния на аргументную структуру исходного глагола, сохраняя его переходность¹³. При этом валентность на прямой объект является факультативной, то есть ее реализация в предложении необязательна. Обратимся к двум пассажам из платоновских диалогов¹⁴. Пассаж (4) из «Теэтета» содержит в непосредственной близости друг к другу и инкорпорирующий глагол *βοηθετέω* без прямого объекта, и его синтаксическую парафразу:

(4) ὅταν γὰρ **βοηθετέμεθα**, ὡς ἐσομένους ὠφελίμους **τοὺς νόμους τιθέμεθα** εἰς τὸν ἔπειτα χρόνον. (Plat. *Tht.* 178a)

‘Ибо всякий раз как мы занимаемся установлением законов, мы устанавливаем законы, которые будут полезны для грядущего времени’.

А пример (5) отчетливо показывает, что этот же глагол *βοηθετέω* может иметь при себе прямое дополнение (*ταῦτα*):

(5) τοῦτων οὖν πάντων ἕνεκα, ἦν δ' ἐγὼ, φῶμεν οὕτω δεῖν **κατεσκευάσθαι τοὺς φύλακας οἰκῆσεώς τε περὶ καὶ τῶν ἄλλων, καὶ ταῦτα βοηθητήσωμεν**, ἢ μή; (Plat. *Resp.* 417b)

‘Ради всего этого, — сказал я, — давайте объявим, что необходимо обеспечить наших стражей жильем и всем прочим, и давайте законодательно установим это. Не так ли?’

3.2.2. Конструкции с *figura etymologica*

Иногда в качестве прямого дополнения инкорпорирующего глагола используется слово, дублирующее инкорпорированное имя, создавая, таким образом, *figura etymologica*, как в примере

¹³ Это явление описано на более широкой выборке языков в работе Rosen (1989). Она определяет инкорпорацию существительных (NI), теряющую переходность, как compound NI, а инкорпорацию существительных, сохраняющую переходность, как classifier NI.

¹⁴ Примеры из (Asraf 2021: 57–58).

(6а), где глагол *τριηραρχέω* ‘управлять триерой, служить триерархом’ управляет однокоренным прямым объектом *τριηραρχίας*:

(6а) οἱ δ' ἑτέρας μεγάλας ἀρχὰς ἄρξαντες καὶ **τριηραρχίας** πολλὰς **τριηραρχήσαντες** οὐδεπώποτε ὑφ' ὑμῶν οὐδεμίαν αἰτίαν αἰσχροῦν ἔσχον. (Lys. 13.62)

‘Иные же, занимавшие другие большие должности и служившие много раз триерархами, никогда не подвергались позорному осуждению с твоей стороны’.

А пассаж (6б) показывает, что у глагола *τριηραρχέω* имеется параллельная неинкорпорированная конструкция:

(6б) Λεύκιος δὲ Σκιπίων, ὁ κηδεστής τοῦ Πομπηίου, καὶ ὅσοι ἄλλοι τῶν ἐπιφανῶν ἐκ τοῦ κατὰ Φάρσαλον ἔργου διελεφεύγεσαν, ἐπὶ Κερκύρας ἠπειγόντο πρὸς Κάτωνα, ἑτέρου στρατοῦ καὶ **τριακοσίων τριήρων ἄρχειν ὑπολελειμμένον** (Appian. *Bel. Civ.* 2.12.87.5)

‘А Луций Сципион, родственник Помпея, и другие из оптиматов, бежавшие после битвы при Фарсале, устремились на Керкиру к Катону, получившему в управление другое войско и триста триер.’

3.2.3. Конструкции с «семантической» *figura etymologica*

Еще одна разновидность переходных конструкций представлена инкорпорирующими глаголами, которые могут принимать как однокоренное дополнение (истинная *figura etymologica*), так и неоднокоренное (назовем это семантической *figura etymologica*). К ним, в частности, относятся *οἰκοδομέω* ‘строить дом’, *οἰνοχοέω* (также *οἰνοχοεύω*) ‘наливать вино’, *ναυπηγέω* ‘строить корабль’ и некоторые другие. Так, *οἰκοδομέω* ‘строить дом’ может управлять винительным падежом объекта, этимологически однокоренного с инкорпорированным существительным (например, *οἰκία*, *οἰκίας*, *οἴκημα*) либо «семантически» однокоренного (*νηόν* ‘храм’, *γέφυραν* ‘мост’, *πυραμίδας* ‘пирамиды’), например:

(7) ἐπὶ δ' ἀνέρες ἐσθλοὶ ὄροντο **οἶνον οἰνοχοέοντες** ἐνὶ χρυσεῖς δελάεσσιν. (*Od.* 3.471–472)

‘И поднялись знатные мужи, «виноразливая» вино в золотые чаши’.

(8) μετὰ δὲ σφισι λότνια Ἦβη **νέκταρ ἐωινοχόει**. (II.4.2–3)
 ‘Среди них царственная Геба «виноразливала» им нектар’.

Сохранился схолий к последнему примеру, в котором схолиаст выражает недоумение «катахрестическим» сочетанием νέκταρ ἐωινοχόει, как и другими в том же роде:

(9) καταχρηστικῶς, ὡς **βωμὸν οἰκοδομεῖν** καὶ ἵπποι βουκολέοντο (II. 20.221). (Scholia ad II. 4.3)

‘Катахрестически, как в «домостроить алтарь» и «лошади быкопаслись»’.

Аналогичным образом авторы фундаментальной грамматики (Kühner, Gerth 1898–1904: 582) рассматривают это явление как пример «плеоназма», который, как утверждается, вошел в прозаический язык «aus der Volkssprache».

Недоумение перед катахрезой и плеоназмом может быть снято, если сравнить прагматическую функцию инкорпорированных объектов и соответствующих дополнений οἶνον, νέκταρ и βωμὸν в этих примерах: первые, сливаясь с глаголом, теряют референтность, определенность и дефокализуются, а вторые, будучи вполне референтными и определенными, становятся носителями новой информации, то есть фокусом предложения. Пониманию подобных явлений в древнегреческом языке способствовали данные из других инкорпорирующих языков — австралийских рембарнга, гунвинггу и ирокезского мохавк, — в которых засвидетельствованы такие же процессы¹⁵. Таким образом, типологические данные проливают свет на языковые явления, которые до сих пор не имели убедительного объяснения в рамках традиционных греческих грамматик.

В подкрепление этих рассуждений мы нашли еще один пример:

(10) ... τριήρεις τε πρὸς ταῖς ἡμετέραις πολλὰς ναυπηγησάμενοι.
 (Thuc. 6.90.3.6)
 ‘... и «кораблестроив» множество триер вдобавок к нашим.’

¹⁵ Примеры из греческого и других языков взяты из (Asraf 2021: 63–64), со ссылкой на данные из (Rosen 1989: 303) и (Mithun 1984: 867; 1986: 34).

Здесь общий процесс строительства судов, описанный инкорпорирующим глаголом, конкретизируется с помощью фокальной именной группы *τριήρεις πολλὰς*, которая и является новой и важной информацией, а прием гипербата, то есть отрыв определения *πολλὰς* от определяемого слова *τριήρεις*, подчеркивает значимость количественного компонента.

3.2.4. Идиоматические инкорпорирующие конструкции

Надав Асраф выделил еще одну группу сложных образований, значение которых не сводится к сумме значений первичного глагола и инкорпорированного имени (Asraf 2021: 59). Так, глагол *χειροτονέω*, буквально означающий ‘тянуть руку’, путем метонимического переноса приобрел значение ‘избирать кого-либо’ (с аккузативным дополнением), а глагол с прозрачной этимологией *δоруφορέω*, первоначально означавший ‘нести копье, выполняя функции телохранителя (*δоруφόρος*)’, развил значение ‘охранять кого-либо’, также не утратив переходности, пример (11a):

(11a) [ὁ Πανσανίας] ... ἐκ τοῦ Βυζαντίου ἐξῆι καὶ διὰ τῆς Θράκης πορευόμενον **αὐτὸν** Μῆδοι καὶ Αἰγύπτιοι **ἐδоруφόρουν** (Thuc. 1.130.1.7)

‘[Павсаний]... вышел из Византия, и его на переходе через Фракию охраняли мидийцы и египтяне’.

Примечательно, что поиск в *Thesaurus Linguae Graecae* дает значительно больше примеров с глаголом *δоруφορέω*, чем с его синтаксической парафразой (последних мы обнаружили всего четыре, причем только в позднеантичных и византийских источниках: один у Созомена (11b) и еще три у Евстафия):

(11b) οὐ γὰρ ξίφος ἢ **δόρυ φέρων** οὐδὲ ἄλλο τι βέλος ἔχων ἐπὶ τοῦτὶ τὸ θηρίον ἦλθεν· (Sozomen. *Hist. eccl.* 7.26.2.2.)

‘ибо ни меча, ни копья не неся, ни иного какого дротика не имея, вышел на этого зверя’.

Итак, древнегреческие инкорпорирующие глаголы могут эволюционировать и приобретать новые идиоматизированные значения, сохраняя при этом классические признаки инкорпорации.

3.2.5. Пассивизация инкорпорирующего глагола

В этом параграфе мы покажем, что древнегреческие инкорпорирующие глаголы могут идти еще дальше, обнаруживая свойства, которые (почти) не встречаются в других инкорпорирующих языках. Это пассивизация инкорпорирующего глагола, которая наглядно видна на примерах (12a) и (12b) с одинаковыми глаголами и дополнениями, но в разных залогах:

(12a) τοῦτον δὲ ... λίμνην ... ὀρύξαι ... **πυραμίδας** τε ἐν αὐτῇ **οἰκοδομήσαι** ... (Hdt. 2.101.2)

‘Он же ... вырыл озеро... и «домопостроил» на нем пирамиды ...’

(12b) ἐκ τούτων δὲ τῶν λίθων ἔφασαν **τὴν πυραμίδα οἰκοδομηθῆναι** τὴν ἐν μέσῳ τῶν τριῶν ἐστῆκυῖαν. (Hdt. 2.126.2)

‘А из этих камней, как говорили, была «домопостроена» пирамида, которая стоит среди тех трех’.

Сама по себе пассивизация глагола οἰκοδομέω неувидительна, коль скоро он сохраняет переходность. Удивительно то, что сочетание пассивной морфологии с инкорпорацией существительных встречается крайне редко и засвидетельствовано едва ли не в одном языке инуктитут — эскимосско-алеутском языке Канады¹⁶.

3.3. Компактные глагольно-именные образования без параллельных конструкций (тип суахили и гбан)

Напомним, что в макро-типологии инкорпорации присутствуют языки, в которых сосуществуют инкорпорирующие глаголы и параллельные неинкорпорируемые конструкции. Однако мы предложили микро-типологию, учитывающую различные параметры, и ввели в нее тип языков (к ним мы отнесли, с определенными оговорками, суахили и гбан), в которых имеются компактные глагольно-именные структуры, но без параллельных конструкций. В латинском языке к этому типу, как оказалось, принадлежат *gratulari*, *mandare* и *manumittere*. Что касается древнегреческого, нам удалось идентифицировать несколько глаголов, относящихся к этой категории: *καμηλο-*

¹⁶ См. подробнее в (Asraf 2021: 66–67).

τροφέω ‘разводить верблюдов’, στεφανηφορέω ‘носить венки’ и πορνοβοσκέω ‘содержать гетер’.

В процессе поиска параллельных синтаксических парафраз, в частности, к глаголу καμηλοτροφέω, в TLG обнаружилось немало примеров с инкорпорированными формами, как в (13):

(13) οὗτοι δὲ **καμηλοτροφοῦντες** πρὸς ἅπαντα χρῶνται τὰ μέγιστα τῶν κατὰ τὸν βίον τῆ τοῦ ζῴου τούτου χρειᾶ. (Diod. Sic. 3.45.4)

‘Они же, разводя верблюдов, пользуются этим животным для удовлетворения самых важных потребностей в своей жизни.’

Однако параллельных конструкций с простым глаголом τροφέω или τρέφω ‘кормить’ мы не нашли, только с ποτίζω ‘поить’ (14), что едва ли можно считать синтаксической парафразой к καμηλοτροφέω.

(14) ἐρευνητέον δὲ τὴν αἰτίαν, δι' ἣν τὸν μὲν παῖδα ἀπὸ τῆς πηγῆς, τὰς δὲ **καμήλους** ἀπὸ τοῦ φρέατος **ποτίζει** (Philo. *De poster. Caini* 153.2)

‘Следует искать причину, по которой он поит ребенка из источника, а верблюдов из колодца’.

3.4. Параллельные конструкции без компактности (слабая, или «семантическая», инкорпорация)

Поскольку в классических инкорпорирующих языках параллельные конструкции призваны выражать разные прагматические значения, в неинкорпорирующих тоже можно найти соответствующие пары конструкций, противопоставленных по этому признаку, но пользующихся другими морфологическими или синтаксическими средствами (см. раздел 2), в том числе, порядком слов. Так, для латинского языка мы предложили пару (15a) и (15b) с разной прагматической нагрузкой объекта *aciem*.

В (15a), с порядком слов OV, в фокусе находятся и глагол, и объект (контрольный вопрос – «Что сделали лигуры?»), а в (15b), с порядком VO, в фокусе находится только объект (контрольный вопрос – «Что самниты формируют?»):

(15a) OV («Что сделали лигуры?»)

(sc. Ligures) *postquam oppidum oppugnaturum Romanum cernebant, progressi ante portas **aciem struxerunt***. (Liv. 42.7. 5)

‘Когда они поняли, что крепость будет осаждена, они встали перед воротами и выстроились в боевую линию’.

(15b) VO («Что самниты формируют?») (sc. Samnites) *Armati suis quisque ordinibus instruunt aciem*. (Liv. 10.36.2)

‘Вооружившись, каждый на своем месте в строю, они боевую линию формируют’¹⁷.

Для древнегреческого мы нашли похожий анализ в (Emde Boas et. al. 2019: 711), согласно которому на маркирование широкого и узкого фокуса также влияет порядок слов. Сравним примеры (16a) и (16b):

(16a) ΚΟ. πῶ τοῦτον ἔλκεις;
ΓΡ. Α. εἰς ἑμαυτῆς NARROW FOCUS εἰσάγω VERB.
(Aristoph. *Ecccl.* 1037)

‘(Девушка:) Куда ты его тащишь?
(Первая старуха:) Я веду его к себе домой’.

Поскольку девушка спросила πῶ τοῦτον ἔλκεις, старуха может считать информацию о том, что она куда-то тащит данного мужчину, уже известной девушке. Поэтому новая информация ограничивается единственным членом εἰς ἑμαυτῆς, который представляет собой «узкий фокус» и предшествует глаголу.

(16b) ΣΩ. οὗτος, τί ποιεῖς ἐτεόν, οὐπὶ τοῦ τέγουσ;
ΣΤ. ἀεροβατῶ καὶ περιφρονῶ τὸν ἥλιον BROAD FOCUS
(Aristoph. *Nub.* 1502–1503)

‘(Сократ:) Эй, что ты делаешь, ты на крыше?
(Стрепсиад:) Я гуляю по воздуху и созерцаю Солнце.’

Вопрос Сократа τί ποιεῖς показывает, что Стрепсиад может предположить, что Сократ знает, что он что-то делает. Ответная

¹⁷ Порядок составляющих OV/VO в латинском языке зависит от множества факторов, как показала Ольга Спеквак (Spevak 2010), но в данном случае мы можем сослаться на Харма Пинкстера (Pinkster 2021: 779), который утверждает, что «вторые аргументы могут быть помещены в финальную позицию, если они являются фокусом», и комментирует данный отрывок из Ливия следующим образом: «формирование боевой линии — это предсказуемая вещь, которую следует делать в условиях войны, но в отчаянном положении, в котором оказались самниты, это замечательный подвиг, отсюда и необычный порядок, когда *aciem* следует за глаголом».

информация содержится в двух предложениях, первое из которых состоит только из глагола (ἀεροβατῶ), и поэтому вопрос о порядке слов не возникает. Во втором новая информация включает и глагол, и существительное, и в этой «широкофокусной конструкции» τὸν ἦλιον следует за περιφρονῶ, то есть порядок слов противоположный тому, который в (16a).

Таким образом, по параметру слабой, или «семантической», инкорпорации древнегреческий язык попадет в одну ячейку типологической матрицы с русским и латынью: есть параллельные конструкции с различным прагматическим статусом объекта, но выражаются они порядком слов, а не инкорпорацией объекта как таковой.

4. Заключение

В данной статье мы попытались расширить контекст явлений, релевантных понятию инкорпорации, за счет данных древнегреческого языка. Представленный выше анализ позволяет определить его место в разработанной авторами типологической матрице, в которой все языки распределяются в соответствии с выделенными параметрами, а также принимаются во внимание как продуктивные (макро-типология), так и непродуктивные (микро-типология) явления и процессы (см. таблицу 2). При этом следует отметить, что древнегреческий язык демонстрирует как бóльшую продуктивность инкорпорации, чем латынь, так и бóльшее разнообразие вариантов инкорпорирующих конструкций, что позволяет добавить к уже разработанной матрице два дополнительных параметра: 1) включение объекта в глагол с детранзитивизацией инкорпорированного комплекса и возможностью анафорической референции объекта, и 2) включение объекта в глагол с сохранением его переходности и с пассивизацией. Таким образом, древнегреческий попадает не только во все ячейки матрицы, в которые попадает латинский язык, но и демонстрирует еще две разновидности инкорпорации, редко встречающиеся даже в «классических» инкорпорирующих языках, см. таблицу 2.

Таблица 2.¹⁸ Место древнегреческого языка в градуальной типологии инкорпорации

	Наличие параллельных конструкций	Отсутствие параллельных конструкций
Включение объекта в глагол с детранзитивизацией инкорпорированного комплекса	корякский латынь*, древнегреческий*?	Суахили (для прономинального объекта), латынь*, древнегреческий*
Включение объекта в глагол с детранзитивизацией инкорпорированного комплекса и возможностью анафорической референции объекта	мохавк, древнегреческий	
Включение объекта в глагол без детранзитивизации инкорпорированного комплекса	мандинка латынь*, древнегреческий*	
Включение объекта в глагол без детранзитивизации инкорпорированного комплекса с возможностью пассивизации инкорпорированного объекта	инуктитут, древнегреческий*	
Морфосинтаксическая связанность объекта с глаголом	тамильский	гбан
Объектная индексация в глаголе	Суахили (для именного объекта)	
Отсутствие связанности объекта с глаголом	русский, латынь, древнегреческий	

Особого внимания заслуживает понятие «продуктивности» в отношении инкорпорации в древнегреческом. С одной стороны, нельзя сказать, что все переходные глаголы в этом языке могут образовывать объектно-глагольные инкорпорирующие комплексы, для некоторых типов инкорпорирующих конструкций список таких глаголов невелик (такие типы отмечены в таблице 2 знаком * как непродуктивные), но, с другой стороны, продуктивность инкорпорации в древнегреческом существенно

¹⁸ Светло-серым выделены языки, относящиеся к инкорпорирующим, знаком * отмечена непродуктивность (нерегулярность) данного явления в языке.

выше, чем в латыни. Причем для некоторых глаголов характерен открытый список инкорпорированных объектов, ограниченный лишь семантической сочетаемостью. Поэтому при отнесении к классическому «корякскому» типу инкорпорации знак непродуктивности (*) для древнегреческого поставлен со знаком вопроса. В принципе, признак продуктивности мог бы составить в этой матрице особое измерение или отдельную шкалу:

продуктивная инкорпорация и для глаголов, и для объектов (корякский) — продуктивная инкорпорация только для объектов (тюмписа шошоне и древнегреческий) — непродуктивная инкорпорация (латынь) — отсутствие инкорпорации (русский).

Таким образом, включение «неинкорпорирующих» языков в анализ явлений, релевантных понятию инкорпорации, позволяет лучше систематизировать эти явления, а также создать новую типологическую матрицу инкорпорации, включающую все языки. Кроме того, изучение явления инкорпорации в древних индоевропейских языках открывает дополнительную перспективу: сравнение древних и новых индоевропейских языков (латынь и романские, древне- и новогреческий, санскрит и хинди) позволило бы рассмотреть это явление в динамике и увидеть возможные пути и механизмы изменений, то есть перейти от описательной и статичной типологии к объяснительной и динамической.

Литература

- Asraf, N. 2021. The Mechanism of Noun Incorporation in Ancient Greek. *Glotta*, 97, 36–72.
- Asraf, N. 2022. The Syntax-Morphology Interface in Ancient Greek. The Syntactical Properties of Morphemes. *Mnemosyne* 1–30
- Baños Baños, J. M. 2012. Verbos soporte e incorporación sintáctica en latín: el ejemplo de *ludos facere*. *Revista de Estudios Latinos*. 12, 37–57.
- Caballero, G., Houser, M. J., Marcus, N., McFarland, T., Pycha, A., Toosarvandani, M., Nichols, J. 2008. Nonsyntactic Ordering Effects in Noun Incorporation. *Linguistic Typology*. 12, 383–421.
- Carlson, G. 2006. The Meaningful Bounds of Incorporation. In: S. Vogeleer, L. Tasmowski (eds). *Non-Definiteness and Plurality*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 35–50.
- Creissels, D. 2008. L'incorporation en mandinka. In: D. Amiot (ed.). *La composition dans une perspective typologique*. Lille: Artois Presses

- Université, 75–88. (The preprint version <http://www.deniscreissels.fr/public/Creissels-incorp.mand.pdf>, accessed 20.04.2024.)
- Dahl, Ö. 2004. *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins.
- Emde Boas, E. van, Rijksbaron, A., Huitink, L., Bakker, M. de. 2019: *The Cambridge Grammar of Classical Greek*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kühner, R., Gerth, B. 1898–1904. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Zweiter Teil: Satzlehre. 2 vols. (3rd ed.). Hannover–Leipzig.
- Marini, E. 2015. Les verbes à incorporation de l'objet en latin: essai d'aperçu typologique. In: G. V. M. Haverling (ed.). *Latin Linguistics in the Early 21st Century. Acts of the 16th International Colloquium on Latin Linguistics, Uppsala, June 6th–11th, 2011*. Uppsala: Uppsala University, 116–132.
- Mithun, M. 1984. The evolution of noun incorporation. *Language*. 60, 847–894.
- Mithun, M. 2000. Incorporation. In: G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mudgan (eds). *Morphologie/Morphology: A Handbook on Inflection and Word Formation: Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung*. Vol. 1. Berlin: De Gruyter, 916–928.
- Mithun, M. 1986: On the Nature of Noun Incorporation. *Language*. 62, 32–37.
- Mithun, M., Corbett, G. G. 1999. The Effect of Noun Incorporation on Argument Structure. In: L. Mereu (ed.). *Boundaries of Morphology and Syntax*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 49–71.
- Mueller-Reichau, O. 2015. Pseudo-Incorporation in Russian? Aspectual Competition and Bare Singular Interpretation. In: O. Borik, B. Gehrke (eds). *The Syntax and Semantics of Pseudo-Incorporation*. Leiden – Boston: Brill, 262–295.
- Pinkster H. 2021. *Oxford Latin Syntax. Vol. 2. The Complex Sentence and Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Plungian, V. A. 2011. *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: grammaticheskie znacheniiia i grammaticheskie sistemy iazykov mira [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the World's Languages*. Moscow, Izdatel'stvo RSHU.]
- Плунгян, В. А. 2011. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва: Изд-во РГГУ.
- Pompei, A. 2006: Tracce di incorporazione in greco antico. In: P. Cuzzolin, M. Napoli (eds.). *Fonologia e tipologia lessicale nella storia della lingua greca*. Atti del VI Incontro Internazionale di Linguistica Greca (Bergamo, settembre 2005). Milan, 216–237.
- Rosen, S. T. 1989. Two Types of Noun Incorporation: A Lexical Analysis. *Language*, 65, 294–317.

- Sadock, J. M. 2006. Incorporation. In: K. Brown (ed.). *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd ed. Elsevier, 584–587.
- Spevak O. *Constituent order in classical Latin prose*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010.
- Zhelotov, A. 2020: Incorporation and “formal incorporation” in analytic languages: Mande languages and typology of incorporation. *Language in Africa*, 1(4), 98–114.
- Zhelтова, Е., Zhelotov, А. 2022. Nekotorye zamechaniia o latinskom iazyke v kontekste tipologii ob'ektnoi inkorporatsii. [Some remarks on Latin in the context of object incorporation typology]. In: M. Kisilier (ed.). *Verus Convictor, Verus Academicus. To the 70th birthday of Nikolai Nikolayevich Kazansky*. St Petersburg: ILI RAS, 262–274.
- Желтова, Е. В., Желтов, А. Ю. 2022. Некоторые замечания о латинском языке в контексте типологии объектной инкорпорации. В сб.: М. Кисилиер (ред.). *Verus Convictor, Verus Academicus. К 70-летию Николая Николаевича Казанского*. СПб.: ИЛИ РАН, 262–274.
- Zhelotov A., Zheltova E. 2024. Object Incorporation in Latin: Towards Macro- and Micro-typology of Incorporation. *Philologia Classica*, 19 (1) (in print).

А. В. Жугра
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
ajugra@rambler.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ АНТИТЕЗА В АЛБАНСКОМ ЭПОСЕ (НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

В статье рассматривается употребление метафорической антитезы в албанском героическом эпосе. Этот художественный прием сказитель использует в определенных типовых ситуациях — при описании богатырских качеств эпического героя, при показе его внутреннего мира. Особый вид антитезы представлен в песнях о преданной любви сестры к своему брату.

Ключевые слова: албанский, эпос, метафорический, антитеза.

A. V. Zhugra
Institute for Linguistic Studies, RAS, St.Petersburg, Russia.
ajugra@rambler.ru

Metaphorical antithesis in Albanian epos

The article addresses the issue of metaphorical antithesis in Albanian heroic songs. The singer of tales uses this artistic means in certain typical situations — when showing the heroic qualities of an epic hero, when showing his inner world. A special type of antithesis is presented in songs about the devoted love of a sister for her brother.

Keywords: epos, Albanian, antithesis, metaphoric.

Вводные замечания

Одной из довольно заметных художественных особенностей албанских эпических песен является использование в них такого приема, как славянская, или метафорическая, антитеза. На это явление фольклористы уже обращали внимание: в работе (Gatsak 1973) дается краткая его характеристика на фоне других эпических традиций славянских и неславянских народов Юго-Восточной Европы. Были, в частности, отмечены такие особенности метафорической антитезы в албанском эпосе как ее диалогическое строение, расположение по ходу повествования и приуроченность к изображению положительных персонажей (Gatsak 1973: 296).

Богатый материал албанского эпоса показывает, что данный феномен заслуживает специального и более подробного рассмотрения.

Славянская антитеза «... состоит из вопросительного предложения, отрицательного параллелизма, являющегося отрицательным ответом на вопрос, и, наконец, из утверждения» (Bogatyrev 1960: 221). Наряду с таким, наиболее часто встречающимся видом антитезы, существует также вид, в котором исходный тезис с его предположительной модальностью оформлен как утвердительное предложение. Диалогичная по своей структуре славянская антитеза имеет, таким образом, трехступенчатую форму: сообщается некое ложное положение (первая ступень), затем идет его отрицание (вторая ступень), за которым следует истинное утверждение (третья ступень). Первые две ступени являются метафоричными, третья несет достоверную информацию (Medrish 1995: 102).

Героические албанские песни, опубликованные в сборниках *Kenge popullore legjendare* (KPL) и *Epika — Epika legjendare* (Epika) соответственно 1955 и 1966 годов, обнаруживают активное использование в них славянской антитезы — она представлена более чем в двадцати из ста песен в разных сюжетных коллизиях. Славянскую антитезу встречаем также в сборнике *Balada dhe legjenda*¹ (1974). В данной статье предпринимается попытка определить состав (характер) образов и место славянской антитезы в составе албанских эпических песен.

Примеры метафорической антитезы, к которой охотно прибегают албанские сказители, свидетельствуют о широких возможностях структурного варьирования в отношении количества стихов на каждой ее ступени. Здесь возможен минимальный вариант 1:1:1, например: — *A thue janë ortiqe me borë? / Be n' zotin Marku paska ba: / — Ato s' janë ortiqe me borë, / aty asht Muja me Halilin* (Epika 101: 55–58) ‘Это, наверно, лавины снега? / Богом поклялся Марк: / — Это не лавины снега, / там находится Муйо с Халилем’. Первая ступень может достигать в отдельных случаях 5 и даже 9 стихов, но в большинстве примеров она составляет 3 стиха.

Вторая ступень должна (по законам жанра) зеркально соответствовать первой и количественно, и лексически. Такое ожидаемое соответствие наблюдается часто, но далеко не всегда.

---

¹ При цитировании примеров указываются источник, номер песни и строки.

Изменение («нарушение») соответствия происходит в основном за счет уменьшения количества стихов на одну-две единицы (3:2, 3:1), вплоть до полного устранения (пропуска) второй ступени (всего три примера). Имеются, однако, случаи и расширения второй ступени на один стих.

Наибольшее разнообразие демонстрирует третья ступень антитезы. Здесь количество стихов достигает 7, 9 и даже 14 строк, что зависит от объективной сложности утверждаемого положения (факта или события). В некоторых случаях убедительное достоверное объяснение достигается лишь при пересказе произошедшего накануне события, как, например, в ситуации *богатырь удивлен* (см. ниже, песня № 38 *Ankimi i plakut Qafanak*). Такие антитезы теряют в выразительности и образности, хотя в них сохраняется общий принцип построения: «Это А?; нет, это не А, это Б».

Антитеза при описании богатыря: богатырские деяния, скачка богатырская, богатырский сон

Антитезы, характеризующие албанского богатыря, построены на сопоставлениях между действиями человека и явлениями природы. Сопоставления такого характера, обозначенные А. Н. Веселовским как «образный параллелизм», были первоначальной формой сравнений в поэтическом творчестве многих эпических традиций (Veselovsky 1989: 101). В современных албанских эпических текстах в качестве изобразительных средств используются и параллелизм, и антитеза.

Разнообразные «потрясения» природы, сопоставляемые в составе антитезы с действиями албанских героев, — это грохот и раскаты грома от ударившей молнии, гул, треск, шум падающих деревьев, шум морской бури и др.

Метафорическая антитеза в албанском эпосе представляет собой, как уже отмечалось, диалог персонажей и появляется в определенных местах повествования по воле сказителя, поскольку не является сюжетно необходимой. Зафиксированы, однако, и случаи использования антитезы в зачине.

Метафорическая антитеза в форме диалога при описании богатырских деяний

Муйо и Бехури, герои одноименной песни, сошлись в поединке, в котором никто из них не может одержать верх. В момент вынужденной передышки и словесной перебранки они

слышат сильный шум и грохот, причина которого известна слушателю из предыдущей части повествования, но для Бехури непонятна:

*Pak vonoi, shum s'ka vonue,
e kanë ndie nji gjamë të madhe,
si gjamë deti qi bjen moti i lig,
si gjamë qiellet, kur ban reja me shkrepë.
Janë ndalë burrat e Muji Behurin e pvetë:
— A thue vret reja për s' kthiellitit?
A mos janë këto gjamë prej detit?
— As nuk vret reja për s' kthiellitit,
as nuk asht kjo gjamë prej detit,
por janë kullat e Behurit,
trandin tokën kah po bijnë për dhe. (Еріка 6: 393–403);*

‘.../ услышали сильный грохот, / как шум моря в непогоду, / как гром небесный, когда сверкает молния. / Остановились мужи, и Муйо спрашивает Бехури: / — А ударяет молния, когда ясно [в небе]? / А может, это шум прибоа? / — Нет, не ударяет молния, когда ясно [в небе], / и это не шум морского прибоа, / но это дома́ Бехури [взорваны], / падают и сотрясают землю’.

Строго говоря, с помощью антитезы иллюстрируется не поединок богатыря с противником, а его находчивость и умение использовать обстоятельства, поскольку это именно Муйо заранее заложил мешки с порохом в доме Бехури и поджег фитили.

При этом следует обратить внимание на одну важную деталь — не Бехури, как ожидалось бы, задает вопрос, а сам Муйо задает (уже риторический) вопрос и сам же на него отвечает. Таким образом, сказитель вносит тонкий нюанс в характеристику главного героя, которому хочется произвести впечатление осуществленным хитрым маневром и «добить» морально противника, ибо далее следует рассказ Муйо о том, как именно он это подготовил. «Авторское» замечание после прямой речи Муйо прямо указывает на цель его риторики: *Vnerin Muji fort ja paska dyndë* (Еріка 6: 410) ‘Желчь [свою] Муйо крепко на него выплеснул.

Метафорическая антитеза при описании богатырской скачки

При описании богатырской скачки метафорическая антитеза зафиксирована в двух позициях: в зачине (один пример) и по ходу повествования (три примера).

Описания богатырской скачки встречаются в героических песнях неоднократно и часто с использованием устоявшихся формульных клише: *tym e mjegull gjogun e ka lshue* (Епика 15: 83) ‘как дым и туман припустил коня’, *tym e mjegull gjogun ma ka ba* (Епика 19: 282; 37: 324; 42: 51;) ‘как дым и туман сделал коня’, *Gjogu fort asht egërsue, / bisht e jelë bashkë i ka ba, / edhe bjeshkët i ka trupue* (Епика 62: 136–138) ‘в ярость конь пришел, / хвост и гриву соединил, / сквозь горы промчался’. Очень часто, когда богатыри скачут, возникает гром и грохот: *mumurim toka kish/ka marrë* (Епика 99: 33, 49) ‘земля загрохотала’, а когда скачет Муйо *Mumurim toka ka marrë, / edhe qiella po veton, / bytym rruga zjerm po qet, / bytym bari fjajë po ndezet, / bytym dushku në tokë po bje* (Епика 99: 68–72) ‘Земля загрохотала, / и небо сверкает, / вся дорога огнем полыхает, / вся трава загорается, / все дубы на землю осыпаются’.

Располагая такими художественными средствами, в некоторых особых случаях для описания богатырской скачки сказитель использует метафорическую антитезу. Это имеет место в ситуации, когда сообщается о приезде необычного или неожиданного гостя.

Уже знакомые образы природы (шум морского прибоя, удар молнии) используются и при описании богатырской скачки. При этом метафорической антитезе в зачине (песня № 87) предшествует так называемая «загадка», т. е. названо нечто неизвестное для персонажей песни, для беседующих агов. Аги слышат *nji bubllinë* ‘шум’, доносящийся с гор. Они спрашивают друг у друга: — *A thue tallazi i detit asht tue ba? / A thue reja kund asht tue vra? / A ndonji kral në bjeshkë ka ra?* (Епика 87: 6–8) ‘Это не морской ли прибой шумит? / А может это где-то молния ударяет? / Или какой-то король в горы нагрянул?’. В ответ Муйо последовательно отрицает каждое из высказанных предположений и сообщает истинную причину этого шума: *por tek po vjen Agë Jabanxhija, / shoqin kund ma trim s’ e ka, / ai në nji skele shpinë ka / te po vjen me ne me u pa* (Епика 87: 13–16) ‘но это едет Ага Чужеземец, / большего, чем он, храбреца нет нигде, / он на какой-то пристани дом имеет, / вот он едет с нами

повидаться'. Здесь мы имеем довольно редкий в албанском эпосе тип зачина — использование метафорической антитезы, показывающей приезд к богатырям необычного гостя (чужеземец, на какой-то пристани живет, т. е., видимо, где-то у моря).

Гудящая земля и все нарастающий гул на дороге также заставляют собравшихся для беседы аггов думать и гадать о причине этих проявлений природы: — не море ли это шумит, не король ли какой-нибудь войну ведет, не освободились ли [из плена] Муйо и Халиль? Ясность вносит один из богатырей, объяснивший, что это никакой не грохот морской, но что это *po tek po vjen djalë Ymeri, / ai asht i biri i Gjeto Basho Mujës, / se shtatë vjet në kafaz asht rritë, / tash po vjen me u shmerzitë* (Эпика 86: 268-271) 'это вот едет юноша Юмер, / это сын Чето Баше Муйо, / ведь он семь лет в клетке взрастал, / теперь едет [к нам] развезаться'. Данная метафорическая антитеза также приурочена к показу прибытия неожиданного для собравшихся богатырей гостя, неожиданного, так как об Юмере, которого растили скрытно, они не могли ничего знать.

В обоих случаях третья ступень метафорической антитезы содержит не только сообщение о достоверном факте, — о прибытии необычного или неожиданного гостя, но и важные для дальнейшего повествования сведения о нем.

Оригинальное построение метафорической антитезы встречаем в песне Omeri prej Mujit «Омер, сын Муйо». Здесь, услышав странный шум, ютбинские аги задаются вопросом об этом шуме и предполагают: — не небесный ли это грохот? Им отвечает Арнаут Османи, пропуская вторую, отрицающую ступень антитезы, — *Kto si me kanë Muja ja Halili!* (Эпика 27: 90) 'Это, похоже, [едет] Муйо либо Халиль!'. Видим, что третья, «достоверная» ступень антитезы, содержит модальность неуверенности, предположительности. А далее уже в тексте от нарратора, т. е. в авторском повествовании, но глазами того же персонажа дается истинное положение дел: *A çue n' kambë për me kundrue, / tym e mjegull veç ka pa / e ndër tym Omerin prej Mujit* (Эпика 27: 90-93) '[Арнаут Османи] Поднялся на ноги, чтобы разглядеть, / увидел лишь дым и туман / и сквозь дым Омера, сына Муйо'. Такое варьирование структуры метафорической антитезы создает иную тональность повествования в целом. Переход от диалога к авторскому повествованию, от точки зрения персонажа к точке зрения со стороны переводит тональность твердого утверждения («нет, не то, а это») к показу «картинки», показывающей привычные для богатырской скачки

атрибуты — *tym e mjegull* ‘дым и туман’. Этот переход, возможно, связан с тем, что речь идет о появлении героя, если и не неожиданного, и не необычного, то точно неприятного для Арнаута Османи. Арнаут Османи в албанском эпосе известен своей завистью к главному богатырю Муйо, появление Омера, сына Муйо, могло вызвать у него только одну реакцию, четко обозначенную нарратором — *Sa keq trimët na i ka ardhë!* (Эпика 27: 94) ‘Как неприятно стало храбрцу!’.

Метафорическая антитеза при описании богатырского сна

Ситуация, когда богатырей настигает тяжелый непробудный сон, встречается в нескольких героических песнях. Речь идет о Муйе и Халиле, которые проходят в горах испытание на выносливость. Напившись студеной родниковой воды, они впадают в сон, во время которого своим мощным дыханием производят настоящие разрушения в природе: падают с грохотом деревья, опадают листья, желтеет трава. Как следствие — богатырей обнаруживают, их заковывают в кандалы и сажают в темницу. В описании этих ситуаций сказитель прибегает к метафорической антитезе. Как и в других случаях, метафорическая антитеза здесь оформляется в виде диалога, который происходит, однако, не среди дружинников, а, напротив, в стане неприятелей — среди воинов краля или жителей королевства.

Три примера метафорической антитезы, используемой в разных песнях при описании богатырского сна, различаются и по структуре, и по составу используемых образов природы.

Самый краткий и лаконичный вариант содержит сопоставление богатырского сна с падающей лавиной снега: — *A thue janë ortiqe me borë? / .../ — Ato s' janë ortiqe me borë, / aty asht Muja me Halilin* (Эпика 101: 55, 57–58) ‘— Не снежные ли это лавины [падают]? /.../ — Это не снежные лавины, / (это) там Муйо с Халилем’.

В более развернутом варианте используется сопоставление с наступающей бурей (*duhëm kah po vjen*), с переменной погоды (*don jeta me ndrrue*), с шумом морского прибоя (*bumurimë prej detit*) и, наконец, с грохотаньем пушек (*topa nër Krahinë*). Все эти предположения последовательно отрицаются, чтобы заявить, что всё объясняется присутствием Муйо и Халиля: *por diku ngjat asht Muja me Halilin* (Эпика 26: 216) ‘но, похоже, что где-то находятся Муйо с Халилем’. Содержащееся в третьей

ступени антитезы *ngjat* ‘похоже’ нейтрализуется последующим объяснением, что тяжелый сон овладел богатырями, когда они оказались *tu gurrat e bardha / e uj shum qi kanë pi* (Эпика 26: 217–218) ‘у белых родников / и много воды выпили’.

Третий вариант метафорической антитезы отличается от предыдущих и структурно, и образно — начатая как бы диалог (риторические вопросы жителей королевства), она минует вторую ступень (опровержение предположений) и переходит в авторское повествование в третьей ступени. Приведем полностью текст этой антитезы, включая и предшествующий ей фрагмент:

Të dy gjumi n' hijet te i ka xanë	Сон их в холодке сморил обоих
Kaq duhi Zoti m' i ki' falë	Мощным бог их наградил дыханьем
Sa herë frymën si pe e ngrëhin,	Всякий раз, когда они вздыхают,
Të tana lisat po luhaten	Все деревья валяются в округе,
Edhe dushku i malit për tokë po bjen;	Дуб, стеная, грохается наземь!
Sa herë frymën Agët si po e qesin,	А как только братья выдыхают,
Bytym majat t' tana po rrëzohen!	Рушатся окрестные вершины!
N' gjithë Krajli marak ishin bâ:	Поднялась тревога в Королевстве:
«Shka ka dushku për tokë si po bjen?	Отчего там дуб на землю рухнул?
Shka kanë lisat si po luhaten?	Отчего деревья покачнулись?
Shka kanë majat si po na rrxohen?	Отчего вершины гор осели?
A n' mos janë topa n' Krahinë?	Может, это пушки бьют в Краине?
A n' mos janë gjamë e bumurinë?	Может, это грохотанье грома?
A n' mos rreh deti tallaza?	Или волн морских прибой о камни?
A n' mos hahen gjerpët e gjerpajt?»	Или это скрежет шкур змеиных?
Kqyr çka bani Ciro Baraktari!	Вот что сделал Циро Байрактари.
M' i ka vu turbitë për sy;	Он трубу подзорную приладил,
Po e shikon bjeshkën për t' gatë	Горы осмотрел он зорким взглядом,
Edhe kronin mirë po e shikon	Был ему ручей отсюда виден,
E tu kroni Agt i ka pa	У ручья увидел спящих братьев

(KPL 43: 110–129). (САС: 67–68; пер. А. Голембы).

Наряду с известными образами «потрясений» природы, здесь появляется сопоставление со змеями, которое, учитывая малую шумность этих пресмыкающихся, представляется неожиданным и мало мотивированным.

Начальный фрагмент приведенного текста выразительно описывает изменения, происходящие в природе в результате мощного богатырского дыхания. Эти изменения, или «потрясения», понятны слушателям, но непонятны жителям Королев-

ства, для которых они «загадочны». Разгадку находит Циро Байрактари, который, рассматривая горы через подозрительную трубу, *tu kroni Agt i ka pa* ‘у источника аггов увидел’. Как видим, сказитель не сообщает в этой третьей («достоверной») ступени метафорической антитезы главного, — того, что герои спят. Эта важнейшая деталь удачно дана в переводе: «увидел *спящих* братьев», а в оригинале содержится только в самом начале: *gjumi ... i ka xanë* ‘сон ... сморил их’.

Таким образом, при описании главных эпических героев в определенных ситуациях используются разные виды метафорической антитезы. Точнее было бы сказать, что на основе некоей общей схемы сказитель создает некоторые структурные разновидности метафорической антитезы, наполняя их «местными» образами.

Антитеза при описании плененного богатыря: богатырь в темнице и способы побега

Тридцать аггов сидят в темнице. Чтобы вырваться из плена один из них притворяется умершим, а другие начинают громкий плач, крики и стенания. Король задает вопросы со своими предположениями о причине криков, аги отвечают отрицательно, отвергая каждое предположение, и дают свое объяснение. Метафорическая антитеза в ситуации *богатырь в темнице* полностью диалогична.

Король предполагает, что пленников, возможно, измучили физические тяготы пребывания в темнице. Среди таких тягот он называет следующие: *balta deri n'gju* ‘грязь до колена’, *tjekrra per pa u rrue* ‘борода небритая’, *kmishat per pa u ndrrue* ‘рубахы, которых не меняют’, *drita per pa dalë* ‘отсутствие света’. Другими причинами криков предполагаются нравственные страдания богатырей: *malli i shpisë* ‘тоска по дому’, воспоминания *për babë e nanë* ‘об отце и матери’, воспоминания *për motër e vlla* ‘о сестре и брате’, *haber i zi* ‘плохая весть (о смерти кого-то из близких)’.

На каждый вопрос короля аги дают отрицательный ответ, чтобы в конце заявить, что причина заключается в смерти одного из богатырей: *na ka dekë nji agë ma i miri, / sa çajren vedit s' po ja dijmë* (Еріка 80: 40-41) ‘у нас умер лучший ага, / и мы не знаем, как быть’. В других песнях мертвым притворяются Халиль или Арнаут Османи, а Муйо волнуется, где и как его похоронить. Вот пример второй и третьей ступени этого типа

антитезы: — *Nuk ma ka merzitë drita per pa dalë, / as s' ma kanë merzitë kmishat per pa u ndrrue, / as s' ma ka merzitë mjekra per pa u rrue, / as s' ma ka merzitë balta deri n' gju, / por Halili n' burg m' ka dekë / e s' po dij i mjeri ku me e shti n' dhe* (Эпика 41: 162-167) 'Не печалит меня, что света не вижу, / не огорчает меня, что рубахи не меняю, / не надоела мне борода небритая, / не злит меня грязь до колена, / но Халиль у меня в темнице умер, /и не знаю, несчастный, где его предать земле'.

Своеобразие данных антитез заключается в том, что, при сохранении общей схемы метафорической антитезы, в первой и второй ее ступенях содержатся обозначения вполне реальных или возможных явлений, тогда как в третьей, напротив, сообщается о мнимом факте как о достоверном. В данном конкретном случае метафорическая антитеза как художественное средство выполняет новую неожиданную роль — придать большую убедительность ложному утверждению.

Антитеза при описании размышляющего (озадаченного) богатыря: богатырь озабочен сложной ситуацией, в которую он попал и из которой ищет достойный выход

Метафорические антитезы, представленные в ситуации *герой озабочен и печален*, также полностью диалогичны, но они различаются по объему и по степени разъяснения (по полноте разъяснения) достоверного факта (в третьей ступени метатеzy).

В силу обстоятельств или по собственной легкомысленности богатыри часто оказываются перед сложной ситуацией, обдумывая которую погружаются в молчаливую сосредоточенность. Реальные причины возникшей перед богатырем трудной задачи могут быть разными, чаще всего они связаны со сделанным им трудновыполнимым обещанием.

О том, что богатырь чем-то озабочен, говорит его странное поведение — богатырь *rrin idhnueshem* 'сидит огорченный', *llaf s' po ban* 'слова не произносит', *është pa qef* 'он без настроения', *fort mërziçëm* 'очень скучный/ опечаленный', *në mendim po rri* 'погружен в мысли' и др.

Причину задумчивости богатыря пытаются угадать любящие их друзья или, чаще, жена, невеста или мать. И здесь мы узнаём, что же является важным для образа богатыря с точки зрения «рядовых» персонажей, что именно составляет непременную часть его героической жизни. Для богатыря важны две вещи: первое — иметь верных друзей и побратимов, второе —

достойно выступить на поединке с противником. Потеря того и другого и формулируется в качестве возможной причины озабоченности героя: *Fort mërziçëm, Mujë, je tu nejtë. / A t' ka dekë noj mik i dashtun? / A t' ka dekë kund noj probatin? / A noj kral mejdan t' ka lypë / E s' je i zoti n' mejdan me i dalë?* (KPL 42: 13–17) ‘Что же, Муйи, так тебя печалит? / Может быть, любимый друг твой умер? / Или, может, побратим твой умер? / Или королем на бой ты вызван / И не можешь ответить на вызов?’ (САС: 82, перевод Б. Слуцкого). Эти же причины с небольшими вариациями предполагаются в песнях и о других героях (Еріка № 3, 18, 48), когда те оказываются в затруднительном положении.

Особенность метафорической антитезы в ситуации *герой озабочен* заключается в том, что здесь, в зависимости от сложности реальной причины возникшей перед богатырем проблемы, ее изложение в третьей ступени антитезы может варьировать от двух до десяти стихов. В развернутом ответе герой не только излагает обстоятельства дела, но и мотивированно и самокритично объясняет свое поведение. Продолжим цитировать приведенную выше антитезу, минуя вторую (отрицающую) ее ступень: *Kam nie nam për ' i çik n' Krajli, / Ma ka çikën Krajli i Talirit, / I thonë për emën Talime Devojka. / Djalë n' Jutbinë nana nuk ka bâ, / Vlla n' Jutbinë motra nuk ka rritë, / Asaj çike mrapa për me i ra. / Vetë jam plakë edhe jam rrxue, / Kâma e dora, tha, mue m' ka lanë, / Sytë e ballit dritë nuk po m' bâjnë. / E s' jam i zoti mrapa për me i ra* (KPL 42: 23–32); ‘До меня дошло из Королевства, / Что растет у короля Талира / Дочка — Талимэ она зовется. / А меж нами нету человека, / Чтоб решился увезти ту дочку. / Ни одна из матерей Ютбины / Сына для нее не народила, / Ни одна среди сестер Ютбины / Брата для нее не воспитала. / Я и сам увез бы королевну, / Будь я хоть немного помоложе. / Но глаза мои остро не видят. / Ноги мои резов не ходят. / Увезти Талимэ не под силу’. (САС: 82–83, перевод Б. Слуцкого).

Эта метафорическая антитеза, выступающая в зачине и занимающая в целом двадцать стихов, подготавливает завязку сюжетной линии, поскольку содержит скрытый упрек в адрес богатырей.

В ситуации *герой озабочен и печален* может оказаться и героиня, невеста или сестра богатыря. Здесь те же проявления в поведении героини — она молчит (*me gojë nuk po folë*), сидит, опустив голову (*kryet n' prehën ma ka ulë*), не рассказывает

подругам о своем милом (*nuk po don jeranin me e kallxue*), глаза ее полны слёз (*vaji sytë po don me t' i mblue*). Такое поведение героини непонятно окружающим, как оно непонятно и слушателям, для тех и других сказитель задает некую загадку. В качестве отгадки подруги девушки высказывают предположения, что либо ее милый злой или нехорош собой (плешивый), либо он ей доводится родней. Объяснение реальной причины требует развернутого изложения всех обстоятельств: *Be në zotin Kunja po na u ban: / "Nuk e kam mikun kun n' kumari, / As t' keç mikun nuk e kam, / Por mik po kam mâ t' madhin dushman, / Fort inadë vllaznit po ja kanë. / Me mujtë Mujin ai n' Krali me e zanë, / Krye n' qafë Mujit nuk i len; / N' emën i thonë Nike Bajraktari."* (KPL 55: 10-20); 'Куня стала горячо божиться: / — Нет, дружок мой вовсе не родня мне! / Нет, дружок мой человек достойный! / Но он недруг нашему семейству, / Он с моими братьями в раздоре. / Ежели мой друг поймает Муйи, / Головы не сносит брат мой Муйи, / Имя друга — Нике Байрактари'. (САС: 47, перевод К. Еголина).

Для метафорической антитезы в ситуации *герой печален* характерно, как видим, развернутое изложение достоверных фактов в силу их сложности. Если же причина печали проста («милый далеко и не знаю, думает ли обо мне»), третья ступень антитезы все-таки получает развернутое повествование — уже за счет описания переживаний героини: *se kur m' bjen ndërmendi i tij, / jam kah ha, çohet pa ngi, / tuj pi uj, çohet pa pi, / me kenë n' gjutë, çohet pa fjetë, / ka tri dit nuk muj me folë* (Еріка 23: 38-42) 'все мысли о нем, / сажусь ли есть — встаю голодная, / сажусь ли пить — встаю не напившись, / ложусь ли спать — встаю не выспавшись, / вот три дня говорить не могу'.

**Антитеза при описании удивляющегося богатыря:
богатырь неожиданно обнаруживает что-то новое
в своем доме**

Оригинальное использование метафорической антитезы встречаем в двух песнях (Еріка №№ 19, 38), в которых она служит раскрытию не героических, а иных и весьма достойных качеств богатыря Муйо.

Ситуация заключается в следующем. В дом к Муйо пришел старик Башо Йона с просьбой помочь вернуть ему захваченные славом пастбища. Муйо готов это сделать и даже дает согласие получить за свою помощь денежное вознаграждение, которое

старик тут же и оставляет. Но разговор этот происходил вечером, когда Муйо был в подпитии. Проснувшись наутро и увидев семьсот золотых, герой очень удивлен и со смехом обращается к матери: — *A din gja kto pare çka do të jenë? / A thue Zoti m' i ka falë, / a por ndoi borxhli për borxh m' i ka la, / a por orët e malit ktu m' i kanë pru?* (Еріка 19: 96–99) ‘Не знаешь ли, что это за деньги? / Может, Господь мне их подарил, / или какой-нибудь должник долг мне оставил, / или горные оры сюда мне их принесли?’. Для Муйо равно возможны столь разные объяснения появления денег: и возврат кем-то долга, и дарение со стороны высших сил — Бога или горных ор.

В ответе матери содержится последовательное отрицание всех предположений Муйо (три стиха, это вторая ступень антитезы) и полное описание всего произошедшего накануне (четыренадцать стихов, это третья ступень). Ответ матери интересен тем, что, помимо пересказа уже известного слушателю события, в нем содержатся сказанные как бы вскользь замечания, характеризующие мать Муйо как нравственного человека: подчеркивается, что она не подслушивала, но слышала чужой разговор нечаянно и не всё разобрала (*as bash mir nuk e kam ndigjue*). Кроме того, она удивлена (*edhe boll çudë, ..., më ka ardhë*) тем, что Муйо согласился взять деньги за свою помощь, ведь это ему несвойственно.

Показательна реакция самого Муйо на услышанное — *Porsi zana Muji asht çue në kambë* (Еріка 19: 118) ‘Словно (как) зана Муйо вскочил на ноги’. Сравнение «как зана», т. е. очень быстро и воинственно, готовым к бою, в данном контексте весьма красноречиво. Вообще сравнение богатыря с заной усиливает его образ героя неустрашимого и непобедимого. Но в данной ситуации герою никакая опасность не грозит, ему не с кем сражаться. Опасность грозит его репутации, и он готов за нее биться. Муйо едет к старику, возвращает деньги и обещает вернуть ему во владение пастбища. Таким образом, этот эпизод с якобы получением и возвращением денег добавляет образу Муйо еще один штрих — благородство в отношениях с друзьями, а использование метафорической антитезы позволяет сделать изложение более ярким и запоминающимся.

Антитеза при описании неясного объекта в горах: богатыри обсуждают что-то видимое вдалеке в горах

Метафорическая антитеза при описании какого-то далекого объекта в горах от описанных выше отличается и структурно, и семантически. Она представлена в четырех песнях, три из которых являются вариантами одного общего сюжета о преданной любви сестры к своему брату, а четвертая повествует о гибели юного Омера.

Сюжет песен о любви сестры к брату прост. Богатырь (Хасап ага, Хасан ага или Асман ага) снаряжается и отправляется в горы, не объясняя цели либо для того, чтобы поквитаться с гайдуками. Проходит время, от богатыря нет вестей, а собравшиеся на совет аги смотрят в сторону гор, размышляют и понимают, что там лежит раненый богатырь. Размышления аггов оформлены как метафорическая антитеза. Узнав эту печальную весть, сестра богатыря отправляется в горы, находит брата, который страдает от жажды и просит принести воды из родника. Чтобы не потерять дорогу, она отмечает путь каплями своей крови, но неожиданно пролившийся дождь все смывает. Дойдя, наконец, до брата, она находит его мертвым. От горя женщина сходит с ума, убивает себя или превращается в кукушку.

Метафорическая антитеза в песнях о преданной сестре появляется после сообщения о том, что выехавший в горы богатырь в столкновении с гайдуками получил семь ранений, которые *brinj në brinj-e agës i kanë dalë* (Balada 75: 17) ‘сквозь ребра его вышли’. В размышлениях аггов о том, что же это может быть там на Высокой горе, интересны не столько новые объекты сопоставления: снежный сугроб, пастух с овцами или белый голубь, сколько полнота отрицающих ответов: *Po me kjen-e sëmeti me borë, / borën kishte zhegu i vers m' e shkri. / Po me kjen-e çobani me dhën, / dhënt dikur ai kishte me i mallue. / Po me kjen-e pëllumat e bardhë, / kta dikur-e kishin fluturue* (Balada 75: 25-30) ‘Был бы это сугроб снега, / летний зной растопил бы его. / Был бы это пастух с овцами, / он давно перегнал бы овец. / Были бы это белые голуби, / они давно бы улетели’. Такие мотивированные отрицания высказанных предположений встречаются только в данных четырех случаях употребления метафорической антитезы.

Третья ступень рассматриваемой метафорической антитезы представлена вариантами: *por ai ësht i shkreti Hasan Agë, / e*

shtatë pushkë të shkretit i kanë ra, / brinj për brinj-e t' shkretit i kanë dalë (Balada 75: 31–33) ‘Но это несчастный Хасан ага, / семь ружей в несчастного выстрелили, / сквозь ребра несчастному вышли’; *por isht çadra e Asman Agë Jutbins, / n' shtatë hajdukë, more, Asmani ka ndeshë* (Balada 76: 45–46) ‘но это палатка Асмана аги из Ютбины, / семерых гайдуков, слушай, он повстречал’.

Данная метафорическая антитеза обнаруживает значительное сходство с зачином известной сербской песни-баллады «Хасанагиница»:

Što se bijeli u gori zelenoj?	Что белеется на горе зеленой?
Al su snijezi, al su labutove?	Снег ли то, или лебеди белы?
Da su snijezi, vec bi okopnuli,	Был бы снег — он уж бы растаял,
Labutove vec bi poletjeli.	Были б лебеди — они б улетели.
Nisu snijezi, nit su labutove	То не снег и не лебеди белы,
nego šator age Asan-age.	А шатер Аги Асан-аги
	(пер. А.С. Пушкина)

Как отметила Т. В. Цивьян, эти объяснения отвергаемых вариантов представляют собой результат не мгновенного взгляда, а долгого всматривания, «это мысли того, кто смотрит, <...>, обдумывает, <...> и перебирает решения <...>. Но эти колебания создают какое-то тревожное предчувствие» (Tsivyan 2006: 277). Развивая далее этот тезис, Т. В. Цивьян предлагает свою интерпретацию этой песни, видя в ней одно из отражений Балканской модели мира с характерным для нее пониманием образа и смысла жертвы, — добровольной жертвы.

Переходя к албанской песне, назовем, прежде всего, ряд совпадений некоторых «формальных» элементов с таковыми «Хасанагиницы». Совпадение имени главного героя — Asan-age / Hasan-age в сербо-хорватско-боснийских вариантах и Aga Hasan Aga / Asman Agë Jutbina, но также Aga Hasap Agë в албанских вариантах. Совпадение события и места действия — оба героя ранены и находятся где-то в горах. Оба ждут помощи от близкой родственницы — от жены или сестры. Обе героини в конце повествования умирают. Помимо этих формальных совпадений, оба произведения содержат общую идею готовности жертвовать собой ради другого — на бытовом уровне в песне, а на уровне БММ — «для сохранения космического порядка» (Tsivyan 2006: 278).

Трудно сказать, произошла ли здесь контаминация этих двух произведений, либо, скорее, перед нами заимствование метафорической антитезы с ее мотивированными объяснениями во второй ступени. Заимствована была сама идея, которая по-разному реализовывалась албанскими сказителями. На это может указывать обилие предположений (вторая ступень) о том, что там вдалеке, возможно, виднеется *rrgallë me gurë* 'каменная осыпь', *çetina rrxuet* 'упавшая сосна', *mjegull i hollë* 'легкий туман', *lula në rudinë* 'цветы на поляне' и *komitë me shkje* 'разбойники-славы'.

* * *

Метафорическая антитеза в албанских балладах и героических песнях присутствует, прежде всего, при описании образа богатыря, его силы и мощи. В этих случаях используются сопоставления с явлениями природы. Антитеза служит также для характеристики поведения богатыря в разных жизненных ситуациях, — как критических, так и забавных бытовых. Здесь для характеристики героя используются понятия и реалии повседневного быта героев. Для характеристики женских персонажей антитеза употребляется редко. Особый вид метафорической антитезы представлен в песнях о преданной (о самоотверженной) любви сестры к своему брату. Данная антитеза, возможно, заимствована из сербской песни-баллады «Хасанагиница».

Литература

- Bogatyrev, P. G. 1958: Some tasks of comparative study of the Slavic peoples' epic. In: *IV International Congress of Slavists. Reports*. М.: USSR Academy of Sciences Publishing House.
- Богатырев, П. Г. 1958: Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов. В сб.: *IV Международный съезд славистов. Доклады*. М.: Издательство АН СССР.
- Veselovsky, A. N. 1989: Psychological parallelism and its forms in reflections of poetic style. In: A. N. Veselovsky. *Historical poetics*. М.: Vysshaya shkola, 101–155.
- Веселовский, А. Н. 1989: Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. В кн.: А. Н. Веселовский. *Историческая поэтика*. М.: «Высшая школа», 101–155.
- Gatsak, V. M. 1973: Metaphorical antithesis in comparative historical coverage. In: *History, culture, ethnography and folklore of the Slavic peoples. VII International Congress of Slavists*. Warsaw,

- August 1973. Reports of the Soviet delegation.* M.: Publishing house «Nauka», 286–307.
- Гацак, В. М. 1973: Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении. В сб.: *История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации.* Издательство «Наука», М., 286–307.
- Medrish, D. N. 1995: “The originality of negative comparisons...”. Metaphorical antithesis in the poetic cycle of A.S. Pushkin “Songs of the Western Slavs”. *Russian speech.* No. 5, 101–108.
- Медриш, Д. Н. 1995: «Оригинальность отрицательных сравнений ...». Метафорическая антитеза в стихотворном цикле А. С. Пушкина «Песни западных славян». *Русская речь.* № 5, 101–108.
- Medrish, D. N. 1987: Historical roots of negative comparison. In: *Russian folklore, XXIV. Ethnographic origins of folklore phenomena.* Leningrad: «Nauka», 107–117.
- Медриш, Д. Н. 1987: Исторические корни отрицательного сравнения. В сб.: *Русский фольклор, XXIV. Этнографические истоки фольклорных явлений.* Л., издательство «Наука», Ленинградское отделение, 107–117.
- Tsivyanyan, T. V. 2006: Balkan twist in the Serbian plot: “HASANAGINICA”. In: T.V. Tsivyanyan. *Model of the world and its linguistic foundations.* 3rd ed., revised. M.: KomKniga, 272–278.
- Цивьян, Т. В. 2006: Балканский поворот в сербском сюжете: «ХАСАНАГИНИЦА». В кн.: Т. В. Цивьян. *Модель мира и ее лингвистические основы.* Издание третье, исправленное. М.: КомКнига, 272–278.

Источники

- Balada — Balada dhe legjenda. Instituti albanologjik i Prishtinës, Prishtinë. 1974.
- KPL — Kenge popullore legjendare. Zgjedhur e pajisur me shënime nga Q. Naxhihasani. Instituti i shkencave. Tiranë, 1955. 332 с.
- Epika — Epika legjendare (*Cikli i kreshnikëve*). Vëllimi i parë. Redaktimi i tekstevet, fjalori dhe shënimet nga Qemal Naxhihasani. Redaktor përgjegjës Zihni Sako. / Folklor shqiptar, II. Instituti i folklorit. Tiranë, 1966. 592 с.

Я. Л. Забудская

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия /
Совместный университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, КНР. yanazabud@mail.ru

«ТРОЯНСКИЙ ПРЫЖОК»: АТТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ И ГРЕЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

Задача работы — прояснение смысла выражения τὸ Τρωικὸν πῆδημα, которое появляется в трагедии Еврипида «Андромаха» в рассказе о гибели Неоптолема (1139). С учетом анализа схолиев, сборников паремий и позднеантичных текстов, а также некоторых современных комментариев, «троянский прыжок» можно понимать как «длинный», «сильный», «сверху вниз», «рискованный», «роковой». Для каждой версии можно найти обоснование — но большинство из них находится вне текста Еврипида и относится к позднеантичной традиции. Таким образом, мы имеем дело либо с «крылатым выражением», т.е. паремией, сложившейся в рамках литературной традиции с последовательностью, состоящей из «Киприй» (или «кикла» в целом), трагедии и схолиев, но в силу своей нераспространенности не попавшей ни в один из сборников паремий. Либо (и это более вероятно) «троянский прыжок» — это словосочетание с потенциалом паремии (в силу своей метафоричности и формульности), однако потенциал этот остался нереализованным из-за многозначности выражения.

Ключевые слова: фразеология, паремиография, схолии, литературная традиция.

Y. L. Zabudskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia /
MSU-BIT University, Shenzhen, China. yanazabud@mail.ru

“Troian leap”: Attic tragedy and Greek phraseology

The aim of the paper is to clarify the meaning of the expression τὸ Τρωικὸν πῆδημα, which appears in Euripides' tragedy *Andromache* in the account of the death of Neoptolemus (1139). Taking into account the analysis of scholia, ancient phraseology and late texts, as well as some modern commentaries, “Trojan leap” can be understood either as “long”, “strong”, “top-down”, “risky” or “fatal”. For each version we can find a justification, but most of them are outside Euripides' text and belong to the tradition of Late Antiquity. Thus, we have two options. The first is that we are dealing with a “winged expression”, a paroemia developed within the literary tradition of the *Cypria* (or the *kyklos* in general), the tragedy and scholia, but due to its uncommonness the expression did not find its way into any collection of proverbs. The second (and more likely) option is that “Trojan

leap” is a word combination with the potential of paroemia (due to its metaphorical and formulaic nature), but this potential remained unrealized because of the semantic multiformity of the expression.

Keywords: phraseology, paremiography, scholia, literary tradition.

Задача данной работы — прояснение смысла выражения, которое появляется в трагедии Еврипида «Андромаха» в рассказе о гибели Неоптолема: когда подстрекаемые Орестом убийцы окружили героя со всех сторон, он совершает «троянский прыжок» и устремляется на врагов (1139 τὸ Τρωικὸν πῆδημα πηδήσας ποδοῖν // χωρεῖ πρὸς αὐτούς).

Словосочетание «троянский прыжок» в этом рассказе воспринимается как фразеологизм, точнее, как устойчивое выражение (см., например, «знаменитый троянский прыжок» (Aldrich 1961: 55; Norwood 1906: 113), «известное выражение» (Tiverios 2007: 212, 217; Pòrtulas 2016: 25) и т.п.): каждое из слов по отдельности понятно, но в их сочетании явно предполагается особый смысл. Вопрос в том, какой именно — так как толкования обнаруживаются различные.

Первое объяснение появляется в схолиях ad loc.: τὸ Τρωικὸν πῆδημα: ὁποῖον ἐν τῇ Τροίᾳ ἐπήδησεν ὁ Ἀχιλλεύς. οἱ γὰρ συντεταχότες τὰ Τρωικὰ λέγουσιν ὡς τόπος ἐστὶν ἐν Τροίᾳ καλούμενος Ἀχιλλέως πῆδημα ὅπερ ἀπὸ τῆς νεῶς ἐπήδησεν. οὕτως δὲ, φησὶ, βία ἤλατο ὡς καὶ ὕδωρ ἀναδοθῆναι. (*«троянский прыжок: подобный тому, что в Трое прыгнул Ахилл. Так как те, кто описывает троянские события, говорят, что в Трое есть место под название «Ахиллов прыжок», где Ахилл спрыгнул с корабля. А прыгнул он с такой силой, что вода забила ключом»*). Появление фигуры Ахилла в объяснении вполне понятно, и для этого есть даже не одно основание: Ахилл — самый знаменитый воин из воевавших под Троей и отец Неоптолема. Как иллюстрация этого «прыжка Ахилла» рассматривается аттическая чернофигурная ваза из Британского музея (В 240) (Pouilloux, Roux 1963: 117; Tiverios 2007: 212). Получается, что эпитет «троянский» указывает на силу и длину прыжка (Tiverios 2007: 212) и несет в себе скрытое сравнение: наш герой «прыгнул, как отец».

Автор схолия дает и ссылку: οἱ συντεταχότες τὰ Τρωικὰ. Очевидно, что он имеет в виду не Гомера, а, с большой степенью вероятности — так называемый «кикл». Из известных

нам киклических поэм история прибытия греков в Троию подробно могла рассказываться только в «Киприях». Правда, а пересказе содержания поэмы Проклом никакого «прыжка» не упоминается, но говорится, что при высадке ахейцев первым погиб убитый Гектором Протесилай, а потом Ахилл обратил троянцев в бегство, убив Кикна, сына Посейдона (Procl. Chrestom. 148–150: *θνῆσκαι Πρωτεσίλαος ὑφ' Ἐκτορος ἔπειτα Ἀχιλλεύς αὐτοὺς τρέπεται ἀνελὼν Κύκνον τὸν Ποσειδῶνος*). Можно с достаточной степенью уверенности предположить, что в самой поэме эпизод высадки греков под Троей излагался подробнее.

Некоторые детали мы обнаруживаем в схолиях к «Алексадре» Ликофрона: греки получили оракул, что первый сошедший на троянскую землю первым и умрет (schol. Lyc. Alex. 245): *ἡ δὲ περὶ τοῦ Ἀχιλλέως πηδήματος ἱστορία τοιαύτη· χρησμός ἦν δοθείς Ἑλλησι τὸν προπηδήσαντα τῶν Ἑλλήνων κατὰ τῶν Τρώων ἐκ τῶν ὀλκάδων πρῶτον τῶν ἄλλων ἀποθανεῖν. προπηδήσαντος δὲ τοῦ Πρωτεσίλαου καὶ “εἰς θῆν' ἐρείσας λοισθίαν”* (Alex. 246), *τελευταῖος γὰρ τῆς νεῶς ὁ Ἀχιλλεύς ἀπέβη διὰ τὸν χρησμόν, ὅθεν ὁ Πρωτεσίλαος πρῶτος τῆς νεῶς πηδήσας ἀπέθανε*). Здесь появляется даже слово *πηδήσας*, которое у Еврипида следует сразу за обсуждаемым словосочетанием. Возможно, текст «Киприй» распространялся с вариациями, и в схолии к «Алексадре» приводятся подробности, упущенные Проклом, но сохраненные схолиастом Ликофрона. Еще большими подробностями (впрочем, уже не меняющими сути дела) этот эпизод обрастает в «Эпитоме» Псевдо-Аполлодора. соответствующим фрагментом которой Мартин Вест (West 2003) в своем издании дополняет текст Прокла, присоединяясь к тем исследователям, которые считали, что содержание Киприй было намного шире сохранившейся эпитомы (Burgess 1996: 81, 87, 91-96) и рассказ об оракуле был частью поэмы, не отраженной у Прокла (Davies 1989: 47; Marin 2010: 499):

Опора схолиев к Еврипиду на содержание «Киприй» прослеживается, например, в комментарии к «Оресту», подробно излагающем версию «Киприй» о начале Троянской войны (Schol. Eur. Or. 1641) с довольно отчетливыми пересечениями с сохранившимся фрагментом поэмы (Marin 2010: 131, 138). Так что, повторимся, вероятность, что в *οἱ συντεταχότες τὰ Τρωϊκὰ* подразумевается автор именно «Киприй», довольно велика. И,

если в «Киприях» подробно рассказывалось о высадке ахейцев, могла ли эта поэма быть источником самого выражения «троянский прыжок»? Разумеется, не дословно — прямой перенос из гекзаметра в ямбический триметр гипотетически возможен максимум для трехсложного выражения со схемой U — U), — но с учетом вариативности, перестановки или замены слов. Например, в «Электре» Еврипида тот же эпизод описывается через κοῦφον ἄλμα ποδῶν (439). Схожее выражение Πελασγὸν ἄλμα ... ποδὸς (245) мы видим у Ликофрона.

Однако сначала следует рассмотреть структуру предполагаемой паремии, с одной стороны, и ее распространенность (узус) — с другой. В сборниках пословиц (Corpus paroemiographorum graecorum (Leutsch, Schneidewin 1839–1851); (Christidis 2023)) «троянский прыжок» не встречается, зато есть τὸ Θεσσαλὸν πῆδημα — «о том, кто совершает рискованное и опасное дело. Протесилай, правитель Фессалии, первым высадился в Трое, хотя знал о пророчестве, что первый высадившийся погибнет». (Christidis 2023: 256). Это выражение именно как фразеологическое (Θεσσαλία ... πῆδημα δὲ ἀπὸ ταύτης Θεσσαλὸν τὸ παρομιαζόμενον) упоминается у Евстафия (Eustathius of Thessalonica, Commentarium in Dionysii periegetae orbis descriptionem 427), хотя последний и не связывает его напрямую с Протесилаем. «Фессалийский прыжок», получается, следует толковать как «опасный», «гибельный». Заметим, что в схолиях к Ликофрону тоже появляется похожее выражение τὸ Θετταλικὸν πῆδημα, разъясняющее уже упомянутое Πελασγὸν ἄλμα, но применительно к Ахиллу: «пеласгийский прыжок» — это «фессалийский прыжок», потому что пеласгиец — это фессалиец Ахилл (Πελασγὸς γὰρ καὶ Θετταλὸς ὁ Ἀχιλεὺς (Scheer 1881: 110)). Можно сделать вывод, что для схолиастов смысл этого выражения непрозрачен и они подбирают разъяснения, что называется, ad loc.

Сразу укажем, что в CPG πῆδημα, помимо уже упомянутого «фессалийского» и знаменитого родосского (в вариантах αὐτοῦ Ῥόδος αὐτοῦ πῆδημα и ἰδοῦ Ῥόδος ἰδοῦ πῆδημα (Greg. Cyrp. I, 90. Apost. X, 42. Arsen. 302, Aesop. fabul. 20 (Leutsch, Schneidewin, 1839–1851)), присутствует еще в выражении Αἰγιστέου πῆδημα, «прыжок Эгистея», означающем «доблесть» (ἐπὶ τῶν μεγαλοψύχων) и имеющем в качестве второго компонента имя сына Мидаса Эгистея, бросившегося в пропасть ради спасения фри-

гийского города Келены. Эта поговорка очевидно литературного происхождения — паремииографы «выводят» ее из второй книги «Метаморфоз» Каллисфена (58b. Arsen. 1, 99, Apost. Cent. I 79 (Leutsch, Schneidevin, 1839–1851)).

Павсаний (IX 22.7) рассказывает еще о «прыжке Главка» (Γλαύκου πῆδημα) — месте, на котором рыбак Главк превратился в морское божество. Заметим, что семантическая структура этого выражения схожа со схолием к Ликофрону: это не паремия, а этиология, разъяснение названия места, где произошел «прыжок».

Итак, «троянский прыжок» ни в одном античном источнике не характеризуется как фразеологизм. Его не знают паремииографы; отсутствует он и в недавно вышедшем компендиуме Христидиса. К эпизоду «Киприй» можно возвести прыжок «фесалийский», но паремииографы относят это выражение к Протесилаю, а не к Ахиллу (при этом схолий к Ликофрону разъясняет именно «прыжок Ахилла», περὶ τοῦ Ἀχιλλέως πῆδηματος). Хотя образность и метафоричность выражения вроде бы очевидны, его устойчивость и семантическое наполнение оказываются под вопросом.

Впрочем, из схолия к Еврипиду не следует, что здесь видится фразеологизм, напротив, схолиаст считает нужным разъяснить выражение Еврипида как непонятное. При внимательном рассмотрении τὸ Τρωικὸν πῆδημα оказывается вырванным из контекста, очевидно предполагающего цельность высказывания: это лишь элемент выражения τὸ Τρωικὸν πῆδημα πηδήσας πόδοιϋ, занимающего целую строку и организованного, таким образом, метрически (ямбический триметр), синтаксически (причастный оборот, в котором от причастия зависит accusativus objecti interni) и даже фонетически (аллитерация на τ в первой половине стиха и на π — во второй). Можно предположить, что автор «Киприй» своим рассказом создал условия для появления паремии, этот потенциал реализовался в строке, представляющей собой образец еврипидовского маньеризма — но настоящего крылатого выражения не получилось и в литературной традиции оно не закрепилось. Возможно потому, что в выражении оказался нарушен баланс метафоричности и понятности. «Троянский» — это какой? Длинный (затяжной), с силой бьющий по земле, рискованный, роковой, устрашающий, а возможно — прыжок сверху вниз, какой совершали при

высадке с корабля. Описание движений Неоптолема у Еврипида несколько загадочно, и можно понять так, что он спрыгивает с алтаря. Кроме того, предшествующие строки (1135 δεινὰς δ' ἄν εἶδες πυρρίχας φρουρουμένον // βέλεμνα παιδός) дали возможность еще одного объяснения «тroyанского прыжка» как элемента пиррихи (Borthwick 1967). Тогда наш «прыжок» оказывается промежуточным звеном между пиррихой и *lusus Troiae*, о котором говорит Сервий со ссылкой на Светония (Servius *Aen.* V 602: *lusus ipse, quem vulgo pyrrhicam appellant, Troia vocatur*).

В целом, в этой фразе Еврипида мы имеем дело с тем редким случаем, когда для переводчика текст как таковой проблемы не составляет: «он совершил тroyанский прыжок», — а вот стоящий за выражением смысл не очевиден. Схолиаст идет по пути этиологии и выбирает Ахилла, и этого мнения придерживаются издатели и комментаторы (Norwood 1906; Stevens 1971; Nikolsky 2016: 392). Если пойти за паремиографами и Евстафием — появляется Протесилай (Pòrtulas 2016). Заметим, что выражение τὸ Θεσσαλὸν πῆδημα, по происхождению схожее с нашим, сходно с ним и метрически. Возможно, это сходство указывает на взаимозаменяемость Θεσσαλὸν и Τρωικὸν, а значит, и на их общее происхождение и значение. К контексту это вполне подходит — прыжок и вправду опасный, и вскоре Неоптолем погибнет.

Но это лишь одно из решений. Вполне резонно выглядят и предположения, что Еврипид намекает на действия в Трое самого Неоптолема (Pòrtulas 2016: 25; Borthwick 1967: 18-23). Не совершил ли он сам прыжка, о котором хочет напомнить Еврипид? Во-первых, таким прыжком могла быть высадка из деревянного коня, и в поэме «кикла» появлению и прыжку Неоптолема могло уделяться особое внимание — по аналогии с Ахиллом в других частях «кикла» (Borthwick 1967: 18). Из синопсиса мы знаем, что о прибытии Неоптолема под Трою рассказывала «Малая Илиада» Лесха.

Но есть и еще одна, более существенная параллель. Вся мизансцена — гибель у алтаря — зеркально воспроизводит сцену гибели Приама от рук все того же Неоптолема, не раз представленную в античных текстах (начиная все с той же «Малой Илиады» Лесха (по свидетельству Павсания), продолжая «Троянками» Еврипида (485) и заканчивая постклассичес-

кими версиями: «Энеидой» Вергилия (II 550–553), «Мифологической библиотекой» Псевдо-Аполлодора (V 21), «Описанием Эллады» Павсания (X 27, 2) и «После Гомера» Квинта Смирнского (XIII 268–278)).

Показательно, что в соотношении именно этих двух эпизодов (гибель Приама/гибель Неоптолема) Павсаний видит объяснение еще одного паремического выражения — «Неоптолемова кара»: ἡ Νεοπτολέμειος καλουμένη τίσις. Νεοπτολέμῳ γὰρ τῷ Ἀχιλλέως, ἀποκτείναντι Πρίαμον ἐπὶ τῇ ἐσχάρᾳ τοῦ Ἑρκείου, συνέπεσε καὶ αὐτὸν ἐν Δελφοῖς πρὸς τῷ βωμῷ τοῦ Ἀπόλλωνος ἀποσφαγῆναι: καὶ ἀπὸ τοῦτου τὸ παθεῖν ὁποῖόν τις καὶ ἔδρασε Νεοπτολέμειον τίσιν ὀνομάζουσι IV 17. *Неоптолему, сыну Ахилла, убившему Приама у очага Зевса Геркея, было суждено и самому пасть в Дельфах у жертвенника Аполлона, поэтому, если зло, сделанное кем-либо другому, затем постигает его самого, это называется «Неоптолемовой карой»* (пер. С.П. Кондратьева). Возможно, этот моральный подтекст справедливого возмездия, настигнувшего героя, подразумевался также и в тексте Еврипида и обозначался как раз посредством эпитета «троянский», сравнивающего действия героя в Трое и в Дельфах.

Итак, «троянский прыжок» можно понимать как «длинный», «сильный», «сверху вниз», «рискованный», «роковой». Для каждой версии можно найти обоснование — но большинство из них находится вне текста Еврипида и относится к позднеантичной традиции. Таким образом, мы имеем дело либо с «крылатым выражением», т.е. паремией, сложившейся в рамках литературной традиции с последовательностью, состоящей из «Киприй» (или «кикла» в целом), трагедии и схолиев, но в силу своей нераспространенности не попавшей ни в один из сборников паремий. Либо (и это, судя по разнообразию трактовок, более вероятно) «троянский прыжок» — это словосочетание с потенциалом паремии (в силу своей метафоричности и формульности), однако потенциал этот остался нереализованным из-за изначальной многозначности выражения.

Литература

- Aldrich, K. M. 1961: *The Andromache of Euripides*. University Studies of the University of Nebraska 4.
- Borthwick, E. K. 1967: Trojan Leap and Pyrrhic Dance in Euripides' *Andromache* 1129–41. *The Journal of Hellenic Studies* 87, 18–23.
- Burgess, J. S. 1996: The Non-Homeric *Cypria*, *TAPhA* 126, 77–99.
- Christidis, D. 2023: *Parimies ke parimiakes frasis tis ellenikis archeotitas*. [Proverbs and proverbial phrases of Greek antiquity]. Institute of Modern Greek Studies of The Aristotle University of Thessaloniki. Χρηστίδης Δ. Α. *Παροιμίες και παροιμιακές φράσεις της ελληνικής αρχαιότητας*. Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών του Α.Π.Θ.
- Davies, M. 1989: *The Epic Cycle*. Bristol .
- Leutsch, E. L., Schneidevin, G. G. (Eds.): 1839–1851: *Corpus paroemiographorum graecorum*. Tomus I–II (I. Zenobius. Diogenianus. Plutarchus. Gregorius Cyprius. Cum appendice proverbiorum. II. Diogenianus. Gregorius Cyprius. Macarius, Aesopus. Apostolius et Arsenius. Mantissa proverbiorum). Hildesheim.
- Marin, T. 2010: *Edizione e commento dei Cypria*. Università Ca' Foscari Venezia.
- Nikolsky, B. M. 2016: Strukturnyj i kontekstnyj analiz v interpretacii tragedij Evripida [*Structural and contextual analysis in the interpretation of the tragedies of Euripides*]. Doctoral thesis. Moscow: Moscow State University.
Никольский, Б. М. *Структурный и контекстный анализ в интерпретации трагедий Еврипида*. Дисс. На соиск. уч. степени доктора филол. наук. М.: МГУ.
- Norwood, G. 1906: *The Andromache of Euripides*. London.
- Pòrtulas, J. 2016: Le Saut troyen. To *τρωικὸν πῆδημα*. *Ítaca: quaderns catalans de cultura clàssica*. №. 31–32, 13–31.
- Pouilloux, J., Roux, G. 1963: *Enigmes À Delphes*. Paris: De Boccard.
- Scheer, E. 1881: *Alexandra cum paraphrasibus ad codicum fidem recensita et emendata, indices subiecti*. Weidmann.
- Stevens, P. T. 1971: *The Plays of Euripides. Andromache*. Edited with Introduction and Commentary. Oxford: Clarendon Press.
- Tiverios, M. 2007: [The Trojan leap]. *Amimona erga* [*The best works*] *Archeognosia*. V. 5. Athens: University of Athens, 211–222.
Τιβέριος Μ. Το *τρωικὸν πῆδημα*. *Αμόμονα έργα*. *Αρχαιογνωσία*. Τ. 5. Αθήνα: Πανεπιστήμιο Αθηνών, 211–222.
- West M. L. 2003: *Greek Epic Fragments: From the Seventh to the Fifth Centuries BC*. LCL. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Н. М. Заика

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
zaika.nat@gmail.com

ОТ СОЧИНЕНИЯ К ПОДЧИНЕНИЮ И ОБРАТНО: ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ПРИЧИННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье анализируются изменения свойств причинных союзов в индоевропейских языках и предпринимается попытка выяснить, в какой степени приобретение сочинительных и подчинительных свойств этими показателями является двунаправленной тенденцией, столь редкой в морфосинтаксисе. Рассматриваемые союзы могут приобретать способность вводить клаузу в фокусных контекстах, употребляться в эпистемических и иллокутивных контекстах, однако единственной обнаруженной двунаправленной тенденцией является приобретение и утрата способности вводить клаузу в препозиции.

Ключевые слова: индоевропейские языки, причинные конструкции, синтаксис, семантика, диахронические изменения.

N. M. Zaika

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
zaika.nat@gmail.com

From coordination to subordination and back again: multiclausal causal constructions in Indo-European languages

The article analyzes diachronic changes in causal conjunctions in Indo-European languages in terms of their coordination *vs* subordination properties. While it is widely accepted that coordinate markers tend to develop into subordinate ones, the opposite may be true within the domain of causal conjunctions. The former trend can be illustrated by the originally coordinate conjunctions in Slavic languages (Ukrainian *bo*, Belarusian *bo*, Polish *bo*, Slovak *lebo*, and, to some extent, Russian *ibo*) which can introduce answers to *why*-questions (a subordinate property). The Pre-classical French conjunction *vu que*, which could only rarely introduce preposed causal clauses, fully acquired this property in modern French. While the acquisition of coordinate properties is typologically less expected, a number of such examples can be found in Indo-European languages. Thus, the Spanish conjunctions *porque* and *pues*, Italian *perché*, and Dutch *want* lost their ability to introduce preposed clauses, typical of subordination. The Spanish *porque* and the German *weil*, used in the content domain, can now occur in speech-act or epistemic causal clauses (a coordinate property). The German *weil*, traditionally considered as a

subordinate conjunction introducing verb-final clauses, is now reinterpreted as a coordinate conjunction favoring verb-second word order typical of main clauses. Overall, the acquisition of both subordinate and coordinate properties by causal conjunctions seems to be linked to an increase in the number of contexts allowing the use of causal clauses.

Keywords: Indo-European languages, causal constructions, syntax, semantics, diachronic changes

1. Введение

Как известно, гипотеза о направленности языковых изменений в области грамматики, в частности, преимущественно однонаправленной грамматикализации, в современной лингвистике является общепризнанной, ср. (Hopper, Traugott 1993, Haspelmath 2004, Kiparsky 2011). Тем более интересными представляются относительно немногочисленные и часто дискуссионные случаи, свидетельствующие о том, что языковые изменения могут быть разнонаправленными, ср. (Ramat 1992, Norde 2009); значительная часть таких случаев рассматривается как деграмматикализация. Исследователи отмечают, что двунаправленные тенденции более характерны для фонологии (так, в языках засвидетельствованы как переход [o] > [a], так и [a] > [o]), но менее характерны для морфосинтаксиса и семантики (Haspelmath 2004).

Как отмечается в (Hopper & Traugott 1993) и (Diessel 2019: 97), подчинительные клаузы могут возникать из сочинительных. Таким образом, сочинительные показатели могут приобретать подчинительные свойства. Однако в ряде исследований, посвященных причинным показателям, отмечаются случаи приобретения подчинительными клаузами сочинительных свойств (Bisiada 2013: 4, Günther 1996: 353). В настоящей работе мы проанализируем изменения такого рода в ряде индоевропейских (славянских, романских и германских) языков, которые обладают письменной традицией, позволяющей описать диахронические свойства рассматриваемых служебных единиц. В качестве материала исследования мы используем описания причинных конструкций, а также базу данных полипредикативных показателей языков Европы (Zaika 2022). При этом мы попытаемся выявить, в какой степени приобретение сочинительных и подчинительных свойств причинными союзами является двунаправленной тенденцией, достаточно редкой в морфосинтаксисе.

Задача исследования осложняется тем, что противопоставление сочинительных и подчинительных свойств не является бинарным, но сводится к целому ряду бинарных параметров, таких как возможность препозиции причинной клаузы, способность причинной клаузы выступать в фокусных контекстах (например, в качестве ответа на вопрос 'Почему?..' или с ограничительными

частицами, отсутствие возможности употребления в несобственно причинных контекстах (ср. (Belyaev 2015, Pekelis 2022) и др.) и некоторых других параметров, которые мы не будем анализировать в нашем исследовании в связи с трудностью получения релевантного диахронического материала.

2. Приобретение причинными показателями подчинительных свойств

2.1. Способность клаузы выступать в фокусных контекстах

Как было отмечено во Введении, приобретение сочинительными показателями подчинительных свойств является типологически ожидаемым. Такого рода примеры зафиксированы в ряде славянских языков, в которых имеются причинные показатели, возникшие из частиц (*bo, *le)¹ и ранее употреблявшиеся в сочинительных конструкциях.

Рассмотрим употребление клауз с исконно сочинительными союзами в качестве ответа на вопрос ‘Почему?..’, которое является свойством подчинительных конструкций, ср. (Belyaev 2015: 44–45, Pekelis 2022: 1422). Возможность такого употребления характерна для украинского союза *бо* (1), белорусского *бо* (2), польского *bo* (3), словацкого *lebo* (4) и, в ограниченной степени, для русского стилистически маркированного союза *ибо* (5):

- (1) — *Ви мене питаєтеся, чому вийт боїться кари, а я вам скажу: бо має відки заплатити, є на чім пошукати.*
 ‘— Вы меня спросите, почему войт боится штрафа, а я вам скажу: потому как ему есть из чего платить, есть откуда с него взять.’
 (НКРЯ)
- (2) *А чаму не ўмеє? – бо ніколі, бывала, не працаваў, прыязджаючы з школы дамоў <...>*
 ‘А почему не умеет? — потому как никогда не делал этого, приезжая из школы домой <...>’ (НКРЯ)
- (3) *Dlaczego nasz sklep upadł?... — mówił do siebie. — Bo gospodaruje w nim Szlangbaum, nie Wokulski. <...>*
 ‘Почему наш магазин стал хуже? Потому что в нем хозяйничает не Вокульский, а Шлангбаум’ <...>. (НКРЯ)
- (4) *Prečo si nepripravila večeru? Lebo som mala málo času.*
 Почему ты не приготовила ужин? Потому что у меня было мало времени. (Zaika 2022)

¹ О причинных значениях частицы, произошедшей из *bo, в славянских языках см.: Trubachev 1975: 141–42.

- (5) *Почему? Ибо тот, кто решил первым разорвать отношения, сталкивается с сомнениями относительно правильности выбора.* (Pekelis 2022)

Впрочем, вышеприведенные союзы не приобретают или приобретают в крайне ограниченной степени другие свойства, характерные для подчинительных показателей. Так, для всех этих союзов имеется запрет на препозицию причинной клаузы и практически невозможно употребление с выделительными частицами со значением ‘только’. Таким образом, причинные показатели могут развивать одни подчинительные свойства легче, чем другие. Отметим, moreover, что речь идет о генетически родственных языках, находящихся в ареальном контакте, и данный вывод не может быть экстраполирован на другие языки.

2.2. Порядок клауз

Рассмотрим такой признак противопоставления сочинительных и подчинительных конструкций, как порядок клауз: возможность препозиции и интерпозиции клаузы, наряду с постпозицией, свидетельствует о подчинительных свойствах, а невозможность — о сочинительных, ср. (Evers-Vermeul 2005: 26, Belyaev 2015: 41), а также (Пекелис 2008: 23) и цитируемые автором работы.

Среди причинных показателей в индоевропейских языках обнаруживаются те, чья линейная свобода начинает расширяться. Так, например, ведет себя французский союз *vu que*, который в доклассическом французском практически не вводил клаузы в препозиции, в то время как в современном французском такое употребление вполне распространено², ср. примеры (6) и (7).

- (6) *Vu qu'ils veulent voir la mer, et comme toi tu préfères voir ton père, je voudrais savoir.*
 ‘**Vu que** (Since) they want to go to the sea, while you prefer to visit your father, I would like to know’. (Bolly, Degand 2013: 222)³
- (7) *Nous fûmes chez M Ducoudray après cette scène, que je vous abrège, vu qu'elle dura trois heures et que la tête tourne en y pensant.*
 ‘We went to M Ducoudray’s home after this scene that I cut short here, **vu que** (since) it lasted three hours and it turns my head just thinking about it’ (Bolly, Degand 2013: 222)

² 2% vs 29%, по данным (Bolly, Degand 2013: 223).

³ В примерах (6) и (7) мы приводим авторский перевод К. Болли и Л. Деган.

3. Приобретение причинными показателями сочинительных свойств

3.1. Порядок клауз

Приобретение грамматическими показателями сочинительных свойств представляется менее ожидаемым с типологической точки зрения, однако такой процесс зафиксирован для индоевропейских причинных союзов.

Исследователи отмечают, что испанский союз *porque*, связанный по происхождению с относительной конструкцией с причинным /инструментальным предлогом *por*, вел себя как подчинительный, допуская значительную степень линейной свободы вводимой им клаузы (Bogard 1994: 11), ср. примеры из «Песни о моем Сиде», датирующей приблизительно XII веком (границы клауз мы выделяем квадратными скобками):

- (8) [**Por que** *dexamos sus fijas*] [*avn no nos repentimos*].
 ‘Мы все еще не раскаиваемся из-за того, что оставили его [Сиде] дочерей’ (Bogard 1994: 11)
- (9) [**Derecho fizieron**] [**por que** *las an dexadas*].
 ‘Они имели право их оставить’ (за то, что они из оставили, они не испытывали стыда) (Bogard 1994: 12)

Если в XII веке случаи препозиции союза *porque* составляли 58%, то затем частота этой позиции стала неуклонно снижаться с каждым веком, практически исчезнув к настоящему моменту (Pérez Saldanya 2015: 3518). В современном испанском языке нормой является постпозиция клаузы (10), хотя встречаются исключения в случаях, если речь идет о мотиве, а не о причине, связанной с физическими условиями (Galán Rodríguez 1995: 145).

- (10) а. *Estoy mareada porque he bebido mucho*.
 ‘У меня кружится голова, потому что я много выпил’.
- б. **Porque he bebido mucho estoy mareada*.
 Ожидаемое значение: Поскольку я много выпил, у меня кружится голова.

Аналогичное ограничение дистрибуции характерно для клауз, вводимых итальянским союзом *perché*, который мог вводить клаузу в препозиции и даже в интерпозиции в староитальянском, но практически потерял эту способность в современном итальянском (Pesini 2018: 73, Fabbian 2023: 28), а также клауз, вводимых испанским союзом *pues*, менее распространенным, чем *porque*, который в средневековом испанском мог вводить клаузы в препозиции, что крайне редко встречается в современном

испанском (Ruíz de Lozaiga 1998: 526)⁴. В германских языках ограничение линейной позиции засвидетельствовано для клауз с нидерландским союзом *want*, который в XVI веке мог вводить клаузу в препозиции (11), но затем потерял эту способность (Evers-Vermeul 2005: 79)⁵.

(11) (...) *want hi ons so scandalic heeft verraden, so en sel ic hem gheen genade doen.*

‘(...) because he has betrayed us so scandalously, I will not show mercy to him’ (Historie van den vier heemskinderen, 1508)

(Evers-Vermeul 2005: 79)

3.2. Расширение на эпистемические и иллокутивные контексты

Еще одним признаком сочинительности /подчинительности причинной конструкции является возможность использования адвербиальной клаузы в эпистемических и иллокутивных контекстах⁶. Это связано, в частности, с тем, что части сложносочиненного предложения, в отличие от частей сложноподчиненного, могут иметь разную иллокутивную силу (Pekelis 2022: 1407).

В романских языках собственно причинные показатели могут приобретать иллокутивное или эпистемическое употребление. Например, союз *porque* в «Песни о моем Сиде» фиксировался лишь в значении реальной причины, ср. (Bogard 1994: 12) и примеры (8)–(9). Отдельные примеры иллокутивного употребления этого союза появляются в XIII веке (14). В современном испанском языке он может употребляться и эпистемически (15), и иллокутивно (16) без ограничений.

⁴ Фиксация позиции показателя свидетельствует о процессе грамматикализации, которая для рассматриваемых союзов была достаточно поздней.

⁵ Отметим, впрочем, что, во-первых, такие примеры были достаточно редкими: три из 50 в выборе автора, а, во-вторых, что в нидерландском языке XX века союз *want* в редких случаях может вводить клаузу в интерпозиции, что тоже характерно для подчинительных конструкций.

⁶ Под эпистемическим употреблением причинных клауз мы, вслед за (Sweetser 1990), понимаем такое, в котором пропозиция зависимой клаузы является причиной вывода, который говорящий делает в главной клаузе, ср. (12) *Наверное, Вася дома, потому что уже девять вечера*, а под иллокутивным употреблением — такое, в котором причинная клауза является обоснованием речевого акта, выраженного в главной клаузе, ср. (13) *What are you doing tonight, because there's a good movie on.* (Sweetser 1990: 77).

- (14) <...> *et porque aquí eres connusco en ageno lugar non seas de tal acuerdo* <...>
 ‘<...> и поскольку ты здесь, с нами, в незнакомом месте, не вспоминай об этом <...>’ (Fagard 2008: 102)
- (15) *Estarán en casa, porque el coche está fuera.*
 ‘Наверное, они дома, потому что машина стоит на улице’.
 (Galán Rodríguez 1995: 141)
- (16) *Vete de aquí, porque es peligroso.*
 ‘Уходи отсюда, потому что тут опасно’ (Zaika 2022)

У французского причинного союза *parce que* в современном разговорном языке также появляются иллокутивные⁷ употребления. Еще в среднефранцузском этот союз использовался исключительно в волитивных и неволитивных контекстах в собственном причинном значении (Degand, Fagard 2012: 160). При этом увеличивается и количество эпистемических употреблений союза (Fagard, Degand 2010: 187–188), что также свидетельствует о сочинительности. Как отмечено (Fagard, Degand 2010: 190), увеличение количества иллокутивных употреблений характерно и для итальянского союза *perché*, однако данные, приводимые авторами, не свидетельствуют о статистической значимости. Еще одним примером появления иллокутивных и эпистемических употреблений у союза, который ранее специализировался на собственно причинном употреблении может стать немецкий союз *weil* (Günthner 1996), о котором пойдет речь в следующем разделе в связи с изменением порядка слов в причинной клаузе.

3.3. Порядок составляющих в клаузе

Если ранее мы рассматривали типологически значимые критерии, потенциально применимые ко всем языкам, в настоящем разделе мы проанализируем потерю подчинительных употреблений немецкого причинного союза *weil* (Günthner 1996), которая связана с порядком составляющих в клаузе. Как известно, для ряда германских языков характерен разный порядок составляющих в главной и зависимой клаузе. В частности, в немецком языке в зависимой клаузе глагол занимает последнее место, а в независимой — второе. Согласно этому критерию, причинный союз *denn* является сочинительным, а *weil* — подчинительным. Исследователи отмечают, что до XVI века в клаузах с *weil* были возможны оба порядка, однако затем для зависимых клауз стал характерен порядок слов с глаголом в конце (Arndt 1956), цит. по (Günthner 1996: 352). Однако в современном немецком разго-

⁷ В терминологии (Fagard, Degand 2010), *interactional*.

ворном языке союз *weil* приобретает сочинительные свойства (порядок составляющих с глаголом на втором месте). Это, как правило, происходит не в собственно причинных, а в иллокутивных и эпистемических контекстах, которые (см. 3.2) также свидетельствуют о сочинительных свойствах (Günthner 1996: 323). Так, в примере (17) во второй реплике Удо выражает причину своего вопроса, что свидетельствует об иллокутивности контекста, а в примере (18) причинная клауза является основанием вывода о том, что человек пьет.

- (17) *Udo: ihr habt nich s- (-) zufällig s'Blasrohr. (-) oder?*
Maia: °he eh.°
*Udo: weil da is ja em Peter sein Flugartikel drin. (-) über? (-)*⁸
 Udo: you don't happen to have the Blasrohr here (-) do you
 Maria: °no°
 Udo: because Peter's article on flying is in it (-) about (-)
 (Günthner 1996: 327)
- (18) *Anne: der hat sicher wieder gsoffen. (-)*
weil (-) sie läuft total deprimiert durch die Gegend.
 Anne: he must have been drinking again. (-)
 because(-) she walks around looking totally depressed
 (Günthner 1996: 328)

Аналогичные диахронические изменения характерны для нидерландского союза *want*, который в средневековый период мог вводить клаузу с глаголом в конечной позиции, в отличие от современного периода (Evers-Vermeul 2005: 77)⁹.

3.4. Спорный случай: история развития союза *car*

Еще одним потенциальным случаем приобретения подчинительным союзом сочинительных свойств в индоевропейских языках может считаться развитие французского причинного союза *car*, восходящего к латинскому *quare*. Как отмечено в (Bogard 1994: 5) при наличии в латыни как сочинительных (*nam, enim* и т.п.), так и подчинительных (*quod, quia, quare* и т.п.) причинных союзов, союз *car*, восходящий к подчинительному союзу,

⁸ Необычная система записи объясняется тем, что автор фиксирует устную речь.

⁹ В нидерландском языке количество употреблений союза *omdat* с глаголом на последнем месте клаузы увеличивается по сравнению с XIII веком (Evers-Vermeul 2005: 82), что, казалось бы, может свидетельствовать об усилении подчинительной тенденции, однако это увеличение происходит не за счет клауз с глаголом на втором месте, а за счет неоднозначных случаев.

приобрел сочинительные свойства, свойственные союзу *nam*. И действительно, как показано в (Colson 1993), союз *car* во многих отношениях ведет себя как сочинительный: клаузы, вводимые этим союзом не могут отвечать на вопрос ‘Почему?..’ и употребляться в фокусных конструкциях, например, с *surtout* ‘особенно’, этот союз может использоваться в иллокутивных конструкциях. Однако ни в (Vogard 1994), ни в тех исследованиях, на которые ссылается автор, не удастся обнаружить, какие именно подчинительные свойства утратил союз *quare* с причинным значением.

4. Заключение

Как было показано в настоящей работе, для причинных союзов в индоевропейских языках характерно семантическое расширение, при котором возможно приобретение как сочинительных, так и подчинительных свойств, что является типологически интересным фактом. Также заслуживает внимания то, что в рассмотренной нами литературе обнаружилось больше примеров приобретения сочинительных свойств, чем подчинительных. Приобретение как подчинительных, так и сочинительных свойств может быть связано с увеличением возможных контекстов употребления рассматриваемых причинных показателей. Так, испанский союз *porque* начинает употребляться в иллокутивных и эпистемических контекстах, а славянские союзы, возникшие из частиц, — при ответе на вопрос ‘Почему?..’ Для некоторых из свойств, связываемых с сочинением / подчинением, нам не удалось обнаружить двунаправленных тенденций: так, причинные показатели приобретают возможность употребления в фокусных и несобственно причинных контекстах, но нам неизвестны примеры утраты такой уже существующей возможности. По-видимому, единственной действительно двунаправленной тенденцией, является приобретение / утрата возможности употребления причинной клаузы в препозиции, однако и здесь примеров такой утраты в лингвистических работах обнаруживается гораздо больше, чем примеров приобретения.

Литература

- Arndt, E. 1956: *Die begründenden Sätze im Neuhochdeutschen und ihre wichtigsten Konjunktionen*. Dissertation. Humboldt Universität: Berlin.
- Belyaev, O. 2015: Cause in Russian and the formal typology of coordination and subordination. In: P. Arkadiev, I. Kapitonov, Yu. Lander, E. Rakhilina & S. Tatevosov. (eds.): *Donvm Semanticvm. Opera lingvistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisqve Rossicis oblata*. Moscow: Jazyki slavjanskix kul'tur, 36–67.

- Bisiada, M. 2013: Changing conventions in German causal clause complexes. A diachronic corpus study of translated and non-translated business articles. *Languages in Contrast* 13:1, 1–27.
- Bogard, S. 1994: Las oraciones causales en el español medieval. *Nueva Revista de Filología Hispánica* 42(1), 1–28.
- Colson, J. 1993: Bonnes raisons et causes douteuses: les propositions de cause en anglais et en français. *Palimpsestes* 7, 55–71.
- Degand, L., Fagard, B. 2012: Competing connectives in the causal domain: French *car* and *parce que*. *Journal of Pragmatics* 44, 2, 154–168.
- Diessel, H. 2019: Preposed adverbial clauses: Functional adaptation and diachronic inheritance. In: K. Schmidtke-Bode, N. Levshina, S. M. Michaelis & I. A. Seržant (eds.). *Explanation in typology: Diachronic sources, functional motivations and the nature of the evidence*. Berlin: Language Science Press, 97–122.
- Evers-Vermeul, J. 2005: *The development of Dutch connectives. Change and acquisition as windows on form-function relations*. PhD thesis. Utrecht: LOT.
- Fabbian, M. 2023: *La sintassi e la semantica di perché in italiano antico*. Tesina di Laurea.
- Fagard, B. 2008: *Parce que, perché, porque* dans les langues romanes médiévales: l'utilité des études sur corpus. *Corpus* 7, 83–113.
- Fagard, B., Degand, L. 2010: Cause and subjectivity, a comparative study of French and Italian. *Linguisticae Investigationes: revue internationale de linguistique française et de linguistique générale = International journal of French linguistics and general linguistics* 33, 2, 179–193.
- Galán Rodríguez, C. 1995: Las oraciones causales: propuesta de clasificación. *Anuario de estudios filológicos* XVIII, 125–158.
- Günthner, S. 1996: From subordination to coordination? Verb-second position in German causal and concessive constructions. *Pragmatics* 6:3, 323–356.
- Haspelmath, M. 2004: On directionality in language change with particular reference to grammaticalization. O. Fischer, M. Norde, H. Perridon (eds.). *Up and down the Cline – The Nature of Grammaticalization*. [Typological Studies in Language 59]. Amsterdam: John Benjamins, 17–44.
- Hopper, P., Traugott, E. 1993: *Grammaticalization*. Cambridge: CUP.
- Kiparsky, P. Grammaticalization as Optimization. 2011: In: D. Jonas, J. Whitman, A. Garrett (eds.). *Grammatical Change: Origins, Nature, Outcomes*. Oxford: Oxford University Press, 14–51.
- RNC [Russian National Corpus]. НКРЯ (Национальный корпус русского языка): <https://ruscorpora.ru> (accessed on 02.04.2024)
- Norde, M. 2009: *Degrammaticalization*. Oxford: Oxford University Press.

- Pekelis, O. 2022: On the oppositions that underlie the distinctions displayed by Russian causal clauses. *Linguistics* 60(5), 1399–1449.
- Pekelis, O. E. 2008: [Coordination and subordination: a communicative approach]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* 2(16), 21–57.
Пекелис О. Е. Сочинение и подчинение: коммуникативный подход. *Русский язык в научном освещении* 2(16), 21–57.
- Pérez Saldanya, M. 2015: Capítulo 28. Oraciones causales. *Sintaxis histórica de la lengua española. Tercera parte: Preposiciones, adverbios y conjunciones. Relaciones interoracionales*. Vol. 3. México: FCE / UNAM, 3347–3609.
- Pesini, L. 2018: *La paraipotassi in italiano antico*. Firenze, Firenze University Press.
- Ramat, P. 1992: Thoughts on degrammaticalization. *Linguistics* 30 (3), 549–560.
- Ruíz de Lozaiga, J. H. 1998: Las oraciones causales con *pues* y *pues que* en el siglo XV. In: Coord. por C. García Turza, F. González Bachiller, J. J. Mangado Martínez. *Actas del IV Congreso Internacional de Historia de la Lengua Española: La Rioja, 1–5 de abril de 1997, Vol. I*. Logroño: Universidad de La Rioja.
- Sweetser, E. E. 1990: *From Etymology to Pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Trubachev, O. N. 1975: Trubachev O. N. (ed.). [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic Lexical Stock. Vol. 2 (*bez — *bratr)]. Moscow: Nauka.
Трубачев, О. Н. (ред.) 1975: Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд. Вып. 2 (*bez — *bratr). М.: Наука.
- Zaika, N. M. 2022. Clausal Causal Markers in the Languages of Europe: A Database. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7434757>. (accessed on 02.04.2024)

Suren Zolyan
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia /
Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia. surenzolyan@gmail.com

ON THE SO-CALLED “DEFINITE ARTICLE” IN EASTERN ARMENIAN: GRAMMATICAL CONSTRAINTS AND PRAGMA-SEMANTIC FUNCTIONS¹

In our paper, we reconsider the accepted viewpoint that the definite postpositive article in Eastern Armenian should be classified as belonging to the grammatical category of nouns. We demonstrate that an interplay between various grammatical (morphological and syntactical) and pragmatic (demonstrative, referential, and anaphoric) factors could be key to understanding its functions. In modern Eastern-Armenian, the so-called definite article may perform different functions, and the expression of definiteness is only one of them. Bearing in mind that the diachronic origin of the definite article is the demonstrative/possessive pronoun Նս (na) and the enclitic -ն (-n) in classical Armenian, it seems that it would be more adequate to categorize it as a demonstrative determiner. Upon some grammatical constraints, it has also taken on various pragma-semantic manifestations and functions; some of them have been grammaticalized, and most of them depend on prototypical contextual features and speakers' communicative intentions. The most important of these newer functions is that it is used as a marker of any of part of speech in subject/object positions. Complete grammaticalization occurs only in the accusative.

Keywords: Eastern Armenian language, definite article, grammaticalization, pragmatization, noun phrase, substantives, deixis.

Сурен Золян
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия /
Российско-Армянский университет, Ереван, Армения
surenzolyan@gmail.com

О так называемом “определенном артикле” в восточно-армянском языке: грамматические ограничения и прагма-семантические функции

Предлагается пересмотреть принятую точку зрения на постпозитивный артикль в восточноармянском языке как на грамматическую категорию существительных. Показано, что ключ к пониманию его

---

¹ The research is supported by the RSF, the project 22-18-00591, “Pragmatics as an interface and operational system of meaning production” at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, RF.

функций лежит в рассмотрении взаимодействия между различными грамматическими (морфологическими и синтаксическими) и прагматическими (демонстративными, референциальными и анафорическими) факторами. В современном восточноармянском определенный артикль может выполнять разные функции, и выражение определенности — лишь одна из них. Принимая во внимание, что диахронически определенный артикль происходит из указательного/притяжательного местоимения Նա (na) и энклитики -ն (-n) древнеармянского, представляется более адекватным отнести его к категории указательного детерминанта. В современном армянском он характеризуется рядом грамматических ограничений, он также приобрел новые прагма-семантические функции; некоторые из них были грамматикализованы, и большинство из них зависит от прототипических контекстуальных особенностей и коммуникативных намерений говорящих. Самая важная из этих новых функций — не указание на определенность, а роль маркера не столько существительных, сколько словосочетаний в позициях субъекта/объекта, поэтому так называемый определенный артикль может употребляться с любой частью речи. Полная грамматикализация происходит только в винительном падеже.

Ключевые слова: восточноармянский язык, определенный артикль, грамматикализация, прагматизация, именная группа, существительные, дейксис.

1. Introduction

Multifactorial and flexible approaches to possible interrelations between grammatical and pragma-semantic phenomena² can be of help when attempting to reconsider well-known cases that have traditionally been treated as “pure” grammatical phenomena despite numerous controversies and deviations that are lacking in any consistent explanations for their existence. We intend to dispute the generally accepted view on how the definite article (DA) is used in Eastern Armenian. For us, an interplay between various grammatical (morphological and syntactical) and pragmatic (discursive, contextual, referential and anaphoric) factors can be considered as key to both its identification and to understanding its functions.

The category of the article and its description in various Indo-European languages is of considerable interest. This category was absent in the Indo-European proto-language, so its primordial prototype does not exist. The relatively late appearance of articles in many Indo-European languages predetermined that the category of definiteness-indefiniteness has a specific trajectory of origin and

---

² On the coinage of the term *pragma-semantics* and the possible scope of its operation, see: (Zolyan 2021: 247).

development in each of them. Even in the two versions of the modern standard Armenian language, its Eastern and Western branches, the category of the article differs significantly both in semantics and means of expression. At the same time, in linguistics, there were attempts to universalize it following a certain etalon language: in the Middle Ages — with Greek, in modern times — with European languages that had developed a grammaticalized article system.

The article in the contemporary Eastern Armenian language and descriptions of it in linguistics demonstrate a similar situation when linguistic facts are considered based on schemes that are elaborated concerning other languages. In Armenian linguistics, this category is addressed as the morphological category of a noun; in general, the existing views with some slight differences can be summed up in the following way:

«Modern Eastern Armenian distinguishes definite and indefinite nouns. Definiteness is marked by suffixing the definite article *-ը -ի/-ն* *-n* to the noun. Indefiniteness appears unmarked by using the bare noun and as marked by using the preposed indefinite article *մի* *mi*. The unmarked, i.e., bare or zero forms of a noun, denotes its general meaning without determining it more closely. It is used if the speaker refers for the first time to a person/object, i.e., it is completely unknown and unspecific to both speaker and hearer» (Dum-Tragut 2009: 102).

However, this definition is complemented by a long list of various deviations and exceptions. We intend to demonstrate that it would be more suitable to adopt an approach opposite in nature — one in which so-called deviated or exceptional cases are classed as proper instances of various pragma-semantic functions being performed; the distinction between definite and indefinite usages of a noun being only one of them. The concept of the incomplete grammaticalization of pragmatic markers³ allows the so-called DA in Eastern Armenian to be viewed as an interface between morphology and communicative semantic syntax. The DA can be identified not as a morphological, but as a context-dependent syntactic marker. It is not so much characteristic nouns as of noun phrases. Just the fact that the DA can be used with all parts of speech, including prepositions and interjections, calls into question its classification as a morphological subcategory of a noun a noun.

³ Cf.: Traugott & Konig. 1991; Diewald 2011a, b; Hopper & Traugott 2003; Heine 2018; Mendoza 2021.

In the first part, we shall consider the category of the article in Classical (old) Armenian and its status in the early medieval Armenian grammars, then we shall discuss the existing points of view on the article in modern Eastern Armenian and demonstrate inconsistencies within theories relating to its use. In conclusion, we put forward the concept of heterogeneity of the so-called DA in Eastern Armenian

2. The category of the article in Classical Armenian

In this part, we do not intend to review the linguistic data and shall confine ourselves to presenting existing points of view. It is generally accepted that the DA in Old (or classical) Armenian (Grabar) appeared due to the desemantization of personal demonstrative and possessive pronouns. The independently used lexical units, *sa*, *da*, *na* became post-positive particles *-s*, *-d*, *-n*, attached to the noun and indicating domains of a speaker, hearer, and third person, respectively. Accordingly, these articles added a demonstrative meaning to the noun. This demonstrative meaning was associated with a first, second, and third person, and then these particles were re-interpreted as possessive markers. Additionally, they also related to the expression of definiteness and appeared in anaphoric references (Tumanyan 1971; Acharyan 1957; Abeghyan 1974).

As outlined by Kagyrova (Kagyrova 2014), in general terms this process is consistent with the scheme suggested by J. Greenberg (Greenberg 1990). According to this hypothesis, the DA derived from the demonstrative evolves along the following three stages of grammaticalization: Demonstrative > Definite Article > Specific Article > Noun Marker. This scheme was significantly supplemented and expanded to 8-stages. For instance, Berndt Heine describes the following stages:

«The transition from demonstrative attribute to the definite article appears typically to lead from exophoric to endophoric demonstrative and finally to definite marker, and it is both proximal and distal demonstrative attributes that can be recruited. In this process, semanticization has the effect that the demonstrative loses its deictic (locative) content, such as the ability to express relative distance (e.g., proximal vs. distal). Via decategorialization, the demonstrative loses its independent status, becoming an appendage of its head noun, it changes from free word to clitic, and eventually, it may turn into an affix» (Heine & Kuteva 2007: 88).

This slightly different but simultaneously somewhat similar situation is outlined in (De Mulder, Carlier 2011):

«How does the demonstrative evolve into a definite article? The demonstrative signals that the identity of the referent should be established by making reference to the speech situation or the immediate context of utterance. It conveys typically a deictic meaning component, indicating the location of the referent in terms of distance with respect to the speaker or in terms of association with the 1st, 2nd and 3rd person. It is commonly assumed that the exophoric or situational use of the demonstrative, referring to entities in the extra-linguistic situation, is the basic use, giving rise to endophoric or intralinguistic uses, among which the anaphoric use (Diessel 1999: 109–11). Definite articles would be derived from adnominal anaphoric demonstratives» (De Mulder, Carlier 2011: 526).

As mentioned in (Konig 2018:172), in the first stages of their development into articles, demonstratives lose their exophoric (gestural) use and their contrastive meaning, instead, they obtain new functions and meanings. Ekehard Konig has suggested an elaborated pattern of the pragma-semantic changes — see table 1.

Stage 1	Stage 2	Stage 3	Stage 4	Stage 5
exophoric	anaphoric	abstract context	generic, abstract	specific
contrastive	cataphoric	universe of dis-	non-referential	contrastive
	(sufficient de-	course	non-episodic	loss of uniqueness
	scription)	extension of con-	contexts	
	<i>employ mémoriel</i>	text from co-text		
	(loss of contra-	to abstract uni-		
	stative and exo-	verse of dis-		
	phoric use)	course		

Tab. 1: Semantic changes in the development of definite articles (Konig 2018:172)

Neither data relating to classical nor modern Armenian were taken into consideration during the creation of these typological schemes. An application of this scheme to the Armenian language may require significant elaboration and additions. Therefore, we shall not consider the degree of applicability of this scheme to the history of the Armenian language. However, the origin of the DA in Classical Armenian seems to be consistent with the general regularity: “the main diachronic source of the indefinite article is the numeral ‘one’, while the main diachronic source of the definite article is the demonstrative pronouns of the sphere of distant deixis (that is, expressing the lack of proximity to the speaker and/or to the addressee”. (Plungian 1993: 166). At the same time, we would like

to mention that at least some of the DA's primary meanings, including the exophoric and contrastive ones, may be pointed out in modern Eastern Armenian.

The article as a grammatical category of classical Armenian was detected early on and outlined in the first Armenian grammar (V–VI century) — see (Adonts 1915, Jahukian 1978: 271–275). Distinction of the article was based on Greek grammars. The Armenian term “*հոդ*” or *հուդ* (*hod*) is a calque borrowed from Greek. It appeared in the Armenian translation of *The Grammar of Dionysios Thrax* (170–90 BC), The Armenian translator and commentators extrapolated his taxonomy on Classical Armenian. In particular, they translated the part “On the Article (№20)”⁴. Due to the difference between the so-called “articles” in Greek and Armenian (for more details, see: (Müth 2011), this extrapolation led to significant disturbances. The translator supplemented the text with his examples; he translated Greek articles using demonstrative pronouns and not articles. These were three different demonstrative pronouns that relate the subject of speech to the sphere of the first, second and third person: proximal *այս*, medial *այդ*, and distant *այն*: (*ajs*, *ajd*, *ajn*) — (Adonts 1915: CLXVII)⁵.

At the same time, the intuition of the first commentator⁶ allowed him to get much closer to characterizing the article in the commentaries than he was able to do within the translation text. Besides abovementioned demonstratives *այս* (*ajs*); *այդ* (*ajd*), *այն*

⁴ Cf.: “20. On the Article. An Article is a declinable part of speech prefixed or subjoined to the various cases of nouns. It has three accidents: Gender, Number, and Case. The Genders are three. The Numbers are three: Singular, Dual, and Plural” (Dionysios Thrax 1874: 13).

⁵ Recently this issue was considered in (Meyer 2019). Cf.: “Armenian does not have a prepositive, independent article like Greek does, but instead uses the deictically marked enclitics -u, -դ, and -ն; this is not mentioned in the translation. Instead, interrogative pronoun (ն), relative pronouns (որ), and demonstrative pronouns (այս, այդ, այն) are given as equivalents. Only the latter has a similar function to the Greek article. Further issues lie in the inflectional categories mentioned with reference to the Greek article. Armenian has no grammatical gender, one fewer number, and two more cases than Greek. The question of gender is simply ignored in the translation. In its translation of the gendered articles in the different numbers, the Armenian version uses the three deictic variants of the demonstrative, proximal այս, medial այդ, and distal այն” (Meyer 2019: 6).

⁶ Presumably: David the Philosopher or David the Invincible, VI century, see: Adonts 1915: 115; Muradyan 1980.

(*ajn*), the commentator mentioned the particles, which denote the actual reference. In the translation, demonstrative pronouns were given as examples of the articles. But in the commentary, the proper articles were represented: they were the particles *-s*, *-d*, *-n* directly associated with a person. These articles *-s*, *-d*, *-n* also derived from the other demonstrative pronouns: *uu*; *ηu*; *ūu*, (*sa-*, *da-*, *na-*) and this was described correctly in the commentary. The third of them, *Նu* (*na*) gave birth to a personal pronoun in the third person in modern Armenian, and its reduced form *Ն n* is used as the DA.

Pointing to the difference between articles in Greek and Armenian, the commentator went further and gave examples of the proper articles *-u*, *-η*, — *ū* (*-s*, *-d*, *-n*): — *ձ ի u*, *ձ ի η*, *ձ ի ū*: (*dzi + s*, *dzi + d*, *dzi + n*; *this horse of mine*, *this horse of yours*, *that horse*). (Adonts 1915: 115). The commentator noted: the article itself does not perform a signifying function. However, while adding to a noun, it endowed a name with a capacity to signify. Thus, using the noun *Չի* (*dzi*, *horse*) without combining it with the article *Չի էկն* (*Dzin yekn*, *a horse came*), the speaker does not mean anything (*նչիւն նշանակեցէ*). In contrast to it, in the forms with the article *Չիւն էկն* (*Dzin yekn*, *the horse came*), the DA stands for “a signifier of known things” (*նշանակիչ հայտնի իրաց*) (Adonts, 1915: 115). In a slightly modernized manner, it can thus be interpreted as “a communicative relevance”. Besides this capacity, the use of the article is also associated with the anaphoric repetition of the previously mentioned object (Adonts 1915: 115).

A remarkable feature of Classical Armenian was that the deictic and possessive meanings of the articles might not coincide, as can clearly be seen in the example given in (Tumanian 1976:276):

1. *Եթէ մեղիցես որդւոյդ* [N *accus,sing+* Article_{2pers}] *իմուս, սպանից և ես զորդիդ քո*

Et'e mexices ordujd [N *accus,sing+* Article 2pers] *imum, spanic ev es zordujd k'o:*

If you damage my son [who is now at your disposal], I shall kill your son [who is now at your disposal].

The possessive pronoun *Իմուս*, (*imum*, *My*) indicates affiliation, but since the son of the speaker is held captive by the addressee of the message, the lexeme *որդւոյդ* (*ordujd*) is marked by the second person article *-Դ*, (*-D*).

3. The definite article in modern East Armenian: the general trends

The codification of the modern literary Armenian language and the separation of its two branches, Eastern Armenian and Western Armenian, took place in the XIX–XX centuries. Some grammarians of that time mentioned the grammaticalization of the DA, but at the same time, they mentioned the inconsistency of that process. In the XIX century, the DA was regularly used in the nominative and accusative cases, marking the subject and the direct object, and rather rarely in the indirect cases (see: Abrahamyan1960; 74–75).

In the twentieth century, the usage of the DA (*լ, n* before vowels; and *ը, ը* — before consonants) is already limited to only two cases: the subject (nominative) and the direct object and addressee (dative-accusative, nominative-accusative). The process of complete grammaticalization was interrupted. In general, in comparison with Classical Armenian, the use of the DA has become, on the one hand, more formalized; on the other, more positional restrictions have appeared (Jahukyan 1974: 212). The use of the article turns out to be associated only with a specific syntactic position and does not correlate to the semantic characteristics of definiteness or indefiniteness. The parallelism between the use of possessive and deictic articles, on the one hand, and the so-called DA, on the other, have ceased to exist. As summarized in (Lyons 1999: 55):

«The Modern Armenian forms descended from the article of the classical language have been partly reinterpreted as possessive suffixes: *-s* ‘my’, *-t* ‘your’. The third form, modern *-n/-*, descended from classical *-n*, serves both as the third-person possessive and as the definite article. So Modern Armenian, while maintaining a three-way person-based deictic contrast in demonstratives, has lost it in the definite article».

The first- and second-person’s possessive articles are manifested differently — they can be attached to a noun in any case and are not obligatory. They lost the previously dominant deictic demonstrative meaning; now they always express the meaning of belonging, affiliation, or possession. Possessive articles in almost all contexts

can be replaced by the corresponding possessive pronouns *huf im* (*my*) and *pn k’o* (*your*)⁷. Cf.:

2. *Քն գլուխք* vs *գլուխդ* —

K’o glukhě (*Poss. Pronoun + Noun + DA*) *glukhed* (*Noun + possessive article*).

Your head Your head

When a possessive pronoun is attached to a noun, the possessive article is necessarily replaced by the DA, but only in the nominative and accusative/dative, because it cannot be used in other cases. As for the demonstrative — Ն, (-N), associated with a third person and/or a distant deixis, it has lost its connection with a person, but has acquired new semantic-syntactic and pragmatic functions.

The heterogeneous nature of the DA in Eastern Armenian leads to noticeable discrepancies in its characterization. At the end of the XIX century, new scientific grammars on the Armenian language appeared, and the classification of the DA had received different interpretations. The medieval point of view on the article as a part of speech, stemming from Dionysius Thracus’s work, was rejected. Articles were ‘lowered’ in rank: from parts of speech, they were identified as particles. In general, the discussion can be characterized as whether articles are particles of speech, discourse, or part of a word. The characteristics of the European languages with articles were extrapolated onto Armenian. Finally, a student and collaborator of Antoine Meillet. Hrachya Acharyan, accepted his point of view (Meillet 1936) and directly mentioned the similarity of the article in Armenian with that in other European languages (Acharyan 1957: 934). By analogy with several European languages, the DA was addressed as an indicator of definiteness. From parts of speech, as was the case with medieval Armenian grammarians, the article was transposed into the category of variable morphological characteristics (subcategories) of a noun. Such a description becomes riddled with numerous clarifications, reservations, exceptions, etc., since the obligatory correlation between the use of the article and the expression of definiteness is characteristic only for a few particular cases.

⁷ The exceptions are some instances of the generalized use of *YOU*, when it can be replaced by *everybody*, or *one*: *Գլուխդ բարձր պահիր* — *Glukhed bardzr pahir* — *Keep your head up*.

One can point to two main tendencies that exist when the DA is used: one came from the previous state of a language system, and the second may be considered a relatively new development. The first is based on the original function of the DA associated with deictic indication. If a noun or a substantive (infinitive, adjective, etc.) item in a nominative case has a dependent deictic or anaphoric determinant (demonstrative, possessive or personal pronoun, or an anaphoric/cataforic component), the use of the article is mandatory (except vocatives and appositions): — *այդ ձիւն, իմ ընկերը, նրա տունը, վաղվա առաւոյնը, ayd dzin, im ynkerē, nra tunē, vaghva arravotē, that horse, my friend, his house, tomorrow morning, etc.*

It happens even in those positions (for example, in the predicate position) where the DA is usually not used: *Մա քաղաք է vs Մա իմ քաղաքն է Մա այն քաղաքն է, < որի մասին էս պատմել էի>: Sa k'aghak' ē vs Sa im k'aghak'n ē Sa ayn k'aghak'n e, < vori masin yes paumel ēi>. This is a city vs. This is my city. This is the city <that I was talking about>.*

Along with it, there is another tendency, which can be associated with modern grammaticalization, in which the use of articles is dependent upon morphological and syntactic characteristics. Therefore, even in the presence of demonstratives or possessives, the DA can only be used in two morphological cases and can only perform two syntactic functions, the subject NP₁ and object NP₂ (the position of the noun predicate, where the deictic function can be “revived,” should be considered separately).

4. The DA and noun declension

As noted above, in the 19th century, the definite article could not be used not only in the nominative and accusative but, albeit extremely rarely, in all other cases. In modern Eastern Armenian, the DA can only occur in two positions, in the nominative/accusative and dative/accusative cases. (a specific use in the genitive case is possible, and will be discussed separately)⁸.

⁸ The peculiarity of modern East Armenian is that the same noun in the accusative can be used both in an animate and inanimate function, depending on whether this use is referential or not. In the first case, the accusative form coincides with the dative form, in the second — with the

Existing descriptions are based on the fact that the definite article expresses the relationship of definiteness /indefiniteness. However, the list of exceptions turns out to be much larger than cases of ‘proper’ designation (Abeghyan 1974: 428–431, Acharyan 1957; 984–993; Petrosyan 1960, Tumanyan 1963; Khachatryan 1975; Jahukyan 1974; Kagirova 2013). Meanwhile, the situation may become more apparent if one associates usage or non-usage of the DA not with semantics, but with its syntactic and pragmatic (discursive) functions within a sentence. Then the regular and obligatory correlation between the use of the DA and the expression of definiteness may be considered not so much to be a semantic characteristic but a positional one — the position of the direct object. Accordingly, the accusative case is a proper manifestation of it.

As for conditions of an occurrence or absence of the DA in the nominative case, it does not depend on the semantic status of the nominative phrase, on its definiteness or indefiniteness. The nominative performs various syntactic functions: in addition to the primary function of the subject, the nominative can be used as a vocative, as a head in nominative sentences, as an apposition and as a nominal predicate. In these various functions and positions, the use of the definite article varies greatly, and these instances should be considered separately.

4.1. The use of the DA and the accusative

The complete grammaticalization of the DA occurs only in the accusative. For its use, countability of uncountability, concreteness, or abstractness is not relevant, and the main factor is whether the given object is one that the listener is meant to know or not. At the same time, the use of the DA is closely connected to the animateness — inanimateness of a noun. Animateness in Armenian is a changeable characteristic; it is not a morphological category but a mode of using a noun — it can be the so-called mode of a person or a thing (*անձի* — *իրի անունի*). This distinction is formalized in the accusative — whether the inflection of the noun coincides with the dative or nominative.

---

nominative. Thus, *to call the doctor* can be translated as *կանչել բժիշկին*, with the DA in the dative, *to call a doctor* as *բժիշկ կանչել*, the form coinciding with the nominative without an article, usually with by inversion of a verb and noun, (*a doctor to call*).

The opposition between definiteness-indefiniteness is obligatory for both forms and applied to animate and inanimate nouns. However, there is an asymmetric difference between them. Semantically animate nouns (proper names, names of individuals, professions, animals), may also be used in the mode of things; in these cases, their accusative forms coincide with the nominative zero form and it cannot have a definite marker

3a. *Կանչեցի տղային* $N_{Acc/Dat,Animate} + DA$ *Kanch'eci tghayin*

Acc/Dat,Animate + DA

VS

3b. *տղա կանչեցի* $N_{Acc/nom Non- Animate} \cdot tgha$ ($N_{Acc/nom Non- Animate}$)
kanch'eci I called a boy

It should be noted that in such cases, indefiniteness is usually given special emphasis: instead of the zero article, an optional prepositive article “MI” (one, some) appears. Its use presupposes the existence of a single referent unknown to the speaker (the zero article does not imply this). Compare:

4a. *Նա սրջիւն* ($N_{Acc/Dat,Animate} + DA$) *սպանեց*—

Na arjin spanec He killed the bear

4b. *Նա սրջ* ($N_{Acc/nom In,Animate}$) *սպանեց*

Na arj (N_{Acc/nom In,Animate}) spanec — He killed a bear

4c. — *Նա մի սրջ* ($N_{Acc/nom}$) *սպանեց*—

Na mi arj spanec — He killed (some) bear

In the third case (4a), the indefinite particle *մի* (MI, literally: *one*) is used to refer to some existing bear who is not individualized and, probably, unknown for interlocutors. In the second case (4b) with the zero article, that is an “abstract” bear, a representative of the class of bears is mentioned; implying the agent’s ability to kill a bear rather than referring to a specific event.

As for semantically inanimate nouns, they can only be used in the mode of a thing, except rather exotic cases of impersonation in poetry, fairy tales, etc. While being used with the DA, these nouns have a metaphorical meaning. For instance:

5a. *տեսա իմ կյանքին* ($N_{Acc/Dat,Animate} + DA$)

- *tesa i'm k'ank'in* ($N_{Acc/Dat,Animate} + DA$); literally: *I saw my life* (soul), where the noun *կյանք* (life) is used in the mode of a person,

in the dative/accusative form. It means: *I saw the person who is my life*, in contrast to the literal one,

5b. *տեսա ինձ իյաւնքը* ($N_{Acc/nom}$) *tesa im kyank'ē* ($N_{Acc/nom}$) — *saw my life*, the noun is used in the accusative/nominative form.

Thus, the use of the DA is connected more to syntactic function than case. The same flective form dative/accusative marks both a direct animate object and an animate addressee. In both cases, this usually performs the obligatory valence of a transitive verb, and the semantic difference between these functions is sometimes not noticeable.

One can assume that the use of the DA is connected more to the semantic-syntactic function of a noun in a sentence than to its definiteness. This may explain why nouns in the accusative case, expressing the meaning of a place or a final point of movement, are used completely differently. In this position, only inanimate nouns can be used (in the case of animate ones, this position is formalized as a combination of a genitive with a polysemic preposition *ւնտ*, mot). Unlike the function of a direct object, in this case, as a rule, only forms without a DA can be used. Compare:

6. *հասնեմ Անի ու նոր մեռնեմ, .. տեսնեմ Անին ու նոր մեռնեմ* (Hovhannes Shiraz)

hasnem Ani (Nacc.) u nor merrnem, .. tesnem Anin (Nacc+DA) u nor merrnem

I shall reach Ani and then will die ... I shall see Ani and then will die.

The name of the city (Ani) is used with the DA while being the object complement of the verb “*to see*”. However, it is used without it when the same city Ani is mentioned as the endpoint of movement. Thus, the use of a noun with or without a DA also presupposes a distinction between the semantic-syntactic functions of a direct object and an endpoint of movement, on the one hand, and a direct object and animate addressee, on the other. The exceptions indicate that other factors may cause the use of the DA, and they are not determined by the morphological features of the accusative, but reproduce the primordial characteristics of the DA, when it functioned as a deictic or possessive particle. Thus, for nouns designating the final point of movement, the definite article

appears, if only the definiteness is strengthened by demonstrative or possessive pronouns —

5a. *նա մտավ տունն* ($N_{acc/nom}$) *na mtav tun he entered a/the home*

5b. *ա մտավ իր տունը* ($N_{acc/nom+DA}$) *na mtav ir tune he entered his home*

5c. *նա մտավ այդ տունը* ($N_{acc/nom+DA}$) *na mtav ayd tunē he entered that home.*

In some exceptional cases, the DA may appear with proper names. As an emphatic means, its appearance is not connected to definiteness, but serves instead as a topicalization, a form of individualization, or in a contrastive function. The semi-deviant phrase

6. *եկավ Մոսկվան* ($N_{acc/nom+DA}$); *yekav Moskvan* ($N_{acc/nom+DA}$); *came to Moscow*

is acceptable only if it presupposes a negation of the opposite statement (*he came to Moscow, not to some other place*). Perhaps, in addition to contrastive, distinguishing, or deictic meanings, in this use, one can see that this highlights the more basic function of the DA than referring to definite objects; this is the prototypical function of emphasizing the focus of an utterance. Interestingly, the opposite effect is observed when a proper name designates not an endpoint but a direct object. As mentioned above, the direct object's function is usually associated with the DA. However, without the DA a proper name may change its semantic status. This semi-deviant expressions without the DA changes the semantics of the noun.

7. *սիրեց Մոսկվա* ($N_{acc/nom}$) (*sirec 'Moskva, loved Moskva*)

It loses its individualization function and, instead of designating a place, becomes an object about which one has certain feelings. The absence of the DA in such positions endows a proper name with connotative meanings of a common noun; it can even be used in the plural:

8. *հասցնելով մոսկվաներ,* ($N_{pl.,Acc.}$) “*Հայֆիլմի*” *այն ժամանակվա տնօրենը* “*վերելներում*” *համոզել է, որ դրանք այն են, ինչ պետք է:* (*Առաւուր, Aravot newspaper, 2003.07.03*). *hasts'nelov moskvaner* ($N_{pl.,Acc.}$), “*Hayfilmi*” *ayn zhamanakva tnorenē* “*verevnerum*” *hamozel ē, vor drank' ayn yen, inch' petk' ē:*

Delivering to Moscows, the director of “Hayfilm” convinced the “uppers” that they were what they needed.

– in this context, *Moscow* in the plural without a DA means something like *Soviet bosses*.

4.2. The definite article and the nominative case

In the nominative one can observe an even greater degree of correlation between the semantic-syntactic function of the use, or not, of the DA than in the previous case. It is generally accepted that in the nominative and accusative, there is a regular and obligatory marking of the noun phrase based on its referential definiteness or indefiniteness. However, upon closer examination, it becomes apparent that such an opposition occurs only in one rather specific case: that is in syntactically non-binding uses, for example, when used as a title (heading). Therefore, it is necessary to consider all possible syntactic positions separately.

a) Obviously, the most characteristic function of nouns in nominative is the position of the subject of the sentence. Regardless of its semantic characteristics, a noun with rare exceptions (see below) is marked by the DA.. Maybe, it would be better to view the DA in this position as a marker of the function of the subject. All grammars indicate cases in which the DA is used with words that have a generalized meaning — for example, *Մարդը, մահկանացու է, դատավորները՝ արդար, ալկոհոլը՝ վնասակար* (Mardē mahkanacu ē, datavornerē՝ ardar, alkoholē՝ vnasakar; man is mortal, judges are just, alcohol is harmful). Nouns in a subject position can be used without the DA, but this might only happen under special conditions. Indefinite zero articles are marked, and in this case, as a rule, the optional prepositive article մի MI. (literally one) is used: *Մարդ է եկել, Mard ē yekel, Մի մարդ է եկել, Mi mard ē yekel — someone came literally: one man came, Ուղեվոր է մահացել Ughevor ē mahac’el A Passenger died (it does not matter who he/she was)*. It is noteworthy that instead of its regular position as an enclitic to the verb: *Մարդը (N_{nom} + DA) եկել է, Mardē (N_{nom} + DA) ekel ē The man came)* in these cases, the auxiliary verb է, ē changes its position and occurs after a noun, thus becoming a proclitic to it: *Մարդ է եկել, Mard ē yekel (N_{nom} + V_{aux}*

+ V); *A man came*. When loosing an article, a noun generally attaches to an auxiliary verb.

b) Vocative — the DA is not used.

c) Apposition. — in this case, nouns function as non-declining adjectives (in Armenian, adjectives are not declined) and are used without an article. — *Մայրաքաղաքը (N_{nom}) Մոսկվան գեղեցիկ է*; *Mayrak'aghak'(N_{nom}) Moskvan geghecik ē*; *The capital Moscow is beautiful*.

d) The semantic distinction between definiteness/indefiniteness is manifested when a noun is in a syntactically unconnected position, for example, in a title function or in sentences in the nominative. Although there is no exact estimate, the intuitive impression is that the headings are more often used in the non-article form (cf.: Atcharyan 1957: 991). Note that within a sentence, both in the subject and object positions, the title of a text is always used with the article. So, the title of the novel “*խաղաղ Դոն*”; “*khaghagh Don*”; “*Quiet Don*” within the sentence takes on the article:

9. “*Խաղաղ Դոնը*” (*Nom+DA*) *արժանացել է Նոբելյան մրցանակի*: (*Armenian Wikipedia*). “*Khaghagh Donē*” (*Nom+DA*) *arzhanacel ē Nobelyan mrts'anaki*. *The “Quiet Don” won the Nobel Prize*.

Perhaps this happens due to anaphoric quotation: the author quotes the novel’s title.

e) One-member nominative sentences present an interesting case. Their semantics and pragmatics are heterogeneous, affecting how articles are used. It is generally accepted that usually there is no opposition between the subject and the predicate in one-member sentences. However, in Armenian, a noun phrase may be used both with and without a copula, therefore nominative sentences can be divided into subject-nominative, or proper nominative sentences, in which there is no auxiliary verb, and nominative-predicative sentences, in which the noun behaves as a predicate and can be changed in moods and tenses. For example, two variants are possible: *Սման (N_{nom})* and *Սման է (N_{nom} + V_{Aux})*. *Amar(N_{nom})* and *Amar ē Summer* — and *Summer (N_{nom} + V_{Aux})*. The semantic difference between these cases is minimal; it can be roughly defined as the difference between indicative and existential meanings. In the second predicative case, in which an auxiliary verb appears, the

noun phrase is used without an article unless there are special conditions (which will be discussed below). Similarly, the DA is not used in exclamations, or with imperatives *Չրախ* (Krak, Fire!), and expressives — *Սպուշ*, (Apush, Idiot!), *Հրաշք* (Hrashk’, Beauty!).

When a noun phrase is used without an auxiliary verb, both article and non-article nominative forms may be used. In nominative sentences, as is the case in the titles, the choice between them is associated with the speaker’s intention. Thus, in Vahan Teryan’s poem “Carousel” the poet recalls circumstances of the meeting with his beloved:

10. *Եվ այն վալսը (N_{nom+DA})*՝ “Անդարձ ժամանակ”,
Ծառուղիին (N_{nom+DA})՝, *ամայի պուրակում, Եվ գիշեր (N_{nom}), և*
համբույր (N_{nom}), և լուսնյակ (N_{nom}), Տաղտկալի, ձանձրալի՝
պատմութուն (N_{nom}):
(ev ayn valse (N_{nom+DA}))՝ “*Andardz zhamanak*”, *Tsarrughin (N_{nom+DA})*,
amayı purakum, Ye v gisher (N_{nom}, yev hambuyr (N_{nom}, yev lusnyak (N_{nom}).
Taghtkali , dzandzrali patmut’yun (N_{nom})

And that waltz “Unreturnable time”, the alley is in an empty square, and a night, and a kiss, and the moon, a boring- boring story.

The references to *waltz* (it is specifically named: “*Unreturnable time*”) and the *alley* (it is pointed out: *in an empty square*) are marked by the DA, while the rest of the nouns are used without it. The usage or non-usage of the DA may vary as it depends on an interpretation of the described situation. Thus, the great Russian poet Alexander Blok’s poem *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Бессмысленный и тусклый свет* ‘*Night, street, street-light, drugstore. A dull and meaningless light.*’) is rendered in three versions in Armenian translations. Two of them are free of articles:

11.1. *Գիշերային փողոց, լամպ, դեղատուն, Անիմաստու աղոտ լույս;* (*Gisherayin poghoc, lamp, deghatun, Animaast u aghot luys*);

11.2. *Գիշեր ու փողոց, լապտեր, դեղատուն; Աղոտամշար և անիմաստ լույս.* (*Gisher u p’oghoc’, lapter, deghatun; Aghotamshar yev animast luys*)

In the third translation, all three possible options are presented:

11.3. *Գիշեր է* ($N_{nom} + V_{Aux}$), *փողոց*(N_{nom}) , *լապտեր* (N_{nom}), *դեղատուն* (N_{nom}), *Անրովանդակ ու աղոտ լույսը* (N_{nom+DA}): *Gisher ē, p'oghoc', lapter, deghatun, Anbovandak u aghot luyse*

The word *Գիշեր* (*night*) received the auxiliary verb *է* (*ē*), referring to the present tense, and the noun *լույս* (*light*) used with the DA in contrast to the nouns — *pharmacy* and *lantern*.

4.3. The definite article and the genitive case.

Although the DA is not used in the genitive, nevertheless, there is one case in which the article *-ն* (*-n*) acts as a possessive. (cf: Jahukian 1974:213). A possessive construction like *Իվանի* (N_{gen}) *գիրքը* (*Ivanh(Ngen) girke* (N_{nom+DA})) “*The Book of Ivan*” can later be used in the elliptical form — “*Իվանի-ն-ը*($N_{nom+DA+DA}$) “ (*Ivanine, Ivan's*):

12. *Իվանը* (N_{nom+DA}) *գիրք է գրել: Իվանի-ն-ը* ($N_{nom+DA+DA}$) *ավելի հետաքրքիր է: (Ivane girke ē grel: Ivani-n-e* ($N_{nom+DA+DA}$) *aveli hetak'rk'ir ē: Ivan wrote a book. Ivan's <book> is more interesting).*

It is noteworthy that in this case, the DA *-ն* (*-n*) becomes inseparable from a nominal form and when declining a noun is used with it: — *Իվանի-ն-ից, Ivani-n-ic* (N_{instr})

A noun can acquire a second article (let us remember that the order of inflections in Armenian is agglutinative, and the DA occurs after inflections relating to case and number). In this case, a new word form with a built-in article is produced, and flexions of case and number are attached to it. The second article is necessary in the nominative and accusative; the first has a possessive function and the second anaphoric. Obviously, such cases should be considered as a kind of possessive form of the noun or pronoun, indicating that the object belongs to the previously-indicated third person. In the first or second person, similar constructions are replaced by the possessive pronouns, *mine* or *yours*. *Իմ* (*my+ 1-st person possessive article*) *քնից լավն է: Իմ* (*my + DA*) *քնից լավն է — Imē k'onik lavn ē VS Imē (my + DA) kn'ic lavn ē Mine is better than yours*⁹.

⁹ Christopher Lyons suggested another point of view: “Another example is Modern Armenian, in which possessive affixes doubling free-form possessives(at least in the first- and second-persons singular): *im kirk'-s*

4.4. The use of the DA with prepositions

The use of the DA with prepositions is similar to the use outlined for the previous case. The DA can be used with semantically full prepositions (*under, on, with, etc.*) when they substitute the previously used noun phrase: *Գիրքը տեղանի վրա է, տետրը դիր վրան (Prep. + DA) (Girk'ě seghani vra ē — tetrě dir vran)* — it can refer both to the book or to the table: *The book is on the table. Put the notebook on it (on the book or on the table)* or in the situation of the ostensive reference: *Նրա հետ զևս vs հետը (Prep. + DA) զևս (nra het gna vs hetě gna; Go with him/her)*. These anaphoric/ostensive relationships usually can only be properly specified through context.

5. The DA as a marker of nominalization

Our analysis demonstrates that in the declension system, referential definiteness-indefiniteness is not the main factor taken into consideration when the DA is used. The various uses of the DA are semantically heterogeneous and cannot be reduced to a common denominator. Other meanings can be added — for example, possessive and anaphoric ones. Summarizing the characteristics of grammaticalized use in the nominative and accusative, we can conclude that it acts as a marker in noun phrases, namely, in a subject or object position. It has already been noted that

«...the identification of determination with opposition in terms of definiteness/indefiniteness, is not completely accurate and occurs under the implicit influence of the Western European model. From a universal typological point of view, both definiteness and

---

(me+GEN book-1SG) ‘my book’’. Unfortunately, he did not mention the source for his example, but the phonetic transcription indicates that his informants likely were speakers of Western Armenian.

The normative grammars of East Armenian do not list these forms, though they may occur in some mixed non-standard varieties of Armenian, esp. with regard to Turkish speakers of West Armenian. We found out the similar case **Իմ գիրքս (Im girk's My +Book-1sg)** in the book published in Istanbul

(see: <https://www.arasyayincilik.com/urun/%D5%AB%D5%B4-%D5%A3%D5%AB%D6%80%D6%84%D5%BD-%D5%B8%D5%9B%D5%B9-%D5%A9%D5%A7-%D6%84%D5%B8%D6%82/> — accessed 28/08/2022).

indefiniteness are a special case of referentiality, and the hierarchically dominant opposition in terms of reference / non-reference is much more critical» (Plungian 1993: 173).

However, our analysis of the use of the DA in Eastern Armenian shows that the DA may not imply referentiality and is obligatory even with regard to the generic use of nouns as subjects or objects in the nominative and accusative: *Մարդը մահկանացու է. Marde mahkanats'u ē Man is mortal*). *Հիվանդությունը ստնջում է մարդուն: Hivandut'une tancum ē mardun Disease tortures ē man*). Therefore, it would be more accurate to associate the use of the DA with nominalization (substantivation) and, accordingly, with the syntactic functions of the subject and object. To clarify the nature of these functions, one can refer to cases in which the DA is used with words of other than nouns parts of speech and therefore cannot be considered a noun category and thus connected to referentiality and definiteness. In Armenian, they can acquire the syntactic and morphological characteristics of a noun; they are altered in number and cases and may be complemented by possessive articles and the DA. In these cases, substantive forms do not differ from nouns, except that they cannot be used in the so called *mode of person*, (*see above footnote 7 and chapter 4.1*). But concerning the DA, a significant difference exists — in the subject and the direct object function, these substantives can only be used with the DA.

5.1. The DA with numerals

The function of pointing out a noun phrase is very clearly manifested in the case of numerals. When numerals are used in their primary function, denoting numbers, the DA is not attached

12a. *Հինգ անգամ հինգ քսանհինգ: հինգ գումարած հինգ unuu է*

Hing angam hing k'sanhing; hing gumarats hing tas ē:

Five times five twenty-five; five plus five is ten.

However, when numerals act as a noun phrase in a sentence, then the same principles apply to them as to nouns:

12b. *Հինգը (Num_{nom+DA}) երեքից մեծ է: Hingē (Num_{nom+DA}) yerek'its' mec' ē: Five is more than three.*

5.2. The DA with infinitives

Since there are no morphological differences between nouns and adjectives in Armenian, they are similarly used while performing the function of an object or subject. The same applies to the participles. However, with regard to infinitives, a certain peculiarity exists. Infinitives are used without the DA in syntactically non-bounded forms: *Մոռանալ, Մոռանալ, Մոռանալ (Terian)* — *Moranal, moranal, moranal* — *To forget, to forget, to forget*; *Խաղալ ուրեմն խաղալ* — *Xag'al uremn hag'al to play then to play*.

In contrast, in the subject position, the infinitive, as a rule, is used with the DA:

13. *Ծխելը (Inf +DA) վնասակար է Tixel' (Inf +DA) vnasakar ē*. *To smoke is harmful,*

The deviating cases in which the infinitive in the subject position can be used without the DA may indicate some form of contrastive relationship implied by the context of the given phrase/sentence. As a rule, an inversion occurs: the predicate precedes the infinitive:

14. *Հեշտ է ասել (Inf) Hesht ē asel (Inf)* *It is easy to say* —

it is assumed that the matter is more serious than expected. Or :

15. *Քեզ համար պիտի նորից հեծեճեճի (Inf), Բայց լավագույն է քեզ հետ հող մտնել (Inf):* (Դավթակ Քերթոյ — Davtak Kertog') *K'ez hamar piti noric hetsetsel(Inf),, Bayts' lavaguyñ ē k'ez het hogh mtnel(Inf), For you to have to lament again , But it is better to enter the ground with you"*

The regular alternation between use and non-use of the DA with infinitives is possible in the object position. It correlates with the distinction between action and process. Without the DA, the infinitive represents action and may not be complemented by possessive pronouns. The infinitive with the DA represents an action as a process, as a gerund, and may accept possessive and other determinants. There is no point in looking for definiteness or referentiality in these uses as the DA serves exclusively as an indicator of nominalization:

16a. *Ես սիրում եմ ծխել (Inf) es sirum em tshel (Inf)* *I like to smoke*

16b. *Ես սիրում եմ ծխելը (Inf +DA): Es sirum em tshel' (Inf +DA)* *I like to smoke/smoking.*

5.3. The DA with interjections and auxiliary parts of speech

A word of any part of speech can be used as a substantive, and then in the positions of the subject or object the DA should be attached to it. For instance, the interjections Հայ - հայ, “Hai — Hai, (“Wau!”) Վայ - վայ “Wai-Wai” (Alas) in the following phraseological units are used as subjects, and this is marked by the DA:

14a. *հայ-հայք գնացել, վայ-վայն է մնացել hayhayē gnacel vayvayn ē mnacel* — literally *The haj — haj has gone, the vaj-vaj remains; i.e.: — good days have gone, bad days remain.*

14b. *Վայք հասել է, մեզ տարել է; Vayē hasel ē, mez tarel ē* — literally: *vay (alas) has come and taken us, i.e., The misfortune has happened.*

The Armenian translation of the Gospel demonstrates how the words *Yes* and *No* in the position of the predicate and the subject differ by the presence of the DA in the subject position and its absence in the predicate position:

15. *Թող ձեր այոն լինի այո, և ոչք՝ ոչ (Մատթ. 5:37)*

T’ogh dzer ayon lini ayo , yev voché `voch ‘

But let your ‘Yes’ be ‘Yes, ‘and your’ No ‘No’.(Matt’. 5: 37)

Even some prefixes, (for instance –հալկա, haka — anti), contra-) may be used autonomously as substantives: “*հալկան հնքն էս*” (Առավոտ, Aravot newspaper, 2007.04.21) — Hakan ink’ed es “Anti” — it’s you. The situation is similar: the DA is used in the subject and object positions and without the DA in the predicate position. Using the DA with infinitives and even with interjections and prefixes indicates that the syntactic position is decisive, and that substantivization is closely related to it. For this reason, this seems to be the most important function of the DA in modern Eastern Armenian.

6. The DA with noun predicates

The previous considerations led to the idea of connecting uses of the DA to the marking of the syntactic position of the noun phrase and not with its morphological affiliation to the class on nouns. This view is supported by the fact that in the predicate position, as a rule, nouns are used without the DA. However, in certain contexts and situations, nouns and adjectives in a predicate position must be used with the DA. This cannot be explained either by the opposition of

definiteness/indefiniteness, or by the markedness of the noun phrase. These cases manifest the more archaic indicative function, usually combined with a contrastive one. Its specific status is also demonstrated by the fact that, generally, an interpretation of such cases depends on the context and requires an explanation of underlying pragmatic presuppositions and conversational implicatures. For instance, no additional information is needed for the regular usage of a noun predicate without the DA:

16a. *Նա վարչապետ է* (Na varch’apet ē (N_{nom}) ē; He is a prime-minister).

However, when the same noun occurs in the same position with the DA

16b. *Նա վարչապետն է*, Na varch’apetn (N_{nom+DA}) ē; He is the prime-minister)

A speaker must explain what it means (for example, is he, as a prime minister, responsible for the crisis, or can he afford expensive watches, etc.). Let us give some examples taken from the Eastern Armenian Language Corpus. Thus, when the word *վարչապետ* is used and prime-minister is in a predicative position with the DA, a special context is required. In this case, the speaker had referred not to a position in the Armenian government, but to an actual person, even indicating the individual’s surname:

16c. *Միայն այն, որ Անդրանիկ Մարգարյանը վարչապետն է՝ բավարար էր* (Առավուտ Aravot newspaper, 2006.07.29) *Miayn ayn, vor Andranik Margaryanē varch’apetn (N_{nom+DA}) ē՝ bavarar ēr* Just that Andranik Margaryan is the prime minister is enough.

16 d. *ՊԱԿ-ի հետ համագործակցած Անդրանիկ Մարգարյանը անկախ Հայաստանի վարչապետն է* (N_{nom+DA}) է, — *Հայկական Ժամանակ*, Hajkakan zhamanak newspaper 2005.05.18. *PAK-i het hamagortsakts’ats Andranik Margaryanē ankakh Hayastani varch’apetn (N_{nom+DA}) ē. Collaborated with the KGB Andranik Margaryan now is the Prime minister of the independent Armenia*

16e. *Բսկ Մանուկյանի կազմած անկախ Հայաստանի առաջին կառավարությունը, որի վարչապետն էր, արտակարգ լիազորություններով, միշտ կմնա որպես ասոթալի թյուրիմացություն — Հայկական Ժամանակ*,

Hajkakan zhamanak 2006.01.28 *Isk Manukyani kazmats ankakh Hayastani arrajin karravarut'yuně, vori varch'apetn* (N_{nom+DA}) *ēr artakarg liazorut'yunnerov, misht kmna vorpes amot'ali t'yurimats'ut'yun Vazgen Manukyan's Government of Armenia, in which he was the prime minister with extraordinary powers, will remain as an unpleasant misunderstanding.*

Even if a speaker refers to an assumed person, he/she has a definite referent in mind:

16f. *իհարկէ, կասեն, որ ծեծողը վարչապետի արտաքինով էր, ուրեմն վարչապետն* (N_{nom+DA}) *էր: — Հայկական Տախանակ, Hajkakan zhamanak 2006.10.12 iharke, kasen, vor tsetsoghě varch'apeti artak'inov ēr, uremn varch'apetn ēr. Of course, they will say that the beater had Prime Minister's visage; therefore he was the Prime Minister.*

In some cases, a semantic difference between the usage and non-usage of the DA becomes more salient because it correlates with differences in lexical meanings. The predicate, instead of designating a feature or property, may also designate a person who, or object which, is endowed with that property, and due to which that person or object may be identified:

17. *Նա մեզանից խելոք (Adj) է vs Նա մեզանից խելոքն (Adj + DA) է (Na mezanits' khelok' (Adj) ē vs Na mezanic khelok'n (Adj + DA) ē — He is cleverer than we are vs He is the only clever person among us).*

In such cases, a name or adjective with the DA points to a unique object in some domain of reference which is common or familiar to communicants and cannot be used without such specification. These functions can be combined with topicalization and ostensive reference functions, and this is usually accompanied by an inversion of word order.

A similar semantic shift can be seen in the example cited by Manuk Abeghyan (1974: 431):

18a. *Նա մեզ ծառու է (Na mez (Pron_{pers1pldat}) care(N_{nom+DA}) ē*
He is a servant to us (for us)

18b. *Նա մեր ծառան է: (Na mer(Pron_{poss}) carran (N_{nom+DA}) ē*
He is our servant.)

In the example (18a), the status of the servant is referred to; in (18b) — a speaker identifies an individual as their servant. A significant change in syntactic dependence occurs: in the first

example, without the DA, the word *ծառայ* *servant* does not have an attribute. In the second, the possessive attribute *սեր*, *our* determines the mandatory use of the DA.

But only the presence of an attribute is not enough; an unambiguous individualization is required, which enables a unique referent to be distinguished. Thus, it is essential that an attribute can individualize a referent of a noun. For instance, for the attribute *վատ*, (*vat*, *bad*) as a rule, the noun form without an article must be used:

18c. *Նա վատ ծառայ է (Na vat carra (N_{nom}) ē He is a bad servant.)*

However, with the same adjective but in the superlative?, only the form with the DA can be used:

18d. *Նա ամենավատ ծառայն (N_{nom+DA}) է (Na amenavat carran ē He is the worst servant.)*

In the above-mentioned cases, the use of the DA is determined by the co-occurrence of determinants or attributes. However, the same opposition may occur if we remove the dependent words. In these cases, the usage of the DA requires contextual clarification:

18e. *Նա ծառայ է: Na carra (N_{nom}) ē He is a servant vs Նա ծառայն է: Na carran (N_{nom+DA}) ē: He is the servant.*

Therefore, in these cases (16 — 18), one can observe another manifestation of the DA. The position of the predicate blocks the article’s appearance in ordinary contexts. Still, in particular contexts, this blocking does not apply to the expression of pragma-semantic meanings, which are not connected to nominal grammatical features. However, the question arises — is it possible in these cases to refer to predication as the function of some attributive features? It can be assumed that it is not so much a predication as an indication. A noun or adjective in a predicate position singles out a certain person, performing the functions not of predication but of individuation. This becomes especially salient in cases when proper names are used in the predicate position for which an occurrence of the DA with a noun is obligatory:

19a. *Ես Ivann em Նա Իվանն է է Yes Ivann ēm Na Ivann ē I am Ivan He is Ivan*

The use of a proper name in this position without the DA changes its semantics; it acquires some characteristics of a common noun.

19b. Նա Իվանն է Նա Շեքսպիր է, *Na Ivan ē Na Shek'spir ē he is Ivan, (he is Ivan = a common Russian), he is a Shakespeare = a great play writer. Նա Չոլյանն է — Na Zolyan ē — He is Zolyan = He behaves himself as a member of Zolyan's clan.*

Using the DA with names in a predicate position leads to a previously not considered problem, namely, the connection of articles with the attributive and referential use of definite descriptions. According to K. Donnellan's distinction,

«A speaker who uses a definite description attributively in an assertion states something about whoever or whatever is the so-and-so. A speaker who uses a definite description referentially in an assertion, on the other hand, uses the description to enable his audience to pick out whom or what he is talking about and states something about that person or thing. In the first case the definite description might be said to occur essentially, for the speaker wishes to assert something about whatever or whoever fits that description; but in the referential use the definite description is merely one tool for doing a certain job — calling attention to a person or thing — and in general any other device for doing the same job, another description or a name, would do as well» (Donnellan 1966: 285).

Thus, his example “Smith's murderer is insane” allows a twofold understanding: in one case, we point to a murderer who is insane. This is a referential use. In the second, due to the circumstances of the murder, we may conclude that the unknown murderer is a madman (*ibid*). If Donnellan had used an Armenian translation of his example, it would have been easier to explain this distinction between the referential and the attributive meaning of the nominal predicates, as it is expressed through the use or non-use of the article:

19a. Մսիթթին սպանողը խելագար է (Smit'in spanolë khelagar ē) vs

19b. Մսիթթին սպանողը խելագարն է (Smit'in spanolë khelagarn ē), or, more appropriate, with inversion

19c. խելագարն է Մսիթթին սպանողը; (khelagarn ē Smit'i spanolë)

This allows us to single out one more pragma-semantic function of the article in Eastern Armenian — the distinction between attributive and referential descriptions. It is associated with the expression of definiteness, but is not reducible to it.

7. The definite article in idioms and phraseological units

The use of articles in phraseology generally does not differ from other cases. However, there is one remarkable feature. Anna Abajyan (2017: 10–11) has indicated an impact of the DA on changing the semantics in idioms and phraseological units. Using the data of the most representative phraseological dictionary (Sukiasyan, Galstyan 1975), she gives a list of phraseological units in which the use of the DA changes their meaning. For example, *Հոգի տալ* (*Hogi tal*, literally: to give a soul without the DA means ‘to be infinitely loyal’, while with the DA *Հոգին տալ* (*Hogin tal*) the same combination means ‘to die’; — *բերան գցել* *beran gcel* to throw in the mouth without the DA means to get into someone’s hands, to torment, while *բերանք գցել* *beranġ gcel* with the DA it means literally to have a small meal, and in a figurative meaning — to give a bribe; *ճանհա կտրել* to cut a path (without the DA) — to walk a track, with the DA *ճանհան կտրել* *champ’an ktel-* it means ‘to block somebody’s way. In our opinion, the following explanation may be given. The above-mentioned dictionary does not distinguish between proper idioms when meaning is not deduced from components and stable collocations when with some reservations, the meaning of the whole expression may be computed from its constituents. As one can see, in the above examples, nouns with the DA manifest their primary meaning; they may be identified with components of some concrete situations and referents. In idioms, the same noun without the DA functions as a non-actualized lexical unit, which is not relativized to a context since that context is related to the idiom as a whole.

8. Conclusions

The so-called DA in Eastern Armenian performs different functions, and the expression of definiteness is only one of them. Their functional and semantic diversity makes it challenging to identify one of them as the principal function. Maybe, a different term would be more adequate. Bearing the diachronic origin of the DA from the demonstrative/possessive pronoun *Նա* (*na*) and enclitic *-ն* (*-n*) in classical Armenian in mind, it seems to be possible to treat it as a demonstrative determinant, which barring some grammatical constraints and pragmatic circumstances can perform

various pragma-semantic manifestations and functions; some of them (very few) have been grammaticalized, most of them depend on prototypical contextual features and the communicative intention of speakers. At the same time, the only cases that can be considered grammaticalized to a certain extent are the usages of the DA in the accusative and nominative, where it mostly coincides with the functions of the object NP₂, and the subject NP₁. Apart from the accusative, the use of the article is determined not so much by the morphological sub-categorial characteristics of a noun as by parameters of communicative syntax.

We would like to point out four main types of usages of the DA.

1) The article as a marker of a noun phrase in the subject or object function — in this case, it is used with any part of speech and serves as a syntactic rather than a morphological characteristic; Possible semantic connotations (referentiality, definiteness) are optional and follow from characteristics associated with the syntactic function of the noun phrase.

2) The article as an indicator of the definiteness/indefiniteness of a name — in these cases, the article can be viewed as a grammatical category of the name that characterizes the syntactic object (including the function of an animate addressee). As a special case, this also includes cases of syntactically non-binding use of a name, although grammaticalization does not occur.

3) The article as an indicator of indicative, deictic, possessive, anaphoric and contrastive meanings — these meanings have been inherited? from the previous states of the language system and cannot be defined either as morphological or as syntactic categories; the most appropriate term to designate these syncretic functions seems to be the ‘discursive particle. These functions are particularly evident in the predicate position.

4) The inherited traits from the previous stages of discursive functions generate a new one: distinguishing between referential and attributive definite descriptions.

5) Nevertheless, grammaticalized constrain have an impact: the DA can no longer be used with nouns and substantives in indirect cases. Therefore, for all the heterogeneity of the functions performed, a certain hierarchy is possible — the basic is the substantive usage of a word, this transposes it into the category of the grammatical object. Only after substantivization, are the other more archaic pragma-semantic functions possible. Therefore, the term DA concerning is more polysemic than homonymic in Eastern Armenian: some affinities exist between its different functions and

manifestations. It may be understood as an umbrella for them, bearing in mind that the definite–indefinite distinction for some of these functions may collapse:

«Definiteness itself can expand its range of application, taking in generics, specifics etc., and a point can come at which its exponent is reanalysed as grammatically and semantically empty (perhaps leading to its being pressed into service with some other function). At this point, unless a new article emerges with a reduced function to renew the category, the definite–indefinite distinction collapses. Not only can languages acquire the category of definiteness; they can also lose it» (Lyons 1999: 340).

References

- Abajyan, Anna. 2017: Some observations on the definite article in the Eastern Armenian. *Jahukyan readings*. Int. Conf. Yerevan, June 15–16, Yerevan, “Gitutjun” Publishing, 2017, 5–14
Աբաջյան Աննա. Մի քանի դիտարկումներ արևելահայերենի որոշիչ հոդի մասին. *Ջահուկյանական ընթերցումներ*. Ինտ. Կոնֆ. Երևան, 15-ից հունիսի 15-ը, 2017 թ. Երևան, “Գիտություն” հրատարակչություն, 2017 թ., 5–14. In Armenian.
- Abeghyan, M. 1974: *Works, volume V. Theory of the Armenian language* Yerevan. Publishing house of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1974.
Աբեղյան Մանուկ. *Երկեր, Հ. Զ Հայոց լեզվի տեսություն*, Երևան: ՀՄՍՀ ԳԱ հրատ. In Armenian
- Abrahamyan, S. G. 1960: The definite article in modern Armenian; — *Bulletin of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, Social Sciences*. 1 . 73–82.
- Աբրահամյան Ս. Գ. Ժամանակակից հայերենի որոշիչ հոդը; — *Հայկական ՍՍՏԲ Գիտությունների Ակադեմիայի տեղեկագիր, Հասարակական գիտություններ*. 1. 1960, 73–82. In Armenian
- Acharyan, Gr. 1957: *Complete grammar of the Armenian language in comparison with 562 languages, vol. 3*, Yerevan, Publishing house of the Academy of Sciences of the Armenian SSR.
Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի՝ համեմատությամբ 562 լեզուների, հ. 3, Երևան, ՀՄՍՀ ԳԱ հրատ; 1957 — In Armenian
- Adonts, N. 1915: *Dionysius of Thrace and Armenian Interpreters*. (Series “Collection of ancient Armenian and ancient Georgian texts published by the Imperial Academy. V. IV) Petrograd., СХСIII, 307
Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. (Серия “Собрание древне-армянских и древне-грузинских текстов, издаваемых Имп. АН”. IV) Пг., 1915. СХСIII, 307 стр. In Armenian.

- De Mulder, W., Carlier, A. 2011: The grammaticalization of definite articles. In Bernd Heine & Heiko Narrog (eds.), *The Oxford handbook of grammaticalization*, Oxford: Oxford University Press, 522–535.
- Diewald, G. 2011a: Grammaticalization and pragmaticalization. In: Heiko Narrog & Bernd Heine (eds.). *The Oxford handbook of grammaticalization*, Oxford: Oxford University Press, 450–461.
- Diewald, G. 2011b: Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions. *Linguistics* 49, 2: 365–390.
- Diessel, Holger. 1999: *Demonstratives. Form, function and grammaticalization*. John Benjamins Publishing, <https://doi.org/10.1075/tsl.42>
- Dionysios, Th. 1874: *The Grammar*, Translated From The Greek By Thomas Davidson. St. Louis
- Dryer, M. S. 2005: Definite articles. In: Martin Haspelmath, Matthew S. Dryer, David Gil & Bernard Comrie (eds.). *The world atlas of language structures*. Oxford: Oxford University Press, 154–157.
- Donnellan, K. S. 1966: Reference and definite descriptions. *The Philosophical Review*, Vol. 75, No 3, 281–304.
- Dum-Tragut, J. 2009: *Armenian: Modern Eastern Armenian* [London Oriental and African Language Library, 14]. xv, 742 pp. John Benjamins Publishing. <https://doi.org/10.1075>
- Greenberg, J. 1990: How does a language acquire gender markers? In: Keith Denning & Suzanne Kemmer (eds.), *On language: Selected writings of Joseph H. Greenberg*, Stanford: Stanford University Press, 241–270.
- Heine, Bernd. 2018: Are there two different ways of approaching grammaticalization? In: Sylvie Hancil, Tine Breban & José Vicente Lozano (eds), *New Trends on Grammaticalization and Language Change* [Studies in Language Companion Series 202], Amsterdam: John Benjamin, 23–54.
- Heine, B., Kuteva, T. 2007: *The Genesis of Grammar: A Reconstruction*. (Studies in the Evolution of Language, 9.) Oxford: Oxford University Press.
- Hopper, P. J., Traugott E. C., 2003: *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jahukyan, G. B. 1974: *The Foundations of the theory of the modern Armenian*. The Publisjng of the Academy of Sc of the Armenian SSR., Yerevan, 587 p.
 Ջահուկյան . Գ . Բ . *Ժամանակակից հայերենի տեսության հիմունքները*: Հայկական ՄՍՀ Գիտությունների Ակադեմիային հրատարակչություն, Երևան, 1974. 587. In Armenian
- Jahukyan, G. B. 1978: Linguistics in Armenia in the V–XVIII centuries. In: Jahukyan, G. B. *General and Armenian linguistics*. Yerevan, The Publisjng of the Academy of Sc of the Armenian SSR, Yerevan, 258–329.

- Джаукян, Г. Б. Языкознание в Армении в V–XVIII вв. In: Джаукян, Г. Б. *Общее и армянское языкознание*. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, Ереван, 1978. 258–329. (In Russian)
- Kagirova, V. A. 2013: *The definite article in the modern Eastern Armenian language: typology and diachrony*: PhD theses, St-Petersburg, Кагирова В. А. *Определенный артикль в современном восточноармянском языке: типология и диахрония*: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2013. (In Russian).
- Khachatryan, A. 1975: Some peculiarities of the definite article of the Armenian language. *Lraber*, 100–109. Խաչատրյան Ա. Հայերենի որոշիչ հոդի մի շարք առանձնահատկություններ. *Լրաբեր* 1975, 100–109 (In Armenian).
- König, Ekkehard. 2018: Definite articles and their uses. *Aspects of Linguistic Variation*, edited by Daniël Olmen, Tanja Mortelmans and Frank Brisard, Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 165–184. <https://doi.org/10.1515/9783110607963-006>
- Meillet, A. 1936: *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*. Vienna: PP Mekhitharistes.
- Lyons, Ch. 1999: *Definiteness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mendoza, I., 2021: “Definiteness (Morphological)”, in: *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*, Editor-in-Chief Marc L. Greenberg, Consulted online on 17 January 2022. First published online: 2021
- Meyer, Robin. 2019: An Uncomfortable Compromise: Armenian and the τέχνη γραμματική // Wolfson College | University of Oxford. *Armenia & Byzantium: Perspectives on Cultural and Political Relations* 23 March https://rbnmyr.eu/wp-content/uploads/2019/03/Dionysios_paper_rm_2203192133.pdf — accessed 07/07/2021
- Muradian, Parujr. 1980: The Problem of the Translator and Interpreter of the Grammar of Dionysius of Thrace. *Patma-banasirakan handes*, 3, 68–87.
Մուրադյան, Ա. Ն. (*Դիոնիսիոս Թրակացու քերականության թարգմանչի և մեկնիչի հարցը*. Պատմա-բանասիրական հանդես, 3, 68–87. (In Armenian).
- Müth, Angelika. 2011: Categories of definiteness in classical Armenian. In: Eirik Welo (ed.) *Indo-European syntax and pragmatics: contrastive approaches*, Oslo Studies in Language 3(3), 11–25
- Petrosyan, H. Z. 1960: *The aspects of the definite, indefinite, person's and object's modes in Armenian*, Yerevan., Arm. SSR Academy of Sciences Publishing, 170 p.
Պետրոսյան Հ.Զ., Որոշյալի և անորոշի, անձի և իրի առումները հայերենում, Ե., ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ., 1960, 170 էջ:) (In Armenian).
- Plungyan, V. A. 2011: *Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages*. M.: Russian State University for the Humanities, 672 p.

- Плунгян, В. А., Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011 (In Russian).
- Sukiasyan, A. Galstyan, S. 1975: *Phraseological Dictionary of the Armenian Language*, Yerevan State University Publishing House, Yerevan, 614 p.
- Սուքիասյան Ա., Գալստյան Ս. Հայոց լեզվի դարձվածաբանական բառարան, Երևանի պետական համալսարանի հրատարակչություն, Երևան, 1975, 614 էջ (In Armenian).
- Traugott, E. C., Ekkehard K. 1991: “The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited”. In Traugott, E. C., Heine, B. (eds.) *Approaches to Grammaticalization*, Vol. 1, 189–218.
- Tumanyan, E. G. 1963: *Articles in the modern Armenian language*. М.; Yerevan: Yerevan State University Publishing House, 225 p.
- Туманян Э. Г. Артикли в современном армянском языке. М.: Ереван: Изд-во Ереванского государственного университета, 1963. 225 с. (In Russian)
- Tumanyan E.G. 1971: *The Old Armenian language*. Moscow: Nauka.
- Туманян Э. Г. Древнеармянский язык. М.: Наука, 448 с. (In Russian)
- Zolyan, S. 2021: On pragma-semantics of expressives: Between words and actions. *Studies at the Grammar-Discourse Interface: Discourse markers and discourse-related grammatical phenomena*. Eds.: Alexander Haselow and Sylvie Hancil. *Studies in Language Companion Series*, 245–271
<https://doi.org/10.1075/slcs.219.09zol>

И. И. Ибрагимов

ИЛИ РАН / Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, ibragimov.lectures@yandex.ru

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ИМПЛИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В статье с типологических позиций рассматриваются некоторые закономерности выражения отношений обусловленности в древнегреческом языке V–IV вв. до н. э. В свете имеющихся истолкований семантики имплицативных конструкций рассматриваются предложения цели, обсуждается взаимосвязь их значения с семантикой конструкций с глаголами стремления/заботы и страха, а также предложений причины и следствия. Делаются предположения по поводу функционирования целевых конструкций в древнегреческом языке с отрицанием в зависимой клаузе, связанные с эксплицитностью выражения субъекта зависимой клаузы и кореферентностью субъектов главной и зависимой клауз. Намечаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: имплицативные конструкции, предложения цели, синтаксис древнегреческого языка, лингвистическая типология.

I. I. Ibragimov

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia ibragimov.lectures@yandex.ru

Ancient Greek circumstantial clauses in typological perspective

The article examines — from a typological perspective — some patterns of expression of circumstantial relations in Ancient Greek of the 5th–4th centuries BC. Purpose clauses are considered in light of interpretations of the semantics of implicative constructions; the relationship of their meaning with the semantics of effort and fear clauses, as well as sentences of cause and result, is discussed. Assumptions are made about the functioning of purpose constructions in Ancient Greek with negation in the dependent clause, related to the explicitness of the expression of the subject of the dependent clause and the coreference of the subjects of the matrix and dependent clauses. Prospects for further research are outlined.

Keywords: circumstantial clauses, purpose subordinate clauses, Ancient Greek syntax, linguistic typology.

1. Введение

В существующих исследованиях древнегреческого языка, посвященных предложениям с семантикой обусловленности (импликативности), имеющиеся типы конструкций рассматриваются преимущественно вне взаимосвязи друг с другом. Вместе с тем, очевидны общность грамматических средств этих конструкций и взаимосвязь их семантики. Системы грамматических показателей, стратегий кодирования отношений обусловленности в языках мира, а также закономерности, связанные с их развитием, в последние десятилетия анализируются в целом ряде работ в области лингвистической типологии¹. В этой связи анализ материала древнегреческого языка представляет несомненный интерес с точки зрения его соотнесенности с выявленными закономерностями.

2. Семантика отношений обусловленности

Наиболее соответствующей целям данной работы представляется классификация обстоятельственных показателей, предложенная Б. Кортманном (Kortmann 1997). Выделяя среди них подгруппу импликативных маркеров, мы приходим к следующему перечню значений: причина ('because'), условие ('if'), условие с отрицанием ('unless'), уступительное условие ('even if'), уступка ('although'), следствие ('so that'), цель ('in order that'), цель с отрицанием ('lest'). Объединив наиболее близкие по значению элементы списка, получаем традиционный набор из пяти типов показателей обусловленности (или соответствующих им конструкций): цели, причины, следствия, условия и уступки.

Семантика импликативных конструкций по необходимости включает смысловые компоненты, связанные с причинно-следственной связью и каузацией. Рассмотрим определения рассматриваемых конструкций, имея в виду, что целевые конструкции находятся в фокусе нашего рассмотрения. Дать логическое или когнитивное определение понятиям условия и причины, по-видимому, невозможно, поскольку они близки к семантическим примитивам (Boguslavskaya, Levontina 2004: 68). Вместе с тем, разницу между этими двумя значениями можно сформу-

---

¹ См., например, Kortmann 1997; Schmidtke-Bode 2009; Martovicz 2011.

лизовать в терминах *знания* говорящим о наличии ситуации, являющейся посылкой того или иного следствия. Именно, в отличие от условной конструкции, причинное предложение подразумевает знание говорящим о том, что посылка имеет/имела/будет иметь место. В частности, «знание о будущем возможно в тех случаях, когда речь идет о запланированных событиях, повторяющихся с известной закономерностью, иначе говоря — о событиях, которые в рамках заданной картины мира должны непременно произойти» (Podlesskaya 1995: 78).

С причинными и условными конструкциями коррелируют уступительные конструкции, распадающиеся на два подтипа: уступительные и условно-уступительные конструкции. В отличие от причинных и условных конструкций, причинная и условная «уступка имплицитно подразумевает неожиданное, противоречащее здравому смыслу следствие» (Храковский 2004: 12). Как и в случае с причинными/условными предложениями, признак «известность/неизвестность для говорящего» позволяет, например, в речи о будущем различать уступительные и условно-уступительные предложения (Podlesskaya 1995: 78).

Целевые отношения можно определить, используя понятие причины как семантический примитив. Для сравнения предложений цели с другими имплицативными конструкциями плодотворными представляются два определения². Первое из них используется в ряде работ типологической направленности: цель — это причина действия, «сформулированная в терминах запланированного результата (*intended outcome*) этого действия» (Jackson 1995: 57). Также мы будем учитывать интерпретацию понятия цели, предложенную Ю.Д. Апресяном: «цель — это то, что некто хочет (содержание чьего-л. желания) и считает, что может каузировать (результат каузации) с помощью имеющихся в его распоряжении ресурсов» (Апресян 1974: 129). В определении Ю. Д. Апресяна нет слова «причина», но есть слова *каузировать* «действовать в качестве причины» и *каузация* «процесс причинного воздействия». Таким образом, целеполагание всегда подразумевает причину: «в понятие цели

---

² Так как наша задача — выявление общих смысловых компонентов семантики имплицативных конструкций, вопрос сравнительной оценки разных толкований значения таких конструкций находится вне нашего рассмотрения.

идея причины входит дважды: при целенаправленной деятельности, с одной стороны, человек готов совершить определенные действия, потому что считает, что они приведут к желаемому результату, с другой стороны, желаемый результат достигается, потому что совершаются определенные действия» (Boguslavskaya, Levontina 2004: 70).

3. Типы древнегреческих имплицативных конструкций и некоторые особенности их семантики

В данной работе мы рассматриваем как бипредикативные, так и именные конструкции. В именных имплицативных конструкциях ситуация, по отношению к другой ситуации играющая роль причины, цели, условия или уступки, синтаксически представлена в виде именной группы. Что касается следствия, то нам неизвестны случаи выражения этого значения средствами именной группы. Возможно, это связано со следующей закономерностью: «отображая причинно-следственные отношения, язык обращает большее внимание на первый член этой пары» (Boguslavskaya, Levontina 2004: 68).

Таблица 1. Формальные типы и показатели имплицативных конструкций в древнегреческом языке

	Сложноподчиненное предложение			Предложение, осложненное причастным оборотом	Именные конструкции	Сочинительные конструкции / соположение клауз
	Обстоятельное	Дополнительное	Относительное			
Цель	ἵνα, ὁπως, ὡς, μή, εἰ	ὅτι, ὡς	ὅς, ὅστις	ὡς	διὰ, ἐνεκα, γάρην, πρός	-
Причина	διότι, ὅτι, ἐπει/ἐπειδή, ὁπότε, ὡς, εἰ, ὁπως, εἴτε	ὅτι	ὅς, ὅστις	ὡς, ἅτε, οἷα, οἷον	ἐνεκα, γάρην, διὰ, ἐπί, ἀπό, ἐκ и другие предлоги	γάρ
Следствие	ὥστε, ὡς (последнее с οὕτως, τοιοῦτος в главной клаузе)	-	ὅστις, οἷος (с οὕτως, τοιοῦτος в главной клаузе)	-	-	ὥστε, οὖν, τοιγαροῦν, τοιγαῦτος, τοίνυν, διὰ ταῦτα, διό διή
Условие	εἰ, ἐφ' ὧτε, ἐπί τοιόδε, ὥστε	-	ὅς, ὅστις	без специализированных маркеров	ἐπί	-
Уступка	καί εἰ/εἰ καί, οὐδ' εἰ	-	ὅς, ὅστις	καίτε, καί, καί ταῦτα	ἐπί	ὁμως, οὐδ' ὡς, καί ὡς, οὐδέν/μηδέν ἦσσον, δ' οὖν

Говоря о классификации бипредикативных (биклаузных) конструкций, общепринятым можно считать их деление на четыре типа: (1) сочинительные конструкции, маркирующие симметричные отношения между двумя ситуациями, и подчинительные конструкции, в которых зависимая клауза представляет

собой придаточное предложение (2) дополнительное, (3) относительное и (4) обстоятельственное, см., например, (Martovicz 2011: 1). В древнегреческом языке все четыре типа бипредикативных конструкций могут выражать имплицативные значения, но не каждому типу потенциально свойственны все имплицативные значения, см. таблицу 1.

Прежде чем рассмотреть целевые предложения в сопоставлении с другими имплицативными конструкциями, необходимо остановиться на особенностях двух конструкций, близких к целевым, которые традиционно выделяются в грамматических описаниях древнегреческого языка. Речь идет о конструкциях с глаголами стремления/заботы и страха, которые семантически близки к целевым сложноподчиненным предложениям и частично пересекаются с ними по своему формальному строению:

Ar.Vesp.1358 ταῦτ' οὖν περὶ μου δέδοικε μὴ διαφθαρῶ.
...он боится за меня, как бы я не развратился...

Xen.An.4.6.10 τοῦτο δεῖ παρασκευάσασθαι, ὅπως ὡς κρᾶτιστα μαχοῦμεθα
...готовиться нужно к тому, чтобы сразиться наилучшим образом.

Thuc.1.99.3 ...οἱ πλείους αὐτῶν, ἵνα μὴ ἀπ' οἴκου ᾗσι, χρήματα ἐτάξαντο ἀντὶ τῶν νεῶν...
...их них большинство, чтобы не удаляться с родины, обложили себя денежной данью вместо доставки кораблей...

Строго говоря, конструкции с глаголами страха не являются целевыми. В отличие от желания или эмоции, для целеполагания необходима интенция, которая понимается как задуманный план действий. Тем не менее, целевые предложения и конструкции с глаголами страха обладают общими смысловыми компонентами, чем и объясняется их формальная общность. Если цель одновременно представляет собой причину действия и запланированный результат этого действия, то в конструкциях с глаголами страха ситуация зависимой клаузы также является причиной, но не действия, направленного на ее осуществление, а эмоций и мыслей по поводу желательности ситуации зависимой клаузы. Таким образом, к подобным предложениям определение целевых конструкций отчасти приложимо — с учетом того, что в главной клаузе описывается не действие, а внутреннее

состояние человека. Осуществление намерения здесь «редуцировано» до желания или эмоции, стоящей за ним.

В большей степени сближаются с целевыми предложениями конструкции с глаголами стремления/заботы, семантика которых предполагает намерение субъекта главной клаузы конструкции относительно ситуации зависимой части конструкции.

Перейдем к анализу целевых конструкций в древнегреческом языке в свете имеющихся данных лингвистической типологии.

В работе, посвященной типологии конструкций с семантикой цели, содержится следующее наблюдение: «в глаза бросаются две тенденции: во-первых, существуют повторяющиеся совпадения в кодировании цели и некоторых других обстоятельственных функций, особенно причины и следствия; во-вторых, во многих языках целевые предложения отличаются от всей совокупности обстоятельственных предложений в ряде важных и разнообразных структурных аспектов и, таким образом, заметно отличаются от «системы» обстоятельственных отношений» (Schmidtke-Bode 2009: 151).

Очевидное семантическое основание для этих утверждений заключается в следующем. Согласно одному из определений целевых конструкций, приведенных выше, цель — это *причина* действия, сформулированная в терминах запланированного *результата* этого действия. Отсюда частичное совпадение показателей трех типов конструкций и особое положение целевых предложений в силу большей сложности их семантики. Так, предлог ἕνεκα ‘в отношении’, ‘за счет’, ‘ради’, ‘вследствие’, ‘по причине’ демонстрирует значения цели и причины:

Plat.Symp.185b ...ἀρετῆς γ' ἕνεκα καὶ τοῦ βελτίων γενέσθαι πᾶν ἄν παντὶ προθυμηθεῖη...

...ради того, чтобы стать лучше и совершеннее, он сделает для кого угодно всё, что угодно...

Xen.An.5.8 ...ὁμολογῶ παῖσαι δὴ ἄνδρας ἕνεκεν ἀταξίας...

Я признаю, что бил солдат за отсутствие дисциплины.

Будучи компонентом клаузального показателя, ἕνεκα также демонстрирует причинную или целевую семантику в зависимости от значения основного компонента показателя. При употреблении союза ὅπως ‘чтобы’, основное значение которого целевое, предложение также интерпретируется как целевое:

Hdt.1.17. τὰς δὲ οἰκίας οὐ κατέβαλλε ὁ Λυδὸς τῶνδε εἵνεκα, ὄκως ἔχοιεν ἐνθεῦτεν ὀρμώμενοι τὴν γῆν σπεῖρειν τε καὶ ἐργάζεσθαι οἱ Μιλήσιοι, αὐτὸς δὲ ἐκείνων ἐργαζομένων ἔχοι τι καὶ σίνεσθαι ἐσβάλλων.

Домá же лидийский <царь> не разрушал для того, чтобы милетяне могли, живя в них, оттуда вновь засеять и вспахать свои поля и чтобы сам он, когда они вновь обрабатывают землю, мог при <следующем> набеге опять опустошить их.

Если в состав показателя с предлогом ἔνεκα входит целевой союз ἵνα ‘чтобы’, возможно только целевое истолкование зависимой клаузы:

Hdt.8.40. τῶνδε δὲ εἵνεκα προσεδεήθησαν αὐτῶν σχεῖν πρὸς Σαλαμίνα Ἀθηναῖοι, ἵνα αὐτοῖ παῖδάς τε καὶ γυναῖκας ὑπεξαγάγωνται ἐκ τῆς Ἀττικῆς, πρὸς δὲ καὶ βουλευῶνται τὸ ποιητέον αὐτοῖσι ἔσται.

Остановиться же у Саламина афиняне попросили их с той целью, чтобы вывезти жен и детей из Аттики в безопасное место, а также держать совет, какие действия им предпринимать.

Интересная закономерность, выявленная К. Шмидтке-Боде, касается конструкций «цели с отрицанием» (в терминах Б. Кортманна, см. выше). На материале 80 разноструктурных языков показано, что доля эксплицитно выраженных субъектов зависимой клаузы в конструкциях цели с отрицанием почти в два раза выше, чем в конструкциях с «положительной» целью (Schmidtke-Bode 2009: 132). Кроме того, доля кореферентных субъектов главной и зависимой клауз в конструкциях с отрицанием почти в пять раз ниже, чем в конструкциях с «положительной» целью (Schmidtke-Bode 2009: 133).

Рассуждая априорно, можно объяснить такие соотношения прагматическими факторами. Вполне ожидаемо, что в конструкциях с «положительной» целью часто нет необходимости в эксплицитном субъекте зависимой клаузы именно по той причине, что он совпадает с субъектом главной клаузы, как в целевых причастных оборотах в древнегреческом языке:

Thuc.1.18.2 ... ὁ βάρβαρος τῷ μεγάλῳ στόλῳ ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα δουλωσόμενος ἦλθεν.

...персы явились в Элладу с огромным войском с целью поработить ее.

Вместе с тем, действия субъекта (в прототипическом случае, агенса) главной клаузы целевых конструкций с отрицанием направлены на то, чтобы ситуация зависимой клаузы не имела места, так что в нормальном случае агенс такой ситуации — это не тот, кто стремится ее избежать. Напротив, кореферентность субъектов главной и зависимой клауз целевой конструкции с отрицанием имеется, например, в тех случаях, когда соответствующий субъект зависимой клаузы не является агенсом, а таких случаев, как можно ожидать, значительно меньше, чем употреблений с агентивным субъектом:

Plat.Ap.28d ...‘αὐτίκα,’ φησί, ‘τεθναίνην, δίκην ἐπιθείς τῷ ἀδικοῦντι, ἵνα μὴ ἐνθάδε μένω καταγέλαστος...

«...умереть бы, — говорит он, — мне тотчас, покарвав обидчика, только бы не оставаться еще здесь посмешищем...».

Безусловно, сделанные предположения нуждаются в проверке с привлечением достаточно репрезентативного языкового материала.

4. Заключение

В статье была сделана попытка дать объяснение некоторым закономерностям функционирования целевых предложений на фоне других конструкций с семантикой обусловленности, а также проиллюстрировать обобщения, полученные в работах по типологии, на материале древнегреческого языка.

Еще одна цель данной работы — показать перспективность изучения синтаксиса древнегреческого языка с привлечением данных лингвистической типологии. За пределами нашего рассмотрения остались многие интересные явления, в частности, связанные с диахронией имплицативных конструкций: формирование подчинительных конструкций из сочинительных в древнегреческом языке в сопоставлении с данными языков разного строя, а также развитие имплицативных маркеров из праиндоевропейских показателей *ie/o- и *k^we/o- (Pepicello 1982),

что находит параллели в языках различного строя (Schmidtke-Bode 2009: 195).

Литература

- Apresyan, Yu. D. 1974. [*Lexical semantics.*] Moscow: Nauka.
Апресян, Ю. Д. 1974: *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. М., 1974.
- Boguslavskaya, O. Yu., Levontina, I. B. 2004: [The meanings 'REASON' and 'GOAL' in natural language]. *Voprosy Yazykozvaniya*. № 2, 68–88.
Богуславская, О. Ю., Левонтина, И. Б. 2004: Смыслы 'ПРИЧИНА' и 'ЦЕЛЬ' в естественном языке. *Вопросы языкознания*. № 2, 68–88
- Jackson, H. 1995: *Grammar and Meaning: A Semantic Approach to English Grammar*. London: Longman.
- Kortmann, B. 1997: *Adverbial subordination: a typology and history of adverbial subordinators based on European languages*. Berlin: de Gruyter.
- Martowicz, A. 2011: *The origin and functioning of circumstantial clause linkers: A cross-linguistic study*. Ph.D. diss. Edinburgh: Univ. of Edinburgh.
- Pepicello, W. J. 1982: On the sources of Indo-European conjunctions of purpose, cause and result. In: *Papers from the 5th International Conference on Historical Linguistics*, A. Ahlqvist (ed.), 256–64. Amsterdam: John Benjamins.
- Podlesskaya, V. I. 1995: [Implicative constructions: some problems of typological classification.] *Voprosy Yazykozvaniya*. № 6, 77–84
Подлеская, В. И. 1995. Имплицативные конструкции: некоторые проблемы типологической классификации. *Вопросы языкознания*. № 6, 77–84
- Schmidtke-Bode, K. 2009: *A Typology of Purpose Clauses*. Amsterdam: Benjamins.
- Xrakovskij V. S. (ed.). 2004: [*Typology of concessive constructions.*] *Tipologiya ustupitel'nykh konstruksii*. St. Petersburg: Nauka.
Храковский, В. С. (ред.). 2004: *Типология уступительных конструкций*. СПб.: Наука.

В. А. Иванов

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, v.v.a.ivanoff@yandex.ru

ПОДРАЗУМЕВАЕТСЯ ЛИ ПОДМЕННЫЙ РИТУАЛ В ТЕКСТАХ ТРАДИЦИИ ГОРОДА ТАУРИСЫ?

В литературе высказывалось предположение, что лувийский мифологический нарратив из найденной в Хаттусе клинописной таблички-сборника КВо 43.223+ (СТН 764) содержит описание подменного обряда, а именно создания горшка, функционирующего как ритуальный заместитель для больной головы человека (КВо 43.223+ об. ст. iii 17'–20', СТН 764). В данной работе демонстрируется четырёхчастная структура хетто-лувийских заговоров традиции города Таурисы (СТН 764–766), к которой принадлежит обсуждаемый фрагмент. Анализ сюжетных параллелей показал, что данный пассаж не может содержать описание подменного обряда, а описывает вред, который нанесла человеку персонифицированная болезнь.

Ключевые слова: Хеттский язык, лувийский язык, хеттская религия, лувийская религия, традиция Таурисы, миф, мифологический нарратив, заговоры, подменный ритуал.

Valerii A. Ivanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, v.v.a.ivanoff@yandex.ru

Is the substitute ritual implied in the Tauriša tradition?

The Hittite-Luwian cuneiform text KBo 43.223+ (CTH 764) found in Hittite capital Ḫattuša contains at least two mythological narratives, which belong to the so-called Tauriša tradition (CTH 764–766). In recent scholarship one can find an interpretation of the Luwian passage (KBo 43.223+ rev. iii 17'–20', CTH 764), which describes a pot as a head of the patient, as a substitution rite. However, structural parallels with the other texts from the Tauriša tradition, which all belong to the genre of conjurations, show that all their mythological narratives consist of four phases. The Luwian passage under discussion is a part of the third phase, where a divine report about the disaster is preserved, whereas the measures for treating the patient are typically contained in the fourth phase. The change of number in the verbal forms reflects the role of divine attendants of the disease, which finds parallels in other texts of the Tauriša tradition as well. Thus, passage (KBo 43.223+ rev. iii 17'–20', CTH 764) need not be interpreted as description of a substitution rite based on either textual or linguistic features.

Keywords: Hittite-Luwian texts, cuneiform Luwian, Tauriša tradition, Luwian language, Hittite religion, Luwian religion, conjurations, mythological narratives, substitution rituals.

Многие из хетто-лувийских текстов, найденных в архивах хеттской столицы Хаттусы-Богазкёя, записанных клинописью на глиняных табличках и содержащих мифологические нарративы (СТН 764–766), принадлежат к так называемой традиции города Таурисы¹. Эти тексты объединены исследователями в единый корпус на основе общих черт в пантеоне, языке, наборе ритуальных формул и целей их применения (Mouton, Yakubovich 2021: 38–46). В данном исследовании будет рассмотрен один сюжет, принадлежащий к мифологическим нарративам, главными героями которых являются боги таурисийской триады — бог Защитник города Таурисы и его родители: бог Солнца и богиня Камрусепя. Все эти тексты имеют единую структуру: сначала рассказывается о произошедшем катаклизме космического или локального характера, отразившемся на здоровье человека, затем один из богов таурисийской триады интересуется, что случилось, после чего ему пересказывают историю о несчастье, а в конце боги находят решение, восстанавливают мировой порядок и исцеляют больного.

Колофоны глиняных табличек сообщают, что данные тексты относятся к особому жанру — заговорам, — обозначаемому хеттским термином *ḫukmai-* или его аккадским аналогом *ŠIPTU* (HEД Н: 326)². Такие тексты отличны от ритуалов (шум. SISKUR): они не имеют авторства, меньше по объёму, в них отсутствуют описания ритуальных действий — вероятно, эти тексты необходимо было произносить параллельно с приготовлением лекарства (Mouton, Yakubovich 2021: 40). Палеографический анализ показывает, что все тексты традиции Таурисы относятся к Среднехеттскому (XV–XIV вв. до н. э.) и Новохеттскому (XIV — начало XII вв. до н. э.) периодам (Starke 1985: 218–221).

В литературе высказывалось предположение, что один из текстов традиции Таурисы содержит описание подменного обряда

---

¹ Все тексты, найденные в архивах Хаттусы-Богазкёя, имеют привязку к определённому номеру СТН (*Catalogue des textes hittites*, см. список СТН на сайте Майнцского хеттологического портала URL: <https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/CTH/> дата обращения 06.02.2024). Номер СТН присваивается согласно жанровым, языковым, авторским и прочим особенностям текста. Каталог, в целом, основан на практике, принятой в: Lagroche 1971.

² Названия композиций в текстах СТН 764–766 представлены, например, во фрагментах КВо 12.100 об. ст. 9' 2 *ŠI-PÁT QA-TI* 'Два заговора. Конец', КВо 8.130+ об. ст. iii 22"–23" *ki-i ŠI-PÁT ma-a-an MUNUS-za ar-ma-[iz-zi ...] / a-uš-zi na-an*^{LU} *A.ZU ki-iš-ša-[an ḫu-uk-ki-iš-ke-ez-zi]* 'Это заклинание: если беремен[ная] женщина [во сне ...] / видит, её врач так [заговаривает]'.

— особой ритуальной практики, состоящей в перенесении нечистой субстанции с заказчика ритуала на ассоциирующегося с ним носителя скверны, который затем уничтожался или изгонялся в дикую местность (Kümmel 1967: 2; Gurney 1977: 52; Haas 1994: 895–896; Soysal 2004: 103–104, п. 11). Обсуждаемый пассаж находится на табличке-сборнике КВо 43.223+ (СТН 764)³, где представлены по меньшей мере два мифологических нарратива о пире богов: первый переведён на хеттский язык (КВо 43.223+ лиц. ст. i 1'–ii 3'), второй записан по-лувийски (КВо 43.223+ об. ст. iii 1'–27'). В первой истории бог Грозы приглашает богов на пир, но забывает о Великом боге. Тот злится и начинает разрушать окружающий мир, также смешивая «члены и голову человеческого ребёнка», от чего они «горят огнём». Бог Солнца интересуется, что произошло, и бог Защитник города Таурисы пересказывает ему эту историю. Дальнейшее повествование находится в лакуне. Вторая история рассказывает о пире, который устроил бог Солнца. В этот раз на пир не пригласили болезнь глаз и головы, которая злится и начинает вредить человеку. Далее описаны некие манипуляции с горшком и пожар, после чего текст обрывается. Именно махинации с горшком, по мнению исследователей, и могут представлять собой подменный ритуал.

КВо 43.223+ об. ст. iii 17'–20', СТН 764.

[...] SAG.DU-aš-ši-iš IGI.ḪIA-wa-aš-ši-iš GIG-an-ṛte-eš¹⁷

[...] -x tar-pí-i-ta a-wa DUMU.LÚ.U₁₉.LU-in SAG.DU-in DUGÚTUL-ṛin¹

[ma-al-ḫu-w]a-an-da a-wa-at-ta IGI.ḪIA-wa a-an-da ú-wa-ar-ša lu-u-wa-an-d[a]

[a-wa-at-t]a ṛma¹-an-na-wa-an-ni-in a-an-da ta-am-ma ku-u-ša-a-in-ta

‘Болезнь глаз и головы *tarpīta* [...]. Голову человеческого ребёнка (как) горшок [разби]ли. В глаза воду налили. На носу порезы сделали (дословно: вырезали).’

Лувийский глагол *tarpī-* был проинтерпретирован исследователями в значении ‘замещать’, а упоминание горшка и головы в данном параграфе было расценено как параллель одному из обрядов, включенных в хетто-лувийский ритуал из традиции Куватталлы (СТН 762), где горшок также играет роль заместителя человеческой головы (Josephson 1979: 181–182)⁴. В последующей

³ Транслитерацию и перевод текста см. в: Steitler 2017: 388–394.

⁴ Автор указывает на лувийскую фразу *ḫarmaḫaššiš tarpāšša* ‘заместитель головы’ из (СТН 762.2, KUB 35.70 лиц. ст. ii 23); см. также фрагменты, принадлежащие к этому же корпусу текстов (СТН 759.12, KUB 35.71+ лиц. ст. ii 3; СТН 762.1.k, КВо 29.63 г.col. 6'), изданному в Yakubovich, Mouton 2023. Следует отметить, что обозна-

литературе указывалось, что глагол *tarpī-* не обозначает процесс замещения, а описывает негативные действия болезни по отношению к человеку⁵, однако интерпретация всего пассажа как описания подменного ритуала сохранилась (Steitler 2017: 398–399).

Чтобы точнее определить смысл данного параграфа, представляется необходимым рассмотреть его в контексте структуры, по которой построены все заговоры, принадлежащие к хетто-лувийской традиции города Таурисы. Композиция текста заговора на фрагменте КВо 12.89 имеет наиболее полную сохранность, и поэтому в данной работе она будет представлять собой образец.

КВо 12.89⁶

лиц. ст. 1'–7'

[Он собрал великих богов, он собрал] малы[х богов, он собрал чи]стых орло[в. Свобо]дного [места?] не было. Они [с]ели [на окна]. Они вы[шли, — там вете]р. Они вошли, — [там дым].

лиц. ст. 8'–10'

[...] выпускает дым. Они ругаются, богохульствуют. Камрусепа посмотрела с неба вниз: «А что это (случилось)?»

лиц. ст. 11'–20'

«[Великий бог] Солнца устроил пир. Он [соб]рал великих [богов], [он собрал] малых богов, он собрал чистых орлов. [Свобод]ного [места?] не было. Они [сели] на ок[на]. Они вышли, — там ветер. [Они вош]ли, — там дым. [...] выпускает дым. [Они] ругают[ся, богохульствуют]. А теперь у сына человеческого глаза [...]. Он ругается, [богохульствует]». [...] заклин]ает. «[Мы] также [берём] это [для] вс[ех]».

об. ст. 1–2

[...] его [...] и [...] его не движается.

об. ст. 3–8

«Мы также берём [эт]о для всех. Пусть они возьмут [...] зелень. Пусть они возьмут [чис]тый [...]. Горошек [...] пусть они возьмут]. Пусть они приложат это к нему. Белое [...] пусть выйдет»

чение горшка аналогичным хеттским термином засвидетельствовано в ритуале Мاستигги против семейной ссоры (SAG.DU=KUNU *tarpalli*-СТН 404, КВо 39.8 об. ст. iv 11) (Miller 2004: 101).

⁵ Это итеративный глагол, а его детерминатив в лувийских иероглифических текстах свидетельствует, что он обозначает выполняемое ногами действие. Родственный ему ликийский глагол *trbbe*-^(ti) 'ступать', видимо, содержит также значение 'атаковать' (ср. рус. наступать), также распространяющееся и на лувийский *tarpī-* (Sasseville 2020: 222).

⁶ Первичную транслитерацию фрагмента см. в (Torti, Barsacchi 2018: 99–101).

об. ст. 9–10

Пусть *āuli-* выйдет. Пусть *īpri-* выйдет.

Инкорпорированный в заговор мифологический нарратив состоит из четырёх фаз. В первой фазе (лиц. ст. 1'–9') описывается событие, которое нарушило мировой порядок: в выбранном примере это — испорченное для богов пиршество, из-за чего боги начинают ссориться, и наступает вторая фаза нарратива, где богиня Камрусепы спрашивает, что случилось (лиц. ст. 9'–10'). Затем следует третья фаза, представляющая собой пересказ событий первой фазы⁷, в конце которой сообщается, что из-за ссоры богов у «человеческого сына» (хетт. *dandukišnan DUMU-an*) заболели глаза (лиц. ст. 11'–19'). Нарратив завершается описанием рецепта лекарства от глазной боли (лиц. ст. 20'–об. ст. 10), который, вероятно, диктует богиня Камрусепы⁸, представляющим собой четвёртую фазу заговора.

Мифологические нарративы в заговорах на табличке-сборнике КВо 43.223+ построены по такой же схеме. Так, в хеттском заговоре на лицевой стороне таблички описаны три фазы нарратива⁹, четвёртая находится в лакуне. Помещённый на оборот лувийский заговор начинается описанием гнева болезни глаз и головы, не приглашённой на пир (КВо 43.223+ об. ст. iii 1'–7', первая фаза нарратива), затем бог Солнца спрашивает Камрусепу, что случилось (КВо 43.223+ об. ст. iii 8'–9', вторая фаза нарратива), после чего бог Защитник города Таурисы начинает пересказывать историю (КВо 43.223+ об. ст. iii 10'–16'). При этом последние строки сохранившегося фрагмента (КВо 43.223+ об. ст. iii 24'–27') дословно совпадают с первыми строками, где было помещено окончание первой фазы нарратива (КВо 43.223+ об. ст. iii 4'–7'). И таким образом, отрывок (КВо 43.223+ об. ст. iii 17'–20') должен принадлежать к третьей фазе нарратива, в которой рассказывается о постигших человека бедствиях. Это исключает возможность описания в нём подменного обряда в качестве рецепта, потому что такой пассаж должен был бы относиться к четвёртой фазе, оказавшейся в лакуне.

Теперь обратимся к интерпретациям грамматических конструкций из рассматриваемого пассажа, чтобы подкрепить

⁷ Текст отличается от помещённого в первую фразу наличием клитической частицы *=wa*, маркирующей прямую речь.

⁸ Согласно хеттским повериям, богиня Камрусепы была ответственна за магическое лечение болезней (Haas 1994: 439–440).

⁹ Описание гнева Великого бога — первая фаза, вопрос бога Солнца, что случилось, и просьба Камрусепы, обращённая к богу Защитнику города Таурисы, рассказать о случившемся — вторая фаза, пересказ событий — третья фаза.

высказанное выше утверждение. Аргументацией в пользу наличия в заговоре описания подменного обряда служит интерпретация строк 19'–20' как сообщения о превращении горшка в подобие человеческой головы: «налили воду (как) глаза, вырезали порезы (как) нос» (см. выше), основанная на анализе конструкции с двойным аккумулятивом (ср. Steitler 2017: 399; Rieken, Sasseville 2019: 531–532). Недостатком данного анализа является неправильный порядок слов: ожидалось бы, что прямой объект (вода, порезы и т. д.) должен предшествовать указанию на его функцию, а не следовать за ним. Также обращается внимание на отсутствие форм дательного-местного падежа в обсуждаемом отрывке, который свидетельствовал бы, что действия направлены на определённые части тела (Steitler 2017: 399).

Поэтому возможно предложить альтернативные интерпретации аккумулятивов в данном пассаже¹⁰. Первый из двух аккумулятивов можно рассматривать как аккумулятив направления (*accusativus directionis*), обозначающий, куда направлено движение (ср. «налили воду в глаза»). Аккумулятив направления засвидетельствован несколько раз в хеттском языке (Cotticelli-Kurras 2007: 136–137)¹¹, для которого он является архаичной чертой, а также в ряде других древних индоевропейских языков (HGr: 248–249), что позволяет предположить такое значение аккумулятива и для лувийского. В клинописном лувийском корпусе есть ещё одна клауза, которая может быть проинтерпретирована как содержащая аккумулятив направления¹², хотя употребление аккумулятива здесь также может объясняться синтаксисом предлога *pariyan* (ср. HGr: 301 относительно ситуации в хеттском). Против данной интерпретации свидетельствует то, что глагол *kūšāi-* 'резать' не является ни глаголом движения, ни глаголом направленного действия, и потому для него сочетание с аккумулятивом направления проблематично (ср. рус. «процарапали царапину на носу», а не «процарапали царапину на нос»). При этом три других глагола, употреблённые в рассматриваемых клаузах, 'налить', 'принести' и

¹⁰ Необходимо отметить, что в двух строках, следующих за рассматриваемым параграфом, повествование продолжается по той же схеме (аккумулятив, *anda*, аккумулятив, глагол). СТН 764 КВо 43.223 об. ст. iii 21'–22' [...] (-)x-an-da-ḫi-in-za^{HLA} an-da ša-al-ti-in-ni-mi-in up-pa-an-d[a] / [... tap-p]a-ni-in-za a-an-da ḫu-u-wa-al-mi-in-za du-ú-wa-an-d[a].

¹¹ Самый явный пример аккумулятива направления в хеттском — СТН 263 KUB 13.3 лиц. ст. ii 11' *nu-uš-ma-aš-kán ḪUR.SAG-an pá-r-ḫa-an-zi* 'Они будут преследовать вас в горы'.

¹² КВо 13.260 об. ст. iii 13'–15' *a-at-ta a-ad-du-wa-an-za / pa-ri-ia-an ad-du-wa-li-ia-an / wa-at-ta-ni-ia-an up-^rpa^r-an-na-an-du* 'Пусть они унесут (своё) зло прочь в страну зла'.

‘положить’ такой проблемы не вызывают. Теоретически возможно допустить, что употребление аккузатива *mannawannin* в конструкции *mannawannin anda tamma kušāinta* вызвано аналогией с тремя другими клаузами, описывающими параллельные действия.

Другим вариантом анализа форм аккузатива представляется аккузатив отношения (*accusativus relationis*), который также засвидетельствован в хеттском языке (HGr: 248), и, возможно, равным образом в лувийском¹³. В этом случае, перевод должен быть такой: «(Что касается) глаз, они налили воду. (Что касается) носа, они вырезали порезы». Вариантом данного термина является аккузатив ограничения (*accusativus limitationis*), широко употребляемый в грецистике (Kieckers 1912).

Этот анализ показывает, что конструкции с дательным-местным падежом не являлись единственным способом выразить идею о нанесении вреда пациенту. Эта же идея вполне могла быть передана другими средствами, а именно аккузативом направления или аккузативом отношения.

Следует также разобрать изменение форм глаголов в данном пассаже. Глагол *tarpī-* имеет форму прошедшего времени третьего лица единственного числа *tar-pī-i-ta* ‘он(а) атаковал(а)’, в то время как остальные представленные глаголы стоят во множественном числе: [*ma-al-ḥu-w*]a-an-da ‘они разбили’, *lu-u-wa-an-da* ‘они налили’ и *ku-u-ša-a-in-ta* ‘они порезали’. Изменение количества акторов приводится в качестве дополнительного аргумента к интерпретации пассажа как подменного обряда: даже если сначала голову атакует одна болезнь, то затем описываются действия исполнителей ритуала, создающих горшок-заместитель (Steitler 2017: 399). Однако текстуальные параллели с другими хетто-лувийскими заговорами могут указывать на то, что множественным числом обозначены действия помощников упомянутого в начале параграфа актора. Так, в тексте КВо 12.89

¹³ СТН 409 KUB 12.58 об. ст. iv 1–3 *wa-ap-pu-na-aš* DINGIR.‘МАҢ’ / *ka-a-ša-za* 12 ^{UZU}‘ÚR’ *pa-ap-ra-an-na-an-za tu-e-’el’* / ŠU-it *ša-pí-i-ia-an-[za]* *pár-ku-nu-wa-an-za* ‘О Богиня Мать Берега реки! Так очистишь от скверны и очистишь твоей рукой в отношении (твоих) двенадцати членов’. Возможно также выделение аккузатива отношения в следующем лувийском примере: KARKAMIŠ A15b §§ 14 *wa/i-ta* |REX-tá-za |‘FRONS’-hi-ti **ARMA-na** |kwa/i-ti (MANUS.ARMA)su-hi-i-ti-ha ‘Когда я сделал его превосходящим царей в отношении оружия’ (ср. альтернативный анализ в работе Yakubovich 2019: 551–552). Другие примеры использования аккузатива отношения в лувийском языке см. в Melchert 2003: 202. Что касается хеттского материала, то особенностью использования этой конструкции является её применение при описании частей тела.

(см. выше) число акторов становится множественным при описании излечения от недуга (KBo 12.89 лиц. ст. 20', об. ст. 3), а в родильном заклинании KUB 35.102(+) мать новорождённого ребёнка оберегают несколько духов-помощников бога Луны¹⁴. В обоих случаях волеизъявление основного персонажа выполняется его божественными помощниками, и таким образом, множественные формы глаголов в интересующем нас пассаже могут относиться к помощникам болезни, которые вредят человеку.

Сокращения / Abbreviations

- BSIEL — Brill's Studies in Indo-European Languages & Linguistics
 CTH — Laroche, E. (ed.) 1971: Catalogue des textes hittites
 DBH — Dresdner Beiträge zur Hethitologie
 HdO — Handbuch der Orientalistik. Leiden
 HED — Puhvel, J. Hittite Etymological Dictionary
 HGr — Hoffner, H.A., Melchert, H.C. 2008: A Grammar of the Hittite Language.
 JANER — Journal of Ancient Near Eastern Religions. Leiden
 JLR — Journal of Language Relationship. Moscow
 KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi
 KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi
 StBoT — Studien zu den Boğazköy-Texten. Wiesbaden
 SMEA — Studi Micenei ed Egeo Anatolici

Литература / References

- Cotticelli-Kurras, P. 2007: Indogermanische Kasussyntax: Verwendungen und Wandel des Akkusativs im Hethitischen. In: *VI Congresso Internazionale di Ittitologia, Roma, 5-9 settembre 2005, Parte I*. SMEA 49. A. Archi, R. Francia (eds.). 123–145.
 Gurney, O. R. 1977: *Some aspects of Hittite religion. Schweich Lectures of the British Academy 1976*. Oxford: Oxford University Press.
 Haas, V. 1994: *Geschichte der hethitischen Religion*. HdO I/15. Leiden, New York, Köln: Brill.
 Hoffner, H. A., Melchert, H. C. 2008: *A Grammar of the Hittite Language. Part I: Reference Grammar*, Winona Lake, IN: Eisenbrauns.
 Josephson, F. 1979: Anatolien tarpa/i-, etc. In: *Florilegium anatolicum. Mélanges offerts à Emmanuel Laroche*. Paris: Éditions E. de Boccard. 177–184.
 Kieckers, E. 1912: Zum Accusativus Limitationis im Griechischen. *Indogermanische Forschungen* 30/1, 361–366.

¹⁴ KUB 35.102(+) лиц. ст. ii 17'–18' [i-ú]-un-ni-wa^dZUEN-an-za-an-za kum-ma-ia-a[n-za] / [ḫa-t]a-ia-an-na-an-za a-a-pa-an ḫi-iz-za-ú-un-[ni] 'Пусть мы пойдём (и) вверим её тем (слугам) бога Луны и чистым повитухам'.

- Kümmel, H. M. 1967: *Ersatzrituale für den hethitischen König*. StBoT 3. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Laroche, E. (ed.) 1971: *Catalogue des textes hittites*. Paris: Klincksieck.
- Melchert, H. C. 2003: Language. In: *The Luwians*. HdO I/68. Ed. H.C. Melchert. Leiden, Boston: Brill. 170–210.
- Miller, J. L. 2004: *Studies in the Origins, Development and Interpretation of the Kizzuwatna Rituals*. StBoT 46. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Mouton, A., Yakubovich, I. 2021: Where did one speak luwili? Geographic and linguistic diversity of Luwian cuneiform texts. *JLR* 19/1–2, 25–53.
- Puhvel, J. 1991: *Hittite Etymological Dictionary Vol. 3: Words beginning with H*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Rieken, E., Sasseville, D. 2019: Die Wurzeln für „Schneiden“ im Luwischen. In: *“And I Knew Twelve Languages”*. A Tribute to Massimo Poetto on the Occasion of His 70th Birthday. Eds. N. B. Guzzo, Taracha P. Warsaw: Agade. 524–535.
- Sasseville, D. 2020: *Anatolian Verbal Stem Formation. Luwian, Lycian and Lydian*. BSIEL 21. Leiden, Boston: Brill.
- Soysal, O. 2004: On Hittite (LÚ) Ānt- “(The) Equal (one) > Rival” Again. *JANER* 4, 99–105.
- Starke, F. 1985: *Die keilschrift-luwischen Texte in Umschrift*. StBoT 31. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Steitler, C.W. 2017: *The Solar Deities of Bronze Age Anatolia. Studies in Texts of the Early Hittite Kingdom*. StBoT 62. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Torri, G., Barsacchi, F.G. 2018: *Hethitische Texte in Transkription — KBo 12*. DBH 50. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Yakubovich, I. 2019: The Mighty Weapon of Tarhunt. In: *Over the Mountains and Far Away. Studies in Near Eastern History and Archaeology Presented to Mirjo Salvini on the Occasion of His 80th Birthday*. Eds. P. S. Avetisan, Dan R., Grekyan Y. H. Oxford: Archaeopress. 544–559.
- Yakubovich, I., Mouton, A., 2023: *Luwili. Hittite-Luwian ritual texts attributed to Puriyanni, Kuwattalla and Šilalluḫi (CTH 758–763). Volume I: Edition and commentary. In cooperation with Laura Puértolas Rubio*. StBoT 72. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Е. В. Илюшечкина
РГГУ / ИОН РАНХиГС, Москва, Россия. ilyushechkinae@gmail.com

К ВОПРОСУ О ТОПОНИМЕ ТАБИС В COLLECTANEA СОЛИНА

В сообщении рассматриваются пассажи из сочинений Солина (XV 4; L 1–2), Плиния Старшего (VI 53) и Помпония Мелы (III 60), в которых встречается топоним Табис, представляющий собой название морского мыса на северо-восточном побережье Тихого океана. На ментальной карте мира Солина мыс Табис обозначает также границу не только между водными пространствами, но и разделяет прибрежную зону на дикую безлюдную местность и населенную южную область.

Ключевые слова: Табис, Гай Юлий Солин, Плиний Старший, Помпоний Мела, историческая география.

Е. V. Ilyushechkina
Russian State University for the Humanities / Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.
ilyushechkinae@gmail.com

On the problem of the toponym *Tabis* in Solinus' *Collectanea*

The paper examines the passages from the works of Solinus (XV 4; L 1–2), Pliny the Elder (VI 53) and Pomponius Mela (III 60) in which the toponym *Tabis* occurs. It is the name of a cape on the north-eastern coast of the Pacific Ocean. On Solinus' mental world map, not only does Cape Tabis mark the boundary between water areas, but it also divides the coastal zone into a wild deserted area and a populated southern area.

Keywords: Tabis, Caius Iulius Solinus, Pliny the Elder, Pomponius Mela, historical geography

Описание удаленных от Черного моря областей азиатской Скифии в географической компиляции Солина *Collectanea rerum memorabilium* («Собрание достопамятных явлений», III в.) насыщено большим количеством свидетельств, перекрещивающихся с фрагментами разного объема из предшествующей литературы¹. Солином привлекались не только два основных его источника —

---

¹ Теодор Моммзен датирует компиляцию Солина периодом между 200 и 400 гг., т. е. III в. (Mommsen 1895: VI–VII). Фернандос Ньето датирует текст Солина временем между 290 и 350 гг. (Fernández Nieto 2001: 11–27), а Кай Бродерсен — концом III в. (Brodersen 2014: 8). Ричард Талберт относит время написания труда Солина к 300 г. и связывает его с датой создания Певтингеровой карты (Talbert 2010: 136).

«Хорография» Помпония Мелы и «Естественная история» Плиния Старшего (оба сочинения датируются I в.) — но и неизвестные нам промежуточные тексты, а также, возможно, устные сообщения купцов (ср. выражения Солина «я прочитал», «передают» и т. п.)². Отметим, что античная нарративная традиция на протяжении нескольких веков рисует один и тот же стереотипный образ сурового ландшафта Скифии с заснеженными степями, дикими народами и свирепыми зверями.

Согласно Плинию и Меле, линия северо-восточного побережья Скифии тянется от Скифского мыса «вплоть до горного хребта, выступающего в море, который называют Табис»³. Однако содержание пассажа Солина с упоминанием топонима Табис отличается от версии Мелы/Плиния и передает не название горы или мыса, вдающегося в Восточный (ср. Тихий) океан, а становится названием моря: «Далее антропофаги (ср. людоеды)... что является причиной того, что вплоть до моря, называемого из-за протяженности его береговой линии Табис и лежащего к северо-востоку, земля безлюдна и чрезвычайно пустынна, пока не дойдешь до серов» (*Post Antropophagi... ea causa est, ut usque ad mare quod Tabin vocant per longitudinem eius orae, quae aestivo orienti obiacet, sine homine terra sit et immensa deserta, quoad perveniatur ad Seras, Solin. XV 4*).

В комментарии к тексту Солина гуманист и эрудит XVII в. Клод де Сомез (латинизированное имя — Клавдий Салмазий) замечает, что все доступные ему печатные издания «Собрания достопамятных явлений» Солина приводят в этом месте написание *usque ad mare quod Tabin vocant* «вплоть до самого моря, которое называют Табис» (*Salmasius 1689: 134B*). По мнению Салмазия, Солин неверно понял и передал приведенные мной выше слова Плиния (VI 53). Замечательную догадку Салмазия подтверждает другой пассаж из текста Солина (L 1–2): *Qua ab Scythico oceano et mari Caspio in oceanum Eoum cursus inflectitur, ab exordio huiusce plagae profundae nives, mox longa deserta, post Anthropophagi gens*

² Подробнее о характере и особенностях источников, использованных Солиным в *Collectanea* см. *Apps 2014: 32–42*.

³ ... (*iterum deinde Scythae iterumque deserta cum beluis*) *usque ad iugum incubans mari quod vocant Tabim*, «(далее снова скифы и снова пустынные области с дикими зверями) вплоть до горного хребта, выступающего в море, который называют Табис» (*Plin. VI 53*); ср.: *vasta deinde iterum loca beluae infestant, usque ad montem mari imminentem nomine Tabim*, «далее, вплоть до горы, выступающей в море и называемой Табис, тянется обширная местность, опасная из-за диких животных» (*Mela III 60*), пер. с латинского обоих отрывков А. В. Подосинова).

est asperrima, dein feris spatia obsita ferme dimidiam itineris partem inpenetrabilem reddiderunt. Quarum difficultatum terminum facit iugum mari imminens, quod Tabin barbari dicunt: post quae adhuc longinquae solitudines. Sic in tractu eius orae, quae spectat aestivum orientem, post inhumanos situs primos hominum Seras cognoscimus... «где маршрут поворачивает от Скифского океана и Каспийского моря к Эойскому (sc. Восточному) океану; в самом начале этой части земли (plagae) лежит глубокий снег, а по соседству — обширные пустынные пространства, затем [проживает] одно из самых диких и свирепых племен — антропофаги; за ними [обитают] хищные звери, так что почти половина пути [вдоль северовосточного побережья] непроходима. Границей этих непроходимых мест служит горный хребет, который выдается в море и который варвары (sc. азиатские скифы) называют «Табис»; далее снова [идут] сплошь глухие места. Так, миновав бесплодное пространство на линии этого морского побережья, которое обращено на северо-восток, первыми из людей встречаем серов...» (Solin. L 1–2).

Требуются некоторые пояснения к этому отрывку Солина. Каспийское море еще со времен Эратосфена (III в. до н.э.) рассматривалось в качестве залива Скифского (sc. Северного Ледовитого) океана, а локусом, где, по словам Солина, «маршрут поворачивает к Восточному (sc. Тихому океану)», обозначался, надо полагать, Скифский мыс (возможно, совр. мыс Дежнева или Челюскина). Неоднократно употребляемая в *Collectanea* лексема *plaga* для обозначения отдельных регионов или «участков» ойкумены (например, «Азиатская земля» — XVII 3; XIX 3 etc.) — в данном случае для обозначения северо-восточного побережья Тихого океана — позволяет К. Бродерсену прийти к заключению, что наряду с периплическим способом описания географических объектов вдоль побережий Солин использует элементы картографической ориентации (Brodersen 2015: 238–310). Перерывом пути вдоль северо-восточного побережья, или природной границей (*terminus*) водного пространства выступает «горный хребет, который выдается в море», т. е. мыс Табис. В своей недавней статье о восточных рубежах ойкумены по Плинию А. А. Вигасин по следам Салмазия, но независимо от него, предполагает, что в первом пассаже Солина (XV 4) речь идет об оплошности переписчика, и локализует мыс Табис на Корейском полуострове, по которому проходят цепь Восточно-Корейских гор, обрывающихся к Японскому морю, а название Табис сопоставляет с корейским обозначением этих гор — Тэбэк (Vigasin 2021: 235–236).

Такие мысы, как Табис, Скифский мыс на севере или мыс Колиада, лежащий на южной оконечности Индии, в античной географической традиции выполняли роль естественных границ, которые в картине мира Солина не только разделяли водные

пространства морей на северо-восточном побережье Азии, но прибрежные зоны континента.

Литература

- Apps, A. 2014: Source Citation and Authority in Solinus. In: K. Brodersen (Hrsg.). *Solinus. New Studies*. Heidelberg, 32–42.
- Brodersen, K. 2015: The Geographies of Pliny and his ‘Ape’ Solinus. In: S. Bianchetti, M. R. Cataudella, H.-J. Gehrke (eds.). *Brill’s Companion to Ancient Geography. The Inhabited World in Greek and Roman Tradition*. Leiden, Boston, 298–310.
- Fernández Nieto F. J. (Ed.) 2001: *Solino. Colección de hechos memorables o El erudito*. Madrid.
- Mommsen, Th. (Hrsg.) 1895²: *C. Julii Solini Collectanea rerum memorabilium*. Berlin (1st ed. 1864).
- Salmasius, Cl. (ed.) 1689²: *Plinianae exercitationes in Caji Julii Solini Polyhistora: Item Caji Julii Solini Polyhistor ex veteribus libris emendatus*. Utrecht (1st ed. Paris 1621).
- Talbert, R. J. A. 2010: *Rome’s world: The Peutinger map reconsidered*. Cambridge; New York.
- Vigasín, A. A. 2021: [Pliny and the eastern frontiers of the Oikoumene]. In: Vigasín, A. A. *Indiyskie etudy. Sbornik statey. [Indian Studies. A collection of articles.]* Moscow, 231–250.
- Вигасин, А. А. Плиний и восточные рубежи Ойкумены. В кн.: Вигасин А. А. *Индийские этюды. Сборник статей*. М., 231–250.

M. N. Kazanskaya

Institute for Linguistic Studies, RAS / St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia. maria.kazanskaya@gmail.com; m.kazanskaya@spbu.ru

DORIEUS' EPIGRAM ON MILO OF CROTON (ATHEN. 10, 412F–413A)

The paper studies Dorieus' epigram on the renowned Greek wrestler Milo of Croton, about how he had carried a steer on his shoulders in Olympia and then sacrificed it at the altar of Zeus and ate the animal whole all by himself. Athenaeus preserves the epigram in his passage on extraordinary appetites of athletes, with reference to the historian Phylarchus who had cited the poem in his *Histories* (Athen. 10, 412f–413a). Nothing is known about the poet Dorieus, and this is the only text that has come down to us that is ascribed to him. The epigram (and the whole passage from Athenaeus) is regularly mentioned as source for the anecdote of Milo and the steer, but it has not received much scholarly attention as a poetic text (with the exception of a very short commentary in Page's *Further Greek Epigrams*). The paper presents an extensive linear commentary on the epigram. It is shown that it was a work of an extremely well-read and intelligent poet, whose references to Alexandrian scholarship show that he was either an Alexandrian himself, or at the very least well versed in Homeric scholarship of his time. He was not afraid to invent new expressions (as *θηπόλιον* for the Altar of Zeus, v. 6), nor to engage in poetic experiment, as in the case of the highly unusual tmesis in v. 8. In his description of Milo, he visibly plays with the iconography of Moschophoros and Kriophoroi statues, inviting his readers to imagine a statue of the athlete with the steer on his shoulders.

Keywords: Dorieus, Milo of Croton, Athenaeus, Phylarchus, Hellenistic epigrams, steer, Moschophoros, Hermes Kriophoros, *θηπόλιον*, Altar of Zeus in Olympia, *πομπή*, tmesis, *θαῶμα*, paradoxography.

M. N. Казанская

Институт лингвистических исследований РАН / СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия. maria.kazanskaya@gmail.com; .kazanskaya@spbu.ru

Эпиграмма Дориея о Милоне Кротонском (Athen. 10, 412f–413a)

Статья посвящена эпиграмме Дориея о том, как Милон Кротонский после победы на одной из олимпиад поднял на плечи быка, принес его к алтарю Зевса, где принес в жертву, а потом съел его целиком. О Дориее ничего не известно, и кроме этой эпigramмы ни один его текст не сохранился. В статье предлагается построчный комментарий эпigramмы. Показывается, что поэт был прекрасно

знаком с александрийской филологией, что он тщателен в выборе слов и не боится поэтических экспериментов.

Ключевые слова: Дорией, Милон Кротонский, Афиней, Филарх, эллинистическая эпиграмма, бык, Мосхофор, Гермес Кριοфор, θηπόλιον, алтарь Зевса в Олимпии, πομπή, τмесис, θαῦμα, парадоксография.

In book 10 of *Deipnosophistae* Athenaeus cites some instances of athletes' extraordinary appetites, focusing in particular on one the most famous ancient wrestlers, Milo of Croton¹. Referring to a treatise on athletic competitions (Περὶ ἀγώνων) by Theodorus of Hierapolis, Athenaeus says that Milo was able to eat twenty minas of meat and twenty minas of bread a day, accompanying them by three measures (*choai*) of wine; and, probably referring to the same Theodorus, he recounts the anecdote of Milo carrying a four-year old bull on his shoulders to the stadium in Olympia, and then eating it all by himself in one day (Athen. 10, 412 e–f). He then cites an alternative account from Alexander Aetolus, according to which Alexander's own fellow Aetolian, Titormos, ate an ox in competition with Milo for breakfast (= Alex. Aetol. fr. 10 Lightfoot). The section concludes with a reference to the historian Phylarchus who had, apparently, recounted the same anecdote of the bull carried around the stadium in Olympia and then eaten by Milo, as Theodorus of Hierapolis, accompanying it by an epigram by an otherwise unknown poet Dorieus (Athen. 10, 412f–413a):

Φύλαρχος δέ φησιν ἐν τῇ γ' τῶν ἱστοριῶν τὸν
Μίλωνα ταῦρον καταφαγεῖν κατακλιθέντα πρὸ τοῦ
βωμοῦ τοῦ Διός· διὸ καὶ ποιῆσαι εἰς αὐτὸν Δωριέα
τὸν ποιητὴν τάδε·
τοῖος ἔην Μίλων, ὅτ' ἀπὸ χθονὸς ἦρατο βρῖθος,
τετραέτη δαμάλην, ἐν Διὸς εἰλαπίνας,
ᾧμοις δὲ κτήνος τὸ πελώριον ὡς νέον ἄρνα
ἦνεγκεν δι' ὄλης κοῦφα πανηγύρεως.
καὶ θάμβος μὲν, ἀτὰρ τοῦδε πλέον ἦνυσε θαῦμα 5
πρόσθεν Πεισαίου, ξεῖνε, θηπολίῳ·
ὄν γὰρ ἐπόμπευσεν βοῦν ἄζυγον, εἰς κρέα τόνδε

¹ Milo of Croton was one of the most renowned athletes of antiquity: he won the Olympic games six times (first time as πᾶς, and then five times as περιδοδόνικης), and was victor six times at Delphi, nine times at Nemea, ten times at the Isthmian games (Sext. Afr. *ad Ol.* 52 p. Rutgers). Ancient sources on Milo are assembled in Mordze (1932); see also Ghisellini (1988: 48), Antonaccio (2014: 194–195), Decker (2000) with references.

κόψας πάντα κατ' οὖν μοῦνος ἑδαίσατό νιν
(Athen. 10, 412f–413a = 10, 4 Kaibel)².

6 Πεισαίου Α: Πισαίου Μ Ρ Mus 7–8 cf. Eustath. in Od. 206, 38: περι δὲ Μίλωνος τοῦ Κροτωνιάτου φησὶ Δωριεὺς, ὅτι ὄν ἐπόμπευσε βοῦν εἰς κρέα τὸνδε κόψας, πάντα κατ' οὖν μοῦνος δαίσατό νιν. 8 πάντα κατ' οὖν κόψας com. Wackernagel

“Phylarchus says in the third book of his Histories that Milo ate a steer before the altar of Zeus: and for that reason the poet Dorieus composed on him the following poem: ‘Such was Milo, as he lifted the weight from the earth, a four-year old bullock, and carried this monstrous livestock on his shoulders lightly as a newborn lamb all around the assembly. And that in itself was stunning, but he accomplished an even greater wonder by the altar of Pisa: for that bull, yet untouched by yoke, that he had ceremoniously conveyed, having cut him up into pieces of meat, he ate him up all on his own’.”

Athenaeus' introduction of the quotation by means of *accusativus cum infinitivo* construction (διὸ καὶ ποιῆσαι εἰς αὐτὸν Δωριέα τὸν ποιητὴν τάδε) shows unequivocally that the poem had been cited by Phylarchus (or at the very least would have been mentioned by him), which would place the *terminus ante quem* for Dorieus at the end of 3rd century BCE: Polybius tells us that Phylarchus was contemporary of Aratus of Sicyon who died in 213 BCE³. Phylarchus had a reputation for sensationalism and exaggeration both in presenting historical facts (cf. Polybius' reproach for his love of *τεράτεια*⁴), and for including sensational and untrustworthy material in his *Histories*⁵. If Athenaeus' presentation

² The text follows Olson's Teubner edition of Athenaeus (Olson 2020: 156–157). The short critical apparatus accompanying the text of poem is compounded by me (the manuscripts in the note on the variant readings Πεισαίου and Πισαίου follow Olson's edition).

³ Polyb. 2, 56, 1; cf. Gow, Page (1965: II, 364).

⁴ On the term *τεράτεια* in Polybius' criticism of Phylarchus, see Sacks (1981: 162–170); Eckstein (2013: 328–329).

⁵ Eckstein assembles an amusing gallery of anecdotes on human-animal interactions, including Milo and the bull, that Phylarchus had told (Eckstein 2013: 324–325), pointing out that their presence would contribute to

of Dorieus' quotation in Phylarchus is accurate, the historian would have quoted the poem to corroborate the anecdote.

Except for Athenaeus (citing Phylarchus) no other source mentions Dorieus: it has been suggested, purely on the coincidence of names, that he might be same as the glutton by name of Dorieus in one of the epigrams of Leonidas of Tarentum (also 3rd century BCE). This identification, apparently first suggested by A. Hecker, is repeated in several works on Hellenistic epigram⁶. Although absolutely impossible to prove, the suggestion seems to have a double appeal to modern scholars: (a) it would make Dorieus the contemporary of both Leonidas and Phylarchus, and (b) it would make Dorieus that Leonidas derides for gluttony the author of a poem on Milo's extraordinary appetite. While at our present state of knowledge it is not possible to identify the author of the poem quoted by Phylarchus (and from him, by Athenaeus)⁷, I would like to show that not enough attention has been given to the text itself, which has only received a brief commentary in Denys L. Page's *Further Greek Epigrams*. I will try to show that Dorieus' text,

---

Polybius' low opinion of Phylarchus as a historian: "It is not merely the far-fetched nature of these stories, though that is important; it is the inappropriateness of their inclusion in what purports to be a serious history".

⁶ Hecker formulated the identification of Dorieus the poet and Dorieus the glutton as a probability: "Caeterum non improbable videtur Leonidam haec scripsisse in Dorieum poetam, cuius epigramma Milonis statuae inscriptum ex Phylarchi libris descripsit Athenaeus X, 413A" (Hecker 1852: 9); it was endorsed by Reitzenstein (1893: 150), and then by Gow, Page (1965: II, 364); the tentativeness of this suggestion is noted by Page (1981: 45): "there is not close point of contact, and the identification, though quite attractive in itself, remains a mere guess". Wilamowitz however rejected the identification, mocking the reasoning behind it: "Ist es nicht lächerlich, daß ein alter schlechter Einfall dauernd Glauben findet: da soll dieser Dorieus der Dichter sein, von dem Phylarchos (Athen. 412f.) Verse, vielleicht ein Epigramm (nötig ist es nicht), anführt, das von Milon erzählt, er habe einen Ochsen durch die ganze olympische Festversammlung getragen und hinterher aufgegessen. Also ist Milon ein Schlemmer, was er nicht war, und Dorieus, weil er von ihm erzählt, auch" (von Wilamowitz-Moellendorf 1962: 142 n. 3).

⁷ I agree with Wilamowitz in thinking that this identification Dorieus the poet with Dorieus the glutton is unlikely; as for the bearing of this identification on Dorieus' date, I will show that there is sufficient intratextual evidence to place Dorieus in the 3rd century BCE.

despite appearances, is in fact far from evident, and that the poet is engaging in a highly erudite play. The poem is deliberately deceptive, eluding categorization and shifting between genres. To highlight these points of shift, I will start by giving a linear commentary on the epigram, and then summarize what can be extracted from the text.

1 τοῖος ἔην Μίλων. The very first words of the text place us on an unfirm ground: the pronoun τοῖος would seem to suggest that the text concludes an account (description) of Milo, or, if one imagines an inscription, refers to a sculpted image that readers could look at. And this raises at once the question of whether this was the beginning of the poem, and also what kind of poem are we dealing with⁸. Athenaeus in his summary of Phylarchus gives no indication of whether this was a complete poem, nor does he mark its genre, designating the poem simply with the pronoun τάδε. Lloyd-Jones and Parsons (1983: 182) print the sign ⊗ at v. 1, identifying it as the beginning of the poem. Page (1981: 45) admits to excluding at first Dorieus' poem from his Oxford edition of epigrams (Page 1975) because of the uncertainty whether it is a fragment of a longer elegy or an epigram; but seeing that the address ξεῖνε in v. 6 suggests that it was in fact an epigram, Page ultimately included it in his *Further Greek Epigrams*⁹.

While Page treats the question of the poem's genre largely as an editor's problem, I would argue that Dorieus is in fact deliberately playing with his reader. The words τοῖος ἔην suggest an account of a glorious figure from the past, as e.g. in the conclusion of

⁸ Naturally, Athenaeus is not obligated to quote the poem he is using for illustration in full: right before discussing Milo's eating of the bull at Olympia, Athenaeus recounts (412e) that Theodorus of Thasos had eaten a steer as well, citing Posidippus' epigram (120 Austin, Bastianini = 14 Gow, Page); the beginning of the quotation is difficult to interpret, and while Gow and Page (1965: I, 170; cf. their commentary on the epigram in II, 493) place the first two verses in *crucis*, Austin and Bastianini (2002: 154) note that beginning of the epigram is missing (Casaubona was the first to suggest this idea, "non interim affertur epigramma, sed quattuor hi tantum versus", quoted by Austin and Bastianini in their *apparatus criticus*).

⁹ "The lines may come from a relatively long poem, not epigram but elegy, and Dorieus was for that reason excluded from my *Epigrammata Graeca*; but the address to the reader, ξεῖνε, inclines the balance the other way, and as the lines tell a complete anecdote they may as well be included in a collection of epigrams" (Page 1981: 45).

Agamemnon's rebuke to Diomedes in *Iliad* 4: after recounting Tydeus' bravery in slaying forty-nine of fifty Thebans, and contrasting it to perceived Diomedes' lingering, Agamemnon concludes,

τοῖος ἔην Τυδεὺς Αἰτωλῖος· ἀλλὰ τὸν υἱὸν
γείνατο εἶο χέρεια μάχη, ἀγορῇ δέ τ' ἀμείνω
(Il. 4, 399–400).

“Such was Tydeus the Aetolian: but he fathered a son (i.e. Diomedes himself — M. K.) who is worse than him in battle, and better <only> in public speeches”.

It is also worth noting that τοῖος without a corresponding οἶος at the beginning of epigrams is untypical. It is fairly certain that the ancient reader, when first confronted with this text, would have been guessing whether he was dealing with an excerpt and had missed a depiction of Milo, or this was a complete text that started *in medias res*. The ancient reader, just as we, would have been redirected by the address ξεῖνε in v. 6 towards second solution, identifying the genre of the poem as an epigram. But at the same time, the vocative ξεῖνε opens a new question of who the speaker is, and of the context of their interaction. For the ancient epigram, the vocative ξεῖνε is typically associated with epitaphs¹⁰, but nothing in the text of the poem points to a funerary context. I would suggest that ξεῖνε here points to another type of situation, that of a guide giving a tour of his city to a tourist: the address ξένε (ξεῖνε) and the corresponding Latin *hospes* (*hospites*) is attested for this pragmatic context¹¹. Thus,

¹⁰ This is the only context highlighted by Dickey (1996: 149): “In poetic inscriptions on tombstones ξένε can be used (like ὁδίτα or παριών ‘traveler’) as an address to an unknown reader”. The foreigner may be asked to carry news of the death to the homeland of the dead person (as, famously, in Simonides’ epitaph for Spartans fallen at Thermopylae), or the defunct (especially in later epigrams) may engage with him in a dialogue (series of questions and answers about his life (e.g. Antipater Sidonius 21 Gow, Page = *Anth. Pal.* 7, 164). See Bing (2009: 118–119, and chap. 7 *passim*).

¹¹ Thus, most famously in Catullus 4, 1: *Phasellus ille quem videtis, hospites...*, “that yacht that you are looking at, o guests...”, parodied in a poem on Sabinus the muleteer in the *Catalepton* (*Sabinus ille quem videtis, hospites...*, *Appendix Vergiliana, Catalepton* 10, 1). For Greek, cf. *Anth.*

after seeing the address ξεῖνε in v. 6, Dorieus' reader is able to reconstruct, in retrospect, that the opening words τοῖος ἔην Μίλων in v. 1 must have belonged to a speech of guide, commenting on a depiction of Milo, probably a statue¹². For a much more straightforward presentation of this kind, cf. an epigram by Alcaeus from Messene, also on a wrestler, Cleitomachus of Thebes, commemorating his entering the competition both in pancratium and in wrestling in the same Olympic games¹³:

Οἷον ὀρῆς, ὃ ξεῖνε, τὸ χάλκεον εἰκόνι λῆμα
 Κλειτομάχου, τοίαν Ἑλλάς ἐσεῖδε βίαν·
 ἄρτι γὰρ αἱματόεντα χερῶν ἀπελύετο πυγμᾶς
 ἔντεα καὶ γοργῶ μάρνατο παγκρατίῳ·
 τὸ τρίτον οὐκ ἐκόνισεν ἐπωμίδας, ἀλλὰ παλαίσας
 ἀπτῶς τοὺς τρισσοὺς Ἴσθμόθεν εἴλε πόνους.
 μοῦνος δ' Ἑλλάνων τόδ' ἔχει γέρας· ἐπτάπυλοι δὲ
 Θῆβαι καὶ γενέτωρ ἐστέφεθ' Ἑρμοκράτης

(Anth. Pal. 9, 588).

“That courage depicted in bronze that you see in this image of Clitomachus, o foreigner, such was the might that Greece observed: for he had only just untied the bloody fighting gear from the fist of his hands, and <already> he fought in the fierce pancratium; and the third time, he did not dirty <even> the point of his shoulders with dust, but wrestling without taking a fall he won triple exertions (i.e. contests) from the Isthmus. He alone among the Greeks holds this honor: and the seven-gated Thebes, and his father Hermocrates was crowned¹⁴”.

2 τετραέτη δαμάλην. The weight (βρῖθος) that Milo picked up for his victory lap in Olympia was a four-year old bullock that had

---

Pal. 9, 588 cited below). V. V. Zelchenko drew my attention to this use of ξεῖνος and *hospes* several years ago.

¹² It will soon become evident that the statue was an imaginary one: in fact, the point of the epigram is that it is impossible to be sure of how it looked. There is thus no need to try and reconstruct the place where it might have stood. On the real statue of Milo by his fellow citizen, Dameas of Crotona, in Olympia, see n. 24 below.

¹³ Cleitomachus is mentioned by Pausanias in his passage on statues for Greek athletes (see Paus. 6, 15, 3–5).

¹⁴ The verb ἐστέφετο refers to στεφανοῦσθαι, term that designated a recognized and uncontested victory in the crown games (cf. Yanzina, Korneev 2020: *passim*); the custom of the athlete crowning his father in celebration of his own victory is attested elsewhere (cf. *ibid.* 915).

never been yoked (βοῦν ἄζυγον v. 6). The word δαμάλης (‘yearling’ or ‘stirk’) is used by Aristotle (*H.A.* 632a) as he discusses castration of cattle and differentiated from μόσχος (‘weaner’), a term applicable to calves until they reach one year of age. The fact that Milo’s bull is four years old is significant for the epigram: four years is not an important stage in the life of a δαμάλης who would have become a grown bull at the end of second year. The adjective clearly refers to the four years between the Olympic games that Milo had used for his extraordinary power lifting routine that is mentioned in the proverb quoted by Quintilian: *Milo quem vitulum adsueuerat ferre, taurum ferebat* “that calf that Milo got accustomed to carrying, he later carried as a steer” (Quintil. *I.O.* 1, 9, 6)¹⁵. By using the adjective τετραέτης, Dorieus is hinting that Milo at some point in his career began training for the next Olympic games by picking up a newborn calf and carrying it around for a certain amount of time every day; as the calf grew, the weight that Milo had to lift would increase by day; by the time the next competition came around, he would have been accustomed to carrying a full-grown steer on his shoulders for significant stretches of time¹⁶. Dorieus seems to suggest that Milo took his training gear (the steer) with him to Olympia and, after showing off his strength by carrying it around

¹⁵ This has been correctly interpreted by Mordze (1932: col. 1674): “[Quintilian] berichtet dagegen, daß [Milo] seine Kraft durch systematisches Training steigerte: er trug jeden Tag ein Kalb auf den Schultern, so daß er auch noch zu schleppen vermochte, als es zum Stier geworden war”.

¹⁶ For reference, newborn calves weigh around 25–30 kg and increase their weight at a rate of 0,75–1 kg per day. The weight of a mature modern bull starts at around 180 kg (average weight is 360 kg); it is probable that figures for ancient cattle were slightly smaller. I am grateful to D. M. Ivanov for helping me with searching for figures on calves’ growth rates. The weight that an athlete is able to lift is dependent on his own physique and body mass. Modern athletes in the category over 105 kg lift over 200 kg (figures are lower for snatch, and higher for clean and jerk; currently the world record is 267 kg in clean and jerk for athletes in the weight category over 109 kg). Given Milo’s appetite, it is safe to suppose that he was in the higher range of body mass. I am grateful to P.N. Kazansky for consulting me on modern Olympic weightlifting. For ancient records, besides the anecdote of Milo carrying his steer, and also an anecdote of his carrying his own statue to Olympia, we can mention Bybon’s stone (143,5 kg) in Olympia with the inscription that Bybon had raised it with one hand.

the assembly, sacrificed the animal. The combination of the proverb cited by Quintilian (1, 9, 6) and Dorieus' τετραέτης δαμάλης present Milo's feat of carrying the bull as a result of long deliberate training; other sources either mention only the fact of lifting a bull at Olympia (see Luc. *Char.* 8), or actually present it as a one-off lifting of an extreme weight (for this reason, Galenus criticized Milo's feat as ἄνοια)¹⁷.

ἐν Διὸς εἰλαπίναις. The reference here, as noted by Gow (1981: 46), is to the banquet at the conclusion of the Olympic games¹⁸. The word εἰλαπίνη, chosen by Dorieus, is an old one, with an unclear etymology. Already in Homer it tends to appear in combination with another word for feast: αἰεὶ δ' ἐν δαίτησι καὶ εἰλαπίνησι παρέσται "he will always be present at feasts and banquets" (*Il.* 10, 217); ἐν τῇ μὲν ῥά γάμοι τ' ἔσαν εἰλαπίνοι τε "depicted on [the shield] were wedding feasts and banquets" (*Il.* 18, 490; cf. the same pairing in *Od.* 1, 226 and 11, 415); ἐν δαιτὶ καὶ εἰλαπίνῃ τεθαλυῖη "in feast and flourishing banquet..." (Hes. fr. 274, 1 Merkelbach, West); cf. Theognis' famous promise that Cynrus will be present at all the banquets (θοίνης δὲ καὶ εἰλαπίνησι παρέσση, Theogn. 239). It should be noted that Dorieus obliquely reproduces this practice of juxtaposing εἰλαπίνη with another word for feast in his choice of verb δαίνυμαι in v. 8. We also find an attempt at popular etymology for this word in Homer, in the jingle εἰλαπινάζουσιν πίνουσί τε αἴθοπα οἶνον... "they feast and drink scintillating wine" (*Od.* 2, 57; 17, 536). In poetry of Hellenistic and Roman times the word carries manifest epic connotations¹⁹, appearing alongside recognizably

¹⁷ ἀλλὰ νῆ Δία τῶν ἱερουργημένων ἓνα ταύρων ἀναθέμενος τοῖς ὄμοις ὁ Μίλων ἐκεῖνος ὁ Κροτωνιάτης διεκόμισέ ποτε τὸ στάδιον. ὃ τῆς ὑπερβαλλούσης ἀνοίας, ὡς μηδὲ τοῦτο γινώσκειν ὅτι πρὸ βραχέος τὸ βαρύτερον τοῦτο σῶμα τοῦ ταύρου ζῶντος ἐβάσταζεν ἢ ψυχή τοῦ ζῴου, καὶ πολλῶ γ' ἀκοπώτερον ἢ ὁ Μίλων, εἴ γε καὶ θεῖν ἠδύνατο βαστάζουσα· ἀλλ' ὅμως οὐδενὸς ἦν ἀξία, παραπλησίως τῇ Μίλωνος (Gal. *Protr.* 13). Galen then recounts the legend of Milo's death, noting ἐδήλωσε δὲ καὶ ἡ τελευτὴ τάνδρος ὅπως ἦν ἀνόητος.

¹⁸ Page (1981: 46) notes: "at the feast on the evening of the fifth day of the Games, when the victors were entertained". For a fuller discussion of both the banquet at the Prytaneum and procession see Miller (2004: 87, 124–125).

¹⁹ Cf. Schmitt Pantel (1997: 271) on εἰλαπίνη: «Ce terme désigne un 'festin bruyant'. Il est employé dans une inscription métrique à Stratonicee à l'époque impériale. Un prêtre du sanctuaire de Lagina dit n'avoir rien

Homeric forms (e.g. εὔαδεν εἰλαπίνη, *Anth. Pal.* 9, 644, 10; περί σοι εὔαδον εἰλαπίναι, *Anth. Pal.* 16, 183, 2).

The exact meaning of εἰλαπίνη (especially as distinguished from other words for ‘feast’, δαίς and θοίνη) seems to have been discussed by Alexandrian scholars, as shown by one of the fragments of Aristophanes of Byzantium: εἰλαπίνη (*var. lect.* εἰλαπηνή): ἐστὶ θυσία καὶ παρασκευὴ λαμπροτέρα τίς “it is a sacrifice and a rather outstanding festive arrangement”²⁰. In view of other references to Homeric scholarship in Dorieus’ poem, it seems to be no coincidence that Dorieus chooses to use the expression ἐν Διὸς εἰλαπίνας in strict accordance with the definition endorsed by Aristophanes (whether it was Aristophanes’ own or not): the situation that Dorieus is describing is both a θυσία (as the athletes were expected to offer a sacrifice to Zeus) and a banquet to celebrate the end of the games.

3 κτήνος τὸ πελώριον ὡς νέον ἄρνα. From the stylistic point of view, the two parts of the comparison are in stark contrast. The word κτήνος (not used in epic) was specifically associated with livestock (see Chantraine, *DELG* 1966–1980: 590 s.v. κτάομαι). The adjective that qualifies it, πελώριος, is distinctly associated with epic style, here emphasizing the enormous weight, lifted by Milo. The words ὡς νέον ἄρνα point not only to a light weight, but also to the gentleness of the animal (there is thus a double opposition to πελώριος).

épargné de sa dépense dans les banquets et les festins. Comme nous l’avons vu à propos du terme *dais*, il s’agit d’une citation homérique. Le terme *eilapiné* n’était pas utilisé pour nommer le banquet public à cette époque ».

²⁰ Aristophanes seems to have based his definition of εἰλαπίνη on an examination of Homeric contexts, in particular, of *Il.* 17, 535 where the sacrifice of bulls and smaller cattle is distinctly mentioned (βοῦς ἱερεύοντες καὶ οἷς καὶ πίονας αἶγας). The same definition of εἰλαπίνη is repeated in Athenaeus: τὰς θυσίας καὶ τὰς λαμπροτέρας παρασκευὰς ἐκάλουν οἱ παλαιοὶ εἰλαπίνας καὶ τοὺς τούτων μετέχοντας εἰλαπιναστάς, “for the ancient poets called sacrifices and outstanding feasts εἰλαπίναι, and their participants εἰλαπινασταί” (*Athen.* 8, 362e; the same definition appears in Eustathius’ commentary, *in Il.* 17, 578 = IV, 95 van der Valk). It has been shown that Aristophanes’ discussion of εἰλαπίνη was taken independently by Athenaeus and Eustathius from Seleucus (see Slater 1986: 95, with references to earlier discussions).

But it should also be noted that the expression ὡς νέον ἄρνα suggests that the statue that Dorieus is describing is related to the Kriophoros (Ram-bearer) type, fairly well attested for 7th–6th centuries BCE²¹. Statues of this kind represent a male figure, holding a ram, either on the shoulders or in the arms. The sculptural type was particularly associated with Hermes the Ram-bearer (Κριοφόρος), although not all such statues may be identified with the god²²: to name a few, the bronze image of Kriophoros with a ram on his shoulders from Crete, *ca.* 620 BCE (Berlin 7477; see Boardman 1978: plate 45); the stone image of Ram-bearer from Thasos holding the ram in his hands as an offering, *ca.* 580 (see Boardman 1978: plate 69); a plaque from Athens depicting Hermes with a Ram on his shoulders, end of 5th century BCE (Athens, Mus. Nat. 54; see LIMC V(2): 224, Hermes 289); etc. A statue of Hermes Kriophoros with a lamb in his arms by Onatas of Aegina (6th century BCE) in Olympia is described by Pausanias²³:

ὁ δὲ Ἑρμῆς ὁ τὸν κριὸν φέρων ὑπὸ τῆ μασχάλη καὶ ἐπικείμενος τῆ κεφαλῇ κυνῆν καὶ χιτῶνά τε καὶ χλαμύδα ἐνδεδυκῶς οὐ τῶν Φόρμιδος ἔτι ἀναθημάτων ἐστίν, ὑπὸ δὲ Ἀρκάδων <τῶν> ἐκ Φενεοῦ δέδοται τῷ θεῷ· Ὀνάταν δὲ τὸν Αἰγινήτην, σὺν δὲ αὐτῷ Καλλιτέλην ἐργάσασθαι λέγει τὸ ἐπίγραμμα, δοκεῖν δέ μοι τοῦ Ὀνάτα μαθητῆς ἢ παῖς ὁ Καλλιτέλης ἦν, “as for Hermes, the one that is carrying a

²¹ There are also some images of Hermes carrying a ram on vases: see Siebert (1990: 313–314), images 294–297 in his catalogue: two vases, both dating back to the end of 6th century BCE, depict Hermes with a ram on his shoulders (Paris, Louvre F151; Brussels, Musée Royal A1378).

²² The group of Kriophoroi images were studied by Veyries (1886) tends to identify most archaic Greek ram-bearers with Hermes. It is now recognized that ram-bearer images can be Hermes or a human dedicator: see Siebert (1990: 311) who emphasizes that not all statues of male figures carrying a ram may be identified with Hermes, and that some are kouroi. In his list of statues and images of Hermes Kriophoros (Siebert 1990: 311–314) he takes care to include only images that may be identified as Hermes, principally by wings on the figure's feet (the caduceus in his hand is practically never preserved).

²³ A copy of Onatas' Hermes Kriophoros was identified in 1895 by Babelon and Blanchet in a bronze statuette preserved in the Cabinet des Médailles in Paris (no. 313 in their catalogue; I have only been able to consult a later edition of the catalogue, where it carries the same number and identification: Babelon, Blanchet 1924: 212). Dörig (1977: 15–21) has argued this identification extensively.

ram under his arm, and wearing a helmet on his head, and a chiton and chlamys, he is not one of Phormis' offerings, but was presented by the Arcadians of Pheneus. The inscription says that Onatas of Aegina made it, and together with him, Calliteles: it seems to me that Calliteles was either pupil or son of Onatas" (Paus. 5, 27, 8).

Pausanias also mentions a statue of Hermes Kriophoros with a ram on his shoulders by Calamis (5th century BCE) in Tanagra in Boeotia, and even describes an associated apotropaic rite involving an ephebe carrying a lamb on his shoulders around the walls of Tanagra²⁴:

ἐς δὲ τοῦ Ἑρμοῦ τὰ ἱερὰ τοῦ τε Κριοφόρου καὶ ὄν Πρόμαχον καλοῦσι, τοῦ μὲν ἐς τὴν ἐπίκλησιν λέγουσιν ὡς ὁ Ἑρμῆς σφισιν ἀποτρέψαι νόσον λοιμώδη περὶ τὸ τεῖχος κριὸν περιενεγκῶν, καὶ ἐπὶ τούτῳ Κάλαμις ἐποίησεν ἄγαλμα Ἑρμοῦ φέροντα κριὸν ἐπὶ τῶν ὤμων· ὃς δ' ἂν εἶναι τῶν ἐφήβων προκριθῆ τὸ εἶδος κάλλιστος, οὗτος ἐν τοῦ Ἑρμοῦ τῇ ἐορτῇ περίεισιν ἐν κύκλῳ τὸ τεῖχος ἔχων ἄρνα ἐπὶ τῶν ὤμων, "the temple dedicated to Hermes the Ram-bearer and the one that they call the Protector. Concerning the former epiclesis they say that Hermes averted a pestilential illness from the city by carrying a ram around its walls; to commemorate this, Calamis created an image of Hermes carrying a ram on his shoulders; and <also in commemoration> during the festival of Hermes, whoever of the ephebes is chosen as the most handsome, goes around the walls, carrying a lamb on his shoulders" (Paus. 9, 22, 1).

But more significantly still, there is the famous Moschophoros (Calf-bearer) statue from the Athenian Acropolis (Ac. 624), dating from *ca.* 560 BCE: the male figure holds a calf on his shoulders

²⁴ On this statue, see Siebert (1990: 313, no. 293) who surmises that Pausanias' account would suggest that Hermes was presented in motion, as the Kriophoros from the Cahn collection; see also Dörig (1965: 226–229). Pausanias connects the rite to the legend of Hermes protecting the city: it is probable that the rite of carrying a sacrificial animal around a territory to protect it from harm was very ancient one (and that the legend of Hermes the protector was actually invented to explain it): cf. Roman *suovetaurilia* which, according to Cato the Elder, involved leading a grown animal (*suovetaurilia maiora*) or carrying a suckling (*suovetaurilia lactentia*) around the grounds to protect them, *sive circumagi sive circumferenda uti censeas* (Cato, *De agr.* 141, 1). I thank V. P. Kazanskiene for suggesting this parallel to me.

(there are bumps on the animal's forehead, indicating the place where his horns will bud, which places its age at under two months). Although the Moschophoros statue is unique (among preserved sculptures), there may have been a variation on the Kriophoros type, involving a calf instead of a ram²⁵, and it is possible that the whole anecdote of Milo's power lifting routine might have been born of a sculpture of a calf-bearer, rightly or wrongly associated with his name²⁶. Returning to Dorieus' poem, it should be noted that, given the elusiveness and subversiveness of the text, we cannot automatically assume that a statue of a man carrying a full-grown bull (κτῆνος τὸ πελώριον) ever existed. It is much more probable that this is an ekphrasis of an imaginary statue, and that Dorieus is playing with his reader, inviting him to imagine a statue that would transgress in an exaggerated manner the well-known iconographical type of archaic and classical sculpture²⁷.

²⁵ Veyries (1886: 4) considered the Moschophoros statue an image of Hermes; however, there is nothing specifically linking it to the god, and Siebert (1990: 311) states specifically that Moschophoros cannot be considered an image of Hermes.

²⁶ Similarly, it has been reconstructed that Milo's statue in Olympia (presenting the athlete with a pomegranate in his hand and standing on an unusual base) was the source of other anecdotes about Milo's extraordinary capacities. Pausanias tells us that Milo could hold a pomegranate with such force that no one could wrestle it from him, and yet without crushing the fruit; and that he could stand on an oiled disk, and no one could make him lose his balance (Paus. 6, 14, 6–7), and Philostratus in the *Life of Apollonius of Tyana* (4, 28) says that there was a statue of Milo with these characteristics in Olympia. Scherer suggested that Philostratus was building off Pausanias, whereas Pausanias' account of Milo's prowess was an interpretation of the statue in Olympia: "dubitari autem non potest, quin Pausanias ex habitu statuae, quam Olympiae viderat, narratiunculam illam aut ipse sibi finxit aut ab interprete suo audierit" (Scherer 1885: 24). Scherer's reconstruction is largely accepted (cf. Mordze 1932: 1675; Herrmann 1988: 144 n. 39; Decker 2000: 191). For the reconstruction of the statue (with comparison with preserved sculptures with similar posture), see Ghisellini (1988: 45–49).

²⁷ It is worth noting that there was some variation in the size and age of the animal in Kriophoros statues. Cf. Dörig's analysis of the copy of Onatas' Hermes Kriophoros: "The ram is no longer shown as a thin little animal which the god proudly and almost playfully shows off on his raised left arm. The ram here is larger, heavier and rounded out more fully. The animal rests more heavily on the left arm, which is bent almost at a right

4 δι' ὄλης κοῦφα πανηγύρεως. Prose renderings of the anecdote about Milo and the bull state clearly that he carried the animal around the stadium: cf. καὶ τοῦτον περιενέγκας τὸ στάδιον... (Athen. 10, 412f, summarizing Theodorus of Hierapolis); τὸν ταῦρον ἀράμενος φέρει διὰ τοῦ σταδίου μέσου (Luc. *Char.* 8); διεκόμεσέ ποτε τὸ στάδιον (Gal. *Protr.* 13). However, Dorieus' choice of word πανήγυρις might be pointing to the procession through Altis to the Altar of Zeus (cf. Miller 2004: 124–125; see also below, on πομπεύω in v.7). The adverb κοῦφα highlights the fact that Milo carried this enormous weight as if it were light. In sculptural terms, it would suggest that the (imaginary) statue described by Dorieus presented the athlete standing tall and square (cf. the posture of Moschophoros and of the Kriophoroi listed above), and possibly even with one leg advanced, suggesting movement: cf. the Cahn Kriophoros is presented in motion (see Siebert 1990: 312 and 313, on no. 279 and no. 293, respectively).

5 θάμβος μὲν, ἀτὰρ τοῦδε πλέον ἤνυσε θαῦμα. The placement of θάμβος and θαῦμα at the beginning and at the very end of this hexameter appears deliberate. The term θαῦμα was obviously associated with Herodotus²⁸, but also with the tradition of paradoxography. Furthermore, there are traces of a discussion of semantics of θάμβος (θαμβέω) and θαῦμα (θαυμάζομαι) in the ancient scholia and lexicographers, placing them in the same semantic field, however, θάμβος visibly referring to a stronger emotion (closer to awe)²⁹. In one scholium on the *Iliad* from the *Venetus A* (remounting to Aristonicus) we find a discussion of the

---

angle. It snuggles up to Hermes' left flank, 'gentle as a lamb'" (Dörig 1977: 17).

²⁸ On θαῦμα as part of reception of Herodotus in antiquity, see Priestley (2014: chap. 2; and especially 75–78, about Herodotus' influence on paradoxographical tradition).

²⁹ E.g. θαμβάλεον· φοβερὸν, θαυμαστόν (Hsch. θ 74); θάμβος· θαῦμα. ἔκπληξις (Hsch. θ 74); σέβας· τιμή. θαῦμα. θάμβος, ἔκπληξις. αἰδώς (Hsch. σ 312). The noun θάμβος was connected with the verb θήπω and the isolated participle ταφών: cf. ταφών· θαμβήσας, ἐκπλαγείς, ἢ θαυμάσας. ἔστι δεύτερος ἀόριστος ἐκ τοῦ θήπω ἔθαπον καὶ ἔταφον καὶ ταφών (schol. in *Il.* 16, 12); θήπω, τὸ ἐκπλήττομαι, ἀφ' οὗ καὶ τάφος. καὶ ταφών δ' ἀνόρουσεν Ἀχιλλεύς, καὶ τὸ, τεθηπότες ἤύτε νεβροὶ, ἀντὶ τοῦ ἐκπλαγέντες. καὶ εἰς τὸ θάμβος (*Etym. Gud.* p. 261 de Stephani); ταφών. θαμβηθεὶς. ἐκπλαγείς. ἢ θαυμάσας (*Zon. Lex.* p. 1715).

verb θαυμάζομαι in Il. 2, 320 as insufficient for the degree of awe that would have been experienced by the spectators at the sight of snake turned to stone (Il. 2, 317–319, cf. below, on v. 8):

ἡμεῖς δ' ἔσταότες θαυμάζομεν: ὅτι ἀντὶ τοῦ ἐξεπληττόμεθα, οὐχ ὡς ἐνίοτε τίθησιν ἀντὶ ψιλοῦ τοῦ θεάσασθαι, “<it is shown that> θαυμάζομεν is used for ἐξεπληττόμεθα (we were astounded), and not as sometimes <Homer> places the verb instead of a simple θεάσασθαι (look at)” (schol. A in Il. 2, 320a).

It seems that Dorieus as well acutely aware of the discussion surrounding θάμβος and θαῦμα in Homer: he places the two words in the same verse, levelling out their semantics (θάμβος and τοῦδε πλέον... θαῦμα, where θάμβος designates Milo's carrying the steer, and θαῦμα anticipates that he will also eat the animal). Incidentally, we find reflections of the same discussion in other Hellenistic poets: e.g., when Apollonius Rhodius contaminates and transforms two Homeric formulas θαῦμα ιδέσθαι “wonder to see” (Il. 5, 725; 10, 439; 18, 83; 18, 377; Od. 6, 306; 7, 45; 8, 366; 13, 108; etc.) and μέγα θαῦμα (Il. 13, 99; 15, 286; 20, 344; 21, 54; Od. 19, 36) into μέγα θάμβος ιδέσθαι “a great awe to behold” (Apoll. Rhod. 1, 220), using the expression to characterize Boreads' wings.

6 πρόσθεν Πεισαίου... θηηπολίου. One of Athenaeus' main manuscripts (Marcianus 447, ms. of late 9th – early 10th century) gives the reading Πεισαίου, while the remaining manuscripts give Πισαίου; Olson (2020: 157) prints Πεισαίου (probably as the *lectio difficilior*³⁰). The choice of the epithet, while frequently used to simply refer to Olympia (cf. LSJ 1996: 1407, s.v. Πῖσα), in this particular case may carry not only topographical, but also chronological associations: Olympic games were initially organized by Elis, however, a century later (in 676 BCE) Pisa took over; this lasted for around a century, until Elis occupied Pisa and took back control over the games. Given Dorieus' accuracy in his choice of words, as seen in other cases, by choosing the epithet Πισαῖος he may be referring to the antiquity of the Altar of Zeus.

³⁰ The spelling Πεῖσα for ῖ (the long vowel in Πῖσα is due to digamma, cf. Myc. pi-swa) is frequent in inscriptions of Roman times: e.g. SEG 23:113, 15, and many of the inscriptions cited by Gouw (2009).

The altar itself is designated by a hapax *θυηπόλιον*³¹: this word occurs only here in Greek literature³², and was probably coined by Dorieus. It was derived from the compound *θυηπόλος* “(priest) offering / celebrating sacrifices”, which is well attested since the classical age (e.g. Aesch. *Pers.* 202; Eur. *I.T.* 1359; *I.A.* 746), as well as its cognates *θυοπολέω*, *θυηπολία*). The word is an extraordinarily apt designation for the Altar of Zeus which, as Pausanias tells us, was not a typical altar. It was conical in shape and was made up of ashes of previous sacrificial offerings; according to the figures given by Pausanias, by his time it was around seven meters high³³:

πεποιήται δὲ ἱερείων τῶν θυομένων τῷ Διὶ ἀπὸ τῆς τέφρας τῶν μηρῶν, καθάπερ γε καὶ ἐν Περγάμῳ [...] τοῦ βωμοῦ δὲ τοῦ ἐν Ὀλυμπίᾳ κρηπίδος μὲν τῆς πρώτης, προθύσεως καλουμένης, πόδες πέντε καὶ εἴκοσι καὶ ἑκατὸν ἐστὶ περίοδος, τοῦ δὲ ἐπὶ τῇ προθύσει περίμετρος ἑπακτοῦ πόδες δύο καὶ τριάκοντα· τὸ δὲ ὕψος τοῦ βωμοῦ τὸ σὺμπαν ἐς δύο καὶ εἴκοσιν ἀνήκει πόδας. αὐτὰ μὲν δὴ τὰ ἱερεῖα ἐν μέρει τῷ κάτω, τῇ προθύσει, καθέστηκεν αὐτοῖς θύειν· τοὺς μηροὺς δὲ ἀναφέροντες <ἐς> τοῦ βωμοῦ τὸ ὑψηλέστατον καθαγίζουσιν ἐνταῦθα, “it has been made from the ash of the thighs of the sacrificial victims sacrificed to Zeus, as is also the altar at Pergamon [...] Of the first level of the altar, called *πρόθυσις*, the perimeter is 125 feet; and of the level above the *πρόθυσις*, the perimeter is 32 feet; and the total height of the altar rises to 22 feet. It is customary to sacrifice the victims in the lower part, on the *πρόθυσις*; but they carry the thighs to the very top of the altar and burn them there” (Paus. 5, 13, 8–10).

Given the singular character of this altar, it is worth noting that Dorieus picked with outmost care (or possibly, even created) a rare word to designate it – *θυηπόλιον*, as both the place of sacrifice, but

³¹ As noted by Page (1981: 46), Athenaeus’ summary of Phylarchus (ταῦρον καταφαγεῖν κατακλιθέντα πρὸ τοῦ βωμοῦ τοῦ Διός) shows beyond any doubt that both he and Phylarchus understood *θυηπόλιον* as the altar.

³² See *LSJ* (1996: s.v. *θυηπόλιον*). Page (1981: 46) only notes that *θυηπόλιον* is not found elsewhere, but does not comment on the reasons for the coinage.

³³ See also Miller (2004: 89), who mentions that, while due to its organic nature, the βῶμος cannot be located, traces of the earlier altar may be preserved.

also the result of sacrificial offerings of olden days (θηηπολῖαι); as a result, the word expresses succinctly what Pausanias described in a whole phrase, πεποιήται ἱερείων τῶν θυομένων τῷ Διὶ ἀπὸ τῆς τέφρας τῶν μηρῶν, and it might also evoke obliquely the unique designation of the first level of the Altar of Zeus as πρόθυσις. It is also possible that Dorieus was influenced by Apollonius' descriptions of make-shift altars by the Argonauts on their journey:

ἐνθ' οἷγ' Ἐκβασίῳ βωμὸν θέσαν Ἀπόλλωνι,
εἰσάμενοι παρὰ θίνα, θηηπολῖς τ' ἐμέλοντο, “there they built an altar to Apollo insurer of debarkation, setting it on the shore, and concerned themselves with sacrifices” (Apoll. Rhod. 1, 966–967).
βωμὸν δ' αὖ χέραδος παρενήνεον. ἀμφὶ δὲ φύλλοις
στεψάμενοι δρυῖνοισι θηηπολῖς ἐμέλοντο,
Μητέρα Δινδυμῖην πολυπότνιαν ἀγκαλέοντες..., “and they piled an altar from pebbles. And, crowning themselves with oak leaves, they busied themselves with sacrifices, calling to the much revered Dindymian Mother...” (Apoll. Rhod. 1, 1123–1125)

7 ἐπόμπευσεν βοῦν ἄζυγον. Vv. 7–8 are cited by Eustathius (*in Od.* 206, 38), but his quotation does not differ from Athenaeus' text, and it is fairly certain that his source was Athenaeus himself (see Olson 2022: 293–462 for the large list of citations from Athenaeus in Eustathius). The banquet in honor of the victors was preceded by a procession (πομπή) around the Altis, which involved a hecatomb being led to the altar of Zeus and slaughtered there (cf. description in Miller 2004: 124–125). The verb πομπεύω, chosen by Dorieus, would suggest that Milo carried his steer as part of the πομπή, and then sacrificed it with a hecatomb; naturally, only the thighs would be burnt as an offering to Zeus, the rest of the steer would have been roasted.

7–8 εἰς κρέα τόνδε / κόψας πάντα κατ' οὔν μοῦνος ἐδαΐσατό νιν. The expression εἰς κρέα shows beyond doubt that the verb κόπτω is used here of cutting³⁴. Normally the cutting up of the

³⁴ Incidentally, Solinus' rendering of the anecdote about the steer with the unparalleled detail that Milo slayed the animal with one stroke of his fist (*etiam hoc proditur quod ictu nudae manus taurum fecit victimam eumque solidum qua mactaverat die absumpsit solus non gravatim*, Solin. 76) may reflect Dorieus' text, but with a misunderstanding (κόψας taken in the sense “to strike”).

sacrificed bull would be the task of a μάγειρος³⁵; however, Dorieus omits both the presence of the cook (so that Milo is made to butcher the animal himself), and the cooking of the meat altogether. This simplification of the realia, however, allows Dorieus to create what is one of the most extraordinary tmeses in Greek poetry. Page notes that the tmesis by οὖν between the verb is reminiscent of Herodotus³⁶, understanding κατά as pertaining to the second verbal form (κατεδαίσατο). Wackernagel, however, preferred κατά to go with κόψας, which even made him suggest an emendation for the transmitted text:

“In all these passages, ὄν (οὖν) immediately precedes the verb; in the epigram of Dorieus, we should certainly read τόνδε | πάντα κατ’οὖν μοῦνος ἐδαίσατό νιν (‘even this [ox] he [Milo of Croton] cut up and ate all on his own’) – as at Herodotus 2. 172.3, quoted above – rather than the transmitted τόνδε | κόψας πάντα κατ’ οὖν μοῦνος ἐδαίσατό νιν” (Wackernagel 2009: 616 = Wackernagel 1924–1928: II, 174).

I would suggest that both interpretations are right, and that Dorieus is in fact engaging in elaborate play with contemporary Homeric scholarship by placing κατά so that it can go both with κόψας (in anastrophe, it would have to be stressed κάτα³⁷) and with ἐδαίσατο, creating a (highly artificial!) ἀπὸ κοινοῦ construction. We know that Homeric scholars sought stylistic effects in Homer’s use of tmesis (their term for the phenomenon is ὑπερβατόν), in particular, (a) in contexts of violent separation (or cutting up), and

³⁵ See Schmitt Pantel (1997: 334–336) on the role of μάγειρος, and the two ways of preparing the sacrificial meat (by roasting on spits, and by cooking in cauldrons).

³⁶ Page (1981: 46): “the placing of οὖν between the pre-verb and the verb is a mannerism of Herodotus”; as a typical trait of Herodotus’ style, it is noted by Powell (1960: 388 s.v. ὄν.IX), Denniston (1954: 429), the *LSJ* (1996: 1272, s.v. οὖν II.2). There is, however, a fair amount of tmeses with οὖν in Hellenistic and later poetry (see Harder 2012: II, 518 on *Aet.* 64, 5). For a study of tmeses with οὖν in Herodotus, see Priestley (2009: 120–148; type 1 in her classification of Herodotean tmeses).

³⁷ We find some exceptions to this rule (especially for the preverb διά): see, e.g., the bT scholium on *Il.* 15, 522 that notes specifically that there is no change in accent of διά, despite its placement behind the verb τάμη: οὐκ ἀναστρέφεται δὲ ἡ διά, ἵνα μὴ συνεμπέση τῇ Δια αιτιατικῇ.

(b) in contexts of devouring³⁸. Thus, the scholia note, with regard to the tmesis ἵνα τάμη διὰ πᾶσαν “he severs [the bull’s] neck completely” (*Il.* 17, 522): καὶ τὸ μὲν ἐξῆς ἐστὶ διατάμη, τῇ δὲ διακοπῇ τῆς λέξεως μεμίμηται τὸ γινόμενον, “the right order is διατάμη, but the poet, by cutting up the word, created an imitation of the action” (schol. bT *in Il.* 17, 522a)³⁹. And only some twenty lines later, with regard to what became one of the stock examples of tmesis in ancient scholarship, ὡς τίς τε λέων κατὰ ταῦρον ἐδηδῶς “as some lion that had devoured a steer” (*Il.* 15, 542), the scholia explain: ἡ διακοπή τῆς λέξεως τὸν εἰς πολλὰ διεσπασμένον παρέστησε ταῦρον, οὐ τοῦ μέτρου ἀπαιτοῦντος· παρῆν γὰρ φάναι ‘ταῦρον κατεδηδῶς’, “the cutting up of the word represents the steer torn apart into many pieces, whereas the meter did not require it: for it was possible to say ταῦρον κατεδηδῶς” (schol. T *in Il.* 17, 542). It is significant that the scholiast follows up with parallels from Anacreon involving tmesis of verbs of violent separation (διὰ δὲ δειρὴν ἔκοψε μέσην “he severed the neck right in the middle”, Anacr. 441 PMG).

While Homer’s expression λέων κατὰ ταῦρον ἐδηδῶς is a rather evident (though obviously apt) analogy to Milo singlehandedly eating his steer, Dorieus, building on remarks of Homeric scholars, experiments with the limits of tmesis by creating a double tmesis, with two verbs sharing one preverb, that incorporates two types of mimetic tmesis – tmesis of violent division (κόψας... κάτα), and the tmesis of devouring (κατά... ἐδαίσατο). It is worth noting that the emphatic and rare placement of the monosyllabic pronoun *viv* at the end of the pentameter (cf. Page 1981: 46) contributes to the effect of the double tmesis, suggesting that the steer was eaten to the very last little piece.

A detailed study of the epigram on Milo and his steer preserved in Athenaeus shows that it was a work of an extremely well-read and intelligent poet. We may never know, whether Dorieus was a glutton or not, but we can tell that he was a person of great learning, and very probably an Alexandrian (or at the very least, someone

³⁸ For an overview of all the contexts in which the scholiasts perceive mimetic purpose in Homer’s use of tmesis, see Beck (2023: 82–86).

³⁹ This particular tmesis may have been imitated by Callimachus: τάμοι δ’ ἄπο μῆκος ἀοιδῆ (fr. 57, 1 Pfeiffer = *Aet.* fr. 54h, 1 Harder).

intimately acquainted with Alexandrian scholarship of his time): incidentally, the parallels and allusions to Hellenistic poetry and scholarship in the poem support the traditional date of Dorieus' life as 3rd century BCE. His choice (or invention) of the word *θηρόλιον* for the Altar of Zeus (v. 6), and the reference to the *πανήγυρις* rather than the stadium (v. 4) suggest a first-hand knowledge of Olympia and its ceremonies. At the same time, he acts as a typical Hellenistic poet, playing with his reader. What at first appears to be an account of the olden days (*τοῖος ἔην Μίλων*, v.1), turns out to be a description of an imaginary statue of the Moschophoros type: however, instead of a calf, the reader is invited to imagine Milo with a full-grown steer on its shoulders. And in the last pentameter Dorieus engages in a poetic experiment, creating a unique double tmesis coupled with an unusual placement of the monosyllabic pronoun *viv* at the end of the line, prompting his readers to visualize how the eating of the steer might have looked like.

Bibliography

- Antonaccio, C. M. 2014: Sport and Society in the Greek West. In: P. Christensen, D.G. Kyle (eds.) *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Malden MA, Oxford, Chichester: Wiley–Blackwell, 192–208.
- Austin, C. Bastianini, G. (eds.), 2002: *Posidippi Pellaei quae supersunt omnia*. Milano: LED, Edizioni universitarie di Lettere, economia, diritto.
- Babelon, E. Blanchet, J. A. 1924: *Le catalogue des médailles et antiques de la Bibliothèque Nationale : notice historique et guide du visiteur. I. Les antiques et les objets d'art*. Paris : Ernest Leroux.
- Beck, B. 2023: Homer's Verbal Mimesis in the *Iliad's* Exegetical Scholia. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 63, 78–102.
- Bing, P. 2009: *The Scroll and the Marble: Studies in Reading and Reception in Hellenistic Poetry*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Decker, W. 2000: s.v. Milon [2]. *Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike*. Bd. 8. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, Sp. 191–192.
- DELG — Chantraine, P. 1968–1980: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris: Klincksieck.
- Denniston, J. D. 1954: *The Greek Particles*. Oxford: Clarendon Press.
- Dickey, E. 1996: *Greek Forms of Address from Herodotus to Lucian*. Oxford: Clarendon Press.
- Dörig, J. 1965: Kalamisstudien. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts* 80, 138–265.
- Dörig, J. 1977: *Onatas of Aegina*. Leiden: E.J. Brill.

- Eckstein, A. M. 2013: Polybius, Phylarchus, and Historiographical Criticism. *Classical Philology* 108(4), 314–338.
- Erbse, H. (ed.) 1969–1977: *Scholia Graeca in Homeri Iliadem*. Vol. 1–7. Berolini: Walter de Gruyter.
- Ghisellini, E. 1988. La statua di Milone di Crotona ad Olimpia. *Xenia* 16, 43–52.
- Gouw, P. 2009: *Griekse atleten in de Romeinse Keizertijd (31 v. Chr. – 400 n. Chr.)*. Amsterdam: Vossiuspers UvA–Amsterdam University Press.
- Gow, A.S.F. Page, D.L. (ed.) 1965: *The Greek Anthology: Hellenistic Epigram*. Vol. I–II. Cambridge: Cambridge University Press.
- Harder, A. (ed., comm.) 2012: *Callimachus, Aetia: Introduction, Text, Translation, and Commentary*. Vol. I–II. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Hecker, A. 1852: *Commentationes criticae de Anthologia Graeca*. Pars I. Lugduni Batavorum : E.J. Brill.
- Lloyd-Jones, H. Parsons P. (eds.) 1983: *Supplementum Hellenisticum / indices confecit H.-G.-Nesselrath*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- LSJ — Liddell H. G. Scott, R. 1996: *A Greek-English Lexicon, revised and augmented by H. G. Jones, with the assistance of R. McKenzie and the cooperation of many scholars*. Oxford: Clarendon Press.
- Miller, S. G. 2004: *Ancient Greek Athletics*. New Haven; London: Yale University Press.
- Mordze, A. 1932: s.v. Milon 2. *Paulys Realencyclopädie der Altertumswissenschaft* XV.2, Sp. 1672–1676.
- Olson, S. D. (ed.) 2020: *Athenaeus Naucratis, Deipnosophistae*. Vol. III.A: Libri VIII–XI. Berlin; Boston: de Gruyter.
- Olson, S. D. (ed.) 2022: *Athenaeus Naucratis*. Vol. V: *Testimonia et indices*. Berlin; Boston: de Gruyter.
- Page, D.L. (ed.) 1975: *Epigrammata Graeca*. Oxford: Clarendon Press.
- Page, D.L. (ed., comm.) 1981: *Further Greek Epigrams: Epigrams before A.D. 50 from the Greek Anthology and other Sources, not included in 'Hellenistic Epigrams' or 'The Garland of Philip' / revised and prepared for publication by R.D. Dawe, J. Diggle*. Cambridge; London; New York: Cambridge University Press.
- Powell, E. J. 1960. *A Lexicon to Herodotus*. Hildesheim: Georg Olms.
- Priestley, J. 2009: Tmesis in Herodotus. *Glotta* 85, 118–178.
- Priestley, J. 2014: *Herodotus and Hellenistic Culture: Literary Studies in the Reception of the Histories*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Reitzenstein, R. 1893: *Epigram und Skolion: ein Beitrag zur Geschichte der alexandrinischen Dichtung*. Giessen: J. Ricker.
- Sacks, K. S. 1981: *Polybius on the Writing of History*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Scherer, Chr. 1885: *De olympionicarum statuis: Dissertatio philologica*. Göttingen: Officina academica Dieterichiana.

- Schmitt Pantel, P. 1997: *La cité au banquet : histoire des repas publics dans les cités grecques*. Rome: École française de Rome, Palais Farnèse.
- Siebert, G. 1990. s.v. Hermes. *Lexicon iconographicum mythologiae classicae*. Bd. V.1. Zürich; München: Artemis Verlag, 285–387.
- Slater, W. J. (ed.) 1986: *Aristophanis Byzantii fragmenta*. Berlin: De Gruyter.
- Veyries, A. 1886. *Figures criophores dans l'art grec, l'art gréco-romain et l'art chrétien*. Paris: Ernest Thorin.
- von Wilamowitz-Moellendorf, U. 1962: *Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos*. 2 Aufl. Hildesheim: Weidmann.
- Wackernagel, J. 1924–1928: *Vorlesungen über Syntax, mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch*. Bd. I–II. Basel: Birkhäuser.
- Wackernagel, J. 2009: *Lectures on Syntax, with Special Reference to Greek, Latin, and Germanic* / ed. with notes and bibliography by D. Langslow. Oxford: Oxford University Press.
- Yanzina, E. V. Korneev, O. V., 2020: [Στεφανοῦσθαι, ἡττᾶσθαι, ἱερὸν ποιεῖν: Some features of the attitude of ancient Greeks towards athletic victories and defeats]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 24(2),
- Янзина, Э. В. Корнеев, О. В. 2020: Στεφανοῦσθαι, ἡττᾶσθαι, ἱερὸν ποιεῖν: о восприятии древними греками спортивных побед и поражений. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 24, 913–929.

В. П. Казанскене

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
v.kazanskene@spbu.ru

ОТКУДА ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ? К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТАС. *GERM.* 45, 1–2

Статья посвящена пассажи из *Германии* Тацита (45, 1–2), на который не часто обращается внимание в научной литературе. Тацит рассказывает о поверии, которое бытует у свионов, что на еще более северных территориях на рассвете можно услышать, как солнце выныривает из воды, а также увидеть очертания его коней и даже лучи венца Солнца. Этот пассаж не находит параллелей в античных источниках (особенно деталь о звуках восходящего из моря солнца). В статье показано, что рассказанное Тацитом поверие (*persuasio*) сохраняет элемент германо-скандинавского фольклора. Источник сведений в данном случае установить сложно, но не исключено, что Тацит мог узнать об этом поверии лично от местных информантов.

Ключевые слова: Тацит, Германия, свионы, эстии, колесница солнца, кони солнца, германский фольклор.

V. P. Kazanskene

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. v.kazanskene@spbu.ru

Where does the Sun emerge from the Sea? On Tacitus (*Germ.* 45, 1–2)

This article discusses a passage from Tacitus' *Germania* (45, 1–2), which has not received much scholarly attention. Tacitus recounts a belief (*persuasio*) current among the Suiones that further to the north at daybreak it is possible to hear the Sun riding out of the sea, to see the forms of the Sun's horses and even the rays on the Sun's head. This passage is unique in Antiquity (especially the detail about the sounds of the rising Sun). It is shown that the belief (*persuasio*) recounted by Tacitus preserves a strand of authentic Germanic-Scandinavian folklore tradition. Tacitus' source for this belief about the rising of the Sun is difficult to establish, but it is possible that he gathered it himself from the locals, or through acquaintances.

Keywords: Tacitus, *Germania*, Suiones, Aestii, Chariot of the Sun, horses of the Sun, Germanic folklore.

Глава 45 *Германии* Тацита является одним из важнейших источников о балтийских племенах (особенно об эстиях, Aestii), и потому часто используется в исследованиях по ранней истории

балтийских народов¹. Данная же статья посвящена одной детали из той же главы, чуть предшествующей упоминанию об эстиях, которая, на мой взгляд, незаслуженно осталась без внимания. Тацит рассказывает о местах на краю света:

Trans Suionas aliud mare, pigrum ac prope immotum, quo cingi claudique terrarum orbem hinc fides, quod extremus cadentis iam solis fulgor in ortus edurat adeo clarus ut sidera hebetet; sonum insuper emergentis audiri formasque equorum et radios capitis aspici persuasio adicit. Illuc usque, et fama vera, tantum natura (Tacit. *Germ.* 45, 1–2).

«За свионами (т. е. к северу от свионов – В. К.) находится еще одно море, спокойное (букв. ленивое) и почти недвижимое, которым, как гласит поверье, опоясывается и замыкается земной круг, поскольку последнее сияние уже заходящего солнца продолжается вплоть до восхода настолько ярким, что оно затмевает звезды; кроме того поверье прибавляет, будто можно услышать звук всплывающего <из воды> солнца и увидеть фигуры коней² и лучи головы (самого солнца). Только до этого места — и молва соответствует истине – существует живая природа»

Данный пассаж не находит прямых параллелей не только в античной историографии и этнографии, но и в более поздних источниках. Данная статья ставит задачей оценить, насколько Тацит в данном пассаже оригинален, и насколько аутентично сохраненное им поверье.

Тацит пишет о местах, которые находятся к северу от свионов, т. е. об абсолютном крае мира. Поскольку знание о столь отдаленных местах не может быть точным, он аккуратно маркирует степень достоверности для своих читателей. Он начинает с описания «ленивого и почти недвижимого моря»: эта географическая и картографическая информация вполне достоверна и не отмечена авторской оценкой. Но уже второе сведение об этом море (что оно опоясывает и замыкает земной круг) Тацит

¹ Можно упомянуть в числе таких исследований, Jovaiša (2013) со ссылками на более ранние исследования; Alekna (2010); Zinkevičius (2010); Kusmenko (2011: 168–170). Список, разумеется, не полный.

² В большинстве рукописей *Германии* Тацита здесь читается не equorum, а deorum: equorum подписано на полях одной из рукописей XV в. (Codex Vaticanus Urbinas Lat. 412 [655]; см. критический аппарат к данному месту в издании Эннефорса (Önnerfors 1983: 30). Несмотря на это, чтение equorum является несомненно верным, и принимается издателями Тацита. Подробный разбор разночтения см. у Лунда (Lund 1988: 231).

сопровождает пометкой *hinc fides* «существует верование»: *hinc fides* отражает, с одной стороны, верование свионов, а с другой стороны, доверие к этому представлению у мореплавателей, которые могли заключить по непривычному поведению солнца (т. е. белым ночам), что это море, над которым не заходит дневной свет, действительно является краем земли. Третий элемент (о звуках, сопровождающих всплывающее из моря солнце, об очертаниях его коней и даже лучах, исходящих от его головы), Тацит вводит наречием *insuper* и оценивает достоверность, вводя слово *persuasio*. *Оксфордский латинский словарь* приводит для *persuasio* целый ряд переводов, значение которых варьируется от твердой уверенности до народного поверья, и даже фантазии или ложного верования³. Но, скорее всего, использование *persuasio* в *Germ.* 45, 1 близко к употреблению в *Агриколе*, где Тацит говорит о *superstitionum persuasione* галлов (*Agr.* 11, 3)⁴. Комментаторы и переводчики⁵ сходятся на том, что Тацит к рассказу об упряжке солнца, которую можно увидеть и услышать на рассвете, относится не как к объективному факту, но с недоверием как к поверью (особенно по контрасту с уверенной интонацией парентезы *et fama vera* в последнем предложении отрывка). Пассаж завершается информацией, в которой Тацит однозначно уверен: за этим местом, к северу от свионов, где из моря появляется солнце, уже более ничего живого нет.

Выражение *mare pigrum ac prope immotum* не является оригинальным — он использует очень похожую характеристику в *Агриколе*: *mare pigrum et grave remigantibus...* (Tac. *Agr.* 10, 16). Многие из упомянутых Тацитом деталей об этом «ленивом и недвижимом» море на крайнем севере в античной географии (и шире, в античных представлениях о мире) были общеизвестными.

³ OLD (1968: 1358, s.v. *persuasio* 3): “firm belief, conviction, persuasion; **b** a popular belief; **c** a false belief, fancy”; ср. Keulen 1997–2010: col. 1770, s.v. *persuasio* II.B: “spectat ad opinionem, cogitationem, existimationem (notione vergente ad bonam vel neutram partem significatur existimatio omnium [...]); notione vergentem ad malam partem adhibetur de opinione falsa, praecipua haeretica, ut sit i.q. error, deceptio, superstitio”.

⁴ Эти два пассажа стоят рядом в лемме Койлена (Keulen 1997–2010: 1770).

⁵ Anderson (1938: 208, *ad loc.*): “*persuasio*, ‘popular belief’, which Tacitus evidently did not share. The word is contrasted with *fama vera* and with *fides* above”; Мариотти и Канали в своих изданиях переводят *persuasio* как *credenza* (Канали поясняет: “[Tacito] stesso dubita di quanto segue”, Canali 1991: 107 *ad Tac. Germ.* 45, 1).

Из греческих географов о нем писали Пифей из Массилии (об этом упоминает Страбон — 1, 4, 2) и Филемон (о чем упоминает Плиний Старший, *Nat. Hist.* 4, 94 — см. цитату ниже). Оно также неоднократно упоминается в римских источниках: так, Плиний в своем описании делает акцент на том, что море не движется (либо через характеристику, что оно «мертво», либо через пояснение, что оно затвердело от холода):

Plin. *Nat. Hist.* 4, 94: Philemon Morimarusam a Cimbris vocari, hoc est mortuum mare, «Филемон говорит, что кимбры его называют Morimarusa, т. е. мертвое море...»

Plin. *Nat. Hist.* 4, 104: a Tyle unius diei navigatione mare concretum a nonnullis Cronium appellatur, «на расстоянии одного дня плавания от Тулы находится затвердевшее море, которое некоторые называют морем Кроноса⁶».

Вольф предполагал, что Тацит взял эти сведения из Эратосфена, опиравшегося на Пифея⁷. Представление о том, что белые ночи в северных широтах связаны с близостью к тому месту, откуда поднимается солнце, также очевидно опирается на предшествующую традицию. Так, Помпоний Мела в своей *Хорографии* пишет:

Thyle Belcarum litori adposita est, Graeis et nostris celebrata carminibus. in ea, quod ibi sol longe occasurus exsurgit, breves utique noctes sunt, sed per hiemem sicut aliubi obscurae, aestate lucidae, quod per id tempus iam se altius evehens, quamquam ipse non cernatur, vicino tamen splendore proxima inlustrat, per solstitium vero nullae, quod tum iam manifestior non fulgorem modo sed sui quoque partem maximam ostentat (Mela 3, 6, 57).

«Прилежит к берегу белков Тула, воспетая в греческих и наших (т.е. римских — В.К.) поэмах. В ней, поскольку солнце там встает так, что заход его случится не скоро, ночи непременно коротки, но зимой они темны, как и в других местах, а летом светлы, потому что в это время солнце возъезжает еще выше, пусть оно само невидимо, но освещает своим сиянием окрестность; а в момент солнцестояния ночей вообще нет,

⁶ Название «море Кроноса» было закреплено за Арктическим океаном: название является не ранним, и возможно, ассоциация Кроноса объясняется мертвенностью и застыванием его (см. подробнее Phillips 1969).

⁷ Wolf (1907: 100, *ad Tac. Germ.* 45, 1): “*mare pigrum*. Dasselbe Wundermeer, welches man bei Thule gefunden haben wollte, wird schon Pytheas ‘nach Hörensagen’ als das ‘geronnene’ erwähnt und ist wahrscheinlich durch das Eratosthenes Vermittelung dem Tacitus bekannt geworden”.

поскольку тогда солнце, являясь более видимым, показывает не только свой свет, но и большую часть себя самого»

Согласно Помпонию Меле, чем ближе к северу, тем короче ночи: только в зимнее время они темны, как и в других широтах, а летом — светлы. В данном пассаже примечательно, что Мела не говорит открыто о конях (колеснице) Солнца, но выбор выражения *altius evehens*, как кажется, подразумевает именно такое представление. У самого Тацита схожий пассаж встречается в *Агриколе* применительно к Британии, где Агрикола вел военную кампанию. Тацит отмечает краткость ночей на севере, давая этому явлению иное объяснение:

dierum spatia ultra nostri orbis mensuram; nox clara et extrema Britanniae parte brevis, ut finem atque initium lucis exiguuo discrimine internoscas. quod si nubes non officiant, aspici per noctem solis fulgorem, nec occidere et exurgere, sed transire adfirmant. scilicet extrema et plana terrarum humili umbra non erigunt tenebras, infraque caelum et sidera nox cadit (Tac. *Agr.* 12, 3–4).

«Продолжительность дня (в Британии — В. К.) больше, чем в наших краях; ночи светлые и в самой отдаленной части Британии короткие, так что можно отличить лишь совсем небольшим интервалом конец и начало дневного света (т.е. вечернюю и утреннюю зарю). И потому, если бы не мешали тучи, утверждают, что можно даже ночью увидеть сияние солнца, и что оно не заходит и не восходит, но переходит (вероятно, о перемещении по небосклону — В. К.). То есть плоские края земли не поднимают мрака из-за низкой тени, <которую они отбрасывают>, из-за чего темнота сходит на землю ниже неба и звезд».

Согласно Тациту, единственное, что мешает наблюдать белые ночи в Британии — это пасмурный ее климат (*si nubes non officiant*). Примечательно его описание траектории солнца в этих северных местах: подчеркивая, что его сведения из вторых рук, Тацит говорит, что солнце в ночное время не «заходит – восходит», но переходит (*nec occidere et exurgere, sed transire adfirmant*).

Сравнение этого пассажа из *Агриколы* с *Germ.* 45, 1–2 позволяет заметить, насколько уникальной была упомянутая Тацитом деталь о звуках появляющегося из воды солнца, как и представление об очертании коней и венца лучей на голове самого солнца. В частности, о звуках восходящего солнца Андерсон отмечает в своем комментарии уникальность этой детали, приводя из античных источников в качестве (далекой) параллели лишь идею о том, что заходящее в Океан солнце должно звучать как

раскаленное железо, опущенное в воду⁸. Также важно отметить, что этот пассаж не находит параллелей и в *Агриколе* (в отличие от остальных деталей, которым можно было привести соответствие — см. выше), а это заставляет предположить, что данное представление специфично для Германии (я использую это обозначение в тацитовском понимании). Зато Вольф заметил две параллели из германского фольклора, во-первых, сравнив звуки восходящего солнца с замечанием Якова Гримма в *Немецкой мифологии* о значении, которое придается звукам на рассвете и заходе солнца:

„Aus einem tiefen Zusammenhang der Begriffe des Lichts und Schalls, der Farbe und des Tons, läßt sich jenes Geräusch, jener Klang verstehen, welchen man der auf- und untergehenden Sonne zuschrieb“ (цит. по комментарию Вольфа; Wolf 1907: 101).

И, во-вторых, Вольф (*ibid.*) сравнил деталь о звуках солнца со звучанием солнца на восходе у Гёте (*Faust II*, 1; эту параллель упоминает и Anderson 1938: 209, который также усматривает идею звука во внутренней форме слова «рассвет» в германских языках, *daybreak, Tagesanbruch*).

Я хочу предположить, что та *persuasio*, которую пересказывает Тацит в *Germ.* 45, 1–2, представляет собой ценное свидетельство аутентичных скандинаво-германских представлений и мифов о движении светил: согласно этому представлению (возможно, оно существовало не только у свионов), где-то еще далее к северу, человеку, оказавшемуся на самом краю мира, удалось бы услышать и увидеть появление солнца. Представление о колеснице солнца, разумеется, распространено во многих индоевропейских мифологиях – в Персии, в Индии, у греков и римлян (изображения солнца на коне или упряжке коней встречаются, начиная с VII в. до н. э., и это представление прекрасно засвидетельствовано в текстах). Из комментаторов, Андерсон и Кавалли упоминают найденное в Труднхольме (Зеландия) изображение колесницы

---

⁸ Anderson (1938: 209): “The popular belief that the setting sun made a hissing noise as it dropped into the ocean, like red-hot iron plunged into water, is first mentioned by Epicurus and later by many writers, e.g. Posidonius (*ap. Strabo* 3, 1, 5), Juvenal (14, 280), etc.; but no other classical writer connects the belief with the rising sun”. Кавалли, на наш взгляд, неоправданно упрощает картину, связывая *sonum emergentis* с тем же звуком огня, опущенного в воду: “*lo sfrigolio del carro di fuoco nelle acque*” (Cavalli 1991: 107, *ad Germ.* 45, 1).

солнца, запряженной одним конем (хранится в музее Национальном музее Дании)⁹.

Я полагаю, что в этом месте Тацит сохраняет фрагмент мифа северных народов (возможно даже не конкретно только свионов): согласно этому представлению где-то еще более к северу, человеку, оказавшемуся на самом краю мира, удалось бы услышать и увидеть появление солнца из моря. Откуда Тацит узнал о поверии, установить не получается: он мог услышать его сам от местных жителей, но также мог получить из вторых рук (ср. удобную классификацию источников *Германии* у А. Гудемана¹⁰). Несмотря на свое недоверие, Тацит включает *persuasio* о том, что на краю земли можно увидеть и услышать восход солнца. Выбор слов в его пересказе показывает, что это представление казалось Тациту красивым, даже можно сказать, поэтичным, и он приложил усилия, чтобы оформить его красиво¹¹: ср. градацию трех параллельных выражений (*sonum emergentis... formas equorum... radios capitis*), подчеркивающую приближение восхода солнца.

Литература

- Alekna, D. 2010: Dar kartą apie Tacito aisčius. *Istorija* 80, 3–20.
- Anderson, J. G. C. (ed., comm.) 1938: *Cornelii Taciti De origine et situ Germanorum*. Oxford: Clarendon Press.
- Canali, L. (ed., tr., comm.) 1991: *Tacito. La Germania*. Pordenone: Edizioni Studio Tesi.
- Gudeman, A. 1900. The Sources of the Germania of Tacitus. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 31, 93–111.
- Jovaiša, E. 2013: *Aisčiai. Kilmė*. Vilnius: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla.

---

⁹ См. Anderson (1938: 209); Cavalli (1991: 107).

¹⁰ Gudeman (1900: 93): “I. Information at first hand acquired by the author himself in German territory through personal interviews and observations; II. Information at second hand, furnished: (a) by friends or acquaintances who had been in Germany or on the frontier, either in private capacity or in the army, and finally through the medium of traders; (b) by literary records dealing incidentally, professedly or exclusively with Germanic geography and ethnology”.

¹¹ Поэтический эффект здесь подмечает Олкотт, правда, выделяя иные детали, нежели мы: “The rhetorical contrast between the falling sun, characterized by its lasting light, and the rising sun, characterized by its sound (*cadentis iam solis fulgor... sonum insuper emergentis*), suggests that Tacitus sought a poetic effect here” (Olcott 1985: 303).

- Keulen, W. H. 1997–2010: s.v. *persuasio*. In: *Thesaurus linguae latinae*, Vol. 10, col. 1768–1772.
- Kusmenko, Ju. K. 2011: [*Early Germans and their Neighbors*]. Saint-Petersburg: Nestor–Istoria.
- Кузьменко, Ю. К. 2011: *Ранние германцы и их соседи*. СПб: Нестор-История.
- Lund, A. A. (ed., tr., comm.) 1988: *P. Cornelius Tacitus, Germania*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Mariotti, Sc. (ed., comm.) 1981: *Tacito. La Germania*. Torino: Loescher editore.
- Olcott, M. D. 1985: Tacitus on the Ancient Amber-Gatherers: A Re-evaluation of Germania. *Journal of Baltic Studies* 16(3), 302–315.
- OLD 1968 — *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press.
- Önnerfors, A. (ed.) 1988. *Cornelii Taciti libri qui supersunt*. T. II.2: *De origine et situ Germanorum liber*. Stuttgart: B.G. Teubner.
- Perret, J. (ed., trad.) 1983: *Tacite. La Germanie*. Paris: Belles lettres.
- Phillips, E.D. 1969. Κρόνιον πέλαγος. Notions of the Arctic Ocean in Ancient Geography. *Euphrosyne* 3, 193–197.
- Syme, R. 1958: *Tacitus*. Vol. I–II. Oxford: Clarendon Press.
- Wolff, E. (ed., comm.) 1907: *Tacitus' Germania, für Schulgebrauch erklärt*. Leipzig, Berlin: B.G. Teubner.
- Zinkevičius, Z. 2010: Ar Tacito Aestiorum gentes yra estai? *Archivum Lithuanicum* 12, 345–352.

Н. Н. Казанский

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
nkazansky@iling.spb.ru

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ¹

«Прямые причины действуют только в границах соразмерности»
Б. Л. Пастернак «Доктор Живаго», Часть 11, гл. 8.

В статье рассматриваются взгляды М. И. Стеблин-Каменского (1903–1981), в 1961 году посвятившего исследование изучению причинно-следственных связей в истории языка.

Автор показывает, что прямые причинно-следственные связи возможно обнаружить только когда речь идет о масштабных изменениях, затрагивающих едва ли не всю языковую систему.

Ключевые слова: М. И. Стеблин-Каменский, диахроническая лингвистика, причинно-следственные связи в истории языка.

N. N. Kazansky

Institute for Linguistic Studies, RAS, SPb, Russia. nkazansky@iling.spb.ru

Causes and consequences in diachronic linguistics

The article examines the views of M. I. Steblin-Kamensky (1903–1981), who in 1961 devoted an article to the study of cause-and-effect relationships in the history of language.

The author proves that direct cause-and-effect relationships in the history of a language can only be traced when we are talking about large-scale changes affecting almost the entire language system.

Keywords: M. I. Steblin-Kamensky, diachronic linguistics, cause-and-effect relationships in the history of language.

---

¹ Автор благодарит анонимных рецензентов, а также Н. Л. Сухачева, А. Ю. Русакова и А. Н. Соболева за внимательное критическое прочтение текста статьи и важные замечания. К сожалению, учесть все пожелания А. Н. Соболева у меня не получилось, в частности отмеченная им «желательность эксплицировать различия между “внутренней” и “внешней” историей языка». А. Н. подчеркнул также, что «языковые контакты — очевидная причина языковых изменений» и что «структуралистски понятие “принципы”, например, “экономии” — причина неочевидная, но между набором языковых элементов и правилами их дистрибуции причинно-следственные отношения установить можно». Этот перечень вопросов представляется едва ли не основным для возможного развития затронутой в данной статье темы.

Достаточно часто в языковедческих работах, затрагивающих вопросы диахронической лингвистики, можно найти утверждение о бессмысленности поиска причинно-следственных связей в истории языка. Иногда понятие *причинности* просто подменяют *последовательностью* языковых состояний². При этом авторы логических умозаключений понимают под причинно-следственной связью такую, где следствие неизбежно вытекает из причины, а отсутствие следствия говорит об отсутствии причины³. В ряде умозаключений причина толкуется как «генетическая связь между отдельными состояниями видов и форм материи в процессах ее движения и развития»⁴. Нельзя не отметить, что словоупотребление «генетическое» в данном случае призвано подчеркнуть именно причинно-следственную связь явлений, наблюдаемых во времени, то есть в рамках исторической последовательности.

Действительно, если ограничиваться, например, изменениями на уровне фонологии, мы не обнаружим случая, который бы с неизбежностью требовал изменения $B \rightarrow C$, коль скоро ему предшествовало изменение $A \rightarrow B$. Такую модель развития, подразумевающую существование жесткой цепочки последовательных причинно-следственных трансформаций, невозможно подтвердить сколько-нибудь надежными примерами звуковых изменений⁵. Не поддаются такому определению и морфологические примеры. Изменения в области лексики изучены явно недостаточно даже для постановки такого вопроса (исключая калькирование слова и ситуации, когда изобретение заимствуется вместе с названием изобретенного предмета). Из-за отсутствия бесспорных по строгости примеров современная лингвистика при интерпретации языковых изменений почти не использует объяснений, основанных на выявлении причинно-следственных

---

² Встречаются даже такие совсем неграмотные формулировки: «Диахронически ориентированная лингвистика исследует временные и тем самым причинно-следственные связи в языке» (сайт <https://studfile.net/preview/7639608/page:3/>), очевидным образом нарушающие логическое правило *ante hoc non propter hoc*.

³ Ср.: «Под причиной понимается явление, которое так связано с другим явлением, называемым следствием, что его возникновение неизбежно влечет за собой возникновение следствия и уничтожение его влечет за собой уничтожение следствия» (Kondakov 1975: 479).

⁴ Kuznetsov, Sachkov 1983: 531.

⁵ При этом можно выделять цепочки последовательных фонетических изменений, то, что в англоязычной литературе принято называть *chain shift*. Важно подчеркнуть, что прямая принадлежность к причинно-следственным отношениям в этом случае не предполагается, хотя они безусловно взаимосвязаны.

отношений. Есть все основания вспомнить, что еще в начале XX века при интерпретации хода языковых изменений нередко упоминалась восходящая к Аристотелю телеология⁶. В настоящее время теории, в которых постулируется детерминизм, фактически не имеют сторонников, хотя языковеды XIX века использовали телеологические модели, подразумевая что-то похожее на «эффект домино», когда фонетические изменения вызывают разрушения в области морфологии, которые в свою очередь влияют на синтаксис предложения.

В качестве показательного примера ссылались на развитие французского *e muet* в фр. *chause* < лат. *causam*, где морфология классического латинского языка рушится по чисто фонетическим причинам, из-за чего становятся непонятными синтаксические роли грамматических форм в предложениях на языке со свободным порядком слов.

В приведенном построении два уязвимых места.

1. Многие изменения не приводят к ожидаемому результату. Приведенный хрестоматийный пример связан с фонетическим изменением в конечном закрытом слоге в латинском языке, что приводит к отпадению показателя аккузатива. Этот пример безупречен только применительно к поздней латыни, поскольку хорошо известно ослабление конечных *-m* и *-s* в архаическом латинском языке, еще сохранявшихся во времена Цицерона и Квинтилиана (Kazansky 2022: 294–296). Как известно, это фонетическое ослабление никак не повлияло на изменения в области именной морфологии латинского языка классического периода.

2. Едва ли можно постулировать такого рода прямолинейность и однонаправленность в развитии языковых явлений. Существуют, например, надежные примеры влияния синтаксиса на фонетику и на морфологию, показывающие, что влияние одного яруса (уровня) языка на все другие не исчерпывается одной линией

---

⁶ Так, например, Трубеткой пишет о работе Якобсона (Jakobson 1962: 2): «Целевое (телеологическое) объяснение возникновения фонетических изменений, конечно, может и должно открыть много существенно нового и важного. Но я все же не думаю, чтобы это объяснение должно было совершенно вытеснить и упразднить и объяснение “генетическое”. В жизни языка параллельно действуют оба фактора...» (Trubetzkoy 2004: 104, письмо XXXI). Можно думать, что М. И. Стеблин-Каменский едва ли случайно в своей статье нигде не упомянул телеологию. Идея телеологии включает самым прямым образом причинные объяснения, но такое объяснение предполагает, что нам известна цель эволюции, но не объясняет, каким именно образом эта цель сформировалась.

единственно допустимого развития, сколь бы логичной она не представлялась исследователю. Влияние синтаксиса на фонетическую форму слова со времен Ципфа иллюстрируют сохранением тембра этимологического гласного в английском слове *master* в выражениях *my Master* 'мой господин', *Master degree* 'магистерская степень', но *Mister Smith* перед именем собственным (на которое естественным образом падает логическое ударение)⁷.

Если обобщить многочисленные частные наблюдения, связанные с влиянием морфологии на фонетику и фонологию, с влиянием синтаксиса на морфологию, фонологию и фонетику, приходится заключить, что «все может влиять на все». Такая формулировка, констатирующая одновременное разнонаправленное развитие на разных уровнях языка, фактически исключает сколько-нибудь научные подходы к изучению причинно-следственной обусловленности лингвистических изменений. При этом вся история языка превращается в набор ничем не провоцируемых и ничем не регламентируемых изменений. Ошибочность подобного вывода со всей очевидностью показывает монография Андре Мартине⁸ «Принцип экономии в фонетических изменениях», согласно которому результат фонетических изменений чаще связан с уменьшением усилия при произнесении (например, переход смычного в спирант, когда при прохождении воздушной струи полная окклюзия с последующим взрывом заменяется сужением, через которое проходит струя воздуха). С другой стороны, эпентетический согласный всегда представляет собой смычный, который, пусть и не столь регулярно, появляется в определенных фонетических позициях (греч. ἀνίρ, ἀνδρός и под.).

М. И. Стеблин-Каменский в статье «Доступны ли изучению причинные связи в истории языка?» последовательно разбирает несколько возможных подходов к диахронической лингвистике, каждый раз отмечая, что результат анализа позволяет установить

---

⁷ См. Zipf 1929: 8. Ципф строил свою теорию на наблюдении, согласно которому прослеживаются влияния акцентных условий на форму слова, а наиболее частотные формы закрепляются в языке. На это важное замечание обратили внимание уже рецензенты, ср. рецензию А. Жюре (Juret 1930: 398): «Mais l'accent est plus ou moins fort: il dépend de la fréquence de chaque élément de la parole, c'est-à-dire du degré d'habitude familière que nous en avons soit en parlant, soit en écoutant. Ce qui est fréquent et familier a moins d'accent que les éléments rares ou moins fréquents. Par suite, c'est ce qui est fréquent qui change. Exemple: angl. *master* devenu *mister*».

⁸ См.: Martinet 1955. Русский перевод (М.: Изд-во: иностранной литературы, 1960) был несколько сокращен за счет лингвистических примеров.

отдельные факты, относящиеся к истории языка, но не причинные связи как таковые. В названной выше статье он исходит из нескольких постулатов, включая утверждение, что «Причинные связи существуют во всех протекающих во времени явлениях природы и общества, в частности и в истории языка» и что «Познание этих связей — одна из важных задач науки» (Steblin-Kamensky 1961: 121).

На поставленный вопрос, доступны ли для изучения причинные связи, М. И. Стеблин-Каменский дает положительный ответ: «Да, доступны» (с. 124). При этом «в истории языка должно найти место изучение самых разнообразных факторов развития, в частности, не только внутренних, но и внешних. В общественных явлениях, и в частности в истории языка, причинные связи конечно сложнее, чем в элементарных явлениях природы» (с. 123). Автор завершает эту мысль следующим замечанием: «в той мере, в какой в истории языка есть регулярная повторяемость определенных типов последовательности событий, можно говорить о законах языкового развития».

Наверное, объективности ради следует сказать, что «в элементарных явлениях природы» скрываются очень непростые связи, в том числе и связи причинные, которые изучают физики, о чем свидетельствует немалая литература. Н. Л. Сухачев напомнил мне, что во время написания статьи М. И. Стеблин-Каменского проблемы причинности вызвали в обществе неподдельный интерес⁹.

Общие закономерности языкового развития продолжали обсуждаться и после, ср. например, материалы «II Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкознания «Диалектика языкового развития» (М., 1980)». Замечу, что «законы языкового развития» трудно напрямую соотнести с причинно-следственными связями, а вопросы развития (и тем более прогресса) в языке не всегда ставились корректно. Мне вспоминается доклад М. А. Бородиной, которая отмечала количественный рост названий для оттенков цвета во французском языке в последние десятилетия XX в., ссылаясь, в том числе, на определение красок в автомобильных каталогах и реакцию А. Л. Грюнберга, который поставил под сомнение принадлежность языку всех этих названий цвета, употребительных в речи специалистов по покраске кузовов автомобиля. Грюнберг в этом был прав: набор обозначений даже цвета кузова ограничен привычными названиями цвета, когда сообщают о приметах вызванного такси («вас ожидает серый,

---

⁹ См.: Bohm 1959; Bunge 1962. Можно также вспомнить, что в это время пользовалась большой популярностью книга Н. А. Козырева (Kozyrev 1958), с которым Михаил Иванович был знаком.

бежевый...» и др. названия цвета, но не терминологические *мокрый асфальт* и под.). Между тем, мысль М. А. Бородиной была правильной, а связи совершенно отчетливы: от античного деления радуги на четыре группы цвета происходит после Ньютона переход к делению радуги на семь цветов, для которых подбирают еще и синестезические соответствия в звуковой гамме, которая появилась как таковая только при хорошо темперированном clavire. В этом можно усмотреть и эволюцию мысли, отраженную в языке и в картине мира. Наблюдаемое изменение представляет собой качественный сдвиг, обусловленный и развитием научной мысли, и усложнением приемов художественного творчества. Доступность определенного набора средств для передачи цвета, оттенков и фактурных качеств во многом предопределяет возможности их осмысления и номинации, то есть отражает различия цветообозначений в языках и даже пределах одного языка в различные исторические периоды.

Отдельно следует рассматривать использование (что равно в ряде случаев восприятию всем обществом) отдельных групп цвета как радующих, или внушающих страх и отвращение, или жестко связанных с социальной иерархией, например, багрец и золото как символы власти в Римской империи и в Византии, а также в Западной Европе. Такое ощущение цвета может сохраняться тысячелетиями, как показывает фр. *livide* в сравнении с лат. *lividus*. В обоих случаях цвет вызывает резко отрицательные ассоциации, заложенные еще в римской культуре. При этом перевести на русский язык это прилагательное не всегда возможно. Мы описываем для латинского языка этот цвет как цвет недозрелой сливы (еще с зеленоватым оттенком).

Как определить причинно-следственные связи в случае такой преемственности и устойчивости представлений? Нам не с чем здесь сравнить имеющиеся данные, поскольку насыщение цветообозначениями происходит в латыни в классический и пост-классический период под сильным греческим влиянием, а интересное нас слово является собственно латинским.

Тем не менее, мы можем утверждать, что причинно-следственные связи существуют: романские языки являются следствием существования латинского языка на всей территории Римской империи. Подчеркну, что на этом уровне у нас есть возможность говорить о прямых причинно-следственных связях отраженных в отдельных романоязычных идиомах и ареалах несмотря на все субстраты, адстраты, суперстраты испытывавших общие тенденции развития: сокращение числа падежей в поздней латыни и в романских языках сейчас не просто объяснить как результат фонетического сдвига с отпадением флексии аккузатива, приведшего к неразличению форм аккузатива и номинатива (морфология).

Когда Вильгельм фон Гумбольдт разделил языки на типы (инкорпорирующие, агглютинирующие, фузионные и аналитические) и когда на основе этой классификации Н. Я. Марр пытался выстроить эволюцию человеческого мышления, он уже не упоминал о телеологии, о которой ученые время от времени говорят применительно к самым общим проблемам. Например, иногда говорят о телеологии, рассуждая о Вселенной, красоте которой способен оценить только человек (как венец творения?). Следует, вероятно, отметить, что телеология оказывается в большей степени связанной с креационизмом, нежели с эволюционной теорией. Эволюционная теория (о чем сейчас вспоминают нечасто) не ограничивается эволюцией животных организмов, но применялась и к растениям в трудах акад. А. Л. Тахтаджяна (см.: Takhtajan 2007). Мне неизвестны труды по эволюции грибов. Попытки возродить в наше время принятую в XIX в. гипотезу последовательного развития типов языковой структуры (Bichakjian 1999) успеха не имела (см. Kazansky 1999: 119–121).

Мне представляется, что совершенно невозможно проследить причинно-следственные связи применительно к фонетическим и даже фонологическим изменениям. Есть ли причина, чтобы в одних случаях и.-е. дифтонг **oi* в латинском языке отражался бы как /i/ (*vīnum*), в других — как /ū/ (*mūnīre*), или сохранял бы свой дифтонгальный статус (*moenia*). Ясно, что речь идет о трех вариантах исторического развития, каждый из которых мог стать не просто основным, но единственным, но не стал в отличие от других дифтонгов, например, дифтонг **ai* на письме в классическое время отразился как /ae/, а затем перешел в /ē/, которое еще прослеживается на основе рефлексов в романских языках.

Поскольку в рассматриваемой статье М. И. Стеблин-Каменский предупреждал против трюизмов, мне представляется неправильным вслед за ним говорить о множественности причин, поскольку рассматривается не прямая, а косвенная или опосредованная причина. Это уточнение представляется мне принципиально важным, поскольку вычислить доли причины мы не можем даже предположительно, но не ставим под сомнение сами причинные связи (очень похоже, что вне телеологии), и что если это так, то должны быть прямые причинно-следственные связи как нечто объективное и поддающееся прямому исследованию.

Такие прямые причинно-следственные связи я готов усматривать в радикальном изменении системы склонения в праиндоевропейскую эпоху, когда гетероклиза играла важную роль. Греч. ἥπαρ, ἥπατος n., санскр. *yákṛt* n., *yakan*, лат. *iecur*, *iecinoris* (*iecinis*) n. ‘печень’ и другие немногочисленные примеры показывают противопоставление сильных (номинатив-аккузатив) и слабых падежей. Такое противопоставление перестало быть основным достаточно рано: гетероклитическое склонение продуктивно в

хеттском языке, но и в хеттском оно не отличается по набору флексии от других парадигм, в которых исход основы не имеет словоизменительного значения. Зато из этих гетероклитических форм возникают самостоятельные слова: греч. ὕλαρ п. 'явь' (indecl.) и ὕλνος м. 'сон' явно отражают единую в древности гетероклитическую основу, распавшуюся на пару, которую иногда понимают как антонимическую, хотя у Гомера такого противопоставления нет: οὐκ ὄναρ, ἀλλ' ὕλαρ 'не сон, а явь', где подразумевается вещей сон (<*H₃ep-ŋ), а не просто сонливость. Совершенно очевидно, что лексическое противопоставление греч. ὕλαρ п. 'явь' и ὕλνος м. 'сон' (*su(e/o)p-ŋ, *su(e/o)p-no-) является следствием «подверстывания» древних гетероклитических основ к общему правилу именных парадигм. Для того, чтобы семантически сон превратился в явь необходима совершенно определенная мифология, которая лучше всего укладывается в то, что мы знаем о роли вещей снов и эпифании божества во сне для культур Средиземноморья II тыс. до н. э. (Хаттусилис I в хеттской, Иаков в библейской традиции (*Быт. 28:10–19*), Агамемнон в Илиаде).

В разложении значения древней гетероклитической основы на ὕλαρ п. 'явь' и ὕλνος м. 'сон' хочется видеть прямое следствие грамматических (морфологических) трансформаций, давших простор для изменений области лексической семантики, приведших к энантиосемическому значению, причем только в формах сильных падежей.

Представляется, что во многих случаях причины изменения отдельной фонемы не удастся проследить именно потому, что масштаб изменения не соответствует возможной причине.

Звуковые изменения могут происходить на глазах у целого поколения грамотных и вдумчивых людей, охватывая значительный слой языковых примеров, однако никто не знает причины изменения, а как состоявшееся и очевидное для всех следствие (то есть само свершившееся изменение) оно остается беспричинным. Так, переход ударного /e/ в /o/ во многих морфемах русского языка является правилом, хотя до сих пор произношение допускает варианты типа местоименный / местоимённый, а при чтении стихов XIX века произнесение прилагательных на -ённый иначе, чем -енный воспринималось бы как стилистическая ошибка.

Проблема масштаба в диахронической лингвистике должна всегда учитываться. Приведем два примера:

1. Действие любого лингвистического закона, описывающего закономерное языковое изменение, по большей части ограничено во времени. Меня это утверждение сильно раздражало, пока акад. Д. А. Варшалович в одном из докладов на Президиуме Санкт-Петербургского научного центра РАН под председательством акад. Ж. И. Алферова не показал, что первые сто секунд после

Большого взрыва в физическом мире должны были действовать законы, во многом отличные от действующих сейчас.

Ограниченность любого лингвистического закона во времени представляет собой одну из аксиом исторического языкознания. Она демонстрирует одновременно ограниченную масштабность действия ряда лингвистических законов (например, закон Я. Гримма — см. Collinge 1985: 63–76), включая также те закономерные изменения, которые не носят имени своего открывателя.

2. Такое же ограничение во времени мы наблюдаем при установлении границ для праязыковой реконструкции. Прямые причинно-следственные отношения можно наблюдать на уровне лингвистических категорий, которые, разумеется, масштабнее частных фонетических изменений. В качестве примера приведем сокращение латинской системы родов, включая исчезновение среднего рода в романских языках. Из других индоевропейских языков сходную картину находим в литовском, где не сохранилась свойственная западноевропейским языкам трехчастная родовая система. В этих условиях (и в силу указанных причин) при заимствовании из других языков (например, из славянских), заимствованное слово меняет грамматический род. Во Франции грамотные люди знали о среднем роде в латинском языке, но заимствуя латинское слово среднего рода в форме единственного числа, в своем родном языке помещали его среди имен существительных мужского рода. Формы множественного числа могли попадать в число слов женского рода. Известно о массовых заимствованиях из латинского языка во французский в XII и в XVI вв. Думаю, что здесь можно со всей определенностью утверждать, что мы имеем дело с формально выраженной реализацией причинно-следственной связи в истории языка.

Сравнивая несколько столетий, которые мы рассматриваем, говоря о временных ограничениях для фонетических изменений, с тысячелетними по продолжительности периодами неизменного набора категорий, можно согласиться с общей формулировкой, которую Б. Л. Пастернак вложил в размышления Юрия Живаго: «Прямые причины действуют только в границах соразмерности».

Приходится думать, что отсутствие данных, которые можно было бы интерпретировать в качестве прямых свидетельств причинно-следственных связей в развитии языка, — не случайность, а едва ли не правило, обязанное особенностям поиска при попытках обнаружить связи между следствием и причиной. Как кажется, следует учитывать масштаб происходящих изменений. При недостаточной масштабности рассматриваемых явлений языка можно говорить только о косвенных причинах, влияющих на языковые изменения. Таким образом, при рассмотрении причинно-следственных связей в историческом языкознании должна учитываться масштабность изменения.

Прямые причины встречаются (геноцид, в результате чего исчезают носители языка, а с ними и сам язык), но чаще они могут быть только причинами вселенского масштаба, поэтому соразмерность следствия присуща только масштабным событиям и не может затрагивать все даже достаточно крупные языковые изменения.

Литература

- Bichakjian, B. H. 1999: Language Diversity and the Straight Flush Pattern of Language Evolution. *Jazyk i Rechevaja Dejatel'Nost'* [Language and Speech Activity], Vol. 2, 18–44.
- Bohm, D. 1957: *Causality and Chance in Modern Physics*. Foreword by Louis de Broglie. University of Pennsylvania Press.
Бом, Д. 1959: *Причинность и случайность в современной физике*. Пер. с англ.: С. Ф. Шушурин; общая ред. и предисл.: Я. П. Терлецкий. М.: Изд-во иностранной лит-ры.
- Bunge, M. A. 1959: *Causality: The Place of the Causal Principle in Modern Science*. Cambridge: Harvard University Press.
Бунге, Марио Аугусто. 1962: *Причинность. Место принципа причинности в современной науке*. Пер. с англ.: И. С. Шерн-Борисова, С. Ф. Шушурин. М.: Изд-во иностранной лит-ры
- Collinge, N. E. 1985: *The Laws of Indo-European*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Jakobson, R. 1962: The Concept of the Sound Law and the Teleological Criterion. In: *Selected writings*. Vol. I. Phonological Studies. The Hague: Mouton; 'S-Gravenhage, 1–2.
- Juret, A. 1930: George Kingsley Zipf, Relative frequency as a determinant of phonetic change (Harvard Studies in Classical Philology, 1929, vol. XL). In: *Revue des Études Anciennes*. T. 32, n°4, 398–399.
- Kazansky, N. N. 1999: Comments on the article by B. Bichakjian: Bichakjian B. H. Language Diversity and the Straight Flush Pattern of Language Evolution. *Jazyk i Rechevaja Dejatel'Nost'* [Language and Speech Activity]. Vol. 2, 119–121.
Казанский, Н. Н. 1999: Замечания к статье Б. Бишакджяна: Bichakjian B. H. Diversity and the Straight Flush Pattern of Language Evolution. *Язык и речевая деятельность*. Т. 2, 119–121.
- Kazansky, N. N. 2022: *Problemy leksikologii latinskogo yazyka* [Problems of Lexicology of Latin Language]. St. Petersburg: Nauka.
Казанский, Н. Н. 2022: *Проблемы лексикологии латинского языка*. СПб.: Наука.
- Kozyrev, N. A. 1958: *Prichinnaya ili nesimmetrichnaya mekhanika v lineynom približenii* [Causal or asymmetric mechanics in a linear approximation]. Pulkovo. (= *Izbrannyye trudy* [Selected works]). Leningrad University Publishing House, 1991, 232–287).
Козырев, Н. А. 1958: *Причинная или несимметричная механика в линейном приближении*. Пулковое. (= *Избранные труды*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991, 232–287).
- Kondakov, N. I. 1975: *Logicheskiy slovar'-spravochnik* [Logical dictionary-reference book]. 2nd edition. Moscow: «Nauka».

- Кондаков, Н. И. 1975: Логический словарь-справочник. 2-е исправленное и дополненное издание. М.: Изд-во «Наука».
- Kuznetsov I. V., Sachkov Yu. V. 1983: [Causality]. In: *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Eds: L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. Moscow: "Soviet encyclopedia", 531–533.
- Кузнецов И. В., Сачков Ю. В. 1983: Причинность. В кн.: *Философский энциклопедический словарь*. Глав. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: «Сов. энциклопедия», 531–533.
- Martinet, A. 1955: *Économie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique*. Berne: Éditions A. Francke.
- Мартине, А. 1960: Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии) / Пер. с фр. А. А. Зализняка, ред. и вступ. статья В. А. Звегинцева. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Steblin-Kamensky, M. I. 1961: Are causal connections in the history of language accessible to study? *Bulletin of Leningrad University*. № 8, 121–124.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1961: Доступны ли изучению причинные связи в истории языка? *Вестник ленинградского университета*. № 8, 121–124.
- Takhtajan, A. L. 2007: *Grani evolyutsii: Stat'i po teorii evolyutsii. 1943–2006* [Facets of Evolution: Articles on the Theory of Evolution. 1943–2006] / Scientific Council of the Basic Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences "Publishing the works of outstanding scientists". St. Petersburg: Nauka.
- Тахтаджян, А. Л. 2007: *Грани эволюции: Статьи по теории эволюции. 1943–2006 гг.* / Науч. совет Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Издание трудов выдающихся учёных». СПб.: Наука.
- Trubetzkoy, N. S. 2004: *Pis'ma i zametki N. S. Trubetzkogo*. [Letters and notes of N. S. Trubetzkoy]. М.: Publishing House "YASK".
- Трубецкой Н. С. *Письма и заметки Н. С. Трубецкого*. М.: Издательский Дом «ЯСК», 2004.
- Zipf, G. K. 1929: Relative Frequency as a Determinant of Phonetic Change. In: *Harvard Classical Philology*. Vol. 40, 1–95.

А. В. Каргальцев

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. akargaltsev@herzen.spb.ru

«СТРАСТИ СВЯТОЙ МАРЦИАНЫ»: ЛИТЕРАТУРНАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

Статья посвящена структуре, содержанию и особенностям языка малоизвестных среди русскоязычной аудитории «Страстей святой Марцианы». Принято считать, что памятник принадлежит к так называемому «мавретанскому циклу», все произведения которого датируются самым концом IV–V вв. и были составлены кем-то из хорошо образованных христиан той эпохи. «Страсти святой Марцианы» рассказывают о времени Великого гонения Диоклетиана, однако многие детали указывают на более позднее время, а также в тексте есть элементы, взятые из более ранней африканской агиографии.

Ключевые слова: мученики, раннее христианство, Римская империя, Великое гонение.

Alexey Kargaltsev

Herzen State Pedagogical University of Russia, akargaltsev@herzen.spb.ru

The Passion of Saint Marciana: literary and historical peculiarities

The *Passion of Saint Marciana* (BHL 5256) is a hagiographic text that rarely attracts attention of both Russian and foreign researchers. It is a story about a Christian virgin who suffered during the Great Persecution of Diocletian in the arena of the amphitheater of Caesarea Mauretania. It belongs to the so-called “Moorish cycle” (*Passio sanctae Salsae* (BHL 7467), *Passio sancti Fabii* (BHL 2818), *Passio sancti Typasii* (BHL 8354), *Passio sancti Victoris* (BHL 8565)), which includes a whole group of works compiled or edited in the 5th century. Low rate of research interest is obviously caused by the lack of historical evidence about the Great Persecution in the text. However, it contains a lot of details peculiar for the subsequent centuries. At the center of the story is the fate of the Christian virgin Marciana, known for her piety and chastity, who breaks the statue of the maiden goddess Diana and for this act suffers. On the one hand, there is an obvious contrast between pagan and Christian cults. On the other, main motifs present in the texts of the time of the Great Persecution are absent here. The edicts of Diocletian are not mentioned and no demand to renounce the faith or to make pagan sacrifices is given. The destruction of a pagan statue seems to be a motif typical for the mid-4th century, when radical Donatists, with whom the Church actively fought, terrorized the cities of North Africa, destroying everything that seemed godless to them. It is the image and action of Marciana, and not her martyrdom that are in

the focus of the author's attention. Praise for virginity receives special development in the Christian literature of Roman Africa due to particularly literalist ideas about the connection between human actions and subsequent salvation. Local Jews play a significant role in the persecution of the girl. It can be assumed that Christian anti-Semitism of the 4th century explains the ambiguity of the relationship between the church and the state of this time. At this period Christianity was legal and even the dominant religious tradition in the Empire, and still, pagan traditions were kept. In such a situation, it was no longer possible to oppose the state paganism and the policy of persecution as it had been in recent times, so the blame fell on the Jews.

Keywords: martyrs, early Christianity, Roman Empire, Great Persecution.

«Страсти святой Марцианы» (далее — «Страсти») (BHL 5256) практически не известны отечественному читателю. В настоящее время нет ни одной русскоязычной работы, которая была бы специально посвящена данному памятнику. Долгое время «Страсти» находились в тени других сочинений так называемого «мавретанского цикла» — группы агиографических памятников, составленных, как принято считать, на рубеже IV–V вв. кем-то из римских интеллектуалов Кесарии Мавретанской (*Passio sanctae Salsae* (BHL 7467), *Passio sancti Fabii* (BHL 2818), *Passio sancti Typasii* (BHL 8354), *Passio sancti Victoris* (BHL 8565) (Fialon 2014: 15). Все герои данного цикла — подлинные и почитаемые африканские святые, пострадавшие в эпоху Диоклетиана. Однако посвященные им «страсти» содержат либо фрагментарные указания на время Великого гонения, как, например, «Страсти Типасия», где упоминаются Максимиан и Диоклетиан (Kargaltsev, Lurie 2012: 75; Mamontov 2019: 118–119), либо привлекаются учеными для реконструкции иных событий конца IV в., будь то восстание Фирма 372–375 гг. (Mamontov 2021: 226–227) или донатистский раскол (Piredda 2002: 38). Историческая ценность «Страстей святой Марцианы» долгое время вызывала сомнения. Как отмечал П. Монсо, «это очень неоднозначное произведение», где легенды переплетаются с подлинными воспоминаниями о деяниях героини (Монсеау 1903: 156). «Страсти» представляют собой, возможно, наименее аутентичное произведение из цикла, и содержит все сюжеты, нехарактерные для рубежа III–IV вв. (почитание девства, популяризация монашества, разрушение языческих статуй как намек на донатистов, критика гладиаторских боев), которая в других «мавретанских» агиографических памятниках менее концентрирована. Можно предположить, что автор «Страс-

тей» действительно испытывал затруднение с поиском информации о мученичестве исторической Марцианы и считал возможным изложить проблематику, характерную для его времени. Этим и объясняется возросший в последние десятилетия интерес к «Страстям», выразившийся в подготовке двух критических изданий текста с обширным филологическим комментарием (Giuliani 2006; Fialon 2014). Значительно расширившийся исследовательский инструментарий, действительно, позволяет по-новому взглянуть на отвергнутые ранее неаутентичные тексты. Однако работа по исследованию «Страстей» может быть продолжена, поскольку многие исторические детали не нашли объяснения в комментариях. Сохранились также «Акты Марцианы» (BHL 5257), изданные баландистами (AASS, I, 569), которые, на наш взгляд, вторичны по отношению к «Страстям» и представляют собой их сокращенную версию, и где усилены особенно патетические сюжетные линии (Shaw 2011: 265).

Тот факт, что существовала подлинная Марциана, которая пострадала при Диоклетиане, подтверждается устойчивой традицией ее почитания 9 января и 11 или 12 июля, отраженной в Мартирологе Иеронима¹ и других сборниках². При этом сам текст «Страстей» не содержит никаких временных указаний и открывается характерным для поздней агиографической литературы риторическим рассуждением о неиспорченном «искусством красноречия» (*eloquii arte*) «деревенском» стиле повествования (*rusticus sermo*), к которому автор прибегает, дабы изложить текст языком, понятным соотечественникам (*municipes*) (Pass. Marcian., I, 1–2)³. Данное замечание вызвало известное затруднение у исследователей. По мнению П. Джулиани, оно указывает на принадлежность составителя «Страстей» к городу Русукурру⁴, где жила Марциана

¹ 9 января память святой почиталась в Кесарии Мавретанской, более поздние даты связаны с культом Марцианы в Испании в связи с обретением ее мощей, см.: Monceaux 1903: 156.

² *Catalogus Codicum Hagiographicorum Latinorum*, III, 485, 504–506. Подробнее см.: Piredda 2002: 27.

³ Для более ранних сочинений, напротив, характерно указание на недостаточность средств красноречия для восхваления деяний христианских героев, ср.: Pont. Vita Cyr., 1.

⁴ Русукурру (*Rusuccurrensis/Rusuccurum*) — бывшая финикийская колония в Мавретании Цезарейской, получившей при Клавдии статус муниципия. Город известен благодаря нескольким епископам, в частности стороннику католического учения Фортунату и донатисту

(Giuliani 2006: 80). На наш взгляд, совершенно не обязательно видеть в словах автора указание на то, что составитель «Страстей» не знаком с языком местного населения. Учитывая описание деяний святой, вполне можно предположить, что она пользовалась особым почитанием среди местных донатистов, в число которых входили и представители коренного берберского населения. О необходимости переводить проповеди слова Священного Писания на пунийский и берберские диалекты пишет Августин (*Aug. Epist.*, 66, 2). К этому необходимо добавить, что рубеж IV–V вв. в целом был беспокойным временем для Цезарейской Мавретании, где, начиная с восстания Фирма (372–375 гг.), происходило значительное изменение этнического состава городского населения, части которого латинский язык был известен недостаточно хорошо.

Далее автор «Страстей» подробно рассказывает о происхождении и внешности героини, в котором, на наш взгляд, можно обнаружить описание, сделанное с какого-то статического изображения. Так, внешность ее соответствовала целомудрию (*Pass. Marcian.*, 2, 3), волосы не развевались, но и не были уложены кольцами, а ровно обрамляли лицо (*Pass. Marcian.*, 2, 4), цвет лица и форма, включая впадины век, были естественными и указывали на отсутствие косметики (*Pass. Marcian.*, 2, 5), взгляд девушки скромно обращен вниз, одежда ее также была скромной и не содержала шелковых нитей и золотых украшений (*Pass. Marcian.*, 2, 12). Очевидно, автор стремился подчеркнуть в первую очередь умеренность своей героини, восходящую к условно стоическому идеалу добродетели (характерному в целом для местной христианской традиции). Схожий риторический прием можно обнаружить в «Житии Киприана Карфагенского». Однако там Понтий дает более универсальное описание внешности епископа, чья одежда и внешность вообще были умеренными (*Pont. Vita Surr.*, 6, 2). В описании внешности Марцелины бросается в глаза статичность: автор подчеркивает позу, положение головы, особенности прически, которые, очевидно, могут меняться в разные моменты времени. Это ставит вопрос об источниках автора «Страстей». Весьма возможно, он опирается на реальное изображение Марцианы, выполненное в виде фрески или мозаики в одном из мест ее почитания, и это мог быть единственный подробный источник, доступный ему, кроме самой общей

информации о героине. Если для времени Диоклетиана изображения христианских мучеников были явлением скорее исключительным, то для рубежа IV–V вв. мы имеем устойчивую традицию таких изображений. Паулин Ноланский рассуждает о воздействии христианских образов на деревенский люд (Kavivieri 2016: 205). В одной из своих поэм он рассказывает, что жители деревни с воодушевлением и пользой для себя рассматривают изображения и подписи к ним (Paul. Nolan. Carm., 27).

Последующее упоминание о монашеской жизни Марцианы также сходится с нашими представлениями об эпохе конца IV–начала V вв. Монашество на Западе появляется несколько позже, чем восточных провинциях Империи, в конце IV в., и пользуется большой популярностью. Это не могло не найти отражения в агиографических памятниках. Популяризацией монашества, особенно среди представительниц высшего общества, занимается Иероним (Ananyeva 2009). В «Страстях Типасия» главный герой после увольнения из армии живет в уединении и стоит себе келью (monasterium) (Pas. Typas., 3) (Woods 1993: 81; Mamontov 2019: 119). Марциана также удаляется в уединенное жилище, дабы предаваться постам, молитвам и беседе с Богом (Pass. Marcian., 2, 16).

Еще более показательным является само деяние девушки. Оставив место своего уединения, она направилась в Кесарию, где разбила на куски стоящую на площади статую богини Дианы и была схвачена языческой толпой (Pass. Marcian., 3, 2–5). Отметим, что в эпоху Великого гонения христианам, чтобы пострадать, не было необходимости совершать какое-либо деяние, направленное против языческой религии. Более того, римские власти, как правило, не требовали особого почитания языческих богов. В самом раннем африканском агиографическом памятнике — «Актах мучеников Скилии» — проконсул Сатурнин говорит: «И мы набожны, и религия наша проста, мы клянемся гением господина нашего императора и молимся о его благоденствии, что и вам также следует сделать» (Act. Mart. Scil., 3). Эдикты Диоклетиана также требовали формального присоединения к императорскому культу. Как отмечает А. Д. Пантелеев, даже провозглашение старших тетрархов живыми божествами Иовием и Геркулием на практике никак не повлияло на характер процессов над христианами и на требования, предъявляемые к ним на суде (Panteleev 2022: 23). В Африке ситуация усугублялась тем, что подобные деяния совершали радикальные донатисты. Как отмечает М. А. Ведешкин, подобная картина стала в целом типичной для начала V в., а «жертвами антиязыческих кампаний

монахов становилось не только убранство объектов языческого культа, но и сохранившие приверженность традиционным верованиям жители империи» (Vedeshkin 2019: 369). Участие толпы в задержании и расправе над христианами не было исключительным событием, равно как и беспорядки, устраиваемые возбужденными язычниками. Однако во всех случаях, включая время Диоклетиана, власть находится в руках римских чиновников разного ранга, и именно они, включая стационариев и солдат, осуществляют арест и судебную процедуру. На этом основании А. М. Пиредда высказывает предположение, что описываемые события относятся ко времени после эпохи Константина, когда линчевание толпой религиозных оппонентов становится нормой (Piredda 2002: 38). Аналогичная ситуация представлена в «Страстях Святой Сальсы», описании страстей мучеников Суфетулы (IV–V вв.) и пр.

Героиня предстает перед судом римского начальника (rector) по имени Бударий (Budarus — Fialon 2014; Budarius — Giuliani 2006). Тот факт, что не приводится должность этого начальника, а также его прямая речь (в тексте содержится лишь полемический ответ героини на обвинения в осквернении статуи богини), ясно указывает, что автор «Страстей» не располагал каким либо ранним источником, восходящим к жизнеописанию подлинной Марцианы. Издатели текста никак не поясняют и имя начальника, и действительно римская просопография не знает ни одного Будария. Тем не менее, исследовавший этот сюжет Д. Курбера отмечает, что корень *bud* содержится в названии местной осоки (*Typha augustifolia* L.) (Curbera 2015: 30). Августин упоминает сделанную из нее грубую одежду (*buda vestitus*), в которую облачили перешедшего в католическую веру пресвитера Реститута Викторианского (*Restitutus Victorianensis*)⁵ во время его пленения и избиения (Aug. Ep., 105, 3), аналогичную историю он приводит и в описании насилия над безымянным пресвитером в Африке (Aug. Ep., 88, 6). Сохранились эпиграфические свидетельства о циновках, сделанных из этой травы (CGL, V, 212, 39; 586, 39).

В качестве наказания христианская дева приговаривается к заключению в гладиаторской школе. На наш взгляд, этот сюжет не случаен и может содержать дополнительные датирующие

---

⁵ Подробнее о Реституте см.: Mandouze 1982: 972. *Victoriana villa* находилась в Нумидии в тридцати милях от Гиппона (Aug. De civ. Dei, XXII, 8).

признаки. Вероятно, закрытие гладиаторских школ в 399 г. императором Запада Гонорием сопровождалось не только скандалами вроде случая с гибелью монаха Телемаха (Theod., V, 126), но и активной дискуссией в обществе. Для христианских участников этой полемики было важно показать, что кровавые зрелища отвратительны не только сами по себе, но и сопровождаются насилием над христианскими девами. При этом во времена, когда гладиаторские бои действительно имели место, отношение к гладиаторам было вполне нейтральным (как это показано в «Страстях Перпетуи и Фелицитаты», где главная героиня «сама направила в свое горло неуверенную правую руку гладиатора» (Pass. Perp., 21, 9). Но уже в «Актах Марцианы» образ мучителя представлен особенно гротескно: невеста Христова была отдана в тюрьме на растерзание жестокому, развратному чернокожему гладиатору-варвару (Act. Marcian., 3)⁶. В «Страстях» история рассказана более подробно и безобидно: когда героиня оказывается заключенной в школе гладиаторов, один из них с говорящим именем Фламей (Flameus) решает прокрасться к ней ночью и совершить насилие над спящей девушкой (Pass. Marcian., 5, 6). Однако Божьим заступничеством он в темноте не может найти дорогу к комнате девы и все время натывается на стену, будто лишенный разума. Разъяренный судья приказывает гладиаторам надругаться над девой, но они вновь ночью не находят дорогу к месту ее заточения (Pass. Marcian., 5, 16).

Далее автор «Страстей» переходит, вероятно, к самому примечательному сюжету повествования. Находясь в заключении, Марциана слышит оскорбления и насмешки евреев и даже проклинает их, обрекая на наказание божественным огнем (Pass. Marcian., 6, 2). Именно евреи собираются всей общиной, чтобы сопроводить девушку к месту мученичества и наблюдать за ее казнь (Pass. Marcian., 7, 2–3). В «Актах Марцианы» Бударий, осудивший героиню, назван начальником синагоги (Act. Marcian., 2). Наконец, в самом конце «Страстей» иудеи получают воздание, обещанное Марцианой: когда ее дух покинул тело, загорелась синагога, и выгорев полностью, уже не подлежала восстановлению⁷. Завершает повествование сцена мученичества

---

⁶ *Tertia die traditur impudico cuidam, natione barbaro, colore nigro, membris valido, gladiatori crudelissimo, veluti in carcere Christi sponsa nuptura.*

⁷ Если исходить из датировки «Страстей» эпохой императора Гонория, то приходится признать, что было несвоевременным вспоминать,

Марцианы: на арене она сначала подвергается нападению быка, а после леопардов. В выборе животных вновь угадывается аллюзия на казнь на арене Перпетуи, Фелицитаты их товарищей, где «женщинам же вопреки установленному обычаю дьявол приготовил очень свирепую корову» (Pass. Perp., 20, 1), а Сатур подвергся нападению леопарда (Pass. Perp., 21, 1). Этот сюжет «Страстей», очевидно, следует признать подражанием более ранним агиографическим сочинениям.

Подводя итог, можно заключить, что памятник представляет несомненную историческую ценность, однако не для эпохи Великого гонения, но для изучения истории Церкви рубежа IV–V вв. Более того, можно значительно сузить хронологические рамки написания памятника, поместив его создание между 399 г., годом закрытия гладиаторских школ, и 411 г., годом проведения антидонатистского собора в Карфагене, после которого начались открытые гонения на христианских радикалов, в контексте деятельности которых и следует рассматривать деяния Марцианы.

Литература

- Anan'eva, O. A. 2009: [Hieronymus of Stridon and the spread of female monasticism in the West of the Roman Empire]. In: *Staraja i novaja Evropa: gosudarstvo, politika, ideologija* 4, 93–99.
- Ананьева, О. А. 2009: Иероним Стридонский и распространение женского монашества на Западе Римской Империи. В сб.: *Старая и новая Европа: государство, политика, идеология* 4, 93–99.
- Curbera, J. 2015: The Jews in North Africa. Five Notes. *Arctos* 49, 25–32.
- Fialon, S. 2014: La Passio sanctae Marcianae (BHL 5256): editio princeps. In: *Sacris Erudiri: Journal of Late Antique and Medieval Christianity* 53, 5–67.
- Kargaltsev, A. V. Lurie, Z. A. 2012: [The Great Persecution of Diocletian and the Christian Martyrs of North Africa]. *Novyj Germes* 5, 65–78.

что римское государство выступало главным гонителем христиан. Перенос вины за гонения на иудеев мы видим уже в проповедях Амвросия Медиоланского. То, что в отдельных случаях евреи действительно были активными участниками гонений на христиан свидетельствуют агиографические памятники из Смирны. В этом городе действительно была большая иудейская община. В Африке также обнаружены свидетельства пребывания евреев. Фиксировались и отдельные случаи распространения иудаизма среди берберов.

- Каргальцев, А. В. Лурье, З. А. 2012: Великое гонение Диокле-тиана и христианские мученики Северной Африки. В сб.: *Новый Гермес* 5, 65–78.
- Karivieri, A. 2016: Divine or Human Images? Neoplatonic and Christian Views on Works of Art and Aesthetics. In: *Numen* 2016, 196–209.
- Laporte, J.-P. 1995: Delys. In: *Encyclopédie berbère*, vol. 15, 2255–2261.
- Mamontov, A. L. 2019: [Martyrdom in North Africa in the 4–5th centuries: self-identification and controversy]. *Vestnik PSTGU* 83, 107–123.
- Мамонтов, А. Л. 2019: Мученичество в Северной Африке IV–V вв.: самоидентификация и полемика. В сб.: *Вестник ПСТГУ* 83, 107–123.
- Mamontov, A. L. 2021: [The Donatists and the African uprisings of the second half of the 4th century.]. In: *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii* 10, 222–237.
- Мамонтов, А. Л. 2021: Донатисты и африканские восстания второй половины IV в. В сб.: *Религия. Церковь. Общество: Исследования и публикации по теологии и религии* 10, 222–237.
- Mandouze, A. 1982: *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire. T. I: Prosopographie de l'Afrique chrétienne (303–533)*. Paris: Éditions du centre national de la recherche scientifique.
- Monceaux, P. 1903: *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe*. Т. 3. Paris.
- Pantelev, A. D. 2022: «I Do Not Recognize the Empire of This World»: Martyrs and the Roman Empire]. In: *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom* 40/1, 12–37.
- Пантелеев, А. Д. 2022: «Я не признаю власти века сего»: мученики и Римская империя. В сб.: *Государство, Религия, Церковь в России и за Рубежом* 40/1, 12–37.
- Piredda, A. M. (ed.) 2002: *Passio Sanctae Salsae: testo critico con introduzione e traduzione italiana*. Sassari.
- Shaw, B. D. 2011: *Sacred Violence: African Christians and Sectarian Hatred in the Age of Augustine*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Vedeshkin M. A. 2019: [“Men in Black”: Early Christian Monks in the Mirror of Pagan Criticism]. In: *Vestnik drevnej istorii* 79/2, 358–378.
- Ведешкин М. А. 2019: «Люди в черном»: христианские монахи в зеркале языческой критики. В сб.: *Вестник древней истории* 79/2, 358–378.
- Woods, D. 1993: A Historical Source of the Passio Typasii. In: *Vigiliae Christianae* 47/1, 78–84.

К. Ф. Карлова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия. kseniadom87@mail.ru

А. В. Сафронов

Институт востоковедения РАН / МИРЭА — Российский технологический университет. Москва, Россия, safronov1477@yandex.ru

УБИЙСТВО КСЕРКСА В ГРЕЧЕСКИХ И ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

В статье рассматриваются свидетельства греческих авторов, а также вавилонского и египетского текстов об убийстве Ксеркса в 465 г. до н. э. Анализ источников позволяет утверждать, что младший сын царя Артаксеркс был связан с его убийством. Данные Ктесия о восстании в Бактрии «другого Артабана» дают возможность выдвинуть предположение, что именно таковым было настоящее имя второго сына Ксеркса, упоминаемого в античных источниках под именем Гистаспа. Египетская «Стела сатрапа» также сохранила сведения о дворцовом перевороте в Персии в 465 г. до н. э. В тексте стелы упоминается, что бог Хор сверг Ксеркса и его старшего сына за святотатство по отношению к его храму и жречеству в Египте. Эти данные напоминают сообщение Элиана, утверждающего, что Ксеркс был убит своим сыном за святотатство по отношению к гробнице Бела. Возможно, формирование негативного образа Ксеркса могло быть связано с подавлением им в начале правления восстаний в Вавилонии и Египте, когда, в частности, происходила конфискация храмовых ценностей и имущества.

Ключевые слова: Артабан, Ахеменидская империя, Бактрия, «Стела сатрапа», убийство Ксеркса.

К. Ф. Karlova

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia. kseniadom87@mail.ru

A. V. Safronov

Institute of Oriental Studies, RAS / MIREA — Russian Technological University.
Moscow, Russia

Assassination of Xerxes in Greek and Near Eastern sources

The article deals with the accounts of Greek authors, as well as Babylonian and Egyptian texts, about assassination of Xerxes in 465 BC. The analysis of the sources allows to suggest that Artaxerxes, the youngest son of the Persian king, was involved in the plot against Xerxes. The

evidence of Ctesias about the rebellion of «other Artabanus» in Bactria after the assassination of Xerxes makes possible to assume that the real name of Xerxes' second son was Artabanus and not Hystaspes as he is named by the Greek historians. The Satrap Stela also mentions the events that took place in Persia in 465 BC. According to its text, the god Horus overthrew Xerxes and his son in the palace for sacrilege of his temple and priests in Egypt. This data reminds of Aelian's evidence concerning the assassination of Xerxes by his own son for sacrilege of Belos' tomb. It seems that the forming of such negative image of Xerxes could be connected with suppression of rebellions by the Persian king in Babylonia and Egypt at the very beginning of his rule, which was accompanied by confiscation of the temples' wealth and property.

Keywords: Achaemenid Empire, Artabanus, Assassination of Xerxes, the Satrap Stela, Bactria.

Античная историческая традиция сохранила подробные сведения о дворцовом перевороте в Персии, результатом которого стало убийство Ксеркса и его старшего сына Дария, а также воцарение Артаксеркса I. Так, Аристотель в «Политике» возлагает ответственность за гибель персидского царя и его сына на некоего вельможу Артабана¹ (Arist. *Pol.* VIII.14.). Согласно Диодору, этот человек был уроженцем Гиркании и служил начальником царских телохранителей (Diod. XI.69.1). Мы узнаем, что достигший большого влияния при дворе Артабан задумал захватить власть. При поддержке царского евнуха Митридата он сумел убить Ксеркса. Затем Артабан обвинил в содеянном наследника царя Дария. Ему удалось подговорить младшего сына Ксеркса Артаксеркса с помощью царских телохранителей умертвить своего старшего брата во дворце. В конце концов, Артабан с сыновьями напал на самого Артаксеркса и даже ранил его, однако в итоге потерпел неудачу и был убит (Diod. XI.69.1–6). Диодор приводит синхронные дворцовому перевороту в Персии даты правления римских консулов и афинского архонта, указывает точный год этого события — 465 г. до н. э. по современному летоисчислению (Diod. XI.69.1). Эта дата подтверждается Манефоном, который

---

¹ У Аристотеля (Arist. *Pol.* VIII. 14) и Ктесия (Ctes. *Frg.* 13(33) = Lenfant 2004: 127) этот царедворец носит имя *Ἀρτάβανος*, у Диодора (Diod. XI. 69. 1) и Плутарха (Plut. *Them.* 27, 2) – *Ἀρτάβανος*, у Юстина (Just. *Epit.* III.1.2) — Artabanus. Для удобства имя в данной работе унифицировано как «Артабан».

указывает 21-й год как последний правления Ксеркса (Manetho *Frg.* 70 = Waddell 1940: 174), а также вавилонскими административными документами (Stolper 1988: 196–197; Wiesehöfer 2007: 4).

Схожие с Диодором сведения об убийстве Ксеркса и его сына Дария приводит Юстин в «Эпитоме Помпея Трога» (Just. *Epit.* III.1.1–9). Однако в его рассказе вместо евнуха Митридата присутствует вельможа Багабакс (= греч. Мегабиз)². Последний, будучи привлеченным к заговору Артабаном, все же выдал его Артаксерксу. Согласно Юстину, Артабан был убит Атраксерксом собственноручно во время военного смотра (Just. *Epit.* III.1.7–9).

Наконец, Ктесий в «Персидской истории», сохраненной в «Библиотеке» жившего в 9 веке византийца Фотия, называет убийцей Ксеркса, помимо Артабана, евнуха Аспамитру (Ctes. *Frg.* 13(33) = Lenfant 2004: 127). Далее данные Ктесия не сильно разнятся с данными Юстина и Диодора: убийцы убедили Артаксеркса в причастности к смерти царя его старшего брата Дария, и последний по этому навету был казнен. У Ктесия также есть сведения, что Артабан и Аспамитра после убийства Ксеркса привлекли его зятя Мегабиза к заговору против Артаксеркса. Однако тот выдал заговорщиков царю, и они были умерщвлены (Ctes. *Frg.* 14(34) = Lenfant 2004: 128–129).

Все вышеупомянутые тексты, по-видимому, свидетельствуют об античной литературной обработке данных о заговоре 465 г. до н. э.³ Так, у Юстина, Диодора и Ктесия разнятся сведения о сообщниках Артабана, о локализации места гибели брата Артаксеркса Дария⁴ и обстоятельствах его смерти⁵.

---

² Имя Vassabatus, по-видимому, является латинской калькой с персидского имени Vagabuxša, которое в греческом передавалось как Μεγάβυζος (RLA I: 390; Stonceipher 1918: 45; Briant 2002: 565). Это свидетельствует, что данные Помпея Трога, сохраненные Юстином, восходят непосредственно к какой-то из персидских традиций, так как сохранили оригинальное, не грецизированное звучание имени перса.

³ См. также схожие мотивы в нарративах, отразивших информацию о других заговорах против персидских царей (Briant 2002: 564–565).

⁴ Ср. сведения Диодора, что Дарий погиб в царском дворце, в то время как у Юстина — в своем доме, а у Ктесия — в доме Артаксеркса.

⁵ У Юстина Дария умертвили подосланные к нему убийцы, у Ктесия он был казнен по приказу Артаксеркса, у Диодора — убит царскими телохранителями.

Аристотель пишет, что Артабан сначала умертвил Дария, а потом убил и самого царя (Arist. *Pol.* VIII. 14). Юстин называет Артаксеркса еще мальчиком (Just. *Epit.* III. 1.3), но в то же время приписывает ему собственное убийство заговорщика Артабана и нейтрализацию заговора. У Диодора Артаксеркс отважно защищает себя от нападения Артабана и его сыновей, причем даже будучи раненым заговорщиками, ухитряется в ответ убить Артабана (Diod. XI. 69.1–6). Данные сведения едва ли согласуются с ранним возрастом будущего персидского царя.

Ктесий же вообще не делает никаких намеков на то, сколько Артаксерксу было лет в 465 г. до н. э. Однако показательно, что вскоре после начала правления этот персидский царь участвует в кампании против бактрийцев (Ctes. *Frg.* 14 (35) = Lenfant 2004: 129) (см. далее — К.К., А.С.). Данный факт скорее свидетельствует о том, что Артаксеркс к этому моменту был уже юношей, по крайней мере.

Все вышеуказанные различия, вероятно, можно объяснить античной литературной обработкой исходящих от персов рассказов о заговоре (Wiesehöfer 2007: 5). Их основу, вероятно, должны были составлять полученные от самих персов сведения об убийстве Ксеркса и его старшего сына Дария в результате дворцового заговора и о последующем воцарении Артаксеркса I⁶.

Особняком от этой традиции стоит сообщение Элиана (Ael. *VN.* XIII.3 = Lenfant 2004: 128). Согласно этому автору, Ксеркс был наказан за святотатство по отношению к гробнице Бела тем, что сначала потерпел поражение в Греции, а после принял смерть во сне от руки своего собственного сына, правда, не названного по имени.

Чтобы понять, насколько можно доверять античным свидетельствам, следует обратиться к восточным источникам, которых, собственно, всего два — вавилонский и египетский.

---

⁶ Возможно, на рассказ Юстина и Диодора об Артабане могло повлиять повествование Геродота о заговоре 7 знатных персов против Смердиса (Бардии/Гауматы) в сентябре 522 г. до н. э. (Hdt. III. 68–79), поскольку у них упоминаются 7 его сыновей, которые также участвовали в заговоре (Just. *Epit.* III. 1. 2; Diod. XI. 69. 5). Ср. данные Ктесия, упоминающего только трех сыновей (Ctes. *Frg.* 14 (35) = Lenfant 2004: 129).

Первый из них — клинописный текст BM 32234, являющийся фрагментом сборника наблюдений лунных затмений, охватывающим период с последнего десятилетия 7 в. до н. э. по начало второй половины 5 в. до н. э. В тексте помимо прочего сообщается, что через два месяца после затмения 5 июня 465 г. до н. э. Ксеркс был убит своим сыном (Ossendrijver 2018: 152–153)⁷. Дату его убийства следует помещать между 4 и 8 августа 465 г. до н. э., вероятно, 4 августа (Miller 1997: 14; Deuydt 2008: 9). В этом сообщении исследователи пытались видеть влияние пропаганды Артабана (Deuydt 2008: 10), который, согласно античным авторам, обвинил в убийстве Ксеркса его старшего сына Дария. Однако подобное предположение выглядит сомнительным. Если на сведения Элиана еще могла оказать влияние традиция, восходящая к подобной пропаганде, то ее следы едва ли следует видеть в сугубо астрономическом тексте.

В этой связи интересные сведения сохранил Ктесий (Ctes. *Frg.* 14(35) = Lenfant 2004: 129). Он сообщает следующее: «От Артаксеркса отпали бактры и [их] сатрап, другой Артабан. Произошла битва с равным исходом для обеих сторон. Затем вступили в битву во второй раз, и, когда ветер подул в лицо бактрийцам, победил Артаксеркс. Вся Бактрия перешла под его власть» (пер. цитируется по: Píankov 2013: 44).

Следует упомянуть, что согласно Диодору, у Ксеркса было три сына — вышеупомянутые Дарий и Артаксеркс, а также Гистасп, который, однако, в событиях заговора 465 г. до н. э. участия не принимал, поскольку находился в Бактрии, которой управлял (Diod. XI.69, 2–3). Согласно Ктесию, Гистасп был вторым по старшинству братом (Ctes. *Frg.* 13 (24) = Lenfant 2004: 123)⁸. После смерти Ксеркса и Дария именно он должен был стать законным царем. Свидетельство Диодора о том, что Гистасп был сатрапом Бактрии, позволило ряду исследователей сопоставить эти сведения с данными Ктесия о восстании бактрийцев против власти Артаксеркса (см. выше) и считать, что за упомянутым Ктесием «другим Артабаном» (греч. ἄλλος

---

⁷ Текст гласит: IZI 4(+x) Ḫi(?)-ši(?)-ár-šú DUMU-šú GAZ-šú «(Месяц) Абу, (день) 14 (+x) (царя) Ксеркса, его сын умертвил его» (Stolper 1988: 196).

⁸ Юстин упоминает только двух сыновей Ксеркса — Дария и его младшего брата Артаксеркса (Just. *Epit.* III.1.2–5).

Ἀρτάβατος), на самом деле, скрывается не кто иной, как третий сын Ксеркса Гистасп⁹, поднявший восстание в Бактрии против своего младшего брата, захватившего трон (Olmstead 1948: 290; Diakonoff 1961: 99; Dandamayev 1985: 177; Briant 2002: 565; Wiesehöfer 2007: 12; Piankov 2013: 94).

Не приходится сомневаться, что сообщение Ктесия о восстании в Бактрии действительно отразило распри в Персидской державе после гибели Ксеркса. Так, смута, вызванная восшествием на престол нового царя, нашла свое отражение и у Диодора. Последний пишет, что Артаксеркс I воцарился лишь два года спустя после гибели Ксеркса, т. е. в 463 г. до н. э., причем помимо прочего занимался устранением сатрапов, которые были ему враждебны (Diod. XI.71.1–2). По сути, сообщение Диодора о враждебных настроениях ряда персидских сатрапов по отношению к центральной власти после воцарения Артаксеркса I перекликается с данными Ктесия о подавлении этим царем восстания Артабана в Бактрии.

В свете приведенных данных о мятеже Артабана в Бактрии любопытно примечание Диодора, который считал, что катализатором восстания под предводительством Инара в Египте в 463 г. до н. э.¹⁰ стало известие о беспокойствии (ταραχή) в Персидской империи после гибели Ксеркса (Diod. XI.71.3). Казалось бы, этому противоречит арамейский текст с острова Элефантины, который относится ко 2–3 января 464 г. до н. э. и является самым ранним упоминанием Артаксеркса I как царя (Miller 1997: 14; Hornung 2006: 282–283, n. 18)¹¹. Однако после-

---

⁹ Попытки видеть в этом Артабане сановника Артаксеркса I, сменившего в должности сатрапа сына Ксеркса Гистаспа, поднявшего восстание в Бактрии (Ставиский 1963: 210; Piankov 2013: 94), выглядят надуманными, поскольку не находят никакого подтверждения ни у Ктесия, ни у других античных авторов. То же самое можно сказать о гипотезе, согласно которой Артабан был назначен сатрапом уже после подавления там восстания Бактрии, а после него заместником этой области младший сын Ксеркса Гистасп (Montchadskaya 1961: 111). Гипотеза о том, что Артабан поднял восстание в Бактрии после устранения Артаксерксом I его брата Гистаспа является неаргументированным предположением (Miller 1997: 14).

¹⁰ Дата по: Briant 2002: 574.

¹¹ Текст, являющийся юридическим соглашением относительно принадлежности земельного участка, датируется еще 21-м годом

дующие события мятежа Инара показывают, что весь Египет не был под персидской властью, и вполне возможно, что в начале 464 г. до н. э. нового царя признали только верные центральной власти области, в частности, Элефантина, где с давних пор располагался персидский гарнизон.

Вообще ситуация с восстанием сатрапий против Артаксеркса I, взшедшего на трон в результате успешного заговора против отца (Wiesehöfer 2007: 6–7), очень напоминает состояние дел в Персидской империи после убийства в сентябре 522 г. до н. э. Бардии/Гауматы и воцарения Дария I, когда, согласно Бехистунской надписи, от нового царя отложились значительная часть персидских провинций (Vygasin 1997: 272), и он вынужден был долгое время приводить к покорности мятежные части империи (Briant 2002: 114–122)¹².

Подтверждение сведениям Диодора о том, что Артаксеркс I воцарился не сразу после смерти Ксеркса, но спустя определенный период, можно найти у хронографов Манефона. Так, у Африкана мы видим следующую последовательность персидских царей от Ксеркса до Артаксеркса I: γτ Ξέρξης ὁ μέγας, ἔτη κατ. δτ Ἀρτάβανος, μῆνας ζτ. ἐτ Ἀρταξέρξης, ἔτη ματ. «(3) Ксеркс Великий, (правил) 21 год. (4) Артабан — 7 месяцев¹³, (5) Артаксеркс — 41 год» (Manetho *Frg.* 70 = Waddell 1940: 174).

У Евсевия подобная последовательность правителей отсутствует, и за Ксерксом сразу следует имя Артаксеркса (Manetho *Frg.* 71 = Waddell 1940: 176). Зато между Камбизом и Дарием I вместо Гауматы этот хронограф указывает: βτ Μάγοι μῆνας ᾿ζ' «маги (правили) 7 месяцев» (Manetho *Frg.* 71 = Waddell 1940: 176).

У Африкана указание на 7 месяцев правления магов отсутствует (Manetho *Frg.* 70 = Waddell 1940: 174). Возможно, что мы имеем дело с его ошибкой в тексте. Хронограф указал

правления Ксеркса, но уже фиксирует восшествие на трон Артаксеркса I (Cowley 1923: 16).

¹² Наиболее опасные мятежи в провинциях были подавлены Дарием I в конце 521 г. до н. э., хотя отдельные восстания, например, в Эламе вспыхивали еще в 519 г. до н. э. (Dandamayev 1985: 95; Briant 2002: 118).

¹³ П. Бриан считал информацию о правлении Артабана у Африкана недостоверной, однако объяснить даже на уровне гипотезы, как вообще имя Артабана очутилось среди персидских царей у Манефона, так и не смог (Briant 2002: 566).

«семь месяцев» (μῆνας ζτ) как продолжительность царствования Артабана, которые в оригинальном списке Манефона относятся к правлению магов¹⁴.

Согласно Геродоту, маг Смердис, захвативший власть между Камбисом и Дарием I, процарствовал как раз 7 месяцев (*Hdt.* III.67). Гаумата в Бехистунской надписи также правит в Персии с марта по октябрь 522 г. до н. э. (Vygasin 1997: 270). Поэтому сомневаться в 7 месяцах правления магов, упомянутых у Евсевия, вроде бы не приходится. В то же время, как уже упоминалось, Диодор свидетельствует, что Артаксеркс I окончательно удалось воцариться в Персидском царстве только спустя два года после гибели Ксеркса, т. е. в 463 г. до н. э. Первое же письменное упоминание Артаксеркса I в арамейском папирусе на Элефантине относится ко времени спустя 5 месяцев после убийства Ксеркса 4 августа 465 г. до н. э. Возникает вопрос, кто являлся официальным царем сразу после смерти Ксеркса, и откуда у Африкана в череде персидских царей вообще появился Артабан?

Как уже упоминалось, обычно считается, что сатрап Бактрии Артабан и есть третий сын Ксеркса Гистасп. Однако, на наш взгляд, подобной идентификации Артабана мешает вышеупомянутое сообщение Манефона, помещающего между Ксерксом и Артаксерксом правление именно Артабана. Как в египетские царские списки, которыми пользовался Манефон, Артабан вообще мог попасть как законный царь Персидской державы, если у античных авторов он фигурирует лишь как глава телохранителей Ксеркса, или как сатрап Бактрии, заведомо не имевший никаких легитимных прав на престол?¹⁵

Более того, у Ктесия, Юстина и Диодора нигде не утверждается, что начальник телохранителей Артабан сумел занять трон до воцарения Артаксеркса I. Вероятно, лучше всего это отражено у Плутарха. Последний сообщает, что Фемистокл бежал из Греции в Азию и прибыл ко двору персидского царя. Первым, кто его встретил, был Артабан¹⁶, который, видимо, и сопроводил Фемистокла к владыке персов. Плутарх не называет точно имя этого царя, говоря, что ряд античных авторов

¹⁴ Сведения о правлении магов в списке Африкана вообще отсутствуют.

¹⁵ Ср.: Briant 2002: 566.

¹⁶ Артабан обозначен у Плутарха как ὁ χιλιάρχης (*Plut. Them.* 27, 2).

считают его Ксерксом. Однако тут же он ссылается на Фукидида, чей рассказ, по его мнению, лучше согласуется с хронологическими данными (Plut. Them. 27–28). Фукидид же прямо говорит, что еще до прибытия Фемистокла к персидскому двору на трон уже взшел Артаксеркс I (Thuc. I.137.3). Однако если это так, то заговорщик Артабан не мог занять персидский трон до Артаксеркса и, соответственно, быть упомянутым Манефоном в череде правивших Египтом персидских царей.

Но как в таком случае можно объяснить подобные противоречия? Как уже говорилось выше, у Ктесия имя сатрапа Бактрии Артабана сопровождается странным определением ἄλλος «другой». Он явно назван так во избежание его отождествления с известным античным авторам убийцей Ксеркса. На наш взгляд, заманчиво предположить, что имя сатрапа Бактрии Артабана, упоминаемого Ктесием, и есть настоящее имя третьего отпрыска Ксеркса. Тогда все становится на свои места. Понятно появление имени Артабана в египетском царском списке Манефона. Как уже говорилось, именно второй сын Ксеркса, старший брат Артаксеркса, должен был занять трон по старшинству, и именно ему должны были присягнуть сановники империи после гибели его отца.

Можно также объяснить и появление у Диодора Гистаспа, сына Ксеркса, как сатрапа Бактрии¹⁷. Вероятно, на сообщение этого автора могли оказать влияние данные Геродота. Последний указал, что в походе на Грецию отрядами бактрийцев и саков руководил сын Дария I и Атоссы Гистасп (*Hdt.* VII.64). Иными словами, человек с таким именем, видимо, был бактрийским наместником около 480 г. до н. э., за 15 лет до гибели Ксеркса. Более о сыне Дария Гистаспе ничего не известно. Нет

---

¹⁷ По-видимому, сама ошибка в имени второго сына Ксеркса должна восходить к Ктесию, у которого этот Гистасп упомянут впервые (Ctes. Frg. 13 (24) = Lenfant 2004: 123). Диодор активно использовал труд Ктесия (Piankov 2013: 60–62), и, вероятно, позаимствовал у него и само это имя сына Ксеркса, хотя связал Гистаспа с Бактрией по другой причине (см. далее). Примечательно, что у Ктесия после упоминания Гистаспа как сына Ксеркса, информация о нем отсутствует. О причинах появления у Ктесия сына Ксеркса под именем Гистаспа можно только гадать, но, возможно, древнегреческий историк старался избежать «сирены созвучия» имени сына персидского царя Артабана с упоминаемым в «Персике» убийцей Ксеркса.

ничего невероятного в предположении, что должность наместника Бактрии могла быть впоследствии ошибочно перенесена Диодором на второго сына Ксеркса, чье имя «Гистасп» было позаимствовано им, в свою очередь, у Ктесия (см. прим. 17 — К.К., А.С.)¹⁸.

Если наша реконструкция верна, то события 465 г. до н. э. можно реконструировать так: в результате дворцового заговора, возможно, возникшего в среде царских телохранителей, во

---

¹⁸ По мнению Е. А. Мончадской, Гистасп был только военачальником бактрийцев, а их сатрапами при Ксерксе были царские братья Ариамен и Масист (Montchadskaia 1971: 25). Исследовательница ссылается на Юстина, рассказывающего о споре после смерти Дария I между братьями Ариаменом и Ксерксом за престол, который был решен их дядей Артаферном в пользу Ксеркса (Just.Epít. II.10.1–11), а также на сообщение Плутарха (Plut. Mor. 173 C. 1 = Babbitt 1961: 14, 16): «Ксеркс, сын Дария, спорил за власть с братом своим Ариаменом, вышедшим на него из Бактрианы... И когда Ксеркс подлинно был провозглашен царем, то Артамен тотчас перед ним простерся ..., а Ксеркс его поставил над персами вторым после себя» (перевод цитируется по: Plutarkh 1990: 341). По ее мнению, указание Плутарха на выступление Ариамена против Ксеркса из Бактрии свидетельствует, что он был ее наместником (Montchadskaia 1971: 25). Что касается Масиста, то Геродот прямо указывает на него как на сатрапа Бактрии (Hdt. IX. 113). Поэтому исследовательница считает, что Масист сменил погибшего в 480 г. до н. э. в битве при Саламине Ариамена (Plut. Them. 14) в должности сатрапа Бактрии и правил до конца правления Ксеркса, когда был убит по приказу царя (Montchadskaia 1961: 111, 115). Однако П. Бриан указал, что Ариамен и Масист, вероятно, являются одним и тем же лицом, поскольку, согласно Плутарху, после примирения Ксеркс назначил своего брата Ариамена «вторым после себя» (см. выше — К.К., А.С.). Французский исследователь справедливо привел персидскую лексему *masišta* «величайший, равный наследному принцу» (Bartholomae 1904: 1155; Kent 1950: 201–202) как аналог греческому имени Масист и предположил, что Ариамен и есть носитель титула *masišta*, который греки восприняли как имя собственное (Briant 2002: 524). Если это так, то нет никакой необходимости видеть в Масисте отдельного сатрапа Бактрии, правившего до 465 г. до н. э. Напротив, резонно предположить, что брат Ксеркса Гистасп, возглавивший отряды бактрийцев в греческом походе (Hdt. VII.64), и был сатрапом Бактрии после Ариамена, который, по-видимому, после примирения с Ксерксом занял более высокую должность, причем, вероятно, еще до начала греко-персидских войн.

дворце были убиты Ксеркс и его старший сын Дарий. Велика вероятность, что ключевой фигурой заговора был младший сын персидского царя Артаксеркс (Wiesehöfer 2007: 6–7, 17). После гибели Ксеркса законным наследником становился второй сын царя Артабан, который до этого был наместником Бактрии. Ему, по-видимому, присягают ряд имперских территорий, в том числе, Египет, поэтому его правление и упоминается Манефоном, который приписывает ему 7 месяцев правления¹⁹. После подавления восстания в Бактрии и, вероятно, гибели Артабана Артаксеркс I, если верить Диодору, в течение двух лет подавляет недовольство в разных частях империи и лишь к 463 г. до н. э. снова объединяет государство.

Теперь остается обратиться к данным египетского источника, упоминающего о событиях 465 г. до н. э. в Персии, а именно к «Стеле сатрапа» конца 311 г. до н. э. (Safronov 2020: 1187–1189). Следует сразу заметить, что ничего принципиально нового к вышеупомянутой реконструкции этот текст добавить не может. Тем не менее, он породил ряд противоречивых трактовок того фрагмента, где упоминается о каре, которую бог Хор обрушил на Ксеркса и его старшего сына²⁰.

«Стела сатрапа», которая формально датируется 7-м годом правления Александра IV, рассказывает о военных походах,

---

¹⁹ Сказать точно, сколько Артабан считался царем, не представляется возможным из-за отсутствия данных. Но тот факт, что арамейский папирус с острова Элефантины называет датой восшествия на престол Артаксеркса I 2–3 января 464 г. до н. э. свидетельствует, что его правление должно было, длиться, по крайней мере, несколько месяцев (см. выше).

²⁰ Проблема идентификации имени *Hšrš* «Стелы сатрапа» с Артаксерксом III, которая была впервые обозначена в начале XX века В. Шпигельбергом (Spiegelberg 1907: 5–6) и оказала сильное влияние на целую плеяду последующих исследователей, в данной статье рассматриваться не будет. См. подробнее критику аргументов В. Шпигельберга и общий обзор схожих точек зрения: Safronov 2020: 1196–1204. Ср. также с указанием Г. Виттмана, который безапелляционно указал, что «die phonetische Identität von *Hšrš* mit Xerxes ...ist... absolut sicher», а также отбросил возможность появления в тексте «Стелы сатрапа» Артаксеркса III под именем *Hšrš*-Ксеркса под влиянием неких носителей греческого языка (Vittmann 2011: 397, Anm. 139, 142).

административной и культовой деятельности Птолемея в бытность его еще сатрапом Египта. Особый интерес представляют данные стелы о законодательном закреплении за жречеством Буто земельного надела под названием «Топь земли Ваджит»²¹ и его историю, начиная с правления Ксеркса (486–465 гг. до н. э.), конфисковавшего земли у жречества Буто. При фараоне Хаббаше (337–336 гг. до н. э.) надел был снова возвращен жречеству Буто, однако, решение, видимо, не было зафиксировано указом, что позже было сделано Птолемеем Лагом (Safronov 2020: 1195–1196).

Для данного исследования интерес представляют строки 10–11, в которых сообщается о рассказе жрецов прибывшему в Буто фараону Хаббашу о конфискации Ксерксом имущества местного жречества и последующем наказании за это богом Хором персидского царя и его старшего сына. Текст следующий: *(10)...* *d<d.n>=sn sbj Hšrš jr.n=f sp đw r P-Dp jt.n=f h.t=f d<d.n>=sn m-bšh Hm=f jtj nb=n Hr.w sš šs.t sš Wsjr hšš hšš.w nswt nswt.w bj.tj bj.tj.w nd jt=f nb P hš.t ntr.w (11) hpr hr sš nn nswt hr sš=f (hr) wd nf sbj.(w) Hšrš m sbh.t=f hn<C> sš=f wr sjš(w)=s m Sšw n N.t m hrw pn r-gs mw.t ntr «(10) ... И тогда они (т.е. жрецы Буто — К.К., А.С.) сказали: «Святотатец Ксеркс совершил злодеяние против Буто и захватил его владение». Затем они сказали Его Величеству: «(О) владыка, наш господин! Хор, сын Исиды (и) Осириса, первый из правителей²², царь царей Верхнего и Нижнего Египта, защитник своего отца, господин Пэ, первый из богов, (11) который возникнет снова²³, тот, после кого нет правителя, — сверг тех святотатцев Ксеркса (< Хшереша) в его дворце и его старшего сына, о чем узнали в этот день в Саисе Нейт рядом с матерью бога» (транслитерация*

²¹ Вероятно, этот локалитет следует связывать с каким-то пограничным, северным районом нома с центром в Буто, и название «Топь земли Ваджит», по-видимому, следует отделять от топонима «земля богини Ваджит» (Gauthier 1925: 42, 46). О синтаксисе предложения *phww pš tš n Wšd.t rn=f* см.: Allen 2014: 94.

²² Досл. «правитель правителей», что, естественно, может означать только «первый из правителей».

²³ Все примеры использования выражения *hš.t ntr.w hpr hr sš* были собраны И. В. Богдановым (Bogdanov 2022: 5–31). Об интерпретации см.: Safronov 2021: 37–41; Bogdanov 2022: 6–7, 15–21; Safronov 2022: 582–588.

нутым сообщением Элиана (Ael. VH. XIII.3), согласно которому убийство Ксеркса расценивалась как кара за святотатство по отношению к гробнице Бела. Вероятно, появление этой традиции следует относить ко времени усмирения Ксерксом восстаний в Египте в 484 г. до н. э. и в Вавилонии, вероятно, в 481 г. до н. э., что привело к потере этими странами их автономного статуса, и сопровождалось массовой конфискацией храмового имущества в покоренных землях (Briant 2002: 525; Dandamayev 1985: 135–139).

Сокращения

KRI II — Kitchen K. A. *Ramesside Inscriptions, Historical and Biographical*. Vol. 2. Oxford. 1979.

RLA I — Ebeling E., Meissner Br. (Hrsg.) *Reallexikon der Assyriologie*. Bd. 1. Berlin; Leipzig. 1928.

Urk. I — Sethe K. *Urkunden des Alten Reiches*. Zweite Auflage. Leipzig. 1932.

Литература

Allen, J. P. 2014: *Middle Egyptian. An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs*. Cambridge.

Babbitt, F. 1961: *Plutarch's Moralia in Fifteen Volumes. III, 172 A–263 C*. Cambridge; London.

Bartholomae, Chr. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.

Bogdanov, I. V. 2021: [Egyptian kinship term *mwt* ‘mother’ as a metaphor for an object or concept (1–5)]. *Indoeвропейское языкознание и классическая филология* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology*]. 25/1. 99–135.

Богданов, И. В. 2021: Египетский термин родства *mwt* «мать» как метафора предмета или понятия (1–5). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 25/1. 99–135.

Bogdanov, I. V. 2022: Teologicheskaya antiteza «nachalo bogov, vznikayushchiy vposledstviy» v pozdneyegepetskikh tekstakh. Teksty 1–8. [Theological Antithesis “Beginning of the Gods, the One Who Comes into Being Afterwards” in the Late Egyptian Texts (Texts 1–8)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*]. 82/1. 5–31.

Богданов, И. В. 2022: Теологическая антитеза «начало богов, возникающий впоследствии» в позднеегипетских текстах. Тексты 1–8. *Вестник древней истории*. 82/1. 5–31.

том числе, как обитатель чужеземных стран (Karlova 2016: 12–13). Возможно, этот факт не случаен, поскольку Сет в позднеегипетских текстах предстает как святотатец по отношению к египетским храмам, олицетворявший бесчинства, творимые чужеземцами, в том числе, и персами, в Египте (Karlova 2021: 105, 111–112).

- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*. Winona Lake.
- Cowley, A. 1923: *Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C.* Oxford.
- Dandamayev, M. A. 1985: *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy* [A Political History of the Achaemenian Empire]. Moscow.
- Дандамаев, М. А. 1985: *Политическая история Ахеменидской державы*. М.
- Depuydt, L. 2008: *From Xerxes' Murder (465) to Arridaios' Execution (317). Updates to Achaemenid chronology (including errata in past reports)*. Oxford.
- Diakonoff, M. M.: *Oчерk istorii drevnego Irana* [Essay on the History of Ancient Iran]. Moskva [Moscow].
- Дьяконов, М.М. 1961: *Очерк истории древнего Ирана*. М.
- Gauthier, H. 1925: *Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques*. T. 2. Le Caire.
- Hornung, E. 2006: *Ancient Egyptian Chronology*. Leiden; Boston.
- Karlova, K. F. 2016: *Образ бога Сета в древнеегипетской религии Позднего периода (на материале ритуально-магических текстов и памятников оазисов)* [The Image of the god Seth in the Late Egyptian religion (Based on Ritual-Magical Texts and Oases' Monuments)]. Avtoreferat kand. dis. [Abstract of PhD Dissertation]. Moskva [Moscow].
- Karlova, K. F. 2021: *Svoy ili chuzhoj? Dve ipostasi boga Seta v pozdneyegipetskoy religii* [Friend or Foe? Two Hypostases of the God Seth in the Late Egyptian Religion]. Moskva [Moscow].
- Карлова, К. Ф. 2016: *Образ бога Сета в древнеегипетской религии Позднего периода (на материале ритуально-магических текстов и памятников оазисов)*. Автореферат канд. дис. М.
- Карлова, К. Ф. 2021: *Свой или чужой? Две ипостаси бога Сета в древнеегипетской религии*. М.
- Kent, R. G. 1950: *Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven.
- Klinkott, H. 2007: Xerxes in Ägypten. Gedanken zum negativen Perserbild in der Satrapenstele In: Pfeiffer St. (Hrsg.) *Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz*. Frankfurt am Main. 34–53.
- Lenfant, D. 2004: *Ctésias de Cnide. La Perse. L'Inde. Autres fragments*. Paris.
- Miller M. C. 1997: *Athens and Persia in the Fifth Century BC. A Study in Cultural Receptivity*. Cambridge.
- Montchadskaya, E.A. 1961: O pravatelyakh Baktrii i Sogdiany VI – IV vekov do n.e. [Some Data on the Rulers of Bactria and Sogdiana in the VI–IV Centuries B. C.]. *Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka*. 6. = *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. 5. [Culture and Art of Eastern Peoples. 6 = Proceedings of the State Hermitage. 5]. Leningrad [Leningrad]. 110–116.

- Мончадская, Е. А. 1961: О правителях Бактрии и Согдианы VI–IV веков до н. э. *Культура и искусство народов Востока*. 6. = *Труды Государственного Эрмитажа*. 5. 110–116.
- Montchadskaia, E. A. 1971: Eskhil o Sredney Azii [Aeschylus about Central Asia]. In: *Strany i narody Vostoka. T. 10: Srednyaya i Tsentral'naya Aziya. Geografiya, etnografiya, istoriya*. Pod red. Ol'derogge D.A. [In: Ol'derogge D.A. (ed.). *Countries and Peoples of the East. Vol. 10: Central and Central Asia. Geography, Ethnography, History*]. Moskva [Moscow]. 22–26.
- Мончадская Е. А. 1971: Эсхил о Средней Азии. В: *Страны и народы Востока. Вып. X: Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история*. Под ред. Д.А. Ольдерогге. М.: «Наука», 1971. 22–26.
- Piankov, I. V. 2013: *Srednyaya Aziya i Yevraziyskaya step' v drevnosti* [Middle Asia and the Eurasian Steppes in Antiquity]. Sankt-Peterburg [St. Petersburg].
- Пьянков, И. В. 2013 *Средняя Азия и евразийская степь в древности*. СПб.
- Plutarkh, 1990: *Zastol'nyye besedy* [Table Talk]. Leningrad.
- Плутарх, 1990: *Застольные беседы*. Ленинград: «Наука», 1990.
- Olmstead, A.T. 1948: *History of the Persian Empire*. Chicago; London.
- Ossendrijver, M. 2018: Babylonian Scholarship and the Calendar During the Reign of Xerxes. In: Waerzeggers C., Seire M. (eds.). *Xerxes and Babylonia. The Cuneiform Evidence*. Leuven/Louvain. 135–163.
- Ritner, R. K. 2003: The Satrap Stela (Cairo JdE 22182). 392–397. In: Simpson W.K. (ed.). *The Literature of Ancient Egypt*. New Haven–London. 392–397.
- Safronov, A. V. 2020: [The history of the «Marshland Wadjet» and the problem of Iranian anthroponyms in the Satrap stela]. *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology]. 24/2. 1187–1208.
- Сафронов, А. В. 2020: История области «Топь земли Ваджит» и проблема иранских антропонимов в «Стеле сатрапа». *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 24/2. 1187–1208.
- Safronov, A. V. 2021: Mog li Kserks «popyatit'» zemlyu? K ponimaniyu nekotorykh fragmentov «Stely satrapa» [Could Xerxes push the land back? On understanding some fragments from the Satrap Stele of Ptolemy]. *Orientalistica*. 4(1), 574–602.
- Сафронов, А. В. 2021: Мог ли Ксеркс «попятить» землю? К пониманию некоторых фрагментов «Стелы сатрапа». *Ориенталистика*. 4(1), 574–602.
- Safronov, A. V. 2022: «Yeshche raz k ponimaniyu nekotorykh fragmentov drevneyegipetskoj «Stely satrapa»: opyat' dvoyka! [«Once Again on Understanding Some Fragments of the Ancient Egyptian Satrap Stela»: Grade D, Again]. *Orientalistica*. 5(3), 574–602.

- Сафронов, А. В. 2022: Еще раз к пониманию некоторых фрагментов древнеегипетской «Стелы сатрапа»: опять двойка! *Ориенталистика*. 5(3), 574–602.
- Stavisky, V. J. 1963: Srednyaya Aziya pod vlast'yu Akhemenidov [Central Asia under the Achaemenids (VI–IV century BC). In: *Istoriya tadzhikskogo naroda. T. 1: s drevneyshikh vremen do 5 v. do n.e.* Pod. red. B. G. Gafurova, B. A. Litvinskogo [Gafurov B. G., Litvinsky B. A. (eds.) *History of the Tajik people. Vol. 1: From ancient times till 5 century BC*]. Moskva [Moscow]. 189–235.
- Ставиский, Б. Я. 1963: Средняя Азия под властью Ахеменидов (VI–IV вв. до н. э.). В: *История таджикского народа. Т. 1: с древнейших времен до 5 в. до н. э.* Под. ред. Б. Г. Гафурова, Б. А. Литвинского. М. 189–235.
- Schäfer, D. 2011: *Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen. Historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern*. Leuven; Paris; Walpole, MA.
- Spiegelberg, W. 1907: *Der Papyrus Libbey. Ein ägyptischer Heiratsvertrag*. Strassburg
- Stolper, W. M. 1988: Some Ghost Facts from Achaemenid Babylonian Texts. *The Journal of Hellenic Studies*. 108.196–198.
- Stonycipher, A. 1918: *Graeco-Persian Names*. NY; Cincinnati; Chicago.
- Vygasin, A. A. 1997: *Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka [Reading-Book on the History of the Ancient Near East]*. Moskva [Moscow].
- Вигасин, А. А. 1997: *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. М.
- Vittmann, G. 2011: Ägypten zur Zeit der Perserherrschaft. In: Rollinger R., Truschnegg Br., Bichler R. (Hrsg.) *Herodot und das Persische Weltreich. Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema «Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen», Innsbruck, 24.–28. November 2008*. Wiesbaden. 373–429.
- Waddell W. G. 1940: *Manetho*. Cambridge, Massachusetts; London.
- Wiesehöfer 2007: Die Ermordung des Xerxes: Abrechnung mit einem Despoten oder eigentlicher Beginn einer Herrschaft? In: Bleckmann Br. (Hrsg.) *Herodot und die Epoche der Perserkriege Realitäten und Fiktionen Kolloquium zum 80. Geburtstag von Dietmar Kienast*. Köln; Weimar; Wien. 3–19.

Daniele Castrizio
University of Messina, ITALY. dcastrizio@unime.it

RHEGION'S FIRST MONETARY ISSUES IN LITERARY SOURCES

The text analyzes the three first coin issues of Rhegion, focusing on a silver incuse *drachma* with a kneeling human-faced bull and a cicada, on a coin with a lion's head on the obverse and a calf's head on the reverse, and on a series with a mule chariot on the front and a hare on the reverse.

Regarding the first series, we will examine the relationship with a disastrous war of the *Rheginoi* against *Lokroi* and *Zanklaioi* and the interpretation of the river represented in the typology: is it the *Halex*, the *Aspsias* or the *Kaikinos*? The research will seek a solution to the question through literary sources.

Subsequently, the tyrannical period under the tyrant *Anaxileos* will be explored, with changes in the typology of coins, linked to the birth of the name Italy, linked to Heracles' stay in *Rhegion*.

Rhegion's defeat at *Himera* in 480 BC and the subordination to Syracuse will be studied through the typologies of the coins. We will discuss the representation of a mule chariot on the right, with different symbolic interpretations. It will also be an explanation of the typology of the reverse hare, linking it to an astronomical concept relating to the Pythagorean death–rebirth cycle of the sun. This is the famous monetary series treated by Aristotle and other sources, the analysis of which will allow us to unravel the propaganda meanings launched by the tyrant of the Strait between Scylla and Charybdis.

Keywords: Numismatics; Greek History; Greek Archaeology; Iconography.

Даниэль Кастрицио
Университет Мессины, Италия. dcastrizio@unime.it

Ранние монеты Регия и их толкование в свете литературных источников

В статье представлен анализ трех типов ранних монет Регия. Особое внимание уделено 1) серебряной драхме с изображением стоящего на согнутых коленях быка с человеческим лицом и цикадой, 2) серии монет с изображением головы льва на аверсе и головы теленка на реверсе, а также 3) серии монет с запряженным в колесницу мулом на аверсе и бегущим зайцем на реверсе.

Автор устанавливает связь первой серии монет с событиями 494 г. до н. э., когда Регий потерпел поражение в войне с Локрами и Занклой за территории. Период правления тиранна Анаксилея отмечен изменением в типе монет с изображением быка, отсылающим к мифу о возвращении Геракла через Регий после его победы над Герионом.

Поражение Регия в битве при Гимере в 480 г. до н. э. и подчинение Сиракузам также отразились в типе монет. В связи с изображением запряженного в колесницу мула автор вспоминает о победе Анаксилея на Олимпийских играх именно в соревновании мулов, впряженных в ἀλήνη. Изображение зайца на реверсе монеты интерпретируется в контексте пифагорейской символики циклического возрождения Солнца.

Тем самым делается попытка увидеть в сменяющихся типах монет пропаганду взглядов тиранна Анаксилея, о притязаниях которого мы знаем из свидетельства Аристотеля и из других источников.

Ключевые слова: нумизматика; греческая история; греческая археология; иконография.

To understand the deep meaning of the military and political confrontation between *Rhegion* and the Doric Sicilian tyrannies, culminating in the Battle of *Himera*, it is necessary, in our opinion, to start from the period immediately preceding the advent of *Anaxileos* as the tyrant of the polis. This historical phase, marked by the decline of figures such as *Charondas* of *Katane*, who had written laws for the city of the Strait, and the poet *Ibycus*, who preferred to self-exile rather than become the tyrant of *Rhegion*, is known among modern scholars as the era of the “thousand tyrants,” a name given to the oligarchy that held power in the polis. From this important period, straddling the 6th and 5th centuries BC, we do not have a large availability of literary sources. Therefore, we will try to shed some light using numismatic and archaeological sources. The first coinage of *Rhegion*, evidenced by a few specimens, of which only one is absolutely certain, was certainly minted during the period of the “thousand tyrants”¹. These are incuse silver drachmas of Chalcidian weight (the theoretical standard is 5.8 g), featuring a kneeling bull with a human face and a cicada above it (fig. 1). Recent studies have reiterated and confirmed the Pythagorean ideological substratum that substantiates and motivates the choice of coin typology. Benedetto Carroccio has demonstrated that the animal depicted above the man-headed bull is a cicada nymph,

---

¹ Babelon 1910: pl. 71, n. 8.

which buries itself for several days before “rebirthing” as an adult cicada². The meaning of death/rebirth to which it alludes fits perfectly within the Pythagorean tradition present at that time in *Rhegion*. The figure of the man-headed bull is undoubtedly a representation of a river according to the iconographic standards of the time³, traditionally, it has been almost unanimously identified as the depiction of the *Apsias* River (modern-day Calopinace), described by the Delphic foundation oracle, a literary construction later than the time of the *apoikia*, as “the most sacred among rivers”. Numismatic comparisons with the typology of the man-headed bull, such as the *Siris* and the *Gela* from the coinages of cities named after the rivers near which they were founded, have led Carroccio to consider the identification with the *Apsias* proven due to its proximity to the site of *Rhegion*.

In our opinion, however, no element of the coin typology appears compelling for such an identification, while the presence of the cicada seems, instead, to refer to the boundary river between *Rhegion* and *Locri*. This body of water was, in fact, the setting for the famous mythical episode of *Heracles*, who, upon returning from the task of retrieving the cattle of *Geryon*, was disturbed by the chirping of cicadas that prevented him from sleeping. He therefore asked and received from his father *Zeus* that they become “mute” on the *Rhegion* side of the river. The *Halex* River represented, throughout the classical era, the most unfavorable border with *Locri* for *Rhegion*, as it left the two ports of Capo Spartivento, known in ancient times as *Promontorium Heracleum*, in Locrian hands. These ports were essential for controlling the routes to and from Greece and the East. However, the traditional attribution of the mythical episode of the cicadas to the *Halex* River, which we identify as the *Alica/Palizzi* River, that by the 4th century BC had become the “definitive” border between the two cities, does not take into account some important considerations⁴.

---

² Carroccio 2000: 47–69.

³ *Contra*, Isler 1970.

⁴ The correspondence between the *Halex* and the *Palizzi* River, which in its upper course is still called *Alica* (accusative *Halika*, with medieval iotacism), has been the subject of our reflections starting from Castrizio 1995: p. 122, note 107, and later revisited and deepened by Cordiano, Accardo 2004; Cordiano, Accardo, ISOLA 2006. After several decades, I am re-proposing the text of note 107: “We believe that the debate on the

Firstly, archaeological sources have demonstrated that *Heracles* of *Rhegion*⁵ was entrusted with the protection of the *polis* boundaries⁶. Consequently, the name *Heracleum* at Capo Spartivento must have been given by the people of *Rhegion*, indicating that it was the border district with Locri.

It should also be noted that the name of the *Kaikinos* River, probably the modern Fiumara di Bruzzano on the Ionian coast between the municipalities of Brancaleone and Bruzzano Zefirio, not far from the original settlement site of the Locrians, could not have been given by Locri. This is because it is etymologically linked to the wind *Kaikias*, the northeast wind, also depicted on the Tower of the Winds in Athens (Fig. 2). While for the Locrians, the *Kaikinos* River was situated to the south, for the people of *Rhegion*, it was located to the northeast, making the name they gave to the watercourse understandable.

Lastly, it is worth remembering that even in Locrian territory there are signs of the divinization of a hero connected to the border with *Rhegion*, with the story of the Olympic boxer *Euthymos* of

---

Ionic border between *Rhegion* and Locri is far from closed. The communis opinio, which places the closer border river to *Rhegion*, the *Halex*, near Melito Porto Salvo, and the more distant one, the *Kaikinos*, near Bova, as appears in Kahrstedt 1960, 56, was questioned by Sabbione 1979, 286–296, with well-founded arguments. In addition to those offered by the scholar, we add the consideration of the necessity to find a credible historical motivation for the joint attack by Athenians and *Rhegians* on a *chorion*, probably the *Kaikinon* mentioned by Steph. Byz. s.v. *Kaikinos*, located near the *Kaikinos* river and a *peripolion* nearby, as noted in the Jacoby fragment, FGrHist, 577 F2 tentatively attributed to *Philistus* (Coppola, Momigliano 1930, 449 ff.), and by *Thucydides* III 103, as well as for the defense of the same *peripolion* the following year, in *Thucydides* III 115. The only explanation for such fervent efforts, in our opinion, lies in the need to secure possession of the landing points of the *Herakleion*/Spartivento promontory, indispensable support points for navigation between Greece and Sicily, especially on a coast particularly lacking in inlets, and near a promontory impossible to round in unfavorable wind conditions.

⁵ Jeffery 1961: 234; Sestieri 1940: 21–24.

⁶ Castrizio 1995: 26.

Locri, who mysteriously disappeared in the *Kaikinos* River to prevent it from ever being crossed by armed forces from *Rhegion*⁷.

From the sum of all these elements, in our opinion, it can be inferred that the original episode of the “mute cicadas” must have originally taken place near the *Kaikinos* River. Later, when *Rhegion* had definitively lost that portion of territory, it was repurposed to the new border at the *Halex*.

The traditional dating of the *Rhegion* incuse series post-510 BC is based solely on the presumed connection between the fall of *Sybaris* and the hypothetical aspirations of *Rhegion* in the area between southern Campania and present-day upper Calabria⁸.

The choice to mint using the incuse technique, which exclusively characterized the coinage of the Achaean cities of *Magna Graecia*, according to this theory, would demonstrate the economic interests of *Rhegion*. After the conquest of *Sybaris* by *Croton*, *Rhegion* intended to penetrate the vast area of the former Sybarite “empire” on the Tyrrhenian Sea⁹. Significantly, following this hypothesis, even *Dankle*¹⁰ (fig. 3), around the same time, after minting in double relief, coined some incuse drachmas of Chalcidian weight, a standard also adopted by the Italic population of the *So(ntini)*¹¹, presumably in southern Campania¹².

In contrast to the traditional theory, we must consider that the first coin series of *Rhegion* undoubtedly belongs to a period when the polis was still governed by the oligarchic government of the “Thousand Tyrants,” an expression of a landed aristocracy akin to

---

⁷ Aelian., *Var. hist.*, VIII 18, p. 99.100 Dilts; Paus., VI, 6, 10; Plin., *Nat. hist.*, VII, 152, cfr. Callim. Fr. 99 Pfeiffer. Cfr. Arias 1941, 77 ss.; Arias 1987, 1 ss.

⁸ Vallet 1958: 328–31; Parise 1987: 307.

⁹ In our opinion, the coin issuances on Achaean standard, often featuring Sybarite types, are indicative of contributions for military payments, demanded by *Sybaris* from allied cities falling under its authority.

¹⁰ We prefer the form “*Dankle*”, as attested by the coins of the polis, over the traditional form of “*Zankle*”, as found in literary works.

¹¹ Parise 1987: 308.

¹² Plin., *Nat. hist.*, III, 11, 28; *mediterranei Bruttiorum Aprustani tantum; Lucanorum autem Atinates, Bantini, Eburini, Grumentini, Potentini, Sontini, Sirini, Tergilani, Ursentini, Volcentani, quibus Numestrani iunguntur. Praeterea interisse Thebas Lucanas Cato auctor est, et Pandosiam Lucanorum urbem fuisse Theopompus, in qua Alexander Epirotes occubuerit.*

the model of the motherland, *Chalcis*. The dissolution of the “Thousand Tyrants” occurred following a significant military defeat suffered by the Rheginians against the combined forces of the Locrians and the Dankleians. This war is not mentioned in any ancient source, but it is irrefutably evidenced by the weapons of the Rheginians who fell in battle, dedicated by the victorious Dankleians and Locrians at the temple of Olympian Zeus, which were discovered during archaeological excavations at the sanctuary in *Olympia*¹³. In our opinion, it was precisely the military defeat suffered that facilitated the rise to power of *Anaxileos*¹⁴, whose first recorded act, already in 494 BC, was to obtain peace with the Locrians¹⁵. The motivations and dynamics of such a war are completely unknown, but the coinage featuring the man-headed bull, representing the border river with the Locrians, could provide us, at the very least, the area of the conflicts, if not, as I believe, the object of the dispute. It should be considered, indeed, that throughout the 5th century BC, all the wars between *Rhegion* and *Locri* were centered between the *Halex* and the *Kaikinos*, with the repeated intent by the Rhegians to occupy the area of the *Heracleum* Promontory, modern-day Capo Spartivento, with its harbors, situated between the two rivers¹⁶. Even the coinage of incuses in *Dankle*, which had already begun to mint coins in the previous period but with the technique of “double relief,” should, in our opinion, be connected with the expenses of this war ignored by literary sources but certainly fought in Italy.

---

¹³ De Sensi Sestito 1987: 251–257.

¹⁴ In this case as well, regarding the various attestations of the tyrant's name in the different literary sources, we prefer to prioritize the “*difficilior*” version, as documented by *Herodotus*, with the unusual Ionian dialect form of the name.

¹⁵ The presence of *Anaxileos* in *Locri*, as documented by Herodotus VI, 23, during which he persuaded the Samians to attack *Dankle* instead of accepting the invitation from the Sicilian polis *Scythes* to found a colony at *Kalè Akté*, is explained, in our historical view, as the new tyrant of *Rhegion*'s first formal act to conclude the disastrous war evidenced by the votive offerings at *Olympia*.

¹⁶ Castrizio, Iaria 2014: 31–32; 100–110. The two military attacks on the promontory of Heraclea seem very significant to us: the one during the march of *Anaxileos* and his son and tyrant of *Rhegion* *Kleophron* shortly before the tyrant's death, and the one during the Athenian expedition of 427–424 BC to *Rhegion*.

The position of the man-headed bull in the *Rhegion* coinage is completely different from those that characterize the same iconographic type in the contemporary and subsequent periods, effectively making the *Rhegion* typology almost unique. Skipping over naive theories based on mere common sense, such as that of a river shown kneeling because it represents its mouth (really!), we must note the perfect resemblance between the *Rhegion* monetary bull and the *Achelous* defeated by *Heracles* placed on a terracotta altar from *Locri*, now exhibited at the Archaeological Museum of Reggio Calabria (fig. 4). This compelling comparison allows us to place another piece of evidence that proves the importance of *Heracles* as the guardian deity of *Rhegion's* borders, turning the coin typology into a sophisticated game of references and allusions, with the “mute” cicadas because they are still in the nymph stage, and the *Halex* river equated with *Achelous*: both defeated by the hero *Alcides*. For completeness of information, it should be noted that a similar position of the androprosopic bull is found, a few decades later, in *Katane* on various emissions of tetradrachms, including one with a satyr on the back of the man-headed bull¹⁷ (fig. 5). In light of the comparisons presented, the correct description of the *Rhegion* type should be: androprosopic bull succumbing, facing left; above, cicada nymph.

The subsequent, tyrannical phase is the one studied in greater detail, thanks to the research of Maria Caltabiano Caccamo¹⁸. In 494 BC, the power of the tyrant *Anaxileos*, belonging to the Messenian lineage of the city's population, was established in the polis of *Rhegion*. Under the rule of *Anaxileos*, the coinage underwent a complete change in its typology, adopting the types of the frontal lion's head on the obverse and the calf's head on the reverse¹⁹ (fig. 6), while maintaining the weight and the Chalcidian alphabet. These are the years in which the tyrant worked to gain control of the Strait, first “advising” the exiles from *Samos*, called by *Scythes* of *Dankle* to found *Kalè Aktè* on the Tyrrhenian coast of Messina, to seize *Dankle*, then undertaking a successful military expedition himself. In 491 BC, *Dankle* was virtually destroyed and “refounded” with the name of *Messene*. The tyrant moved to *Messene*, while in *Rhegion*,

---

¹⁷ Rizzo 1946: pl. 9, 14.

¹⁸ Caccamo Caltabiano 1993.

¹⁹ *Historia Numorum. Italy*, n. 2469.

his son *Kleophon* was left as governor. The coins of *Rhegion* and *Messene* adopted the same typology, differing only in the legend, always in Chalcidian characters: RECINON for those of the Italiot coast, MESSENION for those of Sicily.

The coinage of *Rhegion*, still of Euboic-Chalcidian weight standard, as we have already mentioned, featured on the obverse a frontal lion's head, associated with the solar cult of Apollo, which in the Strait, under Pythagorean influence, was merging with that of the titan Helios, giving rise to the powerful Elean deity of *Magna Graecia*. The coin depicts precisely a head and not a lion's scalp, as seen instead on the coinage of *Samos*²⁰ (fig. 7), because the beast's eyes are perfectly visible, and its jaws do not appear disjointed.

On the reverse of the *Rhegion* coinage appears the profile head of a calf, for which many solutions have been proposed, although only one seems well-established to us: the interpretation that sees in this typology the memory of Heracles crossing the Strait with the cattle of Geryon, and of the calf that escaped from the herd, forcing the hero to swim across the stretch of sea, an event that gave the name "land of the calf" to the coastline from which the animal departed, namely Reggio, from which *Vitulia* > *Vitalia* > *Italia* > *Italia*²¹.

Having allied himself with *Terillus*, the tyrant of *Himera*, through marital ties, Anaxileos remained by his side even when *Terillus* was ousted by *Theron*, the tyrant of *Akragas*. In order to regain control of *Himera*, *Anaxileos* sought help from the Carthaginians, offering his own sons as hostages. In the Battle of *Himera* in 480 BC, *Rhegion* was not directly engaged against the Siceliot, led by *Gelon* of Syracuse and *Theron* of *Akragas*, but, in our opinion, contributed to the payment of the Carthaginian mercenary army. Many of the *Rhegion* drachmas that we know today likely served to pay the Carthaginian mercenaries, in an attempt to "liberate" the Ionians of Sicily from the power of the Dorians of Syracuse, *Gela*, and *Akragas*.

The defeat suffered at *Himera*, even though it did not entail significant territorial losses for the tyrant of *Rhegion*, marked the entry of the polis into the sphere of Syracusan influence, although

²⁰ SNG Copenhagen, Argolis-Aegean Islands, Copenhagen 1944, n. 1674.

²¹ Dion. Hal. I, c. 35 = Hellenic. FGrHist 4 F 111. Sull'attraversamento dello Stretto, vedi anche Diod. IV, 23; Pseudo-Apollodoro, II 5.10.

Hieron married a daughter of *Anaxileos* for diplomatic reasons. The evidence of subordination to Syracuse is clear in the coinage, which aligned with the Attic standard used by Syracuse, which had imposed it on the whole of Sicily. The change in weight standards also necessitated a change in typology, obliging Rhegion to adopt a coin type that echoed the solar quadriga of the Siceliot *polis*, a common feature of all cities subordinate.

On the obverse of the coins of *Rhegion* (fig. 8) and *Messene* (fig. 9), after 480 BC, a team of mules is depicted²², while on the reverse, a hare is present²³. The explanations of these typologies given by scholars and experts are, as usual, numerous and often fanciful. The team of mules may appear to be connected with *Anaxileos*'s Olympic victory with the *apene* (the racing chariot drawn by mules), which Aristotle describes in great detail²⁴ (the lavish, excessive banquet offered by the tyrant; the episode of the poet *Simonides*, tasked with composing the victory ode, who, reluctant, was convinced only by a substantial sum and avoided mentioning the "awkward" mules, calling them "daughters of mares with stormy feet"). Aristotle also asserts that the reverse with the hare, from which the nickname *lagonos* (hares) was given to the coins of Reggio, would testify to the introduction of this animal into Sicily by *Anaxileos*²⁵.

The misconceptions of distinguished mainland Greeks regarding Reggio are numerous, starting with the false etymology of the city's name itself, traced by *Aeschylus* to the Greek verb *rhegnymi* (= to break), while the entire local tradition agreed in seeing in *Rhegion* an indigenous name (a hero; *Regium oppidum*, "the royal city"?), as had also happened in *Dankle*, a Sicilian and not Greek name. Aristotle presumes that *Anaxileos* wanted to boast of having imported hares into Sicily, as if they had not always been there, perhaps induced by the comedy "The Islands" by the Syracusan *Epicharmus*, in which the inhabitants of *Karpathos* made the mistake of introducing hares to their island, with the result that they devoured the crops. From this theatrical work derived the saying "the man of *Karpathos* and the hares," but it can be easily explained

---

²² Caccamo Caltabiano 1988: 41–60.

²³ *Historia Numorum. Italy*, n. 2472.

²⁴ Arist. Rhet. 3, 2, 1405b 23.

²⁵ Arist. fr. 578 R ap. Poll. V, 15.

when we consider how the coinage of *Karpathos* featured dolphins²⁶ (Fig. 10), just like that of *Dankle*: beware of the Rheginians, who with their hares will put an end to the issuance of Danklean dolphins!

In any case, the choice of the hare typology, which lent itself to easy ironies (which, in fact, there were, by the paid comedians of Syracuse, like *Xenarchus*, instigated by *Dionysius* the Elder, who joked about the hares/coins and the “hare” Rheginians, meaning cowards²⁷), must have had a very strong symbolic motivation. Maria Caltabiano is convinced that the obverse represents the deity Apollo/*Helios*, the sun in the orderly course of the day, while the hare is a benevolent animal, connected with the death/rebirth concept dear to the Pythagoreans²⁸. As the scholar has emphasized, the Egyptian hieroglyph with the hare means “to leap up,” also in the sense of “living forever.”

For our part, we would only add that if the depicted hare was conceived strictly in relation to *Helios* in his chariot on the obverse, it might represent the constellation of *Lepus*, which along with the more famous *Taurus* is the “celestial gateway” through which the sun chariot passes at the beginning of spring²⁹. Furthermore, as shown by a later bronze fraction from the *Messana* mint (Fig. 11), the hare is depicted at the moment it is struck by the *lagobolon*³⁰, the curved stick used for hare hunting thrown by *Orion*. The “death of the hare,” that is, the disappearance of the *Lepus* constellation below the horizon, marked the beginning of spring: the myth held that it was slain by *Orion*, the constellation that dominates it at every spring equinox, only to be reborn at the beginning of winter. In the oldest depictions of *Orion*, it can be observed that the celestial hunter still holds the *lagobolon* in his hand, ready to be hurled against the hare below³¹ (Fig. 12).

The combination of the two coins depictions, as can be observed, celebrates a springtime *Helios*, different from the Sicilian Apollo, always associated on coins with *Cancer* and *Aquila* (the

---

²⁶ SNG von Aulock 2743.

²⁷ Pace 1945: 348.

²⁸ Caccamo Caltabiano 1998: 33–40.

²⁹ Castrizio 2018: 83–95.

³⁰ SNG ANS 382.

³¹ Leiden, Universiteitsbibliotheek, VLQ 79, folio 58v.

constellations of the beginning of summer). On the coins of Reggio, a god not of grain (certainly more suited to the Sicilian reality) but of spring crops is depicted, more in line with the nature of the vegetation of the Strait.

Connected with the defeat of *Himera* and the new Syracusan supremacy, is the radical change in alliances of *Rhegion* towards the Carthaginians and Etruscans. In line with the anti-Etruscan policy of the Dinomenids, *Anaxileos*, guarding the Strait against Etruscan pirates, fortified the rock of *Scylla*, where a military naval base was established.

The death of *Anaxileos* did not mark the end of the “Kingdom of the Strait”: due to the minority of *Anaxileos*' remaining sons, governance passed into the hands of *Smikythos*³², perhaps a mercenary leader from *Arcadia* who had earned the trust of the tyrant in the years preceding the defeat of 480 BC. Under his command, the polis resumed the essential lines of its foreign policy, both with the foundation of the colony of Pissunte in an area that had always been at the center of its commercial interests, and with the dispatch of an expeditionary force of three thousand Rhegian hoplites to aid the Tarantines, who were at war against the Japygians and Messapians. Both initiatives did not achieve the desired effect: the colony did not have a long life, but, above all, all the Rhegian hoplites were slaughtered within the walls of *Kailia*, in what *Herodotus* called “the greatest slaughter of Greeks”³³.

The tyranny of the son of *Anaxileos* was overthrown in 461 BC, and the polis returned to assume an oligarchic structure of Pythagorean mold. Political life, after the relative stability of the tyranny of *Anaxileos*, must have been marked by turmoil, which, according to *Thucydides*, lasted for at least thirty years³⁴.

References

- Arias 1941: P. E. Arias, *Euthymos*, in *Siculorum Gymnasium*, I 77–85.
Arias 1987: P. E. Arias, *Euthymos di Locri*, in *ANSP XVII*, 1, 1–8.
Babelon 1910: E. Babelon, *Traité des Monnaies Grecques et Romaines*, II, Paris.
Berger 1992: S. Berger, *Revolution and Society in Greek Sicily and South Italy*, Stuttgart 1992

---

³² Santagati 2019: 23–35.

³³ Castrizio 2018: 53–61.

³⁴ Berger 1992: p. 30; Musti 1977: p. 88.

- Caccamo Caltabiano 1088: M. Caccamo Caltabiano, *Il tipo monetale dell'apene nell'area dello Stretto*, in *SMSR* 12, 41–60.
- Caccamo Caltabiano 1993: M. Caccamo Caltabiano, *La Monetazione di Messana. Con le emissioni di Rhegion dell'età della Tirannide*, *Antike Münzen und geschnittene Steine* 13, Berlin-New York.
- Caccamo Caltabiano 1998: M. Caccamo Caltabiano, *Il simbolismo del "Lepre". Influenze ideologico-religiose dell'Egitto sull'area dello Stretto riflesse dal documento monetale*, in *L'Egitto in Italia dall'Antichità al Medioevo*. Congresso Internazionale (Roma-Pompei, 13–19 Nov.1995), Roma, 33–40.
- Carroccio 2000: B. Carroccio, *Il toro androprosopo, la cicala e l'incuso reggino*, in *NAC* 29, 47–69.
- Castrizio 1995: D. Castrizio, *Reggio Ellenistica*, Roma, Reggio Calabria.
- Castrizio 2018: D. Castrizio, *Note di iconografia magnogreca*, Messina.
- Castrizio, Iaria 2014: D. Castrizio, C. Iaria, *Cittadini e guerrieri. Le guerre di Reggio*, Reggio Calabria.
- Coppola, Momigliano 1930: G. Coppola, A. Momigliano, *Una pagina del Περί Σικελίας di Filisto in un papiro fiorentino*, in *RFC* 8, 449–470.
- Cordiano, Accardo 2004: G. Cordiano, S. Accardo (a cura di), *Ricerche storico-topografiche sulle aree confinarie dell'antica chora di Rhegion*, Pisa.
- Cordiano, Accardo, Isola 2006: G. Cordiano, S. Accardo, C. Isola (a cura di), *Nuove ricerche storico-topografiche sulle aree confinarie dell'antica chora di Rhegion*, Pisa.
- De Sensi Sestito 1987: G. De Sensi Sestito, *La Calabria in età arcaica e classica: storia, economia, società*, in *Storia della Calabria Antica. Età classica* (a cura di S. Settis), Roma, Reggio Calabria, 229–303.
- Isler 1970: H. P. Isler, *Acheloos. Eine Monographic*, Bern.
- Jeffery 1961: L. H. Jeffery, *The Local Scripts of Archaic Greece*, Oxford.
- Kahrstedt 1960: U. Kahrstedt, *Die wirtschaftliche Lage Grossgriechenlands in der Kaiserzeit*, Wiesbaden.
- D. Musti, *Problemi della storia di Locri Epizefiri*, Atti XVI CSMG, Taranto 1976, Napoli 1977, 23–145
- Pace 1945: B. Pace, *Arte e civiltà della Sicilia antica*, I, Roma.
- Parise 1987: N. F. Parise, *Le emissioni monetarie di Magna Grecia fra VI e V Sec. a.C.*, in *Storia della Calabria Antica. Età classica* (a cura di S. Settis), Roma, Reggio Calabria, 305–321.
- Rizzo 1946: G. E. Rizzo, *Monete greche della Sicilia*, Roma.
- Sabbione 1976: C. Sabbione, in *Le tavole di Locri*, Atti del Colloquio Napoli 1977 (a cura di D. Musti), Roma 1979, 286–296.
- Santagati 2019: E. Santagati, *Rhegion arcaica e i santuari panellenici*, *Thiasos* 8, 23–35.
- Sestieri 1940: P. C. Sestieri, *Iscrizione greca arcaica di Castellace*, in *Epigraphica*, II.
- Vallet 1958: G. Vallet, *Rhéigion et Zancle*, Paris.

Fig. 1 Incuse drachm, *Rhegion*. Cabinet des Médailles de Paris, n. inv. 1964.
 Fig. 2 The wind *Kaikias* on the Tower of Winds in Athens.

Fig. 3 Incuse *drachm*, *Dankle*. THE NEW YORK SALE, AUCTION 27, LOT 141.

Fig. 4 *Arula* from *Locri*. Museo Archeologico di Reggio Calabria.

Fig. 5 *Tetradrachm, Katane*. ROMA NUMISMATICS LIMITED, AUCTION 4, LOTTO 73.

Fig. 6 *Drachm, Rhegion*. STACK'S BOWERS GALLERIES, JANUARY 2012 NYINC AUCTION, LOT 18.

Fig. 7 *Drachm, Samos*. ROMA NUMISMATICS LIMITED, AUCTION 4, LOTTO 1713, 30.09.2012.

Fig. 8 *Tetradrachm, Rhegion. NOMOS, AUCTION 14, LOT 45.*

Fig. 9 *Tetradrachm, Messene. CGB.FR, MONNAIES 24, LOT 31.*

Fig. 10 *Stater, Karpathos. ROMA NUMISMATICS LIMITED, AUCTION 16, LOT 299.*

Fig. 11 Bronze coin, *Messana*. BERTOLAMI FINE ARTS, E-AUCTION 77, LOT 336.

Fig. 12 *Orion and Lepus*. Leiden, Universiteitsbibliotheek, VLQ 79, folio 58v.

А. С. Касьян
ИОН РАНХиГС / Институт славяноведения РАН, a.kassian@gmail.com

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПАННОНСКОМ СЛАВЯНСКОМ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Венгерский язык насчитывает несколько сотен слов, заимствованных из славянского субстрата, на котором в 1-м тыс. н.э. говорило славянское население Паннонии. Анализ морфологии этих лексем и их значений позволяет говорить, что паннонский язык скорее напоминает западнославянский идиом, нежели южнославянский.

Ключевые слова: паннонский славянский язык, венгерский язык, языковой субстрат.

Alexei Kassian
RANEPА / Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.
a.kassian@gmail.com

West Slavic dialectisms in Pannonian Slavic: preliminary results

The Hungarian language has several hundred words borrowed from the Slavic substratum spoken by the Slavic population of Pannonia in the 1st millennium AD. The morphological and semantic analysis of these stems allows us to say that the Pannonian language looks like a West Slavic idiom rather than a South Slavic idiom. The paper discusses three cases when the Pannonian source of the Hungarian words demonstrates the same innovations as the attested West Slavic languages: *iromba* ‘motley’, *bolond* ‘insane, stupid’, *garázda* ‘rude, rowdy’.

Keywords: Pannonian Slavic, Hungarian, linguistic substrate.

Под паннонским понимается гипотетический язык славянского населения 1-го тысячелетия н. э. на территории нынешней Венгрии, т. е. Среднего Подунавья, до перехода славян на венгерский язык в связи с массовой миграцией венгров в IX–X вв. Этот регион примерно соответствует римской провинции Паннония, откуда и название языка. По отношению к венгерскому языку паннонский является субстратом, реконструируемым на основе славянских и венгерских данных.

Наиболее качественный и последовательный анализ славянских заимствований в венгерском языке принадлежит Е. А. Хе-

лимскому (2000, впервые опублик. в 1988) и Р. Ричардсу (Richards 2003); краткий обзор проблемы см. в Zoltán 2021.

Е. А. Хелимский выделяет несколько сотен древнейших славизмов в венгерском языке («...от 500 до 650 аппеллятивов и несколько сот топонимов», Helimski 2000: 419; к сожалению, сам список не был опубликован). Как показано Е. А. Хелимским, эти славизмы в венгерском имеют унифицированный фонетико-фонологический вид, а особенно важны данные многочисленных славянских топонимов, которые хотя и происходят из разных областей Венгрии, но не показывают каких-либо явных фонетических отклонений. Это позволяет говорить о едином паннонском славянском языке или, как предлагал Е. А. Хелимский, о славянском койне, распространенном в Паннонии в конце 1-го тыс. н. э.

Важным для истории славянства является вопрос о генеалогической классификации паннонского внутри славянской группы. Фактически выбор стоит между западнославянской или южнославянской аффилиацией паннонского. Решение этой проблемы имеет далеко идущие импликации, поскольку представляет весомый аргумент или в пользу западнославянской аффилиации словенского языка (который в конце 1-го тыс. оказался отрезанным от западнославянского центра миграцией венгров и германцев), или же в пользу южнославянской аффилиации центральнословацких диалектов. Проблематика архаичных схождения между словенскими и словацкими диалектами лежит за пределами настоящей статьи, более того, в полном виде этот вопрос никогда не рассматривался, см. отдельные наблюдения и замечания по фонетике, морфологии и лексике словенско-словацких связей в Greenberg 2000: 36, 40–42 с дальнейшей лит.; Kurkina 1985; Bezljaj 2003; Kushniarevich et al. 2015 (рис. К, L, M в приложении «S2 File»)¹.

Выявленные фонетические черты паннонского не позволяют однозначно отнести его к одной из двух групп. В такой

---

¹ Я исхожу из хронологии и древесной классификации славянских языков, предложенных в Kushniarevich et al. 2015 (рис. 2 и обсуждение в приложении «S2 File»): диалектное разделение на три ветви (западную, восточную, южную) в самом начале 1-го тыс. н.э.; диалектные разделения внутри каждой из ветвей в середине 1-го тыс. н.э. (т.н. славянизация Европы).

ситуации может помочь поиск старых диалектизмов среди паннонских заимствований в венгерском, т. е. таких основ и таких значений, которые известны из одной славянской подгруппы, но не отмечены в другой подгруппе.

Для формализации вычленения древнейших славизмов я использовал три фонетических критерия из числа фонетических особенностей паннонского славянского, разобранных в Helimski 2000; это те три черты, которые наиболее надежно указывают на раннее время заимствования.

1) Сохранение носового элемента при адаптации славянских «носовых гласных».

2) Венгерское *č-* (*cs*) и *-t* для передачи слав. *c.

3) Передача слав. краткого *a (традиц. *o) как венг. *a*.

Первый критерий не нуждается в комментариях. Что касается второго критерия, то после образования кластеров *ts*, *ds* (вследствие падения гласных в непервом слоге) и параллельно под влиянием славянского субстрата венгерский в XI–XII вв. приобретает фонему *c*, но некоторые славизмы успели попасть в венгерский до этого, и в них слав. *c* было замещено ближайшим фонологическим аналогом: *č-* (*cs*) в анлауте и *-t* в ауслауте (Kálmán 1972: 54; Helimski 2000: 416; Richards 2003: 51). Список славизмов с сохранением носового и непрямым передачей слав. *c* был дан Е. А. Хелимским (2000: 417–418): 54 апеллятива и ряд топонимов.

Прежде чем перейти к третьему критерию (слав. *a* > венг. *a*), надо сказать, что венгры застали паннонских славян в момент активной фонологической перестройки языка. Именно в IX–XI вв. по славянской области шли процессы перехода долготных противопоставлений в тембровые (напр., переход оппозиции *a \ a:* в *o \ a*), падение редуцированных, утрата ринезма, преобразование (*t*)*ort* и т. п. Как показано Е. А. Хелимским, слой паннонских заимствований показывает некоторые из этих процессов в развитии: в части заимствований назальность сохраняется, в части нет, слабые еры в непервом слоге начинают падать (что провоцирует аналогичный процесс редукции в собственно венгерских словах), и т. д.

Что касается краткого *a*, то считается, что в венгерском эта фонема начала приобретать огубленную артикуляцию в первых веках 2-го тыс. (Kálmán 1972: 63), но этот процесс не был всеобщим. В большинстве современных венгерских диалектов и в литературном языке графич. *{a}* произносится как [v] или

даже [ɔ], хотя в северных диалектах сохраняется исконное произношение [a], а в некоторых периферийных диалектах на западе и востоке произношение [a] сохраняется перед долгим [a:] следующего слова (Imre 1972: 317). Огубление краткого *a* > *v* при сохранении долгого *a*: дало несимметричную фонологическую и морфологическую оппозицию *v* \ *a*:. Мало сомнений, что такое возмущение в венгерском вокализме возникло под субстратным влиянием паннонского языка, где, как мы ожидаем по общей хронологии славянского фонетического развития, краткий *a как раз на рубеже тысячелетий должен был перейти в [o].

Для нас важно, что что на всех этапах развития венгерского вокализма в системе существовала в качестве самостоятельной единицы фонема *o* (Kálmán 1972) и поздние славянские адстратные заимствования, проникшие в венгерский после славянского перехода *a* > *o*, должны были бы иметь венгерское *o* на месте славянского *o*, что мы и наблюдаем в обширном пласте поздних славизмов. Таким образом, вслед за Е. А. Хелимским можно считать, что субституция слав. *a (традиц. *o) через старовенгерское *a* служит маркером древнейшего слоя славизмов.

Роспись материала по большому этимологическому словарю венгерского языка EWU (Benkő 1993) показывает, что ранние славизмы (паннонские заимствования), выделяемые по трем перечисленным фонетическим критериям, явно указывают на **западнославянскую языковую группу**.

Ниже приведено три примера, обнаруженных автором статьи, когда такие диалектизмы с большой вероятностью представляют собой западнославянскую инновацию.

1) Венг. диал. *iromba* 'пестрый (особенно о животном)' (фиксируется с 1737 г., поздняя фиксация связана с диалектных характером слова) (EWU: 624). Виртуальное праслав. прилагательное *(*j*)*a*:*remb-* {традиц. **areḃ-*} 'пестрый, рябой', которое может быть реконструировано на основе зап.-слав. данных: чеш. *jařabý* ~ *jeřabý*, словц. *jarabý*, *jarabatý*, польск. *jarzębaty* 'пестрый' (ЭССЯ 1: 76; Machek 1968: 223). Видимо, зап.-слав. производное от слав. (*j*)*a*:*remb-u* ~ (*j*)*a*:*remb-i* {*areḃь* ~ *areḃь*} 'куропатка, рябчик', реликтивно представленного во всех подгруппах: сбхв. *jařeb*, польск. *jarzab*, др.-рус. *яръбь*. Та же модель, что *голубь* → *голубой*, *ворон* → *вороний*.

2) Венг. *bolond* 'слабоумный, безумный, глупый' (фиксируется с 1381 г.); существительное как антропоним фиксируется ок. 1200 г. (EWU: 121). Видимо, адъективная функция – резуль-

тат внутренней венгерской деривации от незасвидетельствованного апеллятива ‘безумец, дурак’. Слав. **bland-u* (традиц. **blodь*) (ЭССЯ 2: 126). Основа общеславянская, но со своеобразным распределением значений по подгруппам. Зап.-слав. ‘ошибка, заблуждение’ (чеш. *blud*, словц. *blud*, польск. *bląd*, в.-луж. *blud*), а также с другими просодическими характеристиками: чеш. *bloud* ‘дурак’, словц. *blúd* ‘безумец’ (латинск. ‘*insanus*’, словарь Antona Bernoláka 1825 г.). Юж.-слав. ‘разврат, блуд’, маргинально ‘ошибка, заблуждение’. Вост.-слав. ‘ошибка, заблуждение’, маргинально ‘разврат, блуд’ (под юж.-слав. влиянием?). Венгерская форма должна иметь своим источником форму, соответствующую зап.-слав. ‘дурак, безумец’.

3) Венг. *garázda* ‘грубый, жестокий, буйный, непокорный’ (фиксируется с 1519 г., как антропоним с 1375 г.) (EWU: 447). Слав. прилаг. **gara:zd-* (традиц. **gorazd-*): в зап.-слав. скудные и реликтовые фиксации (чеш. архаич. ‘большой’, польск. архаич. ‘удачливый, ловкий, счастливый’), в вост.-слав. основа фиксируется намного лучше, но тоже исключительно с положительной семантикой ‘искусный, умелый, готовый’. Негативная семантика у этого прилагательного может быть восстановлена на основании деадъективного глагола **gara:zd-i:ti:* (**gorazditi*), который в зап.-слав. значит ‘бесчинствовать, сеять смуту, бранить’ (чеш., польск.), а в вост.-слав. значит ‘умудряться, суметь, удаваться’ (ЭССЯ 7: 31–32). Славянское слово традиционно считается германизмом с постулированием гипотетической герм. основы **ga-razda-* (ЭССЯ 7: 32; Pronk-Tiethoff 2013: 153), ср. герм. **razdo:* ‘speech’ (Kroonen 2013: 407) и частотный префикс **ga-* ‘with’. Не оценивая, насколько убедительна германская этимология славянского корня, необходимо отметить, что его негативная семантика выглядит как зап.-слав. инновация.

Эти и подобные примеры могут говорить в пользу западнославянской атрибуции паннонского языка.

Литература

- Benkő, Loránd (ed.). 1993. *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Budapest: Akad. Kiadó.
- Bezljaj, France. 2003. *Položaj slovenščine v okviru slovanskih jezikov. Zbrani jezikoslovni spisi*, vol. 1, 268–277. Ljubljana: Založba ZRC.
- ESSJa 1974–. [Etymological Dictionary of Slavonic Languages]. Moscow, Nauka. ЭССЯ 1974–: Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука.
- EWU = Benkő, Loránd (ed.). 1993.

- Greenberg, Marc L. 2000. *A historical phonology of the Slovene language* (Historical Phonology of the Slavic Languages 13). Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter.
- Helimski, Eugen A. 2000. Vengerskij jazyk kak istočnik dlja praslavjanskoj rekonstrukcii i rekonstrukcii slavjanskogo jazyka Pannonii [Hungarian as a source for Proto-Slavic reconstruction and reconstruction of the Slavic language of Pannonia]. In: Helimski, Eugen A. *Komparativistika, uralistika. Lekcii i stat'i* [Comparative linguistics, Uralistics: lectures and papers], 416–432. Moscow: YaSK.
- Хелимский, Е. А. 2000. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии. В: Хелимский, Е. А. *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*, 416–432. Москва: ЯСК.
- Imre, Samu. 1972. Hungarian dialects. In: Loránd Benkő & Samu Imre (eds.), *The Hungarian language*, 299–326. The Hague: Mouton.
- Kálmán, Béla. 1972. Hungarian historical phonology. In: Loránd Benkő & Samu Imre (eds.), *The Hungarian language*, 49–83. The Hague: Mouton.
- Kroonen, Guus. 2013. *Etymological dictionary of Proto-Germanic* (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 11). Leiden: Brill.
- Kurkina, Lyubov V. 1985. Praslavjanskije dialektnye istoki južnoslavjanskoj jazykovoj gruppy [Proto-Slavic dialect origin of the South Slavic language group]. *Voprosy jazykoznanija* 4. 61–71. Куркина Л. В. 1985. Праславянские диалектные истоки южнославянской языковой группы. *Вопросы языкознания* 4: 61–71.
- Kushniarevich, Alena, Olga Utevska, Marina Chuhryaeva, Anastasia Agdzhoyan, Khadzhat Dibirova, Ingrida Uktveryte, Märt Möls, et al. 2015. Genetic heritage of the Balto-Slavic speaking populations: a synthesis of autosomal, mitochondrial and Y-chromosomal data. *PLOS ONE* 10(9). 1–19. doi:10.1371/journal.pone.0135820.
- Machek, Václav. 1968. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological dictionary of Czech language]. 2nd edn. Praha: Československá akademie věd.
- Pronk-Tiethoff, Saskia. 2013. *The Germanic loanwords in Proto-Slavic* (Leiden Studies in Indo-European 20). Amsterdam: Rodopi.
- Richards, Ronald O. 2003. *The Pannonian Slavic dialect of the Common Slavic proto-language: the view from Old Hungarian*. Los Angeles: Univ. of California.
- Zoltán, András. 2021. Hungarian and Slavic Contact. (Ed.) Marc L. Greenberg & Lenore A. Grenoble. *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*. Leiden: Brill.
doi:10.1163/2589-6229_ESLO_COM_035986.
<https://referenceworks.brill.com/display/entries/ESLO/COM-035986.xml> (2 April, 2023).

М. Н. Кириллова

Института всеобщей истории РАН / МГТУ им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия.
mnkirillova@bmstu.ru,

DECIMANUS, CARDO И ИСТОРИЯ РИМСКОГО МЕЖЕВАНИЯ

В землемерных сочинениях представлены две версии появления главных лимитов — *decumanus* и *cardo*. Согласно одной, они произошли от этрусского религиозного учения, согласно другой, сначала вследствие необходимости межевать землю для квесторских полей появляется *decimanus*, а затем, при межевании земель для колоний, *cardo*. Сравнение сведений землемеров с археологическими материалами показывает, что, вероятно, обе традиции отражают разные аспекты истории развития межевания, дополняя друг друга.

Ключевые слова: лимиты, *decimanus*, *cardo*, римские землемеры, *disciplina Etrusca*.

Maria N. Kirillova

Institute of World History Russian Academy of Sciences /
Bauman Moscow State Technical University. mnkirillova@bmstu.ru

Decimanus, cardo and the history of Roman land surveying

The article analyzes the interpretations of the names of the main *limites*, *decimanus* and *cardo*, contained in the Roman surveying treatises. The sources present two traditions discussing the origins of the main *limites*. The first version, presented by the writings of Hyginus Gromaticus and Pseudo-Frontinus, emphasizes the origin of the Roman *limitatio* from *disciplina Etrusca*, the Etruscan religious teaching. According to this version, *decimanus* and *cardo* come from the lines drawn during the construction of *templum*, and the proposed etymology of these names is most closely related to this hypothesis. Another version is contained in the work of another land surveyor, Siculus Flaccus. According to it, Roman orthogonal surveying appeared due to the need to lease public land (*ager publicus*) by quaestors. This surveying was carried out using only *decimani*, and then, when it came to surveying lands for the colonies, *cardo* appeared. A comparison of the surveyors' information with some archaeological materials shows that, probably, both traditions in their own way reflect the history of the development of land surveying, complementing each other. The appearance of the second axis, *cardo*, is most likely to be associated with the influence of the Etruscans on land surveying, which should be dated to the middle of the 3rd century BC. At the same time, the examples of Roman orthogonal surveying without a second axis can also be found.

Keywords: *limites*, *decumanus*, *cardo*, Roman land surveyors, *disciplina Etrusca*.

В основу римской системы межевания эпохи Империи было положено деление территории поселения общественными дорогами, пересекающимися под прямым углом — лимитами — на равные по площади квадратные участки — центурии; по этой причине в источниках ее называют лимитацией или центуриацией. Она включала в себя многочисленные предписания, касающиеся как технической, так и правовой стороны землепользования. В целом это была наиболее сложная и продуманная система землеустройства среди разработанных в древности.

Основные принципы и отчасти история римского межевания известны из землемерных сочинений¹. Эти сведения можно дополнить данными эпиграфики и археологии о планировке римских поселений. Тем не менее, ни нарративные источники, ни археология, ни эпиграфика не дают готового ответа на вопрос, как лимитация формировалась. Очевидно, что этот процесс занял несколько веков: римское межевание испытывало влияние разных культурных традиций, пока, наконец, благодаря законодательной унификации в эпоху Поздней республики — Ранней империи весь накопленный практический и теоретический опыт не было оформлен в последовательную систему, в которой были продуманы действия землемера от выбора места и начала межевания до раздачи земельных участков и фиксации результатов этих раздач в соответствующей документации. В то же время в текстах землемеров можно найти как прямые, так и косвенные указания на изменения, которые претерпевали основные элементы римского межевания в более ранние эпохи.

В данной статье речь пойдет о главных лимитах — *decimanus* и *cardo*, а именно о содержащихся у землемеров сведениях о происхождении названий этих лимитов. Для эпохи Империи можно реконструировать наличие двух главных лимитов — *decimanus maximus* и *cardo maximus*. Их ширина превышала ширину остальных дорог колонии (H I.1, II.45; SF IV.25; HG I.14; XI.14). Они играли роль осей координат: *decimanus maximus*, проводимый с Востока на Запад, делил поле на правую и левую части, а *cardo*

---

¹ На данный момент существует несколько изданий сочинений римских землемеров; приводимые в них тексты существенно отличаются друг от друга. В данной статье ссылки приводятся на издания Ж.-И. Гийомина (Guillaumin 2005, 2010). Учитывается также издание трактата Гигина «*De limitibus constituendis*» (“*Constitutio limitum*” в издании Guillaumin 2005: 78–123), подготовленное Й.-О. Линдерманном (Lindermann 2022).

maximus проходил с Севера на Юг и выделял верхнюю и нижнюю части. Параллельно главным лимитам прокладывались все остальные, которые получали свое обозначение в зависимости от их порядкового номера и части поля, в которой они находились (Н I.1–8). Таким образом, каждый квадратный участок мог быть обозначен указаниями на два сформировавших его лимита. Номера лимитов писались на межевом камне, который ставился в точке их пересечения (HG II.6–11; XII.3), и обозначались на общем плане колонии (HG XIII.2). Все это облегчало раздачу земельных участков (Н I.10–11), фиксацию ее результатов и дальнейшее использование кадастровой документации.

Однако описанная выше система была не в последнюю очередь результатом частого применения лимитации для вывода многочисленных колоний в период Поздней республики. Именно тогда были введены правила, касающиеся нумерации разных типов лимитов и их ширины: землемер Гигин Громатик ссылается на «законы Семпрония, Корнелия и Юлия», в которых за лимитами закреплялся статус общественных дорог (HG I.18), а также на предписания Августа, касающиеся придания лимитам определенной ширины и порядка их нумерации (HG II.3; XI.14). Обращение к тому, как землемеры описывают происхождение главных лимитов, показывает сложность процесса формирования лимитации, на который оказывали влияние разные культурные традиции и практики.

Можно выделить три группы землемерных текстов. В первую очередь, это пространственные трактаты, датируемые второй половиной I — началом II вв. н. э. Для них принято указывать имена авторов, о личностях которых, однако, не известно ничего за исключением тех сведений, которые можно почерпнуть из самих трактатов. Кроме того, это «книги колоний» — описания особенностей межевания территории разных общин в разных регионах Италии, а также многочисленные фрагменты — короткие отрывки сочинений, разного рода списки, выдержки из законов и прочие тексты, сложные для датировки и интерпретации². Таким образом, наиболее подробные и связные сведения об интересующей нас проблеме содержатся в основном в текстах первой группы.

Авторы излагают различающиеся между собой варианты этимологии названий главных лимитов и их происхождения. Очевидно, это свидетельствует о наличии разных традиций, которыми пользуются землемеры при описании истории межевания.

---

² См. все типы текстов в издании Б. Кемпбелла (Campbell 2000).

Фрагменты сочинений Гигина Громатика и Псевдо-Фронтин³, содержащие описания истории межевания, достаточно близки друг другу, настолько, что Й.-О. Линдерманн предложил считать текст Псевдо-Фронтин³ вариантом текста Гигина Громатика (Lindermann 2022: 87). Псевдо-Фронтин при этом ссылается на Варрона как на источник своих сведений; установить конкретное сочинение Варрона, однако, пока не представляется возможным⁴. Оба автора связывают историю межевания с «этрусской дисциплиной» — религиозным учением этрусков. Оно считалось в Италии древнейшим (Tac. *Ann.* XI.15: *vetustissima Italiae disciplina*) и пользовалось подобающим древности авторитетом. Тем не менее, отметим, что несмотря на авторитет и влияние, которое оно несомненно оказало на римлян, это учение не было полностью интегрировано в римскую религию⁵. Сикул Флакк, напротив, о влиянии этрусской дисциплины не сообщает, и приводимые им сведения представляют собой альтернативную картину истории межевания, при этом, как будет показано далее, не полностью противоречащую, но скорее дополняющую сведения других землемеров. Последний известный нам по имени автор земельных сочинений — другой землемер по имени Гигин⁶ — о происхождении главных лимитов ничего не сообщает.

---

³ Этого автора, начиная с первого издания XIX века, отождествляли с Секстом Юлием Фронтинном, автором сочинений о военном искусстве и об акведуках. Сомнения на счет обоснованности этого отождествления высказывались довольно давно (Campbell 2000: xxviii), убедительные аргументы против см. в статье Й.-О. Линдерманна (Lindermann 2016).

⁴ С точки зрения Й.-О. Линдерманна, ссылка на Варрона у Псевдо-Фронтин³, отсутствующая в более полном тексте Гигина, могла быть добавлена глоссатором на основании ссылки на Варрона, содержащейся при указании на этимологию *ager arcifinius* (Lindermann 2022: 100). На наш взгляд, такая вероятность существует, но в полной мере доказать ее нельзя, поэтому не следует отвергать гипотезу о существовании прототипа обоих текстов и, соответственно, Варрона как вероятного источника сведений (Kirillova 2021: 602).

⁵ Сенат мог специально инициировать обращение к этрусским жрецам за консультацией в наиболее сложных случаях (Rawson 1978: 135).

⁶ В русской традиции его можно встретить под именем Гигин Старший (Huginus I у Б. Кемпбелла), для противопоставления Гигину Громатику Младшему, автору сочинения «Об установлении лимитов»; тем не менее, сейчас принято считать, что Гигин Громатик — самый ранний землемерный автор (Ratti 1996: 238; Guillamin 2005: 68).

Приводимые им этимологии *agri arcifinales* и *agri occupatorii* (Н II.21) близки имеющимся в тексте Сикула Флакка (S II.1) и несколько отличаются от содержащихся у Псевдо-Фронтин, который не связывает эти два понятия между собой (F I.4). Таким образом, можно предположить его знакомство с источниками Сикула и близость этой традиции. Об этрусском происхождении межевания Гигином также, как и Флакком, не сообщается.

Итак, согласно версии Гигина Громатика и Псевдо-Фронтин, межевание произошло от этрусской дисциплины. Этрусские жрецы, гаруспики, делили мир на две части линией, проводимой в соответствии с ходом солнца, правой называя северную часть, а левой южную. Другая линия проходила с Юга на Север и делала мир на «антику» и «постику» (HG I.4; F III.1). В этом описании речь идет о построении *templum* — проекции небесного пространства. Эти проекции использовались при ауспигиях разными народами древней Италии, и они могли конструироваться на разных предметах; о распространении этой практики у этрусков свидетельствует, среди прочего, известный бронзовый макет гадательной печени из Пьяченцы, содержащий разметку на сектора, подписанные именами этрусских богов (Edlung-Berry 2006: 118). По версии землемеров, от этой религиозной практики произошли главные лимиты: *decimanus*, проходящий с Востока на Запад, и *kardo*, ориентированный по линии Юг-Север. Примечательно, что в текстах Гигина Громатика и Псевдо-Фронтин *kardo* пишется через *k*, а не через *s*, и эта особенность удерживается всеми издателями. Очевидно, эта архаизирующая орфография могла дополнительно указывать на древность названия лимита⁷.

Иным образом описывает появление межевания Сикул Флакк. Поскольку он изначально не сообщает о связи лимитов с линиями, которыми обозначался *templum*, отсутствует и соответствующее описание действий жреца. Историю межевания он начинает с квесторских полей: «Квесторскими называются поля, которые, захваченные у врагов, римский народ продал через квесторов» (SF III.1: *Quaestorii dicuntur agri, quos ex hoste captos populos Romanus per quaestores uendidit. hi autem limitibus institutis laterculis quinquagenum iugerum effectis uenierunt.*) Это очень малоизвестный

---

⁷ Отметим, впрочем, что обозначение *kardo* через *K* мы встречаем на межевых камнях гракханской комиссии, а это древнейшие из уверенно датированных эпиграфических упоминаний *kardo* (CIL I² 639, 640, 642ab. 2932, 2932a и т. д.)

тип использования *ager publicus*: при квесторской продаже собственником земли оставался римской народ, а продавалось, скорее, право использования; зарождение этой системы относят к IV, а иногда и к V в. до н. э. (Burdese 1952: 44–45) При межевании квесторских полей выделялись квадраты площадью по 50 югеров, т. е. по 100 актов, одна сторона такого квадрата была равна 10 актов. Именно поэтому, по версии Сикула Флакка, образующие его лимиты получили название *decimani* (SF III.1: *quem modum decem actus in quadratum per limites demensi efficiunt; unde etiam limites decimani sunt dicti*). Поле делится пересекающимися лимитами, которые все называются *decimani*: «те, которые обращены на Восток и Запад, которые направлены к Югу и Северу, одно название у них было: *decimani* именовались утренними и вечерними, и южными, и северными». (SF III.4: *hi qui orientem occidentemque intuentur, quique meridianum et septentrionem tenent, unum uocabulum illis erat: decimani nuncupabantur matutini et uespertini et meridiani et septentrionales*). Они могли также называться в зависимости от рельефа местности и своего местоположения «морскими» (*maritimi*) или «горными» (*montani*). После того, как поля стали межеваться и передаваться в собственность (SF III.5: *postea uero cum agri dividerentur et adsignarentur*), ориентированные по линии Восток-Запад продолжали называться *decimani*, а северные и южные получали название *cardines*, потому что придерживались «оси мира» (SF: III.5: *quoniam cardinem mundi tenerent cardines sunt appellati*).

Итак, у авторов разные представления об истории главных лимитов: для версии, представленной у Гигина Громатика и Псевдо-Фронтин, принципиально происхождение от этрусских жрецов, поэтому одновременно появляются оба главных лимита, у Сикула Флакка *cardo* появляется не сразу, а только на полях «размежеванных и ассигнованных», т.е. только на поле колонии. Таким образом, опираясь на Флакка, можно реконструировать ранний этап межевания, где поле делится на квадраты, но это деление не сразу приобретает начальную точку в виде места пересечения двух главных лимитов. Эта разница представлений объясняет разницу этимологий их названий. У Сикула Флакка название *decimanus* происходит от *decem*, «десять», поскольку лимит отмерял расстояние по десять актов. При этом, однако, *cardo* оказывается связан с некоей «осью мира», появление которой никак не объясняется и далее этот сюжет Флакк не комментирует.

У Гигина Громатика и Псевдо-Фронтинна, для которых важны религиозные корни межевания, напротив, связь *cardo* с «осью мира» выглядит более понятной. В то же время они сложными построениями вынуждены интерпретировать *decimanus*: «Почему *decimanus* скорее от «десяти», чем от «двух», когда все поле этой границей делится на две части? Ведь вместо *duopondium* [и *duoviginti*], как говорили древние, теперь говорится *dipondium* [и *viginti*], так и *duocimanus* стал *decimanus*». (F III.4: *Quare decimanus a decem potius quam a duobus, cum omnis ager eo fine in duas diuidatur partes? ut duopondium [et duoviginti] quod dicebant antiqui, nunc dicitur dipondium [et viginti], sic etiam duocimanus decimanus est factus.*)

Таким образом, для встраивания *decimanus* в логику повествования о происхождении лимитации от этрусков приходится «реконструировать» его «настоящее» название.

В целом, основываясь на сочинениях землемеров, можно заключить, что из двух лимитов *decimanus*, ориентированный по линии Восток-Запад, был более важным, чем *cardo*. Если ориентация лимитов нарушена, то *decimanus* называется тот, который длиннее (HG I.24–25). Он шире: согласно предписаниям Августа, ширина *decimanus* 40 футов, *cardo* — 20. (HG XI.14) Попытки интерпретировать его название встречаются почти так же часто, как и этимологии лимита, главного элемента римского межевания: помимо уже разобранных версий, в одном из анонимных фрагментов название *decimanus* связывается с *decem*, однако не через десять актов, а через знак креста, похожий на римскую X, который получается при пересечении лимитов (Campbell 2000: 270). Эту же этимологию приводит Исидор Севильский (*Isid. Orig.* XV.14.4). Ф. Гэд, проанализировав имеющиеся варианты этимологий *decimanus*, считает последнюю версию наиболее достоверной, отмечая, что у Сикула Флакка, также производившего *decimanus* от *decem*, не содержится необходимого противопоставления *decimanus* и *cardo* (Gaide 2006: 36). Однако, как можно заметить, у Сикула Флакка и нет цели противопоставлять их, его версия происхождения лимитации просто другая: сначала, для межевания квесторских полей, появляются *decimani*, а потом, для межевания поля колонии — *cardines*.

Более того, и у Гигина Громатика есть фрагмент, где *decimanus* выступает как единственный лимит, в некотором смысле, как синоним лимита: «Лимиты проводятся согласно древним обычаям. Вследствие этого не всякое межевание полей обращено скорее к Востоку, чем к Западу, хотя священные здания ориентируются на

Восток. Ведь древние архитекторы предписывали, чтобы храмы смотрели прямо на Запад. Впоследствии же было решено, чтобы все святыни обращали к той части неба, из которой земля освещается. Так и лимиты ориентируются на Восток». (HG I.21: *Secundum antiquam consuetudinem limites dirigitur. Quare non omnis agrorum mensura in orientem potius quam in occidentem spectat. In orientem sicut aedes sacrae. Nam antiqui architecti in occidentem templa recte spectare scripserunt: postea placuit omnem religionem eo conuertere, ex qua parte caeli terra inluminatur. Sic et limites in orientem constituuntur.*)

В этом пассаже говорится об ориентации исключительно *decimani*, причем их ориентация связывается с ориентацией храмов. А. В. Подосинов, обращаясь к этому отрывку и сравнивая его со сведениями Псевдо-Фронтини о делении поля на правую и левую части, приходит к выводу, что землемеры при проведении лимитов ориентировались на восход Солнца, а затем, двигаясь на Запад, продлевали их (Podossinov 2024: 261). Он приводит мнения исследователей, согласно которым в данном пассаже речь идет о смене ориентации лимитов с западной, вероятно, этрусской, на восточную, римскую; в частности, мнение К. Тулина, считавшего, что у этрусков ориентация лимитации (западная) отличалась от ориентации храмовой (южная) (Thulin 1906: 28).

В эпоху К. Тулина этрусские поселения с ортогональной планировкой, близкой лимитации (которых по разным причинам известно не очень много), еще только начинали исследоваться, поэтому судить об организации этрусской лимитации приходилось почти исключительно на основании нарративных источников. В настоящее время наиболее изученным примером ортогональной организации этрусского поселения является город, находившийся на территории совр. Марцаботто; в древности он по всей видимости называлось *Kainua* (Govi 2023: xix). На территории города прослеживается ориентированная на Север улица (обозначаемая обычно платей А, см. рис. 1), она пересекается под прямым углом тремя параллельными улицами (платей В, С, D), проходящими с Запада на Восток. Все четыре улицы равной ширины — 15 м, так что судить о том, какая из них была главной, сложно. В то же время можно сказать, что у города был центр в месте пересечения платей А и С. Во-первых, он достаточно четко просматривается на плане: через него можно провести мысленную диагональ от северо-западной части города, где располагался акрополь, в юго-восточную, во-вторых, он был отмечен межевым знаком с нанесенным на нем *decussis*, крестом, сориентированным

по сторонам света (Govi 2023: 35). Если мы обратимся к ранним выводимым римлянами колониям, например, к хорошо исследованной колонии Коце, основанной в 273 г. до н. э. (Vell. Pat. I.14.7; Liv. *per.* XIV), то увидим, что ее территория разделена на прямоугольники, но исходной точки не прослеживается.

Другая интересная особенность поселения в Марцаботто — ориентация всех храмов, найденных в городе, на Север. В целом, это наиболее распространенная у этрусков ориентация храмов. По мнению исследователей, ориентация этрусских храмов была обусловлена божеством, которому они были посвящены (Edlund-Berry 2006: 119), а с севером были связаны разные ипостаси Тинии — этрусского бога, по функциям близкого Зевсу и Юпитеру. Исходя из важности северного направления для этрусков, а также ввиду отсутствия видимой точки пересечения основных лимитов в ранних римских поселениях, можно предположить, что вторая ось, *cardo*, действительно могла появиться у римлян под влиянием этрусков. Как известно, с этрусками была связана ранняя история Рима, однако представляется, что не менее важным эпизодом было взятие и разрушение в 265 г. до н. э. Вольсиний, «главы» Этрурии и ее важнейшего религиозного центра (Plin. NH. II.139; Val. Max. IX.1.2). Последующая более тесная интеграция этрусков в римское общество должна была усилить их культурное влияние на Рим. Это также хорошо согласуется с тем, что самые ранние примеры лимитации с двумя главными осями датируются временем не ранее середины III в. до н. э. (Clavel-Levêque, Favory 1992: 92).

Таким образом, в рамках землемерных сочинений существует два подхода к истории межевания и, соответственно, появлению главных лимитов. Один из них основан на идее о происхождении римского межевания от этрусков, второй подчеркивает роль квесторских продаж; для одного характерно межевание от двух осей, во втором случае вторая ось появляется не сразу, а при межевании земли для выведения колоний. Сравнение сведений землемеров с археологическими данными указывает на то, что, по всей видимости, у римлян вторая ось действительно появляется не сразу и может быть результатом этрусского влияния. В целом, имеющиеся у землемеров расхождения могут быть использованы для более полной реконструкции процесса формирования римского межевания.

Литература

- Burdese, A. 1952: *Studi sull'ager publicus*. Torino: G. Giappichelli.
- Campbell, B. 2000: *The Writings of the Roman Land Surveyors*. London: Society for the Promotion of Roman Studies.
- Clavel-Levêque, M., Favory, F. 1992: Les *gromatici veteres* et les réalités paysagères : présentation de quelques cas. In: Capogrossi Colognesi L., Behrends O. (Hrsg.) *Die römische Feldmesskunst: Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 88–139.
- Edlund-Berry, I. E. M. 2006: Ritual Space and Boundaries in Etruscan Religion. In: de Grummond N. Th., Simon, Erika (eds), *The religion of the Etruscans*. Austin: University of Texas Press, 116–131.
- Gaide, F. 2006: À propos du vocabulaire des arpenteurs latins: étymologies antiques et modernes; analyses lexicologiques. In: *Les vocabulaires techniques des arpenteurs romains. Actes du colloque international (Besançon, 19–21 septembre 2002)*. Besançon, 33–39.
- Govi, E. (ed) 2023: *Kainua (Marzabotto)*. Austin: University of Texas Press.
- Guillamin, J.-Y. 2005: *Les arpenteurs romains*. T. 1. *Hygin le Gromaticus. Frontin*. Paris: Les belles lettres.
- Guillamin, J.-Y. 2010: *Les arpenteurs romains*. T. 2. *Hygin. Siculus Flaccus*. Paris: Les belles lettres.
- Dyson, S.L. 2013: Chapter 30. Cosa. In: DeRose Evans, J. (ed), *A Companion to the Archaeology of the Roman Republic*. Malden, MA; Oxford; Chichester: Wiley-Blackwell, 472–484.
- Kirilova, M. N. 2021: [Origins of limitatio in the Works of Roman Land Surveyors]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* XXV (1), 599–606.
- Кириллова, М. Н. 2021: Происхождение лимитации в сочинениях римских землемеров. *Индоевропейское языкознание и классическая филология XXV (1)*, 599–606.
- Lindermann, J.-O. 2016: Echt oder unecht? Frontin als gromatischer Autor aus der Sicht der Philologie. *eTopoi. Journal for Ancient Studies* 5, 18–45
- Lindermann, J.-O. 2022: *Hygini liber gromaticus de limitibus constituendis. Historisch-kritische Edition und Erläuterungen*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Podossinov, A.V. 2024: Ex oriente lux. Orientatsiya po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii [Orientation to the cardinal points in the archaic cultures of Eurasia]. 2nd ed. Moscow: Alma Mater; Gaudeamus.

- Подосинов, А. В. 2024: *Ex oriente lux. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*. М.: Альма Матер, Гаудеамус.
- Ratti S. 1996: Le substrat augustéen dans la *Constitutio limitum* d'Hygin le Gromaticus et la datation du traité. *Dialogues d'histoire ancienne* 22, 220–238.
- Rawson, E. 1978: Caesar, Etruria and the *Disciplina Etrusca*. *Journal of Roman Studies* 68, 132–152.
- Thulin, C.O. 1906: *Die Etruskische Disciplin*. Bd. II. Die Haruspicin. Goteborg: Wald. Zachrissons Boktryckeri A.-B.

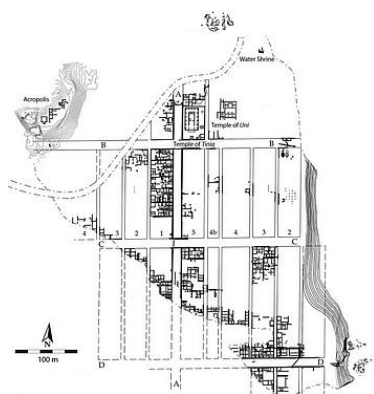

Рис. 1. План Кайнуи
(на основе Govi 2023: xxiv)

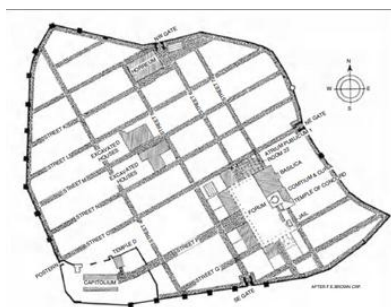

Рис. 2. План Козы (Dyson 2013: 474)

М. Л. Кисилиер

СПбГУ / Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru

О МЕСТОИМЕННОМ СИНТАКСИСЕ В ДИАЛЕКТАХ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА*

В последние десятилетия неозллинистов все более привлекают не только лексические и фонетические особенности новогреческих диалектов, но и вопросы (морфо)синтаксиса. В этой статье предпринимается попытка комплексного описания местоименного синтаксиса на материале шести локальных вариантов (= диалектов) новогреческого языка (северно-хиотского, цаконского, кипрского, греческого диалекта Южной Албании (Дропул), диалекта приазовских греков (малоянисольский субдиалект) и понтийского южной России и Абхазии), собранных во время экспедиций и индивидуальной работы с информантами в 2003–2023 гг.

В ходе исследования рассматриваются следующие аспекты местоименного синтаксиса: (а) принципы, регулирующие позицию местоименной клитики в рамках глагольной группы; (б) факторы, влияющие на взаимное положение нескольких местоименных клитик внутри глагольной группы; (в) местоименный повтор дополнения. В последнем случае речь идет не только о наличии самого явления, но и о возможных вариантах порядка его составляющих. Проведенный анализ демонстрирует, что каждая из описанных особенностей и в отдельности может быть использована как критерий для классификации новогреческих диалектов. Однако более перспективным представляется сопоставление особенностей местоименного синтаксиса в комплексе с привлечением, например, методов диалектометрического анализа, таких, как подсчет расстояния Хэмминга.

Ключевые слова: новогреческая диалектология, местоименный синтаксис, местоименная клитика, Закон Ваккернагеля, цепочка клитик, местоименный повтор дополнения.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 22-48-09003 «Атлас балканского языкового ареала». Руководители А. Н. Соболев и Э. Адаму.

Maxim Kisilier

St. Petersburg State University / Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru

On pronominal syntax in Modern Greek dialects

(Morpho)syntactic peculiarities of Modern Greek dialects attract more and more researchers in the last decades. In this contribution, my goal is to perform a complex analysis of the pronominal syntax of 6 local varieties (= dialects) of Modern Greek: Northern Chiotic, Tsakonian, Cypriot, Greek of Southern Albania (Dropull), Azov Greek (the subdialect of Maloyanisol) and Pontic from Southern Russia and Abkhazia. The data used in the research is a result of the fieldwork of 2003–2023.

The analysis is focused on three phenomena: (a) regulations of the pronominal clitic position, (b) patterns of linearization of multiple clitic pronouns, (c) Clitic Doubling. The study of Clitic Doubling aims to find out whether the phenomenon exists in the dialect and describe all possible orders of its constituents. I believe that each of the three phenomena could be an interesting criterion for dialectal classification. However, it is more promising to compare pronominal syntax in complex, using, for example, the methods of dialectometric analysis, like the calculation of the Hamming distance.

Keywords: studies of Modern Greek dialects, pronominal syntax, clitic pronoun, Wackernagel's Law, linearization, clitic cluster, Clitic Doubling.

0. Введение

0.1. Классификация новогреческих диалектов и (морфо)синтаксические параметры

Большинство классификаций новогреческих диалектов базируется на фонетических или (в лучшем случае) отдельных морфологических признаках (см., напр., обсуждение вопроса в Kisilier 2013). Тем не менее, исследования, проводившиеся в течение последних десятилетий, очевидным образом показывают, что целый ряд особенностей (морфо)синтаксиса могут быть использованы для классификации, включая следующие параметры:

1. Позиция местоименных клитик (Condoravdi, Kiparsky 2002; Chatzikyriakidis 2011; также см. раздел 1 настоящей статьи).
2. Явление, известное, как **Clitic Climbing**, когда местоименное дополнение перестает быть клитикой при управляющем глаголе, а «уходит» к глагольной форме, от которой зависит вся глагольная группа. Эта особенность характерна для романских

языков (Pescarini 2021: 235–266) и проникла в греческие диалекты Южной Италии, в частности, в греканико¹ (1), где указанное явление носит обязательный характер (Chatzikyriakidis 2009).

- (1) *to=sótz-ume* *avorás-i*
 3SG.N.NGEN=мочь-PRS.1SG *купить.PFV.INF*²
 ‘можем это купить’ (Chatzikyriakidis 2009: 281)

3. Нейтральный порядок слов. Как показала Ирины Филиппаки-Варбуртон (Philippaki-Warburton 1985), для стандартного новогреческого нейтральным является VSO. Это справедливо и для ряда новогреческих диалектов, например, для кипрского, греческого диалекта из Дропула (Южная Албании), диалекта Северного Хиоса (2а). В других же диалектах — в частности, в цаконском, диалекте приазовских греков и в понтийском на территории бывшего СССР (2b) нейтральным, по-видимому, является SVO³.

- (2) а. диалект Северного Хиоса:
í-γraps-en *o* *Ján-is*
 PST-писать.PFV-PST.3SG DEF.M.NOM.SG Яннис-NOM
to *γráma-ø*
 DEF.N.NGEN.SG письмо-NGEN.SG
- б. понтийский:
o *Ján-is* *é-γraps-en* *γráma-n*
 DEF.M.NOM.SG Яннис-NOM PST-писать.PFV-PST.3SG письмо-NGEN.SG
 ‘Яннис написал письмо’⁴.

¹ Возможно, появление **Clitic Climbing** в греческих диалектах Южной Италии обусловлено тем, что в них, в отличие от остальных новогреческих диалектов, за исключением некоторых вариантов понтийского (Mackridge 1996; Sitaridou 2014), существует инфинитив, появившийся под влиянием итальянского. Интересно, что согласно Стергиосу Хадзикирьякидису (Chatzikyriakidis 2009: 281) в грико **Clitic Climbing** носит обязательный характер, а в итальянском — нет.

² Здесь и далее примеры глоссируются автором статьи согласно «Лейпцигским правилам глоссирования» (Comrie et al. 2015), согласно которым используются и сокращения. Во всех примерах глоссирование выполнено автором статьи.

³ Именно к такому выводу пришел автор статьи, анализируя в рамках упомянутого выше проекта «Атлас балканского языкового ареала» собранный им диалектный материал. Скорее всего, в понтийском и диалекте греков Приазовья SVO обусловлен влиянием русского языка, в котором именно этот порядок слов является нейтральным (ср. Zimmerling 2016).

⁴ Здесь и далее, если при примере нет библиографической ссылки, он был записан автором настоящей статьи в ходе полевых исследований.

0.2. О настоящем исследования

Важные для новогреческих диалектов классифицирующие параметры связаны и с местоименным синтаксисом. Здесь можно выделить две проблемы: (а) принципы, регулирующие позицию местоименных клитик⁵ в рамках глагольной группы и (б) местоименный повтор дополнения. Эти проблемы, несомненно, разные, однако они тесно связаны друг с другом. Кроме того, опыт некоторых предыдущих исследований (напр., Liosis 2017) продемонстрировал перспективность рассмотрения позиции местоименных клитик и местоименного повтора дополнения не автономно, а комплексно.

В настоящей статье будет предпринята попытка ответить на четыре вопроса на материале нескольких диалектов новогреческого языка (о них см. ниже в этом разделе):

1. Можно ли в новогреческих диалектах обнаружить отражение «правил», регулирующих позицию местоименной клитики (если да, то какие они, и годятся ли для использования в роли классифицирующего параметра)?
2. Существует ли в конкретном диалекте местоименный повтор дополнения?
3. Какие варианты порядка составляющих при местоименном повторе дополнения возможны и допустима ли группировка новогреческих диалектов по этому параметру?
4. Как обнаруженные варианты порядка составляющих при местоименном повторе дополнения соотносятся с принципами расстановки единичных местоименных клитик?

Легко заметить, что вопросы в большей степени формализованы и фактически не затрагивают коммуникативного или семантико-прагматического аспектов рассматриваемых явлений. Это обусловлено тем, что проанализированные материалы сильно варьируют от диалекта к диалекту. Некоторые были получены в ходе живой беседы на диалекте, другие же удалось обнаружить лишь благодаря специальному анкетированию, которое, к сожалению, не всегда позволяет в полной мере

Большинство из таких примеров, используемых в статье, включены в «Атлас языков балканского ареала» (Adamou et al. 2023).

⁵ В настоящей статье, в отличие от ряда работ (ср. Revithiadou, Spyropoulos 2008), местоименными клитиками называются слабые (безударные) формы личных местоимений в функции дополнения.

выяснить коммуникативную и семантико-прагматическую составляющую местоименного синтаксиса в новогреческих диалектах.

Материалом для исследования в первую очередь стали данные из шести диалектов новогреческого языка⁶ (северно-хитского, цаконского, кипрского, греческого диалекта Южной Албании (Дропул), диалекта приазовских греков⁷ (в первую очередь, субдиалекта села Малоянисоль) и понтийского на территории юга России и Абхазии⁸), собранные автором статьи

---

⁶ Неоэллинисты периодически поднимают вопрос о статусе того или иного диалекта, либо используя критерий взаимопонятности (Kontosopoulos 2001: 3), либо на основании тех изменений, которые в диалекте произошли (Janse 2002: 226), либо учитывая происхождение диалекта. Если использовать последний критерий, греческие диалекты Южной Италии, понтийский и цаконский трудно назвать диалектными вариантами новогреческого языка, поскольку они восходят к ионийским и дорийским диалектам древнегреческого языка (Dawkins 1931: 389; Drettas 1997: XXI; Joseph 2022: 62–66), при условии, что древнегреческий и новогреческий не рассматриваются как различные этапы единого языкового континуума (подробнее см., напр., Kisilier 2022b). Нередко и сами носители диалектов (особенно понтийского, реже цаконского и диалекта приазовских диалектов) предлагают считать свои диалекты языками, стремясь подчеркнуть «независимость» от стандартного новогреческого и повысить статус родного диалекта как внутри сообщества, так и в глазах внешнего наблюдателя. Автор настоящей статьи разделяет мнение британского неоэллиниста Питера Макриджа, полагавшего, что лингвист не может в полной мере отличить язык от диалекта (Mackridge 1991: 338). Поэтому в лингвистическом исследовании, если только речь не идет о подсчете количества языков в мире (Koguyakov 2017: 79–80), можно отказаться от противопоставления **язык vs. диалект** (Chambers, Trudgill 1998: 4–5; ср. Van Rooy 2020: 267–268) и рассматривать все существующие сегодня варианты греческого как диалекты новогреческого языка.

⁷ Называется также **румейским языком** вслед за самоназванием *ruméjka*.

⁸ В силу разных исторических обстоятельств, включая Малоазийскую катастрофу, носители понтийского диалекта оказались в разных концах мира. Наиболее значимые понтийские диаспоры сейчас находятся в Греции, Австралии, ряде стран бывшего СССР, включая Россию, и в Турции. Варианты понтийского диалекта из разных стран демонстрируют определенные особенности (Kisilier 2022c: 77), однако существующие различия практически неизучены.

и его коллегами в период между 2003 и 2023 гг. в ходе экспедиций или с использованием современных средств коммуникации и цифровых технологий⁹. Важно, что перечисленные диалекты представляют разные типы новогреческих диалектов (ср. Kontosopoulos 2001: XXIII), а некоторые из них длительное время существуют как анклавные (островные) диалекты, находясь в иноязычном окружении (греческий диалект Южной Албании из Дропула, понтийский и диалект приазовских греков). Цаконский вообще принято считать уникальным диалектом, напрямую восходящим к лаконскому варианту древнегреческого дорийского диалекта (подробнее см. Kisilier 2017; 2021 и приведенную в этих публикациях библиографию). Кроме того, для сопоставления, по возможности, привлекались материалы из лесбосского, каппадокийского и греканико (Южная Италия) в тех случаях, когда их источники представлялись достаточно надежными и содержали необходимые для проводимого исследования примеры.

Настоящая статья состоит из двух частей. В первой изучаются факторы, регулирующие позицию местоименной клитики внутри глагольной группы, а во второй анализируются особенности местоименного повтора дополнения. Вторая часть, в свою очередь, делится на два подраздела. Первый посвящен краткой характеристике местоименного повтора и определению наличия данного явления в анализируемых диалектах. Во втором подразделе анализируются варианты порядка составляющих при местоименном повторе дополнения.

1. Позиция местоименных клитик

Изучение местоименных клитик занимает одно из центральных мест в эллинистике. К настоящему времени в целом удалось проследить «эволюцию» местоименных клитик в греческом языке (Norrocks 1990: 138; 1991; Janse 2000; Pappas

---

⁹ Пользуясь случаем, автор хотел бы поблагодарить за помощь в сборе материалов и за консультации Аристотеля Спирос, Никоса Маврелоса, Андреаса Камериса, Паноса Марнериса, Михалиса Бакмакиса, Карину Авджян, Виктора Стофорандова и генерального консула республики Кипр в Санкт-Петербурге Кириякоса Пояджиса. Отдельная благодарность А. В. Циммерлингу за консультации по русской лингвистической терминологии.

2004)¹⁰ и сформулировать факторы, определявшие позицию клитик в предложении на разных этапах развития греческого языка (Rollo 1989; Mackridge 1993; Condoravdi, Kiparsky 2002; Kisilier 2011).

В стандартном новогреческом языке местоименные клитики можно считать **глагольными** или **специальными** в терминологии А. А. Зализняка (Zaliznyak 2004: 45), поскольку они всегда составляют единое фонетическое слово с управляющим глаголом, отделить от которого их может только другая местоименная клитика в рамках т. н. **цепочки клитик** (3).

- (3) а. **μου το 'πε**
mi=tó=p-e
 1SG.GEN=3SG.N.NGEN=говорить.PFV-PST.3SG
 '[он/а] сказал[а] мне это' (Pavlidou 2011)¹¹
- б. **πες το μου**
p-ész=to=mi
 говорить.PFV-IMP.2SG=3SG.N.NGEN=1SG.GEN
 'скажи это мне' (Pavlidou 2011)

Местоименная клитика находится в препозиции к личной форме глагола (3а) и следует за глаголами в повелительном наклонении (3б) или причастными/деепричастными формами (4).

- (4) **λέγοντάς σας**
léy-od'ás=sas
 говорить.IPFV-CVB=2PL.OBL
 '...говоря вам...' (Pavlidou 2011)

1.1. Существующая классификация

В новогреческих диалектах ситуация выглядит более разнообразно, чем в стандартном новогреческом, и с точки зрения принципов расположения местоименной клитики новогреческие диалекты можно разделить на три (Condoravdi, Kiparsky 2002) или даже четыре типа (Chatzikiyriakidis 2011: 17–18).

¹⁰ Монография Панайотиса Паппаса представляет собой переработанную версию его диссертации (Pappas 2001), некоторые положения которой критически анализируются в статье (Condoravdi, Kiparsky 2004).

¹¹ В (3а) имеет место афереза в глагольной форме после гласного внутри одного фонетического слова: **το είτε** /to=ípe/ > **το 'πε** /tó=pe/. Поэтому ударение с исчезнувшего у глагола гласного перешло на проклитику.

1.1.1. Тип 1 (новогреческий)

В диалектах, относимых к **типу 1**, местоименные клитики расставляются по тем же принципам, что и в стандартном новогреческом языке, то есть местоименная клитика предшествует личной форме глагола, но следует за императивом. В частности, этому правилу следуют греканико из Южной Италии (5) и на первый взгляд — греческий диалект Южной Албании (6) и цаконский (7).

- (5) греканико:
 а. *su=lé-o*
 2SG.GEN=говорить.PFV-PPS.1SG
 ‘говорю тебе’ (Rohlf s 1977: 88)
 б. *pe-té-mmu*¹²
 говорить.PFV-IMP.2PL=1SG.GEN
 ‘Скажите мне’ (Rohlf s 1977: 88)
- (6) греческий диалект Южной Албании (Дропул):
 а. *mu=lé-j*
 1SG.GEN=говорить.PFV-PRS.3SG
 ‘мне говорит’
 б. *p-éz=mu*
 говорить.PFV-IMP.2SG=1SG.GEN
 ‘скажи мне’
- (7) цаконский:
 а. *dⁿ=e-pé-k-a*
 2SG.OBL=PST-говорить.PFV-AOR.N2/3SG-AOR.1SG
 ‘сколько раз [мне] тебе говорить?’ (букв. ‘[я] тебе сказал’
 Kisilier 2021: 242)
 б. *ði-ø=mi*
 давать.SBJV-IMP.2SG=1SG.OBL
 ‘дай мне’ (Kisilier 2021: 242)

В цаконском презенс и имперфект образуются аналитически с помощью вспомогательного глагола ‘быть’ и причастия смыслового глагола (подробнее см. Kisilier 2016). Как свидетельствуют многочисленные примеры, в частности (8), при глаголь-

¹² В диалектах Южной Италии местоименные клитики традиционно пишутся слитно с формами императива.

ной форме в презенсе или в имперфекте клитика ставится перед вспомогательным глаголом.

- (8) *m=éni* *aresik^h-úmen-e*
 1SG.OBL=быть.PRS.3SG нравиться-PTCP.PASS-NF.SG
 ‘мне нравится’

Впрочем, как можно будет убедиться в разделах 1.2.1 и 1.2.2, и в греческом диалекте Южной Албании, и в цаконском ситуация не такая простая.

1.1.2. Тип 2 (византийский)¹³

В этих диалектах также возможны и постпозиция, и препозиция местоименной клитики, однако постпозицию можно считать базовым порядком (9а, 10а, 11а), а препозиция обусловлена т. н. «возмущающими» факторами из синтаксического или просодического окружения, стоящими перед управляющим глаголом — например, маркированным вопросительным местоимением (9б) или показателем будущего времени (10б, 11б) или сослагательного наклонения. К этому типу относятся каппадокийский (9), кипрский (10) и диалект приазовских греков (11).

- (9) каппадокийский:
 а. *каι λεγ το*
ke léγ-ø=to
 и говорить.IPFV-PRS.3SG=3SG.NF.NGEN
 ‘...и говорит ему’ (Karatsareas 2011: 104)
 б. *τι το=пik-es*
 что 3SG.NF.NGEN=делать.PFV-PST.2SG
 ‘что [же ты] ему сделал?’ (Janse 1998: 261)
- (10) кипрский:
 а. *lal-ø=su*
 говорить.IPFV-PRS.1SG=2SG.GEN
 ‘говорю тебе’
 б. *enna=su=p-ó* *ávrio*
 FUT=2SG.GEN=говорить.PFV-PRS.1SG завтра
 ‘скажу тебе завтра’
 в. *ídⁿa=m* *bu* *mu=é-ðok-es*
 что=быть.PRS.3SG который 1SG.GEN=PST-
 давать.PFV-PST.2SG
 ‘что [же такое] ты мне дал?’

¹³ Иначе диалекты с т. н. X^{max} клитиками (Condoravdi, Kiparsky 2002: 5f).

- (11) диалект приазовских греков:
- a. *é-kleps-is=mi*
 PST-красть.PFV-PST.2SG=1SG.OBL
 ‘[ты] украл меня’ (Kisilier 2022a: 9)
- b. *θα=ta=fáγ-u* *ávir*
 FUT-3PL=есть.PFV-PRS.1SG завтра
 ‘съем это завтра’ (Kisilier 2022a: 9)
- c. *irév-u na=se=fáγ-u*
 хотеть.IPFV-PRS.1SG SBJV=2SG.OBL=есть.PFV-PRS.1SG
 ‘хочу тебя съесть’ (Kisilier 2022b: 15)

Условно данную модель можно назвать «византийской», поскольку она начинает складываться в эпоху Позднего койне (IV–X вв.). В «Лавсаике» Палладия (20-е гг. V в.), эта система только еще формируется (12).

- (12) a. «Лавсаик» Палладия (20-е гг. V в.):
Ἰνα σε μή βαρέσω (*Laus.* 10.58–59)
ína=se *mi=varés-o*
 чтобы=2SG.ACC NEG=отягощать.AOR-PRS.1SG
- b. *ἴνα μή σε βαρέσω* (*Laus.* 10.61)
ína=mi=se *varés-o*
 чтобы=NEG=2SG.ACC отягощать.AOR-PRS.1SG
 ‘чтобы [мне] не быть тебе в тягость’
 (цит. по Palladio 1985)
- c. «Луг Духовный» Иоанна Мосха (нач. VII в.):
Τί σοι κακὸν ἐποίησα
tí=si *kak-ón* *e-pí-is-a*
 что.NGEN.SG=2SG.DAT плохой-N.NGEN.SG. PST-делать-AOR-AOR.1SG
 ‘что тебе плохого [я] сделала’ (Kisilier 2011: 137)
- d. *διὰ τοῦτο σοι λέγω*
ð'a=tút-o=si *léγ-o*
 из-за=этого.N-N.NOM/ACC.SG=2SG.DAT говорить.IPFV-PRS.1SG
 ‘... из-за этого говорю тебе’ (Kisilier 2011: 137)

В текстах позднего койне препозицию местоименной клитики вызывают фактически те же факторы, что и в диалектах, относящихся к **типу 2**: союз *ἴνα* (12a, b), позже превратившийся в частицу *na* (11c), и вопросительное местоимение ‘что’ (12c, ср. 9b, 10c). Впрочем, на этом начальном этапе местоименная клитика еще не является проклитикой и может «отрываться» от

управляющего глагола (12а, с). Местоименные проклитики появятся уже после XII в. (подробнее см. Mackridge 1993), и тогда в полной мере сформируются те принципы расстановки местоименных клитик, которые наблюдаются у диалектов, относимых к **типу 2**.

1.1.3. Тип 3 (понтийский)

К **типу 3** относят только один диалект — понтийский. В нем местоименная клитика никогда не оказывается перед управляющим ей глаголом¹⁴. Это можно проиллюстрировать примерами из разных субдиалектов понтийского (13).

(13) а. понтийский из Малой Азии:

ἀτὰ εἶχα νὰ ἐλεῖα τὸν
at-á é-xa ná é-leí-a ton
 этот-N.NGEN.PL иметь.PST-PST.1SG SBJV=PST-говорить.IPFV-PST.1SG
 =3SG.M.ACC
 ‘это [я] должен был сказать ему’ (Oikonomidis 1958: 236)

б. понтийский из Абхазии (Гварда/Линдава):

a=traγιδ-ó=se én-an traγιδ-ø
 FUT=петь.IPFV-PRS.1SG=2SG.ACC INDF.NF.SG-ACC.SG песня-SG
 ‘спою тебе песню’

с. понтийский из РФ (Ессентуки):

at-ós θέλ-ø na=θam-éj=sen
 3-SG.M.NOM хотеть=PRS.3SG SBJV=удивлять.PFV-PRS.3SG=2SG.ACC
 ‘он хочет удивить тебя’

Как наглядно демонстрируется в (13), во всех приведенных вариантах понтийского ни финитная форма глагола, ни модальная частица, выражающая будущее время или сослагательное наклонение, не приводят к препозиции местоименной клитики. Уместно предположить, что в понтийском сохранился некий «застывший» вариант Закона Ваккернагеля, действовавшего еще в древнегреческом и эллинистическом койне и предполагавшем, помимо всего прочего, что местоименная клитика либо занимает второе место в словосочетании (14b), либо может сдвигаться далее второй позиции, если перед словосочетанием оказывается т. н. **барьер** (подробнее см. Kisilier 2011: 102–121 и приводимую там библиографию), например, модальная частица *na* (13а, с) или *a* (13b). В понтийском, по сравнению с койне, Закон Ваккернагеля приобрел

¹⁴ Т. н. X⁰ клитика (Condoravdi, Kiparsky 2002: 18f).

свою специфику — ни при какой ситуации местоименная клитика не может оказаться проклитикой. Возможно, это свидетельствует о том, в понтийском, как и на ранних этапах развития эллинистического койне (ср. Dunn 1989), глагол стремится в начало глагольной группы и пускает вперед лишь те элементы, которые никак не могут быть энклитиками, в частности, модальные частицы и союзы.

У местоименных клитик в понтийском диалекте есть еще одна важная для данного исследования особенность — далеко не всегда можно определить, какая местоименная форма перед нами: сильная (ударная) или слабая (клитическая). Формально, казалось бы, такой проблемы быть не должно (см. табл. 1).

Табл. 1. Сильные и слабые местоимения в понтийском (Абхазия)
Table 1. Strong and weak pronouns in Pontic (Abkhazia)

	SG		PL	
	сильные	слабые	сильные	слабые
1	<i>eména</i>	<i>me(n)</i>	<i>emás</i>	<i>mas</i>
2	<i>eséna</i>	<i>se(n)</i>	<i>esás</i>	<i>sas</i>
3 (M/N/F)	<i>atón/atín/ató</i>	<i>ton/tin/to</i>	<i>atús/atés/atá</i>	<i>tus/tis/ta</i>

Тем не менее, не очень понятно, существует ли в понтийском функционально-семантическое противопоставление между этими формами, как, например, в стандартном новогреческом, где сильные формы маркированы, а слабые никогда не попадают непосредственно под действие эмпазы. Так, совсем не очевидно различие примеров в (14).

- (14) a. *emás* *vafítis-ane* *sin* *eglesi-a*
 1PL.OBL крестить.PFV-PST.3PL в.DEF.F.ACC.SG церковь-SG
- b. *vafítis-ane=mas* *sin* *eglesi-a*
 крестить.PFV-PST.3PL=1PL.OBL в.DEF.F.ACC.SG церковь-SG
 ‘нас крестили в церкви’

Информанты не смогли объяснить различия между (14a) и (14b) и настаивали на том, что они в целом равнозначны, т. е. складывается впечатление, что в понтийском наблюдается очевидная тенденция к исчезновению противопоставления сильных и слабых форм местоимений. Однако пока что все

местоименные дополнения, находящиеся перед управляющим глаголом (14а), по-видимому, стоит считать ударными.¹⁵

1.1.4. Тип 4 (эндоклитики)

Стергиос Хадзикирьякидис (Chatzikyriakidis 2011: 17–18) предлагает опционально добавить еще и **тип 4**, где представлена модель с т. н. **эндоклитикой**, т. е. инкорпорированием местоименной клитики внутрь глагола в форме императива, где клитика располагается между основой и окончанием. Согласно Хадзикирьякидису, эндоклитики встречаются в ряде северногреческих диалектов Фессалии и Македонии¹⁶. Ю. А. Лопашову удалось обнаружить пример с эндоклитикой (правда, единичный) в северногреческом субдиалекте села Эратира (15).

- (15) *lisi-me-ti*
развязывать.PFV-1SG.ACC-IMP.2PL
'развяжите меня' (Lopashov 2006: 162).

Видимо, эндоклитики вообще характерны для многих северногреческих диалектов. По крайней мере, они встречаются также и в лесбосском (16).

- (16) *ðó-mi-te=tu*
давать.PFV-1SG.ACC-IMP.2PL=3SG
'дайте мне это' (Ralli 2006: 148)

Появление эндоклитик следует интерпретировать как влияние со стороны албанского языка, где они фактически обязательны, причем как в стандартном языке (17), так и по диалектам.

- (17) *ndihmo-na-ni*
помогать-1PL.ACC-IMP.2PL
'помогите нам' (Buchholz, Fiedler 1987: 452)¹⁷.

¹⁵ По мнению Ф. А. Елоевой (Елоева 2004: 138), «препозиция местоимений <...> всегда связана с эмфатическим выделением».

¹⁶ Стергиос Хадзикирьякидис ссылается на недоступную автору настоящую статью публикацию (Thavoris 1977), где, если верить Брайану Джозефу (Joseph 1990: 176), приведены три примера северногреческих диалектов Фессалии и Македонии.

¹⁷ Автор статьи благодарит А. Ю. Русакова за помощь в выборе и глоссировании албанского примера.

Интересно, что эндоклитики не встречаются в греческом диалекте Южной Албании из Дропула.

Строго говоря, данную модель можно считать своеобразным вариантом стандартной новогреческой (тип 1, раздел 1.1.1). При финитной форме глагола, местоименная форма находится в препозиции, а инкорпорирование местоименной клитики происходит только при императиве. Таким образом, эндоклитика — это тоже своего рода постпозиция, но не ко всей глагольной форме, а лишь к основе глагола.

1.2. Особые случаи

Собранный в рамках данного исследования материал свидетельствует о существовании и других принципов расстановки местоименных клитик. Во многих случаях (см. разделы 1.2.1 и 1.2.2) они сосуществуют с моделью, используемой стандартным новогреческим (тип 1, раздел 1.1.1). Скорее всего, это свидетельствует о сильном влиянии стандартного новогреческого на диалекты в области просодии и синтаксиса.

1.2.1. Интерпозиция местоименной клитики в плюсквамперфекте (тип 1*)

В новогреческом языке и его диалектах плюсквамперфект выражается аналитически. При наличии местоименной клитики в стандартном новогреческом и большинстве его диалектов она ставится перед вспомогательным глаголом (18).

- (18) стандартный новогреческий:
 μου είχε πει
tu = *ix-e p-i*
 1SG.GEN=иметь.PST-PST.3SG говорить.PFV-PRF
 ‘[он/а] мне сказал/[а]’ (Pavlidou 2011)

Знаменитый греческий диалектолог Никос Кондосопулос обнаружил в северногреческом диалекте Козани (Западная Македония) примеры, когда местоименная клитика «разрывает» аналитическую форму плюсквамперфекта и оказывается между вспомогательным и смысловым глаголами (19).

- (19) είχ-αν μας μάθ-^{·[=j]}
ix-an mas = *máθ^j*
 иметь.PST-PST.3PL 1PL.OBL=учить.PFV-PRF
 ‘[они] нас научили’ (Kontosopoulos 2001: 101)

Похожие примеры можно найти и в греческом диалекте Южной Албании из Дропула (20).

- (20) *ix-e* *to=fá-s*
 иметь.PST-PST.3SG 3SG.N.NGEN=есть.PFV-PST.2SG
 ‘[ты] это съел’¹⁸

Греческие диалекты Южной Албании примыкают к северногреческой диалектной зоне и продолжают ее (ср. Spiro 2014: 397), поэтому есть основания предполагать, что интерпозиция местоименной клитики в формах плюсквамперфекта вообще свойственна северногреческим континентальным диалектам. Однако данная гипотеза требует проверки.

Интерпозицию местоименной клитики в плюсквамперфекте можно рассматривать как девиацию от стандартной новогреческой модели (тип 1, раздел 1.1.1). По сути, это препозиция слабой формы местоимения к смысловому глаголу. Данная интерпретация представляется особенно логичной для примеров из греческого диалекта Южной Албании из Дропула (20), где спрягается именно финитный глагол (см. сн. 18) перед которым и оказывается местоименная клитика.

1.2.2. Цаконский (тип 5)

В современном цаконском диалекте местоименные клитики в большинстве случаев располагаются по тем же принципам, что и в стандартном новогреческом (7). Однако иногда наблюдаются существенные отличия. Во-первых, в нем встречаются единичные примеры интерпозиции местоименной клитики в презенсе, при которой местоимение оказывается между смысловым и вспомогательным глаголом (21a, ср. 8), и постопозиции местоименной клитики к форме аориста (21b).

- (21) a. *aresik^h-úmen-a* *m=íni* *ta* *má-va*
 нравиться-PTCP.PASS-N.PL 1SG.OBL=BE.PRS.3PL DEF.N.PL яблоко-PL
 ‘[мне] нравятся яблоки’
- b. *e-ná-ts-eré=ni*
 PST-слышать.PFV-AOR-2/3SG-2SG=3SG.OBL
 ‘[ты] это слышал?’

¹⁸ В (20) наблюдается яркая морфологическая особенность греческого диалекта Южной Албании из Дропула: в отличие от стандартного новогреческого, в формах плюсквамперфекта вспомогательный глагол не изменяется, а флексии добавляются к смысловому глаголу.

- ‘[я] бы увидел это’¹⁹
- c. *to=mu=x-is* *ðók-i*
3SG.N.NGEN=1SG.GEN=иметь.PRS-PRS.2SG давать.PFV-PRF
- d. *tó=x-is* *mu=ðók-i*
3SG.N.NGEN=иметь.PRS-PRS.2SG 1SG.GEN=давать.PFV-P
- e. *mu=x-is* *to=ðók-i*
1SG.GEN=иметь.PRS-PRS.2SG 3SG.N.NGEN=давать.PFV-PRF
- f. *tó=x-is* *ðók-i=mu*
3SG.N.NGEN=иметь.PRS-PRS.2SG давать.PFV-PRF=1SG.GEN
- g. *x-is=to=mu=ðók-i*
иметь.PRS-PRS.2SG=3SG.N.NGEN=1SG.GEN=давать.PFV-PRF
- h. *x-is=mu=to=ðók-i*
иметь.PRS-PRS.2SG=1SG.GEN=3SG.N.NGEN=давать.PFV-PRF
- i. *mu=x-is* *ðók-i=to*
1SG.GEN=иметь.PRS-PRS.2SG давать.PFV-PRF=3SG.N.NGEN
- j. *x-is=ðók-i=mu=to*
иметь.PRS-PRS.2SG=давать.PFV-PRF=1SG.GEN=3SG.N.NGEN
- k. *x-is=ðók-i=to=mu*
иметь.PRS-PRS.2SG=давать.PFV-PRF=3SG.N.NGEN=1SG.GEN
‘[ты] мне это дал’

1.3. Интерпретация

Описанные в разделах 1.1 и 1.2 модели расстановки местоименных клитик, несмотря на кажущуюся пестроту, отнюдь не произвольны, а укладываются в четкую систему. Каждая модель связана с определенным ключевым этапом диахронического развития местоименного синтаксиса от древнегреческого состояния до сегодняшнего дня.²⁰ Так, в понтийском диалекте (**тип 3**, раздел 1.1.3) обнаруживаются синтактико-просодические особенности, характерные для ранних этапов эллинистического койне, и есть основания утверждать, что в их основе лежит Закон Ваккернагеля.

В каппадокийском, кипрском и диалекте приазовских греков (= рум.; **тип 2**, раздел 1.1.2) находит отражение ситуация, характерная для византийской (= ранненовогреческой) «народной» поэзии. Цаконский диалект (**тип 5**, раздел 1.2.2) в области местоименного синтаксиса крайне близок к «новогреческой» модели, при том, что в определенных ситуациях в нем «включаются» архаические правила (Закон Ваккернагеля).

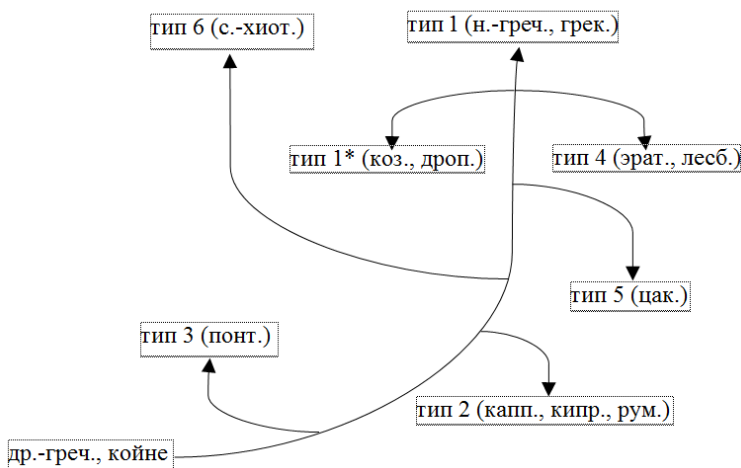
¹⁹ В форме *évlepa* после частицы *a* исчез аугмент *é-*, и ударение с него переместилось на частицу.

²⁰ Интересно, что типологически схожая ситуация наблюдается в некоторых славянских языках на Балканах (Alexander 1994: 2–3).

Наконец, в качестве двух разных направлений развития «новогреческой» модели можно рассматривать примеры из нескольких северногреческих диалектов — Эратире и Лесбоса (**тип 4**, раздел 1.1.4), и Козани и Дропула (**тип 1***, раздел 1.2.1).

Наиболее сложным для интерпретации оказывается диалект Северного Хиоса (**тип 6**, раздел 1.2.3), где порядок расстановки местоименных клитик совершенно свободный. Отсутствие доступных материалов по истории хиотского диалекта, к сожалению, не позволяет выйти за рамки гипотез, и можно лишь предположить, что местоименный синтаксис севернохиотского диалекта демонстрирует либо вариант, параллельный «новогреческому» типу (**тип 1**, раздел 1.1.1), либо его дальнейшее развитие. Принципы расположения местоименных клитик по диалектам с точки зрения исторического развития греческого языка можно представить в виде схемы (см. рис. 1).

Рис. 1. Местоименные клитики в новогреческих диалектах
Fig. 1. Clitic pronouns in Modern Greek dialects

1.4. Порядок компонентов в цепочке клитик

В разделе 1.2.3, где приведены данные из диалекта Северного Хиоса, можно было заметить, что при глаголе иногда оказывается не одна, а две местоименные клитики, выражающие прямое и косвенное дополнения. Естественно, подобное характерно для всех новогреческих диалектов. В новогреческом языке и во всех его локальных вариантах существует запрет на

сосуществование в одной синтагме местоименных клитик 1 и 2 л. (ср. Ralli 2006: 146). Иными словами, примеры типа (25) невозможны.

- (25) стандартный новогреческий:
- a. ***μου σε** δίνει
 **mu=se=ðin-i*
 1SG.GEN=2SG.ACC=давать.IPFV.PRS.3SG
 ‘мне тебя дает’
- b. ***σου με** δίνει
 **su=me=ðin-i*
 2SG.GEN=2SG.ACC=давать.IPFV.PRS.3SG
 ‘тебе меня дает’

Примеры (24с–к) демонстрируют, что местоименные клитики могут занимать разные позиции друг относительно друга. Так, они либо оказываются контактно, формируя т. н. **цепочку клитик**, внутри которой прямое дополнение может как следовать за косвенным (см. раздел 1.4.1), так и предшествовать ему (см. раздел 1.4.2), либо разрываются глагольной формой (см. раздел 1.4.3).

Важно отметить, что в связи с отсутствием в новогреческом языке и его диалектах дательного падежа, местоименная клитика в функции косвенного дополнения ставится в генитиве. Однако ряд диалектов новогреческого языка демонстрируют тенденцию к утрате родительного падежа (ср. Mertyris 2014; Mertyris, Kisilier 2017; Kisilier, Mertyris 2018). Поэтому в некоторых случаях (в лесбосском, цаконском, каппадокийском, диалекте приазовских греков и понтийском) косвенное и прямое местоименные дополнения различимы лишь функционально.

1.4.1. Порядок «косвенное — прямое»

Порядок компонентов местоименных дополнений «косвенное — прямое» представляется наиболее частотным (26).

- (26) a. стандартный новогреческий:
μου το ‘πε
mu=tó=p-e
 1SG.GEN=3SG.N.NGEN=говорить.PFV-PST.3SG
 ‘[он/а] мне это сказал[а]’ (Pavlidou 2011)

- b. лесбосский:
ðó-ø=mi=tu
 давать.PFV-IMP.2SG=1SG.ACC=3SG
 ‘дай мне это’ (Ralli 2006: 147)
- c. цаконский:
ði-te=mi=ni
 давать.SBJV.PFV-IMP.2PL=1SG.OBL=3SG.OBL
 ‘дайте мне это’
- d. кипрский:
é-ðok-a=su=to
 PST-давать.PFV-PST.1SG=2SG.GEN=3SG.N.NGEN
 ‘[я] дал тебе это’
- e. греческий диалект Южной Албании (Дропул):
nó=mu=to
 давать.IMP.2SG=1SG.GEN=3SG.N.NGEN
 ‘дай мне это’
- f. каппадокийский:
í-far-a=sis=ta
 PST-нести.PFV-PST.1SG=2PL.OBL=3PL
 ‘[я] принес вам их’ (Janse 1998: 268)
- g. диалект приазовских греков:
ðíxn-u=sas=tu
 показывать.IPFV-PRS.1SG=2PL.OBL=3SG.NF
 ‘[я] вам это показываю’ (Kisilier 2009: 381)
- h. греканико:
ðe=su=tá=p-a
 NEG=2SG.GEN=3PL.N=говорить.PFV-PST.1SG
 ‘[я] тебе этого не сказал’ (Rohlf 1977: 189)

Как можно было убедиться из примеров (24с, g, k), такой порядок встречается и в северохиотском диалекте.

Более сложная ситуация наблюдается в понтийском диалекте из Южной России (27).

- (27) *p-ej=m* *at-ó*
 говорить.PFV-IMP.2SG=1SG.OBL3-SG.N.NGEN
 ‘скажи мне это’

С одной стороны, в (27) имеются два контактно расположенных местоименных дополнения, и косвенное предшествует прямому. С другой же стороны, *m ató*, скорее всего, не является цепочкой клитик, поскольку *ató* больше похоже на сильную (ударную) форму местоимения, нежели на слабую. Пока не

вполне ясно, допустимы ли в понтийском «полноценные» цепочки местоименных клитик.

1.4.2. Порядок «прямое — косвенное»

Случаи, когда в цепочке местоименных клитик прямое дополнение предшествует косвенному, встречаются реже (28).

- (28) а. стандартный новогреческий:
 πες **το μου**
p-éz=to=mu
 говорить.PFV-IMP.2SG=3SG.N.NGEN=1SG.GEN
 ‘скажи это мне’ (Pavlidou 2011)
- б. цаконский:
o=ni=m=e-ðúts-ere *s=eníu*
 NEG=3SG.OBL=1SG.OBL=PST-давать.PFV.2/3SG-2SG v=1SG.OBL
 ‘[ты] это мне не дал’ (Kisilier 2021: 241)
- в. греческий диалект Южной Албании (Дропул):
p-éz=to=mu
 говорить.PFV-IMP.2SG=3SG.N.NGEN=1SG.GEN
 ‘скажи это мне’
- г. каппадокийский:
í-far-es=ta=mas
 PST-нести.PFV-PST.2SG=3PL=1PL.OBL
 ‘[ты] принес их нам’ (Janse 1998: 268)

Кроме того, данный порядок компонентов цепочки местоименных клитик зафиксирован в северохиотском (24h, j).

1.4.3. Разрыв цепочки местоименных клитик

В северохиотском диалекте возможен разрыв цепочки местоименных клитик, при котором одно местоименное дополнение ставится перед глагольной формой, а другое — после. При этом впереди может стоять как косвенное дополнение (24e, i), так и прямое (24d, f).

1.4.4. Цепочка местоименных клитик как классифицирующий параметр

Итак, настало время подвести итог и посмотреть, возможна ли классификация диалектов с точки зрения цепочки местоименных клитик. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Из табл. 2 хорошо видно, что есть диалекты, где допустим лишь один порядок составляющих в цепочке местоименных

клитик, при котором косвенное дополнение предшествует прямому: лесбосский, кипрский, диалект приазовских греков и греканико — **тип 1**. Нет ни одного диалекта, в котором был бы возможен только порядок «прямое дополнение — косвенное дополнение». При этом в целом ряде диалектов возможны оба порядка составляющих. Ангелики Ралли указывает, что порядок «косвенное дополнение — прямое дополнение» является базовым, однако существует правило, согласно которому они могут меняться местами при односложных императивах (Ralli 2006: 146). Действительно, именно это можно наблюдать в стандартном новогреческом (28a) и греческом диалекте Южной Албании из Дропула (28c) — **тип 2a**.

Табл. 2. Местоименная цепочка клитик в диалектах
Table 2. Pronominal clitic clusters in the dialects

языковой вариант	порядок		
	косв. — прям.	прям. — косв.	разрыв
новогреческий	+	+	—
лесбосский	+	—	—
севернохиотский	+	+	+
цаконский	+	+	—
кипрский	+	—	—
Южной Албании	+	+	—
каппадокийский	+	+	—
приазовских греков	+	—	—
понтийский	?	—	—
греканико	+	—	—

Однако ни в севернохиотском (24h, j), ни в цаконском (28b), ни в каппадокийском (28d) изменение порядка составляющих цепочки местоименных клитик никак не связано с императивом. Уместно предположить, что порядок «прямое дополнение — косвенное дополнение», не связанный с императивом, появляется в тех диалектах, где нет формального противопоставления прямого и косвенного дополнений — в цаконском и каппадокийском. В этих диалектах, поскольку дополнения различаются лишь на семантическом уровне, они оказываются одного уровня и могут ставиться, как угодно — **тип 2b**.

Принципиально иная ситуация в севернохиотском, где прямое и косвенное местоименные дополнения легко различимы формально, однако отсутствие каких-либо ограничений на расстановку местоименных клитик в глагольной группе (см.

раздел 1.2;3) приводит к тому, что и в цепочке клитик нет определенного порядка расстановки составляющих и даже возможен разрыв самой цепочки — **тип 3**.

Важно отметить, что во всех обследуемых диалектах, кроме диалекта приазовских греков, цепочка местоименных клитик ставится внутри глагольной группы по тем же принципам, что и одиночная местоименная клитика (см. разделы 1.1 и 1.2). В диалекте приазовских греков, где одиночная клитика при отсутствии «возмущающих» факторов должна следовать за управляющим глаголом (см. раздел 1.1.2), цепочка клитик иногда оказывается перед глагольной формой (29).

- (29) *sas=tu=léy-u* *ruméjka*
 2PL.OBL=3SG.NF=говорить.IPFV-PRS.1SG диалект
 ‘вам это говорю на диалекте приазовских греков’
 (Kisilier 2009: 389)

Пример (29) можно считать исключением (ср. 26g), вызванным тем, что в нем присутствует устойчивое выражение *léyu ruméjka*, компоненты которого нельзя разорвать (29’a). Отделить цепочку местоименных клитик от глагола и поставить их после *ruméjka* (29’b) также не представляется возможным, потому что в таком случае местоимения, входящие в цепочку клитик, перестанут быть клитиками при глаголе.

- (29’) a. **léy-u=sas=tu* *ruméjka*
 говорить.IPFV-PRS.1SG=2PL.OBL=3SG.NF диалект
 b. **léy-u* *ruméjka=sas=tu*
 говорить.IPFV-PRS.1SG диалект=2PL.OBL=3SG.NF

В итоге, остается единственная возможная позиция для цепочки местоименных клитик — в препозиции к глаголу (29).

2. Местоименный повтор дополнения

Местоименный повтор дополнения — это явление, при котором местоименная клитика дублирует именную группу, выступающую в функции дополнения, согласуясь с ней в роде, числе и падеже (30).

- (30) стандартный новогреческий:
Τον εἶδες τον άντρα της;
ton=ið-es *ton* *ádⁿr-a=tis*
 3SG.M.ACC=видеть.PFV-PST.2SG DEF.M.ACC.SG муж-OBL.SG=POSS.3SG.F
 ‘[ты] увидел ее мужа?’ (Arkhangelskiy, Kisilier 2015)

Местоименный повтор дополнения характерен для значительного числа языков и диалектов Балканского языкового союза,²¹ а также за пределами Балкан (Arkadiev 2010), в частности, для романских языков (31).

- (31) риоплатский испанский:
lo=vi-mos *a* **Juan**
 3SG.M.OBL=видеть.IPFV.PST-1PL в **Хуан**
 ‘[мы] видели Хуана’ (Jaeggli 1986: 32)

Обычно балканизмы принято рассматривать в перспективе языковых контактов (ср. Miseška Tomić 2008),²² и местоименный повтор дополнения в целом демонстрирует определенные контактно-обусловленные черты, в том числе и в новогреческом (см., напр., Friedman 2008: 41–51).²³ Это, впрочем, не значит, что само явление было заимствовано в новогреческий из других балканских языков: примеры дублирования местоименного дополнения обнаруживаются еще у Гомера (32).

- (32) ...ἵνα μιν παύσειε πόνοιο
ἴνα **Ἀχιλλῆα**...
ḥina=ḥin *paús-eie* *pón-oio*
 чтобы=3SG.NN.ACC прекращать-AOR-OPT.3SG страдание-GEN.SG
dī-on **Ak^hillē:-a**
 божественный-М.ACC.SG **Ахиллес-ACC**
 ‘...чтобы обуздать горе божественного Ахиллеса’ (Hom. II. XXI. 249–250)²⁴

²¹ Одним из первых это продемонстрировал еще Ю. А. Лопашов (Lopashov 1978). Согласно данным «Атласа балканского языкового ареала» (Adamou et al. 2023), из 59 учтенных в нем языковых вариантов явление характерно для 39 — это языковые варианты албанского, новогреческого и романских языков, включая арумунский и корфиотский итальянский, а также большинство славянских диалектов.

²² Напротив, особенности балканских языков, не обусловленные языковыми контактами, можно назвать «антибалканизмами» (ср. Sobolev 2011).

²³ Интересно отметить, что Кристиан Зандфельд не относит местоименный повтор дополнения к балканизмам (Sandfeld 1930: 191).

²⁴ Цит. по (Janse 2008: 185). Подробнее о редупликации дополнения местоимением в древнегреческом, помимо данной работы, см. также (de Boel 2008).

В разных балканских языках местоименный повтор дополнения обладает различной степенью обязательности²⁵ и демонстрирует свои семантические особенности (ср. Kallulli, Tasmowski 2008: 10–20).

2.1. Наличие местоименного повтора дополнения в новогреческих диалектах

На первый взгляд ответ на вопрос о существовании местоименного повтора дополнения в том или ином диалекте относительно прост: надо найти соответствующие примеры, и тогда можно однозначно постулировать наличие рассматриваемого явления. Немного сложнее выглядит ситуация, если примеры не обнаруживаются. Это может свидетельствовать как об отсутствии местоименного повтора, так и о невезении/некомпетенции собирателя, не сумевшего найти в речи информантов искомую конструкцию. Забегая вперед, можно отметить, что в том или ином виде дополнение дублируется местоимением во всех рассматриваемых в статье диалектах (см. многочисленные примеры ниже) и тема для обсуждения кажется исчерпанной. Тем не менее, во многих языках, где нет местоименного повтора как синтаксического явления, возможно дублирование дополнения местоимением под влиянием разных коммуникативных факторов (33).

- (33) а. русский:
*я вижу его... **Ивана***
- б. английский:
*I saw **him**... **this man***
 ‘[я] видел его... этого человека’

Возникает вопрос: как отличить примеры дублирования типа (6) от местоименного повтора дополнения? В языках типа русского или английского нет противопоставления слабых и сильных местоименных форм на морфологическом уровне. В связи с этим можно предложить следующий формальный критерий: если в языке *x* возможен местоименный повтор дополнения, в нем обязательно есть примеры, когда сильная форма местоимения дублируется слабой (34).

²⁵ Например, в албанском он обязателен при дополнении в косвенном падеже, а в новогреческом — всегда факультативен.

- (34) стандартный новогреческий:
εσένα σε βολεύει;
eséna se=volév-i
 2SG.OBL 2SG.ACC=годиться.IPFV-PRS.3SG
 ‘тебе подходит?’ (Pavlidou 2011)

2.1.1. Стандартные случаи

Примеры типа (34) с разной частотностью фиксируются и в обследуемых в этой статье диалектах (35).

- (35) a. северохиотский:
mú=p-es **eména**
 1SG.GEN=говорить.PFV-PST.2SG 1SG.OBL
 ‘[ты] мне сказал’
- b. цаконский:
o=ni=m=eđúts-ere *s=eniu*
 NEG=3SG.OBL=1SG.OBL=PST-давать.PFV.2/3SG-2SG v=1SG.OBL
 ‘[ты] мне этого не дал’ (Kisilier 2021: 241)
- c. кипрский:
eséna *θor-ó=se*
 2SG.OBL видеть.IPFV-PRS.1SG=2SG.ACC
 ‘тебя вижу’
- d. греческий диалект Южной Албании:
tus=γλέp-o **aft-unús**
 3PL.M.ACC=видеть.IPFV-PRS.1SG 3-PL.M.ACC
 ‘их вижу’
- e. диалект приазовских греков:
at-ós **ména** *tfi=ksér^j=mi*
 3-SG.M.NOM 1SG.OBL NEG=знать-PRS.3SG=1SG.OBL
 ‘он меня не знает’ (Borisova 2009: 398)
- f. понтийский:
esén *elép-o=sen*
 2SG.OBL видеть.IPFV-PRS.1SG=2SG.ACC
 ‘тебя-то вижу’

2.1.2. Особые случаи

Особые случаи, когда дублирующая и дублируемая формы выражены клитиками, встречаются в диалекте приазовских греков и цаконском (36).

- (36) a. диалект приазовских греков:
sís **mas=meýáln-it=mas**
 2PL.NOM 1PL.OBL=растить.IPFV-PST.2PL=1PL.OBL
 ‘вы нас вырастили’ (Borisova 2009: 401)

в. цаконский:

n=e-pé-k-a=ni

nítu

3SG.OBL=PST-говорить.PFV-AOR.N2/3SG-AOR.1SG=3SG.OBL 2PL.OBL
 ‘сколько раз надо вам говорить’ (букв. ‘это [я] вам
 сказал’ Kisilier 2021: 242)

Можно предположить, что в диалекте приазовских греков (36а) проявляется архаическая особенность, восходящая к ионийско-аттическому диалекту древнегреческого языка, где у местоимений 1 и 2 л. мн. ч. не было слабых форм, Клитические формы местоимений 1 и 2 л. мн. ч. стали развиваться лишь в эпоху койне (ср. Kisilier 2011: 163–178) и фиксируются не ранее X в. (Holton et al. 2019: 884 f). Вполне вероятно, что это развитие шло неодинаково в разных частях грекоязычного мира, и в некоторых диалектах, в частности, в диалекте приазовских греков, оппозиция между сильными и слабыми формами местоимений множественного числа не развилась в полной мере на морфологическом уровне.

В цаконском диалекте (36b) наблюдается отчасти противоположная ситуация. В древнегреческом дорийском диалекте (и соответственно в его лаконском варианте) не существовали неклитические формы для местоимения 3 л. ед. ч. (Striano Corrochano 1989: 217), а была лишь клитика *viv* /*nin*/, сохранившаяся и в цаконском. Хотя в современном цаконском уже есть ударные местоимения 3 л. ед. ч., употребляются они значительно реже, чем соответствующие клитики, и, как видно из (36b), даже при местоименном повторе дополнения могут быть заменены более привычной клитикой. Впрочем, определить, насколько неслучайны подобные примеры, крайне затруднительно, поскольку (36b) единственный цаконский пример, полученный из спонтанной речи, где дублируемым дополнением оказывается местоимения 3 л.

При местоименном повторе дополнения цаконский диалект демонстрирует еще одну более яркую особенность: дополнения, выраженные местоимениями 1 и 2 л. мн. ч., дублируются местоименными клитиками 1 и 2 л. ед. ч (37).

(37) а. *m=or-ák-ate*

námu

1SG.OBL=видеть=AOR.N2/3SG-AOR.2PL 1PL.OBL

‘[вы] увидели нас’

- b. $\acute{e}t^h e$ $\theta\acute{e}-d^m e$
 быть.PRS.2PL хотеть-PTCP.NN.PL
 $na=d^m i=\delta-u$ *námu*
 SBJV=2SG.OBL=давать.PFV-SBJV.1SG 2PL.OBL
 ‘хотите, чтобы [я] вам [это] дал?’ (Kisilier 2021: 241)

На эту особенность цаконского диалекта исследователи уже относительно давно обратили внимание (ср., напр., Joseph 1990: 177), однако первую более или менее последовательную интерпретацию предложил Никос Лиосис (Liosis 2017: 63 f). По его мнению, такие случаи, как (37) демонстрируют т. н. **третий этап образования** местоименных клитик 1 и 2 л. мн. ч., поскольку есть примеры, иллюстрирующие предыдущие этапы данного процесса. В (38), где и дублирующее, и дублируемое местоимения — 1 л. мн. ч., Лиосис предлагает рассматривать форму *nam* в качестве **первого этапа** превращения местоимения в клитику.

- (38) $\acute{e}\gamma\kappa\epsilon\iota'$ $\tau\omicron'$ $\acute{e}\gamma\kappa\epsilon\iota'$ **váμ'** $\epsilon\mu\lambda\omicron\iota\kappa\alpha\acute{\iota}$ **váμ\omicron\upsilon**
 $\acute{e}\eta\iota$ $ts=\acute{e}\eta\iota$ *nam=e-b^m i-k-ai* *námu*
 это и=это 1PL.OBL=PST-делать.PFV-AOR.N2/3SG-AOR.3PL 1PL.OBL
 ‘[и] то, и то [они] нам сделали’ (Costakis 1987: 394)

На это, в частности, по мнению Лиосиса, указывают апокопа /-u/ (*námu* > *nam*) и крайняя редкость подобных примеров.

На **втором этапе**, как считает Лиосис, форма *námu* превращается в *tu* и в большей степени начинает походить на местоименную клитику (39).

- (39) $\theta a=m\acute{o}l-oi$ $na=mu=f\acute{a}-ne$
 FUT=приходить.SBJV.PFV-SBJV.3PL SBJV=1PL.OBL=есть.PFV-SBJV.3PL
námu
 1PL.OBL
 ‘[они] придут, чтобы нас съесть’ (Liosis 2017: 64)

В (39) клитика *tu* еще является показателем множественного числа: слабое местоимение 1 л. ед. ч. — *mi* (ср. 7б, 22а, 23, 26с.)

И, наконец, на **третьем этапе**, согласно предположению Лиосиса, у клитики *tu* отпадает /-u/, и носители цаконского диалекта ассоциируют форму *t* с *mi* (ср. 37а). Очевидно, с точки зрения Лиосиса, в случаях с 2 л. мн. ч. (37б) сработала аналогия с 1 л.

Для обсуждаемой особенности можно предложить и другое объяснение. В современном цаконском различие между сильными и слабыми формами местоимений 1 и 2 л. мн. ч. вполне очевидно (см. табл. 3).

Табл. 3. Цаконские местоимения 1 и 2 л. мн. ч. в косвенных падежах (Kisilier 2023: 351)

Table 3. Tsakonian pronouns 1 and 2 plural in oblique (Kisilier 2023: 351)

	сильные	слабые
1 мн. ч.	<i>náti</i>	<i>nat</i>
2 мн. ч.	<i>níti</i>	<i>nit</i>

Однако пример (40) демонстрирует, как это выглядит в «живой» речи носителей диалекта.

- (40) a. *nit*=*or-ák-ame*
2PL.OBL=видеть-AOR.N2/3SG-AOR.1PL
- b. *or-ák-ame* *níti*
видеть-AOR.N2/3SG-AOR.1PL 2PL.OBL
‘[мы] вас увидели’ (Kisilier 2021: 242–243)

Видно, что отпадение конечного /-u/ вызвано, прежде всего, позицией перед глаголом: в аористе глагол всегда начинается с гласного;²⁶ в презенсе, имперфекте и перфекте местоименное дополнение окажется перед вспомогательными глаголами,²⁷ которые тоже всегда начинаются с гласного (ср. 8, 21a).

Показательно, что в тех случаях, когда местоимение оказывается перед глагольной формой, начинающейся с согласного, конечный /-u/ не пропадает. Именно так происходит в (39), который можно интерпретировать не так, как это делает Лиосис, а предположить, что информант просто «проглотил» показатель сослагательного наклонения *na* перед местоимением, которое также начинается со слога *na-* (см. 39’).

- (39’) *θa=tól-oi* *[na=]namu=fá-ne*
FUT=приходить.SBJV.PFV-SBJV.3PL [SBJV=]1PL.OBL=есть.PFV.SBJV.3PL
náti
1PL.OBL
‘[они] придут, чтобы нас съесть’

²⁶ Это либо гласный основы, как в (37a, 40a), либо аугмент (ср. 7, 21b, 23, 28b, 35b, 36b, 38).

²⁷ В цаконском все указанные времена образуются только аналитически (см. также раздел. 1.1.1).

Иными словами, сделать вывод о том, что в (40а) *jut* — это слабая форма позволяет исключительно ее позиция перед личной формой глагола, в целом свойственная для цаконских местоименных клитик (см. раздел 1.1.1), хотя есть и свои исключения (см. раздел 1.2.2).

Таким образом, в цаконском диалекте в строгом понимании сильные и слабые местоимения 1 и 2 л. мн. ч. морфологически не противопоставляются. Показательно, что примеры типа (37) фиксируются еще в конце XIX в. (см. Nicholas 2022: 99), то есть раньше, чем примеры вроде (38). Этот факт позволяет в противовес мнению Лиосиса утверждать, что модель местоименного повтора *pat ... páti* или *jut ... júti* является инновацией, уподобляющей цаконский новогреческому, тогда как изначально использовалась другая модель, при которой местоимение 1, 2 л. мн. ч. дублировалось соответствующей клитикой в единственном числе. Возникла такая модель, скорее всего, исключительно из-за «дефицита инвентаря», то есть отсутствия клитики в нужном (множественном) числе.

2.1.3. Местоименный повтор дополнения и неопределенный артикль

Подводя предварительный итог стоит отметить, что местоименный повтор дополнения, правда, со своими особенностями существует во всех рассмотренных диалектах. Нельзя исключать, что на развитие данного явления могли повлиять контакты со стандартным новогреческим, а также с другими балканскими языками, в первую очередь — албанским и славянскими.

Открытым, правда, остается вопрос о функции местоименного повтора дополнения в новогреческих диалектах. Принято считать, что в стандартном новогреческом языке местоименный повтор дополнения связан с топикализацией объекта (ср. Kallulli 1999). Тем не менее, в нем возможны примеры, когда перед дублируемым дополнением вроде бы стоит неопределенный артикль (41; см. также Androutakis 2001: 89–90).

- (41) σου το πλέκω **éna** πουλόβερ
su=to=plék-o *éna* *pulóver*
 2SG.GEN=3SG.N.NGEN=вязать.IPFV-PRS.1SG INDF.N.NGEN пуловер
 ‘вязу пуловер’ (Kazazis, Pentheroudakis 1976: 400)

При проведении настоящего исследования было принято решение проверить возможность употребления неопределенного артикля при дублируемом дополнении у носителей шести диалектов новогреческого языка (см. раздел 0.2) и информантов из Салоник, говорящих на стандартном новогреческом. Поскольку получить необходимые фразы в ходе спонтанных диалогов не удалось, информантам было предложено перевести на родной диалект/язык соответствующее предложение с новогреческого. Это позволило получить необходимые примеры на кипрском (42a) и на греческом диалекте Южной Албании из Дропула (42b).

(42) а. кипрский:

én-a pulóver plék-o=to
 INDF.NF-NGEN пуловер вязать.IPFV-PRS.1SG=3SG.N.NGEN
 ‘вяжу пуловер’

б. греческий диалект Южной Албании (Дропул):

su=to=ftán-o én-a spít-i
 2SG.GEN=3SG.N.NGEN=строить.IPFV-PRS.1SG INDF.NF-N.NGEN.SG дом-NGEN.SG
 ‘тебе строю дом’

Значение неопределенного артикля *éna* в (42) непонятно, и нельзя исключать того, что информанты просто перевели предложенные стимулы.

Носители цаконского и понтийского отказались переводить стимулы, утверждая, что подобное употребление неопределенного артикля на их диалектах невозможно. Информанты из Салоник и из Северного Хиоса также заявили о недопустимости такого рода предложений, однако предложили свои примеры, в которых *éna(n)* был не артиклем, а числительным (43).

(43) а. стандартный новогреческий (Салоники):

énan aðerfó ton éxw
én-an aðerf-ó ton=éx-o
 один.NF-M.ACC.SG брат-ACC.SG 3SG.M.ACC=иметь.PRS-PRS.1SG
 ‘[у меня] есть [только] один брат’

б. северохиотский:

én-an aðerf-ó ton=éx-o
 один.NF-M.ACC.SG брат-ACC.SG 3SG.M.ACC=иметь.PRS-PRS.1SG
 ‘[у меня] есть один брат (и я его очень люблю)’

Возможно, и в (41), (42) *éna* следует понимать именно как числительное, и тогда складывается впечатление, что, действительно, в новогреческом языке и его диалектах местоименный повтор дополнения связан с топиком.

2.2. Порядок составляющих при местоименном повторе дополнения

Из многочисленных примеров, приведенных выше в этой статье, хорошо видно, что при местоименном повторе дополнения возможны разные порядки его составляющих. Традиционно принято выделять два варианта (ср. Borisova 2005: 6):

1. **реприза** (44a), при которой дополнение стоит перед управляющим глаголом и отделяется от него дублирующей местоименной клитикой;
2. **антиципация** (44b), когда местоименная клитика оказывается в препозиции к глаголу, а дополнение располагается после глагола.

С императивными формами (44c), правда, всегда наблюдается иной порядок (чаще всего: глагол — местоименная клитика — дополнение), но его исследователи обычно не рассматривают.

(44) стандартный новогреческий:

- a. **το βιβλίο το έχω**
to vivlí-o to=éx-o
 DEF.M.NGEN.SG книга-NGEN.SG 3SG.N.NGEN=иметь.PRS-PRS.1SG

- b. **το έχω το βιβλίο**
to=éx-o to vivlí-o
 3SG.N.NGEN=иметь.PRS-PRS.1SG DEF.M.NGEN.SG книга-NGEN.SG
 ‘[у меня] есть книга’

- c. **δός μου το βιβλίο σ’εμένα**
ðós-ø=mu to vivlí-o s=eména
 давать.PFV-IMP.2SG=1SG.GEN DEF.N.NGEN.SG книга-NGEN.SG v=1SG.OBL
 ‘дай [же] мне книгу’

Впрочем, даже из немногочисленных диалектных примеров, приведенных выше (ср., напр., 35с, е, f, 42a)²⁸, видно, что есть случаи, не укладывающиеся в привычную новогреческую схему. Генеративная лингвистика предлагает другой подход к данному вопросу, предлагая различать по крайней мере три

²⁸ Здесь даже не принимаются во внимание т. н. «особые» случаи, обсуждаемые в разделе 2.1.2.

явления: **местоименный повтор дополнения**, левую дислокацию (Clitic Left Dislocation) и **правую дислокацию** (Clitic Right Dislocation). Обсуждению различий между этими явлениями посвящена обширная научная литература (см., напр., Philippaki-Warburton et al. 2002: 58–59; Tsakali, Anagnostopoulou 2008: 323–328; Gregoromichelaki 2013; Anagnostopoulou 2017: 4–11), в целом показывающая, что для адекватного разграничения необходимо представлять себе интонационную структуру каждого из трех явлений на конкретном материале.²⁹ Однако часто при работе с «живым», не очень хорошо описанным диалектным материалом сделать это оказывается практически невозможно, поскольку в распоряжении исследователя просто нет всего спектра данных, необходимых для проведения такого рода анализа.

По этой причине было принято решение подойти к изучению порядка составляющих при дублировании дополнения с более формальных позиций и понимать местоименный повтор дополнения максимально широко, включая сюда все случаи дублирования дополнения местоименной клитикой, если она согласуется с дополнением в роде, числе и падеже настолько, насколько это допускают морфологические особенности конкретного диалекта. Таким образом, здесь ставится задача определить, какие варианты порядка составляющих в принципе возможны в обследуемых диалектах новогреческого языка.

2.2.1. Дополнение — клитика — глагол

В цаконском (45a) и греческом диалекте Южной Албании в Дропуле (45b) примеры с порядком **дополнение — клитика — глагол** аналогичны тем, что встречаются в стандартном новогреческом (44a).

(45) а. цаконский:

<i>ton</i>	<i>ajθ-e=mi</i>	<i>ɲ=éni</i>	<i>or-ú-ø</i>
DEF.M.ACC.SG	брат-SG=POSS.1SG	3SG.OBL=BE.PRS.1SG	видеть-PTCP-M.SG
	‘брата вижу’		

²⁹ В частности, важным дифференциальным признаком служит тип/длина паузы, отделяющей дублируемое дополнение от остальной глагольной группы. Стоит отметить, что отдельные исследователи (напр., Vorisova 2005: 15–16) — и, возможно, небезосновательно — считают, что к греческой ситуации представления о левой/правой дислокации (Clitic Left/Right Dislocation) вообще плохо применимы.

b. греческий диалект Южной Албании (Дропул):

to   *xoráf-i*   *to=pótis-a*
 DEF.N.NGEN.SG   огород-NGEN.SG   3SG.N.NGEN=поливать.PFV-PST.1SG
 ‘огород [я] полил’

Нельзя исключать, что данный порядок в цаконском и греческом диалекте Южной Албании из Дропула появился под влиянием стандартного новогреческого, и в этих диалектах также можно говорить о репризе местоименного дополнения.

В кипрском ситуация принципиально иная: порядок **дополнение — клитика — глагол** вызван появлением модальной частицы *na* (46, см. также раздел 1.1.2).

(46) *to*   *vivlí-o*   *na=mu=to=ðók-is*
 DEF.N.NGEN.SG   книга-NGEN.SG   SBIV=1SG.GEN=3SG.N.NGEN=давать.PFV-PRS.2SG
 ‘дай мне книгу’

2.2.2. Клитика — глагол — дополнение

Порядок **клитика — глагол — дополнение**, соответствующий антиципации в стандартном новогреческом (44b), обнаруживается и по диалектам. В ряде случаев, например, в северохиотском (47a, ср. 35a), греческом диалекте Южной Албании в Дропуле (47b) и даже в греканико (47c) его можно в след за стандартным новогреческим трактовать как антиципацию.

(47) a. северохиотский:

ton=i-vlep-a   *ton*   *aðerf-ó=tu*
 3sg.M.ACC=PST-видеть.IPFV-PST.1SG   DEF.M.ACC.SG   брат-ACC.SG=POSS.3SG.NF
 ‘[я] видел его брата’

b. греческий диалект Южной Албании (Дропул):

to=pótis-a   *to*   *xoráf-i*
 3SG.N.NGEN=поливать.PFV-PST.1SG   DEF.N.NGEN.SG   огород-NGEN.SG
 ‘[я] полил огород’

c. греканико:

tín=e-púli-a   *tin*   *ég-a*
 3SG.F.ACC=PST-покупать.PFV-PST.1SG   DEF.F.ACC.SG   коза-ACC.SG
 ‘[я] купил козу’ (Rohlf's 1977: 189)

Вероятно, также следует понимать и цаконский пример (35b), где, несмотря на отрицание *o*, местоименная клитика оказывается в препозиции к глагольной форме (ср. раздел 1.2.2).

Совсем по-другому объясняется порядок **клитика — глагол — дополнение** в кипрском (48a) и в диалекте приазов-

ских греков (48b), где он «спровоцирован» частицей *na* (см. также раздел 1.1.2).

(48) а. кипрский:

na=mu=to=ðók-is *to* *vivlí-o*
 SBJV=1SG.GEN=3SG.N.NGEN=давать.PFV-PRS.2SG DEF.N.NGEN.SG книга-NGEN.SG
 ‘дай мне книгу’

б. диалект приазовских греков:

pót na=si=dran-ú *séna*
 когда SBJV=2SG.OBL=видеть.IPFV-PRS.1SG 2SG.OBL
 ‘когда тебя увижу?’ (Borisova 2009: 400)

2.2.3. Глагол — клитика — дополнение

Порядок **глагол — клитика — дополнение** обнаруживается в стандартном новогреческом только с императивами (44). В некоторых диалектах, где встречаются примеры с таким порядком, глагол тоже всегда стоит в императиве (49).

(49) а. цакопский:

ði-ø=mi=ni *s=enú*
 давать.SBJV.PFV-2SG=1SG.OBL=3SG.OBL в=1SG.OBL
 ‘дай [же] мне это’

б. греческий диалект Южной Албании (Дропул):

nó=mu=to *to* *vivlío*
 давать.IMP.2SG=1SG.GEN=3SG.N.NGEN DEF.N.NGEN.SG книга-NGEN.SG
 ‘дай мне книгу’

Уместно предположить, что и во всех остальных диалектах с императивными формами возможен такой порядок. Однако в северохиотском (50a), кипрском (50b) и диалекте приазовских греков (50c) порядок **глагол — клитика — дополнение** зафиксирован и с личными формами глагола.

(50) а. северохиотский:

i-vlep-a=tone *ton* *aðerf-ó=tu*
 PST-видеть.IPFV-PST.1SG=3SG.M.ACC DEF.ACC.SG брат-ACC.SG=POSS.3SG.NF
 ‘[я] видел его брата’

б. кипрский:

θor-ó=ton *ton* *Jórk-o*
 видеть.IPFV-PRS.1SG=3SG.M.ACC DEF.M.ACC.SG Йоргос-ACC
 ‘[я] вижу Йоргоса’

с. диалект приазовских греков:

sís   *meyáln-it=tun*   *atóna*
 2PL.NOM   растить.IPFV-PST.2PL=3SG.M.OBL   3SG.M.OBL
 ‘вы его вырастили’ (Borisova 2009: 400)

Вероятно, к порядку **глагол — клитика — дополнение** надо относиться как к правой дислокации (Right Dislocation), однако пока имеющиеся данные не позволяют настаивать на таком определении.

2.2.4. Дополнение — глагол — клитика

В стандартном новогреческом порядок **дополнение — глагол — клитика** допустим лишь при императиве (51), и, как кажется, крайне редок.

(51) **το βιβλίο** δώστε μου **το**
to   *vivlí-o*   *ðós-te=mu=to*
 DEF.N.NGEN.SG   книга-NGEN.SG   давать.PFV-IMP.2PL=1SG.GEN=3SG.N.NGEN
 ‘книгу дайте мне’

По-видимому, в подобных примерах между дополнением и глаголом возникает интонационная пауза, что позволяет трактовать случаи типа (51) не как местоименный повтор дополнения в узком смысле этого термина, а как левую дислокацию (Left Dislocation; ср., напр., Westbury 2016). Хотя, помимо стандартного новогреческого, пример с порядком **дополнение — глагол — клитика** при императиве удалось обнаружить только в цаконском (52), скорее всего, подобные примеры возможны во всех диалектах.

(52) **to**   *xark-í*   *ði-ø=mi=ni*
 DEF.N.NGEN.SG   книга-NGEN.SG   давать.SBJV.PFV-2SG=1SG.OBL=3SG.OBL
 ‘книгу дай мне’

В северохиотском (53a), кипрском (53b, ср. 35с, 42a), диалекте приазовских греков (53с, ср. 35e) и понтийском (53d, ср. 35f) порядок **дополнение — глагол — клитика** допустим с личными формами глагола.

(53) а. северохиотский:
ton   *aðerf-ó=tu*   *i-vlep-a=tone*
 DEF.M.ACC.ACC   брат-ACC.SG=POSS.3SG.NF   PST-видеть.IPFV-PST.1SG=3SG.M.ACC
 ‘его брата [я] вижу’

b. кипрский:

to   *Jórk-o*   *θor-ó=ton*
 DEF.M.ACC.SG   Йоргос-ACC   видеть.IPFV-PRS.1SG=3SG.M.ACC
 ‘Йоргоса [я] вижу’

c. диалект приазовских греков:

sí   *ména*   *tj^f=aγap-ás=mi*
 2SG.NOM   1SG.OBL   NEG=любить-PRS.2SG=1SG.OBL
 ‘ты меня не любишь’ (Borisova 2009: 398)

d. понтийский:

at-ín   *tín*   *γar-ín*   *elép-o=ten*
 3-SG.F.ACC   DEF.F.ACC.SG   женщина-ACC.SG   видеть.IPFV-PRS.1SG=3SG.F.ACC
 ‘эту женщину [я] вижу’

Пока неясно, следует ли такие случаи, как (53), считать не местоименным повтором дополнения, а левой дислокацией (Left Dislocation).

2.3. Местоименный повтор дополнения: подведение итогов

Анализ собранного диалектного материала позволяет сделать вывод о том, что в северохиотском, цаконском, кипрском, греческих диалектах Южной Албании (Дропул) и приазовских греков, а также в понтийском с юга России случаи дублирования местоименной клитикой дополнения следует считать синтаксическим явлением, связанным с выделением топики. Трудно однозначно решить, можно ли все такие примеры считать местоименным повтором дополнения или некоторые из них следует трактовать как левую или правую дислокацию (Clitic Left/Right Dislocation; см. разделы 2.2.3 и 2.2.4). Этот вопрос пока останется открытым, а до его окончательного решения термин ‘местоименный повтор дополнения’ может использоваться в широком смысле для всех случаев дублирования дополнения согласующейся с ним местоименной клитикой.

Как показало проведенное исследование, выделяется несколько типов местоименного повтора:

- тип А:** порядок **дополнение — клитика — глагол** возможен без «возмущающих» факторов вроде наличия модальной частицы (см. раздел 2.2.1);
- тип А₁:** порядок **дополнение — клитика — глагол** возможен исключительно при «возмущающих» факторах вроде наличия модальной частицы (см. раздел 2.2.1);
- тип Б:** порядок **клитика — глагол — дополнение** возможен без «возмущающих» факторов вроде наличия модальной частицы (см. раздел 2.2.2);
- тип Б₁:** порядок **клитика — глагол — дополнение** возможен исключительно при «возмущающих» факторах вроде наличия модальной частицы (см. раздел 2.2.2);
- тип В:** порядок **глагол — клитика — дополнение** возможен с личными формами глагола (см. раздел 2.2.3);
- тип В₁:** порядок **глагол — клитика — дополнение** возможен исключительно с глаголом в повелительном наклонении (см. раздел 2.2.3);
- тип Г:** порядок **дополнение — глагол — клитика** возможен с личными формами глагола (см. раздел 2.2.4);
- тип Г₁:** порядок **дополнение — глагол — клитика** возможен исключительно с глаголом в повелительном наклонении (см. раздел 2.2.4);
- тип Д:** порядок **клитика — глагол — клитика** (см. раздел 2.1.2).

Дистрибуция указанных типов по диалектам представлена в табл. 4.

Табл. 4. Местоименная повтор дополнения в диалектах
Table 4. Clitic Doubling in the dialects

языковой вариант	тип								
	А	А ₁	Б	Б ₁	В	В ₁	Г	Г ₁	Д
новогреческий	+	-	+	-	-	+	-	+	-
севернохиотский	-	-	+	-	+	-	+	-	-
цаконский	+	-	+	-	-	+	-	+	+
кипрский	-	+	-	+	+	-	+	-	-
Южной Албании	+	-	+	-	-	+	-	+	-
приазовских греков	-	-	-	+	+	-	+	-	+
понтийский	-	-	-	-	-	+	+	-	-

Можно предположить, что **типы А и Б** развились в диалектах под влиянием стандартного новогреческого.

3. Заключение

В рамках настоящей статьи была предпринята попытка рассмотреть две важнейшие характеристики местоименного синтаксиса: принципы, определяющие позицию местоименных клитик, и местоименный повтор дополнения. Обе они, как можно убедиться из табл. 5, тесно связаны между собой.

Во всех рассмотренных диалектах при местоименном повторе дополнения местоименная клитика ставится по тем же принципам, что и при одиночном употреблении. Единственное исключение наблюдается в цаконском: в нем отрицание *o* приводит к постпозиции местоименной клитики вне местоименного повтора дополнения (22), однако в рамках местоименного повтора дополнения местоименная клитика ставится в препозиции к управляющему глаголу, несмотря на присутствие того же отрицания (35b). Уместно предположить, что при местоименном повторе в цаконском наблюдается влияние стандартной новогреческой модели (антиципации; см. раздел 2.2.2).

Табл. 5. Позиция местоименной клитики и местоименный повтор³⁰

Table 5. Clitic position and Clitic Doubling

языковой вариант	позиция клитики	местоименный повтор
новогреческий	Cl-V	O-Cl-V, Cl-V-O
севернохиотский	любая	Cl-V-O V-Cl-O O-V-Cl
цаконский	Cl-V NEG-V-Cl	O-Cl-V NEG-Cl-V-O
кипрский	V-Cl Prt-Cl-V	V-Cl-O, O-V-Cl Prt-O-Cl-V, Prt-Cl-V-O
Южной Албании	Cl-V	O-Cl-V, Cl-V-O
приазовских греков	V-Cl Prt-Cl-V	V-Cl-O Prt-Cl-V-O
понтийский	V-Cl	O-V-Cl

Несомненно, даже отдельные аспекты местоименного синтаксиса, такие, как позиция местоименной клитики (см. раздел 1.3), порядок компонентов в цепочке клитик (см. раздел 1.4.4) и местоименный повтор дополнения (см. раздел 2.3) могут быть

³⁰ В табл. 5 не включены случаи, когда местоименная клитика зависит от императива, поскольку во всех диалектах местоименная клитика будет всегда следовать за глаголом в повелительном наклонении (см. разделы 2.2.3 и 2.2.4).

использованы для диалектной классификации. Однако более перспективным представляется сопоставление местоименного синтаксиса в разных диалектах в его совокупности с учетом всех описанных в данной статье особенностей. Наиболее удобным методом для подобного сопоставления оказывается подсчет расстояния Хэмминга между рассматриваемыми языковыми вариантами (подробнее об использовании данного метода в новогреческой диалектологии см. Kisilier, Sollicc 2023: 555–558). Расстояние Хэмминга позволяет представить степень близости языковых вариантов в области местоименного синтаксиса в виде дендрограммы (см. рис. 2).³¹

Рис. 2 демонстрирует, что в области местоименного синтаксиса ближе всего к стандартному новогреческому оказываются северохиотский и греческий диалект Южной Албании из Дропула. К этой же группе примыкает и цаконский. Другую группу диалектов составляют диалект приазовских греков и понтийский, а также примыкающий к ним кипрский.

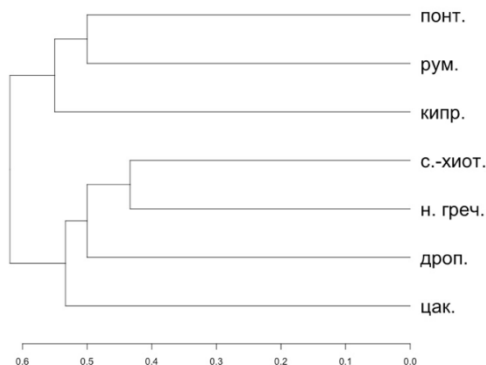

Рис. 2. Местоименный синтаксис новогреческих диалектов
Fig. 2. Pronominal syntax of Modern Greek dialects

В целом, эта схема соответствует общим представлениям и подтверждает, что «особость» цаконского изрядно преувеличена и, по крайней мере сегодня, проявляется далеко не на всех языковых уровнях. Вместе с тем получившаяся дендрограмма вызывает два существенных вопроса:

³¹ Автор благодарит Танги Соллиека за помощь в проведении подсчетов и построении дендрограммы.

1. Почему севернохиотский оказывается ближе к новогреческому, чем греческий диалект Южной Албании из Дропулла?
2. Почему диалект приазовских греков ближе к понтийскому, а не к кипрскому?

Пока эти вопросы останутся без ответов, но ответы на них помогут лучше понять устройство новогреческих диалектов и уточнить принципы диалектометрических подсчетов в будущем.

Сокращения и условные обозначения

= — показатель клитики; 1 — 1 л. у глаголов и местоимений; 2 — 2 л. у глаголов и местоимений; 3 — 1 л. у глаголов и местоимений; грек. — греканико (греческий диалект в Калабрии, Южная Италия); др.-греч. — древнегреческий язык; друп. — греческий диалект Южной Албании (Дропул); капп. — каппадокийский диалект; кипр. — кипрский диалект; лесб. — лесбосский диалект; н.-греч. — стандартный новогреческий язык; понт. — понтийский диалект; рум. — диалект приазовских греков (румейский язык); с.-хиот. — севернохиотский диалект; цак. — цаконский диалект; эрат. — северногреческий субдиалект Эратире; ACC — винительный падеж; AOR — аорист; CI — местоименная клитика; CVB — конверб (деепричастие); DAT — дательный падеж; DEF — показатель определенности (определенный артикль); GEN — родительный падеж; F — женский род; FUT — будущее время; Hom. II. — «Илиада» Гомера; IMP — повелительное наклонение; INDF — показатель неопределенности (неопределенный артикль); INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; M — мужской род; N — средний род; N2/3 — не 2 и не 3 л. у глаголов; NEG — отрицание; NF — неженский род; NGEN — неродительный падеж; NN — несредний род; NOM — именительный падеж; O — дополнение; OBL — косвенный падеж; OPT — оптатив; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — показатель possessивности (притяжательное местоимение); PRF — перфект; PRS — настоящее время; Prt — модальная частица; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; S — подлежащее; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число; V — глагол.

Литература

- Adamou, E., Sobolev, A. N., Morozova, M. S., Rusakov, A. Y., Kisi-lier, M. L., Kozak, V. V., Ivanova, D. D., Gadjeva, S., Jovanovic, Z., Ivanova, E. Y., Sollic, T., Vardakis, G., Kharlamova, A. V., Mücke, J. 2023: *Atlas of the Balkan linguistic area online (ABLA)*. <<https://abla.cnrs.fr/dataset/serbian-tuchep/>>, accessed 15.03.2024.
- Alexander, R. 1994: The balkanization of Wackernagel's Law. *Indiana Slavic Studies* 7, 1–8.

- Anagnostopoulou, E. 2017: Clitic doubling. In: Everaert, M., van Riemsdijk, H. (eds.). *The Wiley Blackwell companion to syntax*. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 1–56.
- Androulakis, A. 2001: Clitics and doubling in Greek. *Reading Working Papers in Linguistics* 5, 85–111.
- Arkadiev, P. 2010: *Clitic doubling: towards a typology*. Paper presented at the workshop «Clitics and Syntactic Typology», Russian State University for the Humanities, 7.06.2010.
- Arkhangelskiy, T., Kisilier, M. 2015: *Corpus of Modern Greek*. <http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=en>, accessed 01.08.2023.
- Borisova, A. B. 2005: *Mestoimennyĭ povtor dopolneniia: sintaksicheskiĭ i pragmaticheskiĭ aspekty (na materiale novogrecheskogo iazyka) [Clitic doubling: syntax and pragmatics (based on the data from Modern Greek)]*. PhD dissertation abstract. St. Petersburg: Saint Petersburg State University. Manuscript.
- Борисова, А. Б. 2005: *Местоименный повтор дополнения: синтаксический и прагматический аспекты (на материале новогреческого языка)*. Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. СПб.: СПбГУ. На правах рукописи.
- Borisova, A. B. 2009: [Clitic doubling]. In: Kisilier, M. L. (ed.). *Linguisticheskaiia i etnokul'turnaia situatsiia v grecheskikh selakh Priazov'a. Po materialam ekspeditsii 2001–2004 godov [Language and ethno-cultural situation in Greek villages of Azov region. Field research data collected in 2001–2004]*. St. Petersburg: Aletheia, 394–402.
- Борисова, А. Б. 2009: Местоименный повтор дополнения (Гл. 13). В кн.: Кисилиер, М. Л. (ред.). *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов*. СПб.: Алетея, 394–402.
- Buchholz, O., Fiedler, W. 1987: *Albanische Grammatik*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie.
- Chambers, J. K., Trudgill, P. 1998: *Dialectology*. 2 ed. Cambridge; New York: Cambridge University Press. (Anderson, S. R., Bresnan, J., Comrie, B., Dressler, W. U., Ewen, C., Huddleston, R., Lass, R., Lightfoot, D., Lyons, J., Matthews, P. H., Posner, R., Romaine, S., Smith, N. V., Vincent, N. (eds.). Cambridge textbooks in linguistics).
- Chatzikyriakidis, S. 2010: Clitic climbing in Grecia Salentina Greek: A dynamic account. In: Janse, M., Joseph, B. D., Ralli, A., Karasimos, A. (eds.). *Proceedings of the 4th international conference of Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT4). Chios, Greece. 11–14 June 2009*. Patras: University of Patras, 270–304.
- Chatzikyriakidis, S. 2011: *Clitics in four dialects of Modern Greek*. Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the Degree of

- Doctor of Philosophy. University of London. King's College, Department of Philosophy. London.
- Comrie, B., Haspelmath, M., Bickel, B. 2015: The Leipzig glossing rules: conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses. <<http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>>, published 31.05.2015, accessed 15.02.2023.
- Condoravdi, C., Kiparsky, P. 2002: Clitics and clause structure. *Journal of Greek Linguistics* 2, 1–39.
- Condoravdi, C., Kiparsky, P. 2004: Clitics and clause structure: The Late Medieval Greek system. *Journal of Greek Linguistics* 5, 159–180.
- Costakis, Th. P. 1987: *Leksiko tēs Tsakōnikēs dialektou* [Dictionary of the Tsakonian dialect]. Vol. III (Π–Ω). Athens: Academy of Athens.
- Κωστάκης, Θ. Π. 1987: *Λεξικό της Τσακωνικής διαλέκτου*. Τ. III (Π–Ω). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών.
- Dawkins, R. M. 1931: Notes on the study of the Modern Greek of Pontos. *Byzantion* 6. 1, 389–400.
- de Boel, G. 2008: The genesis of clitic doubling from Ancient to Medieval Greek. In: Kallulli, D., Tasmowski, L. (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 89–103. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 130).
- Drettas, G. 1997: *Aspects pontiques*. Paris: Association de recherches pluridisciplinaires.
- Dunn, G. 1989: Enclitic pronoun movement and the Ancient Greek sentence accent. *Glotta* 67, 1–19.
- Eloeva, F. A. 2004: *Pontijskiĭ dialekt v sinkhronii i diakhronii* [The Pontic dialect in synchrony and diachrony]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University.
- Елоева, Ф. А. 2004: *Понтийский диалект в синхронии и диахронии*. СПб.: С.-Петербургский государственный университет.
- Friedman, V. A. 2008: Balkan object reduplication in areal and dialectological perspective. In: Kallulli, D., Tasmowski, L. (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 36–63. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 130).
- Gregoromichelaki, E. 2013: A dynamic perspective on left-right asymmetries. CLLD and Clitic doubling in Greek. In: Webelhuth, G., Sailer, M., Walker, H. (eds.). *Rightward movement in a comparative perspective*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 321–367. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 200).
- Holton, D., Horrocks, G., Janssen, M., Lendari, T., Manolassou, I., Toufexis, N. 2019: *The Cambridge grammar of Medieval and Early Modern Greek*. Vol. 2: Nominal morphology. Cambridge: Cambridge University Press.

- Horrocks, G. C. 1990: Clitics in Greek: a diachronic review. In: Roussou, M., Panteli, S. (eds.). *Greek outside Greece*. Vol. 2. Athens: Diaspora Books, 35–52.
- Horrocks, G. C. 1991: [Clitic pronouns in the history of Modern Greek]. *Studies in Greek Linguistics* 11, 39–51.
- Horrocks, G. C. 1991: Οι κλιτικές αντωνυμίες στην ιστορία της Ελληνικής γλώσσας. *Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα* 11, 39–51.
- Jaeggli, O. 1986: Three issues in the Theory of clitics: case, doubled NPs, and extraction. In: Borer, H. (ed.). *The syntax of pronominal clitics*. New York: Academic Press, 15–42.
- Janse, M. 1998: Cappadocian clitics and the syntax-morphology interface. In: Joseph, B. D., Horrocks, G. C., Philippaki-Warbuton, I. (eds.). *Themes in Greek linguistics*. Vol. II. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 257–282. (Current issues in linguistic theory. Vol. 159).
- Janse, M. 2000: Convergence and divergence in the development of the Greek and Latin clitic pronouns. In: Sornicola, R., Poppe, E., Shisha-Halevi, A. (eds.). *Stability and change of word-order patterns over time*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 231–258.
- Janse, M. 2002: Review article: Aspects of Pontic grammar. *Journal of Greek Linguistics* 3. 1, 203–231.
- Janse, M. 2008: Clitic doubling from Ancient to Asia Minor Greek. In: Kallulli, D., Tasmowski, L. (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 165–202. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 130).
- Joseph, B. D. 1990: The benefits of morphological classification: On some apparently problematic clitics in Modern Greek. In: Dressler, W. U., Luschützky, H. C., Pfeifer, O. E., Rennison, J. R. (eds.). *Contemporary Morphology*. Berlin: Mouton de Gruyter, 171–181.
- Joseph, B. D. 2022: What is meant by “Modern Greek dialect”? Some thoughts on terminology and glossonymy, with a glance at Tsakonian. In: Kisilier, M. (ed.). *MGDLT9. Proceedings of the 9th international conference on Modern Greek dialects and linguistic theory. Leonidio, 4–6 June 2021*. Leonidio: Tsakonian Archives, 55–71. (Ralli, A., Joseph, B. D., Janse, M. (eds.). *Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT)*).
- Kallulli, D. 1999: Direct object clitic doubling in Albanian and Greek. In: Beukema, F., den Dikken, M. (eds.). *Clitic phenomena in European languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 209–248. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 30).
- Kallulli, D., Tasmowski, L. 2008: Introduction. Clitic doubling, core syntax and the interfaces. In: Kallulli, D., Tasmowski, L. (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1–32. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 130).

- Karatsareas, P. 2011: *A study of Cappadocian Greek nominal morphology from a diachronic and dialectological perspective*. Dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy. University of Cambridge. Cambridge.
- Kazakis, K., Pentheroudakis, J. 1976: Reduplication of indefinite direct objects in Albanian and Modern Greek. *Language* 52. 2, 398–403.
- Kisilier, M. L. 2009: [Word order] (Ch. 9). In: Kisilier, M. L. (ed.). *Linguisticheskaia i etnokul'turnaia situatsiia v grecheskikh selakh Priazov'a. Po materialam ekspeditsii 2001–2004 godov [Language and ethno-cultural situation in Greek villages of Azov region. Field research data collected in 2001–2004]*. St.Petersburg: Aletheia, 374–393.
- Кисилиер, М. Л. 2009: Порядок слов (Гл. 12). В кн.: Кисилиер, М. Л. (ред.). *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов*. СПб.: Алетейя, 374–393.
- Kisilier, M. L. 2011: *Mestoimennnye klitiki v "Luge Dukhovnom" Ioanna Moskha*. St. Petersburg: Nestor-Istoria.
- Кисилиер, М. Л. 2011: *Местоименные клитики в «Луге Духовном» Иоанна Мосха*. СПб.: Нестор-История.
- Kisilier, M. L. 2013: [Studies in Modern Greek dialects: achievements and problems]. *Voprosy Jazykoznanija* 2, 83–98.
- Кисилиер, М. Л. 2013: Новогреческая диалектология: достижения и проблемы. *Вопросы языкознания* 2, 83–98.
- Kisilier, M. L. 2016: [Tsakonian analytic forms of present and imperfect]. *Acta linguistica Petropolitana* XII. 3, 93–109.
- Кисилиер, М. Л. 2016: Аналитические формы настоящего времени и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII*. 3, 93–109.
- Kisilier, M. L. 2017: [Lexical peculiarities of the Tsakonian dialect of Modern Greek: preliminary observations and perspectives of study]. *Voprosy Jazykoznanija* 1, 105–136.
- Кисилиер, М. Л. 2017: Лексические особенности цаконского диалекта новогреческого языка: Предварительные наблюдения и перспективы исследования. *Вопросы языкознания* 1, 105–136.
- Kisilier, M. L. 2021: Reconstructing past coexistence: Problems and mysteries in the multilingual history of Tsakonia, Greece. In: Sobolev, A. N. (ed.). *Between separation and symbiosis. South Eastern European languages and cultures in contact*. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 215–263. (Matras, Y. (ed.). *Language contact and bilingualism [LCB]*. Vol. 20).
- Kisilier, M. 2022a: Contact phenomena in Azov Greek. *Languages* 7. 3. DOI: <https://doi.org/10.3390/languages7030174>.
- Kisilier, M. L. 2022b: [Once again about Ancient Greek and Modern Greek, or do Greeks Remember Ancient Greek themselves?]. In: Kisilier, M. L. (ed.). *Verus Convictor, Verus Academicus*. In

- Honour of the 70th Anniversary of Nikolay N. Kazansky*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 351–370.
- Кисилиер, М. Л. 2022b: Еще раз о древнегреческом и новогреческом или помнят ли древнегреческий сами греки? В сб.: Кисилиер, М. Л. (ред.). *Verus convictor, verus academicus. K 70-летию Николая Николаевича Казанского*. СПб.: ИЛИ РАН, 351–370.
- Kisilier, M. 2022c: Pontic project: theoretical problems and modern technologies. In: Kisilier, M. (ed.). *MGDLT9. Proceedings of the 9th international conference on Modern Greek dialects and linguistic theory. Leonidio, 4–6 June 2021*. Leonidio: Tsakonian Archives, 73–84. (Ralli, A., Joseph, B. D., Janse, M. (eds.). *Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT)*).
- Kisilier, M. 2023: Once again about archaisms in Modern Greek dialects. *Philologia Classica* 18. 2, 339–359.
- Kisilier, M., Mertyris, D. 2018: [About the genitive in Tsakonian]. *Tsakonian Chronicles* 23. 2/2, 219–242.
- Kisilier, M., Μερτύρης, Δ. 2018: Περί της γενικής στα Τσακόνικα ουσιαστικά. *Χρονικά των Τσακόνων* ΚΓ'. 2/2, 219–242.
- Kisilier, M. L., Sollic, T. 2023: [Studies in Modern Greek dialects and dialectometry]. *Indoeuropeiskoe jazykoznanie i klassicheskaia filologija [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* XXVII. 1, 538–568.
- Кисилиер, М. Л., Соллиек, Т. 2023: Новогреческая диалектология и диалектометрия. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXVII. 1, 538–568.
- Kontosopoulos, N. G. 2001: *Dialektoi kai idiomata tes neas ellinikēs [Dialects and idioms of Modern Greek]*. Athens: Grigoris Publishers.
- Κοντοσόπουλος, Ν. Γ. 2001: *Διάλεκτοι και ιδιώματα της νέας ελληνικής*. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη.
- Koryakov, Y. B. 2017: [Language vs. dialect: a lexicostatistic approach]. *Voprosy Jazykoznanija* 6, 79–101.
- Коряков, Ю. Б. 2017: Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода. *Вопросы языкознания* 6, 79–101.
- Liosis, N. 2017: Auxiliary verb constructions and clitic placement. Evidence from Tsakonian. *Journal of Greek Linguistics* 17, 37–72.
- Lopashov, Yu. A. 1978: *Mestoimennye povtory dopolneniia v balkanskikh jazykakh [Clitic doubling in the Balkan languages]*. Lenindrad: Nauka.
- Лопашов, Ю. А. 1978: *Местоименные повторы дополнения в балканских языках*. Л.: Наука.
- Lopashov, Yu. A. 2006: [About an Albanian feature in a Northern Greek dialect]. In: Rusakov, A. Yu. (ed.). *Problemy balkanskoj filologii [Problems of Balkan Philology]*. Selected articles. St. Petersburg: Nauka, 161–163.

- Лопашов, Ю. А. 2006: Об одном албанизме в северногреческом говоре. В сб.: Русаков, А. Ю. (ред.). *Проблемы балканской филологии*. Сборник статей. СПб.: Наука, 161–163.
- Mackridge, P. H. 1991: The Pontic dialect: a corrupt version of Ancient Greek? *Journal of Refugee Studies* 4, 4, 335–339.
- Mackridge, P. H. 1993: An editorial problem in Medieval Greek texts: the position of the object clitic pronoun in the Escorial “Digenes Acrites”. In: Panagiotakis, N. (ed.). *Arkhes tēs Neoellēnikēs logotekhnias [Principles of Modern Greek literature]. Proceedings of the 2nd international conference “Neograeca medii aevi”*. Offprint from the vol. 1. Venice: Crete University Press, 325–342.
- Mackridge, P. H. 1993: An editorial problem in Medieval Greek texts: the position of the object clitic pronoun in the Escorial “Digenes Acrites”. In: Παναγιωτάκης Ν. (επιμ.). *Αρχές της Νεοελληνικής λογοτεχνίας. Πρακτικά του δεύτερου διεθνούς συνεδρίου “Neograeca medii aevi”*. Άνάτοπο από τὸν Α΄ τόμο. Βενετία: Πανεπιστημιακές εκδόσεις Κρήτης, 325–342.
- Mackridge, P. H. 1996: The Medieval Greek infinitive in the light of modern dialectal evidence. In: Costantinides, C. N., Panagiotakis, N., Jeffreys, E. M., Angelou, A. D. (eds.). *Φιλέλλην. Studies in Honour of Robert Browning*. Venice: Istituto Ellenico, 191–204. (Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Postbizantini di Venezia. Bibliothek. Vol. 17).
- Mertyris, D. 2014: *The loss of the genitive in Greek. A diachronic and dialectological analysis*. Doctorate of Philosophy. Dissertation submitted in total fulfillment for the degree of Doctorate of Philosophy. La Trobe, Linguistic program. Melbourne.
- Mertyris, D., Kisilier, M. 2017: [Genitive in the dialect of Mariupol: perseverance and loss]. *Studies in Greek Linguistics* 37, 465–476.
- Μερτύρης, Δ., Κισιλιέρ, Μ. 2017: Η γενική στη μαριουπολίτικη διάλεκτο: διατήρηση και απώλεια. *Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα* 37, 465–476.
- Miseška Tomić, O. 2008: An integrated areal-typological approach. Local convergence of morphosyntactic features in the Balkan Sprachbund. In: Muysken, P. (ed.). *From linguistic areas to areal linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 181–219. (Abraham, W., Noonan, M. (eds.). *Studies in Language Companion Series*. Vol. 90).
- Nicholas, N. 2022: The shift from enclisis to proclisis in older Tsakonian. In: Kisilier, M. (ed.). *MGDLT9. Proceedings of the 9th international conference on Modern Greek dialects and linguistic theory. Leonidio, 4–6 June 2021*. Leonidio: Tsakonian Archives, 85–109. (Ralli, A., Joseph, B. D., Janse, M. (eds.). *Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT)*).
- Oikonomidis, D. I. 1958: *Grammatikē tēs Ellēnikēs dialektou tou Pontou [Grammar of the Greek dialect of Pontos]*. Athens: Academy of Athens. (Lexicographic bulletin. Supplement 1).

- Oikonomίδης, Δ. Ή. 1958: *Γραμματική τῆς Ἑλληνικῆς διαλέκτου τοῦ Πόντου*. Ἐν Ἀθήναις: Ἀκαδημία Ἀθηνῶν. (Λεξικογραφικὸν δελτίον. Παράρτημα 1).
- Palladio. 1985: *La storia Lausiaca*. Introduzione di Ch. Mohrmann. Testo critico e commento a cura di G. J. M. Bartelink. Traduzione di M. Barchiesi. Milano: Fondazione Lorenzo Valla.
- Pappas, P. A. 2001: *Weak object pronoun placement in Later Medieval and Early Modern Greek*. Doctoral dissertation. The Ohio State University, Ohio.
- Pappas, P. A. 2004: *Variation and morphosyntactic change in Greek. from clitics to affixes*. Hampshire, New York: Palgrave MacMillan.
- Pavlidou, Th.-S. 2011: *The corpus of spoken greek*. <<http://corpus-ins.lit.auth.gr/corpus/index.html>>, accessed 08.02.2023.
- Pescarini, D. 2021: *Romance object clitics: microvariation and linguistic change*. Oxford: Oxford University Press. (Oxford studies in in diachronic and historical linguistics).
- Philippaki-Warburton, I. 1985: Word order in Modern Greek. *Transactions of the philological society* 83. 1, 113–143.
- Philippaki-Warburton, I., Varlokosta, S., Georgiafentis, M., Kotzoglou, G. 2002: On the status of ‘clitics’ and their ‘doubles’ in Greek. *Reading Working Papers in Linguistics* 6, 57–84.
- Ralli, A. 2006: Syntactic and morphosyntactic dialectal phenomena in Modern Greek: the state of the art. *Journal of Greek Linguistics* 7, 121–159.
- Revithiadou, A., Spyropoulos, V. 2008: Greek object clitic pronouns: A typological survey of their grammatical properties. *STUF (Sprachtypologie und Universalienforschung) — Language typology and universals* 61. 1, 39–53.
- Rohlfs, G. 1977: *Grammatica storica dei dialetti italogreci (Calabria, Salento)*. Trad. S. Sicuro. Nuova edizione interamente rielaborata ed aggiornata. München: C. H. Bech’sche Verlagsbuchhandlung.
- Rollo, A. 1989: L’uso dell’enclisi nel Greco Volgare dal XII al XVII secolo e la legge Tobler-Mussafia. *Italoellinikà* 2, 135–146.
- Sandfeld, K. 1930: *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats*. Paris: Librairie ancienne honoré Champion. (Collection linguistique publiée par la Société Linguistique de Paris. T. XXXI).
- Sitaridou, I. 2014: The Romeyka infinitive: continuity, contact and change in the Hellenic varieties of Pontus. *Diachronica* 31. 1, 23–73.
- Sobolev, A. N.: 2011: [Antibalkanisms]. *Južnoslovenski filolog* LXVII, 185–195.
- Соболев, А. Н. 2011: Антибалканизмы. *Јужнословенски филолог* LXVII, 185–195.
- Spiro A. 2015: The Modern Greek dialects of Albania — A general description and classification. In: Babanov, A., Bogdanova-Begtaryan, N., Bugaeva, L., Virolaynen, M., Zakharov, V., Med, N., Menshikova, Y., Monakhov, S., Sobolev, A., Shamina, E.,

- Khohlova, M. (eds.). 43rd *Philological conference, St. Petersburg. 11–16 March 2014. Selected articles*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 396–417.
- Striano Corrochano, A. 1989: *El dialecto laconio. Gramática y estudio dialectal*. Universidad Autónoma de Madrid, Departamento de Filología Clásica. Facultad de Filosofía y Letras. Madrid.
- Thavoris, A. I. 1977: [Morphological peculiarities of several idioms in Western Macedonia]. In: *1st symposium for Northern Greek linguistics*. Thessaloniki: Society for Macedonian Studies, 75–95.
- Θαβωρής, Α. Ι. 1977: Μορφολογικά μερικών ιδιωμάτων της δυτικής Μακεδονίας. Στο: *Α' Συμπόσιο Γλωσσολογίας του Βορειοελλαδικού χώρου, 28–30 Απριλίου 1976*. Θεσσαλονίκη: Εταιρεία Μακεδονικών Σπουδών, 75–95.
- Tsakali, V., Anagnostopoulou, E. 2008: Rethinking the clitic doubling parameter. The inverse correlation between clitic doubling and participle agreement. In: Kallulli, D., Tasmowski, L. (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 321–357. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 130).
- Van Rooy, R. 2020: *Language or dialect? The history of a conceptual pair*. Oxford: Oxford University Press.
- Westbury, J. 2016: Left Dislocation: a typological overview. *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus* 50, 21–45.
- Zaliznyak, A. A. 2004: “*Slovo o polku Igoreve*”. *Vzgliad lingvистa* [“*The Lay of the Warfare waged by Igor*”. *A linguist's view*]. Moscow: LRC Publishing.
- Зализняк, А. А. 2004: «Слово о полку Игореве». *Взгляд лингвиста*. М.: Языки славянской культуры.
- Zimmerling, A. V. 2016: [Linear-accent grammars andthetic sentences in Russian]. In: Zimmerling, A. V., Lyutikova, E. A. (eds.). *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modeliakh: sintaksis, informatsionnaia struktura, porjadok slov* [Clause architecture in the parametric models: syntax, information structure, word order]. Moscow: LRC Publishing, 76–103. (Studia Philologica).
- Циммерлинг, А. В. 2016: Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно нерасчлененные предложения в русском языке. В сб.: Циммерлинг, А. В., Лютикова, Е. А. (ред.). *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. М.: Языки славянской культуры, 76–103. (Studia Philologica).

А. Е. Комлев
ФГБУ «НМИЦК им. ак. Е. И. Чазова» МЗ РФ, Санкт-Петербург, Россия.
pentatonia@bk.ru

Э. В. Курилина
ФГБУ «НМИЦК им. ак. Е. И. Чазова» МЗ РФ, Санкт-Петербург, Россия.
ellakurilina@yandex.ru

КАК ПОГИБЛА ДИДОНА?

В статье рассматриваются танатологические особенности самоубийства Дидоны на материале соответствующих описаний в IV песни «Энеиды» Вергилия. На основании данного Вергилием описания агонии героини авторами высказывается предположение о характере нанесенного самоповреждения и вероятных механизмах умирания. Тщательный анализ латинского текста с использованием подходов, принятых в современной судебной медицине, позволяет сделать предположительный вывод о том, что причиной смерти Дидоны стало проникающее ранение левой половины грудной клетки с повреждением легкого и, вероятно, артерий грудной стенки. Клиническая картина кровотечения, описанная Вергилием, типична для развития гемопневмоторакса с развитием острой дыхательной недостаточности. Упомянутая автором «черная кровь» (Verg. *Aen.* IV, 687) однозначно указывает на резкую дезоксигенацию крови, практически патогномичную для гиперкапнической острой дыхательной недостаточности, которая закономерно осложняет проникающее ранение грудной клетки. Подтверждение версии о наличии открытого пневмоторакса находим в строке: «infixum stridit sub pectore volnus» (Verg. *Aen.* IV, 689). Описанный аускультативный феномен известный как стридор возникает вследствие прохождения воздуха сквозь раневое отверстие при экскурсиях грудной клетки. Использование однокоренного глагола в контексте сцены самоубийства Дидоны может пролить свет на историю возникновения данного термина, что требует отдельного исследования с анализом терминологического аппарата Цельса и последующих авторов медицинских трактатов. Характерно для данного механизма смерти также психомоторное возбуждение пострадавшей героини и ее стремление принять вертикальное положение тела: *ter sese attollens cubitoque adnixa levavit* (Verg. *Aen.* IV, 690). Также авторы высказывают предположение о локализации и траектории раневого отверстия и о характеристиках орудия самоубийства.

Ключевые слова: Вергилий; Энеида; Дидона; самоубийство; проникающее ранение грудной клетки; гемопневмоторакс.

A. E. Komlev

Acad. E.I.CHAZOV National Medical Research Centre Of Cardiology,
Ministry of Health of RF. SPb, Russia. pentatoniam@bk.ru

E. V. Kurilina

Acad. E.I.CHAZOV National Medical Research Centre Of Cardiology,
Ministry of Health of RF. SPb, Russia. ellakurilina@yandex.ru

How did Dido perish?

Present paper seeks to investigate the thanatological features of Dido's suicide on the grounds of the respective fragment from the fourth book of Vergil's *Aeneid*. Based on Vergil's description of the heroine's agony the authors hypothesize on the traumatic pattern and probable mechanism of her dying. Thorough analysis of the Latin text using the approach adopted in present-day forensic medicine allows to hypothesize that the death of Dido occurred from a penetrating left-sided chest wound along with concomitant injury of the left lung and, which is quite probable, of thoracic arteries. The clinical presentation of bleeding described by Vergil resembles the typical development of haemopneumothorax with acute pulmonary insufficiency. The mention of *atri cruores* (Verg. *Aen. IV*, 687) unequivocally points out severe blood desoxygenation, which is almost pathognomonic for hypercapnia resulting from an acute respiratory failure as a regular complication of the penetrating thoracic trauma. One can detect a confirmation of the version of haemopneumothorax in the following verse: «infixum stridit sub pectore volnus» (Verg. *Aen. IV*, 689). The described auscultation phenomenon (known as stridor) results from the air passing through the wound along with breathing movements. The use of cognate verb *stridere* in the scene of Dido's suicide may elucidate the etymology of this term. To examine this issue, the terminological apparatus of Celsus and subsequent medical treatises should be studied. Finally, the fact of psychomotor agitation of the heroine along with her compulsive desire to get up after having been wounded is also worthy of mention. Indeed, this pattern is typical of the mechanism of passing suggested above: «ter sese attollens cubitoque adnixa levavit» (Verg. *Aen. IV*, 690). The authors also make an assumption about probable localization and trajectory of the entrance wound and likely features of the suicide weapon.

Keywords: Vergil; *Aeneid*; Dido; suicide; penetrating thoracic trauma; haemopneumothorax.

Трагедия Дидоны есть один из ярчайших эпизодов величайшей эпической поэмы Публия Вергилия Марона «Энеиды». Данный сюжет оказал заметное влияние на европейскую культуру последующих веков. Вергилия отличает точность проработки художественных деталей: именно тонкость отражения психологических коллизий придает повествованию о трагичес-

кой судьбе Дидоны рельефность, которая не оставляет равнодушным читателя и спустя две тысячи лет (Gasparov 1979: 34). Однако мы полагаем, что свойственная поэту внимательность к деталям позволяет увидеть в тексте поэмы некоторые конкретные подробности медицинского свойства. Как указывает проф. Модестов, «ученость Вергилия проявляется также в его сведениях, касающихся земледелия, астрономии, философских учений и т.п.» (Modestov 1876: 402). В частности, приведенные автором характерные особенности умирания Дидоны позволяют с известной вероятностью реконструировать этапы танатогенеза с позиций современного судебно-медицинского знания.

Принимая во внимание уровень развития медицины в Риме в I веке до Р.Х., не вызывает сомнений, что клиническая картина травм, причиненных колюще-режущими орудиями, была хорошо известна практикующим хирургам. Ко времени Августа помимо военных врачей, состоявших при легионах и в военных госпиталях (*valetudinario*), существовала медицинская служба при цирках и гладиаторских школах, а также институт придворных медиков (*Strel'cov* 1888: 117). Так, из надписи, обнаруженной при находке колумбария рабов и вольноотпущенников дома Ливии, нам известно имя главного врача *Orestes supra med(icos)* в придворном штате (CIL. VI, 3982). Будучи вхожим в ближний круг принцепса, Вергилий гипотетически имел возможность прибегнуть к консультации придворных врачей, однако вероятным источником его представлений о характерных особенностях ранений груди мог быть личный опыт наблюдения раненых *in ludo gladiatorio*. Необходимо также учесть факт изучения Вергилием медицины во время получения им школьного образования, на что прямо указывает Светоний в биографии поэта: «*inter cetera studia medicinae quoque... operam dedit*» (Suet. Poet. 15).

Согласно «Энеиде», после безуспешных попыток удержать объявившего о предстоящем отъезде Энея в Карфагене, Дидона принимает решение о самоубийстве, вина в котором заведомо будет возложена на послушного воле богов Энея. Непосредственное описание самоубийства представлено в следующих стихах (Verg. *Aen.* IV, 663–665):

«Молвила; и посреди этих слов от железа разслабшей
Видят служанки ее, и меч, пенящийся кровью,
В обогранных руках...» (перевод А. А. Фета)

Невозможно согласиться с Н. С. Зелезинской, которая, сравнивая описание гибели Дидоны у Вергилия и Овидия в *Heroides*, утверждает, что «по тексту Овидия не ясно, *бросилась ли она в огонь, как у Вергилия*², или на погребальный костер положили ее тело после того, как царица закололась кинжалом» (Zelezinskaya 2021: 107). Из последующего текста очевидно явствует, что умирающая Дидона находится на сложенном, но *не зажженном* погребальном костре: в противном случае Анна (см. далее) не смогла бы находиться рядом с *еще живой* сестрой на месте трагедии, обнимая ее и пытаясь остановить кровотечение (Verg. *Aen.* IV, 685-687). Более того, если бы костер был зажжен, к моменту появления Анны тело Дидоны было бы охвачено пламенем. На самом деле Дидона, перед тем как нанести себе удар мечом, всходит на заранее сложенный по ее приказу погребальный костер: *condescendit furibunda rogos (ibid., 646)*, который якобы предназначен для того, чтобы сжечь на нем изображение Энея вместе с памятью о покинувшем ее возлюбленном: *Dardaniique rogom capitis permittere flammae (ibid., 640)*. Как замечает по поводу этого места Сервий, Дидона нарочно называет собственный костер его (Энея) костром, дабы не вызвать подозрений в запланированном покушении на самоубийство: «*bene suum rogom illius dicit, ne suspicionem faciat*» (Serv. IV, 640).

Сам момент нанесения раны в описании Вергилием опущен, однако присутствующие при самоубийстве *comites* (вероятно, служанки) сразу после удара видят, что руки Дидоны и оружие самоубийства — меч — обрызганы кровью. При этом, в противоположении с узуальным *sparsasque manus* (Verg. *Aen.* IV, 665) для характеристики меча Вергилий использует в качестве эпитета *participium praesentis* от глагола *spumare* ‘пениться’ (Dvoretzky 1976: 949). Словосочетание *ensis cruore spumans* означает буквально «меч пенящийся кровью», а не просто «окровавленный меч». Такая характеристика наружного кровотечения типична для гемопневмоторакса (от *αἷμα* — кровь, *πνεῦμα* — воздух, *θώραξ* — грудь) — патологического состояния, развивающегося при попадании крови и воздуха в плевральную полость вследствие повреждения сосудов, легочной ткани или бронхов, например, при проникающем ранении легкого (Best 1955: 357). Звенья патогенеза при гемопневмотораксе включают в себя дыхательную недостаточность с гиперкапнией (накоплением в крови углекислоты), смещение средостения в противоположную сторону, плевропульмональный шок, а также внутриплевральное кровотечение и, в конечном счете, гемическую и дыхательную гипоксию (дефицит доставки кровью кислорода в ткани организма) (Vagner 1990: 13).

Далее в тексте «Энеиды» следует пассаж из более чем 20 строк (Verg. *Aen.* IV, 665–687), на протяжении которого происходят

следующие события: весть о случившемся распространяется по дворцу, сестра героини царица Анна спешит к месту трагедии, обращается к Дидоне с плачем, пытается остановить кровотечение своей одеждой. Приводим данный фрагмент в переводе С. А. Ошерова:

«... Полетел по высоким покоем
Вопль и, беснуясь, Молва понеслась по смятенному граду.
Полнится тотчас дворец причитаньями, стоном и плачем
Женщин, и вторит эфир пронзительным горестным криком.
Кажется, весь Карфаген иль старинный Тир под ударом
Вражеским рушится в прах и объемлет буйное пламя
Кровли богов и кровли людей, пожаром бушует.
Слышит крик и бежит, задыхаясь, с трепещущим сердцем,
В кровь расцарапав лицо, кулаками в грудь ударяя,
Анна и кличет сестру, на смертном простертую ложе:
«Вот в чем твой замысел был! Меня обмануть ты стремилась!
Вот что этот костер, и огонь, и алтарь мне сулили!
Плач мой с чего мне начать, покинутой? Ты не хотела
Спутницей взять и меня... О, когда б меня позвала ты, —
В то же мгновенье двоих один клинок погубил бы!
Этот костер я сложила сама, и сама я взывала
К отчим богам — лишь затем, чтоб не быть здесь
в миг твой последний...
Ты, себя погубив, погубила меня и народ свой,
Город и тирских отцов. Дайте, влагой рану омой
И, коль осталось у ней дыханье в груди, я устами
Вздых последний приму». На костер со словами такими
Анна взошла и сестру умиравшую грела в объятьях,
Темную кровь одеждой своей утирала, стеная».

Очевидно, что Вергилий описывает сцену, которая продолжалась достаточно долго (как минимум в течение несколько минут), то есть смерть Дидоны не была мгновенной, чего следовало бы ожидать при ранении сердца с развитием гемотампонады сердца (сдавление камер сердца излившейся в полость сердечной сумки кровью) или при повреждении аорты с одномоментной смертельной кровопотерей (Lev'yant 1958: 34). Основываясь на данных судебно-медицинской танатологии, можно с уверенностью утверждать, что при любом из этих сценариев Анна едва ли бы застала сестру живой.

Особенный интерес представляет последняя строка приведенного фрагмента «...atros siccabat veste cruores» (Verg. *Aen.* IV, 687). Упоминаемая здесь во множественном числе «черная кровь» (*atři cruores*) встречается редко и во многих случаях восходит к

греческому формульному выражению *αἴμα κελευνὸν* (cf. *Hom. Il. I, 303; XI, 845, etc.*). Заслуживает внимания употребление Вергилием формы множественного числа, звучащей весьма специфично («пес “*sanguines*” *dicimus numero plurali*, нес “*cruores*”») (*Serv. IV, 687*), но вместе с тем наглядно отражающей характер артериального кровотечения, при котором кровь изливается ритмично в соответствие с биением сердца, пульсируя, в отличие от венозного кровотечения.

С другой стороны, это словосочетание можно рассматривать как указание на резкую дезоксигенацию (десатурацию) крови, практически патогномичную для характеризующейся быстрым накоплением углекислого газа в артериальной крови гиперкапнической острой дыхательной недостаточности, которая закономерно осложняет проникающее ранение грудной клетки. При этом патофизиологическом состоянии в крови резко снижается содержание оксигемоглобина, обуславливающего характерный красный цвет, и напротив увеличивается доля карбогемоглобина, за счет которого кровь приобретает темно-синюю вплоть до почти черной окраску — цианоз (от *κυανός* — темно-синий).

В следующих стихах перед нами разворачивается уже период агонии героини (*Verg. Aen. IV, 688–692*):

«Тяжкие веки поднять попыталась Дидона — но тщетно;
Воздух, свистя, выходил из груди сквозь зиявшую рану.
Трижды старалась она, опершись на локоть, подняться,
Трижды падала вновь и блуждающим взором искала
Свет зари в небесах — и стонала, увидев сиянье»

(перевод С. А. Ошерова).

Подтверждение версии о наличии открытого пневмоторакса находим в этом описании завершающего периода танатогенеза: «*infixum stridit sub pectore volnus*» (*Verg. Aen. IV, 689*) означает не что иное, как аускультативный феномен прохождения воздуха сквозь раневое отверстие при экскурсиях грудной клетки, что следует из основного лексического значения глагола «*stridere*» — «скрипеть, трещать» (*Dvoretzky 1976: 957*). Комментаторы неоднократно обращали внимание на точность вергилиевского словоупотребления в описании Дидоновой раны: «*stridit accurately expresses the whistling sound with which breath escapes from the pierced lung*» (*Mackail 1930; цит. по Austin, 1955: 198*).

Стоит отметить, что лексикографы приводят и другие значения данного глагола в контексте цитируемого стиха: «*to gurgle*» (*Friese 1882: 197*); «*the reference is to the hissing and gurgling noise of the spouting blood*» (*Conington 1863: 323*). Такой перевод, на наш взгляд, точнее отражает реальный аускультативный феномен в

ситуации проникающего ранения грудной клетки, когда выходящий при дыхательных движениях воздух, проходя через слой излившейся крови, создает звук, напоминающий не свист, а скорее бульканье или шипение. Отметим, что именно глагол «шипеть» употреблен в гекзаметрических переводах Фета и Брюсова (Fet 1888: 153; Bryusov 1933: 131).

Интересно, что тот же корень лежит в основе медицинского термина «стридор», означающего свистящее шумное дыхание, обусловленное обструкцией дыхательных путей (Zlotnicky 1970: 1100). Использование однокоренного глагола в контексте сцены самоубийства Дидоны может пролить на свет на историю возникновения данного термина, что требует отдельного исследования с анализом терминологического аппарата Цельса и последующих авторов медицинских трактатов. В подтверждение нашего предположения приводим недавно высказанное мнение (Fratantuono, Smith 2022: 913), что в пассажах комментаторов о стридорозном дыхании умирающей Дидоны имеется прямая отсылка к описанию Цельсом клинической картины ранения легкого: «*pulmone uero icto spirandi difficultas est... simulque etiam spiritus cum sono fertur*» (Cels. Med. 5.26.9).

Отметим также психомоторное возбуждение пострадавшей героини и ее стремление принять вертикальное положение тела: *ter sese attollens cubitoque adnixa levavit* (Verg. *Aen.* IV, 690). Весьма тонкое замечание, подчеркивающее непревзойденное мастерство Вергилия в изображении деталей, находим в комментарии Austin к стихам 690–692: «Mark the slow spondees in *ter sese attollens* for her effort, the dactyls (691) as she falls back writhing, and again the spondees (692) as her dim eyes grope for the light» (Austin 1955: 198). Остается только восхититься столь виртуозным использованием ритмической модификации, посредством которой поэт передает моторику движений агонизирующей Дидоны.

Подобное рефлекторное двигательное поведение весьма характерно для острой дыхательной гипоксии (Shevchenko 2017: 194), но отнюдь не типично для тампонады сердца при ранении последнего, когда пострадавший, напротив, принимает именно горизонтальное положение, которое отчасти компенсирует резкое снижение венозного возврата к правым отделам сердца (Vagner 1981: 175).

Данные отличия в семиотике ранений сердца и легкого были хорошо известны античным врачам-практикам. Достаточно привести наблюдение Цельса о произвольных попытках приподняться, предпринимаемых ранеными с повреждением легкого: «*quidam sine ratione consurgunt*»; в описании же ранения сердца он отмечает массивное кровотечение, пульс малого наполнения, резкую бледность кожных покровов, обильный холодный пот с дурным запахом, похолодание конечностей и быстрое наступление

смерти: «corde percusso sanguis multus fertur, venae elanguescunt, color pallidissimus, sudores frigidi malique odoris tamquam inrorato corpore oriuntur, extremisque partibus frigidis matura mors sequitur» (Cels. 5.26.8).

Таким образом, наиболее вероятно в случае самоубийства Дидоны мы имеем дело с субтотальным (тотальным) гемопневмотораксом со всеми присущими данному состоянию патофизиологическими характеристиками, к которым относится в том числе и отмеченная десатурация крови (Komlev 2023: 133). Описание агонии в целом не противоречит гипотезе о сопутствующей массивной, но не моментальной кровопотере, поскольку смерть Дидоны все же наступила относительно быстро (Luzin 2004: 15). Другим обстоятельством, способствующим быстрому умиранию, мог бы стать напряженный пневмоторакс с быстрым развитием острой легочно-сердечной недостаточности (в сочетании с массивным внутренним кровотечением или без такового), однако, зная пристрастие Вергилия к деталям, можно было бы ожидать описания обязательной при этом подкожной эмфиземы, которая имеет очень яркую клиническую картину. При подкожной эмфиземе (от ἐμφύσις — надуваю, разбухаю) происходит видимое на глаз увеличение в объеме значительной части тела вследствие быстрого распространения по подкожной жировой клетчатке воздуха, поступающего из плевральной полости на стороне поврежденного легкого (Vagner 1981: 66).

Что касается локализации раны в левом гемитораксе, можно опереться на то косвенное обстоятельство, что в тексте поэмы не содержится указаний на леворукость Дидоны. Поэтому наиболее вероятно, что, держа меч в правой руке, она направила его в левую половину грудной клетки в направлении снизу вверх и несколько латерально. Обстоятельство места *sub pectore* подразумевает, что рана находилась в каудальном отделе грудной клетки: «*sub pectore punc per transitum dicit vulneris locum*» (Serv. IV, 68). Основываясь на одном из приведенных в словаре И. Х. Дворецкого значений слова *pectus* («сердце») и руководствуясь предположением о вероятной траектории удара, можно предполагать, что входное отверстие раневого канала располагалось именно в левом гемитораксе (Dvoretsky 1976: 734).

Несколько слов об оружии самоубийства. Как известно, Дидона закальвается мечом, подаренным ей Энеем (Verg. *Aen.* IV, 646–647). Уместно предположить, что меч троянца Энея представлял собой греческий ξίφος, римский аналог которого *gladius* во времена Вергилия был основным колюще-режущим оружием легионеров. В принципе, любая разновидность античного меча, включая более короткий *ragazonium*, обладала длиной клинка от 30 до 70 см, вполне достаточной для нанесения проникающего ранения грудной клетки. Есть определенное предположение, почему это,

скорее всего, не был относительно узкий кинжал (*puġio*). Дело в том, что если мы принимаем гипотезу о сопутствующем пневмотораксу массивном (но не фатальном, как при ранении аорты) внутривнутриплевральном кровотечении, надо иметь в виду, что кровотечение из сосудов паренхимы легкого имеет тенденцию к самопроизвольной остановке за счет коллапса органа в результате нарастающего давления в плевральной полости (Karyakin 1966: 149). Поэтому источником массивного кровотечения, как правило, становятся неспадающие артерии грудной стенки. При ранении грудной клетки холодным оружием с широким лезвием с большой вероятностью можно ожидать как раз повреждения либо внутренней грудной артерии (*arteria thoracica interna*) при расположении клинка параллельно межреберью, либо передних межреберных артерий (*arteriae intercostales anteriores*) при ориентации лезвия перпендикулярно нижним ребрам (Kozlov 2006: 33).

Выводы. На основании анализа оригинального текста «Энеиды» с позиций судебной медицины квалификацию смерти Дидоны можно представить следующим образом: род насильственной смерти — самоубийство, вид — смерть от механических повреждений, нанесенных колюще-режущим орудием. Таким образом, делается вывод, что смерть героини последовала от проникающего ранения грудной клетки с развитием левостороннего гемопневмоторакса. Непосредственной причиной смерти послужила острая дыхательная и сердечно-сосудистая недостаточность.

Литература

- Austin, R. P. 1955: *Vergili Maronis Aeneidos Liber Quartus*. Oxford.
- Best, C. H., Taylor, N. B. 1955: *The physiological basis of medical practice*. Baltimore.
- Bryusov, V. Ya. 1933: [Eneida]. Moscow-Leningrad. Брюсов В. Я. Энеида. М.; Л.: Academia.
- A. Cornelius Celsus. *De Medicina*. Spencer, W.G. (ed.). London, 1935–1938.
- Conington, J. 1863: *P. Vergili Maronis opera. The works of Virgil, with a Commentary by John Conington, vol. II*. London.
- Dvoretzky, I. Kh. 1976: *Latinsko-russky slovar' [Latin-Russian Dictionary]*. Moscow. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. Москва, 1976.
- Fet, A. A. 1888: [Eneida Vergiliya so vvedeniem, ob'yasneniyami i proverkoju teksta D.I. Naguevskogo]. Moscow. Фет А. А. Энеида Вергилия со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, I–VI. [в 2 ч.]. М.: А. И. Мамонтов и Ко, 1888.
- Fratantuono, L. M, Smith, R.A. (ed.) 2022: *Virgil, Aeneid 4. Text, Translation, and Commentary*, Leiden and Boston: 913–914.

- Frieze, H. S. 1882: A Vergilian dictionary embracing all the words found in the Eclogues, Georgics, and Aeneid of Vergil, with numerous references to the text verifying and illustrating the definitions. New York.
- Gasparov, M. L. 1979: [Vergil. Bucolics. Georgics. Aeneis]. Moscow. Гаспаров М. Л. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. Москва, 1979.
- Homer. The *Iliad*. With an Engl. transl. by A. T. Murray. London, 1928.
- Karyakin, V. Ya. 1966: [Sudebno-medicinskoe issledovanie povrezhdenij kolyushche-rezhushchimi orudiyami]. Moscow. Карякин В. Я. Судебно-медицинское исследование повреждений колюще-режущими орудиями. Москва, 1966.
- Kozlov, V. V. et al., 2006: [Kriminalisticheskoe i sudebno-medicinskoe issledovanie holodnogo oruzhiya i sledov ego primeneniya]. Saratov. Козлов В. В. и соавт. Криминалистическое и судебно-медицинское исследование холодного оружия и следов его применения. Саратов, 2006.
- Komlev, A. E. 2023: [Forensic aspects of Dido's suicide in the fourth book of Vergil's Aeneid], 132–134. In: Sbornik nauchnyh trudov po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, priurochennoj k prazdnovaniju Dnya slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury «Yazyki mezhdunarodnogo obshcheniya: kul'turno-istoricheskie i professional'nye aspekty». Kursk. Комлев А. Е. Судебно-медицинский аспект самоубийства Дидоны в IV книге «Энеиды» Вергилия. В сб.: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к празднованию Дня славянской письменности и культуры «Языки международного общения: культурно-исторические и профессиональные аспекты». Курск, 2023: 132–134.
- Lev'yant, B. I. 1958. [K voprosu o prodolzhitel'nosti zhizni posle ranenij serdca i krovenosnyh sosudov], 34–35. In: 4 Respublikanskaya Nauchno-prakticheskaya konferenciya patologoanatomov i sudebnyh medikov Karel'skoj ASSR. Petrozavodsk. Левянт Б. И. К вопросу о продолжительности жизни после ранений сердца и кровеносных сосудов. В сб.: 4 Республиканская Научно-практическая конференция патологоанатомов и судебных медиков Карельской АССР. Петрозаводск, 1958: 34–35.
- Luzin, A. V. et al. 2004. [About tanatogenesis type and speed of death approach definition at rich loss of blood], 14–16. *Problemy ekspertizy v medicine*, 2004, №3. Лузин А. В. и соавт. К вопросу об определении типа танатогенеза и темпа наступления смерти при массивной кровопотере. *Проблемы экспертизы в медицине*, 2004, том 4, №3: 14–16
- Mackail, J. 1930: The Aeneid of Virgil. Oxford.

- Modestov, V. I. 1876: [Lekcii po istorii rimskoj literatury]. Saint-Petersburg. Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы, читанные в ун-те Св. Владимира В. И. Модестовым, орд. проф. по кафедре Римской словесности. 2-е изд., Санкт-Петербург, 1876.
- Maurus Servius Honoratus. In Vergilii Aeneidos librum IV commentarius. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii; recensuerunt Georgius Thilo et Hermannus Hagen. Leipzig. 1881.
- Shevchenko, Yu. L. (ed.) 2017: [Chastnaya hirurgiya], I, 193–196. Moscow. Шевченко Ю. Л. Частная хирургия. Москва, 2017: том I, 193–196.
- Strel'cov, A. A. 1888: [Vrachi u drevnyh riml'an]. Moscow. Стрельцов А. А. Врачи у древних римлян. Эпиграфические очерки. 2-е изд. Москва, 1888.
- C. Suetonius Tranquillus. *De poetis. Vita Vergili.* Suetonius with the English translation by J. C. Rolfe. London, 1914:15.
- Vagner, E. A. 1981 [Hirurgiya povrezhdenij grudi]. Moscow. Вагнер Е. А. Хирургия повреждений груди. Москва: Медицина, 1981
- Vagner, E. A. et al. 1990: [Patofiziologiya travmy grudi]. Perm'. Вагнер Е.А. Патофизиология травмы груди. Вагнер Е. А. и соавт. Пермь, 1990.
- P. Vergilius Maro. *Aen.eid. Bucolics, Aeneid, and Georgics of Vergil.* Greenough, J. B. (ed.). Boston, 1900.
- Zelezinskaya, N. S. 2021: [The motif of Dido's suicide: a comparative analysis of Latin sources and Shakespeare's works] 104–113. Minsk. In: Sbornik nauchnyh statej po materialam VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Nacional'nye kul'tury v mezhkul'turnoj kommunikacii».
- Зелезинская Н. С. Мотив самоубийства Дидоны: компаративный анализ латинских источников и произведений У. Шекспира. В сб.: Сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции «Национальные культуры в межкультурной коммуникации». Минск, 2021: 104–113.
- Zlotnicku, B. 1970: *Medicinskij slovar'*. Злотницкий Б. Медицинский словарь под ред. Б. Злотницкого, Варшава, 1970.

А. А. Кормилина
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. a.kormilina@spbu.ru

**ПОРЯДОК СЛОВ ВО ВСТАВНЫХ ПРЕДИКАЦИЯХ:
ABLATIVUS ABSOLUTUS (НА МАТЕРИАЛЕ
«САТИРИКОНА» ПЕТРОНИЯ)**

Данная статья посвящена анализу порядка слов в обороте *ablativus absolutus* в тексте «Сатирикона» Петрония. В статье высказывается предположение, что порядок элементов в обороте может быть связан с их прагматическим статусом. Проанализировав 151 пример употребления оборота *ablativus absolutus* в «Сатириконе» Петрония, автор получил подтверждение гипотезы о возможном влиянии коммуникативного статуса компонентов оборота на их расположение: логическое подлежащее в функции фокуса тяготеет к финальной позиции. Варианты прагматической организации оказываются более разнообразными, чем изначально предполагалось, а порядок слов в обороте скорее напоминает порядок слов в клаузе, чем порядок слов в именной группе.

Ключевые слова: порядок слов в латинском языке, Петроний, Сатирикон, *ablativus absolutus*.

А. А. Kormilina
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. a.kormilina@spbu.ru

**Word order in embedded predications: *ablativus absolutus*
(on the basis of Petronius' *Satyricon*)**

This article is devoted to the analysis of word order in the *ablativus absolutus* construction in Petronius' *Satyricon*. The author argues that the order of the constituents in the *ablativus absolutus* clause may be influenced by pragmatic factors. Having analyzed all examples with *ablativus absolutus* (with perfect passive participles and present participles, 151 occurrences in total), the author obtains results confirming the hypothesis that the word order in the construction under examination can be influenced by the Focus function of the Subject. However, the information structure types of the phrase turn out to be more numerous than originally expected. The author also comes to the conclusion that the word order in *ablativus absolutus* is more similar to the word order in a clause than to the word order in a noun phrase.

Keywords: Latin word order, the order of the constituents, Petronius, *Satyricon*, *ablativus absolutus*.

1. Введение

Принято считать, что в латинском языке порядок слов в зависимых клаузах является менее свободным, чем в независимых клаузах¹. При исследовании порядка слов нам встретилось несколько примеров с оборотами *ablativus absolutus*, где можно отметить влияние прагматических факторов на расположение элементов (Kormilina 2019: 528). Вопрос о том, как располагаются слова внутри вставных предикаций на примере оборота *ablativus absolutus*, в традиционных грамматиках не освещается. Более общий вопрос, является ли порядок слов во вставных клаузах менее свободным, чем в независимых клаузах, требует проверить, можно ли отнести порядок слов в обороте *ablativus absolutus* к чисто прагматическим характеристикам.

Действительно, расположение подлежащего в обороте *ablativus absolutus* можно объяснить, прибегнув к прагматическому анализу. В примере (1), который нам встретился при анализе порядка слов в «Новелле об эфесской матроне», логическое подлежащее оборота *muliere* выступает в функции фокуса, так как воин увидел женщину впервые², и стоит после причастия, так как фокус, содержащий новую информацию, тяготеет к концу предложения при «объективном порядке» слов (Matezius 1967: 244).

1. Petron. *Sat.* 111, 7 *descendit igitur in conditorium, visaque pulcherrima muliere primo quasi quodam monstro infernisque imaginibus turbatus substitit.*

‘Он спускается в склеп и, увидев прекраснейшую женщину, сначала останавливается, взволнованный как будто каким-то чудом или загробным видением’.

---

¹ Так, для придаточных предложений более характерным является финальное расположение глагола: “In Latin of all periods, including that of very late antiquity, final position of the verb was appreciably more common in subordinate than in main clauses” (Adams 1976: 93). См. Walker 1918: 656; Linde 1923: 154.

² Конструкцию можно перевести деепричастным оборотом: «увидев прекраснейшую женщину», в котором *muliere* будет играть роль дополнения. С. Дик отмечает, что позиция дополнения или второго аргумента предпочтительна для введения нового топика (фокуса): “... the object or second argument position is often used for the introduction of New Tops... In the circus we saw an elephant called Jumbo” (Dik 1997: 315).

В обороте *ablativus absolutus*, содержащем *participium praesentis activi*, расположение подлежащего после причастия тоже можно объяснить прагматическими факторами (Kormilina 2019: 537), пример (2):

2. Petron. *Sat.* 112, 2 *nec deformis aut infacundus iuvenis castae videbatur, conciliante gratiam ancilla ac subinde dicente...*

‘Не безобразным и не лишенным дара слова показался юноша целомудренной женщине, а **служанка при этом пыталась снискать** благосклонность госпожи и часто повторяла...’

В обороте *ablativus absolutus* логическое подлежащее *ancilla* выполняет функцию фокуса и располагается после причастия. Служанка до этого упоминалась, но в предыдущей клаузе речь шла о войне, в этом предложении *ancilla* появляется спустя какое-то время, отсюда постпозитивное расположение элемента, содержащего новую информацию.

Объяснять прагматически порядок слов в обороте *ablativus absolutus* предлагал в 2021 году и Х. Пинкстер в своем фундаментальном труде о латинском синтаксисе. В случаях, когда в состав оборота входит *participium perfecti passivi*, автор обращает внимание на то, что подлежащее оборота является пациенсом (неодушевленным предметом), поэтому чаще выступает в функции фокуса, что может быть причиной его положения после причастия (Pinkster 2021: 1046), как в примере (3):

3. Cic. *Dom.* 96 ... *incitata vis ... adflicto senatu, perterritis equitibus Romanis, suspensa ac sollicita tota civitate non tam in me impetum faceret ...*

‘... после того как **сенат был сокрушен, римские всадники запуганы, всё государство стало неустойчивым и растревоженным**, поднявшееся насилие обратилось не столько против меня ...’

В обороте *ablativus absolutus* с *participium praesentis activi*, как отмечает Пинкстер, подлежащее чаще располагается в начале, являясь при этом агенсом (Pinkster 2021: 1045). Далее он указывает на тенденцию, в соответствии с которой подлежащее, располагающееся в начале, часто выступает в функции топика. Пинкстер приводит пример, в котором существительное Crasso выступает в функции контрастивного дискур-

сивного топика (до этого идет *me dicentem* «когда я говорил»³), пример (4):

4. Cic. *De or.* 2, 364 ... *Crasso dicente nemo tam arrogans qui similiter se umquam dicturum esse confideret.*

‘Когда Красс говорил, никто не был так самонадеян, чтобы быть уверенным, что он когда-либо будет говорить так же.’

Если подлежащее оборота выступает в функции фокуса, оно располагается после причастия, как в примере (5), в котором Торкват, хотя и является знакомым лицом для Аттика⁴, упоминается впервые:

5. Cic. *Att.* 4, 18, 3 *Accedit etiam Gabinius, quem P. Sulla ... postularat, contra dicente et nihil obtinente Torquato.*

‘Присоединился и Габиний, которого Публий Сулла ... привлек к судебной ответственности, в то время как Торкват выступал против, но ничего не достиг.’

При рассмотрении объяснений Пинкстера стоит отметить, что сами по себе семантические роли агенса и пациенса не влияют на порядок слов, который определяется тем, что пациенс связан с функцией фокуса, а агенс – топика. В 2019 году мы опубликовали работу, в которой отметили, что одним из объяснений финальной позиции подлежащего может быть то, что оно приобретает функцию фокуса.

В текстах встречаются и более сложные случаи, которые Пинкстер предлагает объяснять прагматическими факторами. Так, например, подлежащее оборота может упоминаться в предыдущих предложениях и выступать в функции топика, при этом располагаясь после причастия (Pinkster 2021: 1047), пример (6):

6. Caes. *BGall.* 2, 31, 6 *Sibi omnes fere finitimos esse inimicos ac suae virtuti invidere, a quibus se defendere traditis armis non possent.*

---

³ Здесь Цицерон говорит о выдающихся способностях Красса к красноречию и сравнивает свои выступления с речью Красса: во время выступления Цицерона любой мог предположить, что он скажет не хуже.

⁴ Цицерон упоминает об Авле Габинии (проконсуле Сирии) и говорит, что он убежден в том, что всех оправдают из-за робости судей, опасавшихся диктатуры Помпея.

‘Почти все соседи были для них врагами и завидовали их доблести; от этих соседей они не смогли бы защитить себя, **если бы отдали оружие**’.

В примере (6) подлежащее *armis* выступает в функции топика, но располагается после причастия, что, по мнению Пинкстера, объясняется контрастом, так как *traditis* в этом случае имеет значение *sine* («без»).

Пинкстер также отмечает расхождение в порядке слов в похожих конструкциях *lugente senatu* и *senatu poscente* в примере (7) и объясняет такое расположение прагматическими факторами, в первом случае мы задаем вопрос «Кто оплакивал?», в функции фокуса выступает *senatu*, во втором случае «Что делал сенат?», в функции фокуса выступает *poscente* (Pinkster 2021: 1046):

7. *Cic. Dom. 26 An . . . licuit tibi ferre non legem sed nefarium privilegium **lugente senatu**, maerentibus bonis omnibus, totius Italiae precibus repudiatis, oppressa captaque re publica? Mihi populo Romano implorante, **senatu poscente**, temporibus rei publicae flagitantibus non licuit de salute populi Romani sententiam dicere?*

‘Неужели тебе было позволено предлагать не закон, а постановление, нарушающее божеские веления, **в то время как скорбит сенат** и горюют все добропорядочные граждане, после того как мольбы всей Италии были отвергнуты, а государство раздавлено и взято в плен? А мне, **когда** римский народ умоляет, **сенат требует**, условия времени, в которых оказалось государство, зывают, не было дозволено высказать мнение о спасении римского народа?’

В лингвистической литературе нам также встретились и другие объяснения расположения элементов в обороте *ablativus absolutus*. Так, Я. де Йонг в своем исследовании обнаруживает, что в обороте *ablativus absolutus* с *participium perfecti passivi* у Цезаря подлежащее располагается до причастия в два раза чаще (SV-69 %/VS-31 %). Он предлагает объяснять препозицию подлежащего тем, что оно чаще выполняет функцию фокуса (Jong 1982: 100). Он считает, что порядок слов в этом обороте больше напоминает порядок слов в именной группе, чем в финитной клаузе, а в именной группе эмфатические элементы располагаются раньше неэмфатических (Jong 1982: 96). Так в примере (8) в подлежащем заключена самая важная инфор-

мация, оно является новым элементом, который появляется в рассказе, и располагается в начале (Jong 1982: 96–97):

8. Caes. *BGall.* 2, 30, 3 *aggere exstructo turrim procul constitui viderunt.*

‘Когда была возведена насыпь, они увидели, что вдали сооружают башню’.

В обороте *ablativus absolutus* также встречается расположение подлежащего после причастия. Такой порядок де Йонг объясняет тем, что в этом случае сказуемое выполняет функцию фокуса, тогда как подлежащее является данным элементом, пример (9):

9. Caes. *BGall.* 5, 48, 4 *hanc (epistulam) Graecis conscriptam litteris mittit, ne intercepta epistula nostra ab hostibus consilia cognoscantur.*

‘Он посылает письмо, написанное на греческом языке, чтобы в случае перехвата письма наши замыслы не стали известны врагам’.

Помимо того, что на препозицию подлежащего влияет его коммуникативный статус, де Йонг отмечает и другие факторы, которые могут иметь значение для порядка слов в обороте *ablativus absolutus*: анафору, пример (10), и функционирование другого элемента (прямого дополнения) в качестве фокуса, пример (11):

10. Caes. *BGall.* 1, 30, 5 *ea re permissa ...*

‘после того как это дело было разрешено...’

11. Caes. *BGall.* 4, 12, 1 *nihil timentibus nostris ...*

‘в то время как наши ничего не боялись...’

В обороте *ablativus absolutus*, включающем *participium praesentis activi*, у Цезаря подлежащее чаще располагается после сказуемого (SV 43 %/VS 57 %). Меньшее количество примеров с порядком SV слов (подлежащее – сказуемое) по сравнению с примерами оборота, в состав которого входит *participium perfecti passivi*, де Йонг предлагает объяснять тем, что в последнем случае нет необходимости совмещать функцию подлежащего с фокусом предложения (Jong 1982: 100).

Мнение де Йонга о том, что преобладание порядка SV в обороте *ablativus absolutus* с *participium perfecti passivi* обусловлено выдвиганием подлежащего-фокуса в эмфатическую позицию, как в именной группе, нам не кажется убедительным. Мы считаем, что порядок слов в обороте отражает ситуацию,

складывающуюся в финитной клаузе, в которой фокус тяготеет к конечной позиции. Де Йонг же говорит, что в финитных клаузах подлежащее обычно стоит в начале, так как выполняет функцию топика, а в конструкции *ablativus absolutus* подлежащее стоит до сказуемого, так как выполняет функцию фокуса (Jong 1982: 100). Он отмечает, что в обороте *ablativus absolutus* чаще встречается пассивное причастие (90 %), которое используется не под влиянием прагматики, а так как в латинском языке отсутствует активное перфектное причастие. На основании этого де Йонг делает вывод о том, что в обороте *ablativus absolutus* логическое подлежащее выполняет функцию фокуса чаще, чем в простом предложении. Постпозиция подлежащего-фокуса, по его мнению, является более характерной для финитного предложения: *Relinquebatur una per Sequanos via* (Caes. *BGall.* 1, 9, 1). Предположение де Йонга о том, что порядок в обороте похож на порядок элементов в именной группе, не сходится с теми результатами, которые мы получили при исследовании оборота у Петрония. У Петрония порядок слов в этих оборотах похож на порядок в финитной клаузе. Мы можем предположить, что у Цезаря преобладание порядка *SV* даже в обороте с *participium perfecti passivi* связано с тем, что Цезарь был «фанатиком конечного расположения глагола» в главном и придаточном предложениях, как его называет П. Линде (Linde 1923: 154). Стоит отметить, что материалом для де Йонга послужили только первые четыре книги «Записок о Галльской войне» Цезаря, поэтому статистические данные ученого не являются окончательными.

Вслед за де Йонгом есть все основания видеть анафорические элементы, которые выполняют функцию топика и поэтому располагаются в начале клаузы. Также де Йонг верно отмечает случаи, когда на первое место в обороте выдвигаются другие элементы, которые принимают функцию фокуса.

В случае же с преобладанием порядка *SV* в обороте с *participium praesentis activi* у Цезаря нам кажется, что перевес в данном случае не является достаточным (*VS* 57% против *SV* 43%), чтобы можно было говорить о той или иной тенденции.

2. *Ablativus absolutus* с *participium perfecti passivi* и *participium praesentis activi* у Петрония

В качестве объекта исследования мы взяли весь «Сатирикон» Петрония и рассмотрели все случаи употребления оборота *ablativus absolutus* с *participium perfecti passivi* и *participium praesentis activi*. Статистические данные отражены в Таблице 1:

Таблица 1. Расположение подлежащего и сказуемого в обороте *ablativus absolutus*

	SV	%	VS	%	Всего
<i>participium perfecti passivi</i>	27	23 %	89	77 %	116
из них					
- совпадают действующие лица	27	23 %	75	65 %	
- не совпадают действующие лица	-	-	14	10 %	
<i>participium praesentis activi</i>	11	31%	24	69 %	35
Всего					151

Как видно из таблицы 1, в обороте с *participium perfecti passivi* у Петрония подлежащее почти в четыре раза чаще располагается после сказуемого, что может быть обусловлено тем, что подлежащее чаще выполняет функцию фокуса. Данные подтверждают нашу гипотезу⁵.

В обороте *ablativus absolutus* с *participium praesentis activi* наблюдается похожая тенденция: подлежащее в два раза чаще стоит после сказуемого, однако в обороте с этим причастием ожидалось бы скорее преобладание порядка SV в соответствии

⁵ Ср. статистику для финитных глаголов у Петрония в независимых предложениях: OV — 156 примеров, VO — 64 примера (Kormilina 2010). Примеры с порядком VO составляют почти одну треть всех примеров (29 %).

Если сравнивать расположение подлежащего в обороте с пассивным причастием со статистикой расположения прямого дополнения, predisposed к роли пациенса, в финитных независимых предложениях, то можно заметить, что порядок глагол-пациенс встречается во вставных клаузах значительно чаще, чем в финитных независимых, хотя количество примеров с порядком VO в финитных клаузах является значительным (29 %).

с «объективным порядком» и семантической ролью подлежащего⁶. Постпозиция подлежащего может объясняться тем, что оно выступает в функции фокуса.

2.1. Расположение подлежащего и сказуемого в обороте *ablativus absolutus* с *participium perfecti passivi*

Соотношение примеров с порядком SV и VS в обороте *ablativus absolutus* с *participium perfecti passivi* мы можем увидеть в таблице 2.

Таблица 2. Расположение подлежащего и сказуемого в обороте *ablativus absolutus* с *participium perfecti passivi*

	SV	%	VS	%	Всего
<i>participium perfecti passivi</i>	27	23 %	89	77 %	116
из них					
- совпадают действующие лица	27	23 %	75	65 %	
- не совпадают действующие лица	-	-	14	10 %	

Мы уже отметили значительное преобладание примеров с порядком VS (89 примеров из 116), что, по нашему мнению, может быть вызвано функционированием подлежащего в роли фокуса. Однако стоит отметить и семантическую роль пациента, о которой говорит Пинкстер.

Поскольку был обнаружен наиболее частотный порядок VS, подробнее мы рассмотрим случаи с противоположным порядком.

2.1.1. Случаи с VS

Среди примеров с порядком VS мы выделили две группы. Первую составляют случаи, в которых действующие лица оборота *ablativus absolutus* и предложения совпадают (75 примеров), вторую — случаи, в которых совпадений нет (14 примеров). В первой группе можно отметить повторяющиеся подлежащие в обороте (*fores*, *crines/capilli*, *manus*, *gladium*,

⁶ Ср. статистику (Kormilina 2010) для финитных глаголов у Петрония в независимых предложениях: SV — 200 примеров — SV 91 %; VS — 20 примеров, 9 %.

caput, vultus, frons, genu, vestis). Вот некоторые из них (примеры (12) – (14)), подобные примеру (1):

2.1.1.1. Случаи, в которых действующие лица оборота и предложения совпадают

12. 91, 3 *Supprimere ego querelam iubeo, ne quis consilia deprehenderet, relictoque Eumolpo — nam in balneo carmen recitabat — per tenebrosum et sordidum egressum extraho Gitona raptimque in hospitium meum pervolo.*

‘Я приказываю прекратить жалобы, чтобы никто не услышал наши замыслы, и, оставив Эвмолпа, который читал стихотворение в бане, через темный и грязный выход вытаскиваю Гитона и тотчас спешу в гостиницу.’

13. 109,1 *Utitur paenitentiae occasione dux Eumolpos, et castigato ante vehementissime Licha tabulas foederis signat, quis haec formula erat ...*

‘Вождь Эвмолп воспользовался моментом раскаяния и, сначала сильно выбрав Лиха, приложил печать к табличкам договора, на которых было написано ...’

2.1.1.2. Случаи, в которых действующие лица оборота и предложения не совпадают

14. 1 47, 8 *Nam mundatis ad symphoniam mensis tres albi sues in triclinium adducti sunt capistris et tintinnabulis culti, quorum unum bimum nomenclator esse dicebat, alterum trimum, tertium vero iam sexennem.*

‘После того как под аккомпанемент музыки со столов было убрано, в триклиний были приведены три белых свиньи с намордниками и колокольчиками, одной из которых, как сказал номенклатор, два года, другой — три года, а третьей — уже шесть лет.’

2.1.2. Случаи с SV

Случаи с порядком SV (27 примеров из 116) мы рассмотрим подробнее, выделяя 4 группы примеров в зависимости от факторов, влияющих на такое расположение.

2.1.2.1 Первая группа (6 примеров)

Четвертую часть примеров (6 примеров из 27) составляют случаи, в которых в функции подлежащего на первом месте стоит анафорическое или относительное местоимение (*hic, qui*), которое функционирует как топик, примеры (15) — (18):

15. 9, 6 *Quibus ego auditis intentavi in oculos Ascyli manus et ... inquam ...*

‘Услышав это, я протянул руки к глазам Аскилта и сказал ...’

16. 51, 5 *Hoc facto putabat se soleum Iovis tenere, utique postquam illi dixit:*

‘После того как это свершилось, он подумал, что уже получил трон Юпитера, в особенности, после того как Цезарь ему сказал ...’

17. 117,11 *His ita ordinatis, "quod bene feliciterque eveniret" precati deos viam ingredimur.*

‘Устроив таким образом дела и помолившись богам о благополучном и удачном исходе, мы отправились в путь.’

18. 134, 10 *His auditis Oenothea inter utrumque consedit, motoque diutius capite ... inquit ...*

‘Услышав это, Энотея села между нами обоими и после долгого покачивания головой сказала ...’

См. также 115, 6; 133, 1.

2.1.2.2 Вторая группа (11 примеров)

В следующих примерах подлежащее, возможно, выполняет функцию топика, поэтому и располагается перед сказуемым. При анализе примеров (19) — (24) необходимо посмотреть на предыдущий контекст, установив, содержат ли эти элементы известную информацию.

В примере (19) героям приходится превозмогать усталость, о которой говорится чуть ранее, после многочисленных испытаний устроительница пира решила их пощадить (*iussit infelicibus dari missionem* приказала дать прощение), слово *lassitudine* не является новой информацией:

19. 21,5 *Utcunque ergo lassitudine abiecta cenatoria repetimus et in proximam cellam ducti sumus, in qua tres lecti strati erant et reliquis lautitiarum apparatus splendidissime expositus.*

‘Итак, кое-как отбросив усталость, мы вернулись к застольным одеждам, и были проведены в соседнюю комнату, в

которой были расстелены три постели и были прекраснейшим образом разложены остальные предметы роскоши’.

В примере (20) об игре речь шла до этого: Тримальхион играл в кости, *lusu* здесь можно понять как топикальный элемент:

20. 34, 1 *Iam Trimalchio eadem omnia lusu intermisso poposcerat feceratque potestatem clara voce, siquis nostrum iterum vellet mulsum sumere, cum subito signum symphonia datur et gustatoria pariter a choro cantante rapiuntur.*

‘Тогда Тримальхион, **прекратив игру**, всего того же самого себе потребовал и проявил власть громким голосом, если кто-то из нас ещё медового вина захочет взять, когда внезапно раздалась музыка и закуски были унесены хором, поющим в унисон’.

В примере (21) Тримальхион начинает объяснять, почему в триклиний привели трех белых свиней. Герои становятся свидетелями очередного сюрприза хозяина, а Энколпий предполагает, что фокусники заставят животных выделывать какие-то трюки. *Expectatione* можно трактовать как топикальный элемент, так как все гости ждали объяснения Тримальхиона:

21. 47, 10 *Sed Trimalchio expectatione discussa ... inquit ...*

‘Но Тримальхион, **устранив ожидание**, сказал ...’

В примере (22) *foederibus* может функционировать как топик, так как до этого речь идет о мирном договоре:

22. 109, 4 *In haec verba foederibus compositis arma deponimus, et ne residua in animis etiam post iusiurandum ira remaneret, praeterita aboleri oculis placet.*

‘После того как договор был составлен в таких словах, мы сложили оружие и решили прошедшее смыть поцелуями, чтобы не сохранилось и остатка гнева в душах после клятвы’.

В примере (23) *obiurgatione* можно понять как топик, так как до этого Энколпий ругается на свою мужскую силу:

23. 132, 12 *Nec minus ego tam foeda obiurgatione finita paenitentiam agere sermonis mei coepi secretoque rubore perfundi, quod oblitus verecundiae meae cum ea parte corporis verba contulerim, quam ne ad cognitionem quidem admittere severioris notae homines solerent.*

‘После **окончания гнусной брани** я стал не меньше раскаиваться в своей речи и втайне покрылся краской, так как, забыв о своей стыдливости, обменивался словами с той частью тела, которую люди более сурового характера обычно даже не признают’.

В примере (24) *tribus potionibus* можно понять как топик, так как дальше идет уточнение *e lege*, значит, это что-то всем известное:

24. 136, 11 *Collocavit illa ignem cassis harundinibus collectum, ingestisque super pluribus lignis excusare coepit moram, quod amica se non dimisisset **tribus nisi potionibus e lege siccatis**.*

‘Она положила собранный огонь на пустой тростник и, подбросив сверху побольше дров, начала оправдываться за задержку, так как подруга ее не отпускала, **пока по обычаю не выпьет три раза**’.

См. также примеры 11, 1; 82, 4; 105, 9; 130, 7; 131, 10.

2.1.2.3 Третья группа (7 примеров)

В примерах (25) — (31) подлежащее оборота содержит новую информацию, но при этом располагается до сказуемого:

25. 54, 2 *Ipse Trimalchio cum graviter ingemisset superque brachium tanquam laesum incubisset, concurrere medici, et inter primos Fortunata **crinibus passis cum scypho, miseramque se atque infelicem proclamavit**.*

‘Когда сам Тримальхион тяжело застонал и склонился над рукой, словно она была повреждена, подбежали врачи, и среди первых Фортуната **с распущенными волосами** и с бокалом закричала, что она жалкая и несчастная’.

26. 17, 3 *Ut ergo tam ambitiosus detonuit imber, rexit superbum pallio caput, et **manibus** inter se usque ad articulorum strepitum **constrictis** ... inquit ...*

‘Однако, как только показной ливень из слёз прекратился, она обнажила гордую голову, скинув покрывало, и, **сжав руки** меж собой до хруста суставов, сказала ...’

27. 57, 5 *Homo inter homines sum, **capite aperto ambulo** ...*

‘Я — человек среди людей, гуляю **с непокрытой головой** ...’

28. 101, 1 *Intremui post hoc fulmen attonitus, **iuguloque detecto** ... inquam ...*

‘Я задрожал, пораженный такой вспышкой гнева, и, обнажив горло, сказал ...’

29. 55, 2 *«Ita, inquit Trimalchio, non oportet hunc casum sine inscriptione transire», statimque codicillos poposcit et non diu **cogitatione distorta** haec recitavit ...*

‘И говорит Тримальхион: «Так, не следует, чтобы это дело прошло без надписи (записи)», и тотчас же потребовал дощечки и, **подумав**, прочитал следующее ...’

30. 47, 1 *Eiusmodi tabulae vibrabant, cum Trimalchio intravit et deterosa fronte unguento manus lavit; spatioque minimo interposito ... inquit ...*

‘Вот такого рода разговоры витали в воздухе, когда Трималхион вошёл и, вытерев лоб, омыл руку благовониями и почти без паузы сказал ...’

31. 67, 3 *Et coeperat surgere, nisi signo dato Fortunata quater amplius a tota familia esset vocata.*

‘И начал (Габинна) уже было подниматься, если бы по данному сигналу вся челядь не позвала Фортунату множество раз’.

Однако в подобных выражениях мы отметили порядок VS как наиболее частотный:

- spatio interposito — 1 пример, interposito spatio/interpositis diebus/interposita hora — 3 примера;

- со словом manus: manibus constrictis — 1 пример, sublatis manibus/comlosis manibus/infractis manibus/erectis manibus/restrictis manibus/admotis manibus/detersis manibus/positis manibus/apposita manu/involuta manu — 13 примеров

- со словом caput: capite aperto — 1 пример, opertis capitibus/obruato capite/moto capite/coniunctis capitibus — 4 примера;

- со словом crines: crinibus passis — 1 пример, passis crinibus/passis capillis — 2 примера.

Менее частотные случаи с порядком слов SV (manibus constrictis, capite aperto, crinibus passis) и такие устойчивые выражения, как spatio interposito, требуют отдельного рассмотрения.

2.1.2.4 Четвертая группа (3 примера)

Последнюю группу составили примеры со сказуемым, выраженным глаголом facere без особой семантической нагрузки, примеры (32) — (33):

32. 14, 8 *Hinc Ascyrtos bene risum discussit, qui silentio facto ... inquit ...*

‘Тут Аскирт быстро смех рассеял, и, после того как все замолчали, сказал ...’

33. 59, 3 *Mox silentio facto ... inquit ...*

‘Вскоре после наступления тишины он сказал ...’

См. также 24, 4.

2.1.3. Вывод

В обороте с пассивным причастием, как мы уже отмечали, обнаружен наиболее частотный порядок VS (89 примеров, то есть 77 %). Так как мы предполагали, что дефолтным порядком является VS, мы объясняли только обратный порядок (SV).

Среди 27 примеров с порядком SV (23 %) можно выделить четыре группы в соответствии с теми или иными факторами, влияющими на расположение, что отражено в таблице 3.

Таблица 3. Прагматическая характеристика примеров с препозицией подлежащего в обороте с *participium perfecti passivi*

Анафорическое местоимение в начале	6 примеров
S - топик	12 примеров
S - новая информация	7 примеров
S + <i>facere</i>	3 примера

Из таблицы 3 видно, что 18 из 27 примеров содержат топикальные элементы в начале, что вполне согласуется с «объективным порядком» изложения информации. Сложными для трактовки остаются только 7 примеров, в которых подлежащее, содержащее новую информацию, располагается в начале, тогда как мы предполагаем, что подлежащее-фокус тяготеет к постпозиции. Примеры со сказуемым, выраженным глаголом *facere*, скорее всего, следует рассматривать отдельно.

2.2. Расположение подлежащего и сказуемого в обороте *ablativus absolutus* с *participium praesentis activi*

Соотношение примеров с порядком SV и VS отражено в таблице 4.

Таблица 4. Расположение подлежащего и сказуемого в обороте *ablativus absolutus* с *participium praesentis activi*

	SV	%	VS	%	Всего
<i>participium praesentis activi</i>	11	31 %	24	69 %	35

Из таблицы 4 видно, что в обороте *ablativus absolutus* с *participium praesentis activi* подлежащее в два раза чаще располагается после причастия (24 из 35), хотя по нашему предположению дефолтный (предполагаемый по умолчанию) порядок в этом случае — SV, так как подлежащее чаще выполняет функцию топика.⁷ На это может влиять, как отметил Пинкстер, тот факт, что подлежащее является агенсом. Расположение подлежащего после причастия может быть и в этом случае обусловлено тем, что подлежащее выступает в функции фокуса.

2.2.1. Примеры с SV (11 примеров)

Так как мы считаем порядок слов SV дефолтным, то на этих примерах мы подробно останавливаться не будем. Вот некоторые из них, примеры (34) — (35):

34. 137, 5 Dum haec **me stupente** in lectulo sedet anserisque fatum complorat, interim Proselenos cum impensa sacrificii venit ...

‘Пока она [Энотея], **к моему удивлению**, сидит на кровати и оплакивает судьбу гуся, приходит Проселена с расходами за жертву ...’

35. 92, 12 Haec **Eumolpo dicente** mutabam ego frequentissime vultum, iniuriis scilicet inimici mei hilaris, commodis tristis ...

‘Пока Эвмолп это говорил, я много раз менялся в лице, разумеется, из-за обид, нанесенных нашему врагу, радовался, из-за удач расстраивался’.

2.2.2. Примеры с VS

Из таблицы 4 (см. выше) видно, что порядок VS превышает SV почти в два раза. Мы предполагаем, что на постпозицию подлежащего может влиять то, что оно функционирует как фокус.

Среди всех примеров мы выделили 4 группы в соответствии с прагматической характеристикой элементов клауз.

---

⁷ О предрасположенности топика к выполнению функции подлежащего говорит О. Спевак, она объясняет это их семантическими и референциальными свойствами: “...animate, human entities bearing a high degree of individuation are more likely to be assigned subject function than other entities” (Spevak 2010: 67).

2.2.2.1 Первая группа (13 примеров)

В некоторых примерах, как мы отмечали ранее, логическое подлежащее оборота может выполнять функцию фокуса и располагаться после причастия, как в примере (2), разобранном выше.

В остальных примерах можно отметить похожую тенденцию, где в функции фокуса выступают элементы, выражающие новую информацию, примеры (36) — (44):

36. 52, 9 *Atque ipse erectis super frontem manibus Syrum histrionem exhibebat concinente tota familia: μάδεια περσιόδεια.*

‘И он сам с поднятыми над головой руками начал изображать сирийского актёра **под пение всей челяди**: «Мадейя, перимадейя»’.

37. 71, 4 *Gratias agere omnes indulgentiae coeperant domini, cum ille oblitus nugarum exemplar testamenti iussit affferri et totum a primo ad ultimum ingemescente familia recitavit.*

‘Все начали благодарить хозяина за милость, когда он, забыв о шутках, приказал, чтобы принесли образец завещания, и вслух прочел всё от начала до конца **при столах челяди**’.

38. 68,3 *Interim puer Alexandrinus, qui caldam ministrabat, lusciniis coepit imitari clamante Trimalchione subinde: «Muta!».*

‘Тем временем александрийский раб, который обносил всех тёплой водой, начал подражать соловьям, **когда Тримальхион внезапно закричал**: “Поменяй!”’

39. 54, 1 *Cum maxime haec dicente Gaius puer Trimalchionis delapsus est.*

‘**Когда Гай говорил именно это**, раб свалился на Тримальхиона.’

40. 108, 12 *Stante ergo utraque acie, cum appareret futurum non tralaticium bellum, aegre expugnavit gubernator ut caduceatoris more Tryphaena indutias faceret.*

‘Итак, **когда и тот и другой боевой строй продолжал стоять**, и было ясно, что война будет не обычная, кормчий с трудом добился, чтобы Трифена подобно парламентеру заключила перемирие’.

41. 141, 2 *Omnes, qui in testamento meo legata habent, praeter liberos meos hac condicione percipient quae dedi, si corpus meum in partes coniderint et astante populo comederint.*

‘Все, кто в моем завещании имеют назначенное, кроме моих вольноотпущенников, получают то, что я дал, при условии, что разрежут мое тело на части и съедят его **в присутствии народа**’.

42. 72, 7 *Cum haec placuissent, **ducente per porticum Gitone ad ianuam venimus, ubi canis catenarius tanto nos tumultu excepit, ut Ascylos etiam in piscinam ceciderit.***

‘Когда на этом порешили, **под предводительством Гитона** мы прошли через портик к двери, где цепной пёс нас принял с таким шумом, что Аскилт даже упал в садок’.

43. 28, 4 *Hinc involutus coccina gausapa lecticae impositus est **praecedentibus phaleratis cursoribus quattuor et chiramaxio, in quo deliciae eius vehebantur, puer vetulus, lippus, domino Trimalchione deformior.***

‘После этого он, завернутый в алую байковую одежду, расположился на ложе, **в то время как впереди него шли четыре гонца с металлическими украшениями и катилась ручная тележка**, на которой ехал его любимый, старенький мальчик, страдающий гнойным воспалением глаз, более безобразный, чем его хозяин Тримальхион’.

44. 109, 5 ***Exhortantibus universis odia detumescunt, epulaeque ad certamen prolatae conciliant hilaritate concordiam.***

‘**При всеобщем поощрении** ненависть утихает, а еда, принесенная на поле боя, приводит к согласию благодаря радостному настроению’.

См. также 25,3; 69, 4; 113, 1.

2.2.2.2 Вторая группа (3 примера)

В следующих примерах мы бы ожидали, что подлежащее в обороте будет располагаться до причастия, так как оно выражено местоимением, для которого характерна функция топика, поскольку оно указывает на известную информацию. Возможно, однако, что такая позиция является контрастивной, когда сначала идет фокус – *tacentibus, nolente, dicente*, примеры (45) – (47).

45. 17, 1 ***Tacentibus adhuc nobis et ad neutram partem adsentationem flectentibus** intravit ipsa, una comitata virgine, sedensque super torum meum diu flevit.*

‘Пока мы всё еще молчали и не высказывали одобрения ни по какому пункту, вошла сама госпожа, сопровождаемая одной девушкой, и, усевшись на мою постель, долго плакала’.

В примере (45) до этого предложения говорит служанка Квартиллы, она передает просьбу своей госпожи, которая желает побеседовать с героями. Tacentibus можно понять в контрастивном ключе: пока мы МОЛЧАЛИ, вошла сама госпожа.

46. 76, 10 *Et sane nolente me negotium meum agere exhortavit mathematicus, qui venerat forte in coloniam nostram, Graeculio, Serapa nomine, consiliator deorum.*

‘И меня, не желающего вести какие-либо торговые дела, приободрил математик, который случайно забрёл в наше поселение, гречонок по происхождению, по имени Серапа, советник богов’.

В примере (46) до этого предложения Тримальхион рассказывает, что он бросил торговлю и вел дела через вольноотпущенников. Nolente me тоже можно понять контрастивно: Несмотря на то, что я НЕ ХОТЕЛ, меня уговорил математик ...

47. 74,1 *Haec dicente eo gallus ... cantavit.*

‘Когда он (Тримальхион) говорил это, запел петух’.

В примере (47) Тримальхион до этого предлагает продолжать пировать до рассвета, но его прерывает петух: При ЭТИХ СЛОВАХ Тримальхиона запел петух.

2.2.2.3 Третья группа (5 примеров)

В следующих примерах подлежащие можно рассматривать как топикальные элементы, это уже известная информация (saevitia, ioci, solitudo, iracundia, tunica), однако располагаются они после сказуемого, здесь, вероятно, можно отметить эмотивную модель «фокус–топик», примеры (48) — (52).

В примере (48) гнев Энколпия, который был упомянут в предыдущем предложении, начал утихать (iramque meam prudenti absentia extinxit — мой гнев Гитон погасил благоразумным отсутствием):

48. 94, 4 *Paululum ergo intepescente saevitia ... inquam ...*

‘Итак когда моя жестокость понемногу стала ослабевать, я сказал ...’

В примере (49) *iocis* может восприниматься как топикальный элемент, поскольку до этого Эноклпий шутливо разговаривает со служанкой:

49. 126, 12 *Procedentibus deinde longius iocis rogavi ut in platanona produceret dominam.*

‘Затем, пока шутки продолжали сыпаться, я попросил служанку привести хозяйку в платановую рощу’.

В примере (50) *solitudine* можно понять как топикальный элемент, в предыдущем предложении Эноклпий рассказывает, что он переселился в другое место, так как не хотел, чтобы его застал в гостинице помощник учителя Менелай (*solum me in deversorio inveniret* – ‘как бы не нашел меня одинокого’):

(50) 81, 2 *Ibi triduo inclusus, redeunte in animum solitudine atque contemptu, verberabam aegrum planctibus pectus...*

‘Заключенный там три дня, я сотрясал рыданиями болевшее сердце в размышлениях об одиночестве и о презрении...’

В примере (51) *iracundia* следует понимать также как топикальный элемент, в ближайшем предыдущем контексте он не упоминается, но о гневе Эноклпия речь шла чуть ранее:

51. 96, 3 *Ego durante adhuc iracundia non continui manum, sed caput miserantis stricto acutoque articulo percussi.*

‘Я, пока мой гнев еще длился, не удержал руку и сжатым кулаком резко ударил в голову жалостливого друга’.

В примере (52) *tunica* можно понять как топикальный элемент, поскольку туника Фортунаты упоминалась чуть ранее (67, 4: *ita ut infra cerasina appareret tunica* так что снизу показывалась вишнёвая туника):

52. 67, 12 «*Au! au!*» *illa proclamavit aberrante tunica super genua.*

‘“Ай! Ай!” — закричала она (Фортуната), когда туника оказалась выше колен’.

2.2.2.4 Четвертая группа (3 примера)

Есть примеры (53) — (55) трудные для интерпретации, в которых трудно понять логическое подлежащее оборота *ablativus absolutus* как фокус.

53. 12, 1 *Veniebamus in forum deficiente iam die, in quo notavimus frequentiam rerum venalium, non quidem pretiosarum sed tamen quarum fidem male ambulans obscuritas temporis facillime tegeret.*

‘К концу дня мы пришли на форум, где заметили обилие вещей, выставленных на продажу, не очень дорогих, однако невысокое качество которых совсем легко скрывала темнота вечера’.

В примере (54) цепь историй как будто бы указывает на то, что до этого происходил обмен историями. До этого в повествовании есть лакуна.

54. 20, 5 *Ascyltos, iam deficiente fabularum contextu ... inquit*
‘Аскилт, когда уже иссякала цепь историй, сказал ...’

55. 100, 3 *Sed repente quasi destruyente fortuna constantiam meam eiusmodi vox supra constratum puppis congemit ...*

‘Но внезапно, словно судьба лишала меня мужества, над помостом кормы голос громко простонал ...’

Если подлежащее функционирует как фокус, тогда мы задаем вопрос: «Кто делает?». В примерах (53) – (55), вряд ли, можно выделить топик и фокус. Скорее всего, такие предложения следует понимать как тетические (Testelefs 2001: 447). Для таких предложений характерна препозиция сказуемого (Testelefs 2001: 448).

2.2.3. Вывод

В обороте *ablativus absolutus* с активным причастием чаще всего встречается порядок VS (24 примера/69 %), но дефолтным порядком (по умолчанию) мы считаем SV, так как подлежащее с активным презентным причастием тяготеет к функции топика. Порядок (VS) по нашему предположению тоже может быть связан с функцией фокуса у подлежащего. Эта гипотеза была проверена на соответствие прагматической организации клаузы, что позволило выделить 4 группы, ср. табл. 5.

Таблица 5. Прагматическая характеристика примеров с постпозицией подлежащего в обороте *ablativus absolutus* с *participium praesentis activi*

S - фокус	13 примеров
контрастивное сказуемое	3 примера
эмотивный порядок	5 примеров
тетические предложения	3 примера

Из таблицы 5 видно, что отнюдь не все случаи расположения слов в клаузе можно связать с подлежащим в функции

фокуса. В некоторых случаях порядок VS может объясняться тем, что предпочтение было отдано эмотивной модели «фокус–топик». Также нам встретились тетические (то есть коммуникативно нерасчлененные) предложения, в начале которых чаще стоит сказуемое. Прагматическая организация оборота *ablativus absolutus* оказалась более пестрой, чем мы предполагали.

3. Общий вывод

Конструкция *ablativus absolutus* редко встречается в речах героев Петрония (6 раз из 151), поскольку сложные синтаксические конструкции не характерны для разговорной речи. Поэтому подсчеты в большей мере относятся к нарративным пассажам.

При детальном анализе было обнаружено, что прагматическая организация оборота *ablativus absolutus* более разнообразна, чем можно было предполагать. В результате проведенного исследования можно отметить, что, в обороте как с активным, так и с пассивным причастием преобладает порядок VS. Это неожиданно в обороте *ablativus absolutus* с активным причастием, но не с пассивным причастием, где логическое подлежащее оборота выполняет функцию фокуса, так что порядок SV в большинстве случаев (18 из 27 примеров) согласуется с «объективным порядком» изложения информации.

Проанализированный материал позволяет утверждать, что оборот *ablativus absolutus* похож на простое предложение, где также наблюдается относительная свобода порядка слов. В финитном предложении, согласно нашим подсчетам (Kormilina 2010) порядок VS встретился в 20 примерах (9%), при том что порядок SV без малого в десять раз частотнее (200 примеров, то есть 91 %).

Литература

- Adams, J. N. 1976: A Typological Approach to Latin Word Order. *Indogermanische Forschungen* 81, 70-99.
- Dik, S. C. 1997: *The Theory of Functional Grammar. Part 1: The Structure of the Clause*. Berlin, NY.
- Jong, J. R. de 1982: Word order within the Latin ablative absolute construction. In: *Linguistics in the Netherlands*. Ed. S. Daalder, M. Gerritsen. Amsterdam: North Holland, 95–101.

- Kormilina, A. A. 2010: Poryadok slov v latinskom yazyke (na materiale «Satirikona» Petroniya) [Word order in the Latin language (on the basis of the “Satyricon” by Petronius)]. Vypusknaya kvalifikacionnaya rabota magistra filologii (rukopis) [Master’s thesis (a manuscript)].
- Кормилина, А. А. 2010: Порядок слов в латинском языке (на материале «Сатирикона» Петрония). Выпускная квалификационная работа магистра филологии (рукопись). СПб., 2010.
- Kormilina, A. A. 2019: The order of the constituents in Petron. Sat. 111–112. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 23, v. 1, 520–545.
- Кормилина, А. А. 2019: К вопросу о порядке слов в Petron. Sat. 111–112. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, первый полутом, 520–545.
- Linde, P. 1923: Die Stellung des Verbs in der lateinischen Prosa. *Glotta* 12, 153–178.
- Matezius, V. 1967: About the so-called functional sentence perspective. In: *Prague Linguistic Study Group*. Moscow: Progress, 239–245.
- Матезиус, В. 1967: О так называемом актуальном членении предложения. В сб.: *Пражский лингвистический кружок*. М.: Прогресс, 239–245.
- Petronius 1904: *Saturae et Liber Priapeorum*. Ed. F. Bücheler. Berolini.
- Pinkster, H. 2021: *Oxford Latin Syntax. V. 2: The Complex Sentence and Discourse*. Oxford University Press.
- Spevak, O. 2010: *Constituent Order in Classical Latin Prose*. Amsterdam-Philadelphia.
- Testeleets, Ya. G. 2001: Vvedeniye v obshchij sintaksis [Introduction into General Syntax]. Moskva.
- Тестелец, Я. Г. 2001: Введение в общий синтаксис. М.
- Walker, A. T. 1918: Some Facts of Latin Word-Order. *The Classical Journal* 13, 644–657.

Antonio Corso
University of Cyprus, Nicosia, Cyprus. antoniocorso@hotmail.com

The Riace statues, the Valentini torso and the Stephanos' Athlete in the context of the nostalgia of the severe style for the heroic age

In this article analytic observations upon the two bronze statues discovered in the sea by Riace are suggested. The examination leads to the conclusion that both statues derive from the same concept of the anatomy and reflect the same vision of different parts of the body. The basic idea of the naked male body is geometric rather than realistic. Comparison with sculptures of the temple of Zeus at Olympia as well as with the Zeus of Cape Artemision suggests an attribution of the two Riace statues to a Peloponnesian workshop, perhaps to an Argive one. Very similar interpretations of naked male bodies are found in the Valentini torso as well as in the 'Athlete' of Stephanos' type. The latter creation may belong to the copyist tradition drawing from a prototype of the late severe style. These creations reflect the climate of the Peloponnesian aristocratic world of the period, permeated by antiquarianism and inspired by the images of mythical heroes, as they legitimized the power of the nobility of the time.

Keywords: statues from Riace, styles of Greek sculpture.

Антонио Корсо
Кипрский университет, Никозия, Кипр. antoniocorso@hotmail.com

Статуи из Риаке, торс Валентини и атлет Стефаноса в контексте ностальгии периода сурового стиля по героической эпохе

В этой статье предлагается анализ и наблюдения над двумя бронзовыми статуями, найденными в море возле Риаке. Автор приходит к выводу, что обе статуи отражают одну и ту же концепцию анатомии при изображении различных частей тела. Основная художественная идея обнаженного мужского тела скорее геометрическая, чем реалистическая. Сравнение со скульптурами храма Зевса в Олимпии, а также со скульптурой Зевса с мыса Артемисиона позволяет предположить принадлежность обеих статуй из Риаке пелопоннесской мастерской, возможно аргивской. Схожие интерпретации обнаженных мужских тел обнаруживаются в торсе Валентини, а также в типе атлета Стефаноса. Последний, возможно, отражает традицию копиистов, восходящую к прототипу позднего строгого стиля. Рассматриваемые скульптуры отражают аристократические идеалы, господствовавшие в то время на Пелопоннесе: они характеризуются сильной архаизирующей тенденцией и вдохновлены традиционными

образами героев мифа, поскольку аристократия того времени основывала на них свою легитимность.

Ключевые слова: скульптуры из Риаче, стили греческой скульптуры.

Scopo del presente articolo è di leggere analiticamente l'anatomia delle due statue rinvenute nel mare presso Riace¹ e di dedurre alcune conclusioni da tale disamina formale. Altre statue saranno esaminate per la stretta relazione delle rispettive forme anatomiche con quelle riacensi e infine alcune considerazioni sulla temperie epocale di questo mondo formale saranno proposte.

Anche se queste due statue vantano una letteratura scientifica notevole data la loro importanza, la descrizione di molti dettagli spesso non è compiuta, così si dimenticano importanti elementi di valutazione.

Prima di tutto bisogna dire che le due statue hanno un'altezza simile (*fig. 1*), poggiano sul terreno con entrambi i piedi a piena pianta dei piedi, presentano entrambe la gamba sinistra portata innanzi rispetto alla destra, la spalla sinistra è leggermente sollevata rispetto alla destra, il petto è di pieno prospetto in entrambe le statue, il braccio sinistro è portato in avanti mentre il destro è abbassato in tutte e due le statue. Entrambe le statue sono prive di tridimensionalità: sono concepite solo per la veduta di fronte, che è la principale, e probabilmente anche per quella posteriore, ma non per quelle di fianco.

La testa in tutte e due le statue presenta un volto allungato (*fig. 2–3*). La grammatica anatomica del volto è pure simile in entrambi i volti: la fronte è bassa, l'arcata sopracciliare è delineata in forma marcata, gli occhi sono ottenuti col disegno di due archi di cerchio tra loro conchiusi, il naso è forte, con andamento rettilineo e con dorso nasale regolare, le forme delle narici sono le stesse, la bocca in entrambi gli esemplari presenta il labbro superiore occultato dai

---

¹ Sulle due statue bronzee da Riace la bibliografia è oceanica. I contributi più significativi mi sembrano i seguenti: Fuchs 1981: 25–28; Giuliano 1981: 55–60; 1982: 41–46; 1983: 5–6; 1984: 297–306; Dontas 1984: 277–296; Stucchi 1986: 111–135; Dontas 1988: 89–96; Deubner, 1988: 74–78; Fuchs 1988: 97–98; Harari 1988: 417–425; Ross Holloway 1988: 23–29; Stucchi 1988: 45–51; 1988a: 99–102; Moreno 1998; McCann 2000: 97–105; Moreno 2003: 45–60; Castrizio 2016; Brinkmann 2018: 15–34; Castrizio 2020; Corso 2021: 21–30 e Di Cesare, Malacrino 2022. Le illustrazioni sono dell'archivio fotografico dell'autore.

baffi, quello inferiore ottenuto col disegno di un arco di cerchio, che tradisce la matrice geometrica della concezione delle due statue.

In entrambi i casi le gote sono piuttosto verticali e non rotondeggianti.

Le ciocche di capelli in entrambi i casi presentano disegni sinuosi e sono più aderenti alla calotta cranica nella sezione superiore, visibile solo nel bronzo A, più plastiche e tridimensionali nella sezione frontale e inferiore, in modo più accentuato nel bronzo A rispetto al B.

I baffi sono in entrambi i casi ottenuti con striscie verticali e convesse allineate l'una all'altra. Il bronzo A presenta una generale configurazione dei baffi a ferro di cavallo, che è meno chiara nel bronzo B.

La barba in entrambe le statue è ottenuta con registri sovrapposti di peli a fiammelle, più sinuosi nel bronzo A rispetto al B.

I denti sono apprezzabili nel bronzo A, non nel B, probabilmente perchè l'A doveva essere connotato con un'espressione più agguerrita e aggressiva.

Dette piccole divergenze sono necessarie per diversificare l'identità visiva delle due statue e dei soggetti rappresentati e non possono essere viste come elementi cronologicamente distinti.

La calotta cranica è diversa: a un di presso semisferica in A, 'a pera' in B. Si è ipotizzato che due artigiani siano stati incaricati della lavorazione dei due bronzi sotto la direzione dello stesso maestro che ne garantiva l'omogeneità stilistica: più sicuro di sè l'autore di A, meno sicuro l'autore di B che pertanto allungò il cranio per dare maggiore stabilità, all'elmo corinzio².

Il collo in entrambi i casi è relativamente basso e rotondeggiante (*fig. 3-4*). Le clavicole delle due statue, che separano il collo dal petto, sono praticamente identiche: due linee diagonali compongono una V, che non riflette esattamente la natura ma tradisce la concezione geometrica di entrambi i bronzi.

I pettorali sono praticamente identici (*fig. 4-5*): due masse a forma di calotta sferica, convesse, con capezzoli di forma globulare.

La linea alba è pure identica nei due esempi: piuttosto rettilinea ma leggermente ricurva verso la destra delle due statue man mano che scende verso il basso.

---

² La tesi che due bronzisti abbiano lavorato alle due statue sotto la direzione dello stesso maestro è di Moreno (vedi nt. 1).

L'arcata epigastrica con le sue partizioni è pure praticamente identica ma più marcata in A che in B. Questa diversità non è cronologica ma riflette la necessità di diversificare le due statue e di suggerire le diverse età dei soggetti rappresentati. Le costole presentano in entrambe le statue linee dall'andamento latamente orizzontale ma sinuoso.

La concezione delle braccia (*fig. 1, 6*) è pure identica: praticamente uguale il rendimento delle masse muscolari a forma di convessità oblunghe e rotondeggianti.

Il rendimento di gomiti, polsi, dita, palmi di mani e unghie è del tutto omogeneo.

L'ombelico è pure reso allo stesso modo.

La separazione tra ventre e vita da una parte e cosce dall'altra è praticamente identica in A e B: a forma di trapezio isoscele rovesciato di fronte, irregolarmente orizzontale sui fianchi.

Il vello pubico costituisce un'area all'incirca triangolare rovesciata in entrambe le statue, ed è costituito da ciocche a fiammelle, meglio conservate in B che in A.

Il pene ha forma 'a bottiglia', molto rastremato all'estremità in entrambe le statue.

Lo scroto ha forma di massa rotondeggiante con linea di separazione tra i due testicoli ed è pure simile in entrambe le statue.

Gambe, ginocchia, piedi, caviglie, dita dei piedi e unghie sono praticamente identici nelle due statue.

Le cosce sono ottenute con disegni ellittici, senza enfasi sui muscoli, in entrambi i bronzi. Invece i muscoli dei polpacci sono ben resi con le convessità oblunghe e rotondeggianti già incontrate nelle braccia. Anche questi dettagli sono simili nei due bronzi.

I lati posteriori delle due statue – spina dorsale, muscoli del dorso, conformazione dei glutei e del solco posteriore, fosse glutee – sono pure estremamente simili (*fig. 7*).

I confronti delle varie peculiarità elencate con le sculture del tempio di Zeus a Olimpia³ e con lo Zeus di Capo Artemisio⁴

---

³ Sull'apparato scultoreo del tempio di Zeus ad Olimpia la bibliografia è ovviamente enorme. Qui si citano solo Ashmole 1967; Saflund 1970; Kardara 1978; Doerig 1987; Trianti 2002: 281–300 e Patay-Horvath 2008 e 2015. La prossimità delle due statue riacensi a sculture di Olimpia è stata convincentemente dimostrata da Moreno (nt. 1).

garantiscono una data intorno al 460–450 a. C. e l'attribuzione a bottega peloponnesiaca. L'utilizzo di terra di fusione probabilmente argiva⁵ suggerirebbe un'attribuzione a bottega di questa città, sede di una rinomata scuola di bronzistica in quegli anni⁶.

In conclusione, i due bronzi probabilmente sarebbero stati concepiti da un unico maestro nella stessa bottega. Forse il maestro ha creato i modelli in cera⁷. Le due statue dovevano rappresentare due soggetti diversi nella medesima composizione statuaria. Pertanto peculiarità iconografiche dovevano distinguere le due opere, pur nel contesto di un linguaggio stilistico omogeneo. La fusione dei bronzi e il completamento dell'opera con particolari rifiniti a bulino sarebbero stati demandati a due aiutanti. È comunemente ammesso che l'artigiano del bronzo A fosse più dotato e probabilmente con più esperienza di quello preposto al bronzo B, meno sicuro.

Ma lo stile è omogeneo e unitario.

Dobbiamo ora vedere se ci sono altre opere, tra le sculture attribuite ai decenni centrali del V sec., che possono essere attribuite, per omogeneità dell'anatomia, alla stessa scuola che ha prodotto i bronzi.

A mio avviso il torso Valentini (*fig. 8*) deve esser preso in considerazione⁸. Si tratta di un insigne capolavoro da collezione, presumibilmente rinvenuto a Roma o dintorni e che ora si trova al Museo Nazionale Romano. La qualità della scultura è altissima e la conoscenza dell'anatomia da parte del maestro creatore davvero superlativa. Rappresenta un soggetto maschile ormai non più

---

⁴ Su questa importante statua, si vedano Jarva 2016: 467–476 e Pollini 2016: 219–229, con bibliografia precedente. Sulla prossimità delle due statue riacensi a tale statua, si veda Corso (nt. 1).

⁵ Si vedano Melucco Vaccaro 2003, i saggi di Moreno e a cura di Castrizio citati in nt. 1, ma ora soprattutto Jones 2016: 21–27, articolo dirimente al riguardo.

⁶ Si veda Corso citato in nt. 1. Una versione necessariamente semplificata del trattamento del torso dei due bronzi da Riace è documentata in Argolide per gli anni 460–450 a. C. con l'atleta bronzeo da Ligouriò, nel territorio dell'antica Epidauro, a Berlino, Altes Museum, n. Misc. 8089: si veda il sito <https://recherche.smb.museum/detail/694877>.

⁷ Su questo argomento la bibliografia è pure cospicua. Qui si cita solo Mattusch 1999: 75–82.

⁸ Si vedano Lechat 1905: 57–92; Waldhauer 1927: 326 e Costabile 2022, pp 9–11.

giovanissimo, manifestamente claudicante. Il braccio destro proteso in avanti suggerisce che si appoggiasse a un bastone. Questi dati, unitamente allo stile dell'opera che permette un'attribuzione al pieno V sec. a. C., hanno indotto una parte autorevole della critica, fin dal Lechat⁹, a ritenere il torso una replica marmorea del celebre Filottete ferito di Pitagora di Reggio.

Quest'opera in bronzo era stata eretta originariamente a Siracusa come avverte Plinio XXXIV, 59: '*Pythagoras Rheginus ex Italia (...) fecit (...) Syracusis (...) claudicantem cuius ulceris dolorem sentire etiam spectantes videntur*'.

Una descrizione di quest'opera si trova in *Anthologia Graeca* XVI, 112:

εἰς εἰκόνα Φιλοκτίτου
 ἔχθρὸς ὑπὲρ Δαναοὺς πλάστης ἐμός, ἄλλος Ὀδυσσεύς,
 ὃς μ' ἔμνησε κακῆς οὐλομένης τε νόσου.
 οὐκ ἤρκει πέτρη, τρῦχος, λύθρον, ἔλκος, ἀνίη
 ἀλλὰ καὶ ἐν χαλκῷ τὸν πόνον εἰργάσατο.

'Su un'immagine di Filottete. Il mio nemico, più dei Danai, fu il mio bronzista, un secondo Odisseo, che mi rimise in mente il mio male, la mia terribile pena. Non bastano la caverna di roccia, gli stracci, il pus, la piaga, il dolore, ma forgiò nel bronzo anche la sofferenza'.

Detta identificazione fu corroborata grazie alla Platz-Horster che nel suo libro *Statuen auf Gemmen*¹⁰ ritenne derivate dall'opera di Pitagora rappresentazioni su gemme di Filottete con una configurazione molto simile a quella del torso Valentini e che rispondono pienamente al pathos evocato per il bronzo pitagoreo dall'anonimo epigrammista della Planudea (*fig. 9*).

Più che parole bisogna utilizzare gli occhi: la concezione dell'anatomia del torso è molto prossima a quella dei Bronzi di Riace: simili sono le clavicole, i pettorali, la linea alba, l'ombelico, la separazione tra ventre e vita da una parte e le cosce dall'altra, la forma del vello pubico, lo scroto, le cosce, infine la stessa snellezza del torso.

Sulla base della forte analogia delle anatomie di queste tre statue proponerei, almeno come ipotesi di lavoro, e con la dovuta cautela,

⁹ Lechat 1905: 57–92.

¹⁰ Platz-Horster 1970: 18–25.

che esse siano state concepite nella stessa bottega. Naturalmente il torso Valentini è da ritenere replica molto fedele all'originale.

A questo punto dobbiamo chiederci se ci sono altri tipi statuari che possono essere attribuiti alla stessa bottega o per lo meno alla stessa scuola.

La risposta potrebbe essere affermativa. Dobbiamo considerare il tipo statuario dell' "atleta di Stephanos". La statua eponima (*fig. 10*), firmata da Stephanos allievo di Pasiteles, si trova a Villa Albani, n. 906 e probabilmente fu rinvenuta presso Porta Salaria a Roma¹¹. Altre copie di questo tipo si trovano ancora a Villa Albani, sala del bigliardo, n. 1900. 317, a Berlino, Staatliche Museen, a Roma nel Nuovo Museo Capitolino, a Margam Park, a San Pietroburgo, Hermitage, al Museo Gregoriano Profano, n. 9499, a Verona, Museo Civico, a Roma, Palazzo Doria, a Karlsruhe, Landesmuseum, e al Museo Torlonia, teste di questo tipo si trovano a Oxford, Ashmolean Museum, a Dresda, Skulpturensammlung, n. 75, al Museo Gregoriano Profano, n. 10284, al Museo Barracco, nei magazzini dei Musei Vaticani, a Vicenza, a Villa Albani e a Berlino (la pertinenza della statua Torlonia e delle ultime tre teste citate a questo tipo è controversa). Il tipo è adottato in gruppi cosiddetti 'pasitelici' ad Adolphseck, Schloss Fasanerie, n. FAS AMa 22a, a Napoli, Museo Archeologico Nazionale, n. 6006, dal *Macellum* di Pozzuoli (*fig. 11*), e al Louvre, n. 81. Gran parte delle repliche è stata rinvenuta nella *regio I Latium et Campania*¹².

Il tipo statuario conobbe un notevole successo tra la metà del I sec. a. C. e l'età flavia¹³.

Questo tipo copistico era stato a lungo ritenuto derivare da un originale peloponnesiaco, in particolare argivo, degli anni intorno al

---

¹¹ Roma, Villa Albani, n. 906 = *IGUR* IV, 1584: Στέφανος Πασιτέλους/μαθητῆς ἐπόει. 'Stefano allievo di Pasitele fece'. Su Stephanos, il cosiddetto atleta e la scuola pasitelica si vedano Zanker 1974: 49–68; BOL 1989: 89–93, n. 20; 1992: 348–350, n. 379; *DNO* 2014, 159–160, n. 3576 e La Rocca 2017: 876–884.

¹² Si vedano i cataloghi di copie e varianti di Zanker 1974: 49–50, nn. 1–18; von den Hoff-Dobler 2005: 46–47, n. 14; Vorster 2011, 808–809, n. 191 e La Rocca 2017: 876–882, inoltre la copia pubblicata da Candilio 2014: 41–44.

¹³ Si veda Zanker 1974: 51–52.

460–450 a. C.¹⁴ sulla base sia del trattamento del torso ritenuto tardosevero sia della circostanza che lo schema iconografico dell'Atleta tipo Stephanos è documentato in Argolide in tale decennio¹⁵. Tuttavia a partire dalla pubblicazione di *Klassizistische Statuen* di Zanker, che ritenne il tipo classicista e non classico e lo datò intorno al 50 a. C.¹⁶, il nostro atleta è ritenuto comunemente una creazione del I sec. a. C. Questa convinzione non venne meno nemmeno quando nel 1993 John Kroll pubblicò un tipo monetale di Atene dell'età della neosofistica che rappresenta questo tipo statuario (*fig. 12*)¹⁷. Lo stesso Kroll poi pubblicò un articolo specificamente sulla necessità di dedurre dalla documentazione numismatica l'esistenza di un Apollo di prima età classica avente la configurazione dell'Atleta di Stephanos¹⁸. Poichè nell'età della neosofistica Atene esibiva sulle proprie monete capolavori del passato classico¹⁹, questo dato suggerisce che anche l'Atleta tipo

¹⁴ Si veda, *e. g.*, Ducati 1939: 257–258: “all’ambiente argivo viene ascritto generalmente l’originale dell’Atleta firmato da Stefano; questo marmo, ritrovato nelle vicinanze di Porta Salaria a Roma, rappresenta un efebo vincitore, del tutto ignudo, che insiste sulla gamba sinistra. Perciò, per il ripiegamento dell’altra gamba, il corpo acquista una leggera ondulazione, in bel modo incoronata da un lieve curvarsi del capo, giovanilmente fresco. Il corpo è poderoso per le spalle quadrate, per il petto assai sviluppato, ma tutta la figura, mercè anche la piccolezza del capo, dà una impressione di forza asciutta ed agile. È stato questo marmo ascritto alla corrente argiva; eppure sembra esso la naturale continuazione, il graduale sviluppo di quanto ci appalesa il giovinetto marmoreo dell’acropoli di Atene della fase precedente. Esso marmo ci fa rammentare un passo di Luciano (*Anacarsi o I Ginnasi* 25) riguardante gli atleti coloriti dal sole, palesanti l’ardore ed il coraggio, nè magri nè grassi, ma ben proporzionati, senza superfluità di carne per l’esercizio continuo della palestra: ‘quello invero che i vagliatori fanno col frumento, per noi fanno i ginnasi coi corpi; dopo di aver allontanato da essi la pula e le ariste, puro il frutto discernono ed accumulano’”. Inoltre si veda Moreno 1966: 494–495: “Che l’*Atleta Albani* possa servire alla restituzione di un archetipo della prima metà del V sec. a. C. è probabile, per quanti elementi la statua ha in comune con copie di varia età e provenienza, delle quali almeno una, rinvenuta ad Atene, è certamente indipendente dalla nostra”.

¹⁵ dall’atleta bronzeo da Ligouriò (si veda *supra* nt. 6).

¹⁶ Zanker 1974: 51.

¹⁷ Kroll 1993: 125, nt. 70, tav. 18, fig. 270.

¹⁸ Kroll 2000: 96.

¹⁹ Elenco di questi tipi statuari in Kroll 1993: 124–126.

Stephanos sia la produzione copistica da un prototipo di prima età classica. Di nuovo, più che parole bisogna utilizzare gli occhi. La snellezza del corpo e gli elementi anatomici già indicati per il torso Valentini e quelli corrispondenti delle statue riacensi presentano forme molto prossime anche in questa creazione e propongo pertanto di tornare alla tesi che questa tradizione copistica derivi da una creazione peloponnesiaca di prima età classica della stessa scuola, se non bottega, dei bronzi riacensi e del tipo Valentini. Guardate per cortesia le ciocche a chiocciola dei capelli, la fronte, gli orbitali, la configurazione generale del viso e riterrete il cosiddetto Atleta il fratello più giovane dei bronzi riacensi. Come osservato da Kroll, il tipo monetale predetto suggerisce che probabilmente il cosiddetto Atleta tenesse con la sinistra l'arco e fosse quindi Apollo. Da queste considerazioni si evincerebbe che Stephanos firmerebbe la statua come copista. La stessa dichiarazione di Stephanos di essere allievo di Pasiteles corrobora la tesi che lo scultore fosse allora ancora un giovane discepolo del suo maestro e che pertanto la statua sia un prodotto di scuola, derivato da un paradigma visivo del magistero classico.

È tempo di conclusioni. Le statue riacensi, se rappresentano eroi del ciclo argivo²⁰, e il tipo Valentini se rappresenta Filottete esprimono la nostalgia degli aristocratici al potere nelle città del Peloponneso per l'età degli eroi, ritenuti essere stati i loro antenati dai quali derivava la legittimità del loro potere e il loro essere eccellenti, *καλοί*. Le espressioni dei volti e i corpi possenti propongono un ideale di vita strenuo. Si ricercano reliquie osee degli eroi del mito, come Teseo a Sciro²¹ e Reso in Troade²², e si afferma la letteratura antiquaria con Ferecide²³.

Lo splendido passato mitico acquisisce un'aura da favola bella che si esprime da un lato con l'esaltazione della pulcritudine corporea, dall'altro col senso del *pathos*. Questo a mio avviso è il sostrato spirituale dello stile severo.

---

²⁰ Si vedano in particolare le pubblicazioni di Moreno e Castrizio in nt. 1.

²¹ Si veda Fell 2004: 16–54.

²² Si veda Vickers 2010: 76–81.

²³ Si veda Fleischer 2019: 1–24.

Quest'atmosfera rarefatta e incantata verrà meno con la rievocazione corale del popolo ateniese nel fregio partenonico, vale a dire con la democrazia periclea²⁴.

Riassunto

Si propone col seguente articolo una lettura analitica delle due statue in bronzo rinvenute nel mare presso Riace. Da tale disamina si evince che le due statue derivano dalla stessa concezione dell'anatomia e delle singole partiture e che l'idea di base del corpo virile nudo è di natura geometrica piuttosto che realistica. Confronti con sculture del tempio di Zeus ad Olimpia e con lo Zeus di Capo Artemision suggeriscono un'attribuzione delle due statue riacensi a bottega peloponnesiaca, forse argiva. Interpretazioni di nudi maschili molto simili sono riscontrate nel torso Valentini e nell' 'Atleta' tipo Stephanos che pertanto potrebbe essere la tradizione copistica di un prototipo del tardo stile severo. Queste creazioni riflettono la temperie aristocratica peloponnesiaca di questo periodo, dalla forte connotazione antiquaria e attratta da eroi del mito in quanto essi legittimano il potere nobiliare dell'epoca.

Abbreviazioni bibliografiche

- Ashmole, B. 1967: *Olympia: the sculptures of the temple of Zeus*, London.
- Bol, P. C. (a c. di) 1989: *Forschungen zur Villa Albani, Katalog der antiken Bildwerke I*, Berlino.
- Bol, P. C. (a cura di) 1992: *Forschungen zur Villa Albani, Katalog der antiken Bildwerke III*, Berlino.
- Brinkmann, V. 2018: "The Riace Bronzes", in M. FUCHS (a cura di), *Ahoros: Gedenkschrift für Hugo Meyer*, Vienna, 15–34.
- Candilio, D. 2014: "Statua di efebo tipo Atleta di Stephanos", in *BA V*, 41–44.
- Castrizio, D. 2016: *Bronzi di Riace: l'enigma dei due guerrieri*, Reggio Calabria.
- Castrizio, D. (a cura di), 2020: *I bronzi di Riace: studi e ricerche*, Reggio Calabria.
- Corso, A. 2021: "La scuola di bronzistica ad Argo ai tempi dei bronzi di Riace", in *NumAntCl* 50, 21–30.
- Costabile, F. 2022: "Euthymos di Locri da Olimpia a Temesa e la statuaria di Pythagoras di Reggio", in *MinEpigrP* 27, 3–52.

---

²⁴ Per una lettura 'politica' del fregio partenonico, si veda Mavrogiannis 2021: 144–156.

- Deubner, O. R. 1988. "Die Bronzen von Riace. Versuch einer Deutung und kunsthistorischen Zuordnung", in *XII International Congress of Classical Archaeology*, Atene, 74–78.
- DNO 2014: Kansteiner, S. (a cura di), *Der neue Overbeck V*, Berlino.
- Di Cesare, R. DI, Malacrino, C. G. 2022: *Bronzi di Riace*, Milano.
- Doerig, J. 1987: *The Olympia master and his collaborators*, Leiden.
- Dontas, G. 1984: "Considerazioni sui bronzi di Riace. Proposte sui maestri e sulla provenienza delle statue", in *BdA*, serie speciale 3, 277–296.
- Dontas, G. 1988: "Some remarks on the bronze statues of Riace Marina", in *XII International Congress of Classical Archaeology*, Atene, 89–96.
- Ducati, P. 1939: *L'arte classica*, Torino.
- Fell, M. 2004: "Kimon und die Gebeine des Theseus", in *Klio* LXXXVI, 16–54.
- Fleischer, K. J. 2019: "Die älteste Liste der Könige Spartas : Pherekydes von Athen (PHerc. 1788, col 1)", in *ZPE* CCIX, 1–24.
- Fuchs, W. 1981: "Zu den Grossbronzen von Riace", in *Boreas* 4, 25–28.
- Fuchs, W. 1988: "Thesen zu den Riace-Statuen", in *XII International Congress of Classical Archaeology*, Atene, 97–98.
- Giuliano, A. 1981: "I grandi bronzi di Riace", in *Xenia* 2, 55–60.
- Giuliano, A. 1982: "I grandi bronzi di Riace, 2", in *Xenia* 3, 41–46.
- Giuliano, A. 1983: "I grandi bronzi di Riace, 3", in *Xenia* 5, 5–6.
- Giuliano, A. 1984: "I grandi bronzi di Riace, Fidia e la sua officina", in *BdA*, serie speciale 3, 297–306.
- Harari, M. 1988: Harari, "A proposito dei bronzi di Riace. Pausania, gli eroi mancanti, l'iconografia di Pandione e altre considerazioni", in *Athenaeum* 66, 417–425.
- Jarva, E. 2016: Jarva, "Zeus from the Cape Artemision shipwreck", in V. Gasparini (a cura di), *Vestigia: miscellanea di studi storico-religiosi in onore di Filippo Coarelli*, Stuttgart, 467–476.
- Jones, R. 2016: Jones *et alii*, "The Riace bronzes: recent work on the clay cores", in E. Photos-Jones (a cura di), *Proceedings of the 6th symposium of the Hellenic Society for Archaeometry*, Oxford, 21–27.
- Kardara, C. 1978: Kardara, *The religious and political significance of the Olympia pediments*, Atene.
- Kroll, J. H. 1993: *The Athenian Agora XXVI The Greek Coins*. Princeton.
- Kroll, J. H. 2000: "Another early classical Apollo from Athens? The numismatic evidence for the prototype of Stephanos' athlete", in *JRA*, Supplementary series 39, p. 96.
- La Rocca, E. 2017: "Sulla bottega di Pasiteles e di Stephanos. I. Il gruppo di Oreste e Elettra da Pozzuoli e il concetto di serialità", in L. Cicala (a cura di), *Kithon Lydios: studi di storia e archeologia con Giovanna Greco*, Napoli, 875–895.
- Lechat, H. 1905: *Pythagoras de Rhégion*, Lyon.
- Mattusch, C. 1999: "Lost-wax casting and the question of originals and copies", in E. Formigli (a cura di), *I grandi bronzi antichi*, Siena, 75–82.

- Mavrogiannis, T. 2021: “The great frieze of the Parthenon and the organization of the Athenian society under the democracy of Pericles”, in *Actual problems of theory and history of art IX*, 44–156.
- Mccann, A. M. 2000: ‘The Riace Bronzes’, in *JRA*, supplementary series 39, 97–105.
- Melucco, Vaccaro A. *et alii* 2003: (a cura di), *I bronzi di Riace: restauro come conoscenza*, Roma.
- Moreno, P. 1966: “Stephanos”, in *EAA VII*, 494–495.
- Moreno, P. 1998: *Bronzi di Riace: il Maestro di Olimpia e i Sette a Tebe*, Milano.
- Moreno, P. 2003: “Argo e Riace”, in A. Melucco Vaccaro (a cura di), *I bronzi di Riace: restauro come conoscenza*, Roma, 45–60.
- Patay-Horvath, A. 2008: *Zur Rekonstruktion und Interpretation des Ostgiebels des Zeustempels von Olympia*, Mainz.
- Patay-Horvath, A. 2015: *New approaches to the Temple of Zeus at Olympia*, Newcastle.
- Platz-Horster, G. 1970: *Statuen auf Gemmen*, Bonn.
- Pollini, J. 2016: “The God from Cape Artemision: Zeus or Poseidon? An Old Question, a New Approach”, in A. R. Giumlia-Mair (a cura di), *Proceedings of the XVIIth International Congress on Ancient Bronzes*, Autun, 219–229.
- Ross Holloway, R. 1988: “Gli eroi di Riace sono siciliani?”, in *SicA* 21, 66, 23–29.
- Saflund, M.-L. 1970: *The east pediment of the temple of Zeus at Olympia*, Göteborg.
- Stucchi, S. 1986: ‘Le due statue di bronzo dal mare di Riace. Una revisione’, in *RendLinc* 8, 41, 111–135.
- Stucchi, S. 1988: “Die Grossbronzen von Riace”, in K. Gschwantler (a cura di), *Griechische und römische Statuetten und Großbronzen*, Vienna, 45–51.
- Stucchi, S. 1988a: “Nuove osservazioni sulle statue bronzee di Riace”, in *RendLinc* 8, 43, 99–102.
- Trianti, I. 2002: “Neue technische Beobachtungen an den Skulpturen des Zeustempels von Olympia”, in H. Kyrieleis (a cura di), *Olympia 1875–2000: 125 Jahre Deutsche Ausgrabungen*, Mainz, 281–300.
- Vickers, M. 2010: “Hagnon, Amphipolis and Rhesus”, in N. Sekunda (a cura di), *Ergasteria*, Danzica, 76–81.
- Von den Hoff, R., Dobler A. 2005: *Antike: Glanzpunkte der Sammlung griechischer und römischer Kunst aus dem Hause Hessen: Katalog zur Sonderausstellung, 25.06.-30.10.2005, Museum Schloss Fasanerie*, Petersberg.
- Vorster, C. 2011: “Jünglingskopf, Typus Stephanos-Athlet”, in K. Knoll (a cura di), *Katalog der antiken Bildwerke. II, Idealskulptur der Römischen Kaiserzeit II*, Monaco, 808–809, n. 191.
- Waldhauer, O. F. 1927: “Der Torso Valentini”, in *AA* 1927, 326.
- Zanker, P. 1974: *Klassizistische Statuen*, Mainz.

Fig. 1: Le due statue bronzee dal mare presso Riace, Reggio Calabria, Museo Archeologico Nazionale

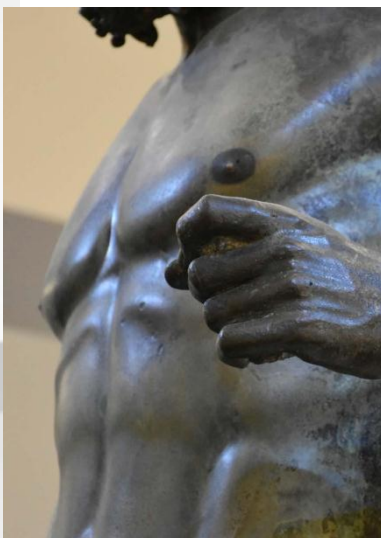
Fig. 2: dettagli del bronzo A.

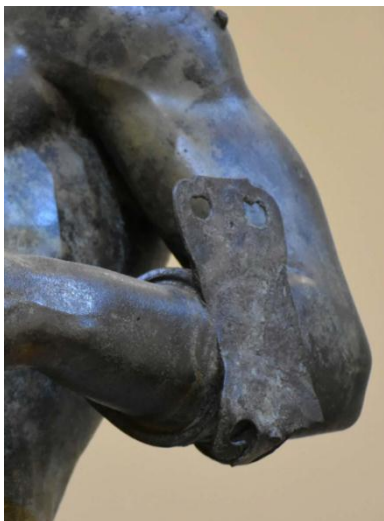
Fig. 3: dettagli del bronzo B.

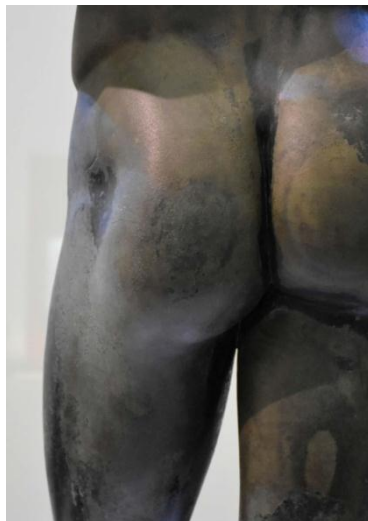
Fig. 4: dettagli del bronzo A.

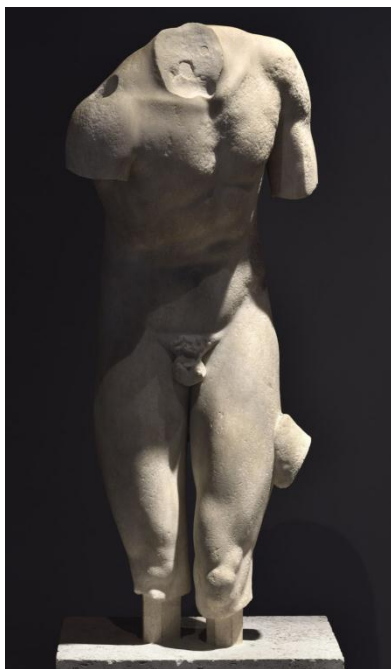
Fig. 5: dettagli del bronzo B.

Fig. 6: dettagli del bronzo B.

Fig. 7: dettagli del bronzo A.

Fig. 8: Torso Valentini, Roma, Museo Nazionale Romano.

Fig. 9: Filottete ferito, intaglio su gemma vitrea, I sec. a. C., Londra, Museo Britannico, n. 1814, 0704. 2370.

Fig. 10: "Atleta" firmato da Stephanos, Roma, Villa Albani

Fig. 11: Cosiddetti Oreste ed Elettra, Napoli, Museo Archeologico Nazionale

Fig. 12: Rovescio di moneta bronzea di Atene, circa 140–175 d. C.
Atene, Museo dell'Agora.

А. В. Котова

СПб гос. университет ветеринарной медицины, Санкт-Петербург, Россия.
anastakot@gmail.com

ТИПОЛОГИЯ ЭПИЧЕСКИХ СРАВНЕНИЙ В «АРГОНАВТИКЕ» ВАЛЕРИЯ ФЛАККА И «ФИВАИДЕ» СТАЦИЯ

Представлена типология эпического сравнения на материале «Аргонавтики» Валерия Флакка и «Фиваиды» Публия Папиния Стация, стиль которых отражает поэтическую традицию, восходящую к гомеровскому эпосу, и склонность к пафосу и эффектному изображению, которые свойственны авторам эпохи Флавиев. Типология сформирована по следующим критериям: 1) по числу привлекаемых для сопоставления образов: одиночные (однообразные) и многообразные сравнения; 2) по грамматическому способу выражения сравнения: краткие и развернутые; 3) по численности и способу компоновки элементов структуры: парные сравнения, цепи сравнений и группы сравнений. Сравнительный анализ использования сравнений в рассматриваемых текстах позволяет сделать выводы о сходствах и различиях в поэтической технике Валерия Флакка и Стация, а применение типологизации в изучении сравнений позволяет упорядочить их описание и выявить закономерности и особенности на основе анализа выделенных категорий.

Ключевые слова: эпос, римская литература, Валерий Флакк, «Аргонавтика», Стаций, «Фиваида», сравнения, типологизация сравнений, стилистика.

A. V. Kotova

SPb. State University of Veterinary Medicine. St.Petersburg, Russia. anastakot@gmail.com

Typology of epic similes in Valerius Flaccus' *Argonautica* and Statius' *Thebaid*

The article presents a typology of epic similes in Valerius Flaccus' *Argonautica* and Statius' *Thebaid*, based on the following criteria: 1) the number of vehicles, i.e. single (one-to-one) and multiple (many-to-one) similes; 2) the grammatical structure of the comparison, i.e. short or extended; 3) the number and arrangement of elements in the structure, i.e. paired similes, series of similes, and groups of similes. The concept of the identified categories is developed. Based on quantitative data, it is demonstrated that both poets equally prefer single extended similes. In both poems, series of similes are found in dramatic descriptions, mainly in battle

scenes. However, in the *Argonautica* the series of similes contain more elements than in the *Thebaid*. The difference in the number of themes and major characters in the works determines the frequency of use of groups of similes. For example, in Statius' epic, where seven leaders fight against Thebes and the narrative includes a funeral game episode, this technique is used twice as often as in Valerius Flaccus' work, which is devoted to the hero's journey to Colchis. Applying a typology to the study of similes enables an organized description and identification of authorial features based on the analysis of the identified categories.

Keywords: epic poetry, Roman literature, Valerius Flaccus, *Argonautica*, Statius, *Thebaid*, similes, typology of similes, literary stylistics.

В статье предлагается систематизация наблюдений, относящихся к структуре эпических сравнений — одного из самых ярких художественных приемов, свойственных античному эпосу. Изучение сравнения имеет долгую и непрерывную традицию за счет расширения круга рассматриваемых проблем, введения новых подходов и методов исследования. Имеющее место разнообразие интерпретаций категорий эпических сравнений вносит определенную сложность в проблему их систематизации и сопоставимости количественных данных, полученных разными исследователями. В этой связи представляется целесообразным выработать единообразно понимаемую типологию структуры эпического сравнения.

В качестве материала нами взяты поэмы I в. н. э. «Аргонавтика» Валерия Флакка и «Фиваида» Стация¹, стиль которых сочетает поэтическую традицию, восходящую к гомеровскому эпосу с пафосом и эффектностью изображения, которые свойственны авторам серебряного века латинской литературы. Эти особенности позволяют проследить развитие приема сравнения в эпической традиции, выявить специфику авторского стиля Валерия Флакка и Стация, а также установить в какой мере соотносятся сравнения в части их структурной организации внутри произведения и между произведениями.

Основываясь на опыте предшествующих наблюдений за употреблением сравнений в авторском римском эпосе, в частности — в указанных поэмах (Fitch 1976; Lozano 1986; Gärtner 1994; Dominik 2015; Kotova 2018; 2019), нам представляется обоснованной типология по следующим критериям:

1) по числу привлекаемых для сопоставления образов: одиночные (однообразные) и многообразные сравнения;

---

¹ Анализ текста «Аргонавтики» проводился по изданию Ehlers 1980, «Фиваиды» — по изданию Hall 2007.

2) по грамматическому способу выражения сравнения: краткие и развернутые;

3) по численности и способу компоновки элементов структуры: парные сравнения, цепи сравнений и группы сравнений.

Отметим преимущества такой группировки данных — она проводится в прямой последовательности «от простого к сложному» и допускает существование объектов, относимых одновременно к нескольким типам.

1. Одиночные (однообразные) и многообразные сравнения

Эта категория сравнений характеризуется количеством образов, соответствующих одному объекту, и одиночные сравнения представляют собой самый простой тип структуры. В качестве примера можно привести сравнение в эпизоде тейхоскопии «Фиваиды», когда Форбант называет Антигоне вождей фиванцев и их союзников, выделяя воинов из окрестностей Геликона — об их происхождении свидетельствует мелодичная песня, которую Форбант сравнивает с песней лебедей (VII, 285–287).

Многообразные сравнения, в свою очередь, характеризуются соответствием нескольких образов сравнения одному объекту. Примером этой структуры является двойное сравнение из четвертой книги «Аргонавтики», в котором поэт, акцентируя внимание на огромных размерах Амика, убитого Поллуксом в кулачном бою, сравнивает его тело с рухнувшей частью Эрика или всем Афоном, располагая образы по нарастающей — «часть Эрика или целый Афон» (IV, 320–322)².

Количественные данные об использовании одиночных и многообразных сравнений в «Аргонавтике» и «Фиваиде» приведены в таблице 1.

² Ср. сравнение Энея с горами Афон, Эрик и Апеннин в сцене перед битвой с Турном (Verg. *Aen.* XII, 697–703). У Вергилия будущий победитель сопоставляется с возвышающимися горами, тогда как в *Arg.* IV, 320–322 проигравший сравнивается с разрушенными горами (Murgatroyd 2009: 170). При этом в шестой книге «Аргонавтики» в сцене битвы для описания Ясона Валерий Флакк, подобно Вергилию, сравнивает героя с возвышающимся Кавказом (VI, 609–612). В «Фиваиде» имеется сравнение Амфиарая с обрушением склона горы (VII, 744–751), которое предвосхищает его низвержение в Тартар. Таким образом, горы в сравнениях, помимо буквального, имеют и метафорический смысл.

Табл. 1. Одиночные и многообразные сравнения в «Аргонавтике» и «Фиваиде»
 Table 1. Similes containing one or several vehicles in *Argonautica* and *Thebaid*

Тип сравнений	«Аргонавтика»		«Фиваида»	
	abs	%	abs	%
одиночные	103	77	216	79
многообразные	31	23	56	21
Итого	134	100	272	100

2. Краткие и развернутые сравнения

Критерием для различения этих двух типов, вслед за Дж. Фитчем (Fitch 1976: 114), мы предлагаем считать наличие или отсутствие в сравнении сказуемого. Сравнения без сказуемого в подавляющем большинстве случаев краткие, тогда как сравнения с глаголом обычно развернутые.

Краткие сравнения могут быть одиночными или многообразными и обладают, по выражению Д. Фини, «значительной сжатой силой» (Feeney 2021: 287). Примером может служить сравнение в «Фиваиде», в котором изображена фурия Тисифона, которая вняла мольбам царя Эдипа о порождении смертельной вражды между Этеоклом и Полиником. Тисифона, отвечая на призыв Эдипа, «быстрее падучей звезды и Юпитера молний» (I, 92–94) покинула скорбный берег Коцита и направилась к Фивам, чтобы внушить братьям чувство взаимной ненависти.

Развернутые сравнения, как известно, имеют важное значение в эпическом повествовании и несут множество функций. В том числе они в образной форме дают описание событий и участвующих в них персонажей, их поступков, поведенческих реакций и эмоциональных состояний. В качестве примера можно привести сравнение из «Фиваиды», в котором вражда, толкающая братьев Этеокла и Полиника друг против друга, представлена в образе двух волов, которые не хотят делить ярмо и «прочь друг от друга бегут» (I, 131–138).

Развернутое сравнение относится к высокой поэзии, в то время как краткое уместно практически в любом контексте (Fitch 1976: 115). Следуя эпической традиции, Валерий Флакк и Стаций используют преимущественно развернутые сравнения (таблица 2)³.

³ Краткие сравнения в «Аргонавтике»: I, 611; II, 90; II, 106; II, 156; II, 630; III, 51; III, 101; III, 151; IV, 152; IV, 261; IV, 401; IV, 452; IV, 531; IV, 750; V, 543; VI, 607; VII, 459; VIII, 20; VIII, 90; VIII, 151. Краткие сравнения в «Фиваиде»: I, 92–94; I, 292–293; I, 418–420; III, 13–14; III, 355–356; III, 529–530; V, 341–342; V, 347–349; VI, 306; VI, 454–459; VI, 602–603; VI, 732–734; VI, 756–757; VI, 806–807; VII, 27–29; VII,

Табл. 2. Краткие и развернутые сравнения в «Аргонавтике» и «Фиваиде»
Table 2. Short and extended similes in *Argonautica* and *Thebaid*

Тип сравнений	«Аргонавтика»		«Фиваида»	
	abs	%	abs	%
краткие	20	15	37	14
развернутые	114	85	235	86
Итого	134	100	272	100

3. Сложные структуры: парные сравнения, цепи сравнений, группы сравнений

Определяющим признаком этой категории является способ компоновки отдельных сравнений.

Парные сравнения играют особую роль в эпическом тексте. В начале эпизодов, имеющих важное сюжетное значение, два главных героя часто выделяются с помощью парной конструкции. Такой тип расположения сравнений был отмечен в поэмах Гомера⁴ и в авторском римском эпосе получил дальнейшее развитие. Так, в «Энеиде» примерами служат такие парные сравнения: Дидона — Диана (I, 498–504) и Эней — Аполлон (IV, 143–150), в которых герои показаны глазами друг друга⁵.

В «Аргонавтике» Валерия Флакка парные сравнения встречаются в описании Медеи и Ясона перед их первой встречей. Поэт сопоставляет Медею с Прозерпиной, создавая акцент на красоте и внешнем превосходстве девушки (V, 341–349); Ясон сравнивается с Сириусом (V, 366–372), что подчеркивает яркую красоту героя и его губительность для Медеи.

Стаций расширяет эпическую традицию, долгое время поддерживаемую предшественниками, создавая идеальный образ дочерей Адраста за счет сравнения с целомудренными воинственными богинями. В первой книге «Фиваиды», когда Тидей и Полиник прибывают во дворец царя Аргоса, Адраст призывает своих дочерей, чтобы представить их будущим мужьям. Красота входящих Аргии и Деипилы сопоставляется с красотой Паллады и Дианы (I, 534–536), причем сравнение возобновляется и расширяется в сцене свадьбы, подчеркивая качества воинственных богинь и всеобъемлющее сходство, которое

78–80; VII, 401–402; VII, 477–478; VIII, 71–72; VIII, 330–332; VIII, 337–338; VIII, 417–418; VIII, 480–481; VIII, 583–586; IX, 124–125; IX, 373; X, 149–150; X, 360–361; X, 378–380; X, 601–603; X, 618–619; X, 862; XI, 460–462; XI, 482–484; XI, 673–674; XII, 106–107; XII, 558–559.

⁴ Подробнее см.: Hubbard 1981.

⁵ Подробнее см.: Kotova 2017.

разделяют обе дочери Адраста (II, 226–43). С помощью аллюзий на эпическую традицию сравнения женских персонажей с богинями Стаций изображает дочерей Адраста как невест, которым сопутствуют дурные предзнаменования, а браки, в которые они вступают, предшествуют войне. Хотя брак не является прямой причиной войны в «Фиваиде», поэт намеренно связывает свой эпос с литературной традицией о невестах, приносящих войну (Руу 2020: 39).

Цепь сравнений представляет собой тип структуры, в которой несколько сравнений располагаются последовательно и отделяются друг от друга повествованием, но сохраняют тесную контекстную связь.

В римском эпосе этот прием появляется в «Энеиде», где цепи сравнений помещаются автором в рассказ о состязании в кулачном бою юноши Дарета и старика Энтелла (V, 439–442, 446–449, 455–460), в описание боя Энея и его дружины с Мезенцием (X, 693–696, 707–718, 723–729, 763–768), в повествование о битве Турна с Энеем (XII, 684–692, 697–703, 715–724, 746–755).

В поэме Валерия Флакка цепи сравнений встречаются в драматических сценах, которые содержат сильные эмоции, а также в эпизодах сражений.

В Лемносском эпизоде подчеркивается безумие, охватившее женщин после того, как Венера побуждает Молву распространить среди них слух о том, что их мужья, поработанные роскошью и постыдной похотью, возвращаются с фракийскими наложницами. Первое сравнение, содержащее описание нрава, представляет их как женщин, у которых «ярость врожденна и подобна пламени» (II, 156). Второе сравнение подчеркивает их двуличие и обман, когда разъяренные и жаждущие действовать, они возлежат рядом со своими мужьями на пиру, подобно тому как Тисифона возлежит рядом с Флегием и Тесеем в подземном мире, не давая прикоснуться к еде и обвивая их своими мерзкими змеями (II, 190–195). Третье сравнение относится к описанию действий лемносских женщин и показывает ужасающие масштабы резни. Они убивают мужчин, которые либо не ведают своей участи, либо парализованы страхом при виде своих жен, чей облик разгневанная Венера сделала адским (II, 220–229). Таким образом, все три сравнения представляют лемносских женщин в своем единстве и характеризуют общность их сознания и преступления.

В эпизоде с Гесионой, в котором Геракл играет главную роль, цепь сравнений содержит пять элементов. В первом сравнении вспоминаются подвиги Геракла в Немее, Эриманфе и Лерне, что делает эту битву с морским чудовищем Нептуна подобной тем, в которых героем двигала жалость и желание

избавить людей от монстров (II, 493–496). Три сравнения дают описание черт и движений чудовища: его напор сопоставляется с порывами Нота, ярость — с Африком, сам он сравнивается с Орионом (II, 503–508), по сокрушительной силе он подобен Борею (II, 512–517), а по непоколебимости не уступает великому Эрику (II, 521–523). Пятое сравнение в этой цепи возвращает читателя к Гераклу, который в своем триумфе сравнивается с гордым быком, победившим в битве (II, 545–549).

В эпизоде кулачного боя Амика и Поллукса сравнения сначала характеризуют каждого героя по отдельности, а затем вместе. В первом сравнении Амик уподобляется урагану — он едва позволяет противнику поднять голову и руки, гонит его, окружает бурей и потоком быстрых атак (IV, 261–265). Поллукс, напротив, приравнивается к кормчему, который знает, как вести свой корабль, даже находясь в большой опасности (IV, 268–272). Таким образом, подчеркивается разница между двумя бойцами: с одной стороны — дикая, необузданная сила природы, с другой — сила, которая уступает физически, но, полагаясь на свой ум и опыт, избирает тактику, в которой более мощный противник оказывается побежден (Gärtner 1994: 243). В битве Амик и Поллукс сопоставляются с мифологическим персонажами — лапифами (IV, 279–281) и циклопами в их кузнице на Этне (IV, 286–288).

В «Фиваиде» цепи сравнений встречаются в контексте военных сражений и спортивных состязаний.

Первая такая структура представлена в описании боя Тидея с пятьюдесятью фиванскими воинами, устроившими ему засаду. Сначала герой взваливает на свои плечи камень, слишком тяжелый даже для быков, и становится «подобен <кентавру> Фолу величием души, который в битве с лапифами поднял полный кратер» (II, 559–564). Затем он сравнивается с великаном Бриареем: он так расторопен, как будто у него сто рук (II, 595–607). Наконец, утомленный и удовлетворенный кровопролитием, он сопоставляется со львом, который «обильным убийством голод насытил» (II, 668–681).

В эпизоде погребальных игр, предшествующих началу войны, цепь сравнений появляется в описании состязаний по метанию диска, в котором участвуют Флегий, Менесфей и Гиппомедонт. Война становится еще ближе из-за зловещего, угрожающего сравнения, в котором диск сравнивается со щитом Марса (VI, 663–667). Затем поэт описывает пробный бросок Флегия, когда скорость диска с высотой только растет, а его падение сопоставляется с низведением Луны фессалийской колдуньей (VI, 682–688). Победу в состязании одерживает Гиппомедонт, и, когда его диск падает, это угрожает устойчивости земли, а сам герой сравнивается с циклопом Полифемом

и Алоадами, символами первобытной дикости, наделенных огромной силой и размерами (VI, 713–721).

В эпизоде аристеи и катабасиса Амфиарая цепь сравнений отражает этапы внутренней трансформации героя. Сначала поэт подчеркивает контраст между Амфиараем прежним — благочестивым жрецом Феба и утешителем людей — и беспощадным воином (VII, 703–708); затем Амфиарай как жрец приносит человеческие жертвы своей собственной обожествленной душе перед низвержением в Тартар, и его воинственная ярость уподобляется губительному Сириусу и смертоносному году (VII, 709–711); наконец, кровавое продвижение колесницы Амфиарая и ее разрушительная сила сравниваются с обвалом горного склона, который с небесных высот обрушивается на равнину с ужасающим грохотом, снося и поля, и людей, и древние деревья (VII, 744–751).

Таким образом, в «Фиваиде» цепи сравнений используются при изображении сражений и состязаний, противоборствующих персонажей, а также для отражения динамики развития событий и образов героев, выделяя моменты наивысшей эпической значимости, которые, как правило, описывают военные столкновения.

Группа сравнений представляет собой непрерывную последовательность сравнений, расположенных друг за другом.

Один из самых ярких примеров группы сравнений в эпосе находится во второй песни «Илиады» в описании могучего войска, которое готовится вступить в сражение: блеск доспехов сравнивается с огнем (ст. 455–458), численность — со стаями птиц (ст. 459–466), листьями и цветами (ст. 467–468), а также роем мух (ст. 469–473); предводители воинов сравниваются с пастухами, а сами воины — со стадом (ст. 474–477); наконец, Агамемнон сопоставляется по своему внешнему виду с богами Зевсом, Аресом и Посейдоном (ст. 477–479), а по положению верховного вождя — с ведущим быком стада (ст. 480–483)⁶.

В римском эпосе такая разновидность компоновки сравнений появляется в «Аргонавтике» Валерия Флакка, в которой насчитывается тринадцать групп сравнений⁷, тематическую направленность которых можно представить следующим образом.

---

⁶ Подробнее см.: Kirk 1995; Kazansky 2005.

⁷ Группы сравнений в «Аргонавтике»: II, 457–461, 462–467; III, 83–86, 87–90, 90–94; III, 577–580, 581–586, 587–591; IV, 193–198, 198–203; IV, 682–685, 686–688; VI, 163–167, 168–170; VI, 353–357, 358–362; VI, 402–409, 410–412; VI, 604–608, 609–612, 613–617; VII, 111–120, 121–126; VII, 559–566, 567–572; VII, 600–606, 607–609; VIII, 27–31, 32–35.

Военная тематика отражена в пяти группах сравнений. Их наибольшее количество, а именно четыре, обнаруживается в шестой книге, в которой Ясон, чтобы получить золотое руно, обещанное царем Ээтом, сражается с Персом⁸.

Первая группа сравнений в этой книге завершает каталог войск союзников со скифской стороны и характеризует их численность и шум, который они производят. Так, воины сравниваются с количеством волн в море, охваченном штормом, а также с обилием листьев или цветов весной; шум, который они создают, — с ревом ветров и щебетаньем птиц (VI, 163–167); группа завершается сопоставлением стонов и колебания Земли с тем, как Юпитер поражает молниями Флегру и бичует Тифона (VI, 168–170). В этом эпизоде группа сравнений дает представление об экзотических армиях и создает образ несчетного войска. Как отмечает Г. Вийсман, «в серебряный век латинской поэзии это был подходящий способ завершить каталог» (Wijnsman 2000: 79).

Во второй группе сравнения описывают эпическую битву вокруг тела Канфа, единственного аргонавта, павшего в бою. Греки, борющиеся друг с другом за его оружие, сравниваются с состязавшимися ветрами, которые пытаются сломить силу друг друга и одержать верх (VI, 353–357), а битва за труп Канфа иллюстрируется растягиванием бычьей шкуры (VI, 358–362).

Третья группа сравнений описывает столкновение серповидных колесниц. После того как Паллада поднимает эгиду перед лошадьми⁹, поводья запутываются и войска гибнут от собственных кос. Столкновение колесниц сначала сравнивается с тем, как Тисифона побуждает римлян к самоубийственному в гражданской войне (VI, 402–409), а затем с кораблекрушением, после которого люди и обломки разбитых кораблей оказываются выброшенными на берег (VI, 410–412).

К четвертой группе сравнений можно отнести эпизод, когда Юнона преображает Ясона и наделяет новой силой; его шлем по своим яркости и скорости подобен Сириусу и кометам (VI, 604–608), сам Ясон сравнивается с Кавказом (VI, 609–612) и голодным львом, свирепствующим в стойлах (VI, 613–617)¹⁰.

---

⁸ Дж. Фитч рассматривает концентрацию сравнений в отдельных книгах и эпизодах поэмы как прием поэтической техники Валерия Флакка (Fitch 1976: 120).

⁹ В качестве оборонительного оружия эгида была устойчива даже к стрелам Юпитера, а в качестве наступательного она внушала непреодолимый ужас и способствовала разгрому противников Murgatroyd 2009: 289.

¹⁰ Подробнее об этой группе сравнений см.: Kotova 2018.

Группой сравнений, подчеркивающих огромную военную мощь аргонавтов, выделяется пассаж из третьей книги поэмы, в котором изображена ночная битва с народом Кизика. Сначала Ясон, как предводитель, который прокладывает путь, сравнивается с Марсом (III, 83–86). Затем показан плотный отряд аргонавтов, которые так сильны, что ни Минерва со звенящей эгидой на груди, ни мощь Юпитера, ни кони Марса (Страх и Ужас) не смогли бы их рассеять (III, 87–90). Наконец, в бою аргонавты сравниваются с темной тучей, которую безуспешно атакуют ветры (III, 90–94).

Тема любви Ясона и Медеи отражена в двух группах сравнений. В первой терзаемая противоречивыми чувствами Медея сопоставляется сначала с Ио (VII, 111–120), а затем с большой собакой (VII, 121–126)¹¹. Во второй группе Ясон во время встречи героев в роще сравнивается с Эндимионом (VIII, 27–31), а Медея с голубкой (VIII, 32–35).

Сравнения на основе мифологических сюжетов представлены в двух группах, содержащих описание укрощения огнедышащих быков Ээта и битвы с землеродными воинами. Сначала Ясон сравнивается с путником (VII, 559–566), а огнедышащий бык — с молниями и ветрами (VII, 567–572). Затем укрощение Ясоном быка сопоставляется с укрощением первого коня (VII, 600–606), а сам герой, сеющий зубы змея, сопоставляется с ним самим, возделывающим и засевающим ливийские поля или поля Нила (VII, 607–609).

Остальные группы сравнений посвящены различным темам: встрече Геркулеса и Гесионы (II, 457–461; 462–467); поискам Геркулесом Гила (III, 577–580; 581–586; 587–591); выходу Поллукса и Амика на состязание в кулачном бою (IV, 193–198; 198–203); описанию Симплегад (IV, 682–685; 686–688).

Отметим, что расположение в тексте одного сравнения за другим усиливает драматичность повествования, и Валерий Флакк, стремясь к большему эмоциональному воздействию, использует этот прием в шестой книге для описания сражений, а в седьмой и восьмой книгах он акцентирует внимание на главных героях, чтобы подчеркнуть их внутреннее развитие (Gärtner 1994: 244).

В поэме Стация насчитывается двадцать семь групп сравнений¹², которые присутствуют во всех книгах поэмы, в

¹¹ Подробнее см.: Kotova 2019.

¹² Группы сравнений в «Фиваиде»: I, 473–477, 478–481; II, 467–475, 476–477; III, 40–52, 53–57; III, 316–323, 324–336; IV, 697–710, 711–722; IV, 789–792, 793–803; V, 326–334, 335–339; VI, 450–453, 454–459; VI, 593–601, 602–603; VI, 753–755, 756–757; VI, 787–795, 796–801; VI, 836–

отличии от «Аргонавтики», где этот прием не используется в первой и пятой книгах.

В «Фиваиде» в абсолютном большинстве случаев группы сравнений помещены на границах эпизодов, выполняя, помимо образно-характеризующей, функцию сюжетно-тематического деления текста, когда одно сравнение закрывает эпизод, а второе открывает следующий¹³. Этим определяется разнообразие объектов и *tertium comparationis* сравнений в группах. Примером служит пассаж, в котором первое сравнение отражает горе Полиника, оплакивающего своего погибшего друга Тидея (IX, 82–85), а второе сравнение открывает аристею Гиппомедонта, который сдерживает натиск фиванцев, оберегая тело Тидея (IX, 86–94). В другом примере сравнения отражают реакцию противоборствующих сторон на одно и то же событие. Так, после низвержения Амфиарая в Тартар, фиванцы шумно празднуют, и Эдип, выйдя из своего заточения, присоединяется к ночному пиру, словно долго казнимый голодом Финей (VIII, 252–258), в то время как в аргосском лагере Адраст, которого власть побуждает быть стойким в беде, бодрствует, подобно кормчему в бурю (VIII, 259–270).

Среди основных тем, в развитии которых используются группы сравнений, можно выделить следующие.

Четыре группы сравнений отражают роль Тидея в попытке разрешения спора между братьями: он начал с установления тесной и неразрывной дружбы с Полиником (I, 473–477, 478–481), затем отправился с посольской миссией к Этеоклу (II, 467–475, 476–477) и, наконец, оставив в живых единственного из пятидесяти фиванцев, устроивших ему ночную засаду (III, 40–52, 53–57), возвращается в Аргос (III, 316–323, 324–336).

Три группы сравнений в четвертой и пятой книгах отражают события в Немее: первая появляется в описании того, как по приказу Вакха все реки уходят вглубь земли (IV, 697–710, 711–712), вторая в описании маленького Офелта, оставленного Гипсипиллой без присмотра (IV, 789–792, 793–803), третья же в ее рассказе о лемносской резне (V, 326–334, 335–339).

Наибольшее количество, а именно семь групп сравнений представлены в шестой книге в описании погребальных игр, где

842, 842–846; VI, 854–859, 860–869; VI, 878–885, 886–896; VII, 78–80, 81–89; VII, 703–708, 709–711; VIII, 208–210, 211–214; VIII, 252–258, 259–270; VIII, 350–352, 353–362; VIII, 529–535, 536–547; IX, 82–85, 86–94; X, 848–852, 853–859; XI, 7–11, 12–17; XI, 308–314, 315–320; XI, 435–438, 439–446; XII, 726–729, 730–736, 736–740; XII, 784–788, 789–793.

¹³ Эту функцию сравнений в «Фиваиде» отмечают А. Лозано и Й. Смоленаарс (Lozano 1986: 166; Smolenaars 1994: xxii).

боевые качества участников наиболее ярко проявляются в состязании в силе и выносливости, когда борьба становится особенно кровавой и жестокой. В описаниях колесничных ристаний поэт фокусирует внимание на Полинике (VI, 450–453, 454–459), а в состязаниях в беге отмечает стремительность Партенопоя (VI, 593–601, 602–603). Две группы сравнений описывают кулачный бой между Капанеем и Алкидамантом (VI, 753–755, 756–757; VI, 787–795, 796–801) и три группы — состязание в борьбе между Тидеем и Агилеем (VI, 836–842, 842–846; VI, 854–859, 860–869; VI, 878–885, 886–896). Такая концентрация сравнений создает образы впечатляющей силы и придает эпизоду важный выразительный эффект.

Двенадцать групп сосредоточены во второй половине поэмы, в которой военные действия начинаются после того, как Юпитер, раздраженный задержкой, посылает Меркурия во Фракию, чтобы побудить Марса к действию (VII, 78–80, 81–89). Группы сравнений возникают и в описании аристеи аргосских вождей Амфиарая (VII, 703–708, 709–711) и Тидея (VIII, 529–535, 536–547), где также упоминаются его прошлые жертвы.

Сравнения используются в изображении человеческих эмоций и поведенческих реакций: греки после исчезновения Амфиарая оплакивают провидца (VIII, 208–210), и эта утрата сравнивается с потерей кормчего для корабля (VIII, 211–214). Перед поединком братьев Этеокл, движимый яростью и подзадо-ренный насмешками Креонта, сравнивается со змеей, потревоженной пастухом (XI, 308–314), а его мать Иокаста, впадшая в иступление после потери сына, сопоставляется в своем горе с Агавой, матерью Пенфея (XI, 315–320).

Количественные характеристики использования сложных структур сравнений в поэмах Валерия Флакка и Стация представлены в таблице 3.

Табл. 3. Сложные структуры сравнений в «Аргонавтике» и «Фиваиде»

Table 3. Complex structures of similes in *Argonautica* and *Thebaid*

Произведение	Парные сравнения	Цепи сравнений	Группы сравнений
«Аргонавтика»	1	3	13
«Фиваида»	1	3	27

Сравнительный анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о сходствах и различиях в использовании эпического сравнения в произведениях Валерия Флакка и Стация.

В обеих поэмах встречаются многочисленные одиночные сравнения (77% в «Аргонавтике», 79% в «Фиваиде»), динамический характер которых достигается усилением детальности

описания. При этом преобладают развернутые сравнения, что соответствует высокому стилю эпической поэзии (85% в «Аргонавтике», 86% в «Фиваиде»). Таким образом, оба поэта в равной степени отдают предпочтение одиночным развернутым сравнениям.

Что касается сложных структур, то оба автора применяют способы компоновки сравнений в пары, цепи и группы, но в способе их использования наблюдаются значимые различия.

В использовании парных структур Валерий Флакк следует предшествующей эпической традиции, изображая с помощью парных сравнений мужских и женских персонажей во время их первой встречи. Стаций применяет новаторский прием, выбирая в качестве объектов сравнения два женских персонажа, при этом сохраняя эпический мотив первой встречи и литературную традицию сопоставления с богинями.

Цепи сравнений в рассматриваемых поэмах отличаются количеством элементов, их составляющих. В «Фиваиде» структура цепей содержит три сравнения, в то время как в «Аргонавтике» их максимальное число составляет пять.

Группы сравнений у обоих авторов преимущественно состоят из двух элементов. Группы из трех сравнений встречаются у Валерия Флакка три раза, в то время как Стаций использует такую структуру один раз в описании последнего сражения в поэме, выделяя этот момент в повествовании. Тематикой произведений и числом главных действующих лиц обусловлена разница в количестве используемых групп сравнений. В поэме Стация, где семь вождей сражаются против Фив и повествование содержит эпизод погребальных игр, этот прием используется в два раза чаще, чем в произведении Валерия Флакка, посвященного путешествию героя в Колхиду.

Подводя итог, отметим, что античные авторы владели многими традиционными способами поэтической техники, которые применялись ими в различных вариациях. Применение типологизации в изучении сравнений позволяет упорядочить их описание и выявить закономерности и особенности на основе анализа выделенных категорий.

Литература / References

- Dominik, W. J. 2015: Similes and their Programmatic Role in the Thebaid. In: *Brill's Companion to Statius*. W. J. Dominik, C. E. Newlands, K. Gervais (eds.). Leiden, Boston: Brill, 266–290.
- Ehlers, W.-W. (ed.) 1980: *Gai Valeri Flacci Setini Balbi Argonauticon libros octo*. Stuttgart: Teubner.

- Feeney, D., Hinds, S. 2021: First Similes in Epic. In: *Explorations in Latin Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 286–321. DOI 10.1017/9781108680226.017.
- Fitch, J. G. 1976: Aspects of Valerius Flaccus' Use of Similes. *Transactions of the American Philological Association* 106, 113–124.
- Gärtner, U. 1994: *Gehalt und Funktion der Gleichnisse bei Valerius Flaccus*. Stuttgart: Franz Steiner.
- Hall, J. B., Ritchie, A. L., Edwards, M. J. (eds.) 2007: *P. Papinius Statius. Thebaid and Achilleid. Volume I. Text and Critical Apparatus*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing.
- Hubbard, T. K. 1981: Antithetical Simile Pairs in Homer. *Grazer Beiträge* 10, 59–67.
- Kazansky, N. N. 2005: Language dictates. Fabula and logic of the text in the development of the plot of the Iliad. *Živa Antika* 55, 117–123.
- Kirk, G. S. 1985: *The Iliad: A Commentary*. Vol. I: Books 1–4. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kotova, A. V. 2017: [A Particular Case of Simile Pairs in Virgil's *Aeneid*]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 21, 424–433.
- Котова, А. В. 2017: Частный случай парных сравнений в «Энеиде» Вергилия. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, 424–433.
- Kotova, A. V. 2018: [On Sources of the Group of Similes in Valerius Flaccus' *Argonautica* (6. 604–608, 609–612, 613–617)]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 22 (1), 656–665. DOI 10.30842/ielcp230690152251.
- Котова, А. В. 2018: Об источниках группы сравнений в «Аргонавтике» Валерия Флакка (6. 604–608, 609–612, 613–617). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22 (1), 656–665. DOI 10.30842/ielcp230690152251.
- Kotova, A. V. 2019: [On the Sources of the Simile in Valerius Flaccus 7. 121–126]. *Indoeuropejskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 23(1), 580–586.
- Котова, А. В. 2019: Об источниках одного сравнения у Валерия Флакка (V. Fl. 7. 121–126). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23(1), 580–586.
- Lozano, A. L. 1986: Los símiles en la Tebaida de Estacio. *Habis* 17, 165–184.
- Murgatroyd, P. 2009: *A Commentary on Book 4 of Valerius Flaccus' Argonautica*. Leiden; Boston: Brill.
- Pyu, E. 2020: *Women and War in Roman Epic*. Leiden; Boston: Brill.
- Smolenaars, J. J. L. 1994: *Statius. Thebaid VII: A Commentary*. Leiden; New York; Cologne: Brill.
- Wijsman, H. J. W. 2000: *Valerius Flaccus, Argonautica, Book VI: A Commentary*. Leiden: Brill.

РЕДУКЦИЯ ГЛАСНОГО В ПОЗИЦИИ *VOCALIS ANTE VOCALEM* В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Статья посвящена сокращению гласных в позиции *uocalis ante uocalem*, лежащих за пределами нормативной латинской просодии, а именно сокращения этимологически долгой /ī/ в окончании Gen. sing. местоименного склонения. Для этого проанализированы случаи употребления соответствующих форм в поэзии Катулла, Вергилия и Горация; также приведено свидетельство Цицерона о просодии данной флексии в риторической прозе. На основе полученных данных сделан вывод об отсутствии диалектной обусловленности данного процесса и его общелатинском характере. Кроме того, рассмотрены случаи синерезы (перехода [ī] в неслоговой [ɪ] в позиции перед гласным) в творчестве тех же авторов; для сравнения приводятся данные позднелатинской неметрической поэзии. В результате анализа выдвинута гипотеза о единой природе рассмотренных явлений, ставших разными этапами процесса «второй редукции гласных».

Ключевые слова: редукция гласных; просодия; синереза; латинский язык; история латинского языка; Катулл; Вергилий; Гораций.

Anna Y. Koshevskaja
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia. castrensiana@mail.ru

Vowel reduction in the *uocalis ante uocalem* position in classical Latin

The article deals with the abnormal cases of vowel reduction in the *uocalis ante uocalem* position, principally with the cases of reduction of /ī/ in Gen. sing. in pronominal declination. For accurate diagnosis of real prosody of this form in classical Latin, the data of metrical poetry was analysed. The poetry of Catullus, Vergil and Horace was chosen to solve the possible dialect influence; in addition, Cicero's evidence on metrical prose was analysed. As a second part of the investigation, the cases of synaeresis [ī] > [ɪ] were analysed in classical (metrical) and late (rhythmical) Latin poetry. As a result, a hypothesis has been proposed that the reduction of long /ī/ and the synaeresis of short [ī] were two stages of one process, the process of "second vowel reduction". *Keywords:* vowel reduction; prosody; synaeresis; Latin; history of Latin; Catullus; Vergil; Horace.

Keywords: vowel reduction; prosody; synaeresis; Latin; history of Latin; Catullus; Vergil; Horace.

Редукция гласного в позиции перед другим гласным — одно из основных правил латинской просодии, изучающихся в курсе латинского языка (правило *vocalis ante vocalem corripitur*). Впрочем, из этого правила существуют исключения: к ним относятся, во-первых, слова греческого происхождения, содержащие монофтонгизированный дифтонг (напр., *Acādēmīa*¹ из *Ἀκαδημία*, *īrōnīa* из *εἰρωνεία* и т. п.), а во-вторых, случаи, когда гиаг возникал в результате выпадения полугласных [ɨ] и [ʉ], к которым относится окончание *Genetivus singularis* местоименного склонения (-*ūs* <**-īos*, напр., *illīus*, *ipsīus*, *unīus* и т. д.) (Tronsky 2001: 202–203), а также некоторых других лексемах и формах (напр., в парадигме V склонения (*rēī*, *fidēī* и т. п.) или в имени *Dīāna*) (Tronsky 2001: 100). Разумеется, столь ограниченное число исключений, не поддерживаемое системой языка, уменьшалось с течением времени: такая просодия в корне слова считалась архаизмом уже в эпоху Августа (Tronsky 2001: 100–101), а в латинском языке Средних веков и Нового времени закрепилась просодия, подчиняющаяся общему правилу (*Acadēmīa*² (ср. рус. *акаде́мия*), *irōnīa* (ср. рус. *иро́ния*) и т. п.).

Традиционно считается, что наиболее долго сохраняла традиционную просодию с долгим гласным форма родительного падежа местоименного склонения (Tronsky 2001: 100). Однако именно эта форма чаще всего меняла свою просодию *metrī causā* еще со времен римской комедии: при этом, если у Плавта, Теренция и, спорадически, даже у Лукреция (Tronsky 2001: 203–204) встречается синкопа краткого [ʉ] (напр., *em illī(ū)s seruūs hūc ad m(ē) argent(ūm) attūlit* (Plaut. *Pseud.* 1091), то позднее, например, у Катуллы и Вергилия, изменение просодии этой формы заключается в тотальном сокращении гласного перед гласным, например, *omnēs unīūs aestīmēmūs assis* (Catull. 5.3), хотя сохраняется и просодия с долгой: *cum sūbīt illīus tristissīmā noctīs imāgo* (Ovid. *Trist.* 1.3.1)³.

¹ Здесь и далее просодия латинских слов для классического периода указывается согласно OLD, древнегреческих — согласно LSJ.

² Просодия латинских слов для периода Средних веков и Нового времени приводится согласно словарю Köbler (<http://www.koeblergerhard.de>).

³ Авторы для анализа избраны по аналогии с исследованием, посвященным просодическим особенностям позиции *muta cum liquida*, по результатам которого была выявлена связь с регионом происхождения автора и доказана диалектная природа нарушений нормативной просодии (Koshevskaja 2022: 642)

Примечательно, что сокращение долгого /ī/ перед гласным носило, по всей видимости, общелатинский характер: проще всего это отследить по данным латинской поэзии I в. до н. э.

Катулл		Вергилий		Гораций	
Долгота	Редукция	Долгота	Редукция	Долгота	Редукция
0	illīus ⁴ totīus ⁵ ullīus ⁶ unīus ⁷	alterīus ⁸ illīus ⁹ istīus ¹⁰ nullīus ¹¹ totīus ¹² ullīus ¹³ unīus ¹⁴	illīus ¹⁵ ipsīus ¹⁶ unīus ¹⁷	illīus ¹⁸ nullīus ¹⁹ unīus ²⁰	alterīus ²¹ illīus ²² nullīus ²³ unīus ²⁴ utrīus/que ²⁵
0	10 (100%)	9 (56%)	7 (44%)	6 (23%)	20 (77%)

⁴ illīus Catul. 3.8; 10.31; 11.22; 61.219; 64.348; 66.85; 68B.41.

⁵ totīus Catul. 17.10.

⁶ ullīus Catul. 4.3.

⁷ unīus Catul. 5.3)

⁸ alterīus Verg. *Geo.* 1.158, 2.32, 33.

⁹ illīus Verg. *Ecl.* 1.63.

¹⁰ istīus Verg. *Aen.* 12.648.

¹¹ nullīus Verg. *Geo.* 4.453.

¹² totīus Verg. *Geo.* 4.4.

¹³ ullīus Verg. *Aen.* 11. 354.

¹⁴ unīus Verg. *Aen.* 1.251.

¹⁵ illīus Verg. *Ecl.* 1.7, *Geo.* 1.49, *Aen.* 1.16, 6.680, 8.198.

¹⁶ ipsīus Verg. *Geo.* 1.452.

¹⁷ unīus Verg. *Aen.* 1.41.

¹⁸ illīus Hor. *Carm.* 4.13.4, *Serm.* 1.10.57.

¹⁹ nullīus Hor. *Epist.* 1.17.22, *Ars.* 320, 324.

²⁰ unīus Hor. *Carm.* 4.9.39.

²¹ Hor. *Carm.* 3.24.8, *epist.* 1.2.57, 1.14.11, 2.2.88, 2.2.176, *ars.* 410

²² illīus Hor. *Carm.* 4.13.4, *Serm.* 1.3.74, 2.2.72, 2.3.27, 2.5.29, *Epist.* 1.15.16, 1.18.37, 2.2.990.

²³ nullīus Hor. *Epod.* 16.61, *Epist.* 1.1.14.

²⁴ unīus Hor. *Serm.* 1.6.13.

²⁵ utrīus/que Hor. *Carm.* 3.8.5, *Epist.* 1.17.15.

По данным, приведенным в таблице, легко заметить, что распределение нормативных и редуцированных форм в поэзии I в. до н. э. не может быть связано с диалектным влиянием: в противном случае наблюдалось бы сходное соотношение в поэзии Катулла и Вергилия (как у уроженцев Цизальпийской Галлии) и резко отличное — у Горация (Adams 2007: 132–143; Coleman 1990: 5–22). Напротив, полученные результаты можно объяснить не диалектным, а стилистическим противопоставлением: так, Гораций чаще следует нормативной просодии в «Одах» и, напротив, предпочитает более разговорный редуцированный вариант в «Сатирах» и «Посланиях», то есть распределение форм обусловлено в основном фоностилистикой (Kazansky 2022: 71). Что касается Вергилия, то в его творчестве прослеживается стойкая тенденция к распределению форм *metrī causā*: редуцированные формы обычно занимают позицию в первом и пятом дактилях гекзаметра (*ūnīūs in mīsēr(ī) exīitium conuersā tūlērē* (Verg. Aen. 2.131); *huic monstrō Volcānūs ērat pātēr: illiūs ātros* (Verg. Aen. 8.198)), а нормативные чаще встречаются в середине стиха (*quis clād(em) illiūs noctis, quis fūnērā fandō* (Verg. Aen. 2.361)).

Помимо данных латинской поэзии, в связи с исследуемой проблемой кажется довольно любопытным такой пассаж из Цицерона:

est autem paean hic posterior non syllabarum numero, sed aurium mensura, quod est acrius iudicium et certius, par fere cretico, qui est ex longa et breui et longa, ut: Quid pētam praesīd(ī), aut exsēquar? Quidiē nunc ... (Enn. Andr. 81). *A quo numero exorsus est Fannius: sī, Quīrītēs, mīnās illiūs...* (Cic. de orat. III 183).

«Однако этот нисходящий пеан не по числу слогов, а по длительности на слух (что является оценкой более точной и достоверной) почти равен кретику [– ∪ —], который [состоит] из долгого, краткого и долгого, как: *Quid pētam praesīd(ī), aut exsēquar? Quidiē nunc ...* [– ∪ — – ∪ — – ∪ — – ∪ –] (Enn. Andr. 81). Этим же размером начинает [речь] Фанний: «*sī, Quīrītēs, mīnās illiūs*» [– ∪ — – ∪ — – ? –] (A.K.²⁶)»

²⁶ Здесь и далее перевод прозаических фрагментов выполнен автором статьи.

Интерес представляет именно форма *illius* во фрагменте из Фанния, потому что ее просодия в данном пассаже совершенно не ясна.

С одной стороны, Цицерон не заявляет однозначно, что просодия формы *illius* соответствует кретику; ритм прозаического текста гораздо гибче поэтического, и воспроизведение одной и той же стопы несколько раз подряд необязательно и, порой, даже нежелательно (Koshevskaja 2021: 149–151) — так что, возможно, в приведенном отрывке *illius* представлен тремя долгими слогами.

С другой стороны, коль скоро весь приведенный пассаж посвящен рассуждениям Цицерона о ритме прозы, кажется сомнительным, чтобы он сохранял в примере просодию, не соответствующую описанной модели: цитация формы *illius* не обусловлена грамматически, поэтому, скорее всего, Цицерон оставил эту форму *rhythmī causā* — но тогда она должна соответствовать кретику по аналогии со стихотворным примером. Другим аргументом в пользу просодии с сокращенным [ī] может служить общая тенденция к дескриптивизму в эпоху поздней Республики (Beckelhymer 2014: 30–32): характерным примером тому является поэзия Катуллы, чье творчество во многом построено на разговорном и диалектном языке, или, например, сочинения Цезаря, у которого широко используются причастия и инфинитивы в сочетании с глаголом *hābērē* — разговорные формы, которые впоследствии разовьются в романские перфект и аналитический футурум (Dybnikov, Lopatina 1998: 57–58); следует отметить и орфографические особенности — напр., написание формы Gen. Sing. *praesīdī* вместо *praesīdī*, отражающее фонетику разговорного языка.

Другими словами, весьма вероятно, что в I в. н. э. вариант просодии типа *ūniūs*, *illūs*, *istūs* уже мыслился как допустимый и равноправный варианту с долгим предпоследним слогом (коль скоро Цицерон даже приводит соответствующую цитату). Тем не менее, достоверно известно, что долгота в окончании *-iūs* сохранялась на протяжении всей античности: наиболее авторитетным источником считается Квинтилиан, который обсуждает изменения долготы слогов *metrī causā*:

praeterea quae fiunt spatio, siue cum syllaba correpta producitur, ut «Itāliam fātō prōfūgus», seu longa corripitur, ut «ūniūs ob

nōxam et fūrīās», extra carmen non deprendas, sed nec in carmine vitia dicenda sunt. (Quint. inst. I 5.18)

«Но [явления], связанные с долгой (когда или удлиняется краткий слог, как «*Itāliam fātō prōfūgus*», или сокращается долгий, как «*inīūs ob nōxam et fūrīās*»), вне поэзии не найдешь; да и кроме как в поэзии они должны считаться ошибками». (А. К.)

Почти то же самое находим и у Сервия Гонората (IV в. н. э.):
inīūs illīus ipsīus naturaliter media producitur syllaba, sed cum opus est corripitur hac excusatione: nam quotiens uocalem longam uocalis sequitur, ei uires detrahit. (Serv. Dan. 41)

«[В формах] *inīūs illīus ipsīus* срединный слог по природе долг; но если нужно, сокращается по такой причине: ведь всякий раз, когда за долгим гласным следует гласный, он уменьшает его длительность». (А. К.)

Гораздо сложнее для анализа оказываются случаи, когда гласный подвергается синерезе — полной редукции, переходя в сверхкраткий и далее — в сонорный согласный.

В классической латинской поэзии эпохи поздней Республики и принципата Августа примеры синерезы являются единичными: в творчестве поэтов, рассмотренных выше, можно указать один случай у Катуллы: *Cāmērijum*²⁷ *mīhī pessīmae puellae* (Catull. 55.10), несколько случаев у Вергилия: *Itāliam fātō prōfūgus Lāuīnāquē uēnit* (Verg. Aen. 1.2); *aedīficant, sectāqu(ē) intexunt abjētē costas* (Verg. Aen. 2.16; Verg. Aen. 5.663, 8.599, 11.667); *genūā lābant, uastos quātū aegēr ānhēlītūs artus* (Verg. Aen. 5.432; Verg. Aen. 12.905), единичные случаи у Горация (*pascō libātis dāpībus. prout*²⁸ *cuīquē libīdō (e)st* (Hor. Ser. 2.6.53); *hērēdes uōluit? quoad uixit, crēdīdīt ingens* (Hor. Ser. 2.3.91); *uīndēmjātōr ēt inuictus, cuī saepē uīātor* (Hor. Ser. 1.7.30). Все перечисленные случаи, несомненно, объясняются лишь *metrī causā* и *licentiā poeticā*; тем не менее, нельзя не учитывать тот факт, что поэтическая вольность так или иначе

²⁷ Согласно одной из интерпретаций места (Catull. 55.10), в стихе представлена полная форма *Cāmērijum* (без синерезы), а сам контекст является единственным в латинской поэзии случаем замещения эолийской базы трибрахией (Kuznetsov 2006: 248).

²⁸ Н. Н. Казанский связывает односложное чтение *prout* у Горация с архаичным латинским дифтонгом /ou/ (Kazansky 2017: 55). Это ценное наблюдение дает основания предполагать для данного контекста и, видимо, также для *quoad* (Hor. serm. 2.3.91) не синерезу, характерную для гласных [i] и [ū], а полную элизия по аналогии с монофтонгизированным дифтонгом.

ограничена узусом — другими словами, синереза в поэзии была бы невозможна, если бы не встречалась в языке хотя бы как маргинальное явление. Более того, в позднеантичной латинской поэзии, носившей уже не метрический, а ритмический характер, наблюдается стойкое распространение синерезы: так, в латинском переводе Псалтири, выполненном бл. Августином на рубеже IV–V вв. н. э., исследователями отмечено не менее 90 случаев синерезы (Norberg 2004: 132), а для поэзии жившего столетием ранее епископа Коммодиана Газского удалось даже выявить основные закономерности появления синерез (после зубных, сонорных, аффрикат и [v]) (Hanssen 1881: 63–66). Региональное распространение синерезы в разговорном латинском языке подтверждается и данными романских языков: наиболее показательной является этимология исп. *mujer* и порт. *mulher* из лат. *mulier*. Таким образом, есть все основания предположить, что случаи синерезы в поэзии I в. до н. э. свидетельствуют не просто о зарождении, а о уже сложившемся явлении полной редукции [i] в определенных позициях.

В связи с этим кажется небезосновательным предположить, что редукция /ī/ > [i] и /i/ > [ɪ] были взаимосвязаны и являются проявлениями одного и того же процесса, который можно назвать вторым сокращением гласного перед гласным (в противовес первому, имевшему место в долитературный период и лежащему в основе нормативной латинской просодии). Очевидно, что это второе сокращение происходило поэтапно; вероятно, медленное распространение синерезы обусловлено тем, что оно существенно меняло просодию слова, сокращая число слогов, что остро ощущалось носителями языка даже в условиях разрушения системы вокализма.

Литература

- Adams, J. N. 2007: *The Regional Diversification of Latin, 200 BC–AD 600*. Cambridge.
- Beckelhymer, S. D. 2014: *The Way That Our Catullus Walked: Grammar and Poetry in the Late Republic*. A Dissertation ... for the Degree of Doctor of Philosophy. Philadelphia.
- Coleman, R. 1990: Dialectal variation in republican Latin, with special reference to Praenestine. *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. № 36, 1–25.
- Dynnikov, A. N., Lopatina, M. G. 1998: *Narodnaya latyn' [Vulgar Latin]*. Moscow, 1998.
- Дынников А. Н., Лопатина М. Г. 1998: *Народная латынь*. М.

- Hanssen, F. 1881: *De arte metrica Commodiani*. Argentorati.
- Kazansky, N. N. 2017: *Oчерк фонологии латинского языка [Essay of the Phonology of the Latin Language]*. Moscow, 2017.
Казанский Н. Н. *Очерк фонологии латинского языка*. М., 2017.
- Kazansky, N. N. 2022: *Problemy leksikologii latinskogo yazyka [Problems of Lexicology of Latin Language]*. Saint Petersburg.
Казанский Н. Н. 2022: *Проблемы лексикологии латинского языка*. СПб.
- Köbler 2010: Köbler G. *Lateinisches Abkunfts- und Wirkungswörterbuch für Altertum und Mittelalter*. 2010 (<http://www.koeblergerhard.de>)
- Koshevskaja, A. Y. 2021: [A new method of differentiating clauses in Cicero's prose: a rhythm analysis of Catilinarians] *Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology*. 2021. №5. P. 144–153. — Кошевская, А. Ю. 2021: Новый подход к выделению клаузул в прозе Цицерона: опыт ритмического анализа «Катилинарий». *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. №5, 144–153.
- Koshevskaja, A. Y. 2022: [The prosodic features of the position *muta cum liquida* in poetry of Catullus] *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* Vol. 26, No. 1. P. 635–643.
Кошевская, А. Ю. 2022: Просодические особенности позиции *muta cum liquida* в поэзии Катутллы. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. № 26, Т. 1. С. 635–643.
- Kuznetsov, A. E. 2006: *Ars brevis. Latinskaya metrika [Latin metric]*. Tula.
Кузнецов А. Е. *Ars brevis. Латинская метрика*. Тула, 2006.
- LSJ: Liddell H. G., Scott R. *Greek-English Lexicon*. Oxford, 1996.
- Norberg, D. 2004: *An Introduction to the Study of Medieval Latin Versification*. Washington, 2004.
- OLD: Glare P. G. W. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, 1982.
- Tronsky, I. M. 2001: *Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka. Obshcheindoevropskoe yazykovoe sostoyanie (voprosy rekonstrukcii) [The Historical Grammar of the Latin Language. Common Indo-European Linguistic State (issues of reconstruction)]*. Moscow.
Тронский И. М. *Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции)*. Отв. ред. Н. Н. Казанский. М., 2001.

К. В. Круглова

МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. kapitolina93@gmail.com

ДАРЫ ЕЛЕНЫ (*Od.* 4.130–35) И ТЕКСТИЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ МИКЕНСКОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматривается и сравнивается лексика списков даров в поэмах Гомера с перечнями предметов, подлежащих учету в микенских документах, в первую очередь связанных с текстильным хозяйством. Описания даров Елены (*Od.* 4.130–35): веретена (ἡλακάτη) и корзины для пряжи (τάλαρος), а также эпитетов пряжи (*Od.* 6. 53) находят соответствия в текстах линейного письма В на лексическом уровне. А в описании процесса тканья в (*Od.* 7. 105–107), вероятно, содержатся следы памяти о технологии обработки ткани, отражение которой можно найти в серии микенских текстов МУ Ое. Все это может говорить о сохранении в поэмах Гомера следов эпической традиции микенского времени.

Ключевые слова: Гомер, Одиссея, ἡλακάτη, τάλαρος, текстиль, микенский, эпическая традиция.

K. V. Kruglova

Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia. kapitolina93@gmail.com

The Gifts of Helen (*Od.* 4.130–35) and Mycenaean textile terminology

The article examines the Homeric vocabulary of gift lists and compares it with inventories in Mycenaean documents, primarily related to the textile industry. Descriptions of Helen's gifts (*Od.* 4. 130–35), namely spindles (ἡλακάτη) and yarn baskets (τάλαρος), as well as the epithets of yarn (*Od.* 6. 53), find correspondences in Linear B texts at the lexical level. Besides, the description of the textile process in *Od.* 7. 105–107 probably contains traces of memory about the fabric processing technology that can be reflected in the МУ Ое series of Mycenaean texts. All this may indicate the preservation of traces of the epic tradition of Mycenaean time in Homer.

Keywords: Homer, Odyssey, ἡλακάτη, τάλαρος, textiles, Mycenaean, epic tradition.

Списки даров в Одиссее или перечни предметов выкупа в Илиаде, повторяющиеся в одних и тех же стандартных выражениях и входящие в типические сцены, характерны для устной эпической традиции (Edwards 1992; Reece 2009; Sammons 2010). В них появляются предметы, которые имели особую ценность (неслучайно перечни даров гостю и предметы выкупа практически

одинаковы) и обмен которыми подразумевался обычаем гостеприимства¹. Один из таких списков мы находим в 24 песни Одиссеи, он входит в ложный рассказ Одиссея, которым герой «испытывает» отца и говорит, какие дары он-чужестранец подарил Одиссею на прощанье, имея в виду ответный дар:

Od. 24. 274–79

χρυσοῦ μὲν οἱ δῶκ' εὐεργέος ἑπτὰ τάλαντα,
 δῶκα δὲ οἱ κρητῆρα πανάργυρον ἀνθεμόεντα,
 δώδεκα δ' ἀπλοΐδας χλαίνας, τόσσους δὲ τάπητας,
 τόσσα δὲ φάρεα καλά, τόσσους δ' ἐπὶ τοῖσι χιτῶνας,
 χωρὶς δ' αὐτὲ γυναικάς, ἀμύμονα ἔργα ἰδυίας,
 τέσσαρας εἰδαλίμας, ἃς ἤθελεν αὐτὸς ἐλέσθαι

«Золота семь ему дал я талантов в искусных изделиях,
 Дал сребролитный кратер, покрытый резными цветами,
 Дал двенадцать простых плащей шерстяных и покровов,
 Столько ж прекрасных плащей полотняных и столько ж хитонов.
 Женщин кроме того подарил, рукодельниц искусных,
 Счетом четыре, красивых, которых он сам себе выбрал».

Пер. В. В. Вересаева

Список пространный, но не имеющий отступлений или подробных описаний при перечислении вещей, в отличие от выкупа Агамемнона Ахиллу, в котором 5 стихов посвящены описанию коней (*Il.* 9. 123–127). Список даров типичен (Reese 2009: 36): золото, предметы утвари из драгоценных металлов, ткани и одежда, которые составляют κειμήλια ‘сокровища’, а также рабыни-мастерицы: γυναικάς, ἀμύμονα ἔργα ἰδυίας. Подобные списки есть и в Илиаде: выкуп за тело Гектора (*Il.* 24. 229–234), в котором совпадают наборы одежды дословно (стихи 230–231), но не упоминаются женщины; выкуп Агамемнона, повторяющийся трижды: *Il.* 9. 121–32, 9.264–73. *Il.* 9 19.243–48, имеет те же составляющие, что и в 24 песни Одис-

¹ С. Рис (Reese 2009: 35) восстанавливает обычай гостеприимства в Одиссее, включающий обмен дарами: «Подарки (ξεινίῃα, δῶρα, δωτίην) преподносятся хозяином гостю, но никогда наоборот, как материальный символ их дружеских уз. В свою очередь, хозяин ожидает, что гость запомнит его (μεινήμενος *Od.* 4.592, 8. 431; μιννήσκειται *Od.* 14.45; μνήμα *Od.* 15.126) и когда-нибудь в будущем преподнесет не менее ценный подарок (ἀμοιβῆς 1.318, ἀμειψόμενος 24.285). Существует обычай (θέμις 9.267–68; 24.285–86), согласно которому гостевые подарки обмениваются друг с другом, а подарки, которые не вызывают ответных даров, считаются подаренными напрасно (ἐτῶσια 24.283)».

сеи (Kazansky 2021). Меньшие списки даров гостю упоминаются в Одиссее, например, подарки от жреца Аполлона Марона: золото, серебряный кратер и 12 амфор с великолепным вином (*Od.* 9.202–205), а также список даров Менелаю и Елене в 4 песни (*Od.* 4. 128–132), в котором упоминаются 2 серебряные ванны (δύ ἀργυρέας ἀσμίμβους), треножники, золото и отдельно подарок Елене, о котором пойдет речь ниже.

Списки даров в структуре эпического повествования, вероятно, наряду с более пространными каталогами, могут представлять наиболее древние элементы традиции, и представляется интересным сравнить лексические вхождения списков в поэмах Гомера с перечнями предметов, подлежащих учету в микенских хозяйственных документах.

Интересен перечень призов, выставляемых Ахиллом перед началом игр в честь Патрокла (*Il.* 23. 259–261) и подробное описание призов в колесничных бегах (*Il.* 23. 264–270), в них упомянуты предметы, имеющие микенские соответствия: ὀτώεντα τρίποδα ‘ушатые треножники’ — o-wo-we ti-ri-po /ohwowens tripōs/, ἀμφίθετον ἀπύρωτον φιάλην ‘двуручная не бывшая в огне чаша’², для которой в микенском есть соответствие ri-ja-га, а также обозначение противоположного смысла к ἀπύρωτον ‘не обожженный’ — a-ru , ke-ka-u-me-no /apukekaumenos/ ‘прожженный’ при описании треножника. Эти слова, как слова обозначающие одежду и полотно: φάρεα ‘плащевые ткани’ — ra-we-a /pharweha/, χιτῶνας ‘хитоны’ — ki-to /khitōn/ встречаются в микенских текстах, а также ванны, упоминаемые в перечне даров Менелаю: a-sa-mi-to /asaminthos/. В списках с дарами и выкупом, наряду с драгоценными вещами упоминаются женщины-мастерицы и одна женщина в качестве приза (вместе с треножником) в колесничных бегах (*Il.* 23. 263). То, что эти женщины ἀμύμονα ἔργα ἰδυίας занимались рукоделием (прядением и ткачеством), не вызывает сомнения, а о том, какие микенские термины обозначают мастериц, Н. Н. Казанский показал в статье «Дословная передача чужой речи в гомеровском эпосе (микенский комментарий к *Il.* 9 122 SQ. = *Il.* 9 264 SQ. = *Il.* 19 243 sq.)» (Kazansky 2021).

В настоящей статье будут рассматриваться обозначения текстильных терминов в микенских текстах и их соответствия в гомеровских поэмах, в первую очередь в контексте перечисления даров, а также предполагаемые следы памяти о технологиях обработки ткани бронзового века в поэмах Гомера. Исследования организации микенского текстильного хозяйства и

² Единственный контекст из Илиады, в котором φιάλη называется сосуд, который можно поставить на огонь как λέβης или τρίπους.

технологий подробно рассмотрены и описаны на материале табличек из Кносса и Пилоса (Killen 1984, 2007), из Фив (Nosh 2001–2002), а также из Арголиды (Varis 2012)³.

В микенских документах из Пилоса, Кносса и Фив встречается слово *a-ra-ka-te-ja* /*ālakatejai*/ — профессиональное обозначение ‘прядильщицы’, (ТН Of 34, KN Ak 5009, Lc[1] 531, PY Aa 89, PY Aa 240). Например, в пилосской табличке PY Aa 8 перечисляются мастерицы, девочки и мальчики, а также надсмотрщик:

PY Aa 8

a-ra-ka-te-ja MUL 37 *ko-wa* 26 *ko-wo* 16 TA 1

/*ālakatejai korwai korwoi*/

“37 женщин прядильщиц, 26 девочек, 16 мальчиков, один надсмотрщик”⁴

Слово *a-ra-ka-te-ja* образовано от *a-ra-ka-ta, которое является микенским предшественником греческого ἄλακάτη⁵. Об этом слове в своем монументальном труде Элизабет Барбер пишет: «Когда мы подходим к слову ἄλακάτη, мы обнаруживаем, что нам приходится пересматривать словари, написанные людьми, которые ничего не понимали в прядении. За исключением отрывка из Платона, где веретено описывается по частям, все случаи употребления этого слова обычно переводятся как “прялка”. И все же, где бы ни существовал какой-либо определяющий контекст, единственной разумной интерпретацией является то, что ἄλακάτη обозначает веретено, а не прялку» (Barber 1991: 264).

Чем именно занимались микенские *a-ra-ka-te-ja* не вполне понятно исходя только из этимологии, так как упоминаемые в текстах линейного письма В мастерицы никогда бы не смогли спрясть всю шерсть, произведенную в деревнях (Del Frego, Nosh, Rougemont 2012: 356). Среднее количество шерсти, доступной для прядения, составляло около 500 кг на деревню, и, согласно расчетам Евы Андерсон и Мэри-Луиз Носх (Andersson, Nosh 2003) из такого количества шерсти получилось бы 1500

³ См. более полную библиографию по текстильным терминам в микенских текстах (Del Frego, Nosh, Rougemont 2012).

⁴ Работники текстильного производства в Пилосе и Кноссе перечисляются в списках в соответствии со строгой схемой: сначала женщины-работницы, затем надсмотрщики DA и TA, затем девочки и, наконец, мальчики (Nosh 2001–2002: 186).

⁵ Не имеет и.-е. этимологии, возможно, анатолийское заимствование или догреческий субстрат (Beekes 2009: 514)

км нити, и необходимо было бы затратить около 30 000 часов прядения. Исследовательницы выдвинули предположение, что a-ra-ka-te-ja-a специализировалась на некоторых видах прядения, например, на производстве основной пряжи или пряжи очень высокого качества (Del Freo, Nosch, Rougemont 2012 : 356). В качестве возможного доказательства этой идеи предлагается текст таблички из Кносса KN Lc 531⁶:

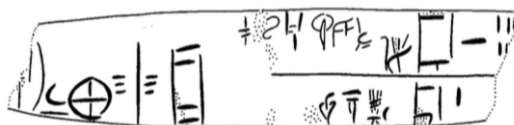

Fig. 17.16. drawing of KN Lc(1) 531 + 542. Drawing by L. Godart

.A] 'pa-we-a ko-u-ra' *161 TELA;1 15[
 .B]a-ra-ka-te-ja / tu-na-no TELA;1 1
 /ālaktejai phārweha ko-u-ra tu-na-no/
 «Прядильщицы / 15 (отрезов) ткани типа ko-u-ra⁷, 1 (отрез) ткани типа tu-na-no⁸»

На этой табличке идеограммы TELA, обычные для обозначения готовой ткани, в отличие от фиванской таблички TH Of 34, в которой появляется идеограмма LANA 'шерсть'.

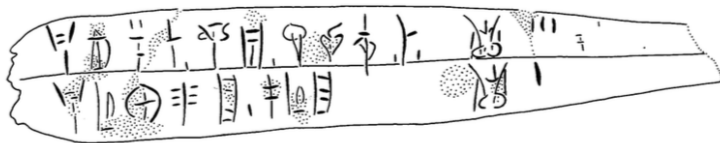

Fig. 17.15. Drawing of TH Of 34. Drawing by L. Godart

TH Of 34

.1 a-pi-ḡo-ro , ne-wa , ko-tu-ro₂ , DA , LANA 3 [[PA 1]] [
 .2 a-ra-ka-te-ja , pa-ra-ja LANA 1
 /amphiquolōi newāi kotylos ālaktejai palajāi/

⁶ Прорисовки табличек по Del, Freo, Nosch Rougemont 2012 : 356.

⁷ Не имеет надежной интерпретации, вид ткани, попытки видеть в нем κοῖλος не представляется возможным, см. DMic1 : 394

⁸ Не имеет надежной интерпретации, вид ткани DMic2 : 376.

«Молодой служанке (при) надсмотрщице Котиле⁹ 9 кг шерсти, пожилой прядильщице 3 кг шерсти»¹⁰.

Джон Чедвик видит в табличках фиванской серии Of сведения о распределении шерсти для жертвоприношений или других культовых мероприятий, так как общее количество ее невелико¹¹. Он также интерпретирует профессиональные группы в этой серии табличек (a-ra-ka-te-ja, te-pe-ja, a-pi-qa-go) как имеющие культовые функции. В качестве примера приводится термин a-pi-qa-go в пиловской табличке Fg 1205¹². Серия документов Fg содержит записи масла для жертвоприношений, и, следовательно, название a-pi-qa-go может иметь какое-то отношение к специальным культовым профессиям. Другую интерпретацию серии предлагает Джон Киллен (Killen 1985: 289). Он рассматривает фиванскую серию Of как распределение шерсти по мастерским, которые могли быть как дворцовыми, так и предназначаться для подношений в святилищах. Штефан Хиллер (Hiller 1987) видит распределение шерсти среди a-pi-qa-go, как домашней профессиональной группы, а не производственных дворцовых работников.

Интересна эта фиванская табличка также тем, что в ней упоминается мастерица и служанка (кем ни была a-pi-qa-go в микенских текстах), и напоминает эпизод из 4 песни Одиссеи (*Od.* 4.130–35), когда служанка (ἀμφίπολος) по имени Фило приносит Елене серебряную корзинку для шерсти и золотое веретено, подаренные Елене женой Полиба из египетских Фив:

Od. 4.130–35

χωρίς δ' αἴθ' Ἑλένη ἄλοχος πόρε κάλλιμα δῶρα:
 χρυσέην τ' ἠλακάτην τάλαρόν θ' ὑπόκυκλον ὄπασσεν
 ἀργύρεον, χρυσῶ δ' ἐπὶ χεῖλεα κεκράαντο.
 τὸν ῥά οἱ ἀμφίπολος Φυλῶ παρέθηκε φέρουσα
 νήματος ἀσκητοῖο βεβυσμένον· αὐτὰρ ἐπ' αὐτῶ
 ἠλακάτη τετάνυστο ἰοδνεφές εἶρος ἔχουσα.
 ἔξετο δ' ἐν κλισίῳ, ὑπὸ δὲ θρήνυς ποσὶν ἦεν.

⁹ Имя надсмотрщика вызывает вопросы, см. DMic1: 393.

¹⁰ Несколько иначе читает этот текст Нош: “Servants, young, the DA supervisor Κότυλος, 3 units of wool Spinners, old, 1 unit of wool” (Del Freo, Nosch, Rougemont 2012 : 356.)

¹¹ Chadwick in Chadwick, Spyropoulos 1975: 92.

¹² Текст таблички: a-pi-qa-go-i , we-ja-re-pe OLE+PA S 2 V 4 /amphiqolohi ualeiphes/ «служанкам масла для натирания 18 литров»

«Кроме того, и жена одарила богато Елену:
 Веретено золотое и ларчик дала на колесях
 Из серебра, с золотою каемкой. Его-то служанка
 Фило несла на руках и поставила возле Елены,
 Пряжею полный искусно сработанной; сверху лежало
 Веретено золотое с фиалково-темною шерстью»

Пер. В. В. Вересаева.

Упоминание в этом контексте ἡλακάτη уточнило значение «веретено», восстанавливаемое Барбер: «Если у Елены есть только корзина для шерсти и прялка, она не может прясть обычным способом; но если у нее есть корзина и веретено, у нее все готово, особенно для типичного метода прядения в бронзовом веке» (Barber 1989: 264).

Корзинка Елены называется *τάλαρος*, слово от корня *telh₂- ‘взвешивать’ (Beekes 2009: 1445) и имеющего отношение к отмериванию шерсти по весу. В микенских документах существует специальный термин *ta-ra-si-ja* /*talansija*/, обозначающий количество, взвешенное и отправленное в работу. Организация такой системы контроля производства засвидетельствована в хозяйственных документах, связанных с обработкой бронзы в Пилосе (серия Jn) и текстиля в Кноссе (серия Lc) и в одной табличке из Микен (MY Oe 110) (Beekes 2009: 1445). Весьма вероятно, что *τάλαρος* изначально обозначало корзину определенного объема для взвешивания одной порции шерсти.

То, что корзинка Елены была на колесиках, имеет параллель в Илиаде (II. 18. 373–375), в описании треножников на колесиках, которые мастерит Гефест, чтобы они сами (αὐτόματα) ездили к богам и возвращались обратно: *τρίποδας γὰρ εἰκόσι πάντας ἔτευχεν // ἐστάμεναι περὶ τοῖχον ἑὔσταθέος μεγάροιο, // χρύσεια δὲ σφ’ ὑπὸ κύκλα ἐκάστῳ πυθμένι θῆκεν* — «двадцать треножников вдруг он работал, // В утварь поставить к стене своего благолепного дома. Он под подножием их золотые колеса устроил» (Пер. Н. И. Гнедича). Такой треножник среди археологических находок найден на Кипре (рис. 1)¹³.

¹³ Из описания на сайте Британского музея: «Диаметр: 7,62 см (чаши). Высота: 29,21 см (без колес). Вес: примерно 3,20 кг.» Изображение на одной из сторон: «Страна D: к сидящей фигуре, играющей на струнном инструменте, приближаются две фигуры, первая из которых играет на таком же струнном инструменте. Третья фигура, по-видимому, мальчик-прислужник, держит в правой руке кувшин, а в левой поднимает на уровень лица чашку на ножке; в нижнем регистре изо-

Рис. 1. Бронзовый сосуд на колесиках. Кипр. Ок. 1250 г. до н. э.–1100 г. до н. э.
The British Museum 1946, 1017.1

Фиолетовая шерсть (*ἰοδνεφῆς εἶρος*), лежащая в корзинке Елены, упоминается при описании цвета шерсти овец Полифема (*Od.* 4. 426), а также другой эпитет (*ἀλιπόρφυρα*), обозначающий, вероятно, тот же цвет в Одиссее (*Od.* 6. 53): Навсикая застаёт свою мать за прядением: *ἡ μὲν ἐπ' ἐσχάρῃ ἦστο σὺν ἀμφιτόλοισι γυναιξίν* // *ἡλάκατα στρωφῶσ' ἀλιπόρφυρα* (*Od.* 6.53) — «Мать пред огнем очага сидела средь женщин служанок, // Пряжу прядя из морского пурпура» (Пер. В. В. Вересаева). В микенских текстах встречается обозначение этого цвета при описании ткани *pa-we-a ro-pu-re-ja* / *ro-pu-re-jo* / *ro-pu-ro* ср. *πορφύρεος*, передающего цвет различных оттенков от чёрного до тёмно-фиолетового, появляющегося в процессе окрашивания текстиля с использованием морских брюхоногих моллюсков. Микенские прилагательные *ki-ri-ta* /*khristos*/ (*χρίω* 'натирать', 'мазать') в табличке KN Ld 785.1, возможно, обозначало технический процесс окрашивания ткани, при котором краска наносилась на ткань, и *ko-ro-to* /*khroston*/ (ср. *χρῶζψ*, 'красить') в табличках KN Od 485, 486, 487; MY Oe 106, могло обозначать погружение шерсти/ткани в ванну с краской.

Слово *ἡλάκατα*, родственное рассматриваемому выше *ἡλακάτη*, обозначает шерсть, готовую к прядению, и, вероятно, может соответствовать слову 'кудель', обозначающему длинные, неплотно спрессованные рулоны расчесанных волокон (Barber 1991: 264).

бражена водяная птица с длинной шеей, нападающая на рыбу или дельфина», сайт: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1946-1017-1 (дата обращения 17.04.24).

На греческих вазах классического периода присутствуют изображения нескольких женщин, работающих с шерстью, и пушистые нити, уложенные в корзины для шерсти, готовые к прядению (рис. 2).

Рис. 2. Чернофигурный лекиф. Атика. Ок. 550–530 г. до н. э.
The Metropolitan Museum of the Art; Fletcher Fund, 1931: no. 31.11.10

Для обозначения процесса ткачества существует довольно богатое семантическое поле. В микенском греческом, как и в других индоевропейских языках, проводится различие между ткачеством (на ткацком станке) ὑφαίνειν и плетением πλέκειν¹⁴. Обозначение ткацкого станка ἰστός восходит к и.-е. корню *sta-. К этому корню относятся микенские специальные обозначения ткачих: *i-te-ja-o* /histejahon/ gen. pl. ‘ткачих» (PY Ad 684) и *i-te-we* /histewei/ dat. sg. ‘ткачу’ или /histewes/ nom. pl. ‘ткачи’ (PY Un 1322). Другие греческие лексемы для обозначения ткачества: ὑφανσις ‘ткацкий’, ὑφαίνω ‘ткать’, а также ὑφάντης ‘ткач’ восходят к и.-е. корню *ueb^h-, имеющему производные в других индоевропейских языках, например, англ. weaving, нем. weben, в греческом ὑφαίνω нулевая ступень корня *h₂ub^h- (Beekes 2009: 1540). В микенских текстах, вероятно, встречается слово с этим корнем в пилосской табличке Fr 1225: u-ro-jo ro-ti-ni-ja.

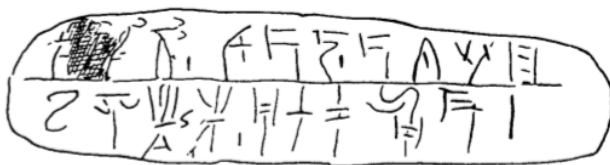

Fig. 17.19. Drawing of PY Fr 1225. Drawing by E. Bennett

¹⁴ Для этого корня в микенских текстах встречаются re-re-ke-u /plekeus/ и re-re-ke-we /plekewes/. Примечательно, что это профессиональное обозначение, связанное в первую очередь с обработкой шерсти, встречается как в Микенах (MY Oe 130), в Пилосе (запись о животных PY Sn 1287 и в перечне мужчин PY Ae 574), а также в Фивах (TH Oh 208).

PY Fr 1225

.1 e-ra₃-wo , u-ro-jo , ro-ti-ni-ja

.2 we-a₂-po-i , a-ro-pa OLE+A S 1

/elaiwon u-ro-jo potnija wehanohi aloiphā/

«Масло для богини Потнии u-ro-jo, мазь для одежды 9,6 л масла»

Некоторые ученые интерпретируют обозначение богини как *hurojōn* < *huro*, эпитет хтонического божества (Van Leuven 1979). Другие ученые, однако, интерпретируют это обозначение как ‘богиня ткачества’ < *hurohoio ὑφαίνω¹⁵. Поскольку контекст в Fr 1225 касается текстиля, мы склонны предпочесть вторую интерпретацию (богиня ткачества). Нош (Del Freo Nosch Rougemont 2012: 361) предпочитает читать u-ro-jo , ro-ti-ni-ja как ‘богиня ткачества’, но, необходимо признать, интерпретация не надежна (DMic2: 388).

Интересен процесс ткачества и прядения, описанный в 7 песни Одиссеи: герой видит во дворце Алкиноя 50 работниц, среди которых были прядильщицы и ткачихи:

Od. 7. 105– 107

αἱ δ' ἴστοὺς ὑφώσσι καὶ ἠλάκατα στρωφῶσι

ἤμεναι, οἷά τε φύλλα μακεδνῆς αἰγεῖροιο·

καίρουσσέων δ' ὀθονέων ἀπολείβεται ὑγρὸν ἔλαιον.

«Пряжу пряли другие и ткани прекрасные ткали,

Тесно одна близ другой, как высокого тополя листья.

С плотно сработанной ткани струилося жидкое масло»

Пер. В. В. Вересаева.

Использование масла в процессе окрашивания или для придания ткани блеска, которое в этом контексте, скорее, сохраняет следы технологии бронзового века, убедительно доказала Цинфия Шелмердайн¹⁶, сравнив гомеровские эпитеты *σιγὰλόεις*, *φαεινός*, *ἀργύφειος*, *στίλβων* со значением ‘сияющий, блестящий’ и свидетельства Плутарха и схолиастов, понимающих это место или как очень плотное сотканное полотно, с которого стекало масло,

¹⁵ Voëlle 2004: 46, сноска 47. Белль предлагает видеть производное от незасвидетельствованного *hurohos. Для микенского греческого прилагательное от сущ. сигматической основой было бы *u-ro-e /*huphehos*/.

¹⁶ Shelmerdine 1995: 100. См. также в комментарии Хэйнсворта (Hainsworth 1988: 328) с ссылкой на работу Спиридона Маринатоса об использовании масла (*ἀμουργή*) для обработки шерстяной ткани.

не просачиваясь¹⁷, или же, что ткань сияла так, что казалась покрыта маслом (Dindorf 1855: 334), которые, по мнению Шелмердайн не были знакомы с технологией, восходящей к микенскому времени, косвенные свидетельства которой мы находим в текстах линейного письма В.

Примером могут быть таблички из Микен, связанные текстильным хозяйством¹⁸. В отличие от кносских табличек, в Микенах не сохранились записи об овцеводстве, но их существование под контролем дворцового центра не вызывает сомнений, поскольку там найдено множество записей о выделении шерсти (серия Oe). Кроме того, на пяти различных табличках, найденных в Микенах, указаны три очень известных вида ткани: pa-we-a₂ /phārweha/ (L 710.2, Oe 111.2 и Oe 127), pu-ka-ta-ri-ja /puktalia/ (X 508) и te-pa-i (Oe 107.1), первые два обозначения являются наиболее распространенными видами микенской ткани (Varias 2012). Табличка Fo 101, найденная в комнате, смежной с комнатой серии Oe, содержит записи о распределении 68,8 литров оливкового масла между четырьмя группами текстильных работниц, что можно заключить из собирательного существительного, состоящего из двух групп: e-ro-pa-ke-ja — профессионального термина, который обозначает категорию мастериц, связанных с производством ki-to-ne (γῆτωνες) ‘туники’ в строке 9 и a-ke-ti-ri-ja-i /akestriahi/ — dat. pl. ‘мастерицам по отделке’ в строке 10, которые, вероятно, являются теми же женщинами, которые указаны в табличке серии Oe 119.1¹⁹. Что касается назначения масла, выданного этим работницам текстильной промышленности, есть два предположения: Шелмердайн (Shelmerdine 1997) полагает, что

¹⁷ Plutarch. *Moralia* 396B-C: ἐφ' ὧν καὶ Ὀμηρος (ἠ 107) εἶπε “καί<ροσέ>ων δ' ὀθονῶν ἀπολείβεται ὑγρὸν ἔλαιον” ἐνδεικνύμενος τὴν ἀκρίβειαν καὶ λεπτότητα τοῦ ὕφους τῷ μὴ προσμένειν τὸ ἔλαιον ἀλλ' ἀπορρεῖν καὶ ἀπολισθάνειν τῆς πυκνότητος οὐ διεΐσης — «как сказал Гомер в стихе “с вытканного полотна стекало жидкое масло”, значит техничность и тонкость тканья так, чтобы масло не оставалось, но стекало, не выпитываясь, из-за плотности (ткани)».

¹⁸ Почти 80% всех табличек, найденных в Микенах, относятся к этим зданиям. Их местоположение довольно уникально по сравнению с другими местами, где были найдены таблички линейного письма В, места находок которых находятся в основном во дворцах или рядом с ними. Тем не менее, содержание текстов соответствуют данным хозяйственных записей дворцовых комплексов Кносса, Пилоса, Фив и Микенского дворца, показывает, что это были дворцовые склады (Varias 2012)

¹⁹ Обломок таблички с начальными словами двух строк: .1a-ke-ti-ri[.2 ka-na-pe[.

масло, вероятно, предназначено для профессионального использования этими женщинами, второе принадлежит Турнавиту (*Tournavitou* 1995), который считает, что они получают это масло в качестве вознаграждения за работу (именно поэтому руководители получают в три раза больше масла, чем обычные рабочие).

Выводы

Рассмотрев подробно текстильную терминологию микенских текстов и сравнив эту лексику с гомеровскими списками даров, в первую очередь, и описаниями прядения и ткачества, мы обнаруживаем множество соответствий. Описания даров Елены (веретена — ἡλακάτη и корзины для пряжи — τάλαρος), а также наличие женщин-мастериц в списках даров Одиссея (*Od.* 24. 274–79) и Агамемнона (*Il.* 9. 121–32) и приза на колесничных бегах от Ахилла (*Il.* 23. 259–261), весьма вероятно, отражают следы микенской эпической традиции, которая сохраняет воспоминания о быте микенского времени и технологиях прядения и ткачества бронзового века, косвенно засвидетельствованных в микенских текстах.

Лексика, относящаяся к текстильной терминологии, имеет как индоевропейскую этимологию **sta-* i-te-ja-o, i-te-ja-o. ἰστός; **h₂web^h*- u-ro-jo. ὑφαίνω; *telh₂- ta-ra-si-ja, τάλαρος, так и заимствования из догреческого субстрата (a-ra-ka-te-ja и ἡλακάτη), что может свидетельствовать о еще более древней традиции²⁰.

Список сокращений

- DMic1 – Aura Jorro F. Diccionario Micénico. Vol. I. Madrid, 1985.
DMic2 – Aura Jorro F. Diccionario Micénico. Vol. I. Madrid, 1993.

Литература

- Andersson, E., Nosch, M.-L. B. 2003: With a Little Help from my Friends: Investigating Mycenaean Textiles with the help from Scandinavian Experimental Archaeology. In: Foster, K. P. & Laffineur, R. (eds.) *METRON. Measuring the Aegean Bronze Age. Proceedings of the 9th International Aegean Conference / 9e Rencontre égéenne internationale*, Yale University, 18–21 April 2002. 197–205 & table XLV. *Aegaeum* 24. Liège, Austin.
- Barber, E. 1991: *Prehistoric Textiles. The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages with Special Reference to the Aegean*. Princeton.

²⁰ О сходстве текстильных идеограмм линейного письма А и линейного письма В (Del Frio, Nosch, Rougemont 2012: 348–354).

- Beekes, R. S. P. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. 1–2. Leiden; Boston: Brill.
- Boëlle, C. 2004: «PO-TI-NI-JA. L'élément féminin dans la religion mycénienne (d'après les archives en linéaire B)». In: *Études anciennes* 26. Paris; Nancy.
- Sammons, B. 2010: *The Art and Rhetoric of the Homeric Catalogue*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Chadwick, J., Spyropoulos, T. G. 1975: The Thebes Tablets, II, Supl. *Minos* 4.
- Del Freo, M., Nosch, M.-L., Rougemont, Fr. 2010: The Terminology of Textiles in the Linear B Tablets, including Some Considerations on Linear A Logograms and Abbreviations. In: *Textile Terminologies in the Ancient Near East and Mediterranean from the third to the first millennia BC* (eds. C. Michel, and M.-L. Nosch), 338–373. Oxford.
- Dindorf, W. 1855: *Scholia Graeca in Homeri Odysseam*. Volumes 1–2. Oxford: Clarendon Press, 1855.
- Edwards, M. A. 1980: The Structure of Homeric Catalogues. In: *Transactions of the American Philological Association*. Vol. 110, 81–105.
- Heubeck A., West S., Hainsworth J. B., Hoekstra A., Russo J., Fernández-Galiano M. 1988–1992: *A commentary on Homer's Odyssey*. Oxford: Clarendon Press.
- Hiller, S. 1987: «a-pi-qo-ro amhipoloi». In: J. Killen, J. Melena, J.-P. Olivier (eds). *Studies in Mycenaean and Classical Greek presented to John Chadwick*. *Minos*, 20–22.
- Kazansky, N. N. 2021. Doslovnaya peredacha chuzhoj rechi v gomerovskom epose (mikenskij kommentarij k IL. 9 122 SQ. = IL. 9 264 SQ. = IL. 19 243 SQ.) [Verbatim quotation in Homeric speeches (a commentary from Mycenaean perspective on Hom. Il. 9 122 sq. = Il. 9 264 sq. = Il. 19 243 sq.)]. In: *Strategii mezhbalkanskoj kommunikacii: Perevod. Pereskaz. Umolchanie / Otv. red. I. A. Sedakova, red. M. M. Makarcev, T. V. Civ'yan*. Moscow.
- Казанский Н. Н. 2021. Дословная передача чужой речи в гомеровском эпосе (микенский комментарий к IL. 9 122 SQ. = IL. 9 264 SQ. = IL. 19 243 SQ.). *Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание / Оtv. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян*. М.
- Killen, J. T. 1984: The Textile Industries at Pylos and Knossos. In: C.W. Shelmerdine and T.G. Palaima (eds), *Pylos Comes Alive. Industry + Administration in a Mycenaean Palace*, 49–63.
- Killen, J. 1985: The Linear B Tablets and Mycenaean Economy. In: A. Morpurgo-Davies and Y. Duhoux (eds) *Linear B: A 1984 Survey. Proceedings of the Mycenaean Colloquium of the VIIIth Congress of*

- the International Federation of the Societies of Classical Studies*, Dublin, 27 August–1st September 1983. *BCILL* n. 26, 241–298.
- Killen, J. T. 2001: «Some thoughts on ta-ra-si-ja» in S. Voutsaki & J. T. Killen (eds.), *Economy and Politics in Mycenaean Palace States*. Cambridge Philological Society, supplementary volume 27, 161–180.
- Nosh, M.-L. 2001–2002: The Textile Industry at Thebes in the Light of the Textile Industries at Pylos and Knossos. In: *Graeco-Latina Brunensia* 6–7, 177–189.
- Shelmerdine, C. W. 1997: Workshops and Record Keeping in the Mycenaean World. In: *Τεχνη: Craftsmen, Craftswomen, and Craftsmanship in the Aegean Bronze Age. Proceedings of the 6th International Aegean Conference*. Philadelphia, Temple University, 18–21 April 1996 (*Aegaeum* 16), R. Laffineur and P.P. Betancourt, eds., Liège and Austin, 387–396.
- Shelmerdine, C. W. 1995: «Shining and Fragrant Cloth in Homer» in *The Ages of Homer. A Tribute to Emily Townsend Vermeule*, J. B. Carter and S. P. Morris, eds., Austin, 99–107.
- Tournavitou, I. 1995: *The 'Ivory Houses' at Mycenae in British School at Athens*, Supplementary Vol. 24.
- Van Leuven, J. C. 1979: Mycenaean Goddesses Called 'Potnia'. In: *Kadmos* 18:2, 112–129.

Л. И. Куликов
Гентский университет, Гент, Бельгия / НИУ ВШЭ, Москва, Россия.
kulikovli@googlemail.com

**ПРАИ.-Е. **h₃er-*, ВЕД. *ṛṇóti*, *iyarti*, *ṛscháti*, ДР.-ГР. *ṛρνῶμι*,
ṛṛτο, ДР.-РУС. *рать*, *ратьникъ* И Т. Д.: ЗАМЕТКИ ОБ
ИСХОДНОЙ СЕМАНТИКЕ**

В работе рассматриваются рефлексy и.-е. глагольного корня **h₃er-* ‘приходить в движение, двигаться (вперед)’, которое для ряда контекстов может быть уточнено как ‘резко двигаться; двигаться с враждебными намерениями; напасть’. Показано, что, наряду с др.-гр., ведийскими и славянскими глаголами, в целом сохраняющими это значение, некоторые именныe дериваты в древнейших засвидетельствованных славянских языках (в частности, в ст.-слав. и др.-рус.), такие как *рать* и *ратьникъ*, акцентируют именно это модифицированное (вторичное) значение (‘двигаться с враждебными намерениями; напасть’), развивая семантику ‘вражеское войско; враг, неприятель’.

Ключевые слова: этимология, индоевропейский, древнерусский, ратник, семантика, глагол движения, переходный, лабильный.

Leonid I. Kulikov
Universiteit Gent, Ghent, Belgium / HSE, Moscow, Russia.
kulikovli@googlemail.com

**PIE **h₃er-*, Ved. *ṛṇóti*, *iyarti*, *ṛscháti*, Gr. *ṛρνῶμι*, *ṛṛτο*,
Old Russ. *рать*, *ратьникъ* etc.: notes on the original meaning**

The paper studies the reflexes of PIE verbal root **h₃er-* ‘move (forward)’, which for a number of contexts can be specified as ‘move aggressively; move with hostile intentions; attack’. It is argued that, along with a number of Greek, Vedic and Slavic verbs, which generally retain this meaning, some nominal derivatives in the oldest attested Slavic languages (in particular, in Old Church Slavonic and Old East Slavic / Old Russian), such as *рать* and *ратьникъ*, emphasize this (secondary) meaning (‘move with hostile intentions; attack’), developing the semantics ‘enemy’.

Keywords: etymology, Indo-European, Old Russian, warrior, semantics, verbs of motion, transitive, labile.

...страшенз к'то м'на са рат'никз имз сыз и гоубитель
Супр. 35,25

Не вчера ли руцѣ целовааше, днешь ратникъ.
Что ради? Занеже ниже вчера со истинною.
Прииде время и обличишася лица¹.

Из бесед Иоанна Златоуста

А критики скажут, что слово «соратник» — не римская деталь, что эта ошибка всю песенку смысла лишает...

Булат Окуджава

Слово *ратник* (как и, разумеется, послужившее его деривационной основой существительное *рать*) содержит корень *ra-*, восходящий к хорошо засвидетельствованному праиндоевропейскому глагольному корню, реконструируемому сегодня (напр. LIV² 299–230) как **h₃er-*, т. е. с начальным третьим, лабиализованным, ларингалом (нередко записываемым как **ʕ^w*, см., напр., Kortlandt 2010: 38), который в греческом и ряде других индоевропейских языков вокализуется как *o*.

С этим корнем связываются, среди прочих, такие морфологические образования, как корневой аорист **-h₃er-to* etc. (ср. др.-гр. ῥрто, вед. *ārta* и т. д.), редуцированный презенс *h₃i-h₃ér-ti etc. (ср. вед. *íyarti* ‘приводит в движение; двигается’² и медиальная антикаузативная форма *írte* ‘двигается’, авест. **-iīdṛəiti* ‘приходит в движение’), презенс с носовым суффиксом *h₃r-néu-ti etc. (др.-гр. ῥνῶμι, вед. *ṛṇóti*, *ṛṇvati* ‘приводит в движение, двигается’), *-je*-презенс *h₃r-je-ti etc. (лат. *orior*, *oritur* ‘подниматься’).

* * *

LIV² в целом вполне корректно описывает общую семантику глагольных форм, образованных от корней, восходящих к **h₃er-*, как ‘приходить в движение, двигаться (вперед)’. Есть, впрочем, несколько мелких дополнений, которые представ-

¹ “Не вчера ли руки целовал, (а) сегодня — враг. Почему? Потому что и вчера неискренне (любил). Пришло время, и открылись лица... [т. е. спали маски]”

² Т. е. активный редуцированный презенс является лабильным; однако непереходные употребления засвидетельствованы гораздо реже (4× в Ригведе, из которых в двух случаях синтаксис не вполне ясен, и переходно-каузативная интерпретация в принципе возможна; см. Gotō 2020: 81–83).

ляются уместными при описании семантики **h₃er-* в том, что касается характера обозначаемого движения.

Во-первых, для многих контекстов обозначаемое движение может быть описано как резкое и даже агрессивное, что легко дает (в частности, в случае инхоативного употребления: ‘начинать двигаться, приходить в движение’) семантический сдвиг ‘резко двигаться’ → ‘двигаться с враждебными намерениями’ → ‘нападать, бросаться’ и даже ‘в движении поражать врага’, ср. ἄλλ’ ὄρσευ πόλεμον (II. 4.264) ‘так поднимись на битву!’; Ἔκτωρ [...] ὄρτο δ’ ἐπ’ αὐτοῦς (II. 5.590) ‘Гектор [...] бросился на них’; Πηλεΐδης δ’ ἐτέρωθεν ἐναντίον ὄρτο λέων ὧς / σίντης (II. 20.164–165) ‘с другой же стороны сын Пелея бросился на противника, словно бешеный лев’³; ὁ δ’ ὕστερος ὄρνωτο χαλκῷ / Τυδεΐδης (II. 5.17–18) ‘тогда сын Тидея бросился на них с бронзовым (копьем)’.

Во-вторых, в некоторых случаях можно, по-видимому, говорить о движении, направленном вверх (‘подниматься, вставать’) — даже когда глагол не сопровождается соответствующим пространственным превербом, как в вед. *savitā* [...] *véti sūryam / abhī kṛṣṇéna rájasā dyám ṛṇoti* (RV 1.35.9) ‘Савитар [...] следует за солнцем, / Поднимается на небо через черное пространство’ или ὅτε τ’ ὄρετο καίμεν ὕλην (II. 14.297) ‘...когда [огонь] поднялся, чтобы сжечь лес’ (см. Yates 2011: 7), ср. также авест. *hvarexshaétem uzyôraitī* (V. 19.28) ‘и солнце поднимается’.

Тот факт, что атематический носовой презенс *ṛṇoti*, который почти всегда (за вычетом лишь процитированного выше примера из Ригведы RV 1.35.9) обозначает каузацию движения (‘приводит в движение’)⁴, засвидетельствован здесь в некаузативном употреблении (см. Kulikov 1995: 98–99), возможно, указывает на архаичный характер этого употребления.

³ О семантике этого фрагмента и данной глагольной форме см. в частности Létoublon 2016: 137–138; о значении аориста ὄρτο см. также Medda 2017: III, 107; Evans 2020: 2–4.

⁴ Как показано в работе Kulikov 1995, каузативная лабильность типа ‘двигаться / приводить в движение’ была возможна для тематических вариантов таких презенсов типа *ṛṇvati*, но чрезвычайно редка для атематических форм.

* * *

В индоиранском, где, как известно, различия в тембре гласных были утрачены и все три праи.-е. ларингала совпали в один, произошло вторичное смешение ряда глагольных образований (в особенности, презентных), первоначально распределенных по трем различным корням, различавшимся типом начального ларингала: **h₁er-* ‘попадать, достигать’, **h₂er-* ‘приспособляться, соединяться’ и **h₃er-* ‘приходить в движение, двигаться (вперед)’, см. Böhtlingk & Roth 1855–1875 [PW]: 1, 399–403, 426–429 (глаголы *ar* и *arch*); Mayrhofer, EWAia I, 105–106 (глаголы *AR¹* ‘in Bewegung setzen, senden, bringen; sich bewegen; erregen, anregen’ и *AR²* ‘hinkommen, erreichen, auf [jemanden] treffen’); Kümmel 2000; LIV² 238, 269–270, 299–301; Gotō 2020. К последнему из них, корню **h₃er-*, о котором идет речь в данной статье (*AR¹* по Майрхоферу), обычно относят презенсы с суффиксом V класса *-nó-/nu-* (в основном переходные/каузативные) и редуцированные презенсы (каузативные при активной флексии).

Хотя *-cha-*презент *ṛchāti* не без оснований связывают с корнем **h₁er-* ‘попадать, достигать’ (= *AR²* по Майрхоферу), значение **h₃er-* ‘приходить в движение, двигаться (вперед)’, кажется, «просвечивает» в некоторых его употреблениях, таких как *yám dviṣmās tām sá ṛchatu / yó no dvéṣti tām ṛchatu* (RV 10.164.5de) ‘Пусть достигнет того, кого мы ненавидим, / Пусть достигнет того, кто нас ненавидит!’; *vācāstenam śarava ṛchantu mārman* (RV 10.87.15c) ‘Пусть стрелы поразят в уязвимое место того, кто ворует речью!’ (перев. Т. Я. Елизаренковой (1999); Geldner: “Den Verhexer sollen die Geschosse treffen an seiner verwundbaren Stelle!”), ср. также значение “2) feindlich entgegen-treten, angreifen” по Петербургскому словарю Böhtlingk & Roth 1855–1875 [PW]: 1, 426. Ср. также обнаруживающий довольно близкую семантику презент с носовым суффиксом *ṛnóti* в ... *ṛnávo yáthā mṛdhaḥ* (RV 1.138.2b) ‘...чтобы ты рассеял враждебные замыслы’ (перев. Т. Я. Елизаренковой (1999); ср. также Renou 1966 [EVP XV]: 141: “...afin que tu ébranles les résistances”⁵).

⁵ Как поясняет в примечаниях к своему переводу Рену, значение формы “*ṛnávaḥ*, « mettre en branle », d’où « mettre en fuite » (cf. *суи-*) ;

* * *

В славянском лексическом материале мы также находим несколько глаголов, связанных с праи.-е. корнем **h₃er-*. Сюда относятся глаголы 1) *расти* (с не вполне ясным презентным суффиксом *-sto-*; см. LIV² 300–301, с примеч. 18, Svensson 2020); 2) *ринуть* (*са*), скорее всего связанный в конечном счете с носовым презенсом (ср. вед. *ṛṇóti*, др.-гр. ῥνυμι), но подвергшийся вторичному влиянию корня **h₃rejH-*, учитывая что прямое развитие *rinǫ-* из *ṛṇo-* практически невозможно (LIV² 300, с примеч. 12; 305); и, по всей видимости, 3) *-орити* ‘разрушать’ (ср. *раз-орити*) — вероятно, первоначально каузатив с суффиксом **-ei-* (см. ЭССЯ 32, 162–165). В первом случае (*расти*) мы находим упоминавшееся выше значение движения вверх, во втором (*ринуть* (*са*)) и в третьем (*-орити*) — значение резкого, агрессивного движения. Других презенсов, образованных от **h₃er-*, нет, но есть одно примечательное именное образование, принадлежащее к системе дериватов этого корня — существительное *рать* (< праслав. **or-tь*, ср. подробную словарную статью в ЭССЯ 32, 213–214)⁶, засвидетельствованное в двух значениях, ‘война, сражение’ и ‘войско’ (чаще всего неприятельское). Оба значения, по всей видимости, основаны на упомянутых выше вторичных (но известных, вероятно, уже в праиндоевропейском) значениях ‘резко, агрессивно двигаться; нападать’ и ‘двигаться вверх, подниматься’. Существительное *рать*, в свою очередь, послужило основой для образования слова *ратьникъ*, с соответствующим значением ‘воин’ (в основном неприятельского войска). В старославянском оба слова (*рать*, *ратьникъ*) сравнительно редки и практически ограничены текстом Супрасльской рук., но уже там семантика ‘неприятельское войско’ и ‘воин неприятельского войска, враг’, несомненно, хорошо известна (см. SJSS, 626–627), как в молитве *вога отъ рати* *•отъ глѣда и отъ пагоубъзи* [ἐν τε βαρβάρων ἐπαναστάσει]

---

isolément, « endommager » [RV] 10.155,2 (cf. *ṛṇoti himsāyām* du Dhātup., racine distincte) sous la forme *ārúṣī* [*]”.

⁶ С этим же корнем (но с другим вокализмом, *e*) связывают еще один именной дериват, ст.-слав./др.-рус. *реть* / *реть* ‘состязание; распря; рвение’ и его производные (*ретивый* и т. д.); см. Торогов 1981: 154; ЭССЯ 32, 214; СРЯ XI–XVII, Вып. 22 (1997), 147–149; СДРЯ XI–XIV, Т. 10 (2013), 368–369.

(Супр. 67, 21); ...страшенъ к'то м'на са **рат'никъ** имъ съи и гоубителъ (Супр. 35, 25).

В древнерусском оба слова хорошо известны⁷, и лексема *ратъникъ*, наряду с общей, неспецифицированной семантикой 'воин' (как напр. в ... *Юрьи же Домамеричъ молвяше: ратници суть и добраа вои* (Сузд. л. 6731 г.)) фиксирует — причем даже несколько чаще — значение 'воин неприятельского войска, неприятель, враг', очевидно, восходящее все к той же упоминавшейся выше семантике резкого, агрессивного движения, ср.:

Не вчера ли руцѣ целовааше, днешь **ратникъ**. Что ради? Занеже ниже вчера со истинною. Прииде время и обличишася лица. (Из бесед Иоанна Златоуста [Беседа когда Евтропий... 4]) "Не вчера ли руки целовал, (а) сегодня — **враг**. Почему? Потому что и вчера неискренне (любил). Пришло время, и открылись лица... [т. е. спали маски]"

... акы **ратъника** съвязавъши, иноплеменьникомъ прѣда. (Изб. Св. 1073 г., 540)

Послѣди же или погыбоша небрѣгомы· или отъ татии и **ратъникъ** (Изб. 1076 г.)

... во многихъ бо церквахъ собранная или отъ татей украдено или отъ **ратникъ** или огнемъ сгорѣ (цит. по: Arkhangelsky 1898: 26)

Более того, засвидетельствовано также употребление слова *рат(ь)никъ* в значении 'Враг человеческий', т. е. в качестве обозначения дьявола — что вообще характерно для слов со значением 'враг' и известно уже в евангельских текстах (ср. Мф. 13:28, 13:39):

грѣха бѣжи ѿко **ратъника**· гоубаща<г>о дшѣ твою (Изб. 1076 г.)

людемъ грѣхъ бо акы **ратникъ** дшѣо губить (Поучения св. Евсевия, до сер. XII в.)

противимъ ся присно **ратънику** [= дьяволу] (Панд. Ант. Чернориз. 1, 48. XI в.)

разоумѣите како ти и нынѣ **ратъници** соутъ бѣси (Слово псевдо-Иоанна Златоуста о лживыхъ учителях (XIII—XIV вв.))

Тот факт, что такие употребления слова *ратъникъ* были обычными уже в древнейших славянских текстах (в особеннос-

⁷ И наряду с ними — еще ряд дериватов от *ратъ* — в частности, имена Ратша, Ратибор, Ратислав, Ратимир.

ти религиозного содержания) и не требовали специального дополнительного определения (в частности, мы не встречаем определительных конструкций типа *****рат(ь)никъ дьяволъ(скыи)***), по всей видимости, указывает на то, что эти негативные значения относились к исходной семантике лексемы *рат(ь)никъ* ('враг, неприятель; дьявол'). Примечательно, что и последний, наиболее подробный и полный словарь древнерусского языка, СДРЯ XI–XIV (Т. 10 (2013), 352–353), и вышедший более 100 лет назад словарь протоиерея Григория Дьяченко (1900: 545) именно это значение рассматривают как первое, основное, помещая нейтральное значение 'воин' лишь на второе место, а словари протоиерея Петра Алексеева (1819: Т. 4, 22) и Востокова (1861: Т. 2, 152) и вовсе дают единственный перевод: «непріятельскій воинъ» и *πολέμιος*, *hostis* (т. е. «враг»), соответственно⁸.

Те же значения известны и для соответствующего прилагательного *ратьныи*, которое хорошо засвидетельствовано (см., в частности, богатый текстовый материал в СДРЯ XI–XIV, Т. 10 (2013), 354–356) в значении 'вражеский, враждебный', ср.: да не испытанъ боудеть на аерѣ. **ратьными** бѣсы (Изб. XIII, 13 об.); 'неприятель, враг' (в результате субстантивации); 'враждебный [кому-л.]' (с дополнением), ср.: путь вашъ чистъ естъ по моиѣ волости. а кто мнѣ **ратный**. с тимъ сѧ самъ вѣдаю (Новг. Гр. 1266–1272).

* * *

Такое употребление, вероятно, оставалось нормой достаточно долго, до середины или даже почти до конца старорусского периода, когда слово *рат(ь)никъ* перестает использоваться в негативном значении. Еще в XVIII в. можно встретить *ратникъ* в значении 'враг', напр., в Елизаветинской Библии (1751 г.), где в книге Ездры (8:31) читаем: ... и рѣка Б[о]га нашего бѣ на насъ и избави насъ ѿ рѣкъ вражіихъ и **ратниковъ** на пѣти⁹; а в конце

⁸ Единственный перевод слова *ратьникъ* — «враг, противник» (*πολέμιος*, *ὑπεραντίος*, *βάρβαρος*, *ἄλλοφυλός*; *hostis*, *adversarius*, *barbarus*, *alienigena*) — мы находим и в Пражском старославянском словаре (*SJSS*, 627).

⁹ Елизаветинская Библия здесь следует Септуагинте: καὶ χεῖρ Θεοῦ ἡμῶν ἦν ἐφ' ἡμῖν, καὶ ἐρρύσατο ἡμᾶς ἀπὸ χειρὸς ἐχθροῦ καὶ **πολεμίου** ἐν τῇ ὁδοῦ. В еврейском тексте на месте *πολεμίου* находим *עֲרִיב* «находя-

XVII в., в заключении к сокращенному русскому переводу «Церковных анналов» католического историка, кардинала Цезаря Барония (отличному от напечатанного в 1719 г.), находим следующую характеристику автора: Барвнїй, римскїя цѣкве оусерднїй защитникъ, а восточнїя православнїя главнїй **ратникъ** [т. е. противник] (см. Vostokov 1842: 19).

Примерно в то же время засвидетельствованы и наиболее поздние случаи употребления слова *ратникъ* в значении ‘дьявол’. К началу XVIII в. (1710 г.) относится рукопись неизвестного автора-расколуучителя, пишущего о казни стрельцов и сравнивающего Петра I с антихристом (...егда мужемъ от нихъ бывшимъ восхищаемымъ неволею въ воинство новаго бѣсовскаго собранїя того окаяннаго, лютаго, зміеподобнаго звѣря, и гордаго князя міра сего, противника, и **ратника**, и губителя міру всему явленнаго, онаго хищника и разбойника церковнаго, и человѣкоубійцы...; см. Smirnov 1909: 689). В XVII в. встречается также выражение *ратникъ діаволь* — напр., в Латухинской степенной книге: Врагъ же и **ратникъ діаволь** положи вражду между боляръ (цит. по изд.: *Латухинская степенная книга...*, 570) и в Повести о блаженном Василии Мангазейском: Ненавидящїй же Супостать и **ратникъ Дїаволь** ... (цит. по: *Иркутскія епархіальнїя ведомости* (1864), 136), а у Симеона Полоцкого, в проповедях, напечатанных в вышедшем посмертно (1681 г.) сборнике «Обед душевный», находим выражение *злбнїй ратник*, обозначающее сатану (Люстров 2017: 4). Ср. еще несколько раньше, в XVI в., у Максима Грека: ... приведе къ нему злочначальнїй **дїаволь**, иже благочестивому христіанскому языку **ратникъ** и навѣтникъ, [...] іудѣянина нѣкоего, Ілія именемъ ... (Слово обличительно

щийся в засаде». Вульгата (“et manus Dei nostri fuit super nos, et liberavit nos de manu inimici et **insidiatoris** in via”), а также переводы Нового Времени, включая Синодальный («и рука Бога нашего была над нами, и спасала нас от руки врага и от **подстерегающих** нас на пути»), следуют еврейскому тексту. «Хотя редакторы Елизаветинской Библии нередко обращались к Вульгате, в данном месте нет никаких оснований видеть влияние Вульгаты» (М. Г. Селезнев, письмо от 27/04/2024). — Пользуюсь случаем поблагодарить М. Г. Селезнева за ценные текстологические разъяснения относительно Елизаветинской Библии.

на Агарянскую прелесть..., цит. по: *Соч. прп. Максима Грека...* (1894), 69)¹⁰.

* * *

Резюмируя вышесказанное, можно предположить, что уже в праи.-е. для глагольного корня **h₃er-* было хорошо известно значение резкого внезапного движения, легко развивавшее семантику агрессии, нападения («резко двигаться, подниматься» → «бросаться» → «нападать»), а возможно, и значение «разрушать» (ср. *орити*) — в результате еще более радикального семантического сдвига, с заменой синтаксиса на переходный, — что могло стать причиной для возникновения именных дериватов со значением вражеского войска, врага и т. п. Вероятнее всего, именно эта семантика легла в основу одного из базисных значений соответствующего (обще)славянского глагольного корня (*ra-* < **or-*) — по-видимому, обозначавшего, в первую очередь, резкое, стремительное и, как правило, агрессивное движение (ср. также *ор-* в (*раз-*)*орити* ‘разрушать’), что и послужило основой для развития у ст.-сл. и др.-рус. именного деривата *ратъникъ/ратьникъ* значения ‘воин’, — в первую очередь, вражеский, т. е. попросту ‘враг, неприятель’, причем нередко также в глобальном, онтологическом значении «враг человеческий», т. е. «дьявол».

* * *

Значение «ополченец» ни один древнерусский словарь — СЦСРЯ (1847: Т. 4, 58); словари протоиерея Петра Алексея (1819: Т. 4, 22), Востокова (1861: Т. 2, 152) и протоиерея Григория Дьяченко (1900: 545); Sreznevsky 1912: Т. 3, 108; СРЯ XI–XVII, Вып. 22 (1997), 115; СДРЯ XI–XVII, Т. 10 (2013), 352–353 — для лексем *рат(ь)никъ* не фиксирует. Еще в XVI–XVII вв. мужское население, отбывавшее воинскую повинность (или, в терминологии историков XIX в., «ратную повинность», например, у Лаппо-Данилевского и Масловского)¹¹, называлось

¹⁰ Следует упомянуть, что аналогичным образом эволюционирует употребление соответствующей (старо)болгарской формы *ратъникъ* (вместе с прилагательными *ратъничьскъ* и *ратьнь*), также утрачивающей отрицательное значение ‘враг, неприятель’ в современном языке, см. Mischeva 2017: 127–128; Zhelyazkova 2018: 330–331.

¹¹ Этим же историкам мы, по всей видимости, обязаны распространением термина *ратник* в значении «военный человек в средневековой

термином *даточные (люди)* (Lappo-Danilevsky 1890: 389–402; Maslovsky 1891: 37–38, 146 et passim)¹², а до этого — *посоха, посошные* или *посошане* (т. е. набираемые по расчету с каждой сохи — единицы податного обложения)¹³, см. СРЯ XI–XVII, Вып. 17 (1991), 209–211 — впрочем, не вполне понятно, насколько вообще применим к этим категориям термин «ополчение» (см. ниже). Слово *ратникъ* начинает использоваться в значении «ополченец» не ранее конца XVIII в. и никоим образом не может быть соотнесено с эпохой Древней Руси — если, конечно, не относить к «Древней Руси» время наполеоновских войн начала XIX в. и Отечественной войны 1812 года (а также последующих военных кампаний вплоть до начала XX в.), когда этим термином стали называть солдат, набранных в земское ополчение (см. напр. Fadeev 1890: 60–71; Lapina 2007; Lapina 2008; Nikolaev 2022).

Замечу в заключение, что и само существование системы всенародного «ополчения» в Древней Руси, как показал, в частности, П. В. Лукин (2009), вызывает серьезные сомнения: как происходила мобилизация сельских жителей в средневековой Руси, точно неизвестно, и, возможно, институт ополчения тогда вообще не существовал.

Руси, (древне)русский воин» на период до возникновения Российской империи.

¹² Ср. СРЯ XI–XVII, Вып. 4 (1977), 177. Из довольно значительной литературы последних десятилетий о даточных людях и их статусе см., напр., Tikhonov 2012; Micheva 2013a; 2013b; Seliverstov 2013; Terekhina 2015; Khatskevich 2019.

¹³ Следует, однако, заметить, что, как разъясняет, в частности, А. Н. Лобин (2019; см. также, напр., Lobin 2009: 58 et passim; Micheva 2013a; Malinovsky 2016), вопреки мнению некоторых историков, собственно в боевых действиях пешая посоха не участвовала: «Посошный человек — это прежде всего необученный военному делу крестьянин, набранный с «сохи» для ведения инженерно-саперных работ. Ни о каком боевом значении «посошных» не может идти речи, ибо вооружения у них никакого не было, кроме шанцевого инструмента» (Lobin 2019: 544). Ср. также: ... *вси людие новгородцы и псковичи обнищаша и в посоху поидоша сами, а давать стало нечево, и тамо зле скончашася нужно от глада и мраза и от мостов и от наряду* [т. е. от строительства мостов и снаряжения подвод для перевозки пушек] (Псков. лет. II, 261).

Список условных сокращений

И. — Илиада; RV — Ригведа; V. — Видевдат.
авест. — авестийский; вед. — ведийский; др.-гр. — древнегреческий;
др.-рус. — древнерусский; лат. — латинский; праи.-е. — праиндо-
европейский; Супр. — Супрасльская рукопись.

Литература

- Alekseev, P. A. 1817–1819. [*Church dictionary, or interpretation of Slavonic, also obscure ancient and foreign sayings... composed by Peter Alekseev*]... Ed. 4th... St. Petersburg: Ivan Glazunov.
Алексѣевъ, П. А. 1817–1819. *Церковный словарь, или истолкование Славенскихъ, также маловразумительныхъ древнихъ и иноязычныхъ реченій...* сочиненный Петром Алексѣевымъ... Изд. 4-ое... СПб.: в тип. Ивана Глазунова.
- Arkhangelsky, A. S. 1898. [*Education and literature in the Moscow state con. XV–XVII centuries: from lectures on the history of Russian literature*]. Vol. 1. Kazan: Typo-lithography of the Imperial University.
Архангельскій, А. С. 1898. *Образование и литература въ Московскомъ государствѣ кон. XV–XVII вв.: изъ лекцій по исторіи русской литературы*. Вып. 1. Казань: Типо-литографія Императорскаго Университета.
- Böhtlingk, Otto & Rudolph Roth. 1855–1875. [PW] *Sanskrit-Wörterbuch*. St. Petersburg: Eggers.
- Dyachenko, G. M. 1900. [*Complete Church Slavonic dictionary*]... Moscow: Wilde.
Дьяченко, Г. М. 1900. *Полный церковно-славянской словарь (со внесениемъ в него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выражений)*... Москва: тип. Вильде.
- Elizarenkova, T. Ya. 1999: [*Rgveda. Mandalas V–VIII*]. Moscow: Nauka.
Елизаренкова, Т. Я. 1999. *Ригведа: Мандалы V–VIII* [Перев. Т. Я. Елизаренковой]. М.: Наука.
- ESSYA – *Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund* / ed. O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev et alii. M.: Nauka, 1974–. ЭССЯ — *Этимологический словарь славянскихъ языков: праславянский лексический фонд* / под. ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлёва и др. М.: Наука, 1974–.
- Evans, Brett. 2020. A Conjecture on Aeschylus Agamemnon 985. *Philologus* 164(1): 2–13.
- Fadeev, R. A. 1890. [*Collected works. Volume II. Part 1. Armed forces of Russia*]. SPb.: Komarov. Фадѣевъ, Р. А. 1890. *Собрание сочиненій*. Том II. Ч. 1. *Вооруженныя силы Россіи*. СПб.: Тип. В. В. Комарова.

- Geldner, Karl Friedrich. 1951. *Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt...* 3 Bde. (Harvard Oriental Series 33–35). Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Gotō, Toshifumi. 2020. Altindoiranisch *ar/ṛ* und urindogermanisch *h₁er, *h₂er, *h₃er. In: Norbert Oettinger, Stefan Schaffner & Thomas Steer (eds.), „Denken sie einfach!“ *Gedenkschrift für Karl Hoffmann*, 75–111. Dettelbach: J.H. Röhl.
- Khatskevich, M. V. 2019. From “free people” to soldiers: about the reasons and nature of recruitment from “free people” at the end of the 17th century. In: *Rus, Russia. Middle Ages and Modern Times. Vol. 6. Sixth readings in memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L.V. Milov*. Moscow, November 21–22, 2019. М.: Moscow University Publishing House, 585–589.
- Хацкевич, М. В. 2019. Из «вольных людей» в солдаты: о причинах и характере наборов из «вольницы» в конце XVII в. В кн.: *Русь, Россия. Средневековье и Новое время*. Вып. 6. *Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова*. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М.: Изд-во Московского ун-та, 585–589.
- Kortlandt, Frederik H.H. 2010. An outline of Proto-Indo-European. In: F. H. H. Kortlandt, *Studies in Germanic, Indo-European and Indo-Uralic*, 37–45. Amsterdam: Rodopi.
- Kulikov, L. I. 1995. [Vedic causative presents with nasal affixes and their thematic variants. In: Y. V. Vasilkov, N. V. Gurov (ed.), *Sthapakashraddha: Coll. articles in memory of G.A. Zograf*]. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 94–115.
- Куликов, Л. И. 1995. Ведийские каузативные презенсы с носовыми аффиксами и их тематические варианты. В кн.: Я. В. Васильков, Н. В. Гуров (ред.), *Стхапакашраддха: Сб. статей памяти Г.А. Зографа*. СПб.: Петербургское востоковедение, 94–115.
- Kümmel, Martin. 2000. Der Aorist der Wurzel(n) *ar* im Indoiranischen. In: Bernhard Forssman & Robert Plath (eds.), *Indoarisch, Iranisch und die Indogermanistik. Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 2. bis 5. Oktober 1997 in Erlangen*, 253–266. Wiesbaden: Reichert.
- Lapina, I. Yu. 2007. [Zemstvo militia in the Foreign Campaign of the Russian Army (1813–1814)]. *History Issues* 12: 93–99.
- Лапина, И. Ю. 2007. Земское ополчение в Заграничном походе русской армии (1813–1814 гг.). *Вопросы истории* 12: 93–99.
- Lapina, I. Yu. 2008. [Zemstvo militia of 1812: the experience of historical research]. SPb.: Nestor.
- Лапина, И. Ю. 2008. *Земское ополчение 1812 года: опыт исторического исследования*. СПб.: Нестор.
- Lappo-Danilevsky, A. S. 1890. [Organization of direct taxation in the Moscow State from the Time of Troubles to the era of transformations]. SPb.: Skorokhodova.

- Лаппо-Данилевский, А. С. 1890. *Организація прямого обложенія в Московскомъ государствѣ со времянь Смуты до эпохи преобразованій*. СПб.: тип. И. Н. Скороходова.
- Latukhinsky degree book. 1676 / ed. N. N. Pokrovsky et alii. M.: *Languages of Slavic culture*, 2012. *Латухинская степенная книга. 1676 год / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, А. В. Сиренов; отв. ред. Н. Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2012.*
- Létoublon, Françoise. 2016. Entre lions et loups: à propos des comparaisons homériques. *Gaïa — Revue interdisciplinaire sur la Grèce archaïque* 19: 127–150.
- LIV² — *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. Unter Leitung von Helmut Rix und der Mitarbeit vieler anderen bearbeitet von Martin Kümmel, Thomas Zehnder, Reiner Lipp, Brigitte Schirmer. 2., erweiterte und verbesserte Auflage, bearbeitet von Martin Kümmel und Helmut Rix. Wiesbaden: Reichert.
- Lobin, A. N. 2009. [On the issue of the size of the armed forces of the Russian state in the 16th century. *St. Petersburg Slavic and Balkan Studies = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*] No. 1/2 (5/6): 45–78.
- Лобин, А. Н. 2009. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. *Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* № 1/2 (5/6): 45–78.
- Lobin, A. N. 2019. [Staffs in military events of the Russian state in the 16th century. In: *Rus, Russia. Middle Ages and Modern Times. Vol. 6. Sixth readings in memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L.V. Milov*. Moscow, November 21–22, 2019]. M.: Moscow University Publishing House, 540–544.
- Лобин, А. Н. 2019. Посоха в военных мероприятиях Российского государства XVI в. В кн.: *Русь, Россия. Средневековье и Новое время*. Вып. 6. *Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова*. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М.: Изд-во Московского университета, 540–544.
- Lukin, P. V. 2009. [Did a people's militia exist in ancient Rus'? *Ancient Rus'*. *Questions of Medieval Studies*] No. 3 (37): 65–67.
- Лукин, П. В. 2009. Существовало ли в древней Руси народное ополчение? *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* №3 (37): 65–67.
- Lukin, P. V. 2009. [Did a people's militia exist in ancient Rus'? *Ancient Rus'*. *Questions of Medieval Studies*] No. 3 (37): 65–67.
- Люстров, М. Ю. 2017. «Злобный ратник», на «горах северных» воссевший: 14 глава книги пророка Исаяи в сочинениях Ивана Наседки и Андерса Арребо. *Летняя школа по русской литературе* 13(1): 3–11.
- Malinovsky, Yu. V. 2016. [The military organization of Russia during the formation of the Russian unified state (XV–XVI centuries). In:

- Materials of the 66th scientific and practical conference of teachers and students*]. Part II. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Publishing House. ped. Univ., 33–39.
- Малиновский, Ю. В. 2016. Военная организация России в период образования русского единого государства (XV–XVI вв.). В кн.: *Материалы 66-й научно-практической конференции преподавателей и студентов*. Ч. II. Благовещенск: Изд-во Благовещенского гос. пед. унив-та, 33–39.
- Maslovsky, D. T. 1891. [*Notes on the history of military art in Russia. Vol. Ist: 1683–1762 (with plans, drawings and diagrams)*]. SPb.: type. V. Bezobrazova.
- Масловский, Д. О. 1891. *Записки по истории военного искусства въ Россіи*. Вып. I-й: 1683–1762 годъ (съ планами, чертежами и схемами). СПб.: тип. В. Безобразова.
- Mayrhofer, Manfred. 1986–1996. [*EWAia*] *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. I–II. Heidelberg: Winter.
- Medda, Enrico. 2017. *Eschilo Agamennone: edizione critica, traduzione e commento a cura di Enrico Medda*. 3 vols. Roma: Bardi.
- Micheva, Vanya. 2017. [*Names in military history in Bulgarian language. Empowered and adapted: Collection of reports from the International Scientific Conference at the Faculty of Slavic Philology. April 24– 25, 2017*] Volume II. *Ezikovedsky readings*.
- Мичева, Ваня. 2017. Названия на воините в историята на българския език. *Надмощие и приспособяване: Сборник доклади от Международната научна конференция на Факултета по славянски филологии. 24 — 25 април 2017 г.* Том II. *Езиковедски четения*. Съст.: Екатерина Търпоманова, Красимира Алексова. София: Факултет по славянски филологии, Софийски университет «Св. Кл. Охридски», 125–131.
- Molochnikov, A. M. 2013a. [Dating people of the black-plowed lands in the army of Ivan the Terrible: ski and ship troops. In: *History of military affairs: research and sources. Specialist. issue I: The Russian army in the era of Tsar Ivan IV the Terrible: Materials of a scientific discussion on the 455th anniversary of the beginning of the Livonian War. Part I*].
- Молочников, А. М. 2013а. Даточные люди черносошных земель в войске Ивана Грозного: лыжная и судовая рать. В кн.: *История военного дела: исследования и источники*. Спец. вып. I: *Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны*. Ч. I. *Статьи*. Вып. II, 203–226.
- Molochnikov, A. M. 2013b. [Comments on the response of D. A. Seliverstov regarding the article about the Danish people of the black-plowed lands in the army of Ivan the Terrible. *History of military affairs: research and sources. Special issue I: The Russian army in the era of Tsar Ivan IV the Terrible: Materials of a*

- scientific discussion on the 455th anniversary of the beginning of the Livonian War*]. Part II.
- Молочников, А. М. 2013b. Замечания на отклик Д. А. Селиверстова по поводу статьи о даточных людях черносошных земель в войске Ивана Грозного. *История военного дела: исследования и источники*. Спец. вып. I: *Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны*. Ч. II. *Дискуссия*. Вып. II, 94–103.
- Nikolaev, D. A. 2022. [Creation of the main structures of the Nizhny Novgorod militia in 1806–1807: formation of a battalion of police riflemen. In: V. I. Grubov, A. A. Isakov (eds.), *Issues of historical and environmental regional studies*]. Arzamas: Arzamas branch of UNN, 103–108.
- Николаев, Д. А. 2022. Создание основных структур нижегородского ополчения 1806–1807 гг.: формирование батальона стрелков милиции. В кн.: В. И. Грубов, А. А. Исаков (ред.), *Вопросы исторического и экологического регионоведения*. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 103–108.
- Renou, Louis. 1966. [EVP] *Études védiques et pāṇinéennes*. Vol. XV (Publications de l'Institut de civilisation indienne. Série in-8°; 26). Paris: Boccard.
- SDRYA X–XIV — [*Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries)*] / Ch. ed. R. I. Avanesov; V. B. Krysko. M.: Russian language; Azbukovnik, 1988–. СДРЯ X–XIV — *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* / Гл. ред. Р. И. Аванесов; В. Б. Крысько. М.: Русский язык; Азбуконик, 1988–.
- Seliverstov, D. A. 2013. [On the issue of the service of datochny people in the army of Ivan Vasilyevich the Terrible (response to the article by A. M. Molochnikov). In: *History of military affairs: research and sources. Special issue I: The Russian army in the era of Tsar Ivan IV the Terrible: Materials of scientific discussion on the 455th anniversary of the beginning of the Livonian War*].
- Селиверстов, Д. А. 2013. К вопросу о службе даточных людей в войске Иоанна Васильевича Грозного (отклик на статью А. М. Молочникова). В кн.: *История военного дела: исследования и источники*. Спец. выпуск I: *Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны*. — Ч. II. *Дискуссия*. Вып. II, 73–93.
- SJSS — *Slovník jazyka staroslověnského = Lexicon linguae palaeoslovenicae*. Hl. red. Josef Kurz ... Praha: Naklad. Českoslov. Akad. Věd., 1958–.
- Smirnov, P. S. 1909. [The schism's view of the time being lived through in the first quarter of the 18th century. *Christian reading*]. No. 5: 682–724.
- Смирнов, П. С. 1909. Взгляд раскола на переживаемое время в первой четверти XVIII вѣка. *Христианское чтение*. № 5: 682–724.

- Sreznevsky, I. I. 1893–1912. [Materials for a dictionary of the ancient Russian language based on written monuments. St. Petersburg: publication of the Russian Dep. language and literature of the Imperial Academia].
- Срезневский, И. И. 1893–1912. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук.
- SRYA XI–XVII — *Dictionary of Russian language XI–XVII cent.* Moscow: Nauka. СРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.*; редкол.: Г. А. Богатова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1975–
- STSRYA – *Dictionary of Church Slavonic and Russian languages*, compiled by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences. [Under. ed. V. A. Polenova, A. Kh. Vostokova, I. S. Kochetova, etc.]. SPb.: Type. Imperial Academician Sciences, 1847.
- СЦСРЯ — *Словарь церковно-славянского и русского языка*, составленный Вторым Отдѣлением Императорской академіи наук. [Под. ред. В. А. Поленова, А. Х. Востокова, И. С. Кочетова и др.]. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1847.
- Svensson, Miguel Villanueva. 2010. Baltic sta-presents and the Indo-European desiderative. *Indogermanische Forschungen* 115: 204–233.
- Terekhina, Yu. V. 2015. [Dacha people of the Moscow state in the middle of the 16th– 17th centuries]. Kazan: KNRTU Publishing House.
- Терехина, Ю. В. 2015. *Даточные люди Московского государства в середине XVI–XVII вв.* Казань: Изд-во КНИТУ.
- The Tale of Blessed Basil of Mangazeya. *Irkutsk Diocesan Gazette*. 1864. Повѣсть о блаженномъ Василии Мангазейскомъ. *Иркутская епархиальная ведомости*. 1864. С. 115–121, 134–140, 166–171, 182–184, 205–208, 242–247, 297–309, 323–328, 357–359, 383–385.
- Tikhonov, V. A. 2012. [Recruitment system of the Russian army in 1705–1710. *Bulletin of Moscow State Regional University*]. 2012. No. 4, 28–36.
- Тихонов, В. А. 2012. Рекрутская система комплектования русской армии в 1705–1710 гг. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2012. №4, 28–36.
- Toporov, V. N. [Ved. ṛtá-: to the relationship between the semantic structure and etymology. In: *Etymology 1979*]. Топоров, В. Н. 1981. Ведийское ṛtá-: к соотношению смысловой структуры и этимологии. В кн.: *Этимология 1979*. Под ред. Ж. Ж. Варбот, О. Н. Трубочева и др. М.: Наука, 139–156.
- Vostokov, A. Kh. 1842. [Description of Russian and Slovenian manuscripts of the Rumyantsov Museum, compiled by Alexander Vostokov]. SPb.: Type. Imp. Academician Sci.
- Востоковъ, А. Х. 1842. *Описание русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музеума*, составленное Александромъ Востоковымъ. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук.
- Vostokov, A. Kh. 1858–1861. [Dictionary of the Church Slavonic

- language, compiled by Academician A. Kh. Vostokov]. SPb.: Publishing house. Second branch of the Imperial Academy of Sciences.
- Востоковъ, А. Х. 1858–1861. *Словарь церковно-славянскаго языка*, составленный академиком А. Х. Востоковымъ. СПб.: Изд. Второго отдѣленія Императорской Акад. Наук.
- Works of the Venerable Maxim the Greek, published at the Kazan Theological Academy. Part I.* Ed. second. Kazan: Typo-lithography of the Imperial University, 1894.
- Сочиненія преподобнаго Максима Грека, изданные при Казанской духовной академіи.* Ч. 1. Изд. второе. Казань: Типо-литографія Императорскаго Университета, 1894.
- Yates, Anthony David. 2011. *Homeric βῆ δ'ῆμεναι: a diachronic approach.* MA thesis, Athens, GA, University of Georgia.
- Zhelyazkova, V. 2018. [Substantive use of adjectives and participles in the Old Bulgarian translation of the book of Exodus]. *Slavistica Vilnensis*.
- Желязкова, В. 2018. Субстантивное употребление прилагательных и причастий в древнеболгарском переводе книги Исход. *Slavistica Vilnensis* 63: 327–338.

А. Д. Курилова
Первый МГМУ имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет),
Москва, Россия. akurilova@mail.ru

РОССИЙСКИЕ РИТОРИКИ XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ О СВАДЕБНЫХ РЕЧАХ

В статье рассматриваются свадебные речи как особый вид эпидейктического красноречия в трактовке российских учебных риторических руководств XVIII века, составленных на латинском языке. Обращается внимание на несовпадение классификационного деления и рекомендаций по составлению свадебных речей в разных риториках. Отмечается, что общим принципом является преимущественное внимание к этикетной, а не собственно речевой стороне свадебного дискурса. Включение в текст одной из риторик примера свадебной речи на русском языке позволяет сделать вывод о стремлении автора выйти за пределы школьного красноречия и показать возможности воплощения правил латинской риторики в языковой практике на родном языке.

Ключевые слова: риторическое образование в России XVIII века, латинский язык, свадебные речи.

A. D. Kurilova
I. M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia.
akurilova@mail.ru

Wedding speeches in the Latin rhetoric books compiled in eighteenth-century Russia

The article deals with wedding speeches as a special type of epideictic eloquence in the interpretation of Latin rhetorical manuals compiled in Russia in the 18th century. Attention is drawn to the discrepancy between the classification division and recommendations for composing wedding speeches in different rhetorics. It is noted that the general principle is primary attention to the etiquette rules, rather than the rhetorical aspects of the wedding discourse. The inclusion in the text of one of the rhetorics of an example of a wedding speech in Russian allows us to draw a conclusion about the author's desire to go beyond the boundaries of school eloquence and show the possibilities of implementing the rules of Latin rhetoric in Russian-language practice.

Keywords: rhetorical education in eighteenth-century Russia, the Latin language, wedding speeches.

Учебные курсы риторики, преподававшиеся в духовных и светских учебных заведениях России XVIII века на латинском языке, включали разделы, посвящённые эпидейктическому красноречию, охватывавшему разные по тематике и цели жанры. Значительная часть этих речей относилась к «официальному красноречию» (*eloquentia officiosa*) и была предназначена для произнесения по различным официальным или церемониальным поводам именно на латинском языке. Этикетный характер данного типа красноречия проявляется в стандартных схемах композиции, клишированности языкового воплощения и, прежде всего, в самом характере речей, который был выразительно определён автором риторики 1745–1746 гг. из Славяно-греко-латинской академии: “*orationes quorum necessitatem sola imposuit humanitas et officiosi animi benevolentia*” (*Diademma 1745–1746*: 68) («речи, необходимость которых вызвана только воспитанностью и стремлением нискздать благоволение официального лица»).

Свадебные речи также рассматривались как часть *eloquentia officiosa*, хотя они носили в большей степени частный, а не официальный характер. В них отразились элементы разных типов речей — поздравительных, благодарственных, содержащих просьбу, согласие или отказ.

Виды речей, сопровождающие свадебный обряд, подробно описаны в московской риторике 1744–1745 гг. из Славяно-греко-латинской академии. В разделе “*De oratione epithalamica*” здесь рассматриваются три вида эпиталам, которые в свою очередь делятся на подвиды. Одни из них предшествовали заключению брака (*orationes antenuptiales*), другие предваряли вручение свадебных подарков или служили выражением благодарности за дары (*orationes redditoriae munerum et responsoriae*), третьи произносились непосредственно во время свадьбы (*orationes nuptiales*).

Orationes antenuptiales регламентировали и риторически оформляли основные этапы сватовства: прошение руки невесты (*petitoria sponsae*), ответная речь (*responsoria*), благодарственная речь, если согласие было получено (*gratiarum actoria pro sponsa promissa*) (*Emporium 1744–1745*: 151). Давая советы по составлению каждого вида речей, автор руководства обращает внимание, прежде всего, на их содержание и соответствие правилам этикета. Так, прошение руки невесты рекомендуется начать с похвалы браку, любви или верной дружбе, а затем перейти к самой просьбе

и остановиться на причинах, побудивших выбрать именно эту невесту. Среди причин ритор называет не только достойную похвалы семью (*laus familiae*), но и приданое (*dotum*).

В ответной речи родители опекуны невесты либо сразу дают согласие (*orationes annuentes*) или отказ (*orationes negantes*), либо откладывают решение на более позднее время (*orationes differentes responsum in aliud tempus*). Для каждого случая предлагается краткая схема построения речи, выделяются смысловые опорные пункты и даются советы, как можно сделать речь наиболее приятной. Например, речь, содержащую согласие, составитель руководства рекомендует начать с выражения счастья родителей, затем воздать хвалу жениху и уверить его в своих дружеских чувствах. Воодушевление уместно подчеркнуть подходящими сентенциями и примерами. В случае отказа ритор рекомендует дать этому обстоятельное объяснение (*summam circumspectionem*), чтобы не обидеть жениха и не проявить варварской невоспитанности (*Emporium 1744–1745: 151*). Перечисляются возможные причины отказа: юный возраст девушки (*immatura aetas virginis*), обещание, данное другому (*promissio alteri jam pacta*), нерасположенность девушки к этому браку или браку вообще (*mens virginis ab hoc aut ab omni connubio aliena*), неодобрение друзей (*adversum amicorum consultum*), иная Божья воля (*alia Dei dispositio*) (*Emporium 1744–1745: 150–151 (об)*).

В речах, произносимых при вручении подарков, наряду с сентенциями и рассуждениями о красоте, материале или символике дара, считалось уместным преуменьшение ценности подарка (*extenuatio doni*), чтобы невеста приняла его с благосклонностью (*ut illud sponsa grate suscipiat*) (*Emporium 1744–1745: 152*). Автор счёл необходимым перечислить подарки, которые принято дарить на свадьбу. Прежде всего, он упоминает венки или букеты из цветов (*potissime sertum*), украшения, среди которых — *annulus* (колечко), *gemma* (драгоценный камень), *monile* (ожерелье), *armillae* (браслеты). Подходящим для свадьбы подарком признаётся сахар (*saccharum*). Из предметов домашней утвари названы также *pelvis* (таз), *crater* (ваза) и *candelabrum* (подсвечник). В ответной речи родители или опекуны невесты благодарят за подарки. Ритор с иронией замечает, что, в своих благодарностях родитель иногда преступает меру и доходит до того, что уверяет жениха во взаимном чувстве невесты (*gratias pro eo refundit, ut mutuuum sponsae affectum appromittit*) (*Emporium 1744–1745: 152*).

Orationes nuptiales (речи, произносимые в день свадьбы) должны были содержать четыре смысловые части: 1) *discursus*

(рассуждение о браке, любви, верности), 2) *affectus* (выражение радости), 3) *laudes* (похвала жениху, невесте, их семьям), 4) *vota* (пожелания) (*Emporium* 1744–1745: 152 (об)).

Иной подход к свадебной речи отражён в в VI и VII главах VIII книги трактата Феофана Прокоповича (Procopovič 1982). Феофан рассматривает свадебную речь как разновидность поздравительной, не выделяя других типов, и подробно рассказывает, о чём следует сказать во вступлении, аргументативной части и заключении. Особо подчёркивается эмоциональный тон речи: и во вступлении, и в заключении необходимо выразить радость по поводу события. Так, ритор полагает, что «вступление, откуда бы его ни брать, должно быть весьма изящно, но, однако, выравнивая крутой путь к поздравлению, [следует] выражать либо собственную частную радость, либо общественную» (Феофан Прокопович 2020: 397; пер. Г. А. Стратановского). О речах, сопровождающих дарение свадебных подарков, кратко упоминается в главе, посвящённой также посвященным надписям. Этот вид речей ритор считает дерзким и надменным (*arrogans et superbium*) (Procopovič 1982: 410), рекомендуя либо вообще не упоминать о подарке, либо сделать это бегло. «Сопровождать и украшать речью подношения подарков, кажется, безусловно, дерзким и заносчивым, как будто ты напоминаешь другу о том, чтобы он знал, насколько он тебе обязан; такой поступок обычно указывает на невежливость дарителя и вызывает неловкость, делая подарок тягостным и неприятным; в этом деле, кажется, особенно допускают промах те, кто, поднося подарки невесте (венки, колечки, ожерелья и т. п.) с великой и непереносимой спесью и надув щёки начинают декламировать, что [подарки] настолько и настолько-то важны, и только что не говорят, за какую цену они были куплены» (Феофан Прокопович 2020: 399; пер. Г. А. Стратановского).

В смоленской риторике М. Базилевича 1756 г. различаются свадебные речи, произносимые до, во время и после бракосочетания, но автор останавливается только на речи, в которой жених просит руки невесты. Как и в московской риторике, выделены основные топосы, на которых должна строиться речь: изложение намерений (*exponatur intentum petentis sponsam*), восхваление семьи невесты (*laudetur familia sponsae ab antiquitate, a magno genere, a viris bene meritis de republica etc.*), просьба к невесте и её родителям отнестись благосклонно к желанию жениха (*instituat petitiō ut parentes sponsae votis sponsi annuant quin et ipsius sponsae petatur assensus*) и дать ответ без промедления (*rogetur determinatum*

responsum sine dilatatione) (Basilevicz 1756: 80). В речи ритор советует преувеличить такие добродетели невесты, как застенчивость, скромность, благочестие, благоразумие (*exaggerentur sponsae virtutes, quales sunt verecundia, modestia, pietas, prudentia*) (Basilevicz 1756: 80). Важным дополнением к схеме построения речи является подборка исторических примеров и сентенций, которые можно в неё включить. Цитаты приводятся из Горация, Овидия, Ливия, Сенеки, Плутарха, Квинтилиана, а также христианских писателей — бл. Августина и св. Григория. Интересно, что теоретические принципы и советы М. Базилевича относятся к речи, произносимой женихом до свадьбы, во время сватовства. Очевидно, по его мнению, что эта речь требует наиболее тщательной риторической отделки, а практическим образцом в его руководстве служит речь после венчания (*post sanctum vinculum*), составленная на русском языке. Эта короткая речь, занимающая всего одну страницу рукописного текста, содержит поздравления, прославление брака как «дражайшего... благополучно и безмятежно Богомъ снисканного и Богомъ сочтанного сокровища» (Basilevicz 1756: 81), благие пожелания и выражение надежды на обретение венца вечной славы после долгих лет счастливой жизни. Таким образом, автор выходит за пределы латинской школьной учёности и демонстрирует возможности применения правил красноречия в реальной жизненной ситуации на родном для брачующихся языке.

Рассуждая о свадебных речах, авторы российских учебных руководств 1740–1750-х годов больше уделяли внимания этикетным, а не собственно риторическим правилам. Тем не менее, некоторые стилистические приёмы рекомендуются как необходимые и особенно характерные для свадебного красноречия, а именно, широкое использование гипербол, сентенций и цитат из античных и христианских авторов. Принадлежность свадебных речей к эпидейктическому красноречию объясняет включение в каждую речь независимо от её цели *laudes* в качестве обязательного элемента содержания.

Литература

- Basilevicz 1756: Basilevicz, Manuel. *Opus artis oratoriae...* Smolensk college. 1756 // Russian State Library. — F. 733 (Smolen.), № 21.
- Basilevicz 1756: Basilevicz, Manuel. *Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия. 1756 // РГБ. Ф. 733 (Смолен.), № 21.
- Diademma ex immarcessibilibus floribus Tullianae suadae in ornamentum Rossiae laureatis capitibus Neotulliorum in Mosquensi Graeco-

- latino viridario contextum ...1745–1746 // Russian State Library. F. 173 (1), № 355.
- Diadema ex immarcessibilibus floribus Tullianae suadae in ornamentum Rossiae laureatis capitibus Neotulliorum in Mosquensi Graecolatino viridario contextum... (Венок из неувядаемых цветов красноречия Цицерона, сплетённый, чтобы украсить увитые лавром головы неоцицеронианцев России в Московском греко-латинском саду...). 1745–1746. РГБ. Ф. 173 (1), № 355.
- Emporium 1744–1745: Emporium totius facultatis rhetoricae selectioribus eloquentiae fundamentis ad elegantiam stili et vulgarem in omni dicendi genere modum magis conducentibus nec non rebus ac ideis ad instruendum tum sacrum tum civilem oratorem et pluribus ad artem rhetoricam spectantibus refertissimum ad usum et imitationem rhetoribus expositum in Moscoviensi sacratissimae imperatoriae majestatis academia anno 1744 septembri die 21-ma in annum 1745. 1744–1745 // Russian State Library. F. 173.1, № 356.
- Emporium totius facultatis rhetoricae selectioribus eloquentiae fundamentis ad elegantiam (Собрание всего, к риторике касающегося, с приведением всех оснований, выбранных для изысканного и повседневного стиля из всех видов беседы, всех вещей и мыслей к научению ораторов как церковных, так гражданских, и многого другого к риторике относящегося, для употребления и подражания собранное в Московской священной имп. Академии в 1744–1745 гг.). РГБ. Ф. 173.1, № 356.
- Feofan Procopovich 2020: *Ob iskusstve ritoricheskome desyat' knig* / tr. by G. A. Stratanovski, editor-in-chief S. I. Nikolaev. Moscow, St. Petersburg: Alyans-Archeo, 2020.
- Феофан Прокопович 2020: *Об искусстве риторическом десять книг* / пер. Г. А. Стратановского, отв. ред. С. И. Николаев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020.
- Procopovič 1982: Procopovič Feofan. *De arte rhetorica libri X* // Slavistische Forschungen. Köln; Wien, 1982.

М. А. Курьшева
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия.
kurysheva@yandex.ru

ДАТИРОВКА «ДРЕВНЕЙШЕЙ ЧАСТИ» РУКОПИСИ **BnF, SUPPLÉMENT GREC 607** С АНТИЧНЫМИ ВОЕННЫМИ ТРАКТАТАМИ

Статья посвящена палеографической датировке третьей части греческой рукописи-конволюта BnF, *Suppl. gr.* 607 — древнейшего византийского свода полемологических текстов V в. до н. э. — V в. н. э., основанного на еще более древних маюскульных оригиналах. Совокупность черт всех выявленных минускульных почерков находит соответствия в почерках писцов, работавших по заказам Арефы Кесарийского, что позволяет датировать их не позже первой четверти X в. Архаичные черты графико-орфографических особенностей и нерегулярная диакритика рукописи позволяют датировать ее еще более ранним временем — концом IX — началом X в., т. е. отнести к эпохе раннего Македонского ренессанса, связанного с интеллектуалами из окружения императора Льва VI Мудрого.

Ключевые слова: греческая палеография, греческие рукописи, Македонский ренессанс, античные военные трактаты.

Marina A. Kurysheva
Institute of World History, RAS, Moscow, Russia. kurysheva@yandex.ru

Dating of the “oldest part” of the Ms *BnF, Supplément grec 607* with ancient military treatises

The paper suggests a palaeographic dating of the so-called “oldest part” of the Greek convolute manuscript *Supplément grec 607* of the National Library of France. This part of the manuscript is a miscellany of ancient military treatises from the 5th century BC to the 5th century AD. This is the oldest Byzantine collection of polemological materials, made on the basis of more ancient majuscule originals. Despite the fact that extensive historiography has been dedicated to this manuscript, the identification of the handwritings of its four scribes, the demarcation of these handwritings within the manuscript and their substantiated palaeographic dating have not yet been made. This manuscript does not fit into any style of writing from the era of book culture of the classical Macedonian Renaissance, associated with the circle of intellectuals of Emperor Constantine VII. In the collection there are no traces of treatises on the tactics of Constantine VII’s father Leo VI the Wise, which can be found in all the “imperial” military-tactical collections of the 10th century.

The combination of palaeographic features of all four handwritings finds correspondence in the handwritings of the circle of scribes who worked on orders of Arethas of Caesarea, identified by Aubrey Diller, which allows us to date them no later than the first quarter of the 10th century. The archaic features of the graphical and orthographical peculiarities (primarily, a high degree of “admixture” of majuscule letters and irregular diacritics) of the manuscript allow us to date it to an even earlier time — the end of the 9th — beginning of the 10th century, i.e., attributing it to the era of the early Macedonian Renaissance, associated with intellectuals from the entourage of Emperor Leo VI the Wise.

Keywords: Greek palaeography, Greek manuscripts, Macedonian Renaissance, ancient military treatises.

В греческих рукописях т. н. Македонского ренессанса в Византии IX–XI вв. содержится значительная, если не основная, часть корпуса текстов античных и византийских военных трактатов (о датировке двух ключевых для полемологической традиции манускриптов конца 960-х — начала 970-х гг. *Vat. gr.* 1164 и *Paris. gr.* 2442 + *Barb. gr.* 276, см.: Kurysheva 2020a). Древнейшая рукопись с трактатами по военному делу V в. до н. э. — V в. н. э. ВnF, *Supplément grec* 607 в свою очередь требует датировки современными методами палеографии и кодикологии, а также рассмотрения ее места в византийской книжной культуре.

Манускрипт *Suppl. gr.* 607, хранящийся сейчас в Национальной библиотеке Франции, поступил в парижскую *Bibliothèque Impériale* от известного собирателя греческих рукописей Миноидиса Минаса (Κωνσταντῖνος Μηνωίδης Μηνάς, 1788–1859) (Omont, 1916: 352, п. 4, 403). Рукопись была приобретена им во время его миссий на Восток и в Грецию в 1840–1855 гг., в ходе которых он привез во Францию по подсчетам А. Омона 206 греческих рукописей, обогатив тем самым национальное собрание греческих рукописей Франции (Omont, 1916: 352, п. 4). По имени этого грека-эмигранта, филолога и глубокого знатока греческой культуры рукопись в науке носит название «кодекс Минаса» (Μυνας-codex).

Рукописи *Suppl. gr.* 607 с 1860-х гг. посвящена обширнейшая историография, включающая дискуссию о времени и историческом контексте создания (библиографию см.: Rance 2017b: 71–73). Еще в XIX столетии было высказано предположение, что эта рукопись является частью энциклопедического проекта Константина VII Багрянородного (император в 913–920, 945–959 гг.) под названием *Excerpta de Strategematibus* или «О руководстве войском» (περὶ στρατηγημάτων). В современной историографии эту идею развил и попытался заново обосновать А. Немет (Németh,

2011: 157–67, 174–75; 2018: 116–118). Он считает, что древнейшая часть рукописи *Suppl. gr. 607* является сборником, вышедшим непосредственно из «проекта константиновских эксцерптов» и выпущенным в 940–950-е гг., то есть в первые годы единоличного правления императора Константина VII. В его интерпретации рукопись является черновиком-посредником между полными историческими рукописями-источниками и окончательными парадными томами «Эксцерптов». Но при построении этой гипотезы исследователь опирается не на особенности самого сохранившегося манускрипта, а только на принцип компилирования цитат на определенные темы («Constantine's method»), якобы присущий, как он считает, только этому энциклопедическому проекту Константина VII (Németh, 2018: 118). Эта гипотеза была активно поддержана Ф. Райнсом, который признал ее убедительной и стал тиражировать в своих работах (Rance 2017b: 71–85; Rance 2017a: 290–291, n. 1). Между тем, анализ кодикологии и палеографии рукописи *Suppl. gr. 607*, а также аналогии к ее графико-орфографическим особенностям у А. Немета содержат целую серию необоснованных допущений и прямых ошибок. Наконец, А. Немец даже не определил ни число писцов «древнейшей части» рукописи, ни границы их работы в ней.

Рукопись *Suppl. gr. 607* сейчас состоит из 129 пергаменных листов (их размер 275 × 203 мм) и является конволютом: под одним переплетом в начале XVI в. (о переплете подробно см.: Németh, 2011: 155–158) оказались соединены разные части из четырех никак не связанных между собой разновременных пергаменных рукописей. Листы третьей и четвертой частей перепутаны, в рукописи много лакун. Оговоримся, что все четыре части нуждаются в дополнительном палеографическом исследовании и требуют уточнения датировок. В данной работе мы сосредоточимся прежде всего на ее «древнейшей части» (см. ниже).

Перечислим кратко содержание частей с указанием предложенных в историографии датировок и их некоторых предварительных уточнений:

1) л. 1–6 — фрагмент из второй книги про царствование Алексея Дуки Мурцуфла и осаду Константинополя из «Истории» Никиты Хониата. Современные исследователи датируют его XIV в. (Németh, 2011: 157; Rance, 2017b: 73–74), однако я считаю, что такой почерк должен относиться к XIII в., поскольку в нем еще присутствует влияние почерков чикаго-карахиссарской группы рукописей XII в., но в то же время уже есть элементы т. н. стиля

Fettaugenmode, расцвет которого приходится на вторую половину XIII в. и не представлен за рамками XIV в.

2) л. 8–15 об. — фрагмент трактата «О священстве» Иоанна Златоуста. А. Немет со ссылкой на мнение Э. Гамильшега датирует этот фрагмент концом XIII в. (Németh, 2011: 157, п. 14; Rance, 2017b: 74). Тем не менее, представляется, что его следует датировать второй половиной XI — началом XII в. В пользу этого говорит как типичный для ряда константинопольских рукописей указанного времени литургический минускул, так и цвет пергамента и чернил, встречающийся только в византийской книжности рубежа XI–XII вв.

3) л. 16–103 об. — самая древняя часть рукописи содержит следующие тексты или их отрывки: л. 16 — Иосиф Флавий, *Antiquitates, fragmentum de obsidione Jotapes*; л. 17 и 103 об — Евсевий историк, *fragmentum de Thessalonicae obsidione* (Πολιορκία Θεσσαλονίκης); л. 18–24 об., 32, 25 — Афиной Механик, *De machinis bellicis* (Ἀθηναίου περί μηχανημάτων); л. 25 об.–31 об. — Битон, *De constructione bellicarum machinarum et catapultarum* (Βίτωνος κατασκευαὶ πολεμικῶν ὀργάνων καὶ καταπελτικῶν); л. 60, 59, 61, 33–45 об. — Аполлодор из Дамаска, *Polioretica* (Ἀπολλοδώρου πολιορκητικά); л. 46–55 об. — Герон Александрийский, *Belopoiica* (Ἡρώνος Κτησιβίου βελοποικικά); л. 56, 58, 57 — Герон Александрийский, *De mensura Chiroballistae* (Ἡρώνος χειροβαλίστρας κατασκευὴ καὶ συμμετρία); л. 62–80 об., 82 — Герон Александрийский, *De dioptra* (Ἡρώνος περί διόπτρας); л. 81, 85 об.–86 — Philostratus, *fragmentum vitae Apollonii Tyanei*; л. 83 — медицинский фрагмент (Rance, 2017b: 85–86); л. 83 об.–85, 86 об.–87 об. — Аристодем, два фрагмента, *De Bello Persico*; л. 88–90 об. — Дионисий Галикарнасский, *Antiquitatum Romanarum* (Πύρρου καὶ Ῥωμαίων ὑπάτων Ποπλίου Δεκίου καὶ Ποπλίου); л. 90 об.–91 — Полиен ритор, *fragmenta ex Strategematis*; л. 91 — эпиграмма (*Epigrammatum anthologia*, 1890: 296, 364); л. 91–92 — Дексипп, *Scythica* (Πολιορκία Μαρκιανουπόλεως); л. 92–93 — Дексипп, *Scythica* (Πολιορκία Φιλίππουπόλεως); л. 93 — Дексипп, *Scythica* (Σίδης πολιορκία); л. 93 об. — Приск Паннийский, *Opera* (Πολιορκία πόλεως Ὀβιδούνα); л. 93 об.–94 об. — Приск Паннийский, *Opera* (Ναίσσου πολιορκία); л. 94 об.–97 — Арриан Флавий, *Tactica* (Γύρου ἄλωσις); л. 97 — Арриан Флавий, *Tactica* (Γαζέων (deb. Γαζαίων) πολιορκία); л. 98–100 об. — Полибий, *Historiae* (Συρακουσῶν πολιορκία); л. 100 об.–102 — Полибий, *Historiae* (Ἀμβρακίας πολιορκία); л. 102–103 об. — Фукидид, *Historiae* (Πολιορκία Πλαταιέων). Замечу, что античные историки Евсевий и Аристодем известны только по этой

части из рукописи *Suppl. gr. 607*, также как и эпиграмма на л. 91. Из текстов Полибия, Приска Паннийского и Дексиппа здесь сохранились уникальные фрагменты. Сейчас эта часть датируется третьей четвертью X в., т. е. 940–950 гг. (Németh, 2018: 116). Новая датировка этой части будет главным предметом нашей работы (см. ниже).

4) л. 104–129 — Лисий, *Orationes* (1, 20, 21, 22, 3, 2, 4, 5 и 9). Эта часть рукописи датируется XV в. (Speranzi, 2010: 358; Németh, 2011: 165–167; Hosoi, Yoshikawa, 2016: 177–178). Отмечу, однако, что в этой части рукописи для датирования почерка присутствует очень важный признак — деление на слова, которое в греческих рукописях возникает лишь в конце XVII–XVIII вв., а у греков, работавших на итальянских гуманистов, в конце XV–XVI в.

Для датировки «древнейшей части» рукописи *Suppl. gr. 607* (л. 16–103 об.) А. Немет приводит в качестве аналогии почерк писца Стилиана, написавшего в 939 г. для протоспафария Калокира рукопись *Paris. gr. 781*. Он считает, что это — самая близкая датированная параллель для почерка на лл. 81–87 манускрипта *Suppl. gr. 607* (Németh, 2018: 117, n. 106). Однако почерк писца Стилиана *Paris. gr. 781* абсолютно не соответствует внешнему облику письма и отдельным графическим элементам в *Suppl. gr. 607*. Почерки *Suppl. gr. 607* и *Paris. gr. 781* не обладают никакими общими отличительными чертами, которые бы позволили считать, что их писцы были хоть как-то связаны общей «школой», одним скрипторием или временным срезом.

Для датировки «древнейшей части» рукописи *Suppl. gr. 607* (л. 16–103 об.) А. Немет приводит в качестве аналогии почерк писца Стилиана, написавшего в 939 г. для протоспафария Калокира рукопись *Paris. gr. 781*. Он считает, что это — самая близкая датированная параллель для почерка на лл. 81–87 манускрипта *Suppl. gr. 607* (Németh, 2018: 117, n. 106). Однако почерк писца Стилиана *Paris. gr. 781* абсолютно не соответствует внешнему облику письма и отдельным графическим элементам в *Suppl. gr. 607*. Почерки *Suppl. gr. 607* и *Paris. gr. 781* не обладают никакими общими отличительными чертами, которые бы позволили считать, что их писцы были хоть как-то связаны общей «школой», одним скрипторием или временным срезом.

Точно так же не имеют параллелей в *Suppl. gr. 607* и указанные А. Неметом почерки писцов В и В² из знаменитой Палатинской Антологии, состоящей из двух частей: Universitätsbibliothek Heidelberg, *Pal. gr. 23 + VnF*, *Suppl. gr. 384*. Кроме того, А. Немет

исходит из ошибочной датировки этого кодекса серединой X в. (Agati, 1984: 45–48), между тем, верная палеографическая дата «между 913/4 и 932 г.» обоснована О. Диллером (Diller, 1974: 520–521).

Тот факт, что для рукописи *Suppl. gr. 607* не удастся найти прямых аналогий, сам по себе говорит о том, что этот памятник книжной культуры создан не в классический период Македонского ренессанса, связанный с кругом интеллектуалов императора Константина VII, а в более ранний период. Кроме того, даже с учетом того факта, что в исследуемой «древнейшей части» рукописи есть значительные утраты, в ней нет никаких следов полемологических трактатов отца Константина VII Льва VI Мудрого («*Problemata*», «*Tactica*», «*Sylloge Tacticorum*»). Во всех «императорских» военно-тактических сборниках X в. почти обязательно представлены сочинения Льва VI.

Третья часть рукописи *Suppl. gr. 607* написана относительно редко встречающимся типом почерка, который можно определить как наклонный курсивный минускул. Это практическое письмо, которым понадобилось переписать важные тексты специального характера с чертежами и математическими расчетами, по-видимому, для своих нужд. Все четыре почерка имеют разной степени наклон вправо, что показывает курсивный характер их письма. Курсивный характер этого минускула говорит о том, что перед нами проникновение обиходно-делового стиля письма в книжную культуру.

В третьей части рукописи *Suppl. gr. 607* вычленяется работа четырех писцов:

I писец пишет исторические выдержки из Иосифа Флавия и Евсевия, затем из Дионисия Галикарнасского, Полиена, Дексиппа, Приска, Арриана, Полибия, Фукидида на л. 16–17, 88–103;

II писец пишет с небольшим наклоном вправо полиоркетические фрагменты из Афиня, Битона, Аполлодора и Герона на л. 18–61 (текст снабжен многочисленными чернильными рисунками, раскрашенными красной и зеленой красками с маюскульными подписями его же рукой);

III писец пишет «О диоптре» Герона Александрийского на л. 62–80, 82 (многочисленные иллюстрации на листах сделаны писцом простыми чернилами) и медицинский фрагмент на л. 83;

IV писец пишет тексты Филострата и Аристодема на л. 81, 83 об.–87. Это единственный писец, который пишет свой убогий текст в 36 строк на странице пергамена без разлиновки.

Все четыре писца — современники, работают в тесном сотрудничестве друг с другом, имеют каждый свои интересы и при этом выполняют сложнейшую работу, транслитерируя тексты с маюскульных архетипов (Wescher, 1867: XX–XXI; Irigoín, 1977: 240, 244). Всех их объединяет нерегулярность постановки или иногда полное отсутствие диакритических знаков в тексте. Это сугубо архаический признак (Kavrus-Hoffmann, 2010: 62, п. 23; Kuryshева, 2020b: 98–115), который невозможен для X в., но все еще типичен в IX в. Конечно, отсутствие диакритики связано с тем, что маюскульные протографы, которые имелись в распоряжении писцов *Suppl. gr. 607*, были без надстрочных знаков. Однако, в X в. расстановка диакритики в копируемый текст делалась писцами уже автоматически.

Во всех этих почерках есть архаичные черты, которые сближают их с элементами почерков писцов, копировавших рукописи античных авторов для Арефы Кесарийского (ок. 860 — после 932 г.) (PmbZ On-Line # 20554): Стефана клирика, написавшего в 888 г. рукопись Евклида Bodleian Library, *D'Orvill* 301, и нотарию Вааниса, скопировавшего в 913/914 г. сборник апологетики *Paris. gr. 451* и Лукиана Bodleian Library, *Harleianus* 5694 без даты (Diller, 1974: 519). К ним можно добавить и рукопись *Vat. gr. 90*, написанную для Александра, митрополита Никей с 919 г. (PmbZ On-Line # 20231), писец которой демонстрирует даже некоторую отдаленную связь с почерками рукописей т. н. «философской коллекции» константинопольского патриарха Фотия 850–880 гг.

Выделим наиболее показательные сходные черты кодекса *Suppl. gr. 607* и рукописей круга писцов Арефы Кесарийского *Paris. gr. 451*, *Harleianus* 5694 и *Vat. gr. 90*, которые были определены О. Диллером (Diller, 1974: 518–521).

Все минускульные почерки в *Suppl. gr. 607*, так же как и в упомянутом почерке нотарию Вааниса и в *Vat. gr. 90*, имеют одинаковую примесь маюскульных букв, самой часто употребляемой из которых является маюскульная *v*. Но при этом писцы избегают писать маюскулом β , δ , η , μ и ω . Написание букв ξ и ζ всегда у всех маюскульные, исключая II писца *Suppl. gr. 607*, который наравне с маюскульной использует еще и минускульную ζ ; и IV писца, который использует и маюскульную, и минускульную формы обеих букв.

Общей для всех перечисленных рукописей чертой является использование большой лунарной сигмы перед гласными α , ω , o и u . Другой особенной чертой является использование как всеми

четырьмя писцами *Suppl. gr. 607*, так и писцами Арефы и Александра, «разорванной» буквы ε, которая распадается на две петли, верхняя из которых имеет тенденцию к увеличению, а нижняя — к уменьшению и даже исчезновению.

Все эти писцы используют минускульную «древнюю» λ в лигатуре и в удвоенном варианте тоже, но I писец *Suppl. gr. 607* пишет еще и маюскульный вариант λ, а III писец пишет маюскульную λ и в удвоенном варианте тоже, при этом ножки удвоенных λλ только касаются друг друга, но никогда не перекрещиваются. Стабильно перечеркнутые ножки в удвоенном варианте написания небольших маюскульных лямбд появляются в почерке у совершенно другого писца последнего заказанного Арефой манускрипта — диакона Стилиана (не нужно путать с его тезкой — писцом Стилианом, упоминаемым выше) в датированной 932 г. рукописи ГИМ, Влад. 231 + РГАДА. Ф. 1604. Да 12.

Таким образом, можно заключить, что четыре писца «древнейшей части» конволюта *Suppl. gr. 607* в своих почерках демонстрируют черты, присущие константинопольским рукописям с античными текстами, написанным в течение 910–920-х гг., то есть не позже первой четверти X столетия. Однако нерегулярная диакритика заставляет нас думать, что эти почерки все же стоит относить к началу Х в., а может быть и ранее, т. е. отодвинуть к эпохе раннего, а не развитого, Македонского ренессанса и датировать периодом правления императора Льва VI Мудрого.

Литература

- Agati, M. L. 1984: Note Paleografiche All' Antologia Palatina. *Bollettino dei Classici* 3, 5, 43–59.
- Diller, Au. 1974: Th Age of Some Early Greek Classical Manuscripts. In: *Serta Turyniana. Studies in Greek Literature and Palaeography in honor of Alexander Turyn*. Urbana: University of Illinois Press, 514–524.
- Cougny, E. 1890: *Epigrammatum anthologia Palatina cum Planudeis et appendice nova*. Vol. III. Paris: Firmin-Didot et Sociis.
- Hosoi, A., Yoshikawa, H. 2016: Manuscripts de Lysias. In: *Manuscriptos griegos en España y su contexto europeo. Greek manuscripts in Spain and their European context*. Madrid: Clásicos Dykinson Monografías, 159–200.
- Irigoin, J. 1977: Les manuscrits d'historiens grecs et byzantins à 32 lignes. In: *Studia Codicologica*. Berlin: Akademie.
- Kavrus-Hoffmann, N. 2010: From pre-bouletée to bouletée: Scribe Epiphanius and the codices Mosq. Synod. gr. 103 and Vat. gr. 90. In: *The Legacy of Bernard de Montfaucon: Three Hundred Years of*

- Studies on Greek Handwriting. Proceedings of the Seventh International Colloquium of Greek Palaeography (Madrid — Salamanca, 15–20 September 2008)*. Turnhout: Brepols, 55–66.
- Kuryshcheva, M. A. 2020a: [To the Procedure of Dating Greek Manuscripts of 960s (on the Examples of Vat. gr. 1164, Paris. gr. 2442 & Barb. gr. 276)]. In: *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "ISTORIYA" [The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")]*. Vol. 11.9.
- Курышева, М. А. 2020: К методике датирования греческих рукописей 960-х гг. (на примере Vat. gr. 1164, Paris. gr. 2442 и Barb. gr. 276), в: *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 11.9.
- Kuryshcheva, M. A. 2020b: [On the methods of dating of Greek majuscule manuscripts of the 8th–9th centuries (on the sample of Paris. gr. 2389 and Vat. gr. 699)]. In: *Fonkich B. L. Vizantiyskiy mayuskul VIII–IX vv. K voprosu o datirovke rukopisey [Fonkich B. L. Byzantine Majuscule of the 8th–9th centuries. On the question of dating manuscripts]*. Moscow: LRC Publishing House, 98–115.
- Курышева, М. А. 2020а: К методике датирования греческих маюскульных рукописей VIII–IX вв. (на примере Paris. gr. 2389 и Vat. gr. 699), в: *Фонкич Б. Л. Византийский маюскул VIII–IX вв. К вопросу о датировке рукописей*. М.: Издательский Дом ЯСК, 98–115.
- Németh, A. 2018: *The Excerpta Constantiniana and the Byzantine Appropriation of the Past*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Németh, A. 2011: The Mynas codex and the Bibliotheca Corviniana. In: *Matthias Corvinus und seine Zeit. Europa am Übergang vom Mittelalter zur Neuzeit zwischen Wien und Konstantinopel*. Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 155–178.
- Omout, H. 1916: *Minoïde Mynas et ses missions en Orient (1840–1855)*. *Mémoires de l'Institut de France*. 40, 1, 337–421.
- PmbZ On-Line — Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit Online.
- Rance, P. 2017a: 'The Reception of Aineias' Poliorketika in Byzantine Military Literature'. In: *Brill's Companion to Aineias Tacticus*. Leiden; Boston: Brill, 290–374.
- Rance, P. 2017b: An Unpublished Byzantine Medical Fragment (Parisinus Suppl. gr. 607): Pharmaceutical Knowledge and Practice in Tenth-Century Constantinople. *Parekbolai. An Electronic Journal for Byzantine Literature*, 7, 69–95.
- Speranzi, D. 2010. Giano Lascari e i suoi copisti. Gli oratori attici minori tra l'Athos e Firenze. *Medioevo e Rinascimento*. 24, 21, 337–376.
- Wescher, C. M. 1867: *Poliorcétique des grecs*. Paris: Imprimerie Impériale.

А. В. Ларионов

Московская духовная академия, Сергиев Посад, Москва, Россия
illariosha@gmail.com

Н. Б. Ларионова

МГЛУ / Первый московский гос. медицинский университет им. И. М. Сеченова,
Москва, Россия. vorotapystou@yandex.ru

ИЗОБРАЗИМОСТЬ БЕСПЛОТНЫХ СИЛ В ТРАКТАТЕ «О ХЕРУВИМАХ» СВТ. ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО НИКИФОРА I

В статье предпринимается попытка выявить характерные аспекты учения святителя Никифора Константинопольского о возможности изображать ангелов на иконах на основе его трактата «О херувимах». Краткий тезисный характер данного произведения, которое является теоретической основой прочих полемических сочинений святителя, позволяет проследить центральную канву мысли патриарха, защищавшего возможность изображать на иконах не только Христа и святых, но и бесплотных ангелов. Пример ветхозаветных херувимов над ковчегом Завета становится одним из важнейших аргументов в пользу иконопочитания для свт. Никифора и помогает ему обосновать возможность создания изображений нематериальных ангелов при помощи вещественных и чувственных образов.

Ключевые слова: свт. Никифор I патриарх Константинопольский, херувимы Ковчега Завета, ангелология, иконоборчество, изображения ангелов.

A. V. Larionov

Moscow Theological Academy, Moscow, Russia. illariosha@gmail.com

N. B. Larionova

Moscow State Linguistic University / First Medical University,
Moscow, Russia. vorotapystou@yandex.ru

Portrayability of incorporeal forces in the treatise *On Cherubim* by St. Nicephorus of Constantinople

This article attempts to identify the characteristic aspects of the teaching of St. Nicephorus of Constantinople on the possibility of depicting angels on icons on the basis of his treatise *On Cherubim*. The brief thesis of this work, which is the theoretical basis for other polemical works of the Saint, allows us to trace the central line of thought of the Patriarch, who defended the possibility of depicting on icons not only Christ and the saints, but also incorporeal angels. The example of the Old Testament cherubim over the Ark of the Covenant becomes one of the most important

arguments in favor of iconoduly for St. Nicephoros and helps him to justify the representability of non-material angels by means of material and sensual images.

Keywords: St. Nicephoros I Patriarch of Constantinople, cherubim of the Ark of the Covenant, angelology, iconoclasm, images of angels.

Введение

В своей полемике с иконоборцами свт. Никифор искал в Священном Писании наиболее наглядное доказательство существования изображений, которые бы выполняли функцию иконы. Ветхозаветный сюжет Исх. 25, 17, в котором Бог повелевает Моисею изготовить золотых херувимов, поместив их над Ковчегом Завета, становится для свт. Никифора отправной точкой для обоснования идеи об изобразимости ангелов и возможности их изображения на иконах. К образу херувимов свт. Никифор неоднократно обращался в своих сочинениях. Наиболее развернутое использование истории с сооружением золотых херувимов содержится в «Защитительном слове» свт. Никифора (Nicephorus 1865: 768A–785B).

Нигде в сочинениях свт. Никифора нет четкого описания того, на какие чины разделяются ангельские силы. Более того, святитель никогда не говорит о том, какова иерархия небесных воинств, и не приводит наименований других чинов, помимо херувимов (Giannopoulos 1973: 320). Это показывает, что именно херувимы становятся для него главным объектом богословского интереса. Для свт. Никифора херувимам суждено было стать самыми первыми в иерархии и наиболее приближенными к Богу из всех блаженных и пренебесных кругов (Nicephorus 1865: 768; Nikifor Konstantinopol'skij 1904: 328)¹. Таким образом без внимания остались чины престолов и серафимов из первого ряда девятичинной системы Ареопагитик, где они вместе с херувимами занимают первенствующее место в небесной иерархии (Corpus Dionysiacum 1991: 5, 6.2).

В представлении патриарха именно херувимы «непосредственно и прежде всех воспринимают сияние божественного света (τὰς μαρμαρυγὰς τῆς θεαρχικῆς ἀκτῖνος ἀμέσως καὶ πρωτοφανῶς ὑποδέχονται)» и затем «содействуют тем, кто ниже

---

¹ ἃ τὴν πρωτίστην τε καὶ προσεχῆ Θεῶ, καὶ τῶν μακαρίων καὶ ὑπερουρανίων διακόσμων, διέλαχε παρὰ Θεοῦ τάξιν τε καὶ ἀποκλήρωσιν.

их, руководствуют и направляют их к божественному и возвышенному (ἐπιστρέφτικοὶ γάρ εἰσι τῶν καταδεεστέρων, καὶ χειραγωγικοὶ καὶ ἀνατακτικοὶ πρὸς τὰ θεϊότερα καὶ ὑψηλότερα)» (Nicephorus 1865: 772; Nikifor Konstantinopol'skij 1904: 330). В отличие от своего предшественника на поприще защиты святых икон прп. Иоанна Дамаскина (Варапов 2020: 184–197), свт. Никифор следует за идеей Ареопагитик о передаче божественных озарений согласно степеням иерархии от высших чинов низшим и затем человеку. Святитель особо подчеркивает, что ангелы остальных чинов не имеют непосредственного общения с Богом, а получают его только через херувимов. По этой причине прочие небесные чины считаются ниже (καταδεεστέρων) херувимов (Giannopoulos 1973: 322).

Исходя из этого, становится очевидным то особое место, которое святитель уделил херувимам в своей полемической аргументации, а также понятно, почему он подчеркивал первенство херувимов среди прочих небесных сил.

Содержание трактата «О херувимах»

Учение об ангелах в сочинениях патриарха Никифора I было основательно рассмотрено греческим исследователем В. Яннопулосом. Значительно позже выхода его труда был опубликован критический текст еще одного малоизвестного произведения патриарха, которое осталось вне поля зрения ученого.

В 1603 году голландский профессор церковного права в Ингольштадте Генрих Канизий опубликовал четыре произведения свт. Никифора, переведенных на латынь испанским филологом и иезуитом Франциском Торресом. Третий из переведенных текстов, вышедший под названием «О херувимах, изготовленных Моисеем» (*De Cherubinis a Moyse factis*), состоящий из семи глав, до этого не встречался среди известных произведений патриарха (Canisius 1603). Оригинальный текст на греческом языке был обнаружен Ф. Торресом в рукописи Urbani 27 (XI в.) в францисканской библиотеке в Генуе, где он хранится до сих пор (Declerck 2004: 105–106)².

---

² Существует также афонская рукопись, содержащая данный текст — Vatoped. 236 (XII в.).

В 2004 г. под редакцией Ж. Деклерка вышел критический текст данного произведения (Declerck 2004). Издатель аргументированно доказал принадлежность текста перу свт. Никифора, а также пришел к выводу о том, что это произведение является скорее всего черновым наброском и неким кабинетным «упражнением» богослова, который готовился к предстоящему диспуту и подобрал целый арсенал аргументов и силлогизмов, возможно, не имея намерения опубликовать их. Позднее автор мог отказаться от некоторых аргументов или изменить их, поскольку считал их слишком техническими и сложными для реальной дискуссии (Declerck 2004: 124). Это утверждение издателя подтверждается целым рядом параллельных мест из других произведений свт. Никифора, в которых использованы подобные мысли и примеры. Особенно явно эти мысли прослеживаются в более развернутом и приукрашенном риторикой «Защитительном слове» (Nicephorus 1865: 533–832; Nikifor Konstantinopol'skij 1904).

Семь глав текста «О херувимах» не имеют общего названия в рукописях. В афонской рукописи Vatoped. 236 они сопровождаются заголовком *Περὶ τῶν χερουβίμ*, однако этот заголовок соответствует скорее содержанию глав I–IV. Несмотря на то, что каждая глава имеет собственное название, все семь текстов образуют единое и структурированное целое: главы I–IV посвящены рассмотрению херувимов, которых создал Моисей. Содержание глав V–VII переходит от образов херувимов к обоснованию возможности изображения Христа (Declerck 2004: 113).

Главы произведения имеют следующие наименования:

1. Об изготовлении херувимов
2. О том, хорошо ли это или плохо, и о почитаемых
3. О том, что святы иконы херувимов
4. Говорящим: «Не поклоняйся и почитай недостойным»
5. О причине и следствии
6. О поклонении
7. Вопрос описуемости и неописуемости. Как обосновать изображения бесплотных ангелов?

Иконоборцы отрицали почитание икон основываясь на представлении о неописуемости ангельской природы и использовали в отношении ангелов понятие *ἄτμητα σῶματα* — «неделимые тела»: «Все тела, которые являются неделимыми и неосязаемыми, являются и неописуемыми, так как ангелы бесте-

лесны, то как они могут быть описуемы?» (Theodoros Stouditis 2006: 190–191). Для них также была характерной мысль о том, что икона является чем-то совершенно чужеродным по отношению к ее первообразу. Эта чужеродность была еще более очевидна для них в отношении изображения небесных сил, поскольку ангелы чужды материальному миру.

Характерен риторический вопрос воображаемого иконоборца, который приводит свт. Никифор:

Еретик: Следует ли называть образами и подобиями изображаемое на основе нашего представления о херувимах? Так как всякий образ подобен первообразу, очевидно, что и херувимы, сотворенные Творцом всего, будут иметь тот же вид и форму, что и те, которые называют их первообразом. Ибо, если те подобны этим, то они не отличаются от них ни видом, ни формой. Если же они непохожи, тогда они не обладают характеристиками образа (Declerck 2004: 129).

И действительно иконы должны обладать максимальным подобием по отношению к своему первообразу, что признавал и сам свт. Никифор:

Иконы же называются так, потому что вместе с наибольшим подобием они также получили наименование своих первообразов, которое принадлежит иконам, как будет прояснено далее (Declerck 2004: 128).

Ветхозаветный сюжет с описанием золотых херувимов Моисея (Исх. 25:17) активно использовался на протяжении VIII–IX вв. многими защитниками икон, такими как свт. Герман Константинопольский (Germanus 1865: 153), прп. Иоанн Дамаскин (Joannes Damascenus 1975: 88), прп. Феодор Студит (Theodoros Stouditis 2006: 60), папа Григорий II и другие (Gregorius II Papa 1968: 281). Свт. Никифор также берет за основу этот библейский отрывок и выстраивает свою концепцию изобразимости ангелов не по их природе, а через создание условных изображений. Сперва, при помощи серии силлогизмов святитель приходит к обоснованию того, что херувимы Моисея не были ни символическими, ни умозрительными, а были сооружены человеком, то есть рукотворными:

Воспринимаемое чувствами, двояко: ибо одно — рукотворное, другое же — выше того, что способно изобразить искусство. В случае нерукотворного, очевидно — это именно то, что видели

также пророки, и справедливо будет названо символическим. Но и рукотворное не кажется чем-то единым: ибо, с одной стороны, оно есть образ другого рукотворного, как образ образа, и как форма формы, а с другой — оно есть отображение некой физической вещи, как образ непосредственно сделанный с первообраза. Итак, каковыми были сотворены херувимы, о которых было сказано Моисею? Очевидно, что такими, которые доступны чувствам (Declerck 2004: 127).

Таким образом, Моисей создал рукотворных херувимов, воспринимаемых чувствами, которые были выполненными при помощи искусства. Далее святитель рассуждает о том, что любой рукотворный образ должен быть тождественен чему-то другому (как одна кровать похожа на другую кровать). Получается, что и херувимы Моисея непременно должны были быть сделаны с какого-то другого образа:

Все, что делается, делается по образу другого образа, будь то телесное, либо бестелесное. Но (херувимы, сделанные Моисеем), разумеется не бестелесны, а потому являются телами. Моисей, сделавший херувимов, сделал их либо умопостигаемыми, либо чувственными. Но невозможно сделанному чувственным, быть умопостигаемым; следовательно, они были сделаны Моисеем чувственными (Declerck 2004: 128).

Поэтому, если Моисей не создавал херувимов, то Писание ложно. А если создавал, то они непременно существовали — ведь нельзя создать не сущее — и они не были ни первозданными, ни символическими, следовательно, остается, что они были выполнены из материалов и имели очертания. Так что соделанные Моисеем херувимы были созданы и существовали, называются подобиями и почитаются иконами (Declerck 2004: 129–130).

Свт. Никифор приходит к выводу, что херувимы Моисея — это чувственные изображения, сделанные руками человека. А любая рукотворная икона — это подобие первообраза, которая по своей сущности отличается от объекта, являясь результатом искусства, лишь подражающего прототипу. Однако, очевидно, что такое миметическое определение применимо только к иконам Христа и святых, поскольку они ходили по земле и имели материальный образ, но не ангелов, поскольку они лишены внешнего вида и очертаний. Икона ангелов либо не должна пытаться воспроизводить очертания и внешний вид,

либо изображение их не будет соответствовать прототипу, поэтому икона будет ложно называться иконой.

Для того, чтобы окончательно решить дилемму, которая очевидно возникает, когда образ не может иметь близкого сходства со своим первообразом, святитель сначала разделяет все изображения на два вида: на имеющие природное происхождение и на те, что происходят по установлению. Первые создаются по природе объективно похожими на самих себя (φύσει καὶ καθ'αὐτὸ), вторые — по установлению и по случайности (θέσει καὶ κατὰ συμβεβηκός). К первым относятся изображения вещественных предметов, которые доступны для восприятия при помощи человеческих чувств, а вторые — это бесплотные по своему существу силы, к которым относятся ангелы. Сама природа устроена так, что материальным предметам, которые обладают телом, сопутствует первый и естественный образ в виде отбрасываемой тени. Тогда как бесплотные, согласно святителю, «необязательно должны иметь образ, хотя и это не является невозможным»:

Православный: Но из существ, одни изображаются по природе и самими по себе, а другие — по установлению и по случайности. По природе и сами по себе, это те, видение которых пригодно для восприятия. А по установлению и по случайности, те, что бесплотны по своему существу. За теми образы следуют по необходимости, так как они обладают телами и сопутствующей им тенью. А бесплотные обязательно должны иметь образ, хотя это и не является невозможным (Declerck 2004: 129).

Самым важным доказательством правильности такого подхода становится тот самый ветхозаветный сюжет об изготовлении Моисеем двух херувимов над ковчегом Завета. Более того, святитель подкрепляет свою аргументацию авторитетом знаменитых Ареопагитик, которые прямо указывают, что при помощи непохожих символов (δι' ἀνομοίων συμβόλων) бестелесные ангелы могут быть изображены к примеру «ярко пылающими (τὸ πυρῶδες) или светящимися янтарным цветом (τὸ ἠλεκτρῶδες)»:

...ведь никто не скажет, что Бог поручил Моисею невозможное... изобразить их не точно такими, какими их сотворил Бог, но при помощи подобия. Потому что и при помощи непохожих символов можно создать подобия бестелесных, ярко

пылающими или светящимися янтарным светом, согласно великому Дионисию, которые возводят нас к символам умных сил и энергий (Declerck 2004: 129).

Таким образом, ангелы не могут быть изображены в полном соответствии с их природой, но лишь при помощи создания некоего условного подобия. Их иконы не имеют формальной схожести с первообразом ни по природе, как это бывает в отношении вещественных предметов, ни по ипостаси, как это происходит в случае с иконами Христа и святых (Lur'e 2006: 478).

Однако в данном случае свт. Никифор решительно отвергает символическое происхождение изображений херувимов над Ковчегом Завета, поскольку образ херувимов был получен Моисеем не в результате видения, а взят им с некоего другого образа:

Что в них рукотворное, а что нерукотворное, но символическое — определило ли это Слово Божие? Ибо Слово Божие не является ни простым, ни однозначным. В пользу символического никто не возьмётся сказать: ведь написано не «видение, которое увидел Моисей», но «сотворил Моисей по образу»³. И если они не таковы, тогда очевидно, что они являются тем, что справедливо называется рукотворным. Но и Божественное Писание не представило Моисея как зрителя тех самых первозданных Богом, ведь оно нигде не говорит: «посмотри на херувимов и сотвори», но по «образу принятому тобой»⁴, следовательно, остается, что Моисей сотворил херувимов по способу, который использовал связь от рукотворного к рукотворному. Так что сделанные Моисеем они стали образами образов: фигура херувима несколько открылась Моисею из-за того, что ангел сделал набросок (Declerck 2004: 127–128).

На основе анализа сюжета Исх. 25:17 свт. Никифор приходит к заключению о том, что Моисей сотворил херувимов по способу, который использовал связь от рукотворного к рукотворному (*τὴν τοῦ τεχνήτου πρὸς τὸ τεχνητὸν σχέσιν παρεῖληφε*) (Declerck 2004: 127). Действительно, святитель прямо говорит о том, что золотые скульптуры херувимов были образами образов (*εἰκόνες εἰκόνων ἐτύχωνον*) (Declerck 2004: 128). И здесь важнейшим его выводом становится оригинальное утверждение о мистическом происхождении прототипа для изготовления

³ Ис. 1, 1; 13, 1. Дан. 8, 1.

⁴ Исх. 25, 40.

фигур херувимов над Ковчегом Завета. Рисунок, который набросал ангел для ветхозаветного пророка, стал первой иконой, которую Моисей взял в качестве образца для создания херувимов.

В продолжение темы святитель приводит еще более подробное деление образа на основе степени его сходства с первообразом. Первое сходство — только по форме (*μόνου σχήματος*) — относится к предметам, имеющим общие характеристики (камни, деревья, люди); второе сходство — по очертанию и внешности (*σχήματος καὶ μορφῆς*) — относится к изображению человека по его ипостасным особенностям (образ конкретного человека с его уникальной внешностью); третье сходство — только по действию или энергии (*ἐνεργείας μόνης*) — для изображения бесплотных существей. Примером является икона Благовещения, на которой изображено действие Гавриила, приносящего благую весть Приснодеве. Образ может обладать и всеми тремя характеристиками одновременно.

Ибо образ обладает либо только очертанием; либо и очертанием, и внешностью; либо одной только энергией; либо всеми тремя свойствами, сошедшимися в одно. Лишь только очертание — это, как например, изображение камня или дерева; очертание и внешность — это, если изобразить человека неподвижным; а лишь только энергия — это изображения бестелесных предметов, наподобие того, как Гавриил приносит приветствие «Радуйся» Деве⁵. А все три вида — если бы кто-то смог изобразить Давида скачущим перед ковчегом. Так, изображения бестелесных пусть будут случайным очертанием и внешностью, но их энергия и дело — действительным и подлинным (Declerck 2004: 129).

Таким образом, согласно патриарху, изображать ангелов можно только по энергии. Созданные Моисеем фигуры херувимов над ковчегом Завета обладали энергией настоящих херувимов и через эти условные образы действовали подлинные херувимы. Ангелы могут действовать через иконы ангелов, хотя действительные очертания и внешность ангелов не могут быть изображены на иконе. Так при помощи условных и непохожих символов создаются подобия бестелесных, которые возводят человека к самим умным силам (Declerck 2004: 129):

---

⁵ Лк. 1, 26–28.

Изображения, сделанные Моисеем, также унаследовали быть производными как образы; херувимы же были первообразами. Подобным способом и телец, сделанный Аароном, был производной как образ, а первообразом, с которого он сделан, был демон. И та связь, что имеет демонический образ по отношению к своему первообразу, ту же самую связь имеют и изображения, сделанные Моисеем, по отношению к первообразам. Ведь и те, и другие уподобляются одно другому, не имея сходства, и называются фигурами и формами неизобразимых (Declerck 2004: 133).

Связь условного изображения ангелов с их первообразом описана здесь при помощи категории отношения — *τὸ πρὸς τὶ* «то, по отношению к чему», которая занимает шестое место среди знаменитых десяти категорий Аристотеля (Aristoteles 1949: 4). Это отношение являет способ, через который одна вещь связана с другой и позволяет обосновать корреляцию образа со своим прообразом. И здесь неважно, образ ли это херувима или языческого тельца: они используют одинаковую связь со своим первообразом. Изображение херувима коррелирует с самим херувимом, а изваяние тельца — с демонической силой.

Заключение

Суммируя основные мысли св. Никифора, которые он высказал в защиту изобразимости ангелов, следует выделить несколько основных линий его аргументации. Отправная предпосылка рассуждений святителя заключалась в том, что иконы обязательно должны иметь сходство со своим первообразом. Это сходство может быть основано не на внешности, которой нет у ангелов, а на их действии или энергии. Моисей, создатель первого изображения ангелов, не мог его выдумать самостоятельно или увидеть в видении в виде пророческого символа. Первое изображение ангела появилось благодаря действию самого ангела, который набросал рисунок, что и позволило Моисею создать фигуры херувимов над Ковчегом Завета. Соделанные Моисеем херувимы были точной копией того самого рисунка от ангела и несли в себе функцию образа согласно аристотелевской категории отношения, по которой одна вещь связана с другой. Так, изображения ангелов, будучи созданными из вещества, имеют полное право называться подобиями и почитаться иконами.

Литература

- Baranov, V. A. 2020: [Angelology of Dionysius the Areopagite and John Damascene: a comparative analysis]. *Vestnik russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities] 21 (4–1), 184–197.
- Баранов В. А. 2020: Ангелология Дионисия Ареопагита и Иоанна Дамаскина: сравнительный анализ. *Вестник русской христианской гуманитарной академии* 21 (4–1), 184–197.
- Lur'e, V. M. (in collaboration with V. A. Baranov) 2006: *Istorija vizantijskoj filosofii: formativnyj period* [The History of Byzantine Philosophy: Formative Period]. Saint-Petersburg: Axiōma.
- Лурье В. М. (при участии В. А. Баранова) 2006: История византийской философии: формативный период. СПб.: Аxiōma.
- Nikifor Konstantinopol'skij 1904: *Tvorenija* [Writings]. Т. 2. Sergiev Posad: Типография Svjato-Troickoj Sergievoj Lavry.
- Никифор Константинопольский, свт. 1904: Творения. В 2 т. Т. 1. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.
- Aristotelis 1949: *Categoriae et liber de interpretatione*. L. Minio-Paluello. Oxford: Clarendon Press.
- Canisius H. 1601–1604: *Antiquae lectiones, [seu] monumenta ad historiam mediae aetatis illustrandam*. In 6 vols. Ingolstadii, vol. 4.
- Corpus Dionysiaca II: Pseudo-Dionysius Areopagita 1991: *De coelestis hierarchia, de ecclesiastica hierarchia, de mystica theologia, epistulae*. G. Heil, A. M. Ritter. Berlin: De Gruyter. (Patristische Texte und Studien 36).
- Declerck J. H. 2004: Les sept opuscules "Sur la fabrication des images" attribués à Nicéphore de Constantinople. *Philomathestatos: Studies in Greek and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday*. B. Roosen, B. Janssens, P. Deun. Louvain: Peeters, 105–164 (Orientalia Lovaniensia Analecta 137).
- Germanus I. 1865: *Epistulae dogmaticae*. *Patrologia graeca* 98.
- Nicephorus I. 1865: *Apologeticus maior pro sacris imaginibus*. In: *Patrologia graeca* 100. Paris.
- Giannopoulos B. N. 1973: I peri aggelon didaskalia tou Patriarchoy kai Omologitoy Nikiforou I [The teaching of the patriarch and confessor Nicephorus I on angels], *Theologia* 44, 312–338.
- Γιαννόπουλος Β. Ν. 1973: 'Η περί ἀγγέλων διδασκαλία τοῦ Πατριάρχου καὶ Ὁμολογητοῦ Νικηφόρου Α΄. *Θεολογία* 44, 312–338.
- Theodoros Stouditis 2006: *Logoi antirritikoi kata eikonomachon, kai stichoï tines iambikoi* [Words of defence against iconoclasts and some iambic verses]. K. I. Dalkoc. Athina: Indiktos. Θεόδωρος ὁ Στουδίτης 2006: *Λόγοι ἀντιρρητικοὶ κατὰ εἰκονομαχῶν, καὶ στίχοι τινὲς ἰαμβικοὶ*. Κ. Ι. Δάλκος. Ἀθήνα: Ἴνδικτος.

МЕТАФОРА «КНИГИ ПРИРОДЫ» («АЛФАВИТА ПРИРОДЫ») В ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО ПОНЯТИЯ «ЭЛЕМЕНТОВ» (στοιχεῖα)

Согласно общепринятой точке зрения, метафора ‘книги природы’ (*liber naturae*) впервые встречается в полемическом сочинении Августина против манихейца Фауста (398–400 гг.) и была изобретена им в контексте распространенной в поздней античности и средневековой теологии доктрины ‘двух книг’, *liber scripturae* (Библия) и *liber naturae*, в которой мудрость Творца раскрывается его творением. Оставляя в стороне узко-фразеологический подход к вопросу, следует сосредоточиться на концептуальном и семантическом содержании метафоры ‘книга природы’ (здесь и далее КП), допуская ее лексические варианты, и различать два основных и повторяющихся концептуальных типа метафоры КП: тип (I), которые можно условно назвать «эллинским» и тип (II), преимущественно иудео-христианский и патристический. Отличительной особенностью типа II является то, что он либо эксплицитно упоминает «две книги», либо говорит, что небеса, звезды и вся природа учат человечество познанию Бога, либо «прославляют» Его величие и мудрость (*Пс.* 19, 2 и т. д.). Отличительной особенностью типа (I) является грамматическая аналогия между природой и логосом (речью, текстом) с использованием таких терминов, как ‘деление’ (*διαίρεσις*), ‘слоги’ (*συλλαβαί*), а также ‘буквы’ (*γράμματα, στοιχεῖα*), ‘читать, слушать’ (*ἀναγινώσκειν, ἀκούειν*). Тип I встречается почти исключительно у греческих философов позднего архаического (Гераклит), классического (Демокрит, Платон) периодов и в более поздней платонической традиции (Плотин, Немесий). Помимо Августина и до него метафора КП типа (II) встречается у Каппадокийских отцов церкви Иоанна Златоуста и Григория Нисского, а также в более ранней греческой монашеской традиции, у Евагрия Понтийского (345–399), который приписывает ее Антонию Великому (251–356). Первым, кто объединил эллинский тип (I) с типом (II) и применил его к экзегезе Ветхого Завета (цитируя при этом Гераклита!), был Филон Александрийский, который, по всей вероятности, и был первоисточником патристической доктрины ‘двух книг’. В этой статье мы сосредоточимся на ранней, недостаточно изученной истории типа (I) и попытаемся показать, что изобретателем как самой метафоры КП, так и грамматической аналогии, с ней связанной, а также семиотической эпистемологии, известной как теория логоса,

был Гераклит около 490 г. до н. э., то есть примерно за 900 лет до Августина. Демокрит во второй половине V в. до н. э. адаптировал метафору КП к своей атомистической теории, сравнивая атомы с буквами, а их комбинации с литературными текстами. Платон излагает грамматическую аналогию Гераклита в модифицированной форме в «приснившейся» Сократу теории в 'Теэтете' и адаптирует ее к этимологии имени бога Пана в 'Кратиле'. В 'Тимее' Платон полемически использует против Демократа его же собственную аналогию, придавая статус элементарных 'букв' бестелесным геометрическим 'элементам', а не корпускулам. Конструктивным результатом критического диалога между Платоном и Демокритом стало появление важного научного и философского термина и понятия «элементов» (στοιχεῖα) в смысле простых (обычно мельчайших и неделимых) компонентов сложного целого. Результаты нашего исследования опровергают гипотезу Буркерт-Лагеркранца о происхождении термина στοιχεῖα из геометрии и подтверждают правильность объяснения Дильсом στοιχεῖα как изначальной метафоры, взятой из грамматики.

Ключевые слова: античная философия, древнегреческая философия, Гераклит, Демокрит, Платон, Августин, Филон Александрийский, античные теории языка, античные и средневековые толкования Библии, Ветхий Завет, античная онтология, античный атомизм, алфавитный принцип, понятие элементов.

A. V. Lebedev
anlebedev@gmail.com

The metaphor of 'book of nature' (or 'alphabet of nature') in the Greek philosophy and the origin of the philosophical concept of 'elements' (στοιχεῖα)

According to the generally accepted point of view, the metaphor of 'book of nature' is for the first time attested in the polemic essay of Augustine against the Manichaean Faustus (written c.398–400 A.D.) and was invented by him in the context of the creationist doctrine of «two books», popular in late antiquity and medieval theology, the *liber scripturae* (Bible) and *liber naturae*, in which the wisdom of the Creator is revealed by his creation. Leaving aside a narrow-phraseological approach to the issue and allowing a lexical variety in the formulation of the same conceptual metaphor, one should focus on the conceptual and semantic content of the metaphors 'book of nature' (hereinafter BN), and distinguish between two main and recurrent conceptual types: type (I), which can be conventionally called «Hellenic» and type (II), represented mainly in Judeo-Christian and Patristic authors. A distinctive feature of type II is that it either explicitly mentions «two books», or says that heaven, stars and all nature teach humanity the knowledge of God, or «glorify» his wisdom (*Psalms* 19.2 and etc.). A distinctive feature of type (I) is the grammatical

analogy between nature and the *logos* (speech, text) employing terms such as ‘division’ (διαίρεσις), ‘syllables’ (συλλαβαί), as well as ‘letters’ (γράμματα, στοιχεῖα). Type I is found almost exclusively in the Greek philosophers of the late archaic (Heraclitus), classical (Democritus, Plato) periods and in a later Platonic tradition (Plotinus, Nemesius). Both around the same time and before Augustine, the metaphor of the type (II) is found in Cappadocian fathers John Chrysostom and Gregory of Nyssa, as well as in an earlier Greek monastic tradition of Evagrius Ponticus (345–399), who ascribes it to Anthony the Great (251–356). The first who combined the Hellenic type (I) with type (II) and applied it to the exegesis of VT was Philo Alexandrinus, who in all probability was the original source of the Patristic doctrine of ‘two books.’ In this article, we will focus on the understudied early history of the type (I) and will try to show that the inventor of both the BN metaphor and the grammatical analogy associated with it, as well as of the semiotic epistemology based on them (known as the theory of the *logos*), was Heraclitus *circa* 490 BC, that is, about 900 years before Augustine. Democritus in the second half of the 5th century adapted it to his atomic theory, comparing single atoms with letters and their combinations with literary texts. Plato expounds Heraclitus’ grammatical analogy in a modified form in the ‘dream theory’ of *Theaetetus*, and alludes to it in the etymology of the name of Pan in the *Cratylus*. In the *Timaeus* Plato polemically turns against Democritus his own analogy by reassigning the status of elementary ‘letters’ to incorporeal geometrical ‘elements’ rather than to physical bodies. The constructive result of the critical dialogue between Plato and Democritus was the emergence of the important scientific and philosophical concept of «elements» (στοιχεῖα) in the sense of simple (often smallest and indivisible) components of a complex whole. The results of our study refute the Burkert-Lagerkranz hypothesis of the origin of this term from the geometry and confirm the correctness of Diels’s explanation of στοιχεῖα ‘elements’ as originally metaphor from grammar.

Keywords: ancient Greek philosophy, Democritus, Plato, Augustine, Philon of Alexandria, ancient theories of the language, ancient and medieval interpretations of the Bible, the Old Testament, ancient ontology, ancient atomism, the alphabetical principle, the concept of elements.

Два различных типа метафоры ‘книги природы’: эллинский и иудео-христианский

По общепринятому мнению, метафора ‘книги природы’ впервые встречается в полемическом сочинении Августина против манихея Фауста (написанном в 398–400 гг.)¹ и изобретена им в контексте распространенной в эпоху поздней античности и в

¹ *Contra Faustum* 32, 20 (CSEL 25/1, 782) «*quasi legens magnum quendam librum naturae rerum*».

Средние века богословского учения о ‘двух книгах’ как источниках познания Бога: *liber scripturae* (Библия) и *liber naturae*, в которой мудрость Творца раскрывается в его творении². Эта точка зрения требует серьезных уточнений. Конкретное сочетание латинских слов *liber* и *natura* (в родительном падеже), может быть, действительно впервые засвидетельствовано в указанном пассаже Августина, но если подойти к вопросу не с узко фразеологической точки зрения, а с точки зрения истории идей, философских понятий и философских концептуальных (или когнитивных) метафор, следует во всех случаях придавать большее значение тождеству или сходству концептуального и смыслового содержания и, следовательно, допускать некоторое разнообразие в плане лексического выражения одной и той же идеи, теории или концептуальной схемы. С точки зрения философского смысла выражение *liber naturae* равнозначно выражению *liber mundi*, словосочетание βιβλίον τῆς φύσεως словосочетанию βιβλίον τοῦ κόσμου, а в некоторых вариантах, как мы увидим, слово βιβλίον заменяется синонимическими выражениями γράμματα, λόγος, ἔπη, φωνή или ‘*vox naturae*’ (Лукреций). Сам Августин в ряде мест других сочинений цитирует ту же метафору, формулируя ее по-другому³. Поэтому нам следует сосредоточиться на концептуальном и смысловом содержании метафоры ‘книга природы’, а не на ее словесном выражении. Необходимо различать два основных и повторяющихся концептуальных типа метафоры книги природы: тип (I), который можно условно назвать ‘эллинским’, и тип (II), преимущественно иудео-христианский и патристический. Отличительной особенностью типа II является то, что в нем либо прямо упоминаются ‘две книги’, либо говорится о том, что Небо, звезды и вся природа учат человечество познанию Бога, либо ‘прославляет Бога’, причем и в том, и в другом случае цитируется Ветхий Завет (Пс. 19,2 и т. д.). Отличительной особенностью типа (I) является *грамматическая аналогия* между природой и речью (языком, текстом, книгой, алфавитом и т. д.) с упоминанием таких терминов, как ‘деление’ (διαίρεσις), ‘слоги’ (συλλαβαί), ‘буквы’ (γράμματα, στοιχεῖα), ‘читать, слушать, внимать, понимать’. Тип I встречается почти исключительно у греческих философов позднего архаического (Гераклит), классического (Демокрит, Платон)

² Nobis 1971: 957; также Blumenberg 1981: 47–50; Drecoll, 2005, 45–48; Juurikkala 2021.

³ *liber orbis terrarum en. Ps. 45, 7 (CCSL 38, 522)*, *liber creaturae caeli et terrae Gen. litt. 5, 1 (CSEL 28/1, 137)* etc. Вопреки Juurikkala 2021: 5, трудно понять, каким образом упоминание метафоры книги природы в ‘Исповеди’ 13,15,17 может быть отделено от этой группы текстов: мудрость (*sapientiam*) и Слово Божие для Августина нераздельны.

периодов, а также и в поздней платонической традиции (Плотин, Немесий). Августин принадлежит к типу П. Теологическая метафора книги природы, сходная с метафорой Августина, засвидетельствована у Каппадокийских отцов церкви Иоанна Златоуста⁴ и Григория Нисского⁵, а также в более ранней греческой монашеской традиции у Евагрия Понтийского (345–399), который приписывает ее Антонию Великому (251–356). Когда Антония посетил в пустыне мудрец и спросил его, как он может жить без утешения книг, Антоний ответил: «Моя книга (βιβλίον), философ, есть природа (φύσις) творения, поэтому я могу читать слова Божии, когда захочу»⁶. От стандартного типа (Па) следует отличать редкий ‘астрологический’ вариант (Пб), в котором звезды являются предзнаменованиями (σημεῖα), а небесный свод — книгой с пророчествами о будущих событиях; этот вариант мы находим у Евсевия⁷. Совершенная версия типа (I) с полной грамматической аналогией и точным изложением лежащей в ее основе герменевтической концепции философа как ‘читателя’ символического языка Вселенной цитируется Синезием в ‘*De insomniis*’, вероятно, из неоплатонического источника (см. текст ниже), без упоминания о «двух книгах». Филон Александрийский в подробной аллегорической адаптации теории логоса Гераклита для интерпретации Книги Бытия 15:10 сначала превращает Моисея в гераклитовского философа, а затем обвиняет Гераклита в плагиате и краже «древнего открытия» Моисея, «толкователя книги природы» (ὁ τῶν τῆς φύσεως ἐρμηνεύς γραμμάτων, там же 213)⁸. Заметим, что словом γράμματα в греческом языке могли обозначаться не только буквы алфавита, но и письменные сочинения, книги (например γράμματα

⁴ *Ad populum Antiochenum homiliae*, 1–21; 49.112. [Еще до дарования людям Священного Писания Бог воспитывал человеческий род через свое творение и т.д.] διὰ τῆς κτίσεως ἐπαίδευσεν ἡμῶν τὸ γένος, οὐρανὸν ἐκτείνας καὶ εἰς τὸ μέσον προθεῖς, βιβλίον μέγιστον, καὶ ἰδιώταις καὶ σοφοῖς, καὶ πένησι καὶ πλουσίοις, καὶ Σκύθαις καὶ βαρβάροις, καὶ πᾶσιν ἀπλῶς τοῖς τὴν γῆν οἰκοῦσι χρήσιμον, βιβλίον πολὺ μείζον κτλ.

⁵ *De creatione hominis*, 41a καὶ ὁ κόσμος οὗτος ὅλος ὡσπερ τι βιβλίον ἔγγραφον ὑπαγορευόμενον τὴν τοῦ θεοῦ δόξαν τὴν ἀπόκρυφον ... διαγγέλλον κтл.

⁶ Evagrius Pont., *Practicus*, ch.92 τὸ ἐμὸν βιβλίον, φιλόσοφε, ἡ φύσις τῶν γεγονότων ἐστὶ, καὶ ἀρεστὶν ὅτε βοῦλομαι τοὺς λόγους ἀναγινώσκειν τοὺς τοῦ Θεοῦ.

⁷ Eusebius, *PE*, 6.11.65 τὰ σημεῖα, ἃ ἔταξεν ὁ θεὸς εἰς τὸ σημαίνειν ... παραπλησίως βιβλίῳ περιέχοντι τὰ μέλλοντα προφητικῶς ὁ πᾶς οὐρανὸς δύναται, οἰοῦναι βίβλος ὢν θεοῦ, περιέχειν τὰ μέλλοντα.

⁸ *Quis rerum divinarum* 207–214 = Heraclit. fr. 106b Leb.

Ξενοφώντας, Πλάτωνος)⁹. Поэтому в приведенном месте Филона γράμματα τῆς φύσεως трудно перевести иначе, как «книга природы». Это бесспорный случай употребления метафоры книги природы за 400 лет до Августина. Этот текст Филона является первым известным текстом, который связывает метафору книги природы с Пятикнижием и библейской экзегезой. Заметим, что в иудео-христианском употреблении слово τὸ γράμμα могло относиться к 'Закону' Моисея¹⁰. Учитывая огромное влияние сочинений Филона на патристическую экзегезу Ветхого Завета, можно предположить, что Филон был первоисточником более позднего патристического учения о совершенном согласии между *liber naturae* и *liber scripturae*. Таким образом, хотя Августин стал важнейшим источником этого топоса для Западной патристики и схоластики, он не был автором ни самой метафоры книги природы, ни учения о «двух книгах».

Принимая во внимание эти предварительные типологические различия, я теперь сосредоточусь на малоизученной ранней истории метафоры типа (I) и постараюсь показать, что автором как метафоры книги природы, основанной на тщательно продуманной грамматической аналогии, так и лежащей в ее основе семиотической эпистемологии, известной как теория логоса, был Гераклит ок. 490 г. до н. э., примерно за 900 лет до Августина, и что Демокрит во второй половине V в. до н. э. и Платон в IV веке до нашей эры вступили с Гераклитом в критический диалог, конструктивным итогом которого стало возникновение важнейшего научно-философского понятия 'элементов' (στοιχεῖα) в смысле простейших (часто наименьших и 'неделимых') составных частей сложного целого. Само собой разумеется, в эллинском варианте метафоры и грамматической аналогии не было и не могло быть учения о «двух книгах» хотя бы потому, что у греков в дохристианскую эпоху не было Библии. Но у Гераклита было противопоставление книги природы всем остальным, ложным книгам и учениям (поэтов и философов) как единственного источника познания истинного бога.

Гераклит

Согласно надежному свидетельству, книга Гераклита была разделена на три 'рассуждения' или главы: «О Вселенной» (λόγος περὶ τοῦ παντός), «О полисе» (λόγος πολιτικός) и «О богах»

⁹ LSJ, s.v. III,3. γράμματα Ζήνωνος, Πλάτωνος etc.

¹⁰ *Epist. Rom.* 2.27, cf. LSJ, s.v. γράμμα III,3. Ср. юридическое выражение κατὰ γράμμα (τοῦ νόμου) в классическом греческом языке.

(θεολογικός)¹¹. Предметом первой главы были метафизика и эпистемология (теория вселенского логоса), а также космология (теория ‘вечно живого огня’). Тема второй включала антропологию, этику и политику. Последняя глава содержала разрушительную критику греческого антропоморфного политеизма поэтов и народной религии, за которой следовала новая пантеистическая доктрина монотеизма, основанная на тождестве природы (φύσις) и бога. Научная революция в Милете в VI веке до н.э. породила ионийскую естественную историю (ἡ περὶ φύσεως ἱστορία) и первую эволюционную картину мира без участия антропоморфных богов мифопоэтической традиции. Гераклит, с одной стороны, испытал влияние милетской демифологизации природы: множественное число θεοί ‘боги’ в его языке, как и у стоиков, относится к стихиям и звездам, а не к гомеровским богам. С другой стороны, потомственный басилей и жрец мистерий Деметры Элевсинской обладал глубоким религиозным умом и был противником теории механистического объяснения происхождения космического порядка, воспринимая его как угрозу религии и морали. В своей полемике против милетской космогонии вихря он предвосхитил космологический аргумент ‘разумного замысла’ (intelligent design) и целесообразности в природе, который до сих пор используют противники Дарвина и теории Большого взрыва в пользу существования Творца: наш мир не был спонтанно создан космогоническим вихрем, поскольку в этом случае мы увидели бы не «прекраснейший мирострой» (κάλλιστος κόσμος), а «кучу мусора, рассыпанного как попало» (фр. 38Leb / B124DK). Регулярность космических циклов указывает на «Мудрое Существо» (τὸ Σοφόν) или божественный «Разум» (Γνώμη), который «управляет всей Вселенной»¹².

В отличие от Милетских физиологов, Гераклит в своей философии природы не давал этиологических объяснений явлениям природы. Его интересовал только «один и тот же порядок поведения всех существ»¹³, «божественный закон» меры и гармонии противоположностей, пронизывающий все сферы бытия — от

¹¹ Diogenes Laertius 9.5, источник Диогена — грамматик Диодот, автор комментария к его книге, ср. Lebedev 2014: 24–25.

¹² Читаем фр.140Leb/B41 так: Diogenes Laertius 9.1 ἐν τὸ Σοφὸν ἐπίστασθαι· Γνώμην ἥτε οἷη ἐκυβέρνησε πάντα διὰ πάντων — «Признавать только одно Мудрое существо: тот Разум, что один управляет всей Вселенной». ἥτε οἷη ἐκυβέρνησε scripsi, ἐπίστασθαι = *infinitivus quasi imperativus*, как в текстах законов.

¹³ Τρόπου κόσμος εἷς τῶν ζυμλάντων — один из вариантов названия книги Гераклита у Диогена Лаэртия 9, 12 — либо цитата, либо вполне аутентичное резюме содержания.

небесных светил до человеческих практик и ремесел (τέχναι). Во второй части своего трактата (λόγος πολιτικός), включавшем исследование человеческих «дел» (ἔργα), Гераклит выдвинул фундаментальный тезис «искусство подражает природе» (ἢ τέχνη μιμεῖται τὴν φύσιν) и привел многочисленные эмпирические свидетельства (τεκμήρια) из области многих искусств и ремесел; обширное подражание этой части книги Гераклита сохранилось в гиппократовском трактате *De diaeta* 1.11–24¹⁴. Согласно этому тезису, в своих технологических практиках (τέχναι, ἔργα) человек бессознательно «подражает» или воспроизводит «божественный закон» (θεῖος νόμος) гармонии и единства противоположностей. Наряду с искусствами музыки, живописи и др. в этом разделе второй главы Гераклит упоминал и искусство грамматики или письма (γραμματικὴ τέχνη):

[Arist.] *De mundo* 5.396b7 ff. = Гераклит. фр. 106Leb/cf. B10 ἴσως δὲ τῶν ἐναντίων ἢ φύσις γλίχεται καὶ ἐκ τούτων ἀποτελεῖ τὸ σύμφωνον, οὐκ ἐκ τῶν ὁμοίων, ὥσπερ ἀμέλει τὸ ἄρρεν συνήγαγε πρὸς τὸ θῆλυ καὶ οὐχ ἑκάτερον πρὸς τὸ ὁμόφυλον, καὶ τὴν πρώτην ὁμόνοιαν διὰ τῶν ἐναντίων σηηῆσεν, οὐ διὰ τῶν ὁμοίων. ἔοικε δὲ καὶ ἡ τέχνη τὴν φύσιν μιμουμένη τοῦτο ποιεῖν. ζωγραφία μὲν γὰρ λευκῶν τε καὶ μελάνων, ὠχρῶν τε καὶ ἐρυθρῶν, χρωμάτων ἐγκερααμένη φύσεις τὰς εἰκόνας τοῖς προηγουμένοις ἀπετέλεσε συμφώνους, μουσικὴ δὲ ὀξεῖς καὶ βαρεῖς, μακροὺς τε καὶ βραχεῖς, φθόγγους μίξασα ἐν διαφόροις φωναῖς μίαν ἀπετέλεσεν ἁρμονίαν, γραμματικὴ δὲ ἐκ φωνηέντων καὶ ἀφώνων γραμμάτων κρᾶσιν ποιησαμένη τὴν ὅλην τέχνην ἀπ' αὐτῶν συνεστήσατο. Ταῦτό δὲ τοῦτο ἦν καὶ τὸ παρὰ τῷ σκοτεινῷ λεγόμενον Ἡρακλείτω· **Συλλάβιες οὐλα {καὶ} οὐχ οὐλα, συμφερόμενον διαφερόμενον, συνᾶδον διᾶδον· ἐκ πάντων, {καὶ} ἐξ ἑνὸς πάντα.**

Οὕτως οὖν καὶ τὴν τῶν ὄλων σύστασιν, οὐρανοῦ λέγω καὶ γῆς τοῦ τε σύμπαντος κόσμου...μία διεκόσμησεν ἁρμονία.

«Надо думать, что природа стремится к противоположностям и из них, а не из подобного создает согласное целое. Например, она свела вместе мужчину с женщиной, а не существом одного пола (равно как и женщину), и сочетало первое согласие, соединив вместе противоположности, а не сходное. Похоже, что и искусство (τέχνη), подражая природе (φύσις), делает то же самое. Так искусство живописи, смешивая черные и белые, желтые и красные краски, создает изображения, соответствующие оригиналу. Музыка, смешав одновременно высокие и низкие, долгие и краткие звуки в разных голосах, создает единую гармонию. Грамматика, смешав гласные и согласные буквы, составила из них все словесное

¹⁴ Подробное обоснование см. Lebedev 2014, 27–42. 15 из 20 примеров различных искусств в *De diaeta* 1.11–24 засвидетельствованы во фрагментах Гераклита или в Гераклитовской традиции.

искусство (τέχνη). Именно об этом говорил и Гераклит по прозвищу Темный: «Слоги: звонкие и незвонкие /буквы/, сходящееся расходящееся, созвучное несозвучное, из всех /элементов/ — одно, из одного — все».

Так и все мироздание, то есть Небо и Землю, как и весь космос, упорядочила единая Гармония через смешение противоположнейших первоначал, смешав влажное с сухим, горячее с холодным, легкое с тяжелым т. д.»

Слова οὔλα οὐχ'οὔλα издатели и комментаторы Гераклита обычно понимали и понимают как ионийские формы от ὅλος «целое», а слово συλλάψεις (от глагола συλλαμβάνω «схватывать вместе»), как и различение συνάψεις (от συνάπτω «связывать, соединять») ¹⁵, — как абстрактный термин, означающий «связи», «соединения» ¹⁶. Первое возражение против этой интерпретации носит формальный и лингвистический характер: в греческом языке, как и в латинском, и в других индоевропейских языках, есть слово, обозначающее 'часть' (μέρος), которое в бесчисленных текстах сочетается со стандартным словом, обозначающим 'целое' (τὸ ὅλον καὶ τὰ μέρη). Зачем Гераклит заменил общеупотребительное слово 'часть' (μέρος) довольно странным и нигде больше не встречающимся (согласно TLG) выражением 'не-целое'? Второе возражение касается логической структуры всего текста. Перевод «целое и нецелое» приводит к довольно нелогичному порядку: сначала идет абстрактный метафизический принцип, затем два конкретных случая из разных ремесел (музыка, грамматика и, возможно, живопись) и в конце снова абстрактный метафизический принцип: диалектическая взаимозависимость «одного» и «всех вещей», т. е. всех составляющих элементов «одного». В метафизике Гераклита πάντα регулярно употребляется для обозначения множества вещей или явлений, воспринимаемых органами чувств, все они без исключения образуют пары противоположностей, которые разум мудреца объединяет в «единое» (ἕν). Чтобы устранить первое недоумение, я предлагаю истолковать οὔλα не как ионийскую форму слова ὅλος 'целый', LSJ οὔλος (A), а как омонимичное и этимологически несвязанное слово, связанное с речью (LSJ οὔλος B, fin. 3) в смысле «звучных и беззвучных букв», под которыми в архаической ионийской прозе Гераклита разумеются

¹⁵ Συνάψεις: Diels-Kranz 1951: I,153, 10 «Verbindugen: Ganzes und Nichtganzes»; Conche 1986: 433 «Nœuds : tous et non-touts».

¹⁶ Συλλάψεις: Kirk 1962: 170; «Connections: things whole and things not whole» (Marcovich, 1967: 105); «Graspings: wholes and not whole» (Kahn 1997: 84); «collections: wholes and not wholes» (Graham 2010: 59); «Zusammensetzungen: Ganzes und Nichtganzes» (Gemelli 2007: 305) etc. Это чтение, несомненно, *lectio difficilior*, абсолютный *haxax*.

‘гласные и согласные’, φωνήεντα καὶ ἄφωνα в более поздней стандартной терминологии, упомянутые прямо в парафразе гераклитовского изречения в предшествующем контексте цитаты. Как музыка конструируется гармоническим сочетанием высоких и низких звуков, так и грамматическое искусство гармоническим сочетанием ‘противоположностей’ — гласных и согласных. Редкое ‘звуковое’ значение слова οὖλος засвидетельствовано в «Илиаде» Гомера¹⁷ и «Гимне к Зевсу» Каллимаха¹⁸. Узус и лексическая семантика ранней ионийской прозы нередко отличаются от классической аттической прозы и койне, но сходятся с эпическим диалектом, имеющим ионийские корни. Слово σύλλαρις в данном случае означает ‘слог’, ионийский эквивалент аттического συλλαβή. Σύλλαρις — это ионийская форма аттического и койне σύλληρις, засвидетельствованного в гармонии и обозначающего ‘соединение’ звуков, которые «берутся вместе», то есть аккорд¹⁹. Как только мы примем эту интерпретацию οὖλα и συλλάρις, и согласие Гераклитовской цитаты с предыдущим контекстом, и внутренняя логическая связь фрагмента становятся безупречными: первая и третья пары противоположностей в дословной цитате соответствуют искусству грамматики и музыки соответственно, вторая может относиться к ‘гармонии’ цветов в искусстве живописи²⁰. Пара συνᾶδων διᾶδων ‘созвучное разноречное’ может относиться одинаково и к музыкальным нотам, и к просодии речи, ср. ὀξεῖς ἄμα καὶ βαρεῖς в парафразе фрагмента в контексте; в гомеровских схолиях οὖλον толкуется как ὀξύ, «пронзительный», т. е. высокий (см. прим. 16). Согласно Гераклиту, во всех вообще человеческих искусствах и ремеслах ‘гармония’ достигается синтезом противоположных, а не сходных элементов. Из трех приведенных наглядных примеров логически вытекает заключительное общее (абстрактное) правило и принцип: «из всех (частей-противоположностей) одно, из одного — все». Подражание Гераклиту в *De diaeta* I.23 дает дополнительные независимые подтверждения упоминания грамматического искусства у Гераклита: γραμματικὴ τοιόνδε· σχημάτων συνθέσεις, σημήϊα φωνῆς ἀνθρωπίνης,

¹⁷ *Il.* 17.756 οὖλον κεκλήγοντες, о пронзительном крике птиц, заметивших хищника. *Schol. Hom.* 17. 756a Erbse <οὖλον>· συνεστραμμένον, ὀξύ.

¹⁸ Гимн *In Jovem*, 52 οὖλα δὲ Κούρητές σε περὶ πρύλιν ὠρχήσαντο τεύχεα πεπλήγοντες («Куреты танцевали вокруг тебя боевой танец, громко (οὖλα) стуча оружием.»)

¹⁹ LSJ, s.v.1, *Nicom. Harm.* 8.

²⁰ Согласно возможному альтернативному объяснению, все три пары противоположностей в цитате могут описывать антитетическую природу букв (нот) и слогов (аккордов) одновременно в искусствах музыки и грамматики.

«Вот что такое грамматическое искусство: составление фигур, знаки человеческой речи». Здесь акцент снова делается на составлении (σύνθεσις) текста из начертаний (σχήματα) отдельных букв. Это дает дополнительное подтверждение (помимо контекста в *De mundo*) нашей интерпретации συλλάψεις как слогов, а слов οὔλα καὶ οὐχ' οὔλα как «звучные и беззвучные буквы», т. е. гласные и согласные. И поскольку грамматическое искусство подражает природе, то по Гераклиту строение речи или текста (γράμματα может относиться как к фонетическим звукам, так и к письменным знакам) подражает строению физического мира. Соотношение четырех элементов с четырьмя основными качествами (или «силами» δυνάμεις) было распространено в греческой физике и, скорее всего, было усвоено Гераклитом от Анаксимандра (Her. fr. 46Leb/B126). Объясняя смысл изречения Гераклита и содержащегося в нем тезиса о «природе-творце» и искусстве как подражании природе, автор трактата «О мире» проводит аналогию между «буквами и слогами» в грамматическом искусстве и элементарными физическими качествами «горячего и холодного, сухого и влажного» и т. д., другими словами, он приписывает Гераклиту теорию, согласно которой физические «элементы» — это «буквы», а их «соединения» — слоги гармоничного целого, своего рода космического текста или логоса.

Итак, мы установили, что среди различных аналогий между природой и искусствами, призванных доказать общий тезис «искусство подражает природе», во второй главе своего трактата Гераклит упоминал и искусство грамматики. В этой аналогии «буквы» соответствовали элементарным физическим качествам-силам (δυνάμεις), тогда как их комбинации или «слоги» соответствовали парам противоположностей, таким как «горячее и холодное», «влажное и сухое», «тяжелое и легкое» и т. д. Этот факт дает нам ключ к пониманию загадочного выражения «этот-вот логос» (λόγον τόνδε) в эпистемологическом введении первой главы «О Вселенной» (λόγος περὶ τοῦ παντός). В первой главе Гераклит исследовал природу Вселенной и описывал ее в метафорических терминах, заимствованных из грамматики (λόγος, ἔπη) и музыки (ἁρμονία). Идея параллелизма макрокосма и микрокосма, высшего (божественного) и нижнего (человеческого) царства является основополагающей для его философии. Изучая человеческие дела (ἔργα), — то, что люди делают в своих повседневных практиках и ремеслах, — он обнаруживает подражание (μίμησις) законам природы, а изучая происходящее в космосе (τὰ ἐν τῷ κόσμῳ γινόμενα), он обнаруживает, что природа (φύσις) ведет себя как мастер. Стоики усвоили это положение Гераклита в своем учении о φύσις τεχνίτης (natura artifex).

Книга Гераклита начиналась с призыва слушать «не его», а «этот-вот логос»:

ο. 1Leb./B 50 = Ипполит, Опровержение 9.9.1 οὐκ ἐμοῦ, ἀλλὰ τοῦ <δε τοῦ> λόγου ἀκούσαντας ὁμολογεῖν· σοφὸν ἐστὶν ἐν πάντα εἰδέναι.

«Слушая не мой, а этот вот логос, надо согласиться: мудрость в том, чтобы знать все как одно»²¹.

С конца XIX века значение термина 'логос' у Гераклита было и остается предметом нескончаемых дискуссий. Традиционное (восходящее к стоикам) толкование логоса как метафизического, теологического, космического и т. д. принципа или закона было впервые оспорено в 1892 году Джоном Бёрнетом, предложившим объяснить словосочетание «этот логос» в эпистемологическом введении как *this discourse of mine*, т. е. как простую ссылку Гераклита на свою книгу и ее доктринальное содержание. «Тривиальная» интерпретация Бёрнета оказалась достаточно влиятельной: она была принята в большинстве изданий фрагментов Гераклита с переводом в последние десятилетия²². Я критиковал эту интерпретацию с разных точек зрения и более подробно в других исследованиях²³. Вот только три основных возражения, которых достаточно, чтобы ее опровергнуть.

1) Во фр.1/B50 собственный логос Гераклита *противопоставляется* 'этому логосу'.

2) Глагол εἶναι 'быть' в греческом языке с наречиями времени и места может иметь только экзистенциальное, но никогда — верифицирующее (*veridical*) значение (как в русском 'так и есть'). Это правило делает невозможным перевод слов τοῦ δὲ λόγου τοῦδε ἐόντος ἀεὶ как «хотя это учение всегда верно». Гераклит говорит о вечном бытии божественного логоса в тех же терминах, в каких он говорит о вечном бытии божественного космоса во фр. 37/B30 (ἐστὶν ἀεὶ).

3) Тривиальная интерпретация Бёрнета противоречит впечатляющему консенсусу множества независимых древних читателей, имевших в своих руках полный текст книги Гераклита. Сразу за фундаментальным принципом Всеединства, следовала критика мнений толпы и ее ложных авторитетов (поэтов и других философов), которые все оказались неспособны вслушаться в этот логос и понять его.

Fr. 2Leb./B 1 = Sextus Empiricus, *adv. math.* 7.132 = Hippolytus, *Refutatio* 9.9.1

²¹ К тексту и интерпретации см. Lebedev 2014, 256–260.

²² Diels-Kranz 1951: I, 150 «der Lehre Sinn»; Marcovich 2001 (1967): 6, «of this truth, real as it is»; Kahn 1979: 30 «although this account holds true forever»; Conche 1998: 29 «de ce discours qui est toujours vrai», etc.

²³ Lebedev, 2017, 231–233; XXX, 2014, 61–71; 103–114; 256–277.

τοῦ δὲ λόγου τοῦδ' ἐόντος αἰεὶ ἀξύνετοι γίνονται ἄνθρωποι καὶ πρόσθεν ἢ ἀκοῦσαι καὶ ἀκούσαντες τὸ πρῶτον· γινομένων γὰρ πάντων κατὰ τὸν λόγον τόνδε ἀπείροισιν εἰκόασι, πειρώμενοι καὶ ἐπέων καὶ ἔργων τοιούτων, ὁκοίων ἐγὼ διηγεῦμαι διατρέων κατὰ φύσιν²⁴ καὶ φράζων ὅκως ἔχει. τοὺς δὲ ἄλλους ἄνθρώπους λανθάνει ὁκόσα ἐγερθέντες ποιοῦσιν, ὅκωσπερ ὁκόσα εὐδοντες ἐπιλανθάνονται.

«Но хотя это Слово (Логос) существует вечно, люди оказываются непонимающими его — и прежде, чем вслушаться в него, и вслушавшись однажды. Ибо, хотя все (люди) сталкиваются напрямую с этим Словом (Логосом), они подобны незнающим его, даже когда они пытаются (понять) такие слова и дела, как те, которые я излагаю, разделяя их в соответствии с природой и показывая, как они есть. Что касается остальных людей, то они не осознают то, что делают наяву, подобно тому, как они в беспамятстве о том, что делают во сне».

Слова γινομένων γὰρ πάντων κατὰ τὸν λόγον τόνδε содержат намеренную синтаксическую двусмысленность, которую регулярно использует Гераклит, подражая стилю оракулов Аполлона²⁵. Слово πάντων можно интерпретировать как родительный падеж либо от pl. neutrum πάντα «все вещи», либо от pl. masculinum πάντες «все люди». В первом прочтении текст будет означать «хотя все вещи происходят (или возникают) согласно этому логосу» (а). Во втором случае подлежащим к γινομένων станет ἄνθρωποι, и тогда γίνεσθαι κατὰ будет означать «оказываться лицом-к-лицу, сталкиваться с чем-то», а текст будет читаться как «хотя все люди встречаются или сталкиваются с ним» (б). Эта альтернативная возможность, судя по всему, осталась незамеченной в современной литературе, но ее заметил Марк Аврелий. Гераклит имел в виду и то, и другое, а Марк передает оба чтения в одной парафразе. В парафразе Марка я различаю первую и вторую возможность как (а) и (б) соответственно как в греческом тексте, так и в переводе: αἰεὶ τοῦ Ἡρακλειτείου μεμνήσθαι· ὧι μάλιστα διηλεκτῶς ὁμιλοῦσι λόγοι (б) τῶι τὰ ὅλα διοικοῦντι (а), τούτοι διαφέρονται, καὶ οἷς καθ' ἡμέραν ἐγκυροῦσι, ταῦτα αὐτοῖς ξένα φαίνεται (б). «Всегда помни слова Гераклита: «с тем самым логосом, с которым они все время общаются (б) – тем, который управляет Вселенной (а), – они в разладе, и то, с чем они сталкиваются ежедневно, кажется им незнакомым (б)»²⁶. Дейктическое местоимение ὅδε указывает на «то, что у нас перед глазами», т. е. видимый мир (метафора книги

²⁴ διερέων κατὰ φύσιν Hippol.: κατὰ φύσιν διατρέων ἕκαστον Sext.

²⁵ О синтаксической полисемии у Гераклита см. Lebedev 2023: 726–732 с 15 примерами намеренной амбивалентности (р. 727–38), из их шесть — gen.pl. πάντων.

²⁶ fr. 3Leb/B 72–73 = Marcus Antoninus, IV, 46; p. 33, 21–24 Dalfen.

природы). Мы следуем редакции Ипполита, в которой слово ἕκαστον отсутствует. Редакцию Секста всегда выбирали сторонники физикалистской интерпретации Гераклита. В слове ἕκαστον они усматривали указание на то, что Гераклит якобы ставил своей целью объяснение природы «каждого» отдельного явления, как это делали милетские физиологи в своих этиологических объяснениях. Но согласно основному принципу монизма Гераклита ἕκαστον, т. е. единичное, не существуют или, во всяком случае, не обладает субстанциальной реальностью. Ипполит — лучший источник аутентичных фрагментов Гераклита в дословной передаче на ионийском диалекте. Секст же перемежает свои цитаты из фрагментов логоса Гераклита парафразами, пояснительными вставками и комментариями. В редакции Ипполита грамматическим объектом глагола «разделять» διαρέων является не «каждая отдельная вещь» (ἕκαστον), а «слова и дела» (ἔτη καὶ ἔργα), словосочетание, соответствующее «этому логосу» (λόγος ὅδε) в начале фрагмента. Это вариант метафоры «книги природы» (мир как текст), который требует чтения (вслушивания) и интерпретации. В то же время формула «слова и дела» в точности соответствует двойному предмету антропологии Гераклита: он изучает то, что люди «делают и говорят» (ποιοῦσι καὶ λέγουσι), т. е. их практики (технологические, ритуальные и др.), с одной стороны, и их поэзию, мифологию, законы (которые также являются логосами) и т. д. с другой. Итак, предметом книги Гераклита была не физическая наука, а сравнительное исследование «слов и дел» в божественной (космос) и человеческой (полис) сферах. Изучение «слов» ἔτη (слово, связанное с эпической поэзией) является предвосхищением его последующих инвектив против Гомера и поэтов, а изучение «дел» (ἔργα) предвосхищает анализ «ремесел» (τέχναι) во второй главе или λόγος πολιτικός. Результаты сравнительного изучения божественного (космического) и человеческого миров призваны продемонстрировать, что в своих «ремеслах» человек следует «божественному закону» (сам того не сознавая), тогда как в области поэзии (неразрывно связанной с мифологией), политики и религии люди «расходятся» или находятся в разладе с ним (τοῦτοι διαφέρονταί, в парафразе Марка). Отсюда следует, что греческое государство, законы, религия, искусство и даже язык должны быть реформированы, чтобы привести их в соответствие с божественным законом и природой (κατὰ φύσιν). Книга Гераклита по содержанию и задачам (хотя и не всегда по языку убеждения) имеет гораздо больше общего с «Государством» Платона, чем со стандартным ионийским трактатом «О природе». Глагол διαρέω в грамматических контекстах означает «разделение слов» или «пунктуацию» при чтении текста (LSJ, s.v. VI), синоним διαστίζειν, собственно «размечать точкой» (στίχη). Сплошное письмо, scriptio continua, как мы знаем, было

общепринятым как в надписях, так и в папирусах. Слово сочетание ἀκούειν τοῦ λόγου «слушать логос» двусмысленно: оно может означать как «слушать устное слово», так и «читать письменный текст», «понимать». В названии произведения Плутарха Πῶς δεῖ τὸν νέον ποιημάτων ἀκούειν «Как юноше следует слушать стихи» слово ἀκούειν означает «читать», «понимать». Стандартное слово в поздней аттической прозе, обозначающее «чтение», ἀναγιγνώσκειν, было неизвестно Геродоту и ранней ионийской прозе. Ионийское и поэтическое слово ἐγκυρέω, употребленное Гераклитом в другом эпистемологическом фрагменте (фр. 5Leb./B17), следовавшем в тексте сразу или вскоре после *incipit* фр. 1–2Leb, является синонимом стандартного аттического и общеупотребительного глагола ἐντυγχάνω «встречаться с чем-то». Этот глагол употреблялся в специальном смысле для «встречи» или «беседы» с книгой, т. е., для чтения. οἱ ἐντυγχάνοντες было довольно распространенным словом для обозначения «читателей» (LSJ, с. в. ἐντυγχάνω III). Отсюда следует, что во фр. 2Leb./B1 Гераклит опирается на алфавитную (грамматическую) аналогию, подтвержденную во фр. 106 Leb./B10, и объясняет свой философский метод как герменевтику (возможно, с мантическим подтекстом), как искусство чтения и интерпретации логоса Вселенной или «книги природы». Во фр. 1Leb./B50 он использует пророческую формулу οὐκ ἐμὸς ὁ λόγος «это не мое слово» (всегда в начале речи!), намекая на то, что его речь вдохновлена Аполлоном, как и речь Сивиллы во фр. 160eb./B92. Гераклит считал себя пророком Аполлона (отождествляемого с Солнцем, сердцем космоса) и, следовательно, приписывал свой главный метафизический тезис — закон тождества и гармонии противоположностей — самому Аполлону и символам его мудрости — луку и лире (фр. 29Leb./B 51).

Согласно IV письму Пс.-Гераклита, некий Эвтикл обвинил Гераклита в «нечестии» (ἀσέβεια) на том основании, что он якобы воздвиг себе жертвенник на Эфесской агоре с надписью ΠΡΑΚΛΕΙΤΩ ΕΦΕΣΙΩ, означающую «Гераклиту Эфесскому». Гераклит в своей апологии обвиняет Эвтикла в безграмотности (неправильное «деление» слов) и объясняет, что он имел в виду ΠΡΑΚΛΕΙ ΤΩ ΕΦΕΣΙΩ «Гераклу Эфесскому», а не «Гераклиту». Неправильный словораздел (διαίρεσις) приводит к смешению богов и людей²⁷. По алфавитной аналогии во фр. 106Leb./B10 «слоги» представляют собой сочетания противоположностей, и поэтому отдельные противоположности (как день и ночь и т. д.) соответствуют «буквам» космической книги природы. А так как, согласно метафизике Гераклита, во всем мире нет ни одной вещи, которая

²⁷ Heraclit. *Epistulae* IV.2.18–20 Taran: Ἡρακλεῖ ἐπέγραψα τῷ Ἐφεσίῳ πολιτογραφῶν ὑμῖν τὸν θεόν, οὐχ' Ἡράκλειτον.

была бы обособленной и не имела бы соответствующей пары (своей противоположности), то отсюда следует, что все вещи едины, потому что их имена интегрированы в единый «общий» логос. Наиболее детальное изложение гераклитовской теории космического логоса, сохранившееся в дошедших до нас источниках, изложение, сочетающее полную грамматическую аналогию с совершенным пониманием метафорического языка Гераклита, его «семиотической» теории познания и концепции философии как «искусства чтения» мирового текста можно найти у Синезия в 'De insomniis'. Синезий не цитирует Гераклита по имени, но его авторство удостоверяется заключительной дословной цитата фрагмента Гераклита о символическом значении лука и лиры Аполлона. Источником Синезия, вероятно, был Порфирий или другой неоплатоник, опиравшийся на аутентичный текст книги Гераклита. Этот отрывок остался незамеченным в современной литературе и является дополнительным подтверждением нашей реконструкции метафоры книги природы и теории логоса у Гераклита.

Синезий, De insomniis, 2. 40 = Heraclit., Fr. Probabilia, 7 Leb.

διὰ τοῦτο καὶ ὁ σοφὸς οἰκεῖος θεῶι, ὅτι πειρᾶται σύνεγγυς εἶναι τῇ γνώσει, καὶ πραγματεύεται περὶ νόησιν ἢ τὸ θεῖον οὐσίωται. Αὗται μὲν ἀποδείξεις ἔστων τοῦ μαντείας ἐν τοῖς ἀρίστοις εἶναι τῶν ἐπιτηδευομένων ἀνθρώποις. εἰ δὲ σημαίνει μὲν διὰ πάντων πάντα, ἅτε ἀδελφῶν ὄντων τῶν ἐν ἐνὶ ζώῳι, καὶ ἔστι ταῦτα γράμματα παντοδαπά, καθάπερ ἐν βιβλίῳι, τοῖς οὐσι, τὰ μὲν Φοινίκια, τὰ δὲ Αἰγύπτια, καὶ ἄλλα Ἀσσύρια, ἀναγινώσκει δὲ ὁ σοφός· σοφός δὲ ὁ φύσει μαθὼν· καὶ ἄλλος ἄλλα, καὶ ὁ μὲν μᾶλλον, ὁ δὲ ἥττον, ὥσπερ ὁ μὲν κατὰ συλλαβάς, ὁ δὲ ἀθρόαν τὴν λέξιν, ὁ δὲ τὸν λόγον ὁμοῦ· — οὕτως ὁρῶσι σοφοὶ τὸ μέλλον ἔστι γάρ τις ὡς ἐν συγγενείαι τοῖς μέρεσι καὶ διχόνοια· οὐ γάρ ἐστιν ὁ κόσμος τὸ ἀπλῶς ἓν, ἀλλὰ τὸ ἐκ πολλῶν ἓν. καὶ ἔστιν ἐν αὐτῷ μέρη μέρεσι προσήγορα καὶ μαχόμενα, καὶ τῆς στάσεως αὐτῶν εἰς τὴν τοῦ παντὸς ὁμόνοιαν συμφωνούσης, ὥσπερ ἡ λύρα σύστημα φθόγγων ἐστὶν ἀντιφώνων τε καὶ συμφώνων· τὸ δ' ἐξ ἀντικειμένων ἓν, ἁρμονία καὶ λύρας καὶ κόσμου.

«По этой причине мудрый сродни Богу, потому что он стремится приблизиться к нему в знаниях и изучает мышление, составляющее сущность божества. Пусть это будет воспринято как доказательство того, что искусство гадания является одним из самых возвышенных занятий человечества. Но если все вещи означают все через все, так как они соединены братским родством в единый живой организм, космос, и эти знаки подобны всякого рода буквам, написанным как бы в книге в самой действительности — одни финикийские, другие египетские, а иные ассирийские — тогда их читает мудрый, а мудрый — тот, кто научился у природы. Читают они по-разному, и один читает больше, другой меньше; один читает по слогам, другой по целому слову, а кто-то (схватывает) всю речь (логос) сразу. Так мудрецы

предвидят будущее, ибо при всем общем родстве вещей есть и разлад между частями: космос не просто один, но один из многих. И части его находятся одновременно и в согласии друг с другом, и в конфликте, и их раздор способствует всеобщему согласию подобно тому, как лира есть система звуков, разноголосых и согласных, а из противоположностей — единое, гармония лиры и космоса» (Гераклит. фр. 29Leb/B51).

Метафора ‘книги природы’ у Гераклита и теория ‘услышанная во сне’ Сократом в ‘Теэтете’ Платона

В платоновском «Теэтете» 201d Сократ предлагает Теэтету для обсуждения логико-эпистемологическую и онтологическую теорию элементарных первоначал всего сущего, которую он, по его словам, «слышал от кого-то во сне». В платоноведении она известна как «dream theory», ей посвящена обширная литература²⁸. Согласно этой теории, первые составляющие «всех вещей» (τὰ πρῶτα) подобны «буквам» (στοιχεῖα). Их можно только «назвать» (ὀνομάσαι), но они «не имеют логоса», так как логос по определению есть «сочетание имен» (σύνπλοκῆ ὀνομάτων). Эти элементарные «буквы» Мироздания не могут быть выражены в логосе и непознаваемы, но тем не менее могут быть восприняты органами чувств (τὰ μὲν στοιχεῖα ἄλογα καὶ ἄγνωστα εἶναι, αἰσθητά δέ). Кто является автором этой теории, почему Сократ говорит, что он «услышал ее во сне», и каково референциальное значение метафоры «букв» (т. е. о чем, собственно, идет речь в этой теории), — одна из величайших загадок Платонических штудий. Преобладающая атрибуция Антисфену «теории сновидения Сократа» не имеет серьезного документального обоснования и не объясняет загадочного упоминания о «сновидении». Аналогия с алфавитом как таковая не встречается ни в одном фрагменте Антисфена и не приписывается Антисфену эксплицитно в дошедших до нас источниках. Есть только одно упоминание о буквах и слогах в контексте аристотелевской полемики против отрицания некоторыми последователями Антисфена возможности определения²⁹. Метафора сновидения также не встречается во фрагментах Антисфена. Дильс (Diels 1899: 13) приписывал теорию сновидения Сократа Демокриту, но первоэлементы в теории сновидения Сократа даны нам

²⁸ Анализ теории сновидения Сократа в контексте эпистемологии самого Платона выходит за рамки этого исследования. Об это см., например, Oehler 1962: 34 слл.; Burnyeat 1990: 134 слл.; Sedley 2004: 153 слл.; Roecklein 2011: 177 слл.

²⁹ Arist. *Metaph.* 1043b4 ff. = Antisthenes fr. 44 A Declava Caizzi = Antisthenes fr. 150 Giannantoni.

только в ощущениях и непознаваемы разумом, а атомы Демокрита наоборот: недоступны ощущениям, но познаваемы только разумом. Столь же неубедительна атрибуция Пифагорейцам, предложенная Тэйлором в комментарии к «Тимею»³⁰.

Многочисленные булевские поиски в TLG в поисках текстов, содержащих ассоциацию грамматических терминов из теории сновидения Сократа со 'сном' (ὕπνος), 'сновидением' (ὄναρ, ὄνειρον) или 'спящими' (εὐδῶ, καθεὐδῶ etc.) не дают ни одного примера из всего корпуса греческих текстов, кроме самой теории сновидения Сократа из «Теэтета» и фрагмента Гераклита fr.2Leb./B1. Именно и только в этом фрагменте мы находим необычное сочетание грамматической аналогии между текстом и космосом, с одной стороны, и эксплицитного упоминания «спящих» (εὐδοντες) — с другой. У Гераклита метафора «спящих» (т. е. нефилософской части человечества) неразрывно связана с метафорой книги природы и понятием космического логоса. Нефилософская толпа (οἱ πολλοί) сравнивается со «спящими» именно потому, что они не способны правильно «читать» (слушать, внимать) книгу природы, а неумеющий читать — это тот, кто не знает алфавита (ἀγράμματος), и поэтому не знает, как надо правильно соединять буквы в слоги, и слоги в разумную речь (логос). 'Спящие' — лишь одна из серии метафор, которыми Гераклит иллюстрирует когнитивную ущербность обыденного сознания (доксы) и поэтической лжи, в которой масса воспитана. Гераклит также сравнивает 'непонимающих' (ἄβουετοι) с 'глухими', лишенными слуха (fr.9/B34), с варварами, которые не понимают греческую речь, хотя и слышат ее (fr.19/B107), с сомнамбулами и страдающими священной болезнью (ἱερὰ νόσος, fr.8/B46), наконец с 'бесноватыми', утратившими членораздельную речь и заменившими логос нечленораздельными выкриками в вакхической фаллофории (μαίνονται καὶ ληναῖζουσι, fr.148/B15).

По всей вероятности, Сократ в теории сновидения парафразирует и развивает метафору книги природы и грамматическую аналогию из эпистемологического вступления книги Гераклита, т. е. наши фрагменты 1–2 Leb (B50, B1 DK) и их ближайший контекст. Упоминание о «сне» как источнике представляет собой ироническую ссылку на метафору «спящих» в оригинале Гераклита. По словам Гераклита, ни один человек до него не сумел правильно разделить и прочитать вселенский логос, потому что интеллект толпы погружен в доксический «сон» наяву, вызванный «влажностью» «варварских душ». Сократ иронически замечает, что и он также, как и все смертные, и «спящий», и поэтому «услышал» эту теорию сквозь сон. Если это так, то «буквы» или

³⁰ Taylor 1928: 308, следуя L. Campbell.

«элементы» (στοιχεῖα) в теории сновидения Сократа можно с высокой степенью вероятности отождествить с физическими элементами или элементарными «силами» (δυνάμεις на языке пятого в. до н. э., πάθη на языке Аристотеля), такими как «горячее и холодное, сухое и влажное», которые в физике Гераклита подвержены постоянному взаимопревращению противоположностей в годовом и космическому цикле Великого года (fr.46/B126), как и соответствующие им четыре *maxima membra mundi*: Огонь, Престер (Ветер), Море и Земля в фр. 43–45Leb/B31DK.

Аналогия между атомами Демокрита и буквами алфавита приводится Аристотелем в двух местах. В месте из ‘*De generatione*’ мы читаем, что в результате перестановки и рекомбинации атомов, один и тот же набор атомов «является» разным субъектам восприятия в различном виде, подобно тому, как «из одних и тех же букв образуются трагедия и комедия»³¹. В ‘*Μεταφυσικῆς*’ Аристотель сообщает, что атомисты сводят все качественные различия между вещами к трем основным различиям в форме, порядке и положении атомов; сами атомы вообще не обладают никакими чувственными качествами, а только формой и размером и состоят из однородной материи. Эти три различия в атомном строении сложных тел иллюстрируются аналогией с буквами алфавита: «Буква А отличается от N формой, AN от NA порядком, а от H положением»³². Аристотель цитирует термины Демокрита в оригинальной абдерской форме ионийского диалекта V в. до н. э. (ῥυθμός «форма», τροπή «поворот», δια-θιγή «взаимоконтакт») и «переводит» их в привычные формы аттической прозы IV в. до н. э. σχῆμα, θέσις, τάξις. В обоих сообщениях Аристотеля алфавитная аналогия Демокрита состоит всего из двух элементов: букв алфавита на иконическом уровне и отдельных атомов на референтном уровне значения. Никакие «слоги» не упоминаются, как у Гераклита и Платона; есть только буквы (γράμματα), соответствующие атомам, и тексты (трагедия или комедия),

³¹ DK 67 A 9 = Arist. *gen. corr.* 315.11 ff.: τὰ σχήματα ἅπειρα ἐποίησαν, ὥστε ταῖς μεταβολαῖς τοῦ συγκειμένου τὸ αὐτὸ ἐναντίον δοκεῖν ἄλλῳ καὶ ἄλλῳ, καὶ μετακινεῖσθαι μικροῦ ἐμμικνουμένου καὶ ὅλως ἕτερον φαίνεσθαι ἐνὸς μετακινηθέντος· ἐκ τῶν αὐτῶν γὰρ τραγῳδία καὶ κωμῳδία γίνεται γραμμάτων.

³² Arist. *Metaph.* 985b4 ff. = Democrit. fr. 240, 241, 271 Luria (= 67A6 DK) τὰς διαφορὰς αἰτίας τῶν ἄλλων εἶναι φασιν· ταύτας μέντοι τρεῖς εἶναι λέγουσι, σχῆμά τε καὶ τάξιν καὶ θέσιν· διαφέρειν γὰρ φασὶ τὸ ὄν ῥυθμῶι καὶ διαθιγῆι καὶ τροπῆι μόνον· τούτων δὲ ὁ μὲν ῥυθμὸς σχῆμά ἐστίν, ἡ δὲ διαθιγῆι τάξις, ἡ δὲ τροπῆι θέσις· διαφέρει γὰρ τὸ μὲν Α τοῦ Ν σχήματι, τὸ δὲ ΑΝ τοῦ ΝΑ τάξει, τὸ δὲ Ι τοῦ Η θέσει. Ср. фр. 235 Luria с комментарием к фр. 271.

соответствующие различным видимым формам физических тел или веществ. С. Я. Лурье, вслед за Эриком Франком, предположил, что «слоги» также могли быть частью аналогии у Демокрита, но были опущены в резюмирующих изложениях Аристотеля: якобы, «слоги» у Демокрита были своего рода «молекулами», промежуточными комплексами, наподобие четырех традиционных «элементов», которые атомисты считали «смесями»³³. По нашему мнению, Аристотель ничего не упустил и нам следует принимать его свидетельства за чистую монету по следующим причинам.

1) Ни в каких источниках нет упоминания о «словах» в алфавитной аналогии у Демокрита. Предполагаемые анонимные рефлексы в христианских источниках (Исидор, Беда), цитируемые Лурье в комментарии к фр.241 — это расхожие грамматические сведения начального уровня, а не серьезная доксография. Единственное упоминание Филопона о συλλαβή ΣΩ в его комментарии не имеет основания в тексте Аристотеля и, вероятно, подсказано ему платоновским «Теэтетом» 203a8, где ΣΩ является примером бессмысленного слога, отделенного от имени Сократа.

2) Понятие слогов в алфавитной аналогии было введено Гераклитом для объяснения пар чувственных противоположностей, таких как горячее и холодное. В атомистической теории Демокрита чувственные качества не существуют как физическая реальность (ἐτεῆι), они порождаются субъективным чувственным восприятием (νόμωι).

3) Один из популярных «четырёх элементов», огонь, состоит из одного сферического атома, что несовместимо с «молекулярной» структурой.

4) Объяснение Демокритом вкусовых различий различием форм атомов (гладкое воспринимается как сладкое, колючее как кислое и т. д.) также говорит против молекулярных «слов», поскольку это специфическая форма одного определенного типа атомов определяет вкус, а не «молекулярное» сочетание разных атомов.

5) Согласно аналогии Демокрита, рекомбинация «одних и тех же букв» алфавита превращает трагедию (один логос) в комедию (другой логос), и точно так же из одного и того же набора атомов могут быть произведены разные сложные тела путем их механической рекомбинации. Эта «свободная рекомбинация» подразумевает, что все атомы Демокрита «свободны» в химическом смысле и не связаны «молекулярными связями» с некоторыми другими атомами. «Слоги» как промежуточные элементы между «буквами» и «логосами» засвидетельствованы и уместны в версиях аналогии у Гераклита и Платона, но они не засвидетельствованы в источ-

---

³³ Luria, 1979, 468–469, комментарий к фр. 241 Luria.

никах и неуместны в аналогии Демокрита и его атомистической теории.

Теория сновидения Сократа в «Теэтете» Платона не может относиться к Демокриту, так как простейшие «элементы» Демокрита не воспринимаются органами чувств, тогда как и у Платона, и у Гераклита они воспринимаются. Есть и второе отличие: у Демокрита простые элементы воспринимаются разумом (γνώμη или φρήν), тогда как у Платона они воспринимаются органами чувств (αἰσθητὰ μὲν), но не могут быть «познаны» (ἄγνωστα) и потому не могут составлять предмет знания (ἐπιστήμη). Напротив, у Платона «буквы» Вселенной «не имеют логоса». Точно так же, взятые по отдельности, а не интегрированные в двуединые пары противоположностей они лишены у Гераклита субстанциальности (автономного бытия), но принадлежат к доксическому уровню кажимости (τὰ δοκέοντα, τὰ φανερά = ἀπατηλά). Вполне возможно, что Демокрит, знавший книгу Гераклита, заинтересовался алфавитной аналогией, но преобразовал и переосмыслил ее в контексте своей атомистической физики. Гераклит отрицал реальность (субстанциальность) и самобытность «индивидуального» (ἴδιον), признавая лишь реальность (субстанциальность) «общего» (ξυρόν). Грамматическая аналогия в метафизике Гераклита служит именно этой цели: логос на иконическом уровне символизирует универсум на референциальном уровне. Это радикальная концепция холизма, строго говоря, исключая любую теорию «элементов» демокритовского типа. Философские системы Гераклита и Демокрита представляют собой классическую оппозицию между холистическим и атомистическим (= «алфавитным») принципами. Для Демокрита действительны и субстанциональны только элементарные «буквы», для Гераклита — только их интегральное целое или «логос», ошибочно «разделенный» поэтами и невежественной толпой (οἱ πολλοί). У Гераклита грамматическая аналогия логос/слоги/буквы, строго говоря, представляет собой не физическую, а логико-гносеологическую и мереологическую теорию, неразрывно связанную с его пантеистическим монотеизмом и пониманием бога как гармонии и тождества противоположностей. Наша реконструкция грамматической аналогии у Гераклита в известном смысле реабилитирует теологическую интерпретацию логоса Гераклита стоиками. По мнению Гераклита, универсальный Логос — это интегральное целое всех отдельных имен, слов, букв (четырёх стихий, животных и т. д.), тождественное пантеистическому богу. Однако между употреблением этого слова стоиками и Гераклитом есть одно тонкое, но значимое семасиологическое различие: логос у Гераклита не означает «разум» в смысле ментальной способности мышления (как νοῦς), в его эпистемологии логос всегда сохраняет исходное значение содержательного «слова» или осмысленной речи с «фонетической» коннотацией:

логос можно «слушать», интерпретировать, понимать или не понимать, следовать ему или нет («слушаться»). У Гераклита есть различные «ментальные» термины для обозначения «разума», «ума», «соображения», но логос стоит особняком от этой группы, в которую входят νόος, φρήν, φρόνησις, приснившаяся для божественного космического разума Γνώμη и τὸ Σοφόν. В отличие от этих ментальных терминов, логос у Гераклита является *коммуникативным* словом и понятием: за исключением нескольких случаев, когда логос означает количественную «меру» или «объем»³⁴, логос всегда «слышат» или «изрекают», будь то обычные люди, говорящие на собрании (φρ.131Leb/B114), философы, излагающие свои взгляды и теории в «книгах» или устных учениях, λόγοι (fr.139Leb/B108), или космический бог, который «говорит» на символическом языке природных явлений и процессов (οὔτε λέγει οὔτε κρύπτει, ἀλλὰ σημαίνει fr.27Leb.B93), таких как регулярность космических циклов и синергия всех ‘подданных’ ‘Зевсова Града’, таких как День и Ночь, времена года, звезды и элементы, которые все без исключения строго следует «божественному закону» (θεῖος νόμος fr.131/B114) гармонии и меры, не допуская лихоимства (πλεονεξία). Даже Солнце «не преступит положенных пределов», т. е. Летнее и Зимнее Солнцестояние, (τροπαί φρ. 56/B94), которые спасают человечество как от чрезмерной жары, так и от чрезмерного холода.

Еще одну незамеченную реминисценцию гераклитовской алфавитной аналогии можно найти в «Государстве» Платона, где Сократ сравнивает справедливость в полисе и справедливость в индивидуальной душе с одним и тем же словом, написанным «большими и маленькими буквам» (μικρὰ καὶ μεγάλα γράμματα): «большие буквы» ΔΙΚΑΙΟΣΥΝΗ легче читать, чем мелкие δικαιοσύνη, поэтому начинать следует с исследования справедливости в полисе³⁵. Платон использует традиционный топос парал-

³⁴ В фр. 45Leb/B31 λόγος моря означает «меру» или объем, в фр. 66/B45 космическая душа», тождественная с «бесконечным воздухом» Анаксимена, имеет «огромный объем» (βαθὸν λόγον), вопреки попыткам некоторых толкователей увидеть здесь интроспекцию и «открытие глубин духа» (Снелль).

³⁵ Plat. *rep.* 268d2: οἴαντες ἂν εἰ προσέταξέ τις γράμματα μικρὰ πόρρωθεν ἀναγνῶναι μὴ πάνυ ὄξυ βλέπουσιν, ἕλετά τις ἐνενόησεν, ὅτι τὰ αὐτὰ γράμματα ἔστι που καὶ ἄλλοθι μείζω τε καὶ ἐν μείζονι κτλ. Гераклит, вероятно, говорил об изоморфизме «больших и малых» элементов целого (μικρὰ πρὸς μεγάλα), ср. дословные совпадения в двух независимых подражаниях Гераклиту в контексте параллелизма микрокосма и макрокосма в трактате «О диете» и в «Гимне к Зевсу» Клеанфа: Ps.-Hippocrates, *De diaeta* 1.10: ἐνὶ δὲ λόγῳ πάντα

лелизма микрокосма и макрокосма, но адаптирует его к своей цели в «Государстве», заменяя физический макрокосм политическим. В теории естественного права Гераклита космическая справедливость ‘начертана’ в логосе (= γράμματα) видимой Вселенной, все законы, обычаи и практики в человеческих полисах зависят от «одного, божественного» закона, превосходящего их всех в своем могуществе³⁶. Именно благодаря своей коммуникативной природе космический логос у Гераклита становится божественным законом, этическим, политическим и религиозным императивом, стандартом того, как следует «поступать и говорить согласно природе» (ποιεῖν καὶ λέγειν κατὰ φύσιν) в частной, политической и религиозной жизни. Все это богатое семантическое содержание, составляющее саму суть философии Гераклита, теряется в современном позитивистском переводе логоса как «account», как «formula of things», «objective truth» и т. д. Как было сказано выше, древняя стоическая интерпретация логоса Гераклита, с некоторыми семантическими оговорками, была в целом правильной. Гераклит не отождествлял напрямую логос и φύσις, но скорее говорил о вселенском логосе как о «голосе природы» (ср. vox naturae у Лукреция)³⁷. Но в этических и политических фрагментах Гераклита, требующих «следовать общему логосу», в понимании логоса как этического императива, гераклитовское и стоическое употребление термина совпадают.

Адаптация гераклитовской метафоры ‘книги природы’ в этимологии имени бога Пана в «Кратиле» Платона

Контекст: этимология имени бога Пана, верхняя часть которого человеческая, а нижняя козлиная.

Plato, *Cratylus* 408c2 = Heraclit. fr. *probabilia* 3 Leb. {ΣΩ.} Οἷσθα ὅτι ὁ λόγος τὸ πᾶν σημαίνει καὶ κυκλεῖ καὶ πολεῖ ἀεὶ, καὶ ἔστι διπλοῦς, ἀληθὴς τε καὶ ψευδής. {ΕΡΜ.} Πάνυ

διεκοσμήσατο [...] τὸ πῦρ, ἀπομίμησιν τοῦ ὄλου, μικρά πρὸς μεγάλα καὶ μεγάλα πρὸς μικρά. Cleanth. *Hymn to Zeus*, 8–9 κοινὸν λόγον, ὃς διὰ πάντων φοιτᾷ μειγνύμενος μεγάλοις μικροῖς τε φέσσει, с вероятной этимологической игрой слов φῶς как ‘свет’ и как ‘муж, человек’ Один и тот же «всеобщий логос» проникает через всю Вселенную: «примешиваясь к большим и малым светам», т. е. к светилам и людям. Эти строки Клеанфа содержат также возможную реминисценцию фр. 75/B26 в нашей реконструкции, согласно которой человек-микрокосм регулярно «вспыхивает» утром и «угасает» вечером, подражая ритмам Солнца и Космоса.

³⁶ Heraclit. fr. 131 Leb./DK 22 В 114.

³⁷ Об этой незамеченной реминисценции гераклитовского логоса у в эпикурейской традиции (Lucret. III, 931–71) см. Lebedev 2017, 264.

γε{ΣΩ.} Οὐκοῦν τὸ μὲν ἀληθὲς αὐτοῦ λεῖον καὶ θεῖον καὶ ἄνω οἰκοῦν ἐν τοῖς θεοῖς, τὸ δὲ ψεῦδος κάτω ἐν τοῖς πολλοῖς τῶν ἀνθρώπων καὶ τραχὺ καὶ τραγικόν· ἐνταῦθα γὰρ πλεῖστοι οἱ μῦθοί τε καὶ τὰ ψεῦδη ἐστίν, περὶ τὸν τραγικὸν βίον.

{Сократ} Ты знаешь, что ‘логос’ означает ‘Вселенную’, что он вечно кружит, вращается, и что он двоякий: истинный и ложный.

{Гермоген} Знаю, конечно. {Сократ} Ну так вот, одна часть его истинная, гладкая и божественная, и обитает наверху среди богов, а ложная часть живет среди толпы людей, она грубая и козлиная. Ибо мифы и ложь связаны с этой областью и касаются трагической (= ‘козлиной’) жизни.

Седли (Sedley 2003, 96) переводит τὸ πᾶν как everything, но помимо того, что этот перевод неверен сам по себе, он также противоречит контексту, аллегорической интерпретации двух частей Пана как неба и земли, божественной и человеческой областей, которые в совокупности составляют Вселенную. Уже сама форма вопроса Сократа подразумевает аллюзию на некую известную теорию, в которой логос означает Вселенную.

Перед нами вторая у Платона незамеченная издателями фрагментов Гераклита реминисценция и адаптация метафоры λόγος ὅδε ‘этот-вот логос’. Адаптация к этимологии имени Пана вероятнее всего принадлежит Платону, а не Гераклиту, и имеет шуточный характер. И антитеза между λόγος ἀληθής и λόγος ψευδής, и соотношение истинного логоса с божественным миром (знанием), а ложного логоса с человеческой толпой (τοῖς πολλοῖς τῶν ἀνθρώπων) являются подлинными. Подлинна также связь ложного мира множественности с поэзией и мифом. «Трагизм» и козлоподобие человеческой толпы содержат намек и на осуждаемый Гераклитом культ Диониса (fr. 148/B15; 146/B14), и на осуждаемую самим Платоном трагическую поэзию и театр (*Resp.* X). По мнению Гераклита, поэты (Гомер и Гесиод) неверно истолковали космический логос, расчленив его на не имеющие смысла «буквы», вместо того, чтобы «схватывать их вместе» как слоги (συλλάψεις) одного и того же «общего» логоса. Результатом этой ошибки стало изобретение мифологии и антропоморфического политеизма, отрицаемого учением Гераклита о «едином» Мудром Существо, космическом «Разуме» (Γνώμη), который «отделен от всего», т. е. не имеет человеческого облика, страстей и т. д. (πάντων κενωρισμένον, фр.139Leb/B108). О нем свидетельствует правильно прочитанный вселенский Логос, то есть λόγος ἀληθής.

**Προисхождение абстрактного значения термина στοιχεῖα
‘элементы’ из метафоры «книги природы» или
«αλφавита природы»**

Результаты нашего исследования ранней истории грамматической или алфавитной аналогии в греческой философии актуальны для старой дискуссии о происхождении философского термина ‘элементы’ (στοιχεῖα) в абстрактном значении простейших основных составляющих сложного целого. Симпликий сохранил свидетельство Евдема о том, что Платон был первым, кто отличил в физике «элементарные начала» от других и присвоил таким началам имя στοιχεῖα³⁸. Не сразу понятно, что имеется в виду под «элементарными началами»: в предыдущем контексте Симпликий говорит о первых философах, изучавших «материальные и элементарные начала» (τὰς ὑλικὰς καὶ στοιχειώδεις ἀρχὰς [*in Phys.* 6.35]), но после цитирования Евдема он утверждает, что Аристотель, а до него Платон и пифагореец Тимей «рассматривали с более высокой точки зрения сами материальные причины», анализировали «телесную субстанцию» (σωματικὴ φύσις) и определили «первые элементарные начала» как материю и форму³⁹. В другом месте комментария Симпликий подразумевает под στοιχειώδεις ἀρχαί аристотелевскую триаду «материя — форма — лишённость» (ὑλὴ — εἶδος — στέρησις), которую он приписывает как Платону, так и Аристотелю, следуя различению Аристотеля в «Μεταφυσικῆ» между тремя «элементами» и четырьмя «причинами» или «началами»⁴⁰. В любом случае Евдем утверждает, что Платон был первым, кто ввел в физику термин στοιχεῖα. Сообщение Евдема может быть верным только в отношении слова στοιχεῖα, но не понятия элементов, поскольку аналогия, из которой происходит термин στοιχεῖα, является доплатоновской: как мы видели выше, она засвидетельствована для Гераклита и Демокрита, но они писали на ионийском диалекте, которому чуждо слово στοιχεῖον

³⁸ Eudem. fr. 31 Wehrli = Simpl. *in Ph.* CAG vol. 9, p. 7, 12 Diels: καὶ τοῖς φυσικοῖς καὶ γενητοῖς τὰς στοιχειώδεις ἀρχὰς τῶν ἄλλων διέκρινε (scil. Πλάτων) καὶ στοιχεῖα πρῶτος αὐτὸς ὠνόμασε τὰς τοιαύτας ἀρχὰς, ὡς ὁ Εὐδημος ἰστορεῖ.

³⁹ Simpl. *in Ph.* 7.23 ff.: αὐτὸς καὶ τὰς ὁμοιομερείας καὶ τὰ τέσσαρα στοιχεῖα διέλυσε καὶ αὐτὴν τὴν σωματικὴν φύσιν εἰς τε τὴν ὑλὴν καὶ τὸ εἶδος ἀνέλυσε, ὡς πρὸ αὐτοῦ Πλάτων καὶ πρὸ τοῦ Πλάτωνος ὁ Πυθαγορικὸς Τίμαιος, προσεχῆ μὲν τὰ τέτταρα στοιχεῖα ποιήσαντες, πρὸ ἐκείνων δὲ τὰ ἐπίπεδα, ἀρχὰς δὲ πρῶτας στοιχειώδεις τὴν ὑλὴν καὶ τὸ εἶδος. Burkert 2008: 109, прим. 85 цитирует место 6.35 passage, но пропустил 7.27.

⁴⁰ Arist. *Metaph.* 1070b23: στοιχεῖα μὲν τρία, αἰτίαι δὲ καὶ ἀρχαί τέτταρες.

как таковое, и поэтому употребляли общегреческое и принятое в ионийском диалект слово $\gamma\rho\acute{\alpha}\mu\mu\alpha\tau\alpha$ ⁴¹.

Слово $\sigma\tau\omicron\upsilon\chi\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$ существовало до того, как Платон и особенно Аристотель, превратили его в абстрактный термин, и использовалось преимущественно для букв алфавита наряду с синонимом $\gamma\rho\acute{\alpha}\mu\mu\alpha\tau\alpha$. Аристотель в своем «Философском словаре», Дельте Метафизики, ставит на первом месте употребление в грамматике, на втором в физике («элементы тел»), на третьем в геометрии (применительно к аксиомам в доказательствах теорем, $\delta\iota\alpha\gamma\rho\acute{\alpha}\mu\mu\alpha\tau\alpha$), на четвертом в логике: «некоторые называют элементами роды.» (*Metaph.* 1013b26 sq.). По мнению Дильса, философский термин возник как метафора из области грамматики и аналогии между буквами алфавита и простыми физическими элементами (Diels 1899). Вальтер Буркерт, вслед за Лагеркранцом, предложил альтернативное объяснение, утверждая, что Платон заимствовал этот термин и понятие «элементов» из геометрии. Швабе (Schwabe 1980: 104) считает, что существующие данные не позволяют сделать определенный вывод, но мы видели, что такие доказательства существуют и односторонне поддерживают грамматическую гипотезу Дильса. По гипотезе Буркерта, первоначально математический термин, уже приобретший абстрактное значение «основных первоначал», стал модным словом среди софистов, которые придали ему значение «*letzte Grundbestandteile des Systems*» и за которыми якобы последовали «школьные учителя», которые, в свою очередь, применили этот общий термин конкретно к алфавиту (Burkert 2008, 108). Во-первых, эта слишком спекулятивная гипотеза основана на сомнительной этимологии. Как справедливо указывает П. Шантрэн⁴², $\sigma\tau\omicron\upsilon\chi\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$ — производное от $\sigma\tau\omicron\upsilon\chi\omicron\varsigma$ ‘ряд’, как $\gamma\rho\acute{\alpha}\mu\mu\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$ от $\gamma\rho\acute{\alpha}\mu\mu\alpha$. Деривация от глагола $\sigma\tau\omicron\upsilon\chi\epsilon\acute{\omega}$ с предполагаемым изначальным значением ‘основы’ (*‘Grundlage’ Lagerkranz*) или, что еще удивительнее, ‘*Folgerungen*’ (Burkert), просто неверна. Во-вторых, нет свидетельств, подтверждающих три фазы этой гипотетической истории слова. Начнем с того, что термин $\sigma\tau\omicron\upsilon\chi\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$ никогда не употребляется в тексте самого руководства Евклида по геометрии, только в его названии во множественном числе. Вопреки утверждениям Буркерта, ни «определения» ($\delta\epsilon\omicron\iota$), ни «постулаты» ($\alpha\iota\tau\eta\mu\alpha\tau\alpha$), ни «аксиомы» ($\kappa\omicron\iota\nu\alpha\acute{\iota}$ $\acute{\epsilon}\nu\nu\omicron\iota\alpha$) никогда не цитируются и не упоминаются в тексте Евклида как $\sigma\tau\omicron\upsilon\chi\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$ в единственном числе. Евклид также написал $\kappa\omicron\nu\nu\acute{\iota}\kappa\alpha$ $\sigma\tau\omicron\upsilon\chi\epsilon\acute{\iota}\alpha$ (р. 227 Н.) и Μουσικῆ $\sigma\tau\omicron\upsilon\chi\epsilon\acute{\iota}\omega\varsigma$ (р. 283 Н.). Названия Στοιχεῖα , Στοιχεῖωσις и Εἰσαγωγή взаимозаменяемы и все имеют одно и то же значение

⁴¹ *Contra* Burkert 2007: 87 и прим. 27. Правильно Diels 1899: 17.

⁴² Chantraine 1968–1980: 1049.

элементарного введения и используются для учебников разных наук, а не только в геометрии.

Вопреки Буркерту (2008, 109), такие выражения как *στοιχεῖα τῶν ἀποδείξεων* мы находим впервые только у Аристотеля, но Аристотель употреблял термин в самых разных областях знания именно потому, что он уже стал абстрактным, поэтому употребление его в геометрических контекстах является вторичным, как и употребление в «Топике» применительно к топосам. Происхождение такого общего употребления становится ясным из ранних примеров, таких как Ксенофонт, *Comm.* 2.1.1 *σκοπῶμεν ἀρξάμενοι ἀπὸ τῆς τροφῆς ὥστερ ἂν στοιχεῖων* «Рассмотрим (вопрос воспитания юношей), начав с их питания, как с букв алфавита (*στοιχεῖα*)». Логика сравнения ясна: как обучение детей письму начинается с азбуки (*στοιχεῖα*), так их физическое воспитание надо начинать с питания. Трудно себе представить, чтобы — следуя логике Буркерта — Ксенофонт сравнивал детское питание с «элементарными геометрическими положениями» или «определениями», а не с *азбукой* образования. Нет никаких доказательств существования первых двух этапов, предложенных Буркертом, для употребления в V в. до н. э. термина *στοιχεῖα* в геометрии или древними софистами в абстрактном значении первооснов⁴³. Предполагаемая «адаптация» этого якобы уже абстрактного термина школьными учителями для алфавита также остается недокументированной. Стандартной фразой, описывающей их профессию, было «учить азбуке» *διδάσκειν γράμματα*, а не *στοιχεῖα*, и самих их в эпоху эллинизма в официальных документах многих греческих городов называли *γραμματοδιδάσκαλοι*⁴⁴. Напротив, переходный этап переноса грамматического термина для букв в философию природы и развития из него нового абстрактного значения несводимых элементарных первоначал сложного комплекса хорошо документировано в дошедших до нас аналогиях Гераклита, Демокрита и Платона, о которых говорилось выше.

Фактом фундаментального значения для истории слова *στοιχεῖον* является то, что это аттическое слово. Оно неизвестно ранней ионийской прозе. В тексте Геродота *γράμμα* встречается 34

⁴³ Единственный пример, приводимый Буркертом, — парадоксальный тезис софиста Эвтидема «кто знает буквы (*στοιχεῖα*), тот знает эпос», который из них состоит. Эвтидема цитирует Аристотель (*Rhet.* 1401a28). Но эта цитата подтверждает только грамматическое, но не геометрическое потребление термина в V в. до н. э.

⁴⁴ Правдоподобно, что этот термин употреблялся даже в греко-индийских царствах эллинистического времени, о чем может свидетельствовать сохранившийся в пали термин *lekḥācariyo*, явно переводного происхождения, ср.: Kazansky, Kryuchkova 2002.

раза, из них 14 в значении буквы алфавита, στοιχεῖον — ни разу (Powell, Lex. Her., 70). В *Corpus Hippocraticum* имеется только один пример⁴⁵. Изначальное общегреческое слово для обозначения букв было γράμματα. Современник Платона врач Филистион из Локр еще не знаком с новым термином IV в. до н. э. и озаглавливает свой трактат о четырех элементах Περί ἰδεῶν «О формах»⁴⁶, как не знакомы с ним в последней трети V в. до н. э. гиппократовские авторы трактатов *De natura hominis* (теория четырех элементов) и *De diaeta* (теория двух элементов, огня и воды). Поскольку στοιχεῖον — аттическое, а γράμματα — изначально общегреческое слово, гипотеза Дильса о том, что στοιχεῖα «буквы» происходит из профессионального языка аттических резчиков по камню V в. до н. э., когда стиль στοιχηδόν в надписях был распространен, остается привлекательной (Diels 1899: 60). Поэтому нет необходимости объяснять параллельное существование двух слов, обозначающих «буквы» в классическом греческом языке, постулируя происхождение одного из них из геометрии.

Примечательно, что в одном из первых засвидетельствованных случаев использования στοιχεῖα как термина для четырех элементов Эмпедокла в 'Тимее' Платон иронически замечает, что на самом деле они не могут считаться даже слогами, не то, что буквами⁴⁷. Влияние атомистической теории Демокрита на описание материального начала (ὑποδοχή, τιθήνη 49aб) в 'Тимее' Платона допускалось одними исследователями и отрицалось другими⁴⁸. Типологически и по существу, теории материи Демокрита и Платона полярно противоположны и несовместимы: Платон сам указывает на эту полярность и несовместимость в 'Гигантомахии' Софиста (246a4 sq.): бестелесные интеллигибельные формы (νοητὰ καὶ ἀσώματα εἶδη) противопоставляются 'твердой на ощупь' материи, за которой узнаются τὰ ναστὰ Демокрита (Lebedev 2023³: 166). Демокрит рассматривал 4 элемента Эмпедокла как «смеси» (кроме огня с его сферическими атомами), а не как элементарные тела, и поэтому *prima facie* не может быть мишенью критического замечания Платона о четырех элементах.

⁴⁵ Hippocr. *Mul.* 230: Πειρῶ δὲ φυσικὸς εἶναι, πρὸς τὴν ἀνθρώπου τὴν ἕξιν καὶ τὴν ἰσχὴν ὁρέων [...] στοιχεῖα δὲ σοὶ ταῦτά ἐστιν· ἡ δὲ θεραπεία τούτων ἐστὶν ἐν μέρει ἑκάστου κτλ. Значение слова στοιχεῖα в этом месте «основные правила».

⁴⁶ Philistion, T 4 Squillace.

⁴⁷ *Tim.* 48b5–c2. νῦν γὰρ οὐδεὶς πῶ γένεσιν αὐτῶν μεμύηκεν, ἀλλ' ὡς εἰδόσιν πῦρ ὅτι ποτέ ἐστιν καὶ ἕκαστον αὐτῶν λέγομεν ἀρχὰς αὐτὰ τιθέμενοι στοιχεῖα τοῦ παντός, προσήκον αὐτοῖς οὐδ' ἂν ὡς ἐν συλλαβῆς εἶδες ἰσχυρῶς ἐπὶ τοῦ καὶ βραχὺ φρονουῦντος ἀπεικασθῆναι.

⁴⁸ Gorey 2018: 105–118; Pitelloud 2021: 136–158.

Кроме того, в аналогии между атомами и буквами алфавита Демокрит скорее должен был употреблять общегреческое слово *γράμματα*, а не аттическое *στοιχεῖα*. Хотя у Эмпедокла была теория четырех элементов, он называл их «корнями» (*ρίζωματα*), а не *στοιχεῖα* (слово, невозможное в эпической поэзии). Едкое замечание Платона о «мелко мыслящем» (*βραχὺ φρονοῦντος*), который уподобляет или проводит аналогию (ср. *ἀλεκασθῆναι*) между физическими элементами и неделимыми «буквами», может быть отчасти направлено против Демокрита, если допустить, что Платон имеет в виду *концептуальную аналогию между атомами и буквами* алфавита, рассмотренную выше, и свободно заменяет *γράμματα* ионийской прозы Демокрита на аттическое слово *στοιχεῖα*. Но оппонентами Платона также могли быть последователи Эмпедокла среди врачей в IV в. до н.э., такие как Филистион.

Тем не менее, переключки платоновского описания докосмического состояния материи с характерными аналогиями Демокрита и их полемическая заостренность вряд ли могут быть случайными. Перечислим основные.

1) Ананка (Необходимость) в ‘Тимее’ — это полемически окрашенный образ, с аллюзией на ионийский натуралистический детерминизм, прежде всего Демокрита. Его не надо путать с религиозно окрашенным (эсхатологическим) образом персонифицированной Ананки-Судьбы у западных философов (Парменида, Эмпедокла) или у самого же Платона в 10-ой книге Государства. Вся космогония ‘Тимея’ является по существу историей романа между пифагорейским божественным Нусом (Разумом) и ионийской строптивой Ананкэ, которая сначала сопротивляется ему, но в конце концов покоряется («дает себя убедить»). Хотя о «необходимости» (*τὸ χρεῖον, ἀνάγκη*) космических процессов говорили Анаксимандр и другие ранние физиологи, именно в атомистической доктрине и космологии Демокрита это был ключевой термин. Закон причинной обусловленности всех событий, он же закон достаточного основания, впервые сформулирован в демокритовском фрагменте 22 *Lucia οὐδὲν χρήμα μάτην γίνεται, ἀλλὰ πάντα ἐκ λόγου τε καὶ ὑπ' ἀνάγκη* «Ничто не происходит случайно, но все в силу некоего основания и по необходимости»⁴⁹. В трактате Аристотеля *О небе* телеологическая полемика с механистическим детерминизмом Демокрита (принципа *ἀνάγκη καὶ βία*) также занимает важное место, хотя необхо-

⁴⁹ Ошибочно помещен в главу «Левкипп» в издании Дильса (67B2 DK). Имя Левкиппа означает только ссылку на «Большой мирострой» Демокрита, который Аристотель и Теофраст приписывали Левкиппу. О «Левкиппе» как псевдониме Демокрита см. Lebedev 2021: 141–142.

димости и насильственному движению противопоставлена скорее природа (φύσις), которую демонстративно игнорирует Платон.

2) Демокрит различал два вида познания, «законнорожденное и незаконнорожденное» (γνώμη γνησθή и γνώμη σκοτή), то есть «подлинное» посредством разума и «неподлинное» посредством ощущений⁵⁰. Атомы познаются только разумом. В ‘Тимее’ 52ab та же самая метафорика, но оценка прямо противоположная. ‘Третий род’ (τρίτον γένος), он же ‘кормилица’, ‘вместилище’, ‘лепная масса’, т. е. бесформенная материя, доступна лишь прикосновению «некой незаконнорожденной мыслью» (νόθωι τινι λογισμοῖ). Это выглядит как иронический полемический выпад против атомистической теории Демокрита: «незаконнорожденная» означает неподлинная, ложная.

3) Аналогия между разделением материи на тяжелые и легкие части, с одной стороны, и просеиванием зерна через сито другой в Tim. 52e–53a, находит общепризнанную параллель у Демокрита⁵¹, а также незамеченную у Ксенофана в несколько ином контексте (Lebedev 2022: 736–741).

4) Хотя грамматическая аналогия в греческой философии природы, как мы видели, восходит к Гераклиту, у Гераклита не было понятия корпускул. Первым, кто применил ее именно в корпускулярной теории материи был Демокрит. Поэтому само появление термина στοιχεῖα применительно к корпускулярной структуре в ‘Тимее’ может указывать на Демокрита как на один из возможных источников. При этом полемически подчеркивается, что вопреки Демокриту, настоящие στοιχεῖα — это не «твердые» тела, а «бестелесные» геометрические треугольники или линии.

5) Аналогия между материальным изменением и переплавлением разных фигур из одного и того же золота в «Тимее» 50a может иметь два до-платоновских источника, первый — Гераклит, фр.116Leb, второй — Демокрит, фр. 261 Luria ap. Arist. *De Caelo* 275b29 διόρισται μὲν γὰρ τοῖς σχήμασι, τὴν δὲ φύσιν εἶναι φασὶν αὐτῶν μίαν, ὅσπερ ἂν εἰ χρυσὸς ἕκαστος εἴη κεχωρισμένος. «Атомы различаются формами, а природа, как они говорят, у них одна, как если бы каждый из них был отдельным кусочком золота».

Платон намеренно придает описанию до-космического состояния материи в ‘Тимее’ некоторые узнаваемые черты φύσις ионийских физиологов и атомистов в полемических целях: акт demiургического творения, подчинения хаотической материи божественному Разуму одновременно символизирует победу телеологии над механистическим детерминизмом, пифагорейского

⁵⁰ Democr. Fr. 88 Luria = Sext. Emp. Adv. Math. VII, 138.

⁵¹ Sextus VII.117 = Democrit. Fr. 316 Luria = B164.

идеализма над ионийским натурализмом, Платона над Демокритом⁵².

В недавней работе Бриссона и Офмана с вызывающим заголовком *The mathematical anti-atomism of Plato's Timaeus* (Brisson, Ofman 2020) отрицается какая-либо связь космологии 'Тимея' с атомизмом, включая «математический» и «геометрический атомизм». Авторы ошибочно интерпретируют критическое замечание Платона о неприменимости термина *στοιχεῖα* к четырем стихиям (48b3-c2, см. цитату в прим. 45): «However, the interpretation of the four elements as letters or syllables is rejected by Timaeus» (op. cit. 6, p. 32). Бриссон и Офман принимают во внимание только критическую часть текста, но игнорируют позитивные теоретические импликации этого места. Эти слова Платона не являются отрицанием релевантности грамматической аналогии как таковой, они являются поправкой соотношения «букв» с традиционными 4 элементами и содержат намек на *правильное соотношение* с более «элементарными» единицами. Важнейшими для понимания позитивных импликаций этого замечания являются слова *οὐδ' ἄν ὡς ἐν συλλαβῆς εἶδεσιν*, то есть при правильном соотношении терминов грамматической аналогии со структурными элементами материи четыре стихии нельзя сравнивать «даже со слогами» так как они сложнее, чем слоги, то есть *состоят из слогов*. Правильные многогранники у Платона состоят из элементарных треугольников. Если треугольники — это слоги, то неделимыми буквами (*ἀδιαίρετα στοιχεῖα*) должны быть стороны треугольников или линии (*γραμμαί*). С таким пониманием согласуется свидетельство Аристотеля, в котором он приписывает теорию неделимых линий (*ἄτομοι γραμμαί*) Платону: Arist. Met. A9. 992a20–22 *τούτοι μὲν οὖν τῷ γένει καὶ διεμάχето Πλάτων ὡς γεωμετρικῶι ὄντι δόγματι, ἀλλ' ἐκάλει ἀρχὴν γραμμῆς — τοῦτο δὲ πολλακίς ἐτίθει — τὰς ἀτόμους γραμμάς*. «С этим родом (= точкой) полемизировал Платон на том основании, что это геометрическое понятие, но называл 'началом линии' — причем он полагал это неоднократно — неделимые линии». Слово «часто, неоднократно» (*πολλάκις*) в сочетании с имперфектом указывает на то, что Аристотель вспоминает здесь устные лекции Платона, на которых он неоднократно полемизировал со стандартной пифагорейской деривацией линии из точки. Слова *ὡς γεωμετρικῶι ὄντι δόγματι* содержат подлинный аргумент Платона, основание для его отрицания: точка — это условное понятие (*δόγμα*) геометров, она

⁵² Гатри очень точно говорит, что «космогония Тимея изображается Платоном как покорение Необходимости Разумом» «the cosmogony of Timaeus is represented by Plato as the conquest of Necessity by Reason» (Guthrie 1978: V, 287).

существует только в виде знака в чертежах, но она не может быть началом реальных протяженных величин, так как сама не имеет протяженности. Существует мнение, что именно после этой критики Платона слово $\sigma\tau\upsilon\mu\acute{\eta}$ для точки в геометрии изменили на $\sigma\tau\mu\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$, означающее просто ‘знак’⁵³.

Однако это не единственная возможность толкования данного места: теоретически «буквами и слогами» иконического уровня смысла могут соответствовать не только линии и треугольники, но и более элементарные единицы анализа, следующие стандартной пифагорейской системе деривации: предел и беспредельное или Единое и Неопределенная двоица «Неписанных учений» Платона. В пользу такого понимания говорит параллельное место в «Тимее» 53d: начала «более высокие», чем геометрические элементы, знает только бог или «друзья бога», т. е. философы. Тэйлор и Гатри убедительно отождествляют эти начала с пределом и беспредельным⁵⁴. Пифагорец Тимей в диалоге следует пифагорейской заповеди «не всем надо все говорить» ($\omicron\upsilon\ \lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\ \lambda\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\ \rho\eta\tau\acute{\alpha}$). Когда речь заходит о высочайших принципах, касающихся сферы божественного, он хранит молчание. Но секрет раскрывается в ‘Филебе’ (*Phil.*18b), где в похожих возвышенных выражениях говорится, что некий философский Прометей (намек на Пифагора) открыл людям божественный дар: пифагорейскую метафизику предела и беспредельного, на которой основано не только знание письма и счета (вся культура), но и учение о бессмертии души как неделимой и потому вечной субстанции.

Хотя корпускулы-многогранники в космологии ‘Тимея’ не являются атомами, так как в процессе превращения стихий разлагаются на два вида треугольников и снова синтезируются из них, сами треугольники *по своим функциям* ничем не отличаются от атомов Демокрита или других теорий материи, признающих неделимые элементарные частицы: в тексте ‘Тимея’ нигде не говорится о том, что в процессах материального изменения треугольники подвергаются распаду на линии и т. д., подобно тому, как распадаются и синтезируются многогранники. Будучи неделимыми ($\acute{\alpha}\tau\omicron\mu\alpha$), они являются «атомами» в греческом смысле этого слова, и при этом имеют геометрическую форму. Поэтому исследователи Платона, которые говорили и продолжают говорить о «геометрическом атомизме» Платона, не совершают никакой ошибки⁵⁵. Они правы, а возражения Бриссона и Оффмана несостоятельны. Если «при более высоком рассмотрении» ($\acute{\alpha}\nu\omega\theta\epsilon\nu$) об-

⁵³ У Аристотеля оба термина, но $\sigma\tau\upsilon\mu\acute{\eta}$ чаще. У Евклида, как у Платона, только $\sigma\tau\mu\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$, $\sigma\tau\upsilon\mu\acute{\eta}$ ни разу.

⁵⁴ Taylor 1928: 364; Guthrie 1978: V, 285.

⁵⁵ См., например, Gorey 2018; Pitelloud 2021.

наруживаются более фундаментальные первоначала, такие как «предел и беспредельное», то это уже первоначала метафизические, а не физические. Термины пифагорейско-платоновского языка *πέρας καὶ ἄπειρον* семантически точно соответствуют паре *μορφή καὶ ὕλη* на более позднем языке Аристотеля. Это прекрасно понимал Симпликий, когда говорил, что Аристотель, Платон и пифагореец Тимей «полагали ближайшими четыре элемента, до них — плоскости, а элементарными первоначалами — материю и форму» (*προσεχῆ μὲν τὰ τέτταρα στοιχεῖα ποιήσαντες, πρὸ ἐκείνων δὲ τὰ ἐπίπεδα, ἀρχὰς δὲ πρώτας στοιχειώδεις τὴν ὕλην καὶ τὸ εἶδος*, см. прим. 38–39).

Заключение

Наша реконструкция алфавитной аналогии у Гераклита и идентификация источника «теории сновидения» в ‘Тезтете’ Платона показывают, что Платон знал аналогию между буквами и космическими элементами как у Демокрита, так и у Гераклита. Изначальным источником грамматической и алфавитной аналогии в греческой философии природы был Гераклит. Его мотивы были главным образом теологические (неотделимые от метафизических и эпистемологических) и этико-политические. Такого сложного и насыщенного содержания этой метафоры нет ни у Демокрита, ни у Платона в ‘Тимее’, где аналогия между корпускулами и буквами имеет частный характер и связана только со структурой материи. Но Платон обнаруживает прекрасное понимание эпистемологического аспекта гераклитовской метафоры в ‘Тезтете’, а теологического в ‘Кратиле’: в обоих этих случаях грамматическая аналогия и метафора книги природы служат для экспликации структуры универсума, а не только материи, причем в образе Пана-Универсума-Логоса в ‘Кратиле’ очень точно схвачено гераклитовское понимание космоса как «общины богов и людей», а не как конгломерата физических элементов. По своим полемическим импликациям в теологии теория единого вселенского логоса Гераклита направлена против поэтов-мифотворцев, таких как Гомер и Гесиод, выдумавших множество человекообразных богов со всеми человеческими страстями, которые не могут быть нравственными учителями греков. Одновременно в философии природы она полемически направлена против механистического детерминизма и натурализма Милетцев. Космический Логос у Гераклита, помимо логического, эпистемологического и метафизического измерения, также важен с этической, политической и теологической точек зрения. Логос представляет собой своего рода божественный (космический) императив (*χρή*), требующий от людей ‘слушаться’, повиноваться, ‘следовать общему’ (*ἔλθεσθαι τῷ ζῴῳ*) и, преодолевая ‘особливый рассудок’ (*ιδίη φρόνησις*) и фантазии поэтов, подниматься на уровень философского знания

Всеединства (*πάντα ἕν*) и той единой мировой воли (*Γνώμη*), почитание которой должно объединить всех греков, по завету Фалеса, в единое федеральное государство для освобождения Ионии от рабства и победы над Ахеменидской империей. В определенном смысле поэтическая космология Гераклита и его семиотическая эпистемология (чтение ‘знаков’, *σηματα* в природе) была реставрацией картины мира греческих гадателей (*μάντιες*), развееянного научной революцией в Милете, но реставрацией в новой концептуальной философской форме. Искусство гадания (*μαντικὴ τέχνη*) вероятно, фигурировало в ‘технологическом’ разделе второй главы (фр. 123Leb/A20 DK). Космос Гераклита следует читать и интерпретировать как книгу или оракул, а не объяснять действием слепых механических сил. Гераклита также можно считать отцом герменевтики и семиотики. Он создал новую ‘философию понимания’, которая ничего не внесла в физическую науку, но внесла вклад в диалектическую, герменевтическую, экзистенциальную, этическую, психологическую, социологическую, политическую мысль, философию языка, философию техники и положила начало многовековой традиции естественной теологии в западной мысли.

Возможно, грамматическая аналогия и метафора книги природы были также «подказаны» Гераклиту пифагорейской теорией гармонии космоса, которую он хорошо знал. В ключевом тексте (фр.106Leb/B10) грамматическая аналогия идет в паре с музыкальной, так что элементы-буквы в первой соответствуют нотам во второй, а интегральное целое, логос, оказывается метафорическим синонимом гармонии. Все метафорические аналогии в технологическом разделе второй главы Гераклита обратимы, поэтому не только грамматика подражает природе, но и природа грамматике (поэтому ее можно читать); не только музыка подражает природе, но и природа музыкальна т. д. Музыкальная аналогия была хорошо известна Пифагору, на ней основана теория т. н. ‘гармонии сфер’⁵⁶. Пифагорейцы верили, что Пифагор обладал уникальным даром слышать божественную музыку космоса (‘голоса Сирен’). Гераклит, вероятно вступая с Пифагором в интеллектуальный агон и принимая вызов, объявил в самом начале своего сочинения, что он первый и единственный смертный, который не только ‘услышал’ вселенский Логос (то есть голос космического бога), но и понял его смысл. ‘Многознайка’ (fr.21/B40) и плагиатор египетской ‘Книги мертвых’ Пифагор (Her. fr. 22/B129) был таким образом поставлен на место. И Пифагор, и Гераклит, соревнуясь, оба притязали на роль пророка Аполлона. Кротонцы величали

---

⁵⁶ Термин более поздний, в ранних свидетельствах, в пифагорейских акустах говорится о ‘пении Сирен’, об этом см. Viltanioti 2015.

Пифагора Аполлоном Гиперборейским⁵⁷, а Гераклит считал себя учеником Аполлона-Солнца и новой Сивиллой⁵⁸.

Метафора 'книги природы' или вселенского Логоса, введенная в античную философию Гераклитом, оказалась одной из самых 'успешных' по цитируемости философских метафор в истории западной мысли на протяжении античности, Средневековья, Возрождения и Нового времени⁵⁹. Вплоть до научной революции XVI–XVII веков она продолжала служить целям естественной теологии, указанием на 'мудрость Творца' в природе и подтверждением библейского догмата о творении. Создатели Новой науки перестали смотреть на книгу природы как на копию другой книги, признали ее самоценной и вдохнули в эту метафору новую жизнь, сделав ее девизом-программой экспериментальной науки и опытного знания⁶⁰. Декарт в «Рассуждении о методе», часть.1: «Как только возраст позволил мне выйти из подчинения моим наставникам, я совсем оставил книжные занятия и решил искать только ту науку, которую мог обрести в самом себе или же в великой книге мира...»⁶¹ Галилей (ср.: Пробирных дел мастер = Il Saggiatore, 1623 г.) возродил пифагорейскую парадигму, провозгласив, что «книга природы написана языком математики». Но у семиотического метода в исследовании природы, альтернативного каузальному методу новой механистической науки, также нашлись сторонники в Новое время и даже в 20 веке. Близкие параллели к метафоре «логоса природы» Гераклита дают философские сочинения Беркли, который на основе концептуальной метафоры *liber mundi* развил свою теорию «универсального языка природы»⁶². Подобно тому как Гераклит противопоставляет причинному объяснению явлений природы в милетской физике свою 'семиотическую' эпистемологическую парадигму 'чтения' книги природы и интерпретации 'знаков' (ср. σημείων), так и Беркли противопоставляет принципу причинного объяснения в механистической науке Декарта 'scire per causas', свой собственный семиотический принцип 'scire per signa'. Анри Бергсон находит ключ к пониманию имматериализма Беркли в концепции материального мира как «языка, на котором говорит с нами бог» («une

⁵⁷ Aristot. fr.191. Возможно, его считали инкарнацией Аполлона Гиперборейского.

⁵⁸ Fr.27/B93, 28/B48, 29/B51, 30/B54.

⁵⁹ Vanderjagt, Berkel 2005; Berkel, Vanderjagt 2006.

⁶⁰ Jorink 2010 оспаривает эту точку зрения в отношении голландских естествоиспытателей.

⁶¹ Декарт, Р. Сочинения в 2 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 259. (= Философское наследие. Т. 106).

⁶² Brădăţan, 2006, 2006a.

langue que Dieu nous parle»). В отличие от этого взгляда, по мнению Бергсона, материалисты, «как бы выделяя каждый слог» (курсив мой, А. Л.) и объявляя его самостоятельной сущностью, «отвлекают нас от смысла» и «мешают нам следовать божественному слову»⁶³. Это выглядит почти как парафраза алфавитной аналогии Гераклита: логос (= универсум) реален и имеет смысл, а его разъятые отдельные элементы, ‘буквы’ и ‘слоги’ — нет. Неправильное деление (διαίρεσις) единого природного логоса порождает мнимые сущности (у Гераклита — отдельные противоположности).

Метафоры ‘книги природы’ и ‘алфавита природы’ у Гераклита, Демокрита, Платона и в других текстах, рассмотренных выше, не имеют прямого отношения к арифмологии пифагорейского толка, использованию алфавита в магии, изопсефизму и клеромантике. Это отдельная тема, о которой см., например, классическую работу Дорнзейфа (1910) или недавнее исследование об «альфанумерической космологии» и понятия στοιχεῖα в средневековой греческой и арабской традиции Асеведо (Acevedo 2020).

Библиография

- Acevedo, J. 2020: *Alphanumeric Cosmology from Greek into Arabic. The Idea of ‘Stoicheia’ Through the Medieval Mediterranean*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Bergson, H. 1959: *Œuvres*. Ed. A. Robinet, H. Gouhier. Paris: PUF.
- Berkel, Klaas van, and Arje Vanderjagt. 2006: *The Book of Nature in Early Modern and Modern History*. H. Blumenberg in *Die Lesbarkeit der Welt*, Frankfurt: Suhrkamp, 1981.
- Blumenberg, H. 1981: *Die Lesbarkeit der Welt*, Frankfurt: Suhrkamp, 1981.
- Brădăţan, C. 2006¹: George Berkeley’s ‘Universal Language of Nature’. In: *Berkel and Vanderjagt*, 69–83.
- Brădăţan C. 2006²: *The Other Bishop Berkeley: An Exercise in Reenchantment*, New York.
- Brisson, L., Ofman, S. 2020: The mathematical anti-atomism of Plato’s Timaeus. *Ancient philosophy*, in press.
- Burkert, W. 2008: ΣΤΟΙΧΕΙΑ. Eine semasiologische Studie. In: *Kleine Schriften*, VIII: *Philosophica*, 80–110. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Burnet, J. 1920: *Early Greek Philosophy*. London: Adam and Charles Black.
- Burnyeat, Myles. 1982: Idealism and Greek Philosophy: What Descartes saw and Berkeley Missed. *The Philosophical Review* 91/1, 3–40 (reprint. in Burnyeat [2012], vol. 1, 245–275).

⁶³ Bergson, 1959: 1356, цит. Brădăţan 2006: 71.

- Burnyeat, M. 1990: *The Theaetetus of Plato*. Indianapolis & Cambridge: Hackett.
- Cottingham, John et al. 1985: *The Philosophical Writings of Descartes*, vol. 1, Cambridge.
- Chantraine, P. 1968–1980: Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. I–IV (2). Paris: Klincksieck.
- Diels, H. 1899: *Elementum. Eine Vorarbeit zum griechischen und lateinischen Thesaurus*. Leipzig: Teubner.
- Diels, H. und Kranz, W. 1951: *Die Fragmente der Vorsokratiker*, Bd. I. Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung.
- Dornseiff, F. 1910: *Das Alphabet in Mystik und Magie*. Leipzig.
- Drecoll, V. 2005: «*Quasi Legens Magnum Quendam Librum Naturae Rerum*» (Augustine, c. Faust. 32:20): *The Origin of the Combination Liber Naturae in Augustine and Chrysostomus*, in Vanderjagt and Berkel, 2005, 35–48.
- Gallop, D. 1963: Plato and the Alphabet. *The Philosophical Review* 72/3, 364–376.
- Gorey, M. 2018: «Atomism and the receptacle in Plato's Timaeus». *Phoenix*, Vol. 72, 1–2, 105–118.
- Guthrie W. K. C. 1978: *A History of Greek Philosophy*. Vol. V. Cambridge.
- Helmont, Fr. M., 2007: *The Alphabet of Nature* ed. by A. Coudert, T. Corse. Leiden: Brill.
- Jorink, E. 2010: *Reading the Book of Nature in the Dutch Golden Age, 1675–1715*. Leiden: Brill.
- Juurikala, O. 2021: The Two Books of God: the Metaphor of the Book of Nature in Augustine. *Augustinianum* 2021, 1–13.
- Kahn, Ch. 1981: *The Art and Thought of Heraclitus*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kazansky N. N., Kryuchkova E. R. 2002: Middle Indian calque of a Greek Hellenistic term (Gk γραμματοδιδασκαλος — Pali *lekhācariyo*). In: *Colloquia classica et indogermanica*. 3. Studies in classical philology and Indo-European languages. SPb.: Nauka Publishing house, 407–418.
- Казанский, Н. Н., Крючкова Е. Р. Среднеиндийская калька древнегреческого термина? (др.-греч. γραμματοδιδασκαλος — пали *lekhācariyo*). In: *Colloquia classica et indogermanica*. 3: Классическая филология и индоевропейское языкознание = Studies in classical philology and indo-european languages. СПб.: Наука, 2002. С. 407–418.
- Kennedy, D. 2007: Making a text of the Universe. In: Monica R. Gale (ed.), *Oxford Readings in Classical Studies: Lucretius*, Oxford, 376–396.
- Lebedev, A. 2014: *The Logos of Heraclitus. A Reconstruction of His Thought and Word (With a New Critical Edition of Fragments)*. St.Petersburg: Nauka. [in Russian].

- Lebedev, A. 2017: The Metaphor of Liber Naturae and the Alphabet Analogy in Heraclitus' Logos Fragments. In: E. Fantino, U. Muss, Ch.Schubert, K. Sier (Hrsg.), *Heraklit im Kontext (Studia Praesocratica, v.8)*, Walter de Gruyter: Berlin; New York, 233–269.
- Lebedev, A. 2019: Idealism (Mentalism) in Early Greek Metaphysics and philosophical theology: v. XXIII ed. Nikolai Kazansky. Part II (pp. 635–1208). St. Petersburg: Nauka, 2019, 651–704
- Lebedev, A. 2020: «A study of conceptual metaphor in Heraclitus: metaphorical codes and models of the cosmos.» *Indo-European linguistics and classical philology XXIV*, ed. Nikolai Kazansky. St.Petersburg: Nauka, 843–884.
- Lebedev, A. 2021: «Democritus on Iranian magic and ancient religion». In: *Indo-European linguistics and classical philology — XXIV*, Kazansky N.N. (ed.). St. Petersburg, pp.129–149.
- Lebedev, A. 2022: Anaximander and the scientific revolution in Miletus in sixth century B.C. In: *Indo-European linguistics and classical philology — XXVI/2*, ed. by N.N. Kazansky. St. Petersburg: Nauka, 688–769.
- Lebedev, A. 2023: Greek philosophy as a reform and therapy of the ordinary language. *Indo-European linguistics and classical philology*, XXVII, ed. Nikolai Kazansky. St. Petersburg: Nauka, 705–756.
- Lebedev, A. 2023²: The Aegean origin and early history of the Greek doctrines of reincarnation and immortality of the soul, in: Bogdanovich. N. (ed.), *Myth, Ritual, Literature, Moscow (Миф, ритуал, литература)*, 238–299
- Lebedev, A. 2023³: Whom did Plato mean in the Parable of Gigantomachia over being (Sophist 246a4 ff.)? In: *Philologia Classica*, v.18, fasc.2, 154–169.
- Lloyd, G. 1966: *Polarity and Analogy. Two Types of Argumentation in Early Greek Thought*. Cambridge: Cambridge UP.
- Luria, S. 1970: *Democritea*. Leningrad: Nauka.
Лурье С. Я., Демокрит, Ленинград.
- Nobis, H. M. 1971: Buch der Natur. In: Joachim Ritter (ed.), *Historisches Wörterbuch der Philosophie*, vol. 1, Basel, 957–959.
- Parigi, S. 2011: Scire per causas versus scire per signa: George Berkeley and Scientific Explanation in Siris. In: Parigi Silvia (ed.), *George Berkeley: Religion and Science in the Age of Enlightenment*, London; New York: Springer. 107–122.
- Pitelloud, L. 2021: Atomism in Plato's Timaeus, in: Ugo Zilioli (ed.), *Atomism in Philosophy*, London, 136–158.
- Reinhardt, T. 2002: The Speech of Nature in Lucretius' *De Rerum Natura* 3.931–71. *The Classical Quarterly (New Series)*, 52/1, 291–304.
- Rochberg, Fr. 2004: *Heavenly Writing. Divination, Horoscopy and Astronomy in Mesopotamian Culture*, Cambridge: CUP.

- Ryle, G. 1960: Letters and Syllables in Plato. *The Philosophical Review* 69/4, 431–451.
- Schwabe, W. 1980: *Mischung und Element im Griechischen bis Platon. Wort- und begriffsgeschichtliche Untersuchungen, insbesondere zur Bedeutungsentwicklung von ΣΤΟΙΧΕΙΟΝ*. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann.
- Sedley, D. 2003: *Plato's Cratylus*, Cambridge: CUP.
- Taylor, A.E. 1928: *A Commentary on Plato's Timaeus*, Oxford.
- Vanderjagt, A., Berkel K. van (edd.). 2005. *The Book of Nature in Antiquity and the Middle Ages*. Leuven: Peeters.
- Viltanioti, I.-F., 2015: *L'harmonie des Sirènes du Pythagorisme ancien à Platon*. Boston; Berlin.
- West, M. 1971: *Early Greek Philosophy and the Orient*. Oxford: OUP.

А. В. Линько
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т. / МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия. lira1792@mail.ru

COMPOSITA И JUXTAPOSITA В АНТИЧНОЙ ТОПОНИМИИ КИЛИКИЙСКОЙ РАВНИНЫ: К ВОПРОСУ О ТОПОНИМИЧЕСКОМ КОНТИНУИТЕТЕ

В статье рассматриваются античные топонимы (преимущественно ойконимы) равнинной Киликии (Малая Азия) в сравнительно-историческом освещении. Предлагается классификация древнегреческих двусоставных топонимов, представляющих собой словосочетания, выделенная на основании синтаксических связей между компонентами синтагмы (на материале топонимов выбранного региона (Киликийская равнина), а также топонимов, представленных в микенских текстах, написанных линейным письмом Б). На основании произведенного анализа разновременных киликийских и микенских топонимов-словосложений, а также сопоставления основных типов топонимов *composita* и *juxtaposita* разных исторических этапов с использованием историко-сравнительного метода, делается предположение о преемственности описываемых словообразовательных моделей в древнегреческой топонимии, которая прослеживается с древнейших времен (сер. II тыс. до н. э.).

Ключевые слова: древнегреческая топонимика, словообразовательные модели, *composita*, *juxtaposita*, Киликийская равнина, микенские топонимы, топонимический континуитет.

A. V. Linko
Saint Tikhon's Orthodox University; Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia. lira1792@mail.ru

Composita and juxtaposita in the ancient toponymy of the Cilician Plain: on the question of continuity of ancient Greek toponyms

The article deals with ancient toponyms (mainly oikononyms) of Plain Cilicia (Asia Minor) in a comparative historical light. The classification of ancient Greek two-part toponyms, which are word combinations, is proposed, distinguished on the basis of syntactic connections between the syntagma components (based on the material of ancient Greek toponyms of the selected region (Cilician Plain), as well as toponyms represented in Mycenaean texts written in linear B). Based on the analysis of the discovered different-time Cilician and Mycenaean toponyms-word structures, as well as a comparison of the main types of *composita* and *juxtaposita* toponyms of different historical stages using the historical and comparative method, an assumption is being made about the continuity of

the described word-formation models in ancient Greek toponymy, which can be traced from ancient times (the middle of the II millennium BC).

Keywords: Ancient Greek toponomastics, word-formation models, composita, juxtaposita, Cilician plain, Mycenaean toponyms, continuity of toponyms.

Характерной черной античной топонимии Киликийской равнины римско-эллинистического периода является широкое распространение двучленных имен (топонимов-словосложений), образованных по модели «имя правителя (основателя династии, прозвище) с исходом на -ο / в родительном падеже + греческий элемент πόλις ‘город’» или «имя правителя + предлог + географический термин (ойконим, потамоним, пелагоним)». Традиционно первый тип данной топонимической модели связывается с более ранним способом образования топонимов от существительного, прилагательного¹, наречного элемента или предлога с помощью добавления элемента πόλις ‘город’ (Solopov 2009; Lindner 2008; Risch 1965). Для императорского периода А. И. Солоповым выделяется несколько словообразовательных моделей внутри этого типа: 1) «основа имени (сущ. или прил.) с исходом на -ο (вне зависимости от типа склонения) + -polis» (например, Sebastopolis), 2) «греческий генитив ед. или мн. ч. существительного + -polis» (например, Diospolis), 3) «греческое прилагательное в женском роде + -polis» (например, Neapolis), 4) «словообразовательный формант (не встречающийся в качестве основы слова) + -polis» / «предлог + -polis» (например, Callipolis, Antipolis) и 5) «другие падежи и грамматические формы + -polis» (например, Bergopolis, Carakivopolis, Persepolis) (Solopov 2009: 131). Наиболее распространенной моделью образования крупных городов в императорский период была первая («основа + -polis»), с которой конкурировала вторая модель «род. падеж существительного + -polis» (Solopov 2009: 141). При этом в приведенном списке названий городов, образованных от имен и титулов императоров и членов императорской семьи, не наблюдается строгой унификации: часть топонимов оформлена по первой модели (например, Ἰουστινι-

---

¹ А. И. Солопов отмечает, что в императорский период в греко-римской географической номенклатуре использовалось очень небольшое число прилагательных с определенной семантикой, например, ποῦος — uetus (Solopov 2009: 275).

ανόπολις, Iuliopolis, Claudiopolis, Flauiopolis, Hadrianopolis, Theodosiopolis), часть — по второй (например, Ἰουστινιανούπολις, Θεοδορούπολις, Τραιανούπολις, Iustinianoupolis Noua)². Второй тип именования городов представляет собой топонимические предложные конструкции, состоящие из сочетания имён эллинистических и, реже, римских правителей и предлога (πρὸς с дательным или винительным падежом, κατὰ с винительным падежом) с географическим наименованием — ойконимом, потаонимом, пелагонимом. Подобный способ номинации был употребителен в эпоху эллинизма и объясняется наличием омонимичных топонимов: килик. Καισάρεια ἢ πρὸς Ἀναζάρβω ‘Кесария-у-Аназарба’, Αντιόχεια ἢ πρὸς τῷ Σάρω ‘Антиохия-у-Сара’, Ἀλεξάνδρεια ἢ κατ’ Ἰσσόν ‘Александрия-у-Исса’, Σελεύκεια πρὸς τὸν Ἰστικὸν κόλπον ‘Селевкия-в-Исском заливе’, Σελεύκεια ἢ πρὸς τῷ Πυράμω ‘Селевкия-на-Пираме’.

Основой для образования некоторых рассматриваемых моделей топонимов, так называемых *juxtaposita* (юкстапозиты), являются словосочетания (синтагмы). Характер синтаксической связи между компонентами синтагмы позволяет выделить следующие типы юкстапозитов³ в киликийской топонимии:

1) атрибутивный (Ἀλήϊον πεδῖον ‘равнина блуждания, странствий’, Μυριανδικὸς κόλπος ‘Мириандинский залив’, Ἀλεξάνδρεια ἢ μικρά ‘Александрия малая’, Ἱερόπολις ‘священный город’, Ἀμανικαὶ Πύλαι ‘Аманские ворота’, Ἀργυρὸς ποταμὸς ‘Серебряная река’, Κιλικία πεδιάς ‘Киликия равнинная’);

2) детерминативно-предложный (Καισάρεια ἢ πρὸς τῷ Ἀναζάρβω ‘Кесария-у-Аназарба’, Αντιόχεια ἢ πρὸς τῷ Σάρω ‘Антиохия-у-Сара’, Ἀλεξάνδρεια ἢ κατ’ Ἰσσόν ‘Александрия-на-Иссе’, Σελεύκεια πρὸς τὸν Ἰστικὸν κόλπον ‘Селевкия-в-Исском заливе’, Ἱερόπολις ἢ πρὸς τῷ Πυράμω ‘Иерополь-на-Пираме’, Σελεύκεια ἢ πρὸς τῷ Πυράμω ‘Селевкия-на-Пираме’);

3) детерминативно-посессивный (Μοψουεστία ‘очаг Мопса’, Πομπηϊούπολις ‘город Помпея’, Ἰουστινιανούπολις ‘город

² Solopov 2009: 134–135.

³ Ср. по русской топонимии (Guselnikova 1996). Терминология принята и в западной традиции: нем. *Juxtaposita*, фр. *juxtaposés*, англ. *juxtaposed compounds*, ит. *giustapposizione*. В русской ономастической терминологии используется также термин «юкстапозитивное имя» (Podolskaya 1978: 169).

Юстиниана', Ἀὐγουστούπολις 'город Августа', Διοκαισάρεια 'Диоцезарей').

Детерминативно-предложный тип топонимов-юкстапозитов получил широкое распространение преимущественно в эллинистический период (обнаружен только один случай переименования города по этой модели в римский период — Καισάρεια ἢ πρὸς τῷ Ἀναζάρβῳ 'Кесария-у-Аназарба'). Детерминативно-посессивный тип был употребителен в императорский период, а также в доэллинистический и раннеэллинистический периоды⁴ (см. топоним Μοψουεστία 'очаг Мопса' — *FGrH*. 2b,115, F.103.30). Необходимо отметить, что, в целом, топонимы-юкстапозиты стремятся к переходу в композиты, когда окончание родительного падежа первого элемента топонима переосмысляется в соединительный гласный. Так, в источниках, наравне с Πομπηϊούπολις (Ptol. *Geogr.* V.8.4.5; App. *Mith.* 563.1), засвидетельствована форма Πομπηϊόπολις (Ptol. *Geogr.* VIII.17.43; D.C. *Hist. Rom.* 36.37.6.4; St.Byz. *Ethnica* 581.12; Eust. *In D.P.* 875.24), в латинских текстах Pompeiopolis (Plin. *NH.* V.92.4; Pomp. Mela. *De Chorogr.* 1.71.3). Подобный переход наблюдается и в других случаях (Ἱερόπολις < Ἱερὰ πόλις 'священный город' наряду с Ἱερόπολις). В представленной ниже таблице зафиксированы в хронологической последовательности в соответствии с первым упоминанием и расклассифицированы по словообразовательным типам все составные топонимы Киликийской равнины, засвидетельствованные в письменных, а также нумизматических и эпиграфических источниках⁵.

⁴ Согласно Ришу, подобная топонимическая модель появляется в V веке до н.э. и получает распространение преимущественно на востоке и в Египте (Risch 1965: 201). Впоследствии часто встречается в эллинистическое и римское время в названиях новых городов (Lindner 2008: 702).

⁵ Базовые работы: словарь топонимов Малой Азии Л. Згусты (Zgusta 1984), словарь гидронимов Малой Азии Й. Тишлера (Tischler 1977), словарь византийских топонимов Киликии и Исаврии Ф. Хильда и Х. Хелленкемпера (Hild, Hellenkemper 1990). В работе также были использованы основные корпуса древнегреческих (TLG) и латинских (PHI) текстов, охватывающие временные рамки с Гомера (VIII в. до н.э.) до падения Константинополя (XV в. н.э.). Кроме того, по возможности привлекались корпуса античных эпиграфических надписей и собрания античных монет (киликийские города появляются в

	Композиты		Юкстапозиты		
	Атематич. тип (нулевой интерфикс)	Тематический тип (интерфикс о-)	Атрибутивный тип	Детерминативно-посесивный тип	Детерминативно-предложный тип
Нач. I тыс. до н.э. – сер. VI в. до н.э.			<i>Ἀλήϊον πεδίον</i> ‘равнина блуждания, странствий’		
Са. 500–333 гг. до н.э.	<i>Ἀρχίαλος</i> ‘прибрежный’		<i>Μυριανδικὸς κόλπος</i> ‘Мириндинский залив’	<i>Μοψουεστία</i> ‘Мопсуэстия (досл. очаг Мопса)’	
Эллинистический период (333–103 гг. до н.э.)	<i>Μυριάδρος</i> ‘десятки тысяч людей’	<i>Ἱερόπολις</i> ‘Иерополь’	<i>Ἀλεξάνδρεια ἢ μικρά</i> ‘Александрия малая’ <i>Ἱεράπολις</i> ‘Иераполь (досл. священный город)’		<i>Ἀλεξάνδρεια κατ' Ἰσσόν</i> ‘Александрия-у-Исса’ <i>Ἀντιόχεια ἢ πρὸς τῷ Σάρῳ</i> ‘Антиохия-у-Сара’ <i>Ἱερόπολις ἢ πρὸς τῷ Πυράμῳ</i> ‘Иерополь-на-Пираме’ <i>Σελεύκεια ἢ πρὸς τῷ Ἰσικῶ κόλπῳ</i> ‘Селевкия-в-Исском заливе’ <i>Σελεύκεια ἢ πρὸς τῷ Πυράμῳ</i> ‘Селевкия-на-Пираме’

легендах греческих монет с V века до н.э.). См. Aulock 1964; Burnett, Amandry, Ripollés 1992; Cohen 1995; Dagron, Feissel 1987.

Римский период (103 г. до н.э. – 395 г. н.э.)		<i>Hadrianopolis</i> 'Адрианополь, город Адриана' <i>Νικόπολις</i> 'Никополь, город-победитель' <i>Πομπηϊόπολις</i> 'Помпейополь, город Помпея' <i>Φλαβιόπολις</i> 'Флавиополь, город Флавия'	<i>Ἀμανικαὶ Πύλαι</i> 'Аманские ворота' <i>Ἀργυρὸς ποταμός</i> 'Серебряная река' <i>Κιλικία πεδιάς</i> 'Киликия равнинная'	<i>Πομπηϊόπολις</i> 'Помпеюполь, Помпея'	<i>Καيسάρεια πρὸς Ἀναζάρβω</i> 'Цезарейя-у-Аназарба'
Византийский период (395–1080)		<i>Ἀύγουστόπολις</i> 'Августополь, город Августа'		<i>Ἀύγουστού-πολις</i> 'Августуполь (город Августа)' <i>Ἰουστινιανού-πολις</i> 'Юстиниануполь' <i>Διοκαιοσάρεια</i> 'Диоцезарейя'	

Таблица 1. Распределение типов композитов и юкстапозитов в античной топонимии Киликийской равнины⁶.

Э. Риш в статье «Ein Gang durch die Geschichte der griechischen Ortsnamen» на основании диахронического анализа древнегреческой топонимии выявляет основные словообразовательные модели топонимов, характерные для разных исторических периодов⁷. Так, в эпоху Великой греческой колонизации (VIII–VI вв. до н.э.) продуктивными словообразовательными моделями были теофорные топонимы (образованные от имен богов), такие как Ἀπολλωνία, Ἡρακλεία, Ποσειδωνία, с VI–V

⁶ Для исследования внешней структуры топонимов, помимо упомянутых выше работ (Busso 1980; Doria 1961; Lindner 2008; Risch 1965; Solopov 2009; Talbert 2000), важны также работы по русской топонимии и словообразованию, см., например: Guselnikova 1996; Koroļova 2022; Shvedova 1980.

⁷ Risch 1965. Подобный хронологический обзор, который включает в себя также микенские топонимы, см. Lindner 2008.

веков до н. э. в древнегреческой географической номенклатуре возникают и получают широкое распространение двусоставные топонимы (прилагательное + существительное), такие как Νέον Τεῖχος, Νέα Πόλις, Ὀλβία Πόλις, не ранее VI века до н. э. появляются также топонимы-компози́ты (первоначально – с приставками), такие как Ἀμφίπολις, и топонимы-юкстапозиты типа Ἡλίου Πόλις, повлиявшие на последующий процесс становления древнегреческой топонимии. Дальнейшее развитие античной географической номенклатуры эллинистическо-римского периода и её иерархическая структура отражены в диссертации А. И. Солопова. На материале топонимов императорского периода А. И. Солопов убедительно показывает, что важным принципом построения греко-латинской географической номенклатуры был принцип консерватизма и опоры на предшествующую традицию (Solopov 2009: 293). Вышесказанное дает основание думать, что с эпохи Великой греческой колонизации в античной топонимии отчетливо начинает прослеживаться общая тенденция к единообразию и унификации географической номенклатуры на территории греческого мира, которая привела к формированию в эллинистическо-римский период иерархически выстроенной системы именования городов. В данной статье приводятся результаты анализа сложных топонимов (компози́тов и юкстапозитов) Килиийской равнины в сопоставлении с соответствующими топонимами, представленными в микенских текстах, и предпринимается попытка установить преемственность в основных принципах построения античной географической номенклатуры с древнейших времен (сер. II тыс. до н.э.). Дошедшие до нас тексты, написанные линейным письмом Б, содержат порядка 400 топонимов и 140 этнонимов, большую часть которых не представляется возможным этимологизировать из древнегреческого языка. Из них около 20 топонимов (и 10 этнонимов) имеют относительно прозрачную этимологию (Bartoněk 2003: 400). Их можно разделить на две группы: 1) отапельлятивные простые топонимы в различных падежных формах, 2) двусоставные топонимы (Bartoněk 2003: 425). Рассмотрим подробнее основные типы микенских двусоставных топонимов.

Таблица 2. Распределение типов композитов и юкстапозитов в микенской топонимии⁸.

Композиты		Юкстапозиты	
Атематический тип (нулевой интерфикс)	Тематический тип (интерфикс -o-)	Атрибутивный тип	Детерминативно-посессивный тип
<i>a₃-ki-a₂-ri-ja</i> /Aigialia/ Αἰγιαλία ‘морской берег’ ⁹ <i>a-pi-ke-ne-a[</i> /Amphi- genea/ Αμφιγένεια < ἀμφι- + γένος ‘сомнительного происхождения (?)’ ¹⁰ <i>e-na-po-ro</i> /Enarspho- ros/ Ἐναρσφόρος ‘носящий трофеи’ ¹¹ <i>e-pi-qa-ra2</i> /Erik*olai/ Ἐπιπολαί < ἐπι-πολή ‘поверх- ность’ ¹² <i>e-u-de-we-ro</i> /Eudeiweilos/ Εὐδείελος ‘хорошо видимый’ ¹³ <i>e-wi-ri-po</i> /Euripos/ Εὐρίπος ‘канал с сильным течением’ ¹⁴ <i>u-pa-ra-ki-ri-ja</i> (<i>u-po- ra-ki-ri-ja</i>) /Hyperakriā/ ‘Υπερακρίᾱ ‘горные местности, нагорья’ ¹⁵	<i>de-we-ro-a₃-ko-ra-i- ja</i> /Deweroaigolaia/ δειελος ‘видимый, заметный’ + Αἰγολαίον < *Αἰγός λάς ‘козий камень’ ¹⁶ <i>ta-to-ro-pu-ro</i> /Mātropulos/ *Mātrópolis < mātro- = μητρο- ‘главный’ + Πύλος ‘Пилос’ ¹⁷ <i>ne-wo-ki-to</i> /Ne- woikiston/ *NeFoíkiston < NeFoFoíkiston ‘новое поселение’ ¹⁸ <i>o-no-ka-ra[</i> /Onokara(h)orei/ ‘ослиная голова’ (D-LSg) < ὄνος ‘осел’ + κάρη ‘голова’ ¹⁹	<i>e-ra-ta-ra me-ta- pa</i> /Eruthrā Μεταρᾱ/ Ἐρυθρᾱ ‘красная Μεταρᾱ’ ²⁰ <i>ke-i-ja-ka-ra-na</i> /Keiā krānā/ Κεῖα κρήνη ‘Кейский источник’ ²¹ <i>ro-u-si-jo a-ko-ro</i> /Lousios agros/ Λούσιος ἄγρος ‘лусская территория’ ²² <i>pa-ka-a-ka-ri</i> /Pāgā akharis/ Πηγῆ ἄχαρις ‘плохой источник’ ²³	<i>e-ra-po ri-me-ne</i> /Elaphōn limenei/ Ἐλάφων λιμένει (D- LSg) ‘оленья гавань’ ²⁴ <i>ti-mi-to a-ke-e</i> /Themistos ankos/ Θέμιστος ἄγκος ‘долина Фемиды’ ²⁵ <i>ku-jno-ka-ra-o-re</i> /Kunos kara(h)orei/ ‘собачья голова’ (D- LSg) < κύων ‘собака’ + κάρη ‘голова’ ²⁶ <i>ru-ko-a2-[ke]-re-u-te</i> /Lunkos agros/ Λυγκός ἄγρος ‘поле рысей’ ²⁷ <i>u-po-di-jo-no-wo-wo</i> /Hupodionos worwos/ *‘Υποδίονος ὄρος ‘граница Гиподиона’ < *Υποδίων (NV) + ὄρος ‘граница’ ²⁸

⁸ Aravantinos, Godart, Sacconi 2001; Aura-Jorro, Adrados 1993; Aura-Jorro, Adrados 1985; Bartoněk 2003: 424–427; Del Freo 2009; Duhoux, Morpurgo Davies 2011: 137–168, 213–251; Kazanskene, Kazanskiy 1986; Lindner 2008; Palmer 1963; Risch 1965; Sainer 1976; Ventris, Chadwick 1973: 142–150.

⁹ TH Of 25. Bartoněk 2003: 425.

¹⁰ PY Na 1044. Aura-Jorro, Adrados 1985: 82.

¹¹ PY An 37, PY An 661, PY Cn 3, PY Mb 1435, PY Mn 1408, PY Na 1027, PY Nn 228, PY Vn 130. Aura-Jorro, Adrados 1985: 217.

¹² PY Mn 456. Aura-Jorro, Adrados 1985: 226.

¹³ PY Aa 772, PY Ab 379, PY Ad 670. Aura-Jorro, Adrados 1985: 261.

¹⁴ PY An 610. Aura-Jorro, Adrados 1985: 268.

¹⁵ PY An 298, PY Cn 45. Aura-Jorro, Adrados 1993: 387.

Как видно из представленной выше таблицы, в микенский период (XV–XII вв. до н. э.) древнегреческого языка в топонимии были представлены топонимы-словосложения четырёх типов: 1) «основа имени (сущ. или прил.) с исходом на -ο (или без интерфикса) + существительное» (например, *Aigihalia*, *Dewero-aigolaia*, *Enarsphoros*, *Mātropulos*, *Newoikiston*, *Onokara(h)orei*), 2) «предлог или наречие + существительное или прилагательное» (например, *Amphigenea*, *Epik^wola*, *Eudeiwelos*, *Euripos*, *Huperakria*), 3) «прилагательное + существительное» (например, *Eruthrā Metapā*, *Keiā krānā*, *Lousios agros*, *Pāgā akharis*), 4) «генитив ед. или мн. ч. существительного + существительное» (например, *Elaphōn limenei*, *Themistos ankos*, *Kunos kara(h)orei*, *Lunkos agros*, *Hupodionos worwos*).

В связи с вышесказанным представляется вероятным, что античные географические названия позднейших периодов могли сохранить основные черты топонимии предшествующих эпох. Исследование античных топонимов-словосложений (комполитов и юкстаполитов) на материале географических названий Киликийской равнины, а также названий, зафиксированных в микенских текстах, позволяет сделать следующие выводы. Микенские юкстаполитивные имена атрибутивного типа

¹⁶ PY Ng 319. Возможна также связь с δεῦρο в значении ‘ближний’ (Aura-Jorro, Adrados 1985: 169).

¹⁷ PY Cn 595. Aura-Jorro, Adrados 1985: 431.

¹⁸ PY An 656, PY An 656, PY Aq 218. Aura-Jorro, Adrados 1985: 474.

¹⁹ PY Mn 1412. Aura-Jorro, Adrados 1993: 28; Bartoněk 2003: 426.

²⁰ PY Aq 64. Aura-Jorro, Adrados 1985: 443. Об использовании в античной топонимии цветообозначений *albus*, *niger* и *ruber* см. (Solopov 2009: 277). Ср. также Ἐρυθρὰ θάλασσα ‘красное море’.

²¹ PY Nn 228. Вероятно, *ke-i-ja* – этноним от топонима *ke-e* (Aura-Jorro, Adrados 1985: 336).

²² PY Fr 1220, PY Fr 1226, PY Ua 1413, PY Un 47, PY Vn 10. Вероятно, Λούσιος – этноним от названия города Λουσοί (Aura-Jorro, Adrados 1993: 263). В табличке PY Un 47 *ro-u-so*, *ro-u-si-jo*, *a-ko-ro* [Palmer 1963:247].

²³ PY Na 926. Aura-Jorro, Adrados 1993: 70.

²⁴ PY An 657. Aura-Jorro, Adrados 1985: 235.

²⁵ PY An 661, PY Cn 600. Aura-Jorro, Adrados 1993: 348.

²⁶ PY Na 1038. Aura-Jorro, Adrados 1985: 477.

²⁷ PY Jn 415. Вероятно, адвербиальная форма *-θει на с локативным значением, дериват на -e-u от *tu-ko-a2-ko-ro* Λυκὸς ἄγρός (Aura-Jorro, Adrados 1993: 269).

²⁸ PY Na 105. Bartoněk 2003, 427; Aura-Jorro, Adrados 1993: 388.

(*Eruthrā Metapā* ‘красная Метапа’, *Keiā krānā* ‘Кейский источник’, *Lousios agros* ‘лусская территория’, *Pāgā akharis* ‘плохой источник’) — относительно распространённый и многочисленный тип топонимов, который представлен в Киликийской топонимии позднейших периодов (Ἀλῆϊον πεδῖον ‘равнина блуждания’, Μυριανδικὸς κόλπος ‘Мириандинский залив’, Ἀλεξάνδρεια ἡ μικρά ‘Александрия малая’, Ἀμανικαὶ Πύλαι ‘Аманские ворота’, Ἀργυρὸς ποταμὸς ‘Серебряная река’, Κιλκία πεδιάς ‘Киликия равнинная’). Среди названий этого типа выделяются микенские топонимы, содержащие цветообозначение в качестве первого элемента (*Eruthrā Metapā* ‘красная Метапа’), которые нашли продолжение в позднейшей греко-римской географической номенклатуре (Λευκὰ ὄρη, Ἐρυθρὰ θάλασσα, Ater Mons, Saxa Rubra, Rubrum mare, Alba Pompeia и др.)²⁹. Обращает на себя внимание словообразовательная модель «основа имени прилагательного с исходом на -ο + существительное» (*Newoikiston* ‘новое поселение’), которая, в силу семантической близости, вероятно, получила дальнейшее развитие в виде топонимов типа Νεάπολις ‘новый город’, Ἱεράπολις ‘священный город’. Подобные географические имена, юкстапозитивные по своему происхождению, впоследствии под влиянием аналогии стремились к переходу в композиты и переосмыслили окончание женского рода прилагательного в соединительный гласный -ο (Ἱερόπολις). Юкстапозитивные имена детерминативно-посессивного типа, представленные в микенской топонимии несколькими географическими названиями (*Elaphōn limenei* ‘оленья гавань’, *Themistos ankos* ‘долина Фемиды’, *Kunos kara(h)orei* ‘собачья голова’, *Lunkos agros* ‘поле рысей’, *Hupodionos worwos* ‘граница Гиподиона (NV)’), вероятно, могли сохраниться в позднейшее время первоначально как восточная разновидность греческих топонимов (килик. Μοψουεστία ‘очаг Мопса’, египет. Κροκοδείλων πόλις ‘город крокодилов’, Ἠλιοῦπολις ‘город Солнца’), получив в эллинистическо-римский период широкое распространение в виде топонимов, образованных по модели “имя правителя в родительном падеже + греческий элемент πόλις ‘город’” (килик. Πομπηϊούπολις ‘город Помпея’, Ἰουστινιανούπολις ‘город Юстиниана’, Αὐγουστοῦπολις ‘город Августа’, Διοκαισάρεια ‘Диоцезаря’).

---

²⁹ Solopov 2009: 277–286.

Литература

- Aravantinos, V.L., Godart, L., Sacconi, A., 2001: *Thèbes: Fouilles de la Cadmée I: Les tablettes en Linéaire B de la Odos Pelopidou: Édition et commentaire*. Pisa, Rome.
- Aulock, von H. 1964: *Sylloge Nummorum Graecorum, Deutschland, Sammlung. Vol. 3: Pisidia, Lycaonia, Cilicia, Galatia, Cappadocia, Cyprus, [etc.]*. Berlin.
- Aura-Jorro, F., Adrados, F.R. (1985). *Diccionario griego-español. Anejo II. Diccionario micénico*. Vol. 1. Madrid: consejo superior de investigaciones científicas.
- Aura-Jorro, F., Adrados, F.R. (1993). *Diccionario griego-español. Anejo II. Diccionario micénico*. Vol. 2. Madrid: consejo superior de investigaciones científicas.
- Burnett A., Amandry M., Ripollés P. P. 1992: *Roman Provincial Coinage, vol. I: From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC-AD 69)*. British Museum Press.
- Cohen, G. M. 1995: *The Hellenistic settlements in Europe, the islands, and Asia Minor*. Berkeley.
- Bartoněk, A. 2003: *Handbuch des mykenischen Griechisch*. Heidelberg.
- Busso, L. 1980: *Ancient Greek theophoric toponyms*. Chicago.
- Dagron, G., Feissel, D. 1987: *Inscriptions de Cilicie. Travaux et Mémoires du Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance. Collège de France. Monographies, 4*. Paris.
- Del Freo, M. 2009: The geographical names in the Linear B texts from Thebes. *Pasiphae* 3, 41–67.
- Doria, M. 1961: Aspetti della toponomastica micenea delle tavolette in lineare B di Pilo. In: C. Battisti, C. A. Mastrelli (eds), *Atti del VI Congresso Internazionale di Scienze Onomastiche I*. Florenz, 417–440.
- Duhoux, Y., Morpurgo Davies, A. (2011). *A Companion to Linear B. Mycenaean Greek Texts and their World. Vol. 2*. Louvain-La-Neuve, Dudley: Peeters.
- Gusel'nikova, M. L. 1996: Semi-calques of the Russian North as a borrowed word-formation type of toponyms. In: M. E. Ruth (ed.), *Onomastics and dialect vocabulary. Issue 1*. Yekaterinburg, 13–21.
- Гусельникова, М. Л. 1996: Полукальки русского Севера как заимствованный словообразовательный тип топонимов. В сб.: М. Э. Рут (ред.), *Ономастика и диалектная лексика. Вып. 1*. Екатеринбург, 13–21.
- Hild, F., Hellenkemper, H. 1990: *Tabula Imperii Byzantini 5. Kilikien und Isaurien*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Kazanskene, V. P., Kazanskiy, N. N. (1986). *Predmetno-ponyatiynyy slovar' grecheskogo yazyka. Krito-mikenskiy period*. Leningrad: Nauka.
- Казанскене, В. П., Казанский, Н. Н. 1986: *Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период*. Л.: Наука.

- Korolyova, O. A. 2022: Word-formation classifications of Old Russian toponyms. In: E. S. Uzeneva, O. V. Khavanova (ed.), *The Slavic world: community and diversity. Abstracts of the conference of young scientists within the framework of the Days of Slavic Writing and Culture. May 24–25, 2022*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 136–140.
- Королёва, О. А. 2022: Словообразовательные классификации древнерусских топонимов. В сб.: Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова (ред.), *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 24–25 мая 2022 г.* М.: Институт славяноведения РАН, 136–140.
- Lindner, Th. 2008: Griechische (incl. mykenische) Ortsnamen. In: E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (eds.), *Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 690–705.
- Palmer, L. R. 1963: *The interpretation of Mycenaean Greek texts*. Oxford.
- Podolskaya, N. V. 1978: *Dictionary of Russian onomastic terminology*. М.: Nauka.
- Подольская, Н. В. 1978: *Словарь русской ономастической терминологии*. М.: Наука.
- Risch, E. 1965: Ein Gang durch die Geschichte der griechischen Ortsnamen. *Museum Helveticum* 22/4, 193–205.
- Sainer, A. 1976: An index of the place names at Pylos. *SMEA* 17, 17–63.
- Shvedova, N. Yu. 1980: *Russian Grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology*. М.: Nauka.
- Шведова, Н. Ю. 1980: Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука.
- Solopov, A. I. 2009: *Greko-latinskaya geograficheskaya nomenklatura: yeyo vneshnyaya i vnutrennyaya struktura [The Greek-Latin geographical nomenclature: its external and internal structure]*. Moscow.
- Солопов, А. И. 2009: *Греко-латинская географическая номенклатура: её внешняя и внутренняя структура: автореферат дис. ... доктора филологических наук*. М.
- Stillwell, R., MacDonald, W. L., McAlister, M. H. 1976: *The Princeton encyclopedia of classical sites*. Princeton.
- Talbert, Richard J.A. 2000: *The Barrington Atlas of the Greek and Roman World*. Princeton University Press.
- Tischler, J. 1977: *Kleinasiatische Hydronymie. Semantische und morphologische Analyse der griechischen Gewässernamen*. Wiesbaden: Reichert.
- Ventris, M., Chadwick, J. 1973: *Documents in Mycenaean Greek*. Cambridge.
- Zgusta, L. 1984: *Kleinasiatische Ortsnamen*. Heidelberg.

М. А. Лоскина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
st069702@student.spbu.ru , deinalteramille@gmail.com

ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПИСЬМАХ ЦИЦЕРОНА: НЕУВЕРЕННОСТЬ КАК СТРАТЕГИЯ ВЕЖЛИВОСТИ

В статье рассматриваются случаи использования лексических маркеров, которые можно отнести к показателям эпистемической модальности, передающим значения сомнения и неуверенности (*opinor, fortasse, vereor, ut mihi visus sum*), в рамках различных стратегий вежливости и intersубъективности. Использование выражений с низкой степенью эпистемической поддержки высказывания можно считать стратегией в случаях, когда говорящий выражает сомнение не потому, что действительно сомневается в истинности пропозиции, а потому, что не уверен, каким может быть мнение адресата на этот счет, его реакция на высказывание и т. п. Таким образом, эти средства могут служить для того, чтобы: передать отношение говорящего к высказыванию, сформулировать высказывание, ориентированное на адресата, избежать прямолинейности, слишком сильных заявлений о себе, высказаться на темы, требующие осторожности в обсуждении, и в целом для устранения трудностей в коммуникации. Исследование проводится на материале писем Марка Туллия Цицерона, адресованных Титу Помпонию Аттику.

Ключевые слова: латинский язык, эпистемическая модальность, хеджирование, прагматика, лингвистическая вежливость, intersубъективность.

М. А. Loskina

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
st069702@student.spbu.ru , deinalteramille@gmail.com

Expressions of epistemic modality in Cicero's letters: uncertainty as a politeness strategy

Epistemic modality refers to the speaker's assessment of the truth of a statement, an indication of the degree of their certainty about the proposition of which they are the author. The degree of certainty, or epistemic support for the proposition, can be either high or low. Expressions of epistemic modality can be used to convey the speaker's attitude to the proposition being expressed, to express the speaker's sensitivity to the addressee, to avoid making grandiose claims about self, to negotiate sensitive topics, and in general to facilitate communication.

The purpose of the paper is to examine the role of Latin epistemic modality expressions in the constructing of social interaction. Cicero's letters to Atticus were selected as the source material because, firstly, they are written in a language which reflects the spoken language of the cultural elite of Roman society (*sermo cotidianus*), i.e. they allow more freedom than Cicero's speeches or treatises; secondly, the genre of letters implies a dialog between the author and the addressee and therefore encourages the author to reflect on the strategies of verbal communication to a greater extent than other literary genres (e.g. philosophical prose or historiography).

The article examines the use of lexical markers of epistemic modality conveying the meanings of doubt and uncertainty (*opinor, fortasse, vereor, ut mihi visus sum*) as part of various strategies of politeness and intersubjectivity. The main purposes for which the author uses these expressions are as follows:

1) the author of the letter aims to leave an opportunity to disagree for the addressee — when expressing his own opinion, drawing conclusions, making any decisions concerning the other party directly or indirectly;

2) the author tries to avoid excessive straightforwardness in situations which are common in social interaction but pose a threat to the person — we have analyzed pieces of advice, a request and a statement on a topic that requires caution in discussion;

3) the author follows the so-called principle of modesty (avoids overconfident statements about themselves);

4) the author predicts a certain reaction of the addressee in order to attract their attention, express their own view on something, summarize or initiate a particular part of the narrative.

Keywords: Latin, epistemic modals, hedging, pragmatics, linguistic politeness, intersubjectivity.

Введение

Под эпистемической модальностью понимается оценка говорящим истинности высказывания, указание им на степень своей уверенности в пропозиции, автором которой он является. Степень уверенности, или эпистемическая поддержка пропозиции, может быть как высокой, так и низкой. Весьма интересным представляется выражение неуверенности в случаях, когда говорящий, казалось бы, не должен сомневаться в действительности своих высказываний, но все же формулирует их как сомнительные. Это делается как правило для того, чтобы: передать отношение говорящего к высказыванию, сформулировать высказывание, ориентированное на адресата, избежать слишком сильных заявлений о себе, высказаться на темы, требующие осторожности, и в целом для устранения трудностей в коммуникации (Coates 1987: 129).

В латинском языке существуют как лексические (например, *opinor, fortasse, puto, vereor, conicio, arbitror, credo*), так и грамматические маркеры эпистемической модальности (например, *coniunctivus potentialis*). В данном исследовании мы остановимся на лексических средствах. Наша цель состоит в том, чтобы проанализировать их роль в коммуникации.

В качестве материала мы использовали письма Марка Туллия Цицерона, а именно письма Аттику. Они были выбраны нами по двум причинам: во-первых, они написаны языком, отражающим разговорную речь представителей культурной элиты римского общества (*sermo cotidianus*), т.е. допускают больше свободы, чем стилистически обработанные речи или трактаты Цицерона; во-вторых, жанр письма предполагает диалог автора с адресатом, а значит, побуждает автора в большей степени продумывать стратегии речевой коммуникации, чем другие литературные жанры (например, философская проза или историография). Подбор материала происходил при помощи электронной базы текстов Packard Humanities Institute (PHI-5), поиск проводился среди всех книг писем к Аттику¹. Среди них выражения, которые мы рассматриваем, встречаются в сумме 188 раз, а именно: *opinor* 50 раз, *fortasse* 86 раз, *vereor* 50 раз², *ut mihi visus sum* 2 раза.

1. Эпистемическая модальность

Эпистемическая модальность относится к предположениям говорящего или оценке возможности и в большинстве случаев указывает на уверенность в истинности пропозиции или на отсутствие этой уверенности.

В. А. Плунгян относит эпистемическую модальность к более широкой сфере оценочной модальности, в которой он объединяет оценку говорящим ситуации по различным критериям (по степени реализации ситуации, этическая оценка — хорошо/плохо, правильно/неправильно, и наконец, эпистемическая оценка). Последняя относится к оценке правдоподобности (степени вероятности) ситуации, по мнению автора высказывания (Plungian 2011: 318–319).

Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев разграничивают онтологическую модальность (потенциальность) и эпистемическую модальность (предположение). Онтологическая может иметь в место в настоящем, прошлом, будущем или носить вневременное значение. Эпистемическая также относится к ситуации в настоящем,

---

¹ Более 300 писем.

² Включая значения страха в прямом смысле.

прошлом, будущем или вне времени, однако сама категория возможности проявляется только в момент высказывания. Связь между двумя типами модальности заключается в том, что эпистемическая возможность предполагает онтологическую (Bulygina 1992: 138–139)

Классическим является определение Дж. Лайонза: «любое высказывание, в котором говорящий эксплицитно оценивает свою приверженность истинности суждения, выраженного высказыванием, которое он произносит, независимо от того, выражена ли оценка в словесном, просодическом или паралингвистическом его компоненте, является эпистемически модальным³». Иными словами, эпистемическая модальность включает лингвистические значения, которые указывают на степень уверенности в пропозиции⁴.

Эпистемическая модальность охватывает следующие значения (от наибольшей эпистемической поддержки пропозиции к нейтральной, затем к наименьшей поддержке пропозиции вплоть до отрицания ее возможности)⁵:

---

³ Any utterance in which the speaker explicitly qualifies his commitment to the truth of the proposition expressed by the sentence he utters, whether this qualification is made explicit in the verbal component ... or in the prosodic or paralinguistic component, is an epistemically modal, or modalized, utterance (Lyons 1977: 797).

⁴ Стоит упомянуть, что эпистемическая модальность содержит существенные семантические пересечения с категорией эвиденциальности (обе категории указывают на отношение говорящего к знанию), поэтому их разграничение является проблемой и широко обсуждается в научной литературе (e.g. Cornillie 2009; Holvoet 2018). В ранних исследованиях эвиденциальность рассматривалась как часть эпистемической модальности; в последних работах их, наоборот, разделяют. Тем не менее, эти категории действительно очень близки и иногда выражаются одними и теми же средствами. В. А. Плунгян объясняет причину пересечения эпистемической модальности и эвиденциальности таким образом: «Если мы рассматриваем такие значения как модальные, мы подчеркиваем одну из основных характеристик модальности, а именно оценку ситуации (как высоко вероятную); рассматривая ее как эвиденциальную, мы подчеркиваем одну из основных характеристик эвиденциальности, а именно отсылку к логическим выводам как к источнику информации о ситуации. Таким образом, маркеры презумптивной эвиденциальности являются единственными эвиденциальными маркерами со встроенными модальными компонентами и единственными модальными маркерами со встроенными эвиденциальными компонентами» (Plungian 2010: 46).

⁵ e.g. Hengeveld 1989: 138; Nuyts 2001: 21–22.

1. Знание.
2. Уверенность.
3. Эпистемическая необходимость.
4. Вероятность.
5. Правдоподобие.
6. Неуверенность.
7. Эпистемическая возможность.
8. Сомнение.
9. Неправдоподобие.
10. Эпистемическая невозможность.

Эпистемические значения выражаются в языках при помощи разных способов: для этого могут служить различные лексические и грамматические средства, в некоторых языках существуют морфо-синтаксические системы, т. е. наборы выражений, среди которых все имеют конкретные эпистемические значения. Выражения эпистемической модальности могут встречаться в комбинациях, при этом существуют кросс-лингвистические правила расположения и упорядочения этих выражений в высказывании (Boye 2014).

В латинском языке существует модальная система, охватывающая глаголы, наречия, частицы и некоторые специальные выражения (Magni 2009: 201). Мы рассмотрим лексические выражения (*opinor, fortasse, vereor, ut mihi visus sum*), значение которых связано с невысокой эпистемической поддержкой пропозиции, и в приведенном выше списке значений их можно было бы расположить среди пунктов 4–8.

2. Выражения эпистемической модальности в рамках лингвистической вежливости

Очевидно, что для успешной коммуникации необходимо следовать определенным принципам, среди которых вежливость занимает важное место. Универсальную теорию вежливости представили П. Браун и С. Левинсон (Brown, Levinson 1978). Согласно их теории, лингвистическая вежливость появляется в первую очередь благодаря заботе о «лице».

Понятие «лица» восходит к работам социолога И. Гоффмана: он определяет лицо как позитивный образ самого себя в глазах общества (*positive public self-image*), к которому стремится каждый индивид и который требует постоянного подтверждения и одобрения со стороны окружающих. Понятие «сохранения лица» (*saving face*) заключается в стремлении поддержать желаемый образ в ситуациях, когда в ходе социального взаимодействия возникает угроза ухудшенной ситуации (Goffman 1955: 214–217).

Если удастся смягчить ситуацию, коммуникация проходит успешно. Если этого не происходит, говорящий или слушающий «теряет лицо» (lose face), и это вызывает негативную реакцию, например, гнев или смущение.

Браун и Левинсон развили модель Гоффмана, предположив, что «лицо» состоит из двух противоположных аспектов: «позитивное лицо» (связано с желанием индивида получить одобрение и позитивную оценку с другой стороны в процессе коммуникации) и «негативное лицо» (представляет собой желание невмешательства в свободу его действий со стороны других). В процессе общения часто возникают ситуации, несущие в себе угрозу позитивному или негативному лицу как говорящего, так и слушающего, причем важно понимать, что такие ситуации представляют собой неотъемлемую часть коммуникативного процесса — к ним относятся, например, советы, просьбы, отказы и т. п. Соответственно, существуют стратегии, направленные на сохранение как позитивного, так и негативного лица всех участников коммуникации — и автора высказывания, и адресата: стратегии позитивной и негативной⁶ вежливости (Brown, Levinson 1978).

Выражения эпистемической модальности часто используются для хеджирования⁷ (смягчения категоричности суждения⁸), которое применяется, например, в целях избегания прямолинейности — это одна из стратегий вежливости, которая нередко используется в таких ситуациях, как отказы, советы, несогласие с

---

⁶ Существуют исследования, выявившие уклон различных культур в сторону позитивной либо негативной вежливости и предпочтение тех или иных стратегий. Например, на русском языке по данной проблематике имеется монография Т. В. Лариной «Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций» (Larina 2009).

⁷ Термин был введен Дж. Лакоффом в работе «Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts» (Lakoff 1972). Он рассматривал такие выражения как *rather*, *sort of*, *kind of*, *strictly speaking*.

⁸ В литературе под «хеджем» понимается частица, слово или фраза, которая обозначает степень принадлежности сказуемого или именного словосочетания множеству; это означает, например, что принадлежность является частичной, или истинной только в определенных условиях, или что оно более верно и полно, чем можно было бы ожидать (Brown, Levinson 1978: 145).

собеседником⁹. В сочетании с просьбами хеджирование служит для того, чтобы предоставить слушающему возможность отказать, а именно: допустить, что адресат может не иметь возможности, намерения или желания что-либо для говорящего сделать. Еще одна широко используемая стратегия в таких случаях — сформулировать просьбу в виде вопроса; используется также имперсонализация — смещение действующих лиц, которое достигается при помощи избегания личных местоимений первого и второго лица, использования пассивного залога, безличного пассива и т. д.

Избегание несогласия относится скорее к позитивной вежливости, тем не менее, хеджирование широко используется и здесь. Одно из основных правил общения — не вступать в открытое столкновение с другими участниками коммуникации (Leech 1983: 132). Поэтому, выражая собственное мнение, особенно на темы, требующие осторожности в обсуждении, или в том случае, если это мнение, так или иначе, касается адресата, очень важно избегать несогласия, и средства выражения эпистемической модальности (неуверенности), используются говорящими для того, чтобы показать, что они не строго привержены заявляемой позиции и готовы отступить от мнения, если оно не соответствует мнению собеседника.

Средства выражения эпистемической модальности используются и в рамках так называемого принципа скромности¹⁰, согласно которому говорящие не должны делать слишком сильных заявлений о своих заслугах. Чтобы не задеть «позитивное лицо» адресата, не рекомендуется быть излишне самоуверенным.

Использование выражений с низкой степенью эпистемической поддержки высказывания мы считаем стратегией в случаях, когда говорящий выражает сомнение не потому, что действительно сомневается в истинности пропозиции, а потому, что не уверен, каким может быть мнение адресата на этот счет, его реакция на высказывание и т. п.

Хорошо иллюстрируют такое использование выражений неуверенности примеры (1) и (2). Цицерон принимает решение рассказать некоторые новости не сразу, в письме, а позже и при встрече. Однако решать, что было бы лучше или хуже, удобнее

---

⁹ Избегание прямолинейности в ситуациях несогласия стоит отнести к позитивной вежливости, т. к. оно направлено уже на сохранение позитивного лица как говорящего, так и слушающего.

¹⁰ «...what I would call the modesty principle, that is the requirement that speakers should not claim too much for themselves» (Coates 1987: 126).

или нет — своего рода решение «за адресата», поэтому он использует здесь выражения со значением неуверенности, *opinor* и *fortasse*¹¹.

(1) *coram, opinor, reliqua, ut tu tamen aliquid expectes.* (Cic. Att. IV.19.2) «При встрече, думаю, остальное, чтобы ты все-таки кое-чего ожидал».

(2) *[sed] verum haec posterius et coram fortasse commodius.* (Cic. Att. VI.1.19) «Однако это позднее, и при встрече, наверное, удобнее».

3. Выражение эпистемической модальности как средство избежать прямолинейности высказываний

3.1. Ситуации, требующие осторожности в обсуждении

Выражая собственное мнение, особенно на потенциально конфликтные темы, автор высказывания, как правило, не хочет задеть адресата, предполагая его неременное согласие. К тому же он старается не поставить себя в положение, когда он не сможет отступить от мнения, если слушатели или читатели сочтут его неприемлемым (это стремление относится к позитивной вежливости, т. к. в соответствии с ее правилами, рекомендуется избегать несогласия).

Так, в примере (3) Цицерон рассказывает Аттику о неприятной ситуации. Речь идет о недопустимом, с точки зрения автора, поведении племянника Цицерона, который был в то же время и племянником Аттика (брат Цицерона Квинт и сестра Аттика Помпония состояли в браке), соответственно, выражать негодование нужно было с осторожностью. Отношения в семье Помпонии и Квинта были напряженными, об этом свидетельствует, например, письмо Cic. Att. V.1. В рассматриваемом нами примере Цицерон при помощи наречия *fortasse* вводит предположение о причине таких слов Квинта Цицерона младшего (хоть они и возмутили его достаточно сильно — это подчеркнуто двойным отрицанием и превосходной степенью — *non sine maxima contumelia*); он также предлагает Аттику рассудить самому — *cetera leges iudicabisque*.

(3) *deinde cum somno repetito simul cum sole experrectus essem, datur mi epistula a sororis tuae filio quam ipsam tibi misi; cuius est principium non sine maxima contumelia — sed fortasse oúk*

¹¹ Поскольку здесь имеет место забота о «негативном лице» адресата, согласно теории Браун и Левинсона, в этих двух примерах используется так называемая негативная вежливость.

ἐπέστησεν. est autem sic, 'ego enim quicquid non belle in te dici potest —'. posse vult in me multa dici non belle sed ea se negat approbare. hoc quicquam pote impurius? iam cetera leges (misi enim ad te) iudicabisque. (Cic. Att. XIII.38.1)

«Затем, когда после нового сна я одновременно с солнцем проснулся, мне передали письмо от сына твоей сестры, которое я посылаю тебе; начало его — не без величайшего оскорбления; — но, возможно, *он не обратил внимания*. Но написано так: 'Ведь я, сколько бы ни могли о тебе плохо говорить ...'. Он хочет, чтобы обо мне могли сказать много плохого, но пишет, что он этого не одобряет. Может ли что-то быть более мерзким, чем это? Остальное ты уже прочтешь (ведь я отправил тебе) и рассудишь».

3.2. Советы

В примерах (4) и (5) Цицерон дает советы — это речевой акт, потенциально опасный для «негативного лица» адресата. Чтобы показать отсутствие коммуникативного давления, здесь используется стратегия избегания прямолинейности, для этого служит глагол *vereor*. Эта стратегия в обоих примерах представлена в сочетании с другими — в (4) Цицерон пишет также, что он не вправе осуждать решение Аттика вне зависимости от того, каким оно будет — *non possum reprehendere consilium tuum*; а в примере (5) добавляет *verum ut voles*, подчеркивая этой фразой право адресата не следовать совету.

(4) *Quod ad me scribis te in Asiam statuisse non ire, equidem mallet ut ires, ac vereor ne quid in ista re minus commode fiat; sed tamen non possum reprehendere consilium tuum, praesertim cum egomet in provinciam non sim profectus.* (Cic. Att. I.16.14)

«Что касается того, что ты пишешь мне, что решил не ехать в Азию, я, конечно, предпочел бы, чтобы ты поехал, но боюсь, как бы от этого не случилось неприятностей. Однако не могу осуждать твое решение, особенно, когда я сам не выехал в провинцию».

(5) *Planco et Oppio scripsi equidem quoniam rogaras, sed, si tibi videbitur, ne necesse habueris reddere (cum enim tua causa fecerint omnia, vereor ne meas literas supervacaneas arbitrentur), Oppio quidem utique, quem tibi amicissimum cognovi. verum ut voles.* (Cic. Att. XVI.2.5)

«Планку и Оппию я, конечно, написал, так как ты просил, но, если тебе покажется, не считай обязательным передать [письмо] (так как они все сделали в твоих интересах, опасаясь, как бы они не сочли мое письмо излишним), Оппию, по крайней мере, который, насколько мне известно, твой ближайший друг. Впрочем — как захочешь».

3.3. Просьбы

Просьбы тоже являются ситуациями, опасными для «негативного лица» адресата, и здесь также требуется снижение прямолинейности высказывания, чтобы признать право адресата отказать.

В примере (6) Цицерон использует глагол *vereor*, чтобы сделать менее прямолинейной просьбу, действующее лицо которой к тому же смещено, т. е. хотя в помощи нуждается Цицерон, «синтаксически» в ней нуждаются его сочинения; не является действующим лицом и Аттик, как было бы, если бы просьба была сформулирована напрямую. Браун и Левинсон считают одной из стратегий негативной вежливости избегание личных местоимений, указывающих непосредственно на говорящего или адресата, что Цицерон и делает в этом случае, сместив фокус с себя на свои сочинения¹².

(6) *His litteris scriptis me ad συντάξεις dedi; quae quidem vereor ne miniata cerula tua pluribus locis notandae sint.* (Cic. Att. XV.14.4)

«Написав это письмо, я посвятил себя *произведениям*, которые, опасаясь, во многих местах нуждаются в твоих пометках воском, смешанным с киноварью»¹³.

3.4. «Принцип скромности»

Говоря о себе, полагается следовать принципу скромности, т.е. избегать сильных заявлений насчет себя или «не выставлять напоказ свои заслуги», поскольку такие высказывания могут косвенно задеть чувства адресата¹⁴. Преследование такой цели вступает в противоречие с нашими представлениями о Цицероне, ведь он не отличался скромностью, ему, напротив, было свойственно восхвалять себя и преувеличивать свое значение¹⁵. В письмах к Аттику Цицерон следует чертам своего характера, при этом все же

¹² One way of indicating that S doesn't want to impinge on H is to phrase the FTA as if the agent were other than S, or at least possibly not S or not S alone, and the addressee were other than H, or only inclusive of H. This results in a variety of ways of avoiding the pronouns 'I' and 'you' (Brown, Levinson 1978: 190).

¹³ Речь идет о восковом оттиске, окрашенном красной киноварью, который наклеивали на то место в рукописи, которое надо исправить.

¹⁴ Речевые стратегии, которые используются в этих ситуациях, относятся, согласно Браун и Левинсону, к позитивной вежливости.

¹⁵ Можно вспомнить его поэмы «О своем консульстве» и «О своем времени», которые, как кажется, кроме самого автора никто не цитирует.

придерживаясь универсальных правил общения и в той или иной степени соблюдая принцип скромности.

В примере (7) он рассказывает о своем успешном выступлении в сенате, и перечисление хороших сторон выступления сопровождается вводной конструкцией *ut mihi visus sum* 'как показалось мне самому'. Эта фраза подчеркивает субъективность оценки выступления как успешного, и тем самым немного снижает силу высказывания.

В этом письме речь идет о хорошо известной ситуации, сложившейся вокруг Публия Клодия Пульхра. Цицерон пишет об этом Аттику в письмах I.12 и I.13¹⁶. В I.13.3 он рассказывает о планах покровителей Клодия, в I.16¹⁷ — подробно описывает, как проходил суд, и сообщает, что судьи были подкуплены. Письмо I.17 датируется декабрем 61 г. до н.э. и рассказывает о последствиях того суда.

(7) *credo enim te audisse nostros equites paene a senatu esse disunctos; qui primum illud valde graviter tulerunt, promulgatum ex senatus consulto fuisse ut de eis qui ob iudicandum accepissent quaereretur. qua in re decernenda cum ego casu non adfuissem sensissemque id equestrem ordinem ferre moleste neque aperte dicere, obiurgavi senatum, ut mihi visus sum, summa cum auctoritate et in causa non verecunda admodum gravis et copiosus fui.* (Cic.Att. I.17.8)

«Ведь ты, думаю, слышал, что наших всадников едва не отстранили от сената: они сначала весьма тяжело приняли то, что сенатским постановлением было объявлено о расследовании в отношении тех, кто принял [деньги] за судебное решение. Поскольку во время решения этого дела я случайно отсутствовал, узнав, что сословие всадников тяжело это переносит, но не говорит открыто, я упрекнул сенат, как мне показалось¹⁸, очень авторитетно и в оценке этого постыдного дела был весьма убедителен и красноречив».

4. Использование выражений эпистемической модальности в рамках других стратегий

4.1. Прогнозирование реакции адресата

Выражения со значением неуверенности могут использоваться не только как самостоятельные стратегии, но и в рамках других стратегий вежливости, например, прогнозирование реакции адре-

¹⁶ Письма датируются 1 и 25 января 61 г. до н.э. соответственно.

¹⁷ Конец июня или июль 61 г. до н.э.

¹⁸ Дословно «насколько я сам себе показался», т.е. «насколько я могу судить о себе».

сата, которое относится к сфере интерсубъективности¹⁹ и применяется для того, чтобы привлечь внимание, выразить собственное мнение и, возможно, предложить адресату разделить его.

Хеджирование часто используется в таких случаях из-за того, что, во-первых, автор не может в точности предсказать, каково на самом деле мнение адресата, во-вторых, прямое описание реакций или знаний собеседника (или их отсутствия) может быть опасным для «лица».

В следующих двух примерах, (8) и (9), Цицерон предполагает ту или иную реакцию. Тем не менее, любое предположение в отношении адресата имеет смысл формулировать не слишком уверенно, для чего здесь и применяется наречие *fortasse*: *ridebis fortasse*, *fortasse miraberis*.

(7) *ridebis hoc loco fortasse: quam vellem etiam nunc in provincia morari!*

(Cic. Att. VII.1.5) «В этом месте ты, возможно, посмеешься: как бы я хотел до сих пор задержаться в провинции!»

Желание Цицерона задержаться в провинции действительно могло показаться если не смешным, то неожиданным. В 51 году до н. э. Цицерон был назначен наместником Киликии. Он отправился туда очень неохотно и несколько раз писал Аттику о своей тоске по Риму — *ne provincia nobis prorogetur, per fortunas!* (Cic. Att. V.11.1) «не продлили бы мне срока наместничества, во имя судьбы!», *non dici potest quam flagrem desiderio urbis, quam vix harum rerum insulsitatem feram* (там же) «невозможно выразить словами, как я горю тоской по Риму, с каким трудом переношу нелепость здешних дел», *est incredibile quam me negoti taedeat* (Cic. Att. V.15.1) «трудно поверить, как противно мне от обязанностей».

В следующем письме (пример 9) речь идет о Дионисии — вольноотпущеннике Аттика. Примерно в середине января 49 г. до н. э. Цицерон покинул Рим и направился на юг, в Формии, пригласив вольноотпущенника Аттика Дионисия сопровождать его (Att. VII.10.1; Att. VII.18.3). Отношения между ними уже были напряженными: за несколько месяцев до этого, например, в письме VII.7, Цицерон сообщает Аттику, что Дионисий не оказал

¹⁹ Anticipating the audience's response refers to attempts to predict the audience's reaction to what is said, often by attributing statements to the audience as potential objections or counterarguments. It shows the speaker/writer's concern with the audience's reception and processing of it (Ädel 2014: 116).

должного почтения, посетив его, а именно не выразил ожидаемую благодарность (Hall 2009: 37), и отказ Дионисия мог их только ухудшить. Тем не менее, Цицерон, по-видимому, ожидал, что Дионисий присоединится к нему позже, и в середине февраля снова послал ему приглашение, как упоминает в *Att.* VIII.4.1, однако получил резкий отказ (рассказывает в *Att.* VIII.4.2). Тогда Аттик попросил Дионисия нанести визит Цицерону, чтобы объяснить свои действия; Цицерон описывает это в письме VIII.10 (Hall 2009, 114–116). В рассматриваемом нами письме ситуация продолжает разворачиваться — Дионисий приехал и *summam habuit orationis ut sibi ignoscerem; se rebus suis impeditum nobiscum ire non posse* (*Att.* X.16.1) «сказал, чтобы я простил его; что он занят своими делами и не может со мной поехать».

Причина, по которой от Дионисия ожидается, что он непременно будет делать все, что Цицерон от него ждет (*eum venturum facturumque quod ego vellem*), точно не может быть определена; возможно, он получал плату (он учил детей Цицерона и Квинта — *Att.* VI.1.12), но Цицерон в данной ситуации этого не упоминает, а ссылается на *officium* (Treggiari 1969: 120).

(9) *Fortasse miraberis: in maximis horum temporum doloribus hunc mihi scito esse.* (Cic. *Att.* X.16.1)

«Ты, возможно, удивишься: знай, что он для меня — среди величайших огорчений этого времени».

4.2. Формирование структуры повествования

Предположения в отношении адресата как средство интер-субъективности могут быть также вспомогательным средством для того, чтобы сформировать структуру повествования, т.е. подвести итог одной части повествования или положить начало другой. В таких речевых ситуациях, как мы уже сказали, полагается предоставить адресату возможность не согласиться. По этой причине Цицерон употребляет выражение *ut opinor*, которое имеет значение предположения и субъективности, и местоимение *quandam* в качестве хеджа.

(10) *ac nostrae quidem rationis ac vitae quasi quandam formam, ut opinor, vides.* (Cic. *Att.* I.19.8)

«Так что некое общее положение моих дел и жизни ты, я думаю, видишь».

В примере (11) Цицерон, собираясь перейти к рассказу о положении собственных дел, сопровождает свое предположение наречием *fortasse*. Можно сказать, он подчеркивает формальную неуверенность в том, что адресату это действительно интересно, тем самым оставляя пространство для возможного несогласия.

(11) *Sed tu de <me> ipso aliquid scire fortasse mavis.* (Cic. Att. V.10.2)

«Но ты, возможно, предпочитаешь кое-что узнать обо мне самом».

Заключение

Мы рассмотрели случаи использования лексических маркеров эпистемической модальности, передающих значения сомнения и неуверенности (*opinor, fortasse, vereor, ut mihi visus sum*), в рамках различных стратегий вежливости и интерсубъективности. Основные цели, для которых применяются эти выражения, таковы:

1) автор письма стремится оставить адресату возможность для несогласия — выражая собственное мнение, выстраивая выводы, принимая какие-либо решения, напрямую или косвенно касающиеся собеседника;

2) автор старается избежать излишней прямолинейности в обычных для социального взаимодействия, но несущих в себе угрозу лицу ситуациях — мы рассмотрели советы, просьбу и высказывание на тему, требующую осторожности в обсуждении;

3) автор следует так называемому принципу скромности — избегает слишком самоуверенных заявлений.

4) автор прогнозирует ту или иную реакцию собеседника для того, чтобы привлечь его внимание, выразить таким образом свой взгляд на проблему, подвести итог или ввести новую тему для обсуждения.

Некоторые из этих целей на первый взгляд могут входить в противоречие с известным нам характером Цицерона. Однако письма — это диалогический жанр, хотя реакция собеседника и отдалена во времени. Поэтому автору приходится придерживаться иных дискурсивных стратегий, чем те, которые используются в жанре философского диалога или речи в сенате и следовать универсальным принципам вежливости.

Исследованные нами лексические выражения со значением неуверенности, как показал анализ материала, могут использоваться для разных стратегий лингвистической вежливости,

иными словами, они не являются специфичными для каждой отдельно взятой стратегии.

Как само по себе хеджирование, так и стратегии, в рамках которых оно используется, направлены на успешность коммуникации, в которой, как мы показали, выражения эпистемической модальности играют важную роль.

Литература

- Ädel, A. 2014: "What I want you to remember is...": Audience orientation in monologic academic discourse. *Intersubjectivity and Intersubjectification in grammar and discourse*, ed. L. Brems, L. Ghesquière, F. Van de Velde, Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 101–128.
- Boye, K. 2014: The expression of epistemic modality. *The Oxford Handbook of Modality and Mood*, ed. J. Nuyts, J. Van Der Auwera, Oxford University Press, 117–142.
- Brown, P., Levinson, S. 1978: *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Bulygina, T. V. 1992: *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deyksis*. [Human factor in language. Communication, modality, deixis]. Moscow: Nauka.
- Бульгина, Т. В. (отв. редактор) 1992: Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. Москва: Наука.
- Coates, J. 1987: Epistemic modality and spoken discourse. *Transactions of the philological society*, 110–131.
- Glare, P. G. W. (ed.) 1968: *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, Clarendon Press.
- Goffman, E. 1955: *On face-work: an analysis of ritual elements in social interaction*. New York.
- Goffman, E. 1971: *Relations in public: microstudies of the public order*. New York.
- Hall, J. 2009: *Politeness and politics in Cicero's letters*. Oxford University Press.
- Hengeveld, K. 1989: Layers and operators in functional grammar. *Journal of Linguistics*, 127–157.
- Lakoff D. 1972: Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 458–508.
- Larina, T. V. 2009: *Kategoriya vzhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Politeness category and style of communication: the comparison of English and Russian linguocultural traditions]. Moscow.
- Ларина, Т. В. 2009: Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.
- Leech, G. N. 1983: *Principles of Pragmatics*. London/New York.

- Liddell H. G. Scott, R. 1996: *A Greek-English Lexicon*. Revised and augmented by H. G. Jones, with the assistance of R. McKenzie and the cooperation of many scholars. Oxford, Clarendon Press.
- Lyons, J. 1977: *Semantics*. Cambridge University Press.
- Magni, E. 2009: Mood and Modality. *New Perspectives on Historical Latin Syntax*, vol. 2, ed. P. Baldi, P. Cuzzolin, De Gruyter Mouton.
- Nuyts, J. 2001: *Epistemic modality, language and conceptualization*. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam/Philadelphia.
- Plungian, V. A. 2010: Types of verbal evidentiality marking: an overview. *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages. Empirical Approaches to Language Typology* 49, Berlin; New York, 2010, 15–58.
- Plungian, V. A. 2011: Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira [An introduction into grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world languages]. Плунгян, В. А. 2011: Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет.
- Shackleton Bailey, D. R. (ed.) 1965–1968: *M. Tullius Cicero. Epistulae ad Atticum*. Cambridge University Press.
- Treggiari, S. 1969: *Roman freedmen during the late republic*. Oxford, Clarendon Press.

А. И. Любжин

ФПМИ НИУ «Московский физико-технический институт», Москва, Россия.
vultur@mail.ru

РЕМИНИСЦЕНЦИИ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОВЕСТЯХ М. М. ХЕРАСКОВА «КАДМ И ГАРМОНИЯ» И «ПОЛИДОР, СЫН КАДМА И ГАРМОНИИ»¹

В статье рассматриваются два последних крупных прозаических произведения М. М. Хераскова «Кадм и Гармония» и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» с точки зрения влияния античной литературы. Автор неоднократно высказывает высокую оценку произведений античной словесности (прежде всего стихотворных эпосов); он весьма обильно цитирует их или сочиняет целые эпизоды под влиянием Овидия.

С концептуальной точки зрения метаморфозы у Овидия переосмысливаются Херасковым как наказание за грех, что позволяет ввести христианские ценностные установки под языческой одеждой. Важен — в связи с большой ролью, которую играет в повествовании Египет — и Апулей, из его «Метаморфоз» Херасков цитирует речь Изиды. Второе место занимает Вергилий. Концептуально важен уступающий ему по количеству цитат Гомер, откуда заимствуется идея путешествия. Херасков, упоминая Атлантиду, ссылается на Платона; по-видимому, для него актуальны и некоторые Цицероновские идеи. Общее количество реминисценций довольно значительно.

Ключевые слова: М. М. Херасков, рецепция античности, повесть, «Кадм и Гармония», «Полидор, сын Кадма и Гармонии», Овидий, Гомер, Вергилий, Платон, Цицерон, Апулей.

---

¹ Мы не рассматриваем повесть о Нуме Помпилии, поскольку она не содержит, на наш взгляд, значимых античных реминисценций, выходящих за очевидный круг источников о втором римском царе. В дальнейшем ссылки на «Кадм и Гармония» будут даваться в форме **К**, на повесть «Полидор» — **П**, с указанием тома римскими цифрами и страниц — арабскими. За рамками нашей работы останется и такой сюжет, как живописные изображения любовных походов богов; он требует отдельного исследования.

Alexey I. Lyubzhin

National Research University «Moscow Institute of Physics and Technology».
vultur@mail.ru**Reminiscences of ancient literature in the novels of M. M. Kheraskov
*Cadmus and Harmonia and Polydor, son of Cadmus and Harmonia***

The article discusses the influence of ancient literature on the two last major prose works by M. M. Kheraskov, namely *Cadmus and Harmonia* and *Polydorus, the son of Cadmus and Harmonia*. The author repeatedly expresses his high appreciation of works of ancient literature (primarily poetic epics); he quotes them abundantly or composes whole episodes under the influence of Ovid.

From a conceptual standpoint, Ovid is crucial. The concept of metamorphosis is reinterpreted by Kheraskov as a punishment for sin, allowing the introduction of Christian values under pagan guise. Apuleius is also significant due to Egypt's prominent role in the narrative; Kheraskov quotes Isis's speech from Apuleius' *Metamorphoses*. Virgil holds the second position in importance. Conceptually, Homer, despite fewer citations, is vital as the source of the idea of a journey. When mentioning Atlantis, Kheraskov refers to Plato; evidently, certain Ciceronian ideas are relevant to him as well. The overall number of reminiscences is quite substantial.

Keywords: M. M. Kheraskov, reception of antiquity, novel, *Cadmus and Harmonia*, *Polydorus, son of Cadmus and Harmonia*, Ovid, Homer, Virgil, Plato, Cicero, Apuleius.

Повести М. М. Хераскова «Кадм и Гармония» и «Полидор» — значимые события литературной жизни России конца XVIII в.²; эти произведения необходимо рассматривать с различных точек

---

² Ср. оценку Н. М. Карамзина: «Въ семь сочиненіи найдеть читатель, кромѣ разсужденій, прекрасныя поэтическія описанія, любопытныя завязки, интересныя положенія, чувства возвышенныя и трогательныя, обороты свободныя и натуральныя; слогъ же всегда пріятень и возвышенъ безъ надутости»; «Кадмъ будетъ жить съ Россіядою и Владиміромъ»; ср. также: «Рецензентъ, читая Кадма, при многихъ мѣстахъ думалъ: Это слишкомъ отзывается новизной; это противно духу тѣхъ времянь, изъ которыхъ взята басня. Однако жъ, вообразя себѣ всю трудность писать нынѣ такъ, какъ писывали древніе, столь отдаленные отъ насъ по образу жизни, по образу мыслей и чувствованій, согласился онъ самъ съ собою не почитать сихъ знаковъ новизны за несовершенство сочиненія, имѣющаго цѣль моральную» (Karamzin 1791: 82; 101; 98–99).

зрения³, и античный литературный фон — одна из них; хотя, по оценке Н. М. Карамзина, из повествования Овидия о Кадме и Гармонии (к которому отсылает название первой рассматриваемой повести) «автор наш взял, так сказать, только одну *одежду* для своего творения» (Karazin 1791: 80); тезис, который, если его экстраполировать на античные реминисценции как таковые, может быть принят только с оговорками), одежда и ее употребление заслуживают пристального внимания.

1. Античные авторы в оценке М. М. Хераскова

В «Кадме» главный герой, рассказывая о посещении парнасского оракула, не получив благоприятных предвещаний о своей собственной судьбе, выслушивает от жреца Хризония литературное пророчество, где речь идет о Гомере, Вергилии, Овидии и Фенелоне, с неожиданным предпочтением второго первому; они угадываются легко и однозначно, хотя не названы по именам: «Породится со временем другъ и любимецъ Музъ, бѣдственную войну двухъ воюющихъ народовъ поющій; сіе пѣснословіе восхититъ души внимательныхъ читателей, и будетъ до послѣднихъ вѣковъ служить изящнымъ примѣромъ важности и великаго духа всѣмъ другимъ пѣснопѣвцамъ... По истеченіи нѣсколькихъ вѣковъ явится въ западной части земли... пѣснопѣвецъ Греческому верховному писателю въ вымыслахъ и важности подобный, но красотою слога можетъ быть его превосходящій. Онъ будетъ воспѣвать печальныя слѣдствія брани, нашимъ Еллинскимъ писателемъ до него живописуемой. Нѣкіе современники его изящными и знаменитыми своими твореніями сему великому мужу во славу уравниются; и единъ изъ нихъ опишетъ дивныя дѣянія Боговъ нашихъ и преображенія праведныхъ и грѣшныхъ челоуковъ; но сей сладостный пѣснопѣвецъ за его нескромность нещастіе навлечетъ на себя и изъ его отечества изгнанъ будетъ; а сіе изгнаніе подвигнетъ угнѣтенный духъ его къ новымъ сладчайшимъ твореніямъ» (Ж I, 117–118). Также без имени прославляется Лукан (II II, 320: «Музами вдохновеннаго пѣснопѣвца Фарзалія безсмертными увѣнчана лаврами»). Упоминается «важность Гезіодова» (II III, 28).

Ближе к концу повести Полидор посещает Храм Мудрости на острове Хриза (II III, 435): при этом упоминаются Гомер, Вергилий, Мильтон, Тассо, Камюэнс, Оссиан, Фенелон, Клопшток и Вольтер (как эпические песнопевцы); Пиндар, Малерб и Ломоносов как лирики; Софокл, Еврипид, Корнель, Расин и Сума-

³ Напр., идеология и антиутопия: Rostovtseva 2016, с библиографией. Масонский аспект: Limanskaya 2007, там же библиография ее прежних работ. См. также: Sakharov 2000.

роков как трагики; Менандр, Аристофан, Мольер, Теренций и Плавт как комики; отдельно упоминается Сапфо.

Но Херасков недвусмысленно подчеркивает особую роль Овидия (*II* III, 269–271): «О! ты сладкогласный пѣснопѣвецъ, коего глава въ древнемъ Римѣ лаврами была увѣнчана, а гробъ въ чуждой землѣ кипарисами приосѣнился. О! вдохновенный музами Овидій Насонъ, коего ни вина, ни мѣсто покоя не извѣстны до нынѣ; ты въ обворожательныхъ твоихъ пѣснословіяхъ изобразилъ живою кистію дивныя преображенія отъ сотворенія міра; отъ древняго Хаоса, до времянь перваго изъ Цесарей и преселилъ сего великаго мужа во круги звѣздные, да тамо сіяя напоминаетъ смертнымъ славу знаменитыхъ его дѣяній; — дозвожь мнѣ, поборникъ Марона и Горація, дозвожь въ отдаленіи шествуя за тобою, хотя неразмѣрнымъ стопосложеніемъ, собрать разсыпанные цвѣты Граціями по слѣдамъ твоимъ, да внемля сладкое бряцаніе твоей лиры, возвѣщу нѣкія преображенія тобою повѣданныя и сыномъ Кадмовымъ на островѣ Анафѣ видимыя». Потому имеетъ смыслъ именно съ него начать рассмотрение материала.

II. Овидій

«Одежда» первой херасковской повести выглядит так: «Кадмъ пошелъ во слѣдъ пророчественной Юницѣ; и прешедъ древнюю Панопу и брега быстротечныя Цефизы, достигъ необитаемой Беотіи, гдѣ Юница преклонила колѣна свои; тамо онъ соорудилъ градъ, и нарекъ его по имени благотворнаго ему Оракула Фивами» (К, I, 1–2, ср. *Met.* III, 19–24):

*iam vada Cephisi Panopesque evaserat arva:
bos stetit et tollens speciosam cornibus altis
ad caelum frontem mugitibus inpulit auras
atque ita respiciens comites sua terga sequentis
procubuit teneraque latus submitit in herba.
Cadmus agit grates...⁴*

Мы видим совпадение географических названий и некоторых подробностей; но точного цитирования нет — и тем более не может быть у Овидия данной этимологии для названия Фив, сходство между Phoebeus и Thebae в латинском языке отсутствует

⁴ «Он уже миновал броды Кефиса и пашни Панопы; корова остановилась и, поднимая к небу лоб, украшенный высокими рогами, замычала и так, оглянувшись на спутников, которые следовали за ее спиной, легла и приклонила бок к нежной траве. Кадм воздает благодарность...»

не только на уровне графики, как в русском, но и на уровне фонетики.

Гармония (*К I*, 189) рассказывает о поединке Кадма со змеем: «...отчаяніе наше усугубилось, когда посланные Кадмомъ Сидоняне, для обозрѣнія страны намъ подлежащей, изшедшимъ изъ пещеры и на нихъ устремившимся дракономъ разтерзаны были. Мы увидѣли ужасное сіе чудовище, прямо на насъ идущее. Змій ревѣлъ и многими кругами извивался; кровавая пѣна текла изъ челюстей его; жало, яко великая стрѣла, въ гортани его вращалось; весь онъ покрытъ быть твердою чешуею... Кадмъ, отмщая смерть своихъ сопутниковъ, мгновенно изторгъ мечъ свой и устремился на чудовище. Тогда робость нѣкая вступила въ мое сердце; но вдругъ я усмотрѣла низходящее съ горнихъ нѣкое божество, имѣющее на главѣ блистательный шлемъ, въ рукахъ молніевидное копѣе, и щить, на коемъ ночная птица была изображенна. Сіе божество въ видѣ жены осѣнило Кадма щитомъ своимъ; вліяло бодрость въ душу его и внушило наставленіе, какъ поступить съ гнуснымъ дракономъ по его убіенію». Ср. *Met.* III, 26 слл. У Хераскова выживаютъ четыре мужа, у Овидія — пять; Эхионъ названъ у обоихъ, и у Хераскова онъ будетъ играть значительную роль.

Песнопевецъ воспеваетъ золотой век, опираясь, по-видимому, прежде всего на начало «Метаморфозъ» (*К I*, 27–28): «Феоръ, настроивъ свою лиру, воспѣлъ въ началѣ благоденствіе златаго и сребряннаго вѣка; изобразилъ миръ и тишину въ сіи священные времена царствующія; — блаженную жизнь человѣковъ, и боговъ съ ними купно бесѣдующихъ; дикихъ звѣрей, волъ ихъ повинующихся; зло, на земли еще неизвѣстное; благо, всю вселенную услаждающее и людей жителямъ небеснымъ во благоденствіи подобныхъ. — Потомъ воспѣлъ преображеніе счастливыхъ сихъ вѣковъ, по злобѣ человѣковъ, въ мѣдный и желѣзный вѣкъ; живо онъ изобразилъ пагубное ихъ паденіе, зависть и грѣхъ, собственною ихъ волею въ мѣръ порожденныхъ; гордость, разумы человѣческіе затмившую; любочестіе и корыстолюбіе, войны между ими воспаляющее; сребролюбіе, души убивающее; мщеніе, кровь ближнихъ проливающее; сладострастіе плоть мертвящее; тиранство Царей, неправосудіе вельможей, развраты народа...» Далее Феоръ воспеваетъ Кадма — и здесь не обходится безъ Овидія. Но и здесь, при текстуальной близости, мы видим проникновение чужеродныхъ античному эпичу категорий христіанской морали.

Похищеніе Европы также можно отнести къ «одежде» (*К I*, 107): «Младый волъ остановился и взиралъ на насъ умильными очами, кои разительнаго огня исполнены казались; видъ его, юность, статность тѣла, а паче новостъ сего явленія, заставили меня небоязненно къ нему подступивъ возложить на него мою руку; сестра моя отважилась гладить тучный хребетъ его; она

дланію своею водила по кудрявой и сребристой волнѣ чела его; увязала его выю цѣпями изъ цвѣтовъ соплетенными; украсила его рога вѣнцемъ, ею изготовленнымъ. Телець, обращая главу свою, лизаль ея руку. Сими ласкательными знаками уловляемая сестра моя пожелала возсѣсть на сего тельца ее ласкающаго; она требовала на то моего согласія; юный воль, внимающій ея слову, тотчасъ преклонилъ свои колѣни, и лобызая ея ноги, казалось молилъ Европу, дабы на него возсѣла; увы несчастный! я самъ способствовалъ сестрѣ моей возсѣсть на хребтѣ сего звѣря. Но зналь ли я, кто въ видѣ вола намъ являлся! Сѣдящая на хребтѣ его Европа держалась одною рукою за золотые его рога, а другую за возложенныя ею на его шею цѣпи...» Ср. *Met.* II, 857–869:

nullae in fronte minae, nec formidabile lumen:
 pacem vultus habet. miratur Agenore nata,
 quod tam formosus, quod proelia nulla minetur;
 sed quamvis mitem metuit contingere primo,
 mox adit et flores ad candida porrigit ora.
 gaudet amans et, dum veniat sperata voluptas,
 oscula dat manibus; vix iam, vix cetera differt;
 et nunc adludit viridique exsultat in herba,
 nunc latus in fulvis niveum deponit harenis;
 paulatimque metu dempto modo pectora praebet
 virginea plaudenda manu, modo cornua sertis
 inpedienda novis; ausa est quoque regia virgo
 nescia, quem premeret, tergo considerare tauri...⁵

Важное отличие — у Хераскова присутствует (и описывает потом происходящее) Кадм, которого нет у Овидия. Впрочем, превращение Кадма и Гармонии в змей в другой повести толкуется как «нелѣпный слухъ» (*II* I, 20–21). Что же касается «Кадма и Гармонии», там еще раз упоминаются овидиевские сюжеты, примыкающие к истории Кадма (*K* I, 130) — Оцирия, превращающаяся в коня, и Хирон (*Met.* II, 636 слл.). Гармония, не

⁵ «Лоб совершенно не грозный, и око не устрашает: морда мирная. Дочь Агенора удивляется его превосходной красоте и отсутствию исходящей от него угрозы; но, при всей его кротости, сначала боится к нему прикоснуться, но скоро подходит и протягивает цветы к белой морде. Влюбленный радуется и, ради вожделенных удовольствий, целует руки, — ему трудно, очень трудно отложить все прочее. И то он заигрывает с ней и скачет по зеленой траве, то ложится белоснежным боком на рыжий песок; потихоньку — страх ушел — подставляет грудь, чтобы девушка похлопала ее рукой, то рога, чтоб она надела на них новые венки; и царская дочь отважилась, не зная, на кого садится, сесть на спину быка».

желающая расстаться с Кадмом, который хочет идти в опасный путь без нее (*К* II, 250–251), восходит к Алкионе (*Met.* XI, 439–443). Полидор (*II* I, 34) сравнивается с Нарциссом. В *II* II, 10 присутствует сравнение с Филемоном и Бавкидой. Ближе к концу романа (*II* III, 313–314) есть еще одно упоминание Ликаона и Филемона с Бавкидой как примеров нечестия и благочестия.

В *II* II, 86 в контексте подробного рассказа о похищении Прозерпины и мести Цереры дается в примечании прямая ссылка на VII кн. «Метаморфоз» (ошибочная, речь должна идти о V книге). Структурные элементы овидиева повествования воспроизводятся: Цяна — ничего не может ей сказать (88), но Аретуза рассказывает о похищении (90). Здесь, как и в случае с похищением Европы, можно было бы цитировать оба произведения *in extenso*. На с. 106 овидиевский Линк превращается в Линцея. В *II* III, 115 также дается примечание к следующему: «но Полидоръ удивлень былъ, преходя семь ступеней порфирныхъ: онъ, будучи попираемы ногами, произнесли звукъ, жалостному стону подобный» («Овидій во превращеніяхъ».) По-видимому, имеется в виду *Met.* I, 708 (*sonum tenuem similemque querenti*). Такое же примечание дается и к рассказу о гранатовых зернах Прозерпины (*II* III, 218 «отъ сего плода сама Прозерпина вкусила семь зернь и лишилась права на небеса восходить и посѣщать безсмертныхъ боговъ селенія», ср. *Met.* V, 530 sqq.). Херасков упоминает зеленые волосы морских нимф (*II* III, 162): «Найяды зрѣлись сѣдящи на цвѣтущихъ берегахъ покоящимися; зеленые ихъ власы влюбленные въ нихъ Зефиры легкими крылами осушали...» (ср. *Met.* II, 12; V, 575).

Для Хераскова чрезвычайно важна концепция превращения, которая у него христианизируется (насколько это возможно при мифологическом фоне «Полидора») и уходит далеко от римского поэта. Ее излагает Триптолем (*II* III, 271 слл.): «видишь ли сїи двѣ кремнистыя скалы... то суть несчастные супруги, Гемихъ Царь Фракійскій и Родопа, преображенные въ сїи безчувственные камни за безразсудную гордость, царствующею здѣсь Нимфою имъ внушенную: они дерзнули Юпитеромъ и Юноною имяноваться. Въ память учиненнаго имъ (sic!) злодѣянїя, Нимфа перенесла ихъ на сей островъ. Воззри на сїихъ черныхъ врановъ непрестанно другъ съ другомъ бїющихся и воздухъ крикомъ наполняющихъ; сїи суть два брата, отъ единыхъ утробы во изобильной Сициліи порожденные, Тефаль и Дегонъ: они послѣ отца ихъ приобрѣли великое имущество — но каждый изъ нихъ разженъ сребролюбіемъ, не хотѣль уступить другому законной части; любя паче злато, нежели

своего ближняго, другъ друга они умертвили и превращены во врановъ прелетѣли на сей островъ; злобная Нимфа битвою ихъ услаждается; — въ семь утломъ кедрѣ, подь образомъ дикой совы сокрывается отъ дневнаго свѣта безстыдная Никтимена, позорнымъ пламенемъ любви къ отцу ея разженная; она обитала на семь островѣ, и дочь роскошами пресыщенная, родителя соблазнять дерзнула. Сей лавръ сокрываетъ Дафну, дочь Пенѣву, отъ бога Музъ убѣгшую и сладкогласіе лиры Апполоновой (sic!) пренебрегшую; возри на сей сребровидный цвѣтокъ у прозрачнаго источника, со берега къ воднымъ струямъ поникшій; се Нарцисъ самъ собою плѣненный и любовію нимфы Эхо презирающій; подь именемъ Теандры здѣшня Нимфа уловила его собственными его прелестями и единственно къ самой себѣ ихъ обратила. — Тамо летаютъ дщери Менѣвы во гнусныхъ Нетопырей обращенныя за превозношеніе ихъ предъ богинею Минервою во тканіи льна и тонкой пряжѣ. Тысящи преображеній очамъ твоимъ здѣсь предлежать, кои отъ развратовъ на семь островѣ содѣлались и чловѣковъ погубили...

Мидасъ Царь Фригійскій, возжелать да все то превращается во золото до чего онъ коснется — боги исполнили корыстолюбивое его желаніе, и Мидасъ гладомъ източенный низвергся во глубину рѣки Пактола, до нынѣ златымъ пескомъ изобилующей. — Внемли жалостный голосъ печальной Филомеллы, отъ ревности сестры своей Прогны погибшей, непрестаннымъ стономъ плачевный рокъ свой возвѣщающей. — Зри слезы сестръ Фаэтонтовыхъ, въ янтарь превращенныя. Се источникъ Марсіа, который изъ слезъ его составился, когда сынъ Латонинъ снялъ кожу съ него за гордое предъ нимъ превозношеніе въ искусномъ бряцаніи на лирѣ; се казнь, долженствующая ужасать гордыхъ и самолюбивыхъ писателей!»⁶ (далѣе упоминается Навуходоносоръ). В духе Овидія и превращение Ликаста в терновый куст (*II* III, 264). Затем следует (вслед за двойнымъ убійствомъ) двойная метаморфоза Пальмена и Мемы и ихъ отцовъ — также во вкусѣ Овидія; вражда родителей и гибель возлюбленныхъ напоминаютъ сюжетъ с Пирамомъ и Тисбой, но сходство достаточно отдаленное. Возлюбленные превращены в

---

⁶ Гем и Родопа — *Met.* VI, 87–89, природа искажения имени непонятна; Никтимена — II, 590–596; Дафна — I, 452–567; Нарцисс — III, 402–510; дочери Миния — IV, 1–54; Мидас — XI, 85–145; Прокна и Филомела — VI, 412–674; Гелиады — II, 340–366; Марсий — VI, 382–400. Авторъ не располагаетъ версией, объясняющей присутствие в этомъ списке Тефала и Дегона.

пальмовые деревья, их отцы — в хищных птиц (290). Отметим свежесть и оригинальность трактовки мифа о Марсии.

Далее (297–298) спутники Полидора, предавшиеся роскоши, превращены в тростник. Здесь Овидий пересекается с Гомером. Последний штрих для понимания превращения дает нимфа Теандра, царица добродетельного и блаженного острова Хризы, где Полидор должен получить ответы на свои вопросы и упования (*II* III, 447–448): «дивно ли, что Нимфа человекъвъ во птицъ, во звѣрей и въ неодушевленные вещи преображаетъ? Полидоръ! человекъ, въ незаконныя распутства погруженный и здраваго разсудка чуждый, не подобится ли скоту несмысленному?.. и чудно ли, что видь древесъ и камней они приемятъ?».

III. Остальные античные авторы

Второе место занимает Вергилий. В *К* II, 133 упоминается золотая ветвь, отгоняющая гарпий, — по-видимому, контаминация мотивов *Aen.* III и VI. Гибель скифского царя Азуфа, враждебного славянам, перекликается с концом Дидоны (*К* II, 311–312): «Подлый льстець! отвѣчалъ съ гордостію Азуфъ, ты мнѣ то отдаешь, что принадлежитъ мнѣ законно! и то отъемишь у меня, что есть мое по естеству и по моей крови; не хочу съ вами ни мира ни родственнаго союза; вѣчную ненависть вамъ возвѣщаю» (ср. *Aen.* IV, 622–624). Самоубийство Дидоны воспроизводится в следующей повести (*II* I, 235 слл.): царица Осфира, узнав, что ее возлюбленный Тагет бежал на корабле с соперницей Олинтой, бросается в море.

Херасков перенес Аверн из Италии поближе к оракулу Додоны, но при его описании используются вергилиевские детали (*II* I, 304): «Мы близко шествуемъ Аверна, сказалъ Ликандръ; въ сей мрачной долинь, къ полуночи лежащей, протекаетъ черноводная рѣка сія; она убійственныя пары раждаетъ... ни которая тварь не можетъ приблизиться къ адскимъ симъ источникамъ; птицы прелетать ихъ не дерзають» (ср. *Aen.* VI, 239–241):

quam super haud ullae poterant impune volantes
tendere iter pinnis: talis sese halitus atris
faucibus effundens super ad convexa ferebat...⁷

⁷ «Над этой [пещерой] безнаказанно никакая птица не могла совершить путь на крыльях; такой воздух, разливаясь из черного зева, доходил до небесных сводов...».

Есть отсылка к Эолову царству ветров (*II* III, 12): «тамо, яко въ пещерѣ Эоловой, гдѣ заключенные вѣтры, сыны его, непрестанно другъ съ другомъ борятся и неумолкный шумъ производять» (ср. *Aen.* I, 52 sqq.). В одном месте (*K* I, 10) «но я видѣла, увы! я видѣла отца моего во крови плавающего, ближнихъ и гражданъ моихъ въ тяжкій плѣнъ повлеченныхъ, и всѣ наши сокровища расхищенными» гомеровское и вергилиевское влияния пересекаются (ср. *II.* VI, 414 sqq., *Aen.* II, 550 sqq.).

Текстуальных переключек с Гомером меньше, чем с Вергилием, но, в отличие от последнего, они играют концептуальную роль, особенно во второй повести: для Хераскова очень важна идея путешествия (заимствованная из «Одиссеи» и прямо, и через посредство Фенелона)⁸. «Орзанъ странствовалъ въ его юности по землямъ отдаленнымъ, испыталъ нравы и законы чуждыхъ народовъ, и что паче послужило къ его благу, испыталъ многія злключенія» (*II* I, 290) указывает на прямую связь с началом «Одиссеи». Иные детали имеют чисто декоративное значение (*II* I, 185). «Подаль я совѣтъ пригласить... Царя Тагета, владѣющаго

---

⁸ Возможно, на Хераскова повлияла интерпретация замысла «Одиссеи», данная видным теоретиком эпической поэмы Рене ле Боссю: «“Одиссея” не создана, как “Илиада”, чтобы наставить все греческие государства, объединенные в единое конфедеративное тело, но для каждого государства по отдельности. Государство состоит из двух частей. Первая — голова, которая руководит; повинующиеся ей члены составляют вторую. Нужны наставления для главы, нужны и для подданных, первому — чтобы приказывать, вторым — чтобы повиноваться. Правителю нужны две добродетели, благоразумие, чтобы распоряжаться, и забота об исполнении отданных распоряжений. Благоразумие политика приобретается только долгим обращением во всякого рода делах и познанием различных видов правительств и государств. Забота об исполнении не позволяет отдавшему распоряжение полагаться на других, она требует его присутствия; и цари, которые удаляются от своих государств, подвергаются опасности погубить их и дают повод для великих беспорядков. Эти две точки зрения легко объединить в одном лице. Царь вне собственной страны обретается при дворах многих государей, где он изучает нравы различных наций. Отсюда естественным путем возникает множество случаев, опасностей и весьма полезных для политического наставления встреч...» (Bossu 1708: 56–57). На Боссю во многом ориентируется Рэмси (Ramsey 1756), посвятивший эссе прославлению фенелонова романа как первоклассного эпического произведения и в свою очередь сильно повлиявший на В. К. Третьяковского как автора стихотворного переложения Фенелона.

изобильными островами Раидскими, рождающими коней от вѣтровъ бурныхъ» — возможная аллюзия *Il.* XX, 219 sqq. (кони Эрихтонія, рожденные отъ Борея). Ср. также *Il.* III, 188, «Можетъ быть имѣлъ ты отца, лѣтами мнѣ подобнаго и надъ мою старостію умиллся», и *Il.* XXIV, 486–487 (при совершенно ином контексте):

μνήσαι πατρός σοῖο θεοῖς ἐπιείκελ' Ἀχιλλεῦ,
τηλίκου ὡς περ ἐγών, ὅλοῦ ἐπὶ γήραος οὐδῶ⁹.

Хераскову нравится горацианский образ «части» (*carm.* III, 30, 6) или «половины» (*carm.* I, 3, 8) души; ср. *K* I, 33: «увы! я пиршествую, а чада и друзья мои гибнуть! се половина всего меня исчезла!»; *Il.* I, 40–41: «О! родитель мой, ты не весь меня покинул — ты оставил мнѣ наилучшую часть самага тебя — оставил... твою мудрость!» Используется и образ корабля-государства, *Il.* I, 254–255: «Носимый корабль бурными волнами без мачты и без кормщика не достигнетъ спокойно пристанища, и наконецъ о скалы и мѣли сокрушится; таковой жребій отечеству нашему предлежитъ». Но здесь, разумеется, можетъ быть не только горацианский источник.

Обратимся к прозе. Описывая Атлантиду («Атлантическіе острова»), Херасков прямо ссылается на Платона (*Il.* I, 160). Но, в отличие от описания в «Критии», херасковская Атлантида страдает не из-за развращения правителей, а из-за развращения народа. Она представляет собой непосредственную реакцию на французские революционные события. Платоновское влияние на политические воззрения Хераскова весьма вероятно (при полной невозможности прямого заимствования и последовательной солидарности); но это тема отдельного исследования.

По-видимому, привлекается цицероновский трактат «О дружбе». Об этом можно с некоторой вероятностью заключить по текстуальным параллелям (*Il.* II, 217–218): «Другъ есть усугубление бытія нашего; въ немъ самихъ себя, яко въ зеркалѣ мы видимъ» (ср. *Cic. Lael.* VII, 23: «Но кто вглядывается в друга, вглядывается как бы в образчик самого себя»; «...меньше съ другомъ въ несчастіи бѣдствуемъ — и паче во благоденствіи утѣшаемся» (VI, 22: «Каков был бы толк от счастливых обстоятельств, если б ты не имел того, кто радовался бы им наравне с тобой? трудно было бы перенести и несчастливые без того, кто их переносил бы тяжелее,

⁹ «Вспомни о своем отце, подобный богам Ахиллес, в том же возрасте, в каком теперь я, на гибельном пороге старости».

чем ты сам»); «Между развратными человекѣками дружба существовать не можетъ» (V, 12; XVIII, 65: дружба возможна только между честными людьми).

Наконец, самый важный античный прозаический фрагмент, использованный Херасковым, — весьма точно процитированный отрывок из «Метаморфоз» Апулея (*К* II, 217–218, приведем с предшествующим фрагментом): «Многіе подѣ именемъ Изисы разумѣють всю Натуру; но мы обожаемъ, отвѣчаль Діафанъ, въ лицѣ Изисы не кумира, не ликъ сего истукана, и не орудія или его одежды; мы подразумѣваемъ божество непостижимое; се есть токмо единая буква, чтомая нами ради непрестаннаго напаятованія, что нѣтъ во всей вселенной, нѣтъ ни малѣйшія точки, гдѣ бы зиждительное божество всецѣло не присутствовало; не было времянь, когда бы оно не сіяло; не есть и не будетъ мгновенія, когда бы оно существовать престало. Оно есть сердце, оно душа вѣчности, источникъ и корень времянь и твореній. — Словомъ се есть жизнь всемірная! — Се есть духъ самобытствующій, непостижимый и неизглаголаный. Мы сквозь кумира мысленно взираемъ на божество неисповѣдимое, на дѣятельность и на всемогущество существа невидимаго; а простой народъ, останавливаясь при сихъ кумира украшеніяхъ, при его образѣ, при изображеннѣхъ орудіяхъ обожаетъ простой истуканъ токмо, и заемлется единими внѣшними обрядами и чиноположеніями.

Вѣдай, Кадмъ, что Изисъ подѣ разными наименованіями едва не всѣми народами нынѣ почитаема есть. Фригійцы нарицають ее матерію всѣхъ боговъ, Аѣинейцы Минервою, Кипряне Афродитою Пафосскою, Критяне Діанною, Сицилійцы Прозерпиною, Елевзяне Церерою, одни Юоною, другіе Гекатою Рамузіею; но Египтяне справедливе всѣхъ Изисою ее имянують»¹⁰. Эта цитата связана с пребыванием Кадма в Египте.

---

¹⁰ В переводе Ермила Кострова этот отрывок из «Метаморфоз» звучит так: «я едино во всемъ мірѣ божество, но въ разномъ видѣ, подѣ различными названіями, и разными обрядами чтить меня вселенная. Фригійяне древнѣйшіе изъ всѣхъ народовъ нарицають меня матерью боговъ и Пессинунтійскою богинею; Аѣиняне Цекропскою Минервою; жители острова Кипра Пафоской Венерою, Критяне искусные стрѣль метатели Діанною Диктинною; и Сициліяне, говорящіе тремя языками, именуютъ меня Стикскою Прозерпиною; Элевзинскіе жители древнею богинею Церерою; иные именуютъ меня Юоною, другіе Беллоною, иные Гекатою, другіе Рамнузіскою Немезисою; но

Итак, важнейшим античным автором для поздней прозы Хераскова оказывается Овидий. Он дает мифологический фон для «Кадма и Гармонии» и философский для «Полидора» (при значительных отклонениях от образца и в том, и в другом случае). Крупнейшие эпики Греции и Рима — Гомер и Вергилий — также используются, но лишь локально. Античная проза менее важна, чем поэзия — это можно рассматривать как следствие «казуса Фенелона», реализовавшего возможность создания эпопеи в прозе.

Литература

- Apulej, L. 1871. *Lutsiya Apuleya platonicheskoj sekty filosafo Prevrashchenie, ili Zolotoj Osel*. Perevel Ermil Kostrov [*Lucius Apuleius of the Platonic sect, the philosopher. Metamorphosis, or The Golden Ass*. Translated by Ermil Kostrov. Part II. Moscow: At the University Press of N. Novikov, 1781.] Р. II. М.: V Universitetskij Tipografii u N. Novikova.
Луція Апулея платонической секты философа Превращение, или Золотой Осель. Перевель... Ермиль Костровъ. Ч. II. М.: Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1781 года.
- Karamzin, N. M. 1791. *Kadm i Garmoniya, drevnee povestvovanie, v dvukh chastyakh*. М.: V Universitetskij Tipografii, 1789 [*Kadmus and Harmonia, an ancient narrative, in two parts*. Moscow, at the University Press, 1789. Moscow Journal. 1791. January, 80–101]. Moskovskij Zhurnal. 1791. Yanvar'.
- [Карамзин Н. М.] *Кадм и Гармония, древнее повествование, в двух частях*. Москва, в Университетской типографии, 1789. *Московский журнал*. 1791. Январь, 80–101.
- Kheraskov, M. M. 1789: *Kadm i Garmoniya, drevnee povestvovanie* [Kheraskov M. M. *Cadmus and Harmonia, an ancient tale*. Part I–II. Moscow: At the University Typography, at N. Novikov's]
 Херасков, М. М. 1789: *Кадмъ и Гармонія, древнее повѣствованіе*. Ч. I–II. М.: Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова. 1789.
- Kheraskov M. M. 1794: *Polidor, syn Kadma i Garmonii*. [Kheraskov M. M. *Polydorus, son of Cadmus and Harmonia*. Part I–III. Moscow: In the Printing House of I. Zelennikov.]
 Херасков, М. М. *Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи*. Ч. I–III. М.: Въ Типографіи И. Зеленникова. 1794.

Еѳіопы озаряемые всегда первыми восходящаго солнца лучами, притомъ Арійскіе народы, и Египтяне, древнѣйшіе мудрецы во всемъ свѣтѣ, нарицають меня точнымъ и собственнымъ моимъ именемъ, то есть богинею Изисою» (Апулей 1781: 299–301).

- Le Bossu, R. 1708: *Traité du poëme épique*. Par le R. P. Le Bossu, Chanoine Regulier de Sainte Geneviève. Nouv. Ed. revûë & corrigée. Paris: J.-G. Nyon. 1708.
- Limanskaya, Yu. S. 2007. *Proizvedeniya M. M. Kheraskova "Zolotoj prut" i "Kadm i Garmoniya" v kontekste masonskoj prozy poslednej chetverti XVIII veka*. Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Surgut. [Yu. S. Limanskaya. The Works of M. M. Kheraskov *Golden Rod* and *Cadmus and Harmonia* in the Context of Masonic Prose of the Last Quarter of the 18th Century. Candidate of Sciences Dissertation. Surgut: 2007.]
Лиманская Ю. С. *Произведения М. М. Хераскова «Золотой прут» и «Кадм и Гармония» в контексте масонской прозы последней четверти XVIII века*. Дисс. канд. наук. Surgut: 2007.
- Ramsey A.-M. Discours de la poésie épique, et de l'excellence du poëme de Télémaque // Les Aventures de Télémaque, fils d'Ulysse, par Messire François Salignac de La Mothe-Fénelon, Précepteur des Enfants de France... Nouvelle édition, revuë, corrigée... Dublin: P. Wilson. MDCCLVI. P. I–XXXI.
- Rostovtseva, Yu. A. 2016: Literaturnaya utopiya M. M. Kheraskova "Polidor, syn Kadma i Garmonii": mezhdru gosudarstvennoj ideologiej i panegiricheskoj traditsiej. In: Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. Zhurnal nauchnykh publikatsij. N 1, 164–170. [M. M. Kheraskov's *Polydor, Son of Cadmus and Harmonia*: Between State Ideology and Panegyric Tradition. In: *Current Issues in Humanities and Natural Sciences. Journal of Scientific Publications*. No. 1, 2016, 164–170.]
- Ростовцева, Ю. А. 2016: Литературная утопия М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии»: между государственной идеологией и панегирической традицией. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций*. № 1, 2016, 164–170.
- Sakharov, V. I. 2000: *Masonskaya prosa: istoriya, poetika, teoriya. Masonstvo i russkaya literatura XVIII–nachala XIX vv.* [Sakharov V. I. *Masonic Prose: History, Poetics, Theory. Freemasonry and Russian Literature of the 18th to early 19th centuries*. Ed. V. I. Sakharov. Moscow: URSS. 2000. P. 193–220.]
Сахаров, В. И. 2000: *Масонская проза: история, поэтика, теория. Масонство и русская литература XVIII — начала XIX вв.* Отв. ред. В. И. Сахаров. М.: УРСС. 2000. С. 193–220.

Е. А. Лютикова
МГУ им. М. В. Ломоносова/ Институт языкознания РАН, Москва, Россия.
lyutikova2008@gmail.com

А. В. Сидельцев
Институт языкознания РАН, Москва, Россия. acidelcev@gmail.com

МАРКИРОВАННЫЕ И НЕМАРКИРОВАННЫЕ НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЯ В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ: КЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС, СТРУКТУРНАЯ ПОЗИЦИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹

В статье на материале хеттского языка на основе корпусных данных, представленных в разработанной нами базе данных, сопоставлены неопределенные местоимения с показателем *-kki/-kka* (маркированные неопределенные местоимения, МНМ) и без выраженного показателя неопределенности (немаркированные неопределенные местоимения, ННМ).

МНМ и ННМ имеют много общих свойств. Во-первых, все МНМ и большинство ННМ являются клитиками. Во-вторых, две структурные позиции МНМ и ННМ — в предглагольной позиции и в начале предложения — коррелируют с их узкой или широкой сферой действия по отношению к предглагольному отрицанию. Наконец, многие функции неопределенных местоимений доступны как для МНМ, так и для ННМ.

В то же время между МНМ и ННМ наблюдаются и определенные отличия. Во-первых, часть употреблений ННМ оказывается ударными. Во-вторых, некоторые контексты для ННМ явно являются инновациями (вопрос, ирреалис, императив). ННМ-проформы также редки в сфере действия отрицания. С другой стороны, ННМ-проформы и ННМ-группы имеют дистрибутивные употребления. Можно предположить, что экспансия ННМ в несвойственные для них контексты за пределами условных конструкций происходит в письменный период хеттского языка.

Несмотря на явную корреляцию между ударностью и дистрибутивным прочтением ННМ, имеются также примеры, где расположенное в начальной (второй после откладывающего элемента) позиции ННМ интерпретируется как находящееся в сфере действия условного оператора, а не как дистрибутивное. В работе мы предлагаем два варианта объяснения этого факта.

Ключевые слова: хеттский язык, синтаксис, неопределенные местоимения, клитики, предглагольная позиция, начальная позиция.

---

¹ Работа поддержана грантом РФФ №24-18-00199, реализуемым в Институте языкознания РАН.

E. A. Lyutikova

Lomonosov MSU / Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia.

lyutikova2008@gmail.com

A. V. Sideltsev

Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia. acidelev@gmail.com

Marked and non-marked indefinite pronouns in Hittite: cliticization, structural position, interpretation

The paper confronts Hittite indefinite pronouns of two classes — those marked with *-kki/-kka* (MIP) and those that do not bear the indefiniteness marker (NMIP). The study is based on corpus data that were shaped as a database.

MIP and NMIP have many common properties. First, all MIPs and the majority of NMIP are clitics, which follows from their obligatory non-initial position within their cliticization domain. Second, two structural positions of MIPs and NMIPs — immediately before the verb and at the clause's left edge — correlate with their narrow or wide scope vis-à-vis preverbal negation. The position at the clausal left edge is clearly derivative, which is warranted by split of phrasal MIP and NMIP, where the complement of the pronoun is fronted whereas the remnant indefinite pronoun stays in the preverbal position. Finally, many indefinite pronoun functions are available for both MIPs and NMIPs, with the most common pattern being within the scope of the conditional operator.

Still there are differences between MIP and NMIP. First, part of NMIPs are stressed. Second, a number of contexts where NMIPs occur are obvious innovations, because there is only one attestation of NMIP for each of them. They include referential and non-referential occurrences in such nonveridical contexts as questions, irrealis and imperative. NMIP-proforms are also quite rare within the scope of negation. On the other hand, NMIP-proforms and NMIP-phrases are very commonly used distributively — in up to one third of all NMIP attestations. This can be captured by suggesting that sporadic expansion of NMIP into new contexts beyond conditional constructions takes place within written history of Hittite.

As for the relation between the enclitic status of NMIP and their interpretation, there is a clear correlation between accentability and the distributive reading, still there are also examples where initial NMIPs are interpreted as within the conditional operator scope. This can be accounted for in two ways. On the one hand, it can be suggested that accented NMIPs spread into the contexts that are originally available for enclitic NMIPs, namely protases of conditional sentences. On the other hand, such position of NMIP can be the result of variation within the class of delaying elements, i.e., that in these contexts *mān* 'if' and *našma* 'or if' can be interpreted as hosts for enclitic NMIP.

Keywords: Hittite, syntax, indefinite pronouns, clitics, preverbal position, clause-initial position.

1. Введение

Неопределенные местоимения и возглавляемые ими группы вызывают неизменный интерес специалистов по семантике и синтаксису естественного языка, лингвистов-типологов и исследователей конкретных языков. Семантическая проблематика связана с поиском адекватных репрезентаций значения различных серий неопределенных местоимений, с объяснением их функциональной полисемии в ряде контекстов и с выявлением факторов, лицензирующих различные серии (Fodor, Sag 1982; Heim 1982; Matthewson 1999, Geurts 2000, Giannakidou 2001, Kratzer, Shimoyama 2002, Kratzer 2005). Синтаксические вопросы включают зависимость интерпретации неопределенных местоимений от их структурной позиции и синтаксическую репрезентацию взаимодействия между неопределенным местоимением и его лицензором (Haegeman, Zanuttini 1991, Diesing 1992, Reinhart 1997, Giannakidou 1998). Типологические исследования нацелены на выявление засвидетельствованных в естественных языках способов распределения серий неопределенных местоимений по различным функциональным контекстам и моделей полисемии неопределенных и других классов местоимений (Haspelmath 1997, Bhat 2000, Третьякова 2009).

В хеттологии исследование неопределенных местоимений имеет богатую историю (см. раздел 2), в основном сосредоточиваясь на дистрибуции неопределенных местоимений с показателем серии *-kki / -kka*. Отмечается также использование в аналогичной функции неопределенных местоимений без выраженного показателя неопределенности, формально идентичных вопросительным местоимениям. Следует отметить, что предшествующие обобщения базируются на разных исследовательских корпусах, вследствие чего сопоставление полученных данных зачастую невозможно. Кроме того, более ранние работы эксплицитно не описывают материал, ставший основой обобщений, а лишь приводят источники положительных данных. Вследствие этого мы не можем быть уверены, что опровергающие такие обобщения примеры не содержатся в других источниках (см. подробнее об этом: Лютикова, Сидельцев 2023а: глава 8).

Данная работа впервые в корпусной хеттологии ставит перед собой задачу последовательного сопоставления неопределенных местоимений с показателем *-kki / -kka* и без него.

Такое сопоставление представляет интерес по нескольким причинам. С одной стороны, типологические исследования показывают, что неопределенные местоимения без выраженного показателя неопределенности обычно образуют отдельную серию, отличаясь по дистрибуции от серий с таким показателем (Haspelmath 1997, Третьякова 2009). В частности, О. Д. Третьякова отмечает, что во многих языках они ограничены «срединными» функциями семантической карты М. Хаспельмата: нереферентными выражениями в ирреальных контекстах (например, в прохибитивах, опативах, модальных контекстах), в аподозисе условной конструкции и в вопросах. Однако в некоторых языковых ареалах, например, в Северной Америке и Юго-восточной Азии, функции таких местоимений шире и включают референтные неопределенные контексты и контекст прямого отрицания. Соответственно, для хеттского языка важно определить, отличается ли дистрибуция неопределенных местоимений с показателем *-kki / -kka* и без него.

С другой стороны, неопределенные местоимения без выраженного показателя неопределенности принадлежат к классу выражений, которые в недавней теоретической литературе получили название *quexistentials* (вопросительно-неопределенных местоимений) (см. Haida 2007; Hengeveld, Iatridou, Roelofsen 2019; 2023). Выбор между вопросительной и неопределенной интерпретацией местоимения в разных языках может определяться его структурной позицией (например, подлежащее или дополнение), наличием в предложении лицензирующего оператора (например, вопросительного, условного или отрицательного), а также присутствием на местоимении фокусного акцента (наличие акцента коррелирует с вопросительным прочтением, а отсутствие — с неопределенным, при этом само по себе отсутствие фокусного акцента еще не подразумевает автоматически клитический статус). Эти обобщения имеют непосредственное отношение к рассматриваемому в данной работе материалу хеттского языка: как показано в (Huggard 2015), вопросительные местоимения в хеттском языке ударные, а неопределенные относятся к клитическим². Соответственно,

---

² При этом собственно свидетельств лексической безударности в хеттском у нас нет — неопределенные местоимения в отличие от прототипических клитик не демонстрируют в хеттском особую

необходимо понять, следует ли интерпретация местоимения из его ударности, или же соотношение между ударностью и интерпретацией устроено более сложно.

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. В разделе 2 представлено обсуждение истории вопроса в хеттологической литературе. В разделе 3 приводятся результаты корпусного исследования неопределенных местоимений с показателем *-kki / -kka* и без него, организованные в несколько подразделов: клитический статус, структурная позиция в предложении и интерпретация. Раздел 4 содержит выводы.

2. История вопроса

Традиционно в исследованиях по хеттской грамматике отмечались синтаксические особенности неопределенных местоимений, маркированных *-kki/-kka* (далее маркированные неопределенные местоимения, МНМ). С синхронной хеттской точки зрения этот класс является производным от вопросительного/относительного местоимения *kui-* ‘который’ при помощи показателя *-kki/-kka* (Hoffner, Melchert 2008: 149), который синхронно больше нигде не употребляется. По расположению в возглавляемой таким местоимением именной группе МНМ идентичны только тому употреблению относительных местоимений, которое традиционно описывалось как «определенное»: так, в именной группе, состоящей из МНМ и существительного, местоимение следует за существительным; в случае, если именная группа состоит из МНМ, прилагательного и существительного, местоимение следует за первым знаменательным словом именной группы (Hoffner, Melchert 2008: 255, 286–7). Специфической особенностью дистрибуции МНМ, которая четко отграничивает их от относительных местоимений, является то, что они следуют за маркером отрицания (там же: 342, 345).

А. В. Сидельцев и И. С. Якубович (Sideltsev, Yakubovich 2016) предложили диахронический анализ маркера неопределенности *-kki/-kka*, рассмотрев его на широком фоне других

дистрибуцию в графической строке (Sideltsev 2017a). Типологически неопределенная интерпретация характеризуется отсутствием именно фокусного акцента, но совсем не обязательно отсутствием лексического ударения.

маркеров неопределенности в анатолийских языках. В этом свете они выдвинули новые аргументы в поддержку старой точки зрения (Oettinger 1983), согласно которой этот маркер восходит к маркеру аддитивного фокуса *-kku* (который параллельно развился в сочинительный союз 'и') (Sideltsev, Yakubovich 2016: 37–8).

М. Хаггард (Huggard 2015) и А. В. Сидельцев (Sideltsev 2014, 2015) описали дистрибуцию МНМ. Их поведение оказалось сходным с поведением прототипических клитик второй позиции по ряду параметров: они могут разбивать группы, которые в обычных условиях не разрываются. При этом М. Хаггард (Huggard 2015) отождествлял МНМ с клитиками, а А. В. Сидельцев (Sideltsev 2017a), напротив, привел аргументы в пользу того, что этот класс местоимений является синтаксическими, но не фонологическими клитиками (т.е. МНМ ведут себя как клитики с синтаксической точки зрения, но не являются безударными).

Те же авторы описали и линейные позиции МНМ в предложении (Huggard 2015, Sideltsev 2015). По их мнению, МНМ употребляются в двух позициях — непосредственно предглагольной и в позиции, близкой к началу клаузы. При этом в обоих случаях они демонстрируют ограничение второй позиции. Близкая к глаголу позиция МНМ описывалась и ранее, причем эксплицитно отмечалось отличие аргументов глагола, выраженных МНМ, от всех других типов аргументов (Hoffner, Melchert 2008: 286–7, 406), но это отличие не увязывалось с ограничением второй позиции. М. Хаггард (2015) структурно определил предглагольную позицию как позицию внутри *vP*, а А. В. Сидельцев (2017a) предположил, что эта позиция находится выше, вне *vP*, в *FocP*. По мнению М. Хаггарда, позиция МНМ внутри *vP* (*in situ*) обусловлена необходимостью экзистенциального закрытия выражений, интерпретируемых как переменные, а в случае пресуппозициональной интерпретации они поднимаются из *vP* в *Spec,IP*. А. В. Сидельцев (Sideltsev 2017b), напротив, отрицал взаимосвязь между позицией МНМ в клаузе и их интерпретацией. По поводу позиции МНМ на левой периферии клаузы, в которую они поднимаются, также нет единства: М. Хаггард (2015) считает ее нефиксированной, так что ограничение второй позиции действует только внутри

самой группы МНМ, а А. В. Сидельцев (Sideltsev 2015) полагает, что эта позиция является второй в рамках клаузы.

Интерпретационные возможности МНМ обсуждаются в (Sideltsev 2017b). Автор подчеркнул, что МНМ распадаются на два класса: экзистенциальные кванторы и NPI. Первые употребляются без эксплицитных операторов, в то время как вторые употребляются в сфере действия различных операторов (отрицания, условного оператора, вопросительного оператора). А. В. Сидельцев продемонстрировал несколько синтаксических различий в поведении МНМ в сфере действия разных операторов: во-первых, под отрицанием происходит обязательное расщепление группы с МНМ, а при условном операторе расщепление происходит опционально. Во-вторых, в сфере действия условного оператора МНМ, как правило, линейно располагается перед превербом, а в сфере действия отрицания МНМ располагается линейно после преверба.

Также в литературе описаны те случаи, в которых неопределенное местоимение не маркировано *-kki/-kka* и формально тождественно вопросительному/относительному местоимению *kui-* (Huggard 2015: 33–36, Haug, Sideltsev 2019) (далее немаркированные неопределенные местоимения, ННМ). Отмечается, что ННМ употребляются в строго ограниченных контекстах, а именно, там, где они лицензируются оператором, наиболее частотно отрицанием или условным оператором (Hoffner, Melchert 2008: 149, 342). Любопытной особенностью ННМ является тот факт, что в отличие от МНМ они сохраняют позиционные возможности вопросительных/относительных местоимений и могут располагаться как во второй, так и в первой позиции в клаузе и в своей группе. Единственный контекст, в котором ННМ употребляются не в сфере действия клаузного оператора — дистрибутивный (Huggard 2015: 36), и в таких случаях ННМ всегда находятся в первой позиции. Д. Хауг и А. В. Сидельцев (Haug, Sideltsev 2019) продемонстрировали, что употребление ННМ в сфере действия операторов — инновация в рамках истории хеттского языка, она возникла после древнехеттского периода. В древнехеттский же период в этих контекстах употреблялись лишь МНМ. В этой же работе отмечается, вопреки (Huggard 2015), что контексты, в которых лицензируются ННМ, в хеттском ограничены сферой действия условного и отрицательного операторов; в отличие от

остальных индоевропейских языков, к этим контекстам в хеттском не относятся вопросы и модальные контексты.

Подводя итоги предпринятому обсуждению, следует подчеркнуть, что предшествующие исследования не позволяют полноценно охарактеризовать сходства и различия между МНМ и ННМ, а также установить однонаправленную или двунаправленную имплицативную связь между клитическим статусом ННМ и его интерпретацией. В следующем разделе мы предполагаем восполнить эти пробелы путем обращения к созданному нами корпусу синтаксических клитик (Лютикова, Сидельцев 2023а: Приложение 4), в котором содержащиеся МНМ и ННМ предложения хеттского языка единообразно размечены в отношении линейной позиции местоимения в предложении и в составе собственной группы, его статуса вершины или проформы, присутствия в предложении условных показателей *mān* и *našma*, показателей отрицания, прохибитива, коннектора *ni*.

3. Характеристики неопределенных местоимений: корпусные данные

Всего в исследовательском корпусе представлено 753 предложения, содержащих неопределенные местоимения, из них 636 МНМ и 117 ННМ. Проформы (то есть одиночные неопределенные местоимения без зависимых) составляют порядка 70% всех вхождений: 417 из 636 МНМ и 85 из 117 ННМ, прочие вхождения представлены вершинами, проецирующими собственные группы. В примерах (1а-б) показаны неопределенные местоимения со статусом проформы, в примерах (2а-б) — со статусом вершины группы.

(1) а. МНМ, проформа

NH/NS (СТН 68.Е) KUB 6.44+ rev. iv 20 (315)³
 [nu mān t]uk ANA ^mKupanta-^dLAMMA šA ^dUTU-š=ī
 CONN если тебе к Купанта-Курунтя GEN солнце=мое
 [(*kuiški*) HU]L-lu-n <memian>
 кто_то.NOM.SG.C злой-ACC.SG.C слово.ACC.SG.C
peran tema-i
 перед говорить-3SG.PRS
 ‘Если тебе, Купанта-Курунтя, **кто-то** дурное слово против
 Моего Величества говорит...’

³ Здесь и далее номера в скобках обозначают номер клаузы в нашей базе данных.

б. ННМ, проформа

МН/NS (СТН 261.I.B) KUB 13.2+ rev. iii 21–22 (762)

mān DINU=*ma* **kui-š** ^{GIS}HUR

если дело=но **какой-NOM.SG.C** документ

turpi-az *šiyān* *uda-i*

табличка-ABL запечатать.ПТСР.NOM.SG.N принести-3SG.PRS

‘Но если **кто-то** приносит судебное дело с запечатанным документом с глиняной таблички.’

(2) а. МНМ, группа

НН/NS (СТН 62.A) KBo 5.9(+) obv. ii 14–16 (216)

ni=kan *mān* INA KUR ^{URU}Hatti [HUL-uš]

CONN=ЛОСР если в страна Хатти **злой.NOM.SG.C**

kuiški *memiyaš* *šarā* *išparza-zi*

какой_то.NOM.SG.C дело.NOM.SG.C вверх прыгать-3SG.PRS

‘Если в стране Хатти возникнет **какое-то дурное дело.**’

б. ННМ, группа

НН/NS (СТН 106.II.2) KBo 4.10+ obv. 46’ (45)

mānn=a ANA ^dUTU-š=*ī* LUGAL **kui-š**

если=и к солнце=мое **царь** **какой-NOM.SG.C**

MEHIR=šU *arāi*

равный=его подниматься.3SG.PRS

‘Но если **какой-то царь равного ранга** восстанет против Моего Величества.’

3.1. Клитический статус

Клитический статус местоимения может быть определен на основании следующих феноменов (Lyutikova, Sideltsev 2023):

— местоимение не встречается в первой позиции в предложении, а также во второй позиции после так называемых «откладывающих» элементов (коннектора *ni*, условных показателей *mān* и *našma*);

— местоимение — вершина группы инвертирует с первым фонетическим словом своей группы или с более крупной подстрокой внутри своей группы, ср. (3a)⁴;

— местоимение-проформа разбивает следующую за ним составляющую или цепочку вершин (3b).

(3) а. инверсия внутри группы

[ОБЛАСТЬ КЛИТИЗАЦИИ [_{wh-XP} **wh** ω₁ ω₂ ... ω_n] ...]

→ [ОБЛАСТЬ КЛИТИЗАЦИИ [_{wh-XP} **wh** ω₁ **wh** ω₂ ... ω_n] ...]

б. инверсия с разбиением следующей составляющей

[ОБЛАСТЬ КЛИТИЗАЦИИ **wh** [_{XP} ω₁ ω₂ ... ω_n] ...]

→ [ОБЛАСТЬ КЛИТИЗАЦИИ **wh** [_{XP} ω₁ **wh** ω₂ ... ω_n] ...]

Эти феномены являются следствием запрета на первую позицию для клитики в ее области клитизации. Если клитическое местоимение оказывается линейно первым элементом в области клитизации, оно подвергается просодической инверсии (Halpern 1995) с расположенным правее него материалом. Если этот материал представляет собой группу данного местоимения (местоимение выступает в качестве вершины), происходит инверсия внутри самой группы местоимения. Если же местоимение имеет статус проформы, то оно инвертирует с материалом следующей за ним составляющей. Следует отметить, однако, что в случае, когда клитическое местоимение отделено от левой границы своей области клитизации другим материалом, оно не оказывается линейно первым элементом области клитизации, и просодической инверсии не происходит. Таким образом, неинвертированные группы с вершиной — клитическим местоимением возможны, если между ними и левой границей области клитизации располагается другой материал (4a). То же справедливо и в отношении клитических проформ, не инвертирующих с правосторонним контекстом (4b).

(4) а. отсутствие инверсии внутри группы

[ОБЛАСТЬ КЛИТИЗАЦИИ [_{YP} ...] [_{wh-XP} **wh** ω₁ ω₂ ... ω_n] ...]

б. отсутствие инверсии с разбиением следующей составляющей

[ОБЛАСТЬ КЛИТИЗАЦИИ [_{YP} ...] **wh** [_{XP} ω₁ ω₂ ... ω_n] ...]

⁴ На размер инвертирующей подстроки влияют различные факторы, среди которых, например, использование в записи логограмм, см. (Kudrinsky 2016; Lyutikova, Sideltsev 2023b).

Обсудим поведение МНМ и ННМ в отношении рассмотренных выше диагностик клитического статуса.

В отношении способности занимать первую позицию в клаузе и вторую позицию после откладывающих элементов МНМ ведут себя как клитики: из 636 предложений, содержащих МНМ, ни в одном МНМ не занимает первой позиции, а из 33 МНМ во второй позиции лишь в двух предложениях МНМ располагается после откладывающего элемента: после *mān* (5a) и после *ni* (5b). В (5a) представлено расщепление такого типа, какой бывает только у относительных групп, в связи с чем Huggard (2015: 81) предполагает (ad hoc) фокусирование неопределенного местоимения и связанный с ним фокусный акцент, а в (5b) всего два слова в предложении, второе из них *ni*, поэтому никакой другой позиции у местоимения и не могло быть.

(5)а. МНМ во второй позиции после *mān*

МН/MS (СТН 199) АВоТ 1.65 rev. 5' (350)

mat=man=za=kan *kuiški* *Ē=er*

если=IRR=REFL=ЛОCP **кто_то.NOM.SG.C** дом.ACC.SG.N

tamai-š *arnu-t*

другой-NOM.SG.C двигать-3SG.PST

‘Если бы **кто-то другой** переселил бы (твое) хозяйство.’

б. МНМ во второй позиции после *ni*

НН/NS (СТН 383.1.А) КУВ 14.7+ rev. iv 9 (517)

ni *kueqa*

CONN **что_то.NOM.PL.N**

‘И (это) **что-то**.’

ННМ существенно отличаются от МНМ в отношении доступных для них линейных позиций: из 117 примеров 18 содержат ННМ в первой позиции (ср., например, (6a), а 13 — во второй позиции после откладывающих элементов *ni*, *mān*, *našma*, ср. (6b-с). Данные о линейной позиции неопределенных местоимений суммированы в Таблице 1.

(6)а. ННМ в первой позиции

НН/NS (СТН 81.А) КУВ 1.1+ obv. ii 65 (1370)

kui-ēš=ma=mi *takšulā-ir*

который-NOM.PL.C=но=мне заключать_мир-3PL.PST

‘А **другие** заключили со мной мир.’

b. ННМ во второй позиции после *ni*

НН/NS (СТН 61.I.A) КВо 3.4+ obv. ii 33–34 (868)

ni *kui-ēš* NAM.RA INA

CONN **который-NOM.PL.C переселенцы** в

^{HUR.SAG} *Arinnanda pāir*

Ариннанда идти.3PL.PST

‘Одни переселенцы пошли на гору Ариннанда.’

c. ННМ во второй позиции после *mān*

МН/MS (СТН 147) KUB 14.1+ rev. 46 (1850)

mān=wa *kui-t* *kūrur* *ēp-zi*

если=QUOT **который-NOM.SG.N** вражда.ACC.SG.N **брать-**
3SG.PRS

‘Если **какая-то (страна)** начнет вражду.’

Таблица 1. Линейные позиции неопределенных местоимений

	МНМ	ННМ
Всего	636	117
Первые	0	18
Вторые	33	19
из них после откладывающих элементов	2	13
<i>ni</i>	1	6
<i>mān</i>	1	5
<i>našma</i>	0	2
Третьи+	604	80
Итого строго ударных	2 (0,3%)	31 (26,5%)

Допустимость ННМ в первой и второй после откладывающих элементов позиции в предложении дает основания предположить, что ННМ, как и формально совпадающие с ними вопросительные местоимения, являются ударными. При этом одновременно есть и свидетельства в пользу клитического статуса ННМ.

Неопределенные местоимения, проецирующие собственные группы, составляют порядка 30% вхождений и для МНМ, и для ННМ.

Из 166 неразрывных групп МНМ 113 (68%) демонстрируют инверсию внутри группы типа (4а), что является надежным свидетельством клитического статуса МНМ. Примеры такой инверсии показаны в (7а-б)

(7)а. МНМ, инверсия внутри группы

NH/NS (СТН 62.А) КВо 5.9(+) obv. ii 14–16 (216)
nu=kan mān INA KUR URU Hatti [HUL-uš]
 CONN=LOCP если в страна Хатти **злой.NOM.SG.C**
kuiški metiyaš šarā išparza-zi
какой_то.NOM.SG.C **дело.NOM.SG.C** **вверх прыгать-3SG.PRS**
 ‘Если в стране Хатти возникает **какое-то дурное дело.**’

б. МНМ, инверсия внутри группы

NH/NS (СТН 106.А) Во 86/299 obv. ii 91 (219)
mān=aš tamēl kuēlqa
 если=он **другой.GEN.SG** **какой_то.GEN.SG**
 MUNUS-aš DUMU-a-š
женщина-GEN.SG **сын-NOM.SG**
 ‘Или если он сын **какой-то другой женщины.**’

МНМ-проформы также демонстрируют клитическое поведение: они способны расщеплять следующую за ними составляющую, как показано в (4b)⁵ (примеры (8а-б)).

(8)а. МНМ, расщепление правосторонней составляющей

MH/NS (СТН 258.1.А) KUB 13.9+ obv. ii 3–4 (280)
mān ēšhanašš=a kuiški
 если **кровь.GEN.SG=и** **какой_то.NOM.SG.C**
šarnikzil piyan ḥar-zi
компенсация.ACC.SG.N **давать.PTCP.NOM.SG.N** **иметь-3SG.PRS**
 ‘Если кто-то сделал **воздаяние и за крово(пролитие).**’

б. МНМ, разбиение последовательности вершин

MH/NS (СТН 261.I.B) KUB 13.2+ rev. iv 15’ (279)
našma=za dān kuiški
 или=REFL **брать.PTCP.NOM.SG.N** **кто_то.NOM.SG.C**
kuitki ḥar-zi
что_то.ACC.SG.N **иметь-3SG.PRS**
 ‘Или кто-то **взял** что-то.’

⁵ Расщепление МНМ-проформами встречается нечасто (17 примеров на 417 предложений с МНМ-проформами), однако этому есть простое объяснение: в подавляющем большинстве случаев МНМ-проформы располагаются после отрицания и находятся в его сфере действия, так что отрицательный показатель и обеспечивает не-первую позицию МНМ в его области клитизации, в соответствии с (5b).

Таким образом, можно заключить, что на основании всех трех диагностик ННМ могут быть отнесены к клитическим.

Принимая во внимание данные о возможных линейных позициях, несколько неожиданным оказывается тот факт, что ННМ демонстрируют точно такие же просодические инверсии, что и МНМ. Так, из 28 неразрывных групп ННМ 14 (50%) демонстрируют инверсию внутри группы (примеры (9a-b)), и имеется два однозначно интерпретируемых примера расщепления составляющей, расположенной справа от ННМ (10a-b)

(9) а. ННМ, инверсия внутри группы

НН/NS (СТН 382) КВо 11.1 obv. 36 (131)

mān dannadduš=ma kuiēš URU^{DIDL.LJL.A}

если **пустой.NOM.PL.C=но** **какой.NOM.PL.C** **города**

‘Если (есть) **какие-то** **ненаселенные города.**’

б. ННМ, инверсия внутри группы

МН/MS (СТН 146) KUB 23.72+ rev. 61 (142)

[mān=ma[?] ^{LJ}]KUR=ya kui-š URU-aš

если=но **враг=и** **который-NOM.SG.C** **город.NOM.SG.C**

takšul-i ui-zzi

мир-LOC.SG **приходить-3SG.PRS**

‘И если **какой-то** **вражеский город** **приходит** за миром.’

(10) а. ННМ, расщепление правосторонней послеложной группы

МН/NS (СТН 264.A) KUB 13.4 rev. iii 68 (288)

mānn=a=za MUNUS-i kui-š

когда=и=REFL **женщина-DAT.SG** **который.NOM.SG.C**

GAM-an *šeš-zi*

вниз **спать-3SG.PRS**

‘И когда кто-то спит **с женщиной.**’

б. ННМ, расщепление правосторонней субъектной группы

МН/MS (СТН 138.2) KUB 31.105 11’ (359)

[mān[?]=ma=]kan šA KUR ^{LJ}KUR kuwapi

если=но=LOCP **GEN** **страна** **враг** **когда**

^{LJ}**IM.ZU-TIM** *INA KUR ^{URU}H[atti iya-ttari]*

шпион **в** **страна** **Хатти** **идти-3SG.PRS.MED**

‘Если **из** **враждебной земли** **шпион** **куда-либо** **в** **землю** **Хатти** **идёт.**’

Итак, среди ННМ имеются как ударные, так и клитические местоимения. Заметим, что в литературе отмечалось неклитическое использование ННМ в дистрибутивном контексте (Huggard 2015: 36), аналогичном русскому *Кто в лес, кто по дрова*. И действительно, из 31 предложения, содержащего позиционно определяемое ударное ННМ, 24 имеют дистрибутивное прочтение, см., например, (11). Следует отметить, однако, что дистрибутивные ННМ не обязательно располагаются в первой позиции, вопреки (Huggard 2015); так, в примере (12) дистрибутивные составляющие находятся внутри предложения.

(11) ударные ННМ, дистрибутивное прочтение
NH/NS (СТН 363.1) KUB 24.7 rev. iv 48'–49' (1626, 1167, 1659)

1. *nu=nnas̄* *kui-š* NINDA–an
CON=нам **какой-NOM.SG.C** хлеб.ACC.SG.N
  2. *kui-š=ma=nnas̄* KAŠ–eššar
какой-NOM.SG.C=но=нам пиво.ACC.SG.N
  3. *kui-š=ma=nnas̄* ^{uzuzi} *uda-i*
какой-NOM.SG.C=но=нам жир приносить-3SG.PRS
- ‘(3) **Один** приносит нам жир, (1) **один** — хлеб, (2) **один** — пиво.’

(12) дистрибутивные ННМ внутри предложения

MH/MS (СТН 186) НКМ 25 obv. 6–8 (1608)

^{LU}KÚR=*wa pangarit* *išpand-az* **kuwapi**

враг=QUOT группа.INST ночь-ABL **где**

6 м[Е ^{LU}KÚR]**kuwapi**=*ma* 4 ME ^{LU}KÚR *ia[-ttari]*

600 враг **где**=но 400 враг идти-3SG.PRS.MED

‘Враг перемещается ночью группами — **где-то** 600 врагов, **где-то** 400 врагов.’

В 7 случаях ННМ располагаются во второй позиции после откладывающих элементов, то есть должны быть ударными с точки зрения позиционного критерия, однако интерпретируются в сфере действия условного оператора (ср., например, 13a-b). По-видимому, появление таких примеров свидетельствует о процессах реорганизации в системе неопределенных местоимений (ср. Haug, Sideltsev 2019), приводящих к нарушению однозначного соответствия между (безударностью ННМ и его интерпретационными характеристиками.

(13) а. недистрибутивное употребление ударного ННМ

NH/NS (СТН 255.1.A) KUB 21.42+ rev. iv 25 (174)

[n]ašma **kui-n** *metian* **GÜB-an**

или **который-ACC.SG.C** **слово.ACC.SG.C** **дурной.ACC.SG.C**

awan GAM IDE

прочь вниз знает

‘Или если он знает заранее о **каком-то дурном деле.**’

б. недистрибутивное употребление ударного ННМ

NH/NS (СТН 266) KBo 16.54+ rev. iii² 16’ (752)

man(a)=šan **kuwapi** URU-riya EGIR-pa

если=ЛОСР **когда** город.LOC.SG назад

[ār-ti]

прибывать-2SG.PRS

‘Если ты **когда-либо** вернешься в город.’

Итак, МНМ имеют однозначный клитический статус; ННМ имеют ударные и клитические употребления. К ударным употреблениям ННМ относятся в первую очередь дистрибутивные, но имеются и примеры ударных ННМ в сфере действия условного оператора. В прочих случаях (более 70% употреблений) ННМ являются клитическими.

3.2. Структурные позиции

В этом разделе мы рассмотрим расположение неопределенных местоимений по отношению к вершинам предглагольной позиции. В целом сформулированные в литературе обобщения о наличии двух структурных позиций неопределенных местоимений — выше и ниже предглагольных элементов — подтверждаются как для МНМ, так и для ННМ, и выбор структурной позиции коррелирует с широкой и узкой сферой действия неопределенного местоимения, соответственно. Далее мы обсудим структурные позиции неопределенных местоимений, опираясь на фиксированную предглагольную позицию отрицания; рассмотрение других элементов предглагольной позиции мы оставляем для будущих исследований⁶.

⁶ Мы также исключаем из рассмотрения дистрибутивные употребления ударных ННМ, позиция которых, по-видимому, аналогична

При наличии отрицания в предложении структурная позиция неопределенного местоимения однозначно предопределяется его интерпретацией в сфере действия отрицания или вне ее. Неопределенные местоимения-проформы с узкой сферой действия по отношению к отрицанию располагаются между отрицанием и глаголом (14a-b), в то время как неопределенные местоимения-проформы с широкой сферой действия по отношению к отрицанию располагаются левее отрицания (15a-b).

(14) а. МНМ в сфере действия отрицания

МН/MS (СТН 571) КВо 16.97+ obv. 10 (2007)

mān ^m*Mala*-LÚ-*i-š* *UL* *kui*[*tk*]*i*

если Малацити-NOM.SG.C NEG **какой_то**.ACC.SG.N

wemiya-t

находить-3SG.PST

‘Если Малацити **ничего не** нашел.’

б. ННМ в сфере действия отрицания

НН/NS (СТН 176) KUB 21.38 obv. 28’ (1334)

mān=ta *mān* DUMU[?].MUNUS[?]=*pa*[?] *UL*

если=тебе IRR дочь=FOC NEG

kuwapi *pe-ḥḥun*

когда давать-1SG.PST

‘Если бы я **никогда не** дала мою дочь тебе.’

(15) а. МНМ вне сферы действия отрицания

НН/NS (СТН 570) КВо 43.51 12’ (2187)

ni *apat* *kuitki* *UL* [

CONN тот.ACC/NOM.SG.N **какой_то**.ACC/NOM.SG.N NEG [...]

б. ННМ вне сферы действия отрицания

МН/MS (СТН 262) ИВоТ 1.36 rev. iii 42–43 (417)

ni *mān* ^{GIS}SUKUR *kui-š* *UL* *ḥar-zi*

CONN если копьё **который**-NOM.SG.C NEG иметь-3SG.PRS

‘Но если у **кого-то нет** копья.’

Следует иметь в виду, что на линейную позицию неопределенного местоимения может оказывать влияние его клитический статус. В этом случае соответствие между линейной

позиции вопросительных местоимений в частных вопросах, см. (Goedegebuure 2009).

позицией местоимения и его сферой действия по отношению к отрицанию может быть нарушено. Так, в примере (16а) ННМ расположено правее отрицания, но интерпретируется вне его сферы действия. Мы полагаем, что в этом случае ННМ расположено структурно выше отрицания (справа от него), но при этом оно оказывается вторым в клаузе после откладывающего элемента *mān*, то есть первым в своей области клитизации. Поскольку такая позиция для клитики недоступна, ННМ инвертирует с вершиной справа от него — отрицанием. С другой стороны, в примере (16б) ННМ интерпретируется в сфере действия отрицания, но поскольку само отрицание заглагольное (см. о его деривации: Lyutikova, Sideltsev 2021), ННМ инвертирует с первым фонетическим словом предглагольной позиции, каковым оказывается сам глагол. Интересен также случай (16с), где отрицание фокализировано и, по-видимому, выдвинуто на левую периферию клаузы. Находящиеся в сфере действия отрицания МНМ инвертируют с первым элементом аналитической формы перфекта.

(16) а. ННМ справа от отрицания вне сферы действия отрицания

NH/NS (СТН 176) KUB 21.38 rev. 12 (397)

mān UL kui-t IDE

если NEG **что_то.ACC.SG.N** знаю

‘Если я **не** знаю **что-то**.’

б. ННМ слева от отрицания в сфере действия отрицания

NH/NS (СТН 81.А) KUB 1.1+ obv. ii 76 (415)

mān=war=aš=mu=kan šulliya-t

если=QUOT=он=мне=LOCP ссориться-3SG.PST

kuwari UL

когда NEG

‘Если он **никак** со мной **не** ссорился.’

с. отрицание в фокусной позиции, ННМ в сфере действия отрицания разбивает аналитическую форму глагола

MH/MS (СТН 190) НКМ 68 obv. 5–6 (277)

UL=ma=kan dān kuedaniki

NEG=но=LOCP брать.PTCP.NOM.SG.N **кто_то.DAT.SG**

kuitki har-mi

что_то.ACC.SG.N иметь-1SG.PRS

‘Я ни у **кого** **ничего** не взял.’

Итак, структурная позиция неопределенного местоимения по отношению к отрицанию определяется их взаимной сферой действия. При этом необходимо отметить, что, хотя примеры и с узкой, и с широкой сферой действия по отношению к отрицанию обнаруживаются и для МНМ-проформ, и для ННМ-проформ, распределены они по-разному. Из 247 примеров, содержащих МНМ-проформу в одной клаузе с отрицанием, в 245 примере МНМ имеет узкую сферу действия по отношению к отрицанию. Напротив, из 7 примеров, содержащих ННМ-проформу в одной клаузе с отрицанием, в 6 примерах ННМ имеет широкую сферу действия по отношению к отрицанию. Показательно также, что из 417 примеров с МНМ-проформой больше половины (245) представляют собой предложения, содержащие отрицание, которое и лицензирует неопределенное местоимение; из 85 примеров с ННМ-проформой отрицание содержат лишь 7, причем лицензором неопределенного местоимения оно может выступать лишь в одном случае (альтернативный анализ примера (14b) предполагает лицензирование ННМ условным оператором). Отсюда мы делаем вывод, что отрицание обычно лицензирует МНМ-проформы, но не ННМ-проформы. МНМ-проформы, в свою очередь, в присутствии отрицания практически не могут интерпретироваться вне его сферы действия.

Обратимся теперь к позиции неопределенных местоимений, имеющих статус вершин и возглавляющих собственные группы. Из 219 фразовых МНМ в контексте отрицания находятся 53, из них 45 расщепляются по указанной в (Sideltsev 2017b) модели: неопределенное местоимение располагается правее отрицания, в то время как ее NP-комплемент извлекается и передвигается в позицию левее отрицания, ближе к началу предложения. Во всех этих случаях группа МНМ интерпретируется в сфере действия отрицания. Примеры подобных конструкций показаны в (17a-b).

(17) а. расщепленная группа МНМ в сфере действия отрицания
МН/MS (СТН 147) KUB 14.1+ obv. 32 (346)

ANA **к**[UR=*e=y*]a=*wa* *haluki*² [ZI=*i*]t
к страна.LOC.SG=*и*=QUOT послание.ACC.SG.N душа-INST
lē *kuedaniki* *piye-ši*

ПРОН **какой_то**.DAT.SG посылать-2SG.PRS

‘Не посылай послание **ни в какую другую страну** по своей воле.’

b. расщепленная группа МНМ в сфере действия отрицания
NH/NS (СТН 106.П.2) КВо 4.10+ obv. 7'–8' (1284)

šEš=KA=*ma našma tamāi-<n>* UL
 брат=твой=но или **другой-ACC.SG.C** NEG
kuinki d[a-hhi]
какой_то.ACC.SG.C брать-1SG.PRS
 'Я не приму ни твоего брата, **ни кого-либо другого.**'

Расщепление фразовых МНМ в сфере действия отрицания близко к обязательному, однако имеются и примеры без расщепления (5 из 53, см. (18а-с)).

(18) а. группа МНМ в сфере действия отрицания без расщепления

NH/NS (СТН 203) KUB 40.1 rev.¹ 19'–20' (770)
taparriyan=[ka]n UL **kuedaniki**
 приказ.ACC.SG.C=LOCP NEG **какой_то.LOC.SG**
pedi *wašda-nu-nun*
место.LOC.SG грешить-CAUS-1SG.PST
 'Я **ни в какой момент** не придирался к приказу.'

b. группа МНМ в сфере действия отрицания без расщепления
NH/NS (СТН 590) KUB 15.22 7' (1951)

nu=šmaš UL **kiēzqa** **INIM-za**
 CONN=им NEG **какой_то.ABL** дело-ABL
 UGU *wahnu-z[i]*
 вверх.POSTPOS менять-3SG.PRS
 'И **никаким образом** для их не изменится.'

с. группа МНМ в сфере действия отрицания без расщепления

MH/MS (СТН 489.A) КВо 17.65+ obv. 26 (1993) (такие же 1998, 2001)

NU.GÁL **kuitki** **uttar**
 нет **какой_то.NOM.SG.N** дело.NOM.SG.N
 'Нет **никакого дела.**'

Следует отметить, что нерасщепленные фразовые МНМ в сфере действия отрицания в (18) не инвертируют, поскольку МНМ не является первым в своей области клитизации (в этой позиции располагается показатель отрицания), аналогично тому, как МНМ-проформы в сфере действия отрицания не рас-

щепляют правосторонней последовательности вершин. В этой связи особый интерес представляют два примера, где находящиеся в сфере действия отрицания фразовые МНМ инвертируют (19a-b).

(19) а. группа МНМ в сфере действия отрицания с инверсией
NS (СТН 389.9.В) КВо 38.164 6' (390)

[(*UL=ma=wa*   *š*)]*āwar*   *kuitki*
NEG=НО=QUOT   гнев.NOM.SG.N   какой_то.NOM.SG.N
'(Это) **никакой** не **гнев**.'

б. группа МНМ в сфере действия отрицания с инверсией
NH/NS (СТН 181) KUB 14.3 obv. i 54–55 (398)

UL=ya[?]=mi   *uppeššar*   *kuitki*
NEG=и=мне   дар.ACC.SG.N   какой_то.ACC.SG.N
[*uppeš-ta*]
приносить-3SG.PST
'И он не принес мне **никакого подарка**.'

Мы полагаем, что они являются результатом фокализации отрицания с его выдвиганием в начало предложения, вследствие чего фразовые МНМ оказываются первыми в своей области клитизации и инвертируют внутри группы⁷.

Итак, фразовые МНМ в сфере действия отрицания остаются в предглагольной позиции правее отрицания; именной комплемент МНМ либо выдвигается за пределы предглагольной позиции, либо, значительно реже, остается *in situ*. Напротив, фразовые МНМ вне сферы действия отрицания выдвигаются из своей исходной предглагольной позиции целиком:

(20) МН/MS (СТН 262) ИВоТ 1.36 obv. ii 19 (377)

mān andurza   *kuiški*   ^{URUDU}*zakkeš*
если внутри   какой_то.NOM.SG.C   засов.NOM.SG.C
UL   *karp-anza*
NEG   поднимать-PTCP.NOM.SG.C
'Если внутри **какой-то засов** не поднят.'

⁷ Альтернативное объяснение предполагает неполное выдвигание комплемента МНМ, происходящее через левосторонний спецификатор местоименной вершины. См.: (Лютикова, Сидельцев 2023с) об аналогичном анализе фразовой инверсии в относительных группах.

Перейдем теперь к обсуждению фразовых ННМ. В отличие от ННМ-проформ, фразовые ННМ в сфере действия отрицания достаточно надежны (3 примера из 4, содержащих одновременно фразовые ННМ и отрицание). Все три примера демонстрируют расщепление фразовых ННМ:

(21) а. расщепленная группа ННМ в сфере действия отрицания

МН/MS (СТН 190) НКМ 52 rev. 34–36 (1324)

namta ammuk apiiya šahḫan

потом мне там **оброк.NOM.SG.N**

luzzi=ya UL

повинность.NOM.SG.N=и NEG

kui-t ēš-ta

какой_то.NOM.SG.N быть.3SG.PST

‘Более того, у меня там (никогда) не было **никаких оброков и повинностей.**’

б. расщепленная группа ННМ в сфере действия отрицания

МН/MS (СТН 199) АВоТ 1.65 obv. 11 (1328)

ammug=a āššul UL kui-t

мне=но **приветствие.ACC.SG.N NEG который.ACC.SG.N**

ḫa[tr]āe-š

писать-2SG.PST

‘Но мне ты **никакого приветствия** не написал.’

с. расщепленная группа ННМ в сфере действия отрицания

НН/NS (СТН 176) KUB 21.38 obv. 48’ (396)

n=at=mu ANA LÚ^{MEŠ} KUR URU Ḫatti peran UL

CONN=они=мне к люди страна Хатти перед NEG

imma walliyatar UL kui-t ēš-ta

FOC **гордость.NOM.SG.N NEG который-NOM.SG.N** быть-3SG.PST

‘Разве они не были для меня **предметом гордости** перед людьми в Хатти?’

Единственный пример с фразовым ННМ, имеющим широкую сферу действия по отношению к отрицанию, — клауза (22), в которой группа ННМ выдвинута в начало предложения.

(22) группа ННМ вне сферы действия отрицания
 МН/MS (СТН 262) IBoT 1.36 obv. i 70–71 (2123)
mān kuedani=ma' URU-r[i ZA]G–az
 если **который.ЛОС.SG город.ЛОС.SG** право.ABL
tiya-wanzi *UL' tar'han
 ступать-INF NEG мочь.ПТСР.NOM.SG.N
 'Но если в **каком-то городе** невозможно стоять справа.'

Итак, фразовые МНМ и ННМ демонстрируют не только единообразную корреляцию между линейной позицией и интерпретацией по отношению к отрицанию, но и, как кажется, в равной степени могут лицензироваться отрицанием. Это отличает фразовые ННМ от ННМ-проформ, которые лишь в исключительных случаях оказываются в сфере действия отрицания и лицензируются им.

Последнее замечание в этом разделе касается расщепления групп неопределенных местоимений. В полном соответствии с (Sideltsev 2017b), фразовые МНМ могут расщепляться не только в контексте отрицания, но и в других лицензирующих МНМ контекстах. Наряду с примерами (23a-b), иллюстрирующими расщепление в отмечаемом А. В. Сидельцевым контексте условного союза, отметим также расщепленные фразовые МНМ в контексте вопросительного оператора (24a-b).

(23) а. расщепление группы МНМ в контексте условия
 МН/NS (СТН 252.А) KUB 13.8 obv. 11–12 (353)
mān šA É.NA₄=ma ħinkan-aš waštul
 если GEN **дом.камень=но** смерть-GEN.SG грех.ACC.SG.N
kuiški wašta-i
какой_то.NOM.SG.C грешить-3SG.PRS
 'Если **кто-то из мавзолея** совершит смертный грех.'

б. расщепление группы МНМ в контексте условия
 МН/NS (СТН 264.А) KUB 13.4 rev. iv 61–64 (223)
mān=ma=kan šA KASKAL–NI L^USIPA.GU₄
 если=но=ЛОСР внутри путь **пастух.бык**
našma L^USIPA.UDU maršatar
или пастух.овца обман.ACC.SG.N
kuiški iya-zi
какой_то.NOM.SG.C делать-3SG.PRS

‘Если на пути **какой-нибудь пастух овец или быков** совершит обман.’ ‘Если на пути **какой-нибудь пастух овец или быков** совершит обман.’

(24) а. расщепление группы МНМ в контексте вопроса
NH/NS (СТН 577.П.3.2) КВо 2.2 obv. i 45–46 (351)

n=an=kan   *:tapaššaš*   *apiya*
CONN=ego=LOCP **лихорадка.NOM.SG.C** тогда
kuiški   *anda* *wemiya-zi*
какой_то.NOM.SG.C в   находить-3SG.PRS
‘Случится ли с ним тогда **лихорадка?**’

б. расщепление группы МНМ в контексте вопроса
NH/NS (СТН 123) КВо 4.14 rev. iii 3 (503)

nu=za   *uttar*   *kuwatka*
CONN=REFL **слово.ACC.SG.N** как_то
kuitki   *markiya-mi*
какой_то.ACC.SG.N отвергать-1SG.PRS
‘Отвергну ли я как-то **какое-то слово?**’

Любопытно, что засвидетельствован также пример расщепления группы ННМ, причем именной комплемент неопределенного местоимения расположен левее союза *mān* (по-видимому, в позиции внешнего, «зависающего» топика):

(25) расщепление группы ННМ в контексте условия
NH/NS (СТН 69.A) KUB 19.49+ obv. i 52–53 (500)

kēdaš   *mān* ***kui-š***   *š[A MĀMIT]I*
этот.GEN.PL если **какой-NOM.SG.C** GEN клятва
‘Если **кто-то из них** находится под клятвой.’

Таким образом, МНМ и ННМ демонстрируют сходную дистрибуцию по отношению к доступным для них в клаузе структурным позициям. Расположение в предглагольной позиции соотносится с узкой сферой действия по отношению к отрицанию, а расположение на левой периферии клаузы — с широкой сферой действия. В контексте клаузальных лицензирующих операторов — например, условного или вопросительного — обе структурные позиции оказываются в области с-командования оператора, поэтому расположение неопределенных мес-

тоимений не влияет на их интерпретацию. Соответственно, расщепленные группы неопределенных местоимений оказываются структурными вариантами конструкций без расщепления.

Различие между МНМ и ННМ затрагивает их способность лицензироваться отрицанием. МНМ-проформы в подавляющем большинстве случаев находятся в сфере действия отрицания и лицензируются им, в то время как ННМ-проформы отрицанием практически не лицензируются. Фразовые ННМ, однако, демонстрируют некоторое количество надежных примеров лицензирования со стороны отрицания и характерного для таких случаев расщепления группы ННМ. Таким образом, можно считать использование ННМ с узкой сферой действия по отношению к отрицанию инновацией, которая в первую очередь распространилась на структурно однозначную конструкцию с расщеплением.

Сводная информация о взаимодействии неопределенных местоимений с отрицанием представлена в Таблице 2.

Таблица 2. Количественные характеристики взаимодействия неопределенных местоимений с отрицанием

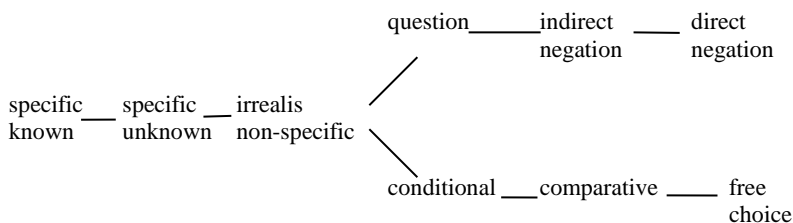
	МНМ		ННМ	
	МНМ-проформы	фразовые МНМ	ННМ-проформы	фразовые ННМ
Всего	636		117	
	417	219	85	42
С отрицанием	247	53	7	4
широкая СД	2	1	6	1
узкая СД	245	52	1	3
расщепленных	–	45(+2)	–	3
Без отрицания	170	167	78	28
расщепленных	–	8	–	1

3.3. Интерпретации

В диссертации М. Хаспельмата (Haspelmath 1997) выделяется несколько функциональных контекстов, в которых могут использоваться неопределенные местоимения в конкретном языке. Функциональные контексты образуют имплицативную карту, на которой близкие (то есть часто выражаемые местоимениями одной серии) контексты расположены рядом друг с другом и соединены линией.

(26) Импликативная карта неопределенных местоимений (Haspelmath 1997)

Многие из функций, отраженные в импликативной карте, доступны для неопределенных местоимений в хеттском языке, хотя некоторые виды контекстов не засвидетельствованы в доступном для нас материале. Так, например, для хеттского языка сомнительна возможность контекста непрямого отрицания, поскольку конструкции с финитными актантными клаузами чрезвычайно редки, а в контексте единиц с лексическим отрицанием (глаголы типа *лишать*, адлоги типа *без*) неопределенные местоимения не обнаружены. Также отсутствуют примеры с неопределенными местоимениями в контексте параметра сравнения; кроме того, по очевидным причинам в мертвом языке невозможно надежно различить референтные слабоопределенные (*specific known*) и референтные неопределенные (*specific unknown*) употребления неопределенных местоимений. С другой стороны, дистрибутивные употребления обычно рассматриваются как одна из функций вопросительных местоимений, поэтому на карте в (26) этот контекст отсутствует.

Далее в этом разделе мы представим функциональную дистрибуцию хеттских МНМ и ННМ и проиллюстрируем каждую из функций соответствующими примерами.

Референтные употребления (*specific known* / *specific unknown*) предполагают экзистенциальную интерпретацию неопределенного местоимения с максимально широкой сферой действия, то есть вне сферы действия каких-либо операторов или кванторных выражений. Такие употребления характерны в первую очередь для МНМ (27a-b), однако имеется один пример ННМ (27c), который понимается разными издателя по-разному. Мы следуем за анализом (de Roos 2007: 199), однако контекст фраг-

ментарен и (Mouton 2007: 287) понимает его как относительное придаточное.

(27) а. МНМ-проформа, референтное

NH/NS (СТН 123) КВо 4.14 obv. ii 41–42 (502)

^{LÚ}KÚR=*wa=za* [KUR=*eaz*]=YA [k]uiški

враг=QUOT=REFL страна.ABL=my кто_то.NOM.SG.C

arḥa tarṇa-š

прочь пускать-3SG.PST

‘Кто-то выпустил врага из моей страны.’

б. МНМ-группа, референтное

NH/NS (СТН 389.1) KUB 54.1+ obv. i 53 (703)

[*nu=w*]a *ammuk āššu*

CONN=QUOT мне.DAT хороший.ACC.SG.N

imma kwitki šanḥišker

FOC какой_то.ACC.SG.N искать.IPF.3PL.PST

‘Они искали что-то хорошее для меня.’

с. ННМ

NH/NS (СТН 590) KUB 15.30 rev. iii 8’–9’ (1953)

nu=wa za[šḥiya] ^{LÚ}MEŠ ^{URU}Kara[nd]uniyaš

CONN=QUOT сон.LOC.SG люди Вавилон

kui-t SIR₃-R[U]

что-ACC.SG.N поют

‘Во сне люди из Вавилона пели что-то.’

Среди нереферентных контекстов (irrealis non-specific) можно выделить как минимум следующие употребления:

— контекст императива;

— модальные контексты (оптатив, ирреалис, будущее время);

— неопределенное местоимение в сфере действия дистрибутивного квантора.

МНМ засвидетельствованы во всех указанных контекстах; ННМ демонстрирует единичное употребление в модальном контексте, переводимом издателем как будущее время (28е).

(28) а. МНМ, императив

NH/NS (СТН 181) KUB 14.3 rev. iv 47 (231)

[*nu* šEŠ=YA] *tuel kuinki*

ARAD-DUM

CONN brother=my **твой какой_то**.ACC.SG.C **слуга**
uiya

посылать.2SG.IMP

‘Брат мой, пошли **какого-нибудь** твоего слугу.’

b. МНМ, оптатив

NH/NS (СТН 123) КВо 4.14 rev. iii 24–25 (505)

imma=man=wa=šši tepu=ya

FOC=IRR=QUOT=ему **маленький**.NOM.SG.N=и

kuitki *ḫatkuēš-zi*

какой_то.NOM.SG.N **стать_сложным**-3SG.PRS

‘Ему могло бы **что-то незначительное** стать сложным.’

c. МНМ, будущее время

NH/NS (СТН 590) KUB 56.19 obv. ii 23 (1964)

nu=wa=kan INIM DINGIR-LIM **kuwatqa**

CONN=QUOT=ЛОСР слово бог **как_то**

kuitki *zaḫ-mi*

какой_то.ACC.SG.N **сражаться**-1SG.PRS

‘Я **как-то** брошу вызов слову божества.’

d. МНМ, сфера действия дистрибутивного квантора

MH/MS (СТН 190) НКМ 64 rev. 18–19 (1619)

nu kuinna **kuwapiki**

CONN каждый.ACC.SG.C **где_то**

arān *ḫark-er*

остановить.PTCP.NOM.SG.N **иметь**.3PL.PST

‘И они остановили’ каждого (из них) **где-то**.’

e. ННМ, будущее время

NH/NS (СТН 584.5) KUB 48.126+ 17’ (1948)

nu=wa *uwa-ši* **kuwari**

CONN=QUOT **прийти**-2SG.PRS **где**

‘И ты придешь **куда-то**.’

Как МНМ, так и ННМ встречаются в контексте вопроса (29а-с):

(29) а. МНМ-проформа, вопрос

NH/NS (СТН 293) KUB 13.35+ obv. i 30 (883)

E[G]IR=*man=wa=za da-ḥḥi kuitki*

потом=IRR=QUOT=REFL брать-1SG.PRS **что_то.ACC.SG.N**

‘Взял ли бы я **что-то** для себя?’

б. МНМ-группа, вопрос

NH/NS (СТН 70.1.A) KUB 14.4(+) rev. iii 12–13 (973)

ni MU[NUS.LUGAL=kan] hannešn-i

CONN царица=LOCP **судебное_дело-DAT.SG**

kuedanikki *tittanu-t*

какой_то.DAT.SG ставить-3SG.PST

‘Втянула ли она царицу в **судебное дело**?’

с. ННМ, вопрос

NH/NS (СТН 171) KUB 23.102 obv. i 10' (546)

šeš-tar kui-š kuedani

братство.ACC.SG.N кто-NOM.SG.C **кто_то.DAT.SG**

ḥatre-ške-zzi

писать-IPF-3SG.PRS

‘Кто называет **другого** братом?’

Многочисленные примеры употребления МНМ и ННМ в сфере действия отрицания показаны в разделе 3.2. Отметим еще раз, что лицензирование отрицанием для ННМ в целом нельзя признать необычным, поскольку фразовые ННМ демонстрируют достаточно примеров с характерным расщеплением группы.

Наконец, подавляющее большинство употреблений неопределенных местоимений приходится на контекст протазиса условной конструкции. Среди клауз такого типа есть как придаточные предложения, вводимые союзами *mān* ‘если’ (30a), *našma* ‘или если’ (30b), *našma mān* ‘или если’ (30c), а также немаркированные условные предложения (среди которых условные предложения с нулевым условным союзом (30d), клаузы в сфере действия условного оператора из предыдущего контекста (30e), а также клаузы в сфере действия неопределенных относительных конструкций, анализируемых М. Хаггардом как семантически условные (30f)).

(30) а. ННМ в условной клаузе с *mān* ‘если’
 МН/MS (СТН 146) KUB 23.72+ rev. 61 (142)
 [*mān=ma*[?] ^{LÚ}]*KÚR=ya kui-š*
 если=но **враг=и** **который-NOM.SG.C**
URU-aš takšul-i ui-zzi
город.NOM.SG.C мир-LOC.SG **приходить-3SG.PRS**
 ‘И если **какой-нибудь вражеский город** придет за миром.’

б. ННМ в условной клаузе с *našma* ‘или если’
 NH/NS (СТН 123) KBo 4.14 rev. iii 64–65 (998)
našma=tta ANA ZAG kuedani tiy-anzi
 или=тебя **к граница** **который.DAT.SG** **ставить-3PL.PRS**
 ‘Или если тебя поместят **на какое-то приграничье.**’

в. МНМ в условной клаузе с *našma mān* ‘или если’
 NH/NS (СТН 62) KBo 5.9(+) obv. ii 49’–rev. iii 1 (382)
našma=tta mān ^{UTU-š=I} kueqa
 или=тебе **если солнце=мое** **какой_то.ACC.PL.N¹**
metiyanuš ḫarwaši metai
дело.ACC.PL.N **секретно** **сказать.3SG.PRS**
 ‘Или если Мое Величество расскажет тебе по секрету о **каких-то делах.**’

д. МНМ в клаузе с нулевым условным союзом
 NH/NS (СТН 255.2.A) KUB 26.1+ rev. iii 62–63 (599)
ni=za parā kuinki kuedanikki
 CONN=REFL **вне** **кто_то.ACC.SG.C** **кто_то.DAT.SG**
uiya-mi
посылать-1SG.PRS
 ‘(Если) я пошлю **кого-нибудь к кому-нибудь.**’

е. МНМ, условный союз в предшествующей клаузе
 МН/NS (СТН 260.1) KUB 31.44+ obv. ii 9–10 (200)
n[(u=)]nnaš ḫUL-lu-n temi-an
 CONN=нам **дурной-ACC.SG.C** **дело.ACC.SG.C**
kuinki ḫatrāi-zzi
какой_то.ACC.SG.C **писать-3SG.PRS**
 ‘И он пишет нам о **каком-то дурном деле.**’

f. МНМ в неопределенной относительной конструкции
NH/NS (СТН 255.1.А) KUB 21.42+ rev. iii 4–5 (1052)

[k]ui-š=ma=za

ŠA MAMETI *kuedanikk[i]*

который-NOM.SG.C=но=REFL GEN клятва **кто_то.DAT.SG**

kiš-ari

становиться-3SG.PRS.MED

‘Который приносит клятву **кому-то** (другому).’

В контекстах свободного выбора МНМ и ННМ не используются; единственный теоретически подпадающий под эту категорию пример (1572) фрагментарен и может получить и радикально другую интерпретацию, см. (Sideltsev 2018). В целом, за пределами нашего корпуса в этой функции используются редуцированные вопросительные местоимения с фокусной частицей *imta*.

Информация о функциональном распределении МНМ и ННМ обобщается в Таблице 3.

Таблица 3. Функциональные классы неопределенных местоимений

	МНМ		ННМ		всего
	МНМ-проформы	фразовые МНМ	ННМ-проформы	фразовые ННМ	
Всего	636		117		753
	417	219	85	32	753
Референтные	11	19	1	0	31
Нереферентные в ирреальном контексте	9	9	1	0	19
Нереферентные в СД вопроса	11	13	1	0	25
Нереферентные в СД отрицания	245	52	1	3	301
Нереферентные в СД условного оператора	140	123	54	23	340
Дистрибутивные	0	0	26	5	31
Неясно	1	3	1	1	6

4. Выводы

В данной работе мы провели последовательное сопоставление неопределенных местоимений с показателем *-kki/-kka* и

без выраженного показателя неопределенности на основе корпусных данных, представленных в разработанной нами базой данных. Мы предприняли это сопоставление с целью ответить на два вопроса: (i) различаются ли МНМ и ННМ по своей дистрибуции, клитическим свойствам и интерпретации и (ii) связаны ли интерпретация ННМ и их безударный (клитический) статус.

МНМ и ННМ имеют много общих свойств. Во-первых, все МНМ и большинство ННМ являются клитиками, что следует из их обязательно неначальной позиции в области клитизации. Во-вторых, две структурных позиции МНМ и ННМ — в предглагольной позиции и в начале предложения — коррелируют с их узкой или широкой сферой действия по отношению к предглагольному отрицанию. Позицию на левой периферии клаузы следует считать производной; в пользу этого решения говорят случаи расщепления фразовых МНМ и ННМ, в которых комплемент местоимения выдвигается влево, а остаток группы (ремнант) — неопределенное местоимение — остается в предглагольной позиции. Наконец, многие функции неопределенных местоимений доступны как для МНМ, так и для ННМ, а наиболее популярным употреблением для обоих типов оказывается употребление в сфере действия условного оператора.

В то же время между МНМ и ННМ наблюдаются и определенные отличия. Во-первых, часть употреблений ННМ оказывается ударными. Во-вторых, некоторые контексты для ННМ явно являются инновациями, и в них мы находим всего по одному примеру использования ННМ. К таким употреблением относятся референтные и нереферентные употребления в таких неверидикативных контекстах, как вопрос, ирреалис, императив. ННМ-проформы также заметно редки в сфере действия отрицания. С другой стороны, ННМ-проформы и ННМ-группы имеют дистрибутивные употребления, составляющие до трети от общего числа употреблений ННМ. Учитывая сказанное, можно предположить, что экспансия ННМ в несвойственные для них контексты за пределами условных конструкций происходит в письменный период хеттского языка и отражается в спорадическом появлении единичных примеров, отражающих использование ННМ в соответствующей функции.

В отношении связи между клитическим статусом ННМ и их интерпретацией можно заключить, что несмотря на явную

корреляцию между ударностью и дистрибутивным прочтением, имеются также примеры, где расположенное в начальной (второй после откладывающего элемента) позиции ННМ интерпретируется как находящееся в сфере действия условного оператора, а не как дистрибутивное. Возможны различные трактовки этого факта. С одной стороны, можно предположить, что ударные ННМ распространяются в контексты, характерные для клитических ННМ, а именно — в наиболее популярный для них контекст протазиса условной конструкции. С другой стороны, такая позиция ННМ может быть следствием неокончательного формирования класса откладывающих элементов, так что в указанных контекстах *mān* ‘если’ и *našma* ‘или если’ могут интерпретироваться как не-откладывающие элементы, доступные в качестве левого контекста для клитизации ННМ.

Литература

- Bhat, D. N. Sh. 2000: The indefinite-interrogative puzzle. *Linguistic Typology* 4/3, 365–400.
- Diesing, M. 1992: *Indefinites*. Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Fodor, J. D., Sag, I. 1982: Referential and quantificational indefinites. *Linguistics and Philosophy* 5, 355–398.
- Geurts, B. 2000: Indefinites and choice functions. *Linguistic Inquiry* 4, 731–739.
- Giannakidou, A. 1998: *Polarity sensitivity as (non)veridical dependency*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Giannakidou, A. 2001: The meaning of free choice. *Linguistics and Philosophy* 24, 659–735.
- Goedegebuure, P. 2009: Focus structure and Q-word questions in Hittite. *Linguistics* 47/4, 945–969.
- Haegeman, L., Zanuttini, R. 1991: Negative heads and the NEG criterion. *The Linguistic Review* 8/2–4, 233–252.
- Haida, A. 2007: *The indefiniteness and focusing of wh-words*. PhD thesis, Humboldt University, Berlin.
- Halpern, A. 1995: On the placement and morphology of clitics. Stanford: CSLJ Publications.
- Haug, D., Sideltsev, A. 2019: Indo-Anatolian syntax? In: Alwin Kloekhorst, Tijmen Pronk (eds.), *The Precursors of Proto-Indo-European*. Leiden: Brill Rodopi, 50–73.
- Heim, I. 1989: *The semantics of definite and indefinite noun phrases*. University of Massachusetts Ph.D. dissertation. New York: Garland.
- Hengeveld, K., Iatridou, S., Roelofsen, F. 2019: *Quexistentials: polarity-sensitivity and topological restrictions*. Manuscript, University of Amsterdam and MIT.

- Hengeveld, K., Iatridou, S., Roelofsen, F. 2023: Quexistentials and focus. *Linguistic Inquiry*. 54/3, 571–624.
- Hoffner, H., Melchert, C. 2008: *The Hittite grammar*. The Winona Lake: Eisenbrawns.
- Huggard, M. 2015: *Wh-words in Hittite*. PhD Dissertation, University of California, Los Angeles.
- Kratzer, A. 2005: Indefinites and the operators they depend on. In: Gregory N. Carlson & Jeffry Pelletier (eds.), *Reference and Quantification*. The Partee Effect. Stanford: CSLI Publications, 113–142.
- Kratzer, A., Shimoyama, J. 2002: Indeterminate pronouns: The view from Japanese. In: Yukio Otsu (ed.), *The Proceedings of the Third Tokyo Conference on Psycholinguistics*. Tokyo: Hituzi Syobo, 1–25.
- Kudrinsky, M. 2016. Hittite heterographic writings and their interpretation: The evidence of sentential clitics. *Indogermanische Forschungen* 121, 159–176.
- Lyutikova, E., Sideltsev, A. 2021: Deriving preverbal position in a verb-final language: the case of Hittite. *Glossa: A Journal of General Linguistics* 6/1, 49.
- Lyutikova, E. A., Sideltsev, A. V. 2023a: *Hetskij sintaksis v nauchnom osvещenii [Hittite syntax and linguistic theory]*. Moscow. Лютикова, Е. А., Сидельцев, А. В. 2023а: *Хеттский синтаксис в научном освещении*. М.: Буки-Веди.
- Lyutikova, E., Sideltsev, A. 2023b: Relative construction in Hittite A corpus-based case study in syntax-prosody interface. *Journal of historical linguistics* 13/3, 375-460.
- Lyutikova, E. A., Sideltsev, A. V. 2023c: [Exponents and syncretism in the system of Hittite argument clitics. *Indo-European linguistics and classical philology*] 27/2, 777–799.
Лютикова Е. А., Сидельцев, А. В. 2023с: Экспоненты и синкретизм в системе хеттских аргументных клитик. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 27/2, 777–799.
- Matthewson, L. 1999: On the interpretation of wide-scope indefinites. *Natural Language Semantics* 7, 79–134.
- Mouton, A. 2007: *Rêves hittites* (CHANE 28). Leiden, Boston: Brill.
- Oettinger, N. 1983: *Altawestisch yas ... cišcā* “jeder ... der”. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 42, 177–186.
- Reinhart, T. 1997: Quantifier scope: How labor is divided between QR and choice-functions. *Linguistics and Philosophy* 20, 335–397.
- de Roos, J. 2007: *Hittite votive texts* (PIHANS CIX). Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten.
- Sideltsev, A. 2014: Clause internal and clause leftmost verb in Hittite. *Altorientalische Forschungen* 41/1, 80–111.
- Sideltsev, A. 2015: The riddles of Hittite indefinite pronouns. *Altorientalische Forschungen* 42/2, 199–275.

- Sideltsev, A. V. 2017a: Sintaksis prostogo predlozhenija v hettskom yazyke. [Hittite clause syntax] Moscow. Сидельцев, А. В. 2017а: *Синтаксис простого предложения в хеттском языке*. М: ЯСК.
- Sideltsev, A. 2017b: Accented clitics in Hittite? *Transactions of the Philological Society* 115/2, 176–211.
- Sideltsev, A. 2017c: Complex NPI systems: Hittite data. *Oslo Studies in Language* 9/1, 17–32.
- Sideltsev, A. 2018: The Evolution of free choice indefinites in Hittite. *Journal of Near Eastern studies* 77/2, 279–300.
- Sideltsev, A., Yakubovich, I. 2016: The origin of Lycian indefinite pronouns and its phonological implications. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 70/1, 75–124.
- Tretjakova, O. D. 2009: Neopredelennyje mestoimenija, lishennyje markera neopredelennosti, v tipologicheskoj perspective [Unmarked indefinite pronouns in the cross-linguistic perspective]. PhD Dissertation Moscow State University. Третьякова О. Д. 2009: *Неопределенные местоимения, лишённые маркера неопределённости, в типологической перспективе*. Дисс. канд. филол. наук МГУ им. Ломоносова.

М. В. Саламатова

Академия художеств им. И. Е. Репина, Санкт-Петербург, Россия. marionila@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ПЕЛЕНА С АРТЕМИДОЙ IV–VI ВВ. ИЗ ЕГИПТА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ФОНДА-МУЗЕЯ АБЕГГ-ШТИФТУНГ

Среди коптского текстиля до нас дошел интерьерный текстиль — различные занавесы, зонировующие занавесы, настенные пелены. Часть из них содержит фигуративные изображения, что представляет огромную ценность как текстологические произведения. В их число входит корпус тканей, выполненных в технике резервного крашения и датированного II–VII вв. Пелена с Артемидой из собрания фонда-музея Абегг-Штифтунг, самая большая по размеру сохранившейся части, достаточно сложна по композиции. Она состоит из четырех частей: по центру расположен киворий с Артемидой, справа от нее группа героев, слева от кивория несколько сцен охоты, по периметру нарисован растительный орнамент с протомами. В статье рассматривается трактовка центральной композиции, а именно, сделана попытка определения фигуры Артемиды и изображенной архитектуры. Ввиду того, что трактовка подобных изображений не имеет единого мнения, а терминология малых архитектурных форм разнится, представляется актуальным понять, что изображено в центральной части пелены: *наиск*, *эдикула* или *киворий*, а также — видим ли мы изображение самой богини или ее статую. Это представляется важным аспектом для трактовки содержания всей композиции пелены.

Ключевые слова: Артемида, Египет, коптский текстиль, резервное крашение, лен, индиго, фигуративные изображения, киворий, статуя.

М. В. Salamatova

Russian Academy of Arts, St. Petersburg, Russia. marionila@mail.ru

On the contents of the central part of a Coptic hanging from Egypt with the image of Artemis (200s-700s AD, Abegg-Stiftung Museum)

Among the Coptic textiles, interior textiles have reached modern day: various of curtains, zoning curtains, wall hangings. Some of them contain figurative images, which are the great value as a form of historical text record. They include a group of fabrics made with resist dyeing technique and dating from the 200s-700s AD. The hanging with the image of Artemis from the collection of the Abegg-Stiftung Foundation Museum is the largest surviving piece in size and quite complex in composition. It consists of four parts: in the center is a ciborium with Artemis, to the right of it is a

group of heroes, to the left, several hunting scenes, and a floral ornament with protomes is painted along the perimeter. The presented article is an attempt in interpretation of the central composition, namely, to define the figure of Artemis and the depicted architecture. For reasons that the consensus was not reached about the interpretation of the images and the terminology of small architectural forms is varied, it seems relevant to understand what is depicted in the central part of the hanging: naiskos, aedicule or ciborium and whether we see a living goddess or a statue. It seems to be an important aspect for interpretation of the content of the entire composition of the hanging.

Keywords: Artemis, Egypt, Coptic textiles, resist dyeing, linen, indigo, figurative images, ciborium, statue.

Об обилии позднеантичного интерьерного текстиля мы знаем по изобразительным источникам, лексике, письменным свидетельствам (к прим., перечень тканей для базилики св. Петра, преподнесенные Львом IV и Львом III (*Liber pontificalis*: II, 109. 13; II, 13. 49 From: Beissel, 1899: 262–263). Исследования Д. Б. де Росси (de Rossi: 54–63) и обзорная глава в книге «Раннехристианское искусство и литургия в Италии» С. Бейсселя, посвященная храмовому текстилю (Beissel 1899: 260–283) до сих пор не утратили своего значения, современные исследователи также активно обращаются к этой теме¹.

После начала раскопок позднеантичных египетских некрополей², мы располагаем живым археологическим материалом — значительным количеством разнообразного текстиля, извлеченного из захоронений, включая и интерьерный. Некоторые коптские пелены сохранили петли, что непосредственно свидетельствует об их вертикальном расположении³. Кроме тканей сохранились элементы крепления интерьерного текстиля. В Помпеях на вилле Мистерий найден карниз с кольцами, расположенный снаружи *табличка* (Stephenos, 2014: P. 20, fig.18). В Софии Константинопольской сохранились медные наличники входных дверей западного и южного *пронаоса* и мраморные в структуре пандуса, ведущего на хоры, с крюками в виде пальцев для

---

¹ Комплексным подходом в своих исследованиях отличается Ю. Г. Матвеева, в частности, заслуживает внимания ее монография (Matveyeva 2016).

² Начало раскопкам позднеантичных некрополей положил Гастон Масперо в 1881г. До этого все внимание было сосредоточено на Древнем Египте.

³ Ball 2019; Colburn 2019.

крепления завес⁴. Многие античные колонны имеют отверстия — следы крепления горизонтальных прутов для подвешивания пелен или установки крюков для натяжки шнуров. В некоторых позднеантичных и раннесредневековых надпрестольных кивориях сохранились и сами пруты. Все это дает возможность подробнее реконструировать позднеантичный интерьер.

В коптском текстиле существует небольшой корпус интерьерных тканей⁵ с фигуративными изображениями⁶ на тему античной мифологии и христианского предания, выполненных в технике резервного крашения⁷. Это одна из техник, использовавшихся в Египте в II–VII вв. при декорировании текстиля. Для получения графического изображения на ткань наносился резервный состав⁸, препятствовавший окрашиванию волокон. После окрашивания полотна, он удалялся, и проявлялось графическое изображение. Дошедшие до нас произведения выполнены с применением двух красителей: индиготина и кармина, которые дают синий и красный цвет соответственно⁹. Одна синяя ткань со сценами охоты находится в Эрмитаже¹⁰.

---

⁴ Датировка этих крюков требует уточнения, в публикациях она разнится.

⁵ См. приложение в конце статьи с перечнем тканей.

⁶ Кроме тканей с фигуративными изображениями сохранились и ткани орнаментальные, выполненные в этой же технике крашения, но не расписные, а набойные.

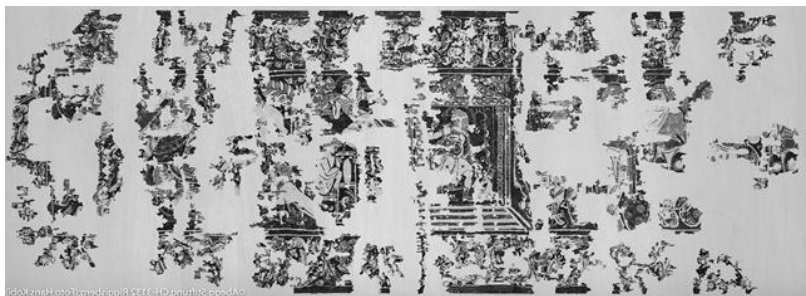
⁷ Термин «резервное крашение» вместо «кубовое крашение» употребляется намеренно. Во первых, принятый в русскоязычной литературе термин «кубовое крашение» в основном ассоциируется с крашением только индиго, а во вторых, он относится и к гладкому крашению, и к крашению ткани с нанесенным резервом. Английский термин «resist dyeing» является более точным, так как подчеркивает главный аспект данной техники — крашение с предварительным резервированием. Также он не ограничивается крашением индиго. Это важно для типологизации, т. к. в группу пелен, выполненных в этой технике, входят две пелены, окрашенные кармином.

⁸ Состав(ы) резерва не известен, к сожалению, пока не встречались результаты химических анализов.

⁹ А. Кендрик указывает, что одна ткань с изображением корзины с фруктами зеленым цветом на синем фоне хранится в Музее текстиля в Лионе. Пока эту ткань найти не удалось (Kendrick, 1922: 60).

¹⁰ Ф-т с деревьями и охотой. Лен, резерв, индиго, 82×104. Египет, IV–V вв., Эрмитаж, инв.№ ДВ-11658. Электронный ресурс, сайт Госкаталога музейного фонда РФ: URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24344671>.

Пелена¹¹ с Артемидой¹² (ил.1) использовалась в качестве настенной, или зонировующего занавеса между колоннами и в дверных проемах. По своему размеру она самая большая из опубликованных памятников на данный момент. Сохранившаяся и смонтированная на планшет во время реставрации¹³ часть составляет 600×198 см.

Ил. 1. Пелена с Артемидой, 198×600, лен, резерв, индиго. Египет IV–VI вв. Фонд-музей Абегг-Штифтунг, инв. № 1379.

¹¹ Термины «киворий» и «пелена» используются условно, и выбраны как более общие по своему значению в современной литературе. Киворий как малая архитектурная форма, представляющая собой покрытые различной формы (лучковой, двускатной, куполообразной и др.), установленное на четырех опорах — колоннах или столбах. Пелена как ткань, которая в том или ином виде висит. В русскоязычной научной литературе нет эквивалента английскому термину «hanging», применяемому почти к любой висящей ткани. Термин «пелена» применяется и для висящих тканей, и для покрывающих. Но представляется неуместным употребление терминов «завеса» или «катапетасма» ввиду установившейся традиции применения их по отношению к тканям, зонировующим сакральное пространство.

Так как речь в статье идет о ткани, хотелось бы добавить пояснение к термину «навес», которым мы до сих пор свидетельствуем о текстиле, как первичном материале для архитектурных форм, и крыши в частности.

¹² Пелена с Артемидой, 198×600, лен, резерв, индиго. Египет IV–VI вв. Фонд-музей Абегг-Штифтунг, инв. № 1379. URL: <https://abeggstiftung.ch/en/collection/late-antiquity/>.

¹³ Реставрация проведена под руководством Мехтильды Флури-Лемберг в мастерских фонда-музея Абегг-Штифтунг (Flury-Lemberg 1988).

Ткани в технике резервного крашения с фигуративными изображениями¹⁴ из Египта находятся в музеях нескольких стран. На данный момент собран список¹⁵ из двадцати двух экспонатов. Еще четыре ткани лишь упоминаются в литературе, но пока не найдены их изображения и современное место хранения. Один фрагмент содержит только растительный орнамент, но, по аналогии с пеленой с Артемидой, он может являться частью орнаментального фриза по периметру некой пелены с фигуративной композицией.

Рассматриваемое произведение было куплено фондом-музеем Абегг-Штифтунг в 1972 г. во Франции. Предположительное место обнаружения, по словам продавца (без возможности проверки (Schrenk, 2004: 82), Гермополис Магна¹⁶ (Эль-Ашмунейн). Можно предположить, что она обнаружена, как и большинство коптских тканей (а возможно и все) — на одном из некрополей. Ветхий текстиль широко использовался в погребальном обряде того времени (Eriphanus of Salamis: 88–89; Strzygowski, 1901: 104; Belova, 2012: 7–37; Voitenko, 2012: 38–70; Friedmann, 2012: 149–170). Относительно стилистики и сюжетного содержания изображений на тканях В. Г. Бок отмечает, что ткани Ахмимского кладбища отличаются «классическим характером и мотивами, заимствованными из языческого искусства» (Bock, 1897: 226–227). Большая часть тканей, имеющих данные о месте обнаружения, происходят из погребений в Верхнем Египте: Панополисе (Ахмим) и Антинополе (Шейх-Ибада)¹⁷. Гермополис находится на противоположном берегу Нила от Антинополиса.

Композиция пелены состоит из центральной части с Артемидой под киворием с оленем, пяти фигур героев справа от нее (реконструируемые имена: Актеон, Нарцисс, Мелеагр,

---

¹⁴ На данный момент представляется более точным называть эту группу не пеленами с иконографическими изображениями, а, следуя Йозефу Стржиговскому, с фигуративными.

¹⁵ См. перечень в конце статьи.

¹⁶ Рядом с Гермополисом находится Спеос Артемидос, это могло быть связано с выбором сюжета для пелены, но скорее является совпадением, учитывая отсутствие достоверных данных о месте обнаружения.

¹⁷ См. перечень в конце статьи.

Адонис(?)¹⁸), сцен охоты слева от кивория и растительного орнамента по периметру из побегов стилизованного аканта (и других растений) с протомными оканчиваниями.

Высота пелены равняется ширине льняного полотна — 194 см. Ширину произведения можно определить только примерно, так как утраты не позволяют понять первоначальный размер. Современный вариант реставрации представляет пелену шириной 6 метров. Но с большой степенью вероятности она могла быть около 9 метров¹⁹. Предположительно фрагмент пелены со сценами охоты и растительным орнаментом из собрания Лувра (ил. 2)²⁰ может являться частью пелены с Артемидой. Также М. Флури-Лемберг указывает, что на пелене были, по крайней мере, еще два героя и больше сцен охоты²¹. Ширина отсутствующего справа орнамента примерно 45–47 см. Две фигуры героев занимают в среднем 75–80 см. Ширина фрагмента из Лувра в составляет 70 см. Исходя из этого, самая маленькая ширина была около 795 см, но скорее больше, так как не учтены дополнительные сцены охоты, которые по ширине в среднем 80–100 см. Даже если предположить, что был один дополнительный сегмент с ловцами и животными, ширина составляла бы около 900 см.

Пелена содержит очень насыщенную композицию. При рассмотрении возникает масса вопросов, однако в этой заметке хотелось бы остановиться только на двух моментах, касаю-

---

¹⁸ Сохранилось пять фигур, у одной из них на планшете нет ни одного фрагмента головы, нимба и надписи.

Прочтение автора имен по порядку расположения от Артемиды к краю пелены по доступным фотографиям: Актеон (AK .. .. ḲN), Нарцисс (N .. |большое белое пятно, не похожее ни на одну букву| вертикальная палочка от некой буквы| KIC| O или C .. две вертикальные палочки от возможной буквы| далее пальцы руки), Мелеагр (ME .. .. .. ΓΡΟC), и Адонис (... Δ или A| Ḳ| вертикальная палочка ...). У пятой читаемой фигуры нет надписи.

¹⁹ Франсуа Барат предполагает 8 м. (Varatte, 1985: 35).

²⁰ Фрагмент со сценами охоты и растительным орнаментом. Лен, индиго. 178×71.5. Египет, 320–430 гг. Лувр, инв.№ AF12749. URL: <https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010045326>.

²¹ В процессе реставрации монтировали только те фрагменты, положение которых можно было определить относительно остального объема. Часть фрагментов до сих пор лежит отдельно (Flury-Lemberg: 1988: 359).

щихся центра пелены, а именно: трактовки фигуры Артемиды и изображенной архитектуры (ил. 3).

Ил. 2. Ф-т пелены со сценами охоты и растительным орнаментом. Лен, роспись резервом, индиго. 178 × 71.5. Египет IV–V вв. Лувр, инв. № AF 12749.

Ил. 3. Центральный сегмент пелены с Артемидой.

Впечатление от пелены у большинства зрителей однозначное — богиня видится буквально выбегающей из кивория/храма. Именно так описывает ее М. Флури-Лемберг: «Артемиды, готовая действовать, выбегает из храма в развевающихся одеждах, чтобы присоединиться к охоте» (Flury-Lemberg 1988: 359). Большие утраты также не способствуют моментальной оценке роста и соотношения фигур без взгляда на прорисовку. Также перед киворием нет алтаря, который можно видеть на мозаиках с подобными сюжетами²², это еще один фактор, способствующий восприятию богини как живой.

²² «Охота на журавля» из пригорода Карфагена Саламбо, IV–VI вв, Национальный музей Бардо в Тунисе, инв. № 75. Перечень экспанатов музея: URL: <https://fr-academic.com/dic.nsf/frwiki/1205428/143062>; Мозаика с Артемидой и амазонками из Оулед Агла, V в. Нацио-

Первое, что обращает на себя внимание — несоответствие роста героев и богини. Из-за большого количества утрат и буквально летящей походки богини, сначала Артемида воспринимается равной героями²³. На самом же деле рост Артемиды соответствует росту охотников, но не героев (ил. 4). Второе — олень спокойно сидит у ног богини, и не привязан ни к движению Артемиды, ни к диалогу героев, что как бы исключает его из сюжета.

Ил. 4. Ф-ты пелены с Артемидой, соотношение роста богини и героя

Сцены охоты, если они не являются первостепенным сюжетом произведения, привычно видеть в уменьшенном масштабе

нальный музей Цирта в Константино, Алжир. Ил. в: (Eraslan Sehnaz 2014: il. 5).

²³ Мужские фигуры находятся в статичных позах, по наклонам голов можно предположить некое взаимодействие между ними. Актеон стоит обращенным к Артемиде, следующие за ним четыре фигуры повернуты друг к другу попарно.

относительно основных сцен. Такие примеры часто встречаются в вазописи²⁴, на позднеантичных тканях, мозаиках и саркофагах²⁵. Обычно охота или охотники выделены в отдельный регистр или заключены орнаментом или полосами в круги, на саркофагах могут располагаться отдельной полосой, по динамике превращаясь почти в орнамент. В связи с этим взгляд не приковывается на пелене к охоте. Но разница роста героев и богини и диссонанс между ланью и Артемидой побудили подробнее рассмотреть композицию и попытаться понять, что именно изображено в центре: живая богиня или ее статуя.

Разность роста в изобразительном искусстве часто использовалась как маркер при изображении богов или царей в композициях с людьми или существами более низкого ранга. Такая практика была распространена с глубокой древности и просуществовала вплоть до XIX в., к примеру, в иконописи. В народном прикладном искусстве это можно встретить до сих пор. Как пример можно привести плиту с Ашшурбанапалом из Британского музея²⁶. Царь изображен выше всех остальных людей: как своих воинов, так и врагов. Его сидящая фигура выше идущих людей. Лишь слуги в колеснице ближе к нему по росту. Или вспомнить вотивные рельефы с изображением Артемиды из Брауона²⁷, где Артемиды (в некоторых композициях с Латоной и Аполлоном) значительно выше адорантов. На рассматриваемой пелене все наоборот. Рост богини значительно меньше роста героев. Если обобщить фигуры на пелене, то их можно разделить по росту на две группы: героев и Артемиду с охотниками.

Олень сидит в спокойном положении. Если бы это была сцена с живой Артемидой, как в динамичных композициях на аттической керамике, животное соответствовало бы общему контексту. К примеру, изображения на двух лекифах из

---

²⁴ К примеру: ваза Француа, верхний регистр со сценами охоты.

²⁵ К примеру, саркофаг из Сидамара из Стамбульского археологического музея.

²⁶ Британский музей, инв. № BM 124946. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1856-0909-34 (дата обращения 30.09.2023)

²⁷ К примеру: Вотивный рельеф, Брауон, 350 г. до н.э. Археологический музей Брауона, инв. № 1153. Ил.: URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File: Brauron-Votive_Relief1.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brauron-Votive_Relief1.jpg).

Эрмитажа: «Артемида и собака» и «Артемида с лебедем»²⁸. Из всех сохранившихся фигур только олень имеет взгляд, обращенный к зрителям, то есть в пространство вне пределов композиции. Это дает ощущение некой связи двух миров: пространства произведения и реального мира. Олень на пелене скорее коррелирует богини, а не ее реальный спутник.

В классический период изображали не только богов во взаимодействии друг с другом и людьми, но и их статуи²⁹. При рассмотрении мифологических сцен обычно понятно по контексту сюжета, что именно представлено: статуя или живой бог или герой. Традиционно персонажи дополнялись атрибутами (лук, стрелы, арфа, трезубец, шлем, виноградная гроздь и т. п.) или коррелятами из животного или растительного мира. Поэтому, даже если в изображении нет сюжета, они чаще всего идентифицируются, даже при отсутствии надписей. Изображения статуй могут быть как маленького размера (их могут держать на руках, они могут стоять на колонне³⁰ или в наиске³¹), так и немного меньшего размера по отношению к остальным персонажам³². При этом скульптура может быть написана более темным или светлым тоном³³, по сравнению с

---

²⁸ Артемида и собака. Лекиф. Аттика, ок. 440 г. д.н.э. Эрмитаж, инв. № Б 290. Артемида с лебедем. Лекиф с белой облицовкой. Афины, ок. 490 г. до н. э. Мастер Пана. Эрмитаж, инв. № Б.2363. Находится в постоянной экспозиции.

²⁹ Эта тема хорошо освещена Бритой Алрот в статье «Изменение способов репрезентации культовых образов» (Alroth, 1992: 9–46).

³⁰ К примеру: Тендарей, Леда, яйцо на алтаре перед статуей Зевса, Кастор и Полидевк. Краснофигурный кратер, 425 г. д. н. э. Бонн, Академический художественный музей.

³¹ К примеру: Жертвоприношение Ифигении. Кратер с валютами. Апулия, IV в. до н. э. Эрмитаж, инв. № ГР-4648. Ифигения в Тавриде. Кратер. Апулия. Ок. 350 г. до н. э. ГМИИ им. А. С. Пушкина, инв. № П 16 504.

³² К примеру: Героизированный воин с конем. Кратер с валютами. Мастер группы Сидящей женщины. Апулия, IV в. до н. э. Эрмитаж, инв. № 2411.

³³ Однако разница в тоне или цвете может быть использована и для выделения главного персонажа. При трактовке изображения необходимо всесторонне оценивать его содержание, время и место создания.

телом живых людей³⁴. Встречаются изображения не только кивория/наиска, а именно храма со статуей внутри. Можно обратить внимание на фрагмент кратера из музея Алларда Пирсона в Амстердаме с фигурой Аполлона возле своего храма, где в проеме портала видна его статуя³⁵.

На примере этих памятников видна явная дифференциация скульптуры и живых людей и богов в изображении, достигаемая при помощи тех или иных изобразительных средств. Но на пелене с Артемидой нет явных различий. Чтобы продолжить анализ, необходимо обратиться к изображенной архитектуре.

Исследователи используют разные термины для обозначения архитектурной формы в центральной части пелены. Ф. Баретт трактует как эдикулу³⁶ с акротериями, С. Шренк с самого сначала говорит о *наиске*. Тут можно было бы думать о том, что речь идет о *наиске* как нише, оформленной колоннами, а не о уменьшительном от *ναός*, но в статье в следующем абзаце используется термин «tempel» (Schrenk 2004: 85). Собственно термины *эдикула* и *наиск* являются синонимами, если речь идет о нишах, фрагментах саркофагов и других малых архитектурных формах, имеющих, по крайней мере, две колонны и фронтон.

Логичнее всего было бы начать с обзора композиций на тканях, но многочисленные арки и колонны в основном являются или декоративным элементом или структурирующим композицию. Поэтому здесь опускается этот материал. Многочисленные примеры изображения архитектуры можно видеть на мозаиках и фресках. К примеру, так называемая «Нильская мозаика»³⁷ содержит и здания, и паланкины на лодках, плетеные тростниковые дома и городские башни. В синагогальной традиции и в христианской киворий используется как образ

---

³⁴ К примеру: Ифигения и Артемида. Кратер. Апулия. IV в. до н. э. Эрмитаж, инв. № Эрмитаж ГР-4648.

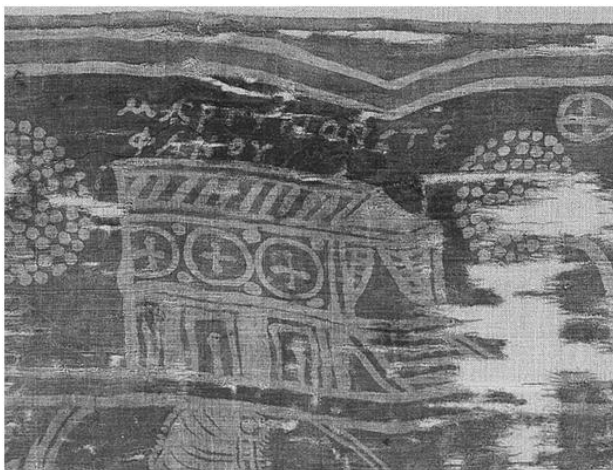
³⁵ Храм со статуей Аполлона, Аполлон с арфой и Артемида. Ф-т краснофигурного кратера, Тарент, Италия, 400–390 гг. до н. э. Музей Алларда Пирсона, Амстердам. Инв № АРМ 02579. URL: <https://hdl.handle.net/11245/3.2666>.

³⁶ Это может быть и эдикула, как малый храм, так и эдикула-ниша.

³⁷ Нильская мозаика, Палестрина, II в. до н. э., Национальный археологический музей в Палестрине, Италия.

целого храма. Но вопрос, имела ли место такая трактовка в греко-римском мире, требует уточнения.

На тканях, к которым принадлежит пелена с Артемидой, существуют изображения христианских храмов (ил. 5), они показаны трехмерными, с завесами или крестами в порталах³⁸, что соответствует аналогичным мозаичным изображениям архитектуры того же времени, и более ранним росписям на апулейской керамике. Храм, на упомянутом выше двойном изображении Аполлона, также трехмерный и содержит двери, приоткрытые внутрь, так же, как это можно видеть до сих пор в Софии Константинопольской, или на каменных порогах херсонесских порталов³⁹.

Ил. 5. Ф-т пелены с Даниилим. Лен, резервное крашение в кошенили. Египет, предп. Ахмим. V–VI вв. Музей византийского искусства в Берлине, инв. № 9659.

Изображенная архитектура представляет собой высокий постамент с примыкающей четырехступенчатой лестницей, на котором установлены колонны, несущие архитрав и треугольный фронтон с тимпаном. Базы колонн находятся на разных уровнях, что, возможно, сделано ради хотя бы небольшой

³⁸ На створках дверей?

³⁹ Возле отверстий для пятки двери сохранились радиальные протертости.

перспективы⁴⁰ с одной стороны, а с другой, чтобы подчеркнуть их непарность. При этом капители расположены на одной горизонтальной оси и одинаковой высоты, доходят до архитрава и не имеют абак. Артемида с оленем расположена во внутреннем пространстве архитектуры, от колонн ее отделяют две вертикальные черты, а под ногами нарисованы две полосы с каплевидными фигурами над ними⁴¹.

Представляется важным понять, изображены ли четыре колонны, как четыре опоры крыши — киворий, или мы видим две пары колонн, являющиеся только двумя точками опоры (что предполагает основную стену за колоннами), и тогда это наиск или эдикула.

Ветви над кровлей Ф. Баретт трактует как акротерии, но «не имеющие ничего общего с реальной архитектурой» (Varatte, 1985: 41). Каменные акротерии обычно изображаются более схематично и соответствуют размерам кровли. В данном случае они больше напоминают живое растение. Если принять во внимание разницу в стилистике изображений, то можно вспомнить фрагмент рельефа алтаря II в. с Аполлоном, находящегося на вилле Альбани в Риме⁴², где дерево проходит под антаблементом и раскидывает свои ветви над ним. Но буквальным аналогом растений над крышей без их стволов внизу является изображение верхушек деревьев над киворием на мозаике «Охота на журавля» (ил. 6), художнику, видимо, не хотелось нарушать монолитность колонн, и он просто опустил стволы.

Хотя мозаики и роспись сосудов изобилуют композициями с фигурами в кивориях и наисках, наиболее близкими по иконографии к центральному образу оказались изображения на крышках от так называемых бронзовых пеналов для медицинских принадлежностей⁴³. Один из них был найден в «Доме

---

⁴⁰ Ф. Барат (Varatte, 1985: 41) обращает внимание также на декор колонн: «разница декора колонн соответствует освященным и находящимся в тени здания».

⁴¹ Эти линии не имеют трактовки. О них упоминает только Ф. Барат без каких-либо предположений.

⁴² Ф-т алтаря II в., вилла Альбани в Риме. LIMC II, 2. С. 324, № 333.

⁴³ Таких пеналов достаточно много в музеях, их датируют I в. до н. э. — III в. н. э. Они имеют схожую конструкцию внутри из нескольких коробочек с индивидуальными крышечками, плоской крышкой закры-

хирурга» в г. Римини⁴⁴ (ил. 7). На нем Артемида изображена с оленем, но бегущим. Иконография статуи тоже близка к типу Дианы Версальской, как и на пелене. Киворий стоит на высоком постаменте, и нет алтаря. Не понятно, что обозначают линии справа и слева с S-образным орнаментом на постаменте. Можно ли их воспринять, как фланкирующие детали ступенек? Если допустить, что это ступени, их число совпадает с количеством на пелене.

Ил. 6. Ф-т мозаики «Охота на журавля» из пригорода Карфагена Саламбо, IV–VI вв. Национальный музей Бардо в Тунисе, инв. № 75.

Ил. 7. Прорисовка крышки бронзового пенала для инструментов из дома Хирурга в Римини. Не позднее III в. Кадры из любительских видеосъемок, выложенных в свободный доступ. Инв. № неизвестен.

вался уже весь пенал. Есть крышки без декора, есть с вытравкой, как на двух представленных примерах.

⁴⁴ Крышка бронзовой коробочки для инструментов из дома Хирурга в Римини. Не позднее III в. (дата предполагаемого разрушения дома). Кадры из любительских видеосъемок, выложенных в свободный доступ. Инв. № неизвестен.

Вторая крышка с Артемидой и Аполлоном из собрания М. Б. Атаянца (ил. 8)⁴⁵, относится также к римскому времени. Статуи стоят на обособленном от колонн постаменте, к нему ведут ступеньки, имеющие такое же графическое решение, как на пелене — по две тонких линии между широкими нетравленными. Колонны спускаются до самого основания (оно общее для лестницы и баз колон). Изображения на обеих крышках отличаются от пелены акротериями в виде орлов, которых нет на ней.

Ил. 8. Аполлон и Артемида. Крышка бронзового пенала. Римский период. Из коллекции М. Б. Атаянца.

Ил. 9. Один из тетрапилонов тетраклиона в Пальмире, II–III вв. Фото М. Б. Атаянца.

---

⁴⁵ Благодарю Максима Борисовича Атаянца за возможность ознакомиться и отснять этот памятник.

Если собрать все эти детали пелены, можно предположить, что перед нами или открытый киворий, или образ храма, в который ведут ступени. В любом случае это не постройка в форме надгробного наиска или малого домашнего алтаря, которые во множестве были как в домах, так и в общественных местах, но не предполагали доступа внутрь. Наличие ступеней говорит о возможности подъема. При сравнении этого крупного и подробно разработанного изображения с маленькими мартириями, упомянутыми выше, можно отметить двухмерный характер архитектуры и отсутствие дверей или завес на ней.

Как иллюстрацию архитектурного сооружения можно привести один из тетрапилонов тетракиниона в Пальмире⁴⁶, который сохранил дополнительный постамент для статуи и почти целую фигуру на нем (ил. 9). Это один из наглядных примеров статуи, стоящей в полностью открытом кивории. От сени, изображенной на пелене, его отличает, в первую очередь, отсутствие ступеней.

Дополнительно хотелось бы обратить внимание на компоновку фигуры Артемиды в поле, сформированном киворием. Хотя общее направление фигуры слева направо, голова обращена как бы вбок. Она не сопровождает основное движение. Это можно предположить опорой на какой-то конкретный скульптурный прототип. Но помимо этого такой разворот помогает уравновесить движение и богиня все же остается внутри ограниченного пространства. Этому способствует расположение головы ровно по центру, а корпуса, смещенного в левую часть, тогда как перенос фигуры в правую часть дал бы ощущение действительно выхода за пределы или опасения столкновения с колонной. Вертикаль лука с одной стороны заполняет пространство над оленем, с другой дает еще одну подсказку о том, что это статуя, которая лишь изображена в движении, т. е. лук, как и олень, не вторит Артемиде. Такие небольшие детали позволяют очень взвешенно поместить фигуру в ограниченном пространстве так, чтобы она не была стеснена архитектурой и не выпадала из общего архитектурного контекста. Как кажется, такая взвешенная компоновка также указывает на то, что киворий — это и есть место пребывания для нее.

---

⁴⁶ Благодарю М. Б. Атаянца за совет обратиться внимание на этот памятник и предоставленные им фотографии.

Литература

- The Allan Pirson's Museum, official page. URL: <https://uvaerfgoed.nl/beeldbank/en>.
- Alroth B. 1992: Changing Modes in the Representation of Cult Images// *The iconography of Greek cult in the archaic and classical period*. Liège. P. 9–46. URL: <https://books.openedition.org/pulg/185>.
- Ball J. L. 2019: Rich Interiors: The Remnant of a Hanging from Late Antique Egypt in the Collection of Dumbarton Oaks. In: *Catalogue of the Textiles in the Dumbarton Oaks Byzantine Collection*, ed. Gudrun Bühl and Elizabeth Dospěl Williams, Washington, DC. URL: <https://www.doaks.org/resources/textiles/essays/ball>.
- Baratte F. 1985: Héros et chasseurs: la tenture d'Artémis de la Fondation Abegg à Riggisberg// *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. 67. P. 31–76.
- Musée national du Bardo (Tunisie) List of exhibits. Wikipédia en Français. URL: <https://fr-academic.com/dic.nsf/frwiki/1205428/143062>.
- Beissel S. J. S. 1899: Ausschmückung der altchristlichen Basiliken mit Webereien und Stickereien. In: *Altchristliche Kunst und Liturgie in Italien*. Wien. 260–283 p.
- Belova G. A. 2012: [Some features of the funeral rite at the Deir el-Banat necropolis in the Greco-Roman period]. In: *Aeternitas. The collection of articles of Greco-Roman and Christian Egypt*. Moscow. P. 7–37. Белова Г. А. 2012: Некоторые особенности погребального обряда на некрополе Дейр эль-Банат в греко-римский период. В сб.: *Aeternitas. Сборник статей по греко-римскому и христианскому Египту*. М., 2012. С. 7–37.
- Bock V. G. 1890: [About Coptic art. Coptic patterned textile]. In: *Proceedings of the VIII Archaeological Congress in Moscow*. Moscow, Vol. III. P. 218–245. II. XVI–XXII. Бок В. Г. О коптском искусстве. Коптские узорчатые ткани. В сб.: *Труды VIII археологического съезда в Москве 1890 г.* М. Т. III. С. 218–245. Табл. XVI–XXII.
- The British Museum, official page. URL: <https://www.britishmuseum.org/>.
- Colburn K. 2019: Loops, Tabs, and Reinforced Edges: Evidence for Textiles as Architectural Elements. In: *Catalogue of the Textiles in the Dumbarton Oaks Byzantine Collection*. Ed. Gudrun Bühl and Elizabeth Dospěl Williams Washington, DC. URL: <https://www.doaks.org/resources/textiles/essays/colburn>.
- Epiphanius of Salamis. Letter LI. From Epiphanius, Bishop of Salamis, in Cyprus, to John, Bishop of Jerusalem. Freemantle M.A. (transl). In: *Nicene and Post-Nicene Fathers*. Ser. II, Vol. VI. New York, 1892. P. 83–89.
- Eraslan Sehnaz 2014: Haleplibahçe Amazon Kraliçeleri Mozaigi: Antioch, Sefhhoris, Ouled Agla ve Apamea'nın Mozaikleriyle İkonografik İlişkisi. In: *The Journal of International Social Research*. Cilt: 7

- Say: 34, Volume: 7, Issue: 34. P. 461, il. 5. URL: <https://www.sosyalarastirmalar.com/articles/amazon-queens-mosaic-of-haleplibahce-iconographic-relations-with-mosaics-of-antioch-sephhoris-ouled-agla-and-apamea.pdf>.
- Friedmann A.M. 2012: [Funeral services of professional guilds and socio-religious associations in Roman Egypt]. In: *Aeternitas. The collection of articles of Greco-Roman and Christian Egypt*. Moscow, 149–170. Фридманн А. М. 2012: Погребальные услуги профессиональных гильдий и социально-религиозных ассоциаций в римском Египте. В сб.: *Aeternitas. Сборник статей по греко-римскому и христианскому Египту*. М., 149–170.
- The Louvre, official page. URL: <https://www.louvre.fr/en>.
- Flury-Lemberg M. 1988: Artemis hangihg. In: *Textile conservation and research*. Bern: Abegg-Stiftung, 358–363.
- Kendrick, A. F. 1922: Dyed linen fabrics. In: *Catalogue of Textiles From Burying-Grounds in Egypt*. Vol. III. Coptic period. London, 60–68.
- Lurie, I. M. 1940: [About the burial of the poor in ancient Egypt]. In: *Proceedings of the Department of History of Culture and Art of the East Art of The State Hermitage Museum*. Leningrad, 93-99.
- Лурье И. М. 1940: О погребении бедняков в древнем Египте. В сб.: *Труды Отдела истории культуры и искусства Востока* Г. Э. Т. 3. Л., 93–99.
- Matveyeva, J. 2016. *Decorative Fabrics in the Mosaics of Ravenna*. Kiev-Kharkov.
- Матвеева, Ю. Г. 2016: *Декоративные ткани в мозаиках Равенны: семантика и культурно-смысловой контекст*. Киев-Харьков: Дух і Літера. 494с.
- De Rossi G. B.1871: La basilica profana di Giunio Basso sull' Esquilino. In : *Bullettino di Archeologia Cristiana*. Roma, Serie II, Anno II. P. 54–63.
- Schrenk S. 2004: *Textilien des Mittelmeerraumes aus spätantiker bis frühislamischer Zeit*. Abegg-Stiftung. 520 p.
- Stephenos J. W. 2014: Veiling the Late Roman House. In: *Textile History*, 45 (I). P. 3–31.
- Strzygowski J. 1901: *Orient oder Rom: Beitrag zur Geschichte der spätantiken und frühchristlichen Kunst*. Leipzig. P. 90–112.
- Voitenko A. A. 2012: [Coptic funeral ritual according to written sources]. In: *Aeternitas. The collection of articles of Greco-Roman and Christian Egypt*. Moscow. P. 38–70.
- Войтенко А. А. 2012: Коптский погребальный ритуал по письменным источникам. В сб.: *Aeternitas. Сборник статей по греко-римскому и христианскому Египту*. М., 2012. С. 38–70.
- goskatalog.ru — Сайт Госкаталога музейного фонда РФ: URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/>.

Приложение

Перечень тканей с фигуративными изображениями в технике резервного крашения II–VII вв. из Египта с доступными иллюстрациями. Порядок данных: название, датировка (если имеется радиоуглеродный анализ, добавлен значок ¹⁴C), место обнаружения, размер в см, место хранения (если известно) / инв. № (если известен). Материал не указывается, т. к. все ткани льняные, окрашены индиго, кроме пелен с пророком Даниилом и апостолом Петром, окрашенных кармином.

1. Ф-т с орнаментом из виноградной лозы, 14С 130–340 гг., Антиноя, 43×31, Лувр, Франция/ Е 28266, Guimet 197, MG 5266.
2. Ф-т с женской фигурой, 14С 250–300 — 310–430 гг., Египет, 30,5×28, Лувр, Франция / Е 32671.
3. Ф-т с бегущими животными, 300–400 гг., Антиноя, 90×130, Королевский музей искусства и истории в Брюсселе, Бельгия / АСО.Тх. 2499.
4. Ф-т с сюжетами: ?, дарование Закона Моисею, исцеление кровоточивой жены и воскрешение Лазаря, IV в., Ахмим, 31×34, Музей Виктории и Альберта, Великобритания / 722–1897.
5. Ф-т с Рождеством Христовым, IV в., Ахмим ?, Антиноя ?, 47×92,5, Музей Виктории и Альберта, Великобритания / 1103–1900.
6. Ф-ты пелены «Причащение апостолов» (5 шт.), IV в., Египет, Музей Виктории и Альберта, Великобритания / Т. 58–1914, Т. 58А–1914, Т. 58В–1914, Т. 58С–1914, Т. 58D–1914.
7. Ф-т с деревьями и охотой, IV–V вв., Египет, 82×104, Эрмитаж, Россия / ДВ–11658.
8. Ф-ты пелены со сценами охоты и растительным орнаментом (возможно ф-т пелены с Артемидой из Аббег-Штифтунг), ¹⁴C 320–430 гг., Египет, 178×71, Лувр, Франция / AF 12749.
9. Пелена из Антинои, Дионисийская, 340–540 гг., Антиноя, 126×347, Лувр, Франция/ Е 11102, AF 6172, X 4884.
10. Пелена с Артемидой, IV–VI вв., Гермополис ?, 194×600, Фонд-музей Аббег-Штифтунг, Швейцария / 1379.
11. Ф-т с Афродитой, IV–VI вв., Египет, 59×55, Фонд-музей Аббег-Штифтунг, Швейцария/ 819.
12. Ф-т с младенцем Дионисом, IV–VI вв., Египет, 192×68, Фонд-музей Аббег-Штифтунг. Швейцария/ 4869.
13. Ф-т с фигурой с нимбом, V в., Египет, 19×40, Музей Метрополитен, США / 26.93.
14. Ф-т с предательством Иуды (?), V–VI вв., Ахмим, 46×32, Музей Виктории и Альберта, Великобритания / 721–1897.
15. Пелена с Даниилом, V–VI вв., Ахмим ?, 160×197,5, Берлинский музей византийского искусства, Германия / 9659.

16. Пелена с ап. Петром, 441–594 гг., Ахмим ?, 122×182, Берлинский музей византийского искусства, Берлин / 9658.
17. Фрагмент с сюжетом Благовещения, VI в., Ахмим, 55×68, Музей Виктории и Альберта, Великобритания / 723–1897.
18. Ф-т с библейскими сюжетами, 500–550 гг., Египет, 99,7×104,8, Кливлендский музей, США / 1951.400.
19. Пелена с Этимасией и др. сюжетами, 500–600 гг., Ахмим, ?, Национальный музей Шотландии / А.1897.231.
20. Ф-т с ногами стоящей фигуры и орнаментом (состоит из двух частей), VI–VII вв., Ахмим, 26,8×17,2; 11×20, Национальный германский музей в Нюрнберге / Gew 1091.
21. Ф-т с Моисеем, VIв., Египет, ?, Берлин, коллекция др. Ренхардта на момент 1901 г.
22. Ф-т с тремя фигурами (исцеление больного водянойкой?), VIв., Египет, 71×54, Лейпциг, музей Грасси, коллекция др.Ренхардта на момент 1901 г.

СПИСОК АВТОРОВ первой части тома

- Александров Борис Евгеньевич**, канд. ист. н., доцент кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва. boris_alexandrov@icloud.com
- Алексеева Алина Алексеевна**, аспирант кафедры классической филологии МГУ им. Ломоносова / преподаватель кафедры классической филологии МГЛУ. a.alexiana@yandex.ru
- Анашкин Антон Владимирович**, зам. декана богословского факультета по научной работе ПСТГУ, кафедра древних языков и древнехристианской письменности Богословского факультета ПСТГУ. miles-an@rambler.ru
- Антоненц Екатерина Владимировна**, д. филол. н., доцент кафедры классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова; evantonetz@yandex.ru
- Балаховская Александра Сергеевна**, д. филол. н., вед. науч. сотр., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия, a.balakhovskaya@gmail.com
- Беликов Алексей Евгеньевич**, канд. филол. н., доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, эксперт Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) ФПМИ Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт». belikov.smu@gmail.com
- Бехтер Анастасия Петровна**, канд. ист. н., СПб ИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. anabekhter@gmail.com
- Битнер Кирилл Андреевич**, канд. ист. н., ст. науч. сотр., Отдел сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований, Институт лингвистических исследований РАН. kirvonbuettner@gmail.com,
- Богданов Иван Валерьевич**, канд. ист. н., вед. науч. сотр. Отдела Древнего Востока ИВР РАН. jwan.bgd@yandex.ru
- Богданова Ольга Алексеевна**, НИУ ВШЭ, Москва, Россия. otheodoridi@yandex.ru otheodoridi@yandex.ru
- Брагинская Нина Владимировна**, д. ист. н., гл. науч. сотр. Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, профессор кафедры классической филологии Института восточных культур и античности РГГУ. 1satissuperque@gmail.com.
- Братухин Александр Юрьевич**, д. филол. н., проф. Кафедры мировой литературы и культуры ПГНИУ, Bratucheo@yandex.ru
- Братухина Людмила Викторовна**, к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры, Пермский государственный национальный исследовательский университет Loli28@yandex.ru

- Васильев Андрей Владимирович**, к. ист. н., доц. кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ, ст. преп. ЦСиГН Университета ИТМО, учитель истории 610-й классической гимназии Петроградского района. a.v.vasilyev@spbu.ru.
- Васильева Ирина Эдуардовна**, к. филол. наук, доц. Кафедры истории русской литературы СПбГУ. i.vasileva@spbu.ru
- Ведешкин Михаил Александрович**, к. ист. н., ст. науч. сотр. ИВИ РАН, доцент ИОН РАНХиГС. Balatar@mail.ru
- Верлинский Александр Леонардович** — д. филол. наук, вед. н. сотр. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. verlinsky@mail.ru
- Власова Елизавета Алексеевна**, к. филол. н., библиотекарь Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, доцент СПбИК, kealis@gmail.com
- Волошина Алла Владимировна**, преподаватель МГЛУ, Shine-Alla@yandex.ru
- Волошина Оксана Анатольевна**, к. филол. н., доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Университет МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, Китай. oханав2005@mail.ru
- Гарсия Чапарро Хайме** (García Chaparro Jaime), студент Университета Альфонсо Х эль Сабио (Universidad Alfonso X El Sabio), Италия. jgchaparro@outlook.com
- Гимадеев Ильяс Рустэмович**, к. филол. н., доц. филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, МГУ имени М. В. Ломоносова / МАСКИ, МФТИ, Физтех eliasgimad@mail.ru
- Глаголева Анастасия Сергеевна**, мл. науч. сотр. Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; ertynna@mail.ru
- Голикова Мария Сергеевна**, к. филос. н., доц. Кафедры классической филологии, Московский государственный лингвистический университет. golikoff@list.ru
- Головнина Наталья Геннадьевна**, ст. преп. ПСТГУ, Кафедра древних языков и древнехристианской письменности. n_golovnnina@list.ru
- Гринцер Николай Павлович**, д. филол. н., чл.-корр. РАН. РАНХиГС / ИМЛИ РАН, Москва, Россия, grintser@mail.ru
- Давыдов Тихон Георгиевич**, к. филол. н., ст. преп. Кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; науч. сотр. лаборатории МАСКИ, МФТИ, Физтех; davydovtg@my.msu.ru
- Джункова Катарина**, к. филол. н, аспирант, Философский факультет Карлова университета, Прага, Чехия. katarina.dzunkova@seznam.cz
- Дзицойты Юрий Альбертович**, к. филол. н., Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Южная Осетия / с. н. с Центра скифо-аланских исследований ВНЦ РАН, dzicc@mail.ru
- Домосилецкая Марина Валентиновна**, к. филол. н., с. н. с., Институт лингвистических исследований РАН, marinaling@mail.ru

- Егорова Софья Кондратьевна**, к. филол. н., доцент, СПбГУ, Филологический факультет. s.egorova@spbu.ru
- Емельянов Владимир Владимирович**, д. филос. наук, проф. кафедры семитологии и гебраистики СПбГУ. banshur69@gmail.com
- Ермолаева Елена Леонидовна**, к. филол. н., доц., СПбГУ, elena.ermolaeva304@gmail.com
- Желтов Александр Юрьевич**, д. филол. н., профессор кафедры африканистики СПбГУ, a.zheltoy@spbu.ru.
- Желтова Елена Владимировна**, д. филол. н., проф. кафедры классической филологии СПбГУ, e.zheltova@spbu.ru.
- Жугра Альвина Венедиктовна**, к. филол. н., ведущий науч. сотр. Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия. ajugra@rambler.ru
- Забудская Яна Леонидовна**, к. филол. наук, доц. кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; доц. филологического факультета Совместного университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, КНР. yanazabud@mail.ru
- Заика Наталья Михайловна**, к. филол. наук, в. н. с., Институт лингвистических исследований РАН; доц. СПбГУ. zaika.nat@gmail.com
- Золян Сурен Тигранович**, д. филол. наук, проф. Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия / Российско-Армянский университет, Ереван, Армения surenzolyan@gmail.com
- Ибрагимов Ильядар Ильбекович**, Институт лингвистических исследований РАН / СПбГУ, ibragimov.lectures@yandex.ru
- Иванов Валерий Алексеевич**, аспирант кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. v.v.a.ivanoff@yandex.ru
- Ильина Юлия Ивановна**, с. н. с., Государственный Эрмитаж, СПб., Россия. iouliaiilyana@gmail.com
- Илюшечкина Екатерина Викторовна**, к. ист. н., PhD phil. (Groningen), доцент кафедры Классической филологии ИВКА РГГУ, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета ИОН РАНХиГС ilyushechkinae@gmail.com
- Казанская Мария Николаевна**, к. филол. н., с. н. с., Институт лингвистических исследований РАН; доцент СПбГУ. subura@mail.ru
- Казанскене Ванда Пятровна**, к. филол. н., доцент СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. v.kazanskene@spbu.ru
- Казанский Николай Николаевич**, академик РАН, научный руководитель ИЛИ РАН. nkazansky@iling.spb.ru
- Каргальцев Алексей Витальевич**, к. ист. н., старший преподаватель кафедры Истории религии и теологии, РГПУ им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук, akargaltsev@herzen.spb.ru

- Карлова Ксения Федоровна**, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры древнего Востока ФГБУН «Институт востоковедения РАН». e-mail: kseniadom87@mail.ru
- Кастрицио Даниель** / Castrizio Daniele, Ph. D., Professor of Numismatics, the University of Messina, Messina, Italy. dcastrizio@unime.it
- Касьян Алексей Сергеевич**, д. филол. н., ИОН РАНХиГС / Институт славяноведения РАН, a.kassian@gmail.com, +79262144688
- Кириллова Мария Николаевна**, к. ист. н., н. с. отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, доц. кафедры истории МГТУ им. Н. Э. Баумана; mnkirillowa@bmstu.ru
- Кисилиер Максим Львович**, канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания им. Л. А. Вербицкой СПбГУ, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru
- Комлев Алексей Евгеньевич**, врач высшей категории, кардиолог отдела сердечно-сосудистой хирургии ФГБУ «НМИЦК им. ак. Е.И. Чазова» МЗ РФ, Москва, Россия. pentatonia@bk.ru
- Кормилина Анна Андреевна**, ст. преп. кафедры классической филологии СПбГУ, a.kormilina@spbu.ru
- Корсо Антонио** / Corso Antonio, Dr. Prof., University of Cyprus. antoniocorso@hotmail.com
- Котова Анастасия Викторовна**, к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета ветеринарной медицины anastakot@gmail.com ,
- Кошевская Анна Юрьевна**, к. филол. н., ст. преп. кафедры классической филологии ИИЯ им. Мориса Тореза МГЛУ. castrensiana@mail.ru
- Круглова Капитолина Владимировна**, аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова. kapitolina93@gmail.com
- Куликов Леонид Игоревич**, к. филол. н., Гентский университет (Бельгия) / НИУ ВШЭ (Москва); kulikovli@googlemail.com
- Курилина Элла Владимировна**, заведующий патологоанатомическим отделением ФГБУ «НМИЦК им. ак. Е. И. Чазова» МЗ РФ, Москва, Россия. ellakurilina@yandex.ru
- Курилова Анна Дмитриевна**, к. филол. н., доц. Института лингвистики и межкультурной коммуникации I-го МГМУ им. И. М. Сеченова, e-mail: akurilova@mail.ru,
- Курьшева Марина Александровна**, к. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия. kurysheva@yandex.ru
- Ларионов Александр Вячеславович**, канд. богословия, доцент кафедры богословия Московской духовной академии; illariosha@gmail.com
- Ларионова Наталья Богдановна**, канд. культурологии, доц. кафедры классической филологии МГЛУ; старший преподаватель Института лингвистики и межкультурной коммуникации I-го МГМУ им. И. М. Сеченова;

- Лебедев Андрей Валентинович**, к. филол. н., ведущий науч. сотр. Сектора истории Западной философии Института философии РАН / Почетный профессор (ομότιμος καθηγητής = emeritus) кафедры философии Критского университета; anlebedev@gmail.com
- Ленчиненко Марина Владиславовна**, заведующая сектором личных коллекций Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова. lenchmar@rambler.ru
- Ли Лин**, аспирантка кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. lily-lit@mail.ru
- Линько Алла Васильевна**, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. lira1792@mail.ru
- Лоскина Мария Алексеевна**, СПбГУ, Филологический факультет (кафедра классической филологии), st069702@student.spbu.ru deinalteramille@gmail.com
- Любжин Алексей Игоревич**, д. филол. н., эксперт Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт». vultur@mail.ru
- Лютикова Екатерина Анатольевна**, МГУ им. М. В. Ломоносова / Институт языкознания РАН. Москва, Россия. lyutikova2008@gmail.com
- Новаковски Марцель** (Nowakowski Marcel), студент Ягеллонского университета (Uniwersytet Jagielloński), Краков, Польша. marcel.nowakowski@student.uj.edu.pl
- Сайкина Наталья Владимировна**, к. филол. н., независимый исследователь, novemberberg@yandex.ru,
- Сафронов Александр Владимирович**, к. филол. н., ст. науч. сотр. Отдела истории и культуры древнего Востока ФГБУН «Институт востоковедения РАН», доцент «МИРЭА–Российский технологический университет». safronov1477@yandex.ru
- Сидельцев Андрей Владимирович**, д. филол. н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия. acidelcev@gmail.com
- Фалилеев Александр Игоревич**, д. филол. наук., Институт лингвистических исследований РАН.
- Шмайна-Великанова Анна Ильинична**, доктор культурологии, проф. Центра изучения религий РГГУ. anna.shmaina@gmail.com